

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Th. u. 477 ^ε (1871)

<36634977980016

<36634977980016

Bayer. Staatsbibliothek

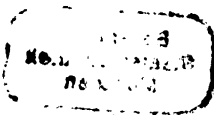
1110

Th. u. 477c - 1871, 1/2

ВУХОРНЯЯ ВЕСТЬ

НА 1871 ГОДЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

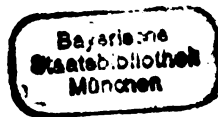
К. и. 477^к / 1871, 112

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 1-го января 1871 года.

Цензоръ *Архимандритъ Ефремъ.*

РЕДАКТОРЪ ПРОТОИЕРЕЙ **И. ЯХОНТОВЪ.**

1871, 1

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

142⁶ J 191/50101

МЫСЛИ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Приде Исусъ въ Назаретъ,
идѣже бѣ воспитанъ. Лук. 8, 16.

Вопроса о воспитаніи часто касается св. Іоаннъ Златоустъ,—два письма посвящаетъ ему блаж. Іеронимъ,—касается его Григорій Богословъ, Григорій Двоесловъ, Василій Великій, блаж. Августинъ и другіе. При своемъ свѣтломъ умѣ и высокомъ образованіи, при своей пламенной любви къ христіанскому обществу, на служеніе которому были поставлены,—какъ мудрые учителя и заботливые пастыри, св. Отцы не могли оставить безъ вниманія великое дѣло воспитанія и не выяснять обществу различныхъ вопросовъ, касающихся этого дѣла. Думаемъ, что мысли св. Отцевъ и великихъ учителей могутъ быть весьма назидательны и для современныхъ православныхъ читателей.

«Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ», говоритъ св. Златоустъ (1). «И это потому, подтверждаетъ мысль Златоуста св. Дмитрій Ростовскій (2) что юнаго отрока можно уподобить доскѣ, приготовленной для изображенія картины: что живописецъ изобразить—доброе или худое, святое или грѣшное, ангела или бѣса, то и останется на ней. Такъ и дитя: какое родители дадутъ ему первоначальное воспитаніе, къ какимъ нравамъ—богоугоднымъ или богоненавистнымъ, къ ангельскимъ или бѣсовскимъ приучать его, съ такими оно и будетъ жить. Бѣлое полотно не измѣняетъ того цвѣта краски, въ какую было омочено сначала; сосудъ не теряетъ своего запаха, дурнаго или хорошаго, которымъ онъ прежде напитался: таково и воспитаніе дѣтей». По самой гибкости ума своего, говоритъ св. Златоустъ (3), дѣти способны болѣе, нежели взрослые, принимать и сохранять впечатлѣнія. Какъ мягкій воскъ легко принимаетъ черты, на немъ напечатлѣваемыя; такъ и они принимаютъ впечатлѣнія, безъ большихъ усилій. Въ этомъ-то возрастѣ вкореняются на всю жизнь наклонности порочныя или добродѣтельныя. «И трудно, по словамъ бл. Іеронима (4) изгладить эти впечатлѣнія, какія врѣзались еще въ неопытную душу. Новый сосудъ долго будетъ отзываться тѣмъ, чѣмъ его сначала наполнили. Капля воды на гладкой поверхности, говоритъ Іеронимъ въ другомъ письмѣ (5), идетъ туда, куда поведешь ее пальцемъ: такъ и юное, нѣжное дитя можно направить и въ ту и въ другую сторону и увлечь, куда угодно. Поэтому-то, говоритъ св. Василій Великій, пока душа еще способна къ образованію, нѣжна и, подобно воску, уступчива, удобно напечатлѣваетъ въ себѣ налагаемые образы; надобно немедленно и съ самаго начала возбудить ее ко всякимъ упражненіямъ въ добрѣ, чтобы когда раскроется разумъ и придетъ въ дѣйствіе рассудокъ, начать теченіе съ положен-

(1) Бес. 21 на посл. къ Ефес.

(2) Лѣт. ч. 1, стр. 218.

(3) Бес. 2 на Іоанн.

(4) Пис. къ Лггѣ.

(5) Пис. къ Гавденцію.

ныхъ первоначально оснований (1). Ваши дѣти всегда будутъ и богаты, говорить Златоустъ, если получать отъ васъ доброе воспитаніе, способное облагородить ихъ нравы и благоустроить ихъ поведеніе (2). Худое воспитаніе можетъ доставить обществу людей надменныхъ, необузданныхъ, безнравственныхъ, привывшихъ погрязать въ тинѣ порока (3). Невнимательности родителей къ дѣлу воспитанія нужно приписать всѣ безпорядки, отъ которыхъ стонетъ общество» (4).

Очевидно, все это—несомнѣнныя истины, повторяемыя и до сихъ поръ на различныя лады. Если бы мы вздумали отложить воспитаніе нашихъ дѣтей до зрѣлаго возраста,—предоставили бы ихъ въ дѣтствѣ и въ молодости самимъ себѣ, дали бы полный просторъ разгулу ихъ молодыхъ силъ и потому уже взрослыхъ вздумали бы учить; то, конечно, съ тяжелымъ вздохомъ и съ укоромъ самимъ себѣ, вспомнили бы правду русской пословицы: «куй желѣзо, пока горячо».

Вполнѣ понимая необходимость воспитанія, св. Отцы вмѣняютъ родителямъ въ непремѣнную обязанность—заботу о воспитаніи дѣтей. «Не одно рожденіе, говоритъ св. Златоустъ (5), дѣлаетъ отцомъ, но хорошее образованіе; и не пошеніе во чревѣ дѣлаетъ матерью, но доброе воспитаніе». (Не жѣшало бы объ этомъ подумать у насъ многимъ, именующимъ себя отцами и матерями)! «Богъ поставилъ васъ главами и учителями всего вашего семейства, вашъ долгъ непрестанно наблюдать за поведеніемъ дѣтей» (6). Первосвященникъ Ілія говоритъ Іеронимъ (7) прогнѣвалъ Бога преступленіемъ дѣтей своихъ. Коль скоро поведеніе дѣтей вмѣняется родителямъ даже тогда, когда они бываютъ уже возрастными и пользуются свободою, то не гораздо ли болѣе оно вмѣняется имъ когда дѣти находятся въ младенческомъ, нѣжномъ возрастѣ

(1) Въ Русск. перев. т. V, стр. 134.

(2) Бес. 3 прот. худ. монаш. жизни.

(3) Бес. 21 на посл. къ Ефес.

(4) Бес. 3 пр. худ. мон. ж.

(5) Бес. 1 объ Аннѣ.

(6) Бес. 3 прот. худ. мон. ж.

(7) Пис. къ Леть.

и, по слову Господню, не могут еще распознать «десницы своя, ниже шуйцы своя!»

Въ чемъ же, по мнѣнію св. Отцевъ, состоитъ воспитаніе? Къ какой цѣли, къ какому идеалу нужно вести человѣка путемъ воспитанія? На какія стороны человѣческаго существа, человѣческой жизни и дѣятельности нужно обращать вниманіе, въ соотвѣтствіе цѣли, которой долженъ достигнуть, и идеалу, который долженъ осуществить человѣкъ? Къ какимъ средствамъ должно прибѣгать для того, чтобы поставить человѣка на надлежащій путь жизни и удержать его на этомъ пути, предотвративъ всякія отклоненія въ сторону?

Не богатство и славу, не почести, не выгодную карьеру нужно имѣть въ виду при воспитаніи дѣтей,—благоустроить не одну настоящую жизнь и не на вѣншнюю сторону чело-
вѣка главнымъ образомъ нужно обращать вниманіе, по мнѣнію св. Отцевъ. «Каждый отецъ, сѣтуетъ св. Златоустъ (1), убѣждая сына учиться краснорѣчію, говорить ему: «посмотри: этотъ человѣкъ произошелъ изъ низкаго состоянія, но краснорѣчіе возвело его на первыя должности; онъ собралъ несмѣтныя богатства; вступилъ въ выгодное супружество; нажилъ прекрасный домъ; всѣ почитаютъ его; всѣ ему кланяются». Другой отецъ, располагая сына къ изученію языковъ, говоритъ ему: «посмотри на этого человѣка; онъ изучилъ языки и вотъ блистаетъ при дворѣ, занимаетъ тамъ высочія должности». Вотъ образцы, которые предлагаютъ дѣтямъ! Всегда обращаютъ вниманіе на суетную славу. Вы хотите подчинить дѣтей двумъ жестокииъ тираннамъ: страсти къ богатству и страсти къ суетной славѣ. Довольно и одной изъ нихъ, чтобы развратить юность; но вмѣстѣ обѣ онѣ образуютъ два бурныхъ потока, наполненныхъ пескомъ и тиною. Они поглощаютъ душу и уничтожаютъ въ ней всѣ сѣмена добрыхъ качествъ. Мы печемся не о дѣтяхъ, укоряетъ Златоустъ (2) свое общество, а о наслѣдствѣ для нихъ, подобно чело-
вѣку, который видя, что домъ его обветшалъ и стѣны готовы разрушиться,

---

(1) Бес. 2 пр. хул. мон. ж.

(2) Бес. 59 на Мате.

вмѣсто того, чтобы поддержать ихъ, обносить вокругъ его большую ограду, или который, вовсе не заботясь объ исцѣленіи своего больнаго тѣла, готовить для него дорогія одежды». «Напоминайте дѣтямъ чаще о св. крещеніи, внушаетъ св. Тихонъ Воронежскій (1), и о данныхъ ими тогда обѣтахъ. Чаще внушайте имъ, что мы всѣ раждаемся и возраждаемся въ крещеніи не для временной жизни, не для приобрѣтенія чести, славы и богатства, но для жизни вѣчной».

Да, бесѣдуетъ св. Златоустъ (2), не будемъ обращать вниманія на эту земную, внѣшнюю жизнь и внѣшнюю сторону человѣка. Съ перваго возраста введемъ дѣтей въ жизнь небесную, духовную, потому что жизнь мірская требуетъ только траты, а пользы не приноситъ никакой. Воспитывайте дѣтей *въ наказаніи и ученіи Господни*. Помышляйте о спасеніи души своихъ дѣтей. Священная обязанность, которой родители въ отношеніи къ дѣтямъ не могутъ преступить, не сдѣлавшись виновными въ нѣкоторомъ *родѣ дѣтубійства*, состоитъ въ образованіи сердца дѣтей въ добродѣтели и благочестіи». (3) «Ты любишь своихъ дѣтей, говорить блаж. Августинъ (4),— любишь только тогда, когда заставляешь ихъ любить Иисуса Христа, который далъ тебѣ ихъ и опять потребуетъ ихъ отъ тебя; ты любишь ихъ только тогда, когда смотришь на нихъ очами Авраама и, подобно ему, всегда готовъ принести ихъ Богу въ жертву всеожженія. Заботьтесь преимущественно о нравственности воспитываемыхъ дѣтей, совѣтуетъ и св. Григорій Двоесловъ (5).

Такъ, быть истиннымъ христіаниномъ, учили св. Отцы, жить для жизни будущей, въ Богѣ и для Бога, образовать душу въ благочестіи, наставить сердце на путь добродѣтели, напитать умъ христіанскою мудростію—вотъ къ чему долженъ стремиться человѣкъ во всю жизнь,—къ чему должны направлять его руководители! Идеаль человѣка-христіанина — вотъ

---

(1) Наст. род. стр. 188.

(2) Бес. 3 объ Аннѣ.

(3) Бес. 3 пр. худ. мон. ж.

(4) О врем. варв. гл. 3.

(5) Кн. 7, кн. 26.

тотъ идеаль, къ которому, по мнѣнію св. Отцевъ, долженъ стремиться каждый!

Св. Отцы не могли не видѣть, что воспитаніе, въ основу котораго положено воспитаніе христіанское, религіозно-нравственное — единственно дѣльное воспитаніе, — что только это воспитаніе служить залогомъ спокойствія и счастья человѣка во всѣхъ его состояніяхъ и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ жизни. Для корабля, который находится въ открытомъ морѣ, говоритъ св. Златоустъ (1) нуженъ кормчій опытнѣйшій, нежели для корабля, который у пристани. Ты назначаешь сына своего къ какой-нибудь блистательной гражданской службѣ, напр. къ двору царскому; тамъ, при самомъ вступленіи своемъ, онъ увидитъ себя въ кругу людей, которые жертвуютъ всѣмъ мірской славѣ, принимаютъ пустую надменность за величіе, — которые уже развратны или готовы развратиться. Противъ столькихъ подводныхъ камней обезопась его напередъ тѣми пособіями, какія можно найти въ училищѣ истинной мудрости. Онѣ помогутъ ему управлять самимъ собою и даже обращать другихъ къ долгу. Воспитывая сына въ страхѣ Господнемъ, ты приучишь его противостоять всему и ничѣмъ не увлекаться, — ты возстановишь въ душѣ его величественный образъ Божій, дѣлая его, подобно Творцу, кроткимъ, терпѣливымъ, милосерднымъ, благотворительнымъ и высшимъ всего земнаго. Благоразумная и благородная молодая дѣвушка, говоритъ тотъ же Златоустъ (2), ревнующая притомъ о благочестіи, въ монахъ глазахъ стѣбитъ цѣлой вселенной.

Благоразумнѣйшіе педагоги и до сихъ поръ признаютъ, что религіозно нравственное воспитаніе должно быть основою воспитанія, — что воспитатели-натуралисты, обращающіе преимущественное, иногда исключительное, вниманіе на то, что касается нисшей, чувственной природы человѣка, что годится для жизни и дѣятельности земной, настоящей, — обременяющіе молодые головы познаніями историческими, географическими, математическими, астрономическими и опускающіе изъ виду

---

(1) Бес. 21 на посл. къ Ефес.

(2) Бес. 20 на то же посл.

просвѣщеніе чловѣка свѣтомъ истины Евангельской, раскрытіе въ немъ духа и силы любви христіанской,—эти воспитатели строятъ великолѣпное зданіе—только на пескѣ. При такомъ воспитаніи, простись съ теплою вѣрою, великодушнѣмъ, безорыстіемъ. Жизнь не замедлитъ предстать предъ чловѣкомъ съ своею темною стороною и нигдѣ не найдетъ оныя отрады и утѣшенія, запутается и потеряется въ этомъ житейскомъ лабиринтѣ.

Послѣдуемъ за св. Отцами въ частномъ раскрытіи идеи воспитанія.

«Родители, по словамъ Златоуста (1) должны овладѣть первыми впечатлѣніями дѣтей, наложить узду, когда они еще не имѣли силы разорвать ее, подклонить эту юную душу подъ иго закона, приучить ее къ нему, образовать ее по оному, обвязать рану, когда она только что заражалась, исторгнуть терніе, когда оно начинало только являться около сего нѣжнаго растѣнія, а не ожидать, пока оно пуститъ глубокіе корни, пока страсти, усилясь постепеннымъ развитіемъ, сдѣлаются необузданными и не укротимыми.—Садовникъ, привязываетъ молодое вновь посаженное дерево къ тычинкѣ, вѣриво утверждаетъ въ землѣ, чтобы вѣтеръ не рвалъ дерева, и отсѣкаетъ лишніе побѣги, чтобы они не повредили и не иссушили могодаго растѣнія. Поступайте и вы также съ вашими дѣтьми, отсѣкайте возникающія въ нихъ страсти, чтобы онѣ не укрѣпились и не умертвили внутренняго новаго чловѣка, рожденнаго въ св. крещеніи. Оградимъ дѣтей со всѣхъ сторонъ совѣтами, увѣщаніями, страхомъ, угрозами, совѣтуетъ тотъ же Златоустъ (2). Будемъ каждый день смотрѣть за дѣтьми и, употребляя слово, какъ бичъ, станемъ всѣ страсти изгонять изъ души ихъ. Иногда родители какъ бы боятся огорчить дѣтей, обуздывая строгимъ словомъ ихъ порочныя наклонности. Что же выходитъ? Безпорядки увеличиваются; безнаказанность доводитъ до преступленій; несчастные поддаются подъ судъ и умираютъ на мѣстѣ казни. Не исправляя дѣтей

(1) Бес. 3 пр. хул. мон. ж.

(2) Бес. 2 объ Анні.

своихъ, вы дѣлаетесь ихъ сообщниками. Вы боитесь унижить ихъ легкимъ наказаніемъ; но какое ужасное несчастіе падаетъ на васъ, когда сына вашего подвергнуть казни и вы отъ стыда нигдѣ не посмѣете показаться? (1)

Напечатлѣйте въ своей памяти, родители юной дочери, говорить блаж. Иеронимъ (2), что вы несравненно лучше можете научить ее примѣромъ, нежели словами. Ни въ матери, ни въ отцѣ своемъ дочь не должна видѣть ничего такого, чтобы могла перенять ко вреду своей невинности. Какъ можешь ты образумить беспорядочнаго и развратнаго юношу, говорить и св. Златоустъ (3), когда самъ поступаешь легкомысленно? Какъ можешь привести въ порядокъ сына, небрегающаго о своихъ обязанностяхъ, когда самъ ты въ глубокой старости ведешь себя такъ неблагопристойно?

(Окончаніе впереди).

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ.

Родиться, жить и умереть—вотъ общая исторія человѣка, по всѣмъ странамъ свѣта и во всѣхъ концахъ міра.

Что значитъ рожденіе человѣка? Рожденіе человѣка значитъ происхожденіе его отъ родителей. Какъ явились на свѣтъ родители, родившіе человѣка? Отъ прародителей, непосредственно самимъ Богомъ созданныхъ. Если все это справедливо, то рожденіе человѣка походитъ на страженіе живой силы Всемогущества на отливъ живой мысли отъ ума Безпредѣльнаго, на отблескъ живой искры, или живаго луча отъ источнаго и неприступнаго Огня и Свѣта. Если такое описаніе человѣческаго рожденія не исполнѣ понятно для ра-

(1) Бес. 3 о томъ же.

(2) Пис. къ Летѣ.

(3) Бес. 4 объ Ангѣ.

зума, то это неудивительно. Умъ человѣческой отъ вѣка вопрошалъ: какъ человѣкъ отъ человѣка зачинается и рождается? И не смотря на вѣковыя свои испытанія и изслѣдованія, наблюденія и соображенія, нисколько не подвинулъ такого вопроса къ рѣшенію.

Чтобы понять теченіе жизни по рожденіи человѣка на свѣтъ, слѣдуетъ припомнить, какъ въ это время, для его жизни и безопасности, все предусмотрѣнно и приготовлено Творцемъ. Еще прежде, нежели человѣкъ родился, уже готово было, для питанія его, молоко въ грудяхъ его матери. Еще прежде, нежели молоко матери сдѣлалось недостаточно къ питанію возрастающаго младенца, выросли въ челюстяхъ его зубы, для размельченія и раздробленія пищи, болѣе твердой и, къ дальнѣйшему его возрастанію, болѣе сообразной. Еще прежде, нежели возникла потребность выбора пищи, изъ неисчислимаго множества веществъ, самой питательной, и для тѣлосложенія его самой необходимой, въ немъ явился инстинктъ, безошибочно руководствующій его въ такомъ дѣлѣ. Какая мать могла бы располагать совокупно и органическими и мировыми силами, ко благу своего младенца, какъ располагаетъ Промыслъ, ко благу всего младенчества? Послѣ сего, не остается ничего для ума человѣческаго, какъ только смиренно благоговѣть предъ Промысломъ: какъ онъ ведетъ своихъ избранныхъ, cadaго своимъ путемъ, вселѣтельною силою Своею управляя силами природы,—и ведетъ прямо къ уготованной ему цѣли. Послѣ сего, не остается ничего для сердца человѣческаго, какъ только жалѣть о тѣхъ неповорныхъ людяхъ, кои отвергнувъ вѣру въ Промыслъ Божій, хотятъ блуждать въ цутахъ жизни, подъ влияніемъ своихъ наклонностей и своихъ желаній. Судите: виновна ли мать, когда младенецъ, отвращаясь отъ ея груди, сталъ бы питаться, вопреки даже своему инстинкту, ядовитыми веществами?

Въ смерти человѣка не менѣе тайнъ Премудрости и Промысла, чѣмъ въ жизни его и рожденіи; хотя на всѣ такія тайны мы привыкли смотрѣть безпечно и равнодушно. Не смотрите на человѣка умирающаго, какъ на храмину, которая безвозвратно гибнетъ и разрушается; не смотрите на

него, какъ на метеоръ, который вспыхиваетъ, при разрывѣнн своихъ началъ, и потомъ навсегда угасаетъ; не смотрите на него какъ на звукъ, рождающійся въ воздухѣ и сразу же исчезающій по умолчаніи звучащаго тѣла. Такой взглядъ на столь высокое явленіе, какъ смерть человѣка, былъ бы уничижителенъ, какъ для Творца человѣка; такъ и для творенія, созданнаго по образу Создателя. Вызвать человека изъ ничтожества, рожденіемъ; для того только, чтобы смертію обратить въ то же ничтожество — было бы не совѣстно съ мудростію, которая напечатлѣна въ природѣ человека, особенно же въ душѣ его. И безпредѣльная мудрость, явная въ твореніи человѣка, и превосходство человека надъ цѣлымъ міромъ, и надъ всѣми тварями,—все ведетъ насъ къ одной непреложной мысли, что умирающій рождается, непостижимымъ для насъ рожденіемъ, къ высшей жизни; что, переходя въ могильную тьму, онъ вступаетъ въ океанъ непреступнаго свѣта, вступаетъ въ общеніе съ высшими духовными силами, въ такой сферѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ измѣненій, предъ престоломъ высочайшей любви и вѣчнаго блаженства. Вѣчно Творецъ — вѣчно должно быть твореніе по образу Его. Всѣ наши разсужденія о Промыслѣ, въ рожденіи, въ жизни и смерти человека, ни болѣе ни менѣ, какъ младенческій лепетъ, равно какъ и представленія наши о челоѣчествѣ, въ общей міровой его жизни, ни болѣе ни менѣ, какъ то же младенческое нѣмотствованіе.

Вотъ въ это мгновеніе одинъ младенецъ рождается; другой — родился мгновеніемъ послѣ него; третій мгновеніемъ послѣ втораго и т. д., до продѣловъ младенчества перваго, новорожденнаго; что новое во времени мгновеніе, то новое въ мірѣ рожденіе; что новое рожденіе, то разность родившагося отъ всѣхъ, кои родились прежде его, и отъ всѣхъ, кои родятся послѣ него, по причинѣ разности во времени рожденія. Каждая совокупность въ мірѣ новыхъ рождений въ мірѣ, въ данное мгновеніе, есть новое въ челоѣчествѣ потомство. Следовательно, сколько есть новыхъ во времени мгновеній, столько же въ челоѣчествѣ разныхъ потомствъ и поколѣній; но въ тѣ же мгновенія, въ кои производились упомянутыя рожденія,—въ тѣ же мгновенія совершалась въ прежде ро-

дившихся лицахъ живая передвижка въ послѣдующіе возрасты изъ предъидущихъ.

Вотъ одинъ младенецъ настоящимъ мгновеніемъ перешелъ изъ младенчества въ отрочество; другой перешелъ однимъ мгновеніемъ послѣ него; третій — мгновеніемъ еще послѣ, и т. д. Что новое во времени мгновеніе, — то новый переходъ изъ младенчества въ отрочество; тутъ каждому изъ перешедшихъ готовы новыя силы, новый образъ жизни, новое поприще дѣятельности. Очевидно, что такія по возрастамъ разности должны высказаться разностію потомствъ и поколѣній; хотя бы совершенно одинаковы были ихъ рожденія.

Вотъ одинъ отрокъ — въ настоящее мгновеніе перешелъ въ юношество, другой — перешелъ мгновеніемъ послѣ него, третій — мгновеніемъ еще послѣ и т. д. до предѣловъ юношества перваго отрока. Что новое мгновеніе во времени, то новый переходъ въ юношество. Юноша уже не то, что отрокъ: юноша есть цвѣтокъ, который распустился во всей свойственной ему красотѣ: онъ получилъ уже много новыхъ жизненныхъ силъ и много такихъ о жизни понятій, коихъ не имѣлъ въ предъидущихъ возрастахъ; онъ испыталъ уже много и жизненныхъ перемѣнъ; могло быть болѣзненно его младенчество, но безболѣзненно отрочество; или наоборотъ; могло быть болѣзненно и младенчество и отрочество, но возможно и безболѣзненное юношество. Такимъ образомъ, сколько есть разныхъ мгновеній въ юношествѣ, столько же должно быть разныхъ потомствъ и поколѣній въ человѣчествѣ; хотя бы одинаковы были всѣ прочія событія жизни, какъ-то: рожденіе, младенчество и отрочество.

Вотъ одинъ юноша настоящимъ мгновеніемъ перешелъ въ возрастъ мужества; другой однимъ мгновеніемъ перешелъ послѣ него; третій — мгновеніемъ еще послѣ, и т. д., до предѣловъ мужества перваго юноши. Не касаемся исторіи жизни, которая становится горькою одному и сладкою другому, отъ законности или незаконности въ собственныхъ его наклонностяхъ и движеніяхъ; здѣсь можно замѣтить только то, что сколько есть разныхъ мгновеній въ теченіи мужества, столько же должно быть разныхъ потомствъ и поколѣній въ

человѣчествѣ, отъ разности жизни въ этомъ возрастѣ, хотя бы одинаковы были всѣ предъидущіе возрасты. Здѣсь высказывается ясное и опредѣленное особый жизненный фактъ, хотя онъ замѣтенъ былъ нѣсколько и въ предъидущихъ возрастахъ,—фактъ, состоящій въ томъ, что чѣмъ безболѣзненнѣе проведены предшествовавшіе мужеству возрасты, тѣмъ благоденственнѣе продолженіе его и теченіе; чѣмъ благоразумнѣе было употребленіе силъ юноши, тѣмъ счастливѣе и долгоденственнѣе его мужество. Въ мужествѣ предстоитъ человѣку новая задача жизни—оставить по себѣ потомство. Съ пресѣченіемъ чадородія, человѣкъ переходитъ въ старость, въ теченіе которой силы его также постепенно утекаютъ, какъ постепенно прежде притекали; съ истеченіемъ послѣдней капли силъ и живнъ угасаетъ.

Общее теченіе жизни человѣческой можно уподобить восхожденію и нисхожденію человѣка по лѣствицѣ. Одно поколѣніе вступаетъ на нижнюю ступень—рожденіемъ, другое, по возрастамъ, какъ по ступенямъ, поднимается къ верху; третье стоитъ вверху, но, выполнивъ свое призваніе, состарѣвается и умираетъ; поколѣніе, стоявшее ступеню ниже его, займетъ его мѣсто и такъ же умретъ по выполненіи своего призванія. Океанъ челоѣчества всегда полонъ и неизмѣримъ; въ немъ бывають своего рода бури, и своего рода тишина; рожденіе и смерть составляютъ въ немъ какъ будто подводныя теченія, на поверхности его вовсе незамѣтныя (1).

---

(1) Англійскіе статистики, на основаніи приблизительныхъ соображеній, догадываются, что въ цѣломъ мірѣ, каждое мгновеніе, или каждую секунду, рождается около осьми младенцевъ; и въ то же время, около шести лицъ, разныхъ возрастовъ, умираетъ. Пусть общій счетъ, единицею или нѣсколькими единицами—болѣе или менѣе, пусть родившихся, единицею будетъ болѣе надъ умершими или менѣе: огромность челоѣческаго семейства, въ которомъ каждыя сутки не изчетно множество людей переходить изъ одного возраста въ другой; или отъ жизни къ смерти, при всѣхъ предположеніяхъ, понятна. Не такъ однакожъ понятна величина мгновенія. Ежели, по наблюденіямъ естествоиспытателей, въ природѣ есть мириады животныхъ, пользующихся жизнію одно только мгновеніе, въ теченіи котораго, каждое изъ нихъ рождается, проходитъ всѣ возрасты существованія, и оставивъ міру потомство, умираетъ; то самую долгоден-

То же мгновение, которое даетъ рожденіе или жизнь одному человѣку, или одному поколѣнію, переводить другаго человѣка, другое поколѣніе изъ младенчества въ отрочество, или изъ отрочества въ юношество, изъ юношества въ мужество; а иные въ то же мгновение переходятъ изъ мужества въ старость, изъ старости въ смерть—т. е. то же мгновение, которое даетъ поколѣніямъ начало и жизнь, служитъ имъ, одному за другимъ, и предметомъ жизни. Въ жизни все смежно и современно, хотя все особно и своеобразно. Тутъ въ общемъ движеніи все измѣрено и исчислено, и само собою все уравнивается, если бы и выпли какія нибудь крайности. Такъ текла жизнь отъ начала міра до нашихъ временъ; и также потечетъ, отъ нашихъ временъ, до послѣднихъ минутъ бытія міра.

Дивно зачатіе человѣка; еще болѣе дивно дальнѣйшее образованіе зачатого въ утробѣ матери: изъ незримыхъ стихійныхъ началъ, въ короткое время чревоношенія, онъ образуется, для самостоятельной жизни въ мірѣ. Какъ образовалась въ составѣ его эта кость? какъ сама собою образовалась и привилась къ этой живой кости живая мышца, чтобы имѣть въ ней опору своей силы и дѣйствовать ею, какъ своимъ орудіемъ; какъ образовалась въ составѣ его эта дивная и сложная система костей, съ такою же дивною системою мышцъ, способныхъ къ такимъ движеніямъ, коихъ никакое человѣческое слово описать и никакая человѣческая вѣсть изобразить не можетъ? Вотъ животъ, который каждое мгновение готовить будетъ для всѣхъ тканей его тѣла равное и неизмѣримо мудрое питаніе; вотъ кровеносные сосуды, коими каждое мгновение потечетъ до самыхъ послѣднихъ и незримыхъ точекъ его тѣла, впередъ и назадъ, вмѣстѣ съ кровію, жизнь и смерть, — жизнь подъ образомъ пищи, оживотворенной въ груди началами изъ воздуха, при вдыханіи; смерть—подъ образомъ продуктовъ, отжившихъ и умершихъ въ тѣлѣ,

---

ственную жизнь Маусала, надлежало бы считать однимъ мгновеніемъ, если бы нашелся въ мірѣ старецъ, равный лѣтами солнцу. Жизнь въ одно мгновение также необходима въ составѣ міра, какъ жизнь въ нѣсколько столѣтій.

для изверженія ихъ изъ организма, при выдыханіи. Вотъ сердце, какъ общій двигатель жизни въ цѣломъ организмѣ. Вотъ мозгъ—органъ мысли: здѣсь будутъ предусматриваться всѣ опасности жизни, для устраненія ихъ; здѣсь же будутъ производиться всѣ планы, и для каждаго плана свои смѣты житейскихъ предпріятій, для обезпеченія существованія на все теченіе жизни! И все это въ маломъ зародышѣ. Такъ, дивно по всѣмъ отношеніямъ образованіе младенца во чревѣ матери: но не дивно ли то, что онъ самъ собою выдвигаться будетъ изъ утробы ея; когда получить полное образованіе, для самостоятельнаго существованія? Переходъ человѣка изъ одного возраста въ другой не менѣе дивенъ по преобразованіямъ въ томъ же составѣ его, но не возбуждаетъ нашего вниманія только отъ нашей неспособности къ пониманію подобныхъ тайнъ. Смотря на слабого младенца, не вѣрится, чтобы вышло когда-нибудь изъ него такое красивое и величавое твореніе, какъ юноша или зрѣлый мужъ; смотря на юношу, не вѣрится, чтобы это было то самое существо, которое весь первый годъ жизни проводило въ слезахъ, снѣ и болѣзняхъ.

Можно бы подумать, что такъ образуется и устроится человѣкъ, для цѣлой вѣчности; но есть въ жизни его предѣлъ, за черту котораго не продолжается его образованіе. Въ жизни есть всему свой опредѣленный часъ: и на созиданіе и на разрушеніе; хотя часы одного человѣка не всегда одинаково идутъ съ часами другаго, но все, что во времени создается—временемъ и разрушается. Вступленіе человѣка въ мужество есть предѣлъ его внѣшняго образованія. Средина мужества есть точка его равновѣсія, и вмѣстѣ начало его упадка въ силахъ жизни. Рожденіе человѣка служитъ началомъ его существованія, но не даетъ предвѣстія о теченіи его жизни; жизнь есть продолженіе его существованія, но не даетъ предвѣстія о смерти; тутъ многое уже зависитъ отъ умѣнья жить; надобно учиться жить, чтобы жить благоденственно и счастливо; надобно учиться жить и для того, чтобы умереть спокойно и благодушно.

(Продолженіе впереди).

ЗАКХЕЙ МЫТАРЬ.

(Лука 19, 1—10).

Однажды Господь нашъ Иисусъ Христосъ проходилъ чрезъ иудейскій городъ Иерихонъ. Едва разнеслась молва, что Онъ приближается къ Иерихону, какъ весь городъ устремился встрѣчать Его; всѣ желали хотя взглянуть на великаго Чудотворца. Между прочимъ, жилъ тогда въ Иерихонѣ одинъ богатый человѣкъ, начальникъ надъ сборщиками податей, Закхей по имени. Ему также хотѣлось видѣть Господа; но какъ онъ былъ не великъ ростомъ, а Иисуса Христа сопровождала огромная толпа народа, то онъ никакъ не могъ удовлетворить своему желанію. Наконецъ, онъ забѣжалъ впередъ и взлѣзъ на дерево, стоявшее при дорогѣ, по которой надлежало проходить Господу. Когда Господь подошелъ къ дереву, Онъ устремилъ взоръ Свой на начальника мытарей и воззвалъ: «Закхей! слѣзь скорѣе; сегодня надобно Мнѣ быть у тебя въ

домъ». Закхей тотчасъ же слѣзъ и съ неизъяснимою радостію повелъ къ себѣ Небеснаго Гостя. Видя это, народъ сталъ роптать на Иисуса Христа, зачѣмъ Онъ пошелъ къ грѣшнику,—потому что мытарей въ тѣ времена считали грѣшниками; но Закхей, желая показать предъ всѣми, какъ онъ дорожитъ посвѣщеніемъ Господа, сталъ предъ Нимъ и сказалъ: «Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо». На что Господь отвѣтствовалъ: «нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ вызвать и спасти погибшаго».

Такимъ образомъ изъ всѣхъ жителей Іерихона, изъ всѣхъ встрѣчавшихъ и сопровождавшихъ Господа, одинъ только Закхей осчастливленъ былъ Его посвѣщеніемъ. Почему? спрашивается. Развѣ не было въ Іерихонѣ людей достойныхъ такого же счастья? Или: если Господь потому благоволилъ посѣтить Закхея, что желалъ спасти его, то ужели не было въ Іерихонѣ людей, для которыхъ также необходимо было спасеніе?

Господь потому, безъ сомнѣнія, посѣтилъ Закхея, что тотъ больше другихъ выказалъ къ Нему усердія и любви,—потому спасъ Закхея, что тотъ сознавалъ свои грѣхи, чувствовалъ нужду въ спасеніи, что для него возможно было спасеніе, что отчасти онъ и заслуживалъ, чтобъ получить спасеніе, хоть и самъ считалъ себя, и другіе считали его человѣкомъ грѣшнымъ.

Иудеи презирали и ненавидѣли мытарей частію потому, что они собирали подати на ненавистное имъ римское языческое правительство,—частію потому, что, собирая законныя подати, они нерѣдко притѣсняли народъ и въ свою пользу. Могло быть, что и Закхей до своего обращенія не всегда честно исполнялъ возложенныя на него обязанности (ст. 8); за то какъ пламенно онъ возжелалъ видѣть Господа, когда узналъ, что Онъ приближается къ Іерихону, и какъ притомъ велико было его смиреніе! Онъ не только пошелъ вмѣстѣ съ другими встрѣчать Иисуса Христа, но сталъ изыскивать всѣ возможные способы, чтобъ видѣть Его, чтобъ насладиться Его лицезрѣніемъ, и когда его пламенное желаніе не удовлетворялось,

не потерялъ надежды, а шель впередъ. и взлѣзъ наконецъ на дерево при дорогѣ, по которой надлежало проходить Господу, чтобъ хотя отсюда безпрепятственно разсмотрѣть Его. Притомъ онъ и не думалъ, что Господь удостоитъ его Своимъ посѣщеніемъ, потому что считалъ себя недостойнымъ такого счастья. Чтожъ удивительнаго, что Господь самъ прѣрѣлъ на смиреннаго мытаря и пожелалъ спасти его?

Какъ потомъ Закхей принялъ Господа? Мало того, что онъ съ торжествомъ ввелъ его въ своей домъ и радовался, какъ только можно радоваться неожиданно посѣтившему его великому счастью,—онъ выразилъ радость свою самоотверженіемъ на пользу ближнихъ. Богатый человѣкъ,—онъ половину имѣнія своего обѣщалъ отдать нищимъ, а тѣхъ кого обидѣлъ рѣшился вознаградить вчетверо. Не видно ли отсюда, что онъ любилъ Господа, благоговѣлъ предъ Нимъ, что онъ любилъ и ближнихъ своихъ по любви къ Господу, что въ душѣ онъ былъ человѣкъ добрый, что для него возможно было спасеніе?

Каковы были другіе жители Иерихона, встрѣчавшіе и сопровождавшіе Господа—неизвѣстно. По всей вѣроятности, были между ними люди благочестивые, которые, въ послѣдствіи увѣровавъ въ Иисуса Христа, получили спасеніе. Но что это значить, что большинство ихъ роптало на Господа за то, что Онъ вошелъ въ домъ Закхея, котораго они считали грѣшникомъ? Не значить ли, что они много думали о себѣ, что они ждали къ себѣ благоволенія Господа, въ надеждѣ на свою праведность, что они склонны были подмѣчать грѣхи ближнихъ, судить и презирать ихъ? А развѣ для такихъ людей возможно спасеніе?

Господь *хочетъ, чтобъ всѣ люди спаслись* (1 Тим. 2, 4),— для того Онъ и пришелъ въ міръ, для того и страдалъ и умеръ на крестѣ, чтобъ *взыскать и спасти погибшее* (Дук. 19, 70); но спасаются только тѣ, которые сами признаютъ нужду въ спасеніи, которые видятъ свои грѣхи, и, подобно Закхею, смиряютъ себя предъ Господомъ. Иначе: какъ Онъ проститъ грѣхи, когда мы не каемся въ нихъ искренно? Какъ посѣтитъ насъ Своею милостію, когда мы не хотимъ Его милости, когда будучи грѣшниками, много думаемъ о себѣ, о

своихъ заслугахъ, о своихъ добродѣтеляхъ? *Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать* (Іак. 4, 5).

Господь всёмъ хочетъ спасенія,—но спасаются только тѣ, которые сами ищутъ спасенія, и подобно Закхею, стараются препобѣждать всё трудности, какія бы ни предстояли на пути къ нему. Иначе, за что Господь будетъ спасать насъ? Если и простыя житейскія блага не безъ трудовъ нами приобрѣтаются; то справедливо ли даровать намъ вѣчныя блага безъ всякихъ усилій съ нашей стороны? *Просите и даю вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворяютъ* (Мѣ. 7, 18).

Господь всёмъ хочетъ спасенія, но спасаются только тѣ, которые, вѣруя въ Него, смиряясь предъ Нимъ, вѣру свою оправдываютъ отъ дѣлъ, которые сами милостивы къ другимъ людямъ, сами, подобно Закхею, готовы благотворить и благотворяютъ ближнимъ своимъ. Иначе, какъ мы будемъ свидѣтельствовать вѣру свою въ Господа и чѣмъ возблагодаримъ Его за свое спасеніе? *Бога никто никогда не видѣлъ. По сему кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжеецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ* (1 Іоан. 4, 12. 20). *Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва. И блсъ впруютъ и трепещутъ* (Іак. 2, 19, 26).

Какія жъ нравственные уроки преподаетъ намъ евангельское повѣствованіе о Закхеѣ? — Нужно смиряться предъ Господомъ,—и Онъ вознесетъ насъ въ свое время. Нужно искать Его,—и Онъ Самъ воззоветъ насъ, и къ намъ придетъ и обитель сотворитъ въ насъ самихъ (Іоан. 14, 23). Нужно наконецъ стараться спасать другихъ, чѣмъ и какъ кто можетъ, и Господь спасетъ насъ, какъ бы ни близка была къ намъ погибель; потому что Онъ *пришелъ взыскать и спасти погибшее*.

Священникъ **М. Предтеченскій.**

МЫСЛИ СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Пріиде Іисусъ въ Назареть,
идже бѣ воспитанъ. Лук. 3, 16.

(Окончаніе).

«Ни о чемъ столько не нужно печись и заботиться въ юношахъ, говорить Златоустъ (1), какъ о цѣломудріи и чистотѣ, потому что страсть, противная цѣломудрію и чистотѣ, особенно возмущаетъ юношескій возрастъ. Ничто столько не украшаетъ сего возраста, какъ вѣнецъ цѣломудрія, и то, когда юноша вступаетъ въ бракъ чистый отъ всякаго распутства. И любовь бываетъ пламеннѣе, и расположеніе искреннѣе, и дружба надежнѣе, когда юноши вступаютъ въ бракъ изъ подъ такого прісмotra. А что дѣлается нынѣ,—это не бракъ, а просто денежная торговля и корчемничество. (Какъ будто говорится про наше время, а не про времена и нравы за полторы тысячи лѣтъ до насъ!) Если дѣти наши одолжуютъ любострастіе, то нескоро поддадутся и другой страсти: напротивъ, выше будутъ и денегъ, побѣдятъ и пьянство, и всячески постараются избѣгать нетрезвости и порочныхъ обществъ, будутъ и родителямъ любезнѣе, и для всѣхъ людей почтеннѣе» (2). «Часто отцы, сѣтуя въ одной бесѣдѣ Златоустъ, принуждаютъ конюховъ укрощать лошадей съ великимъ тщаніемъ и не позволяютъ молодымъ жеребцамъ оставаться неукрощенными долгое время, но въ самомъ началѣ обуздываютъ ихъ, употребляя на это всѣ средства; а на дѣтей своихъ долгое время смотрятъ равнодушно, хотя они живутъ необузданно, не имѣютъ цѣломудрія, безчестяютъ себя, предаваясь любодѣянію, играмъ и посѣщая безчестныя зрѣлища. Участь дѣтей нашихъ хуже скотовъ (3)».

«Не надобно позволять твоей дочери, пишетъ Іеронимъ (4),

---

(1) Бес. 1 о том.

(2) Бес. 2 о том.

(3) 59 Бес. имъ Матѳ.

(4) Пис. къ Гавд.

ходить въ публичныя собранія. Берегись, по крайней мѣрѣ, говорить Иеронимъ въ другомъ письмѣ, ⁽¹⁾ чтобы безъ тебя нигдѣ не показывалась твоя дочь въ общенародныхъ собраніяхъ. Ни при гробахъ мучениковъ, ни во храмахъ она не должна являться безъ матери, чтобы не встрѣтить двухсмысленной улыбки отъ какого нибудь моднаго щоголя. Присутствуя при богослуженіи, наша дѣвица ни на шагъ не должна отходить отъ своей матери». Будемъ удалять дѣтей, говорить и св. Златоустъ, не только отъ зрѣлищъ, но и отъ слушанія соблазнительныхъ и развратныхъ пѣсенъ, чтобы ими не прельстилась душа ихъ. Не будемъ водить въ театры, на пиры и въ собранія пьянствующихъ; станемъ беречь юношей еще болѣе, чѣмъ дѣвъ, скрываемыхъ во внутреннихъ покояхъ ⁽²⁾.— Намъ извѣстны были двѣ дороги, пишетъ Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ Василию Великому: одна вела къ священнымъ храмамъ и тамошнимъ учителямъ, другая—къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія дороги—на праздники, въ зрѣлища, въ народныя собранія и пиршества мы предоставили желающимъ».

Не увлекаясь общественными собраніями, дѣти, естественно, будутъ соблюдать скромность въ одеждѣ, что и внушаютъ св. Отцы. Не безобразъ бѣлилами или румянами лица твоей дочери, говоритъ бл. Иеронимъ; не отягощай выи ея златомъ и жемчугомъ; не обременяй главы драгоценными камнями; не подерашивай волосъ подъ златовидный цвѣтъ. Теани шоловыя, золотыя парчи не должны занимать твою дочь. Пусть она дѣлаетъ себѣ одежду, но не такую, чтобъ изъ подъ оной могли быть видимы члены тѣла, но которая могла бы защищать ее отъ холода ⁽³⁾. Болѣе всего, говоритъ и Златоустъ, приучайте дочерей своихъ къ презрѣнію суетныхъ нарядовъ ⁽⁴⁾. (О если бы послушались этихъ наставленій и нынѣшнія женщины!)

---

(1) Пис. къ Летѣ.

(2) Бес. 1 объ Анн.

(3) Пис. къ Летѣ.

(4) Бес. 9 на 1 посл. къ Тим.

Наблюдай, совѣтуетъ Іеронимъ, ⁽¹⁾ чтобы твоя дочь слышала отъ другихъ и сама говорила единственно то, что можетъ питать страхъ Божій. Выраженія, оскорбляющія приличіе, должны быть ей непонятны; мірскія пѣсни должны быть ей неизвѣстны.—Она не должна знать ни одного слова, противнаго скромности ⁽²⁾.—Не хорошо, если твоя дочь почасту будетъ перешоптываться съ какой-нибудь изъ служанокъ и за это любить ее болѣе, чѣмъ другихъ. Наблюдай, чтобы неосторожныя ласки женщинъ не приучили твое дитя не договаривать какихъ либо словъ или забавляться золотыми вещами съ пурпуровыми тканями: ибо сколько первое вредитъ языку, столько послѣднее чистотѣ нравовъ. Отъ твоей дочери надобно удалять нескромныхъ дѣвицъ съ ихъ пріятными бесѣдами, очаровывающими слухъ, но уязвляющими душу. Онѣ, конечно, передадутъ ей тѣ гибельныя правила, которымъ сами научились. Удаляй отъ твоей дочери подозрительныхъ молодыхъ людей. Не позволяй дружить съ такими дѣвицами, поведеніе которыхъ сомнительно. ⁽³⁾

О, злое дружество, восклицаетъ блаж. Августинъ ⁽⁴⁾, ты такъ развращаешь сердца молодыхъ людей, что они не для выгоды своей, не для вреда другому, но безъ всякаго намѣренія, изъ одной шутки, дѣлаютъ зло! Бывало только скажутъ: пойдѣмъ съ нами, сдѣлаемъ то или другое,—и я не стыдился никакихъ дурныхъ поступковъ.—Мы вели дружбу и съ товарищами, говорятъ Григорій Богословъ ⁽⁵⁾, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно сойтись не безъ пользы; ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель.

По совѣту св. Отцовъ, нужно быть строго разборчивыми въ выборѣ тѣхъ лицъ, которымъ мы поручаемъ воспитаніе дѣтей или даже только присмотръ за ними. Бесѣды воспитателей, говоритъ Григорій Вел., служатъ для дѣтей молокомъ,

---

⁽¹⁾ Пис. къ Лѣт.

⁽²⁾ Пис. къ Гавд.

⁽³⁾ Пис. къ Лѣт.

⁽⁴⁾ Испов.

⁽⁵⁾ Похв. св. Васил. В.

когда онъ хороши, и напротивъ, ядомъ, когда худы. (1) При выборѣ управителя, укоряетъ Златоустъ (2) современное ему общество, мы беремъ всё нужныя мѣры, а при выборѣ учителя для своихъ дѣтей—никакой.—Избирая гучера, рачительно смотреть, не глупъ ли онъ, не пьянъ ли, не воръ ли. А когда нуженъ руководитель дѣтямъ, принимаютъ—кого попало, нисколько не развѣдывая, нѣтъ ли въ немъ безбожнаго головокруженія, не заразить ли онъ иную душу пьянствомъ, не украдетъ ли у дѣтей обѣты св. крещенія и право на вѣчное блаженство. Они забываютъ, что нѣтъ должности ни болѣе важной, ни болѣе трудной; потому что здѣсь нужно образовать умъ и сердце, обезпечить въ первыхъ лѣтахъ поведеніе всей остальной жизни. Уважаютъ отличнаго живописца и искусства ваятеля; но что значить ихъ искусство въ сравненіи съ тѣмъ, которое имѣеть дѣло не съ холстомъ или камнемъ, а съ нравственностію? (3) Избери учителемъ для твоей дочери, писалъ Іеронимъ къ Летѣ, человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, который съ неукоризненною жизнію соединялъ бы основательное образованіе. Кормилица твоей дочери должна быть трезвой и цѣломудренной жизни и не болтлива. Нянька при ней должна быть женщина скромная. Воспитательница, говоритъ бл. Іеронимъ въ другомъ письмѣ (къ Гавд.), не должна быть празднолюбива и болтлива, но должна быть трезва, степенна, руководѣльна и разговоры ея всегда назидательны для юнаго сердца дѣвицы.—Дѣтей женскаго пола св. Златоустъ совѣтуетъ даже воспитывать самимъ матерямъ. Матери, говоритъ онъ (4), не возлагайте на другихъ воспитанія своихъ дочерей; старайтесь воспитывать ихъ сами; держите ихъ всегда при себѣ, внутри вашего дома. Мать, присовокупимъ къ этому слова нашего іерарха-проповѣдника, долгое время составляетъ для младенца цѣлый міръ: въ ея очахъ онъ видитъ въ первый разъ рай или адъ, Отца небснаго или духовъ злобы. (5)

(1) Кн. 7, пис. 26.

(2) Бес. 30 на Іоан.

(3) Бес. 59 на Мо.

(4) Бес. 2 на 1 п. къ Тим.

(5) Иннокент. бес. на Рожд. Хр.

Таково должно быть, по взгляду св. Отцевъ, нравственное воспитаніе дѣтей. Цѣломудріе, трезвость, честность, скромность — всегда служить и должны служить предметомъ самыхъ искреннихъ желаній, самыхъ усиленныхъ стремленій родителей и воспитателей. Противъ средствъ, предлагаемыхъ св. Отцами для достиженія этихъ стремленій, тоже едва ли можно сказать чтонибудь. Не такъ давно въ нашей литературѣ почти повторялись слова св. Іоанна Златоуста о выборѣ воспитателей. Во всемъ дѣлѣ воспитанія, писали, напр., въ Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ (1), едва ли есть что либо важнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе, при удачномъ выполненіи родителями своей обязанности, какъ-то, о чемъ я теперь намѣренъ говорить, а именно: какъ только дитя начнетъ лепетать, къ нему немедленно надобно приставить скромнаго, степеннаго, умнаго человѣка, который бы поставилъ для себя главною цѣлю правильное развитіе дитяти, удержаніе его отъ всего худаго, а въ особенности отстраненіе отъ него дурнаго общества.

Сообщество, дружба, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ неотразимое вліяніе на человѣка и всегда должны обращать на себя вниманіе родителей и воспитателей. Древнее изреченіе: «покажи мнѣ твоего друга,—и я скажу тебѣ, каковъ ты человѣкъ», обратилось у насъ почти въ пословицу.

Удаленіе дѣтей, особенно женскаго пола, отъ шумнаго общества и разнообразныхъ свѣтскихъ развлеченій, а особенно отъ излишества ихъ, имѣетъ смыслъ и свое основаніе. Закрыться въ вихрѣ свѣтской суеты, забыться въ увлеченіи мірскими удовольствіями и дать полный просторъ разгулу страстей, отупѣть и опустѣть душею въ занятіяхъ одними уборами и нарядами, въ соблюденіи пустыхъ формъ моды и приличія—не мудрено. И смѣшно и грустно смотрѣть, напр. на дѣтей, собранныхъ на такъ называемый, *дѣтскій балъ*, разряженныхъ, любующихся на свой нарядъ, хвастающихъ предъ другими или завидующихъ другимъ, даже кокетничавшихъ. Не значитъ ли это развращать молодое поколеніе съ самаго ранняго дѣтства?

(*) 1858 г. т. 3, отд. 3, стр. 93.

Въ отношеніи къ умственному образованію дѣтей, первая обязанность родителей, по мнѣнію св. Отцевъ, научить дѣтей истинамъ вѣры». Не говорите, пишетъ Златоустъ (1), что въ дѣтствѣ еще не время заниматься вѣрою. Я утверждаю, что такое занятіе не только полезно, но и необходимо для сего возраста. Когда надобно вести дѣтей въ театръ или на зрѣлища, тогда у насъ нѣтъ дѣла, нѣтъ обязанности, которая бы насъ задержала; всѣмъ жертвуемъ этой жалкой приманею. А когда дѣло идетъ о такомъ важномъ и полезномъ занятіи, тогда говорятъ: еще терпитъ время. Какъ не поразить насъ за это гнѣвъ Божій! Для всего прочаго вы находите досужее время; а служеніе Богу кажется слишкомъ тяжкимъ для васъ и слишкомъ обременительнымъ для вашихъ дѣтей. Оставьте заблужденіе, столь предосудительное. Дѣтямъ-то особенно и нужно преподавать первые уроки вѣры».

Для этой цѣли св. Отцы совѣтуютъ занимать дѣтей чтеніемъ и даже изученіемъ священныхъ книгъ. Не говорите, пишетъ Златоустъ (2), что чтеніе священныхъ книгъ хорошо только для монастыря. Я не отсылаю васъ туда и не хочу сдѣлать дѣтей вашихъ пустынниками. Твоему сыну опредѣлено жить въ мірѣ; въ священныхъ книгахъ онъ найдетъ правила для этой жизни, особенно если будетъ читать ихъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ.—Пусть дѣвственныя уста твоей дочери, совѣтуетъ Иеронимъ (3), освящаются сладкими звуками Псалмовъ. Божественныя книги должны привлекать твою дочь; Евангеліе не должно выходить изъ ея рукъ. Пусть твоя дочь каждый день, въ видѣ урока, изустно прочитываетъ предъ тобою избранные тексты изъ Библии и такимъ образомъ подноситъ тебѣ какъ бы нѣкую связку цвѣтовъ, собранныхъ на полѣ священнаго Писанія.—Когда твоя дочь вступитъ въ седьмой годъ своего возраста, говоритъ бл. Иеронимъ въ другомъ письмѣ (къ Гавд.), тогда пусть учитъ на память Псалтырь и, до вступленія въ совершеннолѣтіе, обогащаетъ свой

---

(1) Бес. 2 на Іоанн.;

(2) Бес. 21 на п. къ Ефес.;

(3) пис. къ Летѣ.

умъ чтеніемъ книгъ Соломоновыхъ, Евангелія, Апостоловъ, Пророковъ.

Съ тою же цѣлію родители должны чаще водить дѣтей въ храмъ Божій и послѣ спрашивать у нихъ отчета въ томъ, что они тамъ слышали. Когда твоя дочь начнетъ подростать, говорить бл. Иеронимъ (къ Летѣ), тогда пусть она идетъ съ своими родителями въ храмъ истиннаго Отца. Мы требуемъ у дѣтей отчета въ томъ, что они выучили въ училищахъ, присовокупимъ къ этому слова Златоуста (1). Почему же не требовать отъ нихъ отчета въ томъ, что они слышали въ домѣ Господнемъ?

Св. Отцы, впрочемъ, не поставляютъ исключительнымъ предметомъ обученія — истины вѣры. Я не говорю, пишетъ св. Златоустъ (2); что нужно отклонять дѣтей своихъ отъ всякаго другаго ученія, кромѣ ученія вѣры. — Весьма полезно, пишетъ Иеронимъ къ Летѣ, изучать твоей дочери греческихъ поэтовъ и латинскую словесность. Блаж. Августинъ (3), совѣтуетъ обучаться астрономіи, математикѣ, физикѣ, чтобы въ прекрасной гармоніи, царствующей въ мірѣ, созерцать славу Творца и Вседержителя.

Послеиу инымъ искусствамъ надобно обучаться съ самаго дѣтства, говоритъ св. Василиій Великій (4), то, какъ скоро нѣкоторыя изъ дѣтей окажутся способными къ обученію, не запрещаемъ имъ проводить дни съ наставниками въ искусствѣ. — У аѳинянъ былъ древній, а по моему сужденію, пишетъ Григорій Богословъ (пис. 135), и прекрасный законъ: дѣтей, какъ скоро они достигали юношескихъ лѣтъ, отдавать въ обученіе искусствамъ; дѣлать же это такимъ образомъ: открыто раскладывать орудія каждаго искусства и подводить къ нимъ молодыхъ людей; на какое орудіе съ пріятностію кто взглянетъ и подбѣжить къ нему, того орудія искусству и обучать его; потому что всего чаще бываетъ успѣхъ въ томъ, что намъ по природѣ.

---

(1) Дух. бес. 1858 г. на стр. 275:

(2) бес. 2 на Іоанн.;

(3) на разн. м. св. пис.:

(4) т. 5, стр. 135.

Безъ сомнѣнія, въ сочиненіяхъ св. Отцевъ и Учителей Церкви найдется и еще довольно достойныхъ вниманія мыслей о воспитаніи. Предлагаемъ вниманію читателей то, что мы могли собрать и привести въ систему. Въ вопросахъ педагогическихъ часто опираются на авторитеты прославленныхъ нѣмецкихъ и другихъ иностранныхъ педагоговъ. Отъ чего бы намъ, православнымъ, не поучиться иногда у нашихъ великихъ учителей и святителей Церкви?

Священникъ **Евграфъ Мегорскій.**

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ.

(Продолженіе).

Не намъ судить о существѣ человѣка; о томъ, какъ отъ первосозданной четы развился съ тѣми же качествами и свойствами, родъ человѣчскій, по всѣмъ странамъ свѣта и по всѣмъ концамъ міра; а потому не намъ судить и о началахъ жизни или смерти, т. е. о соединеніи души съ тѣломъ при рожденіи; или о разлученіи души отъ тѣла при смерти; не намъ разграничивать: гдѣ оканчивается въ составѣ его духъ—и гдѣ начинается его тѣло, или на оборотъ, не намъ объяснять: какъ или въ какое время соединяются въ немъ душа и тѣло, два начала, болѣе между собою несходственныя и несоотвѣтственныя, нежели вода и огонь; и какъ долго можетъ продолжаться взаимное ихъ одного начала на другое вліяніе; или взаимная ихъ гармонія.

Вмѣсто того, чтобы бесполезно и бесплодно стараться—постичь непостижимое, выразить то, что никакимъ языкомъ высказано быть не можетъ, было бы лучше и назидательнѣе изучать русскую жизнь и русскую смертность; и изучать не

въ пустыхъ догадкахъ и предположеніяхъ, но по самымъ вѣрнымъ фактамъ и показаніямъ. Можетъ быть, такимъ изученіемъ мы и на Русской землѣ получили бы свѣтъ, котораго нельзя получить съ запада, столь несправедливо нами обожаемаго: можетъ быть, такимъ изученіемъ мы нашли бы объясненіе многимъ жизненнымъ явленіямъ, кои до сихъ поръ для насъ недовѣдомы. Можетъ быть, и на Русской землѣ мы нашли бы такіе опыты жизни, кои должны составить достояніе науки о человѣкѣ; но они остаются въ забвеніи единственно потому, что мы еще не навыкли отдѣлять отъ грязи чистое золото; можетъ быть, въ русской жизни мы нашли бы много причинъ русской болѣзненности и смертности: а съ представленіемъ ихъ свѣту въ приличной ясности, открылась бы возможность дѣлать жизнь благоденственнѣе и долгоденственнѣе. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что, зная русскую жизнь и русскую смерть, мы справедливѣе могли бы судить о жизни и смерти другихъ въ мірѣ народовъ. Справедливо ли изучать русскую жизнь по обломкамъ исторіи грековъ и римлянъ, языки коихъ мы понимаемъ не вполне ясно и точно? Справедливо ли приступать къ врачеванію русскихъ недуговъ только по знакомству съ ранами народовъ, за нѣсколько тысячелѣтій до насъ существовавшихъ? Зачѣмъ изучать настоящее въ прошедшемъ, когда нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о будущемъ?

Теперь позволительно уже и расширить нѣсколько объемъ затронутыхъ нами положеній и вопросовъ: на сколько русская жизнь зависитъ отъ русскаго климата, или отъ мѣстныхъ явленій атмосферическихъ; на сколько она зависитъ отъ русскаго хозяйства или отъ насъ самихъ; и на сколько жизнь каждаго лица зависитъ отъ общественнаго устройства? Такъ ли течетъ жизнь русская, какъ положено течъ ей въ организмѣ русскаго? Такъ ли течетъ жизнь и смерть въ потомкахъ, какъ текла она въ предкахъ, назадъ тому двадцать лѣтъ, пятидесять или сто лѣтъ? Ежели течетъ лучше и удобнѣе, то отъ какихъ именно причинъ и нельзя ли такія причины поддерживать, усилить или расширить, чтобы возвысить благоденствіе? Ежели жизнь у потомковъ течетъ хуже, нежели у предковъ, напр. болѣзненнѣе или кратковременнѣе, то отъ какихъ

именно причинъ и нельзя ли пресѣчь вліянія ихъ на жизнь? Такъ ли течетъ русская смертность, въ одинъ годъ, какъ въ другой; такъ ли течетъ смертность по возрастамъ въ одномъ, какъ въ другомъ; такъ ли течетъ во младенчествѣ, какъ въ отрочествѣ; въ отрочествѣ, какъ въ юности; въ юности, какъ въ мужествѣ; въ мужествѣ—какъ въ старости? Всякой ли моментъ рожденія, по временамъ и мѣсяцамъ года, предвѣщаетъ новорожденному одну и ту же безопасность по воспитанію; и ежели отъ момента зачатія развиваются причины младенческой смертности, то можно ли пресѣчь такіе горькіе опыты, перенесеніемъ зачатія на времена болѣе счастливыя, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ перенеслось на такія же времена и самое рожденіе? Всякій ли мѣсяць перваго младенческаго года даетъ младенцу одну и ту же безопасность? И ежели не всякій, то какъ поправить дѣло? Такъ ли течетъ жизнь и смерть въ брачномъ состояніи, какъ въ безбрачномъ; такъ ли въ мужскомъ полѣ, какъ въ женскомъ; такъ ли течетъ въ классѣ образованномъ, какъ въ классѣ необразованномъ? Такъ ли идетъ смертность по мѣстностямъ въ одной, какъ во всѣхъ прочихъ; такъ ли идетъ въ мѣстностяхъ гористыхъ, какъ въ низменныхъ; такъ ли въ долинистыхъ, какъ въ болотистыхъ, какъ въ прибрежныхъ (приморскихъ, при обширныхъ озерахъ, или рѣчныхъ бассейнахъ); такъ ли идетъ смертность по городамъ, какъ по деревнямъ и селамъ; такъ ли идетъ на сѣверѣ отечества, какъ на югѣ его; и такъ ли на западѣ, какъ на востокѣ? Такъ ли идетъ смертность подъ вліяніемъ одной промышленности, напр. земледѣлія, какъ подъ вліяніемъ другихъ родовъ жизни, напр. подъ условіями ремесленности, торговли, или смѣшаннаго образа жизни? Увеличивается ли или уменьшается съ года на годъ смертность на то же число народонаселенія, или стоитъ неподвижно? Такъ ли идетъ смертность, подъ вліяніемъ доброй нравственности и добрыхъ правилъ, какъ подъ вліяніемъ вредныхъ привычекъ о бычаевъ,—подъ вліяніемъ суевѣрія, разврата и безнравственности? Такъ ли идетъ смертность у русскихъ, какъ у инородцевъ, напр. у кореловъ, чухонъ или другихъ иноплеменниковъ; такъ ли идетъ у православныхъ, какъ у раскольниковъ разныхъ толковъ? Такъ ли идетъ при рядовой жизни, какъ

при перемѣнѣ пищи, въ посты и мѣсоестія; при перемѣнахъ одежды, лѣтней на зимнюю, либо наоборотъ? Какая связь смертности съ движеніемъ теллурической теплоты и стужи, или бурь и вѣтровъ? Какая связь смертности, съ небесными аспектами, напр. при ущербахъ луны, при новолуніяхъ и полнолуніяхъ; какая связь съ условіями труда, напр. при отдыхѣ народонаселенія, или въ страдную пору; какая связь и средство смертности съ болѣзненностію народонаселенія? Изъ какихъ источниковъ возникаетъ смертности болѣе, изъ какихъ менѣе?

Очеркъ теченія жизни и смертности народонаселенія, по указанію метрическихъ книгъ.

Численность народонаселенія безпрестанно измѣняется. Измѣненія численности частныя болѣе возможны въ убыли, нежели въ прибыли народонаселенія; но въ общемъ ходу жизни человѣчества измѣненія вѣрнѣе въ прибыли, чѣмъ въ убыли его. Чѣмъ болѣе кругъ народонаселенія, нами разсматриваемаго, тѣмъ болѣе перемѣнъ въ численности, и на оборотъ; такъ что народонаселеніе въ тысячу душъ на десять разъ болѣе даетъ численныхъ перемѣнъ, въ одно и то же время, нежели народонаселеніе во сто душъ; народонаселенія въ сотни тысячъ душъ дадутъ разности на каждый суточный часъ; народонаселенія въ миллионы дадутъ разности на каждую суточную минуту. Чѣмъ болѣе разности въ кругахъ народонаселенія разныхъ странъ и краевъ, отъ условій климатическихъ и хозяйственныхъ, напр. отъ большей или меньшей теплоты въ одномъ, противъ другаго, либо отъ урожая въ одномъ и неурожая въ другомъ; отъ войны въ одномъ и мирной жизни въ другомъ краю; чѣмъ больше разности отъ развитія ремесленности и торговли въ одномъ противъ другаго, чѣмъ больше разности во взаимномъ сообщеніи жителей одного и того же края,—тѣмъ больше разности въ прибыли или убыли народонаселенія такихъ краевъ.

Три начала, измѣняющія численность народонаселенія: это
а) рождаемость, которою жизнь стремится къ развитію своего

рода въ мірѣ; b) смертность, погашающая то, что отжило, выполнивъ свое назначеніе и c) передвиженіе лицъ, изъ возрастовъ предъидущихъ—въ послѣдующіе. Произошла ли разность между родившимися въ предъидущее время, по сравненію съ послѣдующимъ, или процессъ этотъ, не смотря на разность времени, равенъ себѣ? Увеличилась ли или уменьшилась сумма перешедшихъ изъ младенчества въ отрочество, за настоящее время, по сравненію съ прошедшимъ; или та и другая остаются равны и одинаковы? Увеличилась или уменьшилась, за настоящее время, сумма передшедшихъ изъ отрочества въ юношество, или обѣ такія суммы равны и неизмѣнны? Увеличилась ли или уменьшилась сумма перешедшихъ изъ юношества въ мужество за настоящее время, по сравненію съ прошедшимъ, или та и другая остаются равны и неизмѣнны? И такъ далѣе. Увеличилась ли, наконецъ, или уменьшилась, за настоящее время, смертность сравнительно съ рождаемостію, или та и другая суммы остаются равны и неизмѣнны?

Мы, по метрическимъ книгамъ, можемъ напередъ, по среднимъ числамъ прежнихъ лѣтъ, высчитывать на новый годъ: сколько прибудетъ въ данной мѣстности, для дѣторожденія, свѣжихъ и молодыхъ супружествъ; сколько отъ общаго ихъ числа прибудетъ новорожденныхъ; и сколько изъ общаго числа выбудетъ смертностью. Но всѣ такія изчисленія годны только для кабинета и мало объясняютъ прибыль или убыль народонаселенія на самомъ дѣлѣ.

Мы, дѣйствительно, можемъ по среднимъ числамъ, приблизительно, высчитывать для слѣдующаго года численность свѣжихъ супружествъ; но не можемъ вычислять домашнихъ обстоятельствъ молодежи обоихъ половъ, приближающейся къ термину супружества; а тѣмъ болѣе не можемъ высчитывать склонности или несклонности къ супружеской жизни, по силѣ которой, большая или меньшая часть ихъ отложить бракосочетаніе до слѣдующаго года; или и навсегда останется въ холостой жизни; слѣдовательно и супружество составитъ на дѣлѣ либо вдвое болѣе, либо вдвое менѣе, нежели сколько мы полагали. Можно по среднимъ числамъ вы-

ПРЕПОДОВНИИ АЛЕКСАНДРЪ,

Первоначальникъ акимитовъ (неусыпающихъ) (1).

Въ семидесятихъ годахъ четвертаго столѣтiя, Константинополь былъ еще очень новымъ городомъ: онъ едва насчитывалъ себѣ сорокъ лѣтъ существованiя, въ качествѣ столицы Римской Имперiи. Но Имперiя эта обнимала собою почти весь тогда извѣстный мiръ, и юная столица, питаясь лучшими совами отсюду, могла расти не по днямъ, а по часамъ, и потому въ названное время, не смотря на недавнее свое возникновенiе, уже успѣла приобрѣсть громадное значенiе, стать тѣмъ центромъ, въ которомъ сосредоточивались безчисленные и самые важные интересы, и куда во множествѣ начали

---

(1) Память его празднуется 23 февраля и 3 iюля. Житiе его, послужившее основой сего изложениа, помѣщено въ Четьи-Миней подь 3 iюля.

рода въ мірѣ; b) смертность, погашающая то, что отжило, выполнивъ свое назначеніе и с) передвиженіе лицъ, изъ возрастовъ предъидущихъ—въ послѣдующіе. Произошла ли разность между родившимися въ предъидущее время, по сравненію съ послѣдующимъ, или процессъ этотъ, не смотря на разность времени, равенъ себѣ? Увеличилась ли или уменьшилась сумма перешедшихъ изъ младенчества въ отрочество, за настоящее время, по сравненію съ прошедшимъ; или та и другая остаются равны и одинаковы? Увеличилась ли уменьшилась, за настоящее время, сумма передшедшихъ изъ отрочества въ юношество, или обѣ такія суммы равны и неизмѣнны? Увеличилась ли или уменьшилась сумма перешедшихъ изъ юношества въ мужество за настоящее время, по сравненію съ прошедшимъ, или та и другая остаются равны и неизмѣнны? И такъ далѣе. Увеличилась ли, наконецъ, или уменьшилась, за настоящее время, смертность сравнительно съ рождаемостію, или та и другая суммы остаются равны и неизмѣнны?

Мы, по метрическимъ книгамъ, можемъ напередъ, по среднимъ числамъ прежнихъ лѣтъ, высчитывать на новый годъ: сколько прибудетъ въ данной мѣстности, для дѣторожденія, свѣжихъ и молодыхъ супружествъ; сколько отъ общаго ихъ числа прибудетъ новорожденныхъ; и сколько изъ общаго числа выбудетъ смертностью. Но всѣ такія изчисленія годны только для кабинета и мало объясняютъ прибыль или убыль народонаселенія на самомъ дѣлѣ.

Мы, дѣйствительно, можемъ по среднимъ числамъ, приблизительно, высчитывать для слѣдующаго года численность свѣжихъ супружествъ; но не можемъ вычислять домашнихъ обстоятельствъ молодежи обоихъ половъ, приближающейся къ термину супружества; а тѣмъ болѣе не можемъ высчитывать склонности или несклонности къ супружеской жизни, по силѣ которой, большая или меньшая часть ихъ отложить бракосочетаніе до слѣдующаго года; или и навсегда останется въ холостой жизни; слѣдовательно и супружество составитъ на дѣлѣ либо вдвое болѣе, либо вдвое менѣе, нежели сколько мы полагали. Можно по среднимъ числамъ вы-

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДРЪ,

Первоначальникъ акимитовъ (неусыпающихъ) (1).

Въ семидесятыхъ годахъ четвертаго столѣтїа, Константинополь былъ еще очень новымъ городомъ: онъ едва насчитывалъ себѣ сорокъ лѣтъ существованїа, въ качествѣ столицы Римской Имперїи. Но Имперїя эта обнимала собою почти весь тогда извѣстный міръ, и юная столица, питаясь лучшими совами отсюду, могла расти не по днямъ, а по часамъ, и потому въ названное время, не смотря на недавнее свое возникновенїе, уже успѣла приобрѣсть громадное значенїе, стать тѣмъ центромъ, въ которомъ сосредоточивались безчисленные и самые важные интересы, и куда во множествѣ начали

---

(1) Память его празднуется 23 февраля и 3 іюля. Житїе его, послужившее основой сего изложенїа, помѣщено въ Четьи-Мѣсяцѣхъ подь 3 іюля.

стеваться люди, по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, изъ всѣхъ частей государства. Константинъ Великій не опустилъ ничего, чтобы обезпечить за своимъ городомъ тѣ преимуще-ства, которыя наиболѣе способны были возвысить его въ глазахъ народовъ и послужить силою, притягивающею къ нему все лучшее. Между прочимъ, онъ озаботился соединить въ своей новой столицѣ и всѣ средства къ образованію, вызвалъ въ нее способнѣйшихъ преподавателей и снабдилъ ее богатимъ книгохранилищемъ. Этимъ онъ превлекъ къ ней молодое поколѣніе, особенно изъ предѣловъ восточныхъ. Молодые люди тѣмъ охотнѣе устремились сюда, что, по окончаніи образова-нія, здѣсь имъ представлялась возможность съ большимъ удобствомъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, устроить свою служебную карьеру, или избрать какія-либо занятія, по лич-ному вкусу и желанію.

Такимъ образомъ, въ описываемую эпоху, прибылъ въ Царьградъ для изученія наукъ и нѣкоторый юноша Алек-сандръ, уроженецъ странъ азійскихъ, какъ выражаются о немъ сказанія, и, вѣроятно—изъ Сиріи, какъ можемъ догады-ваться, судя потому, что эта область въ послѣдствіи была главнымъ поприщемъ его дѣятельности, по его собственному выбору.

Кто были родители этого юноши, остается неизвѣстнымъ; но очевидно, что они были христіане, глубоко благочестивые и горячо преданные православію. По крайней мѣрѣ, съ такими свойствами явился въ послѣдствіи Александръ, и, судя по всему, онъ приобрѣлъ ихъ именно въ нѣдрахъ своей семьи. Въ Константинополь онъ прибылъ въ такую печальную для христіанства и православія пору, когда было въ высшей сте-пени трудно тамъ не только невѣдущему обрѣсти истинное познаніе въ вѣрѣ, но и вполне въ ней наставленному сохра-нить неповрежденнымъ это драгоценное достояніе души. Тамъ въ обществѣ царилъ какой-то хаосъ религіозныхъ системъ и понятій: язычество еще не считало себя побѣжден-нымъ окончательно; мало того, ободренное недавно, едва недостигнувъ важныхъ успѣховъ, попыткою Юліана - *Богост-ступника* возвратить ему прежнее значеніе, оно продолжало упорную и злую борьбу съ христіанствомъ, и въ нѣдрахъ

самаго христіанства происходила страшная борьба между православіемъ съ аріанствомъ; послѣднее, снискавъ хитростію и обманомъ поддержку императоровъ Валента и Валентиніана, казалось, близко было къ полному торжеству надъ первымъ и чуть не сдѣлалось господствующею религіею во всемъ государствѣ; не говоримъ уже о мелкихъ безчисленныхъ ересьяхъ и сектахъ, изъ коихъ каждая усиливалась снискать себѣ какъ можно болѣе адептовъ, во вредъ единой истинѣ. Изъ всего этого слагалось такое положеніе вещей, что вѣра и благочестіе здѣсь не насаждались, а напротивъ, на каждомъ шагу подвергались опасностямъ, и если юный Александръ избѣгъ вражескихъ сѣтей, то можно заключить, что этимъ обязанъ онъ прочности и жизненности домашняго религіознаго воспитанія, которое, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, способно выдерживать самую сильную пробу, противостоять житейскимъ бурямъ и иногда выносить человѣка спасеннымъ даже изъ самой глубины золь.

Впрочемъ внѣшнее обученіе не терпѣло въ этихъ обстоятельствахъ особыхъ затрудненій; оно шло своимъ чередомъ. Александръ окончилъ курсъ наукъ съ такимъ успѣхомъ, который открылъ ему доступъ къ почетной государственной службѣ. Для молодыхъ людей со способностями и образованіемъ всего привлекательнѣе казалось тогда военное званіе, въ которомъ представлялось столько случаевъ къ совершенію великихъ подвиговъ и достиженію славы, почестей, богатства, власти,—всего, что такъ заманчиво для человѣческаго, особенно юнаго воображенія. Избралъ для себя это званіе и Александръ; въ короткое время онъ достигъ значительнаго положенія. Но скоро стало для него ясно, что не къ тому онъ призванъ и что выборъ его былъ увлеченіемъ, ошибкой молодости. Дѣйствительно, при вступленіи на военное поприще, онъ, вѣроятно, былъ очень молодъ: по недавнему еще (изд. въ 370 г.) закону императора Валентиніана, данному хотя собственно для стараго Рима, но дѣйствовавшему, безъ сомнѣнія, и въ новомъ Римѣ, т. е. Константинополѣ, швольное обученіе для молодыхъ людей могло продолжаться не далѣе 21-лѣтняго возраста, и затѣмъ они немедленно обязаны были начинать общественную или государственную службу.

Въ этихъ лѣтахъ, конечно, былъ и Александръ, когда поступалъ въ военное званіе,—и что удивительнаго, если онъ ошибся въ выборѣ жизненнаго пути, будучи столь незрѣлымъ юношей?

Святильникъ ногама моима законъ Твой, Господи, и свѣтъ стезямъ моимъ,—исповѣдовалъ нѣкогда Псалмопѣвецъ. Тотъ же свѣтъ открылъ глаза и молодому воину Александру и, озаривъ путь его, указалъ ему истинное его призваніе. Вступивъ въ военную службу, онъ, не смотря на соблазны, съ нею соединенные для юности, не престававъ держаться строгихъ правилъ христіанскаго благочестія, насажденныхъ въ душѣ его съ дѣтства, и не утратилъ ни одного изъ добрыхъ навыковъ, усвоенныхъ имъ въ эту раннюю пору. Такъ, онъ продолжалъ, между прочимъ, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время упражняться въ чтеніи слова Божія, размышляя и углубляясь въ смыслъ прочитываемаго. Если онъ былъ сиріанинъ не только по мѣсту рожденія, но и по крови и языку, то, конечно, пользовался сирскимъ переводомъ Библии, явившимся еще во 2-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ и извѣстнымъ подъ именемъ Пешитò (что значитъ *простой*); въ разумѣніи же ея, во всякомъ случаѣ, если происходилъ и отъ еллинской крови, онъ не могъ не испытывать вліянія тѣхъ способовъ изъясненія, какіе были приняты и господствовали на его родинѣ.

Надъ истолкованіемъ священнаго Писанія издавна трудились по преимуществу въ Александріи и Антиохіи, гдѣ существовали знаменитѣйшія христіанскія училища. Тамъ и здѣсь, конечно, стремились къ одной истинѣ, но шли къ ней не одинаковыми путями; тамъ и здѣсь согласовались въ сущности, но различались въ направленіяхъ и оттѣнкахъ. И это было неизбежно при томъ національномъ различіи, какое существовало между обитателями бывшаго Сирійскаго царства, которому Антиохія служила столицею, и обитателями царства Египетскаго, которому столицею была Александрія: различіе, простираясь на душевныя свойства, необходимо должно было отпечатлѣваться и во всѣхъ произведеніяхъ ума, чувства и воображенія той и другой стороны. Такимъ образомъ замѣчено, что у толкователей александрійской школы преобладало

направленіе аллегорически-мистическое, а у толкователей школы антиохійской — направленіе исторически-буквальное. Та и другая школа имѣли своихъ славныхъ представителей (1); но вообще методъ школы антиохійской признають болѣе точнымъ и вѣрнымъ, хотя и онъ не чуждъ былъ крайностей своего рода. Въ первой половинѣ IV вѣка возникла, какъ отпрыскъ школы антиохійской, новая въ Сиріи школа—едесская, основанная св. Ефремомъ Сиринимъ, которая далеко распространила свое вліяніе. Основатель этой новой школы поставилъ себѣ цѣлю примирить методы предъидущихъ школъ и, идя въ толкованіи Писанія золотую между ними серединою, избѣгать ихъ крайностей, въ чемъ и успѣлъ въ значительной степени.

И такъ мы въ правѣ заключить, что Александръ, углубляясь въ уразумѣніе Писанія, могъ руководиться взглядами на способы истолкованія его только школы антиохійской и въ частности едесской, и уже по этому самому долженъ былъ болѣе склоняться къ изъясненію его въ смыслѣ буквальномъ. Дѣйствительно, онъ усвоилъ себѣ такую наклонность, и это имѣло для него важныя послѣдствія, — важныя тѣмъ болѣе, что по свойствамъ своего ума и характера, которыя ниже раскроются для читателя, мысль разъ принятую за истину, онъ непреклонно проводилъ въ жизнь до крайнихъ ея послѣдствій и, не взирая ни на какія обстоятельства, не допускалъ въ ней какихъ-либо оговорокъ, ограниченій и исключеній.

Прочитавъ весь Ветхій и Новый Завѣтъ, онъ въ особенности остановился умомъ своимъ на извѣстныхъ словахъ Спасителя, обращенныхъ къ юношѣ, вопросившему о пути къ спасенію: *аще хочещи совершени быти, иди, продажь имѣніе твое и даждь нищимъ, и гряди вслѣдъ Мене*. Александръ, молодой, какъ этотъ юноша, также тщательно исполнявшій отъ дѣтства своего всѣ заповѣди закона Божія, но вмѣстѣ съ тѣмъ также какъ и онъ имѣвшій *стяжанія*, хотя быть

---

(1) Александрійской принадлежать: Афинагоръ, Пантень, Климентъ, Оригенъ, Діонисій, Петръ и др.; къ антиохійской: Теофилъ, Серапіонъ, муч. Лукіанъ, пресвит. Доровей, Мелетій, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій и др.

можетъ и не столь *мелкія*, все-же значительныя, почувствовать во глубинѣ души своей, что Господь приведенными выше словами вѣщаетъ и къ нему столько же, какъ и къ евангельскому юношѣ, и вслѣдъ затѣмъ, безъ колебаній, безъ сожалѣнія, послѣпшилъ буквально исполнить совѣтъ Спасителя, — распродалъ все свое имѣніе и вырученныя продажей деньги роздалъ безъ остатка нищимъ. Но что за тѣмъ? Куда идти, какимъ путемъ направиться, чтобы, дѣйствительно, идти вслѣдъ за Христомъ? Если надъ этимъ вопросомъ онъ задумывался и не былъ въ состояніи рѣшить его самъ собою, то въ окружающей средѣ могли найтись совѣтники, которымъ не трудно было вывести его изъ недоумѣнія.

Въ 375 году императоръ восточной половины государства Валентъ (аріанинъ) къ длинному ряду неправдъ и притѣсненій въ отношеніи къ православнымъ присоединилъ еще гоненіе и на монаховъ, повелѣвъ изгонять ихъ изъ пустынь и отдавать въ военную службу. Такимъ образомъ и въ томъ полку, въ которомъ состоялъ Александръ, могла быть нѣкоторая часть иноковъ-солдатовъ. Благочестивое его настроеніе, конечно, не могло отъ нихъ укрыться, равно какъ и ихъ поведеніе, выдѣлявшее ихъ изъ всѣхъ прочихъ солдатъ, не могло остаться для него незамѣченнымъ. Отсюда возможность ихъ сближенія и естественность предположенія, что ихъ бесѣды, ихъ рассказы и внушенія не остались безъ вліянія на выборъ Александромъ для себя скорбнаго и тѣснаго пути иноческаго. Какъ бы то ни было, раздавъ все свое достояніе, онъ оставилъ военное званіе и рѣшился быть монахомъ.

Въ то время (приблизительно около 385 г.) монашеская жизнь была распространена во всемъ христіанскомъ мірѣ, особенно на Востоцѣ. Изъ Египта она чрезъ Иларіона Великаго проникла между прочимъ и въ Сирію, гдѣ процвѣла не менѣе, какъ и въ Египтѣ, и явила самыя высокія примѣры подвижничества въ лицѣ, напримѣръ, Симеона Столпника, Іакова Низибійскаго, Ефрема Сирина и многихъ другихъ. Слѣдовательно Александръ, чтобы сдѣлаться истиннымъ монахомъ, не имѣлъ надобности обращаться для сего къ другой какой-либо странѣ; потому что и на его родинѣ, въ Сиріи, достаточно было найти самыя лучшія примѣры и наставленія въ

иноческой жизни. Сюда онъ и направилъ стопы свои изъ Константинополя.

Монашеская жизнь въ Сиріи, подобно тому, какъ въ Египтѣ и Палестинѣ, выражалась не въ одной, а въ разныхъ формахъ. Сообразно личнымъ наклонностямъ и духовнымъ силамъ, одни избирали для себя совершенное отшельничество, или пустынножителство, живя въ полномъ разобщеніи не только съ міромъ, но и съ своею монашествующею братією. Другіе поселялись въ особыхъ жилищахъ, пользуясь для сего готовыми какими-либо пещерами въ горахъ, или своими руками выкапывая ихъ въ землѣ, или же устроивая убогія келліи, но не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря, такъ что сохранялась связь между отшельниками, имѣвшими обыкновенно одного общаго начальника; совокупность такихъ жилищъ именовалась *лаврою*, а начальникъ носилъ названіе архимандрита. Иные собирались въ одно мѣсто вокругъ общаго храма для совокупнаго упражненія въ молитвенныхъ подвигахъ и полезныхъ работахъ; причѣмъ однако каждому предоставлялось имѣть особое жилище и въ уединеніи его трудиться для удовлетворенія нуждъ своихъ, или для благотворенія: это *монастырь*. Иные, наконецъ, предпочитали совершенное общежитіе, которое устраняетъ всякую мысль о личной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о личномъ какомъ либо произволѣ въ устроеніи порядка жизни, и которое требовало, чтобы всякій братъ отдалъ себя въ безусловное послушаніе игумену, съ полнымъ довѣріемъ къ его попеченіямъ какъ о кещественномъ пропитаніи, такъ и о духовномъ возрастаніи братіи. Учрежденія съ такимъ характеромъ получили названіе *киновій* (общежитій).

Одну изъ такихъ-то киновій, наиболѣе славившуюся строгостію правилъ и жизни иноковъ и управляемую нѣкимъ игуменомъ Іліею, и избралъ для себя Александръ, оставивъ свой воинскій санъ. Для новоначальныхъ иноковъ, болѣе чѣмъ для кого-либо, образъ общежительнаго подвижничества есть самый лучший и, конечно, преп. Александръ, въ четыре года, проведенные имъ въ этой обители, среди подвиговъ самоотреченнаго послушанія, достигъ большихъ духовныхъ успѣховъ и положилъ прочную основу послѣдующимъ степенямъ своего

внутренняго преуспѣянiя; но онъ не могъ остаться въ этой киновиі навсегда. Живой и дѣятельный умъ его не переставалъ работать; въ душѣ его поднимались вопросы и вставали идеалы, которымъ не удовлетворяла даже строгость киновиі и которые влекли его къ чему-то еще высшему и лучшему.

Общежительные монастыри имѣютъ ту особенность, что такъ какъ попеченіе объ удовлетвореніи всѣхъ матеріальныхъ нуждъ братіи и обители лежитъ на монастырской власти, то власть эта, при обычномъ многолюдствѣ такихъ монастырей, доходившемъ иногда до громадныхъ размѣровъ, и при великомъ числѣ постороннихъ людей, въ видѣ нищихъ, странниковъ и богомольцевъ, питающихся отъ обители, вовлекается во многія внѣшнія заботы и дѣла, принуждена бываетъ предусмотрительно запасать большими массами разные жизненные припасы и матеріалы для одежды и вообще предметы житейской необходимости, сберегать ихъ, своевременно-возобновлять, готовить изъ нихъ все необходимое, правильно распредѣлять между нуждающимися, иногда предпринимать обширныя и многодѣльныя постройки и такъ далѣе. Такой порядокъ вещей весьма естественъ и неизбѣженъ въ киновиахъ; но представляетъ своего рода опасности: черта между необходимымъ и излишнимъ тутъ такъ незамѣтна, что трудно не переступить ее. Вѣроятно, она была перейдена въ той киновиі, гдѣ поселился преп. Александръ,—и это смущало его. «Какъ? размышлялъ онъ самъ съ собою,—не заповѣдалъ ли Господь со всею ясностію: *не печетесь душою вашею, что ясте, или что пите, ни тѣломъ вашимъ во что облечетесь; ищите же прежде царствiя Божiя и правды его, и сія вся приложатся вамъ?* (Матѣ. 6, 25—30). Если Господь это сказалъ, то слова Его монахъ обязанъ выполнить буквально». И вотъ разъ, взявъ въ руки святое Евангеліе, онъ вошелъ къ своему игумену и предложилъ ему вопросъ: «все ли написанное въ этомъ Евангеліи истинно? и если все истинно, то почему въ киновиі всего не исполняютъ?» и при этомъ указалъ на означенныя слова Господа. Когда идеалистъ и чловѣкъ практической сходятся между собою и начинаютъ разсуждать о высшихъ требованіяхъ религіи и нравственности, то они большею частію не понимаютъ другъ друга и расхо-

дятся, не достигнувъ соглашенія. Такъ вышло и въ настоящемъ случаѣ. Совопросничество преп. Александра показалось игумену страннымъ и неумѣстнымъ. Авва Илія сначала даже подумалъ, что новоначальный и горячій этотъ инокъ подвергся вражескому наважденію, впалъ въ прелесть, и потому созвалъ-было братію, чтобы сообща помолиться о его духовномъ врачеваніи и вразумленіи. Но замѣтивъ, что вопросы предложены имъ въ здоровомъ умѣ и серьезно, авва понялъ, что необходимо отвѣчать что-нибудь для успокоенія вопрошающаго. Александру сказали, что въ Евангеліи, конечно, все есть чистая и совершеннѣйшая истина; но всего, въ немъ предписаннаго, невозможно выполнить челоуѣку по его немощи. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ преп. Александра; онъ пришелъ въ горькому сознанію, что, проживъ въ виновіи четыре года, потерялъ почти напрасно время и рѣшился оставить ее, удалиться въ уединеніе пустыни и тамъ начать новую жизнь по точной силѣ словъ евангельскихъ. Впрочемъ въ описанномъ разговорѣ не было ничего раздражительнаго. Обнаружившееся различіе взглядовъ не помѣшало той и другой сторонѣ сохранить мирныя отношенія; и преп. Александръ, оставляя виновію для пустыни, сдѣлалъ это не иначе, какъ испросивъ на то со смиреніемъ благословеніе игумена, и отходя съ любовію цѣловалъ всю братію.

Единому Богу извѣстно, какіе пр. Александръ совершилъ въ пустынномъ уединеніи труды и подвиги, какія переносилъ лишенія, скорби, искушенія, какъ восходилъ по степенямъ духовнаго совершенства все выше и выше. Мы знаемъ только, что, вдали отъ міра, онъ взросъ и созрѣлъ духовно настолько, что приобрѣлъ способность съ непреодолимою силою вліять на самыя загрубѣлыя сердца и приводить ко свѣту спасенія такія души, которыя погибали въ непроглядной тѣмѣ.

Въ 397 году, какъ извѣстно, скончался константинопольскій архіепископъ Нектарій и на его мѣсто избранъ былъ св. Іоаннъ Златоустъ, уроженецъ и пресвитеръ антиохійскій — краса своего города и всей Сиріи. Хорошо зная и скорбя духомъ, что на Востокѣ, и именно въ предѣлахъ его родной страны, не только существуютъ, къ великому вреду св. Церкви, разныя еретическія секты, но по мѣстамъ еще сохра-

няются даже остатки язычества, великій въ іерархахъ, занявъ столь возвышенное съ много-объемлющею властію положеніе въ Церкви, поставилъ себѣ, между прочимъ, цѣлію начать борьбу съ этимъ зломъ и пришелъ къ мысли учредить, для искорененія язычества, внутреннія миссіи изъ монаховъ, особенно сирійскихъ, среди которыхъ онъ, въ молодости своей, жилъ нѣсколько времени и приобрѣлъ себѣ преданныхъ друзей. На призывъ святителя иноки отделились радостною готовностію дѣйствовать по его указанію. И вотъ началась одновременно въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Палестинѣ, энергическая проповѣдь христіанства, воснѣвшимъ въ язычествѣ, населеніямъ,—и обращеніе ихъ къ св. вѣрѣ совершалось массами. Для дѣятельности на этомъ поприщѣ выступилъ и преп. Александръ изъ глубины своего уединенія, пробывъ семь лѣтъ въ пустыни.

Въ виду важности миссіонерскаго дѣла и возбужденнаго имъ интереса въ современномъ обществѣ, мы прослѣдимъ, съ особенною подробностію, дѣятельность преподобнаго на этомъ поприщѣ.

Прибывши въ ближайшее языческое селеніе, онъ началъ тѣмъ, что предалъ огню идольское капище, принадлежавшее селенію. Конечно, это не примѣръ нынѣшнему времени, которое, въ интересѣ самаго христіанства, не допускаетъ подобныхъ дѣйствій; но всякій человѣкъ есть сынъ своего вѣка и отдаетъ ему большую или меньшую дань въ понятіяхъ. Преп. Александръ нравственно правъ и не подлежитъ упреку за этотъ поступокъ: такъ какъ въ его пору подобныя дѣйствія признавались справедливыми и геройскими. Последнее впрочемъ нельзя оспаривать и съ нынѣшней точки зрѣнія. Дѣйствительно, преп. Александръ, отваживаясь на такое дѣло, рисковалъ своею жизнію. Его тотчасъ окружили разгнѣванные жители селенія и едва не убили въ своей ярости. Къ счастью, нашлись въ изступленной толпѣ люди, которые удержали прочихъ отъ немедленной самовольной расправы и посовѣтовали представить его на судъ своему начальнику, по имени Равуду. Это спасло преподобному жизнь, а для жителей послужило началомъ спасенія душевнаго.

Для людей неразвитыхъ, лишенныхъ способности соста-

вить себѣ самостоятельное мнѣніе въ вопросахъ религіозныхъ и вообще относящихся къ области духа, примѣръ начальника въ этомъ отношеніи значить много, а иногда онъ значить все, смотря по тому, на сколько успѣлъ начальникъ заслужить уваженіе и довѣріе у подчиненныхъ. Потому для дѣла преп. Александра было весьма благопріятно, что онъ съ перваго разу поставленъ былъ въ возможность обратиться съ своею проповѣдію къ главѣ населенія; но неблагопріятно было то, что глава эта была некрѣпкая, легкомысленная; на всѣ обращенія къ его душѣ и на всѣ рассказы о чудесахъ милости Божіей, хотящей всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины прійти, Равуль отвѣчалъ однимъ бессмысленнымъ смѣхомъ и обычнымъ словомъ пустаго невѣрія: «все это басни». Подобныхъ людей можетъ обратитъ только сила Божія, проявляющаяся въ поразительномъ для вѣшнихъ чувствъ дѣйствіи и этимъ способомъ потрясающая все существо загрубѣлой природы. Здѣсь камень преткнанія для обыкновенныхъ миссіонеровъ; потому что не всякій изъ нихъ обладаетъ даромъ чудотвореній, не всякій имѣетъ на столько вѣры и дерзновенія, чтобы смѣло обращаться къ этому средству убѣжденія. Но духъ преп. Александра былъ непреоборимъ и не останавливался даже предъ тѣмъ, что для другихъ не всегда достижимо и кажется превыше человѣческой возможности; онъ съ непоколебимою вѣрою воззвалъ къ Господу, чтобы Онъ явилъ Свое всемогущество... И совершилось предъ самыми глазами Равула знаменіе, которое поразило его изумленіемъ и разомъ измѣнило его мысли, такъ что онъ рѣшился сдѣлаться христіаниномъ. Конечно, это было только еще начало, а не конецъ его обращенія: надобно было много и долго ему изъяснять, чтобы христіанскія истины вошли въ кругъ его убѣжденій, чтобы разсѣять всѣ сомнѣнія и прекратить всѣ колебанія. Люди, подобные Равулу, очень шатки; вѣшнія впечатлѣнія, протихъ которыхъ они не въ силахъ бороться размысленіемъ, для нихъ рѣшаютъ все и наклоняютъ то въ ту, то въ другую сторону самымъ непослѣдовательнымъ и неожиданнымъ образомъ. Когда казалось, что Равуль совсѣмъ уже утвердился въ христіанствѣ, когда онъ шелъ именно къ христіанской церкви, чтобы запечатлѣть свою вѣру вреще-

ніемъ, въ это самое время онъ выказалъ вдругъ такую измѣнчивость, которая чуть было не лишила преп. Александра всѣхъ плодовъ его усилій. Равуль увидѣлъ при церкви одну христіанскую женщину въ состояніи бѣснованія, — и этого было достаточно, чтобы поколебать его мысли, вселить страхъ въ его душу; ему показалось, какъ будто эта женщина несетъ наказаніе за принятіе христіанской вѣры и будто и ему грозитъ такая же участь. Александру стѣсило потомъ большаго труда увѣрить Равула, что женщина несетъ наказаніе не за вѣру, а за свои грѣхи, оскорбляющіе вѣру, и потомъ успокоить его духъ и возвратить къ рѣшимости принять св. крещеніе.

Но если труденъ былъ успѣхъ въ отношеніи къ Равулу, то послѣдствія отъ того были весьма важны: за обращеніемъ его послѣдовало, безъ особыхъ затрудненій, обращеніе всего подчиненнаго ему населенія. Простосердечные люди, видя примѣръ своего начальника, безъ дальнихъ разсужденій, и сами пожелали креститься и въ доказательство своей искренности, по предложенію преп. Александра, охотно вынесли изъ своихъ домовъ всѣхъ идоловъ и предали ихъ уничтоженію. Иной миссіонеръ, быть можетъ, вполне удовлетворился бы такимъ успѣхомъ и сочелъ бы свое призваніе здѣсь оконченнымъ; но преп. Александръ на этомъ еще не остановился. Онъ хотѣлъ, чтобы воспринятое ученіе стало для новообращенныхъ не отвлеченнымъ только убѣжденіемъ, но истиннымъ дѣломъ, — чтобы оно немедленно образовало и измѣнило всю ихъ жизнь, сообразно своему духу, и чтобы всѣ, даже самыя высокія, требованія и совѣты Евангелія нашли въ ней осуществленіе и примѣненіе. Конечно, правъ былъ преподобный въ этомъ случаѣ; если бы онъ оставилъ новообращенныхъ, послѣ крещенія, на произволь судьбы: то жизнь, не измѣненная въ своихъ основахъ, можетъ быть, взяла бы свое, слѣды проповѣди скоро изгладились бы совершенно и нетвердые христіане снова сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ были прежде крещенія.

(Продолженіе впереди).

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ.

(Продолженіе).

Дѣла жизни и смерти одного года, по одному и тому же приходу, или по одному и тому же обществу народонаселенія, никогда не могутъ быть ни мѣрою, ни урокомъ для другихъ лѣтъ въ томъ же приходѣ или обществѣ народонаселенія. Въ каждомъ году есть свои особенности, дѣйствующія на жизнь и смерть: въ каждомъ году своя особая мѣра теплоты и стужи, сырости или сухости, тишины или вѣтровъ и бурей. Въ жизни хозяйственной, также какъ въ міровой, или планетной, за каждый годъ есть также свои особенности: своя мѣра въ продовольствіи, удобномъ или неудобномъ, обильномъ или недостаточномъ, своя мѣра въ дѣятельности, восходящая отъ полной свободы труда до напряженія силъ, близкаго къ изнеможенію; и своя особенность въ образѣ жизни, по которой жизненные отправленія идутъ въ большей части легко и свободно, или въ большей части съ значительнымъ напряженіемъ. Ежели благоприятствуютъ народонаселенію условія природы, или жизни планетной, но не благоприятствуютъ условія жизни хозяйственной или общественной; въ такомъ случаѣ смертность дѣлается наиболѣе среднею: годовичныя удобства изъ обоихъ источниковъ даютъ перевѣсъ жизни надъ смертію; годовичныя неудобства изъ другихъ источниковъ даютъ перевѣсъ смерти надъ жизнью. Теченіе жизни и смерти народонаселенія, по разнымъ мѣсяцамъ, гораздо интереснѣе нежели по разнымъ годамъ: здѣсь принимаютъ значеніе не только разность мѣсячныхъ температуръ, мѣсячнаго продовольствія, или разныхъ колебаній въ трудѣ, но и сложность смертности изъ разныхъ источниковъ; такъ что смертность ровнѣе, когда происходитъ изъ одного источника, и сложнѣе, когда проис-

ходить въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, изъ двухъ, или нѣсколькихъ источниковъ. Такъ, напр. январь одного года, съ январемъ другаго и прочихъ лѣтъ, даютъ болѣе смертности изъ одного источника, который есть холодъ; июль одного года съ июлемъ другаго и прочихъ лѣтъ даютъ болѣе смертности также изъ одного источника, который есть жаръ; мартъ и сентябрь всегда будутъ давать болѣе смертности изъ разныхъ источниковъ, и смертность въ теченіе ихъ всегда способна къ наибольшему колебанію. Августъ надъ такими мѣсяцами всегда будетъ преимуществовать. Въ августѣ обыкновенно производится жатва хлѣба, но въ одинъ годъ, по благопріятству переменъ атмосферическихъ, она совершается въ пять дней; въ другой, по неблагопріятству тѣхъ же переменъ, она протягивается и до 30 дней. Въ первомъ случаѣ менѣе будетъ смертности въ младенствѣ, потому что младенецъ менѣе будетъ оставаться безъ матери; во второмъ болѣе смертности въ младенствѣ, потому что младенецъ въ шесть разъ болѣе будетъ оставаться безъ матери.

Январь 1852 года начался смертностію четырехъ лицъ: одного изъ младенчества, и именно отъ неблагонадежности къ жизни новорожденнаго, и трехъ изъ средняго возраста; февраль и мартъ произвели смертность трехъ лицъ—каждый: но апрѣль, отъ котораго, по опытамъ прежнихъ лѣтъ, надлежало бы ожидать большой льготы народонаселенію, произвелъ смертность 13-ти лицъ разныхъ возрастовъ. Май взялъ только *три* лица: но июнь взялъ *одиннадцать*. Июль удовольствовался *четырьмя* жертвами; но августъ отнялъ *одиннадцать* лицъ. Слѣдовательно снисходительность августа въ предъидущемъ году была только временная и условная. Въ сентябрѣ народонаселеніе поплатилось только двумя жертвами; октябрь прошелъ безъ урона. Ноябрь взялъ три, декабрь—четыре жертвы. Въ общемъ теченіи, смертность разсматриваемаго года имѣла ходъ столько же отличающійся отъ лѣтъ предъидущихъ, какъ и въ частности за каждый мѣсяцъ: въ немъ умерло болѣе, нежели за каждый изъ прежнихъ годовъ, именно: мужескаго пола 30, женскаго 31, всего 61 лицо; и не смотря на усиленное нѣсколько дѣторожденіе, смертность все-таки имѣла перевѣсъ надъ рождаемостію. Въ

младенцевъ умерло 30, отрочествъ 3, мужествъ 13 и въ старости 15 лицъ.

1853 годъ представляетъ такой опытъ смертности, какового до сихъ поръ не было. Въ январѣ и февралѣ смертность сего года не выступила изъ прежней мѣры; мартъ былъ нѣсколько суровѣе двухъ первыхъ, отнявъ у народонаселенія восемь лицъ; но апрѣль и май держались въ прежнихъ предѣлахъ; а июнь былъ даже благотворнѣе одноименныхъ мѣсяцовъ за прежніе годы: онъ отнялъ отъ народонаселенія только два лица; за то июль взялъ 19 душъ; такой потери до сихъ поръ отъ него не бывало. Августъ къ тяжкимъ потерямъ іюля присовокупилъ сугубыя, отнявъ отъ народонаселенія 28 душъ. Въ это время, надъ избраннымъ къ изслѣдованію краемъ, взошла какая-то моровая туча, разразившаяся, по всѣмъ метрическимъ книгамъ необычайною смертностію. Она стояла на мѣстномъ горизонтѣ около шести недѣль. Немногія изъ селеній остались неприкосновенны; другія поплавились только незначительными жертвами; но инныя понесли страшныя потери. Подобныя событія христіанская мудрость называетъ дѣйствіемъ гнѣва Божія; народонаселеніе увѣковѣчиваетъ ихъ въ памяти потомковъ общественнымъ покаяніемъ и другими богоугодными дѣлами и крестными ходами. И какъ нѣтъ ни одной деревни, которая бы не хранила такихъ спасительныхъ преданій, то значить, что въ историческомъ существованіи нѣтъ ни одной деревни, которая не испытала бы такихъ бѣдствій. Великодушіе и твердость въ первыхъ порывахъ грозы, съ преданностію въ волю Промысла, и наблюдательность за опустошительными дѣйствіями смерти составляютъ всегда истинныя начала мудрости. Въ сентябрѣ смертность отняла отъ народонаселенія четыре лица; въ октябрѣ и ноябрѣ по два, а въ декабрѣ, при всемъ увеличеніи стужи, взяла только три жертвы. Всего умерло за цѣлый годъ 83 лица, то-есть—количество равное двумъ годамъ: 48 и 51-му. Современная рождаемость, конечно, не могла покрыть современной смертности; потому что родилось всего 60 душъ: 33 мужскаго пола и 27 женскаго. Если принять во вниманіе возрасты, то умерло во младенцествѣ 33 лица; въ отрочествѣ 4; въ мужествѣ 27 и 19 въ старости.

Послѣ грозы и бури слѣдуетъ типина. Пятьдесятъ четвертый годъ пришелъ уврачевать раны предъидущаго года, на сколько могъ. Январь 1854 года отразился на мѣстномъ народонаселеніи убылью четырехъ лицъ. Такая убыль для насъ уже не новость: столько же убыло за этотъ мѣсяць въ 52 и 53 годахъ. Февраль отнялъ одно лице; этотъ мѣсяць въ общемъ правилѣ смирнѣ января, хотя также можетъ оказывать нѣкоторыя вспышки. Въ мартѣ умерло шесть лицъ; но за этотъ же мѣсяць въ 53 году умерло восемь, а въ 51 пять; слѣдовательно смертность его также не выходила изъ своихъ предѣловъ. Въ апрѣлѣ умерло 3 лица; поелику же за этотъ мѣсяць умирало и по одному, и по два, и по три, и по девяти, и по тринадцати; то смертность его, до собранія достаточнаго числа фактовъ, можно считать неопредѣленною. Май былъ тяжелѣе прежнихъ лѣтъ, но не всѣхъ: онъ отнялъ 7 лицъ. Поелику же въ 48 году въ маѣ, умерло два, въ 50-мъ три, въ 51 одно, въ 52 три и въ 49 одиннадцать: то къ предѣламъ смертности его также не достаеъ много опытовъ. Іюнь отнялъ отъ народонаселенія одну жертву; не всегда же и этотъ мѣсяць бываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ такъ милостивъ. Въ іюлѣ умерло шесть лицъ,—число жертвъ, по сравненію съ прежними годами, также незначительное. Въ августѣ умерло девять лицъ,—убыль также незначительна; но и благосклонность августа къ народонаселенію нерѣшительна. Въ 53-мъ году въ августѣ умерло 28 лицъ: пусть такая вспышка смертности была случайностію, но и всегда, какъ мы видѣли, августы вообще строги къ народонаселенію. Народонаселеніе, безъ ошибки можетъ считать грознымъ такой мѣсяць, въ который бываетъ болѣе смертныхъ случаевъ.

(Продолженіе будетъ).

---

23 ЯНВАРЯ № 4. 1871 ГОДА.

ПАСТЫРСКАЯ БЕСѢДА ВЪ ДОМАХЪ ПРИХОЖАНЪ.

Вы, батюшка, пишете ко мнѣ, что, кромѣ проповѣдей за обѣднями и воскресныхъ бесѣдъ съ народомъ въ церкви, хотите усилить свои пастырскія наставленія въ домахъ прихожанъ. Да! И это есть обязательная для насъ проповѣдь, хотъ не говорится объ ней въ гомилетикахъ. Очень радъ подѣлиться съ вами своими взглядами и опытами относительно сего предмета.

Спаситель бесѣдовалъ въ домѣ, ночью, съ Никодимомъ, который приходилъ къ Нему (Іоан. 3, 1—12): вотъ примѣръ для домашнихъ наставленій пастыря! Св. Апостолы и въ домахъ не престаху учаше (Дѣян. 3, 42), а одинъ изъ нихъ давалъ наставленіе епископу Тимофею: *пастой* не только *благо-временнъ* но и *безвременнъ*. Въ евангельскихъ притчахъ пастырское служеніе не ограничивается однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, не заключается только въ стѣнахъ храма или молитвеннаго дома. Нѣтъ, тамъ мы видимъ пастыря *выходя-*

щимъ на улицы, чтобъ пригласить на бравъ всѣхъ, кого только было можно, — *путешествующимъ* по городамъ и пропастямъ, чтобъ отыскать и одну заблудшую овцу. Не очевидно ли, какъ обязательна для насъ домашняя проповѣдь, независимо отъ проповѣданія въ церкви? Да! объ ней, какъ о непрѣмной обязанности нашей, упоминается въ «Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ». Она, безъ сомнѣнн, и была всегда въ Церкви христіанской.

Чѣмъ же отличается домашняя бесѣда пастыря отъ церковной?

Проповѣдь съ кафедры, обыкновенно, произносится *ко всѣмъ* и объ *общихъ* христіанскихъ истинахъ. Если содержаніе ея бываетъ нравственное, то въ ней указываются такіе нравственные недостатки, которые свойственны *цѣлому* городу, селенію или приходу. — «Бесѣды воскресныя», которыя вотъ и вы открыли у себя, выслушиваются только нѣкоторыми, во всякомъ случаѣ—*меньшею частью народа*, чѣмъ сколько собирается его къ службѣ. Содержаніемъ ихъ болѣе бываютъ такіе предметы, о которыхъ не совсѣмъ умѣстно было бы говорить въ проповѣди. По времени,—онѣ продолжительнѣе. По изложенію—доступнѣе, и какъ-бы составляютъ разговоръ въ «приходской семьѣ». Но «домашняя» наша бесѣда—совсѣмъ не то. Въ ней обращены наши наставленія къ одному лишь лицу въ домѣ, иногда ко всей семьѣ, и много уже — къ нѣсколькимъ лицамъ, собравшимся вмѣстѣ по родству или знакомству. За проповѣдью церковною бываетъ тетрадь, за бесѣдою—книга, а въ домѣ не требуется ни того ни другаго; развѣ книга приносится или берется въ домъ для справокъ. Иногда вы идете къ прихожанину съ приготовленнымъ наставленіемъ, напримеръ, о томъ, чтобъ онъ поговѣлъ въ постъ. Но болѣею частью ваша проповѣдь въ домахъ начинается и развивается сама собой. Прихожанинъ дома бываетъ еще свободнѣе, чѣмъ за «воскресной бесѣдой» въ церкви.. Оттого онъ въ домашнемъ разговорѣ не только спрашиваетъ васъ, но и возражаетъ вамъ, споритъ съ вами. Большая часть этихъ наставленій и должна состоять изъ разрѣшенія его недоумѣній и опроверженія возраженій. Почему? Потому, что вѣдь нѣтъ порока, который бы не былъ извиняемъ людьми порочными. Нѣтъ

нравственной обязанности, противъ точнаго исполненія которой не были бы грѣшниками придуманы свои предлоги. Общія понятія о добрѣ и злѣ, положимъ, имѣютъ и самыя не-образованные, наприм. что не слѣдуетъ упиваться виномъ, брать чужое. Но извиненія порока, предлоги, старыя привычки, преданіе дѣйствуютъ на насъ сильнѣе, чѣмъ наставленія; и оттого люди въ жизни нерѣдко сами себя противорѣчатъ; напримѣръ, иные и не одобряютъ нетрезвости, но вѣрятъ пословицѣ: «пьянъ да уменъ». Вотъ по этому-то домашняя наша проповѣдь чаще всего должна слагаться изъ опроверженія возраженій и предлоговъ со стороны прихожанъ!

На этотъ разъ учить прихожанъ мы можемъ удобнѣе въ домахъ ихъ, чѣмъ въ храмѣ; потому что иногда предлоги къ неисполненію какого-либо христіанскаго долга бываютъ и слишкомъ мелочны и касаются одного лица; иногда же въ домашней бесѣдѣ, наприм. при раскрытіи предразсудковъ и повѣрьевоу, употребляются такія выраженія, которыя были бы не совсѣмъ умѣстны при бесѣдѣ съ церковной каедрой; а то, вы будете призваны, или безъ зова прійдете, разбирать семейныя распри, которыя составляютъ тайну семейной жизни. Слѣдуетъ, конечно, и съ церковной каедрой говорить о частныхъ предметахъ и о семейныхъ обязанностяхъ. Но самыя частныя наставленія на этотъ разъ, какъ наприм. къ чело-вѣку обиженному по службѣ, къ хозяйкѣ дома о суетахъ предъ праздниками, — кромѣ неумѣстности ихъ на каедрѣ, стѣснили бы собой церковную проповѣдь; потому что на долю послѣдней всегда остается множество общихъ вопросовъ о христіанской жизни, которые необходимо раскрывать. Бываютъ еще домашнія собесѣдованія съ прихожаниномъ такого рода, что они не оканчиваются однимъ разомъ, но нужно приходиться для нихъ дважды и трижды, наприм. по предмету о воспитаніи дѣтей.

Такъ, домашняя проповѣдь совершенно особый родъ пастырскаго учительства!

Она и существенно необходима, кака для насъ, такъ и для прихожанъ. Безъ нея мы будемъ знать своихъ прихожанъ только по лицамъ, а не по имени, только по списку, а не по характерамъ ихъ, не по духовнымъ нуждамъ каж-

даго, между тѣмъ, какъ мы должны *разумль разумлвать души стада*. Безъ нея наше нравственное вліяніе на прихожанъ будетъ несравненно слабѣе, наши отношенія къ нимъ будутъ не столь близки и скрени. Мы вѣдь не просто проповѣдники церковные, которыми могутъ быть и монашествующія и свѣтскія лица, преподающія науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣтъ, мы приставлены къ приходамъ. Поэтому должны мы учить и въ приходскихъ домахъ, слѣдя за семейною и домашнею жизнью своихъ прихожанъ.

Иначе, какъ мы исполнимъ пастырскій свой долгъ къ той части прихожанъ, которые совсѣмъ не ходятъ въ церковь или бывають въ церкви только въ годовые праздники? Одни не ходятъ къ богослуженіямъ оттого, что разстроились совсѣмъ своею жизнью, другіе—и по невѣрію, третьи—по отдаленности церкви отъ ихъ дома и по недосугамъ, а самая большая часть—по лѣности и по холодности къ вѣрѣ. Гдѣ же и какъ мы будемъ наставлять на путь истины этихъ заблуждающихся овецъ? Скажете: «имъ извѣстно, что нами говорится въ каждое воскресеніе проповѣди. Пусть же они идутъ въ церковь, чтобъ тамъ научиться». Такъ, они тѣмъ болѣе будутъ виновны предъ Богомъ, тѣмъ болшій отвѣтъ отдадутъ за свое непониманіе закону Божію и за неисполненіе обязанностей христіанскихъ, *если мы для нихъ столь усердно готовимъ и произносимъ поученія, а они не приходятъ слушать насъ. Но не должны ли и мы позаботиться объ нихъ? Не должны ли мы сами отыскивать ихъ, когда они не идутъ къ намъ? У тѣхъ ста овецъ, изъ которыхъ одна заблудилась, тоже былъ *дво; в овчій*, куда онѣ привыкли собираться. Однако-жъ заботливый пастырь не дожидался, пока заблудшая овца сама возвратится къ нему и соединится съ прочими, но пошелъ по скаламъ и пропастямъ отыскивать ее.

Такъ, домашняя наша проповѣдь прихожанамъ—необходимѣйшій нашъ долгъ.

Предметовъ и случаевъ для нея найдется множество. Иногда случай къ ней бывають такъ неожиданны, что нѣтъ времени приготовить наставленіе, а нужно только говорить и говорить. У насъ извѣстны въ печати, если не образцы, то опыты этой проповѣди. Здѣсь позволяю себѣ указать на трудъ

пишущаго къ вамъ: «Домашнія наставленія пастыря», въ большихъ трехъ томахъ. По обширности этой книги нетрудно судить, какъ о многомъ можетъ говорить приходскій священникъ, кромѣ церковной проповѣди. Книга вся состоитъ изъ разговоровъ священника съ прихожанами, и частію только изъ писемъ. Иные разговоры въ ней ведутся и объ общехристіанскихъ предметахъ, но съ тѣхъ сторонъ, какъ эти предметы оспариваются, напримѣръ,—о вѣчности мукъ, о различіи православнаго вѣроисповѣданія отъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, о точномъ по уставу соблюденіи постовъ. Затѣмъ,, слѣдуютъ въ ней разсужденія по разнымъ случаямъ жизни общественной и домашней, наприм. о храненіи присяги при допросахъ, объ обязанностяхъ домашней прислуги и т. под. Впрочемъ очень трудно представить въ печати «дѣйствительные разговоры священника съ прихожанами» о спасительныхъ истинахъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они происходятъ. Прихожанинъ даже и образованный постоянно уклоняется отъ порядка разговора, то спрашивая о постороннихъ предметахъ, то разсказывая самъ что либо, то повторяя одно и то же нѣсколько разъ. По этому въ печатныхъ «разговорахъ» видимъ бесѣдующимъ болѣе священника: священникъ послѣдовательно ведетъ бесѣду и постепенно приводитъ прихожанина къ убѣжденію въ той истинѣ, въ которой хотѣлъ убѣдить его.

Наконецъ, есть еще особые роды пастырскаго проповѣданія. Это: 1) *духовническія* (на духу) *наставленія*, которыя всегда бываютъ съ однимъ лицомъ, и всегда онѣ тайны, болшею частію обличительны и запретительны; 2) *законоучительство въ школахъ*, какъ изъясненіе закона Божія дѣтямъ и юношамъ; и 3) *исключительныя наставленія* къ тѣмъ, которые поставили себя въ особенное отъ другихъ положеніе, какъ напримѣръ,—къ заключеннымъ въ тюрьмахъ. По каждому изъ этихъ родовъ проповѣданія всегда можетъ составиться отдѣльный сборникъ пастырскихъ наставленій.

Другъ мой, ревнитель проповѣди слова Божія! Нельзя сказать о большей части изъ насъ, чтобъ мы не посѣщали своихъ прихожанъ, кромѣ богослуженій и требъ, или чтобъ, приходя къ нимъ съ требами, не оставались у нихъ посидѣть.

Но только какая же цѣль нашихъ посѣщеній? Не чаще ли поддержка обыкновеннаго знакомства съ прихожанами, или искательство у нихъ какихъ-либо выгодъ, или собственное развлечение послѣ служебныхъ трудовъ и кабинетныхъ занятій? А отсюда и предметами нашихъ разговоровъ съ прихожанами не болѣе ли бываютъ предметы свѣтскіе и житейскіе, чѣмъ клонящіеся къ сближенію ихъ съ Церковью, къ наученію ихъ, къ исправленію, къ утѣшенію? Нельзя также сказать, чтобъ многіе изъ насъ не пользовались вліяніемъ на своихъ прихожанъ, пріобрѣтая это вліяніе духовническими отношеніями или только частыми свиданіями съ ними, которыя обыкновенно сближаютъ. Но входя въ дома прихожанъ и бесѣдуя съ ними, мы должны помнить, что и здѣсь мы — проповѣдники слова Божія, что и здѣсь мы должны сѣять сѣмена истины Христовой, хоть по-немногу, хоть не давая замѣтить, будто пришли мы учить. О, какія бы счастливыя времена настали для православной вѣры и Церкви, еслибъ мы, приходскіе священники, будучи сами *образомъ* для вѣрныхъ, учили народъ и за богослуженіемъ и кромѣ богослуженія, въ церкви, наконецъ—въ домахъ, не только при удобныхъ случаяхъ къ этому, но и нарочито приходя въ дома прихожанъ.

Протоіерей Евгений Поповъ.

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДРЪ,

Первоначальникъ акимитовъ (неусыпающихъ) .

(Продолженіе).

Не слишкомъ ли было рано предлагать поселянамъ высокіе евангельскіе совѣты, сразу приывать къ совершенству исключительному, не для всѣхъ обязательно, какъ, это сдѣлалъ преподобный, обративъ вниманіе ихъ на слова Христовы о раздачѣ имѣнія бѣднымъ, о жизни въ нищетѣ, отложеніи вся

кихъ земныхъ попеченій, въ упованіи на Господа, дающаго пищу алчущимъ? По крайней мѣрѣ, сами новообращенные сильно восстали и уперлись противъ этихъ совѣтовъ, казавшихся имъ превышающими мѣру силъ человѣческихъ; такъ, что можно было опасаться со стороны этихъ людей утраты довѣрія и къ прочимъ наставленіямъ преподобнаго и даже отпаденія отъ новопринятой вѣры. Но преподобный Александръ извѣдалъ исполнимость евангельскихъ совѣтовъ собственнымъ опытомъ; мы уже сказали, что во взглядѣ на этотъ предметъ онъ разошелся съ братіею киновіи, въ которой ему привелось положить начало иночества, и потому удалился отъ туда и сдѣлался пустынножителемъ. Послѣ этого, нельзя не признать естественнымъ съ его стороны, что онъ поспѣшилъ подѣлиться съ своими учениками тѣмъ, что всего болѣе занимало его душу. Да и когда, лучше указывать новообращеннымъ на высокія степени христіанскаго совершенства, и когда они наиболѣе способны ко всякимъ жертвамъ, трудамъ и подвигамъ изъ любви къ Господу и ради спасенія души своей; когда охотнѣе могутъ отозваться и идти на призывъ къ тому,— какъ не въ первое время по своемъ обращеніи,— время, полное горячаго одушевленія, еще не успѣвшаго остыть подъ вліяніемъ привычки и суеты? Если преп. Александръ встрѣтилъ возраженія и сопротивленіе со стороны своихъ слушателей, то потому болѣе, что сначала былъ не такъ понятъ ими. Они не умѣли различить, какъ это бываетъ и нынѣ, совѣтъ отъ заповѣди, предлагаемое добродушію изволенію желающихъ отъ обязанностей, налагаемыхъ на всѣхъ, и говорилъ, что слова Господни не осуществимы, что не возможно всѣмъ имъ раздать свое имѣніе и, отложивъ всякое попеченіе о своемъ пропитаніи, ждать пищи съ неба. Такъ какъ въ подобныхъ возраженіяхъ выказывалась нѣкоторая доля и невѣрія въ Промыслъ Божій, то преп. Александръ сначала потщился доказать, призвавъ на помощь свой даръ чудотворенія, что для Господа возможно было бы и всѣхъ ихъ препитать безъ ихъ о томъ заботы, какъ Онъ питалъ нѣкогда народъ еврейскій манною; но за тѣмъ разъяснилъ, въ чемъ заключается неправильность ихъ мысли и какъ надобно разумѣть слова Господни. Последствіемъ сего было то, что Равуль, начальникъ селенія,

который наиболѣе высказывалъ сопротивленіе преп. Александру, и здѣсь, какъ при первоначальной проповѣди его о Христѣ, первый воспринялъ всю душу ученіе угодника Божія и призывъ къ высшему совершенству; онъ роздалъ все имѣніе, оставилъ міръ и удалился въ пустыню, склонивъ и супругу свою послѣдовать его примѣру; она сдѣлалась первою въ томъ мѣстѣ инокинею и положила начало первой иноческой женской обители. Новая жизнь совершенно преобразила душу Равула; онъ сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ и настолько созрѣлъ духовно, что въ послѣдствіи времени удостоился быть епископомъ знаменитаго въ ту пору города Едессы.

Просіяли благочестіемъ и добродѣтелью и бывшіе его подчиненные, оставаясь въ условіяхъ мірской жизни. Сознавъ, что нравственнымъ своимъ перерожденіемъ они обязаны исключительно преп. Александру, они хотѣли—было удержать его при себѣ навсегда и для этой цѣли избрать его себѣ епископомъ; но преподобный не считалъ себя призваннымъ къ этому сану и рѣшительно отклонилъ его отъ себя, Существуетъ большое различіе между миссіонерскимъ и собственно пастырскимъ дѣломъ, и рѣдко одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ совмѣщать въ себѣ силы для того и другаго дѣла. Самъ Апостоль Павелъ ограничивалъ свою дѣятельность собственно апостольскою проповѣдію и отстранялъ отъ себя, такъ сказать, приходско-пастырскія заботы, говоря: *не посла мене Богъ крестити, но благовѣстити*. Подобнымъ образомъ и преп. Александръ могъ съ успѣхомъ благовѣстити, но въ то же время не сознавалъ себя призваннымъ для выполнения пастырскихъ обязанностей. Обращенные имъ однако не хотѣли внимать никакимъ отговоркамъ и вознамѣрились—было употребить насиліе, чтобы достигнуть своей цѣли. Тогда преподобный, по примѣру того же Апостола Павла, въ одну ночь вошницею былъ спущенъ за ограду и поспѣшилъ паки удалиться въ пустыню, о которой давно уже скорбѣлъ духъ его.

Но избѣгши сана, котораго не желалъ принять, почему же онъ не направился въ другую мѣстность для продолженія миссіонерской дѣятельности, въ которой Господь благословилъ его такимъ успѣхомъ? Надобно полагать, что въ это время

начались уже извѣстные гоненія на св. Іоанна Златоуста, и что онъ, лишенный своей катедры и сосланный въ изгнаніе, не могъ уже поддерживать начатаго имъ миссіонерскаго дѣла, которое потому и остановилось съ его паденіемъ. Тѣмъ—то особенно и преступна несправедливость людская къ подобнымъ высоко-поставленнымъ и великимъ дѣятелямъ въ Церкви Христовой, что, отягощая ихъ личную земную участь, вмѣстѣ съ тѣмъ пресѣкаетъ ихъ многополезныя и часто вѣковыя по своему значенію начинанія.

Впрочемъ и въ пустынѣ преподобный долженъ былъ возобновить свою апостольскую проповѣдь. На второй день своего путешествія, онъ попалъ въ руки разбойниковъ, которые, конечно, ничего отъ него не могли получить, кромѣ наставленія въ вѣрѣ и благочестіи. Этихъ благъ они были вовсе лишены,—и преподобный снабдилъ ихъ оными въ изобиліи. Нельзя не подивиться могуществу его слова, силѣ его убѣжденій! Всѣ эти одичалыя природы, болѣе похожія, по своимъ свойствамъ и дѣламъ, на кровожадныхъ звѣрей, чѣмъ на людей, подъ вліяніемъ бесѣды преподобнаго, мало по малу, начали приходить въ себя, очеловѣчиваться, смягчаться, умиляться душею, и кончили тѣмъ, что приняли святое крещеніе, и затѣмъ сдѣлались монахами, устроивъ изъ самихъ себя братство и изъ своего притона—монастырь. И что другое они могли бы избрать для себя лучшее? Отверженцы общества, они не считали себя достойными возвратиться въ среду его, и если бы на это отважились, то не лишили-ли бы себя средства вознаграждать за прошлое, слезами и дѣлами искренняго раскаянія? Тамъ, среди соблазновъ жизни, снова могли пробудиться въ нихъ отъ сна ихъ дикія страсти; а здѣсь, въ пустынѣ, все напоминало имъ ужасъ ихъ прежнихъ преступленій, все приводило въ сокрушеніе, все побуждало къ покаиннымъ трудамъ и подвигамъ для умиловленія Божественнаго правосудія. Оставшись въ своемъ притонѣ, преобразовавъ его въ монастырь, они сдѣлали то, что вѣрнѣе всего вело ихъ къ спасенію души.

Преподобный далъ имъ уставъ и довольно пожилъ съ ними, утверждая ихъ въ благочестивой жизни и утѣшаясь

плодами ихъ покаянія, являемыми въ суровыхъ иноческихъ подвигахъ.

Затѣмъ, онъ опять направилъ путь свой далѣе въ пустыню и чрезъ два дня путешествія приблизился къ Евфрату, перешелъ эту рѣку и, найдя въ нѣкоторомъ совершенно уединенномъ мѣстѣ, большую, вѣопанную въ землю, пустую бочку, тутъ остановился; эта бочка стала его жилищемъ.

Душа преподобнаго, жаждавшая пустыннаго безмолвія, въ полномъ отрѣшеніи отъ житейской суеты и въ разобщеніи со всѣмъ міромъ живыхъ людей, здѣсь могла обрѣсти искомое насыщеніе: жилища человѣческія были отъ него далеко; его окружало отсюду мертвое молчаніе, прерываемое развѣ только время отъ времени шумомъ вѣтра, крикомъ дивихъ звѣрей и раскатами грома. Въ безмѣрной широтѣ пространства онъ стоялъ одинъ предъ Господомъ, сосредоточенно вперивъ въ Него свой умъ, все существо своего духа; а это неизъяснимо-сладостное ощущеніе, которое испытываетъ душа человѣческая въ подобномъ состояніи, наиболѣе способномъ воспринимать отъ лица Божія благодатное осіяніе, несущее съ собою радость и блаженство,—заставляло его забыть и о живущихъ въ мірѣ и о самомъ мірѣ. Но міръ не забылъ о немъ. Ревнителіи пустыннаго подвижничества, по нѣкоторомъ времени, открыли его убѣжище, начали собираться вокругъ него, чтобы пользоваться его руководствомъ, и мало по малу образовали большую киновію съ населеніемъ въ четыреста человѣкъ братіи разноплеменнаго состава, изъ латинянь, грековъ, сиріянь и египтянь.

Въ этой киновіи, которая была обязана преподобному Аленсандру своимъ существованіемъ, онъ могъ вводить тотъ порядокъ, какой наиболѣе соответствовалъ его желаніямъ и взглядамъ на сущность и задачи монашеской жизни. И что же онъ предпринялъ?

Во-первыхъ, согласно коренному своему убѣжденію, относительно несовмѣстности излишнихъ житейскихъ попеченій съ вѣрою въ промыслъ Божій, онъ устранилъ изъ своей обители всякую ненужную заботливость о вещественномъ, постановивъ правиломъ, чтобы братія ограничивала свою заботу о земномъ собственно только насущнымъ, дневнымъ пропитані-

емъ и всякій избытокъ предоставляла нуждающимся. Во-вторыхъ, онъ требовалъ, чтобы братія была упражняема, какъ можно болѣе и разнообразнѣе, въ свойственной ей дѣятельности. Но задача эта не мало затрудняла его. Съ тою настойчивостію, которая всегда отличала его, онъ и въ семь случаевъ хотѣлъ слѣдовать словамъ Писанія во всей буквальной ихъ точности, безъ всякаго ограниченія. Такъ, Псалмопѣвецъ о себѣ изрекъ: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя (Господи) о судьбахъ правды Твоея* (Пс. 118, 164); и преп. Александръ установилъ, чтобы по сему примѣру, и братія его киновіи семь разъ въ день собирались въ церковь на псалмопѣніе. Этого, кажется, было довольно для самыхъ ревностныхъ къ молитвѣ, а для немощныхъ — даже и слишкомъ. Но преп. Александръ припомнилъ и другое изреченіе того же Пророка: *блаженъ мужъ, иже въ законъ Господни поучится день и ночь* (Пс. 1 ст. 2),—и онъ сдѣлалъ молитвенное бдѣніе въ своей обители *непрерывнымъ*.

Но здѣсь возстало предъ нимъ непреодолимое затрудненіе: непрерывное напряженіе не возможно для человѣческихъ силъ, которыя необходимо требуютъ себѣ отдыха и подкрѣпленія. Постояннаго, безъ остановки, бдѣнія отъ каждаго отдѣльнаго инока, очевидно, требовать нельзя; непрерывное псалмопѣніе могло быть осуществлено только цѣлымъ братствомъ въ совокупности, посредствомъ установленія очереди. Но это уже не совсѣмъ то, или даже совсѣмъ не то, о чемъ говоритъ буквальной смыслъ означеннаго изрѣченія,—и преп. Александръ колебался учреждать такую очередь, недоумѣвая: не будетъ ли она, какъ бы ни мало оставялось инокамъ промежуточнаго времени для отдыха, излишнимъ послабленіемъ, и самый подвигъ не утратитъ ли отъ того свою цѣну въ очахъ Божіихъ? Изъ этого недоумѣнія вывелъ его Самъ Господь, чудеснымъ откровеніемъ ободривъ и успокоивъ его душу. Тогда онъ бодро приступилъ къ установленію въ своей обители, посредствомъ очереди, непрерывнаго, днемъ и ночью непрестающаго, молитвеннаго бдѣнія въ псалмопѣніи. При этомъ онъ однако постановилъ правиломъ, чтобы каждый ежедневно семьдесятъ кратъ седмерицею преклонялся предъ Господомъ, смиренно испрашивая у Него милостиваго прощенія въ своей

немощи, отказывающейся выносить непрерывное бдѣніе; за всякое же, совершенное при Его помощи, дѣло церковное, или монастырское, воздавать Ему неопустительно благодареніе, повтореніемъ Ангельскаго славословія: *слава въ вышнихъ Богу!* Это былъ первый примѣръ такого устройства монастырской жизни. Кипновія преподобнаго съ тѣхъ поръ получила названіе *обители неусыпающихъ* (акимитовъ) и самъ онъ навсегда удержалъ за собою, какъ характеристическую черту, названіе *первоначальника* таковой обители.

Чтобы понять значеніе столь обширнаго примѣненія псалмопѣнія въ обители преподобнаго Александра, надобно принять во вниманіе, чѣмъ оно было въ ту пору. Въ составъ его входили не только псалмы священной Псалтири, но и духовныя пѣсни, обязанныя своимъ происхожденіемъ вдохновенію христіанскаго чувства. Въ Сирской Церкви, къ концу четвертаго вѣка, въ особенномъ употребленіи были пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина, котораго религіозно-поэтическое творчество было чрезвычайно плодовито и увлекательно.

Въ половинѣ этого вѣка, еретики и раскольники, замѣтивъ могущественное вліяніе музыки и пѣнія на человѣческую душу, начали пользоваться ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ главнымъ орудіемъ пропаганды своихъ мнѣній. И, дѣйствительно, они начали было достигать большихъ успѣховъ, стройными хорами распѣвая, на народные мотивы, въ стихотворную рѣчь народныхъ пѣсень облеченные, гимны и псалмы, содержащія изложеніе еретическаго ученія и хулу на православіе. Православные должны были противодѣйствовать имъ тѣмже самымъ орудіемъ. Въ Сиріи этимъ способомъ въ особенности сильно пропагандировали и много прельщали еретики-гностики, Вардесанъ (конца 2-го вѣка) и Армоній, сынъ его. Вардесанъ, по свидѣтельству одного стихотворенія преп. Ефрема Сирина,

Составилъ пѣсни
и положилъ ихъ на ноты.
Онъ вымыслилъ псалмы
и ввелъ размѣры;
По длинѣ и тяжести (ударенію?)
раздѣлилъ слова.

Таеъ приготоуленъ простымъ
Ядъ, растворенный сладостію,
тѣмъ больнымъ, которые пици
здоровой не принимаютъ.

Давида избралъ онъ въ примѣръ,
чтобъ обольщать красотой его,
Нравится его видомъ внѣшнимъ.

Сто пятьдесятъ псалмовъ
и онъ вымыслилъ.

Но истину его (Давида) оставилъ онъ, братія,
а подражалъ только числу.

Армоній еще успѣшнѣе дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ. Онъ изучилъ языкъ и науки греческіе и, по возвращеніи въ отечество, обогатилъ сирское стихосложеніе нѣкоторыми родами греческаго и сообщилъ ему обворожительную гармонію.

На борьбу съ этими врагами Церкви выступилъ преп. Ефремъ Сиринъ и ихъ же орудіемъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду. Обладая богато надѣленною поэтическою и музыкальною натурою, онъ составилъ до 12.000, а по нѣкоторыхъ свидѣтельствамъ, даже до 14.000 духовныхъ пѣсней, изложивъ въ нихъ православное ученіе, въ противоположность еретическому, положилъ онѣя на ноты, придумавъ для сего, какъ нѣкоторые полагаютъ, до 257 напѣвовъ, и самъ научалъ выполнять хорами пѣніе этихъ пѣсней. Въ то же почти время, съ великою ревностію и съ великимъ успѣхомъ, заботились о развитіи и благоустроеніи церковнаго пѣснопѣнія св. Василій Великій въ Малой Азіи, св. Іоаннъ Златоустъ въ Константинополѣ, св. Аѳанасій Великій въ Александріи, св. Амвросій въ Медиоланѣ, въ видахъ противо-дѣйствія арианамъ, которые усиливались вовлекать христіанъ въ свои заблужденія тѣми же приемами, какъ и Вардесанъ съ своими послѣдователями.

Въ обители преп. Александра, безъ сомнѣнія, болѣе всего употреблялись сирскія пѣснопѣнія преп. Ефрема Сирина; но какъ она вмѣщала въ себѣ не только сиріанъ, но и грековъ и латинянъ, то надобно предположить, что были допускаемы также пѣснопѣнія греческія и латинскія. Въ такомъ случаѣ, о псалмопѣніи, неусыпаемо совершавшемся въ этой обители,

надобно заключить, что оно научало и восхищало вмѣстѣ; оно наполняло умъ обильнымъ и точнымъ знаніемъ вѣры и благочестія, служило всегдашнею, всеобъемлющею проповѣдію, по своему содержанію, и въ то же время глубоко трогало и восхищало сердце своимъ сладкозвучіемъ, настраивало къ святымъ чувствованіямъ, къ религіозной восторженности своимъ возвышеннымъ направленіемъ, уносящимъ человѣческую мысль далеко отъ земли, въ свѣтлыя области чистыхъ идеаловъ. Если пѣснопѣнія нашей Церкви и по нынѣ способны производить подобное же впечатлѣніе на душу, внимающую имъ, хотя языкъ ихъ не всегда понятенъ для простаго народа и формы ихъ далеки отъ первоначальной красоты изящнаго стиха, даже лишены нерѣдко правильности и строя обыкновенной прозаической рѣчи, а напѣвы ихъ не имѣютъ ничего сроднаго съ нашими народными мотивами: то на тѣхъ, для кого были вначалѣ составлены эти пѣснопѣнія, для кого былъ ясень ихъ языкъ и живо ощутима вся красота поэтической ихъ формы и обаяніе музыкальнаго ихъ выраженія въ соглашенныхъ съ національнымъ вкусомъ звукахъ,—на тѣхъ они должны были оказывать благотворное свое вліяніе съ силою неотразимою и въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ нынѣ. Въ примѣръ изумительнаго дѣйствія музыки на человѣка, св. Василій Великій рассказываетъ слѣдующій случай. Писагоръ, встрѣтивъ разъ упившихся на пиру, приказалъ свирѣльщику, который управлялъ хоромъ, переменить напѣвъ, заиграть на дорическій ладъ; и что-же? Отъ этой игры пирующие такъ образумились, что, сбросивъ съ себя вѣнки, разошлись со стыдомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что преп. Александръ для иноковъ своей обители призналъ самымъ лучшимъ дѣломъ, чтобы они большую часть своего времени проводили въ псалмопѣніяхъ. (1)

---

(1) Впрочемъ самое прекрасное и пріятное занятіе можетъ утомить своимъ однообразіемъ. Во избѣжаніе этого, уже по требованію одного благоумія, въ обители преп. Александра псалмопѣніе, конечно, не было непрерывнымъ и давало мѣсто для чтенія, для поученій и священнодѣйствія. А притомъ и положительнымъ правиломъ (Неокес. 17) запрещалось въ церковныхъ собраніяхъ совокуплять псалмы непрерывно одинъ къ другому, а повелѣвалось между псалмами быть чтенію.

Упражненіе это не только вело иноковъ вѣрнѣйшимъ путемъ къ самому святому и спасительному благоустроенію душевному, вакого только можетъ пожелать себѣ Боголюбивый подвижникъ, но при этомъ еще послужило для нихъ прекраснымъ приготовительнымъ средствомъ къ миссіонерской дѣятельности, на которую въ послѣдствіи вызвалъ ихъ преп. Александръ, образовало изъ нихъ проповѣдниковъ христіанства, обогащенныхъ обширнымъ и точнымъ познаніемъ догматовъ, вразумленныхъ относительно лжеученій и ухищреній еретическихъ,—людей, одушевленныхъ святою ревностію во имя Господа и изъ любви къ Нему готовыхъ на все.

Миссіонерское дѣло иноковъ, призванное къ жизни св. Іоанномъ Златоустомъ, съ удаленіемъ его изъ Константинополя пріостановилось, но не погнбло. Великій святитель даже въ своемъ изгнаніи не переставалъ помышлять о распространеніи свѣта Христова и изобрѣталъ къ тому средства. Живя въ Кукузѣ, онъ не только заботился оживить разстроенную дѣятельность внутреннихъ миссій, но возымѣлъ еще новую и важную мысль — обратить въ христіанство цѣлое сосѣднее государство—Персію,—эту страну маговъ и огнепоклонниковъ.

Въ Персіи христіанство существовало издавна, можно сказать, съ самаго его возникновенія, ибо нѣтъ сомнѣнія, что уже тѣ *паряне и мидяне*, которые были свидѣтелями Сопествія Св. Духа на Апостоловъ, и слушателями первой, послѣ этого озаренія свыше, проповѣди Апостола Петра,—что эти люди, сами увѣровавъ въ Господа, не преминули возвѣстить тайну спасенія и своимъ соотечественникамъ; а потомъ извѣстно, что и нѣкоторые изъ Апостоловъ (Симонъ и Іуда) были проповѣдниками Христа въ Персіи, такъ что, благодаря терпимости правителя Персіи Артабада и его преемниковъ, къ началу 3-го вѣка христіанство тамъ было весьма распространено и, можно сказать, находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Но съ 255 г., когда воцарилась въ Персіи новая династія, въ лицѣ Арджада, выдававшего себя за потомка древнихъ персидскихъ царей и считавшаго себя, въ этомъ качествѣ, обязаннымъ поддерживать древнюю религію,—тогда все перемѣнилось. Противъ христіанъ начато преслѣдованіе, которое особенно сдѣлалось жестокимъ при Сапорѣ II (съ 343

до 379); въ это ужасное время до 16.000 человекъ сдѣлались мучениками за имя Христово, (1) и Церковь могла сохраниться здѣсь только въ ограниченномъ числѣ членовъ и притомъ въ самомъ смиренномъ, если не вполнѣ сокровенномъ, видѣ. Впрочемъ, со смертію Сапора II, настали времена болѣе тихія, даже благопріятныя для христіанства. Нѣкоторый пресвитеръ софенской провинціи, пограничной съ Персіею, по имени Маруѳа, бывъ посланъ императоромъ Θεодосіемъ къ персидск. царю Издегерду для какихъ-то переговоровъ, успѣлъ снискать его благосклонность и даже сдѣлаться его совѣтникомъ. Издегердъ былъ расположенъ даже исполнить желанія Маруѳы, клонившіяся къ пользѣ христіанства. Такъ, ему позволено было собирать святыя мощи персидскихъ мучениковъ, которыя онъ вывезъ изъ Персіи, положилъ въ церкви, нарочито для сего устроенной на берегу Нимфея, на границѣ Персіи, гдѣ вскорѣ образовался городокъ, названный Мартирополемъ и избравшій себя епископомъ этого самого пресвитера Маруѳу. Такимъ счастливымъ положеніемъ Маруѳы при персидскомъ дворѣ и хотѣлъ—было воспользоваться св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы въ широкихъ размѣрахъ предпринять миссіонерскія дѣйствія въ Персіи и разомъ обратить ко Христу все это государство. Изъ Кукуза онъ писалъ Маруѳѣ, которому предлежало путешествіе въ Константинополь, чтобы онъ навѣстилъ его для переговоровъ по этому предмету; но Маруѳа, по какимъ-то причинамъ, не исполнилъ этой просьбы, а затѣмъ вскорѣ дивный святитель отошелъ ко Господу.

Великая мысль Златоустаго однако не пропала безслѣдно; она усвєена была другими и вызвала энергическія попытки къ прссвѣщенію Персіи. Къ числу такихъ дѣятелей можно присоединить и преп. Александра. Живя много лѣтъ въ Сиріи, у самой персидской границы, онъ имѣлъ возможность изучить благопріятныя для христіанства этой страны обстоятельства и усвѣить моментъ наиболѣе удобнѣй для проповѣднической въ ней дѣятельности. Ему не далеко было искать

---

(1) Есть сказаніе, что въ это время была предана мученіямъ и смерти даже мать Сапора, которая была христіанкой. См. Чет. Мин. Ноябрь 2.

и дѣателей. Христіанство, на сколько еще его оставалось въ Персіи, существовало и поддерживалось изъ Сиріи сирійцами, такъ что языкомъ церковнымъ у христіанъ персидскихъ былъ языкъ сирійскій. Въ Антиохіи и Едессѣ были школы, въ которыхъ съ общимъ образованіемъ преподавалось и наставленіе о христіанскихъ догматахъ; въ концу четвертаго вѣка особенно прославилась школа въ Едессѣ, основанная преп. Ефремомъ Сириномъ и находившаяся подъ его руководствомъ. Въ его время существовали и процвѣтали въ Едессѣ, кромѣ того, спеціальныя школы приготовленія служителей Церкви въ Персіи, для тамошнихъ христіанъ: въ нее поступали природныя персы и обучались между прочимъ сирскому языку, который, какъ сказано, былъ богослужебнымъ языкомъ у христіанъ персидскихъ.

Изъ этихъ учрежденій выходило большое количество людей съ такимъ запасомъ знаній, который дѣлалъ ихъ теоретически вполне приготовленными и способными въ миссіонерскому дѣлу въ предѣлахъ Персіи. Но школьное ученіе въ ту пору еще не надмѣвало такъ ума, не изсушало сердца, какъ это мы видимъ, на примѣръ, нынѣ, и именно наиболѣе успѣвшіе въ немъ считали для себя необходимымъ, прежде вступленія на поприще общественной дѣятельности, дополнять теоретическое свое образованіе продолжительнымъ практическимъ упражненіемъ въ подвигахъ благочестія. По примѣру св. Іоанна Златоуста, св. Ефрема Сирина и другихъ великихъ свѣтилъ церковныхъ, они, прослушавъ все, что могли преподавать имъ наставники въ школахъ, обыкновенно шли, какъ это ни странно можетъ показаться на взглядъ нѣкоторыхъ теперь, въ пустыни, киновіи, скиты, монастыри и лавры, которыми усѣяны были окрестности Антиохіи и Едессы и вся Сирія, чтобы здѣсь на дѣлѣ поучатся у старцевъ, можетъ быть, простыхъ по части внѣшней образованности, но умудренныхъ опытомъ, — поучатся христіанской жизни, о которой въ школахъ имъ говорилось лишь только теоретически. Такихъ учениковъ изъ школъ Антиохіи и Едессы было, безъ сомнѣнія, не мало и въ обители преп. Александра, гдѣ они, судя по всему, что о ней знаемъ, должны были вполне созрѣть для дѣла миссіи между персами. Въ лицѣ ихъ онъ

имѣлъ надеждный полкъ Христовыхъ воиновъ, облеченныхъ во вся оружія Божія, съ которыми могъ смѣло предпринять великій подвигъ духовнаго завоеванія и покоренія подъ иго Христова персидскаго царства. И онъ дѣйствительно рѣшился выступить на этотъ подвигъ. Привыкши во всемъ руководиться словомъ Божіимъ, онъ и на этотъ разъ подвигнуть былъ къ святому дѣлу словами Господа: *уже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъ въ царствіи небесныхъ*. Утѣшаясь успѣхами братіи въ духовной жизни, онъ разсудилъ, что на личномъ каждаго нравственномъ преуспѣяніи не должно еще останавливаться, что онъ лишилъ бы ихъ самой высшей награды на небесахъ, если бы не предоставилъ имъ случая научить и другихъ творить волю Божію, послѣ того, какъ исполнили ее сами.

Дабы обезпечить себѣ успѣхъ въ святомъ дѣлѣ, преподобный, въ видѣ опыта и подготовительной практики, устроилъ сначала внутреннюю миссію изъ 72 человекъ своей братіи, и послалъ ихъ съ проповѣдію въ ближайшія селенія, гдѣ еще оставалось языческое суевѣріе. Успѣхъ достигнуть самый утѣшительный,—и это ободрило преподобнаго приступить къ главному дѣлу. Присоединивъ къ этимъ 72, испытаннымъ уже въ своей способности, проповѣдникамъ еще столько же человекъ наиболѣе благонадежныхъ изъ братіи монастырской и ввѣривъ остальныхъ руководству достойнѣйшаго изъ нихъ старца Трифона, онъ въ главѣ полтораста своихъ сподвижниковъ рѣшительно и навсегда оставилъ основанную имъ обитель, въ которой потрудился цѣлыхъ 20 лѣтъ, и направился къ персидскимъ предѣламъ, съ тѣмъ, чтобы предаться исключительно апостольскому дѣлу проповѣди Евангелія.

По всѣмъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, успѣхъ казался обезпеченнымъ и миссіа столь многолюдная, съ такимъ тщаніемъ и совершенствомъ подготовленная, такимъ глубоко-опытнымъ и святоревностнымъ человекомъ предводимая, подавала самыя отрадныя надежды. Но по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, надеждамъ этимъ не было дано осуществиться, и преподобный принужденъ былъ испытать и перенести самую горькую неудачу.

Первыя огорченія начались для него еще на пути и про-

изошли отъ самихъ же его сподвижниковъ. Это покажется страннымъ послѣ всего, что сказано объ избраніи и приготовленіи ихъ; но мы перестанемъ удивляться, если вспомнимъ, что во всякое общество, налагающее на своихъ членовъ трудныя обязанности во имя высшей цѣли, умѣютъ проникнуть люди, неспособные понести этихъ обязанностей, — что натуры слабыя нерѣдко не уступаютъ въ воспримчивости, порывахъ и стремленіяхъ натурамъ сильнымъ, даже иногда превосходятъ ихъ на первый разъ, — и этимъ легко обманываютъ и себя самихъ и другихъ, доколѣ не подвергнутся суровому испытанію дѣйствительности; при первомъ же соприкосновеніи съ нею тотчасъ обнаруживаютъ свою несостоятельность. Тоже случилось и съ миссіонерскимъ обществомъ преп. Александра. Оставивъ монастырь, онъ повелъ своихъ спутниковъ по голой пустынѣ, гдѣ нечѣмъ было утолить голодь и жажду, и по которой надобно было идти въ теченіе нѣсколькихъ дней. Нашлись малодушные, — ихъ оказалось тридцать человекъ, — у которыхъ не хватило терпѣнія, которые подняли ропоть на своего руководителя и потребовали возвращенія въ обитель. Преподобный, конечно, не хотѣлъ и не могъ удерживать ихъ противъ воли; было ясно, что они отважились на труды не по силамъ и отпустить ихъ обратно было лучше какъ для нихъ самихъ, такъ и для остающагося при немъ общества, которое они бременили бы собою и разстраивали: но все же этотъ случай былъ весьма прискорбнымъ явленіемъ и не могъ не огорчить преподобнаго до глубины души.

Скоро проповѣдники достигли персидской границы, на которой расположены были сторожевыя римскія укрѣпленія. Гарнизоны этихъ укрѣпленій, откинутые отъ своей родины въ такую даль, въ скучномъ однообразіи своей пограничной службы, рады были видѣть неожиданно явившихся къ нимъ соотечественниковъ, оказали имъ самое радушное гостепримство и дали возможность преподобному Александру препроводить обратно въ свой монастырь тѣхъ, которые не пожелали слѣдовать за нимъ далѣе. Отъ одного горя онъ такимъ образомъ избавился; но встрѣтился тотчасъ же съ другимъ, гораздо болѣе важнымъ. Въ самую Персію онъ не проникъ

пуль. Онъ узналъ здѣсь, что въ этомъ государствѣ совершились важныя событія и произошли перемены неблагопріятныя для миссіонерскаго дѣла.

Дѣйствительно, въ 418—420 году Издегердъ персидскій царь измѣнилъ свою благорасположенность къ христіанамъ и открылъ противъ нихъ жестокое преслѣдованіе, которое продолжалось и при сынѣ его Варанѣ, по тому поводу, что епископъ Сузы Абда разрушилъ уважаемый персами языческой храмъ этого города. Услышавъ объ этомъ, преподобный долженъ былъ понять, что удобный моментъ для осуществленія его предпріятія пропущенъ и Богъ вѣсть, когда возвратится. Для него стало очевиднымъ, что миссіонерскія попытки въ предѣлахъ Персіи теперь ни къ чему бы не повели, кромѣ безплодныхъ жертвъ, безцѣльнаго мученичества, даже стали невозможны: ни онъ, ни кто-либо изъ его спутниковъ не были бы пропущены черезъ границу; такъ какъ персы, воздвигнувъ жестокое на христіанъ гоненіе внутри своего государства, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушили миръ съ римскою имперіею и открыли противъ нея враждебныя дѣйствія. Горько было преподобному встрѣтиться съ неодолимымъ препятствіемъ у самой цѣли, послѣ столькихъ усилій приблизиться къ ней; тяжело ему было отказаться отъ великаго предпріятія, въ которое онъ вложилъ столько самоотверженнаго труда и съ которымъ соединялъ такія возвышенныя и свѣтлыя надежды! Но, видно, такъ было угодно Богу,—и преподобный смиренно преклонился предъ неисповѣдимыми Его судьбами. Однако нравственное богатство силъ, которыя онъ успѣлъ собрать и соединить около себя, не осталось въ бездѣйствіи и не пропало даромъ. Для нихъ довольно нашлось дѣла и внутри римской имперіи.

По всей персидской границѣ христіанство еще не было насаждено надлежащимъ образомъ; оно не процвѣтало и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ стояли римскіе гарнизоны. На это со скорбію указали преподобному военные начальники,—и онъ рѣшился замѣнить неудавшійся подвигъ другимъ, имѣющимъ свою важность; оставивъ мысль о Персіи, онъ пошелъ съ своими спутниками проповѣдывать Евангеліе въ грады и

веси по рубежу персидскому, въ предѣлахъ своего отечества . Здѣсь Господь благословилъ труды его и онъ имѣлъ утѣшеніе привести ко Христу много душъ, блуждавшихъ въ мракѣ невѣрія. Однако успѣхи, достигнутые здѣсь, не могли равняться съ тѣми, какихъ онъ ожидалъ отъ своей миссіи въ предѣлахъ Персіи, и вознаградить его за разстроившійся планъ. Преподобный скоро увидѣлъ даже совершенную невозможность существованія своей миссіи, которая приготовлена была для дѣйствованія со всѣмъ на иномъ поприщѣ. Самая многочисленность ея состава, могшая повести къ важнымъ результатамъ въ Персіи, здѣсь становилась великимъ затрудненіемъ, помѣхою, наконецъ неодолимымъ препятствіемъ къ проповѣдническому дѣйствованію. Въ Персіи миссіонеры, конечно, разсѣялись бы по разнымъ пунктамъ, а здѣсь они принуждены были держаться всѣ вмѣстѣ вокругъ своего руководителя, не зная безъ него, куда направиться; и вотъ возникалъ серьезный вопросъ о пропитаніи братіи. Въ тѣхъ скудно населенныхъ и бѣдныхъ мѣстностяхъ, по которымъ они проходили, такой толпѣ людей не легко было находить продовольствіе, особенно даровое; прибытіе ихъ не вездѣ по этому могло быть привѣтствуемо дружелюбно. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ городѣ жители положительно отказались принять ученіе преподобнаго и поспѣшили удалить его и его спутниковъ, а обитатели другаго города — Пальмиры (основаннаго Соломономъ), даже не чуждаго христіанству, ибо оно здѣсь существовало, хотя и съ примѣсью іудейства, заперли предъ ними ворота и вовсе къ себѣ не пустили. Тамъ и здѣсь говорили: кто можетъ напитать такое множество иноковъ? А нѣкоторые выражали опасеніе, что эти неожиданные пришельцы, своимъ примѣромъ и проповѣдью о нестяжательности, скоро истощатъ ихъ средства къ жизни и повергнутъ ихъ въ такую же нищету, въ какой находятся сами. Въ такихъ обстоятельствахъ преподобному ничего болѣе не оставалось, какъ прекратить миссіонерскія дѣйствія и возвратиться къ занятіямъ монастырской жизни. Пальмира была послѣднимъ пунктомъ, до котораго онъ доходилъ съ своею проповѣдью; направляясь къ юго-востоку вдоль по персидской границѣ; отсюда онъ предпринималъ обратный путь,

но уже не въ свою виновію, до которой было далеко, а въ главный городъ Сиріи Антіохію.

Въ окрестностяхъ Антіохіи было много мѣстъ, благопріятныхъ для пустыннаго безмолвія, и много было, какъ мы замѣтили выше, разсѣяно большихъ и малыхъ иноческихъ обителей и одинокихъ келій и пещеръ. Преподобный Александръ могъ питать надежду, что и ему со спутниками найдется тамъ удобное пристанище и что соименный ему антіохійскій архіепископъ Александръ, безъ сомнѣнія, довольно узнавшій его впродолженіе своего патриаршества съ 413 по 420 г., и вообще весьма милостивый и сострадательный, по отзыву Іоанна Мосха въ Лугѣ Духовномъ (гл. 33), не лишитъ его своего благословенія и покровительства. Но и тутъ преподобный обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: въ Антіохіи онъ нашель архіепископомъ уже не Александра, а Θεодота, который оказалъ ему пріемъ весьма жесткій и суровый. Узнавъ о приближеніи его къ Антіохіи, Θεодотъ послалъ своихъ людей воспрепятствовать вступленію его съ братією въ городъ и настоять, чтобы все ихъ общество немедленно и безпрекословно удалилось куда-либо въ другое мѣсто. Слуги архіепископа запоздали нѣсколько; братство преп. Александра уже вступило въ черту города и проходило по его улицамъ съ псалмопѣніемъ. Это зрѣлище однако не тронуло посланныхъ и не остановило, напротивъ, раздосадовало, и они, со всею дерзостію и нахальствомъ облеченныхъ полномочіемъ рабовъ, напали на бѣдныхъ странниковъ, оскорбили ихъ ругательствами и жестокими побоями и безчестно выгнали за городъ, какъ будто бы какихъ преступниковъ. Въ этой свалкѣ не избѣжалъ ударовъ и преподобный Александръ; на долю его выпало ихъ даже болѣе, чѣмъ кому-нибудь. Что же однако это значитъ? О патриархѣ Θεодотѣ исторія сохранила добрыя воспоминанія. Θεодоритъ хвалитъ его жизнь и знаніе догматовъ (1). Іоаннъ Мосхъ прославляетъ его доброту, смиренномудріе и кротость (Лугъ Духовн. гл. 32, 33). Какъ же могло случиться, что онъ такъ

---

(1) Въ самомъ дѣлѣ, Θεодотъ доказаль это напр. на соборѣ въ Діосполисѣ (Лиддѣ) противъ Пелатія, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ.

странно отнесся къ преподобному Александру и его братству? Увы! это было со стороны патріарха прискорбнымъ недоразумѣніемъ! Монашество уже и тогда имѣло своихъ враговъ; патріарху внушили и онъ имѣлъ слабость повѣрить, что этотъ уважаемый мужъ и его спутники не что иное, какъ лицемеры и пустосвяты, отъ которыхъ, кромѣ вреда, ничего нельзя ожидать для города. Послѣ этого, поведение Θεодота становится понятнымъ; но кто же именно посѣялъ въ душѣ его столь несправедливое предубѣжденіе? Ужели патріаршіе клирики, съ которыми, — черта эта сохранена исторіей, — онъ любилъ дѣлать время и трапезу?

Не смотря однако на случившееся, преподобный не упалъ духомъ. Онъ не счелъ себя обязаннымъ подчиниться дѣйствию насилія и, догадываясь, что оно вызвано постороннимъ злонамѣреннымъ вліяніемъ, а не самостоятельнымъ рѣшеніемъ архіепископа, надѣялся безъ труда преклонить его на милость, а потому, пользуясь темнотою ночи, тайно прошелъ въ городъ со всѣмъ своимъ братствомъ и, пріютившись въ старыхъ, заброшенныхъ баняхъ, началъ совершать здѣсь псалмопѣніе. Дѣйствительно, архіепископъ на утро смягчился и, узнавъ о мѣстѣ убѣжища пришельцевъ, велѣлъ оставить ихъ въ покоѣ. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ, конечно, всего болѣе побужденіямъ своего добраго сердца; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ уступку и желаніямъ народа. Монашество если всегда имѣло ожесточенныхъ враговъ, то всегда, даже въ самыя худшія времена, у него были и преданные друзья. Большинство народа въ Антиохіи относилось къ нему сочувственно; въ этомъ городѣ знали и уважали преподобнаго Александра и его сотрудниковъ; и потому недостойное обращеніе съ ними слугъ архіепископа вызвало взрывъ негодованія во всемъ населеніи, и къ архіепископу со всѣхъ сторонъ посыпались упреки и настойчивыя представленія въ пользу невинно обиженныхъ иноковъ. Θεодотъ тѣмъ легче могъ уступить обращеннымъ къ нему ходатайствамъ, что преподобный Александръ ничего не требовалъ, кромѣ позволенія остаться въ занятыхъ имъ, никому не нужныхъ, пустыхъ баняхъ.

Получивъ на это согласіе архіепископа, который, умилившись душою, благословилъ быть тутъ и черви для молитво-

словія братій, преподобный приступилъ къ устройству монастыря. Въ средствахъ не было недостатка; жители города, все болѣе и болѣе проникавшіеся любовію и благоговѣніемъ къ преподобному, доставляли ихъ ему въ изобиліи. Притомъ и самыя бани не надобно представлять какими-то подвалами. Въ эпоху греко-римскую, бани въ городахъ были общественными зданіями, служившими для жителей мѣстомъ свиданія, пріятныхъ разговоровъ и утонченныхъ наслажденій тѣлесной нѣги; въ такихъ большихъ и богатыхъ городахъ, какъ Антиохія, онѣ строились въ огромныхъ размѣрахъ и съ необыкновенною роскошью. Такимъ образомъ, въ распоряженіе преподобнаго поступили, конечно, развалины, но развалины громадныя, матеріалъ которыхъ могъ послужить для многихъ новыхъ построекъ. Итакъ не изысканіе средствъ могло его озабочивать; но ему предстояло рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли въ новосозидаемомъ монастырѣ устроить иноческую жизнь на тѣхъ самыхъ основаніяхъ и по тому самому чину, какъ это было въ обители, имъ оставленной? Что возможно и хорошо въ пустыни, то не всегда примѣнимо и полезно въ многолюдномъ городѣ.

(Окончаніе зрѣдь).

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Блажеви, ихже оставишася беззаконія, и ихже прикришася грѣси. Блаженъ мужъ, ему же не вмѣнить Господь грѣха.

Пс. 31, 1—2.

Мы приступаемъ, братія, къ такому времени года, когда, по установленію Церкви, мысль о нашей грѣховности и необходимости примиренія съ Богомъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, должна выступать на первый планъ въ нашемъ сознаниіи. Настоящій день есть преддверіе поста,—поста великаго столько же по продолженію времени, сколько и по тѣмъ усиленнымъ подвигамъ воздержанія, какихъ требуетъ отъ своихъ истинныхъ чадъ св. Церковь. Блаженъ сынъ православной Церкви, котораго никогда не оставляетъ мысль о покаяніи, для котораго подвиги воздержанія суть дѣло каждаго дня, одинъ непрерывный подвижъ цѣлой жизни! Но есть дни, есть времена въ году,

когда Церковь призываетъ всѣхъ своихъ чадъ къ общему покаянію, къ общимъ подвигамъ воздержанія. Такія времена суть посты. Общимъ покаяніемъ и общими подвигами воздержанія всѣ мы должны приготовить себя, чтобы съ истинно-христіанскими чувствами, съ очищенными душою и тѣломъ срѣтить высокопразднственные дни, посвященные воспоминанію о важнѣйшихъ событіяхъ въ исторіи домостроительства нашего спасенія. Всѣ вы, братія, знаете эти великія празднества, которымъ предшествуютъ посты. Это — *во-первыхъ*, дни, посвященные воспоминанію явленія на землѣ воплотившагося Сына Божія, Его рожденія въ Вифлеемѣ, обрѣзанія во плоти по закону Моисееву и крещенія отъ Іоанна во Іорданѣ; *во-вторыхъ*, дни, когда воспоминаются страданія, смерть и воскресеніе нашего Господа, за которыми слѣдовали потомъ чудесное вознесеніе Его на небо и ниспосланіе на Церковь обѣтованнаго Утѣшителя, Духа истины; *въ-третьихъ*, дни, посвященные памяти святыхъ первоверховныхъ и всѣхъ вообще Апостоловъ, разнесшихъ по всему міру такъ давно ожидаемое Евангеліе царствія Божія, благу ю вѣсть о спасеніи міра; наконецъ, *въ-четвертыхъ*, день, посвященный воспоминанію о преселеніи отъ міра сего Высшей Заступницы міра, Честнѣйшей Херувимовъ и Славнѣйшей безъ сравненія Серафимовъ, — Божіей Матери. Среди всѣхъ этихъ высокыхъ торжествъ, кромѣ дней страданій и смерти Господа, мы чувствуемъ себя какъ бы на брачной вечери Небеснаго Жениха, и потому это дни веселія и радости; приходятъ другіе дни, *егда отземлется отъ насъ Женихъ*, и тогда мы должны *плакати*, должны поститься (Матѣ. 9, 14—15). Призываемые четыре раза въ годъ къ общему покаянію и общимъ подвигамъ воздержанія, мы какъ бы призываемся посвятить на особенное служеніе Богу по нѣкоторой части и отъ каждаго времени года, какъ должны посвящать Ему одинъ день въ недѣлю, — призываемся отъ каждаго времени года принести нашему Творцу и Спасителю начатки нашей очищенной и облагодатствованной духовной жизни.

На сколько величайшія событія страданій и смерти Богочеловѣча, по особеннымъ проявленіямъ безконечной любви Божіей къ человѣку — грѣшнику, возвышаются надъ всѣми

другими даже въ ряду этой непрерывной цѣпи величайшихъ благодѣяній Божіихъ къ грѣшному роду человѣческому, какою представляется вся вообще исторія домостроительства нашего спасенія: на столько же большаго вниманія къ самимъ себѣ, во столько же большихъ усилій въ дѣлѣ покаянія и воздержанія требуетъ отъ насъ Церковь въ предстоящіе дни святой Четырнадцатидесятницы. Эти сорокъ дней должны достойно приготовить насъ къ воспоминанію о величайшихъ событіяхъ страданій, смерти и воскресенія нашего Спасителя. Но Церковь давно уже готовится къ самымъ этимъ днямъ великаго приготовленія,— готовится къ самому великому посту, который самъ по себѣ есть приготовленіе. Какъ же Церковь доселѣ готовила насъ, братія, къ великимъ днямъ святой Четырнадцатидесятницы?

Рядъ такихъ приготовленій начался уже съ того времени, когда въ евангельскомъ чтеніи и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ обращено было наше вниманіе на умиленную притчу Спасителя о мытарѣ и фарисеѣ. Съ самаго начала два весьма важныхъ урока преподаются намъ, братія,—важныхъ и всегда, а особенно, такъ сказать, въ навечеріи поста. *Дондеже день есть, егда можемъ дѣлати*,—пока длится день нашей жизни, не отчаявайся никто въ милосердіи Божіемъ. Чувствуешь ли себя мытаремъ, даже хуже мытаря,—спѣши обратитъ свои взоры и излить свою душу Тому, Кто далъ намъ дерзновеніе взывать къ Нему: *Ава Отче* (Римл. 8, 15). Говори съ дерзновеніемъ и надеждою быть услышаннымъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Вотъ урокъ первый. Второй касается того, какъ надобно обращаться съ своими душевными немощами и ранами къ Небесному Врачу. Худо мы понимали бы характеръ и развитіе болѣзни нашей души, если бы, подобно фарисею, вздумали, такъ сказать, лечить себя одними собственными средствами, — тѣмъ только, что поститься *дважды въ субботу, десятицу* давать *всего, елика* притяжали, и т. под. (Лук. 18, 10—14). *Сіа подобаше творити*, но и не забывать другаго, главнаго. Не забывать того, что *всякъ возносился предъ Богомъ*,—всякій, считающійся съ Богомъ тѣми крупицами добра, какое удалось кому едѣлать при помощи же Божіей и изъ даровъ же Божіихъ, и которое во

всякомъ случаѣ есть наша прямая обязанность,—*смирится*, будетъ постыжденъ предъ Богомъ съ своими мнимыми заслугами, и только *смиряя себе вознесется*. *Еда имать* господинъ *хвалу рабу тому, яко сотвори повелынная? Не мюю*, отвѣчаетъ самъ Спаситель. *Тако и вы, егда сотворите вся повелынная вама, глаголите, яко раби неключими есте*, — рабы, ничего особеннаго не сдѣлавшіе, никакой особой заслугой не отличившіеся: *яко же должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ*. (Лув. 17, 9—10).

За притчею о мытарѣ и фарисеѣ, въ тѣхъ же видахъ надлежащаго приготовленія нашего къ предстоящимъ подвигамъ покаянія, Церковь обращаетъ наше вниманіе на другую умиленную притчу Спасителя о блудномъ сынѣ. Вотъ предъ нами развратный сынъ добраго и домовитаго отца. Благо ему въ домѣ отцемъ, но допущенная въ сердце и разросшаяся тамъ страсть къ разврату влечетъ его *на страну далече*, влечетъ вдаль отъ тихихъ радостей и обязанностей семейной жизни, вдаль отъ родительскихъ заботъ и надзора, и онъ требуетъ себѣ *достойную часть имѣнія*, получаетъ свою часть, бѣжитъ вдаль отъ родительскаго крова, и *на странѣ далече* проживаетъ свое имѣніе съ любодѣйцами. Приходитъ нужда, съ нуждою приходятъ стыдъ и страхъ будущности, поздняя оцѣнка прежней безмятежной жизни, любви и заботъ отца; наконецъ,—благоразумная рѣшимость возвратиться съ своимъ позоромъ, стыдомъ, безнадежностью, растраченными и изможденными силами къ тому же оскорбленному и опечаленному, но по прежнему любвеобильному и заботливому отцу. Отецъ остается тѣмъ же, всепрощающимъ, проникнутымъ одною любовію, отцемъ, который пріемлетъ раскаяніе и мытаря, не отвергаетъ отъ Себя ни блудницы, ни разбойника. Отецъ, забывая прошедшее, видитъ одно: *яко сей сынъ Его мертвъ бѣ и оживе, и изиѣзъ бѣ, и обрѣтеся* (Лув. 15, 32). Но остался ли тѣмъ же прощенный и помилованный сынъ? Вошелъ ли онъ снова въ домъ отчій такимъ же, какимъ бѣжалъ изъ него? Гдѣ то имущество, гдѣ тѣ дары отеческіе, которые онъ взялъ съ собою изъ дома отца, и которые остались на странѣ далече? Гдѣ тѣ юныя и свѣжія силы, съ которыми онъ пошелъ на чужбину, и которыя оста-

лись тамъ же, гдѣ и имущество? Куда и на что пошло все время блужданія внѣ отчаго дома? Не будетъ ли ему слышаться отъ всѣхъ и каждаго, не будетъ ли видѣться въ очахъ и самомъ милосердіи Отца тотъ же горькій, но вполне заслуженный упрекъ, съ какимъ встрѣтилъ его братъ: *сына твой сей, изгядый твоє имльнє сз любодѣйцами?* Благо еще, ничѣмъ незамѣнимое благо этому несчастному, что онъ сохранилъ въ себѣ на столько самосознанія, что могъ понять и оцѣнить свое положеніе, сохранилъ на столько нравственного мужества, что могъ возвратиться къ Отцу съ этими словами раскаянія: *отче, согрпшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сына твой* Могла придти и несомнѣнно пришла бы и такая пора, когда исчезло бы и такое самосознаніе, не нашлось бы и такого мужества. Братіе христіане! Повите тѣ, быть можетъ, очень рѣдкія минуты, когда возстаєтъ предъ нами во всемъ его грозномъ величіи сознаніе нашей грѣховности предъ Небеснымъ Отцемъ, когда проснувшаяся совѣсть начинаетъ неумолимо подсказывать, какъ далеко уклонились мы отъ дома отчаго, сколько великихъ даровъ Божіихъ разбросали на странѣ далече. Предстоящіе дни св. Четыредесятницы—*се время благоприятно, се день спасенія*, когда мы и можемъ, и должны обратиться къ Отцу Небесному съ тѣми же самыми словами: «Отче, согрѣшихомъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достойны называться христіанами—Твоими чадами». Духовное отчужденіе наше отъ Бога, произвольное удаленіе отъ дома Отчаго, чѣмъ разнится отъ того положенія іудеевъ, когда, скорбя душевно и тѣлесно въ плѣну вавилонскомъ, вдали отъ родной земли, отъ отечества, отъ святыни, они изливали свою скорбь въ этой пѣсни: *ка рѣкахъ вавилонскихъ, тамо съдохомъ и плакахомъ?* Но они скорбѣли и плакали, они пѣли: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница мол. Прильпни языкъ мой юртаки дѣлему, аще не помяну тебе* (Пс. 136)? Не такую ли же скорбь должны возбуждать въ насъ мысль о потерянномъ домѣ Отчемъ, объ обителяхъ Отца Небеснаго? «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны». Вотъ объ этой-то брачной одеждѣ, безъ которой никто не можетъ быть допущенъ на вечерю Христову,

свѣтлой одеждѣ душевной и тѣлесной чистоты и невинности, и предстоить озаботиться намъ, братія! Чистоты, говорю, не только душевной, но и тѣлесной; потому что та и другая несовмѣстна съ невоздержаніемъ во всѣхъ его видахъ. *Или не вѣстѣ, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Св. Духа суть, его же имате отъ Бога, и нѣсте свои? Вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будетъ* (Кор. 6, 19. 15).

Въ слѣдующую за недѣлю о блудномъ сынѣ седмицу, все съ тою же цѣлю достойнаго приготовленія насъ къ предстоящимъ подвигамъ покаянія, предъ нами открывается картина страшнаго суда Божія, какъ изображаетъ ее самъ Спаситель. Придетъ, братія, этотъ рѣшительный день, когда вроткій зовъ на вечерю Христову *по всѣмъ путямъ и халузамъ* умолкнетъ (Лук. 14, 23), когда общій Пастырь перестанетъ отыскивать каждую заблудшую овцу (Лук. 15, 4), когда Отецъ Небесный приметъ видъ господина, который потребуетъ отчета въ употребленіи ввѣреннаго каждому рабу таланта (Мѡ. 25, 14—30), приметъ видъ человѣка домовита, который насадилъ виноградникъ и отдалъ его дѣлателямъ, *иже воздадутъ ему плоды во времена своя* (Матѡ. 21, 33. 41). Придетъ этотъ страшный день, когда *восплачутся вся колѣна земная* (Мѡ. 24, 30), когда будутъ вызывать *горамъ и каменію: падите на ны и покройте ны отъ лица сѣдящаго на престоль и отъ гнѣва Ангча* (Апок. 6, 16), когда *взыщутъ челоуцы смерти и не обрящутъ ея; и возделють умрети, и убьютъ отъ нихъ смерть* (9, 6). Когда наступитъ этотъ страшный и рѣшительный день? *Одни томъ и часъ никто же вѣстѣ, ни Ангелы небесніи* (Мѡ. 26, 36). Но эти день и часъ должны придти и придуть: *небо и земля мимоидутъ, словеса же Господни не мимоидутъ* (— 35). Такъ же вѣрно и несомнѣнно придуть эти день и часъ, какъ еще прежде придетъ для каждаго день смерти, за которую душа находитъ только два пути: или въ сбители Отца Небеснаго, въ части избранныхъ, или туда.... въ жилище рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ, во тьму кромѣшную, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѡ. 25, 30), гдѣ соблюдаются *на судъ великаго дне и ангелы, не соблюшіе своего начальства*—дѣволъ и аггеллы его (Іуд. 6). Смерть есть послѣдній предѣлъ собственной дѣятельности

человѣка въ устроеніи своего спасенія, послѣдній предѣлъ дѣланія на нивѣ Христовой; за смертью настаеъ уже жатва, отдѣленіе пшеницы отъ плевеловъ (Мѡ. 13, 24—43). Благо намъ, братія, если тамъ, за предѣлами гроба, въ виду предстоящаго вѣчнаго осужденія, въ сознаніи собственнаго безсилія сдѣлать что-либо для облегченія своей участи, мы найдемъ еще за себя ходатаевъ и молитвенниковъ по сю-сторону гроба, въ средѣ живущихъ членовъ Церкви Христовой. Но *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ глаголю, да молится* (1 Иоан. 5, 6), учить св. Иоаннъ Богословъ. Есть такія состоянія души, при которыхъ должны остаться беспильными всякія молитвы. Это состояніе душъ, отходящихъ отъ міра сего совершенно закрытыми для вѣры и благодати Божіей, иногда даже враждебными всякой вѣрѣ и благодати Божіей. И такъ ли еще пройдетъ жизнь наша, что, простившись съ землею и ея обитателями, мы оставимъ здѣсь ходатаевъ за себя и молитвенниковъ, или, по крайней мѣрѣ, *только* ходатаевъ и молитвенниковъ? А если вмѣсто молитвъ или вмѣстѣ съ молитвами понесутся за нами *гласы крове*, которые, подобно крови Авеля, будутъ вопіять къ престолу Божію отъ земли (Быт. 4, 10)? Если понесутся за нами различныя *кровныя гласы*: слезы, стоны, вопли, проклятія изъ устъ людей, такъ или иначе обиженныхъ нами,—проклятія и стоны, которыхъ мы не слышали или не хотѣли слышать здѣсь, но которые услышимъ тамъ, и которые всегда слышитъ общій Судія міра? Внемлите себѣ, братія! Сколько неотвратимъ, хотя и неизвѣстенъ, часъ страшнаго суда Божія, столько же неотвратимъ и неизбеженъ часъ смерти.

Послѣднія приготовительныя наставленія касательно уже *самыхъ* подвиговъ поста и воздержанія преподаются намъ въ послѣдній предъ постомъ день. *Егда же поститесь*, учить Спаситель, *не будите, якоже лицежпри сътующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да являтя человекомъ постящеса. Амины, глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (Мѡ. 6, 16). Постъ, какъ и всякое другое доброе дѣло, напримѣръ, милостыня, тогда только имѣетъ свое значеніе и цѣну въ очахъ Божіихъ, когда совершается безъ всякихъ своекорыстныхъ цѣлей. Иначе мы

воспріемлемъ мзду свою, дѣлаемъ хотя бы и доброе само въ себѣ дѣло, но дѣлаемъ для себя, не для Бога, и самое дѣло обращается уже не въ заслугу предъ Богомъ, а въ осужденіе наше. Это—за то, что мы не стыдимся и не боимся злоупотреблять даже святыми вещами для собственныхъ своекорыстныхъ цѣлей: самовосхваленія, пріобрѣтенія доброй славы и т. под. Нашъ постъ, братія, не будетъ имѣть значенія и тогда, когда воздержаніе, хотя бы и строгое, будетъ только внѣшнее, соблюдаемое по заведенному порядку, по привычкѣ, по примѣру другихъ, и не будетъ одушевляемо и согрѣваемо внутреннею заботою объ угожденіи Богу и спасеніи души. Идѣже бо сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше (Мѡ. 6, 21). Сердце, сердце наше должны мы прежде всего принести во всесожженіе Богу, *сердце сокрушенное и смиренное*, отрѣшенное отъ всѣхъ пристрастій земныхъ. Тогда, но тогда только, будетъ угодно Богу и наше воздержаніе; тогда только постъ не будетъ для насъ и тяжелымъ и неудобноносимымъ лишеніемъ.

Готовы ли мы, братія, вступить въ предстоящій намъ подвигъ поста? Готовились ли и готовимся ли мы къ этому подвигу такъ, какъ старалась приготовить насъ Церковь? Усвоили ли себѣ, продумали ли, прочувствовали ли мы всѣ тѣ думы и чувства, какія должны были внушить намъ сначала притча Спасителя о мытарѣ и фарисеѣ, потомъ притча Его же о блудномъ сынѣ, далѣе картина страшнаго суда, наконецъ, слова Спасителя о постѣ, на которыя послѣдовательно обращала ваше вниманіе Церковь? Эти языческія увеселенія, постоянно повторяющіяся предъ самымъ наступленіемъ поста, эти объяденіе и пьянство, сдѣлавшіяся какъ бы неразлучными спутниками настоящихъ дней, эта спѣшность воспользоваться какъ можно большими удовольствіями въ кратчайшій срокъ—есть ли все это христіанское приготовленіе къ предстоящимъ подвигамъ воздержанія?

Завтра мы вступаемъ въ самый періодъ поста. Что такое постъ? На первой, нисшей ступени своей постъ есть усиленное, строгое воздержаніе отъ всего, что можетъ вести, располагать, соблазнять насъ ко грѣху,—самое строгое вниманіе къ себѣ и дѣлу спасенія души, заботливо удаляющее не только

то, что само по себѣ есть уже грѣхъ, нарушеніе заповѣдей Божіихъ, но и все то, что въ обыкновенномъ кругу нашей жизни, въ отравленіяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, можетъ вести къ нарушенію заповѣдей Божіихъ. На этой ступени постъ, равно касающійся души и тѣла, есть неразлучный спутникъ покаянія, *плача*, сокрушенія о грѣхахъ (Мѡ. 9, 14—15), какъ необходимое средство къ сосредоточенію себя на *единомъ на потребу*, къ нравственному очищенію по духу и тѣлу. Такъ велѣно было народу Божію очищать себя и *покорять души своя* (Лев. гл. 16) въ день очищенія, когда приносима была жертва за грѣхи всего народа. Такъ постились израильтяне каждый разъ, когда обращались къ Богу съ раскаяніемъ. Такъ постились жители Ниневіи, устрашенные грозной проповѣдью пророка Іоны. На высшей ступени своей постъ есть не только средство къ очищенію себя отъ грѣха, но и добровольная, управляемая любовью, жертва Богу отъ чистыхъ души и тѣла,—не только воздержаніе отъ всего грѣховнаго или ведущаго ко грѣху, но и добровольное лишеніе себя многого дозволеннаго, невиннаго, даже святаго, съ цѣлію крайняго смиренія, всецѣлаго посвященія себя Богу. На этой высшей ступени постъ есть неразлучный спутникъ молитвы, возносящей все существо молящагося къ Богу, какъ кадило съ *ошміагомъ*, какъ жертву вечернюю. Такъ постился самъ Спаситель нашъ, *Иже грѣха не сотвори*, предъ вступленіемъ на поприще общественнаго служенія. Такъ постился Моисей на Синайской горѣ. Такъ постились и молились Апостолы передъ тѣмъ, какъ возложили руки на Варнаву и Савла и отдѣлили ихъ *на дѣло* евангельской проповѣди, *на неже* призвалъ ихъ Господь (Дѣян. 13, 2—3).

Постъ есть неразлучный спутникъ покаянія, какъ необходимое средство къ очищенію себя отъ грѣховныхъ нечистотъ по духу и тѣлу! Душа и тѣло суть двѣ нераздѣльныя части существа человѣка. Всѣмъ существомъ своимъ, душою и тѣломъ, должны мы прославлять Бога, служить Ему (1 Кор. 6, 20); *и всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, до приметь кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. 5, 10). Поэтому есть грѣхи души и грѣхи *тѣла*. Невоздержаніе во всѣхъ его видахъ не есть еще

единственный грѣхъ плоти. Къ грѣхамъ плоти относится и всякое угоденіе плоти, когда она не покоряется *закону ума* (Римл. 7, 23), когда она отказывается, не хочетъ, не приучена служить высшимъ требованіямъ нашего духа. И такъ *плотьянъ, продавъ подвѣ грѣхъ* былъ бы тотъ человѣкъ, который подѣ видомъ мнимаго служенія Богу *духомъ и истиною*, хотѣлъ бы исключить изъ понятія о постѣ, какъ неразлучномъ спутникѣ покаянія, всякую мысль о постѣ тѣла, объ умерщвленіи плоти. Не назовемъ мы искреннимъ ни къ себѣ, ни къ другимъ, ни къ дѣлу спасенія своей души, того христіанина, который вздумалъ бы утверждать, что заботы о тѣлесномъ воздержаніи и обузданіи плоти не имѣютъ ничего общаго съ дѣломъ покаянія, злоупотребляя словами Апостола: *нлсть царство Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусь Святъ* (Римл. 14, 17). Да, не есть царство Божіе только въ брашнѣ и питіи,—не должны быть не только исключительною, но и главною заботою истиннаго члена царствія Божія на землѣ выборъ и мѣра разныхъ снѣдей и питій, какъ и вообще тѣ или другія мѣры касательно тѣлесной чистоты и тѣлеснаго воздержанія. Главное— *правда и миръ и радость о Дусь Святъ*. Главное—получить оправданіе предъ Богомъ, примириться съ Богомъ, сдѣлать душу свою доступною для дѣйствія благодати Божіей, достойною даровъ Св. Духа. Вотъ цѣль всѣхъ усилій и подвиговъ христіанина; постъ духовный и тѣлесный—есть необходимое къ тому средство. И горько обманываются тѣ простыя смысломъ или нерадующія о спасеніи—души, которыя, смѣшивая средство съ цѣлю, въ своихъ заботахъ о спасеніи не идутъ, а иногда и не хотятъ идти далѣе заботъ о брашнѣ и питіи и вообще внѣшнихъ дѣлахъ благочестія,—которыя мѣрою такихъ заботъ опредѣляютъ для себя и для другихъ мѣру вообще подвиговъ благочестія,—которыя, среди заботъ о тѣлесной чистотѣ, забываютъ о ранахъ и мертвенномъ состояніи души. Къ нимъ-то, къ этимъ ревнителямъ внѣшняго благочестія, непонимающимъ высшей цѣли очищенія и освященія души, и относятся слова Апостола, что *нлсть царство Божіе брашно и питіе*. Къ нимъ же, къ этимъ неразумнымъ или лицемѣрнымъ ревнителямъ, по справедливости могутъ быть приложены и слова

Господа, обращенныя къ фарисеямъ: «горе вамъ, лицеѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшее въ законѣ, — судъ и милость и правду. Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе! Горе вамъ, лицеѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри онѣ полны хищенія и неправды. Фарисее слѣпый! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внѣшность ихъ (Мѡ. 23, 24—26)». Это — одна, печальная и достойная сожалѣнія, крайность. Но лучше ли и другая, заботящаяся будто бы о постѣ души безъ участія тѣла? *Вся ми лѣтъ суть*, учить Апостоль, *но не вся на пользу*. Все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6, 12). *Брашно чреву и чрево брашномъ*; но будетъ время, когда *Богъ и сіе и сія упряднитъ* (— 13). Это будетъ тогда, когда будетъ *небо ново и земля нова* (2 Петр. 3, 13); когда *тлѣнное* наше тѣло облечется *въ нетлѣніе*, когда вмѣсто настоящаго тѣла *душевнаго*, въ которомъ преобладаетъ начало жизни животной, мы получимъ тѣло *духовное*, покорное духу, свободное отъ требованій жизни животной (1 Кор. 15, 53. 45). А до тѣхъ поръ? А теперь? Или намъ не знакомы *похоть плотская, похоть очесъ*, о которыхъ упоминаетъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 2, 16)? Не знакома та постоянная, страшная борьба чувственности, жизни животной, съ высшими требованіями ума, совѣсти, долга, вѣры, — борьба, заставившая даже св. Апостола сказать о человѣкѣ: *самъ азъ умою работаю закону Божію, плотию же закону грѣховному* (Римл. 7, 25)? Или всѣ присущія намъ желанія и влеченія безразличны, одинаковой нравственной цѣны, т. е. никакой? Или всѣ заповѣди и увѣщанія Писанія касательно *умерщвленія плоти* (Римл. 8, 13; Кол. 3, 5) пусты слова, безъ всякаго содержанія, безъ всякаго отношенія къ намъ христіанамъ? Не будемъ обольщать себя, братія! Такъ, вѣрно то, что человѣку, даже еслибы онъ не былъ зараженъ грѣхомъ, необходимо работать Богу обѣими составными частями своего существа — духомъ и плотію, что въ самомъ раю для первозданнаго, по самой природѣ своей духовно-чувственнаго человѣка, дана была и первая духовно-чувственная заповѣдь: не вкушать отъ плодовъ древа познанія добра и зла.

Заповѣдуя намъ постъ, какъ необходимое средство покаянія, Церковь, братія, обращаетъ наше вниманіе и на другую сторону поста, какъ добровольной жертвы любви къ Богу, какъ добровольнаго лишенія самыхъ невинныхъ, даже святыхъ вещей ради Бога. Вотъ почему въ теченіе св. Четырехдесятницы и самое Таинство Евхаристіи, этотъ живой и вѣчный свидѣтель безконечной любви Божіей къ человѣку, этотъ высшій залогъ христіанскаго упованія, этотъ высшій источникъ нашего освященія, совершается не каждый день! Во имя высочайшей любви Божіей къ намъ, во имя нашего званія христіанскаго, во имя необходимой заботы о спасеніи нашей души, во имя наконецъ страшной участи, неизбежно ожидающей упорныхъ и нерадивыхъ, *постимся*, братія,—будемъ поститься *постомъ пріятнымъ, благоуднымъ Господеви*, помня, что *истинный постъ есть злыя отложеніе*. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Вознесенскій.

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДРЪ,

Первоначальникъ акимитовъ (неусыпающихъ).

(Продолженіе).

Жизнь иноческая, оставаясь единой и неизмѣнной въ сущности, допускаетъ неодинаковыя формы проявленія своего и именно тогда наиболѣе оказывается плодотворною, когда пользуется въ этомъ отношеніи необходимымъ просторомъ и свободой выбора, примѣнительно къ разнообразнымъ условіямъ обстоятельствамъ и дѣйствительной жизни, а не заковывается въ одну какую-либо форму, какъ будто безусловно превосходящую всѣ другія; формы съ такимъ безусловнымъ совершенствомъ и быть не можетъ. Слѣдовательно не было причины преподобному во что бы то ни стало держаться за монастырскій чинъ, приспособленный къ пустынѣ, напротивъ, были причины измѣнить его, какъ скоро братство

его стало въ инья условія, водворившись на жительство въ большомъ центрѣ населенія. Тамъ они спасались подвигами жизни созерцательной; здѣсь они будутъ непрестанно вызываемы на проприще жизни практической и въ добродѣтеляхъ ея обрѣтутъ свое спасеніе. Потому Преподобный не задумался видоизмѣнить свой чинъ пустынный; {устроивъ при монастырѣ страннопріимный домъ и больницу, онъ пригласилъ братію посвятить себя преимущественно дѣламъ милосердія, служенію у постели больныхъ и упокоенію утомленныхъ странниковъ.

Антиохійцы поняли и ощутили, что новый монастырь благодѣтеленъ для нихъ въ высшей степени. Они обратили на него все свое усердіе, щедро снабждая его вещественными приношеніями; а преподобный и его братія сдѣлались предметомъ такой любви въ народѣ, какой примѣры встрѣчаются не часто. Его и сущихъ съ нимъ не терпѣли только клирики, (хотя удивлялись его добродѣтелямъ) и всякими мѣрами старались удалить его изъ города (*). Лучшимъ средствомъ избавиться отъ преподобнаго они считали то, чтобы возбудить противъ него архіепископа, который, какъ выше замѣчено, любилъ приглашать ихъ къ своему столу, конечно, не для угощенія только, но и для бесѣды, и который по мягкосердію своему, былъ способенъ подчиняться постороннему вліянію.

(*) И понятно. Въ древнія времена общественная благотворительность находилась въ завѣдываніи церковномъ; всѣ ея средства обыкновенно стекались въ епископіи и ими распоряжались, подъ надзоромъ епископа, клирики, наипаче окружающіе его и содѣйствующіе ему въ управленіи дѣлами епархіи. На такой порядокъ вещей клирики могли смотрѣть совершенно искренно какъ на единственно-законный, и заведеніе преп. Александромъ самостоятельныхъ благотворительныхъ учреждений, независимыхъ отъ ихъ участія и вліянія, могло казаться дѣйствіемъ незаконнымъ; во всякомъ случаѣ оно должно было для нихъ представляться весьма неприятымъ, какъ соперничество, отвлекавшее отъ нихъ матеріальныя средства въ другую сторону. Если же къ тому еще клирики и не совсѣмъ добросовѣстно распоряжались средствами благотворительности, а преподобный объ этомъ не молчалъ и самымъ образомъ дѣйствій своихъ, полныхъ безкорыстія, нелицепріятія и теплоты сердечной, громко обличалъ ихъ: то, ясное дѣло, они не могли иначе относиться къ нему, какъ съ чувствомъ самымъ враждебнымъ.

Однако злобные навѣты не вдругъ подвигли архіепископа къ дѣйствию. Преподобный, поживъ нѣсколько времени въ Антиохіи и осмотрѣвшись внимательно вокругъ себя, замѣтилъ не мало безпорядковъ и нестроенія, допущенныхъ безпечностію власти какъ духовной, такъ и свѣтской, и съ дерзновеніемъ пламенной ревности по правдѣ и благѣ народа, высказалъ прямо нѣсколько горькихъ истинъ какъ архіепископу, такъ и градоначальнику. Съ этой минуты враги его могли считать дѣло свое выиграннымъ. Архіепископъ и градоначальникъ приняли себѣ за обиду его обличенія и порѣшили, къ радости клириковъ, лишить его своего покровительства и изгнать изъ города со всѣмъ его обществомъ. Уподіаконъ Малхъ, которому было поручено привести въ исполненіе этотъ приговоръ, встрѣтилъ однако къ тому затрудненія, хотя принятый имъ способъ дѣйствія посредствомъ грубаго насилія и многочисленность состоявшаго въ его распоряженіи отряда слугъ, повидимому, устраняли всякую возможность сопротивленія со стороны изгоняемыхъ. Дѣйствительно, они и не сопротивлялись; самъ преподобный Александръ, получивъ не одинъ ударъ въ лицо отъ руки дерзкаго уподіакона, отвѣчалъ только повтореніемъ извѣстныхъ словъ: «имя же рабу Малхъ»; но за нихъ заступился народъ, — и произошла уличная драка, въ которой Малху и сопровождавшимъ его слугамъ пришлось не хорошо. Для Преподобнаго случай этотъ, протсшедшій изъ-за него, хотя и не по винѣ его, конечно, былъ прискорбень въ высшей степени и онъ никакъ не могъ желать его повторенія, а потому рѣшился уступить злобѣ. Въ слѣдующую ночь возобновилось принудительное требованіе удалиться. Преподобный тайно отъ народа былъ отправленъ въ Халкиду (городъ вблизи Дамаска); въ то же время разошлось въ разныя стороны и все его братство.

Такъ печально окончилась и вторая попытка Преподобнаго вывести иночество на путь общепользной дѣятельности (первою попыткою было его стараніе образовать изъ монаховъ — миссіонеровъ), заставивъ иноковъ служить страждущему человечеству, исполнять дѣла христіанской благотворительности. Легко себѣ представить, какою скорбію наполнила душу Преподобнаго эта неудача, тѣмъ болѣе, что причиною ея на этотъ

разъ былъ не кто другой, а свои же собраты и сослужители, отъ которыхъ онъ въ правѣ былъ ожидать самаго горячаго сочувствія и всякой поддержки, а не противодѣйствія.

Впрочемъ антиохійцы, питавшіе къ преподобному великую любовь, скоро заставили виновниковъ его изгнанія возвратить его, — и онъ охотно прибылъ снова въ Антиохію, надѣясь, быть можетъ, найти тамъ свое братство въ прежнемъ составѣ и, предавъ забвенію понесенныя скорби, начать снова прежнюю дѣятельность въ своей обители. Но такъ какъ изъ братіи не оказалось никого и неизвѣстно было, куда кто скрылся и что съ ними послѣдовало, то онъ, предавъ ихъ волѣ Господа, не захотѣлъ оставаться въ городѣ и, хотя былъ удерживаемъ, успѣшилъ удалиться въ пустыню, чтобы въ уединеніи ея обрѣсти тотъ миръ душевный, который былъ ему такъ нуженъ послѣ столькихъ испытанныхъ имъ тревоженій.

Дорога привела его въ обитель Кривенійскую. Здѣсь онъ былъ пріятно изумленъ монастырскимъ чиномъ, который оказался точной копіею съ установленнаго имъ въ обители на берегу Евфрата, и братія, узнавъ, кто онъ, не смотря на усилія его скрыться, успѣшили окружить его всѣми знаками любви и уваженія, какъ мужа великой святости и какъ неповиннаго страдальца. Въ тихомъ этомъ пристанищѣ, утѣшенный предупредительною заботливостію и искреннею привязанностію къ нему всего монастырскаго общества, онъ могъ отдохнуть душею; но ничто не могло усыпить или ослабить его духа, всегда бодрого, готоваго и стремящагося къ дѣятельности.

Вскорѣ представились такія обстоятельства, которыя подали ему надежду, хотя и отдаленную, возобновить миссіонерскую дѣятельность въ Персіи, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и онъ успѣшилъ воспользоваться этими обстоятельствами.

Въ 428 году на патриаршій константинопольскій престолъ избранъ былъ Несторій изъ числа іееревъ антиохійскихъ. Хотя въ послѣдствіи онъ оказался еретикомъ, но въ Антиохіи онъ славился строгостію жизни и просвѣщеніемъ, за что и удостоился избранія въ столь высокой санъ. Можетъ быть, нераздѣлялъ онъ вражды, которою преслѣдовали Преподобнаго нѣ-

которые члены клира, напротив, сочувствовали ему, уважали его. По крайней мѣрѣ, что касается до ревности преподобнаго къ распространенію Евангелія въ Персіи, то нѣтъ сомнѣнія, что Несторій въ этомъ отношеніи вполне раздѣлялъ его стремленія. Сдѣлавшись патриархомъ, онъ не только желалъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы просвѣтить это государство свѣтомъ христіанства, но и питалъ надежду достигнуть этого непременно: «Государь, говорилъ онъ императору, вступая въ свою должность,—государь! укроти только еретиковъ, а я покорю тебѣ за это всю Персію». Если слова эти въ устахъ Несторія не были совершенно бессмысленнымъ самохвальствомъ, то для осуществленія ихъ услуги Преподобнаго и его братства были весьма нужны и, можетъ быть, именно на силу этой-то святой дружины уповавъ всего болѣе, онъ и дерзнулъ высказать столь смѣлое обѣщаніе. Но между тѣмъ, дружина эта разсѣяна: что же оставалось дѣлать? Дать вождю средства образовать другую такую же! Весьма правдоподобно, что Преподобный получилъ отъ Несторія предложеніе въ этомъ смыслѣ, съ приглашеніемъ прибыть въ Константинополь и съ обѣщаніемъ всевозможнаго содѣйствія и покровительства какъ въ устройствѣ новой обители съ миссіонерскою цѣлію, такъ и при самомъ выполненіи миссіонерскаго дѣла. Могъ ли не принять Преподобный такого предложенія, которое шло на встрѣчу самымъ задушевнымъ его желаніямъ? Какъ бы то впрочемъ ни было, Преподобный по нѣкоторомъ времени оставилъ Кривонійскую киновію и въ сопровожденіи 24 человекъ, изъявившихъ готовность слѣдовать за нимъ всюду, прибылъ въ Константинополь, гдѣ, очевидно, были ему рады,—радъ былъ и самъ патриархъ; пришельцамъ тотчасъ отведено было весьма удобное мѣсто жительства при церкви св. Минны (1).

---

(1) Съ именемъ Минны извѣстно нѣсколько различныхъ святыхъ: въ настоящемъ случаѣ разумѣется, по всей вѣроятности, св. мученикъ Минна, память котораго совершается 10 декабря, вмѣстѣ съ мучениками Ермогеномъ и Евграфомъ, который пострадалъ купно съ ними въ Александріи отъ Максимиана Галерія въ первомъ десятилѣтіи IV вѣка. Св. мощи этого мученика, бывъ вложены, по повелѣнію мучителя, въ желѣзный ковчегъ и брошены въ морѣ для потопленія, не потонули, но приплыли къ Византіи и честно погребены на берегу моря, у городской стѣны.

(Окончаніе въ слѣд. №).

СОНЪ И ПРОВУЖДЕНІЕ.

Чась уже намъ отъ сна востати!
Ночь убо преиде, а день прибли-
жися... Римл. 13, 11. 12.

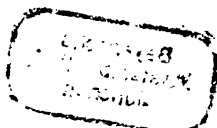
Такъ, словами апостола, взываетъ къ намъ Св. Церковь въ послѣдній день предъ наступленіемъ св. Четыредесятницы. *Чась уже намъ отъ сна востати!* Пора намъ пробудиться!

Но неужели мы спали досель? Неужели спали и за это послѣднее время, спимъ и теперь? Кажется, мы не оставляли ни своихъ обыкновенныхъ частныхъ занятій, каждый въ своемъ родѣ дѣятельности, не отставали и отъ общественной жизни, особенно въ эти послѣдніе зимніе мѣсяцы, которые, не безъ основанія, считаются временемъ самой оживленной общественной жизни. Свадебные пиры, театры, концерты, балы, маскарады..... Это ли не жизнь? Это ли сонъ? А эта послѣдняя недѣля! Стоить только выйти на улицу, чтобы видѣть, что

дѣлается вокругъ насъ. Какая изумительная, шумная, кипучая, неудержимая жизнь! Однимъ словомъ:—масляница! Другое дѣло—завтра и послѣ завтра, во весь предстоящій постъ. Стихнеть движеніе на улицахъ; смолкнетъ народный говоръ и шумъ; закроются двери большей части мѣстъ общественныхъ увеселеній, и во многихъ домахъ водворится настоящій сонъ, съ дремотою и зѣвотою отъ скуки....

Но не безъ основанія св. Церковь наша, съ свойственной ей материнской заботливостію, именно сегодня, въ послѣдній день масляницы, когда наша домашняя и общественная жизнь достигла самой крайней степени разгула, обращается къ намъ съ апостольскимъ воззваніемъ: *часъ уже намъ отъ сна встать!* и возвѣщаетъ намъ, что *ночь прошла, а день приближается*. Порѣ намъ пробудиться! Въ самомъ дѣлѣ, что такое наша обыкновенная, ежедневная жизнь, какъ не продолжительный, почти безпробудный и тревожный сонъ!.... Мы заботимся о своихъ насущныхъ потребностяхъ, ѣдимъ, пьемъ, трудимся и отдыхаемъ. Но это дѣлаютъ и неразумныя животныя. Чѣмъ же наша жизнь отличается отъ ихъ жизни, при нашей духовной, разумной и свободной природѣ, созданной *по образу и подобию Божію*? Мы исполняемъ свои общественныя и семейныя обязанности, занимаемся науками и искусствами, и изобрѣтаемъ всевозможныя средства, чтобы какъ можно удобнѣе устроить свою жизнь на землѣ. Но это дѣлали и дѣлаютъ и язычники. Чѣмъ же мы возвышаемся надъ ними, при нашемъ высокомъ христіанскомъ призваніи, при нашихъ высокихъ благодатныхъ дарахъ, получаемыхъ нами въ св. таинствахъ православной Церкви?..... А это послѣднее время, начиная съ тахъ-называемыхъ святокъ и до настоящихъ дней, эта послѣдняя, по истинѣ злополучная недѣля, составляющая вопреки святымъ цѣлямъ Церкви, постыдное пятно на нашемъ христіанскомъ имени,—эти безчисленные и многообразные способы удовлетворенія страстямъ и похотямъ плоти, эта неумѣренность въ пищѣ и питіи, этотъ народный шумъ и гамъ, это пьянство, срамословіе, буйство и непотребства всякаго рода, *о нихъ же не лѣтъ есть и глаголати*,—неужели это жизнь *человѣческая*? Неужели это жизнь *христіанская*?.... Мы не спимъ, повидимому, мы живемъ и тѣломъ и душою. Но что дѣлаетъ нашу

бессмертный, Богоподобный духъ? Что дѣлаетъ наша совѣсть? Что дѣлаемъ мы съ своими христіанскими обязанностями? Мы не спимъ для міра, для тѣла, для временной нашей жизни. Но что дѣлаемъ мы для Бога, для вѣчности, для спасенія души своей? Мы думаемъ, иногда, и о Богѣ, и о вѣчности,— посѣщаемъ храмы Божіи, по крайней мѣрѣ, по праздникамъ, молимся и дома, стараемся исполнять свои обязанности, по долгу, по совѣсти, не забываемъ и своихъ неимущихъ собратьевъ, удѣляя имъ по временамъ, отъ избытковъ своихъ грошами и копѣйками. Но довольно ли этого для нашего спасенія? Что такое всѣ наши добрыя дѣла, мысли и чувства, какъ не минутныя, случайныя, отрывистыя пробужденія среди постоянного обыденнаго сна? Богу и душѣ своей мы удѣляемъ минуты, а міру и плоти своей—цѣлые дни и годы, все время своей жизни. Да, кто изъ насъ не сознается въ глубинѣ души своей, предъ Богомъ, предъ совѣстью, что мы большую часть нашей жизни спимъ сномъ лѣности и нерадѣнія о спасеніи и что *часъ уже намъ пробудиться отъ сна!*

И вотъ проходитъ *ночь* и наступаетъ *день!* Еще нѣсколько часовъ,—и наша общественная и частная жизнь, волею-неволею, приметъ иной видъ. Умолкнетъ народная молва; закроются дома увеселеній и соблазновъ; очистится наша трапеза отъ пресыщенія и излишества; прекратятся многія изъ нашихъ суетныхъ заботъ и житейскихъ попеченій; стихнутъ возбужденныя похоти плоти; отрезвится наша мысль;—спокойный, томный и умирительный звукъ колокола, подобно трубѣ архангельской, созоветъ насъ во храмъ Божій,—и начнется новая жизнь. Св. Церковь представитъ намъ своего рода зрѣлища, предложитъ намъ своего рода пищу для нашего зрѣнія и слуха, для нашего ума и сердца. Но это не та пища и не тѣ зрѣлища, какія предлагаетъ намъ *лежащій во злѣ міръ* (Іоан. 5, 19). Церковь не усыпитъ, а возбудитъ нашъ бессмертный духъ, *созданный по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 24); она раскроетъ предъ нами наши грѣховныя струпы; она омоетъ и очиститъ ихъ въ таинствѣ покаянія; она напитаетъ насъ неглѣнною, Божественною пищею тѣла и крови Христовой и откроетъ намъ двери царства небеснаго, со всѣми его благами, *и въ же оно не вѣдь, и уго не*

слыша, и на сердце челоуьку не въздоша (I Кор. 2, 9). То была—ночь, а это будеть—день, свѣтлѣ всякаго солнечнаго дни.

Но, Господи! Какъ мы удалились отъ Твоего свѣта! На насъ сбывается Твое Божественное слово: *возлюбиша челоуьцы паче тму, неже свѣтъ* (Іоан. 3, 19)! Увы! можемъ ли не сознаться предъ Тобюу, Сердцевѣдцемъ? Мы не любимъ поста, узаконеннаго Твоею св. Церковію и освященнаго Твоимъ собственнымъ примѣромъ!

Въ самомъ дѣлѣ, съ какими сѣтованіями мы расстаемся съ концемъ мясоѣда и масляницы, и съ какими вздохами встрѣчаемъ начало св. поста!.... Мы употребляемъ всевозможныя извиненія, предлоги и способы для того, чтобы облегчить себѣ постъ, сократить его и даже по возможности, совсѣмъ забыть о его существованіи. То жалуемся мы на дороговизну и неудобство постной пищи; то ссылаемся на слабость своего здоровья, то на трудность своихъ обязанностей, требующихъ крѣпкихъ силъ и здоровой пищи.... Одни изъ насъ соблюдаютъ постъ только по наружности, покоряясь ему, какъ тяжелой необходимости; другіе измѣняютъ и облегчаютъ его по своему; иные даже совсѣмъ не признаютъ его пользы и необходимости и, ни въ чемъ, ни въ пищѣ, ни въ мысляхъ, ни въ образѣ жизни, не измѣняя среди поста своихъ постоянныхъ обыденныхъ привычекъ, желали бы и у общественной жизни отнять послѣдніе остатки ея великопостнаго характера, какіе еще соблюдаются въ нашемъ православномъ народѣ. Общественныя увеселенія, на время, закрыты. Но мы придумаемъ новыя: являются неумолкаемые «концерты» и безконечныя (живыя) «картины», а затѣмъ, и на словахъ и въ печати, раздаются жалобы и недоумѣнія: отъ чего бы не открыть и театры?....

Но довольно мы жили для своей плоти; порѣ пожить и для души. Довольно мы веселились и грѣшили; порѣ и поплакать о грѣхахъ своихъ. И ретивымъ конямъ дають отдыхъ и успокоеніе. Дадимъ и мы отдыхъ и покой себѣ, хоть бы для того, чтобы освѣжить и подкрѣпить свои истощенныя силы. Напрасно мы ропщемъ на постъ и отвращаемъ отъ него лице свое. Не постъ отягощаетъ и изнуряетъ насъ; отягощаетъ и

изнуряетъ насъ наша обыкновенная безтолковая жизнь, противная природѣ и совѣсти. Постъ представляется тяжкимъ и мрачнымъ только издали, пока не вступаемъ на его поприще: но стоить только начать и войти въ духъ его,—и увидишь, что это дѣйствительно свѣтъ послѣ ночи, свобода послѣ узъ, жизнь послѣ сна. Прппомнимъ наши прежніе годы: не тяготились ли мы и тогда при наступленіи поста? Но проходили дни за днями, наступали великіе дни говѣнія, исповѣди и св. причастія, и легко, покойно и отрадно становилось намъ на душѣ.... Вѣдь у насъ, къ сожалѣнію, какъ-то такъ сложилась жизнь, что мы только въ посту и остепеняемся немного, приходимъ въ самихъ себя и, оставляя на время свою обыкновенную житейскую суету, начинаемъ думать *о единомъ на потребу*, о Богѣ, о небѣ, о душѣ своей. Ахъ, что было бы съ нами несчастными, если бы у насъ не было спасительнаго поста, если бы у насъ всегда были святки и масленицы? Кажется, насъ давно поглотила бы земля. И когда бы вы желали, благочестивые читатели, чтобы наступилъ для васъ неизбѣжный часъ смертный? Среди подвиговъ ли поста, послѣ говѣнія, исповѣди и св. причастія,—или среди веселья масленицы? О, конечно, не на масленицѣ!

Возблагодаримъ Господа Бога, что Онъ не погубилъ насъ со беззаконіями нашими, что Онъ еще сподобилъ насъ дожить до святаго поста. Возстанемъ отъ нашего грѣховнаго сна и съ свѣтлымъ лицомъ, безъ сѣтованій и вздоховъ, съ радостію вступимъ на поприще поста. Кто знаетъ? доживемъ ли мы до другаго поста? Какъ многихъ межъ нами не стало съ прошедшаго поста! Несомнѣнно, что многихъ не станетъ и въ этомъ году. И кто то-изъ насъ отмѣченъ ангеломъ смерти: говѣть въ этомъ посту въ послѣдній разъ?.... Не я ли, Господи?.... Душе моя, душе моя, востани! Что спиши? Конецъ приближается!... Господи! отверзи намъ двери покаянія.

Священникъ Н. Розановъ.

ОПАСНОСТИ ДѢТСТВА И ЕГО ХРАНИТЕЛИ.

Первая опасность для дѣтства приходитъ оттуда, откуда ея меньше всего можно было ожидать—отъ самыхъ органовъ воспитанія. Первыми дѣятелями при воспитаніи свыше назначены семья, школа и церковь: это въ тѣхъ видахъ, чтобы дитя съ самыхъ первыхъ дней вдыхало въ себя религію всѣми своими чувствами и чтобы отовсюду оно получало добрыя вліянія. И, очевидно, для успѣха воспитанія нужно, чтобы семья, школа и церковь одно дѣло дѣлали, одну думу думали: какъ бы воспитать христіанина и поставить на жизненную дорогу? Каждая изъ нихъ ставитъ себѣ свои цѣли и задачи. Семья говоритъ: дайте мнѣ дѣтей,—и я приготовлю ихъ къ жизни въ свѣтѣ, въ обществѣ, передамъ имъ общепринятые обычаи, приличія, манеры и научу ихъ, какъ имѣть успѣхъ у людей. Школа, въ свою очередь, говоритъ: дайте мнѣ дѣтей,—и я обогашу ихъ знаніями всякаго рода, такъ что будутъ понимать строеніе природы, слои подземные, всякую мудрость. Церковь, наконецъ, говоритъ: дайте мнѣ дѣтей; я не обещаю вамъ научить ихъ ни мудрости земной, ни искусству жизни, но я постараюсь просвѣтити ихъ душу, наставить ихъ на всякое добро, и будутъ они и Богу угодны и людямъ полезны. Признаемъ эти полезныя цѣли,—но не можемъ не замѣтить, какъ нерѣдко происходитъ рознь между самыми дѣятелями при воспитаніи. Не Церковь ли святая должна первенствовать между ними и не ея ли просвѣтительному руководству семья и школа должны слѣдовать въ своихъ заботахъ о воспитаніи? И между тѣмъ, опытъ показываетъ иное: и дѣти выходятъ съ слабою вѣрою, съ поверхностными знаніями и не твердою волею. Тутъ общество беретъ юношу подъ свою опеку и начинаетъ ему свои уроки. Семья и церковь дѣлаются второстепенными для него: мы ужъ, видите, общественные дѣятели и намъ не до того, чтобы отдавать свое время на занятія воспитательныя и душеполезныя. Гдѣ найдете уединенную теплую молитву родителей, въ коей бы они изливали свои воздыханія къ Богу за себя и присныхъ своихъ? Гдѣ увидишь обычай, чтобы въ кругу семьи читались добрыя и священные книги и соединились бы всѣ въ мирѣ, совѣтѣ друж-

ною рѣчью? Кто подлюбопытствуетъ узнать о религиозномъ состояніи общества: нѣтъ ли въ немъ сомнѣній въ вѣрѣ, заблужденій какихъ, не пустуютъ ли храмы Божіи, не остаются ли неудовлетворенными нужды духовныя; не отдаетъ ли общество своихъ привязанностей недостойнымъ увлеченіямъ, зрѣлищамъ, изъ за коихъ забываетъ болѣе важныя дѣла свои? Могутъ ли при этомъ настроеніи образоваться свѣтлыя личности, совершаться великія дѣла, подвиги добра истиннаго, жертвы трогательныя душу? Вѣдь духовная жизнь питается и оживляется священными занятіями и впечатлѣніями, — а въ мірѣ суетномъ и многозаботливомъ она гаснетъ и умираетъ.

Другая опасность для дѣтства происходитъ отъ ранняго развитія въ дѣтяхъ чувства независимости. Рано нынѣ развивается въ дѣтяхъ чувство самостоятельности, собственного достоинства, вслѣдствіе чего дѣти не хотятъ признавать надъ собою высшаго вліянія, тяготятся всякимъ, даже благотворнымъ надъ ними надзоромъ и стремятся сами дѣйствовать, *самоуправлять* собою. Кто всматривался въ возрастъ дѣтскій, тотъ знаетъ, что рано, очень рано начинаютъ нынѣ тяготиться семейною властію, дѣлаютъ попытки — обойтись безъ нея, покоряются ей по наружности, а сами томятся стремленіемъ къ свободѣ, къ дѣйствованію по своему. Открываются двери школы и дѣти отдаются подъ просвѣщенное управленіе учителей и воспитателей. Что, кажется, разумнѣе и полезнѣе того порядка, что дѣти неразвившіяся, неопытныя, незнающія жизни, ввѣряются въ опытныхъ руки? А и здѣсь тоже недовольство опекою и управленіемъ, тоже желаніе независимости, та же борьба и нерѣдкія попытки дѣйствовать по своему. Извѣстны тѣ послѣдствія, къ какимъ ведетъ эта ранняя самонадѣянность и самоуправленіе. Избѣгаютъ добраго и благодѣтельнаго вліянія, и вмѣсто того отдаются вліянію иныхъ коварныхъ внушеній; сбрасываютъ власть родителей и воспитателей, а попадаютъ подъ власть страстей своихъ буйныхъ, ничѣмъ не удерживаемыхъ. Бѣда въ томъ, что мы заботимся больше объ учености дѣтей, обогащеніи ихъ знаніями разнаго рода и мало думаемъ о надлежащемъ воспитаніи ихъ. Что значитъ *воспитать* дитя? Значитъ разбудить душу его, открыть въ ней все добро, Богомъ вложенное, вызвать всѣ *лучшія силы*, еще несознанныя, чрезъ наученіе и возбужденіе въ

вѣрѣ и благочестіи, посѣять добрую мысль, свѣтлое чувство, благое направленіе. Есть при этомъ одна сторона, на которую мало обращаютъ вниманія: это развитіе чувства изящнаго. Это врожденное чувство, когда душа раскрывается для всякаго пріятнаго, добраго, свѣтлаго впечатлѣнія и, напротивъ, возмущается, оскорбляется при видѣ дурнаго и злаго. Красота всюду разлита въ великихъ явленіяхъ и въ малыхъ: она — и въ безбрежности океана, въ заоблачности горъ, въ закатѣ солнца, въ лучѣ утренняго свѣта, въ журчаніи ручья, въ цвѣтахъ весны. И любовь къ прекрасному присуща каждому человѣку,—дайте только почувствовать красоту творенія, привлекательность добраго поступка, сладость благотворительности, цѣну душевнаго наслажденія. Великое дѣло — предупредить погрѣшности и ошибки, чтобы не было нужды послѣ исправлять и наказывать. Наказанія! возможны ли они въ дѣлѣ воспитанія? Справляемся съ священ. Писаніемъ и видимъ, что на языкѣ его *наставленіе и наказаніе* были слова однозначущія. Прибавимъ при этомъ, что подѣ *наказаніемъ* разумѣется не жестокое обращеніе, не тѣлесныя скорби, — но охранительную власть, правдивый надзоръ, строгое замѣчаніе, устраненіе потворства и угодливости, удержаніе въ предѣлахъ скромности и послушанія (Сирах. 7, 25; 30, 8. 11; Ефес. 6, 4). Подѣ такимъ-то вліаніемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ развиваются добрыя, нравственныя привычки, кои потомъ остаются на всю жизнь.

Наконецъ, едвали не самая горькая изъ всѣхъ опасностей дѣтства есть та, когда дѣтство возрастаетъ въ бѣдности и нуждѣ. Какъ много значить та обстановка, какою окружено дѣтство, и тѣ первыя впечатлѣнія, какія испытываетъ оно! Не все равно,—видятъ ли дѣти довольство, изящность и всѣ удобства около себя,—если убожество, недостатки и отмѣченное горемъ жилище. Вотъ стоятъ въ раздумьи бѣдные родители надъ колыбелею малютки: думаете ли, что этотъ грустный видъ не оставитъ неблагоприятнаго слѣда въ дѣтской душѣ? Какую пищу дадутъ юному уму заботливыя рѣчи о завтрешнемъ днѣ, о хлѣбѣ насущномъ, вздохи да жалобы на горькую долю? Что разбудятъ въ молодомъ сердцѣ нужды и лишенія, нерѣдко недуги и пороки, соблазны и увлеченія? Какъ трудно

бѣдному человѣку идти по жизненному пути! Сколько препятствій нужно преодолѣть, чрезъ какія трудности пробиться, какія усилія напрягать; чтобы улучшить свое печальное состояніе! Могутъ ли быть знакомы радости жизни тамъ, гдѣ изъ дня въ день ведется борьба съ нуждами и лишениями? Можно ли ожидать высокихъ чувствъ, сознанія своего достоинства, уваженія къ себѣ, когда подавлены лучшія силы души и растутъ на привольи нѣспія влеченія и инстинкты? Скуденъ большею частію внутренній міръ бѣдняка, потому что непривѣтлива его житейская обстановка. И мудро ли, что ходитъ онъ съ пониженнымъ отъ скорбей и заботъ видомъ, что въ самомъ раннемъ возрастѣ иногда попадаетъ на скамью подсудимыхъ и что много погибаетъ такихъ несчастныхъ существованій? Вотъ при этихъ то представленіяхъ получаютъ великое, святое значеніе благотворительныя учрежденія, гдѣ дружнымъ содѣйствіемъ многимъ созидается важнѣйше дѣло воспитанія бѣдныхъ дѣтей. Дать воспитаніе бѣдному—это значитъ дать второй разъ жизнь, но жизнь разумную, осмысленную, способную на полезный трудъ и дѣятельность. Дать воспитаніе бѣдному человѣку — это значитъ открыть въ немъ душу, дать ему испытать кроткія нѣжныя чувства и избѣжать той бездны, надъ которою судьба поставила его при рожденіи. Дать воспитаніе бѣдному — это значитъ облегчить ему самую скудость и научить его украшать неприхотливую жизнь свою благородными наслажденіями ума и сердца. Да будутъ благословенны благотворительныя усилія тѣхъ лицъ, которые посвящаютъ и время, и средства свои на это святое дѣло! (1)

Священникъ В. Гиляровскій.

---

(1) Изъ проповѣди, сказанной въ церкви Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ, въ храмовой праздникъ ея.

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДРЪ,

Первоначальникъ аквитовъ (неусыпающихъ).

(Окончаніе).

На новомъ своемъ мѣстѣ преподобный началъ дѣйствовать съ неутомимою энергіею, которая всегда его отличала, и въ короткое время успѣлъ устроить монастырь совершенно подобный евфратской киновіи, съ тѣмъ же чиномъ неусыпнаго псалмопѣнія, стольже многолюдный и также разноплеменный, ибо вмѣщалъ въ себѣ представителей разныхъ націй: латинянъ, грековъ, сирійцевъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и здѣсь подготовились бы способные миссіонеры, особенно для проповѣди въ предѣлахъ Персіи, какъ подготовила къ тому многихъ киновія евфратская; но Богу было не угодно и на этотъ разъ благословить успѣхомъ такое начинаніе. Намѣренія преподобнаго были, конечно, чисты и прекрасны въ этомъ случаѣ; но другой участникъ въ дѣлѣ былъ не таковъ. Несторій скоро обнаружилъ въ себѣ злую ересь,—и это не только разрушило всѣ миссіонерскіе планы преподобнаго, но едва не увлекло въ погибель и его самого.

Религіозные споры, обыкновенно, не обходятся безъ сильнаго возбужденія страстей; даже правая сторона въ такихъ случаяхъ бываетъ иногда не свободна отъ нѣкоторыхъ увлеченій и излишествъ, тяжело отзывающихся на лицахъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Какъ только Несторій открыто заявилъ свое лжеученіе, вызвавшее бурю негодованія въ большинствѣ константинопольскаго населенія, положеніе преподобнаго Александра сдѣлалось весьма неудобнымъ и даже опаснымъ.

Надобно замѣтить, что назначеніе Несторія на кафедру константинопольскую состоялось по распоряженію свѣтской власти, вопреки желанію клира и народа, которымъ хотѣлось имѣть своимъ архипастыремъ кого-либо изъ своей среды. Какъ

человѣкъ чужой (1), навязанный противъ воли, онъ уже по одной этой причинѣ съ самаго начала былъ не сочувственъ константинопольцамъ. Нерасположеніе къ нему естественно должно было переходить и на тѣхъ, кого онъ привлекъ въ слѣдъ за собою изъ своей провинціи въ столицу и отличалъ своей довѣренностію и расположеніемъ. Впаденіе Несторія въ ересь могло представиться удобнымъ случаемъ, чтобы избавиться отъ непріятныхъ гостей; всѣхъ ихъ теперь легко было обвинить, по крайней мѣрѣ, сильно заподозрить въ единомысліи патріарху, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ прибывшихъ съ нимъ, а именно самый приближенный къ нему пресвитеръ Анастасій дѣйствительно заявилъ согласіе съ ересью Несторія. Вотъ такимъ-то образомъ кто-то бросилъ тѣнь подозрѣнія въ ереси и на преподобнаго Александра,—и его потребовали къ отвѣту. Конечно, онъ съ негодованіемъ отвергъ взведенный на него извѣтъ, какъ злобную клевету; но не легко ему быдо увѣрить судей въ правотѣ своей. Лжеученіе Несторія касалось такихъ отвлеченныхъ тонкостей, что для выраженія даже строго православной мысли въ этой области, трудно было отыскать точныя слова; а судьи были предубѣждены противъ него и привязчивы. Не диво поэтому, что преподобный старался болѣе молчать предъ судьями; а эти сочли себя не удовлетворенными и позволили себѣ обойтись съ нимъ оскорбительнымъ образомъ,—выгнали его изъ своего присутствія съ безчестіемъ, хотя и не могли произнести обвинительнаго приговора. И если не нашлось правды у судей, тѣмъ менѣе могло найтись ея у толпы народной: толпа, которую противъ него настроили и возбудили самымъ призваніемъ къ суду, едва не наложила рукъ на него; но Господь избавилъ его отъ опасности и привелъ въ обитель невредимымъ.

Но избѣжавъ бѣды со стороны ревнителей не по разуму о православіи за мнимую склонность къ ереси, онъ въ слѣдъ затѣмъ подвергся, со всею братією, за дѣйствительную вѣр-

---

(1) Въ исторіи Кедрина. по крайней мѣрѣ, по славянскому ея переводу, онъ названъ даже *нѣмецемъ*, потому, вѣроятно, что онъ родился въ Германіи, которая напоминаетъ Германію.

ность православію, жестокому преслѣдованію, узамъ, темничному заключенію и тѣлеснымъ истязаніямъ отъ еретическаго патріарха, который тѣмъ сильнѣе возкипѣлъ противъ него злобою, чѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ ожидать отъ него единомыслія и покорности, вслѣдствіе оказаннаго ему покровительства. Къ счастью, не долго привелось Несторію нествовать: вскорѣ состоялся вселенскій соборъ въ Ефесѣ, который произнесъ осужденіе его ученію и низложилъ его самого. Съ паденіемъ Несторія, преподобному, конечно, возвращена была свобода и онъ получилъ возможность мирно подвизаться въ своей обители.

Несмотря на всѣ вынесенныя скорби, преподобный и теперь не охладѣлъ къ миссіонерскому дѣлу,—но онъ долженъ былъ отъ него отстраниться, такъ какъ въ Персіи, на которую преимущественно простирались его виды, оно попало въ руки враговъ православія; большая часть тѣхъ миссіонерскихъ силъ, которыя подготовлены и организованы были въ Сиріи, съ цѣлю распространенія православнаго ученія въ персидскомъ государствѣ, и которыя въ послѣднее время старался Несторій держать въ своихъ рукахъ, подъ своимъ вліяніемъ, именно нѣкоторые монастыри и едесскія школы, увлеклись его лжеученіемъ (1) и сдѣлались орудіемъ пропаганды выдуманной имъ ереси между персами. При тѣхъ подозрѣніяхъ, которыя одно время возникли-было противъ преподобнаго въ средѣ православныхъ, онъ далъ бы только поводъ къ новымъ неблагоприятнымъ сужденіямъ, если бы выступилъ на одно поприще дѣйствія съ несторіями, хотя бы—то и для иной цѣли, даже для прямого противодѣйствія имъ; между тѣмъ, достигнуть значительныхъ успѣховъ онъ былъ бы не въ состояніи. Ему пришлось бы вести борьбу не только съ невѣріемъ персовъ, но и съ зловѣріемъ еретиковъ; еретиковъ было много и они быстро успѣли пріобрѣсти въ Персіи вліяніе; а

---

(1) Это тѣмъ легче могло случиться, что Несторій, по изложеніи своемъ, около 5 лѣтъ, съ 431 по 436 годъ, жилъ въ Антиохіи, вблизи этихъ силъ, и могъ даже въ это время съ удобствомъ оказывать зловерное свое на нихъ вліяніе.

братство Александра, сравнительно, было ограничено и самъ онъ уже приблизился къ тому возрасту, когда бремя лѣтъ подавляетъ въ человѣкѣ энергію,—когда старческія немощи одолаваютъ его, и ему становится уже поздно думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ приготовленія къ переходу въ жизнь иную. Итакъ преподобный, беспильный измѣнить что-либо въ прискорбномъ положеніи миссіонерскихъ дѣлъ въ Персіи, могъ только оплакивать его; возвратясь въ обитель свою, онъ ушелъ въ самого себя и провелъ остатокъ дней своихъ въ трудахъ и подвигахъ исключительно иноческихъ.

Дѣятельность его въ этой сферѣ, направленная къ тому, чтобы преобразовать иноческую жизнь и возвесть ее къ высшему совершенству, сопровождалась болѣе значительными послѣдствіями. Труды его въ этомъ направленіи оставили въ Церкви замѣтный слѣдъ. Своеобразный чинъ, или уставъ его былъ принятъ не только его обителью, но и другими многими монастырями въ Константинополь и его окрестностяхъ и долго держался въ Церкви Восточной, какъ и имя монаховъ-акимитовъ, отъ этого чина получившихъ своего названіе. Достоинъ примѣчанія, что между прочимъ и знаменитый монастырь студійскій, уставъ котораго усвоенъ Русскою Церковью и доселѣ въ ней дѣйствуетъ, имѣлъ первоначальниками своими монаховъ акимитовъ, приглашенныхъ сюда изъ обители преподобнаго Александра. Впрочемъ можно думать, что и здѣсь успѣхъ преподобнаго не былъ полнымъ: то, что *удалось* ему провести въ жизнь иноковъ, далеко было отъ того, чего онъ *желалъ* бы,—много ниже было того идеала, который предносился его душѣ, настроенной къ самому строгому аскетизму. Можетъ быть, именно преподобному Александру принадлежатъ изреченія, записанныя Іоанномъ Мосхомъ въ его «Дугѣ Духовномъ», въ главѣ 167, и что они высказаны именно въ Антиохіи, во время жительства преподобнаго въ оставленныхъ городскихъ баняхъ. Что же они выражаютъ? «Авва Александръ, старецъ (наставникъ) аввы Викентія, поѣздывается у Мосха, говорилъ братьямъ:» отцы наши искали пустыни и скорбей, а мы ищемъ городовъ и спокойствія (на-мекъ на то, что братія его, послѣ неудачной попытки по-някнуть въ Персію, не захотѣли возвратиться въ пустынную

виновію на Евфратѣ и принудили его поселиться въ Антиохіи). Говорилъ также старецъ: при отцахъ нашихъ процвѣтали сіи добродѣтели: бѣдность и смиреніе; а нынѣ господствуютъ скупость и гордость. Говорилъ старецъ: Отцы наши никогда не умывали лица, а для насъ открыты народныя бани (намекъ на мѣсто жительства Преподобнаго съ братією въ Антиохіи, которое, вѣроятно, подавало поводъ нѣкоторымъ инокамъ слишкомъ часто и безъ нужды заниматься омовеніемъ своего тѣла). Говорилъ также старецъ: Горе мнѣ, дѣти, потеряли мы житіе ангельское. Авва Викентій, ученикъ старца, говорилъ ему: мы немощны, отецъ. Старецъ сказалъ: Что ты говоришь, Викентій, мы немощны? Повѣрь мнѣ, сынъ мой, мы крѣпки тѣломъ, какъ олимпійскіе борцы, только душа наша слаба. Говорилъ также: Мы можемъ и пить и ѣсть много, и одѣваться хорошо, но быть воздержными и смиренными не въ состояніи.— Не ясно ли высказывается въ этихъ изрѣченіяхъ недовольство преподобнаго тѣмъ душевнымъ устроеніемъ, до котораго онъ могъ довести и въ которомъ видѣлъ свою братію? Прибавимъ къ этому, что даже и тотъ не вполне соответствовавшій идеалу его чинъ, который былъ принятъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, хотя и долго сохранялся, не сохранился однакоже навсегда: нынѣ можно замѣчать только въ нѣкоторыхъ обителяхъ и притомъ только слабое напоминаніе о его уставѣ, въ видѣ непрерывнаго, днемъ и ночью продолжающагося, чтенія Псалтири, съ молитвою о усопшихъ.

Святую жизнь свою преподобный Александръ окончилъ въ глубокой старости (въ 440 г.), пребывъ въ иночествѣ *пять—десять лѣтъ*; слѣдовательно онъ дожилъ до той значительной минуты, когда были возданы подобающія, хотя и позднія, почести святому Иоанну Златоусту (великая мысль котораго одушевляла преподобнаго ревностію къ миссіонерскому дѣлу),— когда святыя мощи этаго дивнаго Іерарха, съ признаніемъ предъ цѣлымъ свѣтомъ содѣянной ему вопіющей неправды, торжественно были перенесены изъ мѣста ссылки его — Команъ (въ Арменіи) въ Константинополь. Припавъ къ мощамъ его, лобызая священную десницу и главу его, Александръ могъ излить предъ почившимъ всю скорбь души своей о не-

удачахъ имъ испытанныхъ на пути къ указанной святителемъ великой цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ и почерпнуть отрадную увѣренность, что не потеряетъ онъ однако мзды трудовъ своихъ у Господа, какъ не потерялъ ее и самъ святитель, хотя при жизни своей тоже часто видѣлъ разрушеніе своихъ благихъ стремленій и надеждъ предъ неодолимыми препятствіями. Въ минуты сердечнаго сокрушенія о скудости плодовъ, пріобрѣтенныхъ цѣною столь великихъ усилій, которыя, казалось, были однакожь потрачены почти напрасно, преподобный могъ, конечно, упрекать себя словами, приводимыми І. Москвомъ: «горе тебѣ, Александръ, горе тебѣ! Какъ ты будешь жалѣть, когда другіе будутъ получать вѣнцы!» (Лугъ Дух. гл. 167). Но у раки прославленнаго святителя пр. Александръ долженъ былъ успокоиться на мысли, что Господь цѣнитъ и награждаетъ главнымъ образомъ чистоту нашихъ намѣреній и высоту самоотверженія, а не достигнутый успѣхъ, который часто не зависитъ отъ нашей воли и дѣятельности на пользу общую.

Г. Е. С.

ПОУЧЕНІЕ ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

Аще отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ. Мате. 6, 14 и 15.

Благовременно нынѣ намъ, братія и дѣти, припомнить эту заповѣдь Господа нашего Иисуса Христа, указывающую весьма важное условіе для того, чтобы исповѣдь наша не осталась безплодною для насъ. Вы желаете, чтобы Богъ простилъ вамъ грѣхи ваши? Простите прежде ближнимъ всѣ согрѣшенія ихъ противъ васъ. А если вы не простите, такъ и Богъ вамъ не проститъ. Будьте милостивы къ другимъ, тогда и Богъ будетъ къ вамъ милостивъ.

Долгъ нашъ предъ Богомъ великъ: грѣховъ у насъ множество. Мы молимся Богу о прощеніи всѣхъ грѣховъ нашихъ и держаемъ питать надежду, что Онъ, по безконечному милосердію, проститъ всѣ прегрѣшенія наши. А между тѣмъ, въ это же самое время не хотимъ простить своему ближнему какойнибудь ничтожной обиды: неосторожнаго, иногда въ шутку сказаннаго, слова, или даже справедливаго замѣчанія, оскорбляющаго нашу гордость и возбуждающаго нашъ гнѣвъ.

Немилостивые сами, — какъ осмѣлимся мы прибѣгать къ милосердію Божию? Какъ осмѣлимся сказать Господу: «остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ»? *Судъ безъ милости не сотворитъ милости* (Іак. 2, 13), прямо и ясно говоритъ намъ священное Писаніе.

Кромѣ того, въ таинствѣ покаянія мы становимся предъ лицомъ Божиимъ для того, чтобы принести Богу искреннее душевное раскаяніе въ нарушеніи Его заповѣдей, — выразить смиренное сознаніе нашей грѣховности и нашего недостойнства предъ Богомъ, — высказать нашу рѣшимость на будущее время, по возможности воздерживаться отъ нарушенія заповѣдей; и такимъ образомъ примириться съ Богомъ, разгнѣваннымъ нашими грѣхами. Что жъ? Развѣ дѣлаетъ это тотъ, кто приходитъ на исповѣдь съ злобою и враждою на ближняго? Развѣ примиряется съ Богомъ тотъ, кто нарушаетъ важнѣйшую Его заповѣдь объ искренней, братской любви къ ближнему, и даже предъ самою исповѣдью не хочетъ примириться съ ближнимъ? Нѣтъ, Такое покаяніе главнѣйшихъ заповѣдей Божіихъ, такое, можно сказать, поруганіе надъ ними привлекаетъ еще большій гнѣвъ Божій на насъ.

Не забудемъ же, братія и дѣти, существующаго у насъ, христіанскаго обычая: прежде чѣмъ идти на исповѣдь, примириться со всѣми, — простить всѣмъ и все, чѣмъ насъ обидѣли, и попросить прощенія у тѣхъ, кого мы чѣмъ-нибудь оскорбили. Твердо помните заповѣдь Іисуса Христа: *блаженни милостивии, яко ти помилуавани будутъ* (Матѣ. 5, 7).

Примирившись со всѣми, подумайте о томъ, что вы дѣлали и какъ вообще жили въ теченіе цѣлаго года. Не было ли дурныхъ дѣлъ, за которыя нужно просить у Бога прощенія? Нѣтъ ли дурныхъ наклонностей и привычекъ, которыя нужно постараться искоренить? Не нарушали ль заповѣди Божіи или мыслію, или словомъ, или дѣломъ? Подумайте! А за тѣмъ предстаньте предъ лице Божіе съ сердечнымъ сокрушеніемъ о множествѣ грѣховъ и съ искреннею молитвою о прощеніи ихъ. Взывайте къ Богу, какъ мытарь взывалъ къ Нему: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному. И вѣрьте отъ всей души, что услышана будетъ Богомъ молитва ваша. Пріятная Богу жертва — духъ сокрушенъ. Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19). Аминь.

Священникъ Евграфъ Мегорскій.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНАГО ИСИДОРА
ПЕЛУСИОТА (1).

Другъ друга тяготы носите и
такъ исполните законъ Христовъ.
Галат. 6, 2.

Какое мудрое, какое плодотворное и многообъемлющее правило для общественной жизни преподаетъ намъ св. Апостоль Павелъ! Никогда земная мудрость не могла придумать ничего лучшаго. *Другъ друга тяготы носите и такъ исполните законъ Христова!* Первоверховный Апостоль какъ бы такъ говорить христіанамъ: «каждый изъ васъ имѣетъ обязанности къ самимъ себѣ и ближнимъ, — къ семейству, обществу и

---

(1) Сказано въ кафедральномъ Исаакіевскомъ соборѣ, 4-го февраля 1871 года.

прежде всего—къ закону Христову, по которому будете судиться на послѣднемъ страшномъ судѣ. Но каждый изъ васъ имѣеть и свои недостатки, свои немощи, каждый можетъ падать подъ бременемъ своихъ обязанностей и согрѣшать предъ Богомъ: итакъ поддерживайте другъ друга, терпѣливо снесите немощи ближнихъ, облегчайте ихъ труды, чтобы общими силами *исполнить законъ Христова*. О, если бы всѣ общества, большія и малыя, слѣдовали этому правилу Апостола! Но къ сожалѣнію, мы каждый день видимъ, какъ самолюбіе, своекорыстіе, зависть, гордость отравляютъ нравственную жизнь человѣческихъ обществъ, разрушаютъ союзъ любви и взаимной помощи въ ихъ членахъ, преграждаютъ дѣйствіе закона Христова. Но есть общества, которыя съ большею точностію, чѣмъ гдѣ-либо, выполняютъ приведенное правило св. Апостола, въ которыхъ все направлено къ тому, чтобы оно исполнялось во всей полнотѣ и силѣ, гдѣ по возможности предотвращены всѣ поводы къ нарушенію его. Такими обществами можно назвать обители иноковъ, или, такъ-называемые, *монастыри*. Здѣсь нѣтъ простора корыстолюбію, нѣтъ пищи для гордости; здѣсь все устремлено къ одной цѣли — *исполнить законъ Христова*. Не даромъ же и св. Церковь заповѣдала читать изъ апостольскихъ посланій то мѣсто, гдѣ содержится мудрое правило св. Павла,—именно во дни угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ на землѣ въ иноческомъ образѣ,—въ дни памяти *преподобныхъ*. Не даромъ св. Церковь хранить и прославляетъ память великихъ пустынножителей, основателей иноческихъ обществъ. Къ числу такихъ-то свѣтилъ церковныхъ, къ лику великихъ образцовъ и наставниковъ монашества принадлежитъ и воспоминаемый нынѣ Исидоръ Пелусіотъ. Почти полторы тысячъ лѣтъ назадъ тому, жилъ на землѣ и подвизался преподобный Исидоръ,—и слава его не меркнетъ въ потомствѣ, о ней вѣщаетъ и будетъ до конца міра возвѣщать вселенская Церковь. Отрасль богатаго и знатнаго дома въ Александріи, родственникъ двухъ патріарховъ, получивъ блистательное образованіе въ наукахъ,—преподобный, еще въ цвѣтѣ силъ, оставилъ міръ и поселился въ уединенной гористой пустынѣ, недалеко отъ города Пелузіума; нѣсколько лѣтъ провелъ въ суровомъ

уединеніи, въ бесѣдѣ съ Богомъ, въ подвигахъ поста и молитвы, стремясь достигнуть высшаго нравственнаго совершенства и приготовиться къ блаженной вѣчности. Укрѣпившись въ правилахъ добродѣтельной жизни, оградивъ душу свою отъ всякихъ соблазновъ, онъ явился, наконецъ, міру, принявъ начальство надъ обителью иноковъ, но не для того, чтобы получать почести, или пользоваться благами міра, а для того, чтобы быть свѣтильникомъ міра, обличителемъ зла и неправды, наставникомъ благочестія. Онъ писалъ увѣщательныя посланія и къ царямъ и къ правителямъ областей, къ воинамъ и мудрецамъ, къ инокамъ и мірянамъ, къ простымъ и знатымъ, мужамъ и женамъ. Эти посланія преподобнаго Исидора, которыхъ насчитываютъ болѣе десяти тысячъ, и до сихъ поръ составляютъ богатый источникъ высокихъ и назидательныхъ мыслей. Такимъ образомъ преподобный Исидоръ съ славою подвижника и великаго угодника Божія соединилъ и славу мудраго, глубоконазидательнаго писателя. Для насъ, братіе, память преподобнаго Исидора двоякѣ священна и день, посвященный ему, представляетъ сугубое торжество: это день тезоименитства нашего милостивѣйшаго архипастыря, — инока и начальника иноковъ.

Инокѣ! иночество! Какое значеніе имѣютъ они въ наше время? Какую пользу приносятъ иночество и самимъ инокамъ, или отдѣльнымъ лицамъ, и цѣлому обществу, Церкви и Государству? Вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ не будетъ, конечно, неумѣстно въ настоящій день, — день памяти преподобнаго Исидора Пелусіота и тезоименитства нашего Высокопреосвященнаго Владыки!

Въ наше время много и охотно говорятъ—о трудѣ, о необходимости для каждаго трудиться, о соединеніи людей для труда, о раздѣленіи между ними труда, о правѣ на трудъ, о женскомъ трудѣ и такъ далѣе. И вотъ именно люди, толкующіе о трудѣ, во имя труда, дѣлаютъ упрекъ иночеству въ праздности. Не намъ, конечно, и не съ этого священнаго мѣста говорить противъ труда. Трудъ назначенъ человѣку еще до паденія и вмѣненъ въ наказаніе по паденіи прородителей! Но мы были бы несчастнѣйшими изъ всѣхъ созданій Божіихъ, если бы осуждены были трудиться только для куска хлѣба,

для удобствъ земной жизни. Тогда не только всякій трудъ потерялъ бы свою цѣну, но не стоило бы труда и жить на свѣтѣ. Самая блистательная жизненная обстановка не вознаградила бы человѣка за тѣ непрерывныя заботы, успія, огорченія, болѣзни, труды, неудачи, которые каждый человѣкъ, болѣе или менѣе, испытываетъ въ теченіе этой многопечальной жизни. Всю цѣну и достоинство даетъ нашей земной жизни только мысль о безсмертіи, надежда на лучшую будущность за предѣлами гроба. И потому первый и главнѣйшій *трудъ* нашъ долженъ состоять въ томъ, что бы совершенствовать себя нравственно, готовиться къ вѣчности,—исполнять законъ Христовъ. Скажите же: гдѣ удобнѣе и вѣрнѣе можетъ человѣкъ предаваться этому великому труду? Гдѣ чаще можетъ онъ размышлять о Богѣ, о вѣчной жизни, о своихъ недостаткахъ и грѣхонападеніяхъ; гдѣ легче можетъ укрощать свои страсти, избѣгать соблазновъ, предаваться молитвѣ? Въ кругу ли мірскаго общества, среди ли непрестанныхъ заботъ о пропитаніи и удобствахъ жизни, при множествѣ разнородныхъ суевъ, развлеченій, непріятностей, столкновеній, соблазновъ и искушеній? Или, напротивъ, въ иноческой обители, гдѣ главное и почти единственное дѣло—молитва и «умное дѣланіе», гдѣ все напоминаетъ о Богѣ, о смерти и безсмертіи, гдѣ все общее, всѣ равны предъ «уставомъ» и всѣ должны служить другъ другу въ дѣлѣ душевнаго спасенія, откуда должно быть изгнано все, что для мірскихъ людей служитъ камнемъ преткновенія, главнѣйшимъ препятствіемъ къ добродѣтельной жизни? Нѣтъ надобности рѣшать эти вопросы, потому что рѣшеніе ихъ ясно для всякаго, какъ день. Не даромъ же самые благочестивые люди, самые способные, повидимому, бороться со всѣми соблазнами свѣтскаго общества, нерѣдко люди образованные и богатые, оставляли міръ и удалялись въ монастыри и пустыни, чтобы тамъ безпрепятственнѣе заняться важнѣйшимъ дѣломъ жизни—дѣломъ спасенія души своей. Здѣсь пламенные ревнители благочестія находятъ широкое и удобное поприще для своихъ подвиговъ; здѣсь сокрушенные сердцемъ, удрученные тяжкими потерями, людскими неправдами и несбывшимися надеждами, находятъ для себя отраду, заблудившійся грѣшникъ—тихую пристань спасенія.

Но скажутъ: «каждый человѣкъ, даже въ дѣлѣ служенія Богу, долженъ думать не о себѣ одномъ, не о своемъ только личномъ спасеніи, но и о назиданіи и спасеніи ближнихъ своихъ». Не будемъ приводить примѣровъ изъ исторіи, сколько дѣлали иноки для распространенія вѣры и благочестія въ мірѣ вообще и въ частности въ нашемъ Отецествѣ; какъ мужественно боролись они за православіе, за благо и достоинство Церкви и Отечества. Скажемъ короче: иночество, иноческія обители всегда, какъ и теперь, назидаютъ народъ даже просто своимъ существованіемъ. Что такое монашество, монашеская жизнь? Это добровольное отреченіе отъ міра, отъ удовольствій семейной и супружеской жизни, отъ богатства, отъ всякой собственности, даже отъ собственной воли, это полное послушаніе, строгое цѣломудріе, совершенная нестяжательность. И вотъ эта-то жизнь, — одна возможность такой жизни составляетъ постоянное напоминаніе, обличеніе, урокъ для безопасно живущихъ въ мірѣ. Прийдя въ монастырь, благочестивый мірянинъ такъ размышляетъ: «вотъ есть же люди, которые отъ всего отказались для Бога, которые непрестанно занимаются молитвою, славословіемъ, богомысліемъ, заботою о спасеніи души своей. А я что дѣлаю? Вся жизнь моя проходитъ въ суетахъ, въ разсѣянности, въ грѣховныхъ забавахъ. Господи! прости меня грѣшнаго!» Одна эта мысль, одно это сокрушеніе умиленного сердца, — есть уже заслуга монастыря, доброе дѣло иночества! Вы скажете, что жизнь нѣкоторыхъ иноковъ служитъ соблазномъ для мірянъ? А я вамъ припомню цѣлый сонмъ угодниковъ Божіихъ, бывшихъ украшеніемъ иночества, укажу и на нѣкоторыхъ современныхъ иноковъ и инокинь, у которыхъ есть чему поучиться. И въ какомъ тѣлѣ нѣтъ больныхъ членовъ? Въ какомъ обществѣ нѣтъ бесполезныхъ гражданъ? Нужно лечить больные члены, въ крайности отсѣкать ихъ, а не разрушать самое тѣло. Нужно исправлять отдѣльныя лица, а не уничижать цѣлое учрежденіе. Говорить ли о томъ, какъ точно соблюдаются въ обителяхъ иноковъ всѣ церковныя уставы, какъ чинно совершается богослуженіе? Напоминать ли о томъ, какъ часто наши монастыри служатъ народу образцами разумнаго хозяйства, трудолюбія, благотворительности, страннопріимства; какъ много дѣлаютъ они для

поддержанія нравственности и нѣкоторой степени образованія въ низшихъ классахъ общества? Самый грубый поселянинъ, самая невѣжественная крестьянка, поживъ въ монастырѣ, дѣлаются другими людьми: и взглядъ, и поступь, и голосъ, и рѣчь, и обращеніе дѣлаются мягче, осмысленнѣе, степеннѣе.

«Пусть такъ, скажетъ кто-нибудь, монастыри и монахи приносятъ нравственную пользу простому народу; иначе они и не существовали бы; но все же они не содѣйствуютъ сами благосостоянію Государства, составляютъ для него напрасное бремя. Не великъ трудъ и не велика важность, что они молятся Богу!» Ахъ, братіе, остерегайтесь увлекаться подобными разсужденіями и рѣчами легкомысленныхъ мірскихъ людей! Люди вообще часто обманываются въ сужденіяхъ о предметахъ и лицахъ, принимаютъ важное за неважное, существенное за ничтожное, и на оборотъ. Св. Апостоль Павелъ, говоря о святыхъ подвижникахъ, что они *продоша въ милотехъ и козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлобени, въ пустыняхъ скитающеса, въ юрахъ и вертепахъ*, присовокупляетъ, что такихъ-то людей *не бѣ достоинъ весь міръ!* (Евр. 11, 38). Весь міръ, весь родъ человѣческій, былъ недостойнъ тѣхъ людей, которыхъ презиралъ онъ, которыхъ считалъ за ничто и которые были, мѣжду тѣмъ, его величайшими благодѣтелями. За десятки и сотни праведныхъ молитвенниковъ Господь щадитъ и милуетъ тысячи и миллионы грѣшниковъ; молитвами святыхъ угодниковъ укрѣпляются царства, благоденствуютъ народы, побѣждаются враги. Не будемъ же пренебрегать молитвою иноковъ, для которыхъ она составляетъ главное занятіе и первѣйшую обязанность. Соединимъ нашу слабую и краткую молитву съ ихъ крѣпкою и постоянною. Будемъ *носить тяготы другъ друга*, чтобъ такимъ образомъ *исполнить законъ Христовъ*.

Заступленіемъ преподобнаго Исидора Пелусіота, молитвами святаго Владыки нашего и всѣхъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ.

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ СМЕРТНОСТИ ПО ВОЗРАСТАМЪ, ВЪ ИЗБРАННОМЪ
КРУГУ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

Прежде нежели приступимъ къ описанію теченія смертности по возрастамъ, надобно описать нѣкоторыя общія условія, безъ коихъ жизнь становится невозможною, въ какомъ бы возрастѣ человекъ ни находился. Къ такимъ условіямъ жизни относятся: а) *мѣстность селенія*, б) *жилища*, в) *пища* г) *одежда*.

а. *Мѣстности селеній*. Какъ много человекъ принадлежить той мѣстности, на которой онъ находится и на которой протекаетъ жизнь его! Цѣлую жизнь свою онъ долженъ изучать свою мѣстность, чтобы лучше приложить къ ней свой трудъ и имѣть въ ней, во всякое время года и во всѣ годы своей жизни, опору своего благосостоянія. Мѣстность счастливая обезпечиваетъ его благосостоянію, и за труды его даетъ ему болѣе, нежели сколько онъ въ то же время проживать или издерживать можетъ. Мѣстность неблагоприятная болѣе представляетъ ему опасностей и менѣе награждаетъ труды его, нежели сколько онъ въ то же время проживать или издерживать долженъ. Мѣстности прибрежныя даютъ болѣе смертности отъ утопанія; мѣстности нагорныя и утесистыя даютъ болѣе смертности отъ паденія. Подобныя разности отъ мѣстностей, очевидныя на первый взглядъ, увеличиваются такими вліяніями, кои принадлежатъ ко внутреннему устройству тѣлосложенія и къ теченію жизненныхъ его отправленій. Разность дѣйствія солнца на селенія, когда они стоятъ на высокихъ горахъ, или когда погружены въ глубокихъ между горами ущеліяхъ, производитъ разность въ продолженіи дня и ночи, также какъ разность въ содержаніи свѣта и темноты, въ каждое время года. Разность въ составѣ атмосферы, когда она во всѣ времена года болѣе или менѣе чиста и свободна отъ постороннихъ примѣсей, или когда наполнена болотными

поддержанія нравственности и нѣкоторой степени образованія въ низшихъ классахъ общества? Самый грубый поселенинъ, самая невѣжественная крестьянка, поживъ въ монастырѣ, дѣлаются другими людьми: и взглядъ, и поступъ, и голосъ, и рѣчь, и обращеніе дѣлаются мягче, осмысленнѣе, степеннѣе.

«Пусть такъ, скажетъ кто-нибудь, монастыри и монахи приносятъ нравственную пользу простому народу; иначе они и не существовали бы; но все же они не содѣйствуютъ сами благосостоянію Государства, составляютъ для него напрасное бремя. Не великъ трудъ и не велика важность, что они молятся Богу!» Ахъ, братіе, остерегайтесь увлекаться подобными разсужденіями и рѣчами легкомысленныхъ мірскихъ людей! Люди вообще часто обманываются въ сужденіяхъ о предметахъ и лицахъ, принимаютъ важное за неважное, существенное за ничтожное, и на оборотъ. Св. Апостоль Павелъ, говоря о святыхъ подвижникахъ, что они *придоша въ милотехъ и козихъ кожлахъ, лишени, скорбяще, озлобени, въ пустыняхъ скитающесе, въ горахъ и вертепахъ*, присовокупляетъ, что такихъ-то людей *не бы достоинъ весь міръ!* (Евр. 11, 38). Весь міръ, весь родъ человѣческій, былъ недостойнъ тѣхъ людей, которыхъ презиралъ онъ, которыхъ считалъ за ничто и которые были, мѣжду тѣмъ, его величайшими благодѣтелями. За десятки и сотни праведныхъ молитвенниковъ Господь щадитъ и милуетъ тысячи и милліоны грѣшниковъ; молитвами святыхъ угодниковъ укрѣпляются царства, благоденствуютъ народы, побѣждаются враги. Не будемъ же пренебрегать молитвою иноковъ, для которыхъ она составляетъ главное занятіе и первѣйшую обязанность. Соединимъ нашу слабую и краткую молитву съ ихъ крѣпкою и постоянною. Будемъ *носить тяготы другъ друга*, чтобъ такимъ образомъ *исполнить законъ Христовъ*.

Заступленіемъ преподобнаго Исидора Пелусіота, молитвами святаго Владыки нашего и всѣхъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ **ЯХОНТОВЪ**.

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ СМЕРТНОСТИ ПО ВОЗРАСТАМЪ, ВЪ ИЗБРАННОМЪ КРУГУ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

Прежде нежели приступимъ къ описанію теченія смертности по возрастамъ, надобно описать нѣкоторыя общія условія, безъ коихъ жизнь становится невозможною, въ какомъ бы возрастѣ человекъ ни находился. Къ такимъ условіямъ жизни относятся: а) *мѣстность селенія*, б) *жилища*, в) *пища* г) *одежда*.

а. *Мѣстности селеній*. Какъ много человекъ принадлежитъ той мѣстности, на которой онъ находится и на которой протекаетъ жизнь его! Цѣлую жизнь свою онъ долженъ изучать свою мѣстность, чтобы лучше приложить къ ней свой трудъ и имѣть въ ней, во всякое время года и во всѣ годы своей жизни, опору своего благосостоянія. Мѣстность счастливая обезпечиваетъ его благосостояніе, и за труды его даетъ ему болѣе, нежели сколько онъ въ то же время проживать или издерживать можетъ. Мѣстность неблагоприятная болѣе представляетъ ему опасностей и менѣе награждаетъ труды его, нежели сколько онъ въ то же время проживать или издерживать долженъ. Мѣстности прибрежныя даютъ болѣе смертности отъ утопанія; мѣстности нагорныя и утесстыя даютъ болѣе смертности отъ паденія. Подобныя разности отъ мѣстностей, очевидныя на первый взглядъ, увеличиваются такими вліяніями, кои принадлежатъ ко внутреннему устройству тѣлосложенія и къ теченію жизненныхъ его отправления. Разность дѣйствія солнца на селенія, когда они стоятъ на высокихъ горахъ, или когда погружены въ глубочайшихъ между горами ущеліяхъ, производитъ разность въ продолженіи дня и ночи, также какъ разность въ содержаніи свѣта и темноты, въ каждое время года. Разность въ составѣ атмосферы, когда она во всѣ времена года болѣе или менѣе чиста и свободна отъ постороннихъ примѣсей, или когда наполнена болотными

испареніями, производитъ незамѣтную разность въ дыханіи жителя; а посредствомъ дыханія—разность какъ въ составѣ крови, такъ и въ движеніи кровообращенія и возстановленіи тѣла; разность въ составѣ воды (когда она ключевая, рѣчная или колодезная) производитъ особенность въ питаніи жителей. Разность въ движеніи вѣтровъ и другихъ перемѣнъ атмосферическихъ производитъ особенность въ колебаніи теплоты въ тѣлѣ. Совокупность всѣхъ такихъ видимыхъ вліяній производитъ разность въ дѣйствиі началъ невѣсомыхъ, какъ электричество, магнетизмъ и проч. Тѣ же грозы и бури, кои малоощутительны на днѣ горныхъ ущелій, становятся оглушительны въ селеніяхъ равнинныхъ и разрушительны въ селеніяхъ нагорныхъ. Богатство или скудость лѣсовъ, составляющихъ матеріалъ для возведенія жилищъ и для ихъ отопленія; богатство или скудость произведеній изъ царствъ растительнаго или животнаго составляютъ тоже важное удобство или неудобство для жителей. Разность всѣхъ такихъ вліяній и условій производитъ: а) разность въ случаяхъ болѣзней, кои въ одной мѣстности бывають чаще, въ другой рѣже; б) разность въ характерѣ болѣзней, кои въ одной мѣстности бывають болѣе грудными (кашель, насморкъ и т. д.); въ другихъ—болѣе желудочными или гастрическими (лихорадка и т. д.); разность въ теченіи болѣзней, кои въ одной мѣстности легче и скоротечнѣе, въ другой длительнѣе и упорнѣе. Все это значитъ, что разность мѣстныхъ началъ и условій производитъ разность въ теченіи самой жизни. Въ древнемъ мірѣ аенняне были образцемъ просвѣщенія; спартанцы,—образцемъ силы и ловкости; но віотійцы не имѣли никакого преимущества за собою, кромѣ того, что были тучны и лѣпны, хотя всѣ эти народы составляли одинъ языкъ и одно племя.

Между неблагопріятными для жизни мѣстностями есть такія, кои были прежде благопріятны: но отъ небреженія жителей сдѣлались неблагопріятными и болѣзненными, напримеръ, черезъ засореніе протекающихъ ручьевъ и рѣчекъ, разными способами, кои описывать здѣсь не мѣсто. Отъ такой перемѣны мѣстности произошло для жизни вдругъ два замѣшательства: первое, что проточная вода сдѣлалась застойною, т. е. для здоровья менѣе благопріятною; второе, что получила

порчу мѣстная атмосфера, отъ увеличенія въ ней испареній, въ жаркое время года. Такая порча мѣстности не кончится однѣми стихіями, но отразится на царствѣ растительномъ и животномъ. Благородные злаки и растенія исчезнутъ съ прежняго грунта; съ домашними животными произойдетъ то же, что съ растеніями. Подобныя перемѣны отразятся и въ тѣлосложеніи жителей. Есть мѣстности неблагопріятныя не отъ небреженія жителей, но отъ причинъ геологическихъ: это селенія, стоящія на низменныхъ берегахъ рѣкъ и потопляемыя ихъ разливами. Здѣсь есть также разность: нѣкоторыя селенія потопляются не каждый годъ, но только при самыхъ большихъ горизонтахъ разливной воды; другія потопляются ежегодно, или даже нѣсколько разъ въ одинъ и тотъ же годъ. Тутъ, къ поправкѣ дѣла, ничего болѣе бы не потребовалось, какъ только передвинуть селеніе на нѣсколько саженъ выше горизонта весеннихъ водъ; но хорошо, если тотъ же берегъ рѣки высокъ; если же измененность береговъ обширна и простирается на сотни квадратныхъ верстъ (напр. мѣстность около озера Ильменя); а народонаселеніе, низменную поверхность населяющее, очень густо и многолюдно: то и упомянутое средство улучшенія невозможно; а потому и надобно искать другихъ средствъ къ ихъ улучшенію. Подобныя мѣстности можно улучшать общественными усиліями, и не за одинъ годъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; особенно, если онѣ при такихъ видимыхъ неудобствахъ представляютъ и значительныя выгоды, привлекающія народонаселеніе. Ихъ можно улучшать копаніемъ прудовъ, для возвышенія грунта (*) и для осадки воды ниже обитаемаго грунта, къ предупреж-

---

(*) Для образца неблагоприятныхъ мѣстностей, представляется Звадь, пристань между Новгородомъ и Старою Русою, находящаяся при впаденіи рѣки Ловати въ Ильмень озеро. Что на Звадѣ очень удачны промыслы рыбныя, это безспорно; нигдѣ не случается чаще, какъ на Звадѣ, что чело-вѣкъ бѣдной, въ два—три года, наживаетъ безбѣдный капиталъ, отъ удачи въ рыбной ловлѣ.

На Звадѣ въ каждое время года свои болѣзни и особая смертность. Пусть на Звадѣ зима; зимой, конечно, вездѣ морозы и оттепели; но они идутъ болѣе или менѣе постепенно, а черезъ постепенность дѣлаются

денію ея разливовъ; можно обезпечивать ихъ устройствомъ земляныхъ валовъ, выше горизонта воды, для защиты отъ потопленія, но всего лучше переводить народонаселенія для жительства въ другія, болѣе безопасныя мѣстности. Есть въ народѣ и наклонность къ такимъ переселеніямъ; но такіе опыты еще рѣдки. Время и цивилизація, скоро или не скоро, все подвинуть къ улучшенію. Въ самомъ дѣлѣ, не хорошо, если для денежной прибыли отцу, умираетъ невинный младенецъ, не могущій пользоваться здоровьемъ въ дѣтствѣ; или если для такой же прибыли сыну, рановременно умираетъ престарѣлый отецъ.

6. *Жилища.* Построить въ неблагопріятной мѣстности безопасный домъ значить почти то же, что устранить неудобства для жизни, представляемая мѣстностію, или то же, что улучшить самую мѣстность; равнымъ образомъ построить въ благопріятной мѣстности несоотвѣтственный для здоровья домъ—то же, что благопріятную для жизни мѣстность сдѣлать неблагопріятною. Архитектура у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считалась одною изъ первыхъ наукъ, необходимыхъ для жизни. Вотъ три дома одинаковой прочности, стоящіе на одной

• болѣе сносными для человѣка и менѣе болѣзненными. Во всѣхъ мѣстностяхъ подобныя переи́мны можно разными способами или инструментами предугадывать или предусматривать, съ принятіемъ приличныхъ мѣръ безопасности. Но на Звадѣ это не возможно: тутъ атмосферическія переи́мны болѣе внезапны; а потому и для инструментовъ почти не доступны. Здѣсь, при самыхъ благопріятныхъ показаніяхъ барометра, въ самый лю́тый морозъ, засвистѣлъ вѣтерокъ, или по выраженію жителей «вихорекъ», и сдѣлалась катастрофа: мгновенно подымается весь снѣгъ съ земли въ атмосферу; изъ самаго яснаго дня образуется самая темная ночь; дыханіе ваше становится напряженно и пламенно, вы чувствуете въ себѣ по всѣмъ членамъ необыкновенный жаръ, одежда ваша смокла. Вы не можете понять причинъ такой переи́мны. Но вотъ недоумѣніе ваше разрѣшилось: на улицѣ дождь,—ливень. При подобной катастрофѣ, человѣкъ, возвращавшійся домой отъ своего пріятели, разстояніемъ не болѣе одной версты не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности; хотя бы зналъ каждое деревцо, каждый кустикъ на дорогѣ: онъ можетъ погибнуть въ десяти саженихъ отъ дому, подъ сугробами снѣга. Какъ мгновенно образуется на Звадѣ, среди лютой зимы, фантастическое, на два или на три часа, лѣто: также мгновенно,

и той же плоскости; но одинъ изъ нихъ поставленъ лицомъ къ востоку или западу, другой, къ югу, третій къ сѣверу. Три такихъ дома—то же, что три разныхъ климата; въ разные времена года одинаковымъ образомъ дѣйствовать будутъ на здоровье два первые дома; третій зимою будетъ теплѣе прочихъ, но за то въ лѣтнее время удушливѣе; послѣдній лѣтомъ будетъ благопріятнѣе прочихъ; но въ зимнее время можетъ увеличивать простудныя болѣзни.

Народъ говоритъ, что въ маломъ домѣ не бываетъ большаго семейства: народная пословица не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, пусть домъ вмѣстительностью только въ четыре квадратныхъ сажени (какихъ домовъ по сѣвернымъ губерніямъ Руси множество). Въ такомъ домѣ супруги будутъ бездѣтными, хотя бы у нихъ раждались дѣти ежегодно. Здѣсь одинъ младенецъ можетъ жить только до рожденія другаго; потому что для другаго нѣтъ ни мѣста, ни простора, т. е. нѣтъ ни свѣжаго воздуха для дыханія, ни покоя для возрастанія, ни удобства для развитія тѣла. По тѣснотѣ жилищъ, пресѣкающей возрастаніе членовъ семейства, надобно заключать, что возможны въ нихъ и другія неудобства для жизни, какъ-то: чрезмѣрная удушливость, сырость, неопрятность, недостатокъ свѣта и т. д.

изъ фантастическаго лѣта образуется зима; теплота начинаетъ упадать ежеминутно,—и вотъ того же дня опять тотъ же въ 35 или 40 градусовъ морозъ. По внезапности и скоротечности перемѣвъ, не измѣримыхъ въ здоровомъ организмѣ, нельзя заключать: что дѣлается въ тѣлосложеніи людей хворыхъ и больныхъ? но метаморфозы должны быть въ нихъ значительны.

На Звадѣ весна. Послѣ обыкновенной зимы, вдругъ неожиданно хлынула изъ Ловати въ Ильмень вода, съ четырехъ огромныхъ плоскостей, изъ четырехъ губерній, накопившихся зимою въ видѣ снѣга; на улицѣ Звада возникло озеро; всѣ дома потонули, глубиною отъ одного до двухъ аршинъ, или болѣе. Что снесло водои: сѣнники, бани, анбары и т. д., то погбло въ пучинахъ Ильменя. Скотъ потонулъ на дворѣ. Тутъ жалобы бесполезны; что умерло и пропало, того не оживить и не возстановить. На Звадѣ потянулъ съ Ильменя весною вѣтеръ. Это вопросъ, рѣшеніе котораго неизвѣстно; хотя для мѣстнаго жителя весьма интересно. Къ селенію нанесло со всѣхъ сторонъ цѣлыя горы льда: тутъ въ самое лучшее весеннее время, становится ни зима ни осень; но такая погода, которая въ мѣстностяхъ

Ежели въ сельскомъ домѣ поставить на разныхъ мѣстахъ три термометра, одинъ, напр. у самаго окна, другой по срединѣ комнаты, третій—подлѣ печи: то всѣ они будутъ показывать разные степени теплоты: самый меньшій градусъ покажетъ тотъ, который у окна; средній градусъ—тотъ, который среди дому; самый высокій—тотъ, который у печи. Разность въ градусахъ можетъ простираться до десяти и до двѣнадцати. Пусть въ такомъ домѣ помѣщаются три жителя, изъ коихъ одинъ здоровъ, другой чахотный; третій болѣнъ простудною болѣзнію. Пусть больной помѣстится зимою у окна; здоровый посреди дома, а хворый у печи: въ такомъ случаѣ, первому надобно умереть, послѣднему — задохнуть, а третій—сохранить свое благосостояніе; но ежели здоровый будетъ помѣщаться у окна а больной; у печи то и всѣ трое, въ томъ же домѣ живущіе, могутъ благоденствовать. Такая же разность температуры окажется, ежели поставить изъ трехъ термометровъ одинъ на самомъ полу, гдѣ младенческой возрастъ, въ зимнее время, приучается къ тремъ капитальнымъ въ жизни положеніямъ: къ сплѣтнію, стоянію на ногахъ, или къ передвиженію съ одного мѣста на другое; другой поставить на высотѣ около полутора аршина отъ полу,—въ такой средѣ, гдѣ открывается поприще для всѣхъ забавъ и движеній отро-

---

неприбрежныхъ не понятна. Теперь при самой сильной теплотѣ атмосферической, звадская температура понизится противъ другихъ мѣстностей градусовъ на десять или болѣе; и стоять будетъ на точкѣ пониженія до растаянія ледяныхъ горъ, иногда до іюня мѣсяца. Два, три, или четыре человѣка больныхъ лихорадкою въ каждомъ домѣ селенія. Это явленіе ни въ комъ не возбуждаетъ удивленія. Есть на Звадѣ преданіе, что онъ въ историческомъ своемъ существованіи два раза до основанія раздавленъ былъ со всѣмъ народонасеніемъ, гонющимися по Ильменю льдами. Смотри по мѣстности, нѣтъ причины отказывать въ довѣрїи такому преданію; но что было въ прошедшемъ два раза то неможетъ ли повториться и третій разъ?

На звадѣ лѣто. Лѣтомъ на Звадѣ, какъ въ банѣ; ежели въ безвѣтренный день вышли вы изъ дому на берегъ все нижее ваше бѣлье вдругъ смокло. Это значить, что въ томъ же объемѣ воздуха, который необходимъ для дыханія, человѣкъ вдыхаетъ въ себя болѣе паровъ, нежели твердыхъ началъ, для жизни потребныхъ. На Звадѣ нѣтъ уголка, чтобы бросить въ

ческаго возраста и гдѣ совершается дыханіе всѣхъ людей въ сидячемъ положеніи; а третій—на точкѣ дыханія человѣка средняго роста при стояніи. Разность теплоты, почерпаемой дыханіемъ человѣка, въ разныхъ возрастахъ, огромна; и неудивительно, ежели она становятся иногда причиною смертности младенчества.

Народъ почти не соображаетъ, что по лѣстницамъ, ведущимъ въ жилища, можно ломать руки, ноги, голову и т. д., хотя нѣтъ человѣка за половину жизни, который бы десятокъ разъ не потерпѣлъ какой-нибудь отъ того неприятности. Въ сельскомъ народонаселеніи нѣтъ и десятой доли крылецъ и лѣстницъ благонадежныхъ.

в. *Пища.* Времена голода всегда и во всѣхъ странахъ свѣта сопровождались самою большею смертностію; между тѣмъ какъ времена урожаявъ и изобилія плодовъ земныхъ всегда и вездѣ сопровождались самою меньшею смертностію: вѣроятно, того же надобно ожидать и въ будущемъ, что было въ прошедшемъ. Но при всѣхъ временахъ голода и изобилія, нѣсколько особенный ходъ имѣеть частная бѣдность, или

землю сѣмя, въ надеждѣ отъ него жатвы: тутъ вся почва или чистой песокъ, или гнилое болото. На Звадѣ скотоводство, также какъ земледѣліе, почти не возможно; и ежели пятый житель держитъ корову; такъ держитъ ее только три времени года; а на четвертое угоняетъ ее верстъ за двадцать отъ дому, для спасенія отъ потопленія; въ такомъ случаѣ она на цѣлую четверть становится менѣе полезною для семейства или для хозяйства, по сравненію съ другими мѣстностями. Не думайте, чтобы на Звадѣ, нынѣшняго лѣта, все стояло, какъ стояло прошлаго лѣта; или чтобы въ слѣдующій годъ все стояло такъ, какъ нынѣ: здѣсь перемены быстры. Гдѣ въ прошедшее лѣто струилась вода; тутъ въ настоящее выросли холмы песку, выше обдага горизонта; а гдѣ прежде грядами тянулись песчанія возвышенности, тутъ окажутся топкія болота. Здѣсь организующею силою служить рѣка Ловать. Ловать, чуть не каждый годъ, прокладываетъ себѣ новыя протоки и русла, и чуть не каждый годъ оставленные ею протоки и русла превращаются въ непроходимыя и гнилыя болота.

На Звадѣ нѣтъ деревца, чтобы срубить его, и бросить зимою въ печь, для отопленія; зажиточныя люди покупаютъ дрова, прогоняемыя по Ловати, бѣдные отопляютъ свои дома ивовымъ лозникомъ, не толще мизинца; по отопленію жилищъ можно догадываться, что и теплота ихъ не всегда бываетъ благопріятна жителямъ.

частные недостатки. Частная бѣдность не есть общій голодъ; также какъ общій голодъ не есть частная бѣдность; но народонаселенія болѣе умираетъ отъ частной бѣдности, чѣмъ отъ общаго оскудѣнія. Падежи на рогатый скотъ, также какъ его междумолочья, всегда сопровождаются увеличеніемъ смертности въ младенчествѣ. Неурожай на огородные овощи не составляютъ голода, но производятъ разныя болѣзни. Пища волокнистая, или мясная растительная, либо мучнистая и слизистая, пища при мясѣ изъ добрыхъ животныхъ или здоровыхъ растений, и пища изъ животныхъ и растений хворыхъ и гнилыхъ; та же пища въ разныхъ возрастахъ чело-вѣка, и при разныхъ состояніяхъ его тѣла,—пища вообще составляетъ такой предметъ, который надобно изучать цѣлую жизнь, чтобы пользоваться здоровьемъ.

г. *Одежда* народонаселенія, не менѣе прочихъ условій жизни, бываетъ причиною смертности: а) какъ средство къ развитію повальныхъ болѣней, б) какъ случай къ простуднымъ болѣзнямъ, когда худо защищаетъ отъ холода. У одной матери умеръ какою нибудь повальною болѣзнію младенецъ; другая взяла у нея на прокатъ оставшіеся ненужными младенческіе приборы, зараженные ядовитыми началами: вотъ и другаго младенца не стало. То же явленіе можетъ повторяться не въ одномъ младенчествѣ, но и въ другигъ возрастахъ. Неизбѣжность простудныхъ болѣней отъ несообразности одежды съ температурою воздуха всѣмъ извѣстна.

А. *Смертность младенчества*. Въ избранныхъ нами приходахъ, въ теченіе двадцатилѣтія, умерло въ младенчествѣ 11,591 младенецъ. Смертность младенческая огромна, во всѣхъ странахъ свѣта и у всѣхъ народовъ. Здѣсь можно указать и общія нѣкоторыя по младенческой смертности явленія: чѣмъ ближе младенецъ къ началу жизни, тѣмъ большимъ подлежатъ опасностямъ, и на оборотъ. Младенческая смертность вообще менѣе въ городахъ, гдѣ матери охотно посвящаютъ себя воспитанію дѣтей, нежели въ деревняхъ, гдѣ онѣ отвлекаются отъ воспитанія неизбежными или неизмѣнными недосугами; хотя число рожденій болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ, отъ большаго продолженія чадородной жизни.

Есть причины младенческой смертности—въ жизни родителей.

1. Дѣти больныхъ и престарѣлыхъ родителей чаще умираютъ въ младенствѣ.

2. Дѣти ежегодно, или слишкомъ часто рождающіяся у одной и той же четы, большею частію умираютъ, кромѣ нѣкоторыхъ.

3. Дѣти, въ крайнія времена года (зимой и лѣтомъ) рождающіяся, въ сельскомъ народонаселеніи, обыкновенно, умираютъ, хотя бы раждались и не каждагодно.

4. Дѣти матерей, родами умершихъ, также какъ дѣти трудными поворотами при родахъ поврежденныя, или худо развитыя отъ несчастной беременности, обыкновенно умираютъ.

5. Дѣти, питающіяся отъ груди больныхъ, или снова беременныхъ матерей, умираютъ.

6. Дѣти матерей, не могущихъ питать ихъ грудями, по недостаточному или неправильному ихъ образованію, умираютъ.

7. Дѣти матерей, неимѣющихъ возможности питать ихъ грудями, отъ рода жизни, напр. отъ найма въ услуги, по чужимъ домамъ, отъ занятія каждый день мелочною торговлею на рынкѣ, для снисканія пропитанія или отъ прочихъ подобныхъ причинъ, обыкновенно умираютъ.

8. Если расположить младенцевъ, умершихъ въ теченіе двадцатилѣтія по винѣ матерей, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣ рождающіяся умираютъ въ разныхъ возрастахъ, у другихъ умираютъ въ опредѣленное время возраста, какъ умеръ первый младенецъ, напр. въ два мѣсяца, въ шесть, въ десять, въ двѣнадцать мѣсяцевъ, и т. д. Причина состоитъ въ экстренности положенія младенцовъ, съ которою не могутъ или не умѣютъ справиться матери, по недостатку опытности, или по односторонности воспитанія.

Много младенческой смертности возникаетъ отъ нянекъ: а) когда онѣ допускаются къ дѣтямъ безъ свѣдѣній въ дѣлѣ воспитанія; б) когда допускаются отъ умершихъ повальными болѣзнями дѣтей къ здоровымъ, безъ перемѣны собственной ихъ одежды, в) когда допускаются къ дѣтямъ, не смотря на

возбуждаемое въ нихъ отвращеніе къ этимъ нянькамъ; г) когда по допущеніи къ дѣтямъ, разстраиваютъ добрый порядокъ воспитанія, заведенный матерями, съ сообщеніемъ воспитанникамъ новыхъ привычекъ относительно сна и бдѣнія, приѣма пищи, въ забавахъ младенческихъ и т. д. Иногда такая перемѣна въ жизни младенца ведетъ за собою болѣзнь и даже смерть его.

Много младенческой смертности бываетъ отъ жилищъ, при удобствѣ всѣхъ прочихъ условій.

1. Въ маломъ домѣ, пространствомъ напр. около четырехъ сажень, основанномъ на сыромъ грунтѣ, всѣ дѣти родителей, съ перваго и до послѣдняго, умираютъ.

2. Воспитаніе дѣтей невозможно въ такомъ домѣ, въ которомъ зимою всякая жидкость мерзнетъ. Вообще въ домахъ, гдѣ собираются большія массы приливнаго народа, напр.: на постоянныхъ дворахъ, въ мастерскихъ и т. д., или гдѣ часто развиваются металлическіе пары, воспитаніе дѣтей безнадежно. Здѣсь, какъ особенность въ явленіяхъ воспитанія, можно замѣтить то, что у всѣхъ ремесленниковъ, дѣйствующихъ большими массами огня (у пекарей, сбитеньщиковъ и т. д.) дѣти спокойно выдерживаютъ зиму и умираютъ лѣтомъ; но у ремесленниковъ, съ большими массами въ домѣ воды (напр. у скотоводовъ, квасниковъ, синильщиковъ и т. д.) дѣти счастливо переносятъ лѣто, и умираютъ зимою.

(Продолженіе впродъ).

ПОУЧЕНИЕ

въ недѣлю вторую великаго поста (1).

Сегодня въ Евангеліи вы слышали разсказъ о чудесномъ исцѣленіи разслабленнаго Господомъ Іисусомъ Христомъ. Прямо и ясно показываетъ намъ этотъ разсказъ, что въ болѣзняхъ тѣлесныхъ нужно обращаться съ молитвою и вѣрою къ всемогущему Врачу—Спасителю нашему и на Его помощь надѣяться больше, чѣмъ на всѣ пособія человѣческія. Но не напоминаетъ ли намъ этотъ же разсказъ, особен новъ настоящіе дни поста и покаянія, о другомъ разслабленіи, именно душевномъ, несравненно болѣе важномъ и опасномъ, чѣмъ разслабленіе тѣлесное? Разслабленному, какъ и всякому дру-

---

(1) Сказано въ церкви нижегородской военной гимназін.

гому большому тѣлесно, угрожаетъ смерть временная, а разслабленному духовно грозитъ погибель вѣчная. Въ болѣзняхъ тѣлесныхъ употребляютъ всѣ возможныя средства къ ихъ врачеванію, а на духовное разслабленіе весьма часто не обращаютъ никакого вниманія и тѣмъ попускаютъ ему возрастать и увеличиваться иногда до ужасающихъ размѣровъ. Видовъ и степеней этого духовнаго разслабленія много. Остановимся на нѣкоторыхъ, возможныхъ и между нами.

Всякій христіанинъ знаетъ, что нужно ему, сколько возможно, больше и усерднѣе молиться Богу, и дома, и въ храмѣ Божиѣмъ. А между тѣмъ, не мало между христіанами такихъ, которые очень лѣнны въ этомъ отношеніи. Инымъ лѣнь постоять со вниманіемъ въ церкви у службы и помолиться здѣсь Богу, не смотря на то, что въ церкви мы бываемъ не часто и не долго. Придетъ затѣмъ лѣнь дома утромъ и вечеромъ помолиться Богу съ усердіемъ, даже нѣсколько минутъ,—лѣнь сотворить и самую краткую молитву со вниманіемъ. И такъ постепенно разлѣнится христіанинъ до такой степени, что искреннее обращеніе къ Богу никогда не появится въ душѣ,—самая мысль о Богѣ и о нашемъ отношеніи къ Нему почти совсѣмъ не приходитъ въ голову; если же придетъ, такъ поскорѣе изгоняется. Не разслабленіе ли это духовное?

У всякаго изъ насъ есть свое дѣло или свои обязанности, которыя слѣдуетъ добросовѣстно исполнять. Воспитанникъ, на-примѣръ, поступилъ въ заведеніе затѣмъ, чтобы приобрѣсти знанія извѣстныхъ наукъ, и потому непремѣнно долженъ ими заниматься. А то ли мы видимъ на дѣлѣ? Всякій ли изъ васъ по совѣсти скажетъ, что всѣ обязанности онъ исполняетъ честно и дѣло свое дѣлаетъ вполне усердно? Не найдется ли такихъ, которые должны сознаться, что и тутъ лѣнь бываетъ не мало? И, къ сожалѣнію, нерѣдко случается такъ: не приготовилъ человѣкъ данную работу одинъ разъ,—осталось это незамѣченнымъ,—захочется полѣниться и другой разъ, послѣ другаго третій. И ужъ стоить только начать, лѣньность пойдетъ развиваться больше и больше, губить человѣка и его сплы, пока онъ не сдѣлается негоднымъ ни къ какой доброй дѣятельности, или совсѣмъ разслабнетъ духовно.

Всякій христіанинъ долженъ помнить и исполнять запо-

вѣдь Спасителя о любви ко всѣмъ ближнимъ. А на дѣлѣ между христіанами видимъ иногда такую непримиримую вражду, такую глубокую ненависть и закоренѣлую злобу, что человѣкъ не можетъ совладѣть съ ними и вырвать ихъ изъ души своей. Что еще хуже, видимъ иногда такіе непокойные характеры, съ которыми люди нигдѣ и ни съ кѣмъ не могутъ ужиться. И хотѣлось бы человѣку переработать себя, или, такъ сказать, пересоздать самого себя, да силъ нѣтъ,—разслабленный онъ человѣкъ!

Упоминать ли о разнообразныхъ страстяхъ человѣческихъ, которыхъ, конечно, нѣтъ между вами, дѣти, и не дай Богъ, чтобы когда-нибудь онѣ у васъ были, напр. о скупости, пьянствѣ, чревоугодіи и другихъ? Не разслабленные ли духовно всѣ одержимые такими страстями? Вся жизнь и дѣятельность такихъ людей, всѣ помыслы и стремленія ихъ направлены къ предметамъ страсти. Какъ будто ничего другаго лучшаго въ мірѣ не видитъ такой человѣкъ и не знаетъ! Много настойчивости, много бодрости и силы обнаруживаютъ иногда такіе люди, но всѣ ихъ усилія обыкновенно вызываются рабскимъ служеніемъ страсти и только увеличиваютъ это рабство.

Пользуйтесь, братія и дѣти, временемъ предстоящаго говѣнія для того, чтобы пересмотрѣть свое душевное направленіе и вырвать зараждающіяся пристрастія къ дурному чему-нибудь. Приидите къ Господу Спасителю нашему, съ душевною скорбію исповѣдуйте предъ Нимъ грѣхи свои, съ вѣрою просите Его милости,—и къ вамъ приложатся слова Евангелія: *чадо! отпушаются тебѣ грѣхи твои* (Марк. 2, 5). Аминь.

Священникъ Евграфъ Мегорскій.

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ СМЕРТНОСТИ ПО ВОЗРАСТАМЪ, ВЪ ИЗБРАННОМЪ КРУГУ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

(Продолженіе).

Много младенческой смертности происходитъ отъ повальныхъ болѣзней (какъ бы хороши ни были прочія условія жизни); таковы: оспа, корь, скарлатина, коклюшъ и т. д. Эти болѣзни передаются и переходятъ изъ одной мѣстности въ другую, и вездѣ находятъ себѣ пріютъ, можетъ быть, отъ того, что нигдѣ не встрѣчаютъ себѣ преградъ и сопротивленія. Долю младенческой смертности беретъ на себя и суевѣріе, безъ котораго народная жизнь у насъ пока не обходится.

Если бы этотъ младенецъ не былъ брошенъ въ рѣку, съ колыбелью, въ Великій Четвертокъ, то былъ бы, вѣроятно, утѣшеніемъ родителей; но мать усадила его до утренней зари въ рѣку, изъ чистаго желанія ему на цѣлый годъ чистоплотности,— и младенца не стало. Если бы другой младенецъ не былъ положенъ въ Свѣтлую недѣлю подъ порогъ, съ тѣмъ, чтобы прошли надъ нимъ всѣ носимыя въ это время по домамъ иконы, то пользовался бы, можетъ быть, долгою жизнію: но одинъ изъ крестоносцевъ ступилъ ему на грудь ногою и раздавилъ его ⁽¹⁾. Вообще, нигдѣ такъ не губительно народное суевѣріе, какъ во младенческихъ болѣзняхъ.

Вообще, при всѣхъ и всякихъ условіяхъ жизни, дѣти, раждающіеся въ законѣ, пользуются сугубою безопасностію; дѣти не законорожденные подлежатъ сугубымъ опасностямъ. Много младенческой смертности отъ способа леченія младенческихъ болѣзней. У младенца сдѣлался поносъ, либо рвота. У мла-

---

(1) Мы ничего подобнаго не слышали. Ред.

денца сдѣлалось слюнотеченіе, или сыпь по всему тѣлу. Сейчасъ бѣгутъ къ знахарю, колдуну или безтолковой повивальной бабкѣ, съ требованіемъ ихъ совѣта и помощи. Тутъ лекаря всегда готовы. Натура дѣлала свои усилія къ удаленію опасныхъ началъ изъ тѣла; усиліямъ ея сдѣлано препятствіе, и младенецъ умираетъ. Ежели много младенческой смертности возникаетъ отъ повальныхъ болѣзней и отъ суевѣрія, то иногда народные обычая нисколько не снисходительнѣе повальныхъ болѣзней, такъ что рождается вопросъ: отъ первыхъ или отъ послѣднихъ возникаетъ болѣе смертности? Оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ до времени. Опишемъ только три народные обычая, какъ болѣе общіе и для всѣхъ очевидные.

а. Крещеніе младенца. Крещеніе младенцевъ, по городамъ и селеніямъ близъ церкви лежащимъ, производится въ домахъ родителей, со всею для нихъ безопасностію; но ежели къ приходу священника принадлежитъ много деревень, на большихъ отъ церкви разстояніяхъ, въ такомъ случаѣ положено обычаемъ совершать крещеніе дѣтей въ церкви. (1) Домъ, въ которомъ родился младенецъ, считается нечистымъ до выполненія обычнаго надъ нимъ молитвословія. На семь основаніи, въ тотъ же день, въ который младенецъ родился, по омовеніи его въ банѣ, онъ съ кумомъ и кумою отправляется въ церковь, для крещенія (въ теченіе сорокалѣтней службы моей, много разъ случалось, что новорожденныхъ приносили для крещенія въ полночь). Будь разстояніе отъ дому до церкви 30, или 35 верстъ (такихъ деревень и приходоу по новгородской губерніи значительно много), будь между домомъ младенца и церковію большая рѣка, препятствующая сообщенію; случись къ тому же дождь, вѣтеръ, гроза, слякоть, морозъ въ 40°,—все равно, отсрочки не дается. Вотъ младенецъ привезенъ и въ церковь: но онъ дорогою умеръ, безъ крещенія. Къ чему такое душегубство? Св. Церковь назначаетъ для крещенія новорожденныхъ періодъ времени въ 40 дней: въ теченіе такого времени, можно найти благоприятный день, для

---

(1) Почему же не въ домѣ священника, какъ это и дѣлалось на нашихъ глазахъ? Ред.

представленія его ко крещенію. Св. Церковь дѣлаеть еще болѣе снисхожденія: она допускаеть крещеніе ихъ, въ опредѣленномъ видѣ, на случай смертной опасности, чрезъ повивальную бабку, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы выполнено было надъ нимъ чрезъ священника все положенное молитвословіе и совершенно помазаніе св. муромъ. Пусть въ каждой деревнѣ, каждая повивальная бабка научится совершать дѣйствіе крещенія: но этому бабки могутъ учиться только отъ священниковъ.

В. Обычай—не шить младенцу ни зимой, ни лѣтомъ, до семилѣтняго возраста, никакой другой одежды, кромѣ рубашки, на томъ основаніи, что это составляетъ тяжкій грѣхъ для родителей. Младенецъ, конечно, безопасенъ въ три теплыя времени года и въ одной рубашкѣ, въ тепломъ домѣ; а при надлежащей о немъ заботливости родителей, конечно, онъ можетъ быть безопасенъ и въ зимнее время; но ежели въ домѣ его холодно какъ на улицѣ? Здѣсь смерть его неизбѣжна. Такая крайность дѣтей породила новыя для нихъ опасности, воихъ, съ перваго взгляда, представить невозможно. Младенецъ, зимою, для согрѣванія его, при топкѣ печи обыкновенно усаживается у самаго устья печи. На рубашку его пала искра огня, рубашка вспыхнула,—и вотъ его не стало. Еще: мать выняла изъ печи горшокъ кипятку, и половину его, вливъ въ ведро, понесла на дворъ, для поева скоту; младенецъ схватилъ горшокъ руками и вылилъ остальной кипятокъ на себя: вотъ и другой пошелъ за первымъ.

с. Отлученіе младенца отъ годовыхъ привычекъ, т. е. отъ матерней груди, отъ рожка, отъ соски и колыбели. Такія отлученія были бы для младенца незамѣтны, если бы текли, одно за другимъ, въ порядкѣ, и если бы каждое изъ нихъ особенно текло съ постепенностію, удаляя младенца при началѣ менѣе, а потомъ болѣе и болѣе, чтобы младенецъ отставалъ отъ привычки самъ собою; но по народнымъ обычаямъ, все должно идти заразъ, вдругъ и все съ маху. Какое же надобно имѣть младенцу тѣлосложеніе, чтобы вдругъ перенести это? При подобныхъ операціяхъ младенецъ какъ будто снова рождается, или какъ будто переселяется въ новый міръ, гдѣ новая для него пища, новая одежда, новый сонъ и новое дѣніе.

Такая перемена, конечно, можетъ быть роковою; по крайней мѣрѣ, всѣ метрическія книги единогласно утверждаютъ, что она обходится младенчеству очень дорого.

Ежели всѣ до сихъ поръ описанные роды младенческой смертности въ сельскомъ народонаселеніи огромны то всѣ они, вмѣстѣ взятые,—ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, который возникаетъ отъ неблаговременности младенческихъ родовъ, по климату и хозяйству. Во времени родовъ, дѣйствительно, есть одна роковая загадка, которую разгадать могутъ не всѣ родители, загадка, состоящая въ томъ, что одинъ младенецъ, родившійся съ самымъ слабымъ, повидимому, тѣлосложеніемъ, при самыхъ скудныхъ способахъ воспитанія, проводитъ младенчество почти безболѣзненно; между тѣмъ какъ другой, родившійся съ самымъ благонадежнымъ тѣлосложеніемъ, при самыхъ лучшихъ способахъ воспитанія, къ горести родителей, умираетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рожденіе младенца составляетъ не только начало самостоятельной его жизни въ мірѣ, но предполагаетъ на извѣстный моментъ времени развитіе его силъ: сидѣніемъ, передвижкою съ одного мѣста на другое на четверенькѣхъ, потомъ на ногахъ, и прорѣзаніе зубовъ. Время рожденія младенца отражается на немъ благосостояніемъ или болѣзнями, черезъ шесть, черезъ десять и двѣнадцать мѣсяцевъ. Пусть одна какая-нибудь изъ указанныхъ переменъ въ жизни младенца, или всѣ вмѣстѣ, пали на теплые мѣсяцы; въ такомъ случаѣ, онъ болѣе безопасенъ отъ болѣзней; но если она пала на мѣсяцы зимніе и холодные, то ему надобно испытать болѣзни; а заболѣть, при трудныхъ обычаяхъ и обстоятельствахъ сельской жизни иногда почти то же, что умереть. Ежели онъ, по благоприятному стеченію обстоятельствъ, безопасно приучился къ сидѣнію, то можетъ пасть жертвою передвижки съ одного мѣста на другое, или жертвою прорѣзки зубовъ. Никогда такъ много не умираетъ дѣтей, какъ зимой и лѣтомъ; или иначе сказать, зимой и лѣтомъ умираетъ дѣтей болѣе, нежели сколько рождается; и всего менѣе умираютъ дѣти, родившіяся весной и осенью. Болѣзни и смертность младенчества идутъ вовсе не такъ, какъ мѣсяцы гражданскаго

года, но такъ, какъ мѣсяцы года младенческаго, или какъ мѣсяцы младенческаго воспитанія.

Б. *Смертность отроческая.* Въ отрочествѣ, по избраннѣмъ для наблюденія приходамъ, умерло 625, или почти одна тридцать-вторая часть общей смертности.

Болезни отрочества главнымъ образомъ зависятъ отъ болезней младенчества точно такъ же, какъ благосостояніе отрочества—отъ благосостоянія младенчества. Чѣмъ безболезненнѣе прошло младенчество, тѣмъ благоденственнѣе должно быть отрочество, и на оборотъ. Ежели въ первомъ возрастѣ человѣкъ постоянно переходитъ изъ одной болѣзни въ другую, то сомнительно, чтобы во второмъ былъ благоденственнѣе, если не будутъ приняты особыя мѣры для исцѣленія его организма. Впрочемъ, если младенческія болѣзни потрясали тѣлосложеніе въ одномъ и томъ же направленіи, падая на одну и ту же его часть, напр. на грудь, на животъ и т. д., то есть вѣроятность, что отрочество будетъ предѣломъ существованія человѣка; но ежели болѣзни падали, каждый разъ, въ разныхъ направленіяхъ, или на разныя части тѣла, то и надежда на благосостояніе его не потеряна.

Въ отрочествѣ человѣкъ уже не то, что былъ во младенчествѣ. Здѣсь инстинктъ самосохраненія, при значительномъ возрастаніи силъ, развитъ въ болѣеи степени; отрочеству повальныхъ младенческія болѣзни уже не опасны: хотя золотуха отнимаетъ еще отъ него изрѣдка свои жертвы. Въ отрочествѣ человѣкъ уже учится служить ближнимъ.

Ежели младенческое воспитаніе въ сельскомъ народонаселеніи незавидно, то и отроческое — не лучше. Ребенокъ долженъ бѣгать босикомъ и почти нагишомъ въ теченіе цѣлаго года; потому что родители считаютъ за грѣхъ дать ему теплую одежду, а кромѣ одной рубашки; ребенокъ долженъ спать на голыхъ доскахъ, потому что не даютъ ему постели. Ежели такой образъ воспитанія обыченъ у родителей, то онъ дѣлается еще суровѣе для сиротъ, кѣторыя по смерти родителей изъ своего дома должны переселяться къ родственникамъ. Въ холодное время—болѣзни простудныя, а въ жаркое — болѣзни навозныя и желудочныя падаютъ на ребенка одна за другою и разрушаютъ его здоровье. Отрокъ еще болѣе

теряеть вѣроятности на благосостояніе, когда къ дикому воспитанію присовокупляется безчеловѣчіе въ наказаніяхъ, напр. удары въ голову, грудь, спину. Еще болѣе дикому обращенію подвергается отрочество въ мастерскихъ заведеніяхъ, при обученіи ремесламъ, у мастеровъ безнравственныхъ.

Пусть ребеночъ знаетъ, что всѣми въ мірѣ дѣлами и успѣхами управляетъ Богъ—Существо верховное, и пусть благоговѣетъ предъ Нимъ, съ испрашиваніемъ у Него всякаго блага. Это первое правило въ наукѣ человѣка.

Пусть ребенокъ знаетъ, что сдѣлать непріятность или обиду ближнему значить сдѣлать непріятность или обиду самому себѣ, и пусть всѣми силами старается приобрѣтать любовь ближнихъ. Оказать одолженіе или услугу ближнему значить приобрѣсти себѣ право на услуги и одолженія ближнихъ. Это второе правило въ наукѣ человѣка.

Пусть ребенокъ научится разбирать здоровую пищу отъ вредной, чтобы меньше страдать болѣзнями желудка; пусть умѣетъ одѣваться соотвѣтственно перемѣнамъ атмосферическимъ, чтобы не знать болѣзней отъ простуды; пусть привыкаетъ спать и пробуждаться во время, чтобы имѣть во снѣ^в возстановленіе силъ; пусть ребенокъ научится не тергѣть ни въ одеждѣ ни на тѣлѣ никакой грязи или неопрятности. Но надобно сознаться, что всѣ эти науки у насъ въ селахъ не въ модѣ, или потому, что правила ихъ не успѣли выработаться изъ народной жизни, или потому, что приложеніе ихъ въ бѣдной жизни трудно. Для городскихъ и богатыхъ родителей можно бы пожелать, чтобы ихъ ребенокъ не стѣснялся ни шнуровкою, ни корсетами. «Но что-жъ дѣлать?» говорятъ иные; «надобно жить, какъ живутъ другіе люди, когда не умѣетъ жить такъ, какъ Богъ велѣлъ».

Пусть ребенокъ всегда имѣетъ свободу для своихъ движеній, пусть бѣгаетъ, прыгаетъ, лазитъ, ворочается: это служить къ развитію мышцъ и членосоединеній; чѣмъ искуснѣе будетъ онъ въ такихъ движеніяхъ, тѣмъ будетъ легче и ловче; но пусть же соблюдаетъ мѣру и осторожность. Ежели и въ зрѣломъ возрастѣ замѣчаются порывы и отвага—не дорожить жизнію, при явныхъ опасностяхъ, то еще смѣлѣе бываетъ человѣкъ въ отрочествѣ. Ребенокъ лазитъ по кровлямъ, забо-

рамъ, деревьямъ, по утесамъ, по берегамъ и т. д., не зная ни мѣры своихъ силъ, ни предѣловъ опасности: удивительно ли, послѣ этого, когда онъ тонетъ въ рѣкѣ, сгараеть у огня, ломаеть себѣ ноги и даже голову?

Первые уроки ремесленности ребенокъ долженъ получить отъ матери; пусть онъ учится шить у матери, когда придетъ въ состояніе владѣть иглою; пусть онъ чаще дѣйствуетъ иглою; такимъ образомъ, не учась ни у кого портному ремеслу, онъ научится сшить себѣ рубашку; а сшить рубашку почти то же, что сшить себѣ и кафтанъ; до остальнаго онъ дойдетъ и самъ собою.

Пусть дѣвочка учится у матери дѣйствовать вязальными иглами и веретеномъ; не въ томъ дѣло, чтобы она могла послѣ существовать вязаньемъ или пряжею, но въ томъ дѣло, чтобы не приучалась къ бездѣлю и праздности.

Пусть ребенокъ учится у матери печь хлѣбъ изъ простой муки и готовить кашу изъ обыкновенныхъ припасовъ. Это не ремесло, но отдыхъ ребенка отъ другихъ занятій, и вмѣстѣ—важная статья въ наукѣ хозяйственной.

Сколько самыхъ живыхъ идей образовалось бы въ головѣ ребенка, когда онъ дѣйствительно изучалъ бы у матери такія мастерства; сколько самыхъ прямыхъ взглядовъ на самыя первыя человѣческія нужды и на самыя первыя производства! Но праздность ребенка, въ самыя первыя лѣта жизни, можетъ испортить всю остальную жизнь его: онъ начинаетъ подмѣчать въ другихъ однѣ только пошлости, чтобы самому быть потомъ еще пошлѣе.

Приученіе ребенка къ родительскому ремеслу у насъ трудно уже потому одному, что ребенокъ прежде ремесла научается многому худому; а еще болѣе потому, что оно, обыкновенно, начинается вдругъ и съ-маху; ребенокъ десять лѣтъ скакалъ и прыгалъ,—и вдругъ на одиннадцатомъ году сажаютъ его на одиннадцать часовъ въ сутки за ремесло, безъ всякаго свободнаго движенія: тутъ нѣтъ постепенности, тутъ дѣло не можетъ обойтись безъ тяжелыхъ болѣзней, буде и обойдется безъ смертности.

Есть ремесла лѣтнія и зимнія; если родительское ремесло продолжается только лѣто, тогда ребенокъ празденъ цѣлую зиму;

если оно продолжается одну только зиму, тогда ребенокъ праздень цѣлое лѣто. Есть ремесла трудныя и легкія, опасныя и безопасныя. Чѣмъ труднѣе ремесло, тѣмъ больше ребенокъ долженъ имѣть отдыха; чѣмъ грязнѣе ремесло, тѣмъ тщательнѣе долженъ быть онъ наставленъ въ способахъ очищенія и омовенія; чѣмъ хуже при ремеслѣ воздухъ, тѣмъ чаще долженъ выходить на свѣжій воздухъ; чѣмъ неподвижнѣе и сидячѣе занятіе ремесломъ, тѣмъ разнообразнѣе должны быть движенія на свѣжемъ воздухѣ. Самая лучшая школа ремесленности была бы та, когда ребенокъ вдругъ изучалъ бы нѣсколько ремеселъ, переходя каждый день отъ одного къ другому: но такихъ школъ у насъ по сію пору еще нѣтъ. Одно ремесло, при соперничествѣ другихъ ремесленниковъ, не даетъ человѣку значительнаго ходу. Приученіе ребенка къ какому бы то ни было ремеслу должно производиться съ легкою постепенностію и поддерживаться ласкою: угрозы и наказанія портятъ дѣло.

В. Смертность юности. Въ юности, за избранный періодъ, въ принятомъ къ изслѣдованію кругу, умерло 471 человѣкъ, или почти сорокъ-пятая часть общей смертности. По велику же такое число смертности есть одно изъ самыхъ меньшихъ по возрастамъ, то можно сказать, что юность есть самый далекій отъ смерти возрастъ.

Ежели смерть младенца есть потеря только для родителей, то смерть юности становится уже потерей общественною, потому что онъ уже значительно можетъ содѣйствовать благу другихъ и готовъ къ развитію жизни въ новыхъ существахъ своего рода.

Въ юности, по достиженіи свойственнаго человѣку устройства и образованія, начинается половое расположеніе. При правильномъ настроеніи юности, это расположеніе является не какъ безнравственное какое-нибудь побужденіе, или готовность къ безнравственнымъ поступкамъ, но какъ благословеніе Божіе, для развитія своего рода, какъ дарованіе, могущее возвысить прочіе его таланты. Вопросъ о благосостояніи юности въ послѣдующихъ его возрастахъ много зависитъ отъ направленія и настроенія такого расположенія. Благосостояніе юности обезпечено, когда онъ, въ рѣшительный часъ

жизни, преодолевъ нечистыя и нечестныя побужденія, утѣшенъ счастливымъ, по выбору его, супружествомъ. Любовь безнадежная, продажа сердечнаго чувства любви на приданое, острочка супружества съ юности до старости, — всѣ подобныя неправильности готовятъ жертвы для преждевременной смерти.

Юношескій возрастъ, по наблюденіямъ врачей, отличается отъ другихъ возрастовъ особою склонностію къ воспалительнымъ болѣзнямъ; но склонность къ тѣмъ или другимъ болѣзнямъ не есть еще дѣйствительная болѣзненность, и при добромъ воспитаніи она рѣдко возбуждается; возбуждается же наиболѣе отъ нарушенія гигиеническихъ правилъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ юношествѣ значительное число лицъ умираетъ отъ наслѣдственныхъ болѣзней, напр. отъ чахотки, отъ худосочій разнаго рода, но также нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что дикое воспитаніе въ предъидущихъ возрастахъ можетъ содѣйствовать смертности юношей и безъ всякихъ наслѣдственныхъ болѣзней.

Ежели юношество умираетъ отъ двухъ причинъ: отъ наслѣдственныхъ болѣзней и отъ дикаго воспитанія, то надобно согласиться, что оно подвергается смертности и отъ собственной вины. Юноша любитъ удовольствія. Юноша мрачный и задумчивый есть аномалія жизни, точно также какъ старикъ, старающійся вѣчно молодѣть и веселиться. Естественно юношѣ любить удовольствія; но удовольствія его должны быть чисты и нравственны: въ противномъ случаѣ, они становятся для него пагубны.

Устройство юношескихъ игръ, несогласное съ климатомъ, или во время свирѣпыхъ вѣтровъ (напр. на ледяныхъ горахъ, на качеляхъ), устройство игръ безъ всякаго наблюденія со стороны мѣстныхъ обществъ или родителей, упражненіе въ играхъ безъ всякихъ правилъ и осторожности (когда веселящіеся дозволяютъ себѣ неестественныя напряженія: голосомъ или движеніями односторонними и т. д.), — все это было и всегда будетъ источникомъ смертности, доволъ не придетъ на помощь цивилизація и гигиена. Кому не удавалось слышать о внезапной смертности отъ пляски, или отъ танцевъ, подъ тяжелымъ корсетомъ, или подъ такою же шнуровкою? Кому не удавалось слышать о тяжелыхъ болѣзняхъ или смер-

ности отъ одежды, несоотвѣтствующей климату и воздушнымъ перемѣнамъ? Наклонность юношества избирать себѣ образцы къ подражанію, которые свыше его силъ; или склонность испытывать свои силы въ предпріятіяхъ безразсудныхъ и т. д., хотя бы и не оканчивались прямою смертною, всегда отзываются въ послѣдующихъ возрастахъ ослабленіемъ тѣлесныхъ тканей, съ той именно стороны, на которую болѣе пало раздраженія, напряженія или потрясенія. Смертность отъ разврата и отъ сопутствующихъ ему болѣзней всему свѣту извѣстна.

Къ поясненію нашей мысли, что причиною смертности юношества обоихъ половъ служатъ неестественныя и одностороннія напряженія при обычныхъ забавахъ, представимъ нѣкоторые факты изъ сельской жизни. Одинъ юноша тянулся съ другимъ на палкѣ и сдѣлалъ такое напряженіе, что у него изъ гортани кровь хлынула потокомъ, котораго не могли остановить врачебныя пособія, и чрезъ три дня онъ умеръ; другой тянулся до того, что въ правомъ паху образовалась огромная грыжа, и когда накинута была ему обыкновенный горшокъ, чтобы поставить выдавшіяся внутренности на должное мѣсто, въ то время зажженная подъ горшкомъ пакля съ поделки свалилась и сдѣлала на томъ мѣстѣ страшный ожогъ; исходъ его былъ смертельный. Наши села и деревни сдѣлаютъ значительный успѣхъ, когда уничтожатъ у себя кулачные бои, равно какъ обычай юношества ходить ночью съ одной посѣдки или бесѣды на другую, въ разгоряченномъ состояніи, безъ достаточной одежды.

Г. *Смертность въ зрѣломъ возрастѣ.* Въ зрѣломъ возрастѣ, по избраннымъ нами приходамъ, умерло 4041 ~~человекъ~~ или почти пятая часть общей смертности,—также какъ теченіе жизни сего возраста, въ общемъ итогѣ, составляетъ почти пятую часть цѣлаго жизненнаго поприща.

Младенецъ, отрокъ и юноша еще не жили и не пользовались жизнью: они только образовались и развивались для жизни. Чѣмъ лучше такое ихъ развитіе и образованіе, тѣмъ счастливѣе и долгоденственнѣе мужество,—и на оборотъ.

Въ мужествѣ человекъ пользуется, такъ сказать, двумя жизнями, изъ коихъ одну удѣляетъ потомству, другою дѣй-

ствуєть самъ, чтобы возвращать потомство, для самобытной его жизни; при чемъ становится очевиднымъ и то, что если бы ни одно въ мірѣ супружество, въ теченіе одного двадцатилѣтія, не оставило потомства, тогда родъ человѣческой на землѣ прекратился бы. Но каждая особая и отдѣльная въ мірѣ мѣстность отображаетъ въ себѣ цѣлый міръ.

Цѣпность жизни мужественнаго возраста достигаетъ самаго высшаго значенія. Не все равно, для семейнаго и общественнаго благосостоянія, — смерть мужа или жены, что смерть дитяти или отрока, также какъ не все равно — смерть семьянина и лица безсемеинаго.

Мужество граничитъ съ двумя противоположными возрастами — съ юношествомъ, въ которомъ все кипитъ жизнью, и со старчествомъ, въ которомъ все истощается и склоняется къ угасанію. Ежели въ первомъ, по увѣренію врачей, опасность тѣлосложенія выражается болѣзнями воспалительными, а во второмъ хроническими, то и смертность мужественнаго возраста должна возбуждаться столь же противоположными болѣзнями, именно: въ третьемъ и четвертомъ десятилѣтіяхъ — недугами воспалительнаго характера; въ пятомъ и шестомъ — застарѣlostію въ болѣзняхъ и уклоненіемъ ихъ отъ своего типическаго характера, вслѣдствіе чего тѣже средства, кои помогали болѣзнямъ въ предыдущихъ возрастахъ, теперь становятся мало дѣйствительны, или вовсе не дѣйствительны; и тѣ же средства, кои пригодны одному, не пригодны другому, въ однихъ и тѣхъ же періодахъ жизни. Поднятіе тяжестей, не подъ силу, или противъ закона сочлененій, истощеніе силъ до послѣдней капли, или возстановленіе жизни, несоотвѣтственное истощенію, изломъ разныхъ членовъ тѣла, отврага на очевидныя опасности, довѣріе къ средствамъ, кои обманчивы, укушеніе бѣшеными животными, ошибки жизни, увлеченія и страсти, вѣковыя привычки, неудачи въ теченіи дѣль, съ утратою благосостоянія, семейныя разстройства, потери твердости духа — всѣ такія явленія, дѣйствующія то отдѣльно или порознь, то въ связи и совокупно, незрпмыми каплями точатъ силы жизни и быстро склоняють человѣка къ могилѣ.

Мужество есть основаніе, на которомъ утверждается благо прочихъ возрастовъ; оно есть источникъ, изъ коего они почерпаютъ свое благосостояніе. Такъ, младенецъ почерпаетъ свою жизнь изъ груди матери, подобно какъ отрокъ и юноша почерпаютъ жизненное назиданіе изъ уроковъ родителя, а старецъ—покой и утѣшеніе отъ своихъ дѣтей возрастныхъ; можетъ быть, одна уже эта многосторонность въ изліяніи и истеченіи жизни, въ этомъ возрастѣ, дѣлаетъ его напряженнымъ,—болѣе нежели должно. Оставлять мужественный возрастъ безъ назиданія—значитъ бросать благосостояніе всѣхъ возрастовъ на удачу, или продолжать народное младенчество.

Смертность между полами, съ младенчества и до зрѣлаго возраста, считается вообще равною для обоихъ половъ, хотя она дѣйствительно не равна, отъ перевѣса мужескаго пола передъ женскимъ по числу рожденій; но начиная съ поры зрѣлаго возраста, она уже усиливается, болѣе въ полѣ женскомъ, нежели въ мужескомъ. Въ этомъ возрастѣ лице женскаго пола можетъ умереть отъ остановки или отъ расстройства обыкновенныхъ менструацій. Осторожность женщины въ домашнихъ трудахъ должна быть сугуба, по сравненію съ мужескою: женщина молодая почти безнадежна, если допустила расстройство своихъ менструацій, и сряду же должна искать самыхъ умныхъ и вѣрныхъ пособій, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ устроила ее природа. Кромѣ того, она можетъ умереть отъ выкиды, когда подвергается въ беременности напряженіямъ не подѣ силу, или душевнымъ потрясеніямъ и раздражительности; можетъ умереть отъ родовъ, хотя бы счастлива была беременность, когда роды внезапны или худо настроены; можетъ умереть отъ остановки родильнаго выщипанія, хотя бы счастливы были роды; или отъ одного такъ-называемаго разлива молока внѣ своихъ сосудовъ, хотя бы счастливы были всѣ прочія условія.

Врачи утверждаютъ, что супружество въ мужественномъ возрастѣ болѣе благоприятствуетъ благоденствію и долгоденствію жизни, чѣмъ жизнь холостая, оканчивающаяся чаще преждевременною смертію. Мнѣніе врачей подтверждается метрическими книгами. Въ самомъ дѣлѣ, ежели въ этомъ возрастѣ, силою природы, по закону Промысла, въ тѣлосложеніи

обоихъ половъ образуются, въ видѣ жизненныхъ запасовъ, нѣкоторыя отложенія, для произведенія потомства, то надобно, чтобы эти отложенія имѣли исходъ путями естественными; но ежели, отъ какихъ бы ни было препятствій, они останавливаются и дѣлаются въ тѣлосложеніи излишними, тогда, въ иныхъ случаяхъ, вызываютъ болѣзни, въ предъидущихъ возрастахъ неизвѣстныя, напр. въ мужескомъ полѣ гипохондрію, въ женскомъ истерику, въ обоихъ—мечтательность, склонность къ сумасбродству и неистовству. (Все это, впрочемъ, можетъ быть только тогда, когда человѣкъ силою нравственной воли и страхомъ Божиимъ не умѣетъ укрощать свои страсти и обуздывать ихъ строгимъ воздержаніемъ).

Вообще, чѣмъ легче и покойнѣе преведены предшествующіе мужеству возрасты и чѣмъ правильнѣе совершается въ этомъ періодѣ жизненное теченіе, тѣмъ счастливѣе мужество. Дурныя привычки, прежде приобрѣтенныя, теперь дѣйствуютъ какъ начала и причины текущихъ болѣзней.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ПЕРОМОНАХЪ МАРДАРІЙ,

ПСКОВСКІЙ ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ.

Около половины прошлаго столѣтія, на сѣверной оконечности псковской губерніи, на границѣ порховскаго уѣзда съ лугскимъ, въ разныхъ мѣстахъ по глухому лѣсу, одновременно поселился пять иноковъ: Павель, Тихонъ, Маркъ, Евфросинъ и Мардарій; они рѣшились, по примѣру древнихъ христіанскихъ отшельниковъ, проводить жизнь пустынножизненную (1).

Замѣчательное обстоятельство это не осталось безъ важныхъ послѣдствій. Одинъ изъ названныхъ иноковъ, именно

---

(1) Не имѣла ли вліянія на ихъ рѣшимость удалиться въ пустыню, созрѣвшая уже въ ту пору, правительственная мысль о преобразованіи и сокращеніи числа монастырей въ Россіи?...

Мардарій, своєю строгою жизнію, произвелъ такое дѣйствіе на окрестныхъ жителей, что они и по сію пору не перестаютъ чтить его память

Предлагаемая статья имѣетъ цѣлю ближе познакомить нашихъ читателей съ личностію этого, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательнаго пустынника (1).

Кто былъ, по происхожденію, Мардарій, неизвѣстно; но время рожденія его, съ достовѣрностію, можно относить къ началу прошлаго столѣтія. Въ мірѣ назывался онъ Матѳеємъ, и первоначально жилъ въ Черемнецкомъ Іоанно-Богословскомъ монастырѣ, с.-петербургской епархіи, куда поступилъ онъ, находясь еще въ юныхъ лѣтахъ. Бывши послушникомъ въ этой обители, онъ самъ научился грамотѣ (2) и научалъ ей многихъ другихъ отроковъ, отличаясь при этомъ тихимъ нравомъ, цѣломудріемъ, трезвостію и послушаніемъ. За строгую жизнь и благочестіе, по постриженіи въ монашество, онъ былъ опредѣленъ въ Теофилову пустынь (3) строителемъ, гдѣ своимъ благочестіемъ приобрѣлъ себѣ общую любовь, такъ что не только простые окрестные жители, но и люди именитые изъ ближайшихъ городовъ посѣщали его, желая получить отъ него благословеніе и наставленіе, и всѣ возвращались отъ него съ утѣшеніемъ. Иногда посѣтители предлагали ему сладкую пи-

---

(1) Свѣдѣнія о жизни Мардарія мы передаемъ по рукописному житію его, составленному, какъ видно, вскорѣ по кончинѣ его, лицомъ, пользовавшимся особенною близостію къ нему. Это житіе—рѣдкость, мало кому извѣстная. Дорожа заключающимися въ немъ свѣдѣніями, мы передаемъ ихъ почти безъ всякихъ выпусковъ, въ томъ порядкѣ и духѣ, какъ они излагаются въ житіи, тѣмъ болѣе, что они совершенно согласны съ народными разсказами. Такіе разсказы мы слышали недавно отъ крестьянъ деревни Гористы: Стефана Иванова—61 г., Стефана Семениова—63 л., Мавры Димитріевой—58 л.,—деревни Гористы: Василя Прокофьева—83 л., Андрея Кононова 60 л., Семена Ѳедорова—65 л., Григорья Игнатьева 70 л., Вассы Ѳедоровой—62 л.—

(2) На томъ основаніи, что Мардарій поступилъ въ монастырь безграмотнымъ, можно заключить, что онъ принадлежалъ не къ высокому сословію, но происхожденію.

(3) Нынѣ приходская церковь с.-петербургской епархіи лужскаго уѣзда.

щу и напитки, но онъ рѣдко, и только снисходя усиленнымъ просьбамъ усердствующихъ, изъ опасенія, чтобъ не оскорбить ихъ, принималъ нѣкоторое участіе въ предлагаемой ему трапезѣ, говоря, что монаху не слѣдуетъ имѣть сладкую трапезу и многоразличныя питія;—ему нужно ~~в~~знувать себя постомъ и молитвою.

Избѣгая мірской славы, Мардарій устроилъ себѣ, въ близъ лежавшей пустынѣ, называемой Задорскою или Середскою, на рѣкѣ Омугѣ, небольшую келью, и сталъ удаляться туда для безмолвія и уединенной молитвы, бывая всегда за Богослуженіемъ въ монастырѣ. Но и тамъ не находилъ онъ покоя отъ мірской суеты. Народъ приходилъ къ нему и въ это уединенное жилище.

Наконецъ, онъ обратился къ Богу съ молитвою объ указаніи ему такого мѣста, гдѣ бы онъ, ничѣмъ невѣдомый, могъ всего себя посвятить на служеніе Ему, и услышалъ, какъ сказано въ житіи его, голосъ: Мардарій! иди отсюда къ рѣкамъ Ситнѣ и Рытницѣ. Тамъ есть ручьи Донскіе; при нихъ и оставайся». Не понимая, откуда былъ этотъ голосъ, Мардарій вышелъ изъ кельи, но видѣ ея никого не было. Это убѣдило его, что слышанный имъ голосъ данъ былъ свыше, и онъ еще пламеннѣе сталъ молиться, радуясь о Божию благоволенію къ нему. Потомъ онъ узналъ, что рѣка Ситня течетъ въ верстахъ 30, на полдень, отъ Теофиловой пустыни, и, слѣдуя внушенію таинственнаго голоса, отправился въ путь, взявъ съ собою единственное достояніе свое: икону Пресвятыя Богородицы, псалтырь и книгу осмогласникъ.

Пришедши къ Горскому погосту, который стоитъ на высокой горѣ (1), въ 50 верстахъ отъ Пскова, среди 3-хъ обителей: Теофиловой, Никандровской и Крыпецкой, Мардарій встрѣтился съ однимъ бѣднымъ прихожаниномъ этого погоста—крестьяниномъ деревни *Кочерицъ* (2), Галактіономъ, и сталъ

---

(1) На петербургско-варшавской шоссеиной дорогѣ, въ 8 верстахъ отъ желѣзной дороги, отъ Мардаріевой пустыни въ 15-ти верстахъ на юго-западъ.

(2) Верстахъ въ трехъ отъ Мардаріевой пустыни, на сѣверовостокъ. Она и нынѣ есть, и, по прежнему, принадлежитъ къ Горскому приходу.

спрашивать у него, гдѣ текутъ рѣки Ситня и Рытница и ручьи Донскіе? Галактіонъ не только подробно разсказалъ ему объ этихъ рѣкахъ и ручьяхъ, но и вызвался проводить его до нихъ; тогда находились они среди дебрей и лѣсовъ непроходимыхъ. Мардарій усердіе Галактіона принялъ, но всячески упрасивалъ его, чтобы онъ никому не говорилъ о мѣстѣ пребыванія его. Давъ слово хранить тайну, Галактіонъ принялъ отъ пустытника благословеніе и удалился, недоумѣвая: откуда пришелъ чернецъ этотъ, и какъ онъ будетъ жить, не имѣя ни крова, ни хлѣба для себя...; жалко ему стало его, но, возвратившись домой, онъ никому ни слова не сказалъ о немъ.

Между тѣмъ, Мардарій, нашедши удобное мѣсто для себя, при рѣкахъ Ситнѣ (1) и Рытницѣ, тамъ, гдѣ текутъ ручьи Донскіе, устроилъ себѣ шалашъ изъ вѣтвей и, благодаря Бога за указаніе ему мѣста подвиговъ, началъ съ радостію трудиться и молиться о грѣхахъ своихъ, поя псалмы день и ночь.

Такъ онъ провелъ нѣсколько дней безъ пищи. Въ мірѣ идти онъ не хотѣлъ; пустыня же не представляла ему ничего для пропитанія. Уже онъ сталъ безпокониться на счетъ средствъ къ своему существованію. И вотъ, когда, томимый голодомъ и скорбію, онъ со слезами молился Богу, чтобы Онъ не далъ ему умереть голодною смертію, неожиданно является къ нему Галактіонъ, кланяется ему, проситъ у него благословенія и предлагаетъ принять отъ него небольшое количество хлѣба и соли. Пустыжникъ принялъ его, какъ посланника Божія, и возблагодарилъ Господа, напитавшаго его, подобно тому, какъ онъ питалъ нѣкогда израильтянъ въ пустынѣ. Благодарилъ онъ и добродѣтельнаго Галактіона, утѣшая его, потому что онъ находился въ крайней бѣдности, почти не имѣя возможности трудами своими снискивать насущное пропитаніе себѣ и семейству своему. Скорбя о Галактіонѣ и не имѣя средствъ помочь его нуждамъ, Мардарій умолялъ его

---

(1) Ситня и Рытница—обѣ рѣки вытекаютъ изъ мховъ, прилежащихъ Горскому погосту. Рытница впадаетъ въ Ситню, Ситня въ Шелонь, въ 20 верстахъ отъ посада Солыца.

не отягощать себя приношеніемъ ему пищи, чтобъ не заставить его чрезъ это терпѣть еще большую нужду; самъ же возлагалъ упованіе на Бога, глаголющаго устами св. Давида: *возверзи печаль твою на Господа и Той тя препитааетъ*. Но добродушный Галактіонъ продолжалъ, и послѣ того, питать отъ своей скудной трапезы пустытника, принося ему хлѣбъ и соль.

Скоро, однакожь, онъ почувствовалъ, что усердіе его къ Мардарію не по силамъ ему, но и лишитъ его всякой помощи никакъ не хотѣлъ, считая грѣхомъ для себя оставить Божія труженника въ пустынѣ алчущимъ. Съ этими мыслями онъ идетъ въ деревню *Гористы* (1), къ извѣстному ему богобоязненному крестьянину, Георгію Андрееву, у котораго имѣли и странныя пристанище и алчущіе хлѣбъ и нагіе одѣяніе,—и рассказываетъ ему, какъ онъ обрѣлъ Мардарія и проводилъ его въ пустыню, какъ онъ подвизается о Бозѣ, прибывая въ непрестанной молитвѣ и т. п. Сказавши Георгію о мѣстопребываніи Мардарія, при Донскихъ ручьяхъ, Галактіонъ умолялъ его не лишитъ подвижника необходимаго пропитанія. Георгій съ радостію принялъ такое предложеніе и благодарилъ Галактіона, а еще болѣе Господа, за то, что удостоится видѣть великаго труженника и будетъ имѣть утѣшеніе питать его. Затѣмъ, нисколько не медля, пригласивъ Галактіона проводить себя до пустыни, онъ отправился къ Мардарію съ хлѣбомъ, солью и другими предметами, пригодными для иноческой трапезы.

Прійдя къ Мардарію (2), Георгій поклонился ему до земли, принялъ отъ него благословеніе и просилъ его принять принесенное имъ брашно. Такое усердіе не могло не тронуть до глубины души богобоязненнаго старца. Видя въ немъ ясный знакъ Божія промысленія о себѣ, онъ, прежде всего, вознесъ слезную молитву къ Богу, питающему его, подобно тому, какъ былъ нѣкогда питаемъ отъ Него Илія въ пустынѣ;

---

(1) Въ пяти верстахъ отъ Мардаріевой пустыни, на югъ.

(2) Нынѣ путь въ пустыню Мардарія изъ деревень Гористы и Заборья лежитъ съ юга на сѣверовостокъ, а прежде, какъ видно, онъ лежалъ сперва на сѣверъ, и потомъ поворачивалъ на востокъ.

потомъ поклонился Георгію за его усердіе къ нему и долго бесѣдоваль съ нимъ.

Между прочимъ, онъ спрашиваль его и о томъ, извѣстны ли ему тѣ пустыни, среди которыхъ онъ обиталь. Георгій отвѣчалъ, что онъ хорошо знаетъ всѣ пустынные мѣста, принадлежащія Михайловскому приходу (1), потому что ходилъ по нимъ за звѣрями. Тогда Мардарій сталъ умолять Георгія указать ему такое мѣсто, куда бы трудно было кому-нибудь пройти, и гдѣ бы онъ могъ оставаться въ совершенной неизвѣстности. «Честный отче! говорилъ ему на это Георгій, есть недалеко отсюда, въ Михайло-архангельскомъ же приходѣ, такъ-называемые *острова*, весьма уединенные; но едвали тебѣ можно будетъ жить на нихъ, потому что они чрезъ мѣру дики. Человѣческаго лица тамъ не увидишь, увидишь развѣ однихъ звѣрей, да змѣй». Мардарій этого-то и желаль, и потому просилъ Георгія показать ему тѣ мѣста. Съ большимъ трудомъ они дошли до нихъ. Мѣста точно были непроходимыя, покрытыя множествомъ разныхъ деревь. «Вотъ тѣ острова (2), которые ты хотѣлъ видѣть», честный отче, говорилъ Мардарію Георгій, приведши его къ одному изъ нихъ. «На одномъ изъ этихъ острововъ, продолжалъ Георгій, есть два бора: Быковый и Извадинскій; около нихъ, версть на пять, есть крѣпкія *Середки*, куда немногіе ходять. Мардарій просилъ Георгія провести его въ средину острова, у котораго они находились. Тотъ провелъ его туда. Мардарій и избралъ на немъ мѣсто для своего уединенія. Послѣ долгой бесѣды, Мардарій усердно просилъ Георгія не забывать его и доставлять ему, хотя нѣкоторыя крупицы отъ трапезы своей, пока устроится на новомъ мѣстѣ, не открывая никому о его здѣсь пребываніи. Георгій съ радостію обѣщаль исполнить просьбу пустытника и, принявъ благословеніе отъ него, удалился съ миромъ.

Мардарій же, оставшись на избранномъ имъ мѣстѣ, сталъ

---

(1) Т. е. Горскому погосту, въ которомъ церковь устроена во имя Архангела Михаила.

(2) Возвышенныя, похожія на острова, мѣста среди мховъ и болотъ, и мѣста болѣе твердыя среди бора.

строить себѣ келью. Для этого онъ выкопалъ яму, сажени 1¹/₂ въ глубину и сажени 3 въ ширину. Въ яму вставилъ онъ деревянный срубъ, съ небольшимъ, въ видѣ норы, оконцемъ, на полуденную сторону, и окопалъ всю келью землею, такъ что деревья вовсе не было видно. Двери въ келью сдѣлалъ онъ съ сѣверной стороны, также въ видѣ норы; посреди кельи устроилъ малую печь.

Въ слѣдъ затѣмъ, съ одной стороны, чтобы питаться не отъ чужихъ, а отъ своихъ рукъ, а съ другой, чтобы имѣть случай изнувать тѣло свое полезными трудами, онъ выдиралъ древесные корни, копалъ землю, нерѣдко нагой, позволяя себя терзать комарамъ, мошкамъ и другимъ насѣкомымъ. На вспаханной такимъ образомъ землѣ, онъ садилъ капусту, сѣялъ рожь, каждый годъ по одной «камилавкѣ». Испросивъ у Георгія жернова, самъ мололъ себѣ, по ночамъ, рожь, которую онъ и не вѣялъ и не просѣивалъ чрезъ рѣшето. Когда же пекъ хлѣбъ изъ перемолотой такимъ образомъ муки, прибавлялъ къ ней половину вялой капусты. Питье для себя онъ обыкновенно приготовлялъ такое: принесши изъ болота весьма мутной воды, онъ процѣживалъ ее сквозь тряпку въ небольшой горшокъ, всыпалъ туда горькой, сушеной, истертой травы, прибавлялъ къ этому нѣсколько просѣянной муки и варилъ эту жидкость. И эту скудную и суровую пищу пустынный употреблялъ съ крайнею умѣренностію и не каждый день, желая уподобиться великимъ подвижникамъ древности.

Могъ ли врагъ спасенія человѣческаго, ищущій гибели душъ нашихъ, оставить въ покоѣ такого труженика? Смотри съ завистию на его святое житіе, онъ, съ самаго начала пребыванія его въ пустынѣ, покушался творить ему разныя пакости, думая заставить его тѣмъ удалиться изъ нея. Иногда пустынный, во время ночной молитвы, слышалъ, будто по верху кельи его ходить множество народа съ необычнымъ шумомъ и страшными воплями; иногда казалось ему, будтобы какіе-то ненавистники раскапываютъ его келью съ нестерпимымъ стукомъ; иногда представлялось, будтобы у его кельи незваные посѣтители безпощадно ломаютъ мѣсъ и бьютъ въ тимпаны; иногда являлись близъ кельи потѣшники, которые играли въ гудки и прыгали. Между тѣмъ, это было только

ризраѣ. Утромъ выходилъ подвижникъ изъ кельи и все находилъ въ прежнемъ видѣ. Келья оставалась цѣлою, лѣсъ не изломаннымъ, поэтому онъ и не смущался, испытывая по добныя нападенія, но оставался твердъ, какъ adamantъ, въ молитвенномъ подвигѣ, ограждая себя отъ козней вражнхъ крестнымъ знаменіемъ.

Видя, что пустыжникъ не трогается наваженіями, совершающимися внѣ кельи его, діаволь думалъ устрашить его, когда проникнетъ съ ними внутрь ея. И вотъ, въ одинъ день, по его дѣйствию, является въ нее какой-то страшный и лютый змѣй, и всползаетъ на жернова, бывшіе въ кельѣ труженика. Пустыжникъ гонитъ его вонъ, а онъ противится ему, шипитъ, подымаетъ голову и вонъ не ползетъ. Такимъ образомъ пустыжнику пришлось нѣсколько дней прожить вмѣстѣ съ змѣемъ. Но онъ мужественно перенесъ и это искушеніе. Поражаемый крестомъ Христовымъ, врагъ увидѣлъ, что изгнать пустыжника изъ кельи нельзя, и змѣй изъ нея выползъ.

По прошествіи 20 лѣтъ пустыннаго житія своего, Мардарій выстроилъ себѣ другую келью, деревянную, поверхъ земли, въ 5-ти саженьхъ отъ кельи земляной. Зимомъ жилъ онъ въ кельѣ прежней, а лѣтомъ—въ новой. Во всѣ эти 20 лѣтъ знали о немъ только: Галактіонъ, Георгій и священникъ церкви Нерукотвореннаго Образа въ Псковѣ, на Запсковѣ, у Ильинскихъ воротъ, Іоаннъ Филатьевъ. Этого священника Мардарій особенно любилъ. Къ нему приходилъ онъ изъ пустыни на исповѣдь; въ его церкви приобщался онъ и св. тайнъ. Нерѣдко и Іоаннъ посѣщалъ Мардарія въ пустынѣ, укрѣпляя его въ духовныхъ подвигахъ; потому что и самъ о. Іоаннъ былъ мужъ благочестивый, усердный къ службѣ, особенно любившій помогать бѣднымъ, для которыхъ не щадилъ ничего, и на свой счетъ содержалъ для нихъ богадѣльню.

Не успѣвъ заставить подвижника выдти изъ пустыни страхомъ описанныхъ выше наваженій, діаволь думалъ достигнуть своей цѣли, сдѣлавъ извѣстнымъ пустынное житіе его другимъ лицамъ, кромѣ названныхъ нами.

Однажды Мардарій сверхъ чаянія замѣтилъ, что кто-то бѣжитъ по лѣсу, прямо къ его кельѣ. Чтобы не допустить

незнакомца проникнуть внутрь ея, онъ послѣшно вышелъ изъ кельи и съ ужасомъ увидѣлъ предъ собою женщину, у которой, какъ у помѣшанной, были и волосы распущены и верхнее платье надѣто задней стороной напередъ.

Прибѣжавши къ пустыннику и замѣтивъ его смущеніе, эта женщина тотчасъ удалилась въ лѣсъ. Прибравши свои волосы и надѣвъ, какъ слѣдуетъ, платье, она снова явилась у кельи отшельника. Увидя въ вышедшемъ на встрѣчу къ ней пустынникѣ, облеченнаго въ ветхую и многошвенную одежду, инока, она сдѣлала ему земной поклонъ и стала просить себя у него благословенія. Мардарій благословилъ ее, и затѣмъ спросилъ у ней: откуда и какъ она пришла къ нему? «Честный отче, отвѣчала она ему, живу я въ деревнѣ Павлюковѣ (1); имя мое—Евдокія, прозвище—Чириха. Пришла я сюда невольно. Вышла изъ дома надрать лыкъ и вотъ третій день брожу по лѣсу, не зная, какъ выдти изъ него. Увидѣвъ на этомъ мѣстѣ жилище человѣческое, я обрадовалась, что не умру голодною смертію. Яви мнѣ, отче, милость свою, дай кусокъ хлѣба; три дня не вкушала я пищи и едва могу ходить отъ изнеможенія и страха». Мардарій далъ ей столько хлѣба, что она могла и голодъ свой утолить имъ и оставить при себѣ нѣкоторую часть его. Затѣмъ она стала просить пустынника вывести ее изъ лѣса на дорогу, по которой могла бы спокойно дойти до своего дома. Мардарій не хотѣлъ-было провожать ее; но она увѣряла, что ей одной изъ лѣса не выдти, и что она должна будетъ опять блуждать въ немъ: тогда старецъ рѣшился провести ее до Никандровской пустоши,—Жегловиць. Разставаясь съ нею, онъ такъ умолялъ ее: «Евдокія! прошу тебя, не говори никому, что ты видѣла меня. Скрѣпи свое сердце и держи это навсегда въ тайнѣ». Такъ они разстались.

Но Евдокія не исполнила воли благодѣтеля своего. Сперва, сбереженный ею остатокъ хлѣба она показала дѣтямъ своимъ; потомъ, когда ей случилось, по своимъ нуждамъ, быть въ

---

(1) Деревня эта и теперь существуетъ, верстахъ въ 15 отъ Мардаріевой пустыни, на западъ, между шоссею и желѣзною дорогою.

Псковѣ, она показала его одному псковскому священнику. Священникъ же этотъ, узнавъ, кто питается такимъ хлѣбомъ и какъ онъ былъ полученъ помянутою женщиною, на другой день, устроилъ у себя трапезу, пригласилъ къ ней многихъ другихъ священниковъ и, во время стола, вынесъ къ нимъ на бумагѣ тотъ хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Каждый изъ присутствовавшихъ за столомъ хотѣлъ видѣть его и узнать, кто питается имъ. Тогда хозяинъ дома, пригласивъ въ комнату означенную выше женщину, попросилъ ее рассказать все, какъ было. Рассказъ женщины довершилъ общее удивленіе присутствовавшихъ за столомъ, никто не могъ понять, какимъ образомъ можно оставаться живымъ, питаясь такимъ хлѣбомъ, и всѣ возблагодарили Бога за то, что въ ихъ дни нашелся столь чудный постникъ. Каждый изъ нихъ спѣшилъ сообщить о такомъ необыкновенномъ явленіи другому, и молва о Мардаріѣ скоро разнеслась сперва въ городѣ, гдѣ происходило собраніе помянутыхъ священниковъ, а потомъ и далѣе. Узналъ объ этомъ и священникъ церкви Нерукотвореннаго Образа, что на Запсковѣ, Іоаннъ Филатьевъ, духовный отецъ Мардаріевъ; къ нему принесенъ былъ и самый хлѣбъ священникомъ, который изъ устъ женщины слышалъ рассказъ о томъ, какъ она получила его отъ Мардарія.

Вглянувъ на хлѣбъ, завернутый въ бумагѣ, о. Іоаннъ тотчасъ же узналъ, кто имъ питается, и съ тяжкимъ вздохомъ прослезился. Потомъ взялъ хлѣбъ, перекрестился и съѣлъ его, благодаря тѣхъ, которые принесли ему эту дорогую для него свѣдь. Затѣмъ, не подавая виду, что онъ болѣе 20 лѣтъ знаетъ Мардарія, сталъ спрашивать ихъ, кто такимъ хлѣбомъ питается и для чего они принесли его къ нему. Тѣ рассказали ему о Мардаріѣ все, что знали. Тогда о. Іоаннъ простеръ къ нимъ такую рѣчь:

«Мы, братіе, почтены отъ Бога священнымъ саномъ, называемся пастырями словесныхъ овецъ Христовыхъ, стражами сердечныхъ таинъ челоѳческихъ, которыя и должны хранить подъ печатію Христовою, страшась суда Божія за нарушеніе этого долга. Хорошо ли же мы поступили теперь, съ жадностію выслушивая рассказъ женщины о томъ, что она обѣща-

лась хранить, какъ великую тайну! Мало этого: взяли отъ нея хлѣбъ и всѣмъ показывали его, разглашая о вѣренной ей тайнѣ? Нѣтъ; не похвалу, а осужденіе мы заслуживаемъ за это. Мужъ мудрый *безмолвіе водить*, говоритъ Писаніе, а мы хотъ и должны быть мудрыми, поступаемъ, въ этомъ случаѣ, какъ юродивые. Вамъ слѣдовало бы не одобрять, а осудить неблагодарный поступокъ женщины. Пустынникъ накормилъ ее и вывелъ изъ лѣса, прося, какъ бы въ награду себѣ за услугу, одного того только, чтобъ она никому не говорила о немъ. Она же, давъ обѣщаніе сохранить вѣренную ей тайну, пренебрегла ею,—не только домашнимъ своимъ, но и вамъ всѣмъ открыла о ней. Стоитъ ли она одобренія за все это?...».

Слова о. Іоанна пристыдили неразумныхъ пастырей. Они поблагодарили его за вразумленіе и разошлись каждый въ домъ свой.

Наступилъ Успенскій постъ, когда Мардарій обыкновенно исповѣдывался у о. Іоанна и приобщался св. тайнъ. О. Іоаннъ отправился въ пустыню. По обычаю, онъ заѣхалъ прежде въ деревню Гористы, къ крестьянину Георгію Андрееву, не зная, что онъ, незадолго предъ тѣмъ, отошелъ ко Господу, завѣщавъ сыну своему Онисиму навѣщать пустынника и хранить въ тайнѣ подвиги его. По примѣру отца своего, Онисимъ принялъ іерея Божія съ усердіемъ, и они оба пошли къ Мардарію.

Кончилось священнодѣйствіе таинства. О. Іоаннъ, бесѣдуя съ Мардаріемъ, сталъ наводить рѣчь на посѣщеніе его женщиною. Мардарій рассказалъ все, какъ было. Тогда о. Іоаннъ открылъ ему и о принесенномъ ею въ Псковъ хлѣбѣ и о той молвѣ, какая разнеслась по городу, при этомъ случаѣ, при совокупствѣ, что хлѣбъ этотъ достигъ, наконецъ, и до него, и что онъ съѣлъ его.

Горькими слезами залился благочестивый старецъ, пораженный вѣстію, что пустынные подвиги его сдѣлались предметомъ суетнаго любопытства и бесполезныхъ рѣчей. Самъ о. Іоаннъ, видя его сердечную скорбь, не могъ удержаться отъ слезъ. Долго потомъ они оба сокрушались о неблагоприятномъ поступкѣ неблагодарной женщины. Эта печальная

бесѣда двухъ старцевъ приготовляла ихъ еще къ болѣе печальной разлукѣ. И она, дѣйствительно, была трогательная. Разставаясь съ духовнымъ отцемъ своимъ, Мардарій упалъ къ ногамъ его и горько плакалъ. Потомъ онъ проводилъ его, по крайней мѣрѣ, версты полторы отъ кельи, умоляя не забывать его у престола Господня. О. Іоаннъ, въ свою очередь, просилъ Мардарія помнить его въ молитвахъ своихъ. Наконецъ, сдѣлавъ еще разъ по земному поклону другъ другу, они разстались...

Преклонныя лѣта, а еще болѣе строгій образъ жизни видимо дѣйствовали на здоровье пустытника. Воздержаніе его было удивительное. Бывало, о. Іоаннъ привезетъ ему просфору и еще что-нибудь въ снѣдь, а онъ, какъ только тотъ уѣдетъ, и отдастъ все духовнымъ чадамъ своимъ: Георгію и Онисиму, когда они навѣстятъ его. Развѣ только нѣкоторую часть просфоры, бывало, употребитъ онъ самъ. 20-ть лѣтъ питался онъ тѣмъ хлѣбомъ, о которомъ пронеслась такая молва въ Псковѣ; но, въ послѣднія 10-ть лѣтъ, онъ и этого хлѣба принималъ очень мало, питаясь болѣе вареною жидкостію, смѣшанною изъ муки, горькой травы и капусты.

Въ продолженіе 30 лѣтъ, онъ никогда не мылъ своего тѣла водою, хотя и былъ чистъ, какъ голубь. Одежда его была ветха, многшвенна и очень скудна. О. Іоаннъ привозилъ ему и разное платье, но онъ не принималъ его, оставаясь постыбно въ той одеждѣ, въ которой ходилъ за 30 лѣтъ, бывши въ Теофиловой пустынѣ. Постелею для него служили доски, возглавіемъ—камень.

По истеченіи 30 лѣтъ такой строгой жизни въ пустынѣ, Мардарій почувствовалъ крайнее изнеможеніе въ тѣлесныхъ силахъ своихъ, и слегъ. Лежалъ онъ цѣлую недѣлю, не будучи въ состояніи ни печи истопить, ни воды себѣ принести. Самъ Богъ, конечно, указалъ, именно въ это время, посѣтить болящаго ученику его, Марку, подобному ему пустынику, который подвизался верстахъ въ 15 отъ него. Нашедши учителя своего въ крайнемъ изнеможеніи и нуждѣ, Маркъ послужилъ ему, и тогда же далъ знать о его болѣзни прочимъ ученикамъ Мардарія, разсѣяннымъ около него по разнымъ мѣстамъ пустыни: Евфросину, жившему верстахъ въ 20 отъ

Мардарія, Павлу и Тихону. Узнавъ отъ Марка о болѣзни учителя своего, они всѣ собрались къ нему и нашли, что одному ему въ пустынь оставаться нельзя. Общимъ совѣтомъ положено было Марку сходить въ Никандрову пустынь и пригласить для услугъ больному одного изъ братіи этой пустыни, по имени Герасима, самимъ же, какъ можно чаще посѣщать его.

Герасимъ принялъ просьбу учениковъ Мардарія и три дня одинъ служилъ ему: и келью его отапливалъ и воду для него приносилъ. Потомъ снова собрались къ больному всѣ ученики его. Но Мардарій уже чувствовалъ, что ихъ усердіе не поможетъ ему. Онъ попросилъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ сходилъ въ деревню Гористы и пригласилъ къ нему Онисима, что немедленно и исполнилъ Герасимъ. Онисимъ еще не зналъ о болѣзни Мардарія. Вѣсть о ней повергла его и все семейство его въ самую тяжкую скорбь. Онъ бросилъ все и поспѣшилъ на зовъ любимаго имъ пустынника. Видя, что онъ уже не можетъ ходить отъ слабости, Онисимъ припалъ къ его ногамъ и горько плакалъ. Мардарій же, утѣшая его, сказалъ: «Онисимъ! не отринь просьбы моей: или ты самъ на своей лошади отвези, или попроси *заборскаю* (1) Ивана Корнильева отвезти меня въ вашу деревню Гористы. Слабъ я; хочу покаяться въ своихъ грѣхахъ. Но мнѣ совѣстно заставлять отца духовнаго идти для меня по такой трудно проходимой пустынь. Доѣду я самъ, по крайней мѣрѣ, до вашей деревни. Оттуда вы попросите священника Горской Архангельской церкви исповѣдать и приобщить меня. Не хочу я беспокоить и о. Иоанна».—Онисимъ съ радостію принялъ эту просьбу, и въ ту же минуту отправился въ свою деревню, думая о томъ, какъ бы провезть больного къ себѣ въ домъ, потому что не было удобной дороги къ его кельи.

(Окончаніе впереди).

---

(1) Деревня Заборье находится въ смежности съ деревнею Гористы, верстахъ въ 6-ти отъ Мардаріевой пустыни на югъ, или на юго-западъ.

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

ТЕЧЕНІЕ СМЕРТНОСТИ ПО ВОЗРАСТАМЪ, ВЪ ИЗБРАННОМЪ КРУГУ ПАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

(Окончаніе).

Въ мужествѣ человѣкъ достигаетъ всей полноты жизни; всѣ великія творенія человѣческаго духа и всѣ блистательныя дѣла на поприщѣ исторіи производились въ мужественномъ возрастѣ (?). Съ этой высшей точки равновѣсія вѣсы жизни начинаютъ склоняться на другую сторону. Эта точка жизненнаго равновѣсія не для всѣхъ людей одинакова и у одного бываетъ ранѣе, у другаго позже, смотря по тѣлосложенію и образу жизни. Перевѣсъ къ концу обнаруживается во всемъ: въ уменьшеніи стремленія къ чадородію, въ угасаніи чувствъ, въ упадкѣ силъ, въ перемѣнѣ цвѣта волосъ и въ оскудѣніи цѣлебной силы природы во время болѣзней, кои дѣлаются съ сего времени труднѣе и длителнѣе. Чѣмъ болѣе проходитъ времени за предѣлъ жизненнаго равновѣсія, тѣмъ болѣе оказывается въ жизненныхъ вѣсахъ роковаго наклоненія. Всякая неумѣренность въ движеніи и дыханіи, во снѣ и бдѣніи, въ пищѣ и питіи, всякое внезапное и сильное потрясеніе сложенія, и всякое излишество въ душевныхъ волненіяхъ угрожаетъ быстрымъ паденіемъ вѣсовъ, котораго поправить невозможно. Человѣкъ дѣлается равнодушнѣе къ забавамъ, кои прежде его увлекали, онъ отказываетъ себѣ въ желаніяхъ, кои прежде считалъ необходимыми, онъ живѣе начинаетъ сознавать суету своей жизни и жалѣть о заблужденіяхъ молодости. Но это сознаніе, увы! приходитъ поздно, — жизнь ничего не прощаетъ. Казаться моложе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, значить смѣшить другихъ и ускорять время роковаго конца. Можетъ быть, такихъ грѣховъ у насъ болѣе, нежели какъ намъ кажется; а можетъ быть, покушеній на грѣхъ еще болѣе, нежели самыхъ грѣховъ. Вообще никакая сила столько

не приближаетъ къ намъ или столько не удаляетъ отъ насъ роковой развязки, какъ мы сами; чѣмъ болѣе очищаются наши мысли и сужденія, съ успокоеніемъ въ волю Промысла, тѣмъ далѣе развязка, и наоборотъ.

Судя по табели, представляющей смертность по возрастамъ жизни, надобно заключить, что немного такихъ мѣстностей, по коимъ смертность старческаго возраста болѣе смертности мужественнаго. Изъ 13 приходовъ, смертность мужественнаго возраста менѣе старческаго только въ трехъ: въ Климентовскомъ, Ямскомъ и Самокражскомъ; во всѣхъ прочихъ она идетъ на оборотъ,—въ общей суммѣ, старческая смертность на 571 лице менѣе мужественной. Въ такомъ явленіи выражается иногда кратковѣчность поколѣній, между разными приходами, иногда—увеличеніе внезапной смертности, но болѣе всего недостатковъ осторожности и общественныхъ стремленій къ общему благу.

Д. *Смертность старческаго возраста.* Ежели смертность старческаго возраста зависитъ отъ упадка жизненныхъ силъ, то какими путями и по какимъ условіямъ таковой упадокъ начинается и продолжается? Этому знать намъ не дано; намъ дано одно только ощущеніе силъ упадающихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ощущеніе мѣры упадка. Все зависитъ отъ закона жизни: организмъ выполнилъ данное ему назначеніе, онъ оставилъ міру потомство,—и, какъ осенній цвѣтокъ въ долнѣ, увядаетъ. Упадокъ жизни начпнается самымъ простымъ и общимъ явленіемъ, состоящимъ въ выпаденіи зубовъ (которое нельзя считать какимъ-нибудь явленіемъ частнымъ, но надобно считать явленіемъ общимъ во всей костяной системѣ, становящейся по всему тѣлу рыхлѣе, хрупче и ломче). У кого зубы выпадаютъ въ юности или въ мужествѣ, тотъ въ этихъ возрастахъ и начинается, такъ сказать, свое *состарьніе*. Конечно, такому общему явленію должно предшествовать оскудѣніе жизненныхъ жидкостей, способствующихъ пищеваренію, каковы слюна и другіе желудочные соки. Такая пере мѣна въ тѣлосложеніи не можетъ не отразиться въ немъ самыми неблагоприятными явленіями. Изъ той же пици будетъ вырабатываться менѣе питательныхъ началъ, изъ того

же количества питательныхъ началъ будетъ менѣе выработываться волоконъ для органическихъ тканей, и тѣ же ткани будутъ менѣе плотны и крѣпки, ежели сюда же приложить общій жизненный фактъ, что немощная старость не любить освѣжаться прогулками на свѣжемъ и чистомъ воздухѣ; отсюда можно понять перевѣсъ разложенія жизненныхъ тканей надъ ихъ возобновленіемъ. Внутренній метаморфозъ организма будетъ продолжаться далѣе: кровеносныя сосуды будутъ ссѣдаться и суживаться, т. е. въ самыхъ тонкихъ ихъ развѣтвленіяхъ дѣлаются завалы и застои, съ застоями возможны ложныя нарощенія, — и вотъ поэма жизни близка къ развязкѣ. Извѣстныя попытки *геромики*, чтобы помолодѣть чужою жизнію, напр. переливомъ молодой крови въ старый составъ, употребленіемъ въ пищу женскаго молока, испариною молодыхъ особъ другаго пола, и т. д., — всѣ такія попытки вообще оказались неудачными. Усилія мистиковъ помолодѣть посредствомъ жизненныхъ эликсировъ также ничтожны, какъ и всѣ прочія затѣи въ этомъ родѣ.

(*Будетъ еще статья*).

Протоіерей Ѳеодоръ Гилларовскій.

УХОВНЯЖЪ СЪДЪА

6 МАРТА № 10. 1871 ГОДА.

ХРИСТИАНСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ КЪ СМЕРТИ.

Смерть есть общій удѣлъ всѣхъ насъ. И однакоже люди такъ мало помышляютъ о ней! Что значить умереть? Умереть значить оставить все, что намъ драгоцѣнно на землѣ. Плотскія удовольствія, для которыхъ мы такъ часто нарушали наши обязанности, съ смертію кончатся; богатства, которыя съ такимъ усиліемъ приобрѣтали, останутся; мы не увидимъ больше друзей, которые насъ такъ любили; наши вѣрнѣе члены распадутся; трепетное сердце перестанетъ биться; гордость повергнется въ прахъ; червь источитъ нашу тѣлесную красоту. Все, что можетъ сдѣлать тогда нѣжный другъ изъ любви къ намъ, это—опуститъ наше тѣло въ хладную могилу. Вотъ чѣмъ оканчивается человѣческое тщеславіе и всякая земная суетность! Богачъ, одѣянный въ пурпуръ, и нищій при вратахъ дома его, наравнѣ лягутъ во гробъ и отыдутъ въ землю, изъ которой сотворены. Вотъ участь, которую ни-

какая сила, никакая мудрость не может отвратить. Можно ли, зная эту печальную истину, так мало готовиться къ смерти? Мы умножаемъ свои богатства, мы говоримъ нашей душѣ: *душе, имай многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пей, веселися.*—Но воспоминаемъ ли о страшномъ гласѣ Божіемъ: *безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе* (Лук. 12, 19)?

Такія размышленія должны приводить въ трепеть самага твердаго духомъ. Но если мы станемъ смотрѣть на смерть по-христіански, то она представляется намъ въ другомъ видѣ. Правда, мы умремъ; но что такое смерть, разсматриваемая при свѣтѣ Откровенія? Она разлучаетъ насъ съ благочестивыми друзьями, которыхъ мы такъ любили на землѣ, но для того, чтобы соединить съ ними на небесахъ. Тамъ мы надѣемся непрестающихъ радостей, богатствъ неиздимаемыхъ. Гласъ Бога воздвигнетъ изъ гроба тѣла наши, чтобы они не подвергались больше тлѣнію; тогда забудутся всѣ скорби, отпустятся грѣхи, и наслѣдникъ вѣчной славы *восхищенъ будетъ на облацяхъ*, чтобы встрѣтить Господа своего *на воздусьхъ* и царствовать съ Нимъ вѣчно. При этой мысли, не возрадуется ли сердце наше? Не воскликнемъ ли мы съ Пророкомъ: *да умретъ душа моя въ душахъ праведныхъ, и буди сѣмя мое, яко же сѣмя ихъ* (Чис. 23, 10).

Но чтобы достигнуть сего блаженнаго состоянія, должно вести жизнь благочестивую и святую. Всѣмъ должно умереть, но отъ совѣсти каждаго зависитъ, чтобы часъ смерти былъ для него началомъ вѣчнаго блаженства, или вѣчнаго мученія. Посему всякій христіанинъ долженъ тщательно испытывать самого себя и не успокоиваться, пока не получитъ прощенія грѣховъ отъ Бога. Рано или поздно, онъ отдастъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Ахъ! какое страшное состояніе тѣхъ, которые во время старости или болѣзни въ первый разъ должны будутъ обратить вниманіе на свою прошедшую жизнь! Настанетъ часъ, когда всякій изъ насъ вспомнитъ о томъ, что онъ хотѣлъ бы предать вѣчному забвенію. Съ какимъ ужасомъ нераскаленный грѣшникъ помыслитъ тогда о грѣхахъ своихъ, о милосердіи Божіемъ, которое отвергалъ, и о страшномъ судѣ, готовомъ разразиться надъ нимъ! Ничто такъ не по-

трясаетъ душу, какъ видъ ожесточеннаго грѣшника, который, не имѣя упованія на милосердіе Божіе, трепещетъ угрожающаго ему наказанія. Онъ, повидимому, претерпѣваетъ уже всѣ муки ада, ожидающія его въ будущей жизни. Отче милосердія, сподоби насъ, посредствомъ истиннаго раскаянія, заблаговременно избѣгнуть ужасовъ подобной смерти! Не всегда возможно покаяніе въ послѣднія минуты жизни. Смерть приходитъ иногда такъ нечаянно, что невозможно бываетъ прибѣгнуть къ милосердію Божію. Мы видимъ цвѣтущихъ юношей, похищаемыхъ смертію среди самыхъ безчинствъ, которымъ они предаются. Многіе преступники призываются на судъ Божій въ самую минуту преступленій. Смерть постигаетъ ихъ такъ мгновенно, что имъ некогда бываетъ и подумать о покаяніи. О, размыслите о семъ вы, забывающіе Бога, размыслите и покайтесь. Спаситель міра еще оставляетъ вамъ надежду на Его милосердіе; но не теряйте ни одного часа; потому что этотъ часъ можетъ быть для васъ послѣднимъ. Будьте бдительными стражами своего спасенія, при неизвѣстности часа смерти. Дѣлатель, выходящій утромъ на свое дѣланіе, не увѣренъ, доживетъ ли до вечера. Отходящій ко сну не можетъ сказать себѣ, что завтра встанетъ съ постели. Имѣя это въ виду, позаботимся заблаговременно о нашихъ душахъ и при концѣ важдаго дня постараемся примириться съ Богомъ. Тогда мы не станемъ бояться смерти, *какъ стрѣлы, летящія во дни*; ибо умремъ ли мы, или останемся въ живыхъ,—всегда пребудемъ подъ кровомъ Господа, Который подкрѣпитъ насъ при смерти и приметъ въ свое небесное жилище.

Самое лучшее утѣшеніе для христіанина въ часы предсмертныхъ страданій есть воспоминаніе о смерти Господа нашего Иисуса Христа. Въ ней мы видимъ самый трогательный примѣръ, которому должны подражать по возможности. Спаситель, послѣ пламенной молитвы къ Богу, находясь въ рукахъ враговъ и претерпѣвая отъ нихъ самыя лютыя мученія, былъ терпѣливъ и *послушивъ даже до смерти*. Онъ помиловалъ разбойника, распятаго на крестѣ, молился за своихъ мучителей и съ совершенною покорностію воли Отца своего предалъ духъ въ Его руки.

Итакъ, пока мы еще пользуемся тѣлеснымъ здравіемъ, станемъ готовиться къ смерти, которая не замедлитъ придти къ намъ. Самое лучшее къ ней приготовленіе есть добродѣтельная жизнь; человѣкъ, который служитъ Господу, и уповаеъ на заслуги своего Спасителя, всегда готовъ предстать предъ лице Его. Но если старость или болѣзнь напомнитъ намъ о приближеніи этой торжественной минуты, то мы должны собрать всѣ силы, чтобы встрѣтить ее съ твердостью; должны просить помощи у всемогущаго Испытателя къ перенесенію предсмертныхъ страданій. До послѣдняго издыханія должны являть кротость и смиреніе къ окружающимъ насъ; должны простить отъ души всѣхъ враговъ нашихъ, и исповѣдывать предъ Богомъ грѣхи свои, съ твердымъ упованіемъ на безмѣрныя заслуги Христа-Спасителя и на Его безконечное милосердіе. Мы должны воспоминать о Его великихъ обѣтованіяхъ и съ твердою вѣрою предать духъ свой Богу, Который далъ его. Но никакъ не должны откладывать покаянія до послѣдняго часа жизни; для этого часа довольно и тѣхъ страданій, которыя намъ должно перенести. Сколь бы ни жестоки были эти страданія, христіанинъ, приготовленный къ смерти, напутствованный святыми тайнами въ жизнь вѣчную, получить отъ Бога особенную помощь. Укрѣпляемые Божіею благодатію, не только мужи, но и слабыя жены переносили самыя тяжкія страданія, не только съ терпѣніемъ, но даже съ радостію; онѣ считали себя счастливыми, что страдали изъ любви ко Христу, имѣя въ виду вѣчное воздаяніе. Не всегда смерть сопровождается болѣзнями; она часто приходитъ безъ всякой болѣзни (1). Не зная, какія болѣзни ожидаютъ насъ, приготовимся съ терпѣніемъ переносить ихъ; но, что всего важнѣе, будемъ твердо помнить, что самыя ужасныя страданія назначены въ удѣлъ нераскаяннымъ грѣшникамъ: *смерть грѣшниковъ люта.*

---

(1) Незабвенный авторъ доказалъ это своею собственною внезапною, безболѣзненною кончиною въ храмѣ, во время совершенія имъ Божественной службы. Ред.

Помышляя о предсмертныхъ болѣзняхъ, мы, пока еще обладаемъ крѣпкими силами, позаботимся о своихъ умирающихъ ближнихъ. Много полезныхъ уроковъ можно найти въ домѣ скорби и сѣтованія. Посему, никогда не должно оставлять тѣхъ, къ кому призываетъ насъ любовь или долгъ въ торжественную минуту смерти. Если мы не въ силахъ будемъ облегчить ихъ страданій, то станемъ просить Бога, чтобы Онъ усладилъ ихъ своею благодатію. Вспомнимъ, что умирающій часто до послѣдняго вздоха замѣчаетъ все, что происходитъ вокругъ него; и потому должно остерегаться, чтобы не сказать такого слова, которое могло бы огорчить его; будемъ утѣшать его нашимъ попеченіемъ о немъ, нашею молитвою за него. Когда же прекратятся дни его, не станемъ удалять отъ себя печальныхъ помысловъ, которые рождаются при взглядѣ на умершаго; они послужатъ подпоркою въ наши предсмертныя минуты.

Хорошо было бы, если бы юноши и дѣвы, даже малолѣтнія дѣти присутствовали при одрѣ умирающаго. Пусть они заблаговременно приучаются видѣть смерть въ ея истинномъ образѣ. Это истребитъ въ нихъ суевѣрный страхъ и приучитъ не бояться мертвыхъ. Они узнаютъ, что на кладбищѣ не больше страха, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Усопшіе, которые тамъ погребены, не возстанутъ до великаго дня воскресенія. Мы придемъ къ нимъ, а они не возвратятся къ намъ. Человѣкъ благочестивый долженъ умѣть бояться только Бога; но пусть юноши, также какъ и старцы, помнятъ о смерти. Если представится случай показать имъ, что смерть сама по себѣ не страшна для христіанина, то сіе послужитъ для нихъ спасительнымъ урокомъ. Они научатся не избѣгать умирающихъ, но быть сострадательными къ нимъ; они узнаютъ суету всего земнаго, видя, что она ведетъ ко гробу. Это заставитъ ихъ быть внимательнѣе къ самимъ себѣ и внушитъ имъ страхъ Божій.

Такъ, смерть — общій удѣлъ всѣхъ насъ; она страшна только для злыхъ и порочныхъ; но непременно постигнетъ ихъ, какъ и насъ всѣхъ. Можно избѣгнуть другихъ золъ, а нельзя избѣгать смерти. Есть преступники, которые всю жизнь не подвергаются наказанію по закону; бываютъ злодѣи, ко-

торые цѣлый вѣкъ живутъ счастливо; но это счастье слишкомъ кратковременно; *лежитъ человеку единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9, 27). Для такихъ людей смерть дѣйствительно страшна; но она вождѣльна для истиннаго послѣдователя Христова; для него она—путь къ жизни, дверь къ небесамъ, стезя къ вѣчной радости. Смерть положитъ конецъ всѣмъ его страданіямъ, оправдаетъ его упованіе на Бога и доставитъ ему неувидаемый вѣнецъ славы за его добродѣтели. Смерть не имѣетъ силы удалить христіанина отъ его Спасителя; какъ виновникъ его спасенія, Иисусъ Христосъ съ торжествомъ воздвигнетъ его изъ гроба и воззоветъ къ Себѣ вмѣстѣ съ прочими праведниками: *придите, благословеніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ суженія міра* (Мат. 25, 34).

Протоіерей Александръ Орловъ.

НАСТАВЛЕНІЯ УЧАЩИМСЯ.

I.

Вы вступаете въ цвѣтущіе годы жизни, развиваетесь подобно молодымъ деревьямъ, готовымъ сдѣлаться великими деревьями, и сами, вѣроятно, чувствуете нужду обратить внимательный взоръ на настоящій періодъ вашей жизни. Вы стоите между отрочествомъ и юношескимъ возрастомъ; позади представляется вамъ міръ невинности, въ которомъ вы жили; впереди ожидаютъ васъ годы, когда вы ближе и тѣснѣе будете связаны съ обществомъ. Вы, можетъ быть, жаловались на тяжкія занятія, которыхъ отъ васъ требовали, на утомленіе силъ, и готовы были не вѣрить, чтобы эти занятія были полезнымъ для васъ упражненіемъ, необходимымъ для приготовленія себя къ трудамъ и обязанностямъ въ возрастѣ мужескомъ; вы не представляли себѣ, какъ полезно заблаговременно привыкать къ порядку и мало по малу приучать себя къ спасительному повиновенію, чтобы приготовить изъ себя

добрыхъ и дѣятельныхъ членовъ гражданскаго общества. Но таковы премудрыя намѣренія нашего Творца и Господа. По-знайте ихъ и воспользуйтесь временемъ вашей юности для украшенія себя полезными знаніями и добродѣтелию, чтобы достигнуть того высокаго совершенства, для котораго вы должны созрѣть на землѣ. Невинность и добродушіе, постоянство и скромность, — вотъ высшее для васъ украшеніе. Сии добродѣтели поведутъ васъ по тому спасительному пути, при концѣ котораго ожидаетъ васъ спокойствіе, радость и блаженство.

Какъ тѣ, которые кончили здѣсь свое ученіе, такъ и тѣ, которымъ еще остается продолжать оное, должны стараться сдѣлать столько добра, сколько возможно по силамъ; съ неутомимою дѣятельностію должны готовить себя ко всему тому, чего потребуютъ отъ васъ, когда вы должны будете дѣйствовать на поприщѣ общественнаго служенія. Трудъ да будетъ для васъ удовольствіемъ. Все, что отвлекаетъ силы ваши отъ вредной разсѣянности, спасительно для васъ, и все это доставить вамъ усердное занятіе дѣлами вашего назначенія. Преодолювайте всѣ трудности, могуція встрѣтиться въ дѣлахъ вашихъ; не ограничивайте своей дѣятельности случайными обстоятельствами и удачею; старайтесь сдѣлать столько, чтобы другіе сказали о васъ: «они честно исполнили свой долгъ; они сдѣлали все, что должны были сдѣлать по своимъ силамъ».

Не только во время трудовъ, но и въ часы свободы охраняйте себя отъ бесполезныхъ занятій; даже часы отдохновенія должны быть употребляемы съ пользою. Вы еще свободны отъ тягостнаго бремени общественной жизни, можете спокойно наслаждаться радостію. Итакъ, если вы чувствуете склонность къ радости, то помните, что истинная радость есть дорогое и рѣдкое чувство, и что вы тогда только можете наслаждаться ею, когда того заслужите, т. е. когда послѣ трудовъ и полезныхъ занятій встрѣтите ее съ чистою, свѣтлою совѣстію. Приличіе, скромность и кротость должны всегда украшать васъ; не позволяйте себѣ забавъ предосудительныхъ; никогда не ищите веселія въ неприличныхъ удовольствіяхъ, стыдитесь и страшитесь обращать въ забаву то, что священно

для всякаго человѣка; радости свои растворяйте кротостію и добродушіемъ и не позволяйте душѣ своей предаваться удовольствію сверхъ мѣры.

Добрая нравственность да будетъ вашимъ украшеніемъ; это драгоценность, которую вы должны хранить всѣми силами. Ею только вы можете заслужить любовь и уваженіе людей благомыслящихъ. Одна только вѣра, твердая вѣра въ Бога, защитника вашей юности, и сердечная любовь къ ученію Спасителя нашего могутъ укрѣпить и возрастить вашу нравственную чистоту. Вѣруя въ Бога и имѣя предъ собою ученіе нашего Иисуса Христа, вы будете почитать и уважать высшихъ, будете кротки и дружелюбны съ равными и снисходительны къ низшимъ себя. Исполняя въ точности ученіе Христово, вы покажете плоды сего спасительнаго ученія въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ.

Обращаясь въ кругу своихъ ближнихъ, вы должны искать общенія съ лицами зрѣлаго возраста, слушать ихъ совѣты и наставленія; ихъ руководство должно вливать бодрость въ ваши души; ихъ дѣла, ихъ поведеніе и образъ жизни должны побуждать васъ къ благородному подражанію. Никогда не пренебрегайте наставленіями почтенныхъ старцевъ, людей мудрыхъ и опытныхъ. Что вы теперь сѣете, то будете нѣкогда пожинать; какова ваша юность, таковъ будетъ и мужескій возрастъ; въ юношѣ уже можно предусматривать свойства человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ ни медленно приближается время вашей жатвы, но рано или поздно она настанетъ для васъ; смѣло ввѣряйте будущему сѣмена трудовъ своихъ, заботьтесь объ нихъ, питайте и укрѣпляйте посѣянное въ васъ,—твердо надѣйтесь, что все посѣянное вами добро принесетъ обильные и благіе плоды въ свое время (1).

---

(1) Сказано воспитанникамъ первой с.-петербургской гимназіи, предъ началомъ ученія.

III. (1)

Святѣй Апостоль Павель, предвидя конецъ своего апостольскаго служенія, писалъ въ одному изъ учениковъ своихъ: *подвизомь добрымь подвижася, теченіе скончаха, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мль вѣнецъ правды, ево же воздаста ми Господь въ день оны, праведный Судія* (2 Тим. 4, 7. 8).

Къ вамъ, юноши, можно отчасти примѣнить сіи апостольскія слова въ настоящее время. И вы подвизались добрымъ подвигомъ, кончили здѣсь предлежавшее вамъ поприще, сохранили въ чистотѣ святую вѣру,—и нынѣ воспримете похвальныя вѣнцы отъ руки судей и мздовоздавателей вашихъ. Примите эти награды, какъ заслуженный даръ, какъ мзду добрыхъ дѣлателей. Такъ, вы были добрыми дѣлателями въ вертоградѣ семъ, не скрыли ввѣренный вамъ талантъ въ землю, но возрастили и умножили его. Вы, подобно мудрымъ дѣвамъ, съ свѣтильникомъ вѣры и добрыхъ дѣлъ ждали дней испытанія, и теперь вступаете на духовный пирь съ свѣтлою совѣстію. Вы, какъ добрые дѣлатели вертограда, принесли плоды во время свое, каждый по силамъ своимъ, и нынѣ *входите въ радость Господа своего*. Чистая радость, которая наполняетъ ваше сердце, есть награда, ниспосланная вамъ отъ Бога. Она есть провозвѣстница тѣхъ неизреченныхъ радостей, которыя уготованы вамъ въ обителяхъ небесныхъ. Это святое чувство да укрѣпитъ васъ въ любви къ истинѣ и добру, да побудитъ васъ къ новымъ подвигамъ на предлежащемъ поприщѣ.

Итакъ подвизайтесь, юноши, подвизайтесь и впредь добрымъ подвигомъ: *пріобрѣтайте всякія полезныя знанія, чтобы утвердиться въ истинномъ благочестіи. Развивайте свои способности, чтобы яснѣе видѣть святость православной вѣры. Обогащайте свой разумъ разнообразными опытами жизни, чтобъ быть достойными сынами Церкви и отечества. Читайте и слушайте слово Божіе, *могущее умудрити васъ во спасеніе*.*

---

(1) Сказано воспитанникамъ той же гимназіи по окончанія ими курса ученія.

Читайте книги, научающія насъ истинному Богопознанію, въ особенности писанія пастырей и учителей Церкви, поставленныхъ Духомъ Святымъ *пасти стадо Христово*. Не пренебрегайте и писаній человѣческой мудрости, съ Божественною премудростію согласныхъ; но избѣгайте такихъ, которыя развращаютъ разумъ и растлѣваютъ сердце. Извлекайте изъ сего чтенія спасительныя для себя уроки; почерпайте правила жизни и руководствуйтесь ими.

Будьте почтительны и покорны къ родителямъ вашимъ и ко всѣмъ тѣмъ, которые заступаютъ ихъ мѣсто, въ особенности къ нашему общему отцу, Помазаннику Божію, Благочестивѣйшему Великому Государю нашему, къ поставленнымъ отъ Него начальникамъ и властямъ,—*нѣсть бо власть, аще не отъ Бога*,—къ старшимъ возрастомъ и благодѣтелямъ вашимъ. Пребудьте истинными сынами Христовой Церкви; прибѣгайте къ ней, какъ къ единственной руководительницѣ къ свѣту истины; *она есть столпъ и утвержденіе истины*. Охотно участвуйте въ совершаемомъ ею общественномъ Богослуженіи, въ молитвахъ и таинствахъ, и никогда не забывайте, что *въль Церкви нѣтъ спасенія*.

Не всякому духу вѣруйте, но испытайте духи, аще отъ Бога суть (1 Іоан. 4, 1). Вамъ, пожалуй, скажутъ, что твердая вѣра ведетъ къ суевѣрію. Знайте, что такъ говоритъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ истины и духа Христова. Васъ стануть увѣрять, что полезнѣе слушать свѣтскія пѣсни, нежели церковныя пѣснопѣнія;—помните, что это, по Апостолу, слова духа лести и коварства. Отвращайте слухъ отъ такихъ словъ, какъ отъ духа искусителя. *Сойдите, держите преданія Церкви, имъ же научитесь словомъ или писаніемъ а постольскимъ и церковнымъ*.

Вступивъ на служеніе обществу, смотрите на занимаемыя вами должности, какъ на опредѣленіе Божіе, исполняйте обязанности своего званія вѣрно и по совѣсти, не предъ глазами только людей, но въ чувствѣ вездѣприсутствія Божія, не изъ чаянія земныхъ только выгодъ, но изъ сыновняго повиновенія Отцу небесному, и изъ желанія содѣйствовать тѣмъ благу общества.

Таеъ живя и дѣйствуя, вы совершите истинно добрый подвигъ, за который воздастъ вамъ вѣнецъ правды Господь въ день онъ, праведный Судія, не только вамъ, но и всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его.

Протоіерей Александръ Орловъ.

ІЕРОМОНАХЪ МАРДАРІЙ,

ПСКОВСКІЙ ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ.

(Окончаніе).

Пришедши домой, Онисимъ послалъ въ деревню Заборье извѣстить Ивана Корнильева о желаніи пустынника. Корнильевъ, принявъ съ душевною скорбію извѣстіе о болѣзни святаго старца, не дожидаясь распоряженій Онисима, тотъ же часъ запрягъ пару лошадей въ сани, потому что на телѣгѣ ѣхать по болоту было невозможно, и послалъ ихъ къ Мардарію съ братомъ и сыномъ своимъ. Не доѣхавъ до кельи, около версты, потому что и на саняхъ туда добраться было невозможно, одинъ изъ посланныхъ остался при лошадяхъ, а другой пошелъ къ Мардарію въ келью, гдѣ нашелъ его лежащимъ и при немъ двухъ учениковъ его: Марка и Евфросина.

Герасимъ возвратился въ Никандрову пустынь, а Павла съ Тихономъ не было. Таеъ какъ больной идти не могъ, то Маркъ и Евфросинъ, положивъ его на одежду, донесли его до саней на рукахъ своихъ, при помощи пришедшаго къ нимъ крестьянина.

Уже наступилъ вечеръ, когда путники прибыли въ деревню Заборье. Иванъ Корнильевъ, вышедши, со всѣмъ семействомъ своимъ, на встрѣчу къ нимъ, упалъ на колѣни и умолялъ Божія труженника позволить ему внести его въ домъ свой, чтобы согрѣть изможденное святыми подвигами тѣло его, но Мардарій просилъ Корнильева оставить его въ саняхъ. «30 лѣтъ не былъ я въ покойныхъ жилищахъ, говорилъ онъ Корнильеву. Зачѣмъ мнѣ теперь искать покоя въ твоёмъ домѣ? Всѣхъ васъ я люблю, всѣхъ помню и благодарю. На всѣхъ васъ призываю Божіе благословеніе, но не могу исполнить твоего желанія. Позволь мнѣ провести ночь на гумнѣ твоёмъ; мнѣ будетъ хорошо тамъ. Желаніе его тотчасъ было исполнено. Усердный хозяинъ принесъ ему меду и шубу, но Мардарій отказался отъ того и другаго, а попросилъ поскорѣ позвать къ себѣ приходскаго священника. Корнильевъ немедленно послалъ на лошади брата своего за священникомъ горской Архангельской церкви, Θεодотомъ. Вскорѣ священникъ прибылъ къ больному и, по приобщеніи его св. тайнамъ, обратно отвезенъ былъ къ себѣ въ домъ. Мардарій же все остальное время ночи провелъ въ бесѣдѣ съ духовными дѣтьми своими: Корнильевымъ и Онисимомъ, отечески поучая ихъ въ послѣдній разъ.

«Благодарю васъ, братіе, говорилъ онъ имъ, за ваше усердіе ко мнѣ. Молю Господа, чтобы Онъ не оставлялъ васъ по моему отшествіи. Теперь уже вы не будете болѣе утруждать себя посѣщеніемъ меня, но я заповѣдаю вамъ другой трудъ послѣ меня: блюдите себя опасно. Не забывайте нищихъ. Помогая бѣднымъ, вы взаимъ даете Богу; не бойтесь, подаваніе нищимъ не введетъ васъ въ нищету. Рука дающаго никогда не оскудѣетъ, но въ стократъ больше приметъ отъ Господа, и жизнь вѣчную наслѣдитъ. Посѣщайте чаще церковь Божію. Не забывайте праздниковъ Божіихъ. Оставляя работы свои,

идите въ церковь и молитесь Богу. Отъ этого, повѣрьте, остановки не будетъ въ вашихъ трудахъ. Св. Церковь молить Бога и объ успѣхѣ трудовъ вашихъ и объ изобиліи плодовъ земныхъ. Не подражайте раскольникамъ, которые и Церкви бѣгаютъ, произнося хулу на нее, и пастырей ея злословятъ. Священниковъ не нужно осуждать, даже когда видишь ихъ согрѣшенія. Помните то, что священникъ молится о васъ Богу и долженъ дать отчетъ за васъ Судіи праведному. Празднуйте праздники не такъ, какъ вы, большею частію, ихъ празднуете, хлопоча о томъ, какъ бы пораньше купить вина и побольше выпить его, чтобы, потомъ, лежать полумертвыми. Въ кабаки идете съ гривной, а въ церковь не хотите и гроша снести. Поете въ праздники соблазнительныя пѣсни, а изъ молитвы Господней и слова не знаете произнести. Не умѣете правильно положить креста на себѣ, и играете на дудахъ и пляшете. Такіе праздники не угодны Богу. Мы—хрістіане, поэтому и жить должны, подражая Христу, преуспѣвая въ вѣрѣ, надеждѣ, любви и во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Вы слышите, какъ, при крещеніи, отрицаются сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Это и нужно исполнять, а не дѣлать сатанѣ угодное. Не избрано намъ и вино пить, но надобно пить его во время и въ мѣру. Не запрещается намъ и праздники приятно проводить другъ съ другомъ, но находить это удовольствіе нужно не въ пустословіи и севернословіи, а въ полезныхъ и душеспасительныхъ рѣчахъ. Говори о дѣлахъ добрыхъ, хозяйственныхъ, Божіихъ. Не для того все это сказалъ я вамъ, чтобы хотѣлъ именно васъ обличить въ чемъ-нибудь худомъ, а для того, чтобы вы домашнихъ своихъ и другихъ предостерегали отъ худаго. Много хотѣлъ бы я бесѣдовать съ вами, но уста мои изнемогаютъ».

Начало свѣтатъ, Мардарій попросилъ, чтобы его опять отвезли въ пустыню и онъ былъ отвезенъ туда тѣми же пу-

стынниками Маркомъ и Евфросиномъ съ братомъ Іоанна Корнильева. Іоаннъ Корнильевъ, Онисимъ и ихъ семейства съ плачемъ проводили его, какъ отца и наставника своего; а онъ и въ эти предсмертныя минуты не оставлялъ преподавать имъ Божіе благословеніе и отвѣчалъ на ихъ скорбь о немъ своими слезами.

Маркъ и Евфросинъ остались служить болящему, но не долго они имѣли возможность свидѣтельствовать ему свою любовь и усердіе. На четвертый день, по приобщеніи св. тайнамъ, 11 числа сентября во время благовѣста къ божественной литургіи, читая книгу, Мардарій мирно предалъ свой духъ Господу, въ присутствіи Марка и Евфросина, имѣя отъ роду не менѣе 60 и не болѣе 70 лѣтъ ⁽¹⁾.

Изъ имущества Мардарія, по смерти его, осталось 30 мѣръ неочищенной ржи, которыя онъ собиралъ въ 30 лѣтъ пустынной жизни своей, высѣвая, на воздѣланной имъ самимъ землѣ, ржи по одной камилавѣ въ годъ, — двѣ книги и икона Божіей Матери. Хлѣбъ и книги онъ завѣщалъ отдать тѣмъ, кои пожелаютъ имѣть у себя эти вещи, на поминъ души его; икону взялъ себѣ Маркъ пустынный. Больше ничего у Мардарія не было.

Тѣло Мардарія, по кончинѣ его, было прилично одѣто и положено въ вельѣ. Затѣмъ, пустынники дали знать о смерти его въ деревни Гористы и Заборье, крестьянамъ Іоанну и

---

(1) Въ 1805 г., при допросѣ по дѣлу, касающемуся Мардарія, сынъ Онисима, Савва, показывалъ, что ему (Саввѣ), въ то время, было 80 л. отъ роду и что онъ присутствовалъ при погребеніи Мардарія, имѣя 30 лѣтъ жизни. По этому показанію выходитъ, что смерть Мардарія послѣдовала въ 1765 г. Арх. иск. дух. консисторія, указъ Св. Синода отъ 7 мар. 1805 г. Во всякомъ случаѣ, кончину Мардарія нельзя относить позже 1772 г., когда, по показанію метрической книги Горскаго погоста, умеръ священникъ этого погоста Θεодотъ, напутствовавшій и погребавшій Мардарія.

Онисиму, къ которому только что прїѣхаль изъ Пскова о. Іоаннъ, желавшій навѣстить духовнаго сына своего, не зная о его смерти, какъ не зналъ еще о ней, въ то время, и самъ Онисимъ. Въ ту пору, какъ о. Іоаннъ разсуждалъ съ Онисимомъ о состояніи здоровья Мардарія, пришла къ нимъ вѣсть о томъ, что онъ уже преставился ко Господу. Тяжка была вѣсть эта для Онисима, но еще въ большую скорбь повергла она о. Іоанна, невидавшаго Мардарія передъ его кончиною. Скоро и весь домъ Онисима превратился въ обитель плача и сѣтованія. О. Іоаннъ зажегъ свѣчи и отслужилъ литію, слезно молясь Господу о упокоеніи преставившагося. «Сердце мое чувствовало еще прежде постигшую нынѣ всѣхъ насъ скорбь, сказалъ онъ по окончаніи молитвы. Во все это время о. Мардарій не уходилъ изъ мысли у меня, и душа моя томилась непонятною для меня скорбію. Тоска эта заставила меня поспѣшить прїѣхать сюда».

Наконецъ, всѣ они вмѣстѣ отправились къ почившему и снова совершили обычное моленіе о немъ. Тогда же общимъ совѣтомъ положено было предать землѣ тѣло Мардарія, согласно желанію его, тамъ, гдѣ онъ подвизался 30 лѣтъ,—у Донскихъ ручьевъ; здѣсь оно, дѣйствительно, и было положено, въ сосновомъ гробѣ, 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня. Отпѣваніе совершали три священника: псковскіе о. Іоаннъ Филатьевъ, Павелъ Изгорскій и горской Архангельской церкви Θεодотъ. При погребеніи находились пустыnnики: Марѣъ, Евфросинъ, Тихонъ, Павелъ и до 20 человекъ крестьянъ изъ деревень Заборья и Гористы. И духовные и міряне—всѣ, присутствовавшіе при этомъ печальномъ обрядѣ, были проникнуты глубокимъ чувствомъ скорби о разлукѣ съ благочестивымъ пустынникомъ, который, въ продолженіе 30 лѣтъ, былъ для нихъ наставникомъ, другомъ и отцемъ.

Какъ ни старался смиренный подвижникъ, при жизни сво-

ей, скрыть отъ людей свои труды для Бога, молва о нихъ, по кончинѣ его, быстро разнеслась на далекое разстояніе, внушая повсюду уваженіе къ нему, какъ истинному угоднику Божію. Одни вносили имя его въ семейныя поминанья, другіе—въ церковныя синодики, желая увѣковѣчить молитвенное памятованіе о немъ въ будущихъ родахъ. Третьи стремились въ его пустынь, чтобъ поклониться, скрытымъ въ ней, священнымъ останкамъ его и получить чрезъ него ту или другую, милость отъ Бога. Сладость ощущеній, выносимыхъ благочестивыми душами изъ этой обители мира и тишины, освятельные опыты получаемыхъ вѣрующими дарованій, свидѣтельствующіе о присутствіи въ ней источника Божественной благодати, скоро стали привлекать къ могилѣ подвижника множество посѣтителей. На могилѣ пустытника явилась часовня, въ которой, по желанію богомольцевъ, стали совершаться панихиды о погребенномъ подъ нею пустынножителѣ, и молебны соименному ему св. мученику Мардарію, память котораго совершается св. Церковію 13-го декабря.

А. Князевъ.

---

13 МАРТА

№ 11.

1871 ГОДА.

СЛОВО

ВЪ НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ И ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ
СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КИРИЛЛА, ПРОСВѢТИТЕЛЯ
СЛАВЯНЪ.

Бодрствуйте, стойте в верѣ, мужай-
тесь, утверждайтесь. 1 Кор. 16, 13.

Св. Церковь ежегодно собираетъ насъ—какъ и нынѣ собрала—на торжество православной Вѣры; въ воспоминаніе побѣды ея надъ многообразными усиліями враговъ, которые, съ самаго начала появленія христіанства на землѣ и до настоящаго времени, не переставали и не перестаютъ возмущать тишину вѣрныхъ чадъ ея. Настоящее торжество указываетъ намъ съ одной стороны—на полное безсиліе враговъ право-

славія, а съ другой выражаетъ мудрую заботливость св. Церкви о сохраненіи вѣры православной во всей ея чистотѣ. По этой заботливости, она торжественно провозглашаетъ нынѣ исповѣданіе вселенской Церкви, чтобы мы, рассмотрѣвъ свою совѣсть, узнали—сохраняется ли въ насъ во всей неприкосновенности православная вѣра, не нарушена ли цѣлость ея богопротивными о ней мудрованіями, а также богопротивною жизнію? По этой-то заботливости св. Церковь, твердо и рѣшительно отсѣкая отъ союза съ собою всѣхъ противниковъ истины православія, къ своимъ вѣрнымъ чадамъ обращается съ словомъ любви и нѣжнаго попеченія: *бодрствуйте, вѣщаетъ нынѣ намъ она словами Апостола, стойте во вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь.*

Въ самомъ дѣлѣ, братія, *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6) и слѣдовательно невозможно достигнуть вѣчнаго спасенія. *Аминь, аминь глаголю вамъ, учитъ самъ Господь, основатель православной вѣры, яко слушавъ словесе Моего и вѣруай пославшему Мя имать животъ вѣчный* (Іоан. 5, 24), и, пославъ Апостоловъ на проповѣдь Евангелія, всѣмъ народамъ, Онъ сказалъ имъ: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. 16). Безъ знанія истины небесной, безъ уразумѣнія пути царствія Божія, безъ вѣры святой, просвѣщающей и освящающей, что такое значили бы всѣ блага міра сего, да и что такое была бы и самая жизнь наша? Св. Апостоль Павелъ говоритъ о себѣ: *вмѣняю вся уметы быти, да Христа пріобрязу* (Флип. 3, 8). Для Господа Іисуса, говоритъ Апостоль, я все почитаю за ничто,—все, что міръ любить и выстѣдѣннѣ... Для Него я отказываюсь ото всего и все почитаю ничего незначущимъ; узы и скорби ждутъ меня за проповѣдь Евангелія, но я незираю ни на что и не дорожу своею жизнію (Дѣян. 20, 22—24). Какихъ скорбей, какихъ болѣзней и лишеній не претерѣли и другіе Апостолы, проповѣдуя Божественную вѣру! За вѣру Христову съ радостію шли на смерть цѣлыя сонмы мучениковъ и исповѣдниковъ; для огражденія чистоты и неприкосновенности ея,—пастыри и учителя Церкви не щадили никакихъ трудовъ; въ ней находили отраду и утѣшеніе и обрѣли вѣчное спасеніе безчисленные сонмы преподобныхъ, праведныхъ, святыхъ.

подвизавшихся въ пустыняхъ, въ горахъ, въ пещерахъ, и въ продолженіе всей жизни борющихся съ немощами плоти, самоотверженно подвергая себя всякимъ трудамъ, лишеніямъ, скорбямъ, болѣзнямъ.

Посему и мы, братія, имѣя вокругъ себя такое облако подвижниковъ вѣры и благочестія, съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ должны проходить поприще своего христіанскаго званія, должны твердо хранить Православную вѣру, какъ драгоценный даръ Божій, выше и дороже котораго ничего не можетъ быть на свѣтѣ. Православная вѣра есть тихое пристанище души, волнуемой бурей различныхъ страстей. Она безотвѣтнаго грѣшника повергаетъ въ объятія безконечнаго милосердія Божія, указывая ему на крестъ Спасителя, принявшаго на Себя грѣхи всего міра. Православная вѣра разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія о цѣли нашего земнаго странствованія, примиряетъ насъ со всѣми земными огорченіями, лишеніями, съ страданіями, съ неправдами людскими, благоустрояетъ и нашу земную жизнь, сообщая намъ вѣрный взглядъ на самихъ себя, на наши обязанности и назначеніе. Святая вѣра поэтому справедливо всегда считалась не только жизнію человѣческой души, но и силою созидающею, движущею и поддерживающею общественный бытъ людей, и охраною твердости, благосостоянія и преуспѣянія государствъ. Нужны ли для этого доказательства? Судьбы нашего отечества краснорѣчиво говорятъ о присущей Православію силѣ утверждать и охранять царства. Исторія нашего отечества, какъ всѣмъ намъ извѣстно, обильна самыми тяжелыми невзгодами; годы тяжелыхъ испытаній продолжались сотни лѣтъ, — и что же мы видимъ? Эти тяжелыя невзгоды, эти годы бѣдствій не только не ослабили нашего дорогаго отечества, но еще болѣе скрѣпили и возвысили его. Почему же? — Потому, что предки наши отличались самою глубокою вѣрою и призывъ — «за вѣру и отечество» — вдохновлялъ ихъ такимъ мужествомъ, противъ котораго ничто не могло устоять. «Православный народъ русскій!» говоритъ намъ благое Провидѣніе Божіе всѣми событіями нашей отечественной исторіи, «вѣра твоя спасаетъ тебя, крѣпись и мужайся! Пребывай твердо и неповолебимо въ праотеческой вѣрѣ и благочестіи; *въ силѣ* ~~я~~ *поучайся, въ силѣ*

пробывай (Тим. 4, 15), — и *Я врагов твоих облеку студомъ, на тебѣ же процельтея святыя Моя* (Пс. 131, 18).

Но, говоря о Православной вѣрѣ, нельзя не вспомнить о тѣхъ дѣятеляхъ, которые впервые посѣяли сѣмена православія на почвѣ нашей народности. *Ибо въра отъ слуха* (Рим. 10, 14), а слышать нельзя безъ проповѣдниковъ. Кто же были эти проповѣдники Православной вѣры? Кому обязаны мы не только отрадною надеждою вѣчнаго спасенія, но и внѣшнимъ благосостояніемъ, величіемъ и могуществомъ нашего отечества? Указать на нихъ намъ не трудно: въ настоящій день св. Церковь вмѣстѣ съ торжествомъ Православной вѣры совершаетъ нынѣ и память одного изъ такихъ богоизбранныхъ проповѣдниковъ — благодѣтелей нашихъ, именно — память св. равноапостольнаго Кирилла, просвѣтителя славянъ. Какое отрадное совпаденіе двухъ праздненствъ! Оно усугубляетъ настоящее торжество св. Церкви. Мы совершаемъ нынѣ двоявую побѣду православія: побѣду надъ многообразными ересями, которыя волновали Церковь Христову въ первые вѣка христіанства, и побѣду надъ тьмою славянскаго язычества и покушеніями латинства лишить славянъ чистоты православія. Св. Кирилль, вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Меѳодіемъ, положилъ самое твердое и прочное основаніе торжеству православія въ средѣ славянскихъ племенъ. Эта твердость и прочность основывались именно на томъ, что св. первоучители славянъ научили ихъ не только читать слово Божіе, но и *понимать* его, не только молиться, но и *находить силу и утѣшеніе* въ молитвѣ, не только сердцемъ вѣровать въ правду, но и устами *исповѣдывать* во спасеніе. Опытнo зная, что слово Божіе, какъ небесная истина, имѣетъ неотразимое вліяніе на чело-вѣка, и простыя, неспорченныя души особенно воспримчивы къ усвоенію его, лишь бы только оно коснулось сердца ихъ, — св. Кирилль и Меѳодій, покорные волѣ великаго святителя константинопольскаго — Фотія, отправляясь на проповѣдь къ славянамъ, поспѣшавъ прежде всего перевести слово Божіе и богослужебныя книги на ихъ родной языкъ, чтобы они, такъ сказать, вкусивъ сладкаго, отвернулись и не хотѣли бы горькаго. И Господь благословилъ труды св. Кирилла и Меѳодія, подъятыя ими на пользу славянъ, и сѣмя православія,

посѣянное опытными ихъ руками и орошенное молитвенными ихъ подвигами, возрасло въ величественное дерево, осѣнившее собою многіе милліоны славянскихъ братьевъ.

Что было бы съ славянскими народами, если бы не была создана для нихъ грамотность—эта могучая сила для умственного и нравственного развитія, если бы къ нимъ не явились великіе учителя—св. Кириллъ и Меодій и не было бы переведено на ихъ родной языкъ слово Божіе—этотъ свѣтъ, просвѣщающій умныя очи наши? Явилось ли бы когда-либо православіе на славянской почвѣ, если бы проповѣдники ино-вѣрные, уклонившіеся отъ вселенской правды, навязавъ имъ чуждую грамотность, заставили бы ихъ читать слово Божіе и слушать богослуженіе на непонятномъ имъ языкѣ, прида-вивъ народную жизнь, живое народное чувство? Объ этомъ мы можемъ отчасти судить по тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя имѣли несчастіе подвергнуться влиянію этихъ про-повѣдниковъ. Многія изъ нихъ забыли уже письмена и языкъ своихъ св. первоучителей, оставили даже преданную ими вѣру и богослуженіе; другіе изъ единоплеменныхъ намъ славянъ, поглощенные чуждою народностію, неизвѣстны уже и по имени, а пные, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, отрекаются отъ братскаго союза съ нами и не разъ поднимали свои брато-убійственныя руки противъ своихъ единоплеменниковъ.

Но благое Провидѣніе бодрствовало надъ славянскими на-родами и не допустило, чтобы до конца истребились въ нихъ сѣмена православія и народности. Оно уготовляло почву болѣе способную къ принятію и возвращенію этого сѣмени,—и вотъ эта почва явилась въ нашемъ отечествѣ. Слово Божіе, хри-стіанское ученіе, изложенное на языкѣ славянскомъ письме-нами св. Кирилла, переходитъ отъ одного славянскаго народа къ другому, наконецъ достигло и нашего отечества и здѣсь, приготовивъ великаго дѣятеля въ лицѣ равноапостольнаго князя Владиміра, вызвало затѣмъ цѣлый сонмъ славныхъ поборниковъ и ревнителей православія и достойныхъ преем-никовъ славянскихъ Апостоловъ. И засіяло православіе на русской землѣ яркимъ свѣтомъ: явились чудныя обители ино-вовъ, возвысились благолѣпные храмы, теплыя молитвы по-неслись къ-небу и тысячи угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ

на русской землѣ, предстали предъ престоломъ Божиимъ съ молитвеннымъ ходатайствомъ о спасеніи своихъ братьевъ и всего русскаго царства. И крѣпко было русское царство силою вѣры Православной. Раздробляемое, оно соединялось, побѣждаемое и порабоощаемое,—оно возставало и свергало иго рабства, разоряемое и сожигаемое,—оно снова созидалось, унижаемое—оно поднималось сильнымъ и могучимъ. Такова сила православія! И теперь крѣпка и непоколебима въ насъ вѣра въ великую будущность нашего отечества, дорогой намъ Россіи. Мы надѣемся и ждемъ, что свѣтъ вѣры Православной, такъ ярко озарившій нашу страну, своею теплою оживитъ снова сердца всѣхъ славянскихъ братьевъ нашихъ и снова зажжется у нихъ свѣтильникъ православія, и что придетъ время, когда мы всѣ единымъ сердцемъ и едиными устами прославимъ Бога, въ Троицѣ славимаго, и св. угодниковъ Его—великихъ славянскихъ апостоловъ—Кирилла и Меѳодія.

Уже являются предвѣстники этого желаемаго будущаго,—знаменія времени, указующія скорое наступленіе торжества православія—не только въ славянскомъ, но и во всемъ мірѣ. Пошатнулось уже многовѣковое зданіе папства; гордость мнимаго намѣстника Христова, дерзнувшаго присвоить себѣ достоинство, недоступное для смертнаго, смутила совѣсть многихъ не только пасомыхъ, но и самихъ пастырей и поставила ихъ въ глубокое раздумье. Вотъ уже и протестантизмъ начинаетъ сознавать свою несостоятельность. Широкая свобода въ дѣлахъ вѣры произвела, такъ сказать, религіозную анархію; враждебныя вѣроисповѣдныя партіи подорвали довѣріе другъ къ другу. И вотъ иновѣрцы начинаютъ прилежно изучать истины православной вѣры и установленія нашей св. Церкви, твердо стоящей на незыблемомъ основаніи; взоры и сердца многихъ иновѣрныхъ христіанъ съ любовью и надеждою обращены на нашу православную Церковь. Есть уже и немалые утѣшительные начатки обращенія въ нѣдра православія. Вотъ и нынѣ, братія, вы видѣли торжество православія въ присоединеніи нѣсколькихъ славянъ къ нашей Церкви. Кто они? Это наши братья, единоплеменные и почти—единовѣрные,—это русскіе. Но они пришли къ намъ не изъ русской земли, хотя и ихъ земля была нѣкогда русскою. Это уроженцы Га-

лиціи; которая нѣкогда называлась Червонною, или Красною Русью, землею св. Владиміра. Предки ихъ вмѣстѣ съ нашими предками въ одно время приняли Православную вѣру изъ Греціи и долго составляли часть великаго княжества Кіевскаго. Историческія обстоятельства разлучили ихъ съ нами; они сдѣлались подданными сначала Польши, потомъ Австріи. Но ни насилія гражданской власти, ни коварство папскаго клира, ни внушенія западной учености,—ничто не могло заглушить въ нихъ сознанія, что они русскіе, что братья ихъ составляютъ великую и могучую Русскую Державу, къ которой могли бы, по праву народности, принадлежать и они,—исповѣдуютъ чисто-православную вѣру, которую должны исповѣдывать и они, какъ исповѣдывали ихъ предки. И вотъ, повинувшись могучему голосу этого сознанія, многіе изъ галичанъ, или правильнѣе—червоноруссовъ, презирая всѣ препятствія и опасности, торжественно возвращаются въ лоно православія...

Возблагодаримъ, братія, Господа за Его великія милости и помолимся, чтобы Онъ и прочихъ расточенныхъ братья нашихъ привелъ въ единое стадо,—еще же и сердца враговъ нашихъ къ Себѣ обратилъ и всѣмъ народамъ и племенамъ явилъ Себя въ единой вѣрѣ, *да отъ востокъ солнца до запада, вслѣди убо языки, единымъ же сердцемъ вси языцы воскликнутъ гласомъ радованія: слава Тебѣ Богу Спасителю вслѣдъ во вѣки вѣковъ.* Аминь.

Архимандритъ Геласій.

О КЛИРѢ И ЕГО ДОЛЖНОСТЯХЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Церковь, какъ видимое общество вѣрующихъ, хотя и основана на невидимыхъ, внутреннихъ божественныхъ началахъ, должна имѣть свое устройство, какъ внѣшнюю форму внутренней жизни. Начало видимаго, внѣшняго устройства Церкви положилъ самъ основатель ея, Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Онъ самъ изъ среды Своихъ учениковъ избралъ сначала 12, а потомъ 70 Апостоловъ, для распространенія Своего ученія между народами, которыхъ Онъ пришелъ спасти и просвѣтить свѣтомъ своего божественнаго ученія. Такимъ образомъ еще во время земной жизни Иисуса Христа на землѣ, Церковь, какъ общество вѣрующихъ, раздѣлилась на двѣ части: руководителей или пастырей и руководимыхъ или пасомыхъ. Но на первыхъ порахъ, когда еще общество вѣрующихъ было невелико, когда оно ограничивалось только незначительнымъ количествомъ вѣрующихъ, руководителями ихъ были сами же Апостолы и ихъ непосредственные преемники-епископы. Но понятно, что такое простое и весьма несложное устройство Церкви не могло существовать долго. Сколько самый характеръ Церкви, столько же и внѣшнія причины должны были измѣнить этотъ порядокъ и вызвать изъ среды вѣрующихъ же другія лица, которыя должны были помогать Апостоламъ и ихъ преемникамъ въ дѣлѣ ихъ служенія на пользу вѣрующихъ, въ дѣлѣ устроенія Церкви и попеченія о ней.

Главнымъ принципомъ общества, или существенною основою тѣсной связи, какая только можетъ существовать между членами семейства, была искренняя, неподдѣльная братская любовь другъ къ другу. Эта любовь заставляла первыхъ христіанъ продавать свое имѣніе и вырученныя деньги повергать къ стопамъ Апостоловъ, чтобы изъ этихъ денегъ они давали каждому то, что ему было нужно. Такимъ образомъ скоро явились «общественныя кассы». Сначала этими кассами завѣдывали сами Апостолы. Но понятно, что такое занятіе мѣшало имъ въ отправленіи ихъ главныхъ и существенныхъ обязанностей—служенію слова, т. е. распространенію ученія Христова и созиданію Церкви. Это-то и заставило ихъ избрать себѣ помощниковъ. Въ такіе помощники избраны были «діаконы», должность которыхъ на первыхъ порахъ состояла въ томъ, чтобы распорядиться имуществомъ, принадлежавшимъ вѣрующимъ. Они назначены были для завѣдыванія хозяйственною частію общины и должны были наблюдать за правильнымъ распредѣленіемъ средствъ жизни между членами Церкви. Но и этой должности на первыхъ же порахъ оказалось недостаточно. Сначала, когда проповѣданіе слова Божія дозволено было всякому, кто

только чувствовалъ возбужденіе отъ Святаго Духа, апостолами и епископы безпрепятственно могли исполнять свое дѣло, не нуждаясь въ особыхъ помощникахъ. Но уже во времена апостоловъ начали появляться учителя, проповѣдывавшіе искаженное ученіе, почему скоро явилась нужда въ определенномъ порядкѣ проповѣди, а отсюда естественно явилась нужда и въ такихъ лицахъ, которыя раздѣлили бы съ старѣйшинами проповѣданіе слова Божія. Для этой цѣли и поставлены были пресвитеры, священники.

Такимъ образомъ уже съ самаго начала существованія Христовой Церкви въ ней являются три служебныя должности: епископа, пресвитера и діакона, извѣстныя подъ именемъ «іерархіи», или подъ общимъ названіемъ «клира». Но съ теченіемъ времени мало по малу являлась нужда въ низшихъ служебныхъ должностяхъ, иначе говоря, являлась нужда въ низшихъ клирикахъ, о которыхъ мы и намѣрены говорить теперь съ читателями.

Еще во времена Апостоловъ въ христіанскихъ общинахъ, особенно составлявшихся изъ язычниковъ, явилась необходимость избрать въ помощники діаконамъ лицъ женскаго пола, имѣвшихъ исключительное назначеніе служить лицамъ того же пола. Эта необходимость вызвана была тѣмъ строгимъ взглядомъ Церкви на нравственность ея членовъ, по которому считалось предосудительнымъ какое бы то ни было болѣе или менѣе близкое обращеніе мужчинъ съ женщинами, частію же и другими обстоятельствами. Уже съ самаго начала Церкви Христовой, вслѣдствіе воздвигнутыхъ на нее гоненій, въ ней начали появляться въ большомъ множествѣ «мученики». Любовь первенствующихъ христіанъ, особенно къ тѣмъ, которые за имя Христова претергивали мученія, заключеніе въ темницу и т. под., не позволяла этихъ послѣднихъ оставлять безъ всякаго призрѣнія и помощи. Необходимы были лица, которыя служили бы этимъ страдальцамъ. Для служенія имъ не могли быть употребляемы діаконы, сколько потому, что имъ не дозволяли другія ихъ обязанности, столько же и потому, что входъ къ мученикамъ былъ небезопасенъ для мужчинъ, тогда какъ женщины съ меньшимъ подозрѣніемъ и съ меньшею опасностію могли входить къ нимъ. Эти-то и подобныя обстоя-

тельства еще въ церкви апостольской вызвали новую служебную низшую степень, — степень діакониссы, какъ лица посредствующаго при сношеніяхъ съ женщинами и заключенными въ темницахъ христіанами и христіанками.

Но съ распространіемъ Церкви во II и III вѣкахъ должно было еще болѣе увеличиться число служебныхъ лицъ въ ней. Это само собою понятно. Когда Церковь ограничивалась небольшимъ числомъ вѣрующихъ и между самими вѣрующими не было никакого различія, тогда и самыя церковныя должности были немногосложны, такъ что для исполненія ихъ совершенно достаточно было и тѣхъ немногихъ лицъ клира, которыя существовали въ I вѣкѣ. Бингамъ говоритъ, что всѣ низшія должности, которыя въ послѣдствіи времени лежали на обязанностяхъ низшихъ клириковъ, вначалѣ отправлялись діаконами (1). И въ этомъ нельзя не вѣрить Бингаму, потому что объ этомъ говорятъ и свидѣтельства древнихъ. Епифаній говоритъ, что вначалѣ всѣ церковныя должности были отправляемы епископами, пресвитерами и діаконами (2) и потому замѣчаетъ, что никакая церковь не можетъ быть безъ діакона. Игнатій Богоносецъ ничего не говоритъ о существованіи въ его время низшихъ клириковъ, кромѣ діакониссъ, тогда какъ прямо говоритъ, что безъ епископа, пресвитера и діакона Церковь не можетъ быть названа Церковью (3). У древнихъ писателей мы неоднократно находимъ указаніе на то, что должность чтеца исправляли пресвитеры и діаконы. Когда же Церковь мало по малу начала распространять свои предѣлы, число вѣрующихъ стало увеличиваться, а должность епископовъ, пресвитеровъ и діаконівъ такимъ образомъ усложняться, явилась сама собою потребность увеличить число помощниковъ или низшихъ клириковъ, которые отправляли бы низшія должности. Съ распространіемъ Церкви явились оглашенные, кающіеся и другіе, кото-

---

(1) Bingham. tom I. lib. II. c. XX. § XV. p. 329. (edit. secunda Halae Magd. 1751).

(2) Eriph. haeres. LXXV. Arian. n. V.

(3) Посланіе Игнатія къ Траллианамъ.

рымъ запрещалось присутствовать при совершеиі таинства евхаристіи и за которыми нужно было поэтому смотрѣть, чтобы они не нарушили порядка и не присоединились какъ-нибудь къ вѣрнымъ, присутствовавшимъ при совершеиі евхаристіи. Сначала эту должность отправляли діаконы, но когда это для нихъ было невозможно, Церковь учредила должность уподіаконовъ для отправленія этой обязанности, къ которой, какъ покажемъ въ своемъ мѣстѣ, присоединены были и другія. Такимъ же точно образомъ должны были явиться и другія должности клириковъ, извѣстныя въ первые три вѣка христіанской Церкви.

Но кромѣ этой общей причины усложненія обязанностей епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, были и другія, болѣе частныя, причины, породившія низшій клиръ въ разсматриваемое нами время. Одною изъ таковыхъ причинъ было положеніе Церкви среди общества. Мы разумѣемъ то бѣдственное состояніе ея, въ которомъ она находилась въ это время, будучи гонима не только со стороны іудеевъ, но — и особенно со стороны язычниковъ—римскихъ императоровъ. Находясь въ такомъ бѣдственномъ состояніи, Церковь рядомъ почти непрерывныхъ гоненій естественно должна была придти къ признанію необходимости большаго порядка въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и прочной внутренней организаціи. Бѣдствія Церкви со стороны гонителей ея были причиною учрежденія въ ней одной особенной должности, именно должности «придверника», который долженъ былъ стоять во время богослуженія при дверяхъ храма, затѣмъ, чтобы давать знакъ собравшимся христіанамъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія со стороны гонителей.

На умноженіе клира не малое вліяніе имѣли также и ереси, появившіяся еще во времена Апостоловъ и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разраставшіяся. Возраставшія ереси естественно должны были указать Церкви на опасность потерять чистоту и правоту ея ученія. Вслѣдствіе этого Церковь естественно должна была придти къ необходимости, сколько можно, оградить себя отъ этой опасности. И вотъ стремленіе къ этому на первыхъ порахъ выражается въ томъ,

что она старается сосредоточить отправленіе церковныхъ обязанностей, какъ при богослуженіи, такъ и внѣ его, въ рукахъ извѣстныхъ лицъ, которыхъ она сама избирала изъ среды вѣрующихъ съ строгимъ испытаніемъ. Такъ, для чтенія священныхъ книгъ и пѣнія священныхъ пѣсней, которыя вначалѣ были предоставлены всѣмъ вѣрующимъ, она учредила особенныя должности «чтеца» и «пѣвца». Кромѣ того, мы знаемъ, что, когда Церковь широко распространила свои предѣлы и предстоятелямъ отдѣльныхъ церквей нельзя было лично вести между собою переговоры по дѣламъ церковнымъ, а приходилось переписываться, то, во избѣжаніе всякихъ, могущихъ случиться, опасностей со стороны ли язычниковъ, а скорѣй всего со стороны еретиковъ, для передачи писемъ они употребляли клириковъ. Для этой цѣли они иногда нарочно поставляли новыхъ клириковъ, хотя бы для отправленія другихъ обязанностей, принадлежащихъ извѣстному чину клириковъ, ихъ было совершенно достаточно. Примѣръ этого мы видимъ въ Киприанѣ, который нарочно для этой цѣли посвятилъ новыхъ двухъ клириковъ—уподіакона и чтеца.

Необходимость отдѣленія клира отъ народа коренилась въ потребности Церкви къ организаціи. Эту потребность новое общество необходимо должно было чувствовать уже въ самомъ началѣ своего существованія, по мѣрѣ того, какъ братство это, если можно такъ выразиться, внутреннѣйшая сущность христіанскаго общества, стремилось къ опредѣленному выраженію, къ формѣ, въ которой оно могло бы правильно развиться. Эта-то потребность, жившая сначала въ отдѣльныхъ личностяхъ и потому дѣйствовавшая только по мѣстамъ, впоследствии направилась къ образованію опредѣленнаго, въ собственномъ смыслѣ церковнаго или «духовнаго» общества,—клира, въ рукахъ котораго находилось бы и все церковное управленіе.

Такимъ образомъ клиръ, съ самаго начала, отдѣлялся отъ остальнаго общества Церкви. Внутренняя способность принадлежать къ клиру лежала въ особыхъ дарахъ Св. Духа. Внѣшнее же отличіе клира отъ народа состояло въ *поставленіи*, которое означаетъ производство или посвященіе избранныхъ лицъ въ разныя степени духовнаго сана, при чемъ

важнѣйшее дѣйствіе есть «рукоположеніе», какъ внѣшній знакъ призванія или принятія въ клиръ. Посвящающій возлагалъ руки на главу посвящаемого и, въ молитвѣ испрашивая ему благодать Святаго Духа, силою и дѣйствіемъ ея утверждалъ и провозглашалъ избраннаго въ назначенной ему степени священнослуженія (1).

Но отличаясь отъ народа, степени клира вообще въ то же время различались и между собою. Отличіе это заключается въ слѣдующемъ. Рукоположеніе однихъ въ церковныхъ правилахъ называется греческимъ словомъ *χρητονικ* и означаетъ не только начальственное утвержденіе избраннаго лица въ священномъ званіи, но и таинственное преподаваніе ему особенныхъ даровъ благодати, какъ освящающихъ самую степень служенія его, такъ и собственыя немощи его врачующихъ и недостатки восполняющихъ. Рукоположеніе же другихъ называется словомъ *χρηδεσια*, которымъ выражается только одно начальственное утвержденіе въ церковной должности съ молитвою и благословеніемъ. Отсюда-то Василій Великій первую должность называетъ степенью, а вторую низшимъ служеніемъ (2). Мы называемъ первыхъ высшимъ клиромъ, а вторыхъ низшимъ, или просто клиромъ. Историкъ Сократъ (3) называетъ первыхъ *освященными* въ преимущественномъ смыслѣ (*ιερωμένοι*), а Діонисій Ареопагитъ для означенія должностей высшаго клира, къ которому онъ причисляетъ только епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, употребляетъ названіе *ιεραρχιαι* (4). Большое различіе находится и въ самыхъ должностяхъ ихъ. Должности высшаго клира состояли въ служеніи Богу, совершеніи таинствъ, въ проповѣданіи слова Божія въ

(1) S. Dionys. Areopag. de eccles. Hierarchia. Symeon Thess. cap. 156. Zonar. ad can. I. Apostol. См. Опытъ курса церковныхъ законовъ архим. Іоанна.

(2) Basil. M. ep. canon. LI.

(3) Socrat. lib. I c. XI и XV.

(4) Объ этомъ весьма подробно говоритъ знаменитый сорбонскій ученый Францискъ Галлеръ въ своемъ сочиненіи «Hierarchiae ecclesiasticae defensio» (lib. I. c. III. lib. III. c. I и II.).

церкви и под. Напротивъ, низшіе клирики не могли отправлять ни одной изъ этихъ должностей; они должны были только помогать высшимъ служителямъ церкви при богослуженіи и отправлять нѣкоторыя менѣе важныя и обыкновенныя должности, которыя могъ отправлять всякій христіанинъ по благословенію епископа.

(Продолженіе впрѣдъ).

РѢЧЬ

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ СУНОДУ,

СКАЗАННАЯ

АРХИМАНДРИТОМЪ ЕФРЕМОМЪ,

ПРИ НАРЕЧЕНІИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА БЕРЕЗОВСКАГО,

ВИКАРІЯ ТОВОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ,

4 МАРТА 1871 ГОДА.

Ваше Святѣйшество,

Милостивые архипастыри и Отцы!

Угрюма и непривѣтлива страна, куда, по избранію и опредѣленію Вашего Святѣйшества, съ соизволенія Благочестивѣйшаго Государя Императора, предлежитъ мнѣ отправиться, по принятіи благодати архіерейства, на помощь маститому архипастырю тобольской епархіи! Положеніе этой, многолюдной и раскинутой на большомъ пространствѣ, паствы до того затруднительно, что побудило его признать необходимымъ имѣть у себя *сотрудника* (Кол. 1, 7), который подъ его главнымъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ раздѣлялъ бы, съ нимъ бремя пастырскаго служенія.

Вотъ наиболѣе выдающіяся обстоятельства, которыя увеличиваютъ трудность этого служенія! сѣверъ тобольскаго края, какъ извѣстно, объятъ тѣмною идолопоклонства, омрачающею значительное число обитающихъ тамъ инородцевъ-остяковъ, вогуловъ, самоѣдовъ; каждый изъ нихъ и до сихъ поръ, подобно древнимъ язычникамъ, говоритъ дереву: *ты мой отецъ*, и камню: *ты родилъ меня* (Іер. 2, 27), и затѣмъ, повергаясь предъ бездушнымъ истуканомъ, онъ молится ему: *защити меня, ибо ты богъ мой!* (Ис. 44, 17). Какое жалкое и пагубное состояніе этихъ людей! Не должно ли оно сокрушать сердце христіанскаго архипастыря? Не долженъ ли онъ приложить съ своей стороны все стараніе, чтобы этимъ слѣпцамъ открыть духовныя очи, да *обратятся они отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатаны къ Богу* (Дѣян. 26, 18)? А легкое ли дѣло сообщить и усвоить дикарю, едва знакомому съ первыми житейскими потребностями, высокое и непостижимое ученіе христіанской вѣры? О, здѣсь именно *жатва многа, а дѣлателей мало!*

На южномъ предѣлѣ тобольской области, между многочисленными обитателями ея, хотя нѣтъ такой религіозной тмы, но нѣтъ и настоящаго свѣта, а только тускло мерцаетъ нѣкоторый полусвѣтъ, какъ бы онъ исходилъ отъ луны, при полномъ ея затмѣніи; разумѣю племена, поддавшіяся прелести магометовой! Для этихъ послѣдователей аравійскаго лже-пророка потребно истинно-*пророческое слово*, послѣдуя за которымъ, какъ за свѣтильникомъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ, они достигли бы полнаго озаренія свѣтомъ Христовымъ (2 Петр. 1, 19). А на комъ болѣе всего лежитъ нравственный долгъ разсѣять здѣсь мглу этой прелести магометовой и внести въ полу-темную среду свѣтъ Христовъ, какъ не на ангелѣ Церкви тобольской? Но много-вѣковый опытъ греческой и нашей отечественной Церкви показалъ, какъ упорно алкоранъ противится Евангелію и Кресту Христову, и слѣдовательно, какія напряженныя усилія должны быть употреблены на то, чтобы преодолѣть это противоборство!

Не говорю о домашнихъ, такъ сказать, противникахъ и отщепенцахъ св. Церкви; умалчиваю и о другихъ общеизвѣстныхъ трудностяхъ пастырскаго служенія—вообще, предъ которыми отступали иногда и самыя первыя знаменитости

Христіанской Церкви. Удивительно ли послѣ этого, что архипастырь тобольской взываетъ о помощи? И для этой-то помощи Ваше Святѣйшество назначаете мое недостойнство!

Принимая безпрекословно, съ полною поворностію и благодарностію, такое назначеніе, тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, что какъ ни привыкъ я къ разнымъ лишеніямъ и терпѣнію, во время тридцатилѣтней моей службы—все по юго-и сѣверо-западнымъ окраинамъ нашего обширнаго отечества; но при мысли о предстоящемъ мнѣ новомъ служеніи на отдаленной сѣверовосточной окраинѣ, и притомъ въ санѣ епископскомъ, меня беретъ раздумье: гдѣ мнѣ взять силъ, чтобы сколько-нибудь соответствовать высотѣ и труднымъ обязанностямъ такого званія?..

Возведохъ очи мои въ горы, отглаголюже да придетъ помощь моя (Псал. 120, 1).

Ваше Святѣйшество! Покрывши любовью мои недостатки и немощи, которые и всегда, а въ настоящія минуты въ особенности, присущи моему сознанію, довершите, молю, начатое дѣло и *изведите честное отъ недостойнаго*, да будете, по слову Пророка, *яко уста Божіи* (Иер. 15, 19). Вознесите свои молитвы ко Господу силъ, да *препошлетъ мя силою свыше* въ таинственномъ священнодѣйствіи, чтобъ я возмогъ въ *крѣпости той* благонадежно идти и исполнить святую волю Его и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать высокое довѣріе Державнаго Помазанника Его и избраніе Вашего Святѣйшества.

СЛОВО ВЪ НЕДЕЛЮ ВАИЙ.

Чесо ради муро сіе не продано
бысть на трехъ стѣхъ пѣнязъ, и дано
нищимъ (Іоан. 12, 7)?

Сколько, повидимому, горячей любви и нѣжнаго состраданія заключается въ этихъ заботливыхъ словахъ одного изъ учениковъ Господа! Какая доброта, какое вниманіе къ положенію несчастныхъ!

На вечери, въ дому Симона проваженнаго, вслѣдъ за воскресеніемъ Лазаря, въ восторгѣ сердечной радости за такое великое благодѣяніе, благодарная сестра его Марія возливаетъ на голову Спасителя драгоцѣнное муро. Но этотъ порывъ

благодарной любви не во всѣхъ сердцахъ встрѣтилъ сочувствіе. Одного изъ учениковъ Спасителя—Иуду такая потеря драгоценнаго мѣра прямо поразила скорбію. Ему показалось, что эта трата есть посягательство на его собственность. Надежда воспользоваться частію цѣны,—въ случаѣ, еслибы мѣро было продано и раздача денегъ бѣднымъ была предоставлена ему,—эта обманутая надежда заставила Иуду громко выразить свое неудовольствіе о такой тратѣ. Съ Иудею раздѣляли сожалѣніе о потерѣ дорогаго мѣра и другіе ученики Господа. Но скорбь послѣднихъ, хотя и была ошибочна, происходила изъ другаго источника—изъ искренней любви къ ближнему и изъ сердечнаго участія къ бѣдственному положенію страждущихъ. Замѣчанія и пересуды близкихъ къ Спасителю учениковъ о поступкѣ Маріи, какова бы ни была цѣль этихъ замѣчаній, не могли не смутить пламенно любившей Господа Маріи. «Что, если въ самомъ дѣлѣ она поступила неблаго-разумно? Что, если она напрасно погубила такое сокровище, котораго достаточно было бы на многихъ бѣдныхъ, попеченіе о которыхъ Спасителя ей хорошо было извѣстно?» Но Господь разрѣшилъ недоумѣніе Маріи. Одобривъ ея поступокъ, какъ выраженіе горячей любви, хотя и безсознательно и прежде-временно совершившей обрядъ погребенія, Господь далъ свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ этой жертвы Маріи, сказавъ, что о такомъ поступкѣ ея будетъ проповѣдано вездѣ, гдѣ распространится Евангеліе.

Неосновательное сужденіе о поступкѣ ближняго и неправильное осужденіе его бывають и въ наше время. И не всегда простодушіе или непониманіе дѣла служатъ источникомъ несправедливаго взгляда на вещи; бывають побужденія болѣе предосудительныя, когда злонамѣренность, прикрытая видомъ услужливости и попеченія объ общемъ благѣ, старается представить поступки другихъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Зависть, корысть, честолюбіе и другія страсти и пороки изощряють языкъ злорѣчиваго для униженія ближняго. Нѣтъ добродѣтели, которая бы, въ устахъ злорѣчиваго, не приняла пнаго вида, подобно тому, какъ въ испорченномъ зеркалѣ вещи самыя красивыя отражаются въ искаженномъ видѣ, или какъ самое вкусное питье портится и теряетъ пріятный вкусъ въ

гниломъ и нечистомъ сосудѣ. Будешь ли набоженъ и благочестивъ,—тебя назовутъ лицемѣромъ; будешь ли справедливъ и честенъ въ поступкахъ, недоступенъ лжи и обману,—тебя назовутъ упрямымъ. Если не будешь равнодушно относиться къ вѣрѣ и съ горячностью будешь высказывать свои убѣжденія, не раболѣбствуя предъ чуждыми Церкви авторитетами, прослывешь фанатикомъ. Помогашъ бѣднымъ,—скажутъ, что ты тщеславенъ. Избѣгаешъ мірскихъ удовольствій, любишь уединеніе? Назовутъ человѣконенавистникомъ. Терпѣніе назовутъ безчувственностію, бережливость—скупостію, почтительность къ старшимъ—низкопоклонничествомъ, вѣжливость со всѣми—ласкательствомъ, строгость—грубостію. Нѣтъ ни званія, ни состоянія, ни мѣста, ни убѣжища, которыя могли бы предохранить поступки людей самыхъ чистыхъ и благонамѣренныхъ отъ превратнаго толкованія и клеветы. Самыя чистыя намѣренія нерѣдко представляютъ въ ложномъ свѣтѣ; самое честное дѣло объяснить низкими побужденіями. Убѣжище благочестія отъ соблазновъ міра, повидимому, менѣе другихъ могло бы быть доступно для клеветы; но клевета проникаетъ и въ мирныя обители иноковъ, свободныя отъ молвы житейской. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нерѣдкихъ случаяхъ поступки частныхъ лицъ каждаго изъ сословій и состояній стоятъ на реваня. Но ставить въ вину цѣлому сословию виновность одного или нѣсколькихъ его членовъ—въ высшей степени неразумительно. Впрочемъ, обыкновенно не черное чернятъ,—на черномъ и большія пятна не очень примѣтны, а чаще стараются очернить и запятнать бѣлсе, на которомъ и маленькія пятна бываютъ видны. Не нападаютъ на того, кто самъ падаетъ или стоитъ низко въ общественномъ мнѣніи; но нападаютъ на тѣхъ, которые пользуются въ обществѣ наибольшимъ уваженіемъ; подмѣчаютъ недостатки и слабости въ тѣхъ, которые извѣстны неукоризненною жизнью и заслуживаютъ уваженія по своему сану, возрасту и состоянію. Въ жизни Іисуса Христа мы видимъ съ наибольшою ясностью, что чѣмъ выше проявлялись и очевиднѣе для всѣхъ дѣлались Его благость и милосердіе, могущество и слава, тѣмъ сильнѣе возрастала и злоба Его враговъ. Воскресеніе Лазаря было послѣднимъ и самымъ очевиднымъ проявленіемъ Его Боже-

ственной власти и могущества, а торжественный входъ въ Иерусалимъ невольною данью благоговѣнія къ Царю кроткому и спасающему. И что же мы видимъ за тѣмъ? Злоба враговъ была возбуждена этими событіями до высшей степени: положено было на совѣтъ іудейскомъ погубить Господа. И вотъ, за торжественнымъ шествіемъ Господа въ Иерусалимъ, послѣдуетъ, чрезъ короткое время, печальное шествіе Его изъ Иерусалима къ Голгоу. Радостныя привѣтствія народа Господу, како Царю, превратятся въ яростныя вопли: *возьми, возьми, распни Его*, а ваія на пути—въ терновой вѣнецъ на Его главѣ!

Что можетъ быть печальнѣе этого непостоянства людскаго, такой рѣзкой измѣнчивости чувствъ и мыслей народныхъ? Чѣмъ объяснить такую быструю перемѣну въ расположеніи народа къ Тому, отъ котораго Онъ, во все продолженіе Его земной жизни, ничего не видѣлъ, кромѣ ежедневныхъ благодѣяній, наставленій въ истинѣ и добрѣ, утѣшеній въ скорби и печали, и горячую любовь къ которому самъ народъ готовъ былъ еще недавно выразить провозглашеніемъ Его своимъ Царемъ (Іоан. 6, 15)? *Архіереи и старцы напустиша народы* (Матѣ. 27, 20), говоритъ Евангелистъ; они измѣнили расположеніе народа къ Иисусу Христу, и, вмѣсто любви, возбудили къ Нему ненависть. Ослѣпленные завистію вожди народа еврейскаго всѣ благодѣтельныя дѣйствія Спасителя представили въ ложномъ свѣтѣ. Предъ римскимъ правительствомъ они обвиняли Иисуса Христа, будто Онъ возмущалъ народъ, запрещая платить подать кесарю; а предъ народомъ обвиняли Его въ преданности и сочувствіи римскому правительству и нерадѣніи о пользѣ своего народа. Злоба слѣпа; она неразборчива въ средствахъ; въ этихъ, взаимно уничтожающихъ себя, показаніяхъ она не видитъ противорѣчія. Любовь Иисуса Христа къ бѣдствующимъ враги Его называли лестію, ласкательствомъ; силу чудесъ приписывали власти злыхъ духовъ; къ именамъ Мессіи и Сына Божія, которыя Онъ усвоилъ Себѣ, начальники успѣли внушить фанатическую ненависть, представивъ усвоеніе Имъ этихъ именъ, какъ богохульство. И вотъ несчастный народъ, подъ вліяніемъ своихъ вождей, забывъ и всѣ благодѣянія Мессіи и недавніе восторги сердеч-

ной радости, при встрѣчѣ Его на пути въ Иерусалимъ, въ изступленномъ жесточеніи произносить проклятiе на себя и своихъ потомковъ: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15); *кровь Его на насъ и на чадъхъ нашихъ* (Мате. 27, 25).

Возможны ли подобныя увлеченія страсти въ настоящее время всеобщаго просвѣщенія и усиленной умственной дѣятельности? Не будемъ обвинять народа іудейскаго въ Его несчастномъ ослѣвленіи болѣе, чѣмъ обвинилъ его Господь. Іудеевъ извиняло отчасти ихъ невѣдѣніе того, что они дѣлали и кого распинали. *Отче, отпусти имъ; не вѣдѣютъ бо, что творятъ* (Луки 23, 34),—это первыя слова Господа со креста, и Апостоль Павелъ сказалъ объ нихъ: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Мы не можемъ съ полною увѣренностію сказать, что одни только іудеи, пригвоздившіе Иисуса Христа ко кресту, способны были совершить такое злодѣяніе. Современные Спасителю іудеи не были ни безбожнѣе, ни безчеловѣчнѣе многихъ другихъ людей, которые, однакожь, несовершили подобнаго преступленія. Объ нихъ можно сказать то же, что сказалъ Спаситель о галилеянахъ, погибшихъ жестокою смертію: *мните ли, яко галилеяне сіи грѣшнѣйшии паче всѣхъ галилеянъ бяху* (Луки 13, 2)?

Возможность какъбы снова распинать Иисуса Христа (Евр. 6, 6) продолжается и нынѣ. Правда, видимо Его нѣтъ между нами; но на землѣ существуетъ Его святая Церковь, которую Онъ одушевляетъ Духомъ Святымъ: Онъ пребываетъ на землѣ въ лицѣ пастырей Церкви, которые, распространеніемъ Его ученія и подаваніемъ даровъ Св. Духа въ установленныхъ Имъ таинствахъ, продолжаютъ дѣло спасенія людей; Онъ приходитъ къ намъ въ лицѣ многихъ братій нашихъ, бѣдствующихъ и нуждающихся, скорбящихъ и озлобленныхъ, просящихъ нашей помощи. Враги Спасителя дѣлаются врагами и Его представителей на землѣ. Разница въ томъ, что о прежнихъ врагахъ Христовыхъ можно было сказать, что *они не вѣдали, что творили*, и, преслѣдуя учениковъ Иисуса Христа, думали *службу приносить Богу* (Іоан. 16, 2), тогда какъ нынѣшніе враги Его едва-ли имѣютъ подобную мысль, и нерѣдко явно и прямо возстаютъ на Церковь Христову именно потому,

что она, какъ учрежденіе Божественное, служить преградою ихъ преступнымъ, разрушительнымъ замысламъ.

Кромѣ враговъ явныхъ, которые открыто враждуютъ противъ Иисуса Христа и Его Церкви, есть враги тайные, домашніе, подобно тому, какъ между двѣнадцатью Апостолами одинъ перешелъ на сторону Его враговъ и сдѣлался предателемъ. Эти тайные враги Христовы тѣ изъ насъ, братія, которые больше по наружности, чѣмъ по духу, соблюдаютъ болѣе или менѣе правила и уставы Церкви, — всѣ тѣ, которые во время ея торжества вѣруютъ, а во время напасти отпадаютъ (Луки 8, 13), — которые на словахъ высказываютъ ей свою преданность, а на дѣлѣ остаются равнодушными и холодными къ ея нуждамъ и скорбямъ; всѣ тѣ, которые становятся подъ ея хоругвь и показываютъ знаки мужества и силы во дни ея мира и славы, а во время брани страдаютъ самаго вида враговъ, и, не рѣшаясь на борьбу и не испытавъ въ ней своихъ силъ, обращаются въ бѣгство; — которые называются вѣрными и православными ея сынами, а на дѣлѣ безчестятъ ее своими пороками. Если наша жизнь дастъ поводъ невѣрующимъ сомнѣваться въ святость самой Церкви, если мы *преступленіемъ закона Бога безчестуемъ* и потому *имя Божіе нами хулится во языцехъ* (Римл. 2, 23. 24); то можемъ ли со всею искренностію сказать, что мы не на сторонѣ враговъ Иисуса Христа и Его Церкви, и что мы не распинаемъ Его снова въ глазахъ міра? И Богъ знаетъ, кто больше приноситъ вреда Церкви, — явные ли враги, отъ которыхъ во всякое время можно остеречься, или тайные, которые, подобно тли и ржавчинѣ, разъѣдаютъ невидимо и непримѣтно внутренній ея составъ! Богъ знаетъ, кто больше виновенъ въ распятіи Сына Божія на крестѣ, — лицемѣрные ли іуды, притворнымъ состраданіемъ къ бѣднымъ прикрывающіе корыстолюбивый свой нравъ, и дружескимъ цѣлованіемъ предающіе своего учителя и Господа, — или каіафы и пилаты, явно и прямо возстающіе и преслѣдующіе Христа?

Если когда требовалась наибольшая осторожность въ распознаваніи друзей и враговъ св. Церкви, то особенно въ настоящее время наиболѣе свободнаго сѣянія. Надобно беречься, чтобы врагъ не посѣялъ на нивахъ нашихъ сердецъ плевель,

вмѣсто пшеницы. А врагъ лукавъ: чтобы обмануть простодушныхъ, онъ преобразуется въ Ангела свѣтла, и нерѣдко, подобно Іудѣ, успѣвшему во время вечери у Симона прокаженного обмануть довѣрчивыхъ учениковъ своею лицемѣрною добротою,—удовляетъ въ свои сѣти неопытныхъ.

И такъ, братія, *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь* (Кор. 16, 13); *возмогайте во Господь и въ державу крѣпости Его* (Ефес. 6, 10); *не всякому духу вѣруйте, но испытайте духи, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1), потому что нерѣдко и волки хщные приходятъ въ одеждахъ овчихъ.

Принимали ли, или только готовимся принять въ себя Христа Спасителя въ грядущіе дни, посвященные воспоминанію Его страданій и смерти,—соединиться съ Нимъ болѣе тѣснымъ и существеннымъ образомъ, чѣмъ удостоились въ свое время лучшіе изъ евреевъ и отроковъ еврейскихъ въ празднуемый нынѣ торжественный день входа Его въ Іерусалимъ,—во всякомъ случаѣ постараемся сохранить навсегда неразрывнымъ союзъ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, до того дня, когда удостоимся *истѣе Его причащатися въ невечернемъ дни царствія Его*. Аминь.

Протоіерей Василій Покровскій.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Той язвень бысть за грѣхи наша,
и мучень бысть за беззаконія наша;
наказаніе мира нашего на Немъ,
язвою Его мы исцѣлѣхомъ. Исая
53, 5.

При взглядѣ на образъ небеснаго страдальца, лежащаго во гробѣ, чье сердце останется холодно къ Его страданіямъ и смерти? Чей глазъ не оросится горькою слезою при мысли, что Онъ пострадалъ и умеръ за наши грѣхи? Мы согрѣшили

и должны были понести наказаніе за грѣхъ, а Онъ, изъ любви къ намъ, претерпѣлъ это наказаніе за всѣхъ насъ. Мы подверглись проклятію за грѣхъ, а Онъ, по безконечному чело-вѣколюбію, принялъ на себя это проклятіе. Мы осуждены были за грѣхъ на смерть, а Онъ, по своему неизреченному милосердію, принялъ наше естество, сдѣлался чело-вѣкомъ, чтобы понести за насъ эту смерть, и какую смерть?—Самую позорную, смерть крестную, на которую съ ужасомъ взирали даже язычники. Этою великою жертвою Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ вполнѣ удовлетворилъ правосудію Божію, осудившему насъ за грѣхъ на смерть, примирилъ прогнѣваннаго Бога съ согрѣшившимъ чело-вѣкомъ и возвратилъ намъ потерянное блаженствѣ.

Итакъ, христіанинъ, смотря на образъ твоего Искупителя, лежащаго во гробѣ, помни, что Онъ принесъ за тебя величайшую, очистительную и умиловительную жертву Богу Отцу, такую жертву, которой никто не могъ принести Ему не только изъ чело-вѣковъ, но даже изъ Ангеловъ. Никогда не забывай этой великой заслуги и всегда съ благоговѣніемъ повергайся ницъ предъ гробомъ твоего Искупителя. Посмотри на эту окровавленную главу, увѣчанную терніемъ,—черезъ этотъ терновый вѣнецъ ты нѣкогда получишь вѣнецъ нетлѣ-нія. Посмотри на эти руки съ ранами отъ гвоздей: онѣ, бывъ распростерты на крестѣ, отверзли тебѣ врата небснаго цар-ствія. Взгляни на это прободенное ребро: изъ него истекла кровь и вода, которая утоляетъ твою духовную жажду. По-смотри на это изможденное тѣло, въ которомъ нѣтъ ни вида, ни доброты,—оно питаетъ и укрѣпляетъ твою душу въ Таин-ствѣ Причащенія. Посмотри наконецъ на этотъ тѣсный гробъ, заключающій въ себѣ Божественнаго мертвеца,—отсюда воз-никла для тебя жизнь новая, блаженная. Онъ возсталъ изъ гроба, и своимъ воскресеніемъ положилъ начало и нашему блаженному воскресенію. Онъ воскресъ изъ мертвыхъ,—и мы воскреснемъ.

Вотъ какъ спасительны для насъ страданія и смерть Иисуса Христа! Человѣкъ чрезъ нарушеніе заповѣди Божіей удалился отъ Бога;—Сынъ Божій Своєю смертію снова при-велъ Его къ Богу. Богъ проклялъ законопреступника, а Сынъ

Божій Своею смертію уничтожилъ это проклятіе. Богъ осудилъ нарушителя своей заповѣди на вѣчную погибель, а Сынъ Божій своими страданіями и смертію даровалъ ему вѣчное спасеніе и блаженство. О, безконечное милосердіе Божіе! О, неизреченная Его благодать! Кто дастъ очамъ моимъ источникъ слезъ, да плачу день и ночь надъ гробомъ моего Господа?

Но, христіанинъ, никогда не забывай и того, что страданія и смерть Иисуса Христа тогда только бываютъ спасительны для тебя, когда ты самъ будешь участвовать въ нихъ. Какъ же это, спросишь ты? Какъ мы можемъ участвовать въ страденіяхъ и смерти нашего Спасителя? Уже ли и мы должны взойти на крестъ и умереть съ Нимъ? А почему же и не такъ? Много христіанскихъ мучениковъ кончило жизнь такою позорною смертію. Но ты можешь участвовать въ страданіяхъ и смерти Иисуса Христа, и не умирая на крестѣ. Какимъ же образомъ? А вотъ какъ: когда ты подвергаешься разнымъ мученіямъ за имя Христово, ты участвуешь въ страданіяхъ Христовыхъ. Когда ты терпишь поношенія, гоненія, бѣдствія за Вѣру Христову, ты участвуешь въ страданіяхъ Христовыхъ. Когда ты достойно причащаешься Тѣла и Крови Христовой, ты участвуешь въ страданіяхъ Христовыхъ. Когда ты распинаешь плоть свою съ ея страстями и похотями, ты также участвуешь въ страданіяхъ Христовыхъ.

Но ты, можетъ быть, спросишь: какъ мы можемъ распинать свою плоть съ ея страстями и похотями?—Когда будемъ воздерживаться отъ страстей и похотей и станемъ дѣлать дѣла имъ противныя. Напримѣръ: у тебя есть врагъ, который ненавидитъ тебя и дѣлаетъ тебѣ зло. Ты раздраженъ противъ него; гнѣвъ побуждаетъ тебя злословить врага и платить ему зломъ за зло; но ты противишься этому преступному желанію и, вспоминая, какъ Иисусъ Христосъ, вися на крестѣ, молился за своихъ враговъ, и ты молишься за своего врага, и такимъ образомъ распинаешь страсть гнѣва.

Участвуя такимъ образомъ въ страданіяхъ Христовыхъ, ты будешь участникомъ и въ заслугахъ Христовыхъ и сдѣлаешься наслѣдникомъ царствія Христова и жизни вѣчной. Аминь.

Протоіерей Александръ Орловъ.

О КЛИРѢ И ЕГО ДОЛЖНОСТЯХЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе).

Было ли въ древней Церкви въ первые три вѣка опредѣлено число низшихъ клириковъ,—неизвѣстно, хотя римская церковь, основываясь на свидѣтельствѣ Баронія и тридентійскаго собора, насчитываетъ въ первобытной Церкви *пять* низшихъ степеней, именно: *иподіаконовъ, аколуюовъ, заклинателей, чтецовъ* и *придверниковъ*. Обращаясь къ писателямъ того времени, мы находимъ, что одни изъ нихъ насчитываютъ больше пяти, а другіе меньше. Такъ, св. Игнатій Богоносець въ письмѣ къ антиохійцамъ, кромѣ діаконовъ и аколуюовъ, насчитываетъ шесть, именно: *иподіаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ, придверниковъ, писцовъ* и *заклинателей*. Въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» говорится только о пяти: о *діаконовъ, иподіаконовъ, чтецахъ, пѣвцахъ* и *придверникахъ*. О *писцахъ* же и *аколуюахъ* совсѣмъ не упоминается. О *заклинателяхъ* хотя и говорится, но изъ того, что тамъ заповѣдуются не посвящать ихъ, можно заключить, что они не принадлежали къ клиру. Въ «Правилахъ Апостольскихъ» говорится только объ *иподіаконовъ, чтецахъ* и *пѣвцахъ*. Епифаній ничего не говоритъ объ *аколуюахъ*, но за то упоминаетъ о *писцахъ* и *толкователяхъ*. Нужно полагать, что нѣкоторые изъ нихъ не принадлежали къ клиру въ это время, хотя и упоминаются на ряду съ тѣми лицами, которыя, какъ мы увидимъ, дѣйствительно принадлежали къ нему.

Точно такъ же трудно опредѣлить, когда именно образовался или организовался чинъ низшихъ клириковъ, какъ отдѣльный отъ всего общества вѣрующіихъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ изслѣдователей этого времени говорятъ, что всѣ должности низшихъ клириковъ, извѣстныя въ первые три вѣка христіанской Церкви, учреждены еще во времена апостоль-

скія (1); другіе, напротивъ, думаютъ, что во времена апостольскія учреждены только весьма немногія изъ нихъ (2). Когда именно и какая должность получила свое начало, объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, когда будемъ говорить о каждой должности отдѣльно. Теперь же мы должны только сказать, что въ III вѣкѣ клиръ существовалъ уже какъ нѣчто отличное и отъ іерархіи и отъ народа. На это мы имѣемъ положительныя свидѣтельства Кипріяна и Тертуліана. Св. Кипріянь въ письмѣ къ клиру и народу фунтанскому ясно различаетъ клиръ отъ служителей Божіихъ, подъ которыми нужно разумѣть епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, когда говоритъ о томъ, что соборомъ епископовъ было постановлено, чтобы никто не избиралъ себѣ опекуна или душеприкащика изъ клириковъ, или служителей Божіихъ. Это же постановленіе говоритъ и о томъ, что клиръ въ то время существовалъ уже, какъ нѣчто организованное, иначе такое постановленіе не имѣло бы смысла. Онъ же говоритъ о томъ, что тѣ, которые избираются въ духовный санъ, не должны ничѣмъ отвлекаться отъ Божественнаго служенія и пр. Въ томъ же письмѣ онъ прямо отличаетъ священниковъ отъ служителей церкви (письмо V). Но еще яснѣе объ этомъ говоритъ одно мѣсто Тертуліана, гдѣ онъ укоряетъ еретиковъ за то, что у нихъ сегодня одинъ епископъ, а завтра другой, сегодня діакопъ, а завтра чтець, сегодня священникъ, а завтра мірянинъ, и этимъ самымъ уже прямо показываетъ, что у христіанъ въ его время эти должности существовали, какъ нѣчто постоянное. Разсматривая свидѣтельства другихъ писателей, мы находимъ, что и другія должности клира въ III вѣкѣ существовали уже какъ опредѣленные. Должности эти были:

---

(1) Бароній и соборъ тридентійскій полагаютъ, что со времени Апостоловъ учреждены должности вводіакона, аколута, заклинателя, чтеца и придверника. Baron. an. XLIV, n. LXXVIII. Concil. Trident. sess. XXIII. c. II. Такого же мнѣнія держатся и Робертъ Белларминъ (de clericis lib. I c. XI) и Емануиль Шельстратъ (concil. Antioch. restitut. dissert. IV. c. XVII. art. II p. 519.—520).

(2) Бона говоритъ, что только инодіаконы получили начало во времена Апостоловъ (Bon. regum liturg. lib. I. c. XXV. n. 17).

діакониссы, уподіаконы, чтецы, пѣвцы, придверники, аколугы и заклинатели. Мы рассмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно.

Діакониссы.

Должность діакониссъ была довольно обширна въ древней Церкви и установлена еще во времена Апостоловъ, потому что упоминаніе о нихъ мы встрѣчаемъ уже въ посланіяхъ Апостольскихъ. Такъ, въ посланіи къ Римлянамъ Апостоль Павелъ говоритъ: *вручаю вамъ Фиву, сестру нашу, суцую служительницу* (ὄψαν διάκονον) *церкве яже въ Кеахреяхъ* (16, 1), или: *вдовицы* (χήρας) *чти суція истинныя вдовицы* и т. д. (1 Тим. 5, 3 и слѣд.) и въ другихъ мѣстахъ. Діакониссы въ посланіяхъ Апостола Павла по-гречески называются различно; онѣ называются и *διάκονοι* и *χήραι* и *πρεσβυτεραι*, но нигдѣ не называются *διακονίσσαι*. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что въ приведенныхъ нами мѣстахъ св. Павелъ разумѣетъ вовсе не діакониссъ. Но если мы обратимъ вниманіе на то, что греческое слово *διάκονος*, какъ видно изъ письма Плинія (1), въ которомъ онъ говоритъ о христіанахъ, соотвѣтствуетъ латинскому слову *ministra*, что значитъ служительница, и на то, что Тертуліанъ (2) и другіе называютъ діаконисъ вдовицами (*χήραι*), а Елифаній (3) и соборъ Лаодикійскій (4) называютъ ихъ старицами (*πρεσβυτίδες*); то придемъ къ тому заключенію, что *διάκονοι*, *διακονίσσαι*, *πρεσβυτίδες* и *χήραι* суть синонимическія названія и должны будемъ согласиться съ Августи (5), который говоритъ, что всѣ эти названія означаютъ одинъ классъ церковныхъ служительницъ, заключающій въ себѣ различные виды служенія, такъ что, смотря по роду служенія, эти служительницы получали то или другое названіе. Причина, почему діакониссы часто называются вдово-

---

(1) Plin. lib. X. ep. XCVII.

(2) Тертул. посл. къ женъ г. VII. de veland. virgin. e. IX. ego же

(3) Eriph. haeres. LXXIX. п. IV.

(4) IX прав. соб. Лаод.

(5) Handbuch der Christl. archäolog. Band. I. Buch. II S. 251.

вами и старицами, можетъ быть, заключается еще и въ томъ, что онѣ по большей части избирались изъ престарѣлыхъ вдовъ. Самымъ же очевиднымъ доказательствомъ того, что этими именами назывались діакоиссы, служить одно мѣсто у св. Игнатія Богоносца (1), гдѣ онъ привѣтствуетъ дѣвицъ, названныхъ вдовицами, подъ которыми, по толкованію Іоанна Баптиста, Котелерія и Іоанна Воссія, очевидно нужно разумѣть діакоиссъ, потому что Игнатій Богоносецъ ни въ какомъ случаѣ не могъ дѣвицъ назвать вдовицами въ собственномъ смыслѣ.

Въ діакоиссы избирались по преимуществу вдовы, какъ показываетъ уже самое названіе ихъ, которое встрѣчается у большей части писателей древнихъ. Это видно изъ того, что, по свидѣтельству Тертуліана, въ его время, когда какая-нибудь нѣсколько молодая дѣвица дѣлалась діакоиссою, то это почиталось какъ бы чудомъ въ Церкви (2). Мы встрѣчаемъ нѣкоторыя древнія узаконенія, по которымъ діакоиссами должны быть не только вдовицы, но такія вдовицы, которыя имѣли бы дѣтей, чтобы, по словамъ Тертуліана, «сами искусившись во всѣхъ страстяхъ, удобно могли помогать прочимъ совѣтами и утѣшеніемъ» (3). О такомъ же законѣ Θεодосія и съ этою же цѣлію данномъ упоминаетъ и историкъ Созоменъ (4). Встрѣчаются также законы, по которымъ онѣ должны быть женами одного мужа. Такъ, на примѣръ у Апостола Павла читаемъ: *вдовица же да причитается не меньше лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена* (5). То же самое правило находимъ и въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» (6). Впрочемъ должность діакоиссъ не была достояніемъ исключительно однѣхъ только вдовицъ. Такъ, еще во времена Игнатія Богоносца въ діакоиссы поставляли дѣвицъ, какъ видно изъ приведеннаго

---

(1) Посл. къ Смирн. XIII.

(2) Tertull. de veland. virg. c. IX.

(3) Тамъ же.

(4) Истор. Созом. кн. VII, гл. XVI.

(5) 1 Тим. V. 9.

(6) Постан. Апост. кн. VI, гл. 17.

уже нами мѣста его посланія къ Смирнянамъ, гдѣ онъ привѣтствуетъ дѣвиць, подъ которыми, какъ мы уже сказали, нужно разумѣть діако니스съ. Григорій Нисскій говоритъ, что сестра его Макрина, будучи дѣвою, была діакониссою (1). То же самое говоритъ онъ и другой дѣвиць, по имени Лампадин (2).

Возрастъ, который требовался отъ принимавшихъ на себя олжность діакониссы, былъ не одинаковъ. Апостоль Павелъ говоритъ, что вдовица должна быть избираема не менѣе, какъ 60-лѣтняя. То же самое мы находимъ у Тертуллиана (3) и въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» (4) и у писателей позднѣйшихъ вѣковъ—Василія Великаго (5), историка Созомена (6), въ кодексѣ Феодосія (7) и др.

Должность діакониссъ состояла преимущественно въ служеніи женщинамъ при различныхъ случаяхъ. Мы говоримъ преимущественно, потому что, какъ увидимъ ниже, служеніе діакониссъ не ограничивалось однимъ только женскимъ поломъ. Ибо если бы служеніе діакониссъ ограничивалось только женскимъ поломъ, то Апостоль Павелъ не могъ бы сказать о Фивѣ, что она была помощницею многимъ и ему самому (8). Главныя должности діакониссъ, на сколько мы знаемъ изъ древнихъ свидѣтельствъ, были слѣдующія:

1. На нихъ возлагалась обязанность наставлять на дому (а не въ церкви) оглашенныхъ, готовящихся къ крещенію, главнымъ и основнымъ истинамъ христіанской религіи. Что женщины-діакониссы принимали участіе въ наставленіи, это видно изъ того, что Апостоль Павелъ въ посланіи къ Титу (2, 3) требуетъ, чтобы старицы учили добру, т. е. были, по греческому выраженію, *καλοῖδασκάλαι*.

---

(1) Гр. Нисск. жизнь Макрины т. II, стр. 180.

(2) Тамъ же, стр. 197.

(3) Tertull. de veland. virg. с. IX.

(4) кн. III гл. I.

(5) Basil. Magn. epist. can. с. XXIV.

(6) Ист. Созом. кн. VII, гл. 16.

(7) Cod. Theodos. lid. XVI. tit. 2, 1. 27.

(8) Римл. XVI, 2.

2. Онѣ должны были приводить женщинъ къ крещенію и служить имъ во время онаго, потому что въ первенствующей Церкви мужчинамъ не позволялось не только близкое обращеніе съ женщинами, но даже запрещалось и смотрѣть на нихъ. А тѣмъ болѣе не позволялось мужчинамъ раздѣвать женщинъ, готовящихся къ крещенію, послѣку тогда былъ обычай всѣхъ, даже взрослыхъ, крестить чрезъ погруженіе. Указаніе на это мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ Епифанія (1) и Иустиніана (2); а въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ» прямо говорится, что діаконалисса служитъ пресвитерамъ при крещеніи женщинъ для благоприличія (3). На нихъ даже возлагалось помазаніе елеемъ тѣла женщинъ предъ крещеніемъ ихъ. «Когда просвѣщаются (крестятся) женщины, говорится въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ», діаконовъ пусть помазуетъ св. елеемъ только чело ихъ, а послѣ него пусть помазуетъ ихъ діаконалисса (4).

3. Изъ свидѣтельствъ Епифанія (5) видно, что на нихъ лежала обязанность посѣщать лица своего пола, коихъ бѣдность, болѣзни или другое какое несчастіе содѣлывали достойными попеченія Церкви, и въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ» говорится, что случается иногда, что въ нѣкоторые дома нельзя послать къ женщинамъ мужчину - діакона, изъ-за невѣрныхъ: посему, для успокоенія помысла нечестивыхъ, пошли туда женщину діаконалиссу (6).

4. Діаконалиссы служили мужчинамъ и исповѣдникамъ, находящимся подъ стражею, такъ какъ онѣ гораздо легче и съ меньшимъ подозрѣніемъ и опасностію могли имѣть доступъ къ нимъ, чѣмъ кто-нибудь изъ діаконовъ или другихъ служителей Церкви.

5. Въ церкви діаконалиссы становились у дверей на женской сторонѣ и наблюдали, чтобы каждая изъ предстоящихъ

(1) Eriphan. exposit. n. XXI.

(2) Iustin. Nov. VI c. VI.

(3) Кн. VIII гл. 28.

(4) Кн. III гл. 15.

(5) Eriph. haeres. LXXIX. Collyrid n. III Exposit. fid. n. XXI.

(6) Кн. III гл. 15.

женщинъ занимала свое мѣсто и стояла тихо, какъ видно изъ книги «Постановленій Апостольскихъ», гдѣ говорится, что діакоонисса стережетъ двери (1) и изъ письма Игнатія Богоносца къ Антиохійцамъ, гдѣ онъ называетъ ихъ стражами св. вратъ. Впрочемъ нужно думать, что стояніе у дверей было должностію діакоониссъ только въ тѣхъ храмахъ, гдѣ существовало различіе между мужескими и женскими входами. Въ одномъ мѣстѣ «Постановленій Апостольскихъ» говорится: «а привратники пусть стоятъ при входахъ мужчинъ, охраняя ихъ, діакоониссы же при входахъ женщинъ» (2). Остальныя же обязанности—наблюденіе, чтобы каждая изъ входящихъ занимала свое мѣсто и стояла тихо и скромно, были, надо полагать, повсемѣстными обязанностями діакоониссъ; потому что въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ» объ этой обязанности безъ всякаго ограниченія говорится: «когда же войдетъ бѣдный или незнатный, или странникъ, старый или молодой возрастомъ, а мѣста нѣтъ, то и имъ пусть образуетъ мѣсто діаконь... То же самое пусть дѣлаетъ и діакоонисса, когда приходятъ женщины бѣдныя или богатая» (3).

Наконецъ, если какая-нибудь женщина имѣла отнести что-нибудь діакону, діакоонисса должна была проводить къ нему (4). Вообще діакоониссы должны были отправлять низшія должности, преимущественно по отношенію къ женщинамъ, въ каковомъ случаѣ онѣ замѣняли діаконовъ, почему и считались въ клирѣ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ діакоониссы отдавали отчетъ епископу и по его приказанію—священникамъ и діаконамъ. Главная услуга ихъ состояла въ томъ, что онѣ давали настоятелю церкви знать о нуждахъ прочихъ женщинъ и подъ его присмотромъ исполняли то, чего самъ онъ не могъ сдѣлать, по недостатку времени, или для благопристойности.

(Окончаніе впереди).

---

(1) Кн. VIII гл. 28.

(2) Кн. II гл. 57.

(3) Кн. II гл. 58.

(4) Кн. II гл. 26.

НАСТАВЛЕНИЕ РУССКИМЪ ПОКЛОННИКАМЪ ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ ПЕРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

Та к ъ ⁽¹⁾ заповѣдано духовнику говорить всякому, приступающему къ св. Таинству исповѣди. Сего достаточно съ избыткомъ для васъ, боголюбцы, собравшіеся къ св. мѣсту сему со всѣхъ концовъ великаго отечества! Съ избыткомъ, говорю; ибо и доброе ваше издѣтства въ страхъ Божиємъ воспитаніе, и долговременное неизмѣнное пребываніе въ правилахъ св. Церкви, и ясный смыслъ нашихъ церковныхъ постановленій, и вразумляющая святыня мѣста, гдѣ вы теперь вѣщаете, и самая сія готовность ваша приступить къ судилищу покаянія,—все говоритъ намъ, что вамъ вполнѣ должно быть извѣстно все, относящееся къ исповѣди, и *не требуется*

(1) Сказано по прочтеніи исповѣдныхъ молитвъ и наставленій: *Счадо и пр.*

да кто учитъ съ. Скажу болѣе. Ваше безграничное боголюбіе обратилось давно уже въ благую притчу назиданія для всего края здѣшняго. Однимъ присутствіемъ своимъ здѣсь вы, сами того не зная, уже учите множество собратій вашихъ во вѣрѣ. Скажу еще болѣе. Мы сами, поставленные учить другихъ, — вѣрно слово — учимся у васъ теплотѣ вѣры, глубинѣ молитвы, мужеству, терпѣнію, смиренію, злостраданію, самоотверженію и множеству другихъ боголюбивыхъ свойствъ и чувствъ. Итакъ, отлагая книгу, изъ которой читалъ церковное наставленіе, оставляю языкъ и тонъ учителя и отца; ограничиваюсь желаніемъ выяснитъ вамъ только то, что здѣсь, по особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, разнится съ существующими у насъ въ Россіи порядками. Разлученные по необходимости каждый съ своимъ привычнымъ духовникомъ, вы можете встрѣтитъ затрудненіе при выборѣ его здѣсь. Имѣя дѣло съ тайникомъ совѣсти, открытымъ единому Богу, не дерзаемъ ни посовѣтывать, ни отсовѣтывать вамъ въ этомъ случаѣ; а только укажемъ на утвердившійся здѣсь порядокъ. Поклонники исповѣдуются обыкновенно или здѣсь, въ церкви, у опредѣленныхъ на то духовниковъ, или въ городѣ — у кого кто хочетъ — н е в о з б р а н н о. Объ одномъ мы при этомъ просимъ васъ, — чтобы гдѣ кто исповѣдывался, тамъ и причащался Св. Таинъ, или, если пожелаетъ приобщиться здѣсь, то доставлялъ намъ увѣрительную записку о своей исповѣди отъ духовника. Этого требуетъ порядокъ дѣлъ нашихъ. Что еще? Излишне напоминать вамъ при семъ, что всякое разрѣшеніе духовническое, — отъ кого бы оно ни исходило, отъ простаго ли іерея, или отъ самаго высшаго изъ святителей, — имѣетъ совершенно одинаковую силу, а равно и то, что не можетъ быть препятствіемъ, равно и побужденіемъ къ выбору духовника ни его возрастъ, ни степень образованія, ни жизнь, ни нравъ, ни родъ и племя, наконецъ. Достаточно, чтобы онъ былъ законно поставленъ, зналъ свое дѣло, училъ и жилъ по духу и уставамъ православной Церкви и разумѣлъ бесѣду исповѣдывающагося. Вотъ и все, что долготъ званія нашего заставляетъ насъ сказать вамъ въ настоящія минуты!

Довольно ли сего? Закончимъ ли только что начавшуюся бесѣду этимъ краткимъ и какъ бы должностнымъ извѣщеніемъ

ніемъ?.. Полный пытливаго вниманія, взоръ вашъ какъ бы приглашаетъ насъ къ продолженію бесѣды. Кажущееся сердце жаждетъ слова участія. Оно и достойно участія, достойно именно такого слова, въ которомъ всего болѣе оно имѣетъ теперь нужду и котораго, однакоже—не скрою,—оно, можетъ быть, всего менѣе ожидаетъ... Не показываетъ ли участія къ человѣку тотъ, кто поражаетъ, или по крайней мѣрѣ обнаруживаетъ предъ нимъ самаго опаснаго врага его? Безъ сомнѣнія. Такъ сдѣлаемъ и мы. У добраго покаянія есть, на первый взглядъ, два врага. Вотъ первый изъ нихъ! Іерусалиму, призываемому къ покаянію, сказано было нѣкогда отъ имени Божія: *омы отъ лукавства сердце твое, Іерусалиме; да спасешия* (Іерем. 4, 14). Что пригодно было Іерусалиму тогда, то пригодно и намъ, теперешнимъ хотя и временнымъ его обитателямъ. Мы тоже собираемся омыть сердце свое поканіемъ. И такъ, что же? Нѣтъ ли и въ нашемъ сердцѣ, требующей омовенія, скверноты такого же ненавистнаго Богу лукавства? Не знаю, какъ кто назоветъ хоть слѣдующее разсужденіе человѣка, идущаго на исповѣдь: «покаяться необходимо нужно. Но каяться передъ тѣмъ, съ кѣмъ встрѣчаешься ежедневно, неловко. Сдѣлаю такъ: найду духовника, который меня вовсе не знаетъ и послѣ исповѣди никогда не увидитъ».. Что примѣчается въ подобномъ разсужденіи? Не похоже ли оно на противозаконную сдѣлку съ совѣстію? Въ немъ какъ бы слышится изъ-за каждаго слова вотъ какая мысль: «исповѣдаюсь, но не покаюсь». Бываетъ и иначе. Желающій покаяться разсуждаетъ такимъ образомъ: «исповѣдаться надобно. Но объяснить всего на духу невозможно. Что же сдѣлать? Найду духовника какого-нибудь простенькаго, или недужнаго (напр. давно оглохшаго), или чѣмъ-нибудь слишкомъ занятаго, или, еще лучше, извѣстнаго своею разсѣянностію и *скорымъ* исповѣдываніемъ, а еще и того лучше,—мало разумѣющаго мою рѣчь»... Что сказать и объ этомъ разсужденіи? Оно похоже, кажется, уже на богопротивную сдѣлку: съ самимъ Тайнствомъ,—все равно какъ бы это такъ говорилъ: «достану прощеніе, а не исповѣдуюсь». Вотъ какъ лукавствуетъ иногда сердце! И горе тому, кто не ищетъ обличить его!

Зная, съ кѣмъ и для чего мы ведемъ бесѣду, мы не неуважительнымъ находимъ замѣтить, что иное дѣло «сходиться на духъ», какъ мы выражаемся иногда, иное «исповѣдаться», и совѣмъ иное «покаяться». Сходиться только на духъ значить побывать, постоять у аналоя, предъ духовникомъ,—и ничего не сдѣлать. Исповѣдаться на духу значить признать и объявить себя грѣшникомъ,—и этимъ сдѣлать половину дѣла. А, исповѣдавшись, покаяться, т. е. осудить себя на стыдъ и казнь, переменить образъ мыслей и жизни,—худшій на лучшій—значить исполнить все, чего требуетъ Таинство. Пусть кто хочетъ размыслить о нашемъ различіи вещей сходныхъ; а мы повторимъ его кратцѣ: 1) отъ своего отца идти къ чужому значить, большею частію, лукавить; 2) достать разрѣшеніе грѣховъ нельзя ни хищничествомъ, ни обманомъ, ни такъ сказать, ненарокомъ, какъ бы съ вѣтру; 3) насколько кто раскаялся, настолько и оправдался предъ Богомъ. Вѣрите сему! *Богъ поруганъ не бываетъ*, никакое лукавство не скроется отъ Него.

Но довольно о лукавствѣ. Насъ ждетъ другой, еще худшій врагъ кающихся. Той же *дщери Сіоновой*, т. е. Іерусалиму, объявлено было въ другой разъ слѣдующее: *что Ми жюжество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь. Исполненъ есмь всежожженій вашихъ. И тука агнцевъ и крове юнцовъ и козловъ не хочу. Ниже приходите лвитися Ми. Это бо изыска сіа отъ рукъ вашихъ? Аще принесете ми семидала,—всуе, кадило,—жертость ми естъ. Новомѣсячій вашихъ и субботъ и дне великаго не потерплю—поста и праздниковъ вашихъ ненавиждитъ душа Моя* (Ис. 1, 11. 14). Отчего произошло такое страшное отверженіе іудейскаго богоугожденія? Оттого, что іерусалимляне, угождая Богу наружно, внутренно жили не для Бога, а для самихъ себя, для корысти и наслажденія.

Но кромѣ сердца лукаваго, есть, братія мои, есть сердце холодное. Что значить покаяніе для такого сердца? Оно кажется ему или совершенно лишнимъ, или на столько терпѣливымъ, чтобы отдѣлаться отъ него нѣсколькими словами, много—нѣкоторыми тѣлодвиженіями, имѣющими смыслъ молитвы. Но не будетъ ли обидой благому настроенію душъ вашихъ слово о такомъ сердцѣ? Только что мы воздади хвалу

вашей вѣрѣ, вашему усердію къ молитвѣ,—и вдругъ заговорили о слабости духа, прямо противоположной этимъ добродѣтелямъ! Да! Мы воздали хвалу,—и болѣе того,—мы назвали васъ учителями учителей. Послѣ такой, вполне достойной вашего боголюбія похвалы, уже безъ смущенія можно выслушать и то, что говорятъ о насъ люди, которымъ поучительный примѣръ нашъ или ни къ чему не служить, или служить въ укоръ. Говорятъ, что наше благочестіе все вышло наружу и въ сердцѣ не осталось ничего. Говорятъ, что и мы, какъ древніе іудеи, *устами чтимъ Бога, сердце же наше далеко отстоитъ отъ Него*. Говорятъ, что вся наша вѣра обращается между лицемѣріемъ и самообольщеніемъ. Говорятъ... многое. Еслибы все это было правда, то какого покаянія ожидать отъ такихъ людей? Кающіеся такого рода видятъ въ исповѣди только какъ бы долгъ службы, одну тяжелую необходимость общественнаго положенія, одну напрасную жертву, приносимую приличію,—и равно ничего болѣе! Пусть будетъ и клевета то, что говорятъ про насъ. Истинный рачитель спасенія души своей умѣетъ и изъ клеветы извлечь пользу. *Дажь премудрому вину и премудрѣйшій будетъ* (Притч. 9, 9). Вина дана. Насъ обличаютъ почти такъ же строго, какъ Пророкъ обличалъ дщерь Сіона. И въ самомъ дѣлѣ, не подаемъ ли мы сами поводъ такъ думать о насъ? Творить, напримѣръ, поминутно крестное знаменіе, ставить свѣчки передъ каждою св. иконою, кланяться всякому священному мѣсту и лицу, ходить непремѣнно ко всѣмъ и всякимъ службамъ Божиимъ, проводить по 40 ночей у Гроба Господня, и многое другое... все это не кажется ли намъ дѣломъ добрымъ и богоугоднымъ? Таково оно и есть. Но въ глазахъ иновѣрцевъ, все это теряетъ дѣну, если, напримѣръ, на тысячу крестныхъ знаменій окажется хотя одинъ жестокій толчокъ, данный тою же крестьящею рукою сосѣду, который занялъ въ церкви наше мѣсто, или перебилъ намъ дорогу къ св. Причастію (какъ было на Іорданѣ), или къ подножію Креста Христова (какъ это случается иногда на святой и страшной Голгоѣѣ). Вотъ ликъ св. иконы сіяетъ отъ нашей свѣчи, а на душѣ нашей, можетъ быть, темно отъ вражды къ ближнему, съ которымъ живемъ въ однѣхъ стѣнахъ, подъ однимъ сводомъ и несли

одинъ крестъ поклонничества. Что, если, не пропуская ни одной службы Божіей, но также не пропускаемъ и ни одного случая послужить врагу Божію злословіемъ, пустословіемъ и другими многими печадіями богопротивнаго языковредія? Что, если 40 ночей бодрствуемъ у Гроба Господня, а 40 дней спимъ глубокимъ сномъ безпробуднаго самолюбія? А это ли одно? Не разносятся ли зачастую печальные слухи, что тамъ или здѣсь случилась между поклонниками пропажа вещей и денегъ, что того или другаго богомольца подняли на улицѣ, среди посмѣивающейся толпы, безчувственно пьянаго, что тотъ благочестивецъ подрался, а этотъ «убогій калѣка», за буйство посаженъ подъ замокъ,—и Богъ вѣсть, что еще! Думать ли, что подобнаго рода люди сегодня искренно и прочно покаются? Дай Богъ! Духоносный Апостолъ назвалъ какихъ-то пустослововъ своего времени *и мущими образъ благочестія, силы же его отвершимися* (2 Тим. 3, 5). О, какъ внимательнымъ слѣдуетъ быть и намъ, особенно здѣсь передъ чужими и пновѣрными, ко всему, что дѣлаютъ руки наши, произносить языкъ и высматриваетъ глазъ, чтобы не сказалъ кто и о насъ, что сказалъ Апостолъ о современныхъ ему *сластолюбцѣхъ паче, неже боголюбцѣхъ*, то есть, что и у насъ только одинъ образъ (т. е. видъ, подобіе, личина) благочестія, а силы его, т. е. самаго благочестія, совсѣмъ нѣтъ!

Довольно, съ избыткомъ, опять скажу, довольно сего, кающіеся о Господѣ братія! Истинно раскаявающійся самъ сзумѣетъ сказать себѣ поученіе, какого не придумаетъ ни одинъ проповѣдникъ. А чего будетъ недоставать въ нашемъ и его наставленіи, то дополнить и доскажетъ духовникъ.

А. А.

Иерусалимъ,

12 февраля 1871 г.

ПРИВѢТСТВІЕ ПОКЛОННИКАМЪ ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ.

Благословеніе Господне на васъ... Но кто мы, дерзающіе благословлять васъ, преблагословенные причастники честнаго, святаго и пречистаго Тѣла и честныя Крови Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Хрпста,—васъ, которые, по неложному глаголу Евангелія, въ Немъ пребываете и въ которыхъ Онъ пребываетъ,—васъ—*едины духъ съ Господомъ* сущихъ, по ученію духоноснаго Апостола. (Іоан. 6, 56; 1 Кор. 6, 17)? Намъ ли простирать для благословенія надъ вами, живыя обители Христовы, свою «бѣдствующую и худую» руку, хотя бы и трепетную, хотя бы и знаменанную силою священства, хотя бы и властную, по неизрѣченной мплости Божіей, на столько, чтобы держать въ себѣ судъ и мплость опредѣлений вѣчныхъ?.. Нѣтъ, *не намъ, не намъ, а имени* Его принадлежатъ *слава* и право и въ семь случаѣ, какъ всегда, вездѣ и во всемъ! *Благословеніе Господне* преподаемъ мы вамъ, братія, не свое; наше, можетъ быть, недостойно было бы и именоваться «благимъ словомъ»; нѣтъ, по Его,—*благословеніе Господа* да почитъ *на васъ*. Ища, и чая, и какъ бы видя Его въ лицѣ послѣдняго изъ Его служителей, вы въ недавній вечеръ трогательнаго взаимнаго прощенія обидъ и прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ, припадали къ грѣшнымъ стопамъ моимъ, лобзали мою недостойную руку, касались благоговѣнно священныхъ одеждъ, прикрывавшихъ наготу бѣдной души, со слезами и воздыханіями устремлялись къ сему мѣсту благовѣстія, въ избыткѣ усердія изображали на себѣ крестное знаменіе, знаменующее высшую степень почтенія человеческого на землѣ, и полные христолюбиваго умленія, обращались съ мольбою ко мнѣ, какъ бы къ самому Господу. О, страшно намъ, отъ лица и о имени Господнемъ дѣйствующимъ и во имя страстей работныхъ жительствующимъ, служителямъ алтаря Господня! Но блаженно, радостно вамъ, ищущимъ и такъ скоро, просто и легко, и какъ бы для самихъ себя невѣдомо, обрѣтающимъ сіе возжелѣнное *благословеніе Господне!*

Вѣрите, что оно было съ вами тогда. Оно есть—сугубо—
сторицею,—безчетно-вратно въ настоящія святія и свѣтлыя
минуты.

Благословеніе Господне на васъ! Приступили вы въ Нему
въ таинствѣ Покаянія, приступилъ Онъ къ вамъ въ таинствѣ
Причащенія. Очистили вы себя первымъ, просвѣтилъ Онъ
васъ вторымъ. Отселѣ... *лица ваши не постыдятся*. Дерзаемъ
вѣрить и сему. Недалѣе, какъ вчера, на образномъ су-
дищи Христовомъ, припоминая и какъ бы снова переживая
въ сердцѣ многое множество нашихъ прегрѣшеній, не чув-
ствовали ли мы на лицѣ своемъ тотъ зловѣщій отблескъ
грѣха, который гибельнѣе пламени и непроницаемѣе мрака
ночи? Но и онъ ничто въ сравненіи съ угрожающимъ грѣш-
нику *стыднѣею вѣчнымъ*,—позоромъ души безвозвратнымъ,
безпрерывнымъ и безнадежнымъ на всю безконечность вѣ-
ковъ! Нѣтъ, *лица ваши не постыдятся!* Христосъ, *свѣтъ не-*
тлѣнный, просвѣщай и освящай всякаго чловѣка, грядущаго въ
міръ, да знаменаетъ на васъ присно, какъ теперь, такъ и въ
великій неотвратимый часъ исхода вашего отъ міра, такъ въ
последній, судный день общаго воскресенія, неизмѣнно *свѣтъ*
лица Своего! И въ немъ,—этомъ свѣтѣ Христовомъ, да *узрите*
вы несказанно-радостный *свѣтъ непрístupный* святія славы
безсмертнаго Отца небснаго, святаго, блаженнаго! И будете
вы, благословляемые теперь отъ недостойнства нашего, *благос-*
ловеннии Отца небснаго и да *наслѣдите уготованное вамъ*
царствіе отъ сложенія міра!

Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и чело-
вѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

А. А.

Іерусалимъ,

13 февраля 1871 г.

РѢЧЬ,

ПРОИЗВЕСЕННАЯ, 10 МАРТА 1871 ГОДА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АДМИРАЛТЕЙСКОМЪ СОВОРѢ, ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ ТѢЛА ПРОТОИЕРЯ МРА-МОРНАГО—ВОНСТАНТИНОВСКАГО ДВОРЦА, САМУИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА МИ-ХАЙЛОВСКАГО, ПАВЛОМЪ ЕПИСКОПОМЪ ЛАДОЖСКИМЪ, ВИКАРИЕМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИМЪ.

Зряче мя безгласна и бездыханна
предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе
и друзи, сродници и знаеміи.

Плачуть, горько плачуть о тебѣ, — возлюбленный собратъ, сослужитель и другъ нашъ, — не только сродники и друзья твои, но и всѣ твои знаемые, окружая гробъ твой и видя тебя бездыханнымъ и безгласнымъ. Всѣ потрясены и глубоко огорчены внезапнымъ, преждевременнымъ, по нашимъ чело-вѣческимъ разсчетахъ и соображеніямъ, отшествіемъ твоимъ изъ здѣшняго міра въ жизнь загробную. Люди, близко знавшіе и горячо любившіе тебя, рыдаютъ, помышляя о томъ, какая дорогая жизнь угасла, какое прекрасное, дѣйственное слово замолкло съ твоею смертію; горькими слезами оплакиваютъ тяжкую потерю, понесенную въ лицѣ твоемъ не только твоимъ родственно-дружескимъ, но и болѣе широкимъ кругомъ церковно-общественнымъ. *Зряче ты безгласна и бездыханна предлежаща*, плачуть о тебѣ братія и друзи, сродници и знаеміи.

Жизнь человѣческая, — честная, дѣятельная, живая; слово человѣческое, — слово истины, правды, любви, убѣжденія: — это великія, благотворныя нравственныя силы, часто творящія чудеса въ мірѣ нравственномъ чрезъ своихъ достойныхъ носителей, выразителей. Жизнь человѣческая часто бьетъ такимъ живымъ ключемъ, что освѣжаетъ и оживляетъ нравственно-сухое, помертвѣвшее, безжизненное, горитъ такимъ яркимъ пламенемъ, что согрѣваетъ, воспаляетъ холодное,

вялое, безчувственное: она вдыхает новую, невиданную жизнь во все окружающее. Это—жизнь, вѣрпо, хотя и въ ограниченныхъ формахъ, отражающая ту самобытную жизнь Божественную, которую всякая душа живится... Слово человеческое, слово правды, истины, глубокаго убѣжденія,—приводить въ движеніе цѣлыя массы народныхъ, преобразуетъ, пересоздаетъ народы, даетъ имъ новыя понятія, убѣжденія, правила, сообщаетъ новое направленіе всей ихъ жизни и дѣятельности. Такое слово есть достойное отраженіе Слова Упостаснаго и творческаго слова Божія, которымъ все сотворено. Честная, энергическая жизнь и правдивое, искреннее, проникнутое убѣжденіемъ слово даже дѣятелей второстепенныхъ имѣютъ великое и благотворное вліяніе на окружающую среду:—и они вносятъ въ свою среду оживленіе, возбуждаютъ любовь къ святому, доброму, прекрасному, умиротворяютъ, согрѣваютъ... И когда угасаетъ подобная жизнь, умолкаетъ подобное слово, когда умираютъ не только носители ихъ необычайные, первостепенные, но и представители ихъ второстепенные: какая вдругъ является пустота на томъ мѣстѣ, гдѣ мы привыкли ихъ встрѣчать и видѣть! Какъ живо и болѣзненно чувствуется ихъ отсутствіе, потеря ихъ! Тяжелый сердечный вздохъ, горькая слеза невольно обнаруживаютъ горе, гнетущее души людей, для которыхъ были дороги подобная угасшая жизнь, подобное умолкшее слово...

Въ такомъ именно положеніи находимся въ настоящее время и мы всѣ,—сродники, друзья и знакомые почившаго, потому что со смертію его угасла дорогая жизнь, замолкло прекрасное, живое слово. Въ лицѣ почившаго родственно-дружескій кругъ понесъ невознаградимую потерю. Дѣятеля честнаго, благороднаго, въ высокой степени полезнаго, потеряли въ немъ также и Церковь, и общество.

Въ родственныхъ и дружескихъ кругахъ, обыкновенно, люди ищутъ себѣ отдыха, освѣженія, умиротворенія, ободренія послѣ трудовъ, среди тревожной жизни. Здѣсь ищутъ себѣ ласковаго взгляда, привѣтливаго слова, добраго совѣта, кот орые дали бы человѣку новыя силы и новую бодрость для новыхъ жизненныхъ трудовъ, для новой борьбы съ невзгодами жизни. Родственно-дружескіе круги въ то же время служатъ

нравственными лабораторіями, въ которыхъ большею частію образуются, выработываются убѣжденія человѣческія. И убѣжденія, здѣсь выработанныя, обыкновенно бывають тѣмъ лучше,—правильнѣе, цѣльнѣе, человѣчнѣе и тверже,—чѣмъ съ большею искренностію, безъ опасенія жесткаго осужденія, здѣсь высказывались каждымъ, на общее обсужденіе, мнѣнія, воззрѣнія и планы—даже не зрѣлые и не исполнѣ основательныя, чѣмъ мягче, благожелательнѣе, при всей строгости и правдивости, указывались слабыя стороны и недостаточная основательность этихъ сужденій и воззрѣній, чѣмъ болѣе предоставлялось каждому свободы въ раскрытіи подробностей и основаній своихъ мнѣній, для защищенія ихъ... Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ почившіи собратъ и другъ нашъ былъ однимъ изъ самыхъ живыхъ и дорогихъ членовъ того родственнаго и дружескаго круга, въ которомъ онъ вращался. Какая теплота души, какое дружелюбіе ко всѣмъ, какая возвышенность мысли, строгая и чуткая нравственность, какая любовь къ Богу, святой Церкви, дорогому отечеству, ко всѣмъ—слышались въ его словѣ, отражались въ его жизни! Какъ легко чувствовалось въ его обществѣ! Какое оживленіе вносили онъ въ свой кругъ! Онъ нерѣдко дѣлался средоточіемъ круга, въ составъ котораго входили мужи, по своимъ достоинствамъ и по своему положенію, служащіе средоточіями для круговъ широкихъ! Его прекрасной, любящей душѣ было такъ несвойственно причинять кому-либо огорченія, что даже огорченія мнимыя, причиненныя будто бы имъ людямъ близкимъ, дѣлались для него источникомъ тяжелой скорби, жестокихъ страданій... Какъ много и съ какою любовію трудился онъ надъ образованіемъ въ себѣ добрыхъ, честныхъ, правильныхъ, истинно-христіанскихъ убѣжденій. Какъ много содѣйствовалъ онъ и другимъ въ образованіи добрыхъ убѣжденій! Онъ любилъ во все всматриваться, вдумываться; обо всемъ составлять свое понятіе, на все имѣть свой самостоятельный, отчетливый взглядъ. И судьбы Церкви, и судьбы отечества были дороги, близки его сердцу. Ни одно важное событіе церковное и отечественное, ни одинъ, сколько-нибудь важный, вопросъ общественный не проходили мимо его незамѣченными, ни къ чему не относился онъ безучастно и

безразлично. И онъ имѣлъ дѣйствительно на все самостоятельное, часто своеобразное воззрѣніе, которое отстаивалъ и защищалъ съ твердостью, равнявшеюся только терпимости и уваженію, съ какими онъ относился къ воззрѣніямъ другихъ, даже наиболѣе несогласнымъ съ его воззрѣніями и потому встрѣчавшимъ съ его стороны особенно настойчивое опроверженіе. Съ какимъ благодушіемъ, при всей энергіи и настойчивости, велась обыкновенно эта борьба за убѣжденія! Какъ обстоятельно, многосторонне разсматривался тогда предметъ! При такихъ условіяхъ онъ могъ составить и дѣйствительно составилъ себѣ убѣжденія твердыя, основательныя и въ то же время чуждыя жесткости и нетерпимости; съ другой стороны, содѣйствовалъ и другимъ въ составленіи подобныхъ же убѣжденій... Да, сродники и друзья не могутъ не оплакивать эту угасшую жизнь, столь дорогую, столь нравственно полезную для нихъ; не могутъ не скорбѣть о томъ, что среди ихъ не будетъ слышаться слово почившаго, столь здравое, теплое, живое.

Много потеряли въ лицѣ почившаго не только люди, близкіе къ нему, но и Церковь и общество.—Почившій собратъ нашъ служилъ имъ на различныхъ поприщахъ, и — вездѣ служилъ съ честію, съ достоинствомъ, съ несомнѣнною пользою. Его дарованія и знанія открыли предъ нимъ двери одного изъ высшихъ духовно-учебныхъ учрежденій, въ составъ котораго вошли люди, извѣстные своими дарованіями, знаніями, служебною опытностію... Мы увѣрены вполне, что не встрѣтимъ пререканія со стороны сочленовъ почившаго по этому учрежденію, когда скажемъ, что дѣятельность его здѣсь была весьма благоплодна, что онъ съ достоинствомъ и пользою, вмѣстѣ съ сослуживцами своими, послужилъ развитію, благоустроенію правительственной, учебной и воспитательной частей въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно среднихъ и низшихъ. Ни въ одному, разсматривавшемуся въ этомъ учрежденіи, вопросу не относился онъ безучастно и безразлично, по каждому вопросу онъ высказывалъ свое мнѣніе, съ твердостью защищалъ его и не прежде отказывался отъ него въ пользу мнѣнія чужаго, какъ совершенно убѣдившись въ превосходствѣ послѣдняго. При такомъ образѣ дѣйствованія,

какъ много онъ содѣйствовалъ, конечно, уясненію обсуждавшихся вопросовъ, всестороннему обсужденію и основательному рѣшенію ихъ! А законоучительская его дѣятельность?—какъ она была благоплодна, блестяща! Вступивши на законоучительское поприще въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, среди занятій наукою въ высшемъ духовно-учебномъ заведеніи, переходя отъ научныхъ занятій съ зрѣлыми и развитыми юношами къ занятіямъ съ юными питомцами, болѣею частію отроческаго возраста, почившій собратъ нашъ не оказался неприготовленнымъ къ новому служенію своему, имѣющему свои особенности. Нѣтъ, съ первыхъ же дней своего служенія на новомъ мѣстѣ, онъ своею осмотрительною, благоразумною дѣятельностію, живымъ, теплымъ, увлекательнымъ преподаваніемъ Закона Божія, своими добрыми, благожелательными, благонамѣренными отношеніями ко всѣмъ, приобрѣлъ себѣ всеобщее довѣріе, уваженіе и любовь,—расположилъ къ себѣ и начальствующихъ, воспитывающихъ, и воспитываемыхъ. Какъ умѣлъ онъ входить въ маленькіе интересы своихъ юныхъ ученицъ, утѣшать ихъ въ маленькихъ скорбахъ, сдерживать и уничтожать порывы своеволія и своенравія, проявленія легкомыслія; какъ умѣлъ приучать ихъ къ порядку, повиновенію, исправности, и—все это дѣлать, не только не теряя расположенія, но и усиливая расположеніе къ себѣ вразумляемыхъ! Какъ умѣлъ онъ, безъ вреда для порядка заведенія и безъ порчи характеровъ ученицъ, предстательствовать за нихъ предъ властью и испрашивать имъ прощеніе въ случаяхъ неважныхъ отступленій отъ порядка, небольшихъ несправностей по классу, минутныхъ увлеченій духомъ своенравія и легкомыслія! Какъ умѣлъ онъ внушить своимъ питомцамъ любовь къ преподаваемому имъ предмету и поднять уровень прилежанія и успѣховъ ихъ! Какъ высоко цѣнили его преподавательскіе таланты во всѣхъ домахъ, въ которыхъ ввѣряли ему наставленіе дѣтей въ истинахъ Вѣры и нравственности христіанской! Польза, приносимая дѣтямъ его уроками, была вездѣ такъ велика и очевидна, что и въ заведеніяхъ, и въ семействахъ всемѣрно старались сохранить для дѣтей благотворное руководство его и съ великою скорбію разставались съ нимъ, когда другія, высшія обязанности вынуждали его

прекращать гдѣ-либо свою учебно-воспитательную дѣятельность. Ученики и ученицы его навсегда сохраняли добрую память о немъ, и не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ, говорили о немъ, спустя много лѣтъ по разлукѣ съ нимъ и по прекращеніи уроковъ его. И нужно ли много распространяться о блестящей, въ высшей степени плодотворной законоучительской дѣятельности его? Очевидно, добрая молва о ней была велика, когда Благочестивый Государь Великій Князь и Благочестивая Государыня Великая Княгиня, вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми своими почтившіе своимъ присутствіемъ настоящее печальное торжество (1), вѣрили почтившему собрату нашему наставленіе Своихъ Августѣйшихъ Дѣтей въ истинахъ Вѣры и нравственности христіанской. И присутствіе Ихъ здѣсь служить свидѣтельствомъ того, что усопшій собратъ нашъ умѣлъ снискать себѣ и Ихъ Августѣйшее уваженіе и благоволеніе.

Да, братія возлюбленная, велика наша скорбь; при этомъ гробѣ нельзя не скорбѣть и не плакать. Но, послѣдуя слову апостольскому, «не будетъ скорбѣть, якоже немощи упованія» (1 Кор. 4, 13): Будемъ утѣшать себя вѣрою и надеждою, что собратъ нашъ, христіански жившій и такъ много потрудившійся во славу Божию и во благо ближнихъ, получить праведное воздаяніе за свою жизнь и трудъ свой въ обителяхъ небесныхъ. Да будетъ для насъ утѣшителемъ въ скорби тотъ прекрасный, окруженный ореоломъ нравственной чистоты и благородства, и ничѣмъ дурнымъ неискаженный, образъ, который оставилъ по себѣ въ сердцахъ нашихъ усопшій. Тотъ не умираетъ для насъ совершенно, тотъ остается присущъ намъ, кто оставляетъ по себѣ добрую память, прекрасный образъ, и кто, потому, по привлекательности своего образа, постоянно вызывается нашею любовію предъ наши мысленныя очи.

---

(1) Погребеніе о. протоіерея Самуила Васильевича почтили Своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Высочества: Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна, и Великіе князья: Николай, Константинъ, Дмитрій и Вячеславъ Константиновичи.

Дадимъ, братія, послѣднее цѣлованіе усопшему собрату нашему; предадимъ дорогіе останки его землѣ, въ нѣдрахъ которой онъ будетъ покоиться до всеобщаго воскресенія; а душѣ его будемъ просить у Господа-Бога вѣчнаго, блаженнаго покоя въ обителяхъ небесныхъ. Аминь.

ПРЕСЛАВНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА.

Aurora lucis rutilat,
Coelum laudibus intonat,
Mundus exultus jubilat,
Gemens infernus ululat.

Quum Rex Ille fortissimus,
Mortis confractis viribus,
Pede conculcans tartara,
Solvit a poena miseros,

Ille, qui clausus lapide,
Custoditur sub milite,
Triumphans pompa nobili
Victor surgit de funere.

Tristes erant Apostoli
De nece sui Domini,
Quem poena mortis crudeli
Servi damnarunt impii.

Sermone blando Angelus
Praedixit mulieribus:
In Galileca Dominus
Videndus est quantotius.

Illuc dum pergunt concitae,
Apostolis hoc dicere,
Videntes Eum vivere,
Osculantur pedes Domini.

Quo agnito discipuli
In Galilaeam propere
Pergunt, videre faciem
Desideratam Domini.

Claro paschali gaudio
Sol mundo nitet radio,
Quum Christum jam Apostoli
Visu cernunt corporeo.

Ostensa sibi vulnera
In Christi carne fulgida
Resurrexisse Dominum
Voce fatentur publica.

Rex Christe clementissime,
Tu corda nostra posside,
Ut Tibi laudes debitas
Reddamus omni tempore. (*)

(*) Предлагаемъ воспитанникамъ среднихъ или высшихъ духовно-учебныхъ заведений перевести это стихотвореніе на русскій языкъ, размѣромъ подлинника, по примѣру, подобныхъ напечатанныхъ въ «Духовной Бесѣдѣ» за прежніе годы. *Ред.*

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОТКРЫТІЯ ОРЛОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО КОМИТЕТА ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, 21 ФЕВРАЛЯ 1871 ГОДА.

Благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоуощаается Богъ (Евр. 13, 16).

Много случаевъ представляется намъ для взаимнаго благотворенія и общенія. Человѣкъ поставленъ въ мѣрѣ не одинокимъ: его окружаютъ подобные ему люди съ различными нуждами для тѣла и для души. И эти самые случаи бываютъ частные и общіе, судя потому: относятся ли они къ отдѣльнымъ лицамъ, или къ цѣлымъ обществамъ и племенамъ. Къ послѣднему роду принадлежитъ и тотъ случай, по которому собрались мы нынѣ въ св. храмъ. Въ настоящій день предположено нами открыть епархіяльное отдѣленіе Миссіонерскаго Общества. Въ этотъ день напоминаемъ вамъ слова св. Апостола, чтобы

мы не забывали общенія и благотворенія. Тамъ, на сѣверо-восточной окраинѣ Россіи, встрѣчаются цѣлыя населенія, томимыя голодомъ. И вотъ нашими послѣдними жертвами мы можемъ насытить ихъ. Тамъ, среди хладныхъ юртъ своихъ сидятъ полунагіе дикари, грѣющіеся у дымящихся очаговъ. На собранныя наши лепты мы можемъ обогрѣть и прикрыть наготу ихъ. Тамъ жалкіе инородцы переходятъ съ мѣста на мѣсто, кочуютъ, подъ открытымъ небомъ, безъ домовъ и постоянныхъ жилищъ своимъ добродетельнымъ подаяніемъ мы можемъ устроить для нихъ надежныя жилища и ввести ихъ въ дома, какъ странниковъ. Тамъ, оставленные безъ призрѣнія, они умираютъ въ болѣзняхъ, которыя сдѣлались у нихъ наследственными или повсемѣстными. Съ нашею помощію могутъ устроиться врачевницы, и въ нихъ цѣлыя тысячи будутъ избавлены отъ преждевременной смерти. Въ лицѣ этихъ меньшихъ Христовыхъ братій, мы будемъ дѣлать угодное не имъ только, но и самому Богу, приемлющему всякую жертву нашу и поставляющему Себя въ числѣ должниковъ нашихъ. (Притч. 19, 17). *Иже бо аще напоитъ чашею воды во имя Христово, не поубитъ*, то есть не лишится, *мзды своей* (Марк. 9, 41).

Впрочемъ однимъ благодѣніями тѣлесными не ограничивается Миссіонерское Общество. Главная цѣль его та, чтобы оказать заблуждающимся помощь въ ихъ нуждахъ духовныхъ. Въ чемъ же состоятъ эти нужды? Первая и главная нужда относится къ просвѣщенію язычниковъ вѣрою Христовою. Жатва на семъ поприщѣ, какъ прежде, такъ и теперь, велика и обильна, такъ что и въ настоящее просвѣщенное время, невѣдущихъ истиннаго Бога и посланнаго Имъ Иисуса Христа на земномъ шарѣ считается 836 милліоновъ, то есть, въ два слишкомъ раза болѣе, чѣмъ христіанъ. И въ нашей Русской землѣ, особенно въ Азій, многія дикія племена цѣлыми сотнями тысячъ скитаются безъ познанія истинной вѣры, поклоняются предметамъ неодушевленной природы и издѣліямъ рукъ своихъ, или благоговѣютъ предъ темными силами. Но всѣ эти народы, коснѣющіе во тьмѣ невѣдѣнія и идолопоклонства, предназначены вмѣстѣ съ нами къ царству небесному. И для

нихъ рано или поздно долженъ возсіять свѣтъ Евангелія, потому что за нихъ, какъ и за насъ, Спаситель пролилъ драгоценную кровь Свою. Онъ крестною Своею смертію избавилъ отъ грѣха и проклятія весь родъ человѣческой. Его искупительная жертва простирается на всѣ времена и на всѣ народы. И мы нѣкогда, въ лицѣ нашихъ предковъ, служили идоламъ; а вотъ уже почти тысяча лѣтъ, какъ славится имя Господне въ предѣлахъ нашего отечества и распространяется свѣтъ Христовъ между племенами царства русскаго. Можетъ быть, настало уже время, когда вся земля должна исполниться *свѣдѣній славы Господней* (Аввак. 2, 14), настало время просвѣщенія язычниковъ, о спасеніи коихъ молится св. мать Церковь и заботится сердобольная мать наша—Царица. Ея материнскому старанію сочувствуютъ въ этомъ святомъ дѣлѣ многіе сыны православнаго нашего отечества. Докажемъ же и мы, братія, свое сочувствіе къ насажденію вѣры между невѣрующими. По долгу христіанской любви, мы обязаны помогать *труждающимся въ словѣ и ученіи*. Посильная помощь наша трудамъ ихъ сдѣлаетъ насъ участниками въ проповѣданіи Евангелія. Но плоды вспоможенія нашего въ такомъ важномъ дѣлѣ не ограничиваются насажденіемъ вѣры между невѣрующими. вмѣстѣ съ вѣрою должна развиваться въ просвѣщаемыхъ язычникахъ жизнь нравственная и гражданская; потому что вѣра всегда служила и служитъ основаніемъ нравственнаго и гражданского порядка и благоустройства. Въ вѣрѣ Христовой находится самое сильное побужденіе къ исполненію законовъ, налагаемыхъ на насъ совѣстію и самымъ обществомъ, среди котораго мы поставлены. Какъ пріятно на душѣ, когда поучаемъ себя и другихъ истинѣ и добру! Какъ радостно бываетъ, когда обрѣтаемъ путь спасенія или узнаемъ его другимъ! Ко всѣмъ, помогающимъ въ обращеніи заблудившихся на путь истины, относятся слова Апостола Іакова: *братіе, аще кто изъ васъ заблудитъ отъ пути истины и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покрѣтитъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 19, 20). О, если бы являлось больше таковыхъ, спасающихъ душу свою и души ближнихъ отъ смерти! Тогда счастливы были бы мы, потому что вѣрно слово

Спасителя: *иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъ въ царствѣи небесныхъ* (Матѣ. 5, 19).

Приносимыя для проповѣдниковъ Евангелія жертвы, въ дѣлахъ благотворенія и общенія, имѣють особенную важность, потому что въ нихъ выражается любовь къ Богу и ближнимъ. По самой природѣ нашей, мы должны любить Бога всѣмъ въ сердцемъ своимъ, всею душою и всею мыслию своею. Ему благоугодно, чтобы храмы въ честь Его воздвигались на всей землѣ и святое имя Его славилось во всѣхъ концахъ вселенной. Въ созиданіи христіанскихъ храмовъ находится источникъ нашего утѣшенія. Этотъ источникъ можетъ изливаться и на тѣхъ, которые призываются на богоугодное дѣло просвѣщенія язычниковъ. Намъ пріятно будетъ вспоминать, что на наши добротныя подаянія будутъ созидаться храмы Богу истинному для обращаемыхъ къ вѣрѣ Христовой. На эти самыя жертвы св. храмы будутъ украшаться святыми иконами и церковною утварью, будетъ приноситься въ нихъ безкровная жертва Спасителю, Богу нашему. На эти собранныя съ христіанъ лепты будутъ возлагаться кресты на крещаемыхъ. Какое же утѣшеніе должно быть для насъ—слышать, или читать о томъ, что мы своими жертвами, даже издали, за цѣлыя тысячи верстъ, спасаемъ другихъ не только отъ нуждъ житейскихъ, но и отъ вѣчнаго погибели! Дѣйствительно, если пріятно бываетъ помогать ближнимъ въ ихъ нуждахъ тѣлесныхъ, то тѣмъ пріятнѣе оказывать обратіямъ помощь въ нуждахъ духовныхъ, содѣйствовать возрожденію созданныхъ по образу и подобию Божію душъ человѣческихъ. Возрожденіе людей къ духовной жизни совершается, конечно, Духомъ Святымъ; но средства къ начинанію этого возрожденія подаются людямъ отъ подобныхъ имъ людей. И эти новообращаемые, о которыхъ мы такъ заботимся, не чужіе намъ, потому что принадлежать къ общему нашему отечеству. Они населяютъ нашу русскую землю. Но теперь мы видимъ ихъ дикарями, поклонниками истукановъ; а при нашемъ содѣйствіи они будутъ людьми просвѣщенными истинною вѣрою и благочестіемъ. Отсюда очевидно, что православнымъ Миссіонерскимъ обществомъ, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы,

сизидается слава не только св. Церкви, но и нашего отечества, о которомъ должны пецись мы, какъ сыны его, для собственной чести и славы.

Вотъ сколько случаевъ и побужденій отерывается намъ, слушатели, къ взаимному благодворенію и общенію! Не забывайте же этихъ удобныхъ случаевъ, не оставляйте безъ вниманія этихъ благотворныхъ побужденій. И самъ Господь, всеобщій намъ Благопромыслитель, не забудетъ васъ ни въ настоящей, ни въ будущей жизни. *Блаженны милостивыи, яко ти помилованы будутъ* (Матѣ 5, 7), говоритъ Господь. По слову Писанія, воспомянется предъ Богомъ всякая жертва и будетъ *восхвалена милость* наша на праведномъ судѣ (Іак. 2, 13), на которомъ предстануть всѣ племена земныя. Самъ Спаситель, будущій Судія нашъ, скажетъ милостивымъ: *по-неже сотвористе единому сикъ братій Моисъ меншикъ, Мкъ сотвористе* (Матѣ. 25, 40). Чтобы удостоиться столь вожделѣннаго призванія къ вѣчному блаженству, будемъ просить Господа Бога, чтобы Онъ молитвами Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ расположилъ сердца вѣрующихъ къ благодвореніямъ, а труждающихся въ словѣ и ученіи проповѣдниковъ Евангелія утвердилъ въ ихъ трудныхъ подвигахъ на пользу Церкви и отечества и вмѣстѣ смягчилъ грубыя сердца язычниковъ, дабы и они, какъ блуждающія овцы, введены были во дворъ стада Христова, составили съ нами единое стадо и прославляли купно съ нами единаго, истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго. Аминь.

Макарій, Епископъ Орловскій и Сѣвскій.

СЛОВО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ НА ГОЛГОЕВЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОЕЪ ВЕЧЕРОМЪ, ПРИ
ОВНОШЕНИИ ПЛАЩАНИЦЫ, 10 АПРѢЛЯ 1870 Г.

Всякій разъ, какъ восходишь на сію высоту, въ недоумѣніи желаешь остановиться и спросить себя: уже ли это оно—

Лобное мѣсто, она—святая и страшная *Голова*, на которой принесена Богочеловѣкомъ очистительная жертва за весь родъ нашъ? Да, это—она! Своими грѣшными стопами мы стоимъ на Лобномъ мѣстѣ! И... если бы, отдѣляющихъ насъ отъ страшнаго событія Голгоэскаго, вѣковъ не существовало, Иерусалимъ еще іудействовалъ и міръ язычествовалъ... что увидѣли ли бы въ всегорестный день сей очи наши, которыя съ такимъ напряженнымъ и трепетнымъ вниманіемъ устремлены теперь всѣ къ одному мѣсту?

ЕГО! Его увидѣли бы,—Его, съ Кѣмъ сочеталось сердце наше прежде чѣмъ познало міръ сей,—Его, Котораго научились мы искать во всѣхъ путяхъ жизни и на Котораго привыкли возлагать всѣ надежды посмертнаго бытія,—Его, отъ Котораго такъ давно приемлемъ дары прощенія, просвѣщенія, освященія и для Котораго,—по силѣ и возможности,—давно запасаемъ и бережемъ скудную жертву своихъ убогихъ «добрыхъ дѣлъ», какъ для своего Судии и Господа,—Его, повѣшеннаго на древѣ казни, оставленнаго небомъ, возненавидѣннаго землей, измученнаго, опозореннаго, — *неимлющаго вида, ниже доброты, — умаленнаго паче всѣхъ словъ человеческихъ!* О, кто впроба слуху илшему? Кто повѣрилъ бы и своему собственному видѣнію?

Тутъ Онъ висѣлъ, тутъ вопіялъ, тутъ умиралъ—такъ близко (1), такъ горестно, такъ страшно, что слово зампраетъ на устахъ нашихъ! Отступимъ, отбѣжимъ отъ мѣста сего ужаснаго. Здѣсь не Херувимъ вращаетъ пламенное грозящее оружіе, не купина горитъ и не сгараетъ,—ничего образнаго!—Одна страшная, простая, неприкрытая дѣйствительность, терзающая умъ и разрывающая сердце! Какъ? Безконечный скончавается! Дыханія податель—бездыханенъ! Сый—мертвъ!. Что еще? Не оставалось ли и святѣйшему Богочеловѣку услышать то, что сказано согрѣшившему прародителю: *земля еси и въ землю отыдеши?*

---

(1) По принятому обычаю, проповѣдь произносится у самаго мѣста Распятія.

Такъ было на Крестѣ! Что же и какъ произошло около Креста? Что еще увидѣли бы мы тутъ въ плачевно-жалостный день смерти Богочеловѣка? Увидѣли бы, какъ чужіе, мимо ходя, хулятъ Его, уже умирающаго, *покиваяще главами*, приближенные не выносятъ зрѣлища, *бьютъ перси своя* и уходятъ въ отчаяніи, — издыхающій разбойникъ смѣется Ему въ лице, — воины, равнодушные ко всему, что не относится къ предмету ихъ службы, сидятъ и дѣлать одежды и тоже издѣваются отъ своего пустаго сердца надъ «Царемъ Іудейскимъ!» Но.. подождите, воины. Будетъ время, вы искупите свое равнодушіе и безсердечіе цѣною всего, что есть святаго и дорогаго на землѣ, — обагрите своею кровью за имя Распятаго всѣ предѣлы необъятной державы кесарей и, можетъ быть, будете, хвалясь и радуясь, говорить: *не имамы повиноваться велѣнію кесаря*, но вѣруемъ ученію *Царя іудейскаго*. Чуть Онъ спуститъ духъ, преклонивъ главу свою, истерзанную тернами, — какъ одинъ изъ васъ, вашъ начальникъ, торжественно исповѣдуетъ Его Сыномъ Божиимъ и потомъ отдастъ за Него душу и сложитъ главу свою. Непрѣнный хитонъ Осужденника, доставшійся въ наслѣдіе вамъ, украситъ собой несчетные легіоны воиновъ — мучениковъ. На перерывъ послѣшите вы отложить свой славный воинскій поясъ, и съ нимъ всѣ почести и всѣ радости жизни, и ляжете сами плодоноснымъ сѣменемъ на всемірную ниву возрастающаго христіанства!

И ты, разбойникъ, недолго будешь смѣяться надъ Тѣмъ, Кто, по слову благоразумнаго товарища твоего, первоспасеннаго пзѣ грѣшниковъ, *ни единаго зла сотвори* (Лук. 23, 41). Церковь Христова быстро наполнится кающимися хулителями, гонителями, беззаконниками, неправедниками во всякомъ родѣ и видѣ. На самой Голгоѣ одинъ изъ двухъ преступниковъ покается и возопіетъ: *помли мя, Господи, егда придеши во царствіи Твоємъ*. Пусть въ этомъ обстоятельствѣ найдетъ себѣ сынъ Церкви и ревнитель вѣры потребное утѣшеніе, когда увидитъ кругомъ себя людей, несущихъ общее осужденіе смерти, безстрашно изрыгающихъ хулы на Господа и Христа Его и умирающихъ въ богохульствѣ. Хула одного разбойника не помѣшала другому признать хулимаго Христомъ. Такъ

было въ первый день открывшагося царства Христова, такъ будетъ продолжаться до *последняго дня* всеобщаго суда!

Вы, робкіе и пристрашные послѣдователи Христовы, бѣдныя, угнетаемыя и презираемыя галилеяне, неимѣющіе чѣмъ себя утѣшить, біющіе перси своя и укрывающіеся, страха ради іудейскаго, за заключенными дверьми, ужели всегда будете прятаться, всѣхъ бояться и всѣмъ работать? Потерпите мало. По минованіи дня у молчанія, *зло рано* радостная мѣроносица принесетъ вамъ вѣсть, что Христосъ живъ и *варяетъ* васъ *въ Галилеи* вашей. И вы, подражатели и продолжатели дѣла Апостоловъ, бѣдствующіе христіане Востока,—потерпите. Лучше, сидя дома, плачьте и рыдайте, но не склоняйте слуха къ несущемуся изъ-за морей искусительному гласу: *се здѣ Христосъ, или ондѣ*. Нѣтъ тамъ иного Христа, хотя бы это говорилось вамъ во имя истаевающей якобы любви къ вамъ какого-то непрощеннаго *отца* (1), или во имя, то грозящей, то ласкающей, яко бы *братской* (2) руки, полной разныхъ обѣщаній, рассчитанныхъ благотвореній, вещественныхъ вѣгодъ, духовныхъ поблажекъ и прочихъ знаменій пришествія лжехристовъ. Помните, что вы—свои для Господа Иисуса Христа и Его Церкви. *О малъ будьте вѣрны, надъ многими будете поставлены*.

Наконецъ, вы—чужіе... Но развѣ вы чужіе? Нѣтъ, вы свои Ему; только упорно отрицаете свое свойство съ Нимъ. Спросите вы свои вѣроучительныя книги. Не найдете ли вы въ нихъ Его, *Эммануила, Ангела завета вѣчнаго, Отца будущаго вѣка, язвеннаго за грѣхи ваши и мученнаго за беззаконія ваши, напоеннаго оцтома, проданнаго за 30 сребренниковъ, умермаго, погребеннаго здѣсь и воскреснаго*? Разверните свою «Книгу», по превосходству (св. Библию). Не отыщете ли вы Его уже и

---

(1) За недѣлю предъ тѣмъ, съ того же самаго мѣста латинскій проповѣдникъ (французъ) умолялъ православныхъ и въ частности патріарха іерусалимскаго броситься въ объятія всеобщаго отца христіанства (папы).

(2) Полагаемъ, что объясненій не требуется (рѣчь явно идетъ о протестантской англо-нѣмецкой пропагандѣ).

тамъ, зачатого отъ Духа Божія, рожденнаго отъ Дѣвы, пророка, чудотворца и, наконецъ, грядущаго судію живыхъ и мертвыхъ? Чего еще больше? О, если бы и вы и мы—все вмѣстѣ когда-нибудь поклонились Тому, *о имени Ботораго поклонится всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ.*

Нѣтъ, мы не забыли, исчисляя окружавшихъ въ страшный, искупительный день оный Лобное Мѣсто, своихъ и чужихъ, мы не забыли Ее—приснодѣвственную Матерь съ дѣвственнымъ Ученикомъ. Симъ свѣтозарнымъ явленіемъ, произникшимъ изъ тогдашняго сугубаго мрака естества и таинства, мы желали увѣнчать свой лепеть у подножія Креста. Когда чужіе издѣвались, свои прятались, разбойники и воины то безумствовали, то богословствовали, блаженная двоица все стояла «при крестѣ», не сводя глазъ съ умирающаго. Матернее сердце, здѣсь пронзенное оружіемъ, по пророчеству Сумеонову, оставалось съ тѣхъ поръ отверзтымъ для принятія всякаго вздоха страданія и всякаго чаянія помощи для всей земли. Умъ возлюбленнаго Христу Богу ученика, испытавшаго тутъ неописанную муку, просвѣтленъ потомъ и просвѣтилъ христіанскимъ богословіемъ весь міръ. Какихъ лучшихъ стражей Креста Христова могли бы мы желать еще? И какихъ болѣе внушительныхъ и одобрительныхъ свидѣтелей нашего поклоненія имѣть въ мірѣ? Воздадимъ же, достойное ихъ, поклоненіе святѣйшему мѣсту.

Поклоняемся страstemъ Твоимъ, Христе!

Поклоняемся страstemъ Твоимъ, Христе!

Поклоняемся страstemъ Твоимъ, Христе, —

И святому воскресенію. Аминь.

А. А.

Иерусалимъ.

О КЛИРЬ И ЕГО ДОЛЖНОСТЯХЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе).

Уподіаконы.

О времени происхожденія должности уподіаконовъ изслѣдователи христіанскихъ древностей говорятъ различно. Если взять во вниманіе, что эта должность была вспомогательною должностію, что уподіаконы были не болѣе, какъ помощниками діаконовъ; то можно думать, что она получила свое начало позже перваго вѣка. Діаконы могли имѣть нужду въ помощникахъ только тогда, когда усложнились ихъ обязанности, а это могло быть тогда, когда Церковь, какъ общество вѣрующихъ, расширила свои предѣлы. Въ первомъ же вѣкѣ общество вѣрующихъ не было на столько велико, чтобы діаконы не въ состояніи были исполнять свои обязанности сами, безъ особенныхъ помощниковъ. Но, основываясь на положительныхъ свидѣтельствахъ книги «Правилъ и Постановленій» Апостольскихъ, можно утверждать, что эта должность получила свое начало еще въ первомъ вѣкѣ; 42-е правило Апостольское говоритъ: «епископъ, или пресвитеръ, или діакопъ, игръ и пьянству преданный, или да престанеть, или да будетъ извержень». Правило же 43-е продолжаетъ: «уподіакопъ, или чтець, подобное творящій, или да престанеть, или да будетъ отлучень». Объ этой же должности говорится и въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ» (1). Но, явившись въ первомъ вѣкѣ, должность уподіакона мало была извѣстна въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ. Потому-то мы и не находимъ указанія на нее у писателей первыхъ двухъ вѣковъ, кромѣ Игнатія Богоносца. Извѣстною она дѣлается уже съ половины третьяго вѣка, когда

(1) Ел. VIII, гл. 21.

жили Киприанъ и Корнилій, изъ которыхъ первый въ своихъ письмахъ (1) упоминаетъ объ уподіаконахъ по крайней мѣрѣ десять разъ. А Корнилій въ своемъ письмѣ къ Фабіану, епископу антиохійскому, которому онъ посылалъ списокъ чиновъ клира, принадлежавшаго къ римской цѣркви, насчитываетъ семь уподіаконовъ (2).

Что касается мѣста, гдѣ получила свое начало эта должность, то нужно полагать, что она въ первый разъ явилась въ римской Церкви, которая уже въ третьемъ вѣкѣ имѣла семь діаконовъ, семь уподіаконовъ, 44 пресвитера, 42 аволюа, заклинателей же, чтецовъ и привратниковъ по меньшей мѣрѣ 52, какъ видно изъ упомянутого нами письма Корнилія, въ которомъ содержится указаніе на римскій клиръ. Впрочемъ седмичное число уподіаконовъ — это обычай единственно римской церкви, слѣдовать которому другія церкви не обязывались, потому что въ обширной константинопольской церкви и въ трехъ малыхъ церквахъ, принадлежавшихъ къ ней, было 90 уподіаконовъ, какъ видно изъ Іустиніановой новеллы, гдѣ находится списокъ клирковъ, весь комплектъ которыхъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 500 лицъ.

Первоначально лица, избравшіяся въ эту должность, посвящались посредствомъ возложенія рукъ, такъ какъ во времена Апостоловъ всякое посвященіе обыкновенно совершалось съ возложеніемъ рукъ. Такъ, о посвященіи уподіаконовъ въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ» говорится: «о уподіаконахъ поставляю вамъ, епископамъ, я, Ѳома. Рукополагая уподіакона, ты, епископъ, возложи на него руки и скажи: «Владыко Боже неба и земли и всѣхъ, яже въ нпхъ, Создателю, иже въ скниіи свидѣтельства блюстителю явивый святыхъ твоихъ сосудовъ стражи. Самъ и нынѣ призри на раба твоего сего, избраннаго уподіакона, и даждь ему Духа Святаго, воеже достойнѣ касатися служебныхъ Твоихъ сосудовъ и творити волю Твою всегда, Христомъ Твоимъ, съ Нимъ же Тебѣ слава, честь и почитаніе, и Святому Духу во вѣки.

---

(1) Напр. въ 7, 14, 18, 21, 22, 23—36.

(2) Евсевій кн. VI, гл. 43.

Аминь (1). Но впоследствии времени, и нужно полагать, скоро, возложение рукъ было отмѣнено. Такъ, по свидѣтельству Бонны (2), Восточная Церковь не признавала никакого посвященія уподіаконовъ. Василій Великій, свидѣтельства котораго заслуживаютъ большаго довѣрія, говоритъ, что они посвящались безъ рукоположенія, и должность уподіакона называетъ «*αχειροτόμητον ὑπερεστῆσαν*» (3), т. е. такою должностію, или такимъ служеніемъ, для котораго не требуется возложенія рукъ, по-латини—«*ministerium cui non imponuntur manus*». Сирійцы обозначаютъ это тѣмъ, что называютъ уподіакона «*Phelgut Meschamschono*». т. е. полудіакономъ (4). Тоже самое мы видимъ въ римской Церкви, еще въ III вѣкѣ; ибо соборъ Карфагенскій IV хотя и употребляетъ слово «*ordinatur*» (посвящается), но прибавляетъ: «*quia manus impositionem non accipit*» (поселику не рукополагается). И самый образъ посвященія такъ излагается: «онъ (уподіаконъ) принимаетъ изъ рукъ епископа пустую чашу и пустое блюдо. Изъ рукъ же архидіакона кувшинъ съ водою и полотенце для утиранія рукъ (5).

Должность уподіаконовъ состояла въ отправленіи ими низшихъ обязанностей при Богослуженіи. Уподіаконы были только помощниками діаконамъ и потому не имѣли права вмѣшиваться въ ихъ обязанности и отправлять тѣ изъ нихъ, на которыя имѣли право только діаконы, какъ служители, принадлежавшіе къ высшему клиру. Они не имѣли права раздавать народу хлѣбъ и чашу при трапезѣ Господней, давать знакъ къ молитвамъ, что дѣлали діаконы, какъ *κρυικες*, или священные провозвѣстники Церкви. Поэтому они не могли носить ораря при Богослуженіи, который былъ принадлежностію діаконовъ; онъ употреблялся ими какъ знакъ, которымъ они напоминали о молитвахъ и другихъ церковныхъ служ-

(1) Кн. VIII, гл. 21.

(2) Bona rer. liturg. lib. I c. 24 p. 516.

(3) Basil. M. ep. Can. c. 51.

(4) Biblioth. orient. T. II dissert. de Monophys. Assesania.

(5) Прав. IV.

бахъ тѣмъ, которые имѣли право участвовать въ нихъ. Какъ помощники діаконовъ, они должны были оказывать послѣднимъ услужливость и послушаніе, такое же, какъ эти—пресвитерамъ. Имъ не дозволялось даже сидѣть въ присутствіи діакона. Положительными же ихъ обязанностями были: готовить священные сосуды и все нужное для богослуженія и во время онаго подавать ихъ діаконамъ. Служить же въ алтарѣ или предъ алтаремъ, подобно діаконамъ, они не имѣли права, а тѣмъ менѣе входить за рѣшетку для распоряженія чашей, сосудами или приношеніями народа. Все это, бывшее въ практикѣ, въ послѣдствіи времени вошло въ правила собора Лаодикійскаго. Въ 21 правилѣ собора Лаодикійскаго говорится, что прислужникамъ (*υπηρέταις*), подъ которыми, безъ сомнѣнія, нужно разумѣть уподіаконовъ, запрещается имѣть мѣсто въ діаконикѣ или хранилищѣ священныхъ сосудовъ и касаться ко св. чашѣ—разумѣется на жертвенникѣ. Они же должны были наблюдать за порядкомъ при дверяхъ храма, какъ видно изъ 22 правила собора Лаодикійскаго, въ которомъ прислужнику запрещается носить орарь и оставлять двери. Кромѣ собора Лаодикійскаго, указаніе на эту должность уподіаконовъ встрѣчается у церковнаго историка Евсевія ⁽¹⁾, который, описывая храмъ Павлина, говоритъ о тѣхъ, должность которыхъ была «*ἑστῆναι καὶ ποδῆρεῖν τοὺς εἰσιόντας*», т. е. стоять при дверяхъ и каждаго входящаго отводить на свое мѣсто. Они же подавали священникамъ омовеніе рукъ.

Но кромѣ этихъ обязанностей по церкви, на нихъ еще лежала другая обязанность внѣ ея. Переписываясь часто съ настоятелями другихъ церквей, епископы того времени не отсылали своихъ писемъ ни съ еѣмъ, кромѣ своихъ же клириковъ (2). Такое порученіе давалось по большей части уподіаконамъ. Это видно изъ всѣхъ писемъ Кипріяна, въ которыхъ говорится объ уподіаконахъ, и въ особенности изъ того, которое онъ писалъ къ клиру карагенскому, во время своей

---

(1) Euseb. Hist. Eccles. lib. X. c. IV. (p. 315. edit Amstel. MDCXCV).

(2) Кипріянь такого рода письма называетъ «*litteras clericas*».

ссылки. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что когда ему нужно было послать письмо римской Церкви, необходимо было поставить и новаго уподіакона. «Къ моему письму къ вамъ, говоритъ Кипріанъ, обращаясь къ кареагенскому клиру, нужно прибавить, что послать письмо къ римскому клиру меня побудила нужда. А такъ какъ мнѣ слѣдовало писать чрезъ клирика, между тѣмъ я знаю, что изъ нашихъ весьма многіе въ отсутствіи, а тѣхъ не многихъ, которые есть здѣсь, едва достаточно для отправленія ежедневнаго дѣла, то необходимо было поставить нѣсколько новыхъ, которыхъ можно было бы послать. Знайте же, что я сдѣлалъ Сатура чтецомъ, а исповѣдника Оптата—уподіакономъ (1).

Чтецы.

Чтеніе составляло значительную часть богослужебной практики еще въ ветхомъ заветѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ и имя чтеца (2). Оно же составляло существенную часть и богослуженія христіанскаго. Мы видимъ, что обычай читать въ церкви въ слухъ книги священнаго Писанія существовалъ съ самаго начала въ Церкви христіанской. Указанія на чтеніе въ храмѣ мы находимъ даже въ священномъ Писаніи Новаго Заветѣ (3). Этотъ постоянный обычай естественно вызывалъ необходимость учрежденія особенной должности чтеца. Съ другой стороны, на учрежденіе этой должности не могъ не вліять и примѣръ ветхозавѣтной Церкви, гдѣ хотя и не было опредѣленной и постоянной должности чтеца, но все-таки ее отправляли извѣстныя лица, по указанію начальника собранія. И вотъ мы видимъ, что уже въ первомъ вѣкѣ въ христіанской Церкви учреждается должность чтеца, по примѣру ветхозавѣтной синагоги, въ которой былъ обычай въ теченіе семи дней недѣли имѣть чтецовъ, сначала священника, потомъ левита, а послѣ пять израильтянъ, которыхъ началь-

(1) Письмо 21. См. Твор. Кипріана въ русск. переводѣ стр. 78—79.

(2) 1 Ездр. VIII, 11. 12. 21; 2 Ездр. IX, 39. 42.....

(3) См. Лук. 4, 16. Дѣян. XIII, 15, 27. 2. Коринт. III, 14.

нигъ собранія считалъ достойнымъ. Какъ бы то ни было впрочемъ,—было ли учрежденіе должности чтеца подражаніемъ ветхозавѣтной Церкви, или это было самостоятельное учрежденіе,—только мы видимъ, что эта должность существовала со временъ апостольскихъ; потому что указанія на нее мы встрѣчаемъ у писателей всѣхъ первыхъ трехъ вѣковъ. О чтецѣ упоминается даже въ Правилахъ Апостольскихъ (1). О чтецѣ упоминаетъ и св. Іустинъ мученикъ въ первой своей апологіи и ясно отличаетъ его отъ предстоятеля. То же самое мы видимъ и въ посланіи Игнатія Богоносца къ антиохійцамъ. Тертуліанъ, пиша противъ еретиковъ, порицаетъ ихъ за то, что они не соблюдаютъ никакаго правила и порядка. «Нигдѣ люди, говоритъ онъ, такъ скоро не возвышаются въ чины, какъ въ скопищахъ мятежниковъ, гдѣ мятежъ почитается заслугою. Такъ и у нихъ: сегодня одинъ епископъ, а завтра другой, сегодня діаконъ, а завтра чтецъ» (2). Киприанъ, жившій немного послѣ Тертуліана, весьма часто говоритъ о должности чтеца, какъ особенной должности клириковъ и относить ее къ низшимъ должностямъ клира, отъ которыхъ происходили высшія. Такъ, напримѣръ, говоря о посвященіи въ чтецы нѣкоего исповѣдника Аврелія, онъ замѣчаетъ, что этотъ Аврелій заслуживалъ высшихъ степеней и большихъ преимуществъ церковнаго посвященія, не по лѣтамъ своимъ, но по заслугамъ, однакожъ заблагодарасуждено, чтобы онъ началъ съ должности чтеца (3).

Что касается посвященія въ должность чтеца, то въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» говорится: чтеца производя, возлагая на него руку, и, молясь къ Богу, говори: «Боже вѣчный, многій въ милости и щедротахъ, иже составленіе міра чрезъ содѣланная явѣ сотворившій и число избранныхъ Твоихъ сохраняяй! Самъ и нынѣ призри на раба Твоего, ему же вручается читати святаго Писанія Твои людемъ Тво

(1) См. прав. 43.

(2) Прещенія противъ еретиковъ гл. ХІІ. Твор. Тертул. въ русск. перев. ч. I стр. 188.

(3) Письмо 30 къ Карѣ. клиру. Твор. Кипр. ч. I стр. 111. 112.

имъ, и даждь ему Духа Святаго, Духа пророческаго. Иже Ездру раба Твоего на чтеніе законовъ Твоихъ люду твоему умудривый: и нынѣ, призываемый нами, умудри раба Твоего, и даждь ему, врученное ему дѣло совершающу неосужденно, достойнымъ явится вѣщія степени, Христомъ, съ Нимъ же Тебѣ слава и почитаніе, и Святому Духу во вѣки. Аминь» (1). При посвященіи, епископъ,—въ присутствіи народа, вручалъ ему священную Библию, произнося сіи слова: «прими и будь чтецомъ слова Божія, въ надеждѣ имѣть честь съ тѣми, которые служили слову Божію, если вѣрно и съ пользою будешь исполнять сію должность (2).

Должность чтеца, какъ видно изъ только что приведенной нами молитвы и правила собора, состояла въ чтеніи книгъ священнаго Писанія. Это чтеніе происходило въ церкви на возвышеніи, которое было устроено въ нижней части храма, такъ какъ чтець не имѣлъ права читать предъ алтаремъ. На этомъ мѣстѣ во времена Кипріана читалось Евангеліе и другія части священнаго Писанія, какъ видно изъ письма его «къ епископу и народу» о посвященіи въ чтецы исповѣдника Целерина. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «что мы должны были сдѣлать, какъ не возвестъ его на амвонъ, т. е. на церковное судилище, чтобы, поставленный на возвышенномъ мѣстѣ и при такомъ своемъ почетѣ видимый всему народу, онъ читалъ Заповѣди и Евангеліе Господа, которымъ такъ твердо и неуклонно слѣдуетъ и проч. (3). По свидѣтельству Албаспинея (4), они читали Посланія Апостольскія и Евангеліе во время принятія евхаристіи. Они же, между прочимъ, часто употреблялись для передачи писемъ, какъ видно изъ приведеннаго нами письма Кипріана и другихъ его писемъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

---

(1) Постан. Апост. кн. VIII, гл. 22.

(2) VIII-е правило IV Карфагенскаго собора.

(3) Письмо 31. Творенія Кипр. въ русск. перев. ч. I стр. 115.

(4) Gabr. Albaspin. not. in. concil. Corthag. III. c. IV (tom. II concil. p. 1185).

ВЕСЬДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЬ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

Любезные мои соотечественники и братія о Христѣ! Я увѣренъ, что и по настоящее время у нѣкоторыхъ изъ васъ сохраняется еще память обо мнѣ, вашемъ другѣ и братѣ во Христѣ. Я тотъ самый бывший въ іудействѣ Вульфъ-Нахласъ, который немало потрудился въ бытность свою въ заведеніи военныхъ кантонистовъ въ Казани, въ Саратовѣ и въ учебномъ полку (расположенномъ въ селѣ Медвѣдѣ, новгородской губерніи) на пользу обращенія многихъ изъ васъ къ вѣрѣ въ Иисуса Христа. Будучи съ вами въ означенныхъ заведеніяхъ, я считалъ себя счастливымъ, что многіе изъ васъ питали ко мнѣ такое искреннее довѣріе, что послѣ каждаго поученія законоучителей, убѣждавшихъ васъ къ принятію Православія,

вы приходили ко мнѣ узнавать: истинно ли то, что внушали вамъ христіанскіе пастыри? И когда я, съ своей стороны, сказанное ими подтверждалъ мѣстами Ветхаго Завѣта, свидѣтельствующими о Иисусѣ Христѣ, какъ Мессіи, и читалъ все это вамъ на еврейскомъ языкѣ, то многіе изъ васъ, слушая меня, немедленно принимали св. крещеніе. Видя тогда успѣхъ въ своихъ посильныхъ миссіонерскихъ трудахъ, могли я въ то время не благодарить Бога и не радоваться вашему обращенію? Но теперь, увы, радость моя обратилась въ печаль; — слышно, что нѣкоторые изъ васъ перестали ходить по заповѣди Христовой. И вотъ я спѣшу, если не лично, то по крайней мѣрѣ письменно, поговорить съ вами, какъ вы должны вести себя по принятіи христіанства. Быть можетъ, Господь удостоитъ меня, какъ и прежде, быть для васъ полезнымъ. Я, съ своей стороны, всегда готовъ всѣми силами души поддерживать васъ въ вѣрѣ, лишь бы только мои слова были услышаны вами. Надѣюсь, что если вы хоть сколько-нибудь дорожите своимъ спасеніемъ, и если для васъ не одно и то же, что вѣчное блаженство и что вѣчныя муки, то вѣроятно, не пренебрежете словами моими. Въ нихъ вы найдете указаніе на опасности, которымъ, по невѣдѣнію своему, можете подвергнуться на пути ко спасенію, и средства, которыми, хотя нѣсколько, можете облегчить для себя шествіе по этому пути. Молю и прошу васъ, не оскорбляйтесь моими словами, если найдете ихъ нѣсколько жесткими. Меня до глубины сердца тронули дурныя слухи о васъ относительно неисполненія и несоблюденія вами, какъ слѣдуетъ, христіанскихъ обязанностей. Простите меня: быть можетъ, я былъ хуже каждаго изъ васъ и неменѣе васъ былъ въ искушеніяхъ; но всесильная благодать Божія, немощная врачующая, помогала и помогаетъ мнѣ въ борьбѣ съ ними. Мое единственное желаніе предложить вамъ тѣ же самыя духовныя врачевства, которыми пользовался и я въ тѣхъ же немощахъ, какими страдаютъ теперь многіе и изъ васъ.

По обращеніи моемъ въ Православіе, нерѣдко волновали мою душу дурныя мысли, внушенныя мнѣ въ домѣ родителя, приверженца Талмуда, а иногда приходилось испытывать соблазнъ искушенія и отъ знакомыхъ іудеевъ. Я не забуду

никогда того жестокаго для души удара, который нанесли мнѣ въ г. Волскѣ (мѣсто, гдѣ я принялъ св. крещеніе) два прѣзжіе еврея. Хотя все то, что говорили они мнѣ противъ Божественности Иисуса Христа и христіанской вѣры, не подтверждалось съ ихъ стороны ни священнымъ Писаніемъ и никакими разумными доводами, однако тѣмъ неменѣе, толки ихъ сильно подѣйствовали на меня. Я весь тотъ день былъ такъ разстроень, что когда пришелъ въ церковь во всенощной (это было въ субботу), то и служба Божія не могла успокоить мой взволнованный духъ. Грѣхъ утаить,—невѣріе, какъ бы пламя, охватило душу мою,—и съ такою быстротою, съ какою антоновъ огонь обнимаетъ тѣло человѣка. Мнѣ даже вотъ что стало приходить въ голову: что, если справедливы слова іудеевъ, будто бы Иисусъ Христосъ, въ котораго я увѣровала, не есть Мессія?... Тогда, увы, погибъ я!

Размышляя такъ, я залился слезами и произнесъ тихо, про себя: Господи Боже мой, Боже отецъ моихъ, Авраама, Исаака и Іакова, не дай мнѣ погибнуть! Ты Самъ призвалъ меня къ вѣрѣ въ Иисуса Христа, и я горячо, сердцемъ и душою началъ исповѣдывать Его и другихъ приводить къ Нему. Но теперь, увы, врагъ рода человѣческаго колеблеть во мнѣ эту св. вѣру! Утверди же меня, Господи, въ истинѣ и укажи мнѣ путь ко спасенію! Въ это самое время заплѣли въ церкви: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ». Голосъ церкви коснулся моей души и я, любя особенно эту молитву, сталъ усердно молиться и тутъ же почувствовалъ на душѣ своей облегченіе и миръ водворился въ моихъ мысляхъ. По окончаніи службы Божіей, я вышелъ изъ храма гораздо спокойнѣе, чѣмъ вошелъ туда. Однако не надѣясь на себя, я на другой день утромъ отправился къ отцу протоіерею Бибикову, обратившему меня въ христіанство, и рассказалъ ему о бесѣдѣ моей съ евреями. Отецъ-протоіерей, сдѣлавъ мнѣ должное наставленіе, послалъ за товарищемъ моимъ Кузнецкимъ ⁽¹⁾, пригласилъ также и тѣхъ евреевъ, которые толко

---

(1) Кузнецкій былъ одинъ изъ новообращенныхъ евреевъ; онъ отличался знаніемъ еврейскаго языка и занималъ въ Волскѣ должность еврей-

вали со мной о вѣрѣ. Составилась религіозная бесѣда. Отецъ-протоіерей, при своей пастырской опытности, при знаніи священнаго Писанія и при содѣйствіи Кузнецкаго, не только восторжествовалъ надъ убѣжденіемъ пришедшихъ къ нему двухъ евреевъ, но послѣ нѣкоторыхъ бесѣдъ успѣлъ привести и ихъ къ вѣрѣ Христовой. Нужно ли говорить, что я, послѣ этого, утвердился болѣе прежняго въ вѣрѣ въ Иисуса Христа?

Теперь я обращаюсь къ вамъ, братія; скажите, положи руку на сердце: кому также и изъ васъ не приходилось въ жизни испытывать сомнѣнія въ вѣрѣ? И что служитъ болѣе причиною маловѣрія многихъ изъ новообращенныхъ евреевъ и отъ чего, такъ сказать, храмомъ мы въ дѣлѣ вѣры, какъ не отъ того, что сохраняемъ въ сердцахъ разные лживые толки о Иисусѣ Христѣ и Его Церкви, внушенные намъ въ домахъ родителей—евреевъ? Но вѣдь мы теперь уже христіане, поэтому должны забыть то, что натолковали намъ противъ вѣры Христовой, и что препятствуетъ намъ быть истинными христіанами. Намъ теперь необходимо знать и соблюдать то, чему научаетъ насъ православная Церковь и пастыри ея.

І. НУЖНО ВѢРОВАТЬ ВО ИСУСА ХРИСТА, КАКЪ ВЪ ИСТИННОГО МЕССІЮ-ИЗВАНТЕЛЯ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Казалось бы, излишне говорить вамъ, братія, какъ уже христіанамъ, о томъ, что вы должны вѣровать во Иисуса Христа, но судя по маловѣрію нѣкоторыхъ изъ васъ и тѣмъ опасностямъ, которымъ почти каждый изъ новообращенныхъ можетъ подвергнуться, особенно въ первое время по обращеніи своемъ въ Православіе, нельзя не сказать объ этомъ.

Прежде всего я считаю нужнымъ напомнить вамъ, что вы, принимая святое крещеніе, отреклись всецѣло отъ іудейства и всѣхъ талмудическихъ басней, и дали священный обѣтъ

скаго миссіонера, и впоследствии, по распоряженію правительства, исключень былъ изъ военнаго званія и опредѣленъ въ казанскую семинарію, потомъ въ академію, и по окончаніи курса рукоположенъ былъ во священника.

предъ алтаремъ Господнимъ быть истинными христіанами. Теперь же, если нарушаемъ все это, то становимся клятво-преступниками и слѣдовательно добровольно навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій. Вспомните, братья, за что навлекъ на себя народъ израильскій страшный гнѣвъ Божій: не за невѣріе ли свое въ Господа, предъ Которымъ онъ влялся быть вѣрнымъ и хранить Его Святой законъ? *Вся елика рече Богъ*, говорилъ Израиль, *сотворимъ и послушаемъ* (Исход. 19, 8). Но Израиль вскорѣ нарушилъ обѣщаніе свое, за что и былъ строго наказанъ Господомъ. И далѣе: за что Израиль и доднесь бѣдствуетъ и разсѣянъ по всему лицу земли, какъ не за то же невѣріе обѣтованію Божию о пришествіи Мессіи на землю? Боюсь, возлюбленные братія, чтобы все случившееся съ отцами нашими за ихъ невѣріе не случилось бы, помилуй Боже, и съ вами за ваше маловѣріе. Подумайте же хорошенько объ этомъ; согласитесь, что жить какъ-нибудь, жить безъ вѣры и добрыхъ дѣлъ—положеніе самое опасное и несчастное! Не говоря уже о томъ, что такая жизнь неприятна Богу,—она неприятна и людямъ, какъ христіанамъ, такъ и евреямъ. Еврейское общество не окажетъ вамъ уже никакого сочувствія: оно, какъ безызвѣстно каждому изъ васъ, не терпитъ крещенныхъ евреевъ и смотритъ на нихъ какъ на отступниковъ отъ своего закона. Спрашивается: какими глазами будутъ смотрѣть на васъ и христіане, когда увидятъ, что вы только по названію христіане? А совѣсть? Не будетъ ли она упрекать васъ за уклоненіе отъ вѣры Христовой? Безъ вѣры можетъ ли человѣкъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь найти покой себѣ? Если къ этому присовокупить еще то, что мы должны умереть и отдать отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ въ день суда предъ Самимъ Богомъ, то какими явимся мы тогда? Горе намъ, если явимся нераскаянными грѣшниками, маловѣрами, или еще хуже—вовсе невѣрными! Но вы, быть можетъ, скажете, что причиной вашего маловѣрія служитъ то, что вы еще не успѣли ознакомиться вполнѣ съ догматами православной вѣры,—не знаете, какъ и чѣмъ можно угодить Господу Иисусу Христу и какъ сдѣлаться истинными христіанами. Это отчасти справедливо; но для того, чтобы сдѣлаться истинными христіанами, есть слѣдующія спасительныя средства: Боже-

ственное учение Иисуса Христа, изложенное въ святомъ Евангеліи, писанія св. Отцевъ Церкви, молитвы и посты. Руководить же во всемъ этомъ могутъ васъ пастыри православной Церкви. Относительно же многочисленныхъ талмудическихъ толковъ, касающихся жизни Иисуса Христа и такъ много вредящихъ вамъ въ дѣлѣ вѣры, я постараюсь разъяснить вамъ и указать на несостоятельность этихъ лживыхъ толковъ; такъ какъ я вполне убѣжденъ, что только путемъ раскрытія ихъ и можно исцѣлить застарѣлый душевный недугъ, которымъ страдаютъ многіе изъ новообращенныхъ евреевъ.

II. ТАЛМУДИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О РОЖДЕНИИ ИИСУСА ХРИСТА.

«Нѣкто Пандира, человѣкъ ученый и весьма опытный въ волшебствѣ, такъ кощунствуетъ Талмудъ, полюбилъ Маріамъ (Марію). Узнавъ, что она была обручена съ благочестивымъ Іоїхонаномъ, Пандира, при посредствѣ волшебства, принялъ видъ Іоїхонана и предсталъ предъ Маріамъ въ качествѣ жениха... Настоящій же Іоїхонанъ, хотя и узналъ объ этомъ, но любя Маріамъ, зная ея невинность и чистоту, рѣшился навсегда оставаться обручникомъ ея, не вступая въ права мужа».

Въ другомъ мѣстѣ Талмудъ говоритъ о рождествѣ Иисуса Христа совсѣмъ уже иначе. Онъ представляетъ Его сыномъ Маріи Магдалины, занимавшейся уборкою волосъ. Далѣе Талмудъ говоритъ слѣдующее: когда Иисусъ выросъ, то отданъ былъ въ школу знаменитаго раввина Іешуа Бенъ Перахье и съ самаго дѣтства обнаруживалъ удивительную способность въ ученію, такъ что не только учившіеся съ Нимъ въ школѣ товарищи Его, но и учитель и старцы удивлялись Его разуму и быстрымъ успѣхамъ въ наукахъ. Послѣдніе даже возненавидѣли Его и особенно не любили за то, что Онъ, встрѣчаясь съ ними, не воздавалъ имъ надлежащей почести. Иисусъ Христосъ съ своей стороны, видя пренебреженіе старѣйшинъ израильскихъ, рѣшился оставить Іерусалимъ; особенно родилась въ немъ эта мысль тогда, когда Онъ узналъ, что Ему есть возможность прославиться и уподобиться самому

Богу. Здѣсь, между прочимъ, нужно замѣтить, что евреи, на основаніи Талмуда, вѣрятъ, что каждый день бываетъ такое мгновеніе, въ которое Богъ бываетъ очень милостивъ и выполняетъ всякую молитву къ Нему, вознесенную въ это мгновеніе; и наоборотъ, въ каждомъ днѣ есть мгновеніе, въ которое Господь бываетъ такъ строгъ, что если мы кого-либо влянемъ, то Онъ наказываетъ проклинаемаго. Но эти мгновенія, продолжаетъ Талмудъ, никому не были извѣстны. Иисусъ узналъ о нихъ, и поэтому обратился съ такою молитвою къ Богу: «Егу рецо ѡ ногъ шеэ хъіе элогай, т. е. да благоугодно будетъ предъ Тобою, чтобы я сталъ Богомъ! Молитва эта была услышана и съ неба послѣдовалъ басколь (голосъ): «будешь Богомъ, только не сейчасъ, а послѣ смерти». Непосредственно, послѣ этого увѣренія, Іейшу (Иисусъ) отправился въ Іерусалимъ, чтобы пріобрѣсти тамъ познаніе таинственного имени Божія—*Шемъ машг бѡа*, силою котораго совершали чудеса Моисей и Пророки. Прибывъ въ Іерусалимъ, Онъ узналъ, что нельзя проникнуть во Святаѣ Святыхъ, такъ какъ первосвященники, желая заградить доступъ любопытствующимъ къ этому святому мѣсту, силою того же чудодѣйственного имени Божія, при входѣ во Святаѣ Святыхъ, поставили двухъ львовъ. Львы своимъ ревомъ оглушали на смерть всякаго, кому только удавалось слышать ихъ ревъ. Несмотря на грозный видъ и страшную силу этихъ львовъ, Иисусъ проникъ во Святаѣ-Святыхъ и къ самому таинственному имени Божію; прочиталъ его, записалъ и разрѣзавъ кожу на тѣлѣ, спряталъ записку туда, съ тѣмъ, чтобы никогда не лишиться ея чудодѣйственной силы, и вышелъ послѣ этого безопасно. Львы уже не издавали никакого рева, когда Онъ проходилъ мимо ихъ. Получивъ такимъ образомъ таинственное имя Божіе, Иисусъ отправился въ Вилеємъ, мѣсто своего рожденія, а потомъ въ Назаретъ, гдѣ провозглашалъ себя Сыномъ Божіимъ и творилъ чудеса: ходилъ по водамъ, укрощалъ бурю, исцѣлялъ слѣпыхъ, воскрешалъ мертвыхъ и совершалъ гораздо болѣе чудесъ, чѣмъ Пророки (1).

(1) Злѣйшіе враги Иисуса Христа однакоже оказываются болѣе вѣрующими, чѣмъ христіанинъ—Ренанъ неуступающій имъ только въ нечестности собственныхъ вымысловъ. *Ред.*

Изъ приведенныхъ нами талмудическихъ сказаній, придуманныхъ раввинами—врагами Христа Спасителя, видно, что они имѣли главною цѣлю заподозрить сверхъестественность рожденія Иисуса Христа и зармить Его славныя дѣла, совершенныя имъ во время Его земной жизни. Подобныя бессмыслицы свойственно придумывать только талмудистамъ и вѣрить имъ могутъ лишь тѣ, которые не имѣютъ твердаго разсудка. Что приведенныя нами талмудическія сказанія ложны и нелѣпы, это видно уже изъ того, что они противорѣчатъ и сами себѣ и здравому смыслу.

Въ талмудѣ, напримѣръ, говорится, что Іейшу родился отъ Пандира, а потомъ Онъ же представляется сыномъ Садты. Въ другомъ трактатѣ талмуда то же лице называется сыномъ какого-то Папуса-Бенъ-Іегуда; то Онъ именуется сыномъ Маріи Магдалины, то сыномъ просто—Маріи. Такимъ образомъ талмудъ, противорѣча себѣ, противорѣчитъ хронологіи; онъ говоритъ, будто бы раввинъ Акиба, видѣвшій Иисуса Христа мальчикомъ, доказывалъ ученикамъ своимъ, что Онъ не имѣлъ на себѣ обрѣзанія. Но раввинъ Акиба никакъ не могъ видѣть Иисуса Христа, такъ какъ онъ жилъ во 2-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, при Императорѣ Адрианѣ. И не только Акиба, но и никто не могъ доказать, что Онъ не имѣлъ на себѣ обрѣзанія. Извѣстно, что по закону іудеевъ, необрѣзанный не могъ являться въ сонмище Божіе, ни въ какое общественное собраніе; но извѣстно, что Иисусъ Христосъ бывалъ не только въ синагогѣ, но и въ храмѣ и поучалъ тамъ народъ. Христіанская Церковь сохранила намъ доднесь память дня обрѣзанія Господня, который христіане и празднуютъ ежегодно, въ осьмый день послѣ праздника Рождества Христова.

Обратимся теперь къ другимъ мѣстамъ талмуда. Талмудъ говоритъ: въ царствованіе Янсина (?) въ Іерусалимѣ поднялось гоненіе на раввиновъ; поэтому раввинъ Іешуа Бенъ Перахъ, вынужденъ былъ оставить школу и искать себѣ убѣжища внѣ Іерусалима. Онъ отправился съ возлюбленнымъ ученикомъ своимъ Іейшу (Иисусомъ Христомъ) изъ Іерусалима въ Александрію. Когда въ Іерусалимѣ водворился миръ, то раввинъ Шимонъ-Бенъ-Шетахъ послалъ къ раввину Іешуа

немедленно идти въ Иерусалимъ и зашелъ только проститься къ хозяину дома, гдѣ онъ жилъ и всегда принимаемъ былъ съ почестями и уваженіемъ. Простившись съ хозяиномъ и обратившись къ ученику своему Іейшу, раввинъ сказалъ: «какой здѣсь славный хозяинъ!» Но Іейшу (Христосъ), подумавъ, что учитель хвалить хозяйку, отвѣтилъ: нѣтъ, учитель, у ней скверные глаза. За это раввинъ торжественно отлучилъ его отъ себя и исключилъ изъ своего общества. Іейшу очень часто обращался къ учителю своему съ просьбою о помилованіи, но послѣдній не обращалъ вниманія на эти просьбы. Но однажды, во время молитвы, раввинъ Іешуа, увидѣвъ проходящаго Іисуса, хотѣлъ примириться съ Нимъ и махнулъ ему рукой, чтобы Онъ подошелъ къ нему. Но послѣдній, думая, что раввинъ маханіемъ руки прогоняетъ Его, вынулъ кирпичъ и сталъ поклоняться ему, какъ Богу (!!!). Раввинъ началъ увѣщевать Его; но Онъ не послушался и вскорѣ послѣ того самъ, набравъ учениковъ, сдѣлался учителемъ. А чтобы богѣе сдѣлаться ученымъ и тѣмъ снискать себѣ уваженіе, онъ сталъ учиться магіи, при посредствѣ которой творилъ многія чудеса и этимъ самымъ привлекъ къ себѣ простой народъ—гамурцевъ. Архіереи же іудейскіе, видя успѣхъ его проповѣди и желая пресѣчь распространеніе его ученія, какъ противнаго ученію Моисея, составили совѣтъ—убить Іисуса.» Вотъ какъ евреи, на основаніи талмуда, передаютъ объ этомъ не только близкимъ своимъ, но и христіанину, вступающему съ ними въ откровенный разговоръ: «Закономъ», говорятъ они, «назначено было побивать камнями того, кто станетъ совращать другихъ отъ истиннаго Богопочитанія, кто будетъ упорнымъ въ своихъ заблужденіяхъ и не захочетъ раскаяться. Такое опредѣленіе закона выполнено было въ городѣ Лудъ надъ сыномъ Садты, который училъ противно Божественному ученію и былъ крайне упорнымъ въ своихъ заблужденіяхъ; онъ былъ повѣшенъ въ вечеръ предъ Пасхою.

(Продолженіе впереди).

О КЛИРѢ И ЕГО ДОЛЖНОСТЯХЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Окончаніе).

ПѢВЦЫ.

Псалмопѣніе въ древней церкви и во времена Апостоловъ составляло всегдашнюю и существенную часть богослуженія. А при такомъ значеніи псалмопѣнія въ первой церкви не обходимо должна была возникнуть потребность и въ особыхъ пѣввахъ. Не говоря уже о «правилахъ» и «постановленіяхъ» Апостольскихъ, гдѣ пѣвцы не только упоминаются, но и ясно отличаются отъ другихъ должностей, о нихъ упоминаетъ и Игнатій Богоносецъ въ своемъ посланіи къ антиохійцамъ, гдѣ онъ привѣтствуетъ уподіаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и др. Чтець, какъ мы видѣли, посвящался епископомъ съ возложеніемъ руцъ и чтеніемъ особенной молитвы, тогда какъ пѣвцы производились въ сію должность безъ возложенія руцъ, а во времена IV Карѳагенскаго собора могли быть посвящаемы не только епископомъ, но даже и пресвитеромъ, съ произношеніемъ слѣдующихъ словъ! «что поешь устами, тому вѣруй сердцемъ, и чему вѣруешь сердцемъ, то исполняй на самомъ дѣлѣ» (1). Этимъ и ограничивался весь обрядъ при возведеніи на степень пѣвца. 69-е Апостольское правило ясно отличаетъ пѣвца какъ отъ чтеца, такъ и отъ другихъ должностей клира, когда говоритъ: «Аще кто епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или уподіаконъ, или чтець, или пѣвецъ, не постится въ святую четыредесятницу предъ Пасхою, или въ среду, или пятовъ, кромѣ препятствія отъ немощи тѣлесныя:

(1) IV Карѳ. Соб. прав. X.

да будетъ извержень». Такое же различіе находимъ и въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ», гдѣ говорится: «не позволяемъ крестить и прочимъ клирикамъ, какъ-то: чтецамъ или пѣвцамъ, или привратникамъ, или служителямъ, но однимъ епископамъ и пресвитерамъ, при служеніи имъ діаконовъ». И далѣе: «не позволяемъ пресвитерамъ рукополагать діаконовъ, или діакониссъ, или чтецовъ, или служителей, или пѣвцовъ, или привратниковъ, но однимъ епископамъ» (1). Отсюда, кажется, ясно видно, что это не одна должность, а двѣ. Если бы эти двѣ должности совмѣщались въ одномъ лицѣ, то авторъ «Правиль» и «Постановленій» Апостольскихъ не сталъ бы раздѣлять ихъ. Должность пѣвцовъ была не многосложна. Они заправляли пѣніемъ при богослуженіи, въ то время, когда дозволено было пѣть всѣмъ, присутствовавшимъ при богослуженіи. Когда же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запрещено было до извѣстнаго времени пѣть всѣмъ, въ это время пѣніе лежало на обязанности однихъ только пѣвцовъ.

Придверники.

Нужно полагать, что должность придверника, какъ особенная должность низшихъ клириковъ, явилась не раньше третьяго вѣка. Потому что указаніе на нее, какъ на особенную должность, встрѣчается только въ это время. Въ «Постановленіяхъ же Апостольскихъ» хотя и встрѣчается имя «привратника», но отсюда еще не видно, чтобы эта должность была должностію клира и притомъ отдѣльною отъ другихъ. Уже послѣ—въ третьемъ вѣкѣ—о ней, какъ особенной должности клира, упоминаетъ Корнилій, когда, исчисляя римскій клиръ, на ряду съ другими клириками стѣльно поставляетъ и привратниковъ (2). А на IV-Карфагенскомъ соборѣ мы даже находимъ правило, говорящее о посвященіи ихъ. По этому правилу каждый придверникъ посвящается епископомъ, который, вручая посвящаемому ключи, говорилъ: «поступай такъ,

(1) Кн. III, гл. II. Св. Игнат. Богосл. посл. въ антиох. 43 ач. пр.

(2) Ист. Евсевія въ русскомъ переводѣ. Кн. VI, гл. 43. стр. 389.

какъ бы ты долженъ дать отчетъ Богу въ тѣхъ вещахъ, которыя запираются сими ключами» (1).

Должность ихъ состояла въ томъ, что въ продолженіе всего богослуженія они «стерегли двери храма», т. е. стояли у дверей и наблюдали, чтобы онѣ не были отворены во время богослуженія. Они же должны были отдѣлять вѣрныхъ отъ оглашенныхъ и отлученныхъ отъ общества во время литургіи оглашенныхъ. Когда же начиналась вторая часть литургіи, которая называлась *литургіею вѣрныхъ*, они должны были смотрѣть, чтобы въ церковь не вошелъ кто-нибудь изъ невѣрныхъ и вообще изъ тѣхъ, кому не позволялось присутствовать при этой части литургіи. На нихъ лежала обязанность извѣщать о молитвенныхъ стояніяхъ и о времени церковныхъ собраний. Кромѣ того, во время гоненій—въ случаѣ внезапнаго нападенія враговъ—они должны были давать знать объ этомъ нападеніи, чтобы вѣрующіе не застигнуты были опасностію врасплохъ.

Аколуѣы.

Имя «аколуѣ» означаетъ служителя, провожатаго. Это имя въ первый разъ встрѣчается у св. Кипріана и Корнилія. Тамъ, въ 18-мъ своемъ письмѣ Кипріанъ упоминаетъ объ аколуѣѣ Фаворинѣ (2). Въ письмѣ 36-мъ къ Корнелію онъ пишетъ, что посылаетъ ему копію писемъ чрезъ Меттія уподіакона и аколуѣа Никифора (3). Въ письмѣ 42-мъ Кипріанъ хвалитъ Корнилія за то, что тотъ поступилъ и рачительно и съ любовію, поспѣшивши послать къ нему аколуѣа Никифора, чтобы тотъ возвѣстилъ ему достославную радость и проч. (4). Въ письмѣ 47 къ тому же Корнелію онъ извѣщаетъ его о томъ, что прочиталъ его письмо, присланное имъ чрезъ аколуѣа Самура (5). Это обстоятельство даетъ намъ

-
- (1) IV Карѳагенскій соборъ правило IX.
  - (2) Твор. Кипр. въ русск. перев. т. I стр. 68.
  - (3) Тамъ же стр. 135.
  - (4) Тамъ же стр. 145.
  - (5) Тамъ же стр. 265.

право съ достовѣрностію заключать, что аколуюеъ, какъ особенная должность клириковъ, явилась не раньше третьяго вѣка, когда жилъ св. Кипріанъ.

Относительно посвященія аколуюеовъ можно сказать только то, что находимъ въ VI правилѣ IV Кароагенскаго собора. Въ этомъ правилѣ говорится, что аколуюеъ, при посвященіи, получаетъ отъ епископа наставленіе, какъ онъ долженъ проходить свою должность и въ то же время принимаетъ отъ архидіакона подсвѣчникъ съ восковою свѣчею (ceroterogium), какъ символъ того, что онъ долженъ возжигать свѣтильники, и пустой кувшинчикъ для приношенія вина. Сопровождался ли этотъ обрядъ возложеніемъ руеъ, мы этого не знаемъ. Что касается обязанностей, какія несли аколуюеы, то, какъ самое названіе показываетъ, они были провозжатаями епископа и высшихъ духовныхъ лицъ; употреблялись иногда для передачи писемъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами писемъ св. Кипріана. При Богослуженіи же, какъ видно изъ указаннаго нами правила IV Кароагенскаго собора, они должны были возжигать свѣтильники и подавать вино для евхаристіи.

Заклинатели.

Нѣтъ сомнѣнія, что заклинаніе было въ Церкви съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства; но должность заклинателя, какъ особенная и отличная отъ другихъ должностей клира, явилась не вдругъ, а постепенно и притомъ не въ одно и то же время во всѣхъ мѣстахъ. Власть заклинанія во времена Апостоловъ и ближайшія къ нимъ была даромъ Духа Святаго, а не должностію. Въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ» прямо говорится: «заклинатель не рукополагается; ибо славный подвигъ заклинанія есть дѣло добровольнаго благорасположенія и благодати Божіей, чрезъ Христа, наитіемъ Святаго Духа, потому что получившій дарованіе испѣлений показуется чрезъ откровеніе отъ Бога, и благодать, которая въ немъ, явна бываетъ въ немъ» (1). Оригенъ говорить, что и простые хри-

---

(1) Постановл. Апост. кн. VIII, гл. 26.

стіане, т. е. народъ, изгоняли демоновъ молитвою и заклина-ніемъ (1). Сократъ въ своей исторіи (2), говоря о Григоріѣ-чудотворцѣ, замѣчаетъ, что простой народъ въ то время творилъ многія чудеса, то исцѣляя больныхъ, то изгоняя демоновъ. Изъ сочиненій Іустина-мученика, Тертуллиана, Кипріана и другихъ видно, что власть заклинанія или изгнанія демоновъ была обща всѣмъ христіанамъ. «Многіе изъ нашихъ христіанъ, говоритъ Іустинъ-мученикъ въ своей первой апологій, принесенной римскому сенату, великое число бѣснующихся, какъ въ вашемъ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ находящихся, заклиная именемъ Іисуса Христа, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ, и изгоняя демоновъ, исцѣляли и исцѣляютъ» (3). Объ этой же власти говоритъ и Тертуллианъ, но не приписываетъ ее какому-нибудь извѣстному лицу—влирику или кому-нибудь другому. Такъ, въ своей апологій, написанной около 200-го года, онъ говоритъ: «и кто же бы васъ избавлялъ отъ скрытыхъ враговъ, имѣющихъ пагубное вліяніе какъ на тѣла, такъ и на души ваши,—я хочу сказать,—отъ демоновъ, которыхъ мы изгоняемъ безкорыстно и безвозмездно». (4). И въ другомъ мѣстѣ: «приведите въ судилище ваше человѣка, о которомъ навѣрно извѣстно, что онъ одержимъ бѣсомъ или бѣснуется, и пусть христіанинъ, какой бы ни былъ, прикажетъ демону говорить. Демонъ сознается, что онъ дѣйствительно демонъ, и что въ иныхъ случаяхъ ложно выдаетъ себя за Бога» (5). Не дѣлаетъ различія между людьми, имѣвшими власть заклинанія, и Кипріанъ. Въ своемъ письмѣ къ Донату о благодати, власть заклинанія онъ приписываетъ единственно благодати и говоритъ, что «она даруетъ способность трезвенною чистотою, непорочною мыслию, чистымиъ

---

(1) Orig. contr. Cels lib. VII. p. 334.

(2) Ист. Сокр. кн. IV, гл. 22.

(3) Христомаеія или избранная мѣста изъ св. муч. и философа Іустина. Москва 1783 г. стр. 18.

(4) Твор. Тертул. въ русск. перев. Спб. 1849 г. ч. I гл. XXXVII стр. 78.

(5) Тамъ же гл. XXIII, стр. 56.

словомъ, непритворною добродѣтелию уничтожать ядотворную силу грѣха, очищать северны развращенныхъ сердець, возвращая имъ здравіе, примирять враговъ, успокаивать безпокойныхъ, смягчать свирѣпствующихъ, *грозними заклинаніями помуждать къ признакію нечистыхъ духовъ*, вселяющихся въ челоуѣка для господства надъ нимъ: да престануть поражать челоуѣчество жестокими ударами, да престануть умножать число страждущихъ, рыдающихъ, сѣтующихъ, распространяя повсюду свои возни, да престануть убивать людей бичемъ и пламенемъ» (1). Часто говорятъ объ этой власти, не приписывая ея извѣстному классу людей, Иринеѣ (2), Арновій (3) и др.

Впрочемъ можно думать, что уже во II-мъ вѣкѣ существовала извѣстная формула заклинанія. Іустинъ-мученикъ говорить, что всякій демонъ побѣждается и покоряется «именемъ Сына Божія, перворожденнаго всякія твари и чрезъ Дѣву рождшагося и бывшаго челоуѣкомъ страсготерпящимъ и распятаго народомъ (вашимъ) при Понтіѣ Пилатѣ и умершаго и воскресшаго изъ мертвыхъ и возшедшаго на небо» (4). Можно, говоримъ, думать, что это краткое изложеніе исторіи Христа Спасителя указываетъ на формулу заклинательной молитвы; ибо и Оригенъ говорить, что христіане имѣють силу не посредствомъ чарованій, но именемъ Іисуса съ возношеніемъ событій изъ его жизни (5). А если такъ, то намъ кажется естественнымъ предположить, что власть заклинанія въ это время начинала уже сосредоточиваться въ лицѣ извѣстныхъ людей. На IV Карфагенскомъ соборѣ мы находимъ даже правило, опредѣляющее посвященіе ихъ. Такъ, VII правило этого собора говорить: заклинатель при посвященіи долженъ получить книжицу, въ которой описаны заклинанія, а епископъ ему говорить: «прими и напечатлѣй въ памяти и

(1) Письмо къ Донату о благодати. Твор. Кипр. въ русск. перев. стр. 9 и 10.

(2) Iren. lib. II. c. LVI и LVII.

(3) Arnob. contr. gent. lib. I p. 18. (edit. Kamburg. MDCX).

(4) «Разговоръ съ Трифономъ» въ славянск. перев. Иринея архіеп. тверск. Москва 1836 г. стр. 105.

(5) Orig. contr. Cels 1, 6.

имѣи власть возлагать руки на бѣсноватаго какъ крещеннаго, такъ и оглашеннаго». Въ IV-мъ же вѣкѣ мы встрѣчаемъ ихъ и въ греческой Церкви. Не приводя многочисленныхъ свидѣтельствъ IV вѣка о существованіи заклинателей во многихъ областяхъ какъ греческой, такъ и римской Церкви, мы укажемъ только на X-е правило Антиохійскаго собора, бывшаго въ 341 году, изъ котораго видно, что хорепископы посвящали инодіаконовъ, чтецовъ и заклинателей.

Должность заклинателей состояла въ томъ, что они обращались по преимуществу съ бѣсноватыми. Кромѣ молитвъ, возсылаемыхъ за этихъ несчастныхъ епископами и всѣми людьми во всѣхъ открытыхъ собраніяхъ, заклинатели должны были въ другія времена (1), когда не было во храмахъ никакого собранія, молиться за нихъ съ возложеніемъ рукъ. Чтобы искуситель не искусилъ ихъ во время бездѣйствія, они старались упражнять ихъ нѣкоторыми безвредными занятіями, на примѣръ, метеніемъ пола въ церкви (2) и другими подобными. Равнымъ образомъ на заклинателяхъ же лежала обязанность доставлять имъ ежедневную пищу (3), пока они находились въ домѣ Божіемъ, который былъ для нихъ прибѣжищемъ и защитою отъ врага.

Т. Ковалевъ.

---

(1) IV Кор. соб. прав. 90.

(2) Тамъ же прав. 91.

(3) Тамъ же прав. 92.

17 АПРѢЛЯ № 16. 1871 ГОДА.

СЛОВО,

сказанное въ Исаакіевскомъ соборѣ 4 апрѣля
1871 года.

Молю прежде всѣхъ творити мо-
литвы, моленія, прошенія, благодаренія.... за Царя. 1 Тим. 2, 1.

Многотруденъ подъятый на себя нашимъ Царемъ подвигъ: обширнѣйшее государство, во всѣхъ сторонахъ своей жизни, ждетъ отъ Него усиленныхъ разнообразныхъ трудовъ и заботъ. Сколько зла нужно Ему искоренить; сколько добра насадить! А тутъ еще вдругъ поднимается на него рука злодѣя!... Видите ли, христіане, что сугубая нужна Царю благодатная помощь,—нужна прилежная, постоянная, многоплодная молитва Церкви, отверзающая щедродательную дес-

ницу Божию. Видите ли, братія, какъ спасительно исполнять заповѣдь Апостола—*творити молитвы за Царя*, да Господь Богъ заповѣдаетъ Ангеламъ Своимъ сохранять Его во всѣхъ путехъ Его.

У человѣка нѣтъ ничего возвышеннѣе и драгоцѣннѣе его молитвенныхъ воздыханій, тѣхъ святыхъ чувствованій, какими исполняется душа его, когда онъ своимъ умомъ и сердцемъ возносится къ Вышнему Правителю судебъ человѣческихъ. Эти-то дорогія, святыя чувствованія съ особенною радостію и любовію приносимъ Господу въ настоящій день, когда воспоминаемъ величайшее въ наше время благодѣяніе Божіе нашему отечеству—Россіи, досточудное спасеніе драгоцѣннѣйшей жизни нашего доблестнаго Царя отъ руки злодѣя! И не сегодня только, но и всегда, постоянно и прежде всего, молитва за Царя—есть первая, главная дань Ему отъ насъ, для всякаго изъ насъ возможная, посильная: не могутъ воспрепятствовать этой дани нашихъ благодарныхъ сердець ни слабость силъ нашихъ, ни скудость вещественныхъ средствъ. А для Него это—дань наиболѣе благопотребная и благоугодная.

На насъ, сыны Православной Россіи, лежитъ и другой существенный и непрѣмный долгъ въ отношеніи къ Царю и отечеству,—долгъ: на поприщѣ гражданскомъ, въ жизни общественной заявлять свою любовь и къ Царю и отечеству самымъ дѣломъ. Всѣ мы должны твердо помнить и исполнять всѣ свои обязанности, которыя такъ часто и такъ ясно предписываются въ словѣ Божіемъ и въ ученіи Церкви,—обязанности, съ исполненіемъ которыхъ тѣсно связано и наше собственное благополучіе и благоустройство отечества. *Вышній владыкъ царствомъ, и ему же восхоцетъ, даетъ е;—сердце Царево во руцѣ Божіей*,—значить, мы обязаны чтить Царя какъ Избранника и Помазанника Божія, и являть Ему полное повиновеніе, разумное, покорное содѣйствіе добросовѣстнымъ участіемъ въ дѣлахъ общественной жизни всѣми своими силами, христіанскимъ упорядоченіемъ своихъ взаимныхъ другъ къ другу отношеній, назиданіемъ ближнихъ своихъ примѣромъ своей безукоризненной, правдивой дѣятельности и христіански-благочестивой жизни. Разъ и навсегда

утвердимъ въ своемъ сознаниі, что покорность и уваженіе къ отечественнымъ законамъ, преданность Богомъ установленнымъ властямъ суть тѣ начала, которыя составляютъ основаніе общественной жизни, государственнаго строя, который иногда такъ неправильно и превратно понимается людьми развращенными. Святая вѣра наша внушаетъ намъ стремиться къ свободѣ чадъ Божіихъ, а не къ той разнузданной свободѣ, при которой каждый можетъ дѣлать все, что ему ни вздумается; истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы по убѣжденію христіански-просвѣщеннаго разума, по влеченію благоустроеннаго сердца, по доброй волѣ дѣлать одно доброе, полезное и для себя и для другихъ. Власть предержавшая обуздываетъ только своеволіе, неразумный произволь, а истинную свободу не только не стѣсняетъ, но развиваетъ и поощряетъ всячески.

Исполненіе обязанностей, какія налагаетъ на насъ нашъ долгъ въ отношеніи къ Царю и отечеству, требуетъ отъ насъ неизмѣнной вѣрности христіанскимъ взглядамъ и убѣжденіямъ,—требуетъ отъ насъ живой преданности вѣрѣ Христовой, которая дарована отъ Бога, какъ руководительница на пути не только къ вѣчному спасенію, но и къ временному благополучію. Вѣрѣ Христовой все человѣчество обязано всѣмъ, что есть въ немъ лучшаго—въ его законахъ, въ его правахъ и обычаяхъ, во всѣхъ взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ,—семейныхъ и гражданскихъ. Всякое зло въ жизни людей есть горестный плодъ отступленія отъ правилъ Евангельскаго ученія. Только человѣкъ съ живою вѣрою въ Бога можетъ отрѣшиться отъ того своекорыстія и самолюбія, которыя такъ разнообразно разрушительны въ дѣлѣ общественнаго благоденствія и временнаго счастья каждаго и окончательно гибельны для нашего вѣчнаго спасенія; только человѣкъ твердый въ христіанскихъ убѣжденіяхъ можетъ понимать все счастье самоотверженной любви къ ближнимъ, и не отречется понести тяготы ихъ. Только въ христіанскомъ сердцѣ тверды понятія правды и чести. Кто не вѣренъ Богу, тотъ не можетъ быть вѣренъ обязанностямъ своего званія. Преданность св. вѣрѣ рождаетъ въ нашемъ сердцѣ всѣ возвышенныя и благородныя стремленія и желанія; она даетъ намъ побужденія ко всему доброму и спасительному и низводитъ въ нашу душу

преизобилующую благодать Божию; эта преданность должна охранять насъ отъ того лжепросвѣщенія, которое, обольщая прелестями новизны, свободою мысли, мнимымъ движеніемъ впередъ, привязываетъ умъ и сердце человѣка къ землѣ, къ предметамъ природы видимой, вещественной, а стремленіи горѣ, къ невидимому, духовному, небесному отвергаетъ и заглушаетъ, подъ видомъ просвѣщенія распространяетъ вредное вольнодумство и ложь, попираетъ св. вѣру, подавляетъ всѣ наилучшія убѣжденія ума и чаянія сердца.

Богъ всякія благодати, призвавшій насъ въ вѣчную Свою славу о Христѣ Иисусѣ, Той да совершитъ насъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ насъ въ преданности св. вѣрѣ нашей, да въ духѣ этой вѣры исполняемъ свои обязанности въ отношеніи къ нашему возлюбленному Царю-Благодѣтелю и отечеству нашему, — и да будутъ благопріятны Господу наши молитвы и благодаренія за спасеніе Государя, какъ въ прошедшее время, такъ и во всѣ дни живота Его. *Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зъмо! Аминь.*

Протоіерей Василій Варсовъ.

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Евреи вотъ еще что говорятъ: будто бы со стороны сангедрина, т. е. высшаго судилища, были употреблены всѣ мѣры къ оправданію Іейшу Ганоцри (назарянина) и къ освобожденію его отъ

заслуженной смертной казни. Сорокъ дней, говорятъ евреи, водили Іейшу по городу, а вѣстникъ ѣхалъ впереди и взывалъ:» вотъ преступникъ, предназначенный къ побіенію камнями; онъ занимался чародѣйствомъ и оболычалъ народъ, проповѣдуя идолослуженіе! Если кто можетъ сказать что-нибудь въ пользу его, тотъ пусть выступитъ впередъ и говорить что знаетъ. Но такъ какъ никого не нашлось, кто-бы могъ сказать что нибудь въ пользу Іейши, то его взяли и повѣсили, наканунѣ Пасхи.» Въ другихъ мѣстахъ талмуда говорится объ этомъ иначе: «Первосвященники, услышавъ о чудныхъ дѣлахъ Іисуса и видя, что, при вѣздѣ его въ Іерусалимъ на ослѣ, народъ встрѣчалъ его торжественно, не могли не обратить вниманія, какъ на этотъ случай, такъ вообще на всѣ поступки Іейшу - Ганоцри. Почему они и обратились къ царицѣ Олейнѣ (Еленѣ), царствовавшей тогда, и требовали отъ нея согласія на казнь Іейшу. Но онъ, явившись къ Олейнѣ, чудесами своими преклонилъ ее на свою сторону. Сангедринъ вмѣстѣ съ первосвященниками, чтобы найти возможность захватить въ свои руки Іейшу, призналъ, что нѣтъ другаго средства къ этому, какъ развѣ сообщить одному изъ членовъ своихъ тайну чудеснаго имени Божія, при помощи котораго, лишивъ чудодѣйственной силы Іейшу, захватить его въ свои руки и предать смертной казни. Одинъ изъ членовъ сангедрина, Іегуда (іуда) Искаріотъ, рѣшился взять на себя общее дѣло всего сангедрина и обѣщалъ употребить, съ своей стороны, всѣ средства къ успѣшному выполненію принятаго имъ порученія. Дѣло улажено, Іегудѣ сообщили тайну мистическаго имени Божія и онъ отправился за Іейшу; но никакъ не могъ взять его. Послѣ неудачной попытки, посрамленный Іегуда, чтобы выйти изъ своего неловкаго положенія, рѣшился поступить въ число учениковъ Іейшу и скоро удостоился полнѣйшей его довѣренности; разузнавъ о всѣхъ дѣлахъ Іейшу, онъ немедленно передалъ о нихъ сангедрину. По составленному заранѣе Іегудою плану, какъ только Іейшу Ганоцри взомель въ храмъ, тотчасъ схватили его и нѣкоторыхъ изъ учениковъ его; остальные же ученики разбѣжались. Іейшу былъ привязанъ къ находившемуся посреди города мраморному столбу, назначенному для наказанія преступниковъ;

Его били, возлагали на Него терновый вѣнецъ и, когда Онъ почувствовалъ жажду, давали Ему пить уксусъ, смѣшанный съ желчью и смирной, для того, чтобы Онъ потерялъ сознание и забылъ употребленіе чудеснаго имени Божія. По опредѣленію сангедрина, Іейшу побили камнями, а потомъ для большаго безчестія хотѣли Его повѣсить; но каждое дерево, которое брали для этого, раскалывалось въ щепки, какъ только хотѣли совершить казнь надъ Іейшу. Іейшу, предвидя родъ своей смерти, еще при жизни заклалъ всѣ деревья силою «Шемъ Машбіе», такъ что ни одно изъ нихъ не могло быть орудіемъ Его казни. Іегуда помогъ дѣлу, представивъ заблаговременно имъ приготовленное особое дерево изъ своего сада, и Іейшу Ганоцри былъ повѣшенъ, несмотря на сдѣланныя Имъ заклинанія (1). Іегуда, зная, что Іейшу при жизни проповѣдывалъ о своемъ воскресеніи, и опасаясь, чтобы ученики не разгласили вѣсть о воскресеніи Іисуса, укравъ тѣло Его, взялъ опое и спряталъ въ ямѣ, которую онъ устроилъ особымъ образомъ на днѣ гнилаго потока; онъ обратилъ теченіе потока вверхъ, разумѣется, силою таинственнаго имени Божія, устроилъ тамъ яму, спряталъ туда тѣло Іейшу и потомъ далъ потоку правильное теченіе, такъ что никто не могъ предположить гдѣ находится тѣло Іисуса. Но ученики Его, не нашедши тѣла своего учителя на мѣстѣ погребенія, стали проповѣдывать, что Онъ воскресъ; а царица Олейна (Елена) провозгласила его Сыномъ Божіимъ, каковымъ и признали Его прежде всего назаряне, а затѣмъ, по распространеніи 12-ю учениками Евангелія, увѣровали въ Него и вездѣ.—Братія! хотя приведенныя нами сейчасъ талмудическія сказанія ничто иное, какъ недѣльныя басни, на которыя не стоило бы и обращать вниманія; но, зная, какую безусловную вѣру питали мы нѣкогда и къ баснословнымъ талмудическимъ сказаніямъ, очень не удивительно, что и эти недѣльные толки мо-

---

(1) Несмотря на всѣ эти дикія сплетенія и беззастѣнчивое искаженіе евангельскихъ сказаній, талмудъ не говоритъ ни о какомъ преступленіи Іисуса Христа. Такъ и здѣсь оправдываются подлинныя слова, сказанныя Господомъ: «Кто изъ васъ обличитъ Меня въ грѣхъ?»

гутъ повліять на иного изъ васъ, поэтому нельзя обойти и ихъ молчаніемъ. Начнемъ хоть съ того, какимъ образомъ могъ кроткій учитель Іешуа Бенъ-Перахье, проводившій постоянно жизнь съ любимымъ ученикомъ своимъ Іейшу, отлучить его отъ себя за то только, что Онъ не похвалилъ глаза козійки?...

Далѣе скажемъ и то: какимъ образомъ воспитанный въ страхъ Божіемъ, Іейшу, въ отмщеніе учителю своему, сталъ поклоняться кирпичу, вмѣсто истиннаго Бога? И откуда беретъ талмудъ, что Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ идолослуженіе? Нелѣпы также и тѣ толки талмуда, что будто бы Іуда былъ снабженъ первосвященниками таинственнымъ именемъ Божіимъ съ тою цѣлю, чтобы удобнѣе было взять учителя; что не находилось дерева для того, чтобы повѣсить на немъ І. Христа, такъ какъ Онъ при жизни своей заклалъ всѣ деревья, чтобы ни одно изъ нихъ не могло идти въ дѣло для этого, а потомъ уже у Іуды является дерево, оказавшееся годнымъ; что архіереи искали человѣка, который бы могъ сказать что-нибудь въ оправданіе Іисуса Христа, но не нашли. А известно, что архіереи искали такого человѣка, который могъ бы лжесвидѣтельствовать на Господа, но не нашли. Изъ самаго же талмуда видно, что народъ собственно не питалъ ненависти въ Іисусу Христу, ибо торжественно встрѣчала Его при въѣздѣ въ Іерусалимъ, и что только одни іудейскіе архіереи предстали предъ царицею Еленою и просили ее наказывать Іейшу. Если же царица Елена, по увѣренію талмуда, видя многочисленныя чудеса Спасителя, увѣровала въ Него, то она уже ни въ какомъ случаѣ не позволила бы евреямъ надругаться надъ Нимъ. И кто же, кромѣ талмуда, не знаетъ, что св. Елена жила на свѣтѣ и вѣровала въ Іисуса Христа черезъ триста почти лѣтъ по Его воскресеніи и вознесеніи? Вѣра въ Спасителя восторжествовала надъ ложью враговъ Христовыхъ, именно потому, что Онъ есть истинный Мессія, Спаситель міра. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли простой человѣкъ возвыситься до равенства съ Богомъ и творить гораздо болѣе чудесъ, чѣмъ Пророки? Если это зависѣло, какъ говорятъ талмудисты, отъ того, что Христосъ будто бы случайно узналъ о тѣхъ мгновеніяхъ, въ которыя можно было испросить у

Бога все, даже равенство съ Нимъ, то почему же до временъ Христовыхъ, и послѣ того, никому не удавалось этого сдѣлать? Извѣстно, что около времени пришествія Спасителя въ міръ, много являлось между евреями лжемессій, какъ на примѣръ, являлся Баркохавъ (сынъ звѣзды), Шабатай Цеви и многіе другіе; но гдѣ они теперь? Память о нихъ исчезла вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ исчезли они. Вѣра же въ Иисуса Христа, со времени пришествія Его въ міръ, и доднесь сохраняется: миллионы людей вѣруютъ въ Спасителя и вѣру свою основываютъ, между прочимъ, на томъ же священномъ Писаніи, которыми руководствуются и сами евреи.

III. О НЕОБХОДИМОСТИ ХРИСТИАНИНУ ЧИТАТЬ СВ. ЕВАНГЕЛІЕ.

Самый лучшій и вѣрный руководитель къ вѣрѣ Христовой и жизни вѣчной есть св. Евангеліе. Оно повѣствуетъ намъ о земной жизни Спасителя, Его чудныхъ дѣлахъ, о Его страданіяхъ, смерти, воскресеніи и вознесеніи. Все это такъ назидательно для христіанина, что онъ, живя на землѣ и слѣдуя ученію Евангелія, можетъ сдѣлаться достойнымъ жителемъ неба. Поэтому-то, братія, намъ, какъ христіанамъ, читать св. Евангеліе весьма полезно и необходимо. Но чтобы сѣмена Евангельскаго ученія могли лучше пасть на ваши души, то необходимо истребить посѣянные въ васъ плевелы, могущія вредить преуспѣянію Евангельскаго ученія; сдѣлать же это удобно тогда, когда разоблачимъ предъ вами ту ложь, которую внушали намъ нѣкогда руководители наши — раввины, во 1-хъ, о томъ, какъ было распространяемо Евангеліе; во 2-хъ, относительно самаго Евангельскаго ученія.

IV. ТАЛМУДИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ О ЕВАНГЕЛЬСКОМЪ УЧЕНІИ.

«Послѣ смерти Иисуса, говоритъ талмудъ, главные ученики Его (въ числѣ 12) отправились во всѣ концы земли съ цѣлію проповѣдывать вѣру въ Него. Иудейскіе старѣйшины и сангедринъ, тревожимые успѣхомъ этой проповѣди, особенно принимаемой простымъ народомъ (гаморицъ), чтобы воспрепятствовать дѣлу распространенія Евангелія, отправили изъ

среды своей нѣкогого Шимона Кифу (Петра), съ тѣмъ, чтобы онъ вразумлялъ ноцримовъ-назореевъ — не принимать проповѣди учениковъ Христовыхъ и, для большого успѣха возложенной на него обязанности, преподали ему тайну чудодѣйственнаго имени Божія. Но Шимонъ Кифа измѣнилъ возложенному на него порученію. Явившись въ главное мѣсто пребыванія ноцримовъ и сотворивъ предъ ними нѣсколько чудесъ (1), онъ убѣдилъ ихъ, что Иисусъ Христосъ есть чаемый израилемъ Мессія. Затѣмъ сталъ уже требовать отъ нихъ, чтобы они согласились выполнять то, что онъ имъ прикажетъ. Когда тѣ изъявили свое согласіе, то Шимонъ Кифа приказалъ имъ ненавидѣть іудеевъ, праздновать вмѣсто пасхальнаго дня — день смерти Іейши — Иисуса Христа и вмѣсто пятидесятаго послѣ Пасхи дня — сороковой день (?). Ноцримы-назорей согласились исполнить приказанія Шимона Кифы въ такомъ только случаѣ, если онъ общается оставаться съ ними навсегда. Когда Кифа согласился на это, то для него поставили столбъ, въ которомъ онъ заключилъ себя и, питаясь хлѣбомъ и водой, прожилъ тамъ 6 лѣтъ, по прошествіи которыхъ онъ умеръ. Еще и теперь, говорятъ евреи, въ Римѣ можно видѣть этотъ столбъ, покрайней мѣрѣ камень, на которомъ Кифа сидѣлъ (!). Когда не было уже въ Римѣ Шимона Кифы, явился нѣкто Ілія и сталъ проповѣдывать, что Шимонъ не точно передалъ ноцримахъ волю Іейши, что Іейшу поручилъ ему, Ілію, передать ноцримахъ волю Его. Этотъ явившійся Ілія сталъ разрѣшать ноцримовъ отъ необходимости обрѣзанія, вмѣсто субботы сталъ проповѣдывать празднованіе слѣдующаго за нею дня; но во время самаго проповѣдыванія

---

(1) Въ іерусалимскомъ талмудѣ, въ древнемъ его изданіи, есть указаніе на чудеса, которыя творилъ Апостоль Іаковъ силою имени Иисуса Христа. Когда ужаленъ былъ змѣемъ, говорится тамъ, раввинъ Эліэзеръ Бенъ Дама, то онъ призвалъ къ себѣ нѣкогого Іакова изъ мѣстечка Сама и тотъ исцѣлилъ его, чрезъ произнесеніе имени Іейши-Бенъ-Пандира. Тамъ же говорится, что какой-то человѣкъ, во имя Іейшу-Бенъ-Пандира, исцѣлилъ внука раввина Іегошуа Бенъ Лева, когда онъ, Лева, по неосторожности чѣмъ-то подавился (Авойде Зара 40,—1).

этого ученія, камень, упавшій будто бы съ неба, поразилъ Илію въ голову и умертвилъ его».

Толки іудеевъ, переданные нами сейчасъ, о распространеніи Евангелія, можно сказать, сами изобличаютъ себя въ своей лживости. Первая ложь та, что будто бы Апостолы учили евреевъ ненавидѣть и презирать своихъ бывшихъ собратій. Можно ли думать такъ о тѣхъ, которые всецѣло были проникнуты любовью ко всѣмъ, даже ко врагамъ? Если бы Апостолы такъ учили, то, конечно, тогда же замѣтны были бы враждебныя отношенія крещенныхъ евреевъ къ некрещеннымъ. Исторически же извѣстно, что евреи, принявши христіанство, жили съ некрещеными собратами своими въ мирѣ, ходили вмѣстѣ въ храмъ іерусалимскій, праздновали іудейскіе праздники, такъ что римляне долго не отличали крещенныхъ евреевъ отъ некрещенныхъ и только въ послѣдствіи начали отлпчать первыхъ отъ послѣднихъ. Затѣмъ, явная ложь и то, будто бы Апостолъ, избранный сангедриномъ для противодѣйствія распространенію Евангельскаго ученія, измѣнилъ своему намѣренію. Ни талмудъ, ни евреи не представляютъ причины, побудившей Петра поступить такъ. Изъ вышеприведеннаго талмудическаго сказанія видно одно, что Петръ дѣйствовалъ не изъ земныхъ расчетовъ, при распространеніи Евангелія; онъ рѣшается питаться хлѣбомъ и водою, наконецъ умереть, чтобы только сохранить и распространить вѣру Христову. Что же, спрашиваемъ мы, побуждало Петра на такой подвигъ? Что заставило ревнителя синагоги измѣнить ей? Талмудъ умалчиваетъ объ этомъ, а заводитъ рѣчь о гибели какого-то Апостола Иліи, который былъ будто бы убитъ въ самую минуту Евангельскаго проповѣдованія. Это сказаніе уже тѣмъ несправедливо, что между всѣми 12-ю учениками, избранными Господомъ и посланными на проповѣдь Евангелія, нѣтъ такого имени. Для большаго убѣжденія излишнимъ считаемъ здѣсь нарочно выписать еврейскія имена всѣхъ 12 учениковъ, на которыхъ главнымъ образомъ указываетъ Талмудъ. Петръ—Шимонъ, Андрей—Андрѣ, Іаковъ—Якойвъ, Іоаннъ—Іойхиванъ, Филиппъ—Пилипойсъ, Варооломей—Бартелумо, Матѣей—Матѣеу, Тома—Тоймо, Іаковъ Алфеевъ—Якойвъ-бенъ-Алпи, Симонъ Зилоть—Шимойнъ-акаи, Іуда Іаковлевъ—Іегуда-ахи-Якойвъ, Іуда Искариотскій—

Иегуда-иш-кирййси. Далѣе, нельзя не сказать, въ опроверженіе талмудическаго сказанія относительно небеснаго пораженія Иліи, вотъ что: уже если Илію небо поразило камнемъ за распространеніе Евангелія, то почему же Апостоль Петръ, какъ первый виновникъ въ дѣлѣ распространенія Евангелія, не былъ наказанъ Богомъ? Какъ хотите, братія, думайте объ этомъ талмудическомъ разказѣ, а мы вполне убѣждены, что онъ несправедливъ. Мы изъ него видимъ одно: что раввинъ изъ ненависти къ распространенію христіанства и для противодѣйствія успѣхамъ Апостоловъ придумывали разныя нелѣпости. Нерѣдко они передавали, или умышленно или за неимѣніемъ должныхъ свѣдѣній, о распространеніи христіанства что-то подобное, но все въ превратномъ и искаженномъ видѣ. Разсмотримъ внимательно и безпристрастно хоть приведенный талмудическій разказъ объ Апостолѣ Петрѣ. Кто не догадается, что въ немъ есть что-то подобное происшедшему съ Апостоломъ Павломъ? Но Талмудъ, какъ мы сейчасъ говорили, будучи чуждъ должныхъ свѣдѣній о жизни св. Апостоловъ, а равно и о ихъ дѣйствіяхъ въ дѣлѣ распространенія Евангелія, перепуталъ сказанія о нихъ: то, что отчасти случилось съ Павломъ, свелъ на Петра. Апостоль Павелъ, какъ видно изъ Дѣяній Апостольскихъ, дѣйствительно былъ уполномоченъ отъ сангедрина противодѣйствовать распространенію христіанства и не мало успѣвалъ въ этомъ. Онъ, какъ извѣстно, шелъ даже въ Дамаскъ съ цѣлю преслѣдовать, гнать всѣхъ увѣровавшихъ во Иисуса Христа; но явившійся ему на пути Господь сказалъ, какъ передаетъ самъ св. Павелъ, что ему, Павлу, трудно будетъ идти противъ Него, Христа, т. е. гнать тѣхъ, которыхъ Онъ призываетъ къ Себѣ. И св. Павелъ, скоро убѣдившись въ сказанномъ ему (онъ ослѣпъ и прозрѣлъ чуднымъ образомъ), долженъ былъ перемѣнить образъ своихъ противныхъ христіанству мыслей, и вмѣсто гонителя Христова сдѣлался ревностнымъ Апостоломъ Его. Въ Дѣяніяхъ св. Апостоловъ есть прекрасная рѣчь самого св. Павла, въ которой онъ выражаетъ какъ чудно призвалъ его Господь Иисусъ Христосъ въ Апостола языковъ; онъ свидѣтельствуетъ торжественно объ этомъ предъ іудеями (Дѣян. 22, 1—25). И нужно сказать, что та самая благодать

Господа, которая призвала Павла къ Иисусу Христу и къ распространенію Евангелія, та же благодать призвала Петра и другихъ Апостоловъ къ сему великому дѣлу. Вотъ почему всѣ они такъ ревностно проповѣдывали Евангеліе! Иной причины и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя сказать, чтобъ Апостолы такъ неутомимо, такъ рѣшительно трудились ради житейскихъ интересовъ. Нельзя этого сказать, потому что Тотъ, Кто посылалъ ихъ на проповѣдь Евангелія, не обѣщалъ имъ земныхъ благъ, а предсказывалъ, что они будутъ преслѣдуемы, гонимы, что имъ придется испытывать голодь, нищету и даже самую смерть. Однако все это ихъ не ужасало и не останавливало; они проповѣдывали какъ предъ язычниками, такъ и предъ іудеями ученіе Христово, и оно такъ быстро проникло во всю вселенную и нашло такое сочувствіе въ сердцахъ людей, искавшихъ спасенія, что вскорѣ изъ вѣрующихъ составилось многочисленное общество,—св. Церковь. Могло ли все это произойти безъ особеннаго дѣйствія Промысла Божія? Неужели всемірный переворотъ, происшедшій вслѣдствіе Евангельской проповѣди, не можетъ еще служить доказательствомъ того, что св. Апостолы проповѣдывали святѣйшія истины, проповѣдывали по волѣ Господа-Бога истиннаго? Но довольно объ этомъ. Обратимъ теперь вниманіе на то, что говорятъ евреи и противъ св. Евангелія.

Такъ, намъ говорили отцы наши, что Иисусъ Христосъ, по пришествіи на землю, разрушилъ Ветхій Завѣтъ, что Онъ вообщемъ училъ будто бы противно ученію Моисея и Пророковъ, поэтому-то и слѣдуетъ избѣгать ученія Его, какъ богопротивнаго. Считать Евангеліе противнымъ Божественному ученію могутъ только тѣ, которые нисколько незнакомы съ его содержаніемъ. Иисусъ Христосъ, будучи на землѣ, вотъ что говорилъ іудеямъ: *не мните, яко придохъ разорити законъ, или пророки: не придохъ разорити, но исполнити* (Матѣ. 5, 17). Эти слова какъ нельзя лучше оправдываются самымъ дѣломъ. Вникая въ сущность христіанскаго ученія, видимъ, что оно совершенно согласно съ закономъ, даннымъ израилю на Синаѣ. Для примѣра, приведемъ хотя то, что говорилъ Иисусъ Христосъ вопрошавшимъ Его: *какая заповѣдь наибольшая въ законѣ? Возлюби Господа Бога твоего, отвѣчалъ*

Спаситель, *вспма сердцама твоима, и всею душою твоею, и
вспма разумнїема твоима. Сїя есть первая и наибольшая за-
повѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего
какъ самого себя. Въ силѣ двухъ заповѣдяхъ состоитъ весь за-
конъ и пророки* (Матѣ. 22, 37—41). Незнакомый съ Еванге-
ліемъ можетъ подумать, что Спаситель только училъ такъ,
Самъ же поступалъ совсѣмъ иначе. Но Евангельская исторія
показываетъ, что Иисусъ Христосъ, во время земной жизни,
исполнялъ все повелѣнное закономъ. Онъ, какъ въ дѣт-
ствѣ, такъ и въ продолженіи всего своего общественнаго
служенія, пламенно ревновалъ о св. храмѣ (Іоан. 2), хо-
дилъ въ Іерусалимъ на праздникъ, посылалъ испѣленныхъ
Имъ же самимъ отъ проказы къ іудейскимъ священникамъ
для законнаго свидѣтельства, заповѣдывалъ соблюдать и тво-
рить *елико аще рекуть* сѣдящіе на Моусеевомъ сѣдалищѣ.
Правда, что Спаситель, какъ великій устроитель Новозавѣт-
ной Церкви, отмѣнилъ нѣкоторыя переходящія формы ветхо-
завѣтныхъ обрядовъ и установленій. Вотъ противъ этого
главнымъ образомъ и кричитъ фанатикъ-еврей. Онъ при раз-
говорѣ съ христіаниномъ объ этомъ непремѣнно будетъ увѣрять,
что Иисусъ Христосъ не долженъ былъ ни единой іоты измѣ-
нить изъ древняго закона. Поэтому мы считаемъ весьма нуж-
нымъ рассмотреть здѣсь и обсудить съ вами, братія, могъ ли
Спаситель перемѣнять нѣкоторыя, такъ-сказать, перегородки
въ ветхозавѣтномъ зданіи Моусеева закона, который былъ
ничто иное, какъ сѣнь новой благодати? Вамъ должно быть
хорошо извѣстно, какіе доводы существуютъ у евреевъ противъ
этого. Они возражаютъ всегда одно, что Иисусъ Христосъ не
могъ этого сдѣлать, такъ какъ Самъ Богъ говоритъ о неизмѣ-
няемости древняго закона: «и пребудетъ законъ Мой—во вѣки»
(Исходъ 36, 37). Но подобныя заключенія евреевъ относи-
тельно вѣчнаго существованія закона Моусеева весьма оши-
бочны. Слово «во вѣкъ» не означаетъ еще вѣчность; въ этомъ
убѣждаетъ насъ само священное Писаніе. Такъ, напримѣръ,
въ книгѣ Царствъ Богъ говоритъ Соломону, что Онъ пребу-
детъ съ нимъ во вновь выстроенномъ храмѣ во вѣки (3 Цар.
9, 9). Однако мы видимъ, что храмъ Соломона давно раз-
рушенъ. Есть много и другихъ мѣстъ священнаго Писанія,

въ которыхъ говорится, что суббота, жертва мира и другія жертвоприношенія будутъ во вѣки, во роды, вѣчно (Исх. 31, 17; Лев. 3, 17 и 7, 34) и кивоть завѣта, сказано, носится леви-тами даже до вѣка. (1 Парал. 15, 2). Но приносятся ли те-перь жертвы у евреевъ и существуетъ ли теперь кивоть за-вѣта? Правда, субботы у іудеевъ, по видимому, соблюдаются, но что пользы отъ наружнаго ея соблюденія, когда Самъ Богъ говорить устами пророка Исаи: «субботы и праздники ваши ненавидитъ душа Моя». А пророкъ Іеремія говорить объ обрѣзаніи: «обрѣжьте жестокосердіе ваше» (Іерем. 4, 4). Итакъ мы видимъ, что все то, что должно было, по мнѣнію іудеевъ, существовать вѣчно, давно уже не существуетъ. Послѣ этого спрашиваемъ: почему же ветхій законъ, данный изра-илю какъ бы до вѣка, не могъ быть, въ извѣстное время, замѣ-ненъ болѣе высокимъ завѣтомъ новымъ, благодатнымъ? Еврей на это будетъ упорно отвѣчать одно: «никто не могъ ничего из-мѣнять въ законѣ; нельзя было къ нему ни прибавлять, ни убавлять». На такое упорное возраженіе мы вотъ что еще спросимъ у невѣрующаго іудея: могъ ли знаменитый во израиля раввинъ Іегуда—Гакодашъ (Іегуда, называемый святой) даль-евреямъ М и ш н у, — дополненіе закона? Далѣе: могли ли раввинъ Раша, раввинъ Ор-гахаимъ и другіе составлять для израиля многочисленные законы, какъ положительные, такъ и запрещающіе? Несомнѣнно, — могли, отвѣтить на это еврей. Эти законы, скажетъ онъ, для насъ болѣе важны, чѣмъ самая «Тора», — законъ Моусея. Если такъ, то почему же, спраши-ваемъ, великій Божественный законодатель Іисусъ Христосъ не могъ восполнить древній законъ? Но мы не желаемъ останавливаться на одномъ этомъ, такъ какъ знаемъ, что евреи при разсужденіи объ этомъ стараются всячески укло-ниться отъ прямаго отвѣта. Они говорятъ, что раввины вовсе не измѣняли сущности закона Моусея, а своими ученіями лишь восполнили его. Но вотъ фактъ на лице, показывающій, что они очень многое измѣнили. Такъ, въ законѣ Моусея сказано: «если еврей умретъ и не оставитъ дѣтей, то братъ умершаго долженъ взять себѣ въ жену его вдовицу». Но раввины, боясь, чтобы отъ этого не произошло зло, такъ какъ другой можетъ влюбиться въ жену брата и причинить ему

смерть, чтобы жениться на женѣ его, постановили: «развести и не принуждать брата къ женитьбѣ». Но въ книгѣ Числь сказано: *ѡа не превратится наслѣдіе сыновъ израилевыхъ отъ племени въ племя ико: кійждо въ наслѣдіи племени отечества своего жекитися и умта сынове израилевы* (Числь 36, 7), т. е. если умереть человѣкъ изъ какого-либо колѣна и рода безъ дѣтей мужескаго пола, оставивъ однѣхъ дочерей, то невозможно имъ выходить въ замужество иначе, какъ въ ихъ же колѣнѣ, равнины же, измѣнивъ этотъ коренной законъ, сказали, что онъ относится только ко времени владѣнія евреями землею Ханаанской, и поэтому нашли возможнымъ измѣнить его и измѣнили. Раввинъ Исаагъ вотъ что сказалъ по поводу этого отступленія: «какъ племена Израиля перемѣнились въ землѣ Ханаанской, такъ можетъ быть и то, что перемѣнится еще очень многое, написанное въ законѣ Моисея (см. соч. рав. Исаака). Въ Талмудѣ Месихтэнидо, гдѣ идетъ рѣчь объ одеждѣ, предписанной закономъ для израиля, изъ какой, напримѣръ, матеріи должны быть спиты еврейскія одежды и какъ поступать, если въ нихъ окажется примѣсъ другой матеріи, положительно доказывается, что подобные законы отмѣняются въ будущее время, т. е. въ дни прішествія Мессіи. Въ книгѣ Макоть, отдѣленіи: «илугенъ-галокенъ», раввинъ Шамлой толкуеть, что изъ 613 приказаній (тарьягъ-мидвосъ) даны Моисею на Синаѣ 365 приказаній отрицательныхъ, по числу дней солнечныхъ, а 248 приказаній утвердительныхъ, по числу членовъ человѣческихъ. Раввинъ Гуно спросилъ его: откуда взялъ ты это? Тотъ отвѣчалъ словами Второзаконія 33 гл. ст. 4. Законъ—Торе завѣщаль намъ Моисей; а въ словѣ «Торе» дѣйствительно по счету заключается 613, если буквы переложить на цифры (?). Поэтому Израиль обязанъ исполнять 613 приказаній закона. Но раввинъ Соломонъ Іархій доказывалъ, что только прежніе люди, будучи праведны, могли выполнить всѣ предписанія закона. Но время отъ времени, когда люди стали слабѣе и не въ силахъ были уже выполнять многочисленныя предписанія Торы, то законоучители сокращали законы; такъ, напримѣръ, Давидъ постановилъ только 11 пунктовъ, упоминаемыхъ въ Псалмѣ 23 ст. 3 и 4. Далѣе, когда люди сдѣлались еще слабѣе, то

пророкъ Исаія постановилъ только 6 пунктовъ (см. Исаіи 33, 15). За нимъ Михей постановилъ 3 пункта (Михей 6, 8)). Когда же явился Аввакумъ, то постановилъ 1 пунктъ: «праведникъ отъ вѣры, говоритъ онъ, живъ будетъ». Во многихъ трактатахъ талмуда, какъ напримѣръ, въ книгѣ Бовемеціо, раввины, касаясь нѣкоторыхъ уложеній Талмуда, бывшихъ до нихъ, постановляли такъ: «отложить рѣшеніе этихъ вопросовъ до пришествія Мессіи, который съ явленіемъ своимъ въ міръ все намъ раскроетъ и всему насъ научить». Судя даже по одному этому, Иисусъ Христосъ, какъ Мессія, имѣлъ право измѣнять и восполнять многое въ законѣ. Но вотъ еще большее доказательство тому, — доказательство самого священнаго Писанія, свидѣтельствующее, что Мессія, какъ Великій Законодатель израиля, не только имѣлъ право измѣнить многое въ законѣ, но имѣлъ власть дать вѣрующимъ въ него за вѣтъ новъ. Пророчество объ этомъ находимъ у пророка Іереміи: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завлцаю дому Израилеву и дому Іудину завлтъ новъ; не по завлту, его же завлцахъ отцемъ ихъ, въ день въ онъ же емшу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія, яко тѣи не пребыша въ завлтъ Моимъ, и Азъ небрегохъ ихъ, глаголетъ Господь* (Іер. 31, 31—32). А пророкъ Исаія сказалъ даже, гдѣ именно данъ будетъ этотъ законъ: *яко будетъ въ послѣднія дни, говоритъ онъ, явлена гора Господня, и домъ Божій на версъ горъ, и возвысится превыше холмовъ: и придутъ къ ней вси языцы. Отъ Сіона бо изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима.* (Исаіи 2, 2—4).

(Продолженіе впереди).

РѢЧЬ

ПО ВЫНОСѢ ВЪ ИСААКІЕВСКОЙ СОВОРЪ ТѢЛА УСОПШАГО ІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ
ИЛЫЧА СВРАФИМОВА, СКАЗАННАЯ ТИХОНОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ВЬБОРГ-
СКИМЪ, МАРТА 31 ДНЯ 1871 Г.

Послѣ молитвы въ Богу о упокоеніи души усопшаго раба
Божія іерея Василя, намъ весьма кстати будетъ соутѣшиться
и воспоминаніемъ о его такъ рано угасшей жизни.

По исконному правилу житейской мудрости, объ умершихъ
слѣдуетъ говорить одно лишь доброе. Если же добраго нечего
сказать, то лучше молчать. Но въ покойномъ іереѣ такъ
много было добраго, что ничего не сказать о немъ было-бы
съ нашей стороны и несправедливо, и неблагоприятно.

Кто близко и хорошо зналъ покойнаго отца Василя,
тотъ не можетъ не сказать, что это былъ человѣкъ съ умомъ
свѣтлымъ и образованнымъ, и, при всемъ томъ, не надмен-

нымъ, не кичливымъ; былъ человѣкъ съ сердцемъ теплымъ и любвеобильнымъ, не тѣсно вмѣщавшимъ въ себѣ всѣхъ, прибѣгавшихъ къ нему за какою бы то ни было помощію, и незлопамятнымъ; былъ человѣкъ съ волею благожелательною и благотворительною, ничего не жалѣвшею для блага ближнихъ. Словомъ сказать: это былъ человѣкъ съ душою, которой всѣ силы стройно всегда стремились къ одному лишь добрымъ цѣлямъ, и стройнымъ стремленіемъ своимъ сообщали покойному полное и неотъемлемое право пользоваться въ обществѣ именемъ прекраснаго человѣка.

Прекрасныя свойства души вполне стразились и во всей его жизненной дѣятельности. Если мы захотимъ обратить наше вниманіе на дѣятельность почившаго собрата нашего: то не погрѣшимъ, если скажемъ, что это былъ труженикъ, который, умирая, не обинуясь могъ сказать, подобно Апостолу: *подвизомъ добрымъ подвизахся!*

Не многолѣтня, но немало трудна и немало плодна была жизнь предлежащаго во гробѣ семъ священнослужителя Божія! Вспомните ли вы о его приготовительномъ къ жизни періодѣ чрезъ воспитаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, отъ низшаго до высшаго, отъ училища до академіи; или пожелаете обозрѣть періодъ его служебной дѣятельности, какъ пастыря и попечителя о бѣдныхъ духовнаго званія,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ покойный отецъ Василій Ильичъ явится предъ вами добрымъ и даже очень добрымъ подвижникомъ.

Всякій изъ насъ знаетъ, что отличные успѣхи въ наукахъ не легко достаются ученикамъ; что, даже при самыхъ счастливыхъ дарованіяхъ, ученику необходимо еще неослабное прилежаніе для того, чтобы оказать желаемые успѣхи. Покойный нашъ собратъ, въ продолженіе всего курса своего ученія, всегда оказывалъ успѣхи, можно сказать, блистательные. Во вниманіи къ его отличнымъ успѣхамъ, начальство признало въ свое время справедливымъ удостоить его чести быть стипендіатомъ почившаго въ Бозѣ митрополита Серафима, съ прибавленіемъ новой фамиліи «Серафимовъ» къ его прежней фамиліи «Боголюбовъ», а, по окончаніи имъ академическаго курса, присвоить ему ученую степень магистра. Такимъ обра-

зомъ по успѣхамъ, оказаннымъ покойнымъ отцемъ Васи́лемъ въ періодъ его воспитанія, можно судить о значительности подъятыхъ имъ въ то время трудовъ.

При всей своей учености, нашъ покойный собратъ настолько былъ смиренномудръ, что въ началѣ служебнаго своего поприща не погнушался принять на себя весьма скромную должность пастыря въ новодеревенскомъ приходѣ. Какъ ни кратковременно было его служеніе въ названномъ мѣстѣ,—при всемъ томъ покойный о. Василій такъ глубоко успѣлъ повліять и словомъ и житіемъ на новодеревенскихъ прихожанъ, что и поднесъ онъ живеть въ ихъ благодарной памяти. Пастырская дѣятельность покойнаго на настоящемъ мѣстѣ его служенія хорошо извѣстна братіи святаго храма сего; а потому и не нахожу нужнымъ много о ней распространяться. Смѣю думать, что не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что всѣми сторонами своей дѣятельности на настоящемъ мѣстѣ покойный нашъ собратъ время отъ времени все болѣе и болѣе приближался къ идеалу добраго пастыря.

Спустя немного времени, послѣ перемѣщенія покойнаго отца Васи́лія къ Исаакіевскому собору,—ему суждено было вступить въ число членовъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. О его попечительской дѣятельности намъ случилось слышать самые лестные отзывы. Самыя восторженныя ему похвалы въ этомъ отношеніи слышатся изъ устъ его сочленовъ по попечительству, которые торжественно заявляютъ, что это былъ неутомимый, образцовый труженикъ, своею дѣятельностію дѣлавшій не малую честь попечительству. По крайней мѣрѣ нельзя не согласиться въ томъ, что покойный нашъ собратъ былъ жаркимъ поборникомъ чести попечительства. Думаю, что весьма многіе изъ моихъ слушателей живо помнятъ ту пламенную ревность, съ какою покойный о. Василій выступилъ на защиту добраго имени попечителей отъ нареканій публицистики. Кому неизвѣстны его полемическія статьи, написанныя по поводу этихъ нареканій? Этотъ литературный трудъ покойнаго апологета тѣмъ большую дѣлаеть ему честь, чѣмъ менѣе могли его касаться нареканія не только лично, но и вкупѣ съ другими его сочленами; такъ какъ сами же его сочлены утверждаютъ, что обличительныя статьи противъ

попечительства направлены на безпорядки давно прошедшаго времени, когда отецъ Серафимовъ не былъ еще его членомъ, а потому не долженъ и подлежать какимъ бы то ни было нареканіямъ за то время. А ратовать не за себя, а за другихъ,—ратовать не для того, чтобы только порисоваться передъ публикою, а для того, чтобы возстановить поправную честь ближняго,—не значитъ ли—дѣйствовать въ высшей степени честно и благородно? Не мѣсто и не время входить въ разбирательство, насколько справедливы были убѣжденія покойнаго защитника чести попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію то, что его убѣжденія были искренни, тверды, глубоки, и безкорыстны до забвенія о себѣ самомъ. А человѣкъ съ такими убѣжденіями — не дюжинный человѣкъ!

Смерть такого человѣка, какъ нашъ покойный о. Василій Ильичъ, человѣка столь энергичнаго въ своей дѣятельности, и дѣйствовавшаго столь честно и благородно, порою даже самоотверженно, составляетъ для общества не маловажную потерю. Такая потеря особенно должна быть чувствительна для людей, связанныхъ съ покойнымъ тѣсными узами родства и дружбы.

Сродники и друзья почившаго! Понимаемъ, какъ велика ваша потеря, и какъ должна быть жестока, происходящая отъ таковой потери, ваша скорбь! Понимаемъ, что для вашихъ душъ, пораженныхъ горемъ, крайне нужно подкрѣпленіе, утѣшеніе. Отъ всей души желали бы мы утолить вашу печаль. Но въ подобныхъ случаяхъ недостаточно одного лишь чловѣческаго утѣшенія.

Источникъ всякаго истиннаго утѣшенія, воскресый изъ мертвыхъ, смертію смерть поправый, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавый, Господь нашъ Іисусъ Христосъ Самъ да утолитъ вашу скорбь, Самъ да утѣшитъ васъ своею Божественною благодатію, и да упокоитъ душу усопшаго раба Своего іерея Василя во свѣтлыхъ обителяхъ небеснаго царствія.

СЛОВО

при отпѣваніи священника кафедральнаго Исаакіевокаго собора, магистра, Василія Ильича Серафимова, 1-го апрѣля 1871 г.

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
смертію смерть поправъ и сущимъ
во гробѣхъ животь даровавъ.

Св. Церковь поетъ побѣдныя пѣсни надъ смертію, а смерть продолжаетъ брать съ насъ свой страшный оброкъ,—и вотъ еще новая, свѣжая ея жертва!

Тяжело провозжать въ могилу и посторонняго, чуждаго намъ человѣка; но опустить въ сырую землю прахъ человѣка намъ близкаго,—близкаго не по школьнымъ только воспоминаніямъ, не по внѣшнимъ только отношеніямъ службы, но по духовному сродству, по какой-то нравственной гармоніи, по единству цѣлей и стремленій—еще тяжелѣе; вѣдь это нѣкоторымъ образомъ значитъ заживо хоронить самихъ себя.

Въ лицѣ о. Василія, сослужителя нашего, мы потеряли именно такого близкаго намъ человѣка. Не беремъ на себя труда представить полный очеркъ этой чистой, свѣтлой личности, такъ рано угасшей для жизни и для дѣятельности,—угасшей въ такую пору, когда, повидимому, настоятъ особенная нужда въ такихъ честныхъ, разумныхъ, энергическихъ дѣятеляхъ; прослѣдимъ, по крайней мѣрѣ, жизнь о. Василія, какъ приходскаго священника, въ ея главныхъ моментахъ. Пусть съ нашей стороны это будетъ слабою данью глубокой любви и уваженія къ почившему; недосказанное нами—надѣмся—восполнить благодарная память многочисленныхъ его почитателей.

О. Василій былъ пастыръ по призванію; это призваніе высказывалось во всемъ объемѣ его пастырской дѣятельности.

Откуда родилась въ немъ эта горячая любовь къ церкви Божіей, къ ея св. ученію, къ ея уставамъ, къ ея виѣшнимъ предписаніямъ, намъ неизвѣстно; вѣрно только то, что это дѣйствительно былъ слуга Божій, добрый пастырь; онъ проникнуть былъ святостію своего служенія, сознавалъ всю его плодотворность, и, сознавая такое высокое его значеніе, проходилъ его съ рѣдкимъ усердіемъ. Этимъ огнемъ любви къ славѣ Божіей и къ спасенію ближнихъ запечатлѣна была вся его пастырская дѣятельность: онъ жилъ ею и для нея.

Есть роды служенія, гдѣ и безъ особеннаго призванія можно приносить пользу обществу, но есть и такіе, гдѣ безъ любви къ дѣлу, на которое поставленъ, успѣхъ невозможенъ. Солнце, какъ бы ни было хорошо оно нарисовано, не свѣтитъ, не грѣетъ; не подѣйствуетъ благотворно и наше православное богослуженіе, какъ ни назидательно оно по своему внутреннему значенію, если самъ священнослужитель не проникнуть благоговѣніемъ; отсутствіе благоговѣнія въ священникѣ скажется въ каждомъ его тѣлодвиженіи, какъ бы оно ни было, по наружности, церковно-правильно, услышится въ каждомъ звукѣ его голоса.

О. Василій сознавалъ такое отношеніе священнослужителя къ совершаемому богослуженію, — и во время богослуженія исчезалъ, такъ сказать, для міра, для всѣхъ мірскихъ впечатлѣній, и всецѣло предавался молитвѣ. Ничто его такъ не огорчало, какъ то, когда развлекали его во время службы или вопросами или разговорами между стоящими въ алтарѣ лицами. Внимательно слѣдилъ онъ за тѣмъ, что и какъ читается и поется, и никогда не оставлялъ безъ строгихъ выговоровъ ни чтецовъ, ни пѣвцовъ, если что-нибудь не такъ дѣлалось, какъ слѣдуетъ; за то какъ истинно былъ радъ и счастливъ, когда все совершалось благообразно и по чину. «Какъ наши пѣвчіе поютъ дивно хорошо», со слезами на глазахъ говорилъ онъ мнѣ въ Страстную пятницу прошлаго года, когда они дѣйствительно хорошо исполнили извѣстную пѣснь: «Тебе одѣющагося!», — слова, невольно вырвавшіяся изъ переполненнаго сердца, такъ какъ во время службы о. Василій обыкновенно хранилъ благоговѣйное молчаніе. За то знали и цѣнили прихожане о. Василія съ этой стороны; не

разъ, при посѣщеніи собора, приходилось слышать такой вопросъ: кто будетъ служить? и видимо были рады вопрошавшіе, когда имъ говорили, что будетъ служить о. Василій. Конечно, не всѣ вообще были довольны, что служба, на его очередной недѣлѣ, шла очень продолжительно; онъ зналъ это, зналъ и то, что другіе его товарищи служить не такъ медлительно; но тѣмъ не менѣе никогда не уклонялся отъ своего правила и на всѣ замѣчанія по этому предмету всегда говорилъ одно: «всѣмъ угодить нельзя, я держусь устава обязательнаго для всѣхъ». За общими службами въ приходскихъ церквахъ большею частію слѣдуетъ цѣлый рядъ частныхъ службъ въ видѣ молебновъ, панихидъ и другихъ молитвословій, какъ въ самой церкви, такъ и на домахъ. Какъ ни много было у о. Василія частныхъ, иногда неотлагаемыхъ, занятій, лично для него выгодныхъ, но во время чередной недѣли онъ, казалось, забывалъ о нихъ, жертвуя такимъ образомъ своими интересами для общей пользы. Изъ многочисленныхъ посѣтителей собора едва ли найдется хоть одинъ, который бы могъ пожаловаться, что о. Василій когда-нибудь, по своимъ личнымъ нуждамъ, отказалъ ему въ совершеніи какой-либо службы. И не изъ корысти выходила у него такая строгая исполнительность; нѣтъ,—бѣдныя нашего врихода, о правильномъ пособіи которымъ онъ такъ много заботился особенно въ послѣднее время, знаютъ, что за свою для нихъ службу нерѣдко онъ самъ платилъ имъ; нѣтъ,—это выходило у него изъ глубокаго сознанія долга, который у него всегда стоялъ на первомъ планѣ,—предъ которымъ онъ благоговѣлъ и нарушеніе котораго считалъ тяжкимъ для себя преступленіемъ.

О. Василій былъ пастырь и словомъ, но не въ смыслѣ церковнаго оратора, а въ смыслѣ простаго учителя своей паствы. Всякій случай служилъ для него поводомъ къ назиданію; не было такой т р е б ы, на которой бы онъ не сказалъ хоть нѣсколькихъ словъ въ поученіе; говорилъ самъ и товарищей по службѣ возбуждалъ къ дѣятельности въ такомъ же смыслѣ; онъ сознавалъ всю необходимость простаго, живаго, пастырскаго слова для массы вѣрующихъ и отъ души скорбѣлъ, что такой проповѣди нѣтъ у насъ въ соборѣ. «Хорошее

дѣло и проповѣди, не разъ говаривалъ онъ мнѣ, да что отъ нихъ пользы для простаго народа; вѣдь нѣтъ основанія, на которомъ бы простолудинъ могъ утвердить обширныя изложенія различныхъ нравственныхъ правилъ, которыя иногда въ нихъ предлагаются; все современемъ развалится, какъ домъ безъ основанія; нѣтъ, — для простаго народа нужны катихизическія бесѣды; нужно систематически знакомить его съ православіемъ; церковь для него пока единственная даровая школа. Насъ часто поражаетъ грубое невѣжество нашего простаго народа; а чѣмъ виноватъ онъ, если мы его ничему не учимъ, — мы ближайшіе, призванные его учителя!». Сколько тутъ трогательной заботливости о нравственно-религіозномъ воспитаніи меньшей братіи нашей!

Но ревность къ проповѣданію слова Божія, непокидавшая о. Василія въ продолженіе цѣлаго года, пробуждалась съ особенною силою во дни Великаго поста. Въ это время онъ говорилъ уже настоящія поученія; — но опять это были простыя, незатѣйливыя поученія, что однако же не мѣшало имъ сильно дѣйствовать на слушателей, такъ какъ каждое въ нихъ слово прямо выливалось изъ глубоко-вѣрующаго любвеобильнаго его сердца.

Должность церковнаго учителя онъ не отдѣлялъ отъ должности законоучителя, — и въ этой частной сферѣ дѣятельность его была не менѣе плодотворна. Отцы и матери, вѣрявшіе своихъ дѣтей доброму водительство о. Василія, сами, конечно, засвидѣтельствуютъ, какъ честно и добросовѣстно относился онъ къ великому дѣлу нравственно-религіознаго воспитанія своихъ питомцевъ, и вѣрно не забудутъ его въ своихъ благодарныхъ молитвахъ. Намъ неизвѣстна его педагогическая дѣятельность, но, судя по его характеру и зная его строго-православныя-убѣжденія, можемъ догадываться, какой это былъ законоучитель. Огонь вѣдь жжетъ, чего бы ни коснулся, — такова его природа; таковъ былъ, по своему характеру, и о. Василій; за что ни брался онъ, все дѣлалъ съ любовію и съ усердіемъ, а не кое-какъ, и оттого, что онъ ни дѣлалъ, все выходило хорошо.

Мы видѣли о. Василія въ церкви, какъ священнослужителя и учителя; — посмотримъ теперь на него въ его

сѣмейномъ, домашнемъ быту. И здѣсь, въ домашнемъ быту, отразился высоко-нравственный его характеръ. Уже при входѣ въ его жилище чувствовалось вѣяніе какой-то чисто-духовной атмосферы. Ибо что представляла его квартира? Нѣсколько небольшихъ, опрятно содержимыхъ комнатъ, украшенныхъ превосходными гравюрами, изображающими событія по преимуществу изъ земной жизни Христа Спасителя; и надобно было видѣть, какъ онъ былъ радъ, радъ какъ дитя, когда случалось ему приобрести какое-либо особенно замѣчательное произведеніе въ этомъ родѣ. Значить, и дома онъ хотѣлъ жить, и жилъ великими воспоминаніями священной древности, такъ что и домъ его былъ для него какъ бы продолженіемъ храма.

А о томъ, какъ онъ любилъ свою семью, какъ горячо заботился о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, нечего и говорить. Даже во время послѣдней весьма продолжительной своей болѣзни, когда, за оскуднѣніемъ матеріальныхъ средствъ и за экстренными ежедневными расходами на врачей и лекарства, слѣдовало бы приостановить очень дорого стоившіе ему уроки дѣтямъ, онъ никакъ не соглашался на это. «Богъ дастъ — поправлюсь, говорилъ онъ, утѣшая свою жену, усилю мои труды, и за все вознаградимъ и всѣмъ заплатимъ».

Что же будетъ теперь съ тобою, осиротѣвшая семья? Вѣдь кромѣ честнаго имени и добраго ученія, къ сожалѣнію, далеко еще недовершеннаго, отецъ вашъ, кажется, ничего не оставилъ вамъ, бѣдные сироты!! «Издержался до послѣдней копейки»,—вотъ были слова его, сказанныя намъ не за долго до смерти.

Нѣтъ сослуживца, которому бы не приходилось слышать отъ о. Василія тѣхъ или другихъ, иногда даже и очень строгихъ, замѣчаній; но нѣтъ ни одного между нами, который бы искренно не оплакивалъ его. Откуда же такая всеобщая, единодушная скорбь по усопшемъ?—Это, съ нашей стороны, невольная дань уваженія къ тѣмъ высокимъ началамъ, которыя воспринялъ въ себя, которыя усвоилъ себѣ, которымъ служилъ онъ до конца своей жизни.

Что такое былъ для насъ о. Василій? Это былъ живой законъ, живая служебная совѣсть наша. Никто изъ насъ

лучше его не выполнялъ своихъ обязанностей; за то никто таеъ не былъ и требователенъ въ отношеніи къ другимъ, когда дѣло шло о службѣ; вотъ почему мы чтгли его при жизни, какъ живаго носителя нравственно-религіозныхъ началъ, предъ которыми сами всегда преклонялись; вотъ почему такими единодушными слезами провожаемъ его теперъ, когда его не стало!

Прости, достопочтеннѣйшій собратъ нашъ, что мы добрымъ словомъ о тебѣ и о твоей пастьрской дѣятельности нарушили твою обычную скромность. Мы не можемъ не понимать, что въ настоящіе дни и часы, когда предстопшь уже ты предъ судищемъ Христовымъ, не перечисленія твоихъ заслугъ и достоинствъ ты требуешь отъ насъ, а усердныхъ молитвъ, да проститъ тебѣ Господь всякое твое согрѣшеніе вольное и невольное и да вчинитъ Онъ, благий и милосердый, твою душу въ селеніяхъ небесныхъ. Но что же дѣлать, если отъ избытка сердца невольно глаголали уста! Молитесь же о тебѣ не мы только будемъ; будутъ молиться о тебѣ и всѣ духовныя твои чада и всѣ, знавшіе тебя, молитвенники сего св. храма. Аминь.

Священникъ Платонъ Травлинскій.

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІАХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Изъ приведеннаго пророчества Исаи мы узнаемъ, что новый законъ предназначается для всѣхъ народовъ (Исаи 2—11), узнаемъ и то, что всѣ принявшіе его отъ малаго до

великаго будутъ проникнуты имъ: *яко сей заветъ, говоритъ Богъ устами пророка Іереміи, его же завѣщанію дому Израилеву, по дѣлѣхъ оныхъ, глаголетъ Господь, дая законы Моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога и тѣи будутъ Ми въ люди* (Іереміи 31, 33). Наконецъ мы узнаемъ, что люди, которымъ имѣеть быть данъ Новый Законъ и которыхъ іудеи и теперь не иначе называютъ, какъ *гоимами*—язычниками, и еще *гоишкелерами*, т. е., пустоголовыми и невѣждами писанія, будутъ болѣе свѣдущи въ писаніи, чѣмъ израиль; даже тѣ изъ нихъ, которые немудры въ писаніи,—уразумѣютъ оное сердцемъ и душею: *дая законы Моя, говоритъ Господь, въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога и тѣи будутъ ми въ люди* (Іер. 31—34). Много бы хотѣлось объ этомъ говорить, но задача, которую мы задали себѣ, должна заключаться не въ томъ. Мы должны показать, чѣмъ именно Новый Заветъ, или Евангеліе выше древняго и почему чтеніе его такъ важно и спасительно. Такъ какъ это можно скорѣе всего доказать самимъ Евангеліемъ, то мы прочтемъ что-нибудь изъ него. Начнемъ съ заповѣдей о блаженствахъ.

«Блаженны нищіе духомъ, говоритъ Спаситель; ибо ихъ есть царствіе небесное. Блаженны плачущіе; ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе; ибо они наследуютъ землю. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся. Блаженны милостивые; ибо они будутъ помилованы. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ. Блаженны миротворцы; ибо они нарекутся сынами Божиими. Блаженны гонимые за правду; ибо ихъ есть царствіе небесное. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ, гнать, и всячески злословить васъ неправедно, за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика вамъ награда на небесахъ» (Матѳ. 5, 3—12).

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается очень многое, о чемъ говорится, но не такъ ясно, въ Ветхомъ Заветѣ и о чемъ упоминаеть, но гораздо слабѣе, талмудъ. Для примѣра сравнимъ хотя нѣкоторые изъ этихъ блаженствъ съ ученіемъ, даннымъ древнему израилю. Спаситель сказалъ: «блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ». И псалмопѣвецъ Давидъ взывалъ во Господу: *сердце чисто созижди во*

мль, Боже; и въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *кто взыдетъ на гору Господню, или кто станетъ на мсль святѣмъ Его? Неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ* (Пс. 23). Нѣчто подобное находимъ и въ талмудѣ. Такъ, на примѣръ, въ трактатѣ Перекъ-Овисъ равнины, разсуждая о томъ, что болѣе важно для спасенія души, признали главнымъ чистоту сердца. «Смотрите и внимайте себѣ, говоритъ одинъ раввинъ, что добро для вашего спасенія—добро есть чистота ока. Если око чисто, то и все тѣло будетъ чисто. Раввинъ же Иешуа на это сказала: «нѣтъ, важнѣе всего для человѣка имѣть добраго друга—руководителя вѣры». Но раввинъ Элеэзеръ сказалъ: «по моему мнѣнью, главное въ чедовѣкѣ есть чистое сердце; если сердце чисто, то и все тѣло будетъ чисто: потому что отъ сердца все рождается» (Перекъ Овисъ 22, 1). Всѣ равнины признали единогласно слова раввина Элеэзера истинными и для усиленія авторитета за его мнѣнiемъ вотъ что сказали: «если положить на одни вѣсы мудрость всего израиля, а на другія мудрость Элеэзера, то его мудрость перетянетъ, такъ какъ въ словахъ его содержится все, что сказано всѣми другими раввинами». ⁽¹⁾ Но все это гораздо раньше и лучше сказалъ Божественный нашъ учитель Иисусъ Христосъ въ ученiи о блаженствахъ. Теперь посмотримъ далѣе. Иисусъ Христосъ ублажаетъ кроткихъ: блаженны кроткiе, говоритъ Онъ, и бо они наслѣдуютъ землю. Пророкъ Исаиа говоритъ отъ лица Господня: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словеса моиза* (Исаиа 66, 2). Почти тоже говоритъ о кроткихъ и знаменитый у iудеевъ раввинъ Мейеръ. Онъ начинаетъ такъ: «кто всю жизнь свою посвящаетъ закону, тотъ приобрѣтаетъ великое богатство, и хотя живетъ въ бѣдности на землѣ, но богаче земныхъ богачей, его богатство есть будущее небесное благо; поэтому чедовѣкъ долженъ стараться постоянно поучаться въ законѣ Господнемъ и быть сильнымъ въ немъ; но, умножая свои силы въ законѣ, про-

---

(1) Слова раввина, очевидно, заимствованы изъ Евангелiя; это почти буквальное повторенiе словъ Спасителя.

должаетъ равнинъ, не слѣдуетъ возвышаться, а нужно быть кроткимъ и смиреннымъ духомъ, ибо кроткіе наследятъ землю и мзда имъ будетъ велика на небесахъ, (Перекъ Овисъ стр. 166) Опять повтореніе словъ Спасителя!

Относительно милостивыхъ, убажжаемыхъ Господомъ въ Евангеліи, не знаемъ, какой изъ многочисленныхъ текстовъ Ветхаго Завѣта и приводить; вездѣ объ этомъ говорится очень много и равнины не мало трактуютъ о томъ же. Древніе равнины считаютъ эту добродѣтель однимъ изъ тѣхъ столповъ, на которыхъ зиждется и держится нашъ міръ. Такъ, напримѣръ, Шимонъ Цадикъ (Симонъ праведный) говоритъ: «міръ стоитъ на слѣдующихъ трехъ добродѣтеляхъ: на законѣ, на служеніи Богу и на милости. Несомнѣнно, что евреи собственно поэтому и считаютъ весьма важнымъ правило— «гмилесъ-хеседъ» научающее — быть милостивымъ. Бѣднякъ еврей, являющійся за пособіемъ къ богатому своему собрату, молить его всегда словами: сотвори мнѣ «гмилесъ-хейседъ», т. е. милость, и нерѣдко только ради этого слова бываетъ удовлетворенъ. Наконецъ, и заповѣдь Спасителя о миротворцахъ не есть такое ученіе, которое могло бы считаться чуждымъ для израиля. Вѣдь каждый изъ насъ, братія, читалъ непремѣнно въ книгѣ Перекъ подобныя же внушенія раввиновъ Гиллела и Шамаи (современники Христовы), которые говорятъ: будьте сыны Израиля подобны первосвященнику Аарону, который любилъ міръ и старался умиротворять враждующихъ. Итакъ мы видимъ, что ученіе Иисуса Христа тождественно съ древнимъ закономъ. Разница только въ томъ, что Ветхій Завѣтъ, особенно законъ Моисеевъ, общаетъ во многихъ мѣстахъ своимъ послѣдователямъ, за исполненіе закона, болѣе блага міра: землю, кипящую млекоу и медомъ; а Новый Завѣтъ общаетъ истинно вѣрующимъ во Христа не земныя блага, а небесныя.

Посмотримъ теперь и на другія мѣста Евангелія, кажушіяся іудеямъ противными древнему закону, но которыя на самомъ дѣлѣ нетолько не противны ему, но еще раскрываютъ и восполняютъ его. Выпишемъ, для примѣра, хоть нѣсколько стиховъ 5 главы Евангелія Матѳея, имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету.

«Вы слышали, говорить Спаситель, что сказано древнимъ: не убей; кто же убьетъ, подлежить суду. А Я говорю вамъ: всякій, гнѣвающийся на брата своего напрасно, подлежить суду; а кто скажетъ брату своему «рака» (пустой человѣкъ); подлежить верховному судилищу; кто же скажетъ: «безсовѣстный», подлежить гееннѣ огненной. Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю Вамъ: всякій, кто взглянетъ на жену съ похотствованіемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. Сказано также: кто разводится съ женою своею, тотъ дай ей разводную. А Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею, не за прелюбодѣяніе, тотъ заставляетъ ее прелюбодѣйствовать, и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ (Матѳ. 5, 21, 22, 27, 28, 31, 32). Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я вамъ говорю: не противтесъ обижающему; но если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, подставь ему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтанъ (5, 38—40). Вы слышали, что сказано: возлюби ближняго твоего и возненавидь врага твоего. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ. Да будете сынами Отца вашего небеснаго, потому что Онъ велитъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо если вы будете любить любящихъ васъ: какой вамъ ожидать награды? И мытари не тоже-ли дѣлаютъ?» (ст. 43—46). Можетъ ли древній законъ Моисеевъ представить въ себѣ что-нибудь подобное приведеннымъ нами сейчасъ мудрымъ и высоконравственнымъ словамъ Господа? И не составляетъ ли ученіе Спасителя дополненія, вполнѣ законнаго, къ Завѣту Ветхому? Посмотримъ. Моисей говоритъ, что не должно убивать; слѣдовательно, кто не убиваетъ, тотъ соблюдаетъ законъ, хотя бы памятозлоствовалъ на ближняго и дѣлалъ бы ему всякую обиду. Евреи, руководясь буквою закона Моисея, всегда такъ и поступаютъ.—Они страшатся убить человѣка, но дѣлаютъ ему зло, напр. оклеветать, наядничать на ближняго и т. д. у нихъ нисколько не считается грѣхомъ. Въ сущности, исполняется ли ими законъ?

Разумѣется, нѣтъ. Иисусъ Христосъ, желая раскрыть людямъ истинный смыслъ закона, говоритъ:» вы слышали, что сказано древнимъ: не убей; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А Я говорю вамъ: всякій, гнѣвающийся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; а кто скажетъ брату своему «рака» — пустой человѣкъ — подлежитъ верховному судилищу» и проч. Моисей говоритъ *не прелюбы сотвори*, но далѣе ничего не требуетъ. А кто не знаетъ, что если око наше не чисто, то и сердце легко заражается, и человѣкъ часто впадаетъ отъ одного взора въ преступленіе? Не грѣхъ ли это? И законъ гражданскій иногда судитъ человѣка за самое злое намѣреніе. Но Господь нашъ Иисусъ Христосъ, желая удалить насъ отъ грѣха, говоритъ: «вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ: всякій, кто взглянетъ на жену съ похотствованіемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ» (Матѣ. 5 — 27).

Далѣе, Моисей, какъ извѣстно, позволяетъ мужу дать женѣ разводъ: кто разводится съ женою своею, тотъ дай ей разводную, говоритъ Моисей. А Иисусъ Христосъ учитъ: «кто разведется съ женою своею, не за прелюбодѣяніе, тотъ заставляеть ее прелюбодѣйствовать, и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ» (Матѣ. 5, 31 — 32). Иудей, прочитавъ это, навѣрно скажетъ: «вотъ прямое измѣненіе Ветхаго Закона!» Но Моисей допустилъ разводъ единственно по жестокосердію израиля, зная мятежный духъ его, зная какъ онъ неоднократно возставалъ на Господа и на самого Моисея. Мудрено ли, при такой жестокости и строптивости, иному израильтянину, разгнѣвавшемуся на жену свою, убить ее, если ему не дозволяютъ развестись съ ней? Поэтому Моисей разрѣшилъ разводъ. Но Господь нашъ Иисусъ Христосъ, вступая въ завѣтъ съ новымъ народомъ, дополнилъ этотъ законъ и открылъ вѣковую истину: что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Сами раввины, писавшіе прежде такъ много въ пользу развода (напримѣръ, извѣстно, что они дозволяли дать разводъ даже и за то, если жена заставитъ мужа напоминать ей объ одномъ и томъ же два или три раза въ день), теперь уже не разглашаютъ такое ученіе, а напротивъ стараются всегда отговаривать своихъ

братій отъ развода. Возьмемъ въ соображеніе еще и слѣдующее: извѣстно, что раввины нѣкогда допускали ученіе о многоженствѣ и многіе евреи, вслѣдствіе внушенія своихъ учителей, имѣли по нѣскольку женъ. Но послѣдствіи, сами же раввины возстали противъ этого и многоженство нынѣ уже не существуетъ у евреевъ. Послѣ всего этого, спрашиваемъ: почему же Иисусъ Христосъ не могъ обновить обветшавшій законъ о бракѣ? Кто видѣлъ и вникалъ въ положеніе тѣхъ женщинъ, которыя имѣли несчастіе получить разводъ за какую-нибудь бездѣлицу, и видѣлъ какъ онѣ чрезъ это нравственно погибають, тотъ едвали будетъ отстаивать еврейскій законъ о разводѣ. Ненапрасно сказалъ Спаситель, что кто разводится, тотъ подаетъ женѣ поводъ прелюбодѣйствовать, и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ. А кромѣ всего этого, сколько горя претерпѣвають какъ разведшіеся, такъ и дѣти ихъ: и тѣ и другіе пожинаяють горькіе плоды. Особенно приходится бѣдствовать несчастнымъ дѣтямъ. Разведшіеся, вскорѣ послѣ развода, какъ водится, вступаютъ въ бракъ съ другими; дѣтей они раздѣляютъ между собою; одни идутъ къ отцу, а другіе къ матери. Понятно, какова должна быть участь несчастныхъ малютокъ, подпавшихъ подъ кровъ чужаго отца или чужой матери. Ребенку нерѣдко приходится видѣть свою родную мать или отца, вступившихъ уже въ бракъ съ другими; онъ, безъ сомнѣнія, скорбитъ при встрѣчѣ съ ними и нерѣдко указываетъ первому попавшемуся встрѣчному, что вотъ это идетъ его мать или отецъ. Кто видѣлъ это, повторяемъ (а мы братія, какъ бывшіе іудеи, не могли сего не видѣть), тотъ пойметъ положеніе несчастныхъ дѣтей и самихъ разведшихся родителей, пойметъ, что ученіе Спасителя—стараться избѣгать развода—достойно, чтобы послѣдовать ему. Поистинѣ, оно выше ученія Моисея!

(Продолженіе статьи).

РЪЧЬ,

СЪЗВАННАЯ ПО СЛУЧАЮ ВОСЬМОЙ ГОДОВЩИНЫ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКАГО АЛЕКСАНДРО-ЮСИФОВСКАГО БРАТСТВА, АПРѢЛЯ 11-ГО ДНЯ 1871 ГОДА.

Христось воскресе!

Мы собрались нынѣ, братія, въ церковь, сколько по случаю воскреснаго дня, столько же и по случаю нашего приходскаго праздника, — празднованія *восьмой годовщины* Христо-рождественскаго Братства, — собрались за тѣмъ, чтобъ поблагодарить Бога за преуспѣяніе нашего братства, и помолиться Ему, да не оставитъ его Онъ, Всеблагій, Своею благодатію и на наступающее *девятое* его лѣто. Возблагодаримъ же, братія, и сестры Христо-рождественскаго Братства, возблагодаримъ нашего Благодателя Господа, что Онъ сихъ малыхъ и

старыхъ, нами призрѣваемыхъ, въ минувшемъ лѣтѣ не остав-
лялъ безъ пищи и одѣянія... но что я говорю—не оставялъ
безъ пищи и одѣянія? Надобно сказать—съ великимъ избыт-
комъ посылалъ намъ то и другое, такъ что отъ сего избытка
не малую долю мы имѣли возможность удѣлять и другимъ
бѣднымъ нашего прихода, помимо сихъ призрѣваемыхъ. Воз-
благодаримъ Бога за то, что Онъ Вседержавный не только
сохранилъ въ неприкосновенной цѣлости нашъ братскій прі-
ютъ, но и благоволилъ намъ увеличить, расширить его въ
истекшемъ лѣтѣ. Поблагодаримъ Его и за то, что и средства
наши не умалились, а возрасли въ семь году. Все это, братія
и сестры, вы сами увидите нынѣ же въ пріютѣ.

Паче же всего возблагодаримъ Господа Бога за то, что
Онъ сохранилъ и укрѣпилъ въ насъ духъ Христова братства.
Не велики наши братскіе капиталы, чтобъ на нихъ намъ
надѣяться, а связей съ сильными міра сего, за которыми такъ
обычно гоняются не частные только люди, а иногда и разныя
общества, у насъ и совсѣмъ нѣтъ; вся наша надежда, вся
наша сила—это братскій духъ, братское единеніе прихода
въ дѣлѣ благотворительности. При развитіи этого духа,
этого единенія, мы и безъ запасныхъ капиталовъ, безъ вся-
кихъ связей, счумѣемъ съ честію поддержать это *братское
знамя* (1). Но въ чемъ состоитъ этотъ братскій духъ, въ чемъ
должно проявляться это братское единеніе? Состоитъ братскій
духъ, должно проявляться братское единеніе въ томъ, чтобъ
сихъ призрѣваемыхъ братствомъ каждый изъ насъ считалъ если
не частію, то хотя частицею своего семейства. Есть у насъ
извѣстное положеніе на содержаніе семейства,—положи же
каждый изъ насъ извѣстную частицу и на содержаніе обще-
приходскаго семейства бѣдняковъ. Каждый изъ насъ къ извѣ-
стнымъ праздникамъ дѣлаетъ обновы и подарки семейнымъ;
бѣдный—и тотъ улучшаетъ по крайней мѣрѣ свой столъ; не
забудь же братъ и сестра передъ праздникомъ про братскій
пріютъ,—справся, чего къ празднику недостаетъ тамъ? Тво-
ришь памяти по роднымъ? пригласи помолиться за нихъ и
сихъ сочленовъ твоего семейства, и накорми ихъ, по рус-

(1) Братскую хоругвь, находящуюся въ приходскомъ храмѣ.

екому православному обычаю. Посладе тѣбѣ Богъ радость, сорадуется тебѣ родное твое семейство? Утѣшь же, чѣмъ догадаешься, и сію, во Христѣ нареченную, твою семью; пусть порадуется, въ сей радостный для тебя день, и она.

Но впрочемъ зачѣмъ вдался я въ назиданія? Я будто и забылъ, къ кому обращена моя рѣчь. Она обращена къ вамъ, братія и сестры,—къ вамъ, которые явили въ истекшемъ году столько сочувствія, столько внимательности къ братскому пріюту, что этимъ самымъ дѣлаете излишнимъ для васъ всякое назиданіе, и оставляете мѣсто одному благодаренію. Да, были годы въ лѣтописи братства и болѣе обильныя пожертвованіями на братскій пріютъ, но болѣе усердія и сочувствія къ пріюту не было никогда, какъ нынѣшній годъ. Недавно еще было то время, когда на пріютъ нужно было просить и просить, выпрашивать, вымаливать, и на просьбы часто—часто встрѣчать то недоброжелательство, то прямые отказы. Благодареніе Богу! въ истекшемъ году мы не припомнимъ ни одного отказа, ни одного недоброжелательнаго отношенія къ просьбѣ; даже мало приходилось просить, развѣ напоминать только; напротивъ того, мы видѣли въ семь году, и въ нашемъ приходѣ, и внѣ прихода, такую предупредительность къ нуждамъ пріюта, такую заботливость объ немъ, что намъ мнится, недалеко то время, когда не нѣкоторые только прихожане, а весь приходъ сознаетъ и приметъ, что братскій приходскій пріютъ есть родное его дѣтище, накормить, одѣть и воспитать которое есть прямой его нравственный долгъ,—недалеко то время, когда каждый прихожанинъ, проходя мимо приходскаго пріюта, будетъ говорить: «тутъ живутъ *наши* бѣдныя; сыты ли они, одѣты ли, не нуждаются ли въ чемъ? вѣдь ни отъ кого, какъ отъ насъ они ждутъ помощи и утѣшенія,»—недалеко то время, когда не таготиться будутъ пріютомъ прихожане, а услаждаться имъ, когда имъ будетъ скучно безъ пріюта, когда не полна будетъ казаться имъ въ праздникъ церковь безъ этихъ дѣтей,—будетъ время, когда не пріютъ только будетъ нуждаться въ насъ, а и мы будемъ нуждаться въ пріютѣ,—это будетъ тогда, когда мы путемъ постепеннаго навыка разбудимъ, разовьемъ въ себѣ тѣ сокровенныя силы души, которыя созданы для ничѣмъ незамѣни-

ныхъ наслажденій дѣланіемъ добра ближнему. Будетъ и это время, и мы должны молиться, чтобъ оно настало скорѣе. Да, братія и сестры, всякое доброе дѣло тяжело только въ началѣ; тутъ намъ кажется, что оно и трудно и убыточно; когда же его, съ Божіею помощію, начали, попривыкли къ нему, то видимъ, что оно и не такъ трудно и совсѣмъ не убыточно, потому что оно проливаетъ въ душу такія радости, такія наслажденія, какихъ не купить намъ въ мірѣ никакимъ трудомъ, никакими издержками. Вотъ, братія и сестры, дойти намъ въ нашемъ братскомъ дѣланіи до этого состоянія есть верхъ нашего братскаго желанія и нашей братской молитвы ко Господу.

Помолимся же Всевышнему, да услышитъ Онъ Всеблагій сіе прилежное моленіе наше, и да научитъ насъ Онъ, Премудрый, въ нашихъ трудахъ, въ нашихъ жертвахъ ради сихъ призрѣваемыхъ, видѣтъ не одни только труды и издержки, а и находитъ драгоцѣннѣйшее приобрѣтеніе для нашей души,—наслажденіе добромъ, нами содѣваемымъ для сихъ малыхъ и старыхъ. Развить это нравственное чувство въ приходѣ, воспитать его при посредствѣ братскаго, приходскаго пріюта, мы знаемъ,—это было завѣтнымъ желаніемъ и предметомъ пламенной молитвы къ Богу и приснопоминаемаго учредителя нашего братства іерея Александра; помолитесь за него теперь и позволяемъ себѣ первѣе всего пригласить васъ (1).

Священникъ В. Масловъ.

---

(1) Сряду послѣ литургіи и была совершена первѣе всего панихида по учредителѣ братства священно-іерей Александрѣ.

ПРЕСЛАВНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО) (1).

Заря. Уже чуть брежжется
И утро. Въ небѣ слышатся
Хвалы, подъ небомъ ликованія,
А въ тартарѣ стенанія.

Зане Христось-Царь всемогущій,
Поправъ смерть своею смертію,
Извелъ несчастныхъ, въ адѣ сущихъ,
Изъ мукъ въ превѣчной радости.

Онъ былъ во гробѣ каменномъ,
Подъ стражею военною,
Но вотъ изъ гроба съ славою
Воскресъ Онъ побѣдителемъ.

Печалились Апостолы
О смерти ихъ Учителя,—
Онъ былъ на казнь жестокою
Преданъ рабами грѣшными.

---

(1) Подлинникъ этого стихотворенія напечатанъ нами въ 13 № Духовной Бесѣды, съ приглашеніемъ къ воспитанникамъ среднихъ и высшихъ духовно-учебныхъ заведеній заняться переводомъ его. Наше приглашеніе не осталось безплоднымъ; мы получили отъ одного изъ учащихся въ здѣшней семинаріи довольно удачный опытъ въ этомъ родѣ. Сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя поправки, печатаемъ его съ любовію и благодарностію. *Ред.*

Но Ангелъ съ рѣчью ласковой
Вѣщаетъ Мүроносицамъ:
Идите въ Галплѣю вы,
Тамъ узрите всѣ Господа.

Идутъ жены къ Апостоламъ
Повѣдать имъ о Господѣ, —
И вдругъ Его, Воскресшаго,
Увидѣвъ, къ стопамъ падаютъ.

Узнавъ сіе, Апостолы
Въ страну ужъ Галилейскую
Спѣшать ногою радостной
Увидѣтъ Вождельнаго.

Еще пасхальной радостью
Сіяетъ міру солнышко,
Какъ вдругъ сами Апостолы
Тѣлесно видятъ Господа.

Узрѣвши язвы крестныя
На тѣлѣ славномъ Господа,
Апостолы торжественно
«Христось воскресъ» воскликнули.

Христось, Царь милосердѣйшій!
Владѣй сердцами нашими,
Чтобы Тебѣ хвалы достойныя
Мы пѣли вѣки вѣчныя.

БЕСЪДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Далѣе, законъ Моусеевъ учить воздавать зломъ за зло. Такъ, напр. тамъ сказано: «око за око, зубъ за зубъ, язву за язву, вредъ за вредъ (Исх. 21, 24—25). Но Иисусъ Христосъ учить, напротивъ, воздавать добромъ за зло (Матѳ. 5, 39). Превосходство этого ученія надъ ученіемъ Моусея не можетъ, кажется, не признать даже и самый ревностный защитникъ Моусеева закона. И самые раввины, какъ напримѣръ Раша, въ толкованіи своемъ на пятикнижіе Моусея, касаясь разсматриваемаго нами мѣста, учатъ не поступать буквально такъ, какъ сказано у Моусея: «око за око», а совѣтуетъ удовлетворять обиженнаго деньгами. Приэтомъ раввинъ указываетъ, какова должна быть сдѣлка между обидѣвшимъ и обиженнымъ. Если одинъ другому, говоритъ онъ, нанесетъ ударъ и причинитъ этимъ рану, то ударившій долженъ заплатить столько, сколько пожелаетъ обиженный. Но если обиженный потребуетъ за обиду очень много, то въ такомъ случаѣ раввинъ Раша совѣтуетъ пригласить постороннее лицо и спросить его, по совѣсти, чтобъ онъ сказалъ, какую плату потребовалъ бы онъ, еслибы ему нанесли такую же рану, — и опредѣленную имъ цѣну обидѣвшій долженъ заплатить обиженному. Замѣчательно, что современные еврейскіе либералы, какъ бы стыдясь древнихъ узаконеній Моусея, носящихъ въ себѣ печать мести (какъ напр. око за око), говорятъ, что Моусей, постановляя этотъ законъ, не имѣлъ въ виду буквального исполненія его.

И могъ ли этотъ вроткій учитель, говорятъ либералы, желать примѣненія къ дѣлу такого ученія, которое вело бы къ кулачному праву? Но подобныя либеральныя мнѣнія опровергаются словами самого же закона Моусея. Для убѣжденія прочитаемъ

нѣсколько изъ вышеупомянутой нами главы закона Моисея. *Аще же бѣются два мужа, говоритъ Моисей, и поразятъ ожеку неспрадную и изыдетъ младенецъ ея неизобразженъ, тще-тою да отщетится: яко же наложитъ мужа жены тоя, подобающее да отдастъ; аще же изображенъ будетъ, да дастъ душу—за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, жженіе за жженіе, язву за язву, вредъ за вредъ.* (Исходъ 21, 20--26). Не ясно ли, что этотъ законъ научаетъ іудея мстить за причиненную ему обиду? Иначе и Спасителю не было бы надобности исправлять его. Евреи говорятъ, что ближнимъ іудея можетъ считаться только тотъ, кто исповѣдуетъ вѣру Израиля, всѣ же прочіе народы, какъ то: го и, а к и мы, т. е. язычники и идолопоклонники, несоблюдающіе эту вѣру, должны быть ими ненавидимы и презираемы (см. въ талмудѣ соч. Бове-Басра) (1).

Итакъ ученіе Моисея для неразумныхъ толкователей его, — раввиновъ, дало нѣкоторымъ образомъ поводъ оставить іудея во враждебныя отношенія ко всѣмъ, неисповѣдающимъ іудейства. Да, таковы и есть іудеи въ отношеніи ко всѣмъ иновѣрцамъ, и нисколько неудивительно, что они на практикѣ, въ обыденной жизни, точно исполняютъ правила талмуда. Поэтому не слѣдуетъ также удивляться и тому, что евреевъ вездѣ, гдѣ бы они ни жили, не терпятъ; имъ платятъ той же

---

(1) Нелишнимъ здѣсь будетъ обратить вниманіе читателя, особенно не изъ іудеевъ, на то, какъ извращены и превратно истолкованы раввинами заповѣди Иеговы, которыя должны служить основаніемъ взаимной любви между людьми, какъ сынами одного Отца небснаго. Талмудъ Бове-камо внушаетъ іудеямъ слѣдующія правила относительно иновѣрцевъ: «тебѣ праведному (іудею) дозволяется обманывать всѣхъ, кромѣ іудея, ибо сказано: «съ невиннымъ будь невиненъ, съ нечестивыми, т. е. язычниками и христіанами, будь нечестивъ». Іудею дозволяется присвоить себѣ всякую вещь, потерянную не іудеємъ и попавшую въ руки перваго, а возвращающій такую да не ждетъ отъ Бога помилованія, ибо говоритъ раввинъ Раша: онъ тѣмъ содѣлываетъ язычника соучастникомъ преимуществъ закона; который данъ однимъ іудеямъ. (См. талмудъ Бове-камо). Іудей можетъ присвоить себѣ все, что принадлежитъ Христіанину, ибо сказано: не обидиши ближняго и не отъймеша (Лев. 19, 18). А гои, иновѣрный, не есть ближній; потому то, говоритъ талмудъ, и можно такъ съ нимъ посту-

мѣрою, какою мѣрятъ и они. Господь нашъ Иисусъ Христосъ, желая соединить сердца людей братскою любовію, заповѣдалъ не только не мстить врагамъ, но велѣлъ благословлять ихъ и сносить все съ терпѣніемъ. «Если ты, говоритъ Господь, принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣеть что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и поди прежде примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой». (Матѣ. 5, 24). Итакъ мы видимъ, что Спаситель своимъ ученіемъ во многомъ восполнилъ законъ Моисеевъ. Одно, что еще смущаетъ евреевъ, это то, что Иисусъ Христосъ, говорятъ они, творилъ въ субботу будто бы много непозволеннаго закономъ, въ чемъ, какъ извѣстно, обвиняли Его и древніе евреи. Изъ Евангелія видно, напримѣръ, что Иисусъ Христосъ въ субботу исцѣлялъ больныхъ,—и это вмѣнено Ему въ такую важную вину, что фарисеи составили совѣтъ, какъ удобнѣе погубить Его. «Тутъ (въ синагогѣ) говоритъ Ев. Матѣей, былъ человекъ сухорукій; и спросили Иисуса: можно ли лечить въ субботы? Онъ сказалъ имъ: кто изъ васъ, имѣя одну овцу, ежели она въ день субботній упадетъ въ яму, не возьметъ и не вытащитъ ее? Восколько же человекъ лучше овцы? И такъ можно въ субботы дѣлать добро. Тогда говоритъ тому человеку: протяни руку твою; и онъ протянулъ: и стала здорова, какъ другая» (Матѣ. 12, 10—13). Изъ прочитаннаго

пять. (Талмудъ, Бове-мица). Талмудъ запрещаетъ іудеямъ освободить не-іудея изъ какой бы то нибыло опасности, которой подвергается жизнь его, ибо спасти акума или гоя значить увеличить число подобныхъ имъ (талмудъ Авода-зара). Талмудъ учитъ еврея ненагидѣть и даже убивать гоимовъ: всякій не убивавшій ихъ, говоритъ Маймонида, нарушаетъ отрицательно заповѣдь (см. соч. Маймонида). Хотя современные евреи, болѣе, такъ сказать, хитрые, селятся увѣрять и убѣждать христіанъ, что подобныя мѣста талмуда никакъ не должны быть принимаемы христіанами на свой счетъ, что все это слѣдуетъ относить къ язычникамъ, но подобное завѣреніе есть нечто иное, какъ хитрая увертка іудейскаго либерала. Маймонида очень ясно говоритъ, что назареи—христіане подходятъ подъ одну категорію съ акулами и гоимами, язычниками и идолопоклонниками (см. Маймонида Іодъ Хазаа IV, 6—10).

нами мѣста Евангелія усматриваемъ, что Иисусъ Христосъ былъ далекъ отъ намѣренія нарушить субботу. Онъ далъ понять и вопрошавшимъ Его, что творящій добро въ этотъ священный день не нарушаетъ этимъ закона Божія, но вполне соблюдаетъ его. Ибо тѣ же самыя заповѣди, которыя учатъ любить Бога, повелѣваютъ любить и ближняго, не назначая для этого ни дня, ни часа. Послѣ всего сказаннаго нами, кажется, ясно, что Евангеліе не разрушаетъ ветхаго завета, но восполняетъ его, разъясняетъ и раскрываетъ многія ветхозавѣтныя сказанія и пророчества.

У. РАСКРЫТИЕ ВЪ СВЯТОМЪ ЕВАНГЕЛИИ ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ
ПРОРОЧЕСТВЪ, КАСАЮЩИХСЯ ИСУСА ХРИСТА.

Самъ толмудъ признаетъ, что только съ пришествіемъ Мессіи на землю разрѣшатся всѣ недоумѣнія, всѣ вопросы, которые никѣмъ изъ пророковъ, бывшихъ до Него, немогли быть рѣшены. А это не значить ли, что древній законъ самъ по себѣ, безъ ученія Иисуса Христа, не полонъ и требуетъ уясненія? Извѣстно, что ветхозавѣтныя пророчества нерѣдко служили камнемъ преткновенія даже для просвѣщенныхъ и благочестивыхъ изъ израильтянъ. Такъ и христіанская Церковь хранить преданіе, что праведный Симеонъ, перевода священныя книги, когда дошелъ до пророчества Исаіи: *се Дѣва во чревь приметъ и родитъ Сыма....* (7, 14), такъ усумнился въ истинѣ этого пророчества, что взялъ ножъ и хотѣлъ выскоблить эти слова, и только тогда оставилъ свое намѣреніе, когда Ангелъ удержалъ его руку и сказалъ ему, что онъ, Симеонъ, дотолѣ не умретъ, пока не узритъ Христа, имѣющаго родиться отъ Дѣвы. Мы знаемъ и то, что и Сама Божія Матерь, отъ Которой имѣлъ родиться Избавитель міра, недоумѣвала, когда Архангелъ возвѣстилъ Ей, что Она родитъ Божественнаго Младенца: *како будетъ сіе*, вопрошала Она ангела, *идже мужа не знаю?* А что сказать о евреяхъ, у которыхъ, по увѣренію священнаго Писанія, помрачены очи еже видѣти? Они, по истинѣ сказать, нисколько не въ состояніи уразумѣть священное Писаніе, свидѣтельствующее объ Иисусѣ Христѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никто изъ іудеевъ доселѣ не можетъ

сказать и опредѣлить: кто таковъ Мессія? для чего онъ придетъ въ міръ? На подобные вопросы они всегда отвѣчаютъ какъ-то сбивчиво и несогласно. Одни изъ нихъ говорятъ, что Мессія будетъ сынъ Давидовъ—мушіахъ-бенъ-Дуведъ; другіе говорятъ, что онъ будетъ сынъ Іосифовъ—мушіахъ-бенъ-Іосифъ; нѣкоторые же думаютъ, что онъ будетъ Ілія или какой нибудь великій Пророкъ, подобно Моусею; въ молитвахъ своихъ евреи исповѣдаютъ, что разомъ явится и Мессія и Ілія (см. кн. Сидеръ).

«Придетъ же Онъ, говорятъ они, для того, чтобы собрать со всѣхъ концовъ земли разсѣянныхъ израильтянъ и ввести ихъ въ землю обѣтованную, и потомъ Мессія воцарится въ Іерусалимѣ на престолѣ отца своего Давида и будетъ царствовать вѣчно надъ израилемъ, какъ и сказано о Немъ: *на престолѣ Давидовъ и на царствѣ его исправити е, и заступити его въ судѣ и правдѣ отъ нынѣ и до вѣка* (Ис. 9, 7)». Не забудемъ, что и древніе іудеи, имѣя въ виду многочисленныя жѣста ветхаго завѣта, представляющія Мессію царемъ славы, не хотѣли иначе думать о Немъ, какъ о царѣ израильскомъ, и что однажды іудеи хотѣли даже избрать Спасителя царемъ.

При такомъ неправильномъ, вѣками сложившемся, понятіи евреевъ о лицѣ Мессіи, удивительно-ли, что у нынѣшнихъ іудеевъ составилось такое уродливое представленіе о Немъ, что они блага христіанства полагаютъ только въ благахъ земныхъ? Такъ, они говорятъ, что Мессія, по пришествіи своемъ, будетъ угощать ихъ прекраснымъ мясомъ отъ шоръ-габоръ, — быка, пасущагося отъ начала міра для Израиля, и что затѣмъ и въ ганъ-эденъ — въ рай—будутъ ихъ, какъ избранниковъ Божіихъ, питать манною, которая мелется теперь на небѣ для того же Израиля. Кто не скажетъ, что это вздоръ, что такая нелѣпность могла влезть въ голову лишь фантазеровъ раввиновъ? А между тѣмъ іудеи, какъ вы знаете, братія, вѣрятъ всему этому. Вѣрятъ и прочимъ талмудическимъ бреднямъ, которыми раввины прикрыли прямой смыслъ священнаго Писанія, свидѣтельствующаго о Христѣ, какъ о Мессіи. Поэтому-то собственно іудеи и доселѣ остаются въ вѣковомъ заблужденіи. И они, какъ мы выше говорили, не

могутъ понять ни цѣли, для которой долженъ былъ придти и пришелъ Мессія, не знаютъ и того, кто такой Онъ будетъ. Между тѣмъ, лишь откроешь Евангеліе, уже ясно видишь, кто долженъ быть Мессія, отъ кого Онъ долженъ произойти по плоти и для чего придетъ въ міръ. Евангелистъ Матеей, повѣствуя о рождествѣ Иисуса Христа, прямо говоритъ, что Онъ сынъ Давида: «родословіе Иисуса Христа, сына Давидова» (Матѣ. 1, 1). Не нужно долго искать въ Евангелии, чтобы узнать и причину явленія Мессіи въ міръ. Евангелистъ Матеей говоритъ: Онъ (Мессія) спасетъ народъ Свой отъ грѣховъ ихъ (Матѣ. 1, 21). Тотъ же Евангелистъ раскрываетъ намъ и таинство воплощенія Иисуса Христа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи и передаетъ объ этомъ такъ, какъ и возвѣщено было пророкомъ за 800 лѣтъ до рождества Христа: родить же Сына и наречется Ему имя «Иисусъ», ибо Онъ спасетъ народъ свой отъ грѣховъ ихъ. Сіе же все произошло, да сбудется реченное отъ Господа чрезъ пророка, который говоритъ: се Дѣва во чревѣ приметъ и родитъ Сына, и нарекутъ Ему имя Эммануиль, что значитъ: съ нами Богъ (Матѣ 1, 21—24). Говоря о рождествѣ Спасителя, нельзя не обратить вниманія и на все то, что произошло при этомъ. Св. Евангелистъ Матеей свидѣтельствуетъ, что когда *прошелъ* во Иерусалимѣ слухъ о рожденіи Спасителя и когда объ этомъ узналъ Иродъ, то онъ смутился такъ, что собралъ книжниковъ и фарисеевъ и старался вывѣдать отъ нихъ объ этомъ. Казалось бы, чего могъ опасаться царь Иродъ, узнавши о рожденіи младенца въ Вифлеемѣ? Но мы видимъ, что онъ боится. Зная, что въ народѣ составилось общее мнѣніе, что Мессія, знаменитая отрасль дома Давидова, долженъ явиться для восстановления политическаго могущества израильскаго народа, зная и то, что іудеи предпочтутъ ему потомка Давидова и скорѣе пожелаютъ сдѣлать Его, со временемъ, своимъ царемъ, Иродъ ужасается и приказываетъ, подобно Фараону, убивать многочисленныхъ младенцевъ мужскаго пола, чтобы въ числѣ ихъ убитъ и будущаго царя израильскаго — Мессію. Однако какъ ни старался Иродъ умертвить рожденнаго Богомладенца

Исуса, но онъ не могъ этого сдѣлать. Господь послалъ Ангела своего, который, являсь Иосифу во снѣ, сказалъ ему, чтобы онъ съ Младенцемъ и Матерію Его бѣжалъ во Египеть; ибо Иродъ станетъ искать Младенца, чтобы погубить Его (Матѣ, 2, 13). Изъ Евангелія узнаемъ, что Мессія не простой человѣкъ, какъ думаютъ іудеи, что Онъ ни Ілія, ни Моисей, ни Давидъ, или кто нибудь изъ великихъ людей, а Самъ Богъ во плоти. Онъ есть истинный Сынъ Божій, какъ и назвалъ Его еще издревле Господь устами Давида: *Сынъ мой еси Ты: Азъ днесъ родихъ Тя*. (Псал. 2, 7). Именемъ Сына назвалъ Его и Богъ-Отецъ при крещеніи: тогда отверзлось небо, и ниспелъ на Него Духъ Святой въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь; и слышанъ былъ гласъ съ небеси, глаголющій: Сынъ Мой возлюбленный, въ Тебѣ все мое благоволеніе (Луки 3, 21—22).

Стоитъ замѣтить, какъ говорятъ евреи относительно вышеприведенныхъ словъ Давида о Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ. Вы знаете, братія, какъ стараются евреи перетолковывать слова: «Сынъ Мой еси ты: Азъ днесъ родихъ Тя»; они говорятъ, что эти слова слѣдуетъ понимать не буквально, а иносказательно, именно: Богъ какъ бы такъ сказалъ Давиду: ты (Давидъ) для меня все равно что сынъ; сказалъ же Онъ ему это въ тотъ день, увѣряютъ раввины, когда онъ избранъ былъ въ цари.

Кто изъ васъ, братія мои, не пойметъ, теперь—отложивъ іудейское пристрастіе къ Талмуду, что это толкованіе ложно? Ложность его видна изъ слѣдующихъ словъ этого же псалма: *проси отъ Мене, говоритъ Господь, и дамъ Ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Псал. 2, 8); а въ другомъ псалмѣ сказано: *и Азъ первенца положу его, высока паче царей земныхъ. Въ вѣкъ сохраню ему милость мою, и завѣтъ мой въречу ему: И положу въ вѣкъ вѣка снѣма его, яко днѣ неба* (Псал. 88, 26—31) Возможно-ли всё это отнести къ Давиду? Во первыхъ, обладалъ ли Давидъ языками и простиралось ли царство его во всѣ концы земли? Конечно, нѣтъ. А вѣдь тутъ прямо указывается на такого отличительнаго и высокопоставленнаго Царя, царству котораго нѣтъ предѣла и конца,—Царя, который выше всѣхъ царей земныхъ. Никто

изъ обыкновенныхъ потомковъ Давида не оставался въ живыхъ—вѣчно; они всѣ погребены съ отцами своими. Чтожь, подумаешь пожалуй другой изъ васъ, слова Божіи мимо идутъ? Нѣтъ, они истинны и непреложны. Сами Іудеи признають, что Давидъ, или вѣрнѣе кто-то изъ потомковъ его, долженъ жить вѣчно. При появленіи полнолунія, они выбѣгаютъ изъ домовъ, составляютъ кружки у того мѣста, гдѣ болѣе видна луна, молятся и кричатъ: «Царь Давидъ живетъ во вѣкъ вѣка!» И такъ изъ приведенныхъ псалмовъ ясно видно, что всё то, что раввины навязываютъ Давиду, отнюдь не относится къ нему лично, а къ потомку его, именно Іисусу Христу, родившемуся по плоти отъ Давида.

Понятно и то, какая была цѣль у раввиновъ искажать прямой смыслъ священнаго Писанія. Этимъ они хотѣли отвести, такъ сказать, глаза своихъ собратьевъ, чтобы они не могли признать Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Но какъ они ни ухитрялись, а истина осталась истиною. Теперь не только читающіе священное Писаніе знаютъ, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, но знаютъ это и тѣ, которые не умѣютъ читать Писанія. Спросите любаго христіанина, даже малолетнаго: кто такой Іисусъ Христосъ? Онъ непременно отвѣтитъ, что Христосъ—Сынъ Божій, и къ этому добавитъ, что Онъ пришелъ спасти насъ грѣшныхъ. Но почему же, спросите, христіане знаютъ это? Потому, что въ ихъ душахъ живетъ твердая вѣра во Іисуса Христа и въ истину слова Божія; на нихъ сбывается сказанное въ священномъ Писаніи: *дая законы Моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я* (Іерем. 31—37). По этому-то, повторяемъ, они знаютъ то, чего не въ силахъ познать и разумѣть іудеи.

Но возвратимся къ Евангелію. Въ проповѣди Господа, кромѣ ученія о блаженствахъ, находимъ многое въ высшей степени поучительное для насъ, напримѣръ, о томъ, какова должна быть молитва Христіанина? Каковы должны быть наши отношенія къ ближнимъ и даже ко врагамъ? Мы, по слову Спасителя, должны быть снисходительны другъ къ другу и если кто чѣмъ нибудь обидѣлъ насъ,—мы не должны мстить ему; не должны памятозлобствовать, а должны, какъ можно скорѣе, прощать нанесенныя намъ обиды. «Если ты, говоритъ Господь,

принесешь даръ твой къ алтарю, и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто на тебя; оставь тамъ даръ твой предъ олтаремъ, и поди, прежде примиришь съ братомъ твоимъ; и тогда приди и принеси даръ твой. (Матѳ. 5, 23 и 24).

Относительно же того, какъ мы должны молиться и главное—какъ мы должны держать себя на молитвѣ, Господь учитъ насъ такъ: когда молишься, не будь какъ лицеѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на улицахъ становиться на молитву, чтобы видѣли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они получили уже себѣ награду. Ты же, когда молишься, войди въ комнату свою, и затворивъ за собою двери, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно (Матѳ. 16, 5—6). Судя по тому, какъ молятся въ синагогахъ и нерѣдко на улицъ наши современные фарисеи, подражающіе во всемъ древнимъ фарисеямъ, какъ стараются они выказаться пламенно-молящимися предъ людьми, чтобы ихъ видѣли и хвалили, не трудно догадаться, каково было моленіе древнихъ фарисеевъ. Всякій разъ, какъ только мы вспомнимъ говоренное іудеями противъ Иисуса Христа, будто бы Онъ уклонилъ людей отъ вѣры въ Бога, мысленно повторяемъ тѣ слова, которыя произнесены были Господомъ на крестѣ: *Отче отпусти имъ, не видятъ бо, что творятъ* (Луки 23, 34).

Вотъ какъ учитъ Господь о благотворительности. Онъ повелѣваетъ оказывать помощь нуждающимся: *просящему у тебя дай; и хотящую заклатъ у тебя не ублажай* (Матѳ. 5, 44). При этомъ, когда подаемъ милостыню, мы, по слову Спасителя, не должны дѣлать это гласно, какъ дѣлали это древніе фарисеи и какъ дѣлаютъ это же современные фарисеи, которые любятъ, чтобы вездѣ о нихъ говорили, что они «раханымъ», т. е. милосерды.

Посмотримъ далѣе. Извѣстно, что древніе фарисеи болѣе всего обращали вниманіе на обрядность закона, пренебрегая въ тоже время сущностію его. Они однажды осмѣлились по-

ставить на видъ Господу, что ученики Его ѣдятъ не умытыми руками и нарушаютъ преланіе старцевъ. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: для чего вы нарушаете заповѣдь Божию ради преданія вашего? Ибо Богъ заповѣдалъ, говоря: чти отца и мать; и злословящій отца или мать смертію да умретъ. А вы говорите: если кто скажетъ отцу или матери: то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, я отдаю въ даръ Богу; таковой можетъ и не почитать отца своего или мать свою. Такимъ образомъ вы отвергли заповѣдь Божию ради преданія вашего. Лицемеры! Справедливо предсказалъ о васъ Исаія, говоря: приближаются ко мнѣ люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня, Но всуе чтутъ Меня, уча ученіямъ и заповѣдямъ человѣческимъ. И призвавъ народъ, сказалъ имъ: слушайте и разумѣйте. Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка; но то, что изъ устъ исходитъ, оскверняетъ человѣка. (Матѣ. 15, 1—11). Весьма ясно выразилъ Господь въ этой краткой рѣчи, каково было исполненіе закона у книжниковъ и фарисеевъ; оно выражалось болѣе въ омовеніи рукъ, чѣмъ въ соблюденіи заповѣди Иеговы. Вы, говоритъ Господь мнимымъ блюстителямъ закона, преступаете заповѣдь Божию за преданіе ваше. Здѣсь какъ бы такъ сказалъ Господь: вы поставяете въ дѣлѣ спасенія важнымъ не то, что на самомъ дѣлѣ можетъ спасти человѣка, какъ на примѣръ, соблюденіе заповѣдей Божіихъ, а думаете спастись измышленными предписаніями старцевъ. Точно такъ поступаютъ и нынѣшніе фарисеи. Они скорѣе рѣшатся нарушить заповѣдь Божию, скорѣе позволяютъ себѣ обидѣть человѣка, обмануть его, особенно голя—иновѣрца, чѣмъ съѣсть кусокъ хлѣба неумытыми руками. Есть ли тутъ разумное выполненіе закона? Кому извѣстны тѣ многочисленные предписанія, которыя установили древніе іудейскіе учителя, книжники и фарисеи, обязавъ израиля хранить все это свято, тотъ согласится, что они,—фарисеи, бремя тяжелое

наложили на сыновъ Израиля. Кромѣ многочисленныхъ предписаній, узаконенныхъ Моисеемъ, евреи обязаны знать и соблюдать и многочисленные правила талмуда. Такъ напримѣръ, необходимо соблюдать 177 правилъ при убіеніи скота, 255 при изслѣдованіи его внутренностей, 342 при траурѣ и 1279 при празднованіи шабаша. Ничего нельзя представить пустѣе тѣхъ правилъ, которыя предписываетъ евреямъ талмудъ, относительно соблюденія субботы; напримѣръ, нельзя въ субботу гасить самому свѣчу; а въ случаѣ надобности талмудъ разрѣшаетъ вынести ее на улицу, чтобы она была потушена вѣтромъ. Если вѣтра нѣтъ и еврей не желаетъ, чтобы свѣча горѣла понапрасну, то онъ со всего маха разбѣгается съ нею и такимъ образомъ достигаетъ своей цѣли. Нельзя въ руки брать деньги въ шабашъ, но если была бы необходимость, то талмудъ разрѣшаетъ брать монету только не голыми руками, а чрезъ платокъ, а золотую монету можно взять и безъ платка. Нельзя прикасаться къ плугу или другому какому-нибудь инструменту, которымъ иновѣрецъ работалъ въ субботу. Нельзя въ субботній день идти по полю, потому что можно раздавить зерна и противъ воли посѣять ихъ, и проч. Подобно фарисеямъ, раввины, являсь въ собраніе или на вечеръ, непременно уже усядутся на первое мѣсто. И почему они требуютъ себѣ такого уваженія и почтенія? Потому, что они величаются именемъ та й р е р ъ - и д ѣ—святѣйшею израильскою душею (1). Въ чемъ же состоитъ святость ихъ? Въ томъ лишь—что они дольше другихъ сидятъ въ синагогахъ, безгамедрахахъ (молитвенный домъ) и распрямляютъ свои х р а н и л и щ а, то есть, повязки со словами закона; кромѣ этого молятся долго въ повязкахъ, отличающихся отъ обыкновенныхъ и называемыхъ «ребену-тамъ-тѣфильмъ», т. е. повязки, установленныя въ честь раввина Тамы. Вотъ за это и должно ихъ уважать, скажетъ суевѣрный талмудистъ-еврей. И не только уважать, добавить онъ, но ихъ слѣдуетъ

---

(1) Буквально—«дорогой жидъ». *Ред.*

любить какъ Бога (по понятію евреевъ учитель и наставникъ вѣры выше отца и равенъ Богу).

Мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣкоторое отступленіе отъ нашего предмета и передадимъ читателю, разумѣется не изъ іудеевъ, хоть что-нибудь изъ талмудической мудрости, которой раввины научаютъ евреевъ, чѣмъ и заслуживаютъ особую отъ нихъ милость. Вотъ образецъ, переданный намъ однимъ знакомымъ ученымъ евреемъ въ то самое время, когда мы писали эту бесѣду. Прочитавъ, по моему указанію, 23 главу Евангелія Матѳея, онъ сказалъ: «теперь я понимаю, почему вы нерѣдко выставляете мнѣ на видъ то, что я хоседь—фарисей: ваше Евангеліе, какъ видно, съ дурной стороны изображаетъ подобныхъ людей. Но не забудьте, что фарисеи были законники и народные учителя, а не вы ли сами похваляли мнѣ не разъ Апостола Павла? А вѣдь онъ былъ законникъ и принадлежалъ къ сектѣ фарисеевъ. Какъ же послѣ этого считать фарисеевъ хуже другихъ, тѣмъ болѣе, что вотъ тотъ же Евангелистъ говоритъ, что ихъ слѣдуетъ слушать и не напрасно же они занимали почетное мѣсто на Моусеевомъ сѣдалищѣ!» Какъ вы понимаете эти слова? спросилъ я еврея.— Я понимаю ихъ такъ, какъ они сказаны: на Моусеевомъ сѣдалищѣ сидѣли книжники и фарисеи. И почему не допускать буквального смысла этихъ словъ? Вѣдь вы знаете, что у насъ и теперь есть, такъ сказать, Моусеево сѣдалище, ибо какъ иначе назвать то мѣсто, гдѣ книжники читаютъ тору—книги закона, и на которомъ присутствуетъ какъ бы самъ Моусей, подъ видомъ священннхъ книгъ его? Я могу вамъ доказать, и словами священнаго Писанія и особенно ученіемъ знаменитыхъ нашихъ раввиновъ, что Моусей имѣлъ мѣсто для сѣдалища въ скинии во святая святыхъ». —Послѣднимъ, т. е. талмудомъ, сказали мы своему собесѣднику, можете что-нибудь доказать, но священнымъ Писаніемъ вы ровно ничего не докажете. Впрочемъ говорите; мы охотно послушаемъ.

Собесѣдникъ раскрылъ лежащую у насъ на столѣ Библию и началъ читать слѣдующее изъ книги Левитъ: *воззва Господь Моусея, и рече ему изъ скинии свидѣнія* (Левитъ 1, 1). Слышите! сказалъ онъ, слова эти прямо и ясно показываютъ,

что Моусей въ известное время находилъся въ скинии свидѣнія, иначе не зачѣмъ было Господу оттуда его звать. Раввинъ Мидрашъ въ своемъ толкованіи на Пятикнижіе Моусея, объясняя этотъ текстъ, и особенно слова: «*ва пкрд ме ойль моэдъ*»—*воззва Господь Моусея изъ скинии*,—выводитъ изъ нихъ, что Моусей очень часто долженъ былъ являться во святая святыхъ; туда онъ ходилъ на молитву; туда же онъ приходилъ приносить жертву Господу и оттуда провѣщалъ онъ волю Божию. Случалось, говоритъ Мидрашъ, что Моусей, по чувству благоговѣнія къ святынь, не позволялъ себѣ лишній разъ входить во святая святыхъ; но тогда Самъ Господь призывалъ его къ Себѣ, какъ и сказано: «*ванкрб*» воззва его Господь. Въ моментъ явленія Господа, скинія наполнялась благодатію Святаго Духа».

«Итакъ видите, говорилъ собесѣдникъ, и пзъ священнаго Писанія и пзъ талмуда, что Моусей часто пребывалъ во святая святыхъ, и поэтому, конечно, онъ не могъ не пмѣть тамъ мѣста сѣдалища. Принимая во вниманіе то, что обыкновенные люди во время общественнаго Богослуженія сидѣли, то почему же избранникъ Божій долженъ былъ стоять во все время нахождения въ скинии? Если мы обратимъ вниманіе, продолжалъ еврей, еще на то, что говоритъ раввинъ Раша, объясняющій этотъ текстъ, то мы убѣдимся, что Моусей, еслибы и хотѣлъ стоять въ скинии, то не достало бы у него физическихъ силъ къ тому. Ему очень часто и довольно подолгу приходилось бывать въ скинии. Здѣсь онъ долженъ былъ принимать Божественные уроки, какъ руководить въ вѣрѣ и законѣ нашъ народъ, тутъ въ скинии онъ принималъ изъ устъ Божіихъ многіе законы, которые онъ долженъ былъ немедленно передать намъ, какъ и сказано: *лаголл: лаголи сыномъ израиловымъ и речеши къ нимъ: человекъ отъ васъ еще принесетъ дары Господу...* и проч. (Лев. 1, 2). Раввинъ Раша, объясняя эти слова, прибавляетъ, что Моусею въ скинии переданъ былъ весь смыслъ закона до самой малѣйшей подробности; ему даже указано было, какъ раздѣлять священныя книги на отдѣлы, главы и стихи, даже формы каждой буквы были показаны Моусею Господомъ. Наконецъ, многіе даже изъ нашихъ усилыхъ законовъ, какъ напримѣръ, талмудъ

были также переданы Богомъ Моисею. Да, многому научилъ Господь Моисея въ скинии и многое передалъ Моисей Аарону, а сей послѣдній передалъ все старѣйшинамъ израиля, которые въ свою очередь передали все цѣлому иудейскому сонму. Вотъ какая непрерывная цѣпь преданій связываетъ нашъ законъ! А знаете ли, продолжалъ собесѣдникъ, какъ передавалъ Господь Моисею свои рѣчи? Голосъ Его, по увѣренію толкователя пятнишия Моисея, раввина Раши, раздавался изъ-за завѣсы скинии, какъ бы изъ устъ херувимовъ, которые были изображены въ скинии, протяжно шелъ густымъ шумомъ въ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Моисей, и прямо касался его уха; дойдя до слуха Моисея, этотъ голосъ быстро, какъ бы ножомъ, пресѣвался, такъ что никто изъ постороннихъ ничего не могъ слышать. Но не думайте, что голосъ былъ очень тихій и потому никто будто бы не могъ слышать его. Нѣтъ, этого нельзя сказать; равнинъ Раша, напротивъ, увѣрять, что онъ былъ довольно сильный, и въ доказательство того, что онъ не могъ быть тихій, приводитъ слѣдующее мѣсто священнаго Писанія: *Гласъ Господень въ крепости, гласъ Господень въ великолѣтіи. Гласъ Господа, сокрушающую кедры* (Псал. 28, 4). Не доказываетъ ли это, сказали еврей, что голосъ Божій былъ не тихій?»

— А если онъ былъ сильный, сказали мы, то почему же никто не могъ слышать его?

«Этому удивляться нисколько не слѣдуетъ, отвѣчалъ еврей. Равнинъ Медрашъ объясняетъ намъ и это; онъ говоритъ, что у Бога такъ: «когда Онъ желаетъ сообщить что-либо только одному, а отъ прочихъ скрыть это, то хотя Онъ будетъ говорить громко, но слышать будетъ только тотъ, кому Богъ хочетъ открыть волю Свою. Примѣромъ тому можетъ служить явленіе Божіе Самуиду. Голосъ Божій, какъ мы знаемъ, изъ священнаго Писанія, раздается въ храмѣ, но слышитъ его только одинъ Самуилъ; Илій же хотя и былъ тутъ, однако ничего не слышалъ, и опять-таки потому, что онъ ничего не долженъ былъ знать объ этомъ. Кто знаетъ, сказали собесѣдникъ, если бы израиля могъ слышать голосъ Божій, то въ силахъ ли былъ вмѣстить его въ себя? Намъ извѣстно, что было время, когда еврей изнемогали отъ присутствія Божія

и молили Моисея, чтобы онъ говорилъ вмѣсто нихъ съ Богомъ и чтобы чрезъ него Господь отрывалъ имъ волю свою». — Итакъ вы вѣрите, сказала я собесѣднику, что Моисею было въ скинии показано Богомъ, какъ писать священныя книги, какъ раздѣлять ихъ на отдѣлы, главы и стихи? — «Да, я вполне вѣрю. Вы, какъ христіанинъ, можете теперь и не признавать за истину то, что толкуютъ наши раввины; но тѣмъ не менѣе не можете не согласиться, что ихъ толкованіе весьма поучительно и что оно говоритъ много въ пользу ихъ обширнаго знанія по части священнаго Писанія. Они выкалѣ въ духъ слова Божія и насквозь пронесли таинственный смыслъ его. Бъстѣи, позвольте еще вамъ сказать одно, въ доказательство того, что каждое слово священнаго Писанія, каждая буква, дѣйствительно были поставлены Моисеемъ, по указанію Божию. Вотъ хоть бы въ разбираемомъ намъ текстѣ: почему въ концѣ слова *ваикрѣ* (воззва) поставлена буква алефъ (а) (буква алефъ выговаривается за о, когда подъ ней стоитъ знакъ коонецъ, который есть и въ настоящемъ случаѣ)? Вѣдь и безъ алефъ будетъ тоже значеніе: *воззва*? И далѣе, зачѣмъ эта буква—алефъ—меньше всѣхъ алефовъ? Замѣьте, сказалъ онъ, что не только здѣсь въ Библии она такъ мала, но даже въ самой торѣ (пятикнижій Моисея) нигдѣ не встрѣтите обыкновеннаго алефа, а все въ уменьшенномъ видѣ!» — На первый вашъ вопросъ, сказала я собесѣднику, могу отвѣтить словами раввина же, хотя я вообще вовсе не вѣрю раввинскимъ толкованіямъ. Богъ, говоритъ онъ, хотѣлъ отличить Моисея отъ всѣхъ людей, поэтому и сказано *ваикрѣ*, а это выраженіе употребляется только на небѣ Ангелами, какъ сказано въ священномъ Писаніи: и зывають они, т. е. Ангелы, другъ другу (*ваикрѣ зе-эль-зе*): святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ.» Относительно же того, почему поставленъ въ словѣ *ваикрѣ* маленькій алефъ, мы ничего не въ состояніи сказать, такъ какъ объ этомъ не упоминаетъ ни раввинъ Раша, ни даже плодовитый толкователь священныхъ книгъ раввинъ Балтыринъ». — Ага, вослѣдствіемъ видимо обрадованный собесѣдникъ мой, не напрасно же я хоседъ; не напрасно же я жуу священное Писаніе (какъ бы витаюсъ словомъ Божиимъ—любимое выраженіе евреевъ). Отъ нашего брата ничего не

скроется; если Раша объ этомъ ничего не говоритъ, то вотъ у Медраша есть на это объясненіе. Раввинъ Медрашъ ничего не пропускаетъ безъ объясненія. Онъ своими толкованіями восполняетъ многое. Вотъ хоть бы то, что вы сейчасъ говорили, вѣдь неполно? Почему Богъ именно въ этотъ разъ такъ возвелчиль Моисея и поощрилъ его ласковымъ словомъ? Чтобы узнать это, нужно понять, для чего Господь призываетъ къ себѣ Моисея? Медрашъ относительно всего этого говоритъ слѣдующее: Богъ зоветъ Моисея для того, чтобы передать народу израильскому волю Свою о томъ, каковы должны быть его жертвоприношенія; при этомъ Моисей узнаетъ, что жертвы будутъ приноситься чрезъ священниковъ и что они особенно будутъ умилоствлять Господа. И вотъ Моисей начинаетъ скорбѣть: почему онъ не священникъ, отчего на него не выпала счастливая доля священнодѣйствовать? Моисей готовъ былъ бы сейчасъ переимѣнить почетное званіе «вождя» на званіе «священника.» Ему, говоритъ Медрашъ, сдѣлалось очень тяжело и эта мысль такъ его потрясла, что ему стало даже холодно; и вотъ поэтому то собственно, увѣряетъ Медрашъ, Господь, желая утѣшить вѣрнаго раба своего, зоветъ его, — и зоветъ словами *ваикрд*, подобно тому, какъ на небѣ зываютъ Ангелы другъ ко другу. Этимъ Господь далъ Моисею понять еще и то, что онъ, Моисей, будетъ священнодѣйствовать въ эль-моедъ — въ небесномъ храмѣ будущей жизни; что тогда онъ предстанетъ Богу, какъ верховный іерей. Моисей, услышавъ это, говоритъ Медрашъ, совершенно успокоился. А вотъ причина, почему въ концѣ слова *ваикрд* поставлено вездѣ маленькое *алефа*. Господь, утѣшивъ Моисея вышеприведенными словами, велѣлъ ему внести это слово на первый же листъ книги Левитъ. Но Моисей, по кротости и скромности своей, не хотѣлъ вовсе выставить себя на показъ, что именно его Богъ зоветъ словами *ваикрд*; не исполнить же этого онъ также опасался, чтобы не быть нарушителемъ воли Божіей; и вотъ онъ ставитъ маленькое *алефа*, въ той надеждѣ, что читающіе священное Писаніе и вникающіе въ таинственный слысль его поймутъ, почему стоитъ малое *алефа*?!»

Кажется, и безъ всякаго опроверженія, читатель-христіанинъ пойметъ всю недѣльность толкованій раввиновъ на при-

веденный текст священнаго Писанія. Но христіанну изъ іудеевъ, благоговѣвшему прежде предъ ученіемъ талмуда, даже и подобныя толкованія могутъ казаться, пожалуй, справедливыми. Поэтому мы нужнымъ считаемъ кое-что сказать здѣсь противъ толкованій Медраша и Раши. Священные книги, точно, писаны по волѣ Божіей, по внушенію Духа Святаго, въ этомъ никто изъ христіанъ и не сомнѣвается; но что въ скиніи показано было Моисею Богомъ, какъ писать священныя книги, какъ раздѣлять ихъ на главы и стихи и гдѣ поставить какой знакъ, этому никто знающій дѣло не повѣритъ, да и вѣрить нельзя. Мы видимъ, что и по сіе время Тора-пятикнижіе въ древнихъ кодексахъ писано безъ всякихъ знаковъ и только познѣе находимъ пунктуацію, которая изобрѣтена послѣ времени Рождества Христова. Всякій мало-мальски ученый еврей знаетъ и то, что гаоны (классъ древнихъ ученыхъ евреевъ) первые, такъ сказать, внесли науку въ книги священнаго Писанія; за ними ученые мазореты занимались уже и справленіемъ священныя книги (1). Они опредѣляли точки, гласныя и ударенія, которыя на еврейскомъ языкѣ имѣютъ большую важность при изъясненіи священнаго Писанія. Они обратили вниманіе на разборъ начальныхъ, окончательныхъ и промежуточныхъ буквъ; сосчитали, что въ книгѣ Бытія находится двадцать тысячъ семьсотъ тринадцать словъ и семьдесятъ восемь тысячъ сто буквъ. Всѣ прочіе тексты Библии разобраны такимъ же образомъ. Такъ вотъ кто умудрился изъяснять, въ еврейскомъ вкусѣ, священное Писаніе, и представилъ его въ томъ видѣ, какъ мы встрѣ-

---

(1) Нельзя въ точности опредѣлить, когда мазореты составляли свой ученый трудъ, извѣстный подъ именемъ «мазора» потому, что они занимались этимъ въ разныя времена. Однако достоверно предполагаютъ, что онъ принадлежитъ по преимуществу первымъ ученымъ изъ тиверіадской академіи; за ними пошли дальше Гемаристы—составители «Гемары,»—талмуда. Многочисленные трактаты, сочиненные ими, обнимаютъ всю и судебную и медицинскую часть Библии, а болѣе всего этотъ талмудъ касается богословскихъ предметовъ,—догматовъ вѣры іудейской и толкованій на священное Писаніе.

чаемъ его въ талмудѣ! Это раввины времятъ христіанства, по уже пикакъ не Моусей. Все, что приписали раввины Моусею, по поводу приведеннаго текста изъ книги Левитъ, столько же вѣрно, сколько справедливо то, будто бы Моусей пѣлъ сѣдалище въ скиніи,—въ святая святыхъ.

Теперь снова возвращаемся къ Евангелію. Изъ вышесказаннаго мы уже знаемъ, что книжники и фарисеи только другихъ паставляли въ законѣ, другихъ руководили въ вѣрѣ; а сами отъ всего этого были далеки. Но Господь еще сильнѣе избличаетъ образъ жизни и всѣ неблаговидные поступки книжниковъ и фарисеевъ: горе вамъ, книжники и фарисеи — лицемеры, говоритъ Онъ, что затворяете царствіе небесное людямъ; ибо и сами не входите, и хотящихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что поѣдаете дома вдовицъ, и лицемерно молитесь долго; за сіе примите тяжчайшее осужденіе. Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного, и когда обратите, то дѣлаете его сыномъ геены, вдвое худшимъ васъ (Матѣ. 23, 13—15). Кто изъ васъ, братія мои, не знаетъ, что и нынѣшніе фарисеи не считаютъ грѣхомъ, такъ сказать, *свать* домъ вдовицы, или вѣрнѣе—разорить ее, для своей пользы? Такъ, напримѣръ, хевре кдойше—святое общество погребальщиковъ отнимаетъ нерѣдко послѣднюю копѣйку у бѣдной осиротѣвшей женщины, для погребенія умершаго ея мужа; а между тѣмъ, эти святоши возсылаютъ пространныя молитвы къ Богу, желая этимъ какъ бы загладить свои печестные поступки. Вы знаете также и то, какъ много заботятся наши фарисеи о томъ, чтобы какого-нибудь гамурца, т. е. несвѣдущаго въ талмудѣ и не радиваго къ вѣрѣ іудейской, поставитъ, какъ говорятъ они, «а лъ дерехъ гаешоръ» — на талмудическій путь; ради этого они готовы, такъ сказать, проходить море и сушу. Но какой толкъ въ томъ, что они сдѣлаютъ, изъ простаго и прямого израильянина, подобнаго себѣ фарисея хасида, сына геены? Пользы отъ этого ровно никакой нѣтъ, ни для души,

ни для тѣла. Далѣе; какъ древніе, такъ и нынѣшніе фарисеи, соблюдаютъ правило касательно десятины; и они даютъ десятину съ тмина, съ мяты и со всего того, что ими приобрѣтено разными нечестными путями; иной даже и изъ незаконныхъ лихвенныхъ процентовъ, которые онъ взимаетъ съ христіанина, отдаетъ десятину подобнымъ же себѣ тунеядцамъ. Удивительно и то, какъ современные фарисеи примѣняютъ къ дѣлу сказанное Спасителемъ относительно отцѣживанія комара. Мы знаемъ хорошо, что ни одинъ фарисей не выпьетъ воды, не передѣдивъ ее чрезъ холстъ. Другой, если ему подъ руки не попадется холстъ, чрезъ который бы онъ могъ процѣдить воду, то постарается хоть подсунуть стаканъ подъ грязный рукавъ своей рубахи, а все-таки сначала процѣдитъ, а потомъ уже выпьетъ, боясь мнимыхъ нечистотъ, находящихся въ непроцѣженной водѣ. Итакъ фарисеи, боясь пить неочищенную воду, смѣло можемъ сказать, нисколько не ужаснутся проглотить, если можно такъ выразиться, верблюда, или прямо сказать — погубить всякаго изъ собратовъ своихъ, живущихъ не по правиламъ талмуда. Вы, читатель, не можете представить себѣ, до какой степени евреи строги въ отношеніи пици и питія. Если въ какомъ-нибудь городѣ или мѣстечкѣ, обитаемомъ іудеями, сдѣлается гласнымъ, что какой-нибудь еврей поѣлъ трефнаго, т. е. пици запрещенной талмудомъ, какъ то: свинаго мяса, колбасы и т. п., то кагалъ почтетъ священнымъ долгомъ прежде пожурить хорошенько мнимаго преступника закона, а за тѣмъ возстановитъ противъ него и все общество, такъ что провинившемуся дорого приходится поплатиться, даже нерѣдко — боками, за нарушеніе правилъ талмуда относительно пици. Передамъ здѣсь то, что пришлось перенести мнѣ отъ собратовъ своихъ, за нарушеніе правилъ талмуда въ отношеніи употребленія пици. Разъ какъ-то, я, будучи еще мальчикомъ, пришелъ въ гости къ одному польскому пану, съ которымъ водилъ знакомство мой отецъ. Панъ ѣлъ въ то время раковъ, которыхъ предложилъ и мнѣ, приговаривая: «ѣшь, жидокъ, это хорошо». Я, по дѣтской простотѣ, послушался, съѣлъ двѣ-три штуки раковъ. Когда я пришелъ домой и рассказалъ объ этомъ отцу, то онъ просто изъ себя вышелъ и громкимъ голосомъ

завричалъ: «какъ ты, безбожникъ, могъ рѣшиться осквернить свои уста непозволительной пищей?» Я, разумѣется, началъ извиняться и въ оправданіе говорилъ отцу, что законъ, сколько мнѣ извѣстно, воспрещаетъ лишь употреблять свиное мясо, а о ракахъ тамъ ничего не сказано. Отецъ, оскорбленный такимъ отвѣтомъ, вскрикнулъ: «такъ ты только знаешь, что одну свинину нельзя ѣсть? Смотри же, что говоритъ нашъ законъ относительно употребленія и прочихъ животныхъ»; при этомъ онъ открылъ Библию и началъ читать слѣдующее: *и сихъ да не съѣсте отъ отрывающихся жваніе, и отъ дѣлящихся пазюкты на двое, но копытъ не раздвоющихся: вѣллюда, и зайца, и хирогилля: яко отрываютъ жваніе сіи, но копытъ не раздвоятъ, нечиста сіа вамъ суть.* (Второз. 14, 7—9).

Долго не могъ примириться со мною отецъ за мое, какъ говорилъ онъ, страшное преступленіе; онъ даже возилъ меня въ цадигу (1), чтобы онъ разрѣшилъ мой грѣхъ. Но и этимъ не искупила моя вина; мнѣ долго пришлось терпѣть за нее. Поступокъ мой, какъ уже водится у евреевъ, сдѣлался извѣстнымъ во всемъ мѣстечкѣ; и кому даже дѣла не было до меня,—и тотъ считалъ священнымъ долгомъ напоминать мнѣ о содѣянномъ мною мнимомъ преступленіи. Даже въ бытность мою въ военной службѣ, когда я, собратами моими—солдатами изъ евреевъ,—былъ признанъ хазеномъ—уставщикомъ, или лицомъ отправляющимъ еврейское богослуженіе, то нѣкоторые изъ нихъ, знавшіе меня на родинѣ, протестовали противъ выбора; они кричали, что хотя я и способенъ къ должности хазена, но не долженъ быть допущенъ къ этому святому дѣлу, потому что осквернилъ себя еще дома трефною пищею—раками.

Иисусъ Христосъ, очевидно, не изъ числа тѣхъ іудейскихъ учителей, которые любили льстить израильтянамъ, превозносить ихъ въ собственныхъ ихъ глазахъ и внушать имъ гор-

---

(1) Цадикъ есть высшій окружной раввинъ, которому, по мнѣнію іудеевъ, дана Богомъ власть вѣзать и разрѣшать всякіе грѣхи людскіе, даже и такіе, каково употребленіе раковъ!

дось тѣмъ, что они чада Авраама. Спаситель, напротивъ, желая смирить надменность іудеевъ, говорилъ имъ, что происхожденіе отъ Авраама не спасетъ ихъ; прямо говорилъ имъ въ лице о ихъ нечестіи и называлъ чадами діавола. Кто не знаетъ, какъ поступили іудеи со своими пророками за то, что они обличали нечестіе ихъ? И Господь нашъ Іисусъ Христосъ, за свое сильное и правдивое слово, потерпѣлъ многое отъ книжниковъ и фарисеевъ и по ихъ проискамъ былъ доведенъ до крестной смерти. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди. Теперь перейдемъ къ другимъ мѣстамъ Евангелія, именно къ тѣмъ изъ нихъ, изъ которыхъ видно, что Іисусъ Христосъ не только словомъ, но и дѣломъ доказалъ, что Онъ есть Богъ во плоти и чаемый Мессія. Здѣсь мы имѣемъ въ виду многочисленныя чудеса, совершенныя Господомъ и свидѣтельствующія, въ свою очередь, о Немъ, какъ о Мессіи, Сынѣ Божіемъ. Знаю, что найдутся и такіе изъ васъ, особенно изъ некрещенныхъ евреевъ, которые возразятъ: вѣдь и пророки творили чудеса, однако никого изъ нихъ не признавали ни Мессією, ни Сыномъ Божіимъ? Правда, творили чудеса и пророки; но сличая ихъ чудеса съ чудными дѣлами Іисуса Христа, видишь, что первые были люди, а второй былъ Господь. Припомнимъ, наприимѣръ, какъ Пророкъ Елисей воскресилъ мертваго отрока? Онъ, какъ передаетъ священное Писаніе, не могъ воскресить его прикосновеніемъ жезла своего, который для сей цѣли и послалъ съ Гіезіемъ, а воскресилъ уже его при большихъ усиліяхъ. Не такъ дѣлалъ Спаситель. Онъ единымъ словомъ исцѣлялъ больныхъ и воскрешалъ мертвыхъ. Для Него достаточно было сказать разслабленному: «встань, возьми одръ твой и иди»;—и больной тотчасъ получалъ исцѣленіе.

Такъ поступалъ Спаситель не только при исцѣленіи больныхъ, но и умершихъ воскрешалъ единымъ словомъ. Извѣстно изъ Евангелія, что четырехдневнаго умершаго Лазаря, отъ котораго уже смердѣло, Господь воскресилъ однимъ словомъ *Лазарь! встань!* (Іоан. 11, 44). Замѣтимъ и ту еще разность между чудесами пророковъ и чудными дѣлами Спасителя: первые исцѣляли только плоть страждущихъ, а Спаситель, исцѣляя плоть, въ то же время, исцѣлялъ и душевную

немоць ихъ, т. е. разрывалъ души отъ грѣховъ. Такъ Онъ говоритъ одному разслабленному: *чудо, отпущаются тебе грѣси твои* (Мате. 9, 2). Излишнимъ считаю распространяться о чудныхъ дѣлахъ Господа, думая, что вы, братія, какъ уже христіане, и сами прочтете о нихъ въ св. Евангеліи. Уважемъ теперь на другія мѣста Евангелія, въ которыхъ также выражается Божественность Иисуса Христа, именно на притчи Его. Указать на нихъ мы считаемъ нужнымъ и потому, что, при бесѣдахъ съ евреями, намъ случалось нерѣдко слышать отъ нихъ слѣдующее. «Что такое ваше Евангеліе? Оно наполнено какими-то загадочными сказаніями—притчами, употребленными Иисусомъ Христомъ невѣдомо для чего». Но іудеи, говорящіе такъ, забыли, что говорено было пророками о Иисусѣ Христѣ, именно,—что Онъ будетъ преподавать ученіе Свое въ притчахъ: *и отверзу въ притчахъ уста Моя, провѣщаю гаданія исперва* (Псал. 77, 2). Иисусъ Христосъ, согласно пророчеству, дѣйствительно много говорилъ въ притчахъ. И все то, что Онъ говорилъ, было всегда такъ приспособлено къ дѣлу, что слышавшіе могли извлекать изъ этого очень много назидательнаго. Господь говорилъ то, что прямо шло къ дѣлу спасенія и что могли вмѣстить въ себя слышавшіе Его. Чтобы видѣть, какъ важны Евангельскія притчи, кажушіяся іудеямъ такъ малозначительными, а равно и то—насколько онѣ согласны съ многими изреченіями ветхо-заветныхъ пророковъ, достаточно указать на двѣ нижеслѣдующія притчи.

«У одного человѣка, говоритъ Спаситель, было два сына; и онъ, подошедъ къ первому, сказалъ: сынъ! пойдѣ сегодня, работай въ виноградникѣ моемъ. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ: не хочу; а послѣ, раскаявшись, пошелъ. И подошедъ къ другому, отецъ сказалъ то же. Этотъ сказалъ въ отвѣтъ: иду, государь, и не пошелъ. Который изъ двухъ исполнилъ волю отца? спросилъ Спаситель первосвященниковъ. Они сказали Ему: первый. Иисусъ Христосъ говоритъ имъ, что мытари и блудницы вперёдъ васъ идутъ въ царство Божіе».

Понятно, на что указывалъ Господь іудеямъ эту притчу: Онъ далъ имъ уразумѣть, что они, будучи первые призваны ко спасенію, должны бы первые увѣровать въ Него,

какъ въ обѣтованнаго Мессію; между тѣмъ, когда Онъ явился къ нимъ,—они отвергли Его. Язычники же, не зная истиннаго Бога и не получивъ на Синаѣ закона, чѣмъ особенно гордится израиль, увѣровали въ Спасителя. Они-то, по слову Спасителя, войдутъ въ царство Божіе прежде, чѣмъ іудеи. Можно сказать, что и по смыслу самаго талмуда, язычники, увѣровавшіе во Іисуса Христа, въ настоящее время превосходятъ израиля и имѣютъ большее право на наслѣдіе царства Божія, чѣмъ іудеи. Припомните толкованіе раввина Раши на пятикнижіе Моисея. Онъ, объясняя слова, сказанныя Ревеккѣ Господомъ: «два языка во утробѣ твоей суть, и двое людіе отъ утробы твоея разлучатся: и людіе людей превзыдутъ: и большій поработаетъ менѣшему, — говоритъ, что «подъ названіемъ большаго священное Писаніе разумѣетъ перваго сына Исаака—Исаву и происшедшій отъ него народъ — идумеевъ, а подъ именемъ меньшаго разумѣетъ втораго сына Исаака—Іакова вмѣстѣ съ народомъ израильскимъ. Первые, т. е. идумеи, должны были служить, по увѣренію раввина Раши, послѣднимъ дотолѣ, пока израиль не согрѣшитъ, и они, говоритъ Раши, дѣйствительно были нѣкогда подвластны іудеямъ. Теперь же, продолжаетъ Раши, видимъ противное: израиль находится подъ властію этихъ идумеевъ-гоймовъ—язычниковъ,—и это, конечно, произошло отъ того, что израиль согрѣшилъ предъ Богомъ». Если принять талмудическое сказаніе за истину, то значитъ, что израильтяне совершили какое-нибудь тяжкое преступленіе, которое и служитъ единственною причиною тому, что они стали ниже другихъ народовъ, а слѣдовательно и въ царствѣ Божіемъ они должны стать ниже всякаго мытаря. Здѣсь невольно является вопросъ: что же за преступленіе сдѣлалъ израиль, за которое онъ несетъ на себѣ наказаніе Божіе болѣе 1800 лѣтъ, какъ еще никогда и никто не былъ наказываемъ? На такой вопросъ талмудъ обыкновенно отвѣчаетъ: «мало ли грѣшилъ израиль? Онъ нарушалъ заповѣди Божіи, не слушался пророковъ и нерѣдко убивалъ ихъ». Конечно, талмудъ никогда не скажетъ, что израиль наказывается Богомъ за отверженіе Мессіи; но за то очень ясно даетъ намъ уразумѣть это священное Писаніе, говорящее: «за три не-

честія израиля возвращаеся къ нему, а за четыре—лѣтъ—гашивено, — сказано въ еврейскомъ текстѣ, т. е. не возвращается къ нему, *позже продаша праведнаго* (т. е. Христа невиннаго) на сребрѣ (Амосъ 2, 6). Но что отверженіе израиля послѣдовало пменно за отверженіе Мессіи, — это еще яснѣе сказано въ Евангельской притчѣ о дѣлателяхъ въ виноградникѣ. «Быль нѣкоторый хозяинъ дома, говоритъ Спаситель, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградой, выкопалъ въ немъ точно (тиски), построилъ башню и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился. Когда же приблизилось время плодовъ: онъ послалъ своихъ слугъ къ дѣлателямъ винограда взять свои плоды. Виноградари схватили слугъ, много изъ нихъ прибили, много убили, а много побили камнями. Опять послалъ онъ другихъ слугъ, больше прежняго; и съ ними поступили также. Наконецъ послалъ онъ своего сына, говоря: постыдитесь сына моего. Но виноградари, увидѣвъ сына, сказали другъ другу: это наследникъ, пойдемъ и убьемъ его и завладѣемъ наследствомъ его. И схватили его, вывели вонъ изъ виноградника и убили. Итакъ, когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями? Ему говорятъ: злодѣевъ сихъ предасть злой смерти, а виноградникъ отдать другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои» (Матѣ. 21, 33—42).

Въ этой притчѣ Спаситель, какъ нельзя яснѣе, выравилъ поступки и судьбу нашихъ предковъ. Извѣстно, что израиль избранъ былъ Господомъ въ Его народъ, ему вѣрена была ветхозавѣтная церковь, ему данъ былъ законъ, и Господь требовалъ отъ израиля только, чтобы онъ былъ вѣренъ Ему. Но израильтяне постоянно уклонялись отъ заповѣдей Божиихъ и многократно искушали Господа. Милосердый Богъ, желая спасенія человѣку, нерѣдко посылалъ пророковъ для исправленія его; но еврейскій народъ, вмѣсто того, чтобы принести плоды достойные покаянія, не только не слушалъ пророковъ, но убивалъ ихъ, какъ и виноградари убивали слугъ, посылаемыхъ къ нему хозяиномъ виноградника, и какъ наконецъ они, виноградари, поступили съ наследникомъ. Не такъ ли поступили и іудеи съ Сыномъ Божиимъ, наследникомъ Отца Небес-

наго? Иудеи нисколько не устыдились и не ужаснулись дополнить мѣру злодѣяній отцевъ своихъ: они пролили невинную кровь Единороднаго Сына Божія.

Каждый изъ насъ, братіе, знаетъ изъ рассказовъ отцевъ нашихъ, что Иисусъ Христосъ во время своей земной жизни испыталъ много страданій; но дѣло въ томъ, что изъ рассказовъ ихъ мы вынесли мнѣніе, что эти страданія и самую смерть Иисусъ Христосъ принялъ собственно за свою вину. Между тѣмъ, изъ самаго талмуда узнаемъ, что Мессія будетъ мучень за грѣхи другихъ людей, за грѣхи всего міра. Хотя теперь для насъ, какъ уже христіанъ, свидѣтельство талмуда не можетъ имѣть особеннаго значенія въ дѣлѣ назиданія; но тѣмъ не менѣе мѣсто изъ него, относительно страданій Мессіи, столь замѣчательно, что нельзя не упомянуть здѣсь о немъ. «Какое имя Мессія? спрашиваетъ талмудъ. Самъ же и отвѣчаетъ: «болѣзненный», пбо написано: *Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Исаи 53, 4). Раввинъ Мойша-Гершенъ, объясняя книгу Бытія, говорить о страданіи Христовомъ такъ: Господь Святый и Благословенный вступилъ въ слѣдующій разговоръ съ Мессіею: «Мессія, праведникъ Мой, грѣхи людскіе наложить на Тебя тяжкое иго; очи Твои не увидятъ свѣта, уши Твои услышатъ ужасное поруганіе, уста Твои вкусятъ горечь, языкъ Твой прилипнетъ въ гортани Твоей и душа Твоя изнеможетъ отъ горя и воздыханій. Согласенъ ли Ты на все это? Если Ты принимаешьъ всѣ эти страданія на Себя, — хорошо; если же нѣтъ, то Я въ сію минуту истреблю людей грѣшниковъ». На это Мессія отвѣчалъ: «Владыко вселенной! Я съ радостію приѣмлю всѣ эти страданія, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Ты въ Мои дни воскресилъ мертвыхъ, отъ перваго человѣка Адама до нынѣ, и не только ихъ однихъ спасъ, но и всѣхъ тѣхъ, которыхъ предположилъ сотворить». На это Богъ изъявилъ Свое согласіе. Въ то мгновеніе Мессія съ радостію принялъ на Себя всѣ страданія, какъ написано: *«и Той зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ: яко овча на заколеніе ведеса и яко агнецъ предъ стригущима его безмолвенъ»* (Исаи 53, 7).

Итакъ, по слову Пророка и по ученію талмуда, Господу Иисусу Христу, какъ Мессіи, должно было пострадать, быть

мученнымъ, узвленнымъ, наконецъ понести и самую смерть, чтобы только спасти отъ грѣха, проклятiя и смерти падшее человѣчество, въ лицѣ прародителя нашего Адама! И дѣйствительно, Иисусъ Христосъ добровольно принесъ себя въ жертву за грѣхи всего міра, но никакъ не за свою вину: *Христосъ за ны умре*, говоритъ Апостолъ Павелъ. *Вси бо сорпшиша и лишени суть славы Божія. Оправдаеми туне благодатию Его, избавленіемъ, еже о Христѣ Иисусѣ* (Римл. 5, 8; 3, 23—24).

Итакъ Иисусъ Христосъ пострадалъ и умеръ невинно, за грѣхи міра. Пилать, предавшій, въ угодливость іудеямъ, Господа на распятіе, говорилъ, что онъ съ своей стороны не находитъ никакой вины въ Немъ. Все, совершавшееся при страданіи Иисуса Христа, совершилось по точному предсказанію Пророковъ. Такъ, напримѣръ, царь и пророкъ Давидъ за долго до пришествiя Мессіи предсказывалъ, что будутъ ругаться надъ Нимъ: *вси видящіе мя поругашамися, глаголаша устнами, показаша главою: упова на Господа, да избавитъ Его; да спасетъ Его; яко хочетъ Его* (Псал. 21, 8).

Далѣе Давидъ говоритъ, что дадутъ Ему въ пищу желчь и въ жаждѣ напоютъ Его уксусомъ (Псал. 68, 22), что раздѣлять ризы Христа и объ одеждѣ Его будутъ метать жребіи (Псал. 21, 19); наконецъ, руки и ноги Господа пригвоздятъ ко кресту: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Псал. 21, 17). Все это въ точности исполнилось надъ Иисусомъ Христомъ! Весьма замѣчательно, что при страданіи и смерти Господа совершилось и много такого, что въ свою очередь также показываетъ, что умершій на крестѣ былъ не простой человѣкъ, а Богочеловѣкъ. Вотъ что говоритъ Евангелистъ Матѳеи объ этихъ событіяхъ: и завѣса во храмѣ раздралась на двое сверху до низу, и земля потряслась, и камни разсѣлись, и гробы отверзлись; и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли: (Матѳ. 27, 51—52).

(Продолженіе впереди).

8 МАЯ № 19. 1871 ГОДА.

УНИЧЖЕНІЕ И СЛАВА МЕССІИ-ХРИСТА, ИЗБРАЖЕННЫЯ ВЪ 21 ПСАЛМЪ.

Лице, воспѣваемое Давидомъ въ 21 псалмѣ, сперва представляется въ такомъ уничиженіи, а потомъ является въ такой славѣ, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя.

Тотъ, кто отъ чрева матері имѣлъ Іегову Господа своимъ Богомъ, отъ рожденія былъ приверженъ къ Нему (ст. 11), находится у всѣхъ въ поношеніи и презрѣніи (ст. 7), отсюду слышитъ язвительныя насмѣшки (ст. 9), терпитъ жесточайшія мученія. Многочисленные, сильные и ожесточенные враги его (ст. 13 и 14) пронзили ему руки и ноги (ст. 17) и до того измучили его, что въ каждомъ членѣ тѣла онъ ощущаетъ жесточайшую боль (ст. 18), лишился всѣхъ силъ (ст. 15) и приближается къ смерти (ст. 16). Находясь въ такомъ положеніи, страдалецъ молится. Сперва онъ тяжело скорбитъ, и повидимому, съ воплемъ нѣкотораго отчаянія и укоризны въ неправосудіи, жалуется Іеговѣ, всегда избавлявшему отцевъ

его, когда бы они ни вzywали къ Нему (ст. 5, 6), на жестокую свою участь (ст. 2—13). Но елей молитвы мало по малу врачуетъ язвы болѣзнующаго сердца: скорбь страдальца утихаетъ и онъ успокоивается духомъ. Въ благодарность Іеговѣ за то, что Онъ внялъ молитвѣ (ст. 25), страдалецъ даетъ обѣтъ не только проповѣдать Его имя собратіямъ своимъ—потомкамъ Іакова (ст. 23), но и возвѣстить о Немъ всѣмъ язычникамъ, во всѣхъ концахъ вселенной (ст. 28), всѣмъ вѣкамъ, изъ рода въ родъ (ст. 31, 32), уготовать жертвенный пирь (ст. 26) изъ вѣчныхъ наслажденій (ст. 27), въ которомъ примуть участіе всѣ люди—и богатые, и бѣдные, и израильтяне, и язычники (ст. 27, 28, 30), такъ что составитъ одно великое священное царство Іеговы (ст. 26. 29).

О комъ пророкъ говоритъ сіе? О себѣ ли или о комъ другомъ? (Дѣян. 8, 34). Кто этотъ дивный страдалецъ, который терпитъ такія жестокия мученія и общаетъ Іеговѣ такую необыкновенную благодарность за свое спасеніе?—*«Нильшкій еврейскій народъ въ жалкомъ состояніи разсѣляя,»*—отвѣчаютъ раввины Ярхи и Кимхи. Подобный отвѣтъ далеко не удовлетворитъ никого, кто близко знакомъ съ пророческими писаніями и внимательно разсмотритъ содержаніе настоящаго псалма. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Пророки говорятъ о цѣломъ народѣ еврейскомъ, какъ объ Израилѣ, Іудѣ, Левіи, Ефремѣ и т. д.—рѣчь ихъ бываетъ кратва, такъ что кажущаяся единичность изображаемаго предмета скоро измѣняется во множественность, и эта перемѣна повторяется неоднократно; тогда и самыя грамматическія числа, какъ бы противъ воли писателя, взаимно смѣняются (ср. Исаи 43; Псал. 43, 5. 6; 77, 71. 72; 80, 5. 12. 13; Осн 4, 15—19; 5, 3. 4; 8, 8; 10, 1). Ничего подобнаго не замѣчаемъ въ 21 Псалмѣ.—Притомъ же, здѣсь говорится о матери страдальца (ст. 10. 11), о его сердцѣ, рукахъ, ногахъ, костяхъ (ст. 15 и 17). Чтѣ значило бы это въ примѣненіи къ народу? Кромѣ того, можно ли сказать про народъ еврейскій, что онъ безпредѣльно любилъ Іегову отъ самаго рожденія (ст. 11), крѣпко уповалъ на Него при всякихъ бѣдствіяхъ (ст. 9), страдалъ совершенно безвинно? Не такими представляеть намъ евреевъ исторія. Это былъ народъ вѣроломный (Второз. 32, 5), забывавшій Іегову (ст. 18),

всегда противившійся Духу Святому (Дѣян. 7, 51); и всё постигавшія еврейскій народъ бѣдствія были именно карою, ниспосланною отъ Іеговы за неповиновеніе Ему этого священнаго народа. Наконецъ, и что всего важнѣе,—въ 21 Псалмѣ страдалецъ ясно отличается отъ нечестиваго народа (ст. 7) и своихъ собратій (ст. 23).

Несостоятельно и мнѣніе Яна, будто въ 21 Псалмѣ изображается *Езекиа*. Мнѣніе это опровергается какъ самымъ надписаніемъ псалма (ст. 1),—такъ и его содержаніемъ.

Изображенный здѣсь страдалецъ одинокъ, вовсе безъ помощника (ст. 12, 21); а *Езекиа* во время осады Іерусалима терпѣлъ бѣдствіе вмѣстѣ съ народомъ (2 Парал. 32, 6). Одинъ у всѣхъ въ поношеніи и презрѣніи (ст. 7); другой пользуется уваженіемъ и во время самаго бѣдствія (2 Парал. 32, 8). Одинъ уже въ рукахъ враговъ и испытываетъ смертельныя муки (ст. 15—18); другой только окруженъ врагами (4 Цар. 18).

Тѣмъ менѣе примѣнима къ *Езекии* вторая половина псалма (начиная съ 26 стиха). Правда, въ 23 стихѣ 32 главы 2 книги Паралипоменонъ говорится, что избавленіе *Езекии* отъ *Сеннахерима* произвело такое сильное впечатлѣніе на сосѣднихъ язычниковъ, что многіе изъ нихъ принесли жертвы Іеговѣ.

Но многіе составляютъ ли всѣхъ?—Да и можно ли думать, что эти язычники признали Іегову единственнымъ своимъ Богомъ? Не естественнѣе ли напротивъ того предположить, что они, по свойственному имъ образу мыслей, только вѣлючили Іегову въ число своихъ боговъ? Между тѣмъ, въ 21 псалмѣ ясно говорится, что вслѣдствіе спасенія страдальца обратятся къ Іеговѣ *всѣ концы земли*, поклонятся предъ Нимъ *всѣ племена язычниковъ* (ст. 28).

Судя по надписанію и отчасти по содержанію 21 псалма, болѣе вѣроятнымъ съ перваго взгляда представляется мнѣніе тѣхъ ученыхъ (напр. Розенмиллера), которые разумѣютъ подъ описаннымъ здѣсь страдальцемъ *Давида*. То правда, что и *Давидъ* былъ любимъ Іеговою (Псал. 70, 21), взаимно пламенилъ къ Нему любовію (Пс. 15, 2; 41, 2); на Него Единаго возлагалъ свои надежды (Пс. 30, 2; 51, 10; 70, 1), имѣлъ

много враговъ, отъ которыхъ неразъ терпѣлъ величайшія бѣдствія (Пс. 3, 2. 3; 26, 2; 30, 12. 13. 14; 34, 11—17; 117, 12), и всегда возсылалъ Иеговѣ благодареніе за избавленіе отъ нихъ (Пс. 9, 14. 15; 12, 4. 5. 6; 29, 2; 34, 9. 10). Но правда и то, что Давидъ не подвергался такой великой и продолжительной опасности, въ какой находился изображенный въ 21 псалмѣ страдалецъ. Укажутъ ли намъ на тотъ случай, когда Давидъ въ собственномъ домѣ окруженъ былъ оруженосцами Саула (1 Цар. 19, 11—19)?—Но то была опасность кратковременная; притомъ же, спасенный Мелхолою, онъ остался невредимъ.—Соплутся ли на время Аммонитской войны (2 Цар. 10)? Но война эта и въ началѣ и въ концѣ была для Давида успѣшна (ст. 14). Да и могъ ли тогда славный царь говорить о себѣ, что онъ въ презрѣніи у народа (ст. 7)?—Укажутъ ли на состояніе Давида во время бѣгства его отъ Авессалома?—Но тогда онъ не былъ одионокъ совершенно, а его сопровождало все семейство и преданные ему люди (2 Цар. 15, 16, 17, 18).

Словомъ сказать, во всей жизни Давида не было ни одного бѣдствія, которое могло такъ сильно потрясти душу его, какъ была потрясена душа изображеннаго здѣсь страдальца. А пронзеніе рукъ и ногъ (ст. 17)? (1) А раздѣленіе ризъ между врагами (ст. 19) (2). А смертельныя муки (ст. 15)? А все-

---

(1) На неприложимость пронзенія рукъ и ногъ къ Давиду указываютъ св. *Иустинъ мученикъ* (разговоръ съ іудеимъ Трифономъ 97) и *Тертуліанъ* (противъ іудеевъ, по пер. Корнѣева стр. 207 и 214). Напрасно нѣкоторые экзегеты (напр. Кальметъ) принимаютъ пронзеніе рукъ и ногъ въ смыслѣ иносказательномъ. Не говоря уже о томъ, что принимаемая ими здѣсь метафора сама по себѣ составляетъ нецѣльность,—она заключаетъ въ себѣ и явный анахронизмъ. По свидѣтельству исторіи, евреи во времена Давида управлялись законами Моисеевыми и не знали крестной казни, составлявшей особенность права римскаго. Откуда же тотъ, кто въ 21 псалмѣ описывалъ, по мнѣнію нашихъ противниковъ, бѣдственную участь Давида, могъ заимствовать метафору пронзенія рукъ и ногъ?

(2) «Съ Давидомъ, царемъ и пророкомъ, сказавшимъ это»;—замѣтилъ еще св. *Иустинъ мученикъ*, — «ничего такого не случилось». (1 *Апол.* глав. 35).

общее ⁽¹⁾ обращеніе язычниковъ вслѣдствіе спасенія страдающаго отъ мукъ (ст. 28)?—Все это развѣ приложимо къ Давиду? Итакъ, неоспоримо, что въ псалмѣ 21 изображается не Давидъ, а «Христосъ, отъ Давида во плоти вочеловѣчившійся Богъ—Слово и отъ Давида пріавшій рабій зракъ». ⁽²⁾

Но прежде, чѣмъ доказать то, что 21 псаломъ *лишь кому одному, кромѣ Мессіи*, и не можетъ быть приложимъ, займемся разсмотрѣніемъ тѣхъ возраженій, какія противопоставляютъ мессіанскому пониманію псалма неологи, пытающіеся относить къ Мессіи только высшій смыслъ псалма, а смыслъ историческій относящіе къ Давиду.

Говорятъ: «страдающій читатель Иеговы еще не въ рукахъ враговъ (ст. 12, 13, 21, 22). Приложима ли эта черта къ Спасителю, уже поруганному отъ Своихъ враговъ и распятому ими?»—На это замѣтимъ, что въ 12 стихѣ выраженіе *близко* какъ будто нарочно противопоставлено выраженію: *далеко*, чтобы ослабить силу приведеннаго возраженія. Кромѣ того, если бы страдалецъ не впалъ въ руки враговъ, могли ли бы они провязать ему руки и ноги (ст. 17), раздѣлить его одежды (ст. 19)? Наконецъ, ничто не препятствуетъ допустить, что взоръ Пророка обнималъ не только одни голгоускія, но и предшествовавшія имъ страданія Спасителя.

«Страдалецъ»,—говорятъ еще,—«съ жалобнымъ воплемъ взываетъ къ Иеговѣ объ избавленіи отъ предстоящихъ ему мученій и смерти (ст. 20, 21). Прилично ли же это Мессіи, Который для того и воплотился, чтобы умереть за грѣхи міра?»—Вмѣсто отвѣта уважемъ на Евангелистовъ, по свидѣтельству которыхъ Спаситель скорбѣлъ въ саду Геосиманскомъ смертельно (Матѣ. 26, 37, 38. Марка 14, 33, 34), молился Отцу Небесному о пронесеніи мимо Него чаши страданій

⁽¹⁾ Паулусъ подъ выраженіемъ: *арсеі агеі* (ст. 28) разумѣетъ *смыслъ всѣхъ Палестинскихъ земель*. Но такое пониманіе опровергается 1) послѣдующими словами: «и поклонятся предъ лицемъ его *всѣ племена язычниковъ*»; и 2) библейскимъ словоупотребленіемъ, такъ какъ вышеприведенное выраженіе въ священныя книги вездѣ означаетъ *вселенную* (Псал. 58, 14; 71, 8. Исая 45, 22; 52, 10; Захар. 9, 10).

⁽²⁾ Блаженный Теодоритъ (изъясненіе 21 Псалма).

(Матѣ. 26, 39; Марка 14, 36; Луки 22, 42) и на крестѣ воззвалъ: *Боже Мой, Боже Мой, почему Ты Меня оставилъ* (Матѣ. 27, 46; Марка 15, 34)! По свидѣтельствѣ Ап. Павла, *Исуса Христа, во дни плоти Своей, съ воплемъ сильными и со слезами принесъ молитвы и моленія Могущему спасти Его отъ смерти* (Евр. 5, 7). И что можетъ казаться неприличнымъ въ этомъ молитвенномъ воплѣ? Искушитель нашъ, будучи истиннымъ Богомъ (Іоанна 1, 1), былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣкомъ истиннымъ (8, 40; 1 Тим. 2, 5). Какъ человѣкъ, не могъ Онъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ предстоящимъ мученіямъ, не могъ не чувствовать ихъ, когда имъ подвергся. Если Онъ чувствовалъ всю тяжесть скорбей и жестокость мученій, то предъ кѣмъ естественнѣе всего и было Ему излить Свои скорбныя чувствованія, какъ не предъ тѣмъ, Кто, по словамъ Апостола, *могъ спасти его отъ смерти?* (1) И Отецъ Небесный услышалъ молитвенный вопль страждущаго Сына, воскресилъ Его отъ мертвыхъ (Дѣян. 2, 24) и посадилъ одесную Себя на небесахъ (Ефес. 1, 20).

«Страдалецъ»,—возражаютъ далѣе, — «въ молитвенномъ воплѣ о спасеніи представляетъ въ примѣръ отцевъ своихъ (ст. 5, 6). И эта черта прилична только Давиду и неприложима къ Мессіи.»—Но если неоспоримо, что Спаситель, какъ человѣкъ, былъ во всемъ, кромѣ грѣха, подобенъ своимъ братіямъ (Евр. 2, 14. Ефес. 2, 7), то не должны ли въ Его исторіи быть и такія черты, которыя удобоприложимы и къ Давиду? Какъ и этотъ послѣдній, Спаситель по плоти (сн. Римл. 1, 3, 2. Тим. 2, 8) происходилъ отъ Авраама, Исаака и Іакова (Матѣ. 1, 1; Луки 3, 33. сн. Быт. 12, 3; 18, 18; 22, 17. 18; 26, 3. 4; 28, 14; Числь 24, 17) и посему могъ, какъ и Давидъ, называть Своими отцами древнихъ патриарховъ и въ молитвѣ къ Отцу Небесному указывать на примѣръ ихъ.

---

(1) «Человѣчеству свойственно было говорить: *вскую* *Мя еси оставилъ*»,—замѣчаетъ св. Афанасій Великій (На Аріанъ слово третье. Твор. Св. Отц. Т. 19, стр. 461).—«Если не былъ плотію, кто воззвалъ: *Боже, Боже мой, возьми ми, вскую оставилъ мя еси?*»—спрашиваетъ св. Ефремъ Сиринъ (слово на Преображеніе. Твор. Св. Отц. Т. 13. стр. 157).

Апостоль Павель, перечисляя высокія преимущества израиль-
тянъ, именно замѣчаетъ, что *изъ и отцы и отъ нѣкъ Христосъ*
по плоти, суцій надъ всѣми Богъ, блаословенный во вѣки
(Римл. 9, 5).

«Исусъ Христосъ искупилъ насъ Своими страданіями и
крестною смертію»,—замѣчаютъ, наконецъ: «а въ 21 псалмѣ
средствомъ къ распространенію на землѣ истиннаго Боговѣдѣ-
нія и блаженства представляется не страданіе изображеннаго
здѣсь лица, а спасеніе отъ него».—Но не то же ли возвѣ-
щается и въ Новомъ Завѣтѣ? Во многихъ мѣстахъ писаній
апостольскихъ причиною нашего спасенія выставляются
именно воскресеніе и прославленіе Спасителя (Римл. 4, 25;
6, 4. 5; 8, 11; 1 Кор. 15, 17; Дѣян. 13, 32. 34. 38), такъ
какъ безъ ихъ свѣта страданія и смерть Христовы навсегда
остались бы для насъ неразрѣшимою загадкою (сн. Луки 24,
19. 20. 21; 1 Кор. 1, 23). Бесѣдующія въ 53 главѣ книги
пророка Исаи лица изъ крайняго униженія Мессіи заклю-
чаютъ, что Онъ наказанъ Богомъ за собственные грѣхи, а
Его прославленіемъ убѣждаются, что Онъ язвенъ за ихъ
беззаконія. То же видимъ и въ 21 псалмѣ. Пока длятся стра-
данія Мессіи, Онъ въ презрѣніи у народа (ст. 7); но прекра-
щеніе ихъ сопровождается великою славою Страдальца во
всѣхъ концахъ земли (ст. 28).

Итакъ, нѣтъ вѣрныхъ основаній допускать въ 21 псалмѣ
прообразованіе, относить его одинаково и къ Давиду и къ
Мессіи. Напротивъ того, существуютъ основательныя причины
согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые относятъ его *къ одному*
Мессіи. Говоря это, мы разумѣемъ, между прочимъ, св. Іустина
мученика (1), св. Григорія Богослова (2), св. Аѳанасія Вели-

---

(1) Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ. 97. 99.

(2) «Двадцать первый псаломъ явно относится ко Христу». (Слово о
Богословіи 4. Твор. св. Отц. Т. 3 стр. 83).

ваго ⁽¹⁾, блаж. Теодорита ⁽²⁾ и Тертуллиана ⁽³⁾. Мнѣніе это основывается 1) на самомъ содержаніи псалма, подтверждается 2) ясными указаніями Новаго Завѣта и 3) преданіемъ древнихъ іудеевъ.

I.

Сличая пророческое описаніе страданій чтителя Иеговы съ Евангельскимъ повѣствованіемъ о страданіяхъ Спасителя, — мы не можемъ не замѣтить полнѣйшаго сходства, или лучше, тождества между обоими лицами.

Любимый и всегда хранимый Иеговою вѣрный чтитель Иеговы въ самомъ крайнемъ бѣдствіи *оставленъ Имъ* (ст. 1); Иегова не внемлетъ воплю страдальца, удалился отъ него (ст. 2. 3). Перенесемъ отсюда мыслію сперва въ Геесиманію, а затѣмъ на Голгоѳу, къ подножію креста Христова. Вотъ, возлюбленный Сынъ Отца Небеснаго (Матѣ. 3, 17. Іоанна 12, 28), — Сынъ, Котораго и Самъ Онъ всегда хранилъ, и ангеламъ Своимъ заповѣдалъ блюсти на всѣхъ путяхъ Его (Псал. 90, 11 см. Матѣ. 2, 13. 19) съ часу на часъ ждетъ ужасныхъ мукъ. Самая мысль о нихъ повергаетъ Его въ смертельную скорбь (26, 38). Если когда, то особенно теперь, казалось бы, нуждается Онъ въ помощи Отца. Но дни, предопредѣленные въ вѣчномъ совѣтѣ Тріединаго для земной жизни Испытателя, кончаются, и Отецъ Небесный перестаетъ пещись о Сынѣ. «*Отче Мой*», молится Богочеловѣкъ, *если возможно, да минуетъ Меня чаша сія!*» (Матѣ. 26, 39. Марка 14, 36);

⁽¹⁾ «Псаломъ сей воспѣваетъ Самъ Христосъ отъ лица человѣчества и ясно изображаетъ намъ, что пострадалъ Онъ отъ іудеевъ во время распятія». (Толкованіе на 21 Псаломъ. Твор. св. Отц. Т. 23. стр. 104). «Въ двадцать первомъ псалмѣ о самомъ родѣ смерти говорится отъ лица Спасителя». (Посланіе къ Маркеллину объ истолкованіи псалмовъ).

⁽²⁾ «Псаломъ сей предвозвѣщаетъ страданіе и воскресеніе Владкии Христа, призваніе язычниковъ и спасеніе вселенной». (Изъясненіе 21 Псалма. Твор. св. Отц. Т. 27. стр. 114).

⁽³⁾ «Прочти 21 псаломъ, гдѣ описаны страсти Христовы и впередъ воспѣвается слава Его». (Противъ іудеевъ, — по пер. Каріѣва стр. 207).

но отвѣта нѣтъ... Снова молится (Матѣ. 26, 42; Марка 14, 39),— и снова молитва о небесной помощи остается безъ отвѣта. Въ третій разъ молится Спаситель, тѣми же словами (Матѣ. 26, 44);... но чаша смерти все предъ Нимъ. Онъ испиваетъ ее, и Своею участію возбуждаетъ сожалѣніе даже въ нѣкоторыхъ изъ враговъ Своихъ (Луки 23, 47. 48). Не подаль ли хотя теперь помощи Отецъ Небесный Своему Сыну?... Нѣтъ. Скорбный вопль Распятого: *Боже мой! Боже мой! почему Ты меня оставилъ?!* (Матѣ. 27, 46; Марка 15, 34) оставленъ безъ отвѣта точно также, какъ и вопль страдальца, изображаемаго въ 21 псалмѣ (1).

Оставленный Иеговою, чтитель Его въ самомъ крайнемъ униженіи. Онъ червь (2), а не человекъ, въ поношеніи у людей, въ презрѣніи у народа (ст. 7). Но не то же ли могъ сказать о Себѣ и Голгоескій Страдалецъ, подвергавшійся язвительнымъ насмѣшкамъ, злобнымъ ругательствамъ, претерпѣвшій заплеванія, заушенія, біенія по ланитамъ (Матѣ. 26, 67; 27, 29. 30. 39—45. 49; Марка 14, 65; 15, 19. 29—33. 36; Луки 22, 63. 64. 65; 23, 11. 35—38. 39; Иоанна 18, 22; 19, 3) и позорнѣйшую изъ всѣхъ казней—крестную смерть?...

«*Всп видящіе меня*»—жалуется изображаемый въ 21 псалмѣ страдалецъ, *рукаются мнѣ, расширяютъ уста (3), киваютъ головою (4) и говорятъ: онъ положился на Иегову; пусть избавитъ его, пусть спасетъ его, если благоволитъ о немъ* (ст. 8. 9).

(1) «Начальныя слова сего псалма предугазывали издревле то, что имѣло быть сказаннымъ во время Христа»,—замѣчаетъ св. Иустинъ мученикъ (Разговоръ съ Трифономъ иудеемъ. 99). «Пригвожденный къ древу Владыка изрекъ слова сіи, употребивъ самия еврейскія реченія: *Или, или, лама савазани* (Матѣ. 27, 46). Какъ же можно отвергать свидѣтельство самой истины?»,—спрашиваетъ блаж. Феодоритъ (стр. 115).

(2) Это выраженіе весьма часто употребляется въ священннхъ книгахъ Ветхаго Завета для обозначенія человека *слабосильнаго* и *презираемаго* (напр. Иова 25, 6. Исаи 41, 14).

(3) То есть *насмѣхаются* (сн. Псал. 34, 21. Иова 16, 10).

(4) То есть: *радуются о злополучіи врага* (сн. Иовъ 16, 4. Псал. 108, 25. 4 Цар. 19, 21. Плач. Иерем. 2, 15. Иерем. 18, 16. Сирах. 13, 7).

По свидѣтельству Евангелиста Матѳея, *мимоходящiе зло-словили распятаго Иисуса, кивая головами и говоря: разрушающiй храмъ и въ три дня созидающiй! Спаси Себя Самаго. Если Ты Сынъ Божiй, сойди со креста. Подобно и первосвященники съ книжниками и старшiйшинами и фарисеями, издѣваясь, говорили: друица спасала, а Себя Самаго не можетъ спасти. Если Онъ Царь израилевъ; пусть теперь сойдетъ со креста, и увлрουμεъ въ Него. Уповалъ на Бога, пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему* (27, 39—44). На буквальное сходство этихъ мѣстъ указываютъ св. Іустинъ мученикъ ⁽¹⁾ и блаж. Феодоритъ; ⁽²⁾ къ Иисусу Христу относить вышеприведенныя слова псалма и св. Климентъ Римскiй ⁽³⁾.

«Множество тельцовъ (4) обступило меня; сильные (волы) васанскiе окружили меня; разверзли на меня пасть свою», — жалуется читатель Иеговы. *«Левъ (5) алчеша добычи и рыкаетъ... Окружили меня псы: толпа злыкъ ходитъ вокругъ меня»* (ст. 13. 14. 17). Такова же участь и Спасителя. Лжесвидѣтельствовавшiе на Него предъ первосвященникомъ и Пилатомъ, книжники и старшiйшины и члены синедриона (Матѳ. 26, 57 и д. 27, 12. Марка 14, 53 и д. 15, 1. 3) развѣ не могутъ быть наименованы тельцами, сильными васанскими волами? А наглая толпа народа, съ мечами и древоліемъ пришедшаго за Спасителемъ въ Геосиманію, а безчеловѣчные воины игемоновы, въ руки которыхъ преданъ былъ Спаситель на поруганіе и распятіе (Матѳ. 26, 47. 55. 27, 27 и д. Марка 14, 43. 48. 15, 16 и д. Луки 22, 52. Іоанна 18, 3) не могутъ ли быть названы псами, свирѣпыми львами, рыкающими надъ добычею?

(Окончаніе впрѣдь).

(1) Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ. 101; 1 Апологія, гл. 38.

(2) Стр. 117.

(3) 1 посланіе къ Коринтоянамъ. глава XVI.

(4) Подъ образомъ *тельцовъ* представляются въ 67 Псалмѣ (ст. 31) *вожди народа*. Тоже значеніе имѣетъ это выраженіе и здѣсь.

(5) *Левъ*—символь *кровожадности* (Притч. 28, 15); вотъ почему въ священныя книги подъ образомъ этого животнаго нерѣдко представляются *свирѣпые враги* (Ис. 33, 11, 31, 17, 57, 7 см. Іерем. 2, 15. Іезек. 32, 2).

БЕСЪДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Скажемъ, въ заключеніе, о томъ, какъ повѣствуетъ святое Евангеліе о воскресеніи Господа; знать это для насъ, братія, важно потому, что воскресеніе Иисуса Христа составляетъ основаніе христіанскаго вѣрованія воскресенію умершихъ. Апостоль Павелъ говоритъ: *еще Христосъ не воста, тщетно и вѣрованіе наше*. (1. Кор. 15 · 20). Замѣтимъ, что такъ говорилъ тотъ, кто почерпалъ эту вѣру не только изъ священнаго Писанія, въ которомъ онъ былъ весьма свѣдущъ, какъ законникъ іудейскій, но отъ самаго Воскресшаго Господа, призвавшаго его быть избраннымъ сосудомъ и истиннымъ проповѣдникомъ Евангелія. Но если въ комъ-нибудь изъ васъ явилась бы нехристіанская мысль и стала бы смущать, то братскій совѣтъ вамъ—тотчасъ обратиться къ Евангелію; оно вѣрно успокоитъ васъ. Оно какъ нельзя лучше свидѣтельствуесть, что Иисусъ Христосъ истинно воскресъ. Мы читаемъ у Евангелиста Матѳея, что когда умеръ Иисусъ Христосъ и тѣло Его было положено во гробъ, то архіереи и фарисеи на другой день просили Пилата поставить во гробу стражу, чтобы ученики не могли похитить тѣло Господа. Пилатъ исполнилъ волю іудеевъ: возьмите стражу, говорилъ онъ, и подите, охраняйте, какъ знаете (Матѳ. 27, 65),—и гробъ Господа былъ окруженъ стражей, заваленъ камнемъ и запечатанъ. Словомъ, со стороны іудеевъ, сдѣлано было все, чтобы удержать Живодавца во гробъ. Но все это было, какъ сказано у пророка Іоны, суетно и ложно. Господь воскресъ въ третій день. Онъ явился сначала Маріи Магдалинѣ, а потомъ—женамъ мурносолицамъ. Воскресшій не замедлил явиться и ученикамъ своимъ. Онъ являлся къ нимъ неоднократно. Такъ, Онъ,

входить сквозь затворенную дверь и для большого убѣжденія учениковъ въ своемъ воскресеніи показываетъ имъ язвы свои: руки и ноги (Лук. 24, 39). Замѣтить здѣсь достойно и событіе, происшедшее съ Апостоломъ Ѳомою. Извѣстно, что во время перваго явленія Господа, по воскресеніи, не было Апостола Ѳомы. Поэтому, когда ученики начали передавать ему вѣсть о воскресеніи Спасителя, то Ѳома не повѣрилъ и желалъ лично убѣдиться въ этомъ. И вотъ милосердый Господь, Которому дорого наше спасеніе, удовлетворяетъ желанію маловѣрнаго Ѳомы. Онъ является Апостоламъ, показываетъ Ѳомѣ язвы отъ гвоздей на рукахъ и ногахъ; но этого мало: Господь, для большого убѣжденія Ѳомы, говоритъ ему: *принеси руку твою, и сложи въ ребра Моя и не буди невѣренъ, но вѣренъ*. Да послужить и нашему маловѣрью, если въ комъ оно есть, этотъ Евангельскій примѣръ назидательнымъ урокомъ на всю нашу жизнь; не будемъ же и мы маловѣрами, но будемъ вѣрны вѣрѣ Господа. А какъ чудно въ глазахъ Апостоловъ совершилось и вознесеніе Господа! Изъ Евангелія узнаемъ объ этомъ слѣдующее: послѣ сорокодневнаго пребыванія Господа на землѣ, Онъ вывелъ учениковъ, говоритъ св. Евангелистъ Лука, изъ Іерусалима въ Виванію; здѣсь Онъ благословилъ ихъ и въ виду ихъ сталъ отдѣляться отъ нихъ и возноситься на небо (Луки 24, 50—51). Въ пятидесятый же день Онъ ниспослалъ на Апостоловъ Духа Святаго,—и они, согласно пророчеству Іоила, начали говорить разными языками. Этимъ Господь какъ бы довершаетъ сказанія всѣхъ пророковъ, говорившихъ о Немъ. Заключивая нашу бесѣду о важности и пользѣ чтенія св. Евангелія, скажу вамъ, братія, что все то, что я до сихъ поръ говорилъ вамъ, есть только капля той живой спасительной воды, которая течетъ отъ великаго животворнаго источника—Христа и Его Евангелія; отъ него и вы въ изобиліи можете почерпать воду во спасеніе ваше, когда сами будете читать св. Евангеліе и слѣдовать ему.

VI. О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСѢЩАТЬ СВ. ХРАМЪ И ВНИМАТЕЛЬНО ПРИСУТСТВОВАТЬ ПРИ БОГОСЛУЖЕНИИ.

Говорить вамъ, братія, о томъ, что нужно посѣщать цер-

ковь православную, по моему убѣжденію, совсѣмъ не то, что говорить объ этомъ природному православному христіанину. Послѣдній, услышавъ, напримѣръ, изъ устъ православнаго пастыря поучительное слово о необходимости посѣщать церковь Божію, болѣе или менѣе воспользуется этимъ. Если же иной и не послѣдуетъ внушенію пастыря, то причину этого можно приписать не чему иному, какъ житейскимъ суетамъ, нерѣдко препятствующимъ ему бывать въ церкви, или же просто нерадѣнію и лѣности. Но не то нужно сказать о нашихъ братіяхъ: въ насъ большею частію проявляется это нерадѣніе все отъ тѣхъ же прежнихъ предубѣжденій, внутреннихъ намъ въ домѣ родителей, противъ церкви; потому, сколько бы другому крещеному еврею ни говорили, что нужно ходить въ церковь и свято чтить ее, а онъ все какъ-то недоувѣрчиво будетъ слушать это; все будетъ иначе думать о ней; ему не очень-то легко сразу отрѣшиться отъ іудейскихъ предразсудковъ, внутреннихъ ему противъ церкви Христовой. Вотъ почему мы и здѣсь, какъ и въ предыдущихъ бесѣдахъ, считаемъ нужнымъ прежде всего безпристрастно рассмотреть съ вами то, что натолковали намъ противъ церкви Христовой враги ея, іудеи. Страшно вспомнить все то, что намъ наговорено было. Такъ, намъ говорили, будто бы въ церкви Христовой совершается авойде-зора т. е. служеніе чуждому Богу, что христіане молятся въ своей церкви не Іеговъ-Господу, а бильдерамъ—идоламъ. Поэтому совѣтовали намъ какъ можно стараться избѣгать церкви, чуждаться ея такъ, какъ чуждался ея, будучи еще во чревѣ матери, патриархъ Іаковъ, который всегда отворачивался отъ нея, когда матери его случалось проходить мимо христіанскаго храма. Незнакомымъ съ талмудическими сказаніями нужно здѣсь передать, что говоритъ раввинъ Медрашъ въ толкованіи своемъ на книгу Бытія о томъ, какъ отворачивался будто бы патриархъ Іаковъ отъ христіанской (!) церкви. Что значать, спрашиваетъ раввинъ Медрашъ, слова писанія «ваисрой-цицы,—играста младенцы» (Іаковъ и Исавъ) въ ней, т. е. во утробѣ матери? А это вотъ что значить, отвѣчаетъ самъ же Медрашъ. «Они вовсе не играли тамъ, имъ было не до игры, а просто боролись и даже бранились другъ съ другомъ (!), и

борьба ихъ производила такую боль, что Ревекка сожалѣла о томъ, что мужъ ея просилъ у Бога дѣтей. Что боль Ревекки была несносна, это видно изъ того, продолжаетъ Медрашъ, что она обратилась къ Богу и сказала: *«аще тако ми хочеть быти, почто ми сіе; и иде вопрошати Господа. И рече ей Господь: два языка во утробѣ твоей суть, и проч. Такеъ какеъ имѣвшіе произойти отъ Ревекки два сына должны содѣлаться будущими родоначальниками двухъ великихъ племенъ (израильтянъ и идумеевъ) и такеъ какеъ каждый изъ нихъ имѣеть быть главою своей церкви, первый Исавъ — главою Церкви Христовой, а второй Иаковъ главою синагоги; то ясно, говоритъ Медрашъ, они не могли быть еще и во чревѣ матери равнодушны другъ къ другу. Поэтому, когда удавалось матери ихъ проходить мимо Христовой церкви, то Исавъ хотѣлъ высочить и поскорѣе войти въ нее; а когда Ревекка проходила мимо синагоги, то Иаковъ съ своей стороны слѣшилъ въ домъ Божій». Если бы раввинъ Медрашъ былъ на лице, то мы прямо бы сказали ему: «ври, ври, да знай мѣру». Не смекнулъ жалкій толковникъ священнаго Писанія—раввинъ Медрашъ, что Ревекка не могла проходить ни мимо синагоги, ни мимо церкви Христовой, такеъ какеъ тогда ни того, ни другаго не было. Слѣдовательно будущимъ родоначальникамъ не изъ-за чего было поднимать тревогу во утробѣ матери. Плодами такихъ гибельныхъ внушеній было то, что мы не могли пройти мимо церкви христіанской безъ отвращенія и считали непремѣнною обязанностію плевать (!) на нее (еврей отплеивается, идя мимо христіанскаго храма, впрочемъ тогда, когда не видитъ вокругъ себя христіанъ), произнося слова: «шавецъ-тешакцену, т. е. да будетъ это мѣсто, т. е. церковь, попрано, уничтожено, ибо оно нечисто». Да, слово *к л о й с т е р ь*, или иначе—тифле—церковь была для насъ, по милости внушенія отцевъ нашихъ, какимъ-то ужаснымъ словомъ, какою-то отталкивающею силою. Признаюсь, я самъ грѣшный, будучи въ іудействѣ, не могъ безъ душевнаго смущенія и отвращенія проходить мимо церкви, полагая, что она въ дѣйствительности есть, по выраженію іудеевъ, вмѣстѣ лице *б и л ь д е р о в ь*—идоловъ, которымъ служатъ и молятся христіане. Долго думалъ я такеъ, пока Господь не вразумилъ*

меня въ истинѣ чрезъ одного православнаго достопочтеннаго пастыря. Слова этого пастыря оказали мнѣ и многимъ другимъ изъ собратовъ моихъ такую душевную пользу и такъ расположили къ церкви, что я считаю нужнымъ передать ихъ здѣсь, въ надеждѣ, что они дадутъ вамъ, братія, должное понятіе о православной церкви. Пастырское наставленіе, о которомъ будетъ сей часъ рѣчь, произошло такъ. Въ 1845 году, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, добрый протоіерей о. Петръ Бибииковъ, имѣя въ виду совершить въ вольскомъ соборѣ таинство св. крещенія надъ нѣсколькими еврейскими кантонистами, наставленными имъ въ вѣрѣ Христовой, просилъ нашего командира полковника С. предложить и прочимъ кантонистамъ: не пожелаютъ ли и они присутствовать при совершеніи сего таинства; а если пожелаютъ, то просилъ прислать ихъ въ церковь. Командиръ, передавъ намъ объ этомъ, какъ истинный христіанинъ, посоветовалъ намъ съ своей стороны сходить въ церковь,—и мы согласились. Но, когда подошли къ церкви и увидѣли въ часовнѣ, стоящей близъ ея, въ ростъ человека, какія-то изображенія съ выпуклыми лицами, то отъ этого мы какъ бы остолбенѣли; намъ припомнилось внушеніе нашихъ отцевъ, что христіане поклоняются идоламъ,—и это самое произвело на насъ такое ужасное впечатлѣніе, что мы никакъ не рѣшались войти въ церковь, а остановились у входа. Священникъ, узнавъ объ этомъ отъ приведшаго насъ офицера, вышелъ къ намъ и кротко сказалъ! «дѣти! отчего вы не входите въ церковь?»—Намъ нельзя этого сдѣлать, отвѣтили мы въ одинъ голосъ, такъ какъ тамъ поклоняются идоламъ—изваяннымъ образамъ,—а подобное поклоненіе запрещается нашимъ закономъ, и потому мы никакъ не можемъ быть въ церкви.—«Что вы это говорите, дѣти. Избави насъ Господь, отъ идолопоклонства», сказалъ отецъ Петръ. Мы молимся истинному Богу, Тому, Которому въ духѣ вѣры кланялись ваши знаменитые предки, израильскіе цари и патріархи. Войдите же въ нашъ храмъ,—и вы сами убѣдитесь въ истинѣ словъ моихъ». Мы послушались привѣтливой рѣчи пастыря—вошли въ церковь. Онъ повелъ насъ къ иконѣ, на которой изображенъ былъ чтимый израиелемъ пророкъ Моисей, и сказалъ: «посмотрите, израильтяне, не вашъ

ли это законодатель Моусей? Вотъ и первосвященникъ Ааронъ съ прозябшимъ жезломъ. Вотъ и всѣ ваши патріархи и пророки: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Исаія, Іеремія, Іезекииль, Данииль и прочіе. Неужели же эти священныя изображенія, которыя должны быть вамъ такъ близки и которыми украшается нашъ православный храмъ, можно считать и называть идолами, а насъ православныхъ христіанъ считать идолопоклонниками, за то, что мы воздаемъ имъ подобающую честь? Вспомните, дѣти, развѣ древніе израильтяне не поставили въ своемъ храмѣ священный кивотъ? Развѣ они не украшали его изображеніями херувимовъ? Я убѣжденъ, что никто изъ васъ не станетъ отвергать, что они дѣлали это по повелѣнію Божію. Припомните, что сказано Богомъ Моусею: *и да сотвориши дщицу злату, чисту и изобразиши на ней образъ печати и святыхъ Господни* (Исходъ 28, 26). И не два ли золотыхъ херувима изваяны были, также по повелѣнію Божію, и поставлены съ обѣихъ сторонъ надъ святилищемъ (Исх. 25, 18)? Вамъ извѣстно должно быть и то, что и Моусей и древніе священники преклоняли колѣна и молились Господу предъ ковчегомъ, воскуряли предъ нимъ еѳиміамъ и возжигали огонь (Лев. 6). Древніе израильтяне поклонялись Богу также въ столпѣ огненномъ, явившемся имъ (Исх. 2, 3). Но дерзnete ли называть предковъ своихъ идолопоклонниками? Конечно, нѣтъ; поэтому нельзя и грѣшно считать идолопоклонниками и христіанъ, поклоняющихся истинному Богу и святымъ Его, изображеннымъ на иконахъ, предъ которыми христіане возжигаютъ свѣчи и воскуряютъ еѳиміамъ. Я думаю, вы знаете, что такое *идолъ*? Идолъ есть истуканъ, котораго язычники почитаютъ за Бога. Православные же христіане, вѣрующіе въ истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, украшая свой храмъ св. иконами, не боготворятъ ихъ; они почитаютъ иконы не ради вещества, изъ котораго онѣ составлены, и не ради художества, молятся не дереву, но молятся предъ св. образами, возводятъ умъ и сердце къ тому, кто изображенъ на нихъ».

(Продолженіе впереди).

О СРЕДСТВАХЪ КЪ ПОЛУЧЕНІЮ И СОХРАНЕНІЮ ДАРОВЪ СВЯТАГО ДУХА.

Всякій истинно вѣрующій можетъ получить благодать, или даръ Святаго Духа; въ этомъ удостовѣряютъ насъ слова Апостола Павла: *не вѣсте ли, яко храма Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16)? Отъ насъ, главнымъ образомъ, зависитъ всегда быть причастными сихъ благодатныхъ даровъ. Для этого требуется отъ насъ, чтобы мы хранили себя въ той чистотѣ, съ которою мы вышли изъ купели крещенія, не оскверняятъ себя новыми, произвольными грѣхами,—и Святой Духъ будетъ всегда пребывать въ насъ. Должно уготовлять себя *въ храмъ духовенъ, въ святительство свято*, жить не по плоти, а по духу,—и благодать Божія никогда не отступитъ отъ насъ. Благочестивая жизнь и добрая дѣла суть самое лучшее украшеніе нашей души, самый пріятный еиміамъ для Духа Божія. Украшай себя, христі-

анинъ, какъ можно болѣе, всякими добродѣтелями; воскресай, какъ можно чаще, сей благовонный еуміамъ предъ Спасителемъ твоимъ Богомъ, — и благодать Святаго Духа никогда не престанетъ почивать на тебѣ; ты будешь *освященнымъ храмомъ, одушевленнымъ Божиимъ кивотомъ, раемъ словеснымъ*, жилищемъ Святаго Духа. Ты почувствуешь въ себѣ присутствіе Духа Божія въ мирѣ и спокойствіи совѣсти, въ самой чистой неизъяснимой радости, которая наполнитъ твою душу. Живя на землѣ, ты сдѣлаешься наслѣдникомъ неба; твои мысли просвѣтятся, твои желанія вознесутся къ небесному, вѣчному и божественному.

Но если ты утратишь первобытную чистоту и осквернишь себя произвольными грѣхамъ, если не станешь жить по волѣ Божіей и по закону Божію, тогда Духъ Святой отступитъ отъ тебя; вмѣсто Его водворится въ тебѣ духъ злобы и лукавства, духъ лжи и всякой нечистоты. Тогда вмѣсто просвѣщавшаго тебя свѣта распространится въ душѣ твоей непроницаемая тьма, вмѣсто мира совѣсти заступятъ страшныя ея мученія, вмѣсто радости о Святомъ Духѣ постигнетъ тебя глубокая скорбь о потерянномъ блаженствѣ. Ты, подобно блудному сыну, будешь жить въ странѣ чуждой, въ странѣ грѣха и смерти. Духовный гладъ будетъ мучить тебя; напрасно ты будешь утолять его плотскими удовольствіями: они не насытятъ твоего безсмертнаго духа. Напрасно ты будешь искать успокоенія совѣсти въ благахъ міра, въ богатствѣ, славѣ и почестяхъ: они не заглушатъ ея угрызений; она непрестанно будетъ напоминать тебѣ о утраченной невинности, и хотя бы ты находился въ самой глубинѣ паденія, укажетъ тебѣ вѣрныя средства выдти изъ твоего униженнаго состоянія, и возвратиться къ свѣту благодати Пресвятаго Духа. Счастливы ты, если послѣдуешь ея благимъ внушеніямъ и воспользуешься ими спасительными средствами.

Первое и самое вѣрное изъ сихъ средствъ есть молитва къ Пресвятому Духу, чтобы Онъ пришелъ и вселлся въ насъ и очистилъ насъ отъ всякой скверны. Образецъ такой молитвы долженъ быть извѣстенъ всякому вѣрующему: онъ находится во главѣ всѣхъ прочихъ молитвъ, имъ начинается всякое богослуженіе, почти каждое молитвословіе, частное и

общественное: *Царю небесный, Утѣшителю, Душе истинны приди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша.* Молись такъ христіанинъ, когда бремя грѣховное тяготитъ тебя; молись, какъ можно чаще; молись утромъ, и въ полудни, и вечеромъ; молись такъ во всякое время,—и Господь услышитъ тебя. Какъ услышитъ?—Легко сдѣлается на душѣ у тебя; Онъ сниметъ съ тебя бремя тяжкое, грѣховное; ты какъ изъ мертвыхъ воскреснешь, будешь жить душою и радоваться духомъ о Богѣ Спасителѣ твоемъ. Молись только съ вѣрою, безъ всякаго сомнѣнія, по ученію Апостола Іакова (Іак. 1, 6—8). Потому что кто молится о ниспосланіи Святаго Духа, и сомнѣвается въ возможности получить просимое, тотъ подобенъ морской волнѣ, вѣтромъ воздымаемой и развѣваемой; какъ человѣкъ двоедушный, пусть не думаетъ получить что нибудь отъ Бога.

Только та молитва, которую мы возносимъ къ Богу съ твердою вѣрою, низводитъ на насъ благодать Святаго Духа. Если тебя не удостовѣряютъ слова Апостола, то послушай, что говоритъ о семъ Самъ небесный Учитель Апостоловъ: *аще убо вы зли суще, умлите далнія блаз даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у него.* Молись о семъ усердно и неотступно; даже въ томъ случаѣ, когда ты не получаешь отъ Бога просимаго, не ослабѣвай въ молитвенномъ подвигѣ, не переставай возноситься умомъ и сердцемъ къ Богу о ниспосланіи тебѣ благодати Святаго Духа,—и молитва твоя будетъ наконецъ услышана. Вспомни Евангельскую притчу о неправедномъ судіи, и ты увидишь, какую силу предъ Богомъ имѣетъ неотступная молитва. Если этотъ судія, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, наскучивъ неотступною просьбою бѣдной вдовы, вступился за нее и защитилъ ее отъ обидчика, *то не защититъ ли Богъ избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Немю день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ?* Я вамъ сказываю, прибавляетъ Іисусъ Христосъ, *что подастъ имъ защиту вскорѣ* (Лук. 18, 2—8). Онъ защититъ и тебя, христіанинъ, отъ лукавыхъ внушеній духа злобы, діавола; предохранитъ отъ поползновенія во грѣху; просвѣтитъ твой умъ;

исправить твою волю и *дать залог Святаго Духа въ твоё сердце* (2 Кор. 1, 21. 22).

Самымъ главнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ сохраненію въ себѣ навсегда сего божественнаго залога служатъ намъ святаѣ Таинства Православной Вѣры. Они спасительно объемяютъ всю нашу жизнь отъ колыбели до гроба, освящаютъ наше тѣло и душу, оживотворяютъ все существо наше и сообщаютъ намъ во всей полнотѣ дары Святаго Духа. Съ вѣрою и благоговѣніемъ приступай чаще къ св. Таинствамъ,—и благодать Святаго Духа всегда пребудетъ съ тобою. Если даже, по злоупотребленію свободной воли, мы утратимъ первобытную чистоту, съ которою вышли изъ купели Крещенія, и лишимся духовной силы къ дѣланію добра, которую приобрѣли въ Таинствѣ Миропомазанія, и тогда мы можемъ еще надѣяться пребыть въ общеніи съ Духомъ Божиимъ. Къ сему способствуютъ прочія Таинства, въ особенности Покаяніе и Причащеніе. Ты согрѣшилъ предъ Богомъ; грѣхъ, какъ змія, извить тебя; выкинь его скорѣе вонъ изъ души, покайся въ немъ, и онъ не будетъ больше уязвлять тебя; Богъ проститъ тебѣ вину твою, и Духъ Святой не отступитъ отъ тебя. *Когда молчалъ я, говоритъ святой Давидъ, измождились кости мои отъ вседневнаго стога моего.... Открылъ я грѣхъ мой Тебѣ, и вины моей не утаилъ; я сказалъ: исповѣдуюсь предъ Господомъ въ преступленія мои, и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего* (Псал. 31, 3. 5)... *Духа Святаго не отнял отъ меня, и духъ правый обновилъ во утробѣ моей* (Псал. 50, 12).

Уготовавъ себя покаяніемъ въ пріятное жилище для Духа Божія, въ Таинствѣ Причащенія мы вступаемъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Иисусомъ Христомъ и чрезъ то становимся наследниками жизни вѣчной (Іоан. 6, 54—56). Съ тѣломъ и кровію Христовою, которыя мы принимаемъ въ семъ Таинствѣ, благодать Святаго Духа обильно изливается на насъ, освящаетъ и обоготворяетъ наше тѣло и душу. Съ сего времени уже не по своей волѣ, но по внушенію Духа Божія, мы располагаемъ нашею жизнію и дѣлами; *живемъ уже не мы, но живетъ въ насъ Христосъ; а если мы живемъ во плоти, впроую живемъ въ Сына Божія, возлюбившаго насъ и предавшаго себя за насъ* (Гал. 2, 19, 20). Съ сего времени, виднымъ образомъ, по-

чиваютъ на насъ дары Святаго Духа: *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія и Духъ страха Божія* (Исаи 11, 2. 3). Обладая сими божественными дарами, мы гораздо обильнѣе, нежели когда нибудь, приносимъ и плоды Святаго Духа, которые, по Апостолу, суть: *любовь, радость, миръ, долготерпѣливѣ, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22. 23) и другія добродѣтели. Такимъ образомъ, мы приходимъ *въ мужа совершена, въ мѣру возраста и исполненія Христова;... отлагаемъ ветхого чловѣка съ дѣяньми его* (Колос. 4, 9), и *облекаемъ въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истинны* (Ефес. 4, 22—24).

Итакъ, христіанинъ, живи по волѣ Божіей и по Закону Христову; украшай себя, какъ можно болѣе, добрыми дѣлами; возносись умомъ и сердцемъ къ Богу съ твердою вѣрою; съ полнымъ благоговѣніемъ участвуй въ святыхъ Таинствахъ,— и *Духъ Святой найдетъ на тя, и сила Вышняго ослѣпитъ тя, и пребудетъ съ тобою во вся дни, до скончанія твоего вѣка.*

Протоіерей Александръ Орловъ.

ВООДУШЕВЛЕНІЕ.

Всѣ ищутъ одушевленія, всѣ стремятся къ тому, чтобы оживить, сдѣлать отрадною жизнь свою.

Но въ чемъ же ищутъ сего одушевленія, въ которомъ состоитъ отрада и жизнь нашей жизни? И гдѣ его источникъ? Большею частію ищутъ одушевленія въ духѣ, которымъ живетъ и движется большинство людей, ищутъ его въ духѣ вѣка или міра. Одинъ ищетъ одушевленія въ почестяхъ и славѣ; ищетъ того, чтобы мнѣніемъ другихъ оживить и утвердить въ себѣ сознаніе о своемъ совершенствѣ, о которомъ часто нетолько не даетъ свидѣтельства, но и говоритъ напротивъ его собственная совѣсть. Другой предастся душою и тѣломъ разсѣянности и забавамъ, роскоши и при-

хотямъ, желая и надѣясь въ нихъ найти свое счастье. Чтоже? ищущіе находятъ ли во всемъ этомъ свое искомое? Нѣтъ! Воодушевленіе, которое почерпаютъ они въ сихъ источникахъ, или вяло и безжизненно, или бурно и слишкомъ кратковременно, — воодушевленіе неестественное, поддѣльное. Ибо и самый общій источникъ ихъ одушевленія — духъ суетнаго и грѣховнаго міра, одушевляющій ихъ, не заключаетъ въ себѣ истинной жизни. Этотъ духъ, въ существѣ своемъ, безжизненный и бездушный, — есть духъ нестроенія, почти всегда поражающій зависть, рвеніе, надменность, омраченіе ума и сердца. Онъ только раздражаетъ, обурекаетъ душу и чрезъ то истощаетъ ея силы, а не даетъ собственно духа и жизни. Это духъ возмущенія, который вертитъ и кружитъ, какъ вихрь, слабыя души, имъ обладаемыя, пока онѣ въ опьяненіи и безчувствіи падутъ *на дно адаво*.

Нѣкоторые, и при томъ немногіе, ищутъ одушевленія въ другомъ источникѣ, который несравненно чище перваго. Это — познаніе человѣка и природы, и наслажденіе умственно-эстетическое сею послѣднею. Въ семъ источникѣ дѣйствительно заключается нѣкоторая жизнь и одушевленіе. Познанія о природѣ любопытны, одушевительны, и питаютъ душу. Они всегда новы и свѣжи для души, какъ сама природа. Изящное, эстетическое наслажденіе природою, въ прекрасное время весны, еще болѣе доставляетъ отрады и одушевленія; потому что въ семъ случаѣ полнѣе черпаемъ жизнь изъ нѣдръ природы; она блеститъ тогда красотою даже сквозь покрывало суеты и поврежденія, которое наложилъ на нее падшій, осуетившійся родъ человѣческой. Въ царствѣ природы, такъ же какъ и въ царствѣ благодати, въ нѣкоторой мѣрѣ есть свои дары, свой духъ и жизнь, сообщаемые ей единымъ, *тонкимъ, свѣтлымъ, всепроникающимъ Духомъ* (Премудр. Салом. 7, 22.)

Но и въ семъ источникѣ чистыхъ удовольствій нѣтъ еще для нашего духа истиннаго полного одушевленія и отрады; *нѣя отъ воды сей*, онъ не удовлетворитъ своей жажды. Въ одномъ земномъ душа не найдетъ для себя всегдашняго довольства и одушевленія. Самое даже тѣло наше, будучи оживлено духомъ, стремящимся къ безпредѣльному и лучшему, не удовлетворяется міромъ, алчетъ лучшей, духовной пищи,

какъ бы чувствуя, что не только *тѣло Господеви*, но взаимно и *Господь тѣлу* (Кор. 6, 13), и *око уже не насыщается видѣніемъ* предметовъ міра (Еккл. 1, 8).

Гдѣ же истинный источникъ истиннаго одушевленія? — Главный, даже единственный источникъ истиннаго, полнаго и никогда не оскудѣвающаго воодушевленія есть Духъ Святой, животворящій, которымъ исполняться повелѣваетъ намъ Апостолъ: *исполняйтесь Духомъ* (Ефес. 5, 18). Нашъ духъ можетъ истинно жить и дышать вѣяніемъ Святаго Духа, и въ семь только вѣяніи обрѣтаетъ для себя истинное одушевленіе и отраду. Духъ Святой производитъ въ насъ такое полное и существенное одушевленіе, изъ котораго проливается жизнь и отрада всему естеству нашему. *Аще кому дахнетъ* (Духъ Святой), *воспарлетъ въ горняя*. Это дыханіе Святаго Духа отрываетъ сердце наше отъ земнаго и низкаго, какъ бы развертываетъ, окрыляетъ всѣ силы наши, сообщая имъ крѣпость, легкость, — и, одушевленный Духомъ, крылатѣеть, какъ орелъ возносится надъ прахомъ и тлѣніемъ, паря въ небу, въ отрадной свободѣ сердца, по широтѣ заповѣдей Господнихъ; и съ сей высоты духовной взираетъ на круженіе міра въ вихрѣ суеты и обмана, тихо скорбя о его ослѣпленіи. — Одушевленные Святымъ Духомъ носятъ во глубинѣ души своей таковую радость и таковой миръ, которыхъ не могутъ нарушить никакія превратности міра. Если и скорбятъ они по внѣшности; то, *скорбляще, присно радуются* (2 Кор. 6, 10), тогда какъ водящіеся духомъ міра, можно сказать, даже и веселяся, присно, во глубинѣ души, скорбятъ. Утѣшитель Духъ Святой, переливая въ сердца наши пламенную свѣтлую любовь, усугубляетъ тѣмъ нашу радость и одушевленіе. Сердце человѣка, одушевленнаго Духомъ Святымъ, бываетъ такъ широко и любвеобильно, что объемлетъ любовію весь родъ человѣческій. *Сердце наше распространилось: не тѣсно вмѣщается въ насъ* (2 Кор. 6, 12), пишетъ Апостолъ Павелъ въ Коринтянамъ. *Я имлю васъ въ сердце*, пишетъ онъ же въ Филиппійцамъ (1, 4). Какая широта и любвеобиліе сердца! Для такого человѣка нѣтъ враговъ, — всѣ братія. Какая пріятность и отрада въ жизни! Кто испыталъ сколько-нибудь подобное сему настроеніе духа, кто хотя сколько-нибудь ощу-

тиль эту блаженную свободу и широту сердца: тотъ пойметъ, какъ отрадна и одушевительна любовь, изливаемая Духомъ Святымъ.

Гдѣ же искать сего святаго одушевленія? И какъ одушевляться Духомъ?—*Духъ Святой, идѣже хоцетъ, дышетъ, и вездѣ присуизъ* (Іоан. 3, 8). Но особенно Онъ дышетъ и живетъ въ храмахъ Божіихъ, наипаче—когда совершается богослуженіе; дышетъ въ людяхъ благочестивыхъ и въ ихъ писаніяхъ; но преимущественно дышетъ въ словѣ Божіемъ, глаголю коего, по свидѣтельству самой Истины, *духъ суть и животъ*. Здѣсь-то, въ благоговѣйномъ присутствіи при богослуженіи, въ обращеніи съ людьми благочестивыми, и внимательномъ, въ простотѣ сердца чтенія слова Божія и должно искать свѣтлаго одушевленія.

Но къ принятію Святаго Духа нужно напередъ приготовить, настроить свой духъ. Простота сердца и смиреніе, внутренній миръ и тишина, любовь и благодушіе должны предварить въ насъ одушевленіе отъ Святаго. Конечно, всѣ эти свойства суть плодъ вѣянія въ насъ Святаго Духа, и всѣ они, въ ихъ полнотѣ и совершенствѣ, изливаются Духомъ; но и предварительно, чтобы пріять Духа, нуженъ залогъ сихъ свойствъ; нужно, по крайней мѣрѣ, предрасположить себя къ нимъ, стараться привести себя въ такое настроеніе. Есть еще средство къ привлеченію Духа Святаго,—средство болѣе легкое и пріятное: это—пѣніе божественныхъ пѣсней, которое и предписываетъ намъ Апостолъ: *не упивайтесь, говоритъ онъ, виномъ; но паче исполняйтесь Духомъ, глаголюще себѣ во псалмъхъ и пнїяхъ и пснєхъ духовныхъ* (Ефес. 5, 18). Этимъ средствомъ такъ любилъ и умѣлъ пользоваться псалмопѣвецъ Давидъ, для святаго одушевленія, что какъ только отверзалъ уста и начиналъ пѣть, уже и привлекалъ Святаго Духа: *отверзохъ уста, говоритъ онъ, и привлекохъ Духъ*.

Архимандритъ Фотій.

УНИЧЖЕНИЕ И СЛАВА МЕССИИ-ХРИСТА, ИЗОБРАЖЕННЫЯ ВЪ 21 ПСАЛМЪ.

(Окончаніе).

Безчеловѣчные враги страждущаго читателя Иеговы *пронзили ему руки и ноги* (1) (ст. 17). И эта черта указываетъ въ стра-

(1) Противъ этого почти общепринятаго перевода возстаютъ только Бимхи, Ярхи; Абенъ-Эзра, Павлюсь и Евальдь: ссылаясь на 13 стихъ 38 главы книги Пророка Исаи, они переводятъ выраженіе: каагі словами: *какъ левъ*. Но этотъ переводъ меньшинства прежде всего 1) *не имѣетъ смысла*. Глаголь: *hikiruni* (какъ видно изъ снесенія его съ глаголомъ: *vebabuni*) означаетъ: *они окружили*. Если слѣдующее за ними слово: каагі переводить: *какъ левъ*,—то въ какомъ надежѣ? Въ именительномъ? Но невозможно и представить себѣ, какъ *левъ можетъ окружать 'руки и ноги'*? Въ винительномъ? Но тутъ еще болѣе несообразности: *могъ ли тотъ самый страдалецъ, который прежде уподоблялся червю* (ст. 7), *спослѣдствіемъ сравнивать себя со львомъ?* 2) *Переводу меньшинства противоречатъ иудейское преданіе*. Малая Мазора именно замѣчаетъ, что въ 17 стихѣ 21 псалма слово: *каагі* имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ у Пророка Исаи. Древніе переводчики хотя и переводятъ это выраженіе различно, но всѣ согласно принимаютъ его за глаголь. Наконецъ, 3) *различіе въ чтеніи этаго мѣста въ древнихъ рукописяхъ можетъ быть объяснено въ томъ только случаѣ, если примемъ выраженіе каагі за глаголь, и именно (вслѣдъ за Вилеромъ и Де-Ветте) за неправильное причастіе множественнаго числа*. Подобная же форма (*mi ni*) встрѣчается въ псалмѣ 44 (ст. 9). *Полное писаніе* (*scriptio plena*) встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, напр. у Іезекіиля (28, 24, 26) и Осіи (10, 14). Съ переводомъ общепринятымъ удобно соглашались и различныя чтенія. Такъ, одно изъ нихъ (*каагеі*) есть причастіе по полному писанію; различіе здѣсь въ томъ, что *каагеі* какъ *pluralis constructivus*, сочетается съ надежемъ родительнымъ, а *каагі*, какъ *pluralis absolutus*, съ надежемъ винительнымъ. Другое чтеніе (*каагу*), происшедшее, какъ и первое, отъ желанія устранить неправильную множественную форму, есть полное писаніе прошедшаго времени отъ глагола *куг*; а третье (*кагу*) есть также прошедшее того же глагола съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь, вопреки общему правилу, опущена буква *aleph*. Какое значеніе должно дать глаголу *куг*, однажды только и встрѣчающемуся въ Библии? По еврейскому словоупотребленію, *куг* тождественъ съ *кагап*, имѣющимъ значеніе: *рыть* (Быт. 26, 25; 50, 5. Іова 6, 27. Псал. 7, 16), *пронзати* (39, 7 съ под.). Такъ и перевелъ слово: *kur LXX* (*ωρυξεν*) и Вулгата (*foderunt*).

дальцѣ Мессію (1). Воины, распиная Спасителя (2), очевидно должны были пронзить Ему руки и ноги (3).

Свое мучительное состояніе страдалецъ описываетъ въ такихъ чертахъ: *» я пролился, какъ вода; всѣ кости мои рассыпались; сердце мое сдѣлалось, какъ воскъ, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя изсохла, какъ черепъ; языкъ мой прильпнулъ къ устама; и въ персть смерти Ты полагаешь меня.... Я (могъ бы) перечестъ всѣ кости мои* (ст. 15, 16, 18). Къ кому болѣе и примѣнимы такія тяжкія муки, какъ не къ Голгоускому Страдалцу, *Мужу скорбей* (Исаи 53, 3), понесшему на Себѣ грѣхи всего міра (1 Петра 2, 24) и испившему чашу страданій, уготованныхъ всѣмъ потомкамъ Адама? Искушитель нашъ, жестоко измученный еще во дворѣ Пилата (Матѣ. 27, 30. Марка 15, 19) крайне ослабѣвшій во время шествія на Голгоу (Матѣ. 27, 32; Марка 15, 21; Луки 23, 26) и въ такомъ состояніи пригвожденный ко кресту, конечно, могъ сказать о Себѣ: *я пролился, какъ вода* (т. е. изнемогъ совершенно); *всѣ кости мои рассыпались* (т. е. члены Мои, такъ сказать, разорвались отъ неестественнаго положенія тѣла); *я могъ бы перечестъ ихъ* (т. е. въ каждомъ членѣ тѣла я ощущаю жестокую боль) (4); *сердце мое растаяло, какъ воскъ* (5),

(1) Къ Мессію относили 17 стихъ 21 псалма св. *Иустинъ мученикъ* (1 Анолонія гл. 38), св. *Ефремъ Сиринъ* (слово на Преображеніе) *Тертуліанъ* (о воскресеніи плоти. XX).

(2) «Ни въ какомъ родѣ смерти не пронзятся ноги и руки, какъ на одномъ крестѣ», замѣчаетъ св. *Аванасій Великій* (слово о воплощеніи Бога Слова. Твор. св. Отц. Т. 17. стр. 128).

(3) Замѣтимъ встатн, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ экзегетовъ (напр. Розенмюллера, Павлюса, Фритше и Кюинёля) у Спасителя пригвождены были ко кресту однѣ руки. Неосновательность такого мнѣнія открывається изъ того, что, по сказанію Евангелистовъ, Воскресшій Спаситель показывалъ ученикамъ Своимъ руки и ноги (Луки 24, 39. 40; Іоанна 20, 20).

(4) «Пригвождавшіе такъ напрягли тѣло Мое, что если бы кто пожелалъ, нетрудно было бы ему узнать число костей»,—замѣчаетъ блаж. *Феодоритъ* (стр. 120).

(5) «Выраженіе, свойственное печали, такъ какъ написано: *начать скорбѣти и тужити* (Матѣ. 26, 37). Скорбѣль же о народѣ іудейскомъ и о предателѣ, потому что нечестіемъ своимъ предъ Нимъ свергли себя въ погябель». (Св. Аванасія. Толкованіе на 21 Псаломъ, стр. 106).

сила изсохла какъ черепъ (т. е. жизнь Моя истощается). Выраженію: *языкъ прильпнулъ къ устама Моимъ* вполне соотвѣтствуетъ воззваніе Спасителя: *жажду* (Іоанна 19, 28) (1). Евангелистъ именно замѣчаетъ, что это совершилось, *да сбудется Писаніе*. А выраженіе: *въ персть смерти Ты полагаешь мя* равносильно съ воззваніемъ Спасителя: *Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой* (Луки 23, 46) (2).

Илившъ на читателя Іеговы весь ядъ адской злобы, безчеловѣчные враги *дѣлаютъ ризы его по себѣ и обѣ одежды мечутъ жребій* (ст. 19). Нужно ли доказывать, что то же самое послѣдовало и съ одеждою распятаго Иисуса? Самовидецъ страданій Его ясно говоритъ: *воины, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и раздѣлили на четыре части, а о нешвенномъ хитонѣ сказали: бросимъ о немъ жребій, чей будетъ,*—и видитъ здѣсь исполненіе словъ псалма: *раздѣлили ризы мои между собою, и обѣ одежды моей бросали жребій* (Іоанна 19, 23. 24) (3).

Отъ жалобныхъ воплей страждущаго читателя Іеговы обратимъ слухъ нашъ къ тѣмъ великимъ обѣтамъ, которые

(1) Такъ изъясняетъ настоящее мѣсто св. Аванасій Великій (стр. 107). А Блаж. Феодоритъ замѣчаетъ: Божественные Евангелисты извѣщаютъ насъ, что многократно вопрошаемый ничего не отвѣчалъ» (стр. 119).

(2) «Не въ персть, а въ персть смерти низведенъ Христосъ, *яко не оставися душа Его во адъ, ни плоть Его видѣ истлѣнія* (Дѣян. 2, 31)»,— замѣчаетъ св. Аванасій (стр. 107).

(3) Къ Мессіи относили 19 стихъ 21 псалма св. *Иустинъ мученикъ* (1 апологія, гл. 35 и 38); св. *Ефремъ Сиринъ* (слово на Преображеніе. Твор. св. Отц. Т. 13 стр. 152); св. *Аванасій Великій* (Толкованіе на 21 псаломъ. Твор. св. Отц. Т. 23 стр. 107. Слово о воплощеніи Бога Слова. Твор. св. Отц. Т. 17, стр. 128); св. *Кириллъ Іерусалимскій* («одежду дѣлать, а о хитонѣ бросаютъ жребій. Написано ли и сіе? Это знаютъ усердные церковные псалмопѣвцы, подражающіе ангельскимъ воинствамъ и всегда пѣснословящіе Бога и сподобляющіеся пѣть и говорить на этой Голгоѣ: *раздѣлиша ризы моя себѣ, и о, одежды Моей меташа жребій*». 13 оглас. слово. См. Твор. св. Отц. Т. 25, стр. 213); блаж. *Феодоритъ* (въ изъясненіи 21 псалма) *Тертуліанъ* (о воскресеніи плоти. XX, по пер. Кареева, ч. 3. стр. 89. Противъ іудеевъ, стр. 203; и *Лактанцій* (Божественныя наставленія кн. 4).

даетъ онъ Иеговѣ за свое спасеніе. И здѣсь содержится оче- видное доказательство того, что этотъ дивный страдалецъ есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ.

«*Проповѣдаю имя Твое братіяѣ моимъ; посреди собранія восхваляю Тебя.... Тебѣ хвала моя въ собраніи великомъ.... Вспомнятъ и обратятся ко Господу всѣ концы земли; и поклонятся предъ лицемъ Его всѣ племена язычниковъ. Ибо Господу (принадлежитъ) царство; Онъ Владыка народовъ* (ст. 23, 26, 28, 29)». Какой другой страдалецъ, кромѣ Иисуса Христа, могъ дать Иеговѣ такой великій обѣтъ за Свое спасеніе отъ враговъ и мученій? Въ лицѣ одного Мессіи обѣщаль издавна Самъ Иегова благословить всѣ народы (Быт. 12, 3; 18, 18, 22, 16—18; 26, 3; 28, 14). Вслѣдствіе такого обѣтованія, съ пришествіемъ Мессіи Пророки всегда соединяли всеобщее обращеніе язычниковъ (Псал. 2, 8. 9; 71, 7—10; 13, 17; Исаи 9, 6; 11, 6; 48, 49 и 53). О Его времени еще за нѣсколько вѣковъ предсказано было, что *будетъ царствовать Самъ Господь* (Авд. 21), *будетъ Господь Царемъ по всей земль* (Захар. 14, 9; ср. Исаи 43, 6. 7; 45, 21—23; 49, 22. 23, 56, 7; 66, 18—20). И какое событіе изъ исторіи евреевъ, хотя отчасти, соотвѣтствуетъ этому дивному обѣтованію? Всѣ ветхозавѣтныя проповѣди во славу Иеговы ограничиваются предѣлами одной Палестины, рѣдко переходятъ къ нѣкоторымъ изъ язычниковъ. Но какъ вѣрно, съ другой стороны, исполняется обѣтъ изображаемаго въ 21 псалмѣ страдальца въ лицѣ прославленнаго Иисуса! Страдалецъ даетъ обѣтъ Богу *возпститъ имя Его братіи своей* (ст.). Но тѣже самыя слова влагаеть Евангелистъ въ уста Спасителя, Который нѣкогда, возставъ изъ мертвыхъ, такъ повелѣвалъ Маріи: *иди къ братіяѣ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и къ Богу вашему* (Іоанна 20, 17). Божественный Страдалецъ воскресъ,—и въ различныхъ мѣстахъ явился *братіяѣ своимъ—Апостоламъ* (сн. Матѣ. 28, 10) и другимъ Своимъ послѣдователямъ (Матѣ. 28, 16. 17; Марка 16, 12. 14; Луки 24, 15. 34. 36; Иоанна 20, 19, 26, 21, 1; Дѣян. 1, 3; 1 Кор. 15, 5. 6. 7. 8). И всѣ эти чудныя явленія Его сопровождаютъ славою Небесному Отцу. Однихъ Воскресшій побуждаетъ къ святой радости и заповѣдуетъ

возвѣститъ о ней прочимъ (Матѣ. 28, 9, 10); другимъ, *начавъ отъ Моисея, изъясняя сказанное о Немъ изъ всѣхъ Пророковъ, во всехъ Писаніи* (Луки 24, 27); инымъ объявляетъ Себя Владыкою неба и земли, сообщаетъ чудодѣйственную Свою силу и даетъ повелѣніе проповѣдать Евангеліе вселенной (Матѣ. 28, 18. 19. 20; Марка 16, 15. 16. 17. 18. Луки 24, 47, 48. Иоанна 20, 21). Проповѣдь о царствіи Божіи (Дѣян. 1, 3) не прекратилась вслѣдъ за вознесеніемъ Спасителя на небо. Она возвѣщена была Имъ устами Апостоловъ *собранію великому* (Псал. 21, 26)—*всей твари поднебесной* (Колосс. 1, 23) *даже до края земли* (Дѣян. 1, 8).

«*Потомство (мое)*» — говорить воспѣваемый Псалмопѣвцемъ страдалецъ, — «*будетъ служить Ему* (Геговѣ). *Возвѣстится о Господь роду будущему. Придутъ и будутъ проповѣдывать правду Его людямъ, которые родятся; ибо Она сотворила* (это; ст. 31, 32). Вслѣдствіе всемірной проповѣди Спасителя, объ Геговѣ возвѣщается *роду будущему*. Каждый новорожденный крестится во имя Св. Троицы, еще на лонѣ матери поучается спасительнымъ истинамъ христіанской вѣры и въ свою очередь передаетъ ихъ потомкамъ.

«*Совершу обпты мои предъ боящимися Его*», — продолжаетъ страдалецъ. «*Да ядятъ бѣдные и насыщаются* (1), *и да восхвалятъ Гегову ищущіе Его; да оживетъ сердце ваше на вѣкъ... Вкусятъ и поклонятся всѣ тучныя земли; предъ лицемъ Его повернутся всѣ нисходящія въ персть* (2), *кои не могутъ души своей сохранить въ жизни* (ст. 26, 27, 30)». И здѣсь содержится очевидное доказательство того, что изображенный въ 21 псалмѣ страдалецъ есть Мессія. Возможно ли кому другому, кромѣ Него, Вѣчнаго Владыки неба и земли, уготовать такой жертвенный пиръ, на которомъ бы могли присутствовать всѣ бѣдные и богатые, и притомъ уготовать изъ насла-

(1) Намекъ на Исх. 18, 12. Второз. 16, 11, 14. 1 Цар. 9, 13, 16, 5. Св. Аванасій разумѣетъ эти слова о призваніи язычниковъ (стр. 109).

(2) По словоупотребленію священныхъ писателей Ветхаго Загѣта, еврейское: араг (*персть*) обозначаетъ *могилу* (Иова 20, 11; 21, 16; Исаіа 26, 19; Дан. 12, 2).

жденій, доставляющихъ жизнь вѣчную? Такихъ пировъ не представляетъ намъ исторія еврейскаго народа. Всеобщаго, вѣчнаго пира, на основаніи пророческихъ предсказаній, избранные изъ народа еврейскаго ожидали отъ одного Мессіи. Да и какъ назвать иначе это обильное изліяніе живой воды— Святаго Духа въ сердца вѣрующихъ (Іоанна 4, 14) и доставляющія *вѣчную жизнь*, Тѣло и Кровь Божественнаго Агнца, закланнаго за весь міръ отъ самаго сложенія его (6, 51, 54)? (1) Это небесное царство, котораго врата, по словамъ Пророка, *не затворятся вѣчно*, не часто ли Самъ Царь изображалъ подъ символомъ богатаго пира (Матѳ. 8, 11; 22, 2 и д. Луки 13, 29; 14, 16 и д. ср. Апок. 19, 9)?

И такъ, въ пророческомъ описаніи страдальца не найдемъ ни одной черты, несходной съ Евангельскимъ повѣствованіемъ о Спасителѣ. А такое разительное сходство разсматриваемаго нами псалма съ исторією страданій Спасителя ужели есть только дѣло случая,—и не болѣе? Нѣтъ, оно составляетъ очевидный признакъ того, что здѣсь содержится благовѣстіе о крестной смерти Господа, явленное Давиду *Духомъ Христовымъ, предвозвѣщавшимъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу* (1 Петра 1, 11).

II.

Кромѣ двухъ вышеприведенныхъ нами указаній Новаго Завѣта на 21 псаломъ (Матѳ. 27, 43—46. Іоан. 19, 24)—не менѣе ясное указаніе встрѣчается въ посланіи Ап. Павла къ евреямъ. Мѣсто это читается такъ: *и освящающій и освящаемые—всѣ отъ Единаго, по сей причинѣ Онъ не стыдится называть ихъ братіями, говоря: возьму имя Твое братіямъ Моимъ, посреди церкви воспою Тебя* (2, 11. 12). Здѣсь Ап. Павелъ приводитъ слова 21 псалма (ст. 23) въ подтвержденіе той основной истины, что Іисусу Христу прилично было умереть

---

(1) «Извѣстна намъ сія божественная снѣдь—и духовное ученіе и таинственная безсмертная вечеря, о которой знаютъ сподобившіеся таинства»,—замѣчаетъ блж. Феодоритъ (стр. 123).

за насъ (ст. 9, 10), что Искупитель нашъ необходимо долженъ былъ приобщиться нашей плоти и крови (ст. 14), что Онъ легко можетъ помогать намъ во всѣхъ нашихъ немощахъ (ст. 18). Предполагать въ настоящемъ случаѣ простое приспособленіе невозможно: согласно ли съ мудростію Апостола на одномъ приспособленіи основывать многія, и притомъ столь важныя истины? Такъ не дѣлаютъ и писатели обыкновенные. Въ настоящемъ случаѣ важно и то, какъ именно приводитъ Апостоль слова 21 псалма. Не мимоходомъ только упоминаетъ онъ о нихъ (какъ надлежало бы быть при предполагаемомъ приспособленіи); онъ произноситъ ихъ *отъ лица Самаго Иисуса Христа*. А сталъ ли бы ревностный защитникъ Ходатая Новаго Завѣта предъ христіанами изъ іудеевъ клеветать на Него, если бы лице, произносящее приведенныя имъ слова 21 псалма, не былъ дѣйствительно Иисусъ Христосъ?

Важность новозавѣтныхъ указаній на мѣста ветхозавѣтныхъ очевидна: Апостолы всякой истинѣ научаемы были отъ Духа истины (Іоанна 16, 13), Который просвѣщаль и Пророковъ (2 Петра 1, 21), предвозвѣщая чрезъ нихъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу (1 Петра 1, 11). Тѣмъ важнѣе въ такихъ случаяхъ для эзегета указаніе именно Ап. Павла, такъ какъ онъ прямо и ясно свидѣтельствовалъ, что *не говоритъ ничего, кромѣ того, о чемъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, то есть, что Христосъ имѣлъ пострадать, и вставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣститъ святъ народу (іудейскому) и язычникамъ* (Дѣян. 26, 22, 23).

III.

Къ Мессіи относили 21 псаломъ и древніе іудеи: (1) въ этомъ сознается даже Розенмюллеръ, который не смотря на то, по какому то слѣпому предубѣжденію, разумѣетъ здѣсь Давида; даже Ярхи 27 стихъ относитъ ко временамъ Мессіи. Мы видѣли уже, что св. *Отцы и Учители Церкви* (2) *приводили*

---

(1) Свидѣтельства эти собраны у Шѣттгена (in lib. de Messia p. 232 sq.) и Михаеляса (Comment. in Psalm. p. 138).

(2) Напр. св. Іустинъ мученикъ и Тертуліанъ.

мста изъ 21 псалма, какъ пророчественнаго о Мессіи, именно въ сочиненіяхъ, писанныхъ къ іудеямъ,—и ни одинъ іудей не отвергалъ силы и ясности такихъ свидѣтельствъ. Если же іудей, близко знакомый съ писаніями Пророческими, мечтавшіе о славномъ царѣ—Мессіи и соблазнявшіеся представленіемъ Его уничтоженія и страданій (ср. 1 Петра 2, 7; 1 Кор. 1, 23)—вопреки господствующему въ ихъ время образу мыслей, признавали въ изображенномъ въ 21 Псалмѣ страдальца Мессію,—то не потому ли именно, что ни къ кому другому во всей точности и не могли быть приложимы черты пророческаго изображенія? Такимъ образомъ, и преданіе древнихъ іудеевъ, *которымъ впрено было слово Божіе* (Римл. 3, 2), говоритъ, что личный предметъ 21 псалма—уничуженный и прославленный Мессія.

И такъ, и содержаніе самаго псалма, и указанія Новаго Завѣта ⁽¹⁾, и преданіе древнихъ іудеевъ—все заставляетъ насъ понимать 21 псаломъ о Мессіи,—и только о Немъ. «Въ 21 псалмѣ Давидъ изобразилъ крестныя страданія Спасителя съ такою точностію, какъ бы оный писанъ былъ у самаго креста» ⁽²⁾. Псаломъ этотъ есть молитва Спасителя, преданнаго на смерть, но среди всѣхъ страданій непоколебимо уповающаго на Отца Небеснаго. Давидъ есть только орудіе, въ которомъ Духъ Христовъ, вопіющій въ сердцахъ Ему преданныхъ, возносилъ молитвы къ престолу Отца Небеснаго. Вотъ почему св. Церковь и установила читать 21 псаломъ на 1 часѣ въ пятокъ страстной седмицы—въ день воспоминанія страстей Господнихъ.

А. Вогословскій.

⁽¹⁾ «А священнымъ Апостоламъ и Самому Спасителю, ясно произнесшему о себѣ начало псалма, больше должно вѣрить, нежели предприемающимъ толковать оный иначе»,—замѣтилъ еще блаж. Феодоритъ (стр. 114).

⁽²⁾ Прав. Катихизисъ въ изъясненіи 3 члена.

22 МАЯ № 21. 1871 ГОДА.

О СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНИИ.

Вѣрую... и въ Духа Святаго,
глаголашаго Пророки.

«По настоящему, намъ не слѣдовало бы имѣть никакой нужды въ помощи Писанія, а вести жизнь столь чистую, чтобы вмѣсто книгъ служила душамъ благодать Святаго Духа, и какъ тѣ чернилами, такъ сердца наши всѣ исписаны были Духомъ. Но такъ какъ мы отринули сію благодать, то не оставимъ хотя втораго пути». Такъ говоритъ великій учитель вселенной, св. Іоаннъ Златоустъ. Священное Писаніе есть слово Божіе, изреченное Духомъ Святымъ чрезъ Пророковъ, для спасенія людей, для указанія имъ пути къ царствію небесному. Послѣ этого, нѣтъ необходимости доказывать важность книгъ св. Писанія и неотложную обязанность для всякаго

христіанина читать, или слушать ихъ, поучаться въ нихъ непрестанно. *Свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, Господи, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. 118, 105), говоритъ св. Давидъ. *Пророческое слово* есть для насъ *свѣтило, сіяющее въ темномъ мѣстѣ*; ему должны мы *внимать, дождемъ день озаритъ и дѣлница возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ* (2 Петр. 1, 19): такъ учить первоверховный изъ Апостоловъ. Священное *Писаніе*, по словамъ св. Апостола Павла, *Богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершено будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16). «Отсюда слѣдуетъ, говоритъ новоявленный угодникъ и чудотворецъ, св. Тихонъ, что 1) слово Божіе, яко великій и небесный даръ, должно намъ почитать и любить, яко же творилъ Давидъ святой (Псал. 118, 2); 2) за сей великій Отца небеснаго даръ отъ сердца благодарить; 3) поучаться въ немъ день и ночь; 4) по правилу его житіе свое и нравы исправлять, и 5) что неблагодарны и несмысленны суть, которые оставляютъ его читать, или слушать». «Всѣмъ, и всякому, и всякаго званія и чина людямъ, то есть, освященнымъ и неосвященнымъ, благороднымъ и простымъ, мужамъ и женамъ читать и слушать его можно и должно. Погрѣшаютъ тѣ, которые мнятъ и научаютъ, что священнаго Писанія не должно читать людямъ простымъ, но токмо іереямъ и прочимъ освященнымъ лицамъ. Мнѣніе сіе есть вымыселъ и кознь діавола, который отводитъ отъ душеполезнаго сего чтенія людей, дабы, не читая священнаго Писанія, не имѣли они истинныя и живыя вѣры, и тако бы не спаслися».

Несмотря на то, къ сожалѣнію, въ нашемъ отечествѣ, до настоящаго времени, мало обращали вниманія на изученіе священнаго Писанія; общество наше мало цѣнило это драгоценнѣйшее сокровище для души, этотъ величайшій даръ Божій человеку. Въ самыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ священное Писаніе не изучалось съ тою ревностію и полнотою, какихъ оно заслуживаетъ. Только съ недавняго времени, благодареніе Богу, священное Писаніе дѣлается болѣе и болѣе предметомъ чтенія и изученія. Благовиднымъ, хотя неполнымъ основательнымъ, предлогомъ для нерадящихъ о чтеніи свя-

ценнаго Писанія было непониманіе ими славянскаго языка. Теперь и этотъ предлогъ падаетъ. Священныя книги Новаго Завѣта переведены уже всѣ на современное русское нарѣчіе; уже во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ разошлись онѣ по лицу русской земли. Даѣ Богъ, чтобы эти десятки скоро превратились въ сотни тысячъ, въ миллионы; не одно духовное, но и свѣтское общество заботится теперь о распространеніи ихъ повсюду, по самой незначительной цѣнѣ, нерѣдко—даромъ. Ветхій Завѣтъ также, большею частію, переведенъ на русскій языкъ нашими учеными гебраистами; законоположительныя и историческія книги переведены вновь и изданы недавно отъ Святѣйшаго Синода. Теперь и въ духовно-учебныхъ нашихъ заведеніяхъ изученію священнаго Писанія отведено самое видное и широкое мѣсто. Надобно надѣяться, что и нынѣшніе и будущіе пастыри стада Христова будутъ изучать со всѣмъ подобающимъ усердіемъ книги священнаго Писанія, чтобы умудряться въ спасеніе свое и своей паствы.

Но *заповѣдь Господня*, по слову Писанія, *широка зѣло*. Прибавимъ, что мѣстамъ она и глубока чрезвычайно. Чтобы не потеряться въ этой широтѣ, нужно имѣть руководящую нить; чтобы не потонуть въ этой глубинѣ, необходимо знать нѣкоторыя правила. Что лучше солнца? Но и оно для слабыхъ глазъ вредно; и отъ него рождаются черви. Многіе самонадѣянные и неприготовленные читатели слова Божія претенулись и погибли; таковы еретники и раскольники. Чтобы съ надлежащею пользою и безопасностію читать священное Писаніе, для этого, прежде всего, нужно держаться преподаннаго Церковію правила вѣры и толкованія св. Отцевъ, а потомъ предварительно познакомиться съ планомъ и содержаніемъ его, съ составомъ, числомъ, писателями, языкомъ, временемъ и обстоятельствами написанія различныхъ книгъ священнаго Писанія. Чтобы принести съ своей стороны читателямъ нѣкоторую пользу въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ, мы рѣшились помѣстить въ «Духовной Бесѣдѣ» рядъ статей о книгахъ священнаго Писанія. Къ этому побуждаетъ насъ между прочимъ и крайняя скудость подобныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ и мысль, что и самый слабый и недостаточный трудъ по этому предмету у насъ пока не будетъ

лишнимъ. Иностранная богословская литература богата болѣе или менѣе удачными, болѣе или менѣе обширными сочиненіями по предмету священнаго Писанія; много ихъ и мы имѣемъ теперь предъ нашими глазами. Но и самое это богатство затрудняетъ выборъ между ними. Не всѣ они пригодны для русскаго читателя,—иные по направленію, иные по самому своему объему, по изобилію вопросовъ, для насъ пока совершенно излишнихъ.

Болѣе всѣхъ прочихъ показалось намъ пригоднымъ сочиненіе Вебера, въ короткое время достигшее въ Германіи втораго, исправленнаго изданія, подъ заглавіемъ: *Kurzgefasste Einleitung in die heiligen Schriften Alten und Neuen Testaments* (краткое введеніе въ священныя писанія Ветхаго и Новаго Завѣта). Этимъ-то сочиненіемъ мы главнымъ образомъ ⁽¹⁾ будемъ пользоваться при составленіи статей о книгахъ священнаго Писанія. Впрочемъ мы позволимъ себѣ и дополнять и сокращать книгу Вебера, имѣя въ виду собственно потребности русскіихъ православныхъ читателей. При этомъ мы будемъ руководствоваться, между прочимъ, изданною духовно-учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, «Программою по преподаванію священнаго Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ». (Мы скоро сообщимъ эту программу на страницахъ нашей Церковной Лѣтописи). Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду не однихъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, а вообще читателей слова Божія, всякаго

---

(1) Вотъ имена писателей, сочиненія которыхъ у насъ подъ руками и которыми надѣемся болѣе или менѣе воспользоваться: Эйхгорнъ (*Einleitung in's Alte Testament*), Де-Ветте (*Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die Bibel* и проч., въ новомъ, передѣланномъ изданіи, 1869 г.), Блекъ (*Fridr. Bleek's Einleitung in das Alte Testament*, 1870 г.), Герике (*Neutestamentliche Jsaagogik*, 1868 г.), Сейлье (*Histoire générale des auteurs sacrés* и проч. 1729 г.) и много другихъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ меньшаго объема и значенія. Пособіями будутъ служить по мѣстамъ и многотомныя изданія: Бунзена *Bibelwerk*, Старке *Synopsis et cet.* и Дехзеля *Bibel et cet.* Герцога *Real-Encyclopædie für Theologie und Kirche* (22 тома), Ветцера и Вельте *Kirchen-Lexicon* и другіе.

возраста и званія; то въ статьяхъ нашихъ будемъ избѣгать школьной формальности, внѣшняго дробленія на рубрики, на главы и параграфы, хотя тѣмъ менѣе будемъ излагать предметы въ послѣдовательномъ порядкѣ. Нѣкоторые болѣе важные вопросы мы постараемся разсмотрѣть въ послѣдствіи въ отдѣльныхъ статьяхъ, не въ ряду съ прочими.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ О СВЯЩЕННЫХЪ КНИГАХЪ.

Священнымъ Писаніемъ называются книги, написанныя чрезъ избранныхъ лицъ Духомъ Святымъ, для руководства и спасенія людей, и принятыя святою православною Церковію, какъ неизмѣнное правило вѣры и нравственности. Собраніе такихъ книгъ называется Библіею, что на греческомъ языкѣ значитъ «Книги», то есть, книги по преимуществу, самыя лучшія книги. Къ слову «Библия» прилагаютъ еще названіе «святая», «Божественная» Библия. Въ самомъ священномъ Писаніи встрѣчаются различныя названія его: законъ, пророки и псалмы (Лук. 24, 44), просто законъ (Іоан. 12, 34), писанія святыя (Римл. 1, 2), священныя писанія (2 Тим. 3, 15), просто Писаніе (Матѣ. 22, 29), ветхій завѣтъ (2 Кор. 3, 14) книга завѣта (1 Макк. 1, 5, 7; 2 Цар. 23, 2). У святыхъ Отцевъ священное Писаніе называется книгами Ветхаго и Новаго Завѣта. просто завѣтомъ, закономъ, писаніемъ (См. De-Wette, Lehrbuch der historisch-kritischer Einleitung, s. 10—12).

По времени происхожденія, или написанія, священное Писаніе раздѣляется на книги «Ветхаго Завѣта», и книги «Новаго Завѣта». Первыя написаны Богодухновенными пророками до Рождества Христова, а вторыя Богодухновенными Апостолами послѣ Рождества Христова. Въ книгахъ ветхозавѣтныхъ содержится повѣствованіе о сотвореніи Богомъ міра и человѣка, о раѣ, о паденіи прародителей, обътованіи будущаго Искупителя, о судьбѣ сыновъ и потомковъ Адама, о потоцѣ, о расселеніи народовъ, о родоначальникахъ или патриархахъ избраннаго народа, о судьбѣ этого народа въ Египтѣ, въ пустынѣ, въ землѣ обътованной, о законахъ и

установленіяхъ, данныхъ ему чрезъ Моисея, о судіяхъ и царяхъ израильскихъ, о плѣненіи Вавилонскомъ и возвращеніи изъ плѣна. Въ Ветхомъ Завѣтѣ сверхъ того содержатся многочисленныя обѣтованія и пророчества о Иисусѣ Христѣ и Его Церкви. Въ Новомъ Завѣтѣ указывается исполненіе этихъ пророчествъ въ рождествѣ, жпзни, дѣлахъ, страданіяхъ, смерти и воскресенія Спасителя, излагается Его Божественное ученіе, повѣствуется о дѣяніяхъ Апостоловъ, по Его вознесеніи на небо, и содержатся ихъ Богодухновенныя писанія въ назиданіе вѣрующимъ, наконецъ— пророчество о концѣ міра. Главный предметъ священнаго Писанія и цѣль его, какъ въ Ветхомъ, такъ и Новомъ Завѣтѣ, одни и тѣ же: откровеніе воли Божіей о спасеніи людей и указаніе имъ пути къ царствію небесному.

Для правильнаго разумѣнія священнаго Писанія требуются: чистота сердца, неомраченнаго страстями, искреннее желаніе узнать волю Божію, чтобы исполнять ее, и ясный умъ, смиренно отдающійся въ послушаніе вѣры. *Во злохудоужу душу не видеть премудрость.* Лучъ свѣта Божія не проникнетъ въ душу, не имѣющую страха Господня. Какъ для написанія священныхъ книгъ необходимо было вдохновеніе свыше, внушеніе Духа Святаго: такъ и для правильнаго и душеспасительнаго разумѣнія ихъ вѣрующій читатель долженъ молиться Духу истины о наставленіи на всяку истину. И святые Апостолы Христовы, бывшіе *несмысленными и косными сердцами, еже впровати всплз, о яже глаголаша про҃оцы* (Лук. 24, 25), не прежде научились понимать слово Божіе, какъ воскресшій Господь *отверзъ имъ умъ разумѣти писанія* (Лук. 24, 45). Желаніи умудриться чтеніемъ священнаго Писанія прежде всего долженъ понимать, что *яже свыше премудрость первле убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполъ милости и плодовъ благиъ* (Іак. 3, 17).

О СВЯЩЕННЫХЪ КНИГАХЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

Книги св. Писанія Ветхаго Заѡѡта, по свидѣтельству самаго Писанія, имѣють происхожденіе богодухновенное. Время отъ времени Господь открывалъ себя людямъ то словомъ, то

дѣйствиємъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ люди, особо избранные Богомъ, получали отъ Него повелѣнія предавать письмени богооткровенныя слова и дѣйствія. Озаренные свыше, эти люди были только орудіями Духа Божія и естественная дѣятельность ихъ ума служила проводникомъ силы Божественной. Богодуховенность ветхозавѣтныхъ книгъ, въ отдѣльности, подтверждается слѣд. мѣстами священнаго Писанія—Исх. 17, 14; 24, 7; Второз. 31, 9. 24; Нав. 24, 26; 1 Цар. 10, 25; Ис. 30, 8; Авв. 2, 2; Іер. 30, 2; 36, 27. 8. Богодуховенность Вѣтхаго Завѣта, въ цѣломъ его составѣ, была постояннымъ вѣрованіемъ израильской церкви. Вѣрованіе это утверждено свидѣтельствомъ самаго Господа и его Апостоловъ. См. Лук. 24, 44; Іоанн. 5, 39; Римл. 1, 2; 2 Тим. 3, 15; 1 Петр. 1, 11; 2 Петр. 1, 21 и др.

Такъ какъ Господь предназначалъ книги священнаго Писанія для поученія людей и руководства ихъ во спасенію, то эти книги и сохранялись отъ поврежденія и гибели также особымъ дѣйствиємъ Промысла Божія. По волѣ Божіей, Моисей завѣщалъ хранить начертанныя имъ книги закона въ скиніи. Подобно сему, Іисусъ Навинъ и пророкъ Самуилъ избирали домъ Божій мѣстомъ храненія своихъ писаній.

Егда же сконча Моисей вся словеса закона сего въ книгу даже до конца; и заповѣда левитомъ, воздвижущимъ кивотъ завета Господня, глаголя: вземше книгу закона сего, положите отъ страны ковчега завета Господа Бога вашего, и будетъ тамо вамъ во свидѣтельство (Второз. 31, 24—25. См. также Іисус. Нав. 24, 25; 1 Цар. 10, 25).

Сохранившіяся въ скиніи книги закона распространились между народомъ Божіимъ посредствомъ множества списковъ. Въ историческихъ и учительскихъ книгахъ священнаго Писанія, особенно же въ Псалтири, мы встрѣчаемъ многочисленныя доказательства того, что книги закона были извѣстны и были въ большомъ употребленіи у народа израильскаго. Законъ Моисеевъ всегда былъ, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ для прочихъ священныхъ книгъ народа израильскаго.

Къ книгамъ закона, съ теченіемъ времени, присовокуплены были писанія троякаго рода: во первыхъ—книги историческія,

во вторыхъ книги пророческія; первыя заключали въ себѣ продолженіе исторіи народа Божія, излагали минувшую судьбу его; вторыя возводили взоры Израиля къ отдаленному будущему и, озаряя мракъ грядущихъ событій, воспитывали народъ въ вѣрѣ и благочестіи; въ третьихъ, книги учительныя, въ которыхъ выражалась духовно-нравственная жизнь чело-вѣка, какимъ онъ долженъ быть подъ вліяніемъ Богоотро-веннаго ученія вѣры; таковы были Псалтирь, писанія Соло-мона и другія. По той мѣрѣ, какъ умножались священныя книги, являлись и собранія или кодексы сихъ книгъ. Такъ, во времена пророка Іереміи уже были извѣстны собранія всѣхъ пророческихъ писаній, явившихся до временъ плѣ-ненія вавилонскаго.

Послѣ временъ плѣна вавилонскаго, въ религіозной жи-зни еврейскаго народа послѣдовало сильное оживленіе. Воз-родившаяся ревность къ слову Божію побуждала благочести-выхъ людей къ особннымъ трудамъ по собранію и сохране-нію богодухновенныхъ писаній, тѣмъ болѣе, что около этого времени закончился рядъ пророковъ, съ давнихъ временъ почти непрерывно продолжавшійся. Въ эту то пору к а н о н ъ священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ окончательно установился. По преданію іудейской церкви, опредѣленіе канона священ-ныхъ книгъ было дѣломъ такъ называемой великой синагоги, которая состояла изъ 120 ученыхъ людей и занималась подъ руководствомъ Эздры. Во всякомъ случаѣ, окончательное опре-дѣленіе канона Ветхаго Завѣта относится ко временамъ Эздры и Нееміи. (1).

Собраніе священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта заключаетъ въ себѣ четыре части: законъ Моисеевъ, книги историческія, писанія пророковъ и остальныя книги, называемыя учитель-ными. Первая часть у евреевъ называлась *торà* (законъ), вторая и третья — *небиимъ* (пророки) четвертая — *кетубимъ* (писанія разнаго рода). Въ настоящее время евреи называютъ

---

(1). Греческое слово *κανων* значитъ правило. Такъ названо собраніе священныхъ книгъ потому, что онѣ служатъ п р а в и л о м ъ, руководствомъ для вѣры и нравственности. См. Лексиконъ Ветцери и Вельте т. 6, стр. 16.

собрание ветхозавѣтныхъ книгъ *микра*, т. е. книгою чтеній, и *менахъ*,—какое названіе составляетъ сокращеніе первыхъ буквъ словъ Т—ора, Н—ебимъ и Х—етубимъ.

Законъ заключаетъ въ себѣ пять книгъ Моисея, которыя составляютъ одно цѣлое. «Пророки» дѣлятся на раннихъ, или древнѣйшихъ, и позднихъ, или новѣйшихъ. Первые были главнымъ образомъ историки народа Божія, вторые—собственно—пророки. Собственно пророческія книги въ свою очередь, подраздѣляются на пророковъ «большихъ» и «малыхъ»; причѣмъ писанія послѣднихъ считаются иногда за одну книгу. Историческія книги суть—книга Иисуса Навина, Судей—съ книгою Руѣ, четыре книги Царствъ и двѣ Паралипоменонъ—Эсѣиръ, книга Эздры и Нееміи. Къ учительнымъ книгамъ принадлежатъ: книга Іова, Псалтирь, Притчи Соломона, Пѣснь пѣсней и Экклезиастъ. Счетъ книгъ Ветхаго Завѣта у евреевъ различенъ. Талмудъ считаетъ 24 книги, принимая «Эздру» и «Неемію» за одну книгу. Древне-христіанская Церковь считаетъ 22 книги, по количеству буквъ въ еврейскомъ алфавитѣ, соединяя первую книгу со второю, третью съ четвертою и относя книгу Руѣ къ книгѣ Судей и книгу «Плачь» къ книгѣ пророка Іереміи.

Между палестинскими іудеями кодексъ св. книгъ постоянно имѣлъ тотъ видъ, въ какомъ онъ установился во времена Эздры и Нееміи, и вновь являвшіяся благочестивыя писанія не находили себѣ мѣста рядомъ съ книгами, вошедшими въ составъ канона. Александрійскіе переводчики, напротивъ того, не придали большаго значенія различію между книгами, внесенными Эздрою въ канонъ, и книгами, явившимися послѣ составленія канона, и къ переводу Ветхаго Завѣта присоединили наравнѣ съ каноническими, книги послѣ каноническаго происхожденія (Премудрость Соломона, Сирахъ, книги Маккавейскія и проч.).

Первенствующая христіанская Церковь, заимствовавъ у церкви іудейской ветхозавѣтныя писанія, оказывала имъ, по примѣру Иисуса Христа и Апостоловъ, высокое уваженіе. Она признавала эти писанія «священными», «Богомъ данными», и на общественномъ богослуженіи предлагала чтенія изъ сихъ писаній. Отцы и учителя Церкви приводили свидѣтель-

ства изъ книгъ Ветхаго Заѣта, благоговѣя предъ ними, какъ предъ писаніемъ священнымъ, какъ предъ словомъ Божіимъ. Но такъ какъ Церковь пользогалась ветхозавѣтными книгами въ переводѣ семидесяти, то каноническія и неканоническія книги первоначально не различались, пока сношенія съ евреями не заставили пастырей Церкви обратить вниманіе на это различіе. Мелитонъ Сардійскій, у котораго выраженіе «Ветхозавѣтныя книги» встрѣчается въ первый разъ, произвелъ въ Палестинѣ особыя изслѣдованія о канонѣ Ветхаго Заѣта. Каталогъ, который онъ составилъ книгамъ Ветхаго Заѣта, не заключаетъ въ себѣ книгъ послѣ-каноническаго происхожденія. Оригенъ считаетъ 22 книги, но защищаетъ книги неканоническія противъ нападеній Юлія Африкана. Каталоги, дошедшіе отъ 4 столѣтія, уже проводятъ ясное различіе между каноническими и послѣ-каноническими книгами. Это обстоятельство однакожъ не препятствовало св. Аванасію и другимъ отцамъ Церкви рекомендовать неканоническія книги, какъ доброе чтеніе на дому, особенно для оглашенныхъ.

Въ церкви западной мы имѣемъ каталоги каноническихъ книгъ Ветхаго Заѣта отъ Иларія, Руфина и Иеронима. Эти каталоги основаны на каталогѣ Оригена и еврейскомъ кодексѣ. Впослѣдствіи же западная церковь выработала особый взглядъ на книги неканоническія, по которому онѣ совершенно сравнены съ книгами каноническими. Первые слѣды этого взгляда находимъ въ опредѣленіяхъ собора Нумидійскаго (393 года) и въ канонахъ 3 и 5 Карфагенскихъ соборовъ (397 и 419 годовъ). Окончательное же выраженіе упомянутаго образа возрѣвнн на книги неканоническія принадлежитъ римскимъ епископамъ пятаго столѣтія (год. 405 и 494).

Тридентскій соборъ (1546 года) возвелъ на степень догмата господствовавшее въ западной церкви мнѣніе о тождествѣ каноническихъ и неканоническихъ книгъ Ветхаго Заѣта; между тѣмъ какъ образовавшіяся въ то же время протестантскія общества строго различаютъ первыя отъ послѣднихъ.

ОВЪ ЯЗЫКЪ ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ КНИГЪ.

Книги Ветхаго Заѣта написаны вообще на еврейскомъ языкѣ. Исключеніе составляютъ лишь слѣдующія мѣста, написанныя по-халдейски: Дан. 2, 4—7, 28; Эздры 4, 8—6, 18; 7, 12—26; Иер. 10, 11. Еврейскій языкъ принадлежитъ къ группѣ семитическихкихъ языковъ. Онъ занимаетъ средину между двумя главными языками семитическаго происхожденія, — языкомъ сѣвера, арамейскимъ, и языкомъ юга, арабскимъ.

Священное Писаніе (Ис. 19, 18) называетъ еврейскій языкъ — языкомъ Ханаана. Итакъ онъ не былъ природнымъ языкомъ евреевъ, переселившихся изъ-за Евфрата, но былъ заимствованъ ими у обитателей Ханаана. Языкъ, который употреблялся у Фарры, отца Авраама, былъ арамейскій. Это ясно видно изъ 47 стиха 31 главы книги Бытія, гдѣ Лаванъ называетъ памятникъ заключеннаго съ Иаковомъ союза арамейскимъ словомъ. (1):

Такимъ образомъ языкъ Ханаана, несмотря на проклятіе, тяготѣвшее надъ Ханааномъ, сдѣлался языкомъ Божественнаго откровенія и уже въ писаніяхъ Моисея достигъ высокой степени развитія. Во времена Давида и Соломона еврейскій языкъ находился на высшей степени процвѣтанія. И поэтической, и прозаической языкъ былъ выработанъ съ одинаковымъ совершенствомъ. За тѣмъ цвѣтущее время еврейскаго языка повторилось во времена пророковъ, между которыми Исаія отличается необычайнымъ изяществомъ и величіемъ изложенія. Съ этихъ поръ языкъ еврейскій постепенно влился къ упадку, и, во времена плѣна, переставъ быть живымъ языкомъ еврейскаго народа, замѣненъ языкомъ сирійскимъ или арамейскимъ. Между тѣмъ священныя книги и послѣ плѣна писались на еврейскомъ языкѣ. Языкъ закона и пророковъ почитался всегда священнымъ языкомъ и сдѣлался

---

(1). *И назвалъ его (памятникъ) Лаванъ Іегар.— Сагадуба», и Иаковъ назвалъ его «Галаадомъ». Въ славянской Библии эти названія приведены не въ подлинникѣ, а въ переводѣ.

наконецъ предпочтительнымъ языкомъ богослуженія и богословской учености у евреевъ.

Еврейскій языкъ, какъ мы знаемъ его изъ книгъ Ветхаго Заѣта, отличается съ одной стороны чрезвычайною, простою, съ другой необыкновенною способностію ясно и отчетливо передавать все богатство и величіе мысли. На сколько онъ бѣденъ для выраженія вещей и понятій изъ круга обыденной жизни, на столько онъ богатъ для выраженія высокихъ откровеній вѣры. Строеніе еврейской рѣчи просто, и отношенія отдѣльныхъ частей предложенія между собою всегда ясны. Языкъ священнаго Писанія отличается ровностію и плавностію тамъ, гдѣ идетъ разсказъ историка о дѣлахъ Божіихъ; но онъ пріобрѣтаетъ стремительность и глубоко затрогиваетъ чувство тамъ, гдѣ начинается хвалебная пѣснь Господу, или гдѣ слышится величаяя рѣчь самаго Господа. Еврейскій языкъ есть достойный сосудъ божественнаго откровенія, уготованный самимъ Господомъ. Этотъ сосудъ сохранялся во всей его первоначальной чистотѣ до тѣхъ поръ, пока онъ служилъ своей высокой цѣли.

Знаніе еврейскаго языка сохранилось благодаря усиліямъ ученыхъ людей, которые занимались изученіемъ ветхозаѣтныхъ писаній. Этого рода ученость возникла еще въ средѣ іудейскаго народа, во времена Эздры. Въ то время, какъ народъ больше и больше забывалъ языкъ закона и пророковъ и началъ говорить въ Палестинѣ — языкомъ арамейскимъ, а во времена греческаго преобладанія, — греческимъ, ученые знатоки Ветхаго Заѣта съ величайшимъ рвеніемъ поддерживали въ своихъ школахъ знаніе старо-еврейскаго языка. Въ Иерусалимѣ, до его разрушенія, существовали знаменитыя школы подобнаго рода. Затѣмъ эти школы перенесены были въ Іамнію, Лиду и въ особенности въ Тиверіаду. Съ палестинскими учеными соперничали ученые Месопотаміи. Когда пало государство калифовъ, месопотамскія школы закрылись, и наука о св. языкѣ и священномъ писаніи перенесена была въ сѣверную Африку и потомъ — въ Испанію; но въ то же время великимъ уваженіемъ пользовалась и мазоретская школа въ Тиверіадѣ (на берегу Генисаретскаго озера, или Тиверіадскаго моря). Между христіанскими учеными славилась

глубокимъ знаніемъ еврейскаго языка Оригенъ и Иеронимъ. Въ средніе вѣка знаніе еврейскаго языка поддерживалось лишь между іудейскими прозелитами и немногими изъ ихъ ученыхъ. Въ вѣкъ реформаціи наука Ветхаго Завета сдѣлала большіе успѣхи въ лицѣ Рейхлина и Мюнстера. Съ этихъ поръ грамматика и лексикографія еврейскаго языка стали предметомъ научной разработки.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ ЕВРЕЙСКОМЪ АЛФАВИТѢ И ОБЪ ИСТОРИИ ТЕКСТА
ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

Еврейскій алфавитъ, подобно языку, былъ сроденъ съ алфавитами народовъ ханаанскихъ, въ особенности же—финикіянъ. Очень можетъ быть, что алфавитъ этотъ былъ изобрѣтенъ древними патріархами. По крайней мѣрѣ изъ нѣсколькихъ мѣстъ книги Бытія видно, что въ ближайшемъ потомствѣ Авраама было извѣстно его употребленіе. Относительно же эпохи Моисея въ этомъ отношеніи не можетъ быть и сомнѣнія. Писчимъ матеріаломъ служили камень, металлъ, древесная кора и звѣриная кожа. Псалтирь (44,2.) указываетъ на существованіе скорописцовъ; существованіе же искусства скорописи доказываетъ какъ хорошее изготовленіе писчаго матеріала, такъ и значительную опытность писцовъ. Памятниками стараго еврейскаго алфавита остались монеты Маккавеевъ и письменность самаритянъ. Во времена плѣна евреи перемѣнили свой алфавитъ на вавилонскій. Этотъ алфавитъ, какъ и древне-еврейскій, имѣетъ ту особенность, что въ письмѣ изображаются лишь однѣ согласныя буквы, а гласныя присовокупляются лишь въ чтеніи.

Пока еврейскій языкъ былъ живымъ языкомъ, до тѣхъ поръ не представлялось никакого труда въ чтеніи еврейскихъ рукописей, не смотря на отсутствіе въ нихъ гласныхъ буквъ. Но когда еврейскій языкъ былъ вытѣсненъ арамейскимъ, то занятіе священнымъ Писаніемъ и переводъ священнаго текста стали требовать особеннаго рода учености. Ученые этого рода охраняли правильное чтеніе текста, и впоследствии изобрѣли особенный способъ обозначенія въ текстѣ гласныхъ буквъ посредствомъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ.

Послѣднее средство было необходимо для того, чтобы раз навсегда установить правильное чтеніе священнаго текста. Система означенія гласныхъ точками и черточками, нынѣ принятая, составляетъ результатъ трудовъ Тиверіадской школы. Древность ея восходитъ къ 5 столѣтію по Р. Х. Какое значеніе имѣетъ эта система, ясно само по себѣ: она давала священному тексту тотъ именно смыслъ, какой былъ принятъ іудеями по преданію.

Первоначальный текстъ священнаго Писанія былъ написанъ безъ всякихъ знаковъ и промежутковъ между отдѣльными словами, равно какъ и между предложеніями и отдѣльными рѣчицами. Отдѣленіе каждаго слова промежуткомъ, раздѣленіе текста на стихи и главы, было также дѣломъ ученыхъ еврейскихъ школъ. О раздѣленіи текста Ветхаго Завета на стихи упоминается уже въ талмудѣ; о раздѣленіи на главы—въ мишнаѣ. Пятокнижіе было раздѣлено на 669 малыхъ и 54 большихъ отдѣленій, называемыхъ «парасхами». Послѣднее дѣленіе имѣло ближайшее отношеніе къ субботнимъ чтеніямъ священнаго Писанія въ синагогахъ. Такого рода дѣленіе имѣли, кромѣ Пятокнижія, и другія книги Ветхаго Завета.

Существующее нынѣ дѣленіе текста на главы относится, по времени происхожденія, къ 13 столѣтію по Р. Х. Дѣленіе это приписывается одними учеными Гугону изъ С-нъ—Кард, начальнику доминиканскаго ордена въ Галліи (ум. 1263 г.), другими—Стефану Лангтону, архіепископу Кентербюрійскому (ум. 1227 г.). Дѣленіе это явилось сначала въ Вулгатѣ, въ примѣненіи къ тому и другому Завету. Впослѣдствіе дѣленіе это было принято и евреями для Ветхаго Завета. Дѣленіе ветхозавѣтнаго текста на стихи гораздо древнѣе; оно принадлежитъ ученымъ евреямъ и относится ко временамъ древне-талмудическимъ.

До 15 столѣтія ветхозавѣтный текстъ сохранялся въ рукописяхъ. Ученые іудеи всѣми мѣрами охраняли священный текстъ отъ искаженія. Изобрѣтеніе книгопечатанія способствовало распространенію священныхъ книгъ. Первое полное изданіе Ветхаго Завета на еврейскомъ языкѣ явилось въ Италіи—въ Сончино (1488 г.), второе—въ Бресчии (1494 г.);

этимъ изданіемъ пользовался Лютеръ. Затѣмъ послѣдовало третье изданіе, —многоязычное, комплутенское (1514—1517), и четвертое—венеціанское (1518) Данила Бромберга. Послѣднія изданія послужили образцемъ для послѣдующихъ, въ которыхъ еврейскій текстъ постепенно былъ исправляемъ по Мазорѣ и по древнимъ рукописямъ. (1).

О ПЕРЕВОДАХЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

Древнѣйшій изъ сохранившихся до нашего времени переводовъ Ветхаго Завѣта есть греческій, александрійскій, обыкновенно называемый переводомъ 70-ти. О происхожденіи этого перевода существуетъ слѣдующее сказаніе.

Египетскій царь Птоломей Филадельфъ, желая издать собраніе законодательныхъ памятниковъ, съ этою цѣлію повелѣлъ перевести книги іудейскаго закона. За переводчиками обратились къ іерусалимскому первосвященнику, который избралъ по 6 человекъ отъ каждаго колѣна и послалъ ихъ въ Египетъ, вручивши имъ кодексъ священныхъ книгъ, начертанный золотыми буквами. Эти 72 толковника въ 72 дня перевели весь Ветхій Завѣтъ, и, съ соизволенія царя, читали свой переводъ предъ собраніемъ іудейскаго народа. Сказаніе это первоначально помѣщено было въ сочиненіи, изданномъ отъ имени нѣкоего Аристея, одного изъ толковниковъ. У отцевъ Церкви мы находимъ дальнѣйшія подробности относительно перевода 70-ти. Такъ, св. Іустинъ передаетъ, что переводчики трудились каждый отдѣльно, не входя ни въ какія сношенія между собою, и однакоже ихъ 70 переводовъ оказались буквально сходными между собою. Все это показываетъ, какое глубокое уваженіе питала Церковь къ труду 70-ти толковниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, по повѣленію Птолемея Филадельфа, переведены были на греческій языкъ книги Моисея и нѣкоторыя изъ пророческихъ. Другія книги Ветхаго Завѣта бы-

---

(1). Такъ говоритъ Веберъ, хотя онъ же прежде увѣрялъ, что текстъ еврейскій дошелъ до насъ цѣлымъ и неповрежденнымъ. *Ред.*

ли переведены, вѣроятно, въ разное время впоследствии, но безспорно, — раньше Рождества Христова.

Переводъ 70-ти былъ во всеобщемъ употребленіи между александрійскими и палестинскими іудеями. Новозавѣтные писатели приводятъ мѣста изъ Ветхаго Завѣта обыкновенно по переводу 70-ти. Іудеи отказались отъ употребленія этого перевода со втораго столѣтія нашей эры, и съ этого времени пользовались или еврейскимъ текстомъ или позднѣйшимъ переводомъ евреевъ Акилы и Θεодотіона, составленнымъ именно на перекоръ переводу LXX. Христіанская же Церковь всегда твердо держалась перевода 70-ти. Переводъ этотъ признавался богодухновеннымъ и предпочитался въ нѣкоторыхъ случаяхъ еврейскому мазоретскому тексту и при разноорѣчіяхъ слѣдовали первому. Переводъ 70-ти до сихъ поръ признается священнымъ, автентическимъ въ Церкви Греко-Восточной. По этому переводу сдѣланы всѣ древнѣйшіе переводы, употреблявшіеся въ древней Церкви. Но впоследствии въ западной церкви во всеобщее употребленіе вошелъ переводъ бл. Іеронима, извѣстный подъ именемъ *Vulgata*.

Два столѣтія западная церковь пользовалась только однимъ переводомъ семидесяти. Но въ это время въ сѣверной Африкѣ явился латинскій переводъ Ветхаго и Новаго Завѣта, сдѣланный съ перевода семидесяти. Переводъ этотъ распространился во многихъ церквахъ запада, въ различныхъ редакціяхъ. Блаж. Августинъ, пользовавшійся этимъ переводомъ, далъ ему названіе италійскаго (*Itala*).

Новый латинскій переводъ сдѣланъ былъ бл. Іеронимомъ прямо съ еврейскаго. Многие изъ христіанскихъ ученыхъ, въ спорахъ своихъ съ іудеями, ощущали потребность въ точномъ переводѣ еврейскаго текста, чтобы знать, что есть и чего нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ. Этой потребности удовлетворялъ переводъ бл. Іеронима. Переводъ этотъ входилъ въ употребленіе очень медленно, и только въ 7 столѣтіи достигъ всеобщей извѣстности въ западныхъ церквахъ, почему и получилъ названіе *Vulgata* (народнаго или обнародованнаго). Достоинство перевода бл. Іеронима заключается въ его вѣрности вообще, при чемъ точность передачи оригинальнаго

текста не обращается въ ущербъ правильности языка (1). Тридентинскій соборъ призналъ Вульгату въ качествѣ истиннаго или священнаго (*authenticus*) перевода для римской церкви.

Когда іудеи отказались отъ пользованія переводомъ 70-ти, то у нихъ явились собственные переводы, или такъ называемые «таргумы». Такъ назывались переложения священнаго текста съ древне-еврейскаго языка на народный языкъ палестинскихъ и вавилонскихъ іудеевъ, употреблявшійся до-послѣ времени появленія христіанства. За исключеніемъ книгъ пророка Даниїла, Эздры и Нееміи, всѣ ветхозавѣтныя книги были переложены такимъ образомъ на новѣйшее нарѣчіе евреевъ, книга же Эсѣиръ два раза, а Пятокнижіе—даже три. Таргумы употреблялись сначала при общественномъ богослуженіи, впослѣдствіи же только въ частныхъ домахъ. Точныхъ историческихъ свѣдѣній о происхожденіи таргумовъ нѣтъ (2). Древнѣйшіе таргумы присылаются Онкелосу, товарищу св. Апостола Павла по школѣ Гамаліила, и Іонаану, сыну Узіила, изъ школы Гиллела.

Непосредственно съ еврейскаго текста, при пособіи перевода 70-ти и таргумовъ, былъ сдѣланъ переводъ сирійскій. По своей точности и простотѣ, онъ назывался *peshito*. Авторами этаго перевода были сирійскіе христіане изъ іудеевъ. Переводъ явился во 2 столѣтіи и предназначался для церковнаго употребленія. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ на Востокѣ. Впослѣдствіи былъ сдѣланъ новый сирійскій переводъ, приближающійся болѣе къ тексту 70-ти.

Наконецъ, должно упомянуть, что когда распространился исламъ и съ нимъ—арабскій языкъ, то явились арабскіе переводы Ветхаго Завѣта. Таковъ переводъ равви-Саадіи Гаона,

---

(1). И однакоже Вульгата, во многихъ мѣстахъ, ближе къ переводу 70-ти, чѣмъ къ еврейскому тексту. *Ред.*

(2) Смотри въ лексиконѣ Ветцера слово *Bibelübersetzungen*, Т. 1, стр. 932—952.

(ум. 942 г.). Въ девятомъ вѣкѣ священное Писаніе было переведено на славянскій языкъ трудами равноапостольныхъ Кирилла и Меодія. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ явился нѣмецкій переводъ Лютера. Изъ новѣйшихъ болѣе извѣстны французскій переводъ Библии Жнуда и Де-Саси, нѣмецкій—Альоли.

О ТОЛКОВАНІИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

При толкованіи священнаго Писанія необходимо обращать вниманіе: во первыхъ, на словесный (буквальный) смыслъ текста (грамматическое толкованіе); во вторыхъ, на историческія условія происхожденія каждой книги и каждаго мѣста священнаго Писанія (историческое толкованіе); въ третьихъ, на тѣ божественныя истины, которыя Богу угодно было сообщить человѣку при посредствѣ человѣческаго же слова. Толкованіе, слабое въ одномъ изъ этихъ отношеній, ведетъ только къ затемненію смысла Писанія. Исторія Церкви представляетъ тому многочисленныя доказательства. Въ особенности не должно упускать изъ виду, что священное Писаніе есть Божественное откровеніе: весь составъ его представляется елинымъ и нераздѣльнымъ произведеніемъ, въ которомъ каждая отдѣльная книга состоитъ въ органической связи съ другими.

Древняя исторія христіанской Церкви представляетъ два замѣчательнѣйшія направленія въ наукѣ толкованія священнаго Писанія. Ученые александрійской школы наклонны были къ аллегорическому толкованію. Такъ, Оригенъ различалъ въ Писаніи смыслы: буквальный, душевный и духовный. Въ противоположность сему ученые антиохійской школы наиболѣе обращали вниманіе на буквальное и историческое толкованіе. Одинаково далеки были отъ той и другой крайности св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Феодоритъ, и нѣкоторые западныхъ ученыхъ — блаженные Іеронимъ и Августинъ.

(Продолженіе впродъ).

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Умная и назидательная рѣчь отца протоіерея привела насъ къ тому, что мы всѣ въ одинъ голосъ начали извиняться предъ нимъ въ своемъ невѣдѣніи и оправдывали свое нераположеніе къ церкви Христовой тѣмъ, что іудеи не такъ представляли ее намъ. «Ну, вотъ вы теперь сами убѣждаетесь, сказалъ отецъ Петръ, что все сказанное вамъ родичами—евреями ложно; да и можно ли вѣрить всякому слуху? Знайте, что все существующее въ нашей церкви свято; всѣ установленія ея со вседневымъ ея служеніемъ: чтеніемъ, пѣніемъ, таинствами, свидѣтельствуютъ, что православная церковь есть мѣсто селенія истиннаго Трїедиаго Бога. Если бы Господь просвѣтилъ васъ вѣрою Христовою, сказалъ отецъ Петръ, то вы, бывая въ нашей церкви, могли бы сами убѣдиться въ святости ея; а я, съ своей стороны, постарался бы познакомить васъ какъ съ нашей православной церковью, такъ и съ Богослуженіемъ, совершающимся въ ней. Впрочемъ, уповаю, что Господь, нехотащій смерти грѣшника, когда нибудь обратитъ васъ къ Себѣ, подобно тому, какъ обращалъ многихъ изъ сыновъ израиля, которые и были мною, въ этомъ самомъ храмѣ, просвѣщены св. крещеніемъ»; при этомъ онъ сталъ набожно креститься. Слова отца Петра, въ которыхъ выражалось видимое желаніе намъ добра и спасенія души, очень намъ понравились; съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ его я и ловилъ каждое назидательное слово, исходящее изъ устъ его. Идя рядомъ съ нимъ, я заглянулъ какъ-то въ алтарь и спросилъ: а это что такое у васъ? «Это,—сказалъ отецъ Петръ, алтарь, на подобіе того, что было у васъ вдревле—святая святыхъ (кодше-водышомъ). Сюда міране не входятъ, а только служи-

тели церкви молятся здѣсь за народъ. Вѣдь вы, дѣти, навѣрно знаете, что и въ свинин и въ храмъ Соломоновомъ было святилище,—мѣсто для служителей Божіихъ, отдѣлявшееся отъ мѣста общаго собранія: такъ и въ нашей православной церкви есть 3 части: 1-я часть называется притворомъ или папертью, 2-я часть,—вотъ гдѣ мы теперь стоимъ,—называется храмомъ въ тѣсномъ смыслѣ и есть мѣсто для всѣхъ молящихся, наконецъ, 3-я самая важная часть храма—алтарь, о которомъ я сейчасъ говорилъ, назначается для священнослужителей, а это вотъ жертвенникъ, на которомъ готовится вещество для безкровной Жертвы».

Итакъ, братія, изъ переданнаго нами разсказа вы видите, что такое церковь православная, что она совсѣмъ не то, что говорили о ней враги ея, іудеи. Не знаю, какое впечатлѣніе произвела на васъ, братія, православная церковь, когда вы сдѣлались членами ея. Что касается до меня, то всегда благодарю Господа, что могу наименоваться членомъ ея; вѣрите искренности моихъ словъ,—меня такъ восхищаетъ она, что нерѣдко отъ радости льются слезы, когда бываю въ храмѣ, когда слышу и вижу, какъ совершается здѣсь много такого, что совершалось нѣкогда въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ, какъ на примѣръ: куреніе еиміама, чтеніе псалмовъ, даже и жертвоприношеніе, только въ другомъ родѣ,—чего давнымъ давно нѣтъ уже у евреевъ, о чемъ такъ скорбятъ они. Послѣ сего, не должны ли мы, братія, радоваться и торжествовать духомъ, что сдѣлались членами Церкви Христовой и пользуемся въ ней всѣми благами, утраченными церковію ветхозавѣтною? Да, братія, мы должны чтить православную Церковь, должны охотно и постоянно посѣщать св. храмъ, и если уже не ежедневно, то по крайней мѣрѣ въ праздничные дни обязаны непременно приходить къ службамъ Божіимъ. Но намъ могутъ сказать, какъ и удавалось слышать отъ нѣкоторыхъ крещеныхъ евреевъ: почему такъ необходимо бывать въ церкви? Развѣ дома нельзя молиться?—Можно и должно и дома молиться. Конечно, и домашнюю молитву пріемлетъ Господь; на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы мы ни вспоминали о Богѣ и гдѣ бы мы ему ни молились, будемъ услышаны Имъ. Но болѣе Господу пріятно, когда мы приходимъ на молитву въ Его св. домъ и

молимся тамъ совокупно. Это можно заключить даже и изъ того, что и въ ветхомъ завѣтѣ Самъ Господь повелѣлъ Моисею для общественнаго богослуженія создать скинью, въ которой Онъ общалъ являть особенное свое присутствіе: *и да сотвориши Ми освященіе, и явлюся въ васъ, и сотвориши Ми по всему, елика Азъ заповѣдаю тебѣ на горѣ, образъ скинии, и образъ всѣхъ сосудовъ ея: сице да сотвориши* (Исх. 25, 9). А самый храмъ Соломоновъ, въ которомъ Господь общалъ пребывать всегда, не доказываетъ ли необходимость храма для общественныхъ молитвъ и важность этихъ молитвъ? Въ третій книгѣ Царствъ говорится, что послѣ благодарственной молитвы, принесенной Соломономъ Богу, за то, что Онъ сподобилъ его окончить храмъ, Господь явился ему съ слѣдующими утѣшительными словами: *услышахъ гласъ молитвы твоея, говорилъ Господь, и моленія твоего, имъ же молился еси предо Мною: сотворихъ ти по всей молитвѣ твоей: и освятить храмъ сей, его же создалъ еси, еже положити имя Мое тамо во вѣки* (3 кн. Ц. 9, 3—5).

Вотъ какъ важенъ храмъ и какъ важна молитва, совершаемая въ немъ! Не безъ причины же питалъ такое глубокое уваженіе къ храму Божію еще до Соломона царь Давидъ. Вотъ его слова, выражающія любовь его къ храму и желаніе быть въ немъ *«лучше день одинъ во дворѣхъ Твоихъ, восклицаетъ онъ, паче тысящъ* (Пс. 83, 11). *Блаженн живущи въ дому Твоемъ, Господи, во вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя* (Псал. 83, 5). Кромѣ всѣхъ ветхозавѣтныхъ указаній на важность храма и на необходимость общественнаго Богослуженія, то же самое внушаетъ православному христіанину и Новый Завѣтъ. Изъ Евангелія, какъ мы уже упоминали въ предыдущей бесѣдѣ, видно, что великій учредитель новозавѣтной Церкви, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, во время земной жизни своей, Самъ оказывалъ уваженіе къ храму Божію: Онъ нерѣдко посѣщалъ его и поучалъ въ немъ народъ. Извѣстно также, что и св. Апостолы собирались въ одно опредѣленное мѣсто для молитвы и для совершенія таинства св. Евхаристіи. На важность общественн ой молитвы указалъ Спаситель и въ слѣдующихъ словахъ: *идѣ же еста два или три собранн во имя Мое, — ту, есмь посреди ихъ* (Матѣ. 18, 20) Въ храмѣ особенно важно молиться и потому

что мы въ немъ другъ друга побуждаемъ къ молитвѣ. Здѣсь мы слышимъ поученія Апостоловъ, слышимъ, какъ бы отъ самаго Иисуса Христа, ученіе евангельское. Наконецъ, въ храмѣ особенно важно молиться потому, что въ немъ совершается безкровная жертва. И гдѣ можно болѣе научиться правиламъ христіанской жизни, какъ не въ святомъ храмѣ? Святая Церковь, эта истинная и добрая учительница, раскрываетъ намъ тѣ высокія истины, которыя необходимы для нашего спасенія. Отсюда понятно, какъ много теряютъ въ религіозномъ отношеніи тѣ изъ насъ, которые не бываютъ въ церкви. Можно сказать, что это собственно и бываетъ причиною того, что многіе изъ васъ, братія, до сихъ поръ плохіе христіане. Это же самое служитъ причиною того, что многіе изъ васъ не знаютъ и не понимаютъ, что читаютъ и поютъ въ церкви, и въ чемъ даже состоитъ самое Богослуженіе. Правда, можно и въ церкви бывать и ничего не знать; но это тогда только можетъ быть, когда будемъ стоять тамъ разсѣянно и не будемъ внимательны ко всему тому, что совершается во очію нашу, во время Богослуженія. А вѣдь со многими изъ васъ и это бываетъ; другой, пришедши въ церковь, забылъ и думать, что онъ стоитъ въ храмѣ Божіемъ. Поэтому нельзя не сказать здѣсь хоть слово о томъ, какъ должны вы вести себя, стоя въ храмѣ. Вошедши въ церковь, вы должны помнить, что здѣсь мѣсто свято. Ставъ на мѣсто, вы должны отложить всякое житейское попеченіе, не должны ничѣмъ постороннимъ разсѣиваться, не должны оглядываться по сторонамъ, а тѣмъ болѣе разговаривать, но должны съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ возносить умъ свой горѣ— къ Всевышнему Богу, со вниманіемъ слушать все, что читаютъ и поютъ въ церкви, и усердно, со смиреніемъ, молиться, чаще ограждать себя крестнымъ знаменіемъ и преклонять свои колѣна къ умилостивленію Господа. Крестное знаменіе и колѣнопреклоненіе составляютъ принадлежность молящагося православнаго христіанина. Первое (т. е. крестное знаменіе) ограждаетъ насъ отъ вражіей силы и напоминаетъ намъ, что наше спасеніе совершилось на крестѣ; 2-е, колѣнопреклоненіе, необходимо при молитвѣ, какъ выраженіе особеннаго благоговѣнія къ Господу. Но эти принадлежности истинной молитвы

ля иного изъ васъ, братія, въ сожалѣнію, служить камнемъ претѣванія. Тяжело намъ было слышать, какъ высказался разъ относительно этого одинъ знаемый нашъ крещеный еврей, И. В—евъ. Когда ему замѣтили о его нерадѣніи въ церкви, онъ вотъ что сказалъ: «признаться вамъ, что я не прочь ходить въ церковь и нерѣдко бываю въ ней; но, право, скучно выстоять тамъ часъ—другой, смотря на одно и то же, какъ безпрестанно крестятся большею частію мужички, падая ницъ лицомъ, да какъ дьячки бѣгло читаютъ не совсѣмъ—то понятное для всякаго, и лишь только изрѣдка раздается возгласъ священнослужителя; поневолѣ тутъ будешь зѣвать. Вотъ, напримѣръ, у евреевъ, продолжалъ В—евъ, молящимся некогда зѣвать: у каждаго въ рукахъ имѣется молитвенникъ съ обязательными молитвами для каждаго Богослуженія; предшій въ синагогу долженъ поневолѣ углубляться въ богослуженіе, вычитывая все, что установлено раввинами». Зная, какую важную роль играетъ вообще у нашего брата молитвенникъ, имѣя въ виду и то, какъ другой крещеный еврей любитъ иногда выставлять на видъ неграмотность крестьянъ, неумѣющихъ читать и молиться по молитвеннику, стоя въ храмѣ, нужнымъ считаю сказать слѣдующее: извѣстно, что пророкъ Моисей, ходатайствуя на горѣ за народъ израильскій, молился безъ молитвенника; но, поднявъ руки крестообразно въ небу, сердцемъ зывалъ къ Богу,—и былъ услышанъ отъ Него. Также и Анна-пророчица молилась мысленно,—и Богъ исполнилъ прошеніе ея. Есть очень много примѣровъ и въ святомъ Евангеліи, что люди краткою молитвою умиловивляли Господа. Такъ, напримѣръ, молился въ храмѣ мытарь: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* И эта краткая, но чистосердечная молитва такъ оправдала мытаря предъ Богомъ, что онъ вышелъ изъ храма болѣе угоднымъ Ему, чѣмъ надменный фарисей, гордившійся своими добрыми дѣлами, постомъ и многословною молитвою. Немного словъ употребилъ для своего спасенія и разбойникъ, распятый со Христомъ. *Помяни мя, Господи,* сказалъ онъ, *егда приидеши во царствіи Твоемъ.* Братія! и вы не полагайте свое спасеніе во многоглаголаніи. Знайте, что и краткая, но искренняя молитва можетъ принести несравненно большую пользу для души, чѣмъ продолжительное

но нечистосердечное моленіе. Однако, не подумайте, что приведенными примѣрами я будто бы хочу убѣдить васъ, что христіанинъ можетъ обойтись безъ церковной молитвы; нѣтъ: я уже выше говорилъ, что христіанину предписана частая, даже непрестанная молитва, и знайте, что истинный христіанинъ исполняетъ это гораздо лучше, чѣмъ іудей, который думаетъ, что стоитъ только ему пробормотать длинный рядъ раввинскихъ молитвъ,—и довольно. Вмѣняя себѣ это въ великую заслугу предъ Богомъ, іудей разсчитываетъ, что Богъ обязанъ ему воздать за этотъ молитвенный подвигъ «схарь ойломъ габу» — награду въ будущемъ мірѣ. Не то думаетъ истинно молящійся христіанинъ: онъ надѣется не на свой собственный подвигъ, а на милосердіе Божіе, могущее споспѣшествовать его молитвѣ. Да, намъ, право, иной разъ можно поучиться молитвѣ у иного даже неграмотнаго христіанина, который, повидимому, не силенъ въ словѣ молитвы, но за то силенъ въ дѣлѣ молитвы. Видя его въ церкви молящимся и изливающимъ душу предъ Богомъ,—право, позавидуешь ему и подумаешь: вотъ не мудрствующая, не фарисейская душа молящагося; изъ его устъ слышится всегда усердное прошеніе и моленіе ко Господу въ родѣ слѣдующаго: «Господи! Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Царица небесная, Пресвятая Богородица, помилуй и спаси меня; угодники Божіи, заступитесь за меня грѣшнаго». Вотъ слова, которыя болѣе всего и чаще всего можно услышать отъ истинно молящагося простолюдина! О важности такихъ молитвъ и свойствахъ молящагося судите, какъ хотите, братія, а я скажу: «блаженны молящіеся такъ; они не будутъ постыжены во вѣки!» Но мы уже слишкомъ удалились отъ нашего предмета. Мы имѣли въ виду, кромѣ ознакомленія васъ съ церковію, показать вамъ и то, что христіанское Богослуженіе не есть а в о й д е - з о р а (служеніе чуждое Божеству) и состоитъ не изъ того только, что молящійся ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ, но заключаетъ въ себѣ много молитвъ, псалмовъ, чтеніе Евангелія и много еще другаго истинно священнаго и спасительнаго. Скажемъ же объ этомъ хотя кратко,—хоть то, что мы можемъ упомянуть изъ бесѣды отца Петра, обьяснявшаго намъ православное Богослуженіе, а также и изъ

того, что удалось намъ читать въ христіанскихъ поучительныхъ книгахъ объ этомъ предметѣ.

Православное Богослуженіе отправляется три раза въ день: вечеромъ, утромъ и въ полдень. Первое называется вечерня, — второе утреня, а третье литургія или обѣдня. Вообще православное Богослуженіе совершается не такъ, какъ у нынѣшнихъ евреевъ, гдѣ каждый можетъ совершать Богослуженіе, какъ умѣетъ; оно отправляется, какъ нѣкогда и у древнихъ израильтянъ, непременно священниками, облаченными въ священныя одежды, и въ освященномъ храмѣ. При Богослуженіи помогаютъ священникамъ иногда діаконы, и непременно бываютъ чтецы и пѣвцы. Такой образъ ихъ священнослуженія установленъ по примѣру ветхозавѣтной церкви, въ которой діаконовъ замѣняли левиты, помогавшіе священникамъ при Богослуженіи. Не буду объяснять вамъ вечерняго Богослуженія отдѣльно, какъ оно совершается въ будни, а укажу только на то, что совершается на всенощномъ праздничномъ бдѣніи, въ которомъ вечерня соединяется съ утренней.

Всенощное Богослуженіе ⁽¹⁾ изображаетъ прежде всего сотвореніе міра, паденіе человѣка и вообще ветхозавѣтныя времена, въ которыя люди подготовлялись къ принятію Спасителя міра; а потомъ воспоминаются и событія новозавѣтныя, какъ Рождество Спасителя и воскресеніе Его. Во время воскресной всенощной воспоминается воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа съ его спасительными дѣйствіями для людей. Это воспоминается тогда, когда поютъ: «хвалите имя Господне» и далѣе: «Благословенъ еси Господи», — когда читается воскресное утреннее евангеліе и когда выносятъ Евангеліе для поклоненія и лобзанія всему народу.

О подробностяхъ этого Богослуженія и таинственномъ значеніи ихъ поговоримъ особо, въ другое время, или прочитаемъ готовое сочиненіе. Я, какъ мірянинъ и малоученый, не

---

(1) Названіе всенощной произошло отъ того, что первые христіане молились всю ночь. Въ св. монастыряхъ на востокѣ, гдѣ ночи не бываютъ слишкомъ длинны, и теперь христіане молятся *всю ночь*.

беру на себя смѣлости много говорить съ вами отъ себя о такомъ важномъ предметѣ; скажу вообще, что все, читаемое и воспѣваемое во время всенощной, заимствовано изъ священ-ныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта; и все это свидѣтельствуетъ о важности православнаго Богослуженія. Слущая его въ церкви, я особенно началъ благоговѣть къ молению христіанъ и убѣдился, что Богослуженіе христіанъ, которое такъ унижаютъ іудей, священо и Богопріятно. Богодухновенный псалмопѣвецъ Давидъ предсказалъ, что тѣ, которые были нѣкогда язычниками, будутъ просвѣщены истинною вѣрою, — вѣрою Христовою. *«Все языцы, восклицаетъ онъ, восплещете руками, воскликните Богу славою радованія (Псал. 46, 1).* И въ другомъ псалмѣ пророкъ говоритъ: *все языцы, елики сотворилъ еси, придутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, и прославятъ имя Твое (Псал. 85, 9).* По случаю освященія храма іерусалимскаго, Соломонъ, между прочимъ, такъ молился Господу: *и чуждому, иже ясть отъ людей Твоихъ, той аще придетъ отъ земли издалеца ради имени Твоего, зане услышитъ имя Твое велико, и руку Твою крѣпкую, и мышцу Твою высокую, и придетъ, и помолится на мстѣ семъ: и Ты услышиши съ небеси отъ готоваго жилища Твоего, и сотвориши по словемъ аз еликихъ аще призоветъ Тя чуждый, яко да уразумѣютъ вси люди земные имя Твое, и убоятся Тебе (3 кн. Цар. 8, 41—44).* Не нужно объяснять, кого должно разумѣть здѣсь подъ словомъ «чуждый»; сами евреи говорятъ, что здѣсь разумѣются язычники, — и этого никакой христіанинъ не отрицаетъ. Одно лишь страшно: іудей, величая себя сынами Божиими, считаютъ и понинѣ всѣ прочіе народы, не исключая, конечно, и христіанъ, чуждыми въ отношеніи къ Богу. И вотъ отъ этихъ-то, бывшихъ язычниковъ, а нынѣ христіанъ, по усно-вленію чрезъ Иисуса Христа содѣлавшихся истинными чадами Божиими, Богъ пріемлетъ нынѣ молитвы съ несравненно большимъ благоволеніемъ, чѣмъ отъ іудеевъ, величающихъ себя народомъ Божиимъ. Богослуженіе христіанъ, точно, не только выше современнаго іудейскаго Богослуженія, но превосходитъ даже самое Богослуженіе ветхозавѣтной церкви. Въ этомъ можно убѣдиться и изъ слѣдующаго. Вы, братія, знаете хорошо, что сущность Богослуженія древнихъ евреевъ заклю-

чалась въ жертвоприношеніяхъ, которыя, какъ извѣстно, уже давнымъ давно не существуютъ, и замѣтить нужно, что это не случайно произошло, а по опредѣленію Божию (Даніила 9, 27). Сами евреи сознаютъ, что они, лишенные своего отечества, видъ его не имѣютъ по закону права приносить жертвы и воскурять еиміамъ. Нѣтъ у нихъ теперь законныхъ священнослужителей, которые могли бы, согласно предписаніямъ Моисея, священнодѣйствовать; нѣтъ ни скинии, ни храма. А это не значитъ ли, что ветхозавѣтное Богослуженіе, бывшее только сѣнію новозавѣтнаго служенія, должно было прекратиться и прекратилось съ появленіемъ великаго Архіерея—Исуса Христа, установившаго новозавѣтное великое служеніе? Въ самомъ дѣлѣ, что такое теперь нынѣшнее Богослуженіе евреевъ, безъ храма, безъ священниковъ и безъ жертвоприношеній? Оно есть нечто иное, какъ жалобный вопль современнаго израиля на свое разсѣяніе и бѣдственное состояніе. Каждая молитва ихъ болѣе или менѣе направлена къ тому, чтобы Господь скорѣе избавилъ ихъ отъ тяготящаго надъ ними плѣна и прислалъ бы поскорѣе чаемаго Мессію. Но какой смыслъ можетъ имѣть подобное моленіе теперь, когда обѣтованный Мессія уже 1800 лѣтъ тому назадъ явился въ міръ? Какой смыслъ, спрашиваемъ, можетъ имѣть, хоть бы на примѣръ, молитва объ обновленіи св. дома Давидова, того самаго, который уже давнымъ давно не существуетъ, а между тѣмъ, въ такъ называемомъ началѣ іудейскаго Богослуженія (4) она занимаетъ важное мѣсто. Молящійся еврей говоритъ: «Господи Боже нашъ, Боже отецъ нашихъ, да будетъ предъ Тобою мое моленіе; яви милость Твою святому дому Твоему; созижди его какъ можно скорѣе». Затѣмъ читаютъ псаломъ 29-й и пѣсни объ обновленіи дома или царства Давидова, іерусалимскаго храма и явленіи въ немъ Мессіи. Молитвы о Мессіи наполняютъ многія страницы еврейскаго молитвенника. Въ числѣ ихъ есть и такія, которыя съ перваго взгляда обнаруживаютъ, что онѣ довольно обветшали. Однако, чтобы не

---

(4) Начало еврейскаго Богослуженія состоитъ изъ молитвъ, сочиненныхъ раввинами и напоминающихъ о жертвахъ, приносимыхъ древле евреями.

подумали, что я, какъ христіанинъ, не даю теперь должнаго значенія современному еврейскому служенію и лишь голословно унижаю его, то не лишнимъ считаю привести здѣсь хоть двѣ—три молитвы изъ главной части вечерняго и утренняго еврейскаго Богослуженія. 1) «Скала израиля! (цирѣ—исруэль) возстань на помощь израилю и избавь іуду и израиля какъ обѣщался Ты. Святый израилевъ, Избавитель нашъ, Богъ Саваоѣ—имя Твое. Благословенъ Ты, Господь, Избавитель израиля (стр. 65 кн. Сидеръ). 2) О, воззри на нашу бѣдность, защити насъ во время брани нашей и скоро избави насъ, ради имени Твоего. Ибо Ты всемогущій Избавитель. Благословенъ Ты, Богъ, Избавитель израиля (стр. 70). 3) Воструби въ рогъ великій (теа бешойфоръ) въ знакъ нашей свободы, и подыми знамя, чтобы собрались изгнанники наши, и собери всѣхъ насъ вмѣстѣ, со всѣхъ четырехъ концевъ земли. Благословенъ Ты, Богъ, собирающій разсѣянный народъ свой израиля (стр. 71). 4) Возрасти скоро отрасль Давида раба Твоего (зѣс цемахъ Довидъ авдехо) и благодатью Твоею возвыси рогъ его. Ибо ежедневно надѣемся на помощь Твою. Благословенъ Ты, Богъ, возвращающій рогъ спасенія» (стр. 74) Молитвы эти сами по себѣ хороши, но они совершенно утратили, и притомъ давнымъ давно, тотъ духъ и смыслъ, который они носили въ себѣ нѣкогда. Самы евреи сознаютъ, что приведенныя молитвы принадлежатъ къ давно минувшимъ временамъ; ихъ сочинилъ, говорятъ они, Эзра, во время Вавилонскаго плѣненія, съ цѣлю умолишить Бога,—чтобы Онъ избавилъ отъ тяготѣвшаго надъ ними плѣна; воздвигъ св. храмъ и ниспослалъ Мессію. Все это имѣло тогда смыслъ. Евреи, молившіеся такъ, были услышаны Господомъ; они были собраны отовсюду и введены въ отечественный градъ, возобновили стѣны Іерусалима и воздвигли св. храмъ. Но нынѣ, спрашиваемъ опять, какой могутъ имѣть смыслъ эти молитвы? Положительно никакого. Разумно ли? Кстатили современнымъ евреямъ молиться о споспѣшествованіи имъ во время брани? Съ кѣмъ сражаются они нынѣ? Противъ кого должно быть поднято знамя израиля?—И какое? Знамя израиля пало съ послѣднимъ ударомъ св. граду Іерусалиму, или, вѣрнѣе сказать, съ той минуты, когда они возвели на Голгоѣу Того, въ Которому

отнынѣ взываютъ: ошано (осано) леманхо адоной—спаси насъ, Искушитель, ради благости Твоей, избавь израиля отъ плѣна! Слыша это, невольно подумаешь: кто плѣнилъ современнаго израиля? Еврейскій народъ, лишившись за свои беззаконія, своего отечества, большею частію самъ разсѣялся по всему лицу земли. Разумно ли сѣтовать нынѣ на свою судьбу и просить, какъ просятъ нерѣдко іудеи, мщенія Божія врагамъ, плѣнившимъ ихъ? Кто не скажетъ, что эти и всѣ имъ подобныя прошенія нечто иное, какъ обетшавшая буква древнихъ молитвенниковъ. Многіе изъ современныхъ образованныхъ евреевъ стали сознать, что настоящее ихъ Богослуженіе не имѣетъ разумнаго значенія. Намъ извѣстно, что еще въ 1844 году во многихъ мѣстахъ за границею: въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ и въ Ганноверѣ, ученые еврейскіе реформаторы стали доказывать необходимость реформъ въ синагогѣ. Въ Брауншвейгѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1844 года, составленъ былъ соборъ раввиновъ изъ 25 человекъ, съ цѣлію, какъ они объявили, содѣйствовать къ совершенствованію іудейства, оживотворить эту религію и исправить чинъ синагоги. Соборъ торжественно высказался, что онъ отрывается нынѣ отъ мертвыхъ буквъ написаннаго слова; что іудеи должны: не молиться о царствѣ Мессіи, не допускать также молитвъ, которыя не имѣютъ духовнаго значенія, и наконецъ оставить вообще устарѣвшую форму богослуженія. Результатомъ этого собора было то, что вскорѣ освящена была новая еврейская молезна, съ новымъ порядкомъ Богослуженія, введенъ органъ при Богослуженіи, словомъ-измѣнился весь синагогальный порядокъ на новый ладъ. Но что отъ всего этого выиграло іудейство? Можно сказать, рѣшительно ничего! Вѣдь главнаго недостигнуто соборомъ: онъ объявилъ, что намѣренъ оживотворить іудейскую религію; но сущность ветхозавѣтной религіи составляло обѣтованіе Божіе о Мессіи и приготовленіе людей къ принятію его, а сущностію древняго богослуженія было жертвоприношеніе. Но ни того ни другого не введено въ новоустроенной синагогѣ; а безъ этого какой бы блескъ ревнители іудейства ни придавали своей религіи и богослуженію, все это будетъ не болѣе какъ пустая форма, которая ничѣмъ не лучше прежней, отъ которой желалъ отрѣшиться еврей-

скій либеральный соборъ. Но сдѣлать это было мудро, скажемъ болѣе,—совершенно невозможно: для израильскаго богослуженія необходимо и жертвоприношеніе и куреніе омиана; но кто станетъ теперь приносить Богу въ жертву воловъ, козловъ и голубей? Всѣ эти жертвы, если бы израиль и сталъ приносить ихъ, теперь уже неугодны Богу (Исаі. 1, 12—15). Напрасно же высоко мечтающій о себѣ іудей и гордится своимъ богослуженіемъ, что будто бы оно одно пріятно Господу, что Ангелы, не зная иного языка, кромѣ еврейскаго, могутъ только ихъ молитвы возносить къ престолу Божію! Но насъ можетъ спросить еврей, а пожалуй кто и изъ васъ: какая же жертва можетъ спасти человѣка, если ветхозавѣтныя жертвы теперь недѣйствительны? На подобный вопросъ отвѣчаетъ намъ ветхій законъ такъ: *жертва хвалы прославитъ Мя* (Бога). Здѣсь какъ-бы такъ сказалъ Господь: не воловъ хочу я въ жертву, а признательности человѣка, искренней молитвы. А Новый Завѣтъ и православная Церковь указываютъ намъ еще прямѣе и яснѣе, какая жертва необходима для спасенія человѣка. — Это именно святѣйшая жертва христіанъ, приносимая ими въ храмъ на престолѣ, во время Божественной литургіи. Христіанскую безкровную жертву установилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вотъ жертва, замѣнившая всѣ ветхозавѣтныя жертвы! Здѣсь искупаются грѣхи людскіе не кровію животныхъ, а безконечною цѣною крови непорочнаго Агнца—Сына Божія, пролитую на крестѣ Голгоетскомъ за грѣхи міра. Какая же жертва можетъ уподобиться этой жертвѣ! Вспомнимъ о древнихъ жертвахъ, приносимыхъ нѣкогда евреями; припомнимъ и самый способъ приготовления ихъ,—и мы увидимъ на сторонѣ христіанской жертвы несравненное превосходство. Жрецы, какъ извѣстно, обязаны были омыwać мясо жертвенное и очищать внутренности животныхъ, въ жертву приносимыхъ, и омыwać мѣсто отъ крови и тука жертвъ, безъ чего гнусно было бы и приносить ихъ. А жертва христіанская, состоящая изъ хлѣба и вина, требуетъ ли этого? Всякій, даже іудей, согласится, что эти вещества сами по себѣ такъ чисты, что не требуютъ ни очищенія, ни омовенія. Если христіанская жертва и съ внѣшней стороны имѣетъ такое превосход-

ство надъ ветхозавѣтными жертвами, то что сказать о внутренней, животворной ея Божественной силѣ, которую она получаетъ съ того времени, когда молитвою священнослужителя, призывающаго на дары благодать Св. Духа, они претворяются въ истинную плоть и кровь Иисуса Христа.

Но какимъ образомъ, спросить пожалуй иной изъ васъ маловѣръ, видимыя вещества—хлѣбъ и вино могутъ претворяться въ истинную плоть и кровь Иисуса Христа? Да, могутъ претворяться силою всесильнаго Бога и Господа нашего Иисуса Христа, однажды навсегда изрекшаго: *сие есть тѣло Мое и сія есть кровь Моя!* И есть ли что у Бога невозможнаго? Развѣ исторія ветхаго завѣта не указываетъ намъ на многое чудесное и сверхъестественное? И не чудеса ли болѣе привлекали израиля къ вѣрѣ въ Иегову? Все сверхъестественное и чудесное не всегда и не сразу было понятно для людей и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ, Моисей зреть кѹпину, а въ ней кто оказывается?—Самъ Богъ, зовущій Моисея! Авраамъ видитъ трехъ странниковъ, а въ лицѣ одного изъ нихъ оказывается Самъ Богъ. Даже талмудъ говоритъ, что эти «ганушимъ»—мужи были не простые странники, а Самъ Богъ. А манна, спадавшая для израиля въ пустынѣ, что такое была? Вѣдь её нельзя же назвать обыкновеннымъ хлѣбомъ; это былъ, такъ сказать, хлѣбъ Ангельскій, а для израиля она служила существеннымъ питательнымъ хлѣбомъ. А если хотите знать, братія, то манна была именно прообразомъ христіанской манны, насыщающей милліоны душъ истинно вѣрующихъ христіанъ.

Бесѣда наша о церковномъ богослуженіи и таинствахъ кончена. Но есть много еще такого изъ предписаній церкви Христовой, что нужно знать вамъ. Сказать же все сразу можетъ быть обременительно для вашего вниманія, а потому поговоримъ объ этомъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

VII. ОБЪ ОБЯЗАННОСТИ ХРИСТИАНИНА СОВЛЮДАТЬ ВСѢ ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Святая православная Церковь заповѣдуетъ намъ совершать молитвы, почитать установленные ею праздники со-

блюдают посты, приносят покаяніе во грѣхахъ воздавать достойное почитаніе св. иконамъ, св. угодникамъ, — все это мы обязаны чтить и соблюдать. Начнемъ съ перваго—о *«необходимости молитвъ»*. Мы видѣли выше, какъ спасительна для христіанина общественная молитва: тоже самое можемъ сказать и о частной, домашней молитвѣ. Что молиться вообще спасительно, это можно видѣть изъ священнаго Писанія, какъ Ветхаго такъ и Новаго Заветъа. Всѣ св. мужи, всѣхъ временъ, благоугождали Богу молитвою и постомъ. Силою молитвы они совершали все, даже творили чудеса.

Вамъ должно быть извѣстно, что молитва Моусея споспѣшествовала израилю побѣждать враговъ; молитвою Ілія, въ глазахъ многочисленнаго народа, который онъ желалъ убѣдить въ могуществѣ Божіемъ, низводитъ огонь и дождь. Давидъ, будучи обличаемъ пророкомъ Нааномъ въ убійствѣ Ури, обращается съ молитвою къ Богу и получаетъ прощеніе. Въ другой разъ онъ же, испытывая видимое наказаніе Божіе, обратился съ молитвою къ Богу, прося помилованія израилю,—и молитва его умилила Господа. Соломонъ, желая снискать милость и благоволеніе Божіе къ вновь выстроенному имъ храму, употребляетъ молитву. Онъ повергается на колѣни, съ распостертыми руками, молить Господа, чтобы Онъ благоволилъ принимать во вновь созданномъ храмѣ нетолько молитвы евреевъ, но и другихъ народовъ,—и Богъ такъ милостиво приѣмлетъ его молитвы, что въ виду многочисленнаго народа, собравшагося въ храмѣ, ниспосылаетъ огонь съ неба на принесенную жертву, и затѣмъ, въ ночномъ видѣніи Самъ является Соломону и увѣряетъ, что его молитва о храмѣ услышана, и обнадеживаетъ упрочить его царство. Таковую же силу молитвы усматриваемъ и въ жизни Сампсона. Будучи лишенъ врагами зрѣнія, онъ обращается съ молитвою къ Богу, прося его возвратить ему прежнія силы, «да воздамъ мщеніе за два ока моя»,—и получилъ ихъ въ такой степени, что разрушилъ огромное зданіе.

(Продолженіе слѣд.).

СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВЪ ЧАСОВНѢ АЛЕКСАНДРО-СВИРСКАГО МОНАСТЫРЯ, АПРѢЛЯ 11 ДНЯ 1871 ГОДА. (¹).

Коль возлюбленна селеніа
Твоя, Господи сила!

Братія! Если когда и гдѣ, то нынѣ и здѣсь особенно умѣстно и благовременно воскликнуть сѣмъ псаломскимъ глаголомъ радованія. Новосвященный храмъ сей, также какъ и всякій христіанскій храмъ, нисколько не маловажныѣ ветхо-

(¹). Храмъ сей устроенъ по слѣдующему случаю: Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, съ Августѣйшею Супругою своею, Императрицею Маріею Александровною, въ 1858 году, обратилъ вниманіе на бѣдное положеніе обители и изъявилъ Высочайшее соизволеніе на устройство въ С.-Петербургѣ часовни, въ пользу этого монастыря. Купецъ Си-

завѣтной Скинии. Если же Скинія свидѣнія такъ сильно влекла къ себѣ сердце вѣнчаннаго Пророка, что онъ возлюбилъ это селеніе Господа сильнѣе даже всѣхъ семеній грѣшничихъ: то какъ ли оставаться холодными къ нашимъ христіанскимъ храмамъ? Если каждый христіанскій храмъ представляетъ намъ всё поводы въ тому, чтобы любить его всею душою: то сей новоосвященный храмъ имѣеть еще особенныя основанія для того, чтобы быть достолюбезнымъ.

Ветхозавѣтная Скинія влекла къ себѣ сердце царя Давида потому собственно, что служила селеніемъ Господа силь. Во времена новозавѣтныхъ христіанскіе храмы въ этомъ отношеніи стали вполне замѣнять ветхозавѣтную Скинію.

Отнынѣ и сей новоосвященный храмъ, подобно Скинии свидѣнія, будетъ служить мѣстомъ таинственнаго присутствія Господа славы. А потому и сей, равно какъ и всякій христіанскій храмъ, не можетъ не быть близкимъ сердцу христіанина, чтущаго Господа силь.

Христіанинъ ближе къ Господу силь, чѣмъ рабъ къ господину своему. По вѣрѣ во Иисуса Христа и по благодати возрожденія, каждый христіанинъ облачается высочайшимъ правомъ быть даже чадомъ Божиимъ. А Богодарованное право всыновленія Господу не налагаетъ ли на всыновляемаго прямой обязанности всѣми силами души и тѣла любить домъ Господень? Не добрыя тѣ дѣти, которыя не питають расположенія въ сердцахъ своихъ къ родительскому крову!

Служа селеніемъ Господа силь, ветхозавѣтная Скинія служила для вѣровавшихъ въ грядущаго Мессію сокровищницею всѣхъ духовныхъ благъ, свыше нисходившихъ на израиля отъ всеблагаго промысла Божія. Во времена новозавѣтныхъ христіанскіе храмы вполне замѣняютъ собою ветхозавѣтную Скинію свидѣнія и въ этомъ отношеніи.

дворянъ пожертвовалъ мѣсто, а почетный гражданинъ Павелъ Ивановичъ Ляхачевъ принялъ на себя издержки на построеніе часовни (на углу Разъѣзжей и Боровой уллицъ). Печально-радостное событіе 4 апрѣля 1866 года внушило г. Ляхачеву мысль устроить въ часовнѣ храмъ во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Отнынѣ и сей новосозданный и освященный храмъ будетъ служить для православныхъ христіанъ неоскудѣваемымъ хранилищемъ благодатныхъ даровъ, ниспосылаемыхъ отъ Господа чрезъ таинственныя священнодѣйствія. А потому и сей храмъ, наравнѣ со всякимъ православнымъ храмомъ, долженъ быть для насъ любезенъ.

Блаженъ, кто возлюбилъ сей домъ Господень, также какъ царь Давидъ возлюбилъ современную ему Скинію, и также, какъ сей же царь, благоизволить въ немъ приметатся паче, неже жити въ селенихъ гришничихъ! Если его душа, подобно душѣ вѣчнаго Пророка, возжаждаетъ къ Богу крѣпкому, живому: то въ этомъ святилищѣ онъ всегда можетъ утолить жажду свою, какъ жаждущій елень на исходивцахъ водъ.

Новосвященный храмъ сей имѣетъ въ себѣ еще и особенную черту, которою можетъ привлекать къ себѣ наши сердца и такимъ образомъ стать любимымъ мѣстомъ для нашихъ молитвенныхъ собраній. Черта эта состоитъ въ томъ, что въ храмѣ семъ, или вѣрнѣе въ побужденіяхъ къ построению его, зрится самое живое и точное отображеніе русскаго духа, всегда богобоязненнаго, всегда царелюбиваго.

Русскій народъ тѣсно и какъ-бы органически связанъ со своимъ царемъ, подобно тому какъ члены тѣла соединены съ главою, какъ вѣтви дерева съ корнемъ. А потому всякія событія съ царемъ русскимъ живо воспріимлются и чувствуются сердцемъ всего русскаго народа. Скорбитъ ли почему-либо русскій царь? Скорбію царя скорбитъ и весь народъ русскій. Радуется ли о чемъ-либо русскій царь? Радостію царя радуется и весь народъ русскій. Но и скорбитъ и радуется о царѣ своемъ народъ русскій не иначе, какъ только предъ Господемъ. Во дни скорби царицы онъ сѣдѣтъ въ Божьи храмы и тамъ, въ прахъ простираясь предъ Господемъ, со слезами на глазахъ молить Его о царѣ своемъ. Во дни радости царицы онъ собирается опять въ тѣ же храмы, и тамъ отъ всей души благодарить Бога за царя своего.

И не только молитва за царя въ Божьихъ храмахъ, но и самыя эти храмы, какъ дома молитвы, нерѣдко являются на святой Руси, какъ зрѣлый плодъ глубокаго сочувствія

русскаго народа къ тѣмъ или другимъ событіямъ въ Царствующемъ Домѣ. Къ числу такихъ молитвенныхъ домовъ принадлежитъ и сей новоосвященный храмъ, составляющій одно изъ безчисленныхъ выраженій народнаго чувства благодаренія ко Господу Богу за двукратное избавленіе нашего царя—освободителя отъ смерти, угрожавшей Ему отъ руки злодѣевъ. Въ силу таковаго значенія своего, новосозданный и нынѣ освященный храмъ отнынѣ становится памятникомъ, весьма поучительнымъ для грядущихъ поколѣній, свидѣтельствуя имъ, какія святая чувства одушевляли ихъ предковъ и, стало-быть, должны одушевлять и потомство.

Возлюбите же, братія, сей домъ Господень. Возлюбите его какъ мѣсто селенія Господа; возлюбите его какъ святое вмѣстиплице всѣхъ благодатныхъ даровъ; возлюбите его наконецъ какъ достопамятный и поучительный знакъ народной благодарности Господу Богу за спасеніе возлюбленнаго Богомъ и народомъ Царя—Освободителя. Возлюбите сей домъ Господень и сколь можно чаще собирайтесь въ немъ съ тѣмъ, чтобы творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся челоувѣки, особенно же за царя и за всѣхъ пже во власти суть (1 Тим. 2, 1). Аминь.

Тихонъ, Епископъ Выборгскій.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ СЛАВЯНЪ КИРИЛЛА И МЕЕОДІЯ. (1).

Поминайте наставники ва-
ша. иже глаголаша вамъ слово
Божіе. Евр. 13, 7.

Заслуги, оказанныя св. равноапостольными братьями славянскимъ народамъ, бесспорно достойны вѣчной памяти и благодарнаго прославленія. Славянская письменность и съ нею слово Божіе на родномъ языкѣ—вотъ даръ, которымъ наградили славянь св. Кирилль и Меодій, и которымъ болѣе тысячи лѣтъ пользуются славянскіе народы, къ своему благу—временному и вѣчному. Равноапостольные просвѣтители наши оставили намъ неизчерпаемый кладезь воды живої, которая въ состояніи утолять на вѣки жажду души челоувѣческой, которая просвѣщаетъ умъ, опутанный сомнѣніями и заблужденіями, окриляетъ чувство, разбитое невѣріемъ и безнадежностію, возвышаетъ нравственную свободу, подавленную страстями, умиротворяетъ жизнь земную, возмущаемую неправдами, связуетъ людей союзомъ братской любви и уваженія... Безъ св. Кирилла и Меодія, славянскіе народы, быть можетъ, далеко не дошли бы еще до той степени умственнаго и нравственнаго развитія, на которую поставлены теперь могучею силою вѣры Христовой. Труды св. братьевъ на пользу славянь—священный завѣтъ для насъ, могучая сила, способная крѣпче всякихъ узъ связать славянскіе народы союзомъ братскаго единства.

Славянскіе народы, разобщенные другъ отъ друга про- странствомъ и политическими особенностями занимаемыхъ

---

(1) Сказано въ Царскоселскомъ соборѣ, 11 мая 1871 г.

ими странъ, начинаютъ вспоминать о своемъ племенномъ единствѣ, и, во имя его, выражаютъ стремленіе къ объединенію. Конечно, племенное единство есть немаловажная сила для живаго союза между отдѣльными личностями и народами. Но справедливость требуетъ сказать, что нравственная сила всегда сплывѣе матеріальной, что нравственное единство выше единства кровнаго, что даже близкое кровное родство скрѣпляется и возвышается связію нравственною. Развѣ мы не видимъ, какъ, при упадкѣ нравственныхъ понятій и правилъ, дерзко оскорбляются иногда самыя близкія семейныя связи и отношенія? Самъ Спаситель сказалъ, что *любовь охладываетъ, при умноженіи беззаконія* (Матѣ. 24, 12). Исторія народовъ и отдѣльныхъ лицъ много представляетъ примѣровъ того, какъ съ пониженіемъ нравственнаго уровня жизни человѣческой слабѣютъ и разрываются племенные связи. На церковной кафедрѣ я ограничусь указаніемъ на священную исторію. Припомните тотъ нравственный упадокъ, то нравственное безпліе, малодушіе и грубость, до какихъ доведенъ былъ народъ Божій въ Египтѣ рабствомъ Фараону, и посмотрите, какъ, при этомъ упадкѣ нравственныхъ силъ и понятій, слабы были племенные узы евреевъ. Однажды увидѣлъ Моисей, какъ египтянинъ былъ обезсиленнаго трудами еврея, вступился за своего единоплеменника, напалъ на обидчика, убилъ его и скрылъ въ песокъ. Все это было совершено безъ свидѣтелей, въ присутствіи только того, кого защитилъ онъ. Что же? Заступничество Моисея спускало-ли ему благодарность отъ единоплеменниковъ? Нѣтъ! Онъ самъ едва не заплатилъ жизнью за любовь къ братьямъ и по винѣ его же братіи. На другой день онъ дерзко былъ оскорбленъ своими братьями за то, что осмѣлился напомнить имъ о братскомъ ихъ единствѣ. «Увидѣлъ Моисей, что два еврея ссорятся, и сказалъ обпжающему: зачѣмъ ты бьешь ближняго своего? А тотъ сказалъ: кто поставилъ тебя начальникомъ и судьбою надъ нами? Не думаешь ли убить и меня, какъ убилъ вчера египтянина?» (Исх. 2, 13 и 14). Моисей, какъ видите, потерпѣлъ даже укоризну отъ своихъ братьевъ за то, что ревновалъ о братскомъ единствѣ и хо-

тѣмъ оградить ихъ отъ чуждой тяжелой власти. Вотъ намъ слабо племенное единство, безъ поддержки нравственной! Нужно заботиться прежде всего о нравственномъ возвышеніи племенъ, чтобы стало могучею силою ихъ племенное единство. Для этого нужно крѣпче держаться того завѣта, какой оставили намъ наши просвѣтителѣ.

Первоучители наши оставили намъ славянскія письма, переводъ слова Божія и церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ — вотъ могучія силы для водворенія между людьми братскаго единства!

Письменность — средство въ распространенію и сохраненію сокровищъ мысли и сердца человѣка. Она — основа и орудіе науки, которая возвышаетъ человѣка надъ матеріальною природою, даетъ ему господство надъ ней, надъ матеріальными, мелкими его нуждами и интересами, развиваетъ и облагораживаетъ весь нравственный строй его, пораждаетъ и поддерживаетъ въ немъ высшія общечеловѣческія стремленія, просвѣтляетъ напечатлѣнный въ немъ образъ Божій. Она — общаѣ потребность и общее свѣтило для всѣхъ странъ и народовъ. Интересы мысли соединяютъ человѣчество въ одну семью, такъ какъ истина одна для всего человѣчества. Политическія дѣленія, народныя особенности сглаживаются въ высшихъ вопросахъ знанія. Потому не въ однихъ національных интересахъ, а въ интересахъ единства всего человѣчества, какъ училъ насъ и Иисусъ Христосъ, мы должны заботиться о развитіи въ себѣ и другихъ высшей стороны человѣческаго существа, — стороны духовной, умственной, насаждать въ умѣ здравыя понятія, воспитывать нравственныя убѣжденія и стремленія. Безъ этого мы не поймемъ, *кто намъ ближій*... Не залетая въ своихъ стремленіяхъ слишкомъ высоко, не задавая задачамъ слишкомъ трудными, отвлеченными, начнемъ съ того, чтобы насаждать сначала грамотность въ народѣ и потомъ заочинять и къ дальнѣйшему развитію нашихъ меньшихъ братій. Озабоченный добываніемъ куска хлѣба, безъ образованія, народъ не приметъ дѣятельнаго участія въ высшихъ вопросахъ общественныхъ, не пойметъ важности братскаго единства племенъ и народовъ. А безъ этого не далеко уйдутъ въ дѣлѣ объединенія

славянскихъ племень, въ своей заботливости о несчастныхъ и угнетенныхъ, самые развитые и благонамѣренные труженики.....

Впрочемъ возложить всё надежды въ дѣлѣ духовнаго развитія людей на одну мысль человѣка или его науку было бы слишкомъ опрѣмчиво. Исторія человечества доказала намъ, какъ шатка, близорука, слаба мысль человѣка въ высшихъ вопросахъ знанія. Неутвержденная на божественномъ откровеніи, непросвѣщенная Духомъ Божиимъ, мысль человѣческая блуждала дѣляя тысячелѣтія по разнымъ, часто вреднымъ, направленіямъ, не находя искомага блага. Есть стороны нашего духовнаго бытія, которыя не могутъ быть разъяснены никакою наукою; отъ этого научный взглядъ на человѣка, на задачи и дѣли его бытія, на международныя отношенія, на внутреннія отношенія между членами одного государства всегда былъ и будетъ болѣе или менѣе узокъ, шатокъ, невѣренъ. Самолюбіе, эта пружина дѣйствій всего падшаго человечества, при шаткости нравственныхъ понятій, всегда положить средостѣніе не только между чуждыми народами, но и между единоплеменниками. Древній міръ до-христіанскій доказалъ это. Потому образование научное всегда должно основываться на твердыхъ началахъ слова Божія, слова Христава. Только вѣра Христова учить насъ, что о Христѣ, то есть, въ Церкви Его *плоть еллинъ, ии іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, вѣрваъ и скивоъ, рабъ и свобода* (Колос. 3, 11) и что всё мы—братія о Христѣ и чада Божіи. Вѣра Христова говоритъ намъ о нашей безсмертной душѣ, о будущей жизни, о высшихъ благахъ человѣка. Евангелію обязаны мы тѣми высокими выводами науки, которые находятъ теперь приложеніе въ современной общественной жизни. Не мысль человѣка, а Евангеліе уничтожило среди людей рабство; не мысль человѣка, а ученіе Спасителя устроило семейный бытъ на началахъ не деспотизма, а взаимной любви между мужемъ и женою; ученіе Христова возвысило женщину, поставивъ ее предъ Богомъ наравнѣ съ мужчиною; наука, только по указанію вѣры Христовой, объявляла всѣхъ равными предъ закономъ. До пришествія Христова на землю этого не было; безъ Него, быть можетъ, не было бы и теперь. А безъ этихъ взгля-

довъ на человѣка и человечество, кто бы могъ и мечтать объ объединеніи людей не силою огня и желѣза, а силою любви и взаимнаго уваженія?

Усердное, добросовѣстное, разумное изученіе слова Божія можетъ образовать особую силу, связующую между собою послѣдователей Христовыхъ, высшую племеннаго единства, включающую всякія національныя распри, — *силу единой веры*. Представляя Иисуса Христа Спасителемъ всего человечества, усновившимъ всѣхъ Отцу Небесному, она естественно внушаетъ намъ чувства братской любви другъ къ другу, чувства взаимнаго уваженія, кротости, снисходительности, терпѣливости. Отрѣшая взоръ отъ земнаго и устремляя его къ небесному, она заставляетъ забывать мелкія житейскія несогласія, побуждаетъ молиться за враговъ, связуетъ всѣхъ единствомъ упованія, единствомъ стремленій и средствъ къ достиженію общей цѣли — вѣчнаго спасенія. Такія дѣйствія вѣры усиливаются и поддерживаются особенно православнымъ христіанскимъ Богослуженіемъ. Выражая въ своихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ тоже ученіе вѣры и дѣятельности, каковое содержится въ писанномъ словѣ Божіемъ, Богослуженіе православной Церкви дополняетъ и изъясняетъ его живымъ Божественнымъ *преданіемъ*. Отсюда являются полнота и единство православныхъ убѣжденій. Сверхъ того, собирая и поставляя всѣхъ, безъ различія званій и состояній, предъ лице Отца небеснаго, оно сглаживаетъ житейскія разности между людьми, уничтожаетъ гордость и превозношеніе, наглядно доводя всѣхъ до убѣжденія, *яко едино тѣло есмы мзми, вси бо отъ единого хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17); что *всѣ мы призваны въ единомъ упованіи званія нашего, что едина вера, едино крещеніе, едины Богъ и Отецъ вселъз* (Ефес. 4, 4, 5).

Итакъ вотъ силы, движущія народы къ объединенію и сръбляющія племенное единство, — это умственное образованіе, вѣра, порождаемая словомъ Божіимъ, и православное богослуженіе, питающее вѣру и приводящее къ единству православныхъ убѣжденій. Какъ же мы относимся къ этимъ силамъ, почитая память своихъ равноапостольныхъ просвѣтителей? Къ стыду своему, мы должны сознаться, что въ большинствѣ нашего образованнаго общества не равнялось

еще живое сознание этихъ цивилизующихъ силъ. Умственнымъ развитіемъ большинство дорезать еще не по сознанию высокой цѣны его, а настолько, насколько соединяются съ нимъ житейскія выгоды. Потому слово Божіе какъ не служащее прямо средствомъ къ приобрѣтенію житейскихъ выгодъ, вытѣсняется изъ круга полезныхъ предметовъ науками низшаго достоинства. Оттого повнание вѣры находится у насъ въ состояніи весьма не блестящемъ. Небольшая доля механически усвоенныхъ катихизическихъ понятій,—на лету схваченныхъ свѣдѣній, шаткихъ, смутныхъ, составляетъ чаще всего весь умственный и сердечный капиталъ образованнаго человѣка въ религіозномъ отношеніи. Среди книгъ, наполняющихъ его бібліотеку, или украшающихъ его рабочій столъ, едва ли отыщете соврѣщеннику небесной мудрости—Библію, или даже одно Евангеліе. А православное Богослуженіе?—Пользуется ли оно должнымъ вниманіемъ передовыхъ личностей? Увы! Не считается ли время богослужебныхъ часовъ, во дни праздниковъ, болѣе удобнымъ для домашняго отдохновенія отъ служебныхъ трудовъ, или для общественныхъ удовольствій? Не работаемъ ли мы въ этомъ отношеніи болѣе мамонѣ, нежели Богу? Дорожа по совѣсти, или чаще—по корысти службою царю земному, не пренебрегаемъ ли службою Царю небесному? Не злоупотребляемъ ли Его долготерпѣніемъ?

Да простить мнѣ, братія, ваша христіанская любовь это горькое слово правды. А я, во имя той же любви, не перестану умолять васъ,—не забывайте священнаго завѣта, даннаго всѣмъ намъ нашими просвѣтителями: *поминайте наставленіи ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе*. Аминь.

Протоіерей Алексѣй Парвовъ.

ЖИТЕЙСКІЯ МЕЛОЧИ.

Въ жизни каждаго человѣка, какъ и въ исторіи обществъ человѣческихъ, много бываетъ событій, которыя въ извѣстное время занимаютъ насъ болѣе или менѣе, но изъ которыхъ

каждое въ отдѣльности, по видимому, не имѣетъ для насъ большаго значенія, которыя посему людьми, особенно для насъ посторонними, и называются неважными, «житейскими мелочами». Сдѣлаетъ ли человекъ какой либо неловкій поступокъ и потомъ начинается безпокоиться объ его послѣдствіяхъ,—совѣтники говорятъ ему: «подно тебѣ,—что о пустякахъ безпокоиться? Важно ли это дѣло! И не такія дѣла дѣлаются и проходятъ!» Случится ли съ кѣмъ небольшое несчастіе, напримѣръ, обидитъ кто нибудь, обойдутъ по службѣ, не сравниваютъ съ товарищами, не награждать во время за труды, захвораетъ ли кто изъ родныхъ близкихъ, самъ ли получить болѣзнь незначительную, убытокъ ли какой произойдетъ въ хозяйствѣ,—утѣшители говорятъ: «ну, стоить ли на такія пустяки обращать вниманіе! Вѣдь не ребенокъ, чтобъ трогаться мелочами! Въ жизни много бываетъ событій болѣе важности, нужно приберегать силы для тѣхъ».

Такъ намъ совѣтуютъ, такъ насъ утѣшаютъ; такъ и мы, въ свою очередь, нерѣдко совѣтуемъ и утѣшаемъ другихъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ. «Мелочь,—не стоить на нее обращать вниманія!» Однако жъ, если бы спросили насъ: какія это въ жизни особенно важныя событія, на которыя должно быть устремлено все наше вниманіе и оwoло которыхъ должны быть сосредоточены всѣ наши силы, вся дѣятельность? Навѣрное, мы затруднились бы отвѣтомъ. Вѣдь событій особенной важности, такъ называемыхъ крупныхъ, роковыхъ событій, немного бываетъ въ жизни и великихъ общественныхъ дѣателей; тѣмъ болѣе немного бываетъ ихъ въ жизни людей обыкновенныхъ. Собственно важны для каждого человека два дня: день рожденія, въ связи съ благодатнымъ для христіанина возрожденіемъ отъ воды и Духа, и день смерти. Первымъ мы начинаемъ бытіе,—вторымъ оканчиваемъ извѣстную форму его и начинаемъ жизнь новую. Всѣ другія событія, которыя происходятъ между двумя этими великими гранями и около нихъ группируются, уже не имѣютъ для насъ такого значенія. Правда, бываютъ между ними событія,—одни болѣе, другія менѣе важныя. Такъ, важны для каждого человека начало и конецъ воспитанія, важно избраніе того или другаго рода службы и дѣятельности, для семьянина важны выборы

или потеря жены, для родителей—воспитаніе и устройство дѣтей, для дѣтей—здоровье и благосостояніе родителей; за тѣмъ, что важно въ особенностях? Значить: если всё вниманіе нужно обращать на одни только знаменательныя въ жизни событія и къ нимъ устремлять всё силы, всю дѣятельность; то не слишкомъ ли безсодержательною тогда окажется вся остальная жизнь? Кончилъ человекъ воспитаніе, поступилъ на службу, вступилъ въ бракъ по сердцу и—живи себѣ, какъ говорятъ, пригѣваючи,—исполняй служебныя и, какъ христіанпнъ, церковныя обязанности, воспитывай и по немногу устраивай дѣтей! И только?!

Легко такъ говорить,—не легко, да и нельзя такъ жить въ дѣйствительности, гдѣ почти на каждомъ шагу приходится намъ сталкиваться не съ важными, а именно съ простыми, мелочными явленіями. Что жъ, и не обращать на нихъ вниманія потому только, что онѣ просты, мелочны? А если извѣстнаго рода мелочей много, какъ по большей части и бываетъ на самомъ дѣлѣ? Если, напримѣръ, сегодня я сдѣлаю хоть и неважный, но неловкій поступокъ, завтра скажу неосторожное слово, послѣ завтра то же самое: ужели кто назоветъ мою жизнь правильною, и самъ я не долженъ наконецъ подумать и спросить себя: да такъ ли я живу, какъ слѣдуетъ? Не нужно ли мнѣ серьезно позаботиться о своемъ исправленіи? Вѣдь если два—три раза на неловкіе мои поступки не обратили вниманія, то кто порукой, что и на будущее время къ нимъ будутъ относиться такъ же, и не составятъ по нимъ весьма неіестнаго обо мнѣ понятія? Если сегодня меня обидятъ, на другой день наговорятъ обо мнѣ были съ небылицами, на третій, на четвертый повторится то же самое; если сегодня меня кольнуть однимъ, завтра другимъ, послѣ завтра третьимъ шиломъ: ужели кто назоветъ меня человекомъ счастливымъ, и самъ я не вправѣ наконецъ подумать и спросить себя: да что же такое со мной дѣлается? За что меня обижаютъ? Нѣтъ ли во мнѣ чего, что дѣлаетъ меня неприятнымъ обществу? Или нельзя ли мнѣ сдѣлать что нибудь, что расположило бы окружающихъ относиться ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, или, по крайней мѣрѣ, съ большею осмотрительностію? Если сегодня у меня произойдетъ убытокъ

въ хозяйствѣхъ, хоть и незначительный,—завтра то же самое; если сегодня у меня украдутъ одно, завтра другое,—сегодня меня обсчитаютъ, завтра обмѣрятъ, тамъ не додадутъ, что слѣдуетъ, за труды: понятно, я придумаюсь и къ мелочамъ буду относиться внимательно. Вѣдь изъ копѣекъ составляются рубли, изъ рублей — сотни и тысячи. Такъ и изъ событій, по видимому, мелочныхъ, но многочисленныхъ, складается, можно сказать, вся наша жизнь, такъ что событія бѣльшей важности составляютъ между ними своего рода эпохи, періоды, значеніе которыхъ въ свою очередь немало обусловливается обыкновенными обстоятельствами, обыкновеннымъ теченіемъ нашей жизни. Кому не случалось встрѣчать людей, по видимому, счастливыхъ, не испытавшихъ значительныхъ неудачъ, которые между тѣмъ постоянно скорбятъ и жалуется, потому что жизнь ихъ проходила въ мелочахъ, на какія въ началѣ не обращали вниманія, — и наконецъ, сложилась такъ, что то и дѣло приходится терпѣть различныя непріятности. Не напрасно пословица говоритъ: «по каплѣ канеть, — море станетъ». Не обращайтесь вниманія на эти капли, — житейскія мелочи, — и вы не увидите, какъ изъ нихъ образуется цѣлое море, способное до чрезвычайности затруднить ваше житейское плаваніе и поглотить въ себѣ всѣ ваши надежды, всѣ ваши радости.

Съ другой стороны, къ мелочнымъ явленіямъ въ жизни нельзя относиться легкомысленно и потому, что каждое изъ нихъ, какъ бы ни казалось намъ незначительнымъ, имѣетъ свои причины и сопровождается своимъ, иногда даже и важнымъ для насъ, послѣдствіемъ. Въ строгомъ смыслѣ, въ жизни человѣческой, исключая служенія Богу и заботъ собственно о душѣ, какъ нѣтъ ничего особенно важнаго, на чтобъ безраздѣльно могло быть устремлено наше вниманіе, — такъ ничего нѣтъ и столь мелочнаго, къ чему можно было бы относиться съ пренебреженіемъ. Что, кажется, ничтожныѣ, какъ одна мысль, одно желаніе, одно праздное слово? Но Господь скавалъ, что за всякое слово праздное, какое скажемъ, мы дадимъ нѣкогда отвѣтъ Богу (Матѣ. 12, 36, 37). И мысль неправедная есть уже грѣхъ, и нечистыя желанія воспрещены положительно заповѣдью Божіей (Исх. 20, 16. 17). Почему? По-

тому что всякая нечестная мысль свидетельствует уже о нечистотѣ, растлѣніи нашего сердца, — этого средоточія нашей духовно-нравственной жизни. Какъ бы ни былъ кратковремененъ въ насъ тотъ или другой помыслъ, какъ ни мимолетно то или другое желаніе, — они не могутъ пройти безъ слѣда, но непремѣнно отпечатлѣваются въ нашей душѣ и, повторяясь, такъ или иначе выражаются въ нашей дѣятельности. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о событіяхъ, какія съ нами случаются, и о собственныхъ нашихъ поступкахъ. Вѣдь не большое, видимому, преступленіе, особенно въ началѣ, сдѣлала прародительница наша, — только любопытствовала, — съ любопытствомъ посмотрѣла на запрещенное древо: какія-жъ однако ужасныя послѣдствія повлекло за собою это неумѣренное и неумѣстное любопытство?

Скажетъ кто-нибудь: не всѣ мелочныя событія, или не важныя наши поступки сами по себѣ сопровождаются значительными послѣдствіями. Такъ. Но одно уже то, что они по своему могутъ вліять на наше воспитаніе, на нашъ характеръ, на нашъ образъ мыслей, а чрезъ то на характеръ семейной и общественной жизни и дѣятельности нашей, — не должно ли насъ побуждать относиться къ нимъ всегда внимательно? Смотря на раздражительность одного, робость другаго, скудость третьяго и тому подобныя нравственные недостатки, мы нерѣдко изумляемся и въ изумленіи спрашиваемъ самихъ себя: какъ образовались въ нихъ такіе характеры, когда въ ихъ жизни не было, по видимому, никакихъ особенно важныхъ событій, которыя могли бы замѣтно повліять на нихъ и образовывать въ томъ, а не другомъ направленіи? Положимъ, важныхъ событій съ ними дѣйствительно не было; но знаемъ ли мы о мелочахъ, какими опутывалась ихъ жизнь съ младенчества и какія незамѣтно, но тѣмъ неменѣе рѣшительно и почти непреодолимо, воспитывали и воспитываютъ ихъ до сихъ поръ? Конечно, раздражительность, напримѣръ, большой недостатокъ въ характерѣ; но если извѣстнаго чловѣка съ младенчества не много ласкали родители, много хоть и въ мелочахъ сердили товарищи, часто и несправедливо наказывали наставники; если въ семьѣ у него мелочныя, но постоянныя непріятности, по службѣ — то же: легко ли ему быть

спокойнымъ, и безъ крупныхъ событій, которые могли бы раздражить его? Безъ сомнѣнія, нехорошо быть робкимъ, застѣнчивымъ, нерѣшительнымъ; но если извѣстный человѣкъ съ младенчества былъ воспитанъ подъ гнетомъ, хоть и мелочнымъ, сначала родителей, потомъ наставниковъ; если ему часто приказывали, не объясняя причинъ, почему то или другое необходимо дѣлать; если ему въ жизни постоянно приходится сталкиваться съ людьми гордыми, которые смотрятъ на него свысока, почти не удостоивая вниманія: ясное дѣло, робость, застѣнчивость, нерѣшительность могли въ немъ развиться постепенно и совершенно естественно. Врядъ ли кто назоветъ хорошимъ качествомъ въ человѣкѣ скупость, пустую расчетливость; но кого съ молодости приучали беречь каждую копейку и бранили за всякую трату сколько нибудь бесполезную; кому нерѣдко приходилось голодать и рѣдко когда знать довольство и благостоянiе; кого на первыхъ порахъ жизни самостоятельной окружила семья, при скудости или неопредѣленности средствъ къ содержанію: тотъ легко могъ сдѣлаться скупымъ, даже безъ особенно важныхъ потерь, которые могли бы развить въ немъ такое качество. Подобнымъ же образомъ незамѣтно могутъ воспитываться въ насъ и другія добрыя или не добрыя черты характера отъ причинъ, повидимому мелочныхъ, но часто повторяющихся, или постоянно на насъ дѣйствующихъ.

Скажутъ: «тогда къ мелочамъ въ жизни и относитесь внимательно, когда онѣ часто повторяются или постоянно на васъ дѣйствуютъ, а то на каждый отдѣльный случай обращать вниманіе: да на что же тогда будетъ похожа жизнь наша? Вѣчныя тревоги, вѣчныя неприятели изъ за пустяковъ, и ни одной минуты спокойной, радостной! И не погрязнемъ ли мы, наконецъ, въ мелочахъ до такой степени, что сдѣлаемся уже неспособны понимать высшія разумныя задачи жизни?» Такъ. Но относиться къ мелочамъ внимательно, когда замѣтимъ, что онѣ уже слишкомъ часто повторяются или постоянно на насъ дѣйствуютъ,—не поздно ли нѣсколько это будетъ? Кто не знаетъ, что рѣдкая болѣзнь не предваряется простыми незначительными припадками, которые потому и обращаются въ болѣзнь, что на нихъ долго не обращаютъ вниманія,—что

каждая болѣзнь безъ особенныхъ усилій вылечивается, когда постигаетъ насъ въ первый разъ, и—съ большимъ трудомъ, когда повторяется,—что всѣ нравственные недостатки удобно могутъ быть исправляемы въ самомъ началѣ и не легко очень, когда отъ нашей небрежности и невнимательности обращаются намъ въ привычку и какъ бы вторую природу. «Вѣчныя тревоги, вѣчныя непріятности изъ за пустяковъ и ни одной минуты спокойной, беззаботной?» И то не правда. Если ко всему относиться внимательно, то меньше будетъ безпокойствъ и больше разумнаго наслажденія жизнью. Наука жизни—наука весьма трудная. Нельзя ее изучить вдругъ; не многимъ она дается во всей полнотѣ; большинство едва имѣетъ объ ней понятие. А почему? Не выучившись хорошо грамотѣ, хотять читать мудренныя книги. Нѣтъ. Начните съ азбуки.—попробуйте сначала относиться серьезно къ каждому изъ простыхъ обыденныхъ явленій жизни; тогда вы понемногу привыкнете постигать и высшія, труднѣйшія ея задачи и тайны. Житейскія мелочи потому особенно и причиняютъ намъ много безпокойствъ, что мы начинаемъ въ нихъ вглядываться довольно поздно, когда изъ нихъ, какъ изъ мелкихъ облаковъ, образуется уже цѣлая туча, что мы не учимся предвидѣть ихъ прежде, чѣмъ онѣ съ нами случаются и оцѣнивать по достоинству каждый разъ, какъ случаются. Напротивъ, при внимательномъ бодрствованіи надъ собою и надъ окружающими насъ житейскими обстоятельствами, какъ бы они на первый взглядъ ни представлялись намъ незначительными, мы мало по малу привыкаемъ всему давать свое мѣсто и всѣ въ жизни располагать такъ, какъ требуетъ правда, а съ нею и собственное наше благо и счастье.

(Окончаніе въ слѣд. №).

О СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНИИ.

(Продолженіе).

Законоположительныя книги Ветхаго Завѣта.

Такъ справедливо называются пять книгъ, подписанныхъ Богоизбраннымъ вождемъ израильскаго народа, св. Моисеемъ. Въ этихъ книгахъ заключается начало и основаніе откровеній Божіихъ роду человѣческому, въ частности начало и основаніе всего Ветхаго Завѣта, всего вѣрученія и нравоученія, въ подзаконный періодъ жизни человѣчества. Число пять, составляя половину полноты числа—десяти, показываетъ, что книги Моисея составляютъ половину ветхо-завѣтнаго канона, не по объему, а по внутреннему значенію. Но такъ какъ всѣ книги Ветхаго Завѣта составляютъ одно цѣлое и мерѣеко

отождествляются подъ общимъ названіемъ «Законъ»: то половина полноты указываетъ на необходимость другой половины, названіе которой—«Благодать», или «Новый Завѣтъ».

Книги Моисея имѣютъ многія названія. По содержанію, ихъ называютъ «книгою закона» (Втор. 31, 26; Нав. 1, 8 п т. д.), или просто—«закономъ» (Неем. 8, 2 п сл.), по еврейски «тора» что значитъ «постановленіе». По происхожденію, книгамъ Моисея даютъ названіе «Закона Божія» (2 Пар. 17, 9; Неем. 9, 3), по еврейски «тора Іегова», «закона Моисеева» (Нав. 8, 31), или кратко «книги Моисея» (2 Пар. 25, 4). Иудеи называютъ книги Моисея «тора» или «пять частей закона», также пятерницею пятерницъ,—самую лучшую пятерницею. Назонецъ 70 толковниковъ и Вульгата называютъ эти книги «пятокнижіемъ» (*pentateuchos*, т. е. *βιβλος*, пятичастная книга).

Пятокнижіе дѣлится на пять частей, или книгъ, которыя довольно ясно различаются по содержанію. Иудеи называютъ каждую изъ этихъ пяти книгъ словомъ, которымъ она начинается. Такъ, первая книга у нихъ носить названіе «берешить» (*въ началѣ*). 70 толковниковъ и Вульгата дали названіе книгамъ Моисея по ихъ главному содержанію. Названія эти слѣдующія: «книга Бытія» (т. е. происхожденія міра и чело-вѣка), «Исходъ» (израильтянъ изъ Египта), «Левитъ» (книга жрецовъ), «книга Числь» (повѣствованіе объ исчисленіи израильскаго народа) «Второзаконіе» (повтореніе закона).

Древнѣйшее и единогласное преданіе іудейской и христіанской Церкви писателемъ пятокнижія называетъ Моисея. Это преданіе находитъ весьма твердыя основанія въ самомъ Ветхомъ Завѣтѣ. Въ 2 Пар. 25, 4 сказано: такъ *писано есть въ книзѣ закона Моисеева*. Подобно сему, въ другихъ мѣстахъ священнаго Писанія, разныя повелѣнія закона приводятся, какъ извлеченныя изъ книги Моисеевой (2 Пар. 35, 12; Эздры 6, 18). У Нееміи (13, 1) «тора» называется книгою Моисея. Это убѣжденіе священныхъ писателей, въ свою очередь, основывалось на свидѣтельствѣ самого Моисея. Въ пятокнижіи мы находимъ, что Моисею повелѣно было Богомъ записать извѣстные законы и извѣстныя событія (Исх. 17, 14; 24, 3 и сл.; 34, 27; Числь 33, 2); и такъ какъ эти законы и событія дѣйствительно записаны, то мы совершенно

въ правѣ заключить, что они записаны именно Моисеемъ. Далѣе—въ 9 ст. 31 гл. Второз. сказано, что Моисей *вписалъ слова закона сего въ книгу*; въ слѣдующихъ же стихахъ присовокуплено, что книгу эту Моисей заповѣдалъ хранить въ ковчегѣ завета и читать ее въ праздникъ кушей во услышаніе всего народа. Выраженіе «закона сего» нельзя относить только къ книгѣ Второзаконія, потому что въ праздникъ кушей евреямъ читалось не одно только Второзаконіе, но и другія книги Моисея. Такимъ образомъ выраженіе «закона сего» должно быть отнесено въ пятокнижію, въ цѣломъ его составѣ. Это тѣмъ болѣе имѣетъ основанія, что указанный стихъ, съ слѣдующими за нимъ, составляетъ заключеніе не одной только книги Второзаконія, но и всего пятовнижія вообще (1).

Въ книгахъ Моисея заключается первоначальное откровеніе Бога человѣку. Синайское законодательство составляетъ центръ всего повѣствованія Моисеева. Все, что предшествуетъ изложенію этого событія, составляетъ какъ-бы введеніе; все, что слѣдуетъ за нимъ, составляетъ заключеніе, какъ-бы эпилогъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что первоначальная исторія человечества обнимаетъ всего одиннадцать главъ, что исторія пребыванія евреевъ въ Египтѣ, по кончинѣ Іакова, изложена въ нѣсколькихъ словахъ; тогда какъ исторія завета и законодательства составляетъ содержаніе цѣлыхъ четырехъ книгъ. Отсюда ясно, что истинною цѣлію Пятокнижія было изясненіе существа и основаній завета Божія съ израилемъ, послѣдовавшаго на Синаѣ.

ОПОРЪАНІЕ СОДЕРЖАНІЯ КНИГИ ВЪТІА.

Твореніе неба, земли и человѣка,—(гл. 1, гл. 2, ст. 3).

Блаженство человѣка въ раѣ (2, 4—25); грѣхопаденіе; наказаніе за грѣхъ и обѣтованіе Искупителя (гл. 3); Авель—

(1) О пятокнижіи (Pentateuch) можно наставнику не безъ пользы прочитать огромную, многоученую статью въ Гердоговой Real-Encyclopädie, т. 11, стр. 292—370. *Red.*

преобразъ Иисуса Христа (4, 1—10). Казнь Кайну (ст. 10—16). Благочестивое потомство Сива и нечестивое потомство Кайна (4, 16—24; 5, 1—32). Долголѣтїе патриарховъ. Чудное переселеніе Эноха (гл. 5, ст. 24). Сыны Божїи и сыны человеческіе. Всеобщее развращеніе людей, потопъ и избраніе Ноя (гл. 6 до 8).

Союзъ Бога съ Ноемъ и его потомками (9, 1—17); раздѣленіе потомства Ноя на три поколѣнія и судьба ихъ (9, 19—29); распространеніе потомства Ноева по землѣ (гл. 10); всеобщее развращеніе людей, судъ Божїй въ смѣшеніи языковъ, происхожденіе идолопоклонства и разсѣяніе народовъ (11, 1—9); предки Авраама (11, 10—32).

Авраамъ получаетъ повелѣніе отъ Бога оставить домъ отца и родную страну, чтобы сдѣлаться родоначальникомъ новаго поколѣнія. Съ полною вѣрою, Авраамъ внемлетъ сему призванію и идетъ въ страну обѣтованія (12, 1—9). Въ награду за свое повиновеніе Господу, онъ удостоивается, вмѣстѣ съ женою, особаго попеченія и благословенія Божїя (12, 10—20). Лотъ ищетъ временныхъ благъ; но Авраамъ не теряетъ вѣры въ обѣтованія Господни (гл. 13). За это Господь прославляетъ своего вѣрнаго раба побѣдою надъ Ходоллогоморомъ и другими царями сирійскими. Но побѣдитель, святой и великій Авраамъ, принимаетъ благословеніе отъ таинственнаго царя салимскаго Мелхиседека (гл. 14), которому приносить десятину добычи, что въ немъ преобразъ Иисуса Христа, Царя и Первосвященника Заѣта Новаго.

Господь обѣщаетъ Аврааму даровать наслѣдника по плоти отъ Сарры и свое обѣтованіе подтверждаетъ вступленіемъ въ за вѣтъ, или договоръ съ Авраамомъ (гл. 15). Не сынъ Агари долженъ быть наслѣдникомъ Авраама, потому что это—сынъ необрѣзаннаго и сынъ рабыни,—но сынъ обрѣзанія, имѣющійся родиться отъ Сарры (гл. 15, 16 и 17). Господь является Аврааму у дуба Мамврїйскаго,—и здѣсь Саррѣ повторяетъ обѣтованіе о сынѣ, чтобы уничтожить всякое ея сомнѣніе (18, 1—15). Между тѣмъ семейство Лота, обитая между развращенными жителями Содомы и Гоморры, принимаетъ частію нравы этихъ городовъ (18, 16—19). Богъ обѣщаетъ Аврааму волю свою—истребить эти города. Спасаетъ

ное отъ всеобщей гибели, семейство Лота снова впадаетъ въ грубые пороки злычества (19, 188). Сарра, мать обѣтованнаго сѣмени, сохраняется Богомъ среди злыческаго развращенія (гл. 20); раждаетъ обѣтованное дитя, послѣ чего Измаиль, сынъ Агари, отдѣляется отъ благословеннаго Богомъ семейства (21, 1—21). Сохраненный помощію Божию отъ Авимелеха, Авраамъ проводитъ многіе дни въ землѣ Филистимской (21, 22—34).

Авраамъ получаетъ повелѣніе Господне принести въ жертву Богу единороднаго своего сына Исаака. Не колеблясь, Авраамъ приступаетъ къ исполненію повелѣнія Божія, и останавливается лишь вслѣдствіе новаго повелѣнія свыше (22, 1—19). Испытанная такимъ образомъ, вѣра Авраама привлекаетъ на него новыя благословенія и дары Божіи. «Мною клянусь, сказалъ Господь, что, такъ какъ ты сдѣлалъ сіе дѣло, не пожалѣвъ сына твоего, единственнаго твоего, для Меня: то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу сѣмя твое... И благословятся въ сѣмени твоёмъ всѣ народы земли» (гл. 22, 16. 17). Сарра скончалась. Авраамъ похоронилъ ее близъ Хеврона, въ пещерѣ Махпелѣ, купленной у Ефрона-хетейнина (23, 1—20). Послѣ того, Авраамъ, по волѣ Господа, указываетъ сыну своему Исааку невѣсту въ семействѣ брата своего Нахора, — внуку его, дочь Вауила (24, 4—61). Наслѣдникъ Авраама, Исаакъ вступаетъ, по указанію божественному, въ бракъ съ Ревеккою (гл. 24, ст. 62—67). Авраамъ, по смерти Сарры, вступаетъ также въ бракъ съ Хеттурою и имѣетъ шестерыхъ сыновей, сдѣлавшихся впоследствии родоначальниками разныхъ народовъ. Остатокъ дней своихъ Авраамъ проводитъ въ мирѣ (гл. 25, 1—11). Исаакъ является единственнымъ благополучнымъ наследникомъ своего отца (гл. 25, 12—17). Потомство Измаила, сына Агари, размножается; кончина его мирная на 137 году отъ рожденія.

Послѣ долгихъ ожиданій, неплодная Ревекка раждаетъ Исааку близнецовъ, — Исава и Иакова (25, 19—26). Старшій Исавъ продаетъ свое первородство Иакову (25, 27—34). Благословеніе, данное Богомъ Аврааму, переносится на Исаака, и онъ видитъ многочисленныя доказательства благоволенія

Божіа. Господь охраняетъ Ревекку въ Геравахъ (26, 7—11) и имущество Исаака въ землѣ Филистимской (26, 12—23). Обѣтованіе Божіе о благословенномъ потомствѣ, данное Аврааму, повторяется Исааку (26, 24—25), вслѣдствіе чего царь Авимелехъ ищетъ съ нимъ союза (26, 25—31). Союзъ этотъ заключается у владыка клятвеннаго (26, 32—33).

Иаковъ, посредствомъ допущенной Богомъ и устроенной Ревеккою хитрости, приобретаетъ себѣ благословіе первородства, и такимъ образомъ какъ будто люди сами совершаютъ то, что, между тѣмъ, было предопредѣлено свыше (27, 1—37). Исавъ, взаменъ того, получаетъ обѣщаніе земныхъ благъ (27, 38—40). Отъ злобы брата Иаковъ удаляется изъ дома отеческаго и странствуетъ въ Месопотамію — родину своихъ предковъ (27, 41; 28, 5); Исавъ въ это время вступаетъ въ родственныя связи съ измаильтянами, думая угодить отцу своему, чуждавшемуся хананейнъ (28, 6—9).

На пути въ Месопотамію, Иаковъ получаетъ откровеніе отъ Бога, причемъ ему повторены обѣтованія, данныя Аврааму и Исааку. Въ пророческомъ снѣ онъ видитъ лѣствицу, достигающую отъ земли до неба (пробразъ Богоматери, чрезъ которую небо соединилось съ землею, Богъ съ человѣкомъ), и Господь вѣщаетъ ему: «Я Господь, Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака, — не бойся... И благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоёмъ всѣ племена земныя» (28, 10—22). Иаковъ въ Месопотаміи 7 лѣтъ работаетъ дядѣ своему Лавану, чтобы получить руку его младшей дочери — Рахили, но, получивъ Лию — старшую, работаетъ еще 7 лѣтъ. Богъ изъ за Иакова умножаетъ богатство Лавана, а самого Иакова благословляетъ большимъ семействомъ и въ значительной степени — земнымъ благосостояніемъ (29, 1—30, 43). Корыстолюбивый Лаванъ не отпускаетъ Иакова въ землю обѣтованную, — и ему приходится бѣжать изъ дома Лаванова тайно; но Господь сохраняетъ его отъ ярости Лавана (31, 1—55) и утѣшаетъ его видѣніемъ полчища Ангеловъ (32, 1—2).

Иаковъ возвращается въ Ханаанъ. Ему предстоитъ укротить гнѣвъ брата своего Исава, у котораго онъ какъ-бы предвосхитилъ право первородства. Молитва и явленіе самого Бога во образѣ Ангела, борющагося съ нимъ до утра, укрѣп-

яютъ мужество Иакова (32, 3—32). Такимъ образомъ Господь спасаетъ Иакова отъ ярости Исава, и Иаковъ поселяется въ странѣ обѣтованія (гл. 33). Но и Иаковъ, подобно предкамъ своимъ, подвергается тяжкимъ испытаніямъ. Оскорбленіе дочери его Дины княземъ сихемскимъ и варварскія убійства, совершенныя Симеономъ и Левіемъ въ Сихемѣ, причиняютъ Иакову величайшую скорбь (гл. 34). Господь укрѣпляетъ Иакова повтореніемъ своихъ обѣтованій, повелѣваетъ переселиться въ Веѣиль и даетъ ему новое имя—Израиль (35, 1—15). Вскорѣ Иаковъ лишается Рахили, видитъ новое испытаніе въ преступленіи Рувима, и возвращается къ своему отцу въ Хевронъ (35, 16—27). Послѣ смерти Исаака (180-ти лѣтъ), Иаковъ поселяется въ обѣтованной землѣ, а Исавъ дѣлается родоначальникомъ многочисленнаго и сильнаго племени Эдомитянъ.

Иосифъ, любимый сынъ Иакова отъ Рахилы, былъ проданъ въ рабство завистливыми своими братьями, возненавидѣвшими его особенно вслѣдствіе сновъ, которые предвѣщали его возвышеніе надъ всѣмъ семействомъ (гл. 37). Въ то время, какъ женитьба сына Иакова Иуды на хананейку и удачный обманъ его невѣстою—Фамарью причиняютъ новыя огорченія Иакову (гл. 38), юный сынъ его Иосифъ, благословенный Богомъ, послѣ неправеднаго заключенія въ темницѣ (гл. 39), посредствомъ чудеснаго истолкованія сновъ Фараона приобрѣтаетъ высокое положеніе при дворѣ египетскаго царя (гл. 40 и 41).

Братья Иосифа являются къ нему, чтобы купить пшеницы, такъ какъ былъ голодъ по всей землѣ. Иосифъ не сразу открывається братьямъ, чтобы узнать, раскаялись ли они въ своихъ дурныхъ поступкахъ съ нимъ (гл. 42—44). Когда поведеніе братьевъ убѣдило его въ томъ, онъ открывається имъ, радушно принимаетъ ихъ и, вмѣстѣ съ престарѣлымъ Иаковомъ, приглашаетъ ихъ поселиться въ Египтѣ (45, 1—24).

Иаковъ вопрошаетъ Бога и получаетъ сонзволеніе на переселеніе въ Египетъ. Фараонъ даетъ ему для поселенія лучшую область Египта, Гесемъ (45, 25—46). Иосифъ представляетъ Фараону отца своего и братьевъ и окружаетъ ихъ жизнь самыми лучшими условіями (46, 31—47).

Почувствовавъ приближеніе смѣрти (47, 28—31), Іаковъ, созвавъ къ себѣ дѣтей, своихъ, благословляетъ ихъ, при чемъ предсказываетъ судьбу и характеръ потомства каждаго изъ нихъ; сыновей Іосифа Ефрема и Манассію благословляетъ крестообразно, положивъ правую руку на младшаго, а лѣвую на старшаго; обоихъ усыновляетъ себѣ и назначаетъ удѣлы—каждому на равнѣ съ удѣлами дядей (гл. 48). Четвертому сыну Іудѣ Іаковъ передаетъ право первородства и пророчествуетъ, что отъ его потомства произойдетъ Мессія—Примиритель, Чаяніе народовъ (гл. 49). Наконецъ, онъ завѣщаваетъ похоронить свои кости въ землѣ обѣтованной (гл. 50, 1—13). Съ такимъ же завѣщаніемъ отходитъ къ отцамъ и Іосифъ (50, 14—26).

ОБЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ КНИГИ ПСОХДЪ.

Бѣдствія израильтянъ въ Египтѣ начинаются по смерти Іосифа. Быстрое размноженіе евреевъ внушаетъ опасеніе египтянамъ, и они принимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы положить предѣлъ размноженію израильскаго народа, но безуспѣшно (гл. 1).

Во времена величайшихъ страданій народа Божія рождается Моусей, въ колѣнѣ Левинномъ. Провидѣніе чудеснымъ образомъ охраняетъ жизнь младенца еще въ колыбели (гл. 2, 1—9). Воспитанный при дворѣ, Моусей не забываетъ своего происхожденія, оказываетъ сердечное сочувствіе къ страданіямъ своего народа; но вслѣдствіе этой причины онъ долженъ былъ бѣжать изъ Египта (2, 10—15). Въ землѣ Мадіамской онъ живетъ до смерти воспитавшаго его Фараона. Въ это время Господь является Моусею въ огненной купинѣ (прообразъ Богоматери) и повелѣваетъ ему вывести израильтянъ изъ Египта (2, 16—3, 10). Господь открываетъ Моусею свое вѣчное имя (Іегова, С и ѵ), обѣщаетъ успѣхъ въ его посольствѣ, сообщаетъ ему, для ободренія, сверхъ-естественныя силы (3, 11; 4, 17). Получивши отъ Господа подробныя наставленія, какъ вести дѣло съ Фараономъ, Моусей отправляется въ Египетъ (4, 18—23). Во исполненіе божественной воли, на дорогѣ его встрѣчаетъ братъ, Ааронъ. Народъ съ

вѣрою принимаетъ Моусея, какъ посланника Божія (4, 24—31). Моусей является къ Фараону, заявляетъ требованіе отъ лица всемогущаго Бога, но получаетъ отказъ; послѣ чего положеніе израильскаго народа ухудшилось (5, 1—21). Отчаяніе народа ослабляетъ мужество Моусея, но Господь является ему и укрѣпляетъ его утѣшительными обѣтованіями о судьбахъ израиля и снова повелѣваетъ ему предстать предъ Фараона съ требованіемъ объ освобожденіи израильтянъ. (5, 22; 6, 13) Тогда-то Моусей вступаетъ въ борьбу съ жестокосердіемъ Фараона (6, 14—27).

Чтобы убѣдить его въ силѣ и могуществовѣ того Бога, по повелѣнію котораго Моусей являлся къ Фараону съ ходатайствомъ за еврейскій народъ, на землю Египетскую посланы были страшныя бѣдствія. Десять казней слѣдовали одна за другою; онѣ начинались всегда по слову Моусея и прекращались также по его молитвѣ (6, 28—10, 29). Тягчайшею казнію была послѣдняя, заключавшаяся въ истребленіи египетскихъ первенцевъ (гл. 11). Въ то время, когда ангель — истребитель поражаеъ египтянъ, евреи совершали новоучрежденный праздникъ Пасхи. Название это происходитъ отъ еврейскаго слова *пасахъ*, что значитъ прошелъ, миновалъ, то есть, Ангель смерти миновалъ жилища еврейскія, на которыхъ видѣль слѣды крови пасхальнаго агнца (12, 1—28). Послѣ пораженія первенцевъ, египтяне сами стали просить израильтянъ удалиться изъ земли ихъ (29—41). Съ тѣхъ поръ евреи ежегодно празднуютъ Пасху (42—51), въ память избавленія отъ рабства египетскаго, рукою Моусея. Съ тѣхъ поръ и первенцы израильскіе были посвящены Богу, въ память того, что ихъ не коснулась рука ангела—истребителя (13, 1—16).

Бедомыи Богомъ, израильтяне шли сначала по направленію къ Чермному морю (13, 17—22), но за тѣмъ измѣнили свое направленіе; это дало Фараону поводъ думать, что они блуждаютъ, и начать преслѣдованіе ихъ (14, 1—5). И Фараонъ дѣйствительно погнался за израильтянами, но на днѣ Чермнаго моря нашель погибель, тогда какъ народъ Божій прошелъ море, какъ сушу (6—31). Тогда Моусей и Маріамъ воспѣли благодарственную пѣснь Богу (15, 1—21). Этотъ

переходъ вмѣстѣ служилъ прообразомъ избавленія христіанъ отъ рабства грѣху и діаволу, перехода ихъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси.

За Чернымъ моремъ, въ пустынѣ Суръ, Моисей, по повелѣнію Господа, посредствомъ куска дерева (прообразъ креста) превращаетъ горькую воду Мерры въ годную для питья и здоровую (15, 22—26). Въ пустынѣ Самъ Господь питаетъ алчущій народъ крестелями и манной (16, 1—36), которая ежедневно спадала съ неба (кромѣ субботы) и служила единственною пищею для израильтянъ, до самаго вступленія въ землю обѣтованную; въ Рафидимѣ Господь напоетъ жаждущій народъ водою изъ камня (17, 1—7). Нападеніе Амалитянъ, отражается молитвою Моисея, крестообразно поднявшаго руки къ небу (8—16). По совѣту Іоѳора, Моисей назначаетъ народу семьдесятъ судей (гл. 18).

Послѣ того, какъ народъ израильскій выразилъ желаніе вступить въ торжественный завѣтъ, или союзъ съ Богомъ, назначено было три дня, въ теченіе которыхъ народъ долженъ былъ приготовиться къ явленію славы Господа (19, 1—15). По истеченіи сихъ дней, Господь явился народу въ страшномъ величіи на горѣ Синаѣ; въ то время, какъ пораженный ужасомъ народъ находился у подошвы горы (16—25), Моисей взшелъ на гору; Богъ возвѣщаетъ народу израильскому свой законъ, и прежде всего десять заповѣдей, какъ основныя условія завѣта (гл. 20, 1—17). Народъ, не чувствуя въ себѣ силы находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу, проситъ Моисея быть посредникомъ предъ Богомъ, и, при этомъ посредствѣ, получаетъ дальнѣйшіе законы завѣта (18—26).

Эти законы заповѣдуютъ вѣру въ единаго Бога, внушаютъ уваженіе къ челоѳическому достоинству раба, къ жизни и здоровью ближняго, къ собственности въ разныхъ ея видахъ (22, 2—14); разъясняютъ права и обязанности родителей и дѣтей (15—17); преслѣдуютъ волшебство, развратъ, идолослуженіе (18—20); предписываютъ милосердіе къ иностранцамъ, вдовамъ, сиротамъ и нищимъ, страхъ къ Богу и почтеніе къ правительству; подтверждаютъ заповѣдь о первенцахъ (21—30). Далѣе внушается правдивость въ дѣлахъ судебныхъ,

снисходительность въ врагамъ, къ людямъ бѣднымъ и несчастнымъ (23, 1—9); устанавливаются правила празднованія субботняго дня и юбилейнаго года (10—12). Наконецъ, израиль обязывается три раза въ годъ являться предъ Господа, не входить въ сношенія съ народами ханаанскими и вѣрно служить Богу живому и истинному.

Послѣ того, какъ народъ изъявилъ согласіе принять и исполнять всѣ законы Господни (1—8), представители народа восходятъ на гору Синай, чтобы видѣть мѣсто явленія Господня (9—11), Моисей же, по повелѣнію Божию, остается на Синаѣ 40 дней (12—18). Богъ общается вселиться и жить съ народомъ своимъ. Мѣстомъ молитвы и мѣстомъ явленія славы Божіей назначается *скинія* свидѣнія, устройство которой Самъ Господь показалъ Моисею на горѣ.

Израиль призывается къ пожертвованіямъ на сооруженіе святилища (25, 1—9). Въ немъ поставляется ковчегъ завета (25, 10—22), столъ для хлѣбовъ предложенія (23—30) и золотой свѣщникъ (31—40). Далѣе описываются устройство скинии (гл. 26), жертвенникъ и внѣшній дворъ скинии (27, 1—19), образъ посвященія жрецовъ (28 и 29 гл.), алтарь кадильный (30, 1—10), сосудъ для умовенія рукъ и ногъ священнослужителей, составъ благовонныхъ куреній и муро для освященія богослужебныхъ предметовъ и для помазанія первосвященника Аарона и сыновъ его (ст. 18—30). Веселиль, изъ колѣна іудина, назначается главнымъ устройтелемъ скинии и всѣхъ сосудовъ, для чего получаетъ особые дары Духа Божія (гл. 31).

Народъ, думая, что онъ оставленъ Моисеемъ, сооружаетъ себѣ идола—золотаго тельца и хочетъ продолжать путь подъ его покровительствомъ (гл. 32). Господь изъявляетъ намѣреніе истребить вѣроломный народъ израильскій, но уступаетъ ходатайству Моисея (7—14). Моисей уничтожаетъ идолослуженіе (15—29). Господь объявляетъ народу, что огонь не самъ Онъ, но Его ангелъ будетъ показывать путь израилю (32, 30;—33, 3); но тронутый слезами народа, возвращаетъ ему свое благоволеніе (4—14), и, въ доказательство предложенія гнѣва на милость, являетъ Моисею славу Свою, но лица Своего не явилъ ему (33, 15; 34, 9). вмѣстѣ съ тѣмъ

израилю подтверждено, что необходимымъ съ его стороны условіемъ для поддержанія союза съ Богомъ должно быть воздержаніе отъ идолослуженія и вѣрное соблюденіе закона Божія (34, 10—27) Тогда даны народу новыя скрижали завѣта, на мѣсто первыхъ, разбитыхъ Моусеемъ при видѣ идолослуженія евреевъ. Народъ видитъ на лицѣ Моусея отображеніе сіянія Божественнаго, послѣ того, какъ онъ пробывъ вновь на Синаѣ сорокъ дней, удостоился долговременной бесѣды съ Богомъ (34, 29—35).

Послѣ этого, Моусей приступилъ къ сооруженію скинии, распредѣлилъ время работы, собралъ матеріалы, для построенія и назначилъ зодчихъ (35, 1—36, 7). Далѣе описывается самое сооруженіе скинии (36, 8—38), устройство сосудовъ, алтаря жертвеннаго и умывальниковъ, устройство внѣшняго двора (38, 1—20), исчисленіе матеріала, употребленнаго при устроеніи скинии (38, 21—41), изготовленіе священнической одежды (39, 1—31), передача скинии, по окончаніи ея устройства, Моусею (39—43).

Къ первому дню перваго мѣсяца (марта) все было приготовлено къ освященію и открытію скинии, ровно чрезъ годъ по выходѣ изъ Египта (40, 1—33). И вступилъ Господь въ скинию предъ лицомъ народа, чудное облако покрыло и слава Господня наполнила всю скинию. Съ этого времени облако носилось надъ скиніей и давало израильтянамъ знакъ къ путешествію, или остановкѣ (40, 34—38).

Книга Исходъ называется на еврейскомъ *вееде шемотъ* («сія и мена»,—этими словами начинается книга), а по гречески *Ἔξοδος* (исходъ, т. е. евреевъ изъ Египта). Она заключаетъ въ себѣ событія, совершившіяся въ теченіе времени отъ рожденія Моусея (гл. 2) до окончанія устройства скинии (около 81 года). Книга эта имѣетъ чрезвычайно важное значеніе не только для евреевъ, но и для христіанъ. Для первыхъ она служитъ продолженіемъ несомнѣнной исторіи ихъ предковъ, подтверждаетъ ихъ право называться народомъ Божиимъ, народомъ избраннымъ, указываетъ безчисленныя доказательства любви Божіей къ этому народу, повѣствуетъ о торжественномъ союзѣ его съ Богомъ, содержитъ главнѣйшія заповѣди и установленія, данныя Богомъ чрезъ Моусея.

Для христіанъ она служить продолженіемъ истинной исторіи міра, содержитъ яснѣйшія доказательства всемогущества, благодости и премудрости промысла Божія, въ устроеніи судьбы отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, примѣры добродѣтелей—для подражанія и примѣры казней за грѣхи—для устрашенія, преподаетъ нравственные законы, обязательные для всего человѣчества, и указываетъ многочисленныя прообразы новозавѣтныхъ событій, каковы: переходъ чрезъ Чермное море, воды Мерры, синайское законодательство, Аароново священство, кивотъ завѣта, устройство скиніи и другіе.

КНИГА ЛЕВИТЬ.

Третья книга Моисеева называется «Левить», по-еврейски *ваикро* (и воззвалъ, — первое слово въ книгѣ), по-гречески *λεωιτικου*, т. е. *βιβλιου* (левитская книга, или книга левитовъ), по-латинѣ *Leviticus*, т. е. *liber*. Она составляетъ какъ бы прибавленіе, или дополненіе къ книгѣ Исходъ. То, что въ этой послѣдней книгѣ сказано о скиніи, объ одеждахъ и Богослуженіи, кратко, книга Левить излагаетъ подробно. Самое названіе ея показываетъ, что она содержитъ наставленія объ обязанностяхъ, возложенныхъ Богомъ на потомковъ колѣна Левіина, изъ котораго исключительно должны были происходить первосвященникъ, священники и собственно левиты, или служители при скиніи. Въ книгѣ Левить излагаются законы гражданскіе (для евреевъ собственно) и обрядовыя, повѣствуется о посвященіи Аарона и сыновъ его, о погибели непокорныхъ Надава и Авіуда. Въ частности, въ книгѣ Левить содержатся:

1. Постановленія о жертвахъ, гл. 1—7, —

а) *Общія*: виды приношеній, способъ приношенія и поводы къ тому (гл. 1—5);—жертва всеожженія (гл. 1), жертвоприношеніе хлѣба (гл. 2), жертва снасенія (гл. 3), жертва о грѣхѣ священника, всего народа и отдѣльнаго лица (гл. 4), жертва вина (гл. 5).

б) *Особенныя для священниковъ* (6 и 7 гл.). Права и обязанности священниковъ при различнаго рода жертвахъ, выше

поименованныхъ (гл. 6, 1; 7, 36), постановленія о совершеиіи жертвоприношеній заключаются въ ст. 37 и 38 гл. 7.

2. Посвященіе Аарона — въ первосвященника и сыновъ его въ санъ священниковъ гл. 8—10.

а) *Посвященіе священниковъ*, послѣ предварительныхъ дѣйствій, совершается чрезъ возложеніе рукъ Аарона, омовеніе, облаченіе и помазаніе елеемъ и заключается жертвоприношеніемъ, которое служитъ символомъ отпущенія грѣховъ и вступленія въ исполненіе обязанностей священнаго званія. Посвященіе продолжается 7 дней (гл. 8).

б) *Посвященіе Аарона*, или собственно вступленіе его въ исполненіе обязанностей первосвященника (гл. 9) совершается чрезъ вторичное жертвоприношеніе и заканчивается благословеніемъ народа и торжественнымъ знакомъ богоугодности жертвы, приносимой новопосвященнымъ священнодѣйствователемъ, чрезъ ниспосланіе небснаго огня (9, 24).

в) Подтвержденіе важности устатовленныхъ обрядовъ казнію Надава и Авіуда, за принесеніе чуждаго огня; новыя наставленія сыновьямъ Аарона касательно пищи и образа ихъ жизни и обрядовъ жертвоприношенія (гл. 10).

3. *Постановленія о пищѣ* (гл. 11) Освященному Богомъ народу воспрещено прикасаться къ нечистой пищѣ и заповѣдано вкушать лишь такую, которую Господь признаетъ за чистую.

4. *Законы о родильницахъ*. Женщина, родившая дитя, считается нечистою и не должна имѣть общенія съ окружающими ее людьми до тѣхъ поръ, пока не очистится посредствомъ жертвоприношенія (гл. 12).

5. *Законы о прокаженныхъ и шелудивыхъ*. (гл. 13 и 14) Пораженіе тѣла болячками составляетъ также нечистоту. Священники должны имѣть наблюденіе надъ страдающими этого рода болѣзнію, различать проказу отъ простой сыпи, отлучать больныхъ отъ общенія съ здоровыми ближними, или же, подъ известными условіями, допускать къ сему общенію; но одежды прокаженнаго, во всякомъ случаѣ, должны быть преданы огню. По выздоровленіи, прокаженный долженъ очиститься посредствомъ жертвоприношенія. Жидища прока-

женныхъ также признаются нечистыми, и должны быть разрушаемы,—или во всемъ объемѣ, или, по крайней мѣрѣ,—въ нѣкоторыхъ частяхъ; но, во всякомъ случаѣ, они очищаются посредствомъ приношенія жертвы.

6. *Законы относительно половой жизни* (гл. 15). Половые истечения у мужчины и періодическія кровотеченія у женщины, какъ проявленія нечистоты, исключаютъ лица, подвергшіяся имъ, отъ общенія съ святынею и съ народомъ Божиимъ и требуютъ очищенія и, жертвы.

7. *Установленіе дня очищенія* (гл. 16). Такъ какъ вся плотская жизнь человѣка есть нечистота, и каждый такимъ или инымъ образомъ постоянно оскверняется, то весь народъ однажды въ годъ подлежитъ очищенію. Очищеніе это совершается посредствомъ жертвы, приносимой Господу самимъ первосвященникомъ. Въ этотъ день первосвященникъ входитъ во святая святыхъ и совершаетъ очищеніе не только всего народа, но и самой скиніи, которая оскверняется и; икоснове-ніемъ нечистаго народа. Кромѣ жертвеннаго тельца, Ааронъ долженъ былъ привести къ скиніи двухъ воловъ, и одного изъ нихъ, по жребію, принести въ жертву, а другаго —козла отпущенія—отослать въ пустыню.

8. *Законы о жизни и поведеніи* (гл. 17—25).

а) Относительно *пищи*. Заповѣдуются освящать пищу, избѣгать пищи нечистой, воздерживаться отъ крови и падали (17, 1—16).

б) Относительно *брака*. Брачныя узы должны быть свято почитаемы, кровосмѣшеніе и всякій видъ разврата воспрещается подъ страхомъ тяжелаго наказанія (гл. 18).

в) Относительно *поведенія* вообще. Израиль долженъ помнить, что онъ есть народъ Божій и поступать вообще соотвѣтственно своему призванію (гл. 19).

г) Наконецъ, страхомъ *наказаній* израиль предостерегается отъ идолослуженія, волхвованія, непонтенія къ старшимъ и всякихъ грѣховъ плотскихъ (гл. 20).

д) Священники не должны выражать сѣтованіе объ умершихъ. Брачныя отношенія ихъ должны быть чисты. Лица, обладающія тѣлесными недостатками, должны быть исключены изъ среды священниковъ. Священникъ, осквернившій себя

чѣмъ-либо, долженъ остерегаться прикосновенія къ предметамъ освященнымъ. Лица, не принадлежащія къ семейству священника, не имѣютъ права вкушать отъ пищи жертвенной. (гл. 21 и 22).

9. *Законы о богослуженіи.*

Здѣсь заключаются постановленія:

а) *О праздникахъ* субботы, пасхи, опрѣсноковъ, жатвы, трубъ, днѣ очищенія и праздникѣхъ кущей (гл. 23).

б) *О ежедневномъ богослуженіи*, которое состоитъ въ приношеніи елея и хлѣбовъ предложенія (гл. 24).

в) *О субботнихъ годахъ* (черезъ шесть лѣтъ въ седьмой землѣ нужно давать отдыхъ и не засѣвать полей, въ пятидесятый должно совершать передѣлъ земли, возвращать проданное и заложное, отпускать рабовъ на свободу) (гл. 25).

Заключеніе къ изложенію синайскаго законодательства составляетъ гл. 26. Господь обѣщаетъ благословеніе израильтянамъ и счастливое состояніе въ землѣ обѣтованной, если они свято будутъ наблюдать данные Богомъ законы; и угрожаетъ изгнаніемъ изъ обѣтованной земли и порабощеніемъ отъ язычниковъ, въ случаѣ ослушанія и нарушенія законовъ Божіихъ.

Прибавленіе къ изложенію синайскаго законодательства: законы объ обѣтахъ (гл. 27). Предметами обѣтовъ могутъ быть люди, скотъ, дома, нивы. Израильтянинъ, давшій обѣтъ относительно одного изъ этихъ предметовъ, можетъ его выкупить. Не подлежатъ выкупу лишь первенцы и десятины.

Св. Апостоль Павелъ говоритъ, что Вѣтхій Законъ имѣлъ только тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей (Евр. 10, 1); что скинія Моусеева была образомъ настоящаго времени (новозавѣтнаго), что Иисусъ Христосъ, Первосвященникъ будущихъ благъ, пришедши съ большею и совершеннѣйшею скиніею (пречистою плотію Своею), и не съ кровію тельцовъ и козловъ, но съ Своею кровію, однажды вошелъ во святилище (на Голгоѣ), и приобрѣлъ (всему міру) вѣчное искупленіе (Евр. 9, 9—12). Вотъ какое значеніе имѣетъ для христіанъ книга «Левитъ» и все ветхозавѣтное Богослуженіе!

Четвертая книга Моисеева у евреевъ получила названіе, по обычаю, отъ перваго слова, которымъ она начинается— *бамидебаръ* (и рече); у грековъ она названа *Αριθμοί*, у латинянъ *Numeri*, числа. Оба послѣднія названія происходятъ отъ того, что въ началѣ и концѣ книги находится «перечисленіе» народа израильскаго по колѣнамъ и родамъ, также исчисленіе становъ, или останововъ его въ пустынѣ. Она содержитъ въ себѣ повѣствованіе о событіяхъ во время странствованія евреевъ по пустынѣ отъ горы Синая до предѣловъ земли обѣтованной; написана святымъ вождемъ ихъ Моисеемъ «на равнинахъ моавитскихъ, у Иордана, противъ Іерихона» (гл. 36, ст. 13). Цѣль ея написанія была, очевидно, та, чтобы продолжить исторію событій, начатую въ книгѣ Исходъ, и сохранить память о новыхъ чудесахъ и благодѣяніяхъ Божіихъ къ народу израильскому, равно какъ о буйствѣ, невѣрїи и непостоянствѣ этого народа. И въ этой книгѣ заключается много важныхъ для христіанина уроковъ, наставленій и прообразовъ новозавѣтныхъ событій (вода изъ камня, мѣд-ный змій). Она обнимаетъ время отъ втораго мѣсяца втораго года по исшествіи евреевъ изъ Египта, до конца странствованія, или періодъ около 38 лѣтъ. Въ частности, книга числъ описываетъ:

1. Приготовленіе израиля къ выступленію въ походъ (гл. 1—10). А именно:

а) Исчисленіе 12 колѣнъ и расположеніе ихъ становъ около скинии (гл. 1 и 2).

б) Исчисленіе потомковъ Левія и назначеніе ихъ къ служенію при скинии, вмѣсто первенцовъ народа израильскаго (гл. 3 и 4).

2. Устройство стана: со стороны внѣшней, со стороны внутренней, новые законы, относящіеся до нравственной жизни израиля, объ искупленіи вины, объ испытаніи женъ прелюбодѣйныхъ, о назоряхъ и ихъ воспитаніи (5, 5; 6, 21).

3. Благословеніе народа въ путь (6, 22—27).

4. Послѣднія событія на Синаѣ (гл. 7; 8, 14):

а) Жертвоприношеніе отъ начальниковъ 12 колѣнъ.

б) Посвященіе левитовъ.

в) Пасха на Сѣнаѣ.

5. Божественныя знаменія, означавшія время выступленія въ путь (9, 15; 10, 10).

6. Странствованіе израиля отъ Сѣна до равнины Моавитской:

а) Выступленіе изъ пустыни Сѣнайской;

б) Исторія о *гроблѣхъ похотѣлія* (гл. 11).

в) Неудовольствіе Аарона и Маріамны противъ Моисея (гл. 12).

г) О согладатаяхъ, посланныхъ въ землю обѣтованную, возмущеніе народа, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о силѣ обитателей ея, и наказаніе за это малодушіе (гл. 13 и 14).

7. Странствованіе израиля въ пустынѣ до Кадиса, (гл. 15—19).

Къ этому времени относятся а) нѣкоторые новые законы, явившіеся какъ бы въ ознаменованіе того, что завѣтъ Бога съ народомъ израильскимъ, даже и послѣ многократныхъ его нарушеній со стороны непокорнаго народа, продолжаетъ существовать; б) возмущеніе Корея и наказаніе народа, знаменовавшее непреложность воли Божіей о первосвященствѣ Аарона. Къ законамъ этого времени принадлежитъ—законъ объ особыхъ знакахъ на одеждѣ, о служеніи и доходахъ священниковъ и левитовъ, объ очищеніи челоуѣка, прикоснувшася къ мертвечинѣ, посредствомъ пепла рыжей молодой коровы.

8. Путь отъ Кадиса до равнины Моавитской (гл. 20 и 21). Здѣсь описываются:

а) Смерть Маріамны; б) недостатокъ воды, устраненный помощію свыше, грѣхъ маловѣрія, оказаннаго Моисеямъ, и его осужденіе; в) препятствія, возникшія при вступленіи въ землю Эдомскую; г) смерть Аарона и назначеніе первосвященникомъ Елеазара; д) побѣда евреевъ надъ царемъ Арадскимъ; е) прообразъ св. креста въ мѣдномъ змѣѣ; ж) побѣда надъ царями Сіономъ и Огомъ.

9. Событія въ равнинѣ Моавитской и раздѣленіе обѣтованной земли (гл. 22—36).

а) *Влааимъ и его пророчество* (гл. 22 до 24, 25).

По допущенію свыше, Валаамъ призванъ Валакомъ для того, чтобы изречь проклятіе на израиля; но еще на пути къ Валаку Валаамъ вразумленъ чуднымъ откровеніемъ. Посему, прибывши къ Валаку, вмѣсто проклятія, онъ изрекаетъ божественныя опредѣленія о великой судьбѣ израильскаго народа. Онъ говоритъ, 1) что израиль, какъ народъ избранія, не можетъ быть проклятъ (22, 41; 23, 10); 2) что Господь благословляетъ сей народъ и обитаетъ въ немъ (23, 11 до гл. 24); 3) что израиль распространится гдѣ своимъ наслѣдіи и сдѣлается могущественнымъ (24, 9); 4) что изъ среды израиля произойдетъ Вождь, который сокрушитъ всѣхъ враговъ своихъ (24, 10—24). Но, при всемъ томъ, Валаамъ, изъ корыстныхъ видовъ, даетъ Валаку гибельный для израильтянъ совѣтъ—соблазнить ихъ посредствомъ моавитскихъ женщинъ. Совѣтъ этотъ приведенъ въ дѣйствіе и навлекъ на израиля тяжкое бѣдствіе; но благочестивая ревность Финееса спасаетъ народъ отъ дальнѣйшихъ страданій.

б) Новое исчисленіе израильскаго народа по колѣнамъ, семействамъ и возрасту (гл. 26 и 27).

Въ пустынѣ Моавитской Моусей производитъ обзоръ израильскому народу и даетъ распоряженія о раздѣленіи земли обѣтованной. Къ этимъ опредѣленіямъ присоединяется новый законъ о наслѣдствѣ по женской линіи, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ мужскаго пола. Законъ этотъ вызванъ ходатайствомъ дочерей Салнаада (гл. 27).

в) Предвозвѣщеніе смерти Моусея и назначеніе ему преемника (27, 12—23).

г) Учрежденіе ежедневныхъ и праздничныхъ жертвоприношеній въ землѣ обѣтованной (28 до 30, 1), и подтвержденіе закона объ исполненіи обѣтовъ (30, 2—17).

д) Война съ Мадіанитянами (гл. 31).

е) Раздѣленіе заиорданской части земли обѣтованной (гл. 32), и исчисленіе становъ во время странствованія израиля (гл. 33, 1—9).

ж) Распоряженія о занятіи и раздѣленіи ханаанской земли (33, 30 до 36, 13): обитатели земли ханаанской должны быть истреблены и земля ихъ раздѣлена между колѣнами израиля.

вѣсти. Левиты получаютъ для жительства известные города. Некоторые города назначаются для того, чтобы служить убижищемъ для невольныхъ убійцъ.

Книга Числъ заключается разъясненіемъ закона о наследствѣ по женской линіи.

КНИГА ВТОРОЗАКОНІЯ.

Пятая книга Моисея названа по-гречески *δεύτερον νόμον*, т-е, *второй законъ*, не потому, что какъ будто бы она содержала въ себѣ новый законъ, отличный отъ синайскаго, а потому, что въ ней заключается *повтореніе* того же закона и подтвержденіе исполнять его. Книгу эту св. пророкъ Моисей написалъ въ землѣ моавитской, близъ Иордана, въ виду земли обѣтованной, за нѣсколько недѣль до своей кончины. Прошло уже почти сорокъ лѣтъ, какъ данъ былъ законъ на Синаѣ. Всѣ израильтяне, вышедшіе изъ Египта взрослыми, кромѣ весьма не многихъ, сложили свои кости въ пустынь. Оставались большею частію тѣ, которые были тогда младенцами, или родились во время сорокалѣтняго странствованія. Для нихъ-то нужно было вновь возвѣстити заповѣди Божіи и повторить Законъ синайскій, особенно къ виду близкой кончины великаго вождя ихъ и ходатая предъ Богомъ. Евреи называютъ эту книгу, по начальнымъ словамъ ея: *алле гаддебаримъ* (сія суть словеса). Раввины называютъ ее также «Мишна», что собственно значитъ повтореніе (Закона), и *сеферъ токахотъ*, книгою обличеній: Книга эта пользуется особеннымъ вниманіемъ у іудеевъ, хотя послѣднія главы ея, въ которыхъ заключаются угрозы евреямъ за отступленіе отъ закона, они до сихъ поръ не могутъ читать безъ ужаса и содраганія. Блаженный Иеронимъ называетъ эту книгу предъизображеніемъ Евангелія (*evangelica praefiguratio*). Дѣйствительно, то, что Спаситель сказалъ объ отверженіи іудеевъ и избраніи язычниковъ, задолго было предсказано Моисеемъ. Въ концѣ послѣдней своей книги, св. Моисей указываетъ на имѣющаго придти великаго Пророка, подобнаго ему, — повелѣваетъ іудеямъ слушаться Его и угрожаетъ по-

гибелью тому, кто не покорится этому Пророку (гл. 18, 18. 19).

Содержаніе книги Второзаконія слѣдующее:

1. Первая или вступительная рѣчь Моисея (гл. 1 до 5, 40).

Моисей напоминаетъ народу израильскому его благодатное призваніе и всѣ благодѣянія Божіи, оказанныя во время его странствованія въ землю ханаанскую, напоминаетъ о многократныхъ случаяхъ неблагодарности народа. Наказанія, посланныя Богомъ непокорному народу, были скоропреходящи, а благоволеніе Бога къ израилю не прекращалось. Господь даровалъ израилю побѣду надъ царями амморейскими, Сіономъ и Огомъ, и предалъ ихъ царства въ руки израиля. Господь уже ввелъ израиля во владѣніе частію земли обѣтованной, и дѣленіе сей земли между колѣнами народа израильскаго уже началось. Посему Моисей увѣщаетъ народъ твердо держаться завѣта, чтобы не подвергнуться гнѣву Божию и не быть разсѣянными отъ языческихъ племени.

2. Вторая рѣчь, или повторительное изложеніе закона (гл. 4, 44 до 26, 19).

Моисей вспоминаетъ сначала о происхожденіи десяти заповѣдей и о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое произвелъ на народъ гласъ синайскаго Законодателя (гл. 5), а потомъ изъясняетъ существо праведности или исполненія закона, которое заключается въ сердечной любви къ Богу (гл. 6).

Эта любовь должна выразиться у израиля:

а) *Постояннымъ обращеніемъ ума и сердца къ Богу* (гл. 7—18). По занятіи земли обѣтованной, израильтяне должны истребить ханаанскихъ обитателей ея вмѣстѣ съ ихъ идолопоклонствомъ (гл. 7). Представляя въ своей памяти тѣ событія изъ исторіи странствованія, гдѣ Господь являлся карателемъ народа за его неповорность, израилю не долженъ забывать Бога въ счастливыя времена, когда онъ вступитъ въ обладаніе богатствами земли обѣтованной, но стремиться къ тому, чтобы вѣрнымъ соблюденіемъ завѣта привлечь на себя новыя благословенія свыше (гл. 8—11). Въ видахъ увѣщенія народа въ вѣрѣ и благочестіи, Моисей заповѣдуетъ на-

роду имѣть одно мѣсто для богослуженія и совершать жертвоприношенія лишь въ одномъ этомъ мѣстѣ, которое уважаетъ Господь (гл. 12); строго преслѣдовать служеніе идоламъ (гл. 13); воздерживаться отъ языческихъ обычаевъ и не вкушать пищи нечистой (гл. 14); оказывать милосердіе къ бѣднымъ и рабамъ, въ особенности въ субботніе годы; приносить Богу то, что принадлежитъ Ему, какъ напримѣръ, первенцевъ отъ всѣхъ чистыхъ животныхъ; почитать Господа жертвоприношеніями въ праздники Пасхи, опрѣсноковъ и кущей, (гл. 15—16, 17). Въ видахъ благоустройства общественной жизни израиля, Моисей повелѣваетъ во всѣхъ городахъ назначать судей и правителей, для праведнаго суда надъ всѣми преступниками закона, при чемъ судьи должны совершать свое дѣло съ благоговѣніемъ, какъ дѣло святое (16, 18—17, 13). Если израиль избересть когда-нибудь себѣ царя, то и тогда значеніе данныхъ Богомъ законовъ не должно прекратиться, они останутся обязательными и для царя и для народа (17, 14—20). Наконецъ, любовь израиля къ Богу должна выражаться внимательностію къ нуждамъ священниковъ и левитовъ (18, 1—8), отвращеніемъ отъ язычества и волшебства и послушаніемъ вѣщаніямъ Пророка, посланника истиннаго Бога (18, 9—22).

б) Любовь израильтянъ къ Богу должна выражаться въ любви къ ближнему (гл. 19—25). Вся вторая половина второй рѣчи Моисея заключается въ разнаго рода узаконеніяхъ, исходной точкой которыхъ служить любовь къ ближнему и уваженіе къ человѣческому достоинству. Таковы слѣдующія узаконенія: назначеніе особыхъ городовъ, куда могли бы скрываться люди, совершившіе невольное убійство (19, 1—13); опредѣленіе строгаго наказанія за лжесвидѣтельство (19, 15—21); постановленія о войнѣ и военной службѣ, о томъ, какъ поступать съ осажденнымъ городомъ (гл. 20); законы о найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ (21, 1—9), о военноплѣнныхъ женщинахъ (21, 10—14), о предѣлахъ родительской власти (21, 15—21), о погребеніи висѣльниковъ (21, 22—23); установленіе отпускной грамоты для жены, оставляемой мужемъ (24, 1—5); предоставленіе сноповъ, забытыхъ на полѣ, въ пользу бѣдныхъ (24, 19—22);

установленіе позорнаго наказанія для брата, отказывающагося взять въ свой домъ жену умершаго брата (25, 4—10).

Заключеніе второй рѣчи Моусея представляетъ различныя распоряженія, исходящія изъ той мысли, что израиль всѣмъ благосостояніемъ обязанъ единому Богу и посему долженъ оказывать Ему безусловное повиновеніе (26, 1—19).

3. Третья рѣчь Моусея (гл. 27—30).

Въ третьей рѣчи Моусей завѣщаетъ народу, по вступленіи въ землю ханаанскую, поставить на горахъ Гевалѣ и Гаризимѣ камни, и на сплѣхъ камней начертать законъ Божій, въ знакъ того, что жители земли обѣтованія обязаны твердо держаться сего закона. Затѣмъ въ рѣчи Моусея слѣдуетъ благословеніе исполнителямъ закона и проклятіе преступникамъ его. Наконецъ, Моусей закликаетъ народъ израильскій вѣрно соблюдать законъ Господень, чтобы всегда быть достойнымъ благословенія Божія.

Конецъ книги составляютъ: прощаніе Моусея съ народомъ и смерть Моусея (гл. 31—34).

Моусей общается народу и Иисусу Навину божественную помощь при завоеваніи земли ханаанской, заповѣдуетъ священникамъ хранить законъ и читать его народу чрезъ каждые шесть годовъ въ седьмой. Послѣ того Моусей получаетъ повелѣніе отъ Бога составить пѣснь, заключающую угрозы на отступничество израиля отъ закона. Наконецъ Моусей передаетъ левитамъ книгу закона и въ слухъ всего народа произноситъ составленную имъ, по повелѣнію Божию, пѣснь. Въ ней Моусей сопоставляетъ постоянное и неизмѣнное благоволеніе Господа къ израилю съ постояннымъ отступничествомъ израиля. Затѣмъ изображается гнѣвъ Божій на невѣрный родъ израиля, и грозный судъ Господень, послѣдствіемъ котораго будетъ всеобщее уничтоженіе враговъ Всемогущаго ⁽¹⁾, заключеніе

---

(1) Эта грозная пѣснь составляетъ содержаніе второй пѣсни канона, который поется только во дни Великаго поста; въ прочихъ канонахъ вторая пѣснь выпускается; потому что св. христіанская Церковь не желаетъ огорчать дѣтей своихъ прилженіемъ къ нимъ упрековъ, сдѣланныхъ еврейскому народу.

же пѣсни предвѣщаетъ лучшія времена, когда по совершеніи праведнаго суда Божія, возвеселится вся земля.

Изреченіе благословеніе на всѣ колѣна израильтянъ, Моисей восходитъ на гору Нававъ, чтобы видѣть землю обѣтованную, и тамъ испускаетъ духъ. На мѣсто Моисея воздемы народъ назначается Іисусъ Навинъ. Это свидѣніе о кончинѣ Моисея могло быть написано или преемникомъ его Іисусомъ Навиномъ, или Эздрую, или даже самимъ Моисеемъ въ духѣ пророчества.

(Продолженіе статьи).

ВѢСДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Если Ветхій Завѣтъ представляетъ намъ столь много чудеснаго относительно силы молитвы, то Новый Завѣтъ еще болѣе поучителенъ въ этомъ отношеніи. Онъ указываетъ намъ на Самаго Іисуса Христа, Который, не смотря на то, что былъ святъ, совершенъ и всемогущъ, но часто молился Отцу Небесному, въ продолженіе всей своей земной жизни. По примѣру Его, и св. Апостолы всегда молились Богу: *блгу выму въ церкви*, говоритъ Евангелистъ Лука, *хваляще и благословяще Бога* (24, 53.) Сознывая важность молитвы, Апостолы заповѣдывали и вѣрующимъ молиться во всякое время и на всякомъ мѣстѣ: *всякою молитвою и моленіемъ молящися*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *молитесь на всяко время* и о всѣхъ (Ефес. 6, 18). Первые христіане, слѣдуя внушеніямъ Апостоловъ, пребывали постоянно въ молитвѣ (Дѣян. 2, 26). Молились постоянно и первые христіане, и въ церкви и въ домахъ своихъ (Дѣян. 2, 42.) Молитвы всегда и во всѣ времена признавались самымъ не-

обходимымъ средствомъ въ дѣлѣ спасенія. Впрочемъ, я убѣжденъ, что вы, наученные съ дѣтства въ домахъ родителей молиться и уважать молитвы, не станете отвергать важность и христіанскихъ молитвъ; но убѣжденъ также и въ томъ, что многіе изъ васъ, несмотря на то, не очень-то усердны къ христіанскимъ молитвамъ: другой, вставъ отъ сна, не прочтетъ положенныхъ молитвъ, а кое-какъ перекрестится и примется за бѣду; тоже и передъ обѣдомъ и послѣ онаго, вечеромъ, передъ сномъ, не прочтетъ установленныхъ молитвъ и не помолится, какъ слѣдуетъ. А вѣдь когда мы были іудеями, куда какъ горячо молились; вѣдь мы считали непремѣнной обязанностію явиться утромъ и вечеромъ на молитву въ синагогу; отъ чего же теперь мы сдѣлались нерадивы къ молитвѣ? Иные изъ васъ говорятъ: «не все ли равно, какъ ни молиться? Вѣдь и изъ природныхъ христіанъ тоже дѣлаютъ; и они кой-какъ молятся и крестятся». А что, если бы вы сказали, будучи въ іудействѣ, своему отцу или руководителю вѣры, что можно вамъ кой-какъ молиться и какънибудь возлагать на себя богомоліе — т ф и л и мъ? Вѣдь они крѣпко пожурили бы васъ и заставили бы исполнять молитву такъ, какъ предписываетъ синагога, напримѣръ: и е л р о ш ъ — головное богомоліе возложить непременно на средину лба; «предъ глазами твоими, кричить отецъ сыну, пусть будетъ оно»; а ш е л - я д ъ — ручное богомоліе — возложить на мышцу руки. Вы не посмѣли бы тогда не принять такого ихъ внушенія и стали бы усердно молиться.

Итакъ, если всякое отступленіе отъ правилъ іудейскихъ молитвъ, къ которымъ, какъ вы видѣли, не благоволилъ Господь, считалось для насъ преступнымъ дѣломъ, если несоблюденіе правилъ относительно богомолій считалось нарушеніемъ законовъ: то согласитесь, братія, сколько погрѣшаемъ мы, когда молимся не такъ, какъ учить насъ св. Церковь, когда возлагаемъ на себя крестное знаменіе кое-какъ! Для чего возлагаетъ на себя іудей богомоліе? Для того, чтобъ этимъ напомнить себѣ плѣнъ египетскій и избавленіе отъ онаго. Что напоминаетъ намъ крестное знаменіе и для чего мы крестимся? Крестъ напоминаетъ намъ, что имъ совершено спасеніе наше и побѣжденъ діаволь, во власти во-

того находились отъ вѣка сыны Адама. Величайшее благо, которое принесъ намъ крестъ Господа Иисуса Христа, приносить онъ и доселѣ христіанину. Онъ не перестаетъ быть оружіемъ надъ діаволомъ, предъ которымъ, по выраженію Церкви, діаволь «трепещетъ и трасется, не терпя взирати на силу его». Крестъ есть, по слову Апостола, сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему (Рим. 1, 16). Христіане употребляютъ знаменіе креста какъ печать Божественной благодати, освящающей не лобъ только и мышцы руки, но и лице, и сердце, и оба рамена, — такъ что крестомъ христіанинъ освящаетъ и ограждаетъ всего себя. Не напрасно св. Киприалъ Іерусалимскій, сознавая важность крестнаго знаменія, убѣждаетъ христіанъ на всемъ изображать его: «да не стыдимся, говорить онъ, вѣровать въ Распятаго, со дерзновеніемъ, да изображаемъ рукою знаменіе креста на челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ, на чашѣ, изъ которой пьемъ; да изображаемъ его при входѣ и выходѣ, когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся въ пути и отдыхаемъ.» Относительно же того возраженія нѣкоторыхъ изъ васъ, что и природныя христіане молятся и крестятся кое-какъ, нужнымъ считаемъ сказать вотъ что. Представьте себѣ, друзья, еслибъ кто изъ васъ за какую-либо вину подвергся бы тюремному заключенію и вошедши въ тюрьму увидѣлъ бы многихъ заключенныхъ узниковъ: лучше ли почувствовалъ бы онъ себя отъ этого? Конечно, нѣтъ. А вѣдь временное заключеніе, въ сравненіи съ будущею участію грѣшниковъ, коихъ ожидаетъ геенна, далеко не то. И какая можетъ быть польза для грѣшника, если онъ увидитъ и тьмы темъ людей, гибнущихъ подобно ему въ адѣ? Онъ скорѣе этимъ еще болѣе будетъ терзаться. А не лучше ли намъ смотрѣть на тѣхъ, которые могутъ служить добрымъ примѣромъ въ дѣлѣ молитвы и назидаться правилами ихъ жизни? Я на опытѣ убѣдился, что это лучше. Со дня обращенія моего въ христіанство, я всегда старался сближаться съ такими христіанами, которые могли бы служить не соблазномъ для меня, въ дѣлѣ вѣры, а добрымъ примѣромъ къ сему, — и благодареніе Богу, я ихъ всегда находилъ между всѣми сословіями. Я былъ крайне удивленъ, когда печально удалось увидѣть православ-

наго христіанина въ уединеніи, на молитвѣ, съ разпростертыми руками, предъ святыми иконами. Смотри на него и на многихъ другихъ подобно молящихся, и, такъ сказать, невольно научался благоговѣйной молитвѣ. Поступайте же и вы такъ! Берите съ хорошихъ примѣровъ, старайтесь имѣть добрыхъ руководителей въ дѣлѣ вѣры и молитвы,—и они научатъ васъ молиться.

Поэтому-то и совѣтую вамъ, братія, ради собственнаго же вашего блага, быть усердными въ молитвѣ. Молитесь не только о себѣ, но и о другихъ. Впервыхъ, необходимо молиться за Государа, покровителя Церкви и отца отечества; во вторыхъ, молитесь за сродниковъ и благодѣтелей и наконецъ не забывайте въ молитвахъ и умершихъ братій, молитесь о спасеніи душъ ихъ. Молитвою можете все совершить и все испросить у Бога.

УШ. О ПОЧИТАНІИ ПРАЗДНИКОВЪ.

Во многихъ мѣстахъ священныхъ книгъ Моисей говоритъ о почитаніи праздниковъ. Законъ опредѣлялъ время для каждаго праздника и указывалъ какъ ихъ отправлять, даже узаконено, какія жертвы въ какой праздникъ должно приносить Богу. Вамъ, братія, хорошо должно быть извѣстно и то, какъ наказывались нарушители праздниковъ. Такъ, на примѣръ, за несоблюденіе субботы побивали камнями. Итакъ, если отъ израиля требовалось безусловное почитаніе праздниковъ и священнаго дня субботы, дня временнаго покоя, то посудите: какъ святъ долженъ быть для насъ день воскресный, замѣнившій древнюю субботу,—день, въ который воскресъ Господъ нашъ Іисусъ Христосъ и чрезъ свое воскресеніе доставилъ вѣрующимъ надежду вѣчнаго покоя и блаженства! Также свято должны мы почитать и всѣ прочіе праздники. Но хранимъ ли мы ихъ какъ слѣдуетъ? Правда, мы не прочь повеселиться въ дни праздничные, не отказываемся сходить въ гости и къ себѣ принять знакомыхъ и друзей, но посвятить день праздничный Господу, молитвѣ и Богоугоднымъ дѣламъ, мы тяготимся. Многіе ли изъ насъ бываютъ въ праздничные дни въ церкви? Стоить только зайти въ церковь и, увы! едва ли

увидишь тамъ кого-либо изъ крещенныхъ евреевъ; а вѣдь насъ теперь здѣсь не мало! Вспомните, что, когда были мы евреями, то за стыдъ, за грѣхъ считали не сходить въ синагогу и утромъ и вечеромъ, даже если бы праздникъ продолжался нѣсколько дней. Почему жъ, спрашиваемъ, теперь сдѣлались вы такъ нерадивы въ отношеніи христіанскихъ праздниковъ? По моему мнѣнію, причиною тому то, что вы не знаете въ чемъ они заключаются, а главное еще то, что много дурнаго натолковали вамъ противъ нихъ.

IX. ТОЛКИ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ЕВРЕЯМИ О ХРИСТИАНСКИХЪ ПРАЗДНИКАХЪ.

Въ числѣ такихъ толковъ особенно живо помнится мнѣ вотъ что. Бывало, во дни Рождества Христова и особенно Св. Пасхи, закипитъ жизнь на улицѣ, сотни православныхъ христіанъ соберутся повеселиться, а другіе поторговать (и непременно близъ церкви, потому что въ мѣстечкахъ, заселенныхъ евреями, рынокъ большею частію устраивается именно близъ церкви, гдѣ еврей не преминуетъ поставить шинокъ, къ соблазну православнаго люда). Глядя на это съ изумленіемъ, я нерѣдко спрашивалъ отца: «тата! что это творится теперь въ мѣстечкѣ, — отъ чего такое веселіе вездѣ?» Отецъ отвѣчалъ: «у гоевъ сегодня праздникъ — кесахъ — пасха, поэтому имъ необходимо веселиться и пить водку. Знай, что это допускаетъ Богъ для нашего же блага; вотъ они, гон, напимѣрь, попьютъ, а у насъ въ домѣ останется рубликъ — другой на шабашъ, иначе гдѣ бы намъ взять нужные припасы для этого св. дня? Вотъ Господь, зная это и любя израиля, напускаетъ на гоимовъ страсть къ водкѣ. Вѣдь они созданы собственно для нашей пользы: Богъ обрѣлъ ихъ служить намъ, а мы должны уже служить Ему, т. е. молиться въ синагогѣ, читать талмудъ и проч.» Вотъ какое понятіе имѣютъ еврей о русскихъ и о цѣли христіанскихъ праздниковъ! Но это еще ничего въ сравненіи съ тѣми нелѣпыми толками, которые распространяютъ они относительно Рождества Христова и о Св. Пасхѣ. Начнемъ во первыхъ съ того, къ чему прежде всего прикасаются лживыми устами іудей. Такъ, намъ говорили

о Рождествѣ Христовѣ, что въ эту ночь, называемую по еврейски: «блинде нахтъ» — слѣпая ночь, нельзя іудею заниматься чтеніемъ священныхъ книгъ, даже не слѣдуетъ прикасаться къ нимъ, чтобы не сдѣлать ихъ «ниталь», т. е. порочными. Вы это хорошо знаете, братія; но у природнаго христіанина невольно долженъ явиться вопросъ: почему въ св. ночь Рождества Спасителя книги еврейскія могутъ сдѣлаться порочными и что можетъ быть общаго между тѣмъ и другимъ? А вотъ причина: іудеи, на основаніи талмуда, вѣрять и говорятъ, что Иисусу Христу въ рождественскую ночь дается свыше Самимъ Богомъ необыкновенная сила, такъ что Онъ можетъ въ эту ночь обойти всю вселенную, которую и обходить, посѣщая преимущественно священныя мѣста. Такъ какъ Христосъ въ жизни своей любилъ поучать народъ, то нѣтъ сомнѣнія, говорятъ іудеи, что въ эту ночь Онъ вздумаетъ посѣтить какое-либо училище, особенно такъ называемое «ешиботъ», гдѣ талмудисты горячо занимаются чтеніемъ талмуда и по ночамъ. Посѣтивъ оное, Онъ непременно сядетъ за книгу и тѣмъ сдѣлаетъ ее т у м е и н и т л ь; поэтому то и нужно, говорить еврей, въ Рождественскую ночь закрывать книги, — и ихъ закрываютъ. Разрѣшается даже, въ эту ночь, іудею проводить время въ бездѣлюшкахъ, напр. въ карточной игрѣ, чтобы этимъ оттолкнуть Христа, Который, безъ сомнѣнія, говорятъ евреи, далекъ отъ этихъ занятій. Увидѣвъ еврея за картами, Христосъ оставитъ его и пойдетъ въ церковь, которая въ это время такъ освѣщена и въ которой прославляется имя Его. Бывало, въ дѣтствѣ лишь возьмешь только св. книгу въ руки въ эту ночь — и вотъ отецъ мой, который былъ ревностный хосидъ, членъ строгой іудейской севты, закричитъ: «оставь ее, сегодня не слѣдуетъ читать священныя книги, чтобы Иисусъ Христосъ не прикоснулся къ нимъ и не сдѣлалъ бы ихъ «ниталь». Насъ нисколько не удивляетъ, что іудеи, какъ враги Христовы, ненавидя ту ночь, въ которую родился Спаситель, называютъ ее блинде на х т ъ, — темною, слѣпою. Само собою разумѣется, что для завѣрующихъ и неценовавшихъ Христа, эта ночь, въ которую родился Спаситель міра, есть тьма, — и именно потому, что для нихъ съ того времени померкъ тотъ свѣтъ, который свѣ-

тить во тѣмъ и котораго тѣма не объемлетъ. Мы желали бы сдѣлать одинъ вопросъ іудеямъ: какимъ образомъ Иисусъ Христосъ, Котораго они считаютъ простымъ человѣкомъ и который болѣе уже 1800 лѣтъ умеръ на крестѣ, вдругъ въ Рождественскую ночь оживаетъ и вездѣ, по убѣжденію ихъ самихъ, присутствуетъ? Возможно ли это обыкновенному человеку? И далѣе: тотъ, кто, по сознанію самихъ іудеевъ, въ эту ночь дѣлается вездѣсущимъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ полную возможность проникнуть и въ ешиботскія училища, заглядывать въ книги и во что угодно. Для силы сверхъестественной нѣтъ границъ. Относительно того, что въ Рождественскую ночь нужно еврею заниматься чѣмъ либо противорелигіознымъ, чтобы тѣмъ оттолкнуть отъ себя Христа, скажемъ вотъ что: дѣла іудеевъ, съ нравственной стороны, и безъ того не такъ хороши, чтобы для ухудшенія ихъ нужно было предпринимать что-либо не хорошее. Такое мнѣніе наше о дѣлахъ евреевъ не можетъ, кажется, вызвать негодованіе со стороны ихъ, ибо они сами сознаютъ это. Такъ, напримѣръ, они, разсуждая о пришествіи Мессіи, говорятъ, что Онъ давнымъ бы давно пришелъ на землю и не разъ уже сходилъ съ неба, былъ даже на горѣ Синаѣ, но лишь только посмотреть въ міръ и увидить незаконныя дѣла израиля, то возвращается назадъ и говоритъ Богу: «Господи! нельзя еще спасти израиля, онъ очень дурно и теперь еще ведетъ себя».

А вотъ и толки евреевъ о св. христіанской Пасхѣ. Лишь только завидать іудей кресты и хоругви, сопровождающіе св. Плащаницу, въ великую субботу, онъ не преминетъ сказать своимъ дѣтямъ: «вонъ гон—христіане—что дѣлаютъ; они сами же погребаютъ своего Бога, потому ищутъ Его, какъ будто не знаютъ, куда положили, и найдя приходятъ въ восторгъ и привѣтствуютъ словами: Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!» Замѣчательно однакоже, что есть и такіе евреи, которые говорятъ, что Иисусъ Христосъ въ дни св. Пасхи, силою Іеговы, возстаетъ изъ гроба. Въ тотъ моментъ, когда христіанскій міръ радуется возстанію Господа, адъ отверзается и Иисусъ, вставъ изъ гроба, начинаетъ по прежнему утѣшать и ободрять вѣрующихъ, убѣждая ихъ, что Онъ Сынъ Божій. Такъ истина, хотя и въ искаженномъ

видѣ, свѣтитса предъ помраченными взорами іудей; но онъ не узнаеть своего Мессію! Чѣмъ оправдается онъ на страшномъ судѣ? Не лишне впрочемъ знать природному христіанину, что современные евреи, особенно либералы, какъ бы стыдясь своихъ нелѣпостей, при разсужденіи о подобныхъ предметахъ сплется увѣрить христіанъ, что эти толки между нынѣшними евреями потеряли всякое значеніе, а другіе болѣе хитрые іудей вовсе это отрицають. Поэтому, если бы христіанину пришлось говорить объ этомъ съ іудеемъ-либераломъ, то не должно вѣрить ему: для еврея ничего не значить обмануть христіанина, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, гдѣ изобличается его неблаговидный поступокъ, или же когда раскрываютъ предъ нимъ противные христіанству талмудическіе толки.

(Продолженіе впереди).

ЖИТЕЙСКІЯ МЕЛОЧИ.

(Окончаніе).

Въ частности, какъ бы намъ ни казался маловажнымъ тотъ или другой нравственный недостатокъ, какой въ себѣ замѣчаемъ, мы должны стараться исправить его немедленно; иначе, во время не исправленный, онъ незамѣтно для насъ обратится въ серьезную нравственную болѣзнь и можетъ довести насъ до значительныхъ преступленій. Вѣдь ни одинъ закоренѣлый преступникъ не дѣлается такимъ вдругъ, — ни одна страсть не появляется въ насъ мгновенно и какъ бы нечаянно. Всё начинается съ мелочей, которыя потому и обращаются въ страсти, потому и дѣлають насъ преступниками Божескихъ и человѣческихъ законовъ, что мы не хотимъ или не умѣемъ предупреждать ихъ, пока онѣ представляются въ насъ не важными нравственными недостатками.

Въ отношеніи къ ближнимъ надобно стараться не допускать и малѣйшаго уклоненія отъ законовъ правды и добра, потому

что всякое такое уклонение есть уже зло и может сопровождаться значительными для них несчастіями. Нерѣдко случается, что то зло, какое мы причиняемъ собрату, при всей кажущейся незначительности, переполняетъ собою чашу золь, какія и безъ того онъ терпитъ, и можетъ наконецъ сдѣлать жизнь его невыносимой. Кто не знаетъ, какъ часто одна искра производитъ пожаръ, или одна лишняя капля, влитая въ полный сосудъ, его разрываетъ, или вытѣсняетъ жидкость, какою до того онъ былъ переполненъ?

Что касается несчастій, какія нерѣдко постигаютъ насъ, каковы: болѣзни, убытки, непріятности отъ другихъ и тому подобное; то нужно помнить, что всѣ они, какъ бы ни казались намъ незначительными, находятся подъ вѣдѣніемъ премудраго и всеблагаго къ намъ Промысла Божія. Въ самомъ дѣлѣ, если Господь такъ печется о насъ, что даже власть съ главы нашей не падаетъ безъ Его воли (Матѣ. 10, 30), то можно ли допустить, чтобъ несчастія, насъ постигающія, не зависѣли отъ Его воли, или Его поущенія,—причемъ какая можетъ быть ихъ цѣль, какъ не наученіе, не вразумленіе, не благо наше временное и особенно—вѣчное? Посему справедливость требуетъ, чтобъ мы принимали ихъ, какъ уроки мудраго и попечительнаго Отца, всегда съ вниманіемъ и благодарностію, и старались извлекать изъ нихъ нравственную для себя пользу. Между прочимъ, незначительными бѣдствіями, намъ ниспосылаемыми, Господь постепенно пріучаетъ насъ къ терпѣнію и надеждѣ на всеблагой Его промыслъ— для того, чтобъ въ послѣдствіи и самыя тяжкія испытанія не могли колебать нашей вѣры и лишать насъ душевной радости. *Мы хвалимся и скорблями*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *зная, что отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда, а надежда не постыждаетъ, потому что любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Рим. 5, 1—5).

Священникъ М. Предтеченскій.

РЕКОНСКАЯ ПУСТЫНЬ.

Между тѣмъ какъ на западѣ Европы совершаются событія, изумляющія міръ, у насъ, въ нашемъ отечествѣ, на отдаленномъ сѣверѣ, происходятъ не менѣе знаменательныя явленія, но на нихъ мало обращаютъ вниманіе. Тамъ, на западѣ, падаетъ древнее могущественное царство: у насъ, на сѣверѣ, возникаютъ новыя, растутъ и процвѣтаютъ заброшенныя, опустѣвшія иноческія обитатели. Тамъ разрушаются вѣковыя зданія, служившія красотою и гордостію для знаменитаго города, считавшагося столицею міра: у насъ, среди бодотъ и лѣсовъ, какъ бы изъ ничего воздвигаются великолѣпныя храмы Божиі. Тамъ, среди утонченно-образованнаго общества, появляются люди, недостойные этого названія, — скорѣе дикіе звѣри, чѣмъ люди: у насъ, среди суровой пустыни, бывшей пристанищемъ дикихъ звѣрей, собираются иноки, для служенія Богу, по подобію Ангеловъ. Тамъ невѣріе и буйство страстей: здѣсь вѣра и смиреніе; тамъ вражда и разрушеніе: здѣсь любовь

созидающая. Вотъ знаменія времени! Вотъ знамена, развѣвающіяся тамъ и здѣсь!

Но на западѣ событія совершаются громко, съ трескомъ, шумомъ, въ виду всѣхъ. А у насъ все растетъ тихо, скромно, почти незамѣтно для насъ самихъ... Кто слыхалъ о «Реконской Пустыни?» Кто знаетъ, что въ этой пустыни въ текущемъ юнѣ мѣсяцѣ должна совершиться закладка великолѣпнаго каменнаго храма съ такою же колокольней, — храма, который могъ бы служить украшеніемъ многолюднаго города? Едва ли многіе у насъ подозрѣваютъ даже возможность подобнаго явленія, въ нашъ холодный вѣкъ въ такой глухой и бѣдной мѣстности!

Реконская обитель возникла, или лучше возродилась въ наше время, въ виду живущаго поколѣнія. Она едва насчитываетъ десятокъ лѣтъ своему существованію. Какой же высокостоящій и могущественный человѣкъ рѣшился устроить эту обитель? Какой богачъ-милліонеръ далъ щедрую жертву на построеніе новаго храма?... Въмѣсто отвѣта на эти вопросы, мы расскажемъ исторію, хотя не древнюю, а новую и даже слишкомъ новую, тѣмъ не менѣ весьма замѣчательную и даже необыкновенную, — можно сказать, — чудесную.

Въ 1813 году, послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, появился въ лѣсахъ новгородской губерніи, въ 45 верстахъ отъ г. Тихвина, убогій семидесятилѣтній старецъ, въ ветхой дырявой одеждѣ, съ тощею котомкою за плечами, палкою въ рукѣ и отмороженными пальцами на правой ногѣ. Чтобы вывести читателя изъ недоумѣнія, къ чему ведетъ такая рѣчь, мы прямо скажемъ, что этотъ-то старецъ и есть виновникъ новой обители. Онъ-то и есть тотъ могущественный и богатый человѣкъ, которому Реконская пустынь обязана своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ устройствомъ. При этомъ невольно переносишься мыслію во времена Макаріевъ египетскихъ, Евѡміевъ великихъ, Харитоновъ — отшельниковъ и другихъ пустынножителей ѡивандскихъ и палестинскихъ. Или какъ будто читаешь лѣтопись о Сергіѣ Радонежскомъ, Кириллѣ Бѣлозерскомъ, Зосимѣ Соловецкомъ! А между тѣмъ, все это было въ наше время, въ виду нашихъ современниковъ!

Кто же былъ этотъ таинственный старецъ? Откуда

онъ родомъ, каковаго происхожденія? На это отвѣчать прямо и съ достовѣрностію пока нѣтъ возможности. Онъ не любилъ много говорить о самомъ себѣ, а его почитатели не смѣли много спрашивать объ этомъ у него. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ ближайшимъ къ нему людямъ, и по нѣкоторымъ признакамъ, можно догадываться, что онъ принадлежалъ къ не совсѣмъ русской національности, а былъ латышь, или вѣтъ; сынъ служителя лютеранской кирки въ Ригѣ, находился когда-то въ военномъ званіи, занимался торговлею. Слыша и видя многія чудеса у мощей православныхъ угодниковъ и отъ святыхъ иконъ, бывший лютеранинъ, готовившійся къ званію пастора, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, принялъ православіе съ именемъ Андрея и, по воспріемному отцу, сталъ называться Андрей Ивановичъ Шапошниковъ. Вотъ почти все, что извѣстно о періодѣ жизни его, предшествовавшемъ появленію его въ тихвинскомъ уѣздѣ!

Реконская пустынь стала извѣстною, по документамъ, съ 1676 года. Въ это время, при строителѣ Арсеніѣ, освященъ былъ небольшой храмъ во имя Пресвятыя Троицы, какъ свидѣтельствуетъ надпись на деревянномъ крестѣ, сохранившемся доселѣ. По удаленности и суровости мѣста, пустынь эта никогда не была многолюдною и еще до 1762 года (до введенія штатовъ) считалась приписанною къ Тихвинскому большому монастырю. Впрочемъ, по плану генеральнаго межеванія въ 1783 году, за ней значилось удобной и неудобной земли всего 1837 десятинъ и 1410 сажень, пожалованной царемъ Алексіемъ Михайловичемъ. Въ послѣдствіи, съ 1803 г. Реконская пустынь значилась припискою къ разнымъ сельскимъ погостамъ тихвинскаго уѣзда, — Озерскому, Никольскому. Въ 1813 году, когда поселился здѣсь Андрей Ивановичъ, близъ единственнаго Троицкаго храма жилъ, въ видѣ вараульщика, пономарь Михаилъ Захаровъ. Не привлекательна была жизнь въ глухой дикой пустынѣ, среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ. Однакожъ пономарь, какъ видно не очень обрадовался новому поселенцу и всѣми мѣрами старался удалить его. Главною причиною этого, конечно, было то обстоятельство, что земская полиція требовала у Андрея Ивановича узаконеннаго вида, а онъ не только не имѣлъ такого вида, но даже

не ходѣлъ дать начальству опредѣленныхъ свѣдѣній о своемъ званіи и происхожденіи. Боязнь, что его возвратятъ на мѣсто жительства, въ Ригу, въ среду чуждыхъ ему теперь лютеранъ—нѣмцевъ, заставляла странника [не объявлять своего первоначальнаго имени и города. Наѣзды и распросы полиціи, конечно, безпокоили и пономаря: Онъ и достигъ—было своей цѣли,—Андрей Ивановичъ собрался уже уйти изъ Реконской пустыни. Но окрестные крестьяне, видя необыкновенно-суровую и вполне безукоризненную жизнь старца, упросили его остаться; не далеко отъ бывшаго монастыря выстроили ему какой-то шалапъ,—и Андрей Ивановичъ съ радостію поселился въ немъ; крестьяне же приносили ему хлѣба, когда было можно; во время разлива воды и большихъ снѣговъ всякое сообщеніе съ этою мѣстностію прекращалось на нѣсколько недѣль. Мѣсто, гдѣ поселился старецъ, называлось крестовою сопкою (возвышеніе, или островъ среди низменной, болотистой мѣстности). Крестьяне устроили ему для жилья на зиму землянку, а для молитвы—часовню. Черезъ нѣсколько времени, пономарь Захаровъ скончался; семейство его разошлось, и Андрей Ивановичъ остался единственнымъ обитателемъ пустыни и оберегателемъ Троицкаго храма. Въ 1816 году митрополитъ Амвросій поручилъ ему и обязанности пономаря при этой церкви. Въ 1822 году, 26 августа, по совѣту духовнаго друга своего, тихвинскаго іеромонаха Мартиніама, Андрей Ивановичъ принялъ монашество съ именемъ Адріана, въ честь мученика, память котораго въ этотъ день празднуется. Черезъ 10 лѣтъ, 23 ноября 1832 года, монахъ Адріанъ облеченъ въ схиму и получилъ новое имя Амфилохій. Это имя носилъ онъ до самой своей кончины и подъ этимъ именемъ онъ будетъ извѣстенъ міру до кончины самаго міра.

И вотъ у столѣтняго разслабленнаго пустынника рождается желаніе, скоро перешедшее въ твердую рѣшимость,—возобновить Реконскую пустынь, устроить въ ней обитель—и населить ее иноками. Но какъ и какими способами? У старца Амфилохія нѣтъ ни имущества, ни связей; онъ не знаетъ русскихъ законовъ, плохо владѣетъ русскимъ языкомъ и даже самъ, своею особою не имѣетъ законнаго права жить въ этой мѣст-

ности. Кто бы из нас не назвал намѣреніе его—устроить на чужой негостепріимной землѣ монастырь—страннымъ, мечтательнымъ и даже просто—сумасброднымъ? И однакожъ Амфилохій рѣшился исполнить его,—это намѣреніе,—и исполнилъ!

Надобно знать, что вся обширная полоса земли, принадлежавшая нѣкогда Реконской обители, по упраздненіи ея, отобрана въ казну, а потомъ подарена одному сановнику и наслѣдниками его продана лѣсопромышленнику С. И. Скрябину, с.-петербургскому купцу-раскольнику. Никому, кажется, не могла придти даже мысль тягаться съ этимъ богачемъ и отнять у него собственность, утвержденную за нимъ на законномъ основаніи. Мысль эта, точно, родилась не на землѣ, а пришла свыше. Рассказывалъ о. Амфилохій своимъ приближеннымъ, что эта мысль внушена была ему преподобнымъ Александромъ Свирскимъ...

Съ самого же начала эта мысль встрѣтила однако препятствія, по-видимому, непреодолимые: старецъ подалъ просьбу о возвращеніи земли монастырю. На эту просьбу вышло рѣшеніе: «просителя посадить на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму, а просьбу «оставить безъ послѣдствій». Но рѣшеніе старца отъ этого не измѣнилось. Пятнадцать лѣтъ онъ хлопоталъ по-напрасну. Наконецъ, онъ подалъ жалобу Государю Императору Николаю Павловичу. За эту дерзость судъ приговорилъ: «заключить Амфилохія въ тихвинскій тюремный замокъ, а за упорное молчаніе о своемъ родѣ и званіи, наказать его пятью ударами плетью и сослать въ Сибирь». Но милосердый Господь уклонилъ эту чашу отъ подвижника. По ходатайству тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, графа Николая Александровича Протасова, Государь Императоръ повелѣлъ не только освободить старца отъ наказанія и изъ заключенія, но и позволилъ ему спокойно жить въ Реконской пустыни. Впослѣдствіи, какъ мы слышали, одно важное лицо погрозило Амфилохію, за какую-то неучтивость, тюрьмою. «Вотъ вздумалъ, чѣмъ стращать меня, отвѣчалъ старецъ; я уже два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ, да еще сдѣлалъ двѣ недѣли уваженія». Въ тихвинскомъ острогѣ Амфилохій прибрѣлъ такое уваженіе у своихъ сотоварищей по заключе-

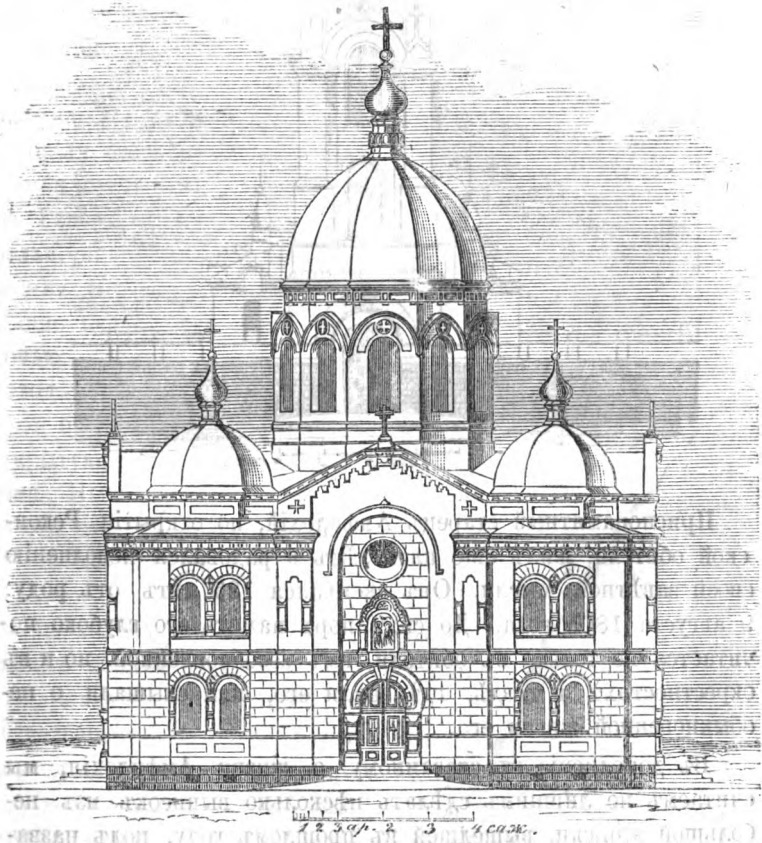
нью и у смотрителя тюрьмы, что они не хотѣли разстаться съ нимъ и, въ уваженіе ихъ просьбы, онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ лишніа двѣ недѣли.

Получивъ свободу, Амфилохій еще ревностнѣе сталъ хлопотать о своемъ намѣреніи. Изъ Тихвина онъ перенесъ дѣло въ новгородскую гражданскую палату, но и новгородская юстиція отказала ему въ просьбѣ. Тогда онъ подалъ жалобу въ Правительствующій Сенатъ, отъ своего лица, въ такомъ томѣ: «живя многія десятилѣтія въ пустынѣ и тщетно воиія о правосудіи, вотъ уже пятое десятилѣтіе веду тяжбу и, за всѣми препятствіями, наконецъ дохожу до высшаго судилища. Умоляю оное оказать справедливую защиту — не мнѣ, столѣтнему старцу, стоящему уже на краю гроба и ищущему въ сей тяжбѣ для себя никакой выгоды, а желаю собственно возстановить древне-учрежденную святыню, милостію Царя. Впрочемъ во всемъ да будетъ святая воля Божія!»

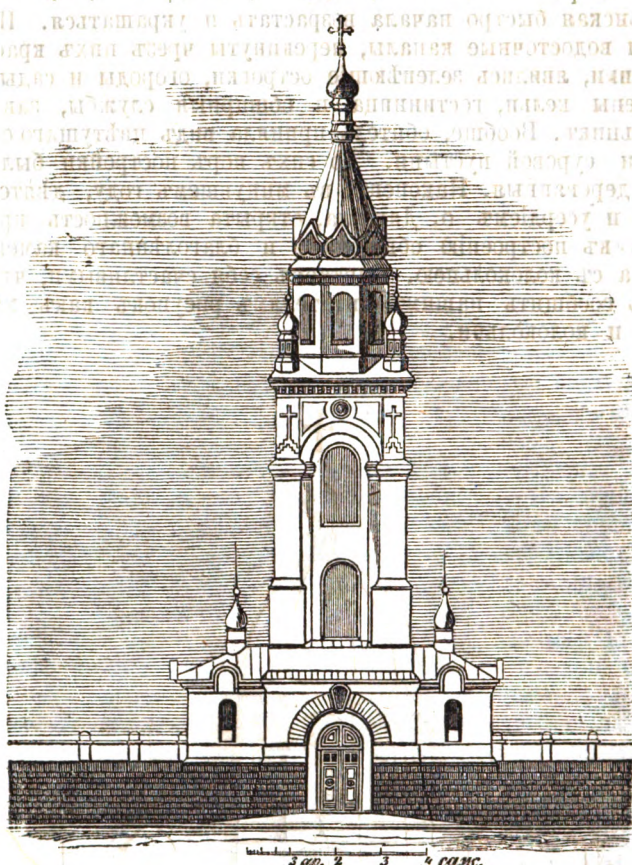
Изъ сената, за несоглашеніемъ сенаторскихъ мнѣній, дѣло поступило въ государственный совѣтъ. По докладу совѣта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «какъ спорная земля принадлежитъ духовному вѣдомству и не можетъ быть возвращена оному безъ нарушенія правъ владѣнія частнаго лица: то за землю, какъ отшедшую въ постороннее владѣніе частнаго лица по законно-совершеннымъ актамъ, нынѣ же вознаградить духовное вѣдомство 24,428 р. 57 коп. сер., то есть, суммою, которая заплачена была за означенную землю настоящимъ владѣльцемъ. Въ вознагражденіе же за невладѣніе сею землею, опредѣлить духовному вѣдомству узаконенные проценты». Такова была Всемилоствѣйшая воля Монарха, объявленная 13 февраля 1860 года. Вслѣдъ за этимъ состоялось Высочайшее соизволеніе на возведеніе Реконской пустыни въ самостоятельную обитель, подъ названіемъ общезительнаго монастыря. На содержаніе его назначены проценты съ 25 тысячъ, отчисленныхъ изъ Всемилоствѣйше назначеннаго капитала съ процентами (42,856 р. 14 к.), и 17,856 р. 14 коп. выданы были на расходъ по возобновленію обители, на устройство церкви и келлій. Такъ исполнилось желаніе старца Амфилохія: Реконская пустынь возстановлена въ первобытное значеніе самостоятельной иноческой обители; снова началось въ ней повседневное псалмопѣніе и молитва за живыхъ и умершихъ, съ принесеніемъ безкровной жертвы.

Первымъ настоятелемъ возобновляемой обители, по указанію старца Амфилохія, назначенъ былъ іеромонахъ Валаамскаго монастыря Даниилъ, старецъ благоговѣйный, опыт-

ный и распорядительный. Подъ его управленіемъ обитель Реконская быстро начала возрастать и украшаться. Проведены водосточные каналы, перекинута чрезъ нихъ красивые мостики, явились зеленѣющіе островки, огороды и сады, построены кельи, гостиница и обширныя службы, заведенъ пчельникъ. Вообще, обитель приняла видъ цвѣтущаго оазиса среди суровой пустыни. До сихъ поръ постройки были въ ней деревянныя. Наконецъ, въ минувшемъ году, дѣятельностию и усердіемъ о. Давида, открыта возможность приступить къ построению обширнаго и благолѣпнаго каменнаго храма съ колокольнею. Считаемъ себя счастливыми, что можемъ сообщить нашимъ читателямъ рисунокъ какъ храма, такъ и колокольни.

Приснопамятный старец Амфилохій, по открытіи Реконской обители, жилъ еще пять лѣтъ и радовался исполненію своей завѣтной мысли. Онъ скончался 125 лѣтъ отъ роду, 9 августа 1865 года. До сихъ поръ память его глубоко почитается не только въ обители, имъ возобновленной, но и въ окрестностяхъ и вездѣ, гдѣ знали его, или слышали о необыкновенной жизни его.

Въ дополненіе къ сказанному о жизни Амфилохія, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ небольшой книжки, вышедшей въ прошломъ году, подъ назва-

ніемъ: «Описаніе Свято-Троицкой Реконской пустыни и очеркъ жизни отца Амфилохія» и проч.

«Вся полувѣковая жизнь о. Амфилохія въ Реконѣ шла по тернистому крестному пути. Неоднократно воры похищали у него убогое келейное имущество.—Въ одно время двое злодѣевъ пришли къ нему съ ножемъ, чтобы насильственно истребовать отъ него небольшую сумму денегъ, пожертвованныхъ ему на Богоугодное дѣло.— Нашелся еще одинъ какой-то человѣкъ, который, въ его отсутствіе, святотатственно взявъ у него нѣсколько святыхъ иконъ и книгъ, сжегъ самое его жилище. Только св. икона Знаменія Божіей Матери при этомъ случаѣ чуднымъ образомъ сохранилась отъ огня.— Объ о. Амфилохіѣ многократно дѣлались мѣстные тайныя и явныя изслѣдованія разными лицами, иногда съ большою для него неприятностію.—Были еще такіе глупцы, которые, не понимая совсѣмъ жизни старца, глумились надъ нимъ; въ насмѣшку называли его пустыннымъ медвѣдемъ и въ глаза осыпали его разными другими укворизнами и ругательствами.— Самая пустынная внѣшняя природа, въ началѣ жизни его въ Реконѣ, причиняла ему много скорбей. Обитатели ея: волки, медвѣди, барсуки, змѣи и разные гады появленіемъ своимъ сначала приводили его въ страхъ; насѣкомыя беспощадно кусали его и не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью.—Зимой, во время морозовъ и вьюгъ, онъ терпѣлъ холодъ; а лѣтомъ страдалъ отъ жара.—Платье и обувь на немъ были всегда плохія. Грудь имѣлъ онъ у себя постоянно открытую; только шея иногда была обернута ветхимъ платкомъ. Ноги окутывалъ онъ кой-чѣмъ и какъ попало, не смотря на то, что отмороженная правая нога въ ступнѣ у него была всегда покрыта гноемъ и червями. Въ своемъ жилищѣ, подъ кровлею, онъ очень мало бывалъ и входилъ въ него большею частію только для того, чтобы принять посѣтителей; а самъ любилъ дѣлать постоянное движеніе подъ открытымъ небомъ, пробираясь кое-какъ днемъ и ночью по болоту, иногда даже на четверенькахъ перепалзывать чрезъ валежники съ большою опасностію, какъ бы не утонуть въ вязкихъ мѣстахъ.

Чтобы вполнѣ понять, какъ велики были пустынные подвиги о. Амфилохія, какъ онъ утомлялъ или, точнѣе сказать,

умерщвлялъ свою плоть, нужно еще знать, что онъ, въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, съ больной ногой, бродилъ по болотамъ, нося иногда на себѣ разныя тяжести: 1) или на голову надѣвалъ довольно тяжелый желѣзный обручъ въ воспоминаніе терноваго вѣнца Спасителя; 2) или къ шеѣ на веревкѣ привѣшивалъ большой камень, чтобы здѣсь пока на землѣ понести наказаніе за грѣхи и по смерти избавиться отъ вѣчнаго за нихъ наказанія; 3) или на плечахъ по нагому тѣлу носилъ желѣзныя вериги и по чресламъ своимъ опоясывался ими, въ честь узъ Христовыхъ; 4) или надѣвалъ на себя проволочную срачицу, чтобы ею уязвлять и мучить все свое тѣло и 5) въ рукахъ онъ часто носилъ тяжелый желѣзный посохъ.

«Бываагдѣ бы то ни было въ знакомыхъ домахъ, по надобности, не только днемъ, но и ночью никогда не спалъ, и на ночь всегда уходилъ подъ открытое небо и гдѣ нибудь наединѣ молился; такъ какъ онъ не любилъ обнаруживать передъ другими ни молитвеннаго своего правила, ни поста, ни другихъ какихъ свсихъ добродѣтелей. При неуспѣшномъ бдѣніи и постыянной молитвѣ, о. Амфилохій въ точности исполнялъ и всѣ другіе уставы православной Церкви, какъ на примѣръ, онъ неоднократно въ годъ принималъ Тайны Христовы послѣ строгаго поста, или точнѣе— совершеннаго пеяденія и исповѣди у священника, либо въ Тихвинѣ, либо въ какой нибудь сосѣдней сельской церкви.

«Когда же ни люди, ни дикая пустынная природа, ни крайній недостатокъ во всемъ нужномъ для тѣла, при старческой немощи и болѣзни о. Амфилохія, были не въ силахъ отвлечь его отъ духовныхъ христіанскихъ подвиговъ: то самъ сатана старался всячески искутить его. Сначала онъ поселялъ въ него безнадежность въ вѣчномъ спасеніи по множеству грѣховъ; старался увѣрить его, что никто не согласится жить у него въ монастырѣ въ глухомъ мѣстѣ; устрашалъ его предстоящими будто бы ему разными истязаніями за беспокойство начальства, а особенно Государя Императора просьбами о монастырѣ. Въ зимніе трескучіе морозы запертая дверь въ старцевой землянкѣ иногда отворялась ночью, по бѣсовскому дѣйствию, чтобы мучить и морить старца холодомъ. Для приведенія его въ страхъ и отчаяніе случилось еще и это: вдругъ

являлось многочисленное воинство, какъ бы дѣйствительное, протянутое по болоту версты на двѣ; точно на яву слышались ему: крикъ воиновъ, разныя насмѣшки и угрозы ихъ. Видѣлъ онъ оружіе: мечи, копья, стрѣлы, ружья и пушки. Кричали съ разныхъ сторонъ: взять его, пытать, мучить, рубить, повѣсить, разстрѣлять и во всему этому, въ глазахъ его, дѣлались приготовления.

Но и во время самыхъ скорбныхъ обстоятельствъ жизни о. Амфилохія, когда онъ съ неимовернымъ трудомъ приобреталъ себѣ право пустынножителя и ходатайствовалъ у правительства о возстановленіи Троицкаго монастыря, — и тогда, время отъ времени, увеличивалось число его почитателей. Изъ городовъ и деревень, знатныя и низкія, старыя и юныя, мужескій полъ и женскій, міряне и иноки — многіе отыскивали старцеву пустыньку въ лѣсу по топкимъ и, въ лѣтнее время, почти непроходимымъ болотамъ. А кто не могъ пройти къ нему лѣтомъ, тотъ добирался до него зимнимъ путемъ. Не смотря впрочемъ на это, прежній образъ жизни своей самъ онъ нисколько не измѣнилъ, и не увлекся ни мало своимъ новымъ положеніемъ. Сознывая всегда свою духовную нищету, онъ, по-прежнему, любилъ и вѣщную; неоставлялъ своего ветхаго рубища; въ чужихъ людяхъ пилъ и ѣлъ очень мало; у себя въ пустынь, по-прежнему, довольствовался самой скудной пищей, и то рѣдко. — Спальное ложе доставляло ему не покой, а безпокойство, потому что оно состояло изъ досокъ и каменнаго изголовья, для вида прикрытыхъ толстой холщевой дерюгой. Печку у себя и въ большіе морозы онъ мало топилъ. Сна у него почти не было. Все имущество его состояло изъ нѣсколькихъ св. иконъ и книгъ, которыя самъ онъ любилъ читать и другимъ давалъ для прочтенія при духовной бесѣдѣ съ ними, въ доказательство своихъ разсужденій о душеспасительныхъ предметахъ, и замѣчали, что книги отрывались у него именно на тѣхъ мѣстахъ, которыя относились къ разговору. Въ обращеніи съ людьми старецъ тоже неизмѣнился; а, какъ прежде, былъ очень простъ, доступенъ, ласковъ, всегда съ свѣтлымъ лицомъ, ко всѣмъ показывалъ искреннюю любовь, особенно къ нищимъ, странникамъ, больнымъ, бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ и вообще къ

страдающему человечеству, нуждавшемуся почему нибудь въ немъ. Вѣру же его и усердіе къ Богу, къ Пречистой Его Матери и ко всѣмъ святымъ трудно и изобразить словами. Съ утверженіемъ монастыря, онъ достигъ главной своей цѣли—установленія въ немъ постоянной Божественной службы; утѣшался всѣмъ устройствомъ его; радовался умноженію братіи и посылаемой имъ отъ Бога помощи на содержаніе; видѣлъ усердіе къ Ново-Троицкой обители и святынѣ ея отъ ближнихъ и дальнихъ христіанцевъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на проводимыя для нихъ, по топьямъ болотамъ, крѣпкія, исправныя дороги.

«Какъ очень многія птицы, если намѣрены летѣть отъ людей, предъ своимъ полетомъ вверхъ, сначала пробѣгаютъ какое нибудь пространство впередъ по землѣ и потомъ быстро поднимаются въ поднебесье: такъ и о. Амфилохій, послѣ многолѣтнихъ трудовъ и страданій, провидя близкую свою кончину, скорый исходъ своей души изъ тѣла и воспареніе ея къ небесамъ,—передъ этимъ сдѣлалъ передвижку верстъ за двѣнадцать далѣе, и тамъ, при самомъ верховьѣ р. Рекони, помѣтился на сопкѣ, именуемой *Березня*. Мѣсто это возвышенное, сухое и очень пріятное, особенно лѣтомъ. Тогда подъ березками стелется зеленая мурава; при подошвѣ пригорка тихо струится источникъ чистой и свѣтлой воды. Такое скромное сосѣдство изнемогшему отъ трудовъ старцу, какъ нельзя болѣе, приличествовало. Вскорѣ поставлены были здѣсь двѣ небольшихъ пустынныхъ келейки; а посреди ихъ, на открытомъ мѣстѣ, водруженъ большой деревянный крестъ. Одна келья занималась старцемъ; другая—приставленными къ нему монастырскими служками. По причинѣ труднаго прохода къ нему топьямъ болотомъ и въ таковую даль, онъ на Березнѣ имѣлъ гораздо болѣе спокойствія отъ народа и менѣе развлекался житейскими дѣлами другихъ, чѣмъ въ прежнихъ мѣстахъ. Молитва и славословіе были у него непрестанныя, изъ груди его вылетали частые вздохи; на глазахъ безпрестанно виднѣлись слезы и уста его ежеминутно произносили: *Господи Боже мой! Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! Царице Небесная, спаси мя!*—Такъ протекло довольно времени.—Всѣ почитали старца и берегли его спокой-

ствіе. Но наступила послѣдняя година его жизни. Тѣлесныя силы его стали очень ослабѣвать и, въ половинѣ Іюля мѣсяца 1865 года, онъ слегъ совсѣмъ на убогій свой одръ; исповѣдывался у духовника, сподобился Св. Христовыхъ Таинъ и самимъ строителемъ съ братією было совершено надъ нимъ таинство Елеосвященія. Въ послѣдніе 30 дней, онъ не принималъ рѣшительно никакой пищи и, въ теченіе всего этого времени, по желанію его, давали ему съ ложечки въ день только по нѣскольку капель Богоявленской и простой воды для промоченія горла и языка и утоленія внутренняго жара.— Въ началѣ августа мѣсяца жизненный свѣтъ въ немъ еще замѣтнѣе сталъ ослабѣвать; а 9 числа того мѣсяца въ 7 часовъ вечера окончательно погасъ, какъ свѣтильникъ въ самомъ тихомъ воздухѣ. Свѣтлое лице старца, по смерти, показывало въ немъ даже радость». *Ред.*

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Нужно ли кому напоминать, что православныя христіане, обнося плащаницу вокругъ церкви, въ Великую субботу, совершаютъ не что иное, какъ память погребенія Господа, и не отыскиваютъ потомъ Его? И нечего искать Того, который воскресъ въ третій день послѣ погребенія и сокрушилъ врата ада! Сами іудеи развѣ не считаютъ священною обязанностію сохранять свято память о томъ, что было не только за 1800 лѣтъ, но за нѣсколько тысячъ лѣтъ? Возьмемъ въ примѣръ празднованіе Пасхи. Извѣстно, что сущность празднованія Пасхи древними евреями состояла въ закланіи въ 14-й день вечера мѣсяца низана (соотвѣтствующаго нашему

марту) однолѣтнаго непорочнаго агнца, который съѣдаемъ былъ съ горькими травами. Нынѣшніе евреи по закону своему не смѣютъ этого дѣлать, т. е. закалать агнца въ вечеръ Пасхи, такъ какъ мѣстомъ для этого великаго дѣла, говорятъ они, предназначалась земля обѣтованная, или собственно— Иерусалимъ. Однакожъ и нынѣшній еврей, какъ вамъ должно быть извѣстно, припоминая объ агнцѣ пасхальномъ, беретъ въ первый вечеръ праздника пасхи опрѣснокъ, разламываетъ его пополамъ и половину прячетъ подъ подушку; съ этой минуты часть опрѣснока называется уже не мацею, а — а ф и к о й м о н ъ— агнцемъ пасхальнымъ, и во все время вечерней пасхальной трапезы, которая тянется довольно долго, глава семейства бережливо сохраняетъ эту часть подъ подушкой, и только по окончаніи ужина, онъ съ большимъ благоговѣніемъ вынимаетъ оттуда афкоймонъ, ѣстъ самъ и даетъ каждому изъ членовъ своего семейства, внушая имъ съ благоговѣніемъ употреблять подаваемое. Послѣ этого запрещается не только ѣсть что-нибудь, но нельзя и воды брать въ ротъ. Почему афкоймонъ, какъ еврейская святыня, употребляется ими послѣ всего (см. кн. Агодо). И такъ, если синагога считаетъ священною обязанностію предписывать іудею вѣчно хранить все то, что за три тысячи слишкомъ лѣтъ узаконено было Моусеемъ, и іудей свято хранить это узаконеніе, то не погрѣшилъ ли бы христіанинъ, если бы онъ пересталъ чтить то, что гораздо выше воспомнанія объ опрѣснокѣ? Вѣдь опрѣснокъ — афкоймонъ,— по убѣжденію самихъ же евреевъ, только напоминаетъ собою пасхальнаго агнца, самъ же агнецъ служилъ лишь прообразомъ Божественнаго Агнца— Христа,—и Его то теперь христіане сподобляются видѣть уже не въ прообразѣ и гаданіи, а въ дѣйствительности. Было время, когда люди видѣли Того, на Котораго и Ангелы взирать не могутъ,—они видѣли Христа, воплотившагося, видѣли Его на крестѣ, видѣли Его и воскресшимъ; а мы видимъ Его очами вѣры и чувствуемъ Его сердцемъ. Намъ кажется, что не только крещенный іудей, но и всякій безпристрастный израильтянинъ, еслибы прочелъ со вниманіемъ хотя бы одну изъ христіанскихъ поучительныхъ книгъ означеніи праздниковъ, то не позволилъ бы себѣ говорить, что

они установлены съ единственною цѣлю веселиться и пить водку. Нѣтъ, онъ тогда навѣрно сказалъ бы, что христіанскіе праздники, по содержанію своему, достойны уваженія и благоговѣйнаго почитанія. Держась этого убѣжденія, я считаю излишнимъ распространяться о важности какъ разсматриваемыхъ нами праздниковъ, такъ и всѣхъ другихъ. Обо всемъ этомъ вы можете прочесть въ любой христіанской книгѣ, объясняющей православные праздники. Мы разсмотримъ лучше то, что для иного изъ васъ можетъ служить соблазномъ въ дѣлѣ отправленія такъ называемыхъ приходскихъ праздниковъ. Нерѣдко намъ приходилось слышать отъ новообращенныхъ евреевъ о христіанскихъ приходскихъ праздникахъ вотъ что. «Почему это христіане, говорилъ мнѣ однажды знакомый крещенный еврей, праздники свои отправляютъ неодинаково и неодновременно? Подумаешь, христіанство составляетъ одно: одна вѣра, одна Церковь, одинъ Евангельскій законъ; а между тѣмъ у важдаго прихода есть свой праздникъ». Зная, какъ это можетъ смущать и всякаго другаго крещенаго еврея, неимѣющаго должнаго понятія о христіанскихъ праздникахъ, не лишнимъ считаю сказать здѣсь слѣдующее: христіане, какъ безъ сомнѣнія могли теперь убѣдиться и вы, отправляютъ всѣ праздники одновременно и одинаково. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли сказать тотъ, кто вникнулъ какъ слѣдуетъ въ дѣло отправленія христіанскихъ праздниковъ, что они совершаются неодновременно? Мы здѣсь имѣемъ въ виду, конечно, не приходскіе праздники, а дванадесятые, какъ то: Рождество Христово, св. Пасху, Пятидесятницу, Вознесеніе Господне, Рождество Пресвятыя Богородицы и проч. Всѣ эти праздники, повторяемъ, празднуются христіанами одновременно и одинаково. И только одни, такъ называемые, престольные праздники празднуются неодинаково; они съ особымъ торжествомъ празднуются тѣми христіанами, которые состоятъ прихожанами той церкви, въ которой престоль посвященъ празднуемому святому. Такъ, напримѣръ, если извѣстный храмъ построенъ во имя Святителя Николая, или Пророка Іліи, или другаго какаго-либо угодника Божія; то прихожане этого храма и празднуютъ особенно тѣ дни, въ которые воспоминается память того святаго, и тѣмъ самымъ

выражают уваженіе и къ своему храму и къ покровителю храма, — угоднику Божію. Сказавъ о важности и необходимости почитанія христіанскихъ праздниковъ, скажемъ теперь о необходимости соблюденія постовъ.

Х. О ПОСТЪ.

Съ самаго основанія Ветхозавѣтной Церкви посты составляли уже важное и необходимое средство въ дѣлѣ спасенія вѣрующаго израильтянина. Такъ извѣстно, что Моусей, этотъ наставникъ вѣры и благочестія, готовясь принять св. Законъ, постился 40 дней на горѣ Синайской (Исход. 34. 28). Это было, такъ сказать, первый поучительный урокъ для израильскаго народа, относительно поста; этимъ Моусей какъ бы желалъ показать то, что когда мы хотимъ взойти на гору Господню и стать на св. мѣстѣ Его, т. е. желаемъ сдѣлаться достойными сынами и наслѣдниками вѣчнаго горняго Сіона, то должны употреблять для этого молитвы и постъ. Въ самыхъ книгахъ Моусея есть не мало предписаній, указывающихъ еврею не только на строгое воздержаніе отъ употребленія мяса, но и рыбное дозволяется употреблять не иначе, какъ съ большою разборчивостію (Второз. 14 гл.). И для чего великій законодатель такъ часто и съ такою подробностію внушалъ іудеямъ быть умѣренными въ употребленіи пищи, какъ не для того, чтобы научить ихъ воздержанію отъ того, что тяготитъ нашу плоть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душу? Замѣтимъ, что особенно научалъ онъ израильтянъ воздержанію отъ всего плотскаго въ священные дни. И нужно сказать, что евреи, руководясь ученіемъ Моусея, предписывающимъ имъ посты, строго хранятъ ихъ доселѣ. Они постятся предъ наступленіемъ почти каждаго праздника. Новый годъ встрѣчаютъ они десятидневнымъ постомъ и многіе до звѣзды не ѣдятъ даже хлѣба.

(Продолженіе впереди).

О СВЯТОСТИ ЖИЗНИ, КАКЪ НЕОБХОДИМОМУ УСЛОВІИ ДЛЯ БОГОПОЗНАНІЯ.

Ищите мира со святыи и святости!
безъ которой никто не увидитъ Господа.
Евр. 12, 14.

Познаніе истинны христіанской, понимаемой въ ея цѣло-
стномъ смыслѣ, не можетъ быть достояніемъ кичливаго (1
Корин. 8, 1.) ума человѣческаго, который, не смотря на
свою силу и могущество въ кругу естественныхъ предметовъ,
въ предѣлахъ пространства и времени, — въ сферѣ религіоз-
наго знанія является весьма слабымъ и неспособнымъ пости-
гать *яже суть Божія* (1 Кор. 2, 11). Историческій опытъ
свидѣтельствуетъ, что самый высокій человѣскій разумъ,
предоставленный самому себѣ, своимъ естественнымъ силамъ
и средствамъ, не только не руководствовалъ людей къ познанію

религіозной истины, но нерѣдко даже уклонялся отъ нея и становился въ оппозицію къ ней. Сокровенныя отъ премудрыхъ и разумныхъ, тайны вѣры открываются, по слову Спасителя, *младенцамъ* (Матѣ. 11, 25), т. е. людямъ, имѣющимъ чистое и непорочное сердце, отверзтое для небеснаго озаренія, которыхъ жизнь и дѣятельность находится въ тѣснѣйшей связи и гармоніи съ нравственными предписаніями, (спредѣляемыми и религіею и естественнымъ чувствомъ добра, врожденнымъ человѣку, — короче сказать — людямъ *святымъ*, которые осуществляютъ въ своей личности идею христіанской жизни. Имѣя постоянно предъ очами своими законъ Христовъ (Галат. 6, 2) и неуспынно заботясь, по мѣрѣ силъ своихъ, объ осуществленіи его въ жизни своей, святые люди постепенно достигаютъ той высоты нравственнаго совершенства, на которой они всецѣло *приплпляютъ* *Господеву* и становятся *едина душь съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17);—сердце ихъ, неразвлекаемое многообразіемъ чувственности и заботами жизни, становится чистымъ и способнымъ созерцать Бога, потому что, по непреложному обѣтованію Господа, только *чистию сердцемъ* могутъ *узрѣть* *Бога* (Матѣ. 5, 8). Чистота сердца, неразлучная съ святостію жизни, доставляетъ имъ тотъ благодатный душевный *миръ*, который Апостоль призываетъ необходимымъ условіемъ для достиженія Богопознанія. *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, иже же кромѣ никтоже узрѣте Господа* (Евр. 12, 14).

Итакъ, только одни *святые* люди, наслаждающіеся душевнымъ *миромъ*, и только *чистию сердцемъ*, могутъ *узрѣть* Бога и познать высочайшую истину Христову, которую, поэтому, должно постигать, какъ предметъ сердца, недоступный для холоднаго анализа ума.

Но гдѣ же и чистое сердце обрѣтеть и познаеть эту высочайшую истину, какимъ образомъ оно приблизить къ себѣ непостижимое существо Божіе, если Самъ Богъ не откроетъ Себя человѣку, если сама истина, такъ сказать, не войдетъ въ свѣтлую храмину чистаго сердца? Познаніе Бога есть, безъ сомнѣнія, неоцѣненный, совершеннѣйшій даръ, а *всякъ даръ совершенъ свыше есть сходя отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17). Слѣдовательно, и сердце само собою не можетъ познать

религиозную истину, не может приобрести познания Бога, если человек не обратится къ важнейшему источнику богопознания — откровенію. Но и при свѣтѣ откровенія Божія, человекъ часто ходитъ во тьмѣ, часто не замѣчаетъ и не видитъ этого свѣта, потому что внутреннее око его — око сердца (Ефес. 1, 18) бываетъ *лазрослѣплено*: оно или отатчено сномъ, или ослѣплено обманчивымъ блескомъ ложнаго мудрованія *во стѣзіяхъ міра, а не во Христѣ* (Колос. 2, 8). А потому, чтобы познавать Бога въ Его откровеніи, мы должны открыть око нашего сердца, устремить и приблизить его къ той странѣ, откуда чистый свѣтъ высokaго познания о Богѣ проливаетъ на насъ лучи свои; чтобы почерпнуть воды живой изъ чистѣйшаго источника Богопознания, мы должны имѣть жажду сердца, стремящагося къ истинѣ. Итакъ, для приобритенія лучшаго познания о Богѣ, человекъ долженъ сдѣлать себѣ способнымъ созерцать тѣ высокія дѣйствія, въ которыхъ Богъ открываетъ себя человеку.

Первое необходимое условіе для того, чтобы человекъ могъ созерцать Бога въ Его откровеніи, есть самоотверженіе. Есть два пути этой жизни: одинъ *пространный, широкій путь* міра, *ведущій въ пагубу*, другой — *тѣсный, узкій*, ведущій къ небу (Матѣ 7, 13 и 14). Первый путь, по видимому, гладокъ; но сколько на немъ сокрыто взаимной претиканія, сколько расставлено сѣтей для неопытнаго путника! На немъ встрѣчаетъ онъ плоды, красные въ видѣніе и добрые въ снѣдѣ, но подъ ними гнѣздится змій — человекоубійца; здѣсь владенцы сокрушенные, полныя сладкаго, но разрушительнаго яда: вотъ царство богопротивное, царство діавола, князя власти воздушныя! Вступивъ на этотъ путь, человекъ, какъ слабое дитя, слѣпо повинуется велѣніямъ своего владыки, или лучше — тирана: *похоть очесъ* побуждаетъ его срывать обильнѣйшія запрещенныя плоды; *похоть плоти* съ услажденіемъ упивается отъ владенцевъ сокрушенныхъ; *гордость жемчужная* влечетъ его далѣе и далѣе, говорятъ будете яко боги! И куда же, наконецъ, приводитъ человека этотъ пространный пагубный путь? Можетъ ли онъ привести къ свѣту истинны? Находясь подъ влестію князя міра сего, можетъ ли человекъ знать волю Царя небеснаго? Вкушая отъ

плодовъ запрещенныхъ и наслаждаеь ими, можетъ ли помнть о древѣ жизни? Пинщій отъ владыкъ соврушенныхъ, можетъ ли чувствовать жажду къ безсмертному источнику воды живой? Очевидно, нѣтъ. Посему, для того, чтобы приблизиться къ свѣту небесной истины, чтобы объять и постигнуть ее, необходимо нужно отказаться отъ міра и отвергнуться себя, — пройти тѣснымъ путемъ и сѣвозъ узнія врата. При самоотверженіи только возможно для человѣка принять направление къ высшей жизни и духу, къ высшему источнику разума и истины — къ Богу. Солнце правды не можетъ озарять насъ, если мы не раскрываемъ предъ нимъ своего сердца. Но совершить трудный подвигъ самоотверженія можетъ одно только чистое сердце, потому что какъ одно сердце, одаренное силою любить и чувствовать, можетъ привыкаться къ міру и сродняться съ нимъ, — такъ оно же одно можетъ перестать любить міръ, отвергнуться себя и устремиться къ верховному благу. Очевидно, что это условіе исполнимо только для людей святыхъ, которые, во имя вышнихъ нравственныхъ интересовъ, отвергаются міра и *яже въ міръ*.

Послѣ самоотверженія, естественно, раждается у человѣка стремленіе къ Богу, которое не менѣе необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ созерцать и познавать Бога въ Его откровеніи. Чтобы обрѣсти высочайшую истину, явленную человѣку въ откровеніи, непременно нужно искать и стремиться къ ней. Сердцу нашему врождено стремленіе къ Богу; посему-то его желанія неизмѣримы, безпредѣльны; оно при всѣхъ наслажденіяхъ мірскихъ всегда чувствуетъ мучительную пустоту; томится постоянною жаждою совершеннѣйшаго блага, истины и красоты. Если же сердце стремится къ Богу и тогда, когда его занимають суетные предметы міра: то сколько сильнѣе бываетъ стремленіе къ Богу сердца чистаго, святаго, котораго не обольщаютъ никакіе предметы міра, которое отверглось міра и похотей его! Съ какою быстротою и легостію воспаряетъ оно въ міръ горній, — съ какою непреоборимою силою стремится къ Богу крѣпкому, живому! Оно вездѣ ищетъ Бога; Онъ — постоянный предметъ его любви, предметъ его желаній и стремленій. Вотъ слова пламеннаго ревнителя любви къ Богу, яро изображающія

чистое сердце, съ любовью стремящееся къ Богу: «я люблю то, что прекрасно, приятно, умно и совершенно: вотъ что я люблю, когда люблю моего Бога. Но и гдѣ и кто этотъ Богъ? Я вопрошала землю, и — она мнѣ отвѣтила: не я твой Богъ. Все, что она содержитъ, дало мнѣ тотъ-же отвѣтъ. Я вопрошала у моря, рыбы, воздуха, но и они мнѣ отвѣтили: не мы твой Богъ, нищи Его выше насъ. Я обратился къ небу, солнцу, лунѣ, звѣздамъ — ко всѣмъ предметамъ, которые поражали мои чувства, говори: если не вы — мой Богъ, то скажите, гдѣ и кто этотъ Богъ». (1) Такъ сердце ищетъ Бога, постоянно стремится въ Нему, и нигдѣ, кромѣ Его, не можетъ обрѣсти для себя покоя. Оно свободно, и ничто не сильно удержало стремительныхъ порывовъ его: *какъ дамы. мнѣ крыль яко голубишь* — вотъ востанный воиль его — и *подишу и вению* въ Бога!

Слѣдствіемъ стремлениа сердца къ Богу бываетъ приближеніе къ Нему. Эта близость къ Богу совершенно открываетъ сердцу, сколько возможно, вгнѣстить ему, источникъ Богопознанія. *Кѣмо выдетъ на гору Господню, или кѣмо стаетъ на млыслю возвышамъ Иво?* Не тотъ, кто обладаетъ отличными дарованиями: ума, но — *поносителя ругаки и чиста сердцама*, т. е. тотъ, кто имѣетъ сердце, недраженное страстями, и покоряки, сердце чистое, одушевленное святою любовію къ Богу, — *сей прииметъ благословеніе и малость оны Бога* — *Стаса сеосо* (Псал. 28, 4 и 5.) Если любовь между существами ограниченными бываетъ такъ сильна, что соединяетъ однихъ неравнанныхъ собою людей, часто раздѣленныхъ далекимъ пространствомъ мѣста и времени, не боится никакаго мученія, презираетъ даже смерть къ угожденію любимому предмету: то какъ можетъ этого сильна истинная любовь къ Богу! Можетъ ли ограниченный умъ понять и мертвая буква изобразить состояніе сердца чистаго въ минуты близости его къ Богу? Оно уже у самаго источника Богопознанія, оно обрѣло уже совершеннѣйшую любовь, высочайшую истину, — оно окутываетъ уже дыханіе *ола въ существъ своимъ!* Что можетъ

тогда сравниться съ силою и блаженствомъ этого любящаго сердца? Что можетъ тогда удержать его отъ соединенія съ истинною и любовію — отъ единенія съ Богомъ? Какъ рѣка, занимая воду въ моря, обратно течетъ въ море и несетъ съ собою ладью, плывущую на ней; — такъ и любовь человека къ Богу, происходя отъ Бога, опять стремится и возвышается къ Богу, и съ собою возноситъ сердце, исполненное любви къ Нему. Пламень любви, попавши въ сердце все земное и суетное, возноситъ его, какъ Илію на волесницѣ огненной, на небо — къ Богу, какъ Моисей возводитъ на гору Господню, и дѣлаетъ его способнымъ постигать безвонную любовь Божию.

Богъ любви есть: слѣдовательно познаніе Бога есть познаніе Его безпредѣльной любви. *Всѣхъ любящъ есть Богъ рожденъ есть и знаетъ Бога,* говоритъ св. Апостоль Іоаннъ, *а не любящъ не позна Бога, яко Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 7 и 8). Эта вѣчная и безпредѣльная любовь, по неизмѣнному свойству своему, не можетъ не обнаруживать себя въ различныхъ дѣйствіяхъ любви и благодати. Но одно только сердце, какъ одаренное силою любить, можетъ чувствовать впечатлѣнія любви; одна любовь можетъ ясно понимать и принимать въ себя дѣйствія любви. Самый тонкій, проницательный и глубокий разумъ лишень этой счастливой способности сердца: онъ мыслить, рассуждаетъ, анализируетъ и синтезируетъ предметы своего знанія, но чувствовать, а равнымъ образомъ понимать и принимать выраженія чувствованій — не его доля. Это — уделъ сердца, и — преимущественно сердца неспорченного, чистаго: оно одно, пламенною любовію къ Богу, можетъ чувствовать впечатлѣнія любви небесной въ своей *славленной* природѣ, ясно ощущаетъ и познаетъ ея дѣйствія въ природѣ *славленной*.

Нон замѣчанію людей, опытныхъ въ дѣлѣ Богопознанія, видима я природа есть великая книга откровенія, въ которой *всѣми буквами* написано: *Богъ любви есть*. И однако жъ, при всей ясности своей, какъ тускло, какъ темно бываетъ написаніе это для ума человеческого! Съ какою удивительною холодностію и равнодушіемъ разсматриваетъ и познаетъ онъ природу, окружающую его! Онъ старается проникнуть

въ самую сущность ея, открыть и изслѣдовать сокровенныя и невѣдомыя для другихъ законы ея бытія и дѣйствованія. Но и при глубокомъ познаніи природы, разумъ, оставленный самому себѣ, весьма часто лишень бываетъ всякаго познанія о безпредѣльной любви, благодати и о другихъ безконечныхъ совершенствахъ Творца ея. Напротивъ, сердце чистое, любящее Бога, вездѣ, въ самыхъ маловажныхъ, по видимому, и незначительныхъ предметахъ и явленіяхъ природы видитъ благодѣющую десницу Любви; отсюду слышитъ голосъ любви, вопіющій къ нему въ дивныхъ дѣлахъ творенія Господня; оно самымъ ощутительнымъ образомъ въ природѣ внѣшней созерцаетъ и познаетъ вѣчную истину, вѣчную любовь. Какъ въ чистомъ зеркалѣ отражается лице въ настоящемъ его видѣ: такъ въ чистомъ сердцѣ, въ смиренномъ духѣ святыхъ людей открывается Богъ въ истинной славѣ Своей. «Мнѣ, говоритъ блаженный Августинъ, все, что я вижу, мой Боже, изображаетъ любовь Твою и повторяетъ безпрестанно, что я долженъ любить Тебя: небо и земля и все, что въ нихъ, отерываютъ мнѣ Тебя и громко говорятъ мнѣ, чтобы я познавалъ и любилъ Тебя сердцемъ моимъ». (1).

Познавая Бога въ природѣ внѣшней, чистое сердце еще сильнѣе чувствуетъ впечатлѣнія любви Божественной въ природѣ внутренней. Какъ часто въ скорбныя минуты жизни, когда разумъ, нигдѣ и ни въ чемъ не видя себѣ помощи и утѣшенія, можетъ быть, готовъ предаться уже отчаянію: сердце чувствуетъ и среди скорби невѣдомое, сладкое, живоносное утѣшеніе, слышитъ голосъ, зовущій его къ любви и указывающій для него отраду и успокоеніе въ Богѣ! Что это, какъ не тихое вѣяніе благодати, зовущей человека къ познанію Того, который есть безконечная, совершенная любовь? Гордый разумъ, непокоряющій себя *въ послушаніе Въръ Христовой* (2 Коринѣ. 10, 5), называетъ иногда суетвремь ощущеніе, во внутренней природѣ нашей дѣйствія Божественнаго: но сердце очень ясно и ощутительно чувствуетъ подобныя наитія благодати. И, дѣйствительно, Духъ истины и

(1) Augustin. Confess. lib. X. cap. VI.

любви всегда готовъ войти въ человѣка, проникнуть въ его сердце, просвѣтить его, наполнить и сдѣлать его священнымъ сосудомъ. Какъ лучъ весенняго солнца стремится проникнуть въ оледенѣлую землю, чтобы согрѣть и оживить ее: такъ точно высочайшая Истина, по существу и свойству своему, ищетъ входа въ человѣческое сердце. Солнце правды съ любовію и заботливостію стремится озарить насъ своими лучами, дабы мы чрезъ нихъ согрѣлись, оживились, процвѣли и принесли плоды, — и для этого не требуется какихъ нибудь чрезвычайныхъ, необыкновенныхъ усилій ума: нужно только открыть свое сердце и — Духъ истины не замедлитъ озарить свѣтомъ своимъ существо его; — и оно дѣлается достойнымъ храмомъ любви, истины, — храмомъ Бога живаго. «Нетрудно дойти до истины и невозможно постигнуть ея, — говоритъ одинъ учитель церкви. Она весьма близко, въ нашемъ сердцѣ. Пусть другіе ищутъ учителей для своихъ наукъ и предпріимлютъ путешествія. Намъ не надобно путешествовать, чтобы дойти до истины; ибо царствіе небесное вездѣ; оно — внутри насъ». (1) Истина Христова тѣснѣйшими узами соединяется и вселяется въ чистомъ и святомъ сердцѣ, стремящемся къ ней: *уразумѣйте истину* — взываетъ голосъ небесной Истины — *и истина свободитъ васъ. И отецъ Мой возлюбитъ васъ, и къ вамъ придетъ и обитель у васъ сотворимъ* (Іоан. 8, 32). По замѣчанію одного писателя, «ни на небесахъ, ни на землѣ нѣтъ ничего сладостнѣе любви, нѣтъ ничего ея сильнѣе, ничего вышнѣе, ничего обширнѣе, пріятнѣе, ничего лучше и совершеннѣе. Любовь не знаетъ мѣры и пламенѣтъ выше всякой мѣры». Укрѣпленные силою этой любви, мы ощущаемъ близкое присутствіе Бога, чувствуемъ въ себѣ дыханіе истины, увѣренные, что мы любимъ Того, кого надлежитъ любить болѣе всего, — что Господь близъ насъ, что Онъ существенно не отдѣленъ отъ насъ, а обитаетъ въ насъ и вдыхаетъ свою жизнь и силу. Мы тогда чувствуемъ себя одушевленными новою жизнію и, такъ ска-

(1) *Иларія*, еп. Пиктав. толк. на псал. 118.

зять, неувадающею знестію, — и наша жизнь представляется намъ безвѣчнымъ шествіемъ къ безпрестанно-высшему и торжественнѣйшему созерцанію и познанію Бога.

Итакъ, чистота сердца, возможная только при святости жизни, т. е. при постоянномъ и неуклонномъ свидѣаніи предписаній закона Христова, даетъ человѣку Богопознаніе. Безъ святости жизни самый высокій человѣческій разумъ, на возможно-высшей для него степени развитія, не въ силахъ проникнуть въ ту таинственную область. Имѣющіе чистое и не порочное сердце получаютъ даръ зрѣть Бога, и въ Немъ познавать всякую истину. Многие святые угодники и подвижники благочестія, имѣвшіе весьма слабое научное образованіе, а иногда и вовсе неимѣвшіе его, одними высокими нравственными качествами — достигали самыхъ высшихъ степеней Богопознанія. Итакъ, любители истины, помните заповѣдь Апостола: *миръ являетъ и сатанно со всѣми, изъ же кроме никто же узрѣетъ Господа; потому что въ злоудожну душу не видятъ премудрость*, и только *чистѣи сердцами Бога узрѣтъ*.

А. Г.

ВЕСЬМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАННА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВОБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІИ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЪ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

День очищенія евреи также встрѣчаютъ молитвою и постомъ; а въ самый день очищенія, съ утра до глубокой ночи, предаются молитвѣ и не только не ѣдятъ, но и воды въ ротъ не берутъ; и все это, повторяемъ, потому дѣлается, что у Моисея сказано: *и смирите души ваши* (въ священныя дни празднича). А по смыслу раввиновъ слова: *смирите души и выи зна-*

чать, что нужно молиться и поститься, ибо сказано объ одномъ изъ праздниковъ: *есть бо день очищенія сей земли, умолимъ предъ Господомъ Богомъ нашимъ* (Лев. 23, 27, 28). Кромѣ указанныхъ и соблюдаемыхъ евреями постовъ, есть у нихъ и многіе другіе: постъ, такъ называемый Цыгидали, постъ Есеиръ (въ память избавленія отъ угрожавшей гибели всему Израилю, вслѣдствіе наговоровъ царедворца Амана), и наконецъ постъ въ память осады Иерусалима. Но намъ нѣтъ особенной надобности распространяться о томъ, что Ветхимъ Заветомъ предписываются евреямъ посты. Намъ, какъ христіанамъ, всего нужнѣе знать то, чему учить относительно поста Божественный нашъ учитель, Господь Иисусъ Христосъ, который, какъ извѣстно, Самъ постился 40 дней въ пустынѣ Иорданской (Матѣ. 4, 2). По Его примѣру, и Апостолы, по вознесеніи Господа, пребывали не только въ молитвѣ, но и въ постѣ (Дѣян. 13, 3). А св. православная Церковь ясно и неоднократно указываетъ намъ на важность поста; она матерински позаботилась распределить посты по временамъ года. Первый и главнѣйшій постъ есть святая и великая Четыредесятница или Великій постъ, установленный въ воспоминаніе сорокадневнаго поста Спасителя и въ честь великаго праздника Пасхи; второй постъ есть постъ Рождественскій, въ честь праздника Рождества Спасителя; третій постъ — Петровъ, въ честь первоверховныхъ Апостоловъ, и четвертый постъ Успенскій, въ честь праздника Успенія Матери Божіей. Св. Церковь, сверхъ сихъ определенныхъ временъ для поста, заповѣдала освящать постомъ еще нѣкоторые дни: таковы среда и пятница каждой недѣли; потому что въ среду воспоминается преданіе Господа нашего Иисуса Христа на страданіе, а въ пятницу — распятіе и смерть Его. Въ эти постные времена и дни св. Церковь заповѣдала христіанамъ воздерживаться не только отъ мяса, сыра и яицъ, но часто отъ рыбы и даже масла.

И такъ видите, братія, что и Ветхій и Новый Заветъ и самая Церковь христіанская указываютъ намъ на важность и необходимость постовъ. Не смотря однако на всё это, многіе изъ насъ, въ социальную, не соблюдаютъ ихъ и, что еще удивительнѣе, нѣкоторые изъ новообращенныхъ евреевъ оправди-

вають свое перадрієніє къ священному дѣлу поста разными предлогами. Такъ, одни говорятъ, что посты нѣтъ будто бы большой смыслъ въ какой нибудь Азіи, гдѣ мясо могло обрѣмѣнать человека и гдѣ люди могли питаться въ изобиліи разными фруктами, не имѣя нужды въ употребленіи мяса. Лжемудрствованіе это крещенные евреи, вѣроятно, могли услышать отъ нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ, свѣтски образованныхъ, русскихъ; не въ обиду будь имъ сказано: будучи сами невѣжды въ христіанскихъ истинахъ, они развращаютъ другихъ и учатъ не соблюдать посты, утверждая, что это дѣло излишнее. Пусть за это судить ихъ Богъ. Другіе же говорятъ, что они готовы бы соблюдать посты, но такіе, которые соответствовали бы еврейскимъ постамъ, напр., ничего не ѣсть до ввѣды цѣлый день. Третьи же при разсужденіи о постѣ намеряютъ на то, что натолковано имъ было не въ пользу христіанскихъ постовъ врагами христіанства. Они говорятъ, будто бы христіанскіе посты, и особенно среда и пятница, установлены Іудою Гатаномъ и не болѣе какъ для того, чтобы этимъ дать возможность евреямъ удобнѣе достать къ шабашу лишніе рыбъ и яицъ. Христіанинъ не будетъ ѣсть въ пятницу яицъ, по причинѣ своего поста, — и отдастъ ихъ непременно еврею. Намъ помнится, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, когда въ нашемъ мѣстечкѣ крестьяне нанесутъ на рынокъ рыбы, которая, какъ они знаютъ, весьма нужна евреямъ къ субботнему дню, и когда евреямъ удастся приобрести ея за ничтожную цѣну, то наши, особенно хасиды, примутся хвалить мнимаго святаго Іуду за посты, и приговариваютъ: «небойсь, св. Іуда зналъ, что придумалъ гонимамъ — христіанамъ посты; не будь у нихъ постовъ, намъ бы пришлось въ шабашъ сидѣть безъ рыбы; а вѣдь какой грѣхъ былъ бы это для насъ!» (по уставу талмуда, рыба и мясо составляютъ принадлежность субботняго обѣденнаго стола).

Прежде всего спросимъ іудеевъ, отъ имени всѣхъ христіанъ: какой именно Іуда и когда установилъ христіанскіе посты, съ цѣлію дать возможность чадамъ израиля приобрести выгоднѣе рыбу на шабашъ? Мы убѣждены, что ни одинъ еврей не отвѣтитъ намъ на это прямо, а скажетъ: нѣкій Іуда Гатана (ученый и святой), — больше ничего. Найдутся

пожалуй, и такіе евреи, которые возражать, что это было
 у Иуды Искариота, который, заботясь объ интересах иудейства
 и дѣлности религіи израиля, по преданіи Іисуса Христа, за-
 нялся и этимъ дѣломъ, т. е. учрежденіемъ христіанскихъ
 постовъ. Но почему же объ этомъ не повѣствуетъ Талмудъ?
 Можемъ увѣрить евреевъ, что Іудѣ некогда было заниматься,
 послѣ преданія Христа, дѣломъ—установленія христіанскихъ
 постовъ; ему было до себя; не могли вынести угрызенія со-
 вѣсти; за преданіе невиннаго Господа; онъ, какъ извѣстно
 изъ Евангелія, въ отчаяніи удавился. И каковъ христіанинъ
 послушался бы Іуды?

Принимая во вниманіе все это, всякій долженъ согласиться
 съ нами, что всѣ толки, распространяемые чадами израиля,
 особенно фанатиками—хасидами, о христіанствѣ и постановле-
 ніяхъ Церкви Христовой негѣпы и безмысленны.

Теперь обратимся къ тѣмъ изъ нашихъ братій, которые,
 какъ мы замѣтили выше, желали бы видѣть въ Церкви Хри-
 стовой такіа постановленія относительно поста, которыя под-
 ходили бы къ уставамъ синагоги, т. е. чтобы христіане воз-
 держивались въ постные дни отъ пищи до звѣзды. Прежде
 всего мы долгомъ считаемъ сказать этимъ господамъ, что
 православная Церковь не воспрещаетъ христіанамъ поститься
 и до вечера, если бы кто этого пожелалъ, и нужно сказать,
 что есть очень много православныхъ христіанъ, которые
 цѣлый день ничего не употребляютъ въ дни постные⁽¹⁾. Мы
 знали такихъ, которые великимъ постомъ по средамъ и пят-
 ницамъ не только до звѣзды не употребляли пищи, но и вече-
 ромъ ничего не ѣли, а когда они готовились къ святому при-
 частію и если приходилось исповѣдываться въ четвергъ (а
 имъ приходилось это часто потому, что они говѣли вмѣстѣ
 съ военными кайтонистами, которыхъ болѣею частію испо-

(1) Для примѣра и убѣжденія сказаннаго нами предлагаемъ про-
 честь весьма назидательныя строки, помѣщенныя въ Духовной Бесѣдѣ
 о подвижнической жизни покойнаго крестьянина Іисидора Калининскаго
 (Смолр. Церковную Дѣловую Духовной Бесѣды 17 Октября 1879 года
 № 42).

вѣдуютъ въ этотъ день): то они съ этого времени до субботы и воды въ ротъ не брали, и лишь послѣ обѣдни по принятіи св. таинъ дозволяли себѣ употреблять пищу, и то самую умѣренную. Видите, братья, что вамъ нѣтъ основанія соблазнаваться тѣмъ, что христіанскіе посты опредѣляются не по звѣздамъ.

Дѣло тутъ не во времени, а въ усердномъ исполненіи поста. Вамъ стоитъ только безпристрастно рассудить и сравнить: какъ евреи отправляютъ свои посты и какъ отправляютъ ихъ христіане. Я убѣжденъ, что вы придете къ заключенію, что послѣдніе лучше это дѣло исполняютъ, чѣмъ первые. Посудите въ самомъ дѣлѣ: что это за посты, когда имъ люди тяготятся? Вѣдь вы знаете, какъ иной еврей въ день поста скушаетъ, ждешь не дождется; когда смеркнется, то и дѣло выбѣгаетъ на улицу и смотритъ, — нѣтъ ли на небѣ звѣзды, чтобы можно было вѣяться за хлѣбъ, и когда увидитъ хоть одну звѣздочку, то послѣшно бѣжитъ въ домъ и кричитъ семейству: «я видѣлъ ужъ звѣзды на небѣ, — давайте скорѣе ѣсть». Скажите на милость: можно ли это назвать достойнымъ исполненіемъ поста? Не даромъ Господь устами Исаи говоритъ къ ивранлю о ихъ постахъ: *постовъ вашихъ не найдетъ душа Моя*. Не гораздо ли лучше дѣлаютъ христіане, которые въ постные дни и употребляютъ пищу, но самую умѣренную? Взгляните хоть на рабочихъ изъ христіанъ: что они ѣдятъ въ постные дни иной, наработавшись вдоволь, ѣтъ хлѣбъ и запиваетъ квасомъ, или же просто водой: и это продолжается семь недѣль сряду! Неужели это еще не постъ?

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о тѣхъ, которые лжеумудрствуя говорятъ, будто бы посты могли имѣть смыслъ въ однихъ только жаркихъ климатахъ, тамъ, гдѣ люди могли питаться фруктами. Мнѣніе это ложно; оно опровергается и Евангеліемъ и самою нашею жизнію, если только станемъ наблюдать, какъ она течетъ въ обыкновенное время и какъ въ дни поста. Во первыхъ, Евангеліе, указывая на пользу поста, какъ на спасительное средство для души, не дѣлаетъ ни какого различія: въ какихъ мѣстностяхъ поститься и въ какихъ нѣтъ; оно вообще говоритъ: «смотрите же за собою, чтобы сердца ваши неотягчались

объяденіемъ и пьянствомъ (Лук. 21, 34). И такъ если излишнее употребленіе пищи, по ученію Господа, можетъ отягощать нашу плоть, взять верхъ надъ бодрствованіемъ духа, а чрезъ это довести насъ до грѣха, — а постъ можетъ насъ избавить отъ этаго, то почему же такое спасительное средство, врачующее нашу душу, необходимо только въ однихъ теплыхъ климатахъ? Развѣ въ холодныхъ климатахъ не тѣ же страсти волнуютъ нашу немощную плоть? О, Боже мой, вездѣ отъ юности нашей борются насъ многія страсти, и какъ же не предпринять противъ нихъ средства, каковы: молитва и постъ, составляющія особенный подвигъ христіанскаго благочестія и служенія Богу? Да, постъ, повторяемъ, есть дѣйствительное средство къ врачеванію души, къ умерщвленію страстей, распятію плоти со страстями и похотями (Галат. 5, 24).

Посмотрите въ дни поста, особенно въ св. дни Четырехдесятицы, на самыхъ, такъ сказать, разгульныхъ людей: вы сразу замѣтите въ нихъ перемѣну, производимую постомъ; тѣ самые, которые въ мясоѣстные дни ѣли и пили излишнее и дѣлали много неприличнаго, становятся совсѣмъ другими людьми; вы встрѣтите ихъ не на улицѣ, съ шумомъ и крикомъ, а въ православной церкви, на молитвѣ, съ сокрушеннымъ сердцемъ. Что же такъ дивно измѣнило ихъ къ лучшему, какъ не христіанскій постъ? Будемъ же, братія, и мы поститься, чтобы сдѣлаться достойными сынами Церкви Христовой.

XI. О ПОКАЯНІИ.

Священное Писаніе представляетъ намъ безчисленные примѣры тому, что надшіе и погравшіе во грѣхахъ возставали чрезъ покаяніе. Праотецъ Адамъ своимъ покаяніемъ умилостивилъ Господа и получилъ утѣшеніе. Царь и пророкъ Давидъ, впадъ въ грѣхъ прелюбодѣйства и желая спастись отъ наказанія, предреченнаго ему пророкомъ Нааномъ, приноситъ покаяніе, «согрѣшихъ ко Господу», говоритъ онъ, — и получаетъ отпущеніе грѣха. *Господь отвѣтъ согрѣшенію твоему*, сказалъ ему тотъ же пророкъ (2 Цар. 12, 13). Самъ Господь указываетъ намъ чрезъ пророка на важность покаянія: *не хочу смерти*

грѣшника, говоритъ Онъ, но еще обратится душа твоя путемъ своего и жити души ея (Иезек. 18, 32). *Обратится ко Мнѣ, говоритъ также Господь чрезъ другаго пророка, и спасется* (Исаи 45, 2). А вотъ и гласъ Сына Божія, зовущаго насъ къ покаянію: *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное* (Матѣ. 4, 17). Св. Апостолъ Петръ такъ говоритъ о покаяніи: «не медитъ Господь исполненіемъ обѣтованія: но продолжаетъ терпѣть насъ, не желая, чтобъ кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію» (2 Петр., 3, 9). Видите, братія, какое величайшее спасительное средство есть для насъ христіанъ покаяніе! Нѣтъ грѣха, котораго бы оно не могло очистить, нѣтъ грѣшника, который бы чрезъ него не получилъ прощенія. Кто чувствовалъ въ жизни своей тяжесть грѣха отъ сдѣланнаго беззаконія (а кто его не чувствовалъ) и получивъ душевное облегченіе, чрезъ покаяніе, тотъ не требуетъ много доказательствъ о необходимости и важности покаянія. Я увѣренъ, что вы, братія, какъ христіане, внемлете всему сказанному и послѣдуете охотно правилу покаянія, въ особенности когда узнаете и вполне уразумѣете сердцемъ слова Христовы: *если не покается, всѣ погибнете* (Лук. 13, 3).

Одно, что можетъ быть для много изъ васъ непонятно въ дѣлѣ христіанскаго покаянія, то это то, что по установленію православной Церкви кающійся Богу христіанинъ долженъ непременно при посредствѣ священника, а это не въ духѣ іудея, который привыкъ одинъ самъ по себѣ вычитывать исповѣдную молитву. Мы спросимъ раздѣляющаго съ іудеями мнѣніе о самоличной исповѣди: можетъ ли больной врачъ самъ себя врачевать, въ особенности въ то время, когда состояніе его здоровья сильно разстроено? Конечно, не можетъ; онъ непременно тогда пригласитъ другаго врача, расскажетъ ему подробно о своей болѣзни и будетъ ждать отъ него помощи. Тѣ же условія требуются и въ дѣлѣ духовнаго врачеванія. Но вы знаете, братія, какъ поступаютъ іудеи, сознающіе болѣзнь души своей; они не приглашаютъ ни казеннаго, ни духовнаго раввина, а исповѣдуются сами по себѣ; они вычитываютъ извѣстныя формулы «видз» — исповѣдь, смыслъ которой немногимъ понятенъ

(священный библейскій языкъ послѣ разъясненія иврита сдѣлался, такъ сказать, мертвымъ для него; а такъ какъ формула видѣна писана на библейскомъ языкѣ, то само собою разумѣется, что для большинства евреевъ она непонятна). Хороша ли же такого рода исповѣдь, которую не понимаетъ непевѣдающійся? Не лучше ли, не гораздо ли болѣе спасительна та исповѣдь, которая установлена православною Церковію,—исповѣдь Господу при посредствѣ священника? Несомнѣнно лучше: во первыхъ уже потому, что священникъ имѣетъ власть, данную ему свыше самимъ Богомъ, вязать и рѣзать наши грѣхи, которые онъ и разрѣшаетъ благословеніемъ и молитвою; во вторыхъ, онъ, какъ болѣе опытный въ духовномъ врачеваніи, по выслушаніи болѣзни нашей души, если мы только со всею точностію передадимъ ему о ней, не затаивая ничего въ сердцѣ своемъ, можетъ преподавать намъ и доброе наставленіе, какъ впредь вести жизнь, достойную христіанина, какъ остерегаться отъ соблазна и грѣха. Вотъ такого рода исповѣдь и можетъ принести вѣдввую пользу душѣ кающагося!

(Продолженіе впереди).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА СВЯТАГО ІОАННА, ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ
ГОСПОДНЯ.

И той предъидеть предъ Нимъ духомъ
и силою Іліиною, обрати сердца отцемъ
на чада и противныя въ мудрости правед-
ныхъ, уготовати Господеви люди совер-
шенны. Луки 1, 17.

Всякій человекъ имѣеть свое значеніе и назначеніе въ
этомъ мірѣ. Но особенно высоко и благотворно назначеніе
чрезвычайныхъ избранниковъ Божіихъ, посылаемыхъ въ міръ
для исполненія великихъ, міровыхъ цѣлей Промысла. Таковъ
былъ и святой Іоаннъ Предтеча и Креститель Господа. Воз-
вѣщая о благодатномъ рожденіи Іоанна, Архангелъ сказалъ
объ немъ Захаріи: *будеть велий предъ Господомъ... И мнозиъ*

отъ сыновъ израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ. И той (Иоаннъ) предвидитъ предъ Нимъ (Господомъ Богомъ, Иисусомъ Христомъ) дщю и силу Илїю, обратити сердца отцевъ на чада и противныя въ мудрости праведныхъ, уготовити Господеву любви совершениы. Вотъ въ чѣмъ состояло назначеніе Иоанна! Вотъ для чего онъ посланъ былъ въ міръ, для чего родился и жилъ на землѣ! Онъ долженъ былъ приготовить путь Господу, расположить людей къ принятію обѣтованнаго Испытателя, — какимъ образомъ? Смѣлю, въ духѣ Илїи, и неумолчивою проповѣдію о Немъ, — такою проповѣдію, которая возвратила бы сердца отцовъ дѣтямъ, то есть, соединила бы узами единомыслия и любви не только родителей и дѣтей, но и предковъ съ ихъ потомками, восстановила сердечныя расположенія благочестивыхъ родоначальниковъ іудейскихъ, Авраама, Исаака и Іакова, и свойства древнихъ святыхъ мужей, Моисея, Давида и Илїи, въ сердцахъ и характерахъ ихъ потомковъ, людямъ непокорнымъ усвоила образъ мыслей праведниковъ и чрезъ это образовала изъ іудеевъ народъ готовый принять давно ожидаемаго Мессію. И мы видимъ, что вся жизнь св. Иоанна была исполненіемъ этого предназначенія. Онъ былъ свѣтильникомъ, который горѣлъ и догорѣлъ не для себя, — а для указанія людямъ истиннаго пути ко спасенію, чрезъ вѣру въ пришедшаго Спасителя, воплотившагося Сына Божія. Вотъ почему великъ Иоаннъ предъ Богомъ и людьми, почему прославляетъ его вся вселенная и почему дни рождества и кончины его съ такимъ торжествомъ празднуетъ православная Церковь.

А мы, братія, чѣмъ можемъ почтить память св. Иоанна Предтечи? Чѣмъ возвеличимъ славу его на земли и, безъ сомнѣнія, доставимъ ему великую радость на небеси? Тѣмъ, если оправдаемъ на самихъ себѣ то назначеніе, которое дано было ему въ мірѣ, если продолжимъ и совершимъ для себя то дѣло, которому посвящена была земная жизнь его. Дѣло св. Иоанна Предтечи и нынѣ тоже самое, какое предвозвѣщено было Ангеломъ прежде его рожденія. Какое? *Обратити сердца отцевъ на чада и противныя въ мудрости праведныхъ, уготовити Господеву любви совершениы.*

Обратити сердца отцевъ на чада. Каковы нынѣшніе наши

отцы и дѣти? Въ настоящее время особенно часто отцы жалуются на дѣтей и дѣти—на родителей: отцы жалуются, что дѣти ихъ непокорны, своевольны, непочтительны, лѣнны на добрыя дѣла, неспособны къ общеплезному служенію. Дѣти,—то есть, взрослые дѣти,—жалуются на то, что родители мало заботились о ихъ воспитаніи, не передали имъ, потому что и сами не имѣли,—здравыхъ и твердыхъ началъ жизни, не оставили имъ прочнаго духовнаго наслѣдства и что, наконецъ, дѣла отцовъ мало согласовались съ ихъ словами. Кто правъ и кто виноватъ? Кажется, что обѣ стороны, въ отношеніи другъ къ другу, равно и правы и виноваты. Но напомнимъ и отцамъ и дѣтямъ, что у насъ есть наслѣдство, которое можетъ обогатить насъ на всю жизнь, но на которое мы мало обращаемъ вниманія. Это наслѣдство оставлено намъ нашими древними предками, древнею Русью. Чтб ни говорили бы современные мыслители, но надобно сознаться, что нынѣшняя Россія своимъ могуществомъ, обширностію и славою преимущественно обязана Россіи древней. Съ живѣйшею преданностію святой православной вѣрѣ, съ безпредѣльною покорностію своимъ Монархамъ, съ пламенною любовію къ отечеству, съ неизмѣннымъ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога,—наши предки создали единство Россіи, раздвинули ея предѣлы на необозримое пространство, вынесли на плечахъ своихъ безчисленныя невзгоды и приготовили намъ то вещественное и духовное богатство, которымъ мы нынѣ пользуемся. А мы? Мы часто не цѣнимъ этого богатства, не воздаемъ должной чести и благодарности нашимъ предкамъ, любимъ болѣе выставлять на позоръ, съ хамовымъ злорадствомъ, ихъ недостатки и погрѣшности, чѣмъ удивляться ихъ доблестямъ; мы гоняемся за призраками иноземной мудрости и подражаемъ чуждымъ намъ обычаямъ и правиламъ жизни. Итакъ, если мы дѣйствительно желаемъ чтить память св. Іоанна и имѣть въ немъ своего ходатая и заступника, то постараемся содѣйствовать ему въ исполненіи того, что назначено было ему до его рожденія: *обратити сердца отцевъ на чада*. Словомъ и примѣромъ будемъ внушать родителямъ любить дѣтей истинною любовію, воспитывать ихъ въ страхѣ Божиемъ, въ духѣ Церкви православной, съ любовію къ Царю и отечеству. Будемъ благодарны

къ предкамъ нашимъ за ихъ труды и терпѣніе и, гдѣ нужно, воспользуемся ихъ примѣромъ, сохранимъ все то, чѣмъ сильна и славна была древняя Русь,—неизмѣнную преданность Православію, любовь къ Царю и отечеству, готовую для нихъ на всякіе труды, опасности и самопожертваніе.

Обратити противныя въ мудрости праведныхъ. Около времени явленія на землѣ Спасителя, іудеи далеко отступили отъ тѣхъ великихъ образцовъ, которые даны были имъ въ лицѣ ихъ праведныхъ предковъ. Въ это время между ними явились секты фарисеевъ, саддукеевъ, иродіанъ, ненавидѣвшія другъ друга; законъ Моисеевъ былъ затемненъ разными прибавками и толкованіями. Потому-то Архангелъ и говоритъ, что Предтеча Христовъ обратитъ іудеевъ отъ этихъ ложныхъ ученій *къ мудрости*, или образу мыслей *праведниковъ*. Умственное и нравственное состояніе нашего общества многимъ ли лучше того, въ какомъ находились іудеи во времена св. Іоанна Предтечи? Ахъ, братія, едвали! Посмотрите только, какъ много у насъ сектъ раскольниковскихъ! Подъ незаконными предлогами отпавши отъ православной Церкви, раскольники составили отдѣльныя общества, малые кружки, которые ненавидятъ и преслѣдуютъ другъ друга и согласны только въ томъ, чтобы вмѣстѣ ненавидѣть православную Церковь. А развѣ это было бы возможно, если бы мы всѣ и каждый изъ насъ знали православную вѣру, какъ должно, любили и защищали ее, сколько можемъ? Нѣтъ, мы, большею частію, спимъ и бездѣйствуемъ, тогда какъ раскольники употребляютъ всѣ свои силы къ распространенію плевель своего ученія. А образованное и образующееся общество? Конечно, и здѣсь есть еще много людей, много семействъ добрыхъ и благочестивыхъ. Но тамъ же видимъ и матеріалистовъ, и нигилистовъ, и индифферентистовъ, и спиритистовъ; а святое Православіе нерѣдко остается на заднемъ планѣ, забытое, непонятое, почти презираемое. Чтожъ намъ дѣлать? Стараться всѣми силами, сколько можемъ и сколько отъ насъ зависитъ, *возвратить* этихъ *противниковъ* православія *къ мудрости праведниковъ*. А эта мудрость, по ученію слова Божія, *первое убо чисто есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь*

милости и плодовъ благиъ, несумльнна и нелицемьрна (Лук 3, 17).

Уготовати Господеви люди совершени. Св. Иоаннъ Предтеча приготавливалъ иудеевъ къ принятію Спасителя, чтобы они увѣровали въ Него, послѣдовали за Нимъ и сдѣлались достойными членами Его царства,—св. Церевы. Мы, православные, конечно, уже вѣруемъ въ Спасителя и находимся въ благодатномъ союзѣ съ Его Церковію. Но и мы должны готовиться къ принятію Господа,—къ тому, чтобы непостыдно предстать предъ Нимъ, когда Онъ снова придетъ на землю во славу; ибо *еслизъ намъ подобаетъ явитися предъ судищемъ Христовымъ.* Готовы ли мы явиться предъ Господомъ? Готовы ли, если бы это потребовалось въ нынѣшнемъ году, въ наступающій день, въ этотъ часъ?... Одна мысль объ этомъ приводитъ насъ въ смущеніе и ужасъ; а нѣкоторые и совсѣмъ не имѣютъ этой мысли, стараются удалить ее, какъ непрошенную гостью. А между тѣмъ, готовиться къ неизбежной смерти, стремиться къ нравственному совершенству, благоугождать Господу—вотъ что должно быть главнымъ дѣломъ нашей жизни,—вотъ назначеніе и цѣль нашего бытія на землѣ!

Но кромѣ этого общаго и главнаго назначенія, каждый человекъ и каждый народъ имѣютъ свое отдѣльное, частное назначеніе, которое они должны исполнить,—каждый на своемъ мѣстѣ, въ свое время, данными ему средствами. Горе тому человеку и тому народу, который не пойметъ своего назначенія, или пренебрежетъ имъ! Эсѣирь, иудейка, изъ простой плѣнницы, сдѣлалась царицею ассирійскою. Вотъ народу ея угрожаетъ истребленіе по наветамъ Амана. Мардохей, дядя Эсѣири, идетъ ко дворцу ея и посылаетъ сказать ей, чтобы она шла къ царю и испросила пощаду народу иудейскому. Эсѣирь колеблется, трепещетъ исполнить это порученіе. Но что говоритъ ей Мардохей? *Эсѣире! аще преслушаеши въ сіе время* (если не послушаешься меня на этотъ разъ), *отвинуду будетъ помощь и покровъ иудеомъ: ты же и домъ отца твоего погибнете... И кто вѣсть, аще на сіе время воцарилася еси?* И такъ Мардохей грозитъ Эсѣири гибелью ея и дома отца ея, если она не исполнитъ того, для чего Промыслъ Божій поставилъ ее царицею. Эсѣирь послушалась,

спасла народъ свой и стяжала себѣ вѣчную славу (Эсѣиръ, гл. 4). Приближаясь, въ торжественномъ шествіи, къ Іерусалиму, Господь Іисусъ Христосъ плакалъ о немъ и о народѣ іудейскомъ, говоря: *аще бы* (о, еслибы) *разумѣлъ и ты, въ день сей твой, еже къ миру твоему; нынѣ же скрывается отъ очю твою* (Лук. 19, 42). Но народъ іудейскій не понялъ своего призванія,—и погибъ.

Какое же назначеніе нашего отечества—Россіи? Внимательное изученіе исторіи и современнаго состоянія народовъ вселенной показываетъ ясно главное назначеніе Россіи—сохранить, утвердить и распространить православную вѣру во всей вселенной, чтобы оживить, просвѣтить и оплодотворить сѣмями православія все человѣчество. Для этого-то, можетъ быть, Богъ и далъ ей такой колоссальный ростъ и могущество; къ этому-то и велъ ее многоразличными путями.

Силою честнаго и животворящаго креста Твоего, молитвами Пресвятыя Богородицы, святаго Іоанна Предтечи и всѣхъ святыхъ Твоихъ, спаси, сохрани и утверди, Господи, насъ людей Твоихъ и достояніе Твое—православную Россію. Аминь.

1866.

Протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ.

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОВРАТИИ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

ХП. О СВ. ПРИЧАСТИИ.

Каждый изъ васъ, братія мои, навѣрно знаетъ и знаетъ долженъ, что такое св. причастіе? Мы въ таинствѣ Причащенія подъ видомъ хлѣба и вина принимаемъ пречистое Бо-

жественное тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа. Преподавъ, на тайной вечери, ученикамъ своимъ Божественное тѣло и кровь свою, Онъ заповѣдалъ имъ совершать и хранить сіе таинство, во всегдашнее воспоминаніе о Себѣ. Св. Церковь христіанская, матерински заботясь о насъ, зная, какое величайшее благо можетъ доставить христіанину св. Причащеніе, хранить, со временъ апостольскихъ и до нынѣ, эту заповѣдь Спасителя; она призываетъ насъ ежегодно, въ великую Четыредесятницу, къ святой животворящей чашѣ, причаститься тѣла и крови Христовой,—и истинный христіанинъ, какъ покорный сынъ Церкви, внемля гласу ея, съ благоговѣніемъ и душевною радостію спѣшитъ принимать св. Причастіе. Да и какъ не радоваться, когда человѣкъ имѣетъ счастье соединиться съ Богомъ и Бога соединяетъ съ собою? *Ядыи Мою плоть и пійи Мою кровь*, говоритъ Спаситель, *во Мнѣ пребываетъ и Азъ во немъ*.

Къ сожалѣнію, есть и такіе изъ насъ христіане, которые не радятъ о св. причащеніи. Мы знаемъ нѣкоторыхъ крещенныхъ евреевъ, которые подъ разными предлогами не приобщались св. таинъ даже года по два и болѣе; одни говорили, что они будтобы признаютъ себя недостойными этого таинства, оправдывая себя словами священнаго Писанія: «кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей, или пить чашу Господню, недостойно, виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней (1 Коринѣ. 12, 27); другіе просто оставались равнодушными къ св. дѣлу причащенія, не имѣя какъ будто бы никакой надобности въ немъ. Ахъ! какъ много вредятъ душѣ своей подобные христіане! Тѣхъ, которые не приобщаются подъ предлогомъ своего недостойнства, спросимъ: когда же они сдѣлаются достойными соединиться со Христомъ? И какой христіанинъ, взвѣсивъ безпристрастно всѣ дѣянія своей жизни, углубившись въ себя и во все окружающее и смущающее егò, осмѣлится сказать, что вотъ онъ теперь сознаетъ себя вполне достойнымъ приступитъ къ св. причащенію? Однакоже, истинный христіанинъ, исполняя повелѣнное Церковію, каждый годъ говѣетъ и, очистивъ себя исповѣдію, приступаетъ, хотя со страхомъ, къ св. причащенію. И какъ можетъ вѣрный сынъ православной Церкви отказать себѣ

въ этомъ, имѣя въ виду заповѣдь Господа: «ежели не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго, и пить крови Его; то не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоан. 6. 53)? Развѣ Господь не зналъ и не знаетъ нашихъ грѣховъ и немощей? Однако Онъ, по благоволенію своему и милосердію къ намъ, грѣшнымъ, не только не воспрещаетъ намъ причаститься св. таинъ, но даже требуетъ сего отъ насъ. Чѣмъ мы слабѣе и немощнѣе въ духовномъ отношеніи, тѣмъ болѣе должны искать подкрѣпленія немощамъ своимъ въ всемогущей силѣ Божіей, въ святомъ причастіи, которое освящаетъ, укрѣпляетъ и оживляетъ насъ. Чѣмъ болѣе сознаемъ, что наши грѣхи такъ велики, что удаляютъ насъ отъ Бога, тѣмъ болѣе должны мы стараться приближаться къ Нему, но никакъ не удаляться отъ Него, имѣя въ виду, что Спаситель пришелъ на землю не праведниковъ спасать, а погибающихъ грѣшниковъ (Луки 15, 7). Но во всякомъ случаѣ, если бы кто изъ васъ, братія мои, дѣйствительно страшился приступать къ св. причастію, чтобы не сдѣлаться повиннымъ тѣлу и крови Господней, то пусть усилитъ покаяніе и плачетъ о грѣхахъ, — и слезы покаянія очистятъ всякое беззаконіе.

Вспомнимъ, братія, что сказано было Моусею, когда онъ сталъ приближаться къ негараемой купинѣ. Ему сказано было: *не приближайся сѣмо, иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, свято есть* (Исх. 3, 5). Чтожь это означало, какъ не то, что Моусей долженъ былъ съ благоговѣніемъ и страхомъ приступить къ мѣсту святому? Если отъ Моусея требовалось такое почтеніе къ святому мѣсту, то какимъ же благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ должно быть объято сердце христіанина, когда онъ, мало того, что стоитъ на святомъ мѣстѣ, но хочетъ еще принимать въ себя и Самого Господа?

Скажу вамъ и о томъ, какъ вы должны вести себя, сподобившись принять святныя Божественныя тайны—тѣло и кровь Христовы. Вы знаете, что евреи, лишь только проведутъ священные дни (новый годъ и день очищенія), въ которые они плачутъ и рыдаютъ, чтобы вымолить себѣ счастливый годъ

дѣлаются потомъ беззаботными и равнодушными на цѣлый годъ (1); это и выражаютъ они нередко другъ другу въ слѣдующихъ словахъ: «полно уже теперь грустить о грѣхахъ; ничего не можешь этимъ; что ужъ опредѣлилъ Богъ въ день новаго года и въ день очищенія, — тому уже не миновать». Утѣшивъ такимъ образомъ другъ друга, принимаютъ веселый видъ, предаются до безобразія всякаго рода веселію, пляшутъ въ синагогѣ и перекувыркиваютъ другъ друга, не щадя даже лица, отправляющаго Богослуженіе (1). Вотъ этой-то іудейской закваски, — этого мнѣнія, будто бы только въ извѣстное время нужно замаливать Бога, а затѣмъ можно жить какъ нибудъ, не радѣя о спасеніи, и нужно вамъ, братія, стараться избѣгать. Ведите себя съ достоинствомъ, свойственнымъ христіанину; всегда думайте о спасеніи своемъ и молитесь Господу непрестанно.

ХІІІ. О ПОЧИТАНІИ СВЯТЫХЪ ИКОНЪ.

Святая православная Церковь научаетъ насъ почитать святыхъ иконы. Мы не смѣемъ говорить, чтобы всѣ крещенные евреи, безъ исключенія, не оказывали почитанія къ святымъ иконамъ; есть очень многіе, которые воздаютъ имъ подобающую честь (2). Но тѣмъ не менѣе, есть и такіе, для

---

(1) Евреи вѣрятъ, что въ указанные дни Богъ опредѣляетъ судьбу каждаго іудея въ наступающемъ году, а въ день очищенія онъ окончательно запечатлѣваетъ Свой небесный приговоръ; потому-то іудей замаливаетъ Бога особенно въ новый годъ.

(2) Въ Вольскѣ я зналъ одного крещенаго еврея по имени Тим. П — ча, который всегда усердно молился предъ святыми иконами и такъ всегда благоговѣлъ предъ ними, что ничего для него не было отраднѣе того, какъ имѣть у себя священную икону. Въ Вольскомъ соборѣ имъ были поставлены два величественные серебряные вызолоченные образа св. Петра и Павла; и нужно было видѣть, какъ онъ, приходя въ храмъ, всегда усердно молился предъ ними. Лишь только я пріѣхалъ въ Вольскъ, онъ тотчасъ повелъ меня въ соборъ, съ невыразимою душевною радостію, указывая на сооруженныя имъ иконы, сказавъ: «какъ я радъ, что Богъ помогъ мнѣ выполнить давнишнее мое желаніе — поставить мои иконы въ святой Его церкви».

которыхъ хоть и не будь св. иконъ. Намъ разъ какъ-то со-
знался одинъ крещенный еврей, что онъ, становясь на мо-
литву предъ святыми образами, нерѣдко смущается ими; «ну,
что хотите, говорилъ онъ, а нѣтъ—нѣтъ, да медьжнетъ мысль,
заимствованная изъ Писанія, внушенная каждому изъ насъ
родителями, противъ иконъ: «ты не потердишь человѣческихъ
изображеній, ни образовъ животныхъ въ обитаемыхъ тобою
мѣстахъ». Хотя я соглашаюсь съ вами, что приведенныя мною
слова Писанія, можетъ быть, и не имѣютъ никакого отноше-
нія къ святымъ иконамъ, а—грѣшенъ предъ Богомъ,—они под-
часъ не мало вредятъ мнѣ въ дѣлѣ должнаго почитанія свя-
тыхъ иконъ; я всегда каюсь въ этомъ предъ моимъ духов-
никомъ и, только благодаря его внушеніямъ, волнующійся и
смущающійся духъ мой постепенно успокоивается».

Другой крещенный еврей вотъ еще что высказалъ о свя-
тыхъ иконахъ: «я, говорилъ онъ, предъ такой иконою, кото-
рая писана на холстѣ, охотнѣе становлюсь всегда на молит-
ву, чѣмъ предъ образомъ, украшеннымъ чеканною работою.
И вотъ въ чемъ особенно нужно вамъ сознаться: смущаетъ
меня хожденіе со святыми иконами и крестами по домамъ и
нерѣдко вокругъ города. Таковое поклоненіе не привязываетъ
ли ужъ слишкомъ человѣка къ видимому предмету, отвлекая
мысль отъ Бога? Вотъ, недалеко сказать, моя жена,—чело-
вѣкъ неграмотный, а учитъ меня, чтобы я молился иначе,
какъ предъ иконою. Этого мало, она требуетъ, чтобы я каж-
дый годъ, да и не разъ, поднималъ бы икону Знаменія Бо-
жіей Матери; и посмотрѣли бы вы, что дѣлаетъ она, когда
по особому желанію ея отправлюсь просить къ себѣ священ-
ника со святою иконою. Она соберетъ дѣтей, выведетъ ихъ
на улицу; а глядя на нее, и набожная сосѣдка выбѣжитъ съ
своимъ семействомъ на встрѣчу святой иконѣ и, когда ста-
нутъ ее подносить поближе къ дому, то онѣ наклонятся всѣ
и изволь черезъ нихъ переносить икону; это, изволите ви-
дѣть, также составляетъ важность въ дѣлѣ спасенія. Грѣш-
ный человѣкъ, я иногда выговариваю ей, а она мнѣ въ от-
вѣтъ говоритъ: «ты не въ силахъ понять и чувствовать ве-
ликую радость, которую чувствуетъ мое сердце, въ то время,
когда приносятъ въ нашъ домъ святыню—Заступницу нашу

Божію Матерь». Признаюсь, она нерѣдко своими простыми, но весьма искренними словами такъ озадачиваетъ меня, что приходится краснѣть». Выслушавъ рѣчь своего собрата, я дружески высказалъ ему все, что зналъ и сколько понималъ о правильномъ чествованіи святыхъ иконъ. Онъ видимо былъ тронутъ моими словами и, вадохнувъ, сказалъ: «да, не вдругъ избавишься отъ того, что намъ натолковали противъ всего священнаго, существующаго въ православной Церкви, и въ особенности противъ святыхъ иконъ». Братія мои, старайтесь изгладить изъ сердца то, что натолковано вамъ противъ святыхъ иконъ, будто бы почитаніе ихъ противно 2-й заповѣди. Икона есть изображеніе Господа и святыхъ Его. Мы уже видѣли выше, что и древніе израильтяне, поклоняясь истинному Богу, преклоняли колѣна свои предъ кивотомъ завѣта и святыней, стоящей въ скиніи. А кумирь, о которомъ говорится во 2 заповѣди,— что такое? Это не что иное, какъ изображеніе твари, или какое-нибудь вещество, которымъ служатъ вмѣсто Бога, какъ дѣлали язычники—идолопоклонники. Какое же можетъ быть сходство между кумиромъ и св. иконой? Никакого! И скажите: зачѣмъ евреи въ синагогѣ и въ домахъ (преимущественно у набожныхъ евреевъ) имѣютъ изображеніе, наприм. Моисея, Аарона, или просто какаго нибудь нечесаннаго раввина? Кромѣ этого, въ синагогѣ можно видѣть надъ кивотомъ, въ которомъ находится тора—свертокъ пятоверхняго Моисея, двѣ руки первосвященника Аарона, изображающія его священнодѣйствіе; наконецъ, увидите начертанныя десять заповѣдей, свѣтильнигъ съ семью лампадами и проч. и проч. Къ чему все это, если всякое изображеніе противно закону іудеевъ? «Ну, нѣтъ, скажетъ іудей, подобныя изображенія нисколько не противны закону Іеговы». А если такъ, то почему, повторяемъ, святые иконы могутъ быть противны закону? потому ли, что онѣ изображаютъ Господа и святыхъ Его? Можемъ положительно сказать, что всѣ тѣ, которые не понимаютъ, почему христіане такъ благоговѣютъ предъ святыми иконами, если бы узнали изъ священныхъ христіанскихъ книгъ о тѣхъ неизчисленныхъ милостяхъ, какія получили и доднесь получаютъ многое множество христіанъ, прибѣгающихъ съ

вѣрою и молитвою предъ святыми иконами, то, навѣрно, оставили бы свои предрасудки и сами сдѣлались бы истинными почитателями святыхъ иконъ. Есть цѣлые города, которые въ минуты бѣдствія, на примѣръ, во время нашествія враговъ, во время мора и глада, прибѣгали къ св. иконѣ Богоматери и, единственно Ея заступничествомъ, были спасены.

ХІV. О КРЕСТНЫХЪ ХОДАХЪ.

Сколько радуется сердце истиннаго христіанина, когда совершаются въ его городѣ или селеніи крестные ходы, столько же печалится сердце іудея, если предъ его лицомъ нечаянно пронесутъ «кресты». Бѣда впрочемъ не въ томъ, что для іудеевъ, нетерпящихъ Креста, какъ и отцы ихъ, нетерпимъ крестный ходъ; но я боюсь за васъ, братія мои.

Признаюсь, я и самъ былъ пораженъ какимъ-то необъяснимымъ страхомъ, когда въ первый разъ увидѣлъ крестный ходъ, когда въ городѣ Вольскѣ пронесли нѣсколько святыхъ иконъ, сопровождаемыхъ крестами и хоругвями. Однако, какъ христіанинъ, я присоединился къ шествующей процессіи, видя, что народъ такъ горячо и усердно молится; не понимая, въ чемъ дѣло, я рѣшился спросить объ этомъ шествіи рядомъ гражданина, который, взглянувъ на меня, съ удивленіемъ сказалъ: «вы, кажется, видите, какая у насъ засуха въ нынѣшнее лѣто; весь хлѣбъ долженъ отъ зноя погибнуть; вотъ поэтому-то и дѣлается крестный ходъ; православные помолятся,—и Господь, можетъ быть, услышитъ нашу молитву и пошлетъ дождь, который такъ нуженъ для орошенія полей». Я, грѣшный, усумнился и подумалъ: мудрено что-то, чтобы крестный ходъ, въ такое хорошее и ясное время, могъ низвести дождь на землю,—и мало того, я не только подумалъ, но еще рѣшился высказать свое мнѣніе шествію рядомъ со мною: «едва ли будетъ сегодня дождь». —«Да, пожалуй, отвѣтилъ онъ, особенно если будемъ разговаривать во время крестнаго хода, но если помолимся Господу Иисусу усердно, какъ слѣдуетъ христіанамъ, то можно смѣло надѣяться, что Онъ, милосердый, услышитъ нашу молитву и по ней дастъ намъ и дождь. «Сказавъ это, онъ обратился

къ церкви, мимо которой проходили въ это время съ крестами, и началъ креститься. Молились и другіе православные у церкви. Не успѣли мы пройти площадь, какъ солнце вдругъ скрылось, а за тѣмъ откуда ни взялась туча и, спустя минутъ десять, сталъ накрапывать дождь и съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе шелъ онъ, такъ что молящіеся (изъ маловѣрныхъ?) должны были разойтись по домамъ.

Спутникъ мой взялъ меня за руки и сказалъ: «ну что, вы теперь, батюшка, вѣрите, что у Христа все возможно?»—Отъ души теперь вѣрую, сказалъ я. «Вы изъ евреевъ?»—Да, отвѣтилъ я, недавно принялъ я святое крещеніе.—«Благодареніе Господу, сказалъ онъ, что вы увѣровали въ Спасителя нашего; вы теперь должны вѣрить и во все то, что установлено православною Церковію, должны чтить и крестные ходы». Разставаясь со мною, онъ сказалъ: «передайте же о Божественной силѣ крестнаго хода, видѣнной вами сейчасъ, братіямъ своимъ, изъ которыхъ навѣрно есть немало такихъ, которые сомнѣваются въ чудодѣйственной силѣ христіанской святыни». Вотъ это-то порученіе набожнаго христіанина и исполняю я теперь въ собесѣдованіяхъ съ вами, братія мои, съ присовокупленіемъ того, что чувствовало мое сердце, когда я расстался съ собесѣдникомъ. Я сталъ стыдиться самого себя, мнѣ особенно совѣстно было за мое прошедшее. Ахъ, прошедшее мое было ужасно! Помнится, бывало, въ Казани, когда стоишь въ парадѣ, въ день встрѣчи чудотворной иконы Божіей Матери, я грѣшный, и другіе подобные мнѣ іудеи, отворачиваемся отъ нея. Но чѣмъ болѣе мы чуждались, конечно, по невѣдѣнію, чудотворной иконы Богоматери, тѣмъ болѣе Матерь Божія влекла насъ къ себѣ, устроая наше спасеніе и обращеніе къ Сыну своему Господу нашему Иисусу Христу, непонятнымъ образомъ для насъ самихъ. Всѣмъ намъ хотѣлось узнать причину этого торжества, но никто даже изъ старыхъ русскихъ кантонистовъ, которымъ уже и не въ первый разъ удавалось быть въ парадѣ, не въ состояніи были объяснить намъ. Напротивъ, одинъ, самый упорный инвалидъ изъ евреевъ, Айзбергъ, старался истолковать этотъ крестный ходъ, о которомъ самъ не имѣлъ никакого понятія, въ дурную сторону. «Мало ли, говорилъ онъ, у гоимовъ—христіанъ такихъ

праздниковъ, въ которые они, какъ отцы ихъ—идолопоклонники: Фаре, Исавъ, Лаванъ (евреи перечисленныхъ нами лицъ и всѣхъ идолопоклонниковъ называютъ братьями христіанъ), ходять по городу съ бильдерами—иконами и крестами (последнее слово крестъ—цейлимъ) онъ произнесъ съ такою отвратительною гримасою, что мы, зная его, какъ хасида іудея—фанатика, оставили дальнѣйшіе наши разпросы? Вскорѣ однако представился намъ прекрасный случай услышать о крестныхъ ходахъ совсѣмъ другое. Черезъ нѣсколько дней послѣ парада, насъ, по случаю наступившихъ баникулъ, отправили по деревнямъ на отдыхъ. Въ двухъ деревняхъ размѣстилось насъ по квартирамъ около четырехъ сотъ человѣкъ, и большею частію это были евреи. Въ обѣихъ этихъ деревняхъ шло усиленное приготовленіе къ встрѣчѣ той же чудотворной иконы Божіей Матери. Видя это, мы говорили одинъ другому то, что рассказывали хозяева, относительно чудотворной иконы Божіей Матери; а они говорили очень много чудеснаго о ней, совершившагося въ виду ихъ, при внесеніи ея въ ихъ селеніе. Наканунѣ прибытія чудотворной иконы въ деревню Короваево, барабанщикъ не въ обычный часъ забилъ сборъ мы были всѣ удивлены и, когда собрались на ротный дворъ, капитанъ сказалъ намъ: «дѣти, завтра внесутъ сюда чудотворную икону Божіей Матери; я желаю бы вмѣстѣ съ вами встрѣтить ее съ подобающею честію, а потому прошу васъ: почище одѣться и прибыть сюда; я полагаю, добавилъ ротный, что ни вамъ, ни закону вашему нисколько не можетъ быть противно, что пройдетъ церемониальнымъ маршемъ послѣ крестнаго хода; если постараетесь хорошенько промаршировать и будете хорошо держать себя въ это время, то я цѣлую недѣлю дамъ вамъ отдыхъ; постарайтесь же, дѣти». Мы, въ одинъ голосъ, крикнули: р а д ы с т а р а т ь с я; ротный нашъ ушелъ.

(Продолженіе впереди).

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА «ДУХОВНОЙ ВЕСЬДЫ»

ЗА 1871 ГОДЪ.

	Стр.
Мысли святыхъ отцевъ о воспитаніи дѣтей	3, 21
Совѣты молодому священнику	10, 28, 53, 119, 132, 158
Захей мытарь	17
Преподобный Александръ, первоначальникъ акимитовъ (неусыпающихъ)	41, 62, 92, 106
Пастырская бесѣда въ домахъ прихожанъ	57
Слово въ недѣлю сыропустную	81
Сонъ и пробужденіе	97
Опасности дѣтства и его хранители	102
Поученіе предъ исповѣдью	111
Слово въ день памяти преподобнаго Исидора Пелусіота	113
Поученіе въ недѣлю вторую великаго поста	129
Іеромонахъ Мардарій, псковскій пустынножитель	145, 171
Христіанское приготовленіе къ смерти	161
Наставленія учащимся	166
Слово въ недѣлю православія и въ день памяти св. равно- апостольнаго Кирилла, просвѣтителя славянъ	177
О клирѣ и его должностяхъ въ первые три вѣка христі- анской Церкви	183, 202, 234, 250
Рѣчь Святейшему Синоду архимандрита Ефрема	190
Слово въ недѣлю Вай	193
Поученіе въ великій пятокъ	199
Наставленіе русскимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ предъ исповѣдью	209
Привѣтствіе поклонникамъ по причащеніи святыхъ таинъ	215
Рѣчь при погребеніи протоіерея С. В. Михайловскаго	217
Преславное Воскресеніе Господа	223, 229
Слово въ день открытія орловскаго епархіальнаго комите- та православнаго Миссіонерскаго общества, 21 февраля 1871 года	225

Слово, произнесенное на Голгоѣ въ великій пятокъ вечеромъ, при обношеніи Плащаницы, 10 апрѣля 1870 года	229
Бесѣды православнаго христіанина изъ евреевъ съ новообращенными изъ своихъ собратій	241, 260, 282, 295, 331 371, 424, 445, 457
Слово, сказанное въ Исаакіевскомъ соборѣ 4 апрѣля 1871 года	257
Рѣчь, по выносѣ въ Исаакіевскій соборъ тѣла усопшаго іерея Василя Ильича Серафимова, сказанная Тихономъ, епископомъ выборгскимъ, марта 31 дня 1871 года	273
Слово при отпѣваніи священника кафедральнаго Исаакіевскаго собора, магистра, Василя Ильича Серафимова 1 апрѣля 1871 года	277
Рѣчь, сказанная по случаю восьмой годовщины Христорожественскаго Александро-Іосифовскаго Братства, апрѣля 11 дня 1871 года	289
Уничженіе и слава Мессіи — Христа, изображенныя въ 21 псалмѣ	321, 345
О средствахъ къ полученію и сохраненію даровъ Святаго Духа	337
Воодушевленіе	341
О священномъ Писаніи	353, 401
Слово по освященіи храма въ часовѣ Александро-свирскаго монастыря, апрѣля 11 дня 1871 года	385
Слово въ день св. равноапостольныхъ просвѣтителей славянъ Кирилла и Меодія	389
Житейскія мелочи	394, 431
Реконская пустынь	433
О святости жизни, какъ необходимомъ условіи для Богопознанія	449
Слово въ день рождества св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня	465

ДУХОВНАЯ БЕСЕДА

НА 1871 ГОДЪ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, іюня 26 дня 1871 года.

Цензоръ *Архимандритъ Геласій.*

РЕДАКТОРЪ ПРОТОІЕРЕЙ І. ЯХОНТОВЪ.

1871, 2.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ВУХОВНЯЖЕСКАЯ

3 ЮЛЯ № 27. 1871 ГОДА.

Изъ воспоминаній палестинскаго поклонника.

ЛАВРА СВ. САВВЫ ОСВЯЩЕННАГО.

Если вы, читатель, посѣтите дальнй востокъ для поклоненія св. мѣстамъ, то непременно побываете и въ Саввинскомъ монастырѣ, или въ лаврѣ св. Саввы, какъ называютъ его русскія описанія. Не думайте, однакожь, что здѣсь есть что-нибудь въ самомъ дѣлѣ похожее на наши лавры: вѣдь какъ скажешь у насъ это слово, такъ сейчасъ и представляется обширное мѣсто, занятое большими помѣщеніями, великолѣпныя церкви, богатая утварь, многочисленная братія, торжественная служба въ дорогихъ, блестящихъ золотымъ шитьемъ, бархатныхъ облаченіяхъ, стройное пѣніе большого хора и монастырь, куда еще не всякій можетъ попасть, хотя бы и желалъ принять монашество, или перейти изъ другаго монастыря. Ничего подобнаго нѣтъ въ монасты-

рѣ св. Саввы: во многихъ уѣздныхъ городахъ монастыри у насъ богаче, — а попасть сюда боится всякій, провинившійся въ іерусалимской патриархіи монахъ.

Но при всемъ томъ, этотъ монастырь пользуется особенной любовью и уваженіемъ у православныхъ поклонниковъ. Наканунѣ 4-го декабря дорога къ Саввинскому монастырю пестрѣетъ группами всадниковъ на лошадяхъ, на осликахъ и пѣшими въ самыхъ разнохарактерныхъ костюмахъ, составляющихъ отличительный признакъ іерусалимскаго поклонническаго населенія. Къ этому дню поднимается даже большая часть іерусалимскаго православнаго населенія, до того тяжелого на подъемъ, въ качествѣ богомольцевъ, что очень многіе изъ нихъ умираютъ, не видавши ни Иордана, ни Назарета; а теперь вотъ, — хоть до монастыря и больше 15 верстъ и дорога несомнѣе безопасная и, какъ большая часть палестинскихъ дорогъ, не очень удобная, да и время зимнее, дождливое, — но и они съ чужеземными поклонниками идутъ и ѣдутъ сюда, чтобы помолиться и привезти домой на благословеніе маленькій ячменный хлѣбецъ и кусочекъ антидору. Одна особенность бросается въ глаза человѣку, присмотрѣвшемуся къ поклонническимъ походамъ: здѣсь нѣтъ женщинъ. Для нихъ навсегда закрытъ входъ въ монастырь, еще со временъ св. Саввы, который отказалъ въ этомъ даже своей матери.

4 и 5 декабря самый большой праздникъ въ монастырѣ: въ 1-й день — память св. Іоанна Дамаскина, знаменитаго творца большей части гѣсней церковныхъ, — здѣшняго подвижника, а 2-й — св. Саввы освященнаго, знаменитаго высокою святостію жизни и подвигами монашества, бывшаго нѣкогда настоятелемъ этого монастыря. Въ эти праздники здѣсь бываетъ архіерейская служба.

Дорога въ монастырь св. Саввы, огибая подошву Сіона, мимо источника Іоава и Поля крови, идетъ по руслу потока Кедроваго, въ которомъ въ это время еще не бываетъ воды. Сначала вѣчно зеленыя масличныя деревья и фиговыя, хоть и съ облетѣвшими уже листьями, оживляютъ видъ. Потомъ одні горы, справа и слѣва, то глинистыя, то каменистыя, то известковыя; кое-гдѣ пастухъ, наверху, въ своей абаѣ

(одежда безъ рукавовъ) смотреть за цѣпкими козами, которыя ищутъ скудной пищи); подъ ногами гладкіе камни; здѣсь идетъ известковое, размытое дождями, русло потока, который вы переѣзжаете нѣсколько разъ; надъ вами нахмуренное, точно наше сѣверное, небо и—дождь: вотъ однообразная дорога въ монастырь въ эту пору года. И такъ ѣдете часа два съ половиной. Но вотъ при подошвѣ горы цистерна съ водой,—вотъ бедуннское кладбище съ незатѣйливыми памятниками,—отсюда дорога поднимается въ гору, а влѣво у васъ отерывається, мало по малу, по мѣрѣ подъема на гору, ущелье. Вершины горъ такія же, какъ и по всей дорогѣ до сихъ поръ, но самое ущелье совершенно другаго характера. Мнѣ на первый разъ показалось оно издали развалинами какой-то великолѣпной старинной постройки, въ родѣ какого-то громаднаго, фантастическаго замка: тогда сіяло вечернее солнце, лиловыя тѣни живописно ложились въ углубленіяхъ, трещинахъ и пещерахъ красноватыхъ реберъ ущелья, расположенныхъ горизонтальными пластами,—такими правильными, что какъ будто нарочно гиганты-каменьщики клали ихъ. Кое-гдѣ видны пещеры, загороженныя полуобрушившимися стѣнками мелкой, муравьиной работы, очевидно, — удобныхъ намъ людей: это отшельническія убѣжища подвижниковъ, спасавшихся въ цвѣтущее время христіанскаго Востока въ окрестностяхъ лавры св. Саввы. Теперь въ большей части этихъ уединенныхъ пещеръ уже и ходу нельзя найти.

А вы все поднимаетесь почти къ самой вершинѣ горы. Дорога гладкая, съ легкимъ подъемомъ; вправо обрывъ ущелья загороженъ насухо сложенною каменною стѣнкою. ѣдете и любуетесь чрезъ эту стѣнку живописнымъ, дикимъ видомъ ущелья и пещеръ. И вдругъ мелодическій звонъ небольшихъ колоколовъ, неожиданно-пріятно нарушая меланхолическую тишину и однообразіе дороги, долетаетъ до вашего слуха. Вы ворочаете нѣсколько вправо, — дорога подъ вами уже ровная; — вы видите разомъ оба края ущелья. Къ правому берегу его, по скату горы, по которой вы ѣдете, точно ласточкино гнѣздо прилѣпленъ монастырь. Стѣна его, будто огромная каменная лѣстница, спускается ступеньками внизъ — къ самому обрыву; за ней церковь съ массивными контр-фор-

сами, службы разныя съ террасами и единственная финиковая пальма,—драгоценный памятникъ монастыря, посаженный руками святаго основателя его;—а вверху двѣ сторожевыхъ башни. И лошадь ступаетъ бодрѣе, и вы рады жилью человѣческому, святому приюту среди этихъ пустынныхъ горь!...

Вы подъѣзжаете къ башнѣ. На ней сторожевой монахъ дергаетъ проволоку, спускающуюся въ монастырь съ навязанными на нее колокольчиками, — сигналъ, чтобы отворили дверь. Теперь это не больше, какъ церемонія только,—*фактазия*—какъ говорятъ на востокѣ; но если вы придете ночью, то не скоро васъ впускать въ ту маленькую, обитую толстымъ желѣзомъ дверь, въ которой надо сильно нагнуться, чтобы попасть внутрь монастыря. Прежде распросить вашего проводника: кто вы, откуда, сколько васъ, да взглянутся, насколько можно, правду ли вы говорите. Монастырь испытывалъ нѣсколько разъ тяжелыя кровавыя опустошенія отъ кочующихъ арабовъ и теперь очень остороженъ. Вотъ и другая башня, выстроенная надъ самымъ монастыремъ,—не въ связи, а поодаль; это нечто иное, какъ родъ цитадели, господствующей надъ мѣстностью, чтобы нельзя было съ этаго пункта закидать монастырь камнями. Оружія въ монастырѣ, конечно, нѣтъ, а въ случаѣ нужды можно защищаться камнями же съ этой башни, только едва ли будутъ защищаться—то, какъ показалъ опытъ предшествовавшихъ вѣковъ.

Вы спускаетесь внизъ къ наружной двери (лошадь остается на особомъ дворѣ, около первой башни); потомъ лѣстница еще далѣе внизъ, до самой нижней небольшой площадки, на краю обрыва, служащей основаніемъ для главной церкви и всѣхъ немногочисленныхъ монастырскихъ службъ.

Когда вы сойдете внизъ, вправо у васъ будетъ круглая часовня св. Саввы; за ней подъ скалой церковь св. Николая, а надъ скалою кельи; прямо передъ вами главная гостинница; влѣво входъ въ соборную церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, а рядомъ ходъ на фондарики и въ кельи. Все это занимаетъ очень мало мѣста при восточной манерѣ постройки — забирать больше въ вышину, чѣмъ въ ширину.

Часовня св. Саввы стоитъ надъ мѣстомъ его погребенія. Когда вы взойдете внутрь, на лѣва у васъ, — прислоненная къ стѣнѣ, но поясъ взрослому, обложенная мраморомъ мозаика: это и есть мѣсто гробницы преподобнаго Саввы. Мощи его увезены венецианами во время крестовыхъ походовъ. Внутреннія стѣны часовни росписаны священными изображениями, а въ сводѣ, во всю величину его, одинъ колоссальный ликъ Спасителя—Нерукотворенный образъ.

На выстланной гладкими плитами площадкѣ между часовней и главною церковью вы замѣтите одну большую квадратную плиту съ вольцомъ. Это ходъ въ монастырскую усыпальницу. Герметически закупоренный, — онъ открывается только въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ братьи.

Изъ часовни вы проходите въ притворъ и затѣмъ въ главную церковь Благовѣщенія. Она чиста, свѣтла, обширна и съ куполомъ. На правой сторонѣ близъ входа есть лѣсница, ведущая въ библіотеку. По этой же стѣнѣ вы замѣтите большую трещину, сдѣлавшуюся во время землетрясенія, бывшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По сторонамъ стасиди (1) до самаго алтара. На лѣвой сторонѣ—ходъ въ боковую притворъ. Полъ мраморный; иконостасъ съ иконами русскаго писма, а стѣны росписаны ликами святыхъ подвижниковъ. Несмотря на не высоко-художественную живопись, въ эти изображенія стоитъ всмотрѣться: лица такъ типичны и выразительны.

Поклонниковъ ведутъ въ церковь съ лѣніемъ. Среди ея стоитъ столѣкъ съ серебрянымъ ковчегомъ — въ немъ три красноватыхъ черена, къ которымъ прикладываются. Это останки святыхъ подвижниковъ, Ксенофонта (и Маріи) и дѣтей его Арнадіи и Іоанна.

При выходѣ изъ церкви вы видите за часовней св. Саввы, нѣсколько влѣво, церковь св. Николая чудотворца. Она вся спряталась въ натуральную щель скалы. Безъ креста и купола она не походитъ на церковь. Замѣчательнаго въ ней—

---

(1) Монашескія мѣста для стоянья и сидѣнья во время службы — въ видѣ высокихъ ступенъ съ прямыми носками и съ подлокотниками.

нѣсколько старинныхъ образовъ, принесенныхъ изъ разоренныхъ Иорданскихъ монастырей, да назади окно съ проволочною рѣшеткой. За нимъ въ темнотѣ едва едва различаетъ глазъ сложенные пирамидою сорокъ одинъ черепъ подвижниковъ, убитыхъ во время одного изъ разореній монастыря. Зимой здѣсь очень тепло (т. е. не жарко).

По выходѣ изъ церкви ведутъ поклонниковъ въ пещеру, гдѣ задушены были дымомъ при нападении арабовъ нѣсколько подвижниковъ; покажутъ вамъ и пещеру св. Саввы, изъ которой онъ выгналъ львицу. Это будетъ на право по выходѣ изъ Николаевской церкви противъ главной Благовѣщенской церкви, на краю ущелья.

Подъ церковью показываютъ источникъ, испрошенный молитвами св. Саввы. Вода чуть-чуть падаетъ калями сверху, образуя небольшое вмѣстилище внизу. Вгляните: какія прочныя, массивныя подпорки придѣланы къ церкви послѣ землетрясенія: онѣ даютъ особенный характеръ наружному виду собора.

Затѣмъ чрезъ паперть и боковой притворъ главной церкви идутъ узкой тропинкой между фондариками и монастырской столовой къ пальмѣ св. Саввы. Старику—дереву уже много лѣтъ; много совершилось перемѣнъ при немъ здѣсь въ монастырѣ;—а сколько поклонниковъ сколько поколѣній и націй видѣлъ онъ у себя! Не оттого ли онъ, молчаливый свидѣтель, такъ задумчиво качаетъ своими вѣтвями и тоскливо нагнулся на бокъ?—Берегутъ его монахи какъ свой глазъ и, чтобы не тяжело было стоять ему, чтобы вѣтеръ не обидѣлъ его, дерево приволаки къ скалѣ желѣзною цѣпью. И невольно чувствуется при взглядѣ на него видимая продолжающаяся связь между основателемъ и его монастыремъ въ этомъ живомъ и живучемъ деревѣ, посаженномъ руками святаго. Плоды этой пальмы и виноградъ изъ монастыря св. Саввы раздаются на благословеніе и, принимаемые съ вѣрою, разрѣшаютъ неплодіе женщинъ: таково мѣстное преданіе!

На обратномъ пути, между кухнею и церковью, вы спуститесь по приставной деревянной лѣстницѣ въ ущелье. Здѣсь есть источникъ, въ которомъ воды больше, чѣмъ подлѣ церковью, но и здѣсь и тамъ она солоховата, и мало ея для

монастыря, а потому монастырь пользуется дождевою водою, скопляющееся во время зимы въ его обширныхъ цистернахъ. А сюда внизъ только бедуины, да по вечерамъ лисицы и дикобразы приходятъ напиться.

Въ берегахъ ущелья покажутъ вамъ пещеры преподобныхъ Есенофонта и сыновей его Иоанна и Аркадія, Иоанна молчальника и проч. По возвращеніи въ монастырь, вамъ остается еще посѣтить въ верхней части его церковь св. Георгія подъ полуоткрытою аркою въ узкомъ корридорѣ, по которому идутъ отчасти кладенныя изъ камня, отчасти высѣченныя въ скалѣ небольшія монашескія келья, съ крестомъ надъ дверью и надписью «Христосъ да будетъ съ нами». Вышедши изъ корридора вы повернете на лѣво вверхъ и черезъ небольшой цвѣтничекъ, разведенный на наносной землѣ, перейдете къ церкви св. Иоанна Дзмаскина. Въ задней сторонѣ ея у стѣны на полу вы замѣтите желѣзную рѣшетку надъ темнымъ углубленіемъ подполья: это и есть праздная могила преподобнаго, потому что мощи его увезены крестоносцами на западъ.

(Окончаніе въ средѣ).

БЕСЪДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВОБРАЖЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

Фельдфебель, въ свою очередь, неприминулъ также сдѣлать намъ своего рода внушеніе: «смотрите жъ, жида, крикнулъ онъ, хорошенько встрѣчать Божию Матерь; не откланываться, какъ это вы, окалинныя, дѣлаете въ Казани; вѣдь здѣсь васъ немного, каждое ваше движеніе будетъ замѣтно (за нами водился этотъ грѣхъ). Ступайте же домой и готов-

тесъ!» Приготовление состояло въ томъ, чтобы лучше вычистить сапоги и дуговицы, причесаться и проч. Поутру мы явились на указанный пунктъ, какъ въ стеклышко,—это было любимое выраженіе фельдфебеля. Прибыла и другая рота изъ сосѣдней деревни, съ своимъ офицеромъ, состоявшая въ вѣдѣніи нашего же капитана, а вскорѣ увидѣли мы и хоругви, сопровождающія святую икону. Капитанъ нашъ, который, какъ замѣтно было, пламенѣлъ предъ святыней, сказалъ: «дѣти! вотъ сейчасъ къ намъ приблизится Заступница христіанъ Божія Матерь, держите себя прилично, а вы русскіе (между нами было немало русскихъ—кантонистовъ), когда понесутъ мимо васъ Божию Матерь, креститесь благоговѣнно!» Лишь только онъ успѣлъ кончить эти слова,—икону уже почти подносили къ намъ. Капитанъ командовалъ: «мирно! шапки долой!» Мы сняли фуражки, набожный нашъ командиръ поклонился чудотворной иконѣ почти до земли, перекрестившись нѣсколько разъ; онъ приложился къ ней, тоже сдѣлалъ и другой офицеръ и всѣ христіане. Давъ довольно пройти святой иконѣ, капитанъ командовалъ «накрой-сь» и повелъ насъ стройными отдѣленіями по деревнѣ. Собравшіеся, въ большомъ количествѣ, крестьяне смотрѣли съ немалымъ любопытствомъ на насъ и, повидимому, имъ нравился военный парадъ. Подошедши къ часовнѣ, куда внесена была чудотворная икона, капитанъ командовалъ: «роты стой!» и самъ, со многими другими христіанами, вошелъ въ часовню. Мы стояли, какъ вкопанные, на улицѣ и уже не такъ смотрѣли на икону, какъ въ Кавани. Незримѣрная набожность нашего добраго командира и усердная молитва другихъ христіанъ заставила насъ пораздуматься, что есть что-то въ иконѣ достойное христіанскаго почитанія. По выходѣ изъ часовни мы прошли церемоніальнымъ маршемъ и такъ хорошо, что капитанъ не зналъ какъ насъ благодарить. «Ступайте, дѣти, домой, говорите онъ, и гуляйте!»

Иной читатель, пожалуй, подумаетъ, что изъ этого ничего не вышло и не зачѣмъ было такъ много хлопотать капитану, чтобы мы, некрещенные евреи, были въ парадѣ. Но нѣтъ, изъ этого вышло очень многое и капитану стоило похлопотать. Если читателю угодно знать, то съ этой минуты, можно

сказать, наступило мое спасеніе и спасеніе многихъ другихъ сыновъ израиля. Возвращаясь покойно съ парада домой, мы выражали между собою удовольствіе, что угодили доброму нашему ротному командиру; но одинъ, болѣе ревностный въ іудействѣ, кантонистъ—товарищъ вышеупомянутаго фанатика Айзберга нарушилъ нашъ покой; онъ сказалъ: «братья! намъ не о чемъ радоваться тому, что мы приняли участіе въ христіанскомъ праздникѣ; знайте, что когда мы угождаемъ го я м ъ въ такомъ дѣлѣ, значить, что мы тѣ же го и, или сдѣлаемъ скоро ими» (слова его сбылись надъ нимъ первымъ, только онъ не го емъ-язычникомъ сдѣлался, а истиннымъ христіаниномъ); это, заключилъ онъ, дурной признакъ». Съ досадою ушелъ онъ отъ товарищей на свою квартиру и тамъ не успокоился, а еще болѣе раздражился. Спусти какойнибудь часъ послѣ этого, священникъ вошелъ въ домъ съ тою же иконою Божіей Матери; кантонисту казалось, что икона просто его преслѣдуетъ; когда стали служить молебенъ, онъ отъ злости удалился за перегородку. Послѣ молебна хозяева попросили священника взойти въ ихъ вновь вѣстроенную избѣцу, священникъ пошелъ, пошелъ съ нимъ и причетникъ; въ домѣ осталась икона, небольшой хозяйскій мальчикъ и кантонистъ. «Въ это время, какъ рассказывалъ въ послѣдствіи кантонистъ, мнѣ показалось, что икона смотритъ на меня съ негодованіемъ, какъ будто бы гнѣвается на меня; «а когда такъ, сказалъ я въ умѣ своемъ, я вотъ что сдѣлаю»,—тотъ часъ схватилъ перочинный ножикъ и подбѣжалъ къ иконѣ,—съ цѣлю—выколоть ей глаза; но пырнулъ ножемъ такъ неловко, что сильно укололъ свой палецъ и пошла кровь; бывший тутъ мальчикъ закричалъ; когда вошли въ домъ, то онъ указывалъ на икону, на меня и на кровь. На спросъ хозяевъ: что ты, школьничекъ, сдѣлалъ? я прямо сознался въ преступленіи. Хозяйка крикнула: «ахъ ты нехристь! сей часъ же побѣгу къ набольшому», и побѣжала; чрезъ нѣсколько минутъ привела она фельдфебеля, который тотъ часъ потащилъ кантониста къ ротному. Игравшіе на улицѣ кантонисты изъ евреевъ, узнавъ о преступленіи любимаго своего товарища, пошли тоже на ротный дворъ. Не нужно было бить сборъ, чтобы собрать обѣ роты. Когда виновникъ представленъ былъ на

судь предъ капитаномъ и тотъ узналъ о его преступленіи, то пришелъ въ сильное негодованіе и, при всей кротости своей, крикнулъ: «какъ ты смѣлъ, негодный мальчишка, совершить такое ужасное преступленіе? вѣдь если бы ты былъ совершеннолѣтній, то за это слѣдовало бы тебя жестоко наказать, — сослать въ Сибирь!»

«Виновать, ваше благородіе,» проговорилъ кантонистъ. — «Вотъ, дѣти, сказалъ огорченный добрый нашъ ротный командиръ, и благодарность намъ отъ васъ за всѣ попеченія и заботы наши о васъ. Какъ хотите, а этотъ богопротивный поступокъ собрата вашего свидѣтельствуеетъ о великой ненависти евреевъ къ намъ — христіанамъ и святынь нашей». Въ это время подошелъ и священникъ къ ротѣ; давъ вончить рѣчь капитану, онъ сказалъ: «прошу васъ, г. офицеръ, дозвоьте мнѣ сказать нѣсколько словъ виновному вашему кантонисту.» — «Сдѣлайте одолженіе!» говорилъ капитанъ.

Священникъ. Скажи мнѣ, израильянинъ, сущую правду: что побудило тебя поступить такъ съ нашей иконой?

Кантонистъ. Виновать, батюшка!

Священникъ. Не въ томъ дѣло, ты можешь быть устами говоришь виновать, а сердцемъ сознаешь, что ты сдѣлалъ законное дѣло; будь со мною откровеннѣе!

Кантонистъ поднялъ глаза и сказалъ: да, батюшка, если желаете знать истину, то я долженъ вамъ сказать, что по моему убѣжденію, я сдѣлалъ то, что надлежало дѣлать ревностному въ вѣрѣ израилю; нашъ законъ и заповѣди Іеговы запрещаютъ намъ почитать иконы и всякое изваяніе, а мы сегодня встрѣтили съ почетомъ икону, — вотъ это-то меня и огорчило, а ея пронзительный взглядъ усилилъ во мнѣ къ ней ненависть и былъ причиною моего преступленія.

— Такъ вотъ что вызвало тебя на преступленіе, — ревность твоя къ закону; но позволь же тебѣ одно сказать: въ то время, когда заповѣдь Іеговы противъ идолопоклонства прогремѣла, такъ сказать, на Суняѣ, въ ушахъ вашихъ предковъ, были ли тогда христіане, христіанство и существовали ли иконы?

— Не могу знать, батюшка.

— Ну, такъ я тебѣ вѣрно скажу, что тогда ничего этого

не было, христіане какъ и христіанство получили начало со времени пришествія Мухіаха (Христа) въ міръ, слѣдовательно законъ Іеговы не могъ тогда воспрещать и возставать на наши святныя иконы, которыхъ, какъ мы сейчасъ говорили, и не существовало тогда. Заповѣдь Іеговы воспрещаетъ идолопоклонство, почитаніе какого нибудь кумира, какъ было у язычниковъ, но отнюдь она не распространяется на святныя иконы, изображающія Господа и Святыхъ Его. Не вѣрно и то мнѣніе, продолжалъ священникъ, что будто бы ужъ всякое изваяніе воспрещается иврайли: во жервыхъ, у васъ въ святии были изваяніе херувими и многое другое; въ пустынь не былъ ли воздвигаемъ, по повелѣнію Божию, предками вашими мѣдный змій, отъ котораго и иврайль не только не отворачивался, но взиралъ на него съ благоговѣніемъ,—и спасался отъ смерти?

—Это такъ, батюшка, сказалъ виновный кантонистъ. И я соглашаюсь съ вами, что не всякое изваяніе противно Богу, а можетъ быть, иконы и необходимы; но хожденіе съ ними по улицамъ и особенно крестныя ваши ходы—дѣло, возмущающее совѣсть ревностнаго въ вѣрѣ іудея.

—Чтожь тутъ можетъ быть особенно возмутительнаго для іудея? сказалъ священникъ. Что мы христіане ходимъ со святыми иконами и крестами по городу или по селеніямъ? Было время, что и вашъ народъ, обладая священнымъ Кивотомъ Завѣта, ходилъ съ нимъ вездѣ. Прежде чѣмъ народъ иврайльскій прошелъ Іорданъ, священный Кивотъ внесимъ былъ жрецами въ эту рѣку и съ Кивотомъ Завѣта открылся переходъ черезъ Іорданъ, который остановился. Далѣе, чтобы сокрушить стѣны Іерихона, народъ иврайльскій обносилъ Кивотъ Завѣта вокругъ Іерихона шесть дней, а въ седьмой день 7 разъ обносилъ,—и стѣны Іерихона падаютъ. Что скажешь ты, спросилъ священникъ, согрѣшали ли предки ваши тѣмъ, что ходили такъ со священнымъ Кивотомъ Завѣта?

—Никакъ нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ кантонистъ.

—Чѣмъ же, спрашивается, согрѣшаютъ христіане, когда носятъ свою Святню вокругъ и внутри города или селенія? Мы вотъ до днесь помнимъ и съ удовольствіемъ передаемъ дѣтямъ своимъ о священныхъ событіяхъ въ жизни вашихъ

предковъ, вотъ хоть бы о ихъ хожденіи съ Кивотомъ Завѣта; а вы не только не уважаете нашу святыню, а еще презираете всё то, о чемъ понятія не имѣете: не грѣшно ли это?» Слова священника, по видимому, сильно подѣйствовали на виновнаго кантониста; они тронули и насъ.

— Батюшка, говорилъ кантонистъ, теперь я вполнѣ сознаю свою вину и не знаю, какъ и чѣмъ загладить её.

— *Священникъ.* Ты можешь очень легко загладить её, стоитъ только тебѣ обратиться къ Господу, увѣровать въ Сына Божія, Иисуса Христа, и оскорбленная тобою Божія Матерь въ лицѣ святой иконы простить согрѣшеніе твое.

— Это значитъ, проговорилъ робко кантонистъ, что я долженъ креститься?

— Да, сказалъ священникъ.

— Ну нѣтъ, батюшка, я не въ состояніи этого сдѣлать; я боюсь этого; законъ мой воспрещаетъ мнѣ креститься.

— *Священникъ.* А если бы ты узналъ и убѣдился, что законъ твой не воспрещаетъ этого, а напротивъ требуетъ еще того отъ тебя, и что спасеніе твое зависитъ отъ обращенія къ Господу Христу: то неужели бы ты и тогда не крестился?

— Тогда, сказалъ кантонистъ, я... и болѣе онъ уже ничего не въ состояніи былъ проговорить, — онъ заплакалъ.

— *Священникъ.* Я желаю бы побесѣдовать съ тобою у себя на дому; не пойдешь ли ко мнѣ?

— *Кантонистъ.* Почему же не сходить?

Священникъ, испросивъ позволеніе у капитана и получивъ оное, повѣлъ кантониста къ себѣ въ квартиру. Какой результатъ принесла бесѣда, заботящагося о спасеніи ближняго, православнаго пастыря, вы читатель мой узнаете ниже, а теперь добавимъ къ назидательной рѣчи его, относительно хожденія и древнихъ израильтянъ съ ихъ святынею, то, что и нынѣшніе евреи ходятъ также по городу со своею святынею.

Такъ, напримѣръ, къ день благополучнаго написанія тора (свертокъ пергаментный, на которомъ пишется пятюкни-

жіе Моисея) жертвователъ свитка (1) раввинъ и многіе другіе почетные евреи торжественно несутъ подъ балдахиномъ тору, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, и воспѣвають псалмы.

Въ день праздника симхас-тора (радость о святомъ законѣ, который прочитывается въ теченіи года и оканчивается къ этому дню), также торжественно шествуютъ съ книгою закона, радуются, поютъ священные гимны и пляшутъ, по примѣру Давида, скакавшаго предъ вивотомъ. Во всѣ 8 дней кущей служителъ синагоги (шамасъ) носить по домамъ, какъ святыню, пальмовую вѣтвь и такъ называемое райское яблоко (эсерикъ) и ни одинъ еврей, ни жена его, ни дитя, не дозволятъ себѣ съѣсть кусокъ хлѣба, пока не принесутъ въ домъ означенной святыни и не помолятся надъ ней. Вы знаете, братія, съ какимъ благоговѣніемъ встрѣчаетъ семейство іудея свою святыню. Послѣ этого можетъ ли еврей, особенно принявшій христіанство, смущаться тѣмъ, что православные пастыри ходятъ по городу и по домамъ со святынею?

Теперь вернемся къ начатому разсказу,—именно къ тому, что произошло съ виновнымъ кантонистомъ? А вотъ что съ нимъ произошло: на третій день его пребыванія у священника онъ, услышавъ много истинно-назидательныхъ пастырскихъ поученій относительно важности христіанской вѣры, изъявилъ желаніе принять святое крещеніе, а чрезъ день глядя на него и два товарища его пожелали креститься. Доброе начало, положенное православнымъ священникомъ относительно обращенія нашего къ вѣрѣ Христовой, и по отправленіи его изъ деревни, не могло оставаться безплоднымъ. Изъявившіе желаніе быть христіанами совѣтовали и товарищамъ своимъ слѣдовать ихъ примѣру и не было того дня,

---

(1) Никакой даръ не считается у евреевъ столь важнымъ, какъ пожертвованіе тора въ синагогу, написаніе которой требуетъ дѣйствительно большаго труда, самые лучшіе собственно для сего обученные писцы (софримъ) проишутъ тору года два и болѣе; малѣйшая ошибка—пропускъ дѣлаетъ рукопись уже негодною къ употребленію, потому-то тора такъ и цѣнна; иной за написаніе ея заплатитъ рублей 200 и болѣе, но зажиточный еврей нисколько не тяготится такимъ пожертвованіемъ, а считаетъ себя счастливымъ, что можетъ это сдѣлать.

чтобы кто-нибудь изъ насъ не пожелалъ креститься. Особенно пошло успѣшно дѣло обращенія нашего къ Иисусу Христу, когда мы прибыли въ Казань. Бригадный командиръ, узнавъ отъ капитана обо всемъ, случившемся въ деревнѣ, при осмотрѣ насъ вызвалъ впередъ виновнаго кантониста; онъ конечно ему и косога взгляда не сдѣлалъ, а только спросилъ: искренно ли онъ раскаявается въ своей винѣ и отъ души ли хочетъ быть христіаниномъ? Получивъ вполне удовлетворительный отвѣтъ, командиръ обнялъ кантониста и поцѣловалъ его, изъявивъ свое желаніе быть его крестнымъ отцомъ. Воспріемниками же другихъ были баталіонный, ротные командиры и законоучители кантонистовъ. Это и особенное усиленное стараніе законоучителей, внушавшихъ намъ христіанскія истины, такъ повліяло на насъ, что въ теченіе года и именно къ тому времени, когда нужно было встрѣчать чудотворную икону Божіей Матери, большая часть изъ насъ, квартировавшихъ въ вышеозначенныхъ деревняхъ, были уже христіанами и съ благоговѣніемъ смотрѣли мы на ту самую чудотворную икону, отъ которой годъ тому назадъ отворачивались.

Пусть кто какъ хочетъ изъ васъ, братія мои, судить о всемъ переданномъ нами; а я искренно вѣрую и убѣжденъ, что и мое обращеніе къ Иисусу Христу устроила Та, на Которую мы взирали во время крестнаго хода,—именно Божія Матерь.

Вотъ какъ спасительны и благотворны бываютъ крестные ходы! Пусть же послужитъ это урокомъ для всѣхъ сомнѣвающихся въ ихъ святости!

(Продолженіе статьи).

10 ЮЛЯ № 28. 1871 ГОДА.

ДУХОВНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКВИ.

Духъ Святый начерталъ образы новозавѣтныхъ таинъ спасенія нашего въ историческихъ лицахъ народа Божія и въ грѣшествахъ съ нимъ бывшихъ, въ устройствѣ ея и въ ея священствѣ и жертвахъ, и сообщилъ людямъ ясныя и подробныя предреченія о виновникѣ нашего спасенія, Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ.

Сокровища истины, сложенныя Богодуховенными писателями въ Церкви ветхозавѣтной, унаслѣдовала Церковь новозавѣтная.

Пророчества ветхозавѣтныя о лицѣ Господа и Пречистой Его Матери, о благахъ царствія Божія на землѣ, достигли своего исполненія въ новой благодати; древнія прообразованія здѣсь уступили мѣсто истинѣ; обѣтованія нашли свое осуществленіе. Но эти прообразы и обѣтованія, какъ непрерываемыя свидѣтельства объ истинѣ глаголовъ Божіихъ, и—сами

будучи плодомъ Духа истины, — представляются православною новозавѣтною Церковію предъ умные взоры молящихся, къ торжеству истины и во увѣреніе, что въ сущности Церковь Христова едина, — *едина дугъ, едина вѣра, едино крещеніе* (за-ступившее мѣсто обрѣзанія), *едина Богъ и Отецъ естъъ*.

Равнымъ образомъ и богодухновенныя начертанія дѣятельности благочестивой и жизни богоугодной имѣютъ въ новой благодати свои свѣтлые образцы и живые примѣры въ святыхъ, которыми благоустрасилась, возвеличилась Церковь новозавѣтная. *Возвеселися неплоды неждающая, возоти нечревоболѣвая!* Вотъ это-то ветхое и новое, какъ мудрый домо-владыка, предлагаетъ намъ св. Церковь въ своемъ Богослуженіи! Вотъ этой-то мудрости учить она чады своихъ! Въ ея-то духѣ хочетъ воспитать ихъ! Путь къ приобрѣтенію духовной премудрости Апостоль Павелъ опредѣляетъ словами: *духовная духовными сразсуждающе*. Разсужденія о духовныхъ предметахъ св. Апостоль повелѣваетъ вести такъ, чтобы къ поясненію трудныхъ сторонъ въ вопросахъ вѣры обращались вѣрующіе не къ плотскому своему разуму, не къ матеріальному опыту, а къ области духа, къ ученію вѣры о духовномъ разсужденіи по духовному, а не по мірскому. Въ этомъ великомъ дѣлѣ св. Церковь Христова служитъ благонадежною указательницею и руководительницею. Какое обширное поприще для упражненія ума вѣрующаго отерѣваетъ она въ своихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ! Какъ премудро разрѣшаетъ она недоумѣнія изумленной Божественными тайнами мысли! Вотъ мы, напримѣръ, читаемъ или поемъ: непобѣдимая и не постижимая Божественная сила честнаго и животворящаго Креста Господня не остави насъ грѣшныхъ! Насъ изумляетъ такая высокая похвала св. кресту? Св. Церковь, въ своихъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, даетъ уразумѣть силу Креста Господня въ обстоятельствахъ историческихъ. Она напоминаетъ намъ, какъ Моисей раздѣлилъ воды моря Чермнаго, крестообразно поразивъ его железомъ, и провелъ израильтянъ чрезъ него по суху, какъ побѣдилъ амалекитянъ, крестообразно воздвигнувъ руки свои.

Сама Премудрость Божія, водительствова чады Своихъ во

спасенію, предложила первоначально образы и символы, чтобы чрез нихъ возвышать мысль нашу къ истинѣ и чрезъ это самую истину сдѣлать לנוю и удобоприемлемою. Такъ поступаетъ и св. Церковь въ своемъ Богослуженіи. Предъ появленіемъ свѣта естественнаго, разливаемаго солнцемъ въ поднебесной, св. Церковь напоминаетъ молящимся о свѣтъ присносущномъ, превышеестественномъ, — которымъ просвѣщается всякій человекъ, грядущій въ міръ, весь родъ человѣческій и всѣ небесныя блаженныя Силы. Она, указывая на небо, украшенное звѣздами, переноситъ мысль нашу въ мысленному небу, на которомъ водружены для обитанія умныя звѣзды Божіи—святые Ангелы, и куда переселяются святые Божіи чловѣки, чрезъ которыхъ Премудрость Божія подаютъ земнороднымъ свѣтъ познанія истины и милость Свою. Всѣ истины спасительной Вѣры Христовой въ Богослуженіи православной Церкви содержатся и преподаются въ такомъ живомъ и дѣйственномъ развитіи и силѣ, что легко, при благоговѣйномъ вниманіи съ нашей стороны, достигаютъ сокровенныхъ магическо-сердечныхъ и производятъ въ вѣрующихъ соответственное себѣ дѣйствіе.

Такого могущественнаго дѣйствія не произвести ни одному образовательно-воспитательному учрежденію человѣческому, какою бы громкою словою оно ни похвосталось.

Можно слышать и въ учебныхъ заведеніяхъ прекрасныя возвышенныя уроки объ истинахъ спасенія; но какаѧ разница въ силѣ и дѣйствительности между изложеніемъ классическимъ и изложеніемъ церковнымъ! Церковное изложеніе кратко, но такъ сильно и трогательно, что, при нѣкоторомъ вниманіи слушателя, нерѣдко приводитъ его въ восторгъ и умиленіе: между тѣмъ, классическое изложеніе дѣйствуетъ въ области созерцающаго ума; преподаваніе учителя возбуждаетъ напряженіе мысли въ ученикахъ, но не можетъ породить въ сердцахъ слушателей живленности и силы.

Кто въ состояніи измѣрить силу и дѣйствія Духа Святаго, животворящаго Церковь Христову? Кто въ силахъ изобразить пережвны, какія Онъ творитъ въ вѣрующихъ? По слову Господа: *духа иджего почета дышетъ, и гласъ его слышати*!

но не вѣси, откуда приходитъ и како идетъ: тако всякъ рожденный отъ Духа.

Въ Богослуженіи же православно-церковномъ разумніе сей тайны сообщается сердцу вѣрующаго внятно и какъ бы само собою.

Въ Церкви православной создается Духомъ Святымъ новый человѣкъ, по образу Созидающаго его. Это дѣло превышаетъ всякаго учебно-воспитательнаго учрежденія; потому что превыше силы и власти всякаго созданнаго разума, это какъ-бы второе твореніе, требующее всемогущей и всепобуждающей благодати Духа Святаго. Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется Тройческимъ единствомъ священо-тайнѣ.

Обитаніе и пребываніе Духа Святаго въ Церкви Христовой и открываетъ и свидѣлствуется тѣмъ, что Онъ сообщаетъ святыню заслугъ Христовыхъ вѣрующему, творя его вновь образомъ Божиимъ, храмомъ святымъ, живымъ каменемъ въ зданіи Церкви Христовой, благоустроеннымъ членомъ въ таинственномъ тѣлѣ Христовомъ, обогащая его, по мѣрѣ вѣры и любви, всякимъ дарованіемъ духовнымъ, еще при жизни его на землѣ, — и являя святыню его міру христіанскому, по разлученіи души отъ тѣла, многоразличными знаменіями, чудесами и силами.

Св. православная Церковь чрезъ священнодѣйствіе Богослуженія не только учитъ и образуетъ вѣрующихъ по духу Христову; но и воспитываетъ ихъ, вводя ихъ прямо въ общеніе жизни Христовой чрезъ святая таинства.

Въ таинствахъ Церкви православной заключена и зачатлѣвна сила крестныхъ страданій и спасительной смерти за насъ Единороднаго Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа. Всѣ они дѣйствуются и совершаются наитіемъ и силою Духа Святаго, чрезъ поставленныхъ Духомъ же Святымъ пастырей Церкви.

Извѣстно, что къ общенію въ спасительныхъ таинствахъ, св. Церковь отвергаетъ дверь и вводитъ вѣрующаго чрезъ первое таинство — св. Крещеніе, въ которомъ вращаемый спо-

требается со Христомъ и совозстаетъ съ Нимъ для новой жизни, въ Его благодатномъ царствѣ.

Потомъ, какъ чадо благодати, вѣрующій приемлетъ во св. Церкви дары Духа Святаго чрезъ таинство Миропомазанія, къ развитію въ немъ духовной жизни о Христѣ Иисусѣ и къ устроенію ея по закону Вѣры Христовой;

—обновляется духомъ, во святой Церкви, приемля разрѣшеніе своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ, чрезъ таинство покаянія и исповѣди;

—питается во святой Церкви для жизни вѣчной отъ брашна животворящаго тѣла и крови Христовой, уготовляемаго Духомъ Святымъ, въ таинствѣ Евхаристіи, за Божественной Литургіей;

—приемлетъ даръ освященія отъ благодати Духа Божія въ благословенному рожденію дѣтей и воспитанію ихъ для царства Христова въ таинствѣ Брава, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ женихъ и невѣста вѣнчаются славомъ, — изображать въ своемъ союзѣ тайну союза Христа съ Церковію;

—врачуется отъ немощей тѣлесныхъ вмѣстѣ съ душевными и напутствуется въ жизнь вѣчную, дѣйствіемъ и силою благодати въ таинствѣ Елеосвященія.

Принявъ столько даровъ въ свое обладаніе, для совершенія святыхъ въ дѣло служенія, св. Церковь, руководствуетъ и направляетъ жизнь вѣрующихъ, Бого-опредѣленнымъ порядкомъ.

Держась круга священныхъ книгъ церковныхъ, по которымъ св. Церковь назначаетъ и совершаетъ Богослуженіе свое, мы имѣемъ возможность указать, какъ христіанину подобаетъ проводить день за днемъ и часъ за часомъ все теченіе сей временной жизни, чтобы радостно и благонадежно вступить во врата жизни вѣчно-блаженной.

Какъ быстро чада Церкви возрастали бы духовнымъ возрастомъ, если бы съ послушаніемъ относились къ ея материнскимъ указаніямъ, взывая къ Господу, Его же словами: *не яко же азъ хошу, но яко же Ты.*

Принявши законы Духа, Церковь Христова какъ сама стремится исполнить ихъ, такъ и чада своихъ руководствуетъ къ свободному послушанію тѣмъ же законамъ Духа.

Такъ, въ Богослуженіи святой православной Церкви

имѣется въ готовности священная почва, въ которой водруженныя лѣторасли—души вѣрующихъ, всѣми сторонами своими могутъ, безъ истощанія самой почвы, издохать для себя питательные духовные соки, потребности къ произрастанию плодовъ вѣры, любви и упованія.

Церковь православная въ этомъ отношеніи есть готовый для каждаго вѣрующаго благодатный питомникъ, предназначенный къ тому, чтобы насажденія его—духовныя чада Церкви православной, созрѣвши въ немъ, были безпрепятственно переносимы въ горнія селенія и устроились тамъ въ лики святыхъ Божіихъ, не молчно славословящихъ Господа, возславившаго Собою *всяческая, яже на небехъ и яже на земли.*

Православная Церковь сообщаетъ Божественное, жизненное, плодоносное для всѣхъ и всякаго непремѣнно-обязательное, образовательно-воспитательное начало. Въ этомъ отношеніи св. Церковь должно назвать наставницею вѣры и воспитательницею въ духѣ вѣры, и при этомъ громкогласно заявить, что священнымъ долгомъ для себя обязанъ считать каждый православный христіанинъ—учиться у ней, предаться спасительному руководству ея съ послушаніемъ сыновнимъ.

Что издревле полагалось въ начало воспитанія и образованіе народа русскаго? Известно изъ исторіи, что въ древней Руси, вездѣ и у всѣхъ, отъ палатъ великокняжескихъ до кельи пустынника, самой важной, цѣлжизненной задачей и заботой было поучаться въ законѣ Господнемъ, особенно чрезъ книги церковно-богослужебныя. Всѣ сознавали тогда великую силу, заключающуюся въ Церкви,—въ ея богослуженіи, въ ея священныхъ обрядахъ и таинствахъ. Изъ книгъ церковныхъ учились русскіе страху Божію и благочестію; въ нихъ доучались премудрости и разуму духовному; чрезъ нихъ упражнялись въ неустанной молитвѣ; въ церкви святой они почерпали себѣ мужество и крѣпость для борьбы съ врагами видимыми и невидимыми, и при помощи благодати, отъ нея же преподаваемой, одолѣвали и торжествовали надъ этими врагами.

Насъ приводитъ въ недоумѣніе:—какъ это всю жизнь состоять подъ вліяніемъ одного духовнаго начала,—начала св. Церкви? Намъ кажется это неподвижностію, положеніемъ скучнымъ и отяготительнымъ для души. Но это отъ того,

что мы не вкусили еще отъ сладости манны, заключающейся въ Церкви и сообщаемой Церковію. Отъ чего намъ не наскучиваетъ каждый день возобновлять питаніе своего тѣла, дышать воздухомъ, пить чистую воду? Но душа важнѣе тѣла, и имѣетъ высшія потребности; безъ соответственнаго удовлетворенія ихъ она истаяваетъ отъ голода и жажды духовной, и наконецъ мертвѣетъ! Отъ чего вотъ этотъ почти столѣтній старикъ, эта восьмидесяти-четырехъ-лѣтняя старица ежедневно ходятъ въ храмъ Божій, когда немощь старости требовала бы покоя и отдыха? Отъ чего имъ такъ миль этотъ путь къ храму Господню? Отъ чего имъ не наскучило постоянное присутствіе въ церкви? У кого изощренъ вкусъ духовный, тотъ ненасытимо будетъ желать продолженія пѣсней богохвалѣбныхъ, пѣсней во славу Божию, подобно Ангеламъ, которые въ томъ и находятъ свое блаженство, что неумолкаемо славословятъ Господа Бога—непрестанными гласы.

Архимандритъ Макарій.

РѢЧЬ,

ПРОИЗВЕСЕННАЯ ПРѢДЪ БЛАГОДАРСТВЕННЫМЪ МОЛЕБСТВІЕМЪ ПОСЛУЖАВЪ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИЦЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ, 2' ІЮНЯ 1871 ГОДА.

Смотря на ваше немалочисленное собраніе, я невольно припоминаю себѣ известную евангельскую притчу о сѣятелѣ и сѣяніи.—Какое прекрасное поле! Какой богатый посѣвъ! Какая обильная обѣщается жатва!— Не одинъ день, а нѣсколько лѣтъ, не одинъ, а нѣсколько сѣятелей щедрыми руками сѣяли сѣмена добраго ученія на нивахъ вашего ума и сердца. И какихъ сѣмень не посѣяно на этихъ нивахъ! *Отъ кедра до иссопа* (3 Цар. 4, 33), отъ высочайшихъ, едва досягаемыхъ для нашего ума, истинъ откровенія до самыхъ

обыкновенныхъ явленій природы и жизни,—все сообщено и объяснено вамъ, въ возможной степени. И ваши успѣхи въ ученіи, засвидѣтельствованные вашими воспитателями и начальствующими, окончаніе вами, съ честію, полнаго учебнаго курса, свидѣлствуютъ, что сѣмена ученія сѣялись на доброй землѣ. О, если бы всѣ эти сѣмена, если бы хотя большая часть ихъ принесли свои возжелѣнные плоды, какихъ въправѣ ожидать отъ васъ и сѣятели и общество!... Теперь сѣяніе окончено; земледѣльческія орудія убраны; сѣятели оставляютъ ваши нивы самимъ себѣ, въ ожиданіи плодовъ отъ васъ.—Что-то произростаютъ эти нивы? Какова-то будетъ жатва?—Отъ васъ зависитъ дать отвѣтъ на этотъ великій вопросъ. Посѣяно—много; сѣмена—хорошія; но онѣ требуютъ постояннаго вниманія и самаго тщательнаго ухода и обработки съ вашей стороны. Дѣло вашихъ наставниковъ—окончено; но ваше собственное дѣло еще не кончено; оно только начинается. Окончено дѣло школы и начинается дѣло жизни. Нужно, чтобы сѣмена прозябли и принесли плоды; чтобы они не заглохли среди тернія, не засохли отъ недостатка глубины и влаги, не были потоптаны мимоходящими и поклеваны птицами. Нужно, чтобы всѣ, пріобрѣтенныя вами, познанія приложены были къ дѣлу, къ жизни, чтобы они принесли ожидаемую пользу и вамъ самимъ и обществу. Обученіе безъ практической пользы, знаніе безъ приложенія къ дѣлу—тоже, что прекрасный, но пустой цвѣтъ на растеніи.

Но что же дѣлать образованной женщинѣ въ жизни? Буда, къ чему приложить ей свои познанія?—Женское образованіе такъ еще ново въ нашемъ обществѣ, что часто сами женщины, получившія образованіе, не умѣютъ занять надлежащаго положенія въ жизни и недоумѣваютъ, къ чему приложить имъ свое воспитаніе. Отсюда и выходятъ иногда грустные явленія, что женщина, по выходѣ изъ школы, теряетъ всякій интересъ въ наукѣ, погружается въ тѣломъ и душою въ семейныя заботы и житейскія мелочи и, мало по малу, доходитъ до такого состоянія, что у нея, чрезъ нѣсколько лѣтъ, остается только память о томъ, что она когда-то, чему-то училась въ школѣ. Тогда, вмѣсто благодарности, начинаются даже жалобы на школу, что ихъ учили тамъ много-

му, безполезному, что тамъ не понимаютъ того, что требуется въ жизни отъ женщины.— Или бываетъ и того, несравненно хуже, что женщина, получившая образование, начинаетъ жадоваться на свое, будто бы, стѣсненное положеніе въ обществѣ, на то, что ей не дается такихъ правъ, какъ мужчинѣ, даже на то, почему она не родилась мужчиной.... Тогда, вмѣсто серьезнаго занятія дѣломъ, соотвѣтственно полученному ея образованію, начинаются бесплодныя сѣтованія на судьбу свою и несбыточныя требованія правъ, какихъ не могутъ дать ей ни общество, ни природа,—требованія, оканчивающіяся нерѣдко и нравственною и житейскою гибелью несчастной. Тогда уже не со стороны одной женщины, но со стороны цѣлаго общества начинаются жалобы на ученье, на школу....

Но неужели въ самомъ дѣлѣ кругъ женской дѣятельности такъ тѣсенъ, что женщинѣ невозможно правильнымъ образомъ соединить своего образованія съ требованіями жизни? Въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ мы видимъ, хотя рѣдкіе, но замѣчательные примѣры, что женщины съ умомъ, съ энергіей, при всей неблагопріятности условій, современнаго имъ, общественнаго быта, всегда успѣвали проложить себѣ дорогу и занять видныя мѣста въ своемъ обществѣ. Мы видимъ, и въ отдаленнѣйшихъ и ближайшихъ временахъ, многихъ женщинъ даже на царскихъ престолахъ. Мы вправѣ думать поэтому, что, если говоря вообще, женщина занимаетъ невидное и даже иногда униженное положеніе въ обществѣ, то виноваты въ этомъ не столько природа и общество, сколько сами женщины, виноваты тѣмъ, что онѣ только желаютъ, но не умѣютъ и не стараются занять надлежащее положеніе въ обществѣ, что, вмѣсто серьезнаго, энергическаго труда, онѣ заняты бываютъ или однѣми обыденными житейскими суетами, или, по словамъ Апостола, плетениемъ волосъ, дорогими нарядами и другими внѣшними украшеніями своего тѣла (1 Петр. 3, 3), или наконецъ, бесплодными жалобами на судьбу свою. Въ наше время, когда такъ много сдѣлано и дѣлается для образованія женщины и для улучшенія нравственнаго и общественнаго быта ея, когда, благодаря въ особенности отеческому участию нашего Высокаго

Покровителя, (*) для женщины открыть нѣкоторый доступъ даже къ общественной гражданской дѣятельности, въ наше время, при нашемъ образованіи было бы особенно несправедливо жаловаться на положеніе женщины и на невозможность для нея разумной дѣятельности.

Но есть особое поле для женской дѣятельности,— скромное, необширное по виду, но неизмѣримое и неоцѣнимое по своему значенію, по плодамъ, поле, на которомъ ни одинъ мужчина не можетъ состязаться съ женщиною и на которомъ женщина, какъ нельзя лучше, можетъ раскрыть всѣ свои высокіе таланты, какими надѣляются ее природа, наука и вѣра; это поле—семья. Что можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе того положенія, какое женщина, съ свѣтлымъ умомъ и чистымъ, нѣжнымъ сердцемъ, просвѣщенными и возвышенными наукою и вѣрою, занимаетъ въ своемъ семейномъ кругу? Что можетъ быть выше того нравственнаго вліянія, какое производитъ такая женщина на своего мужа, на дѣтей, даже на родителей, на братьевъ и сестеръ своихъ, а затѣмъ, черезъ нихъ, незамѣтно, и на цѣлое общество? Ея дѣятельность тиха и скромна, какъ дѣятельность смиреннаго земледѣльца или трудолюбивой пчелы; но плоды этой дѣятельности безцѣнны для цѣлаго общества. Ее нѣкто не видитъ и не знаетъ, кромѣ ея семьи и близкаго круга друзей и знакомыхъ; но тѣхъ, которые живутъ и растутъ подъ ея благотворнымъ вліяніемъ, видитъ, знаетъ и чтитъ все общество, иногда цѣлый міръ, и ея скромное имя, вмѣстѣ съ ихъ именами, переходитъ въ исторію... Кому неизвѣстно, что большая часть великихъ мужей обязаны были своими порвоначальными уроками своимъ матерямъ и родственницамъ? Я не буду приводить вамъ примѣровъ изъ гражданской исторіи, но долгомъ считаю напомнить имена великихъ женъ христіанской древности: Емилиі (2) Макирины (3), Нонны (4), Ан-

---

(*) Е. И. В. Приида П. Г. Ольденбургскаго.

(2) Матери св. Василия В.

(3) Бабки и сестры его.

(4) Матери св. Григорія Богослова.

оусы (1), Моники (2) и подобныхъ имъ. Я напомню, наконецъ, то удивленіе, какое развращенный и озлобленный противъ христіанства языческій міръ невольно питалъ къ христіанскимъ женщинамъ первыхъ вѣковъ. Видя высокую нравственную жизнь христіанскихъ женщинъ, въ ихъ домашнемъ быту и въ отношеніяхъ къ мужьямъ и дѣтямъ своимъ, язычники, при всей своей ненависти къ христіанамъ, нерѣдко высказывали свое изумленіе къ нимъ; какъ удивительны ихъ женщины! О, если бы и изъ васъ образовались такия же женщины, если бы и объ насъ, о нашихъ гимназіяхъ, и друзья и враги наши говорили тоже самое; какія удивительныя, примѣрныя женщины выходять изъ этихъ гимназій!— Смѣло могу сказать, отъ лица всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ вашихъ бывшихъ начальниковъ и наставниковъ, что лучшей благодарности вы не могли бы воздать имъ и что больше этого никто ничего не могъ бы пожелать отъ васъ!

Что же именно нужно для того, чтобы смена вашего воспитанія принесли ожидаемые плоды и что бы вы могли занять надлежащее положеніе въ семьѣ и обществѣ?—Нужно, во-первыхъ, не прекращать своего образованія и до выхождъ изъ школы, но продолжать и дополнять его разумнымъ чтеніемъ и собственнымъ размышленіемъ. Нужно, во-вторыхъ, непременно избрать себѣ трудъ, какой бы то нибылъ, хотя бы ваша семейная обстановка и не требовала отъ васъ обязательнаго труда. *Если кто не хочетъ трудиться, тотъ не имѣетъ права и лѣтъ хлѣба*, по заповѣди апостольской (2 Сол. 3, 10) Нужно, въ третьихъ, во всѣ свои дѣла и во всѣ свои сношенія съ семьей и обществомъ вносить съ одной стороны то теплое, нѣжное сердечное участіе, къ которому такъ способна бываетъ одна только женщина, а съ другой—тотъ разумный взглядъ на вещи, какой сообщаетъ человѣку образованіе и какимъ образованный человѣкъ отличается отъ необразованнаго. Вы счастливыѣ своихъ матерей и праматерей;

---

(1) Матери св. Іоанна Златоуста.

(2) Матери бл. Августина.

вы получили образованіе, какового онѣ не могли получить въ свое время. Но вы должны и исполнять свои женскія и общечеловѣческія обязанности и больше и лучше ихъ. *Кому много дано, отъ того больше и требуется.* Но, прежде и выше всего, твердо помните и свято соблюдайте свои обязанности христіанскія. Отъ лица всѣхъ собратій и сослужителей моихъ, вашихъ достопочтенныхъ оо. законоучителей, заклинаю и молю васъ именемъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, вашимъ собственнымъ счастіемъ, временнымъ и вѣчнымъ,—помните тѣ уроки св. вѣры нашей, которые съ такимъ тщаніемъ преподавались вамъ при вашемъ воспитаніи въ теченіе многихъ лѣтъ, и дополняйте ихъ чтеніемъ слова Божія и упражненіемъ въ законѣ Божіемъ! Мы не смѣемъ сказать, что мы все *сдѣлали* для вашего спасенія; но мы, со всѣмъ сознаніемъ нашего долга, старались, по возможности, *сказать* вамъ все, что нужно для спасенія. Мы только сѣяли сѣмена евангельскаго ученія на нивахъ вашего ума и сердца. Вамъ самимъ и вашимъ ближайшимъ руководителямъ, пастырямъ и отцамъ духовнымъ, предоставляемъ наблюдать за вашими нивами, и благодати Божіей—возрастить плоды на нихъ (1 Кор. 3, 6). Будетъ день, подобный настоящему, но день великій и страшный, день жатвы и собранія плодовъ, когда Самъ Господь снова соберетъ насъ всѣхъ вмѣстѣ и потребуетъ отчета отъ насъ—въ сѣяніи, отъ васъ—въ сохраненіи и возвращеніи посѣяннаго нами. О, если бы и тогда собраться намъ не для осужденія, а для полученія похвалы и награды!—Помолимся Господу Богу, чтобы Онъ наставилъ и укрѣпилъ, заступилъ и спасъ насъ своею благодатію. Помолимся за окончаніе сѣянія и за начало произращенія плодовъ. Аминь.

Священникъ Н. Розановъ.

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

XV. О ПОЧИТАНІИ СВЯТЫХЪ УГОДНИКОВЪ.

Приступая къ собесѣдованію съ вами, братія мои, о почитаніи св. угодниковъ, нужнымъ считаю прежде всего обратить ваше вниманіе на тѣ вопросы, какіе въ данномъ случаѣ задаютъ себѣ нерѣдко нѣкоторые крещенные евреи. «Вѣрно ли, спрашивалъ меня однажды крещенный еврей, что у христіанъ есть св. угодники, почивающіе негнѣными; а если есть, то должны ли мы молиться имъ, и, наконецъ, могутъ ли угодники помогать молитвамъ нашимъ»? На это я отвѣчалъ ему, какъ могъ. Что у христіанъ есть св. угодники, объ этомъ вѣрно и непреложно свидѣтельствуютъ сами св. угодники, негнѣнно почивающіе въ св. обителяхъ русской земли, какъ то: въ Кіево-печерской, Сергіево-Троицкой и Почаевской лаврахъ и во многихъ другихъ православныхъ обителяхъ и храмахъ. Я, съ своей стороны, къ доказательству того, что вѣрованіе православныхъ христіанъ въ негнѣныя св. мощей истинно и священо, считаю не лишнимъ передать здѣсь то, что самому мнѣ удавалось видѣть и слышать относительно этого отъ православныхъ пастырей. По принятіи христіанства, я, хотя и почиталъ св. угодниковъ, хотя и молился имъ, однако нерѣдко подвергался искушенію. Желая утвердить свое слабое вѣрованіе, я ѣздилъ въ лавру преподобнаго Сергія, поклонялся и новгородскимъ св. угодникамъ, и съ того времени всякое сомнѣніе относительно мощей св. угодниковъ исчезло во мнѣ.

Упомяну сначала о поклоненіи новгородскимъ угодникамъ, такъ какъ это послѣдовало прежде. По прибытіи мо-

емъ въ учебный полкъ, квартировавшій тогда въ селѣ Медвѣдѣ, новгородской губерніи, я познакомился съ полковникомъ священникомъ, отцемъ Г., у котораго жилъ почти безвыходно; разъ во время домашней вечерней бесѣды, въ которой участвовалъ одинъ офицеръ, зашла какъ-то рѣчь о св. угодникахъ. Послѣ долгаго нашего разговора, священникъ, понавь, вѣрно, мою слабую сторону, сказалъ: а бывали ли вы у нашихъ новгородскихъ св. угодниковъ?

—Нѣтъ, батюшка, сказалъ я; при всемъ моемъ искреннемъ желаніи поклониться имъ, не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ я шелъ въ полкъ не по своей волѣ, а начальникъ нашъ—офицеръ не позволилъ намъ провести лишній день въ Новгородѣ.

—Очень жаль, сказалъ священникъ. Вы тогда совсемъ иначе думали бы объ нихъ. Вотъ и онъ, продолжалъ онъ, указывая на офицера, прежде такъ же рассуждалъ; но поклонившись св. угодникамъ, онъ тверже сталъ вѣровать святости и нетлѣннѣю св. мощей ихъ.

—Да, да, сказалъ офицеръ, я—грѣшный человѣкъ былъ такой маловѣръ, что даже въ тѣ минуты, когда удавалось мнѣ стоять предъ св. мощами, когда видѣлъ ихъ собственными глазами, я все-таки сомнѣвался въ нихъ. Повѣрите ли, что разъ, подходя съ другими православными къ св. мощамъ новгородскихъ угодниковъ, я вмѣсто того, чтобы приложиться къ нимъ, сталъ отступать назадъ, давая дорогу другимъ; дѣлалъ же я это съ затаенною цѣлю: оставшись почти послѣднимъ, я подошелъ и приложился къ руцѣ угодника, и хотя я какъ нельзя лучше видѣлъ мощи, но не вѣря и собственнымъ глазамъ, дерзнулъ осязать губами, сжимая ими нѣсколько разъ руку святаго, чтобъ лучше убѣдиться: точно ли это тѣло, и убѣдившись принесъ сердечное раскаяніе предъ св. угодникомъ, моля его со слезами простить меня грѣшнаго; съ того времени вольнодумство мое въ отношеніи къ св. угодникамъ исчезло; теперь я искренно вѣрую нетлѣннѣю мощей, и ничто въ мірѣ не поколеблетъ вѣру мою.

—Слышите ли, сказалъ священникъ, какъ душеспасительное поклоняться св. угодникамъ? Не напрасно же набожные христіане, горя любовію къ угодникамъ Божиимъ, нерѣдко

оставляютъ свои дома, свою родину и съ ломтемъ черстваго хлѣба идутъ за сотни и тысячи верстъ, чтобы только поклониться имъ. И послушали бы вы, что они передаютъ о нихъ, какія сладкія воспоминанія оставляетъ въ душѣ ихъ путешествіе къ святымъ угодникамъ и поклоненіе имъ. «Повѣрите-ли, батюшка, говорилъ мнѣ какъ то разъ одинъ странникъ—богомалецъ, побывавъ однажды у св. угодника, такъ ужъ тебя и тянетъ къ нему; бывало идешь въ Кіевъ, или къ новгородскимъ угодникамъ, просто земли подъ собою не слышишь; а церковная служба, совершаемая въ храмахъ и обителяхъ, и особенно въ Кіево-печерской лаврѣ? Развѣ можно забыть ее? Нѣтъ, она оставляетъ такое отрадное воспоминаніе, которое трудно и передать».

Пастырская рѣчь такъ благотворно отозвалась во мнѣ, что я пламенно возжелалъ сходить въ Новгородъ на поклоненіе святымъ мощамъ; но предъ тѣмъ мнѣ хотѣлось очистить душу свою отъ того, что нерѣдко смущало ее.

—Прошу васъ, батюшка, сказалъ я, выслушать меня великодушно и не смущайтесь тѣмъ, что я предложу вамъ вопросъ, который не совсѣмъ-то свойственно было бы мнѣ, какъ христіанину, предлагать вамъ.

—Прошу васъ, не стѣсняться, сказалъ священникъ,—говорите, пожалуйста. Это гораздо лучше будетъ для надлежащаго вашего вѣрованія, чѣмъ если бы вы стали скрывать смущающія васъ мысли.

—Скажите мнѣ, батюшка, почему только въ Новозавѣтной Церкви есть святая мощи? Развѣ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ люди не угождали Богу? Однакожъ ихъ мощей не видимъ.

—Чтожъ изъ этого? сказалъ священникъ; вѣрно, Господу Богу угодно различнымъ образомъ прославлять святыхъ Своихъ, — однихъ такъ, другихъ иначе. Вѣдь, кажется, Ной, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, Моисей, Давидъ и проч. были всѣ праведные люди, однако никто изъ нихъ не былъ, подобно Иліи и Еноху, живымъ взятъ на небо; неужели и въ этомъ дѣлѣ станемъ указывать Богу? Знайте и то, что ветхозавѣтные святые мужи, какъ ни угождали Богу, но живя до устроенія св. Церкви Христовой и будучи, такъ сказать, связаны узами прародительскаго грѣха, не могли

емъ въ учебный полкъ, квартировавшій тогда въ селѣ Медвѣдѣ, новгородской губерніи, я познакомился съ полковникомъ священникомъ, отцемъ Г., у котораго жидъ почти безвыходно; разъ во время домашней вечерней бесѣды, въ которой участвовалъ одинъ офицеръ, зашла какъ-то рѣчь о св. угодникахъ. Послѣ долгаго нашего разговора, священникъ, понявъ, вѣрно, мою слабую сторону, сказалъ: а бывали ли вы у нашихъ новгородскихъ св. угодниковъ?

—Нѣтъ, батюшка, сказалъ я; при всемъ моемъ искреннемъ желаніи поклониться имъ, не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ я шёлъ въ полкъ не по своей волѣ, а начальникъ нашъ—офицеръ не позволилъ намъ провести лишній день въ Новгородѣ.

—Очень жаль, сказалъ священникъ. Вы тогда совсѣмъ иначе думали бы объ нихъ. Вотъ и онъ, продолжалъ онъ, указывая на офицера, прежде такъ же разсуждалъ; но поклонившись св. угодникамъ, онъ тверже сталъ вѣровать святости и нетлѣннѣю св. мощей ихъ.

—Да, да, сказалъ офицеръ, я—грѣшнѣйшій человекъ былъ таковой маловѣръ, что даже въ тѣ минуты, когда удавалось мнѣ стоять предъ св. мощами, когда видѣлъ ихъ собственными глазами, я все-таки сомнѣвался въ нихъ. Повѣрите ли, что разъ, подходя съ другими православными къ св. мощамъ новгородскихъ угодниковъ, я вмѣсто того, чтобы приложиться къ нимъ, сталъ отступать назадъ, давая дорогу другимъ; дѣлалъ же я это съ затаенною цѣлію: оставшись почти послѣднимъ, я подошелъ и приложился къ руцѣ угодника, и хотя я какъ нельзя лучше видѣлъ мощи, но не вѣря и собственнымъ глазамъ, дерзнулъ осзать губами, сжимая ими нѣсколько разъ руку святаго, чтобъ лучше убѣдиться: точно ли это тѣло, и убѣдившись принесъ сердечное раскаяніе предъ св. угодникомъ, моля его со слезами простить меня грѣшнаго; съ того времени вольнодумство мое въ отношеніи къ св. угодникамъ исчезло; теперь я искренно вѣрую нетлѣннѣю мощей, и ничто въ мірѣ не поколеблетъ вѣру мою.

—Слышите ли, сказалъ священникъ, какъ душеспасительно поклоняться св. угодникамъ? Не напрасно же набожные христіане, горя любовію къ угодникамъ Божиимъ, нерѣдко

оставляют свои дома, свою родину и съ ломтемъ черстваго хлѣба идутъ за сотни и тысячи верстъ, чтобы только поклониться имъ. И послушали бы вы, что они передаютъ о нихъ, какія сладкія воспоминанія оставляетъ въ душѣ ихъ путешествіе къ святымъ угодникамъ и поклоненіе имъ. «Повѣрите-ли, батюшка, говорилъ мнѣ какъ то разъ одинъ странникъ—богомалецъ, побывавъ однажды у св. угодника, такъ ужъ тебя и таяетъ къ нему; бывало идешь въ Кіевъ, или къ новгородскимъ угодникамъ, просто земли подъ собою не слышишь; а церковная служба, совершаемая въ храмахъ и обителяхъ, и особенно въ Кіево-печерской даврѣ? Развѣ можно забыть ее? Нѣтъ, она оставляетъ такое отрадное воспоминаніе, которое трудно и передать».

Пастырская рѣчь такъ благотворно отозвалась во мнѣ, что я пламенно возжелала сходить въ Новгородъ на поклоненіе святымъ мощамъ; но предъ тѣмъ мнѣ хотѣлось очистить душу свою отъ того, что нерѣдко смущало ее.

—Прошу васъ, батюшка, сказалъ я, выслушать меня великодушно и не смущайтесь тѣмъ, что я предложу вамъ вопросъ, который не совсѣмъ-то свойственно было бы мнѣ, какъ христіанину, предлагать вамъ.

—Прошу васъ, не стѣсняться, сказалъ священникъ,—говорите, пожалуйста. Это гораздо лучше будетъ для надлежащаго вашего вѣрованія, чѣмъ если бы вы стали скрывать смущающія васъ мысли.

—Скажите мнѣ, батюшка, почему только въ Новозавѣтной Церкви есть святая мощи? Развѣ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ люди не угождали Богу? Однакожъ ихъ мощей не видимъ.

—Чтожъ изъ этого? сказалъ священникъ; вѣрно, Господу Богу угодно различнымъ образомъ прославлять святыхъ Своихъ, — однихъ такъ, другихъ иначе. Вѣдь, кажется, Ной, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, Моисей, Давидъ и проч. были всѣ праведные люди, однако никто изъ нихъ не былъ, подобно Илліи и Еноху, живымъ взятъ на небо; неужели и въ этомъ дѣлѣ станемъ указывать Богу? Знайте и то, что ветхозавѣтные святые мужи, какъ ни угождали Богу, но живя до устроенія св. Церкви Христовой и будучи, такъ сказать, связаны узами прародительскаго грѣха, не могли

вы получили образованіе, какового онѣ не могли получить въ свое время. Но вы должны и исполнять свои женскія и общечеловѣческія обязанности и больше и лучше ихъ. *Кому много дано, отъ того больше и требуется.* Но, прежде и выше всего, твердо помните и свято соблюдайте свои обязанности христіанскія. Отъ лица всѣхъ собратій и сослужителей моихъ, вашихъ достопочтенныхъ оо. законоучителей, закликаю и молю васъ именемъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, вашимъ собственнымъ счастіемъ, временнымъ и вѣчнымъ,—помните тѣ уроки св. вѣры нашей, которые съ такимъ тщаніемъ преподавались вамъ при вашемъ воспитаніи въ теченіе многихъ лѣтъ, и дополняйте ихъ чтеніемъ слова Божія и упражненіемъ въ законѣ Божіемъ! Мы не смѣемъ сказать, что мы все *сдѣлали* для вашего спасенія; но мы, со всѣмъ сознаніемъ нашего долга, старались, по возможности, *сказать* вамъ все, что нужно для спасенія. Мы только сѣяли сѣмена евангельскаго ученія на нивахъ вашего ума и сердца. Вамъ самимъ и вашимъ ближайшимъ руководителямъ, пастырямъ и отцамъ духовнымъ, предоставляемъ наблюдать за вашими нивами, и благодати Божіей—возрастить плоды на нихъ (1 Кор. 3, 6). Будетъ день, подобный настоящему, но день великій и страшный, день жатвы и собранія плодовъ, когда Самъ Господь снова соберетъ насъ всѣхъ вмѣстѣ и потребуетъ отчета отъ насъ—въ сѣяніи, отъ васъ—въ сохраненіи и возвращеніи посѣяннаго нами. О, если бы и тогда собраться намъ не для осужденія, а для полученія похвалы и награды!—Помолимся Господу Богу, чтобы Онъ наставилъ и укрѣпилъ, заступилъ и спасъ насъ своею благодатію. Помолимся за окончаніе сѣянія и за начало произращенія плодовъ. Аминь.

Священникъ Н. Розановъ.

БЕСЪДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

XV. О ПОЧТАНІИ СВЯТЫХЪ УГОДНИКОВЪ.

Приступая къ собесѣдованію съ вами, братія мои, о почитаніи св. угодниковъ, нужнымъ считаю прежде всего обратить ваше вниманіе на тѣ вопросы, какіе въ данномъ случаѣ задають себѣ нерѣдко нѣкоторые крещенные евреи. «Вѣрно ли, спрашивалъ меня однажды крещенный еврей, что у христіанъ есть св. угодники, почивающіе негнѣнными; а если есть, то должны ли мы молиться имъ, и, наконецъ, могутъ ли угодники помогать молитвамъ нашимъ? На это я отвѣчалъ ему, какъ могъ. Что у христіанъ есть св. угодники, объ этомъ вѣрно и непременно свидѣлствуютъ сами св. угодники, негнѣнно почивающіе въ св. обителяхъ русской земли, какъ то: въ Києво-печерской, Сергіево-Троицкой и Почаевской лаврахъ и во многихъ другихъ православныхъ обителяхъ, и храмахъ. Я, съ своей стороны, къ доказательству того, что вѣрованіе православныхъ христіанъ въ негнѣніе св. мощей истинно и священо, считаю не лишнимъ передать здѣсь то, что самому мнѣ удавалось видѣть и слышать относительно этого отъ православныхъ пастырей. По принятіи христіанства, я, хотя и почиталъ св. угодниковъ, хотя и молился имъ, однако нерѣдко подвергался искушенію. Желая утвердить свое слабое вѣрованіе, я ѣздилъ въ лавру преподобнаго Сергія, покланялся и новгородскимъ св. угодникамъ, и съ того времени всякое сомнѣніе относительно мощей св. угодниковъ исчезло во мнѣ.

Упомяну сначала о поклоненіи новгородскимъ угодникамъ, такъ какъ это послѣдовало прежде. По прибытіи мо-

омъ въ учебный полкъ, квартировавший тогда въ селѣ Медвѣдѣ, новгородской губерніи, я познакомился съ полковымъ священникомъ, отцемъ Г., у котораго жилъ почти безвыходно; разъ во время домашней вечерней бесѣды, въ которой участвовалъ одинъ офицеръ, зашла какъ-то рѣчь о св. угодникахъ. Послѣ долгаго нашего разговора, священникъ, понавь, вѣрно, мою слабую сторону, сказалъ: а бывали ли вы у нашихъ новгородскихъ св. угодниковъ?

—Нѣтъ, батюшка, сказалъ я; при всемъ моемъ искреннемъ желаніи поклониться имъ, не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ я шелъ въ полкъ не по своей волѣ, а начальникъ нашъ—офицеръ не позволилъ намъ провести лишній день въ Новгородѣ.

—Очень жаль, сказалъ священникъ. Вы тогда совсѣмъ иначе думали бы объ нихъ. Вотъ и онъ, продолжалъ онъ, указывая на офицера, прежде такъ же рассуждалъ; но поклонившись св. угодникамъ, онъ тверже сталъ вѣровать святости и нетлѣннѣю св. мощей ихъ.

—Да, да, сказалъ офицеръ, я—грѣшный человѣкъ былъ таковой маловѣръ, что даже въ тѣ минуты, когда удавалось мнѣ стоять предъ св. мощами, когда видѣлъ ихъ собственными глазами, я все-таки сомнѣвался въ нихъ. Повѣрите ли, что разъ, подходя съ другими православными къ св. мощамъ новгородскихъ угодниковъ, я вмѣсто того, чтобы приложиться къ нимъ, сталъ отступать назадъ, давая дорогу другимъ; дѣлалъ же я это съ затаенною цѣлю: оставшись почти послѣднимъ, я подошелъ и приложился къ рукѣ угодника, и хотя я какъ нельзя лучше видѣлъ мощи, но не вѣря и собственнымъ глазамъ, дерзнулъ осязать губами, сжимая ими нѣсколько разъ руку святаго, чтобъ лучше убѣдиться: точно ли это тѣло, и убѣдившись принесъ сердечное раскаяніе предъ св. угодникомъ, моля его со слезами простить меня грѣшнаго; съ того времени вольнодумство мое въ отношеніи къ св. угодникамъ исчезло; теперь я искренно вѣрую нетлѣннѣю мощей, и ничто въ мірѣ не поколеблетъ вѣру мою.

—Слышите ли, сказалъ священникъ, какъ душеспасительно поклоняться св. угодникамъ? Не напрасно же набожные христіане, горя любовью къ угодникамъ Божиимъ, нерѣдко

оставляютъ свои дома, свою родину и съ ломтемъ черстватаго хлѣба идутъ за сотни и тысячи верстъ, чтобы только поклониться имъ. И послушали бы вы, что они передаютъ о нихъ, какія сладкія воспоминанія оставляетъ въ душѣ ихъ путешествіе къ святымъ угодникамъ и поклоненіе имъ. «Повѣрите-ли, батюшка, говорилъ мнѣ какъ то разъ одинъ странникъ—богомонецъ, побывавъ однажды у св. угодника, такъ ужъ тебя и таетъ къ нему; бывало идешь въ Кіевъ, или къ новгородскимъ угодникамъ, просто земли подъ собою не слышишь; а церковная служба, совершаемая въ храмахъ и обителяхъ, и особенно въ Кіево-печерской лаврѣ? Развѣ можно забыть ее? Нѣтъ, она оставляетъ такое отрадное воспоминаніе, которое трудно и передать».

Пастырская рѣчь такъ благотворно отозвалась во мнѣ, что я пламенно возжелалъ сходить въ Новгородъ на поклоненіе святымъ мощамъ; но предъ тѣмъ мнѣ хотѣлось очистить душу свою отъ того, что нерѣдко смущало ее.

—Прошу васъ, батюшка, сказалъ я, выслушать меня великодушно и не смущайтесь тѣмъ, что я предложу вамъ вопросъ, который не совсѣмъ-то свойственно было бы мнѣ, какъ христіанину, предлагать вамъ.

—Прошу васъ, не стѣсняться, сказалъ священникъ,—говорите, пожалуйста. Это гораздо лучше будетъ для надлежащаго вашего вѣрованія, чѣмъ если бы вы стали скрывать смущающія васъ мысли.

—Скажите мнѣ, батюшка, почему только въ Новозавѣтной Церкви есть святыя мощи? Развѣ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ люди не угождали Богу? Однакожъ ихъ мощей не видимъ.

—Чтожъ изъ этого? сказалъ священникъ; вѣрно, Господу Богу угодно различнымъ образомъ прославлять святыхъ Своихъ, — однихъ такъ, другихъ иначе. Вѣдь, кажется, Ной, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, Моисей, Давидъ и проч. были всѣ праведные люди, однако никто изъ нихъ не былъ, подобно Илїи и Еноху, живымъ взятъ на небо; неужели и въ этомъ дѣлѣ станемъ указывать Богу? Знайте и то, что ветхозавѣтные святые мужи, какъ ни угождали Богу, но живя до устроенія св. Церкви Христовой и будучи, такъ сказать, связаны узами прародительскаго грѣха, не могли

въ такой степени проявлять Божественную силу, каковую проявляли во всё времена новозавѣтные святые.

— Допустимъ, что это такъ; но позвольте васъ, батюшка, вотъ о чемъ еще спросить: есть ли указаніе въ священномъ Писаніи на святые мощи?

— Есть. Такъ, напримѣръ, въ псалмахъ Давида сказано: *яко неоставиши душу мою во адъ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Псал. 15, 10). Вамъ, какъ христіанину и человѣку, читавшему священное Писаніе, должно быть извѣстно, что царь Давидъ говорилъ это не о самомъ себѣ, а о потомкѣ своемъ Мессіи Иисусѣ Христѣ. Иисусъ Христосъ, какъ первый изъ всѣхъ праведныхъ, называемый по еврейски *мушіахъ цидкехо*—Мессія праведный, точно не видѣлъ тлѣнія; подобно ему не испытали тлѣнія и многіе христіанскіе праведники, мощи которыхъ видимъ мы нетлѣнными доселѣ.

— Какъ ни кажется мнѣ истиннымъ все сказанное вами, батюшка, относительно нетлѣнности мощей св. угодниковъ Божіихъ, какъ ни удивляетъ меня приведенный вами текстъ; но не могу здѣсь не замѣтить, что послѣднія слова, указаннаго вами стиха въ еврейскомъ текстѣ имѣютъ такое значеніе: «ты не дашь видѣть преподобному твоему глубину преисподнюю». И естественно было Давиду просить Бога о избавленіи отъ преисподней. Патріархъ Іаковъ какъ ни былъ святъ, а также желалъ избѣгнуть ея. Когда проданъ былъ Іосифъ и окровавленная его сорочка доставлена была отцу, то онъ, узнавъ ее и заключивъ, что Іосифъ погибъ, началъ плакать говоря: *яко соиду къ сыну моему, сплужу, во адъ*. (Быт. 37, 35). Правда, тутъ употреблены не тѣ слова, которыя значатся въ приведенномъ, вами текстѣ; здѣсь сказано: *сойду въ шеойло*,—въ могилу, а тамъ употреблены слова: *шухасъ*—тлѣніе, но мысль та же.

— Какъ же это такъ: слова, говорите, не тѣ, а мысль будто бы та?

(Продолженіе впереди).

17 ЮЛЯ

№ 29.

1871 ГОДА.

ПЕРЕСУДЫ.

Страсть къ пересудамъ,—къ злословію есть одна изъ самыхъ распространенныхъ страстей въ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ чего по большей части состоятъ разговоры въ собраніяхъ нашихъ? Сойдутся, положимъ, нѣсколько человѣкъ и начнутъ бесѣдовать—сначала о дѣлѣ, но отъ дѣла разговоръ скоро переходитъ къ личностямъ, и начинаютъ судить и цѣнить всѣхъ: «тотъ не хорошъ, другой грѣшенъ, третій не основателенъ». Хорошими оказываются только сами собесѣдники; да и тутъ каждый о другомъ про себя думаетъ: «п ты, братъ, хорошъ; нельзя только въ глаза сказать тебѣ о твоихъ слабостяхъ». Особенно много въ сужденіяхъ этихъ достается людямъ, — хотя нѣсколько возвышающимся надъ общимъ уровнемъ и получившимъ какое-либо отличіе и преимущество вредъ другимъ. Правда, въ глаза имъ льстятъ, за то за глаза злословятъ перѣдео хуже, чѣмъ ожесточенный врагъ поноситъ своего непріателя. Что это значитъ? Откуда

такая страсть къ пересудамъ и почему злословію подвергаются преимущественно люди лучшіе, или болѣе другихъ счастливые?

Откуда страсть къ пересудамъ? Прежде всего отъ недостатка христіанской любви къ ближнему, частію отъ неразвитости, отъ недостатка въ насъ истинной образованности и разумной серьезной дѣятельности. Умный человѣкъ никогда не выскажетъ о другомъ сужденія необдуманнаго, какими обыкновенно отличаются всѣ пересуды; притомъ всегда найдеть, о чемъ въ обществѣ побесѣдовать, избѣгая злословія. Истинно образованные и серьезно занятые люди столько всегда имѣютъ въ виду важныхъ предметовъ, что, собираясь вмѣстѣ, не утерпятъ, чтобъ не потолковать объ нихъ; умные люди не имѣютъ ни времени, ни охоты заниматься пустословіемъ. Но собираются люди, мало чему или ничему основательно не учившіеся, мало чѣмъ или ничѣмъ дѣльнымъ не занимающіеся, — естественно, они не находятъ предмета для взаимной бесѣды, сколько нибудь дѣльнаго, полезнаго.

За невѣжествомъ, какъ неизбѣжный спутникъ его, слѣдуетъ самолюбіе. Кто мало чему, или ничему дѣльному не учился, мало чѣмъ или ничѣмъ полезнымъ не занимается, — тотъ не можетъ даже и понять, съ какими усилиями достаются людямъ познанія, и съ какими трудами соединяется для нихъ истинно полезная дѣятельность. Тому легко вообразить, что стоитъ только ему взяться за дѣло, какъ онъ превзойдетъ всѣхъ, всѣмъ предпишетъ законы и всѣхъ облагодѣтельствуетъ. И вотъ онъ на самомъ дѣлѣ начинаетъ воображать себя такимъ не признаннымъ дѣтелемъ, — въ силу чего и судить всѣхъ. Такъ ли поступаетъ человѣкъ, который по опыту знаетъ, какъ не легко съ толкомъ жить и всегда благоразумно дѣйствовать? Станетъ ли онъ судить и осуждать другихъ, когда испыталъ самъ, какъ возможны для человѣка, при всей его добросовѣстности, заблужденія, — какъ легко ему ошибаться, при всемъ желаніи всегда поступать правильно?

Насколько въ пересудахъ нашихъ есть любви къ правдѣ, снисходительности и любви къ ближнимъ, — нечего и говорить. Любовь къ правдѣ? Да оболщенный небывалыми достоин-

ствами въ себѣ самомъ, можетъ ли судить правильно не только о достоинствахъ, даже о недостаткахъ другихъ людей, — тѣмъ болѣе, что *никто же вѣсть, яже въ человѣкъ, точію дубъ человека, живущій въ немъ?* Скажутъ: «мы осуждаемъ людей и поступки ихъ, дѣйствительно заслуживающіе осужденія». Такъ ли? Положимъ, осуждаемый тобою ближній дѣйствительно не хорошъ; но ты знаешь-ли причины, которыя сдѣлали его такимъ? Видѣлъ ли ты, какъ онъ воспитывался, какими всегда былъ окруженъ примѣрами? Знаешь-ли обстоятельства семейныя и общественныя, которыя располагаютъ его къ такой, а не другой дѣятельности? А ты самъ, въ его положеніи, непременно былъ бы лучше его? Подумай, поговори съ своею совѣстію. Опять: ты ничего не дѣлаешь подобнаго тому, что осуждаешь въ ближнемъ? *Лицемеръ! вымъ прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего* (Матѣ. 7, 5). Потому то ты и судишь ближняго, что не наблюдаешь внимательно за самимъ собой. Когда ты будешь смотрѣть за своими слабостями, за своими пороками; то не будешь имѣть даже времени, чтобъ слѣдить за ближнимъ и подмѣчать его согрѣшенія.

И то нужно помнить, что ближній и согрѣшающій есть нашъ братъ, — сынъ одного съ нами Отца Небеснаго. За чѣмъ же его осуждать и подвергать злословію? Вѣдь по толкамъ празднои молвы многіе составляютъ о людяхъ понятія и начинаютъ относиться къ нимъ недоброжелательно. Скажутъ: «осуждая, мы не имѣемъ въ виду вредить осуждаемому». Для чего жь осуждаете? Кто любитъ осуждать другихъ, — въ томъ нѣтъ любви къ ближнимъ; есть только зависть, ненависть, зложелательство. *Иначе: почему вы осуждаете преимущественно людей, которые выше, лучше, или просто — счастливѣе насъ? Не потому ли, что имъ завидуемъ, въ душѣ желаемъ имъ зла?*

И наше ли, наконецъ, дѣло судить другихъ, если къ тому мы не призваны? У каждаго изъ насъ есть свой судія — совѣсть; а у всѣхъ есть одинъ общій, нелицеприятнѣйшій Судія — Богъ, который и воздастъ каждому по дѣламъ его. *Единъ Законодатель и Судія, могущій спасти и погубить: а*

ты кто, который судишь другаго (Іак. 4, 12)? Кто ты, осуждающій чужаго раба? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ, или падаетъ. И будетъ возставленъ: ибо силенъ Богъ возставить его (Рим. 14, 4). А какъ наши человѣческіе суды отличны отъ судовъ Божіихъ, видно, между прочимъ, изъ того, что Богъ избралъ безумное міра, чтобъ посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобъ посрамить сильное; и незнатное міра и унизженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобъ унизжить значущее; для того, чтобы ни какая плоть не хвалилась предъ Богомъ (1 Кор. 1, 27—29).

Да! Не доброе дѣло — пересуды, и не должны быть они терпимы въ христіанскомъ обществѣ. Если же кто привыкъ судить и осуждать, — тотъ пусть прежде осудитъ самого себя и попроситъ надъ собою милостиваго суда Судіи нелицепріятнаго, чтобъ избѣжать Его суда праведнаго. Помните, что Онъ сказалъ: *какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить* (Матѣ. 7, 2. 8). Что, если насъ такъ же строго будетъ судить Господь, какъ мы судимъ ближнихъ своихъ?

О! Даруй намъ, Господи, видѣть наши прегрѣшенія и не осуждать братьевъ нашихъ, *яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!*

Священникъ М. Предтеченскій.

Изъ воспоминаній палестинскаго поклонника.

ЛАВРА СВ. САВВЫ ОСВЯЩЕННАГО.

(Омѣчаніе).

Теперь вы входите въ архондарикъ на этой же верхней террасѣ, вамъ предложатъ маленькую рюмочку раки и чашечку кофе съ сухаремъ и затѣмъ попросятъ записать имена близкихъ вамъ для поминовенія.

Послѣ вечерни поклонниковъ зовутъ ужинать. Столовая внизу. Это большая длинная комната, освѣщенная съ одной стороны только. Подъ сводами ея виситъ жестяной фонарь, а въ углубленіи у задней стѣны корзина, куда кладутся остатки хлѣба. Вдоль стѣнъ идутъ два длинные каменные стола. Ужинъ идетъ въ глубокомъ молчаніи, при чтеніи житій святыхъ на греческомъ языкѣ. Если вы не понимаете читаемаго, то посмотрите на монаховъ: теперь они всѣ вмѣстѣ. Ихъ человекъ тридцать,—большая часть ихъ греки; человекъ три русскихъ. И все это ветхіе, сѣдые старики: они ѣдятъ какъ-бы не хотя, какъ-бы жалѣя, что нельзя обойтись безъ этого. Ихъ взоры, тѣлодвиженія, приемы выражаютъ спокойствіе, смиреніе, послушаніе, безропотное, самоуглубленіе и дѣтскую простоту, а согнутый станъ свидѣлствуетъ о молитвенныхъ подвигахъ съ многочисленными поклонами. Всякій смотритъ внизъ и, кажется, не интересуется ничѣмъ постороннимъ. Особенно замѣчательна личность игумена, о. Иоасафа: столько доброты и симпатичной простоты въ его старческомъ, смугломъ, морщинистомъ лицѣ, въ интонаціи его голоса! Съ какою дѣтскою улыбкой говоритъ онъ, когда къ нему обращаются! Здѣсь онъ сидитъ во главѣ другихъ; но ему будто неловко, будто не его это мѣсто. Въ другомъ мѣстѣ, какъ и случалось часто,—ни по его виду, ни по одеждѣ, никто не сочтетъ его за начальника монастыря. Онъ смиреннѣе всѣхъ, а старая синяя грубой шерстяной матеріи ряса и войлочная камилавка такія же и у него, какъ и у всѣхъ, если не хуже еще. Я былъ и въ кельѣ его, состоящей изъ одной комнаты, какъ и у другихъ: рогожа на каменномъ ложѣ, да книги богослужебныя составляютъ все ея убранство. Всѣ кельи никогда не запираются. При выходѣ изъ столовой вы увидите монаха въ смиренной позѣ, низко нагнувшагося: это поварь проситъ извиненія въ томъ, что не могъ лучше приготовить кушанья.

Монахи св. Саввы содержатъ уставъ своего основателя во всей строгости; такъ какъ въ окрестностяхъ монастыря негдѣ быть рыбѣ,—то трапеза ихъ очень скудна. Монастырь св. Саввы общежительный, т. е. все содержаніе монахи получаютъ отъ Иерусалимской патріархіи, и въ замѣнъ этого

должны отдавать туда всё поклонническіе денежныя вклады, записываемыя въ книгу при именахъ для поминовенія. Только самыя незначительныя деньги добываютъ себѣ нѣкоторые изъ монаховъ своими руководьями. Не боясь бедуиновъ, знающихъ, что съ Саввинскаго монаха взять нечего, они отправляются весной на Иорданъ, для посвщенія остатковъ разрушенныхъ монастырей, и здѣсь срѣзываютъ вѣтви прибрежныхъ деревьевъ, берутъ гладкіе камни со дна рѣки. Вѣтви превращаются потомъ въ посохи, въ ложки, а камни въ солонки. Нѣкоторые вырѣзываютъ кресты изъ кипариса, въ родѣ нашихъ кievскихъ. Все это предлагается при посвщеніи поклонниковъ на нижней площадкѣ монастыря. И поклонники берутъ на память охотно эти дешевыя произведенія монашеской промышленности вмѣстѣ съ коленкорывыми платками съ изображеніями св. Саввы и его монастыря.

Въ настоящее время у монастыря есть и своя собственность, благодаря усиліямъ настоятеля и не вписаннымъ въ книгу поклонническимъ приношеніямъ: это виноградникъ близъ Вилеема, отъ котораго монастырь получаетъ вино для богослуженія.

Хотя монастырь и до сихъ поръ даетъ хлѣбъ приходившимъ бедуинамъ, но это скорѣе снисхожденіе и старыя обычаи, чѣмъ неоспоримое право и обязанность этихъ дикарей — ѣсть монастырскій хлѣбъ. Бедуины въ послѣднее время потеряли свою старинную славу грабительствующаго племени. Сначала Ибрагимъ-паша, а потомъ іерусалимскіе паши мало по малу вывели изъ моды ихъ грабежи — и мало объ нихъ слышно теперь.

Да, вездѣ проникаетъ гуманность и цивилизація. Вотъ даже въ такомъ дикомъ мѣстѣ, какъ Саввинскій монастырь, теперь безопасно и вы, усѣвшись довольно удобно на верхней террасѣ, можете выпить чаю. Это такъ пріятно въ весенній вечеръ, если вы придете сюда, на примѣръ, къ 25 марта — къ храмовому празднику монастыря. Здѣсь есть самоваръ со всѣмъ приборомъ, подаренный однимъ русскимъ богомольцемъ. Съ террасы открывается все ущелье до самаго дна. Небо синее такое надъ нимъ; рѣзкій крикъ скворцовъ разносится по ущелью; они очень смѣлы и садятся даже на

террасу: это монахи привадили ихъ кормомъ; мѣрные удары часоваго колокола, покой и тишина; возлѣ васъ на террасѣ монастырскій «вотъ поетъ, глаза прищуря» — смысленный звѣрь—онъ по удару въ доску съ своими товарищами идетъ къ обѣду и ужину. Все такой простотой и миромъ обхватываетъ васъ, что вы забываетесь и подъ вліяніемъ впечатлѣнія минуты увлекаетесь обаяніемъ монашеской жизни. Вамъ хочется пожить хоть нѣсколько времени этою жизнью, вы мечтаете даже о томъ, какъ хорошо бы цѣлый вѣкъ свой прожить для Бога и пользы душевной, — прогорѣть ровно и тихо безъ вспышекъ кроткимъ мерцаньемъ, какъ лампадка, зажженная передъ святой иконой.... Легко мечтать! А надо-го-ли достанетъ масла и свѣтильни, спрашиваешь самъ себя; и даромъ-ли, сразу-ли дается эта ровность духа, привычка къ труду, къ порядку, молитвѣ, забвеніе міра и безвозвратная отдача всего себя Богу? Можно ли поручиться, что не будешь глядѣть по сторонамъ, оглядываться назадъ? Нѣтъ! нѣтъ! Трудно жить и той жизнью, какой живутъ вотъ эти добрые старцы, которыхъ вы видѣли;—ни печи у нихъ въ зимній холодъ нѣтъ, ни бани, даже въ Іерусалимѣ они рѣдко ходятъ. А тутъ встаютъ еще передъ вами старинные образы исполнскихъ «гражданъ пустыни», св. Евѣимій, св. Савва, Дамаскинъ, Ксенофонтъ, Іоаннъ и Аркадій,—и ваша мечта летитъ прочь, какъ спугнутая птица, и вы, вздохнувши, скажете: да, приятно здѣсь усталому путнику отдохнуть зачаемъ! Но попробуйте посѣтить монастырь въ жаркій лѣтній день, когда пышетъ жаръ отъ камней изъ этого ущелья, точно изъ раскаленной печи, когда нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра, а вечеромъ и ночью ожесточенно нападаютъ на васъ тысячи летающихъ и прыгающихъ насѣкомыхъ, не дающихъ вамъ ни минуты заснуть,—и вы скажете тогда, что подвижъ и величайшій трудъ прожить и одинъ день въ Саввинскомъ монастырѣ. Да, не легко жить здѣсь.

И какая тяжелая, печальная лѣтопись у монастыря.

Быстроенная и здивеніемъ императора Іустиніана, подъ надзоромъ самого св. Саввы, эта обитель подвергалась многимъ перемѣнамъ и во внѣшнемъ видѣ и въ составѣ монашествующихъ; неразъ кровавыя катастрофы и полное запустѣніе постигли

ее. При нашествіи персидскаго царя Хозроя она была разрушена въ первый разъ и часть ея пустынножителей избита: это ихъ черепы сложены въ Николаевской церкви. Возстановленная императоромъ Иракліемъ,—обитель снова была разорена бедуинами въ 1104 году. Но все-таки пустынножители не покидали этого святаго мѣста до 1504 года, когда наводнецъ, вслѣдствіе нестерпимыхъ притѣсненій, должны были оставить ее. Брошенный монастырь возстановили—было Сербы и выстроили на горѣ для защиты отъ нападений башню, держались около 70 лѣтъ; но потомъ, въ свою очередь, должны были оставить. Патріархъ Досифей возобновилъ обитель еще разъ и склонилъ окрестныхъ бедуиновъ охранять ее. Послѣ этого она пользовалась миромъ до 1828 года, когда въ послѣдній разъ была ограблена бедуинами. Два послѣднихъ патріарха: Аванасій и теперешній Кириллъ не мало заботились о поддержаніи святой обители и благолѣпіи ея, и имъ-то, особенно первому, одолжена лавра большею частію зданій, существующихъ теперь.

Въ настоящее время, слава Богу, тихо; но кто скажетъ—на долго ли? Еще не такъ давно была дамаская рѣзня, а гдѣ въ Дамаскѣ—горожане, слѣдовательно—народъ по преимуществу мирный и торговый, понимающій всѣ выгоды общечестія и мира; а здѣсь кругомъ пустыня и дикіе бездомники. Слава Богу, читатель, что мы не живемъ въ Саввинскомъ монастырѣ.

Были, какъ и до сихъ поръ есть, души, сильныя съ юности, которыя не удовлетворяются тѣмъ порядкомъ, какой существуетъ въ мірѣ. Не видя въ немъ полного примѣненія святыхъ истинъ христіанства, онѣ глубоко оскорбляются легкою нравственностью и фальшею въ сношеніяхъ людей между собою. Постоянно терзаясь духомъ и не находя возможности примиренія глубоко понимаемаго ими ученія Евангельскаго съ существующимъ порядкомъ вещей, онѣ наконецъ разрываютъ всякую связь съ міромъ, бросаютъ все и идутъ въ стѣны святой обители, чтобы тамъ на свободѣ приблизиться къ указанному Господомъ совершенству: *будите совершенны, яко же и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.*

Есть другой разрядъ людей, неменѣе сильныхъ душею,

которые, отдаваясь міру, употребляютъ всё свои силы для достиженія извѣстной цѣли,—личной или общественной. Но иногда страшная неудача, а иногда и постоянная удача производятъ въ нихъ переломъ. И они обращаются всею душою къ забытому ими кругу идей. Богъ и служеніе Ему становятся у нихъ на первомъ мѣстѣ, дѣлаются насущною потребностью ихъ жизни. Они отдаются этому влеченію съ тою же горячностью, также всецѣло, какъ и души, съ юности горящія для Бога.

Есть еще люди, слабые характеромъ, или окончательно ослабѣвшіе подъ гнетомъ неудачъ и несчастій, оскорбленные въ самыхъ лучшихъ чувствахъ, до того, что ужъ не въ силахъ сами распоряжаться собою, встать и укрѣпиться. Не къ кому имъ прислониться, не у кого просить помощи. Въ такомъ состояніи отдаются они водительство Божію, покоряются чужой волѣ и не имъ установленному строгому порядку во всѣхъ мелочахъ вѣдѣній жизни. И святые стѣны обители не отвергають этихъ немощныхъ душъ, труждающихся и обремененныхъ, чтобы подчинить ихъ доброму и легкому бремени Христову.

Если вы, читатель, не принадлежите ни къ одному изъ перечисленныхъ классовъ, то для васъ будетъ и въ мірѣ и мѣсто и занятіе. Нѣтъ ничего хуже, какъ подъ вліяніемъ раздраженія «плѣнной мысли» дѣлать необдуманно рѣшительный шагъ и становиться въ разрѣзъ со всею прежней жизнью: не всё вмѣщаютъ законъ христіанскаго совершенства, а только тѣ, кому это дано.

И. К.

ее. При нашествіи персидскаго царя Хозроя она была разрушена въ первый разъ и часть ея пустынножителей избита: это ихъ черепы сложены въ Николаевской церкви. Возстановленная императоромъ Иракліемъ, — обитель снова была разворена бедуинами въ 1104 году. Но все-таки пустынножители не покидали этого святаго мѣста до 1504 года, когда наконецъ, вслѣдствіе нестерпимыхъ притѣсненій, должны были оставить ее. Брошенный монастырь возстановили — было Сербы и выстроили на горѣ для защиты отъ нападеній башню, держались около 70 лѣтъ; но потомъ, въ свою очередь, должны были оставить. Патріархъ Досифей возобновилъ обитель еще разъ и склонилъ окрестныхъ бедуиновъ охранять ее. Послѣ этого она пользовалась миромъ до 1828 года, когда въ послѣдній разъ была ограблена бедуинами. Два послѣднихъ патріарха: Аванасій и теперешній Кирилль не мало заботились о поддержаніи святой обители и благолѣшіи ея, и имъ-то, особенно первому, одолжена лавра большею частію зданій, существующихъ теперь.

Въ настоящее время, слава Богу, тихо; но кто скажетъ — на долго ли? Еще не такъ давно была дамасская рѣзня, а къдѣ въ Дамаскѣ — горожане, слѣдовательно — народъ по преимуществу мирный и торговый, понимающій всѣ выгоды общечитія и мира; а здѣсь кругомъ пустыня и дикіе бездомники. Слава Богу, читатель, что мы не живемъ въ Саввинскомъ монастырѣ.

Были, какъ и до сихъ поръ есть, души, сильныя съ юности, которыя не удовлетворяются тѣмъ порядкомъ, какой существуетъ въ мірѣ. Не видя въ немъ полного примѣненія святыхъ истинъ христіанства, онѣ глубоко оскорбляются легкою нравственностью и фальшею въ сношеніяхъ людей между собою. Постоянно терзаясь духомъ и не находя возможности примиренія глубоко понимаемаго ими ученія Евангельскаго съ существующимъ порядкомъ вещей, онѣ наконецъ разрываютъ всякую связь съ міромъ, бросаютъ все и идутъ въ стѣны святой обители, чтобы тамъ на свободѣ приближаться къ указанному Господомъ совершенству: *будьте совершенны, яко же и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.*

Есть другой разрядъ людей, неменѣе сильныхъ душею,

которые, отдаваясь міру, употребляют всѣ свои силы для достиженія известной цѣли,—личной или общественной. Но иногда страшная неудача, а иногда и постоянная удача производятъ въ нихъ переломъ. И они обращаются всею душою къ забытому ими кругу идей. Богъ и служеніе Ему становятся у нихъ на первомъ мѣстѣ, дѣлаются насущною потребностью ихъ жизни. Они отдаются этому влеченію съ тою же горячностью, также всецѣло, какъ и души, съ юности горящія для Бога.

Есть еще люди, слабые характеромъ, или окончательно ослабѣвшіе подъ гнетомъ неудачъ и несчастій, оскорбленные въ самыхъ лучшихъ чувствахъ, до того, что ужъ не въ силахъ сами распоряжаться собою, встать и укрѣпиться. Не къ кому имъ прислониться, не у кого просить помощи. Въ такомъ состояніи отдаются они водительство Божию, покоряются чужой волѣ и не имъ установленному строгому порядку во всѣхъ мелочахъ вѣдшей жизни. И святые стѣны обители не отвергають этихъ немощныхъ душъ, туждающихся и обремененныхъ, чтобы подчинить ихъ доброму игу и легкому бремену Христову.

Если вы, читатель, не принадлежите ни къ одному изъ перечисленныхъ классовъ, то для васъ будетъ и въ мірѣ и мѣсто и занятіе. Нѣтъ ничего хуже, какъ подъ вліяніемъ раздраженія «плѣвнкой мысли» дѣлать необдуманно рѣшительный шагъ и становиться въ разрѣзъ со всею прежнею жизнью: не всѣ вымѣщаютъ законъ христіанскаго совершенства, а только тѣ, кому это дано.

И. К.

ДОЛГЪ КАЖДАГО ЗАБОТИТЬСЯ О БЛАГѢ ОБЩЕМЪ.

Не своихъ си кѣждо, но и дружныхъ кѣждо смотрите. Филипп. гл. 2, ст. 4.

Всѣ мы обязаны по своимъ силамъ и возможности содѣйствовать пользамъ ближнихъ, пользамъ того общества, къ которому принадлежимъ. Апостолъ повелѣваетъ заботиться не о себѣ только, но и о другихъ: *же своихъ си кѣждо, но и дружныхъ кѣждо смотрите*, говоритъ онъ, то есть, не о своей только пользѣ заботьтесь, но пейтесь и о пользѣ и выгодахъ другихъ—ближнихъ. «Какъ могу я быть полезенъ другимъ, или служить отечеству или обществу, скажетъ кто нибудь, когда не имѣю никакой власти надъ другими, и живу въ безвѣстности? Когда я малозначительный, или совсѣмъ ничтожный членъ въ обществѣ? Когда мое ремесло, или рукодѣлье такъ скудно, что едва-едва могу пропитывать себя съ семействомъ? Когда я самъ нахожусь у другихъ въ услугахъ, и въ такой зависимости, изъ которой не въ силахъ я выступить ни на одинъ шагъ? Итакъ могу ли я не только служить общему благу, но даже помыслить объ этомъ высокомъ и святомъ дѣлѣ?»

Это недоумѣніе неосновательно. Каждый изъ насъ можетъ и долженъ содѣйствовать общему благу.

Общее благо заключаетъ въ себѣ благо всѣхъ и каждого члена общества, оно проистекаетъ изъ нераздѣльнаго и взаимнаго соединенія всѣхъ *частныхъ* усилій и трудовъ, которые употребляетъ *каждый* по своему состоянію и званію, и по своимъ способностямъ и силамъ. Никто самъ по себѣ и своими только силами не можетъ поддержать силу и уваженіе

законовъ, порядковъ, тишины, безопасности и благополучіе цѣлаго общества. Но если каждый *се* *частности* покоряется законамъ и строго соблюдаетъ ихъ, тогда и законы состоятъ во всеобщемъ, цѣломъ и совершенномъ уваженіи и силѣ. Если каждый безъ исключенія повинуется предначертаніямъ порядка и предрѣшающей власти, то и въ цѣломъ обществѣ водворяется и господствуетъ благоустройство и порядокъ. Если каждый съ ближними и отдаленными и со всеми вообще людьми живетъ мирно и согласно, то и общественный миръ и спокойствіе повсюду процвѣтаетъ. Если каждый исполняетъ возложенныя на него обязанности со всею тщаніемъ и по чинотой совѣсти, то и въ цѣломъ должно простоять отсюда удивительное устройство и благочynie, прочное, надежное и всеобщее спокойствіе. Въ этомъ отношеніи общество подобно тѣлу человѣческому. Тѣло состоитъ изъ весьма многихъ, великихъ и малыхъ, важныхъ и незначительныхъ частей. Каждая часть занимаетъ свое мѣсто, *ей* опредѣленное, имѣетъ свои силы, *ей* только свойственныя, *свои* особенныя занятія и дѣйствія. Ничкая часть не можетъ перемѣнить своего мѣста, не повредить цѣлому, или обратить свои силы къ противнымъ цѣлямъ, или, оставивъ свои дѣйствія, вѣшаться въ обязанности и дѣйствія другой части. Ничкая часть о всемъ *цѣломъ*, но каждая только о *себѣ* можетъ имѣть попеченіе; однакожъ, по причинѣ тѣснаго соединенія въ которомъ находятся всѣ части совокупно, каждая часть по своей силѣ и дѣйствию, — та болѣе, а другая менѣе, — но непремѣнно содѣйствуетъ сохраненію, порядку и красотѣ цѣлаго. Малѣйшая изъ частей въ этомъ отношеніи столь же необходима и важна, сколько главнѣйшая предъ прочими, хотя первая по своему качеству и положенію не оказываетъ и не можетъ оказывать столь многихъ и значительныхъ заслугъ, сколько послѣдняя. Точно такъ бываетъ и съ обществомъ человѣческимъ. Оно состоитъ изъ многихъ членовъ, сильныхъ и слабыхъ, высокихъ и низкихъ, богатыхъ и убогихъ, знаменитыхъ и вовсе неизвѣстныхъ, которые однако всѣ имѣютъ свое особенное назначеніе, свои особенныя способности, склонности, занятія и дѣйствія, — и надлежащее, правильное и благоразумное употребленіе всѣхъ многообраз-

ныхъ и различныхъ способностей, наклонностей и дѣйствій въ совокупности производить то, что мы называемъ *общественнымъ благодѣяніемъ*. Итакъ, каждый старайся исполнять свое собственное назначеніе;—и тогда можешь быть увѣренъ, что чрезъ это содѣйствуешь вмѣстѣ и благу общему. Поселянинъ! Владѣйвай свое поле, и извлекай изъ земли столько обилія, сколько можешь извлечь неутомимый трудъ. Бунецъ и торговецъ,—это обиліе, а ремесленникъ и художникъ—дѣло рукъ своихъ обращай къ общепользаному употребленію. Отецъ и мать да внушаютъ дѣтямъ своимъ первыя понятія и чувствованія о вѣрѣ и обязанности къ Богу и ближнему, — о добродѣтели и виновности. Государь и властямъ. Наставники! Раскрывайте болѣе и болѣе эти спасительныя понятія, и умножайте эти благочестивыя чувствованія въ дѣтяхъ своими общественными и частными наставленіями. Ученый! Искореняй въ еднѣхъ предрасудки и заблужденія людей. Неученый пользуйся тѣмъ свѣтомъ, который возжигаетъ тебѣ просвѣщенный. Начальство исполняй обязанности своего званія съ усердіемъ и ревностью, а подчиненные да облегчаютъ тяжелое бремя начальства должнымъ ему повиновеніемъ и благопокорностію. Пастырь проповѣдуй слово Божіе, а словесныя омы да слушаютъ гласа его и послѣдуютъ ему. Бѣдный трудись по силамъ, а богатый обращай избытки свои на благотвореніе ближнему. Судія да судить судъ праведно и безъ всякаго лицепріятія, памятуя всегда, что онъ творить судъ Господень. Верховное правительство да бодрствуетъ неуспшно о безопасности, порядкѣ и спокойствіи общественномъ. Такимъ образомъ каждый исполнить свое назначеніе. Но изъ всѣхъ столь многообразныхъ и различныхъ дѣйствій каждаго члена по своему состоянію и званію естественно произтекаетъ и должно произтекать и сохраненіе, и благоустройство, и благополучіе цѣлаго общества.

Далѣе, можно содѣйствовать общему благу или *прямо*, или *посредствующимъ образомъ*. Первое бываетъ чрезъ такія дѣйствія, которыя имѣютъ непосредственное, ближайшее, особенное и главное вліяніе на благосостояніе цѣлаго общества; а послѣднее тогда происходитъ, когда тѣхъ мужей, которые производятъ общепользныя дѣла и блистательныя заслуги для

отечества, мы стараемся поддерживать различными съ нашей стороны пособіями и содѣйствіемъ, а чрезъ то и бремя ихъ подвиговъ облегчаемъ, и удаляемъ затрудненія, которыя могли бы препятствовать имъ къ достиженію общаго блага. Первое могутъ дѣлать очень немногіе, а послѣдніе, т. е., содѣйствовать общепользительнымъ предпріятіямъ другихъ, могутъ и должны дѣлать всѣ безъ исключенія. Объяснимъ это примѣромъ. Когда царь или вообще верховный начальникъ народа лично храбростью и мужествомъ обученныхъ имъ воиновъ защищаетъ свою страну, удерживаетъ непріятеля отъ вторженія въ ея предѣлы, и чрезъ то предотвращаетъ всѣ бѣдствія кровопролитной и опустошительной войны; то онъ непосредственно и притомъ въ высокой степени способствуетъ благоденствію цѣлаго отечества. Но воинство, исполняющее повелѣнія своего вождя, гражданинъ и поселянинъ, которые, платя дани владѣтелю страны, чрезъ то приводятъ его въ состояніе поддерживать войско и вести брань, ремесленникъ и художникъ, приготовляющіе одежды и оружіе воинству, и наконецъ каждый христіанинъ, подобно Моусею, воздѣвающій руки свои къ небу и испрашивающій у крѣпкаго во браняхъ Господа побѣду и одолѣніе на враговъ,— не содѣйствуютъ ли всѣ они общему благу также вѣрно, какъ и владѣтель страны, пользующійся соединенными силами своихъ подчиненныхъ и употребляющій ихъ къ исполненію своихъ благодѣтельныхъ для отечества предпріятій и плановъ?

Такимъ образомъ, всякому можно и должно, сохраняя свое собственное благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать и общему благу. Но что дѣлать, когда частное благо нельзя согласить съ общественнымъ, когда то и другое приходится въ столкновеніе и борьбу между собою? Въ такомъ случаѣ должно пожертвовать своими частными выгодами благосостоянію общественному; потому что общее благо несравненно драгоцѣннѣе и выше всякаго блага частнаго. Въ общественномъ благосостояніи заключается благополучіе всѣхъ и каждаго, точно такъ, какъ части и содержатся, и сохраняются, и получаютъ свою красоту и совершенство въ цѣломъ. А потому ничего не должны мы щадить для отечества—ни силъ, ни дарованій и познаній, ни достоянія сво-

его, ни спокойствія, ни здоровья, ни самой жизни нашей, даже до послѣдней капли крови.

И къ такому-то высокому самопожертвованію обязываютъ насъ и естественный здравый разумъ и вѣра Богооткровенная. Разумъ внушаетъ намъ, что мы и получаемъ жизнь и сохраняемъ ее не сами собою и не для себя однихъ, но чрезъ другихъ и для другихъ,—что мы большее благо всегда должны предпочитать меньшему; что мы отечеству обязаны всѣмъ—и безопасностью, и радостями тишины и спокойствія, и раскрытіемъ нашихъ силъ и способностей, и просвѣщеніемъ, и приобрѣтеніемъ всякихъ благъ вещественныхъ и духовныхъ. А потому съ нашей стороны нѣтъ жертвы, которую мы бы не могли и не должны принести отечеству! А этотъ высокій подвигъ, что мы ничего не пощадили для спасенія другихъ,—это благородное сознаніе, что мы съ радостью готовы положить душу свою за отечество, не возносить ли насъ даже въ брennemъ составѣ нашемъ какъ бы превыше всего земнаго? А утѣшеніе совѣсти нашей, что кровію нашею спасено отечество, не далеко ли превышаетъ всякую потерю и всякую жертву нашу для отечества?—Теперь послушаемъ голоса Откровенія Божія. Святое Евангеліе говоритъ, что истинные послѣдователи Христовы не другимъ чѣмъ отличаются отъ прочихъ людей, какъ общепользными, безкорыстными, благотворными и высокими мыслями, чувствованіями, предпріятіями и дѣйствіями, и что нѣтъ *больше любви сая, да аще кто положитъ душу свою за други своя.* Въ этомъ случаѣ оно указываетъ намъ на примѣръ Спасителя нашего, Который насъ ради оставилъ небо и претерпѣлъ на землѣ крайнюю бѣдность, поношеніе, страданія, крестъ и смерть, и Который чрезъ это намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. И наконецъ, всѣмъ, которые, подобно Ему, отвергаются себя самихъ и полагаютъ жизнь за братій своихъ, Онъ непреложно обѣщаетъ преславныя награды въ будущей жизни. Какія сильныя побужденія къ исполненію апостольскаго увѣщанія: *не своихъ си кійждо, но и ближняго кійждо смотрите!*

Такимъ образомъ, во 1-хъ, никто не пренебрегай тѣмъ

состояніемъ, или званіемъ, въ которое онъ призванъ. Ибо во всякомъ званіи можно и должно служить общественному благу. Поселянинъ, влекущій рало свое на селѣ и въ потѣ лица своего воздѣлывающій землю, есть также необходимый членъ въ обществѣ, какъ и государственный мужъ. Въ составѣ гражданскаго тѣла иногда тѣ члены, которые кажутся слабѣйшими, бываютъ гораздо полезнѣе прочихъ.—И тотъ, кто исполняетъ обязанности своего званія со всею вѣрностью и усердіемъ, есть безъ сомнѣнія и полезнѣйшій членъ общества и достоинъ всякаго уваженія. Во 2-хъ, никто не выходитъ изъ границъ своего званія, а *въ которое кто призванъ, въ томъ и пребывай*; по слову Апостола. Подчиненные! Не беритесь быть законодателями или судіями, а только *воздавайте всьмъ должная: ему же убо урокъ, урокъ; а ему же дань, дань; а ему же страхъ, страхъ; а ему же честь, честь*. Ибо вы не призваны быть судіями, а ваше дѣло — повиноваться законамъ и выполнять то, что предписываетъ вамъ начальство, отъ Бога поставленное. Отцы и матери! Не заботьтесь о томъ, что происходитъ въ государствѣ или въ цѣломъ свѣтѣ, а болѣе всего помышляйте о томъ, что происходитъ въ вашихъ семействахъ и въ вашихъ домахъ. Воспитывайте дѣтей своихъ въ страхѣ и наказаніи Господнемъ. Вотъ ваше главное и важнѣйшее занятіе, которымъ можете много принести пользы отечеству. Начальники и судіи! Отъ вашего служенія преимущественно зависитъ порядокъ или разстройство, вредъ или благосостояніе общества, надъ которымъ вы поставлены. Итакъ будьте строгими и неусыпными блюстителями порядка общественнаго, и судите сиру и убогу въ правдѣ. Ибо *правда возвышаетъ языкъ и ограждаетъ престолъ царевъ*, говоритъ Соломонъ. Словомъ, занимайся каждый своимъ дѣломъ—въ обществѣ, подобно тому, какъ въ тѣлѣ человѣческомъ каждый членъ исполняетъ свое дѣло:—тогда и порядокъ и спокойствіе общества сохранится и утвердится на вѣки.

Въ 3-хъ, не забудемъ и того, что не въ высотности занимаемаго нами мѣста заключается преимущественная польза отечеству или обществу, а въ усердномъ, ревностномъ, обще-

полезномъ, безкорыстномъ и вѣрномъ прохожденіи своего званія, въ чистотѣ намѣреній и побужденій нашихъ, въ искреннемъ расположеніи и нелицемѣрномъ братолюбіи къ ближнимъ, въ исканіи славы не человѣческой, а единственно—Божіей; въ исполненіи долга должно состоять наше счастье, въ непорочной и свѣтлой совѣсти — наша награда, за которую послѣдуетъ другая, еще высшая,—награда, когда явимся на судъ дать отчетъ Домовладыгѣ вселенной о при ставленіи нашемъ домовнемъ. Всѣ наши труды, всѣ наши жертвы покажутся намъ ничтожными, когда удостоимся услышать этотъ вождельннѣйшій гласъ отъ Господа: *благій рабе и вѣрный! О малъ былъ еси въренъ; надъ многими ты поставлю: вниди въ радость Господа твоего.*

Петръ Сладкопѣвцовъ.

СОВѢТЫ МОЛОДОМУ СВЯЩЕННИКУ.

(Продолженіе).

ТЕЧЕНІЕ СМЕРТНОСТИ ВЪ ДВАДЦАТИЛѢТНІЙ ПЕРІОДЪ.

Можетъ ли человѣкъ добровольно сокращать теченіе своей жизни? Вопросъ странный, и однакожъ не только не лишній, но и почти необходимый. Мы не говоримъ о самоубійствѣ, которое есть явленіе исключительное, болѣзненное, противоестественное, но о добровольномъ, незамѣтномъ сокращеніи жизни. Съ этой стороны, при рѣшеніи вопроса, можно придти къ результатамъ, вовсе неожиданнымъ. Думаютъ-ли отрокъ, юноша и мужъ, что они сами у себя усѣбаютъ слѣдующіе возрасты жизни, когда начинаютъ вести себя глупо и безнравственно? Несомнѣнно вѣрно, что чѣмъ болѣе въ данной мѣстности разврата, тѣмъ болѣе и насильственнаго сокращенія жизни. Слѣпая отвага на явныя опасности хотя не принадлежитъ къ категоріи разврата, однако и она также подаетъ

случаи къ сокращенію жизни. Неосторожность и невнимательность къ опытамъ болѣзней, неумѣнье беречь свое здоровье производить тоже, что отвага на явныя опасности. Слѣдовательно чѣмъ болѣе такихъ нравственныхъ недостатковъ въ народѣ, тѣмъ болѣе случается сокращенія жизни. Ежели возможно для человѣка сокращеніе жизни собственной, то возможно и сокращеніе чужой, не-собственной. Такъ, глупая нянька доводитъ до смерти своего воспитанника или воспитанницу, безчеловѣчнымъ съ ними обращеніемъ; такъ дикая повивальная бабка убиваетъ бѣдную родильницу, разными безчеловѣчными при родахъ приемами, восходящими иногда до насильственнаго вырванія изъ чрева ея младенческаго мѣста, а колдунъ или знахарь убиваетъ пациента ядовитыми веществами, о силѣ коихъ не имѣетъ понятія. Подобнымъ образомъ клеветникъ и лжесвидѣтель сокращаютъ жизнь невиннаго, выдуманными на него преступленіями; а проповѣдникъ разврата или расколоучитель разстраиваютъ и сокращаютъ жизнь своихъ слушателей! Конечно, чѣмъ болѣе въ данной мѣстности такихъ дѣятелей, тѣмъ болѣе сокращенія жизни. Можно сокращать чужую жизнь цѣлыми возрастами. Такъ, одновременно умираетъ отроческій возрастъ на фабрикахъ съ опасными производствами; или въ мастерскихъ заведеніяхъ, при отягощеніи его рабочимъ временемъ, болѣе 12 часовъ въ сутки. А разумѣется, чѣмъ болѣе фабрикъ и заводовъ, основанныхъ на такихъ началахъ, тѣмъ болѣе сокращенія жизни. Мы видѣли въ метрическихъ книгахъ факты, говорящіе о томъ, что по нѣкоторымъ мѣстностямъ, юношества умираетъ болѣе, нежели отрочества, а въ другихъ, мужественнаго возраста умираетъ болѣе, нежели старческаго; такая торопливость къ смерти одного возраста предъ другимъ составляетъ явленіе, вполне стоящее вниманія.

Но если человѣкъ можетъ сокращать теченіе чужой или собственной жизни, то можетъ и удлинять его до естественнаго предѣла: удаленіемъ отъ опасностей, изученіемъ самого себя и собственныхъ своихъ силъ, укрощеніемъ страстей, ограниченіемъ прихотей и желаній, устройствомъ своей жизни, по своимъ силамъ и способамъ, великодушіемъ и терпѣніемъ въ скорбяхъ, болѣе же всего миромъ и любовію съ

ближними. Слѣдуетъ только развивать въ другихъ подобныя качества, чтобы содѣйствовать удлинению ихъ жизни. Родъ человѣческой раздѣляется на полъ мужскій и женскій и потому познаніе своего пола составляетъ тоже важную статью въ познаніи самого себя.

Ежели жизнь способна и къ удлинению и къ сокращению, то рождаются вопросы: болѣе ли мы содѣйствуемъ удлинению, или болѣе—сокращению жизни? Всегда ли удлиняется жизнь, когда есть къ тому возможность, или удлинение ея предоставляется болѣе свободѣ, а сокращение болѣе—силѣ и дѣйствию обстоятельствъ? Какъ надобно настраивать общество, чтобы въ немъ болѣе было началъ долгожизненности и менѣе началъ кратковѣчности? На сколько возможно устройство и на сколько возможно разстройство жизни?

Къ разъясненію такихъ вопросовъ представляемъ таблицу по четыремъ приходамъ, безъ выбора (по восницкому, голинскому, менюшскому и медвѣдскому, за двадцатилѣтіе), съ расположеніемъ умершихъ по лѣтамъ ихъ жизни, значущимся въ метрическихъ книгахъ. Говорить за жизнь мы не должны и не можемъ: пусть жизнь говоритъ сама за себя; слова жизни болѣе дѣйствительны; за вѣрность лѣтъ по табели отвѣчаютъ метрическія книги; съ своей стороны ручаюсь только за добросовѣстность въ группированіи чиселъ по табели.

Итакъ изъ числа 8026 лицъ, умершихъ по четыремъ приходамъ въ теченіе двадцатилѣтія, на первомъ году отъ рожденія умерло 3615 лицъ. Въ такой массѣ умирали дѣти разныхъ періодовъ времени: дневные, кои прожили отъ одного до семи дней, недѣльные, кои прожили отъ одной до четырехъ недѣль, и мѣсячные, кои прожили отъ одного до двѣнадцати мѣсяцевъ. Такая младенческая смертность почти не походитъ на смертность общечеловѣческую, ни по роду ни по теченію болѣзней, ни по образу младенческой жизни, и потому надобно описать особенно смертность каждаго такого періода.

Дневныхъ младенцевъ умерло около десятой части цѣлой годичной младенческой смертности. Въ семейномъ народномъ кругу, должно быть, много началъ такой смертности, когда такъ много умирающихъ. Выставимъ эти начала, чтобы всякій

добросовѣстный человѣкъ видѣлъ, какъ легко было бы спасти отъ смерти или уменьшать смертность въ семь періодѣ младенчества! Смертность дневныхъ младенцевъ возникаетъ: а) отъ родовъ, выдерживаемыхъ матерями въ зимнее время, въ холодныхъ помѣщеніяхъ, напримѣръ, хлѣвахъ, нетопленныхъ баняхъ и т. д. или и въ самыхъ жилыхъ домахъ, но тѣсныхъ, сырыхъ и холодныхъ. Уменьшить роды въ холодныхъ помѣщеніяхъ (напримѣръ, приготовленіемъ на такой случай теплыхъ бань, устройствомъ теплыхъ родильныхъ домовъ и т. д.) значило бы сократить смертность младенцевъ и самихъ родильницъ; б) отъ трудныхъ переворотовъ рождающагося еще въ утробѣ матери, рукою акушера или повивальной бабки, чтобы дать ему положеніе къ выходу самое благоприятное. Здѣсь, чѣмъ труднѣе переворотъ младенца, тѣмъ болѣе для него потрясеній и опасностей. Перевороты младенца, по разнымъ случаямъ, неизбежны и необходимы; но къ необходимымъ невѣжество бабокъ придаетъ часто мнѣние, для показанія умѣнья и услужливости предъ отцемъ младенца. Наблюдать за бабками и, по временамъ, прочитывать имъ правила повивальнаго искусства, — значило бы дѣйствовать къ уменьшенію смертности дневныхъ младенцевъ; в) отъ переноса новорожденныхъ, сряду послѣ родовъ, въ жарко натопленную баню, съ пареніемъ ихъ вѣнникомъ, и отъ переноса ихъ, сряду послѣ бани, въ церковь, для крещенія, не смотря ни на какую погоду. Уменьшить такіе приемы съ новорожденными значило бы содѣйствовать продолженію ихъ жизни и безопасности; г) отъ кровотеченій изъ пупка, когда онъ перевязывается слишкомъ тонкою нитью, перебѣдающею его рано-временно, или когда перевязывается и благонадежнымъ шнуромъ, но слабо, такъ что всякое напряженіе младенца, крикомъ или воплемъ, возбуждаетъ изъ него кровотеченіе. Повѣрять и поправлять такую перевязку значить дѣйствовать ко благу и къ безопасности новорожденныхъ; д) отъ обморока или паралича новорожденныхъ, когда они безъ всякихъ средствъ къ пробужденію, по приговору бабки, прямо относятся на кладбище. При употребленіи средствъ, предлагаемыхъ на такой случай медициною, этотъ разрядъ смертности значительно сократился бы самъ собою; е) отъ крайней болѣзнен-

ности матерей, измученныхъ родами, когда онѣ не могутъ имѣть ни какаго попеченія о новорожденныхъ, или не могутъ кормить ихъ грудью, отъ такъ называемаго разлитія молока по другимъ членамъ тѣла, мимо законныхъ сосудовъ; ж) отъ неловкости молодыхъ матерей въ приученіи новорожденныхъ къ сосанію груди.

Недѣльныхъ (отъ одной до четырехъ недѣль) младенцевъ умерло около осьмой доли цѣлой смертности. Ежели дѣти падаютъ когда нибудь жертвами воспитанія, то особенно въ этотъ періодъ. Натура извела младенца изъ утробы матери для того, чтобы дать ему самостоятельность въ собственномъ его пицевареніи, въ собственномъ его дыханіи, въ собственномъ его кровообращеніи и въ собственномъ движеніи его членовъ. Но въ это-то самое время, къ разрушенію спасительныхъ намѣреній природы, и является пеленаніе, состоящее въ томъ, чтобы вязать его днемъ и ночью, какъ можно крѣпче, чтобы онъ не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ. Натура не назначала младенцу пеленанія,—никакое новорожденное животное не пеленается. Ежели при нѣкоторыхъ случаяхъ пеленаніе младенцу необходимо, напримѣръ, при искривленіи становой кости, или при искривленіи ручки, либо ножки, или пеленаніе, когда младенецъ рождается безъ кожи, или съ такою кожей, которая на многихъ членахъ, изъязвлена; то по такимъ частностямъ, не слѣдовало дѣлать пеленанія необходимою принадлежностью всѣхъ и всегдаго,—это не естественно. Что можно воспитать младенца безъ пеленанія, это вещь безспорная; что есть матери, маломалѣи своихъ дѣтей для по два или по три—не болѣе,—на это есть опыты вѣрные. Но чтобы пеленать младенца здороваго, чтобы пеленать его въ теченіе всего перваго младенческаго года, чтобы вязать его днемъ и ночью: это есть чистое насиліе природы. Рѣдко случается, чтобы младенецъ ночью не расчленился самъ собой; но всякій знаетъ, какъ опасно, чтобы онъ не задался путями свиньятника. Ничто не даетъ русскому народу столько уродливостей, горбатости, кривизны и неправильности стана, или частныхъ сочлененій, какъ пеленаніе; и иногда пеленаніе не достигаетъ до такого безчеловѣчія, какъ въ рукахъ малолѣтнихъ женщинъ. Безумному пелена-

нiю младенца соответствует порочное его питанiе рожками и сосками. При всей такой общей, на цѣлый годъ, неестественности воспитанiя, лѣтомъ и зимою возникаютъ еще новыя опасности. Лѣтомъ младенецъ умраеть, ежели не отъ упомянутыхъ причинъ, то отъ тучъ насѣкомыхъ всякаго рода, по причинѣ неопытности и ежедневнаго топлениа печи; зимою онъ умраеть отъ нестерпимой въ домѣ стужи во время топки печи, когда отворяются въ домѣ дверь и окна, для удаленiя изъ избы дыму. Изъ младенческихъ болѣзней сего времени надобно упомянуть о молочницѣ, которая въ два упомянутыя времени года повторяется иногда до четырехъ разъ у одного и того же младенца и оканчивается, по большей части, гангреною. Тяжеба для дѣтей бываетъ также и желтуха, особенно когда постигаетъ младенца вмѣстѣ съ молочницею.

Движенiе смертности помѣсячной огромнѣе двухъ родовъ предыдущихъ и стоить особаго описанiя.

1. Въ два мѣсяца отъ родовъ, смертность, изъ всего перваго младенческаго года, дѣлается наибольшею, — вѣроятно, отъ пресѣченiя жизни во внутренностяхъ груди и въ кровеносныхъ сосудахъ младенца неестественнымъ пеленанiемъ, или отъ пресѣченiя жизни въ области живота неестественнымъ питанiемъ посредствомъ рожковъ и сосокъ.

Въ три мѣсяца отъ родовъ, смертность, противъ двухмѣсячной, значительно понижается, съ продолженiемъ таковаго же пониженiя на мѣсяцы четвертый и пятый; но въ шесть или около шести мѣсяцевъ она опять поднимается до того, что въ одинъ мѣсяць дѣтей умираеть болѣе, нежели въ три предыдущiе. Въ это время, младенецъ приучается къ сидѣнiю, — и приучается всегда на полу, для предохраненiя его отъ паденiя. Приученiе къ сидѣнiю на полу, въ холодное время, подвергаетъ его опасности отъ простудныхъ болѣзней всякаго рода, въ слѣдъ воздуха самомъ холодномъ. Уменьшить такую смертность младенчества въ сельскомъ народонаселенiи отдаванiемъ дѣтей, въ этомъ периодѣ ихъ, на дневное время, въ сборные дома, самые теплыя и удобныя — значило бы только увеличить общее семейное благосостоянiе; но такого распоряд-

женія, въ сельскихъ обществахъ, до сихъ поръ нигдѣ не видно.

Въ мѣсяцы, седьмой и восьмой смертность, противъ шестимѣсячной, въ другой разъ понижается, но въ десятый, или около того времени, опять повышается гораздо болѣе противъ шестимѣсячной, отъ вріученія дѣтей къ стоянію на ножкахъ и передвижкѣ съ одного мѣста на другое, особенно же отъ прорѣзки въ то же время зубовъ.

Въ одиннадцатъ мѣсяцевъ, смертность за весь первый младенческій годъ дѣлается наименьшею; но въ двѣнадцать, или около того времени, еще разъ, сильно повышается, вѣроятно, отъ перемѣнъ въ дѣтской жизни, по вріученію дѣтей къ дѣтѣ ординарной, или общечеловѣческой, съ отлучкою ихъ отъ матернихъ грудей, отъ рожковъ и сосокъ, отъ пеленанія и качанія.

На второмъ году, младенчества умерло четыреста тридцать три младенца, или почти въ восемь разъ менѣе, чѣмъ на первомъ. Это знакъ, что въ младенцѣ прибыло болѣе самостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, теперь не будетъ у него ни желтухи, ни молочницы; теперь не будутъ ни давить его пеленаніемъ, ни потрясать его качаніемъ. Теперь и зубы его прорѣзались; правда, онъ еще не совсѣмъ вступилъ въ права лица самостоятельнаго: ему предлежитъ еще много опасностей, отъ ознакомленія съ новымъ стихіямъ и съ новымъ образомъ жизни; ему много предлежитъ трудностей въ борьбѣ съ повальными болѣзнями; но противъ всѣхъ такихъ трудностей у него гораздо болѣе силъ и средствъ, нежели прежде.

На третьемъ году умерло 187 младенцевъ. Ежели на второмъ году умерло 433, а на третьемъ 187, то значитъ, въ народонаселеніи, за этотъ годъ, сохранилось 264 младенца. Третьегодному младенцу слѣдовало бы переходить подъ воспитаніе народное, состоящее въ наблюденіи за общественными играми дѣтей, съ охраненіемъ ихъ отъ дурныхъ примѣровъ и отъ опасностей; но какъ такое воспитаніе у насъ еще не начиналось, то и не удивительно, ежели смертность третьегоднихъ дѣтей все еще значительно высока, противъ смертности въ послѣдующіе годы.

На четвертомъ году, младенчества умерло сто сорокъ пять лицъ; слѣдовательно въ народонаселеніи, противъ третьяго года, сохранилось тридцать два младенца. Ежели смертность годъ отъ года уменьшается, то и болѣзненность дѣтей, годъ отъ года, становится менѣе. Теперь младенецъ окончательно переходитъ въ общество дѣтей, изъ котораго можетъ вносить въ семейный кровъ и болѣзненность и смертность. Ежели вы не можете сполна приготовить его къ общественной жизни такъ, чтобы онъ почерпалъ въ ней одно только благосостояніе, а не болѣзни: то сдѣлайте для него только то, что можете. Не отличайте его отъ другихъ дѣтей никакою изысканною одеждою: пусть онъ не знаетъ, что онъ другихъ лучше; пусть идетъ въ свое общество въ одеждѣ одинаковой со всѣми; иначе, онъ станеть спѣсивиться и вмѣсто друзей наживетъ себѣ непріятелей. Не намащайте его ни духами, ни помадами: всѣ такія излишества вредны для кожи и причають его къ прихотямъ. Внушите младенцу, чтобы онъ удалялся всякихъ больныхъ своихъ сверстниковъ. Внушайте младенцу уваженіе и почтеніе къ старшимъ, любовь и услужливость къ равнымъ. Не возбуждайте въ младенцѣ излишняго любопытства, ежели собственное его любопытство выше его возраста: ему полезнѣе въ это время бѣгать, скакать и прыгать, чѣмъ стараться быть умникомъ. Ежели младенецъ учится въ это время болѣе глазами, то удаляйте его и отъ всякихъ непристойныхъ сценъ.

На пятомъ году умерло семьдесятъ девять человекъ; значить, сбереглось еще шестьдесятъ шесть лицъ. Не пробуждайте младенца, когда онъ уснулъ, не заставляйте его спать, когда онъ хохочетъ, или дѣлаетъ невинныя свои проказы; не пренятствуйте, когда принимается за кусокъ хлѣба, не дождавшись наряднаго обѣда или ужина, не мѣшайте скакать и двигаться по его желанію: онъ хочетъ жить своею жизнію. Наша гигиена ему не всегда годится.

На шестомъ году умерло девяносто одно лицо, то есть, на 12 лицъ болѣе противъ пятаго. Такое повышеніе смертности, конечно, незначительно; но въ другія двадцатилѣтія оно можетъ быть значительнѣе; потому что оно не случайно. На шестомъ году натура въ младенческомъ тѣлѣ дѣлаетъ

свои измѣненія и перестройки. Молочные зубы, на первомъ году выросшія, теперь для твердой пищи сдѣлались неблагонадежны; натура выбросить ихъ, безъ сильнаго перелома въ тѣлосложеніи, съ замѣненіемъ ихъ новыми. Но не должно мѣняться въ дѣла природы, не зная ея законовъ. Зубы старые, конечно, выпадутъ и новые, конечно, выростутъ: но ежели выростутъ они неправильно и въ одной челюсти съ другою несоответственно; ежели выростутъ криво и уродливо: такіе зубы не содѣйствуютъ долговѣчю. Отъ зубовъ зависѣть будетъ, на цѣлую жизнь, питаніе тѣла; надобно, чтобы они были крѣпки и благонадежны. Ничто столько не увеличиваетъ болѣзней по выводу зубовъ старыхъ и ничто столько не возбуждаетъ неправильности по выростанію новыхъ, какъ насильственное выдергиваніе ихъ, одного за другимъ, нитью, какъ только они начнутъ шататься. Такое насильственное выдергиваніе можетъ причинить младенцу воспаленіе въ деснахъ, горячку, подѣйствовать на мозгъ. Но при слабости тѣлосложенія, или при осложненіи недуга другими болѣзнями, оно можетъ угрожать и опасностію жизни. Вообще питаніе младенца въ это время пищею самую мягкою и сочною предохраняетъ его отъ болѣзненныхъ потрясеній въ организмѣ.

На седьмомъ году умерло 53 младенца, или на 48 лицъ мѣнѣе шестаго. Причины смертности зависѣли отъ разстройства тѣлосложенія, частію—прежде бывшими болѣзнями, частію—повальными.

Всего же народонаселенія въ младенчествѣ, по четыремъ приходамъ, умерло четыре тысячи и шесть сотъ три лица; въ отрочествѣ умерло двѣсти пятьдесятъ пять лицъ и въ юншествѣ двѣсти пятьдесятъ четыре лица.

Всего народонаселенія, въ мужественномъ возрастѣ, умерло тысяча семь сотъ семьдесятъ восемь лицъ. Послѣ такой незначительной смертности, какъ въ отрочествѣ и юншествѣ, можно бы испугаться такой огромной убыли народонаселенія въ мужественномъ, самомъ крѣпкомъ и твердомъ возрастѣ. Но здѣсь сказать надобно то, что смертность мужества не много болѣе, нежели въ отрочествѣ и юншествѣ; кажется же она огромною единственно отъ большаго простран-

ства времени, сему возрасту уступленнаго, такъ какъ онъ продолжается почти четыре десятилѣтїя.

Въ старческомъ возрастѣ умерло тысяча сто тридцать шесть лицъ. Гораздо желательнѣе было бы видѣть, что въ мужественномъ возрастѣ умерло 1136 лицъ, а въ старческомъ 1776; но смертность идетъ наоборотъ, — съ увеличеніемъ въ первомъ и съ сокращеніемъ въ послѣднемъ. Улучшеніе народонаселенія въ образѣ жизни передвигаетъ большую часть смертности изъ мужественнаго возраста въ старческій; обратное движеніе народной жизни переводитъ смертность изъ старческаго въ мужественный, въ разстройству всѣхъ прочихъ возрастовъ.

Протоіерей **Ө. Гиляровскій.**

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Продолженіе).

— Это ничего не значить; раввины объясняя это, говорятъ и о томъ, почему Иакова такъ ужасала могила; не угодно ли послушать?

— Говорите.

— Патріарху Иакову извѣстно было, что каждый человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ святъ, а по смерти долженъ сойти въ могилу и обязанъ проходить всѣ двѣнадцать мытарствъ, въ которыхъ многое приходится претерпѣвать, и преимущественно грѣшникамъ; однѣ только молитвы объ умершемъ могутъ облегчить его участь, особенно когда молитва произносится

при общественномъ богослуженіи въ синагогѣ кадъшемъ (1). У Иакова было двѣнадцать сыновей, слѣдовательно онъ могъ расчитывать, что они послѣ смерти его умолятъ о немъ Бога и онъ будетъ избавленъ отъ мытарствъ и не сойдетъ въ шеойло—въ могилу (2). Но вотъ онъ узнаетъ, что одинъ изъ сыновей его погибъ,—одного кадъша уже нѣтъ, а слѣдовательно придется ему пройти хоть одно мытарство,—объ этомъ-то онъ и печалится.

—Полноте вѣрять такимъ вздорнымъ толкамъ; смѣтрите на священное Писаніе, какъ христіанинъ, безъ примѣспталмуда. Неужели вы не можете понять ясныхъ словъ патриарха? Вѣдь онъ прямо говоритъ, что скорбь и сѣтованіе о погибшемъ сынѣ для него такъ велика и невыносима, что сведеть его въ могилу. Не такъ ли и мы иногда выражаемся; когда случится и намъ какое либо горе, и мы говоримъ, что это несчастіе можетъ свести насъ въ могилу? Согласитесь и съ тѣмъ, что между приведеннымъ мною текстомъ изъ Псалма и словами патриарха нѣтъ ничего общаго. Напрасно хотите вы опровергнуть сущность священнаго текста, свидѣтельствующаго о нетлѣннѣ тѣла Мессіи. Слово шухасъ значитъ именно тлѣніе—истребленіе. (Быт. 6, 17), а не адъ, или могила, какъ шеойло. А что останки святыхъ людей могутъ совершать чудотворенія, это ясно можете видѣть изъ того, что отъ прикосновенія къ костямъ пророка Елисея воскресъ мертвый. Впрочемъ лучше всякаго свидѣтель-

---

(1) Кадъшами называются сыновья умершаго, которые въ теченіе цѣлаго года по смерти родителя, послѣ cadaго общественнаго Богослуженія, становятся дредъ такъ называемымъ Кивотомъ Аароновымъ и производятъ длинную молитву о спасеніи души умершаго (женщины не могутъ этого дѣлать), которую всѣ молящіеся заключаютъ громкимъ аминь. Отъ того-то еврей особенно радуется, когда у него родится сынъ, которому онъ и приговариваетъ: «рости скорѣе, вѣдь ты мой дорогой—кадъшь-молитвенникъ».

(2) Еврей вѣрять, что какъ только опустятъ тѣло умершаго въ могилу, то тотъ часъ начинается загробный судъ, котораго не могутъ избѣгнуть и праведники и даже дѣти. Оказавшихся грѣшниками ангелы называютъ немилосердно. См. Кн. Эд-гахаимъ).

ства, которое могло бы быть приведено мною, могут свидетельствовать о себѣ сами св. угодники. Послушайтесь меня, постарайтесь не бывать у новгородскихъ угодниковъ, — и узнаете, что ваша вѣра къ нимъ и вообще къ св. мощамъ упрочится. Кстати, на этой же недѣлѣ (была Страстная недѣля) открыты бывають мощи.

—Завтра же, батюшка, я отправлюсь въ Новгородъ. Сказавъ это, я попросилъ священника благословить меня въ путь и ушелъ.

Часовъ въ десять утра я сходилъ къ командиру, просилъ его отпустить меня въ Новгородъ. Командиръ не отказалъ мнѣ въ этомъ; но выразилъ сожалѣніе о томъ, что я, страдаю давно глазами, рѣшаюсь въ такую ненастную погоду путешествовать въ путь. Но желаніе мое было такъ велико, что и просилъ командира не удерживать меня и, получивъ отпускной билетъ, отправился въ дорогу. Не смотря на дурную погоду, я прошелъ верстъ восемь довольно скоро и безъ усталости; но сдѣлавъ еще версты двѣ, при усилившемся вѣтрѣ, не могъ идти далѣе и подумалъ: «хоть бы вы, св. угодники новгородскіе, помогли мнѣ продолжать путь». Стоя почти неподвижно, я замѣтилъ, что съ проселочной дороги на боковую выѣзжаетъ крестьянинъ; когда онъ подъѣхалъ ко мнѣ, я просилъ его посадить меня на телегу. «Тебѣ, служба, до деревни Шимска?» спросилъ крестьянинъ. — Да, отвѣчалъ я. — Ну, такъ садись, подвезу». Въ дорогѣ мы, какъ водится между попутчиками, поразговорились; крестьянинъ сказалъ, что онъ ѣдетъ въ городъ искать облегченія своей немочи (т. е. болѣзни), я посоветовалъ ему обратиться къ славившемуся тогда въ Новгородѣ доктору Европеусу.

—Къ нѣмцу Иванъ-Сакячу? проговорилъ крестьянинъ.

—Да, сказалъ я.

—Бывалъ я у него, да и у всѣхъ перебывалъ, а толку отъ ихъ лекарствъ никакого не было; у меня, батюшка, страшная одышка, водяная вишгъ, говорятъ лекари; ее трудно вылечить; надо вѣрно ужъ лучше обратиться къ св. угодникамъ Божиимъ; они намъ—православнымъ помогаютъ лучше всякихъ лекарей. Часто наши деревенскіе больные ѣдутъ къ

новгородскимъ угодникамъ и оттуда возвращаются со всѣмъ здоровыми».

Простодушныя слова крестьянина о св. угодникахъ немало повліяли на мою душу, я благодарилъ Бога и св. угодниковъ, пославшихъ мнѣ такого человѣка.

И крестьянинъ въ свою очередь выражалъ удовольствіе, узнавъ, что путешествіе мое въ Новгородъ имѣетъ одинаковую цѣль—помолиться св. угодникамъ. «Я ужъ, служивый, говорилъ онъ, свезу тебя въ городъ и тамъ остановимся вмѣстѣ у моего знакомаго ямщика».

Путру на третій день въ Великій пятокъ пріѣхали мы въ городъ и не медля отправились въ Софійскій соборъ. Выслушавъ часы, мы вмѣстѣ съ прочими многочисленными богомольцами пошли прикладываться къ св. мощамъ, которыя были тогда всѣ открыты. Подойдя къ ракѣ св. князя Мстислава (нареченнаго во св. крещеніи Георгіемъ), православные падали на колѣни и горячо молились святому; можно было замѣтить, что у каждаго изъ нихъ одно было на умѣ—усердная молитва и прошеніе къ угоднику Божию; а у меня грѣшнаго, кромѣ молитвы, было нѣкотораго рода любопытство; я не спускалъ глазъ со св. угодника, желая вполнѣ убѣдиться въ непреложномъ его существованіи; но приложившись къ нетлѣнной рукѣ святаго и осязавъ вполнѣ то, въ чемъ иногда я, недостойный, сомнѣвался, я увѣровалъ въ нетлѣніе мощей св. угодниковъ Божіихъ и вѣра моя стала выше всякаго сомнѣнія. Глазамъ моимъ представился цѣлый рядъ мощей св. угодниковъ Божіихъ: именно, Никиты епископа новгородскаго, благовѣрнаго князя Владиміра, благовѣрной княгини Анны, Иоанна архіепископа, князя Θεодора. Увидя всѣхъ ихъ почивающими нетлѣнно уже нѣсколько вѣковъ, я отбросилъ, какъ сказано, всякое сомнѣніе и уже съ должнымъ христіанскимъ благоговѣніемъ сталъ прикладываться къ св. мощамъ, прославляя въ душѣ своей Господа, такъ дивно прославляющаго святыхъ своихъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу вопроса, который задаютъ себѣ нѣкоторые крещенные евреи, именно: должно ли почитать св. угодниковъ и слѣдуетъ ли прибѣгать къ нимъ съ молитвою? Да, отвѣчаю, непременно

должно. Если мы, братіе, искренно любимъ Бога и чтимъ Его, то также свято должны чтить св. угодниковъ, благоудившихъ предъ Нимъ и ходатайствующихъ за насъ, по Его же милостивому изволенію. Иначе и быть не можетъ. Корей, Дааанъ и Авиронъ, возставшіе на первосвященника Аарона, были вмѣстѣ съ участниками бунта строго наказаны Богомъ: первые въ присутствіи всего израиля — низринуты въ пропасть, а сообщники ихъ сожжены огнемъ.

Относительно того, должны ли мы обращаться къ св. угодникамъ съ молитвою и могутъ ли молитвы ихъ споспѣшествовать намъ, находимъ не мало тому указаній въ священномъ Писаніи. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ Бытія сказано, что когда Авимелехъ, царь герарскій, отнялъ у Авраама жену, то, явившись ему ночью, Господь объявилъ, что онъ долженъ умереть за это; но когда Авимелехъ сказалъ, что онъ чистъ и невиненъ въ отношеніи къ Саррѣ, которую онъ принялъ не какъ жену Авраама, а какъ сестру его, и сталъ просить помилованія у Бога: то Господь сказалъ: *и Азъ познахъ, яко чистымъ сердцемъ сотворишъ сіе и пощадихъ тя; и нынѣ же отдаждь жену мужу, яко пророкъ есть, и помолятся о тебѣ и живъ будеши* (Быт. 20, 6. 7). Вѣдь, судя по понятіямъ тѣхъ изъ насъ, которые разсуждаютъ, что нѣтъ надобности обращаться къ молитвамъ угодниковъ Божіихъ, то Авимелеху можно бы и самому о себѣ помолиться; но, нѣтъ, Господь внушаетъ ему обратиться къ святому: «и помолится о тебѣ», говоритъ Господь. Вотъ и еще примѣръ, указывающій важность молитвы угодниковъ Божіихъ. Извѣстно, что послѣ тяжкаго согрѣшенія израильтянъ—поклоненія золотому тельцу, Господь такъ прогнѣвался на нихъ, что намѣревался совершенно истребить этотъ народъ и только молитвами Моисея израильтяне были помплованы: *и нынѣ, говоритъ Господь Моисею, остави Мя, и возярился яльвомъ на я, потреблю ихъ и сотворю тя въ языкъ великъ; и помолися Моисей предъ Господомъ Божомъ,*—и умилостивился Господь (Исх. 32, 10—14). Эти примѣры показываютъ, какъ важна и спасительна молитва святыхъ и какъ необходимо прибѣгать къ нимъ. Если бы вы, братія мои, прочли еще то, что говорится въ христіанскихъ священныхъ книгахъ, относительно

жизни и дѣяній св. угодниковъ Божиихъ, и узнали о томъ, что дѣлали они въ разныя времена для христіанъ, прибѣгавшихъ къ нимъ съ вѣрою; то я убѣжденъ, что почитаніе св. угодниковъ сдѣлалось бы для васъ безспорнымъ, священнымъ предметомъ. Да и мы сами развѣ не читали нѣкогда по еврейскому молитвеннику, утромъ и вечеромъ, такихъ молитвъ: «Господи, Боже отецъ нашихъ, Боже Авраама, Исаака и Иакова, Боже крѣпкій и сильный! помнящій благочестіе предковъ нашихъ, ниспосылающій Спасителя и спасеніе намъ, ради ихъ заслугъ» (кн. Сидеръ 66 стр.). А въ торжественный праздникъ кущей, евреи, сидя въ шатрахъ, то и дѣло вспоминаютъ въ молитвахъ заслуги праотцевъ своихъ, Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея, Давида и прочихъ, чтобы ихъ заслугами снискать помилваніе себѣ у Бога. (1).

Когда евреи выражаются въ благожеланіяхъ другъ другу, то говорятъ: «заслуги праотцевъ нашихъ (с х и с ъ—о в ы с ъ—о в ы с е н а) да споспѣшествуютъ намъ къ тому, чего просимъ себѣ у Бога». Да, для израильтянъ надежда на заслуги праотцевъ составляла всегда какой-то оплотъ ихъ вѣрованій и очень понятно, почему они питали такую надежду на святыхъ; на себя надѣяться они не могли, потому что хорошо знали, каковы были ихъ собственные дѣла; самъ Моисей не разъ имъ говорилъ, что онъ *люди жестоковыиные* (Второз. 4, 7), и что въ землю обѣтованную входятъ они отнюдь не за свои заслуги и не ради своей праведности, а ради завѣта, имъ же клялся Господь отцамъ ихъ, Аврааму, Исааку и Иакову (Второз. 9, 5. 6).

---

(1) Въ талмудѣ (кн. Гдулосъ-Мойше), между прочимъ, сказано, что праведники имѣютъ такую силу предъ Богомъ, что когда они проходятъ мытарства, то грѣшники могутъ уцѣбиться за нихъ и быть проведенными ими въ рай, и что Моисей, проходя мытарства, много такихъ душъ переносилъ на своихъ плечахъ въ рай. Въ книгѣ эцъ-гахимъ сказано: «что одинъ праведникъ (раввинъ), еще при жизни, молитвою своею помогаль грѣшникамъ; такъ онъ однажды посѣтилъ кладбище, на канунѣ новаго года (евреи въ этотъ день ходятъ на кладбище молиться объ усопшихъ), увидѣлъ страдающаго грѣшника, началъ молиться о немъ Богу, и грѣшникъ былъ тотчасъ помилванъ.

Вѣрованіе въ ходатайство святыхъ и теперь у евреевъ такъ сильно, что они утверждаютъ, будто безъ праведниковъ и міръ не можетъ существовать, будто онъ (міръ) зиждется на твердыхъ столбахъ праведниковъ (цадииковъ), которыхъ бываетъ ужъ никакъ не мѣнѣе 36 (ламедвувъ цадикимъ), и что—не будь хоть одного—міръ рушился бы и городъ не устоялъ, если бы въ немъ не было цадиковъ. Конечно, мы, какъ христіане, никакъ не можемъ думать, что безъ еврейскихъ цадиковъ міръ не могъ бы существовать и всякій городъ погибъ бы безъ цадика; есть очень многія мѣста и города, гдѣ нѣтъ и не было еврейскихъ цадиковъ, гдѣ не пахло еврейскимъ духомъ, а однако городъ стоялъ себѣ, и доселѣ стоитъ невредимо. И за чѣмъ евреи прибѣгаютъ хоть къ мнимому еврейскому святому Мееру Балнесу? Вы знаете хорошо, братія, какія пожертвованія и сборы дѣлаютъ евреи для этого мнимаго святаго «Меера Балнеса» (1) Кто таковъ этотъ Мееръ Балнесъ, какія чудеса онъ творилъ, когда и надъ кѣмъ? Ни одинъ еврей на такіе вопросы не дастъ должнаго отвѣта: «не мое дѣло, скажетъ онъ, о семъ разсуждать, мой долгъ слѣпо вѣрить, — и только».

(Продолженіе впереди).

---

(1) Въ каждомъ еврейскомъ домѣ имѣется кружка, привозимая въ общины евреевъ какимъ нибудь іерусалимскимъ ихъ собратомъ, и еврей считаетъ священною обязанностію удѣлить изъ всего имъ приобретеннаго, даже изъ лихвенныхъ процентовъ, посильную лепту угоднику чудотворцу своему Мееру Балнесу. По накопленіи кружечнаго сбора, является уполномоченный обществомъ іерусалимскихъ евреевъ и обираетъ эти денежки. Конечно, изъ собранной суммы ни копейки не тратится для Меера Балнеса; у евреевъ вѣдь не ставятся свѣчки угодникамъ и некому ставить и ни чего другаго такого, какъ у христіанъ, не дѣлается; естественно, что собранными деньгами пользуются сами празднолюбцы—евреи.

СЛОВО

На праздник Преображения Господня.

Сей есть Сынъ Мой возлюбленный,
о Немже благоволахъ: Того послушайте.
Мате. 17, 5.

Святая Церковь, празднуетъ нынѣ славное Преображеніе Господне; воспоминаетъ событіе, какового міръ не видалъ отъ сложенія своего. *Велія* совершилась *благочестія тайна* въ Внолеемѣ: тамъ высокій Богъ явился въ смиренной плоти челоуѣка,—на Таборѣ же является совсѣмъ другое: здѣсь плоть челоуѣческая облекается блескомъ и славю Божества. *И просвѣтится лице Его яко солнце, ризы же Его быша бѣлы яко снѣгъ* (Мат. 17, 27). Но для чего Сынъ Божій, благоволивый принять зракъ раба и неимѣвшій гдѣ главу при-

клонити, является такъ торжественно въ славѣ своего Божества? Этого требовали обстоятельства Оаворскаго событія. Здѣсь встрѣтились два завѣта,—ветхій и новый; первый оканчивалъ, второй начиналъ свое дѣло. На Оаворѣ явились представители Ветхаго Завѣта: Моусей, посредникъ синайскаго закона, и Иліа, ревностѣйшій исполнитель этого закона, **чтобы видѣть во славѣ Того, для котораго трудились они, кого просбразовали законныя жертвы и обряды, кого предвозвѣщали пророки; здѣсь они бесѣдовали о томъ, какъ Онъ крестною смертію своею совершить великое дѣло искупленія рода человеческого: *глаголаста исходъ Его, егоче хотяше спочети во Иерусалимъ* (Лук. 9, 31). Представители же Новаго Завѣта, святые Апостолы: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ сподобились видѣть славу Божественнаго Учителя своего, для того, дабы *егда узрѣтъ Его распинаема, страданіе Его уразумѣли вольное, и проповѣдали мірови, яко Онъ есть воистину Отчее сіяніе*. Но знаменательнѣе всего въ этомъ великомъ событіи былъ небесный гласъ Бога Отца: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ; Того послушайте*. Это значитъ, что Богъ, древле глаголавый во пророцѣхъ, теперь глаголетъ въ Сынѣ; поэтому повелѣваетъ слушать Его, какъ Самого себя. На это повелѣніе слѣдуетъ обратить намъ все наше вниманіе.**

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, воплощенное Слово Божіе, по опредѣленію предвѣчнаго Троическаго Божія совѣта, посланъ въ міръ сей проповѣдать истинное Богопознаніе. *Бога никтоже видѣ ниждѣ же: Единородный Сынъ, сый въ лоно Отчи,—Той исповѣда* (Іоан. 1, 18). Онъ пришелъ разрушить дѣла діавола, упразднить капища язычниковъ и низпровергнуть идоловъ, извлечь родъ человѣческой изъ глубины печестія и разврата и научить воистину пути Божію, ведущему въ царство небесное. И какъ было не слушать этого Божественнаго Учителя, когда Онъ вездѣ, гдѣ ни проходилъ, пронесилъ глаголы живота, данные Ему отъ Бога Отца? Въ сладость послушали Его святые Апостолы; они оставили **все** и пошли въ слѣдъ Его. Стекались внимать Божественному Его ученію *народи мнози отъ Галилеи и десяти градъ, отъ Иерусалима и Іудеи и съ оного полу Иордана* (Мат. 4, 25).

Вонреки понятіямъ міра, Онъ провозгласилъ *блаженныя* не богатыхъ и славныхъ земли, но нищихъ духомъ, кроткихъ, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ и страждущихъ отъ неправды человѣческой: ибо таковыхъ есть царство небесное. Тѣснились Его слушатели, когда нѣкая жена, *суши въ точкѣхъ крове отъ двюнадесяте лѣту и издвиги врачамъ все имѣніе*, безъ всякой пользы, испѣдилась *отъ одного прикосновенія къ ризамъ Ею* (Лук. 8, 43). Искали Его народы даже въ пустынѣ, гдѣ Онъ, напитавши души ихъ духовною пищею Божественнаго своего ученія, утолилъ вмѣстѣ и гладъ *тѣлесный и пятію хлѣбами насытилъ пять тысячъ народа*. Слушали Его *во градѣхъ и весехъ*, слушали *на сомнѣшавъ* и въ храмѣ Іерусалимскомъ и *дивились о словесехъ благодати, исходящихъ изъ устъ Ея* (Лук. 4, 22).

Были впрочемъ въ то время и другого рода слушатели; слушали Небеснаго Проповѣдника книжники и фарисеи и говорили, *яко неистовъ есть и беса имать*; обличаемые въ лицемѣрїи и порокахъ, они воспламенялись завистію и злобою и возстали *на Господа и Христа Ею*. И такъ какъ подобало пострадать Христу, то предвѣчное Слово, собенначальное Отцу и Духови, пригвождено ко кресту на Голгоѣѣ и съ словами: *Отче! въ руку Твою предаю душу Мой*, умоляю. Но это случилось тогда, когда Небесный Учитель совершилъ уже великое дѣло своего посольства и передалъ все Божественное ученіе, необходимое для спасенія нашего, святымъ ученикамъ своимъ и Апостоламъ. Поэтому, по воскресеніи своемъ, Онъ послалъ ихъ на всемірную проповѣдь: *идите въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари. Учище блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ*. И святые Апостолы ревностно и точно исполнили повелѣніе Господне; они пронесли слово Божіе во всѣ концы вселенныя, и все, что видѣли, что слышали отъ Божественнаго Учителя своего, передали, въ святыхъ своихъ писаніяхъ и преданіяхъ, грядущимъ вѣкамъ. Отъ этого всѣ мы въ нынѣшнемъ Евангеліи слышали тотъ же, какъ и на Фаворѣ, Отчій гласъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Тога послушайте*.

Посмотримъ теперь, какъ исполняется нами повелѣніе Бога Отца. Нельзя, конечно, утверждать, будто бы христіане,

ученики и послѣдователи Христовы, не слушаютъ Его небеснаго ученія. Святая Церковь есть училище, гдѣ преемники апостольскіе—пастыри и учителя возвѣщаютъ и объясняютъ словеса Господни; и нынѣ, особенно въ праздничные дни, собираются *народи мнози* и наполняются храмы Божіи слушателями. Однако, надобно помнить, что *не слышателие закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона оправдятся* (Рим. 2, 13). Много можетъ быть слушателей и мало творцовъ закона. Если бы мы исполняли то, что заповѣдаетъ намъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, чему учить мать наша святая Церковь, то вѣрно всё были бы святы и богоугодны; но какая противоположность между заповѣдями Господними и нашими дѣлами, между ученіемъ святой Церкви и нашею жизнью! Заповѣди Божественны, спасительны, а наши дѣла богопротивны, пагубны; ученіе свято, а жизнь многогрѣшна. Отъ чего это? Это большею частію отъ того, что міръ лукавый и грѣшный посылаетъ своихъ проповѣдниковъ, которые словесно и письменно провозглашаютъ невѣріе и безбожіе и колеблютъ сомнѣніями въ слабыхъ и легковѣрныхъ умахъ святую вѣру. Міръ предписываетъ намъ свои законы, подъ именемъ модъ, обычаевъ, приличій, которыхъ преступить не смѣемъ. Міръ выставляетъ на показъ свои прелести, соблазны, которыми восхищаемся и увлекаемся. Міръ преизобилуетъ льстецами, низкопоклонниками, которые изъ своеобразныхъ видовъ сладкими рѣчами вкрадываются въ нашу душу; равно хвалятъ какъ достоинства, такъ и недостатки наши, обманываютъ насъ и развращаютъ наше сердце. О, это самые опасные враги спасенія и благосостоянія нашего; дайте имъ только случай,—и они предадутъ васъ, какъ Иуда искаріотскій предалъ даже Господа своего и благодѣтеля.

Есть у насъ еще врагъ собственный, домашній; онъ живетъ *во удлѣхъ нашихъ* и издаетъ законъ *противувоюющъ закону Христову*. Это наша плоть со страстями и похотями,—и мы рабски повинuemся повелѣніямъ этого гордаго властелина. Христосъ Спаситель говоритъ: *ищите прежде царствія небеснаго, а блага земныя приложатся вамъ*; а плоть говоритъ: нѣтъ, ищите прежде благъ земныхъ, ищите ихъ вездѣ, и въ отдаленныхъ странахъ, и въ моряхъ, и въ пропастяхъ

земныхъ, а обѣтованныя блага небесныя можете перенести на второй и третій планъ заботъ вашихъ; Законъ Христовъ требуетъ распятія плоти со страстями и похотями; а плоть взываетъ: *душе! имай блага многа, лежача на лѣта многа; хочивай, яже, пей, вселися*. Слово Божіе повелѣваетъ никого не обижать и быть довольнымъ своимъ состояніемъ, *своими оброки*; а гласъ плоти указываетъ на счастливецъ міра, которымъ достался въ удѣлъ только трудъ пользоваться и расточать придобрѣтенное трудами другихъ. По этому многіе, не имѣя законныхъ средствъ вести подобную жизнь, прибѣгаютъ къ противозаконнымъ. Отсюда то происходятъ убійства, грабежи, притѣсненія, неправосудіе и всякаго рода обиды. Сынъ Божій заповѣдаетъ намъ всеобщую любовь, повелѣлъ любить даже враговъ нашихъ; а плотская злоба возбуждаетъ ненависть не только къ врагамъ, но и къ пресланнымъ нашимъ, заводитъ ссоры и раздоры въ семействахъ, возбуждаетъ гоненія, преслѣдованія и вооружаетъ народы на народы и царства на царства. Законодатель нашъ Господь Іисусъ Христосъ требуетъ отъ насъ прощенія: обидь не только до седми брать, но *до седмидесяти кратъ седмерицею* (Мат. 18, 22); а плотской законъ требуетъ немедленнаго мщенія; и если бы поврайней мѣрѣ соразмѣрнаго, какъ сказано было древнимъ: *око за око, зубъ за зубъ*, — нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы даже оскорбленіе, нанесенное честолюбію словомъ, смыто было кровію. Признаюсь, не гнушается мнѣ, чтобы словомъ можно было замарать чью либо честь. Положимъ, братъ твой назвалъ тебя непристойнымъ именемъ, упрекнулъ въ какомъ либо пороѣ; имѣешь ли право обижаться, если ты въ самомъ дѣлѣ таковъ? Это твое собственное, заслуженное названіе. Если же ты не таковъ, то ближній нанесъ безчестіе на тебѣ, а самому себѣ; ибо онъ сдѣлался клеветникомъ, клеветникомъ. Ахъ, люди любятъ грѣхъ, не любятъ только называться грѣшниками; изыскиваютъ всевозможныя навинченія своимъ худымъ поступкамъ, то слабостями природы человѣческой, то обычаями и приличіемъ свѣта, и самыя пороки стараются облечь въ одежду добродѣтели. О, святая добродѣтель! Не есть ли это честь и слава для тебя, когда и рабы грѣха дорожатъ святымъ твоимъ именемъ?

И зава причиной безуспѣшности закона Божія должно искать не въ наукѣ Христа Спасителя, а въ нерадѣніи многихъ учениковъ Его, въ самихъ христіанахъ. Можетъ ли ученикъ сдѣлать успѣхъ въ преподаваемомъ предметѣ, когда онъ развлекается и занимается другими посторонними предметами? А мы развлекаемся предметами міра сего, болѣе стараемся удовлетворить прихотямъ плоти, чѣмъ потребностямъ духа, болѣе обращаемъ вниманія на временную, чѣмъ на вѣчную жизнь. И правду сказать, наука для выгодъ настоящей жизни сдѣлала удивительные успѣхи; дѣятельность у насъ кипитъ; все въ глазахъ нашихъ улучшается, совершенствуется; въ одномъ только дѣлѣ спасенія нашего бездѣйствіе и застой; мы не только не сдѣлали большихъ успѣховъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ улучшеніи нравовъ и святости жизни, но далеко еще отстали отъ братій нашихъ, христіанъ первенствующей Церкви. Тогда мало было вѣрующихъ и много святыхъ; а нынѣ много вѣрующихъ; но много ли святыхъ, о томъ всѣ Ты только одинъ, сердцевище Господи! Знаемъ, что грѣшниковъ много, о томъ свидѣлствуютъ ихъ дѣла; не можемъ назвать и себя праведными, иначе упрекнемъ насъ совѣсть и укажетъ на преступленіе нами заповѣдей Божіихъ. А между тѣмъ, мы — наследники Христовы; для насъ воплотился, за насъ страдалъ и для насъ уготовалъ заслугами своими царство небесное Единородный Сынъ Божій. Какъ ни благопріятствовало бы намъ счастье на землѣ, а все примѣшается къ нему то болѣзнь, то печаль, то воздыханіе; какъ ни велика была бы крѣпость силъ вашихъ, а время свое возьметъ и незамедлитъ явиться съ недугами своими старость, а за старостію смерть. На небѣ же ничего нѣтъ подобнаго: тамъ только вѣчная радость и жизнь безконечная. *Кто же взойдетъ на гору Господню; или кто станетъ на мѣстѣ святыхъ Его? — Неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ, иже не клялся лестию искреннему своему,* говоритъ царственный пророкъ Давидъ (Псал. 23, 4). Что же дѣлать намъ, если руки наши и дѣлаютъ и ищутъ неправду; если ноги ходятъ по стезямъ беззаконія, если языкъ и льститъ и клевететь, а сердце преисполнено грѣховною нечистотою? Въ этомъ случаѣ даже гражданскій міръ можетъ

идеи; намъ примѣръ для подражанія; тамъ вездѣ идутъ преобразованія, — и въ области науки, и въ военномъ искусствѣ, и въ гражданскомъ управленіи; вездѣ перемена къ лучшему: такое же преобразование нужно сдѣлать и въ области духовной, христіанской жизни; не то чтобы убавить или прибавить что къ закону Христову, который совершенъ и неизмѣненъ; не то чтобы измѣнить правила и постановленія святыя Церкви, которыя святы и спасительны, а нужно преобразиться намъ самимъ, измѣнить образъ жизни, переимѣнить худыя дѣла на добрыя, покорить умъ въ послушаніе вѣры, направить желанія нашего сердца къ всему честному и благому и стараться быть совершенными, *якоже Отецъ нашъ небесный возрасла ослѣ.*

Знаю, что это не легко сдѣлать, особенно если грѣхъ глубоко пустилъ корни въ нашу душу, если худыя привычки обратились почти въ природу. Но посмотрите, что дѣлаетъ земледѣлецъ, когда нива его заростетъ волчцами и терніемъ? Чтобы извлечь изъ нея пользу, онъ усугубляетъ трудъ, искореняетъ худыя и вредныя растенія и удобреніемъ превращаетъ бесплодную почву въ плодотворную; тоже дѣлай и ты, христіанинъ, съ нивою твоего сердца; вырывай изъ нея съ корнемъ всё грѣховныя склонности, удобрай словомъ Божіимъ и насаждай сѣмена христіанскихъ добродѣтелей; и чѣмъ больше, чѣмъ усиленье будетъ трудъ, тѣмъ больше, тѣмъ пріятнѣе будетъ награда. Не безызвѣстно и то, что врагъ рода человѣческаго силенъ, сильны соблазны міра, сильна и похоть плоти; но сильнѣе всепобѣждающая Божественная благодать; искренивай же усердными молитвами помощи себѣ у Бога, огради себя щитомъ вѣры, вооружись въ броню правды и храбро вступай въ борьбу съ врагами спасенія твоего, — и ты одержишь несомнѣнную побѣду; *а побѣждающему даждь святыи на престолѣ Моемъ* (Апок. 3, 21), говоритъ Духъ Святой. Но гораздо благоразумнѣе поступаетъ земледѣлецъ, когда не дастъ запустѣть своей нивѣ и заблаговременно отдѣлать плевелы отъ пшеницы; гораздо удобнѣе и подводу разбить врага по частямъ, нежели тогда, когда нагрянетъ онъ всѣми своими силами. Такъ и ты, христіанинъ, не давай прививаться вредному ученію къ спасительной наукѣ Хри-

стовой; зорко слѣди за врагами твоими, чтобы не вторглись въ ограду души твоей, и старайся истреблять ихъ по одному; если падешь, — возстань; согрѣшишь, — покайся.

Во всякомъ случаѣ, жизнь благочестивая, безпорочная, весьма много зависитъ отъ первоначальнаго, хорошаго, христіанскаго воспитанія; что посѣешь въ юности, то пожнешь въ старости; дайте неопытному путнику хорошее направленіе, укажите истинный путь, — и онъ не заблудится. Родители! Хотите ли видѣть въ будущемъ счастье чадъ вашихъ? Воспитывайте ихъ въ страхѣ Божіемъ и старайтесь намечатлѣть на нѣжныхъ сердцахъ ихъ истины христіанскаго ученія. Воспитатели юношества! Желаете ли вы приготовить полезныхъ членовъ общества? Старайтесь положить законъ Божій, правила вѣры и благочестія въ основаніе всѣмъ прочимъ наукамъ. Тогда вы созиждете твердую и прочную храмину; подуютъ ли бурные вѣтры злоученія и нечестія, — она непошатнется; нахлынутъ ли волны соблазновъ и разирата, — она устоитъ невредима, ибо основана будетъ на камени. Только възреліе религіознонравственнаго святилища науку могутъ выдти и благочестивые служители Божіи, и вѣрные слуги царевы, и нелицепріятные судьи, и нѣжные, чадолюбивые отцы и матери и вообще ревностные дѣятели на поприщѣ семейной и общественной жизни.

Братія! Постараемся исполнить повелѣніе Бога Отца, соблюдаемъ заповѣди Господни и тѣмъ докажемъ, что мы любимъ Господа нашего Иисуса Христа, возлюбившаго первѣе насъ и предавшаго себя за насъ. *Имѣя заповѣди Мои, сказалъ Онъ, и соблюдаей ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. гл. 14). Изгонимъ изъ сердецъ нашихъ: клевету, ненависть, зависть, злобу; прекратимъ, если есть между нами, ссоры и раздоры; будемъ любить другъ друга искренно, нелицемѣрно, другъ другу помогать, или, по выраженію Апостола, — *другъ друга тяготы носить*, и тѣмъ покажемъ міру, что мы истинные ученики Христовы. *О семъ разумѣютъ вси, сказалъ небесный Учитель, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Аминь.

Протоіерей Павелъ Вѣлецкій.

**СЛОВА ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА ИЗЪ ЕвРЕЕВЪ СЪ НОВООБРА-
ЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВЪРМ
И ЗАВЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.**

(Продолженіе).

О безчисленныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, совершенныхъ христіанскими св. угодниками въ разныя времена, могутъ свидѣтельствовать тѣ безчисленные христіане, которые испытывали и до днесь испытываютъ ихъ благодатную силу.

Вотъ какъ отзывался о св. Николаѣ чудотворцѣ человекъ, бывшій еще въ іудействѣ: «я этого Божьяго старичка, говорилъ мнѣ въ Саратовѣ одинъ еврей, указывая на икону святителя Николая, чту болѣе, чѣмъ своего чудотворца — Мееръ Балнесса, и именно потому, что испыталъ надъ собою милость его. Въ 1845 году, начальникъ саратовской губерціи предписалъ всѣмъ становымъ выслать всѣхъ евреевъ изъ этой губерціи. Въ силу этого приказа, и я долженъ былъ выѣхать изъ саратовской губерціи. Дѣлать было нечего, и я сталъ собираться въ путь. Венеромъ зашелъ ко мнѣ священникъ, любившій перѣдко бесѣдовать со мною о вѣрѣ; я разсказалъ ему свое горе. «Жаль, сказала священникъ; но нечего дѣлать; на всѣхъ видимо сбывается то, что сказано о израильтѣ въ священномъ Писаніи: *не упокоитъ тя Господь во языцехъ; мимго будетъ стоджкіе стопы номи твоея; и разсѣетъ тя Господь Богъ твой во вся язики, отъ края земли даже до края ея* (Второз. 28, 65). И за что же всё это, какъ не за невѣріе ваше въ Мессію? А вотъ, если бы ты принялъ христіанство, то Господь помиловалъ бы тебя, и ты остался бы здѣсь; и какое бы спа-

сеніе было для души твоей, да и въ жизни своей былъ бы ты гораздо счастливѣе! Подумай-ко хорошенько, изъ за чего ты упорствуешь? Я, кажется, не мало уже доказывалъ тебѣ святость православной вѣры; доказывалъ также не мало и то, что ожидаемый вами Мессія давно пришелъ. Крестись же, любезный Гиршъ! Господь нашъ Иисусъ Христосъ и угодникъ Божій Николай (при этомъ онъ указалъ на икону его) помогутъ тебѣ остаться здѣсь». Поговоривъ со мною не мало, онъ ушелъ, а я сталъ собираться въ путь. Осматривая тщательно свои комнаты, чтобы не позабыть чего нибудь, я какъ то съ особеннымъ вниманіемъ взглянулъ на образъ св. Николая, находившійся съ давняго времени въ занимаемой мною комнатѣ, и сказалъ про себя: «о, если бы, въ самомъ дѣлѣ, чтимый христіанами святитель Николай помогъ мнѣ остаться въ этомъ имѣніи! Тогда бы я позналъ, что онъ истинный угодникъ Божій». Ночью явился мнѣ во снѣ какой-то мужъ съ слѣдующими словами: «ты вчера призывалъ меня на помощь, и вотъ я, рабъ Божій Николай, пришелъ къ тебѣ; не скорби,—ты останешься здѣсь». Пробудившись отъ сна, я заключилъ, что сонъ этотъ есть нечто иное, какъ слѣдствіе разстроеннаго воображенія, и снова заснулъ, но сновидѣніе повторилось и тѣ же слова слышалъ я въ другой разъ. Что же, вы думаете? Поутру прислалъ за мной помѣщикъ и объявилъ, что онъ упросилъ становаго оставить меня еще на нѣкоторое время въ его имѣніи. Я невольно вспомнилъ предсказаніе св. Николая чудотворца; возвратившись въ квартиру, я готовъ былъ упасть на колѣна предъ его иконой; но будучи евреемъ, не осмѣлился этаго сдѣлать; привстаю, въ душѣ своей я поклонялся св. Николаю уже съ той минуты, какъ сбылось его предсказаніе. Я робко подошелъ къ иконѣ и поцѣловалъ ее; съ меня какъ будто какая тяжесть свалилась, и съ тѣхъ поръ я сталъ особенно почитать христіанскихъ угодниковъ и охотнѣе слушать наставленія добраго священника, разсуждавшаго со мною о вѣрѣ, и, послѣ нѣкоторыхъ собесѣдованій, я окончательно убѣдился, что для спасенія души моея нужно принять христіанство, почему и рѣшился креститься».

ХУЛ. ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ БЛИЖНИМЪ.

Какъ умѣлъ, я сказалъ вамъ, братія, каковы должны бытъ истинный христіанинъ, какими священными правилами должны мы руководствоваться вообще, какъ христіане. Теперь небесѣдуемъ съ вами о томъ, какова должна быть общественная наша жизнь, какъ должны мы вести себя, вступивъ на новый путь, чего требуетъ отъ насъ званіе православнаго христіанина и русскаго гражданина. Вы не можете не согласиться, что прежняя наша жизнь, основанная на ученіи таммуда и на странныхъ предписаніяхъ кагала, обнимающихъ всю жизнь іудей и связывающихъ его, такъ сказать, по рукамъ и ногамъ, несколько непохожа на благоустроенную жизнь христіанскихъ обществъ, — напротивъ, идетъ въ разрѣвъ ей; а потому каждый изъ васъ, ставъ новымъ человекомъ во Христвъ, долженъ обновиться во всёмъ, именно: нужно 1-е) стараться измѣнить прежнее ваше неправильное возрѣніе на отношенія къ ближнимъ (къ иновѣрцамъ и особенно христіанамъ), которыхъ мы, благодаря внушенію раввиновъ и кагала, должны были презирать и чуждаться; 2-е) слѣдуетъ избегатьъ сообществъ и дружбы евреевъ и наконецъ 3-е) необходимо измѣнить и самый образъ прежней нашей жизни, именно: улучшить наши занятія и дѣла, на которыхъ такъ много и часто негодуемъ русскій человекъ; словомъ, мы должны держать себя такъ, какъ того требуетъ св. Евангеліе, законъ государственный и какъ желаетъ русское правительство и русскій народъ. Но какъ-же это сдѣлать? спроситъ пожалуй кто изъ васъ. Легко ли человеку, рожденному и воспитанному въ духѣ еврейской націи, свыкнувшись съ образомъ ея жизни, съ ея правами и обычаями, вдругъ, такъ сказать, переродиться во всёмъ на новый ладъ?

Да, дѣло это не легкое; но сдѣлать это необходимо, — и вотъ съ чего, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ начать: именно, съ исполненія заповѣди о любви къ ближнимъ. Намъ необходимо усвоить себѣ вполне эту заповѣдь, проникнуться ею, — и тогда, будьте увѣрены, все прочее пойдетъ легко и хорошо. Но намъ могутъ возразить иные: да развѣ мы не любимъ ближнихъ, и для чего намъ объ этомъ говорить, когда каж-

дому изъ насъ еще съ дѣтства внушена сія священная заповѣдь; «возлюбиши ближняго своего», твердить непрестанно каждый израильтянинъ сыну своему?

Правда, насъ учили любить ближнихъ, но учили въ то же время и ненавидѣть врага, и постоянно напоминали намъ объ этомъ, такъ что едва ли и теперь всякій изъ насъ въ состояніи сразу отрѣшиться отъ этихъ гибельныхъ внушеній и искренно полюбить человѣка, подобнаго себѣ. Да, заповѣдь о любви къ ближнимъ поставлена нашими пражными учителями и руководителями вѣры въ такой узкой рамкѣ, что еврей не можетъ никого болѣе обнять любовью, какъ одного израиля, и слѣдовательно не въ состояніи никого болѣе любить, какъ только еврея. Мы видѣли изъ предъидущихъ бесѣдъ, что, по ученію талмуда, кто не іудей, тотъ не есть уже ближній израиля, а врагъ его, и что талмудъ разрѣшаетъ ненавидѣть, гнать, обманывать всякаго не-іудея.

Но за что-же всё это? Да за то, отвѣтитъ еврей, что онъ гоим-иноувѣрецъ, что не исповѣдуетъ іудейской религіи, за то, что не соблюдаетъ субботы и не имѣетъ на себѣ знака обрѣзанія, наконецъ, за то, что употребляетъ трефное—пищу запрещаемую еврейскимъ закономъ. Конечно, нельзя допустить, чтобы для всѣхъ насъ, братія, какъ уже христіанъ, подобныя талмудическія правила могли бы имѣть теперь какой-нибудь смыслъ; но нельзя совершенно отрицать и того, что нѣкоторые изъ крещенныхъ евреевъ, приученные отъ юности уважать каждое слово талмуда, не въ состояніи сразу отрѣшиться отъ всего того, что имъ натоковано не въ пользу иноувѣрцевъ, и особенно если не удастся имъ вполне разубѣдиться въ этомъ. Поэтому-то считаемъ нужнымъ обратить ваше вниманіе, братія, на приведенныя правила. Начнемъ съ перваго. По теоріи талмуда, слѣдуетъ ненавидѣть всякаго неисповѣдующаго вѣру израильтякъ; но спросимъ у послѣдователя талмуда: чѣмъ виновенъ человѣкъ-иноувѣръ, что онъ не родился іудеемъ и не исповѣдуетъ вѣры израильскую? Каждый сынъ израиля и особенно начитанный талмудистъ знаетъ и не можетъ не знать, что мы рождаемся по волѣ Отца Небеснаго, и не самъ ли талмудъ увѣряетъ, что душа человѣка воплощается не по своей волѣ, а ей привязываетъ сдѣлать это Отецъ

Небесный? А если такъ, то разумно ли и смѣть ли сынъ израиля винить, презирать, да еще проклинать того, кто рождень гоимомъ — иновѣрцемъ? Винить такого значитъ винить и Сотворшаго его; и не пріемлетъ ли такой человѣкъ тяжкій грѣхъ на свою душу? Несомнѣнно, пріемлетъ; онъ согрѣшаетъ и противъ Бога, и противъ ближняго.

Относительно несоблюденія иновѣрцами обрѣзанія и субботы, кромѣ того, что уже выше было сказано и доказано, именно: что и обрѣзаніе и суббота потеряли всякое значеніе даже для самаго израиля, скажемъ слѣдующее. До установленія съ Авраамомъ завѣта обрѣзанія, виновны ли были тѣ, которые не имѣли на себѣ этого знака? Конечно, невиновны, ибо изъ священнаго Писанія видно, что нѣкоторые изъ нихъ угождали Богу и безъ обрѣзанія; такъ напримѣръ, о Нойѣ сказано: *Ной же обрѣте благодать предъ Господомъ Богомъ; Ной человекъ праведенъ, совершенъ сый въ родѣ своемъ* (Бытiя 6, 8. 9. 10). Если Ной и безъ обрѣзанія пріобрѣлъ благодать Божію и если не вмѣнялось ему въ вину необрѣзаніе его и не былъ онъ презираемъ за это древними израильтянами, ревновавшими о вѣрѣ и законѣ отцевъ своихъ; то разумно ли нынѣшнимъ израильтянамъ презирать иновѣрцевъ, неимѣющихъ на себѣ обрѣзанія? Далѣе, спросимъ и о томъ: виновны ли иновѣрцы и христіане въ несоблюденіи субботы и можетъ ли несоблюденіе ея вмѣниться имъ въ преступленіе? Извѣстно, что отъ временъ Ноя до Моисея было не мало избранныхъ Божіихъ, каковы напримѣръ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; хранили ли они субботу? и обязаны ли были хранить то, что не было имъ предписано закономъ, котораго тогда еще не было? Вѣдь виновными въ несоблюденіи всякаго закона могутъ считаться только тѣ, которые находятся подъ вліяніемъ закона; живущіе же внѣ его нисколько не могутъ считаться виновными, если бы и не соблюдали его предписаній. Какое, напримѣръ, дѣло христіанамъ до іудейской субботы? у нихъ есть своя суббота — день воскресный. Вѣдь христіане не преслѣдуютъ и не презираютъ іудеевъ за непочитаніе и несоблюденіе воскреснаго дня.

Обратимъ вниманіе и на законъ о пищѣ. Насъ учили презирать, гнушаться иновѣрцевъ—христіанъ, за то, что они

употребляют трефное—пищу, запрещенную закономъ, и особенно за употребленіе хазыр—свинины. Внушенія эти, вросавшись въ плоть и кровь всѣхъ сыновъ израилевыхъ, такъ вредно и гибельно дѣйствуютъ на дѣло сближенія и взаимнаго расположенія іудеевъ къ иновѣрцамъ, что еврей не можетъ безъ отвращенія взглянуть на нихъ; даже когда между евреями идетъ рѣчь о христіанинѣ, то они, при употребленіи имени гои, дѣлаютъ какую-то отвратительную гримасу и не преминутъ прибавить слово хазыр—«свинья».

У всѣхъ народовъ есть свои законы; напимѣръ, у христіанъ есть законъ Христовъ и правила Отцевъ Церкви; но въ этомъ законѣ и правилахъ и рѣчи нѣтъ о запрещеніи употреблять хазыр—свинину и все прочее, воспрещаемое талмудомъ. Вѣдь до Моисея и евреямъ не вмѣнялось въ грѣхъ ѣсть свинину и можно смѣло сказать, что они ее употребляли, иначе незачѣмъ было Моисею и запрещать ее. Сколько намъ извѣстно, законъ, воспрещавшій іудеямъ употребленіе свинаго мяса, явился какъ предохранительная мѣра отъ болѣзни, развивавшейся между ними, во время странствованія ихъ въ пустынѣ, потому что вообще въ жаркомъ климатѣ излишнее употребленіе свинины было вредно. Но неужели же такой законъ обязателенъ на всѣ времена и для всѣхъ климатовъ и странъ? Да не сами ли евреи говорятъ, на основаніи талмуда, что свинину можно бы и теперь ѣсть, ибо она не вся нечистая, а только часть ея (но—которая именно,—неизвѣстно); поэтому-то ее совсѣмъ не слѣдуетъ ѣсть; но когда придетъ Мессія и укажетъ, какая часть въ свиньѣ трефъ (нечиста), то остальную часть можно будетъ ѣсть. «Какой вздоръ проповѣдуетъ іудей талмудистъ», скажетъ навѣрно природный христіанинъ. Конечно, вздоръ, скажемъ и мы; но и эта нелѣпость говорить въ пользу христіанъ, ядущихъ свинину. Христіане искренно вѣруютъ, что Мессія пришелъ и объяснилъ намъ все. Онъ говоритъ, что не то, что входитъ въ уста, сквернитъ человѣка, а то, что исходитъ изъ устъ: ложь, клевета, ругательство, клятва и проч. Спросимъ у евреевъ еще вотъ что: караимовъ (непризнающихъ талмуда) слѣдуетъ ли называть гоимами и людьми трефными? Нѣтъ; скажетъ справедливый и благонамѣренный израильтянинъ, они

не гои, а наши, единовѣрцы, они буквально исповѣдуютъ всѣ предписанія закона Моисеева. — Но вѣдь караимы не соблюдаютъ предписаній талмуда относительно употребленія пищи? — «За это, возразить еврей-талмудистъ, мы ихъ не любимъ и держимся всегда по-дальше отъ нихъ, какъ отъ еретиковъ». Но эта не-любовь столько же незаконна, какъ и ненависть іудея къ христіанину, за употребленіе трѣфной пищи. Евреи изъ пророчества Исаи могутъ видѣть, насколько сами они повинны въ томъ, въ чемъ винятъ другихъ. Прочтите 65 главу этого пророчества. Вотъ что Богъ говоритъ чрезъ пророка Исаію: *Людіе сіи, разнмьляющіи Мя предъ лицемъ Моимъ присно: тѣи жертвы приносятъ въ вертоградѣхъ и кадятъ въ чрепѣхъ бѣсомъ, иже не суть. И во гробѣхъ и въ пещерахъ лежатъ софій ради, иже ядятъ мяса свинная и юзу треба, осквернени сосуды ихъ вси. Иже глаголюта: отзиди отъ мене, не прикаснися мнѣ, яко чистъ есмь. Сей дымъ ярости Моея, отъ горитъ въ немъ вся дни* (Исаи 65. 3—7).

Вотъ каковы и въ древности были іудейскіе святоши: они судятъ всѣхъ за нарушеніе закона, видятъ въ людяхъ спицу, а у себя не замѣчаютъ и бревна. Презирая всѣхъ за употребленіе свинины, они болѣе другихъ повинны въ нарушеніи закона, а слѣдовательно, осуждая иновѣрца, произносятъ прежде всего приговоръ на самихъ себя. Пусть же приложатъ они къ своему сердцу грозное слово, изреченное на древняго израиля: *се дымъ ярости моея, отъ горитъ въ немъ вся дни*.

Теперь укажемъ на другіе предразсудки евреевъ, служащія помѣхою къ сближенію ихъ съ христіанами. Разсуждая нерѣдко съ бывшими моими собратами о ихъ антипатіи къ гоимамъ, мы всегда получали такой отвѣтъ: «какъ уважать гоимовъ? какъ входить въ дружбу съ ними? Большая часть ихъ ведутъ себя безправственно; они шикэрымъ — пьяницы» (еврей въ этомъ случаѣ имѣютъ въ виду болѣе крестьянъ). «Русскіе, говорилъ мнѣ разъ крещенный еврей, иногда ведутъ жизнь хуже евреевъ, особенно замѣтна слабость ихъ къ пьянству; они пьютъ водеу отъ радости и съ горя, пьютъ при употребленіи пищи и послѣ оной, при торговыхъ сдѣлкахъ, при началіи всякаго занятія; наконецъ, пьютъ ее военные и

гражданскіе чиновники; они спрыскиваютъ чины и повыше-
нія..... Словомъ, водка играетъ роль во всѣхъ и во всемъ.
Можно ли такихъ людей ставить намъ въ примѣръ?» На это
можно возразить, во первыхъ: не всѣ же русскіе имѣютъ эту
слабость, а только нѣкоторые, и во вторыхъ: винить и пре-
зирать всѣхъ пьющихъ водку—несправедливо и даже грѣш-
но. Вѣдь употребленіе вина не воспрещено и священнымъ
Писаніемъ» вино, говоритъ св. царь израильскій, весе-
литъ сердце человѣка; и еврей, зачастую бываю-
щій восторженнымъ отъ хмѣльныхъ напитковъ, кричитъ въ
кругу пирующихъ собратій: «я и нѣ сумеахъ левъ»,—
вино веселитъ сердце человѣка, и всегда изъ среды собранія
кто либо изъ пьющихъ вторитъ ему тоже: «я и нѣ сумеахъ
левъ».

(Окончаніе *впередъ*).

дѣла и характеры историческихъ личностей,—онъ всѣмъ и всему старается воздать должное; но при этомъ не скрываетъ и темныхъ сторонъ изображаемой эпохи или личности. Конечно, не вина автора, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его книги темная сторона какъ будто преобладаетъ предъ свѣтлою; его дѣло было представить факты въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они являются въ первоначальныхъ источникахъ, безъ всякихъ съ его стороны искусственныхъ тѣней и прикрасть, дѣлаемыхъ иногда съ цѣлю усилить неблагоприятное впечатлѣніе изображаемаго предмета. Вотъ, на примѣръ, какъ авторъ изображаетъ состояніе религіозно-нравственной жизни древней Руси въ XV и XVI вѣкѣ. «Добродѣтелями времени—говоритъ онъ—были: частое присутствіе при Богослуженіи, строгое соблюденіе постовъ, кромѣ положенныхъ Церковію, еще добровольныхъ, обѣтныхъ, на примѣръ, поста въ поведѣльникъ, въ 12 обѣтныхъ пятницъ, почитаніе св. иконъ и мощей, вклады въ монастыри и церкви, построеніе церквей, путешествіе ко св. мѣстамъ, раздача пищи и денегъ бѣднымъ. Сами князья принимались не иначе за дѣла, какъ отслушавъ службу Божию. Грозный въ Александровской слободѣ присутствовалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ каждый день и молился до того, что у него были раны на лбу. Жизнь благочестиваго царя Теодора вся почти проходила въ Богослуженіи. Присутствіе на всѣхъ службахъ входило даже въ дворцовый этикетъ. Таковую же ревность къ Богослуженію оказывали и частные люди. Жизнь благочестиваго человѣка вся построилась по церковному уставу; распредѣленіе времени, пища, одежда, этикетъ общежитія, отношеніе членовъ семейства—все носило печать религіи, считалось православнымъ, въ отличіе отъ чужаго, еретическаго и басурманскаго. Даже внѣшній видъ русскаго города и селенія показывалъ, что религія—господствующая сила въ странѣ; иностранцы видѣли въ городахъ множество богатыхъ церквей и монастырей; палаты богатыхъ людей и князей украшались внутри и снаружи на церковный ладъ. По городу постоянно слышался звонъ «доброшумныхъ» колоколовъ; на всѣхъ улицахъ стояли часовни и иконы въ оградахъ съ зажженными предъ ними свѣчами; прохожіе крестились предъ каждой часовней и церковію, а иные кланя-

земные поклоны; вездѣ можно было встрѣтить духовенство съ св. водой, крестами, иконами и пѣніемъ; весьма часто совершались торжественные крестные ходы.—Но, продолжаетъ авторъ, религиозное чувство, которое оживляетъ обрядъ и преобразуетъ нравственную жизнь человѣка, было мало развито... Подъ благочестивою внѣшностію въ обществѣ обнаруживалась азіатская грубость нравовъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ видимъ угнетеніе низшихъ классовъ высшими, бѣдныхъ богатыми, подчиненныхъ — начальствующими. Въ судѣ и управленіи господствовали страшныя пытки и страшныя казни. Неуваженіе къ личности, привычка давать волю рукамъ господствовали одинаково во всѣхъ классахъ общества. Разбои, наѣзды на чужіе дворы и имѣнія были обычными явленіями; въ нихъ упражнялись самые близкіе люди къ правительству—опричники. Существовали грубыя потѣхи, даяпримѣръ, кулачные бои, на которыхъ побивали людей до смерти. Грозный увеселялся травлею людей медвѣдами; тоже дѣлали другіе сильные люди. Общественныя сходки, пиры и бесѣды нерѣдко оканчивались дракой и убійствомъ; расходившійся человѣкъ не зналъ себѣ никакого удержа; убить человѣка въ такомъ видѣ называлось «поколоть по грѣхамъ». Иностранцы замѣтили въ русскихъ слабость чувства чести, лозы и обманы. Грозный, лаская нѣмцевъ, говорилъ имъ: «мои русскіе всѣ воры». Всякій, приставленный къ какому нибудь дѣлу, старался нажитья отъ того и т. д. (стр. 163—165).

Вмѣстѣ съ привязанностію къ внѣшнему обряду и грубостію нравовъ, во всѣхъ классахъ общества была распространена вѣра въ волшебство. «Къ его силѣ, говоритъ авторъ, прибѣгали не только простолюдины, но и бояре и даже княжеская семья. Супруга вел. кн. Василія, несчастная Соломонія, думала чрезъ знахарей избавиться отъ своего неплодія и сохранить къ себѣ любовь своего супруга. Самъ Василій, женившись на Еленѣ Глинской, призывалъ къ себѣ корельскихъ вѣдуновъ, чтобы они помогли ему произвести потомство. При воцареніи Годунова русскіе люди присягали: «надъ государемъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми, въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ, и ни въ чемъ другомъ, лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихаго и коренья

не давать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на гсудареве
 лѣно, слѣду не вынимать, вѣдовствожъ по вѣтру лиха не
 насылатъ (стр. 168)... Въ 1648 г. возникло цѣлое дѣло объ
 одной дворцовой мастерицѣ, зачѣмъ она продѣвала царское
 полотенце сквозь кольцо. Въ Шуѣ казнили смертію одного
 вѣдуна за то, что онъ дѣлалъ женщинъ вликушами. Тамъ
 же однажды собрали всѣхъ гражданъ по указу архіерея и
 спрашивали: «не вѣдалъ ли и не слыжалъ ли кто, какъ со-
 борный попъ Иванъ на медвѣдѣ вѣдилъ»? Всѣ сказали, что
 не видали и не слыжали. Изъ одного мѣста писали въ Мос-
 кву, что явился лихой человѣкъ, который выпускаетъ на лю-
 дей икоту,—изъ другаго, что знахарь испортилъ молодыхъ и
 гостей на свадебномъ пиру; и они начали кликать безъ ума
 и памяти» и т. п. (стр. 290). «Народное чудесничество поль-
 зовалось разными священными предметами; просвирни при-
 говаривали надъ просфорами; священники держали подъ пре-
 столомъ четверговую соль до 7 недѣль и потомъ продавали
 ее на врачеваніе людямъ и скотамъ, елали на 6 недѣль на
 престолъ дѣтскій послѣдъ (сорочки) и проч.» (стр. 169).

Это противорѣчіе между христіанскою внѣшностію и не
 христіанскими правами, между религіознымъ настроеніемъ и
 суевѣріями, подвергалось, разумѣется, сильному протесту со
 стороны Церкви, и авторъ во многихъ мѣстахъ своей книги
 приводитъ церковныя обличенія противъ развитія крайне-об-
 рядовой религіозности и грубаго проявленія нравовъ. Но
 обличенія — замѣчаетъ авторъ — оставались обличеніями, а
 жизнь шла обычнымъ, заведеннымъ порядкомъ, даже тѣ са-
 мые люди, которые всѣхъ рѣзче обличали обрядовое богослу-
 женіе, иногда были самыми типическими его представителя-
 ми; на примѣръ, І. Грозный, который предлагалъ такіа енер-
 гическія обличенія на Стоглавѣ и поучалъ кирилловскихъ
 монаховъ духовному посту и молитвѣ. Вся жизнь его въ
 Александровской слободѣ была устроена по монашескому чи-
 ну: царь былъ игуменомъ, опричники—братією съ разными
 монастырскими должностями—келаря, параклетиарха и т.
 д. Каждый день эта братія упражнялась въ богослуженіи,
 въ бесѣдахъ отъ Писанія, чтеніи прологовъ за трапезой, а
 въ промежуткахъ между молитвою шли страшныя пытки и

вазни или проявленія грубаго разврата» (стр. 164). «Замѣчательно,—говоритъ авторъ—въ другомъ мѣстѣ,—что самыя наставленія Стоглава касались больше всего внѣшности Бегослуженія, опредѣляли разныя обрядовыя дѣйствія священнослужителей, способы обращенія съ св. вещами, съ св. водою, просфорами, занимались подробностями касательно того, какъ совершать земные и поясные поклоны, какъ держать при этомъ руки и ноги, какъ складывать уста для цѣлованія вреста, иконъ и мощей, брать въ ротъ просфору и жевать ее и проч.» (стр. 161).

Въ такомъ же родѣ г. Знаменскій изображаетъ и другія стороны церковно-исторической жизни. Каждый вопросъ разсматривается имъ не односторонне, а со всею полнотою и обстоятельностью, насколько позволяетъ это объемъ книги и безпристрастное изслѣдованіе сущности дѣла. Съ видимою любовію, доходящею иногда до одушевленія, говоритъ онъ о древне-русскомъ монашествѣ и общественномъ значеніи монастырей, гдѣ былъ совершенно другой міръ,—міръ дивныхъ видѣній и чудесъ, гдѣ духъ господствовалъ надъ плотію, гдѣ подвиги монаховъ—этихъ богатырей духа—были поразительнѣе всѣхъ подвиговъ богатырей физической силы и сіяли, по выраженію Кирилла Туровскаго, выше мірской власти (стр. 46); но въ то же время не скрываетъ и не достатковъ монастырской жизни, проявившихся въ попрошайствѣ разныхъ пустынниковъ, поражавшихъ народъ своимъ страннымъ поведеніемъ, своими таинственными рѣчами и дѣйствіями,—въ пиррахъ, пьянствѣ и другихъ безчестіяхъ, доходившихъ до безобразія. Съ полнымъ сочувствіемъ онъ относится къ положенію блага духовенства и уваженію къ нему православнаго общества; но не оставляетъ безъ оговорки и того крайняго униженія, до котораго доведено было духовенство, когда оно стало тяглымъ классомъ по отношенію къ архіереямъ и должно было иной разъ силою отбиваться отъ архіерейскихъ сборщиковъ и владычныхъ людей (стр. 88),—когда какой нибудь дворянинъ трясъ священника за бороду, волочилъ его за ноги по землѣ въ ризахъ, проливалъ у него св. дары и въ то же время давалъ вклады въ монастыри, ставилъ предъ иконами пудовыя свѣчи, одѣлывалъ милостынею

ищихъ (стр. 293),—когда, наконецъ, безчестіе, причиненное священнику, оцѣнено было законодательствомъ въ 5 рублей, наравнѣ съ безчестіемъ мордвину и убійствомъ собаки (стр. 278). Живыми и яркими красками рисуетъ онъ благочестіе великихъ князей удѣльнаго вѣка и ихъ преданность православнои вѣрѣ и церкви; но не умалчиваетъ и о томъ, что князья, прославляемые лѣтописцами за благочестіе и добродѣтели, грабили и жгли церкви и монастыри въ чужомъ удѣлѣ и на счетъ чужаго добра и чужихъ православныхъ же святыхъ украшали свои собственныя святыни (стр. 41),— что князь одного удѣла унижалъ св. мощи, находящіяся въ другомъ удѣлѣ, и считалъ свои чудотворныя иконы и своихъ св. угодниковъ выше чужихъ (стр. 159). Однимъ словомъ, въ исторіи г. Знаменскаго факты говорятъ сами за себя, безъ всякихъ съ его стороны преднамѣренныхъ толкованій. Онъ является здѣсь не болѣе, какъ простымъ, но искуснымъ группировщикомъ историческихъ данныхъ, выработанныхъ наукою, и надобно отдать ему справедливость въ его искусствѣ. Въ одной сжатой, но по возможности полной и выразительной, картинѣ онъ очерчиваетъ всѣ стороны даннаго предмета и оставляетъ сильное и вмѣстѣ цѣльное впечатлѣніе въ душѣ читателя.

Исторія русской Церкви доведена г. Знаменскимъ до царствованія императрицы Елизаветы Петровны—включительно и раздѣлена имъ на девять отдѣловъ: въ первомъ—онъ изображаетъ начало христіанства въ Россіи до удѣльнаго вѣка, во второмъ—состояніе русской Церкви въ удѣльное время до нашествія монголовъ и усиленія сѣверовосточной Руси; въ третьемъ—состояніе Церкви въ удѣльное время послѣ усиленія сѣверной Руси до раздѣленія митрополіи; въ четвертомъ—московскую митрополію; въ пятомъ—кіевскую митрополію, по отдѣленіи отъ московской, до половины XVII вѣка; въ шестомъ—московское патріаршество съ первой половины XVII вѣка; въ седьмомъ—состояніе Церкви во второй половинѣ XVII в.; въ восьмомъ—состояніе Церкви во время реформы Петра Великаго; въ девятомъ—исторію Церкви при преемникахъ Петра. Въ основаніе такого дѣленія приняты авторомъ важнѣйшія моменты, имѣвшіе вліяніе на весь ходъ развитія

церковной жизни въ ту или другую эпоху. Такъ, напримѣръ, авторъ весьма справедливо рассматриваетъ состояніе Церкви въ удалённое время въ двухъ отдѣльныхъ формахъ развитія: въ первой—когда главнымъ средоточіемъ церковной жизни былъ Кіевъ и южно-русское племя; во второй—когда русская историческая жизнь отлила въ область Волги и завязала тамъ для себя новый центръ, вмѣсто южнаго Кіева, въ Москвѣ, куда передвинулось и средоточіе церковной жизни—русская митрополія. Не безъ основанія также, вопреки принятому въ учебникахъ порядку, авторъ отдѣльно излагаетъ исторію московской и кievской митрополій, такъ какъ судьба и характеръ управленія той и другой были совершенно различны и во многомъ даже противоположны. Въ то время, какъ московская митрополія, находившаяся подъ покровительствомъ государства, возрастала въ своихъ предѣлахъ, получала богатые средства отъ прарительства, украшалась внѣшнимъ благолѣпіемъ и возвысилась даже до степени самостоятельнаго патріархата,—кievская митрополія, напротивъ, находясь подъ властію иновѣрнаго правительства, терпѣла всякія насилія и притѣсненія и находила для себя единственную поддержку въ народѣ и православныхъ панахъ. Только въ *шестомъ и седьмомъ* отдѣлѣ авторъ едва ли имѣлъ достаточныя основанія, раздѣливъ исторію московскаго патріаршества въ XVII в. на двѣ эпохи, изъ которыхъ въ первой онъ изображаетъ состояніе Церкви въ первой половинѣ XVII столѣтія, а во второй—состояніе Церкви во второй половинѣ того же вѣка. По крайней мѣрѣ, въ краткой учебной книгѣ такое дѣленіе представляется излишнимъ, — тѣмъ болѣе, что самъ авторъ посвящаетъ первый отдѣлъ, почти на половину, обзорнѣю внѣшнихъ церковно-гражданскихъ событій, которыя безъ ущерба для дѣла могли бы быть соединены въ одинъ общій отдѣлъ, подъ названіемъ: «состояніе Церкви въ XVII вѣкѣ».

Излагая различные періоды церковной исторіи, авторъ не дѣлаетъ отступленій и переходовъ отъ одной части къ другой и не старается даже искать внѣшней связи между различными отдѣлами; тѣмъ не менѣе вездѣ у него замѣчается свой, строго-выдержанный планъ, опредѣляемый внут-

ренними соотношеніями частей самаго матеріала, подлежащаго изслѣдованію. Языкъ у него также отличается ясностію, точностію, выразительностію и нерѣдко художественною краткостію. Во многихъ мѣстахъ онъ вставляетъ въ разсказъ характеристическія выдержки изъ первоначальныхъ источниковъ, или старается въ своемъ собственномъ изложеніи удерживать характерность изображенія дѣла по источникамъ. Такое изложеніе придаетъ особенный интересъ книгѣ г. Знаменскаго; читая его страницы, невольно переносишься мыслію къ давноминувшимъ днямъ и какъ бы видишь предъ собою живыя историческія личности съ ихъ складомъ понятій и своеобразною рѣчью. Таковы достоинства разсматриваемой книги.

Но при всѣхъ капитальныхъ достоинствахъ, «руководство» г. Знаменскаго не чуждо и нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ въ научномъ, такъ и особенно въ педагогическомъ отношеніи. Вопервыхъ, у автора встрѣчаются по мѣстамъ мысли и сужденія, отзывающіяся какъ будто предвзятымъ взглядомъ и невыдерживающія исторической критики. Говоря, напримеръ, о вліаніи духовенства на гражданскія дѣла, онъ приписываетъ греческой іерархіи, управлявшей русскою Церковію, воспитаніе въ нашихъ князьяхъ идеи самодержавной власти, съ ея неограниченными правами и величіемъ, въ духѣ византійскихъ понятій объ имперіи и императорскомъ достоинствѣ. «Духовенство, по его словамъ, принесло съ собою изъ Византіи новыя понятія о верховной власти». Въ чемъ же состояли эти понятія? «Князю—вождю удалой дружины епископы говорили: князь, ты поставленъ отъ Бога». Кроме того, продолжаетъ авторъ, съ своей религіозно-нравственной точки зрѣнія они представляли князя не только блюстителемъ внѣшняго порядка, но простирали его вліаніе на нравственную жизнь подвластныхъ: «поставленъ на казнь злымъ и добрымъ на помилованіе»; юридическія понятія о правомъ и неправомъ превращаются въ понятія о добромъ и зломъ изъ области морали. Такъ, заключаетъ авторъ, — съ самою начала опредѣлилась важная задача духовенства въ нашей исторіи — содѣйствовать развитію княжеской власти» (стр. 10). Гдѣ же тутъ, спрашивается, византійское вліаніе? Не тоже ли самое возвѣщаетъ и Апостоль, когда говоритъ: *мысль*

власть, еще не отъ Бога; князи не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ; хотимъ ли не бояться власти, благо твори, и ямъли будешь похвалу отъ него. Божій бо слуга есть и т. д. (Рим. 13, 1. 3. 4). Такимъ образомъ, если епископы внушали князьямъ, что они поставлены отъ Бога и должны простираить свою власть не только на ви́шнюю, но и на внутреннюю, нравственную сторону подвластныхъ; то внушали это потому, что руководствовались христіанскими, а не византійскими понятіями о власти, и иначе и не могли внушать, какъ истолкователи христіанскаго ученія въ его истинномъ духѣ и смыслѣ. Поэтому и дальнѣйшее замѣчаніе автора, будто съ вмѣшательствомъ свѣтской власти въ нравственныя дѣла подчиненныхъ «юридическія понятія о правомъ и не правомъ превращаются въ понятія о добромъ и зломъ изъ области морали», представляется неумѣстнымъ, такъ какъ право, данное Богомъ гражданской власти, — карать зло и поощрять добро — есть столько же право моральное, сколько и юридическое, слѣдовательно зѣкъ нѣтъ «превращенія» одного права въ другое, а только соединеніе того и другаго. Еще яснѣе раскрываетъ авторъ вліяніе іерархій на развитіе гражданско-византійскихъ понятій въ нашихъ князьяхъ въ другомъ мѣстѣ. «Идеаломъ государства у него т. е. у духовенства, были—говоритъ онъ—Византійская имперія, съ которой одни іерархи, греки, были знакомы непосредственно, а другіе—русскіе, чрезъ «Кормчую»—источникъ всей ихъ юридической мудрости. И сами князья смотрѣли на имперію съ благоговѣніемъ. Дряхлая отъ старости и разврата, она все еще поражала бѣдныхъ князей своимъ блескомъ. Князья, связанные какииъ нибудь родствомъ съ императорами, пользовались особеннымъ почетомъ... «свѣтилися царски»... Въ знакъ уваженія князей, часто титуловали ихъ «царями»—титуломъ, который обыкновенно прилагался къ императору. О Мономахѣ составилось преданіе, по которому Византія, въ лицѣ императора Алексѣя Комнена, передала русскому князю знаки царскаго сана—вѣнецъ и бармы, и греческій митрополитъ Неофитъ совершилъ надъ нимъ обрядъ царскаго помазанія. Идея царской власти уже зародилась, но,—прибавляетъ авторъ,—еще много требовалось времени,

чтобы она нашла себя осуществление въ жизни» (стр. 30). Это осуществление совершилось уже при І. Грозномъ. «Онъ первый изъ русскихъ князей, по словамъ автора, составилъ себя полную теорію верховной власти, весь проникся ею и самъ ревниво благоговѣлъ предъ своимъ саномъ. На 17-мъ году онъ принялъ помазаніе на царство, по примѣру греческихъ царей и праждѣ своего Владиміра Мономаха, и явился первымъ «прирожденнымъ» и «Божіею милостію» царемъ» (стр. 134). Всѣ эти строки, помимо ихъ тенденціозности, страдаютъ отсутствіемъ истины. Странныя понятія—производить идею царской власти и даже самый титулъ «царя» отъ византійскихъ императоровъ. Какъ будто наши князья потому только и «свѣтились царски», что состояли въ какомъ либо родствѣ съ греческими императорами и какъ будто обрядъ помазанія только и существовалъ, что въ Византійской имперіи! Развѣ Библия не говоритъ намъ о царяхъ и священномъ помазаніи царей на царство? Не духовенство греческое, подъ вліяніемъ византійскихъ понятій, развило въ нашихъ князьяхъ идею царскаго достоинства, а Библия, которая стала имъ извѣстна съ принятіемъ христіанства, откуда бы оно ни пришло въ нимъ; и если бы греческій митрополитъ не совершилъ надъ Мономахомъ обряда помазанія на царство, то совершилъ бы его митрополитъ русскій, руководствуясь даже не греческою Кормчею, а однимъ только библейскимъ примѣромъ. Самъ І. Грозный, на котораго авторъ указываетъ, какъ на перваго изъ русскихъ князей, принявшихъ помазаніе на царство «по примѣру греческихъ царей», никогда не сознавалъ этого, а напротивъ, прямо говорилъ: «греки для насъ не Евангеліе, мы вѣруемъ Христу, а не грекамъ»; и защищая свое царское достоинство, онъ ссылаясь не на примѣры византійскихъ императоровъ, а на слово Божіе: «ты считаешь,—писалъ онъ Курбскому,—свѣтлостію благочестивою, когда государство обладаетя попомъ—невѣждою? Но Богъ не священника поставилъ надъ израилемъ, а Моисея, какъ царя»; таже мысль подтверждается у Грознаго и другими примѣрами изъ священнаго Писанія. Нѣкоторою тенденціозностію отзывается и слѣдующая мысль автора: «выигрышъ во внѣшней силѣ для іерархіи—говоритъ онъ,—съ

каждымъ новымъ княженіемъ все болѣе и болѣе сопровождался проигрышемъ въ степени ея государственной самостоятельности» (стр. 132). Какъ будто русская іерархія стремилась къ какой то особой самостоятельности, помимо государства, или какъ будто она хотѣла составить изъ себя нѣчто въ родѣ государства въ государствахъ? Только при такомъ стремленіи ея можно было бы говорить «о выигрышѣ или проигрышѣ ея въ степени государственной самостоятельности». Но такъ какъ этого не было въ дѣйствительности, то слова автора—однѣ фразы.

Во вторыхъ, нѣкоторые, неважные впрочемъ, факты въ книгѣ г. Знаменскаго представлены въ ненадлежащемъ или преувеличенномъ видѣ и оказываются не вполне согласными съ исторіею. Вѣротерпимость русскихъ къ иновѣрцамъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что русское общество еще «слабо сознавало вѣроисповѣдныя разности» и потому терпѣло подлѣ себя и латинянь, и жидовъ, и армянъ» (стр. 44); между тѣмъ какъ вѣротерпимость составляетъ національную черту русскаго народа, которая отличаетъ его на всѣхъ степеняхъ его историческаго и религіознаго развитія. Эта излишняя вѣротерпимость вызвала, по словамъ автора, противодѣйствіе митрополитовъ Григорія, Іоанна и другихъ, которые запрещали православнымъ не только участвовать въ латинскомъ Богослуженіи, но даже «имѣть съ ними общеніе въ пищѣ и питіи» (стр. 45); тогда какъ о митрополитѣ Іоаннѣ извѣстно только то, что онъ запрещалъ участіе въ латинскомъ Богослуженіи. Что же касается до общенія съ латинами въ пищѣ, то онъ прямо говоритъ: «пить съ ними при нуждѣ ради любви Христовой ни мало не возбранено». Неправильно также объясняетъ авторъ и цѣль школь, учрежденныхъ Ярославомъ и другими князьями древней Руси. «Цѣль школьнаго обученія, — говоритъ онъ, — состояла главнымъ образомъ въ умноженіи грамотныхъ священниковъ» (стр. 55). Но почтенному профессору, конечно, извѣстно, что въ древней Руси не было никакихъ сословныхъ училищъ, которыя назначались-бы преимущественно или исключительно для приготовления къ священному сану, а были только однѣ, общія для всѣхъ, народныя школы, цѣль которыхъ состояла въ распространеніи и утвер-

жденіи христіанскихъ понятій въ народѣ: «дабы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганую забывали», какъ ясно выражается одна лѣтопись. На страницѣ 39-й авторомъ не точно передается простодушный вопросъ Кирика, предложенный Нифонту, и чрезъ это еще болѣе онъ представляется простодушнымъ. По словамъ автора, Кирикъ будто бы спрашивалъ: «можно-ли попу служить (обѣдню), если онъ промолится всю ночь и не соснетъ?» Но недоумѣніе Кирика состояло собственно не въ томъ, что священникъ промолится всю ночь и не соснетъ, а въ томъ, что онъ промолится и не соснетъ *поужинавши*, и слѣдовательно долженъ былъ пріобщаться св. таинъ какъ-бы не натошахъ, потому что между употребленіемъ пищи съ вечера и обѣдней на другой день не было промежутка для сна. Едва ли также справедливо и замѣчаніе автора, высказанное на стр. 43, будто «древніе проповѣдники всякія сходки мужей съ женами на праздникахъ и прахъ прямо причисляли къ разврату». Вѣроятно, здѣсь разумѣется не «всякія сходки», а тѣ игрыща, на которыхъ, по свидѣтельству лѣтописей, «умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто совѣщашеся». Нельзя также согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ автора, будто сѣверное великорусское племя отличалось отъ племенъ южной Руси меньшимъ развитіемъ задушевности, скудостью сердечной теплоты, склонностію къ заведенному порядку, обрядности и церемониальности всякаго рода». Отсюда въ сферѣ религіи,—по словамъ автора,—выродилась замѣна задушевной религіозности соблюденіемъ обряда, религіозной формалистики, которая послѣ породила расколъ, въ Малороссіи неизвѣстный» (стр. 63). Подобное мнѣніе едвали можетъ быть оправдано достаточными, историческими основаніями и во всякомъ случаѣ представляется обиднымъ для великорусскаго племени. По крайней мѣрѣ, расколъ, на который указываетъ авторъ, какъ на подтвержденіе своего мнѣнія, произошелъ не столько отъ природной будто бы склонности великорусскаго народа къ религіозной формалистикѣ и обряду, сколько отъ его неразвитости и поразительнаго невѣжества, вслѣдствіе недостатка школъ и необразованности духовенства, которое само было тяглымъ классомъ и ничѣмъ не отличалось «отъ пахатныхъ мужиковъ». Уди-

вительно-ли, послѣ этого, если великорусскій народъ, по природѣ искренно религіозный, но не умѣвшій различать формы отъ содержанія, низвелъ религію на степенъ народнаго міросозерцанія и сталъ смотрѣть на обряды, не какъ на выраженіе внутренняго Богопочитанія, а какъ на нѣчто самостоятельное и спасительное само по себѣ, гдѣ отъ малѣйшаго измѣненія какого-либо слова и дѣйствія терялась вся спасительная сила, какъ терялъ свою силу волшебный заговоръ, прочитанный не вѣрно или безъ соблюденія какой-нибудь мелочи въ его чудеснической обстановкѣ?

Кромѣ недостатковъ въ научномъ отношеніи, въ книгѣ г. Знаменскаго представляются по мѣстамъ нѣкоторые промахи и въ отношеніи педагогическомъ. Вообще надобно замѣтить, что авторъ какъ будто мало заботился о разработкѣ историческаго матеріала съ учебно-воспитательными цѣлями. Поставивъ себѣ задачею раскрыть историческую истину со всею усердіемъ безпристрастнаго ученаго, онъ сообщаетъ иногда такіе факты и произноситъ такіа сужденія, которыя могутъ представлять нѣкоторую щекотливость и подавать поводъ къ разнымъ неблаговиднымъ толкованіямъ. Такъ, на примѣръ, у него попадаютъ иногда довольно рѣзкіе приговоры, относительно нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей и дѣлъ. Царя Феодора онъ называетъ «коронованнымъ монахомъ», который, даже во время приѣма иноземныхъ пословъ, презрительно улыбался, глядя на свою державу и думая о суетѣ земнаго величія» (стр. 138). О царицѣ Парасковіи замѣчается, что она «держала у себя цѣлый притонъ пророковъ и блаженныхъ» (стр. 328). Петръ Первый былъ, по его словамъ, «одержимъ мономаніею самодержавія» (стр. 327); а чрезъ нѣсколько страницъ передается грубая насмѣшка Петра надъ патриаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи «всешумнѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывший учитель царя, съ титуломъ Іоаникиты, патриарха пресбургскаго, яузскаго и всего Кукуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности—экклезіарховъ, дьяконовъ и проч., самъ царь принялъ на себя должность протодіакона (стр. 329). Императрица Елизавета представляется у автора жен-

щиною «съ поверхностнымъ образованіемъ, съ любовію къ удовольствіямъ, съ неумѣніемъ и непривычкою къ занятіямъ и неспособностію къ правленію» (стр. 407). Царствование императрицы Анны Іоанновны называется «нѣмецкимъ владычествомъ», а ея временщики — нѣмцы «смрадными совами, которыя возсѣли въ гнѣздѣ російскаго орла, златыми кумирами, которымъ не стыдились кланяться русскіе люди, дявольскими эмиссарами, чадами геенны, министрами беззаконія» и т. п. именами. Въ разсказѣ о распространеніи христіанства въ царствованіе Елизаветы Петровны авторъ довольно рѣзко выставляетъ участіе свѣтскихъ властей въ миссіонерскихъ дѣлахъ по казанскому краю, а это участіе состояло въ крутыхъ мѣрахъ, насиліи и поборахъ съ инородцевъ. При такомъ содѣйствіи правительства, миссіонеры, разумѣется, крестили инородцевъ цѣлыми волостями. Но крутыя мѣры вызвали и крутыя дѣйствія со стороны инородцевъ, такъ что нашимъ миссіонерамъ неразъ приходилось спасаться отъ раздраженія дикарей, съ помощію военныхъ командъ. «Правительство,—замѣчаетъ авторъ,—нашло поэтому нужнымъ умѣрить свою ревность къ вѣрѣ». Тѣ же мѣры къ обращенію инородцевъ дѣйствовали, по замѣчанію автора, и въ Сибири, и тѣже были результаты этихъ мѣръ; «цѣлыми толпами крестились язычники и повсюду волновались татары». (стр. 412—417).

Иногда встрѣчаются у автора двусмысленныя фразы и выраженія, сквозь которыя проглядываетъ какъ будто иронія или чувство негодованія, вызванное странными понятіями и дѣйствіями человѣческими. О преподобномъ Варлаамѣ замѣчается, что онъ основалъ хутыискій монастырь на пустынномъ мѣстѣ, гдѣ прежде жили «одни нечистые духи». (стр. 54). Иноки сѣверныхъ монастырей также селились въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ, гдѣ жили только звѣри и опять — «бѣсы» (стр. 97). О патріархѣ Іовѣ говорится, что онъ «скорбѣлъ, видя сѣмена лукавствія въ виноградѣ Христовомъ, къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую орошалъ слезами»,—а эти сѣмена лукавствія состояли только въ томъ, что въ высшихъ классахъ общества стали носить бороду, въ подражаніе иностранцамъ (стр. 195). «Вельми странно,—

замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—и сіе обрѣтается,— молитвы отсутствующимъ людямъ чрезъ посланниковъ ихъ въ шашку давать» (стр. 374). Говоря о паденіи Новгорода и давней политической враждѣ между Новгородомъ и Москвою, авторъ, согласно съ старыми преданіями, переноситъ эту вражду и на почившихъ владыкъ. «Усопшіе владыки—говоритъ онъ—являлись первому владыкѣ москвичу Сергію во снѣ и на яву, и съ гнѣвомъ укорали его, зачѣмъ онъ возсѣлъ на ихъ каедрѣхъ. Году не выдержалъ Сергій своего положенія въ Новгородѣ и сошелъ съ ума. На его мѣсто былъ поставленъ чудовскій архимандритъ Геннадій, которому почившіе владыки уже не являлись» (стр. 141). Подсмѣиваясь надъ педагогическими вразумленіями — побоями, которымъ должна подвергаться жена, по наставленіямъ Домостроя, авторъ иронически замѣчаетъ: «руководствуясь христіанскою любовію къ женѣ, мужъ только не долженъ бить ее по уху или видѣнію, пинкомъ, кулакомъ подъ сердце, или чѣмъ нибудь желѣзнымъ и деревяннымъ, а долженъ, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа» (стр. 196). Описывая строгія наказанія, которымъ подвергались главные противники исправленій Никона, авторъ двусмысленно замѣчаетъ объ этихъ людяхъ, что они «пользовались въ народѣ непоколебимой репутаціей святости: кто гласы отъ образовъ слышалъ, кто изцѣлялъ болѣзни, кто изгонялъ бѣсовъ» (стр. 300).

Всѣ эти недостатки въ изложеніи произошли отъ того, что авторъ, стараясь по возможности удержать характерность изображенія какого-либо факта по первоначальнымъ документамъ, употребляетъ такіа фразы и выраженія, которыя въ настоящее время утратили свой прежній смыслъ и представляются странными. Тѣмъ не менѣе подобный способъ изображенія историческихъ фактовъ и личностей, можетъ быть, умѣстный въ ученomъ сочиненіи, едва-ли удобенъ въ книгѣ, предназначаемой въ руководство учащемуся юношеству. Тою же причиною объясняется и то, что у автора попадаются по мѣстамъ слова, хотя и русскія, но вовсе вышедшія изъ употребленія и непонятныя для современнаго читателя; такovy напр. шпыни (стр. 252), повольники, (стр. 18), ямъ, мытъ,

тамга, доводчики, нравятчики (стр. 97), страхованья, русалья, наузы, адово подписаніе, домбры, сурны, усень (стр. 289), похимостиль (стр. 290), жалыники, (стр. 167) арбуны и т. п.

Впрочемъ всѣ указанные недостатки въ книгѣ г. Знаменскаго выкупаются положительными достоинствами, которыя, дѣйствительно, таковы, что заслуживаютъ серьезнаго вниманія и искренней благодарности отъ всякаго, сколько нибудь интересующагося дѣломъ самостоятельной и безпристрастной разработки исторіи отечественной Церкви. И если мы такъ долго останавливались надъ разборомъ разныхъ погрѣшностей, то единственно съ тою цѣлю, чтобы обратить на нихъ вниманіе самого автора и побудить его исправить ихъ при слѣдующемъ изданіи. Самый важный шагъ уже сдѣланъ авторомъ; первое и прочное начало къ составленію учебника уже имъ положено: но ему не мало еще предстоитъ труда надъ педагогическою разработкою историческихъ данныхъ. Желательно было бы также, чтобы онъ довелъ свой трудъ до новѣйшаго времени. Тогда книга его можетъ быть признана капитальнымъ учебнымъ руководствомъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ настоящемъ же, пока несправленномъ, видѣ, книга его можетъ быть рекомендована, какъ учебное пособіе для самихъ наставниковъ семинарій. Достоинство ея въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что она представляетъ въ себѣ сводъ всѣхъ научныхъ результатовъ по важнѣйшимъ вопросамъ, относящимся къ исторіи русской Церкви. Имѣя подъ рукой книгу г. Знаменскаго, наставникамъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не будетъ настоять надобности разсѣиваться вниманіемъ по разнымъ источникамъ и многотомнымъ сочиненіямъ. Жаль только, что сочинитель, при изложеніи фактовъ, не указываетъ источниковъ и лучшихъ специальныхъ изслѣдованій по важнѣйшимъ отдѣламъ русской церковной исторіи. Мы объясняемъ это тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду составленіе учебника, гдѣ такое требованіе не необходимо въ видахъ уже простаго сокращенія объема книги. Но для преподавателей это было бы весьма полезно.

вительно-ли, послѣ этого, если великорусскій народъ, по природѣ искренно религіозный, но не умѣвшій различать формы отъ содержанія, низвелъ религію на степенъ народнаго міросозерцанія и сталъ смотрѣть на обряды, не какъ на выраженіе внутренняго Богопочитанія, а какъ на нѣчто самостоятельное и спасительное само по себѣ, гдѣ отъ малѣйшаго измѣненія какого-либо слова и дѣйствія терялась вся спасительная сила, какъ терялъ свою силу волшебный заговоръ, прочитанный не вѣрно или безъ соблюденія какой-нибудь мелочи въ его кудеснической обстановкѣ?

Кромѣ недостатковъ въ научномъ отношеніи, въ книгѣ г. Знаменскаго представляются по мѣстамъ нѣкоторые промахи и въ отношеніи педагогическомъ. Вообще надобно замѣтить, что авторъ какъ будто мало заботился о разработкѣ историческаго матеріала съ учебно-воспитательными цѣлями. Поставивъ себѣ задачею раскрыть историческую истину со всѣмъ усердіемъ безпристрастнаго ученаго, онъ сообщаетъ иногда такіе факты и произноситъ такіа сужденія, которыя могутъ представлять нѣкоторую щекотливость и подавать поводъ къ разнымъ неблагоприятнымъ толкованіямъ. Такъ, на примѣръ, у него попадаютъ иногда довольно рѣзкіе приговоры, относительно нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей и дѣлъ. Царя Феодора онъ называетъ «коронованнымъ монахомъ, который, даже во время приѣма иноземныхъ пословъ, презрительно улыбался, глядя на свою державу и думая о суетѣ земнаго величія» (стр. 138). О царицѣ Парасковіи замѣчается, что она «держала у себя цѣлый притонъ пророковъ и блаженныхъ» (стр. 328). Петръ Первый былъ, по его словамъ, «одержимъ мономанією самодержавія» (стр. 327); а чрезъ нѣсколько страницъ передается грубая насмѣшка Петра надъ патриаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи «всешумнѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывшій учитель царя, съ титуломъ Іоаникиты, патриарха пресбургскаго, яузскаго и всего Кукуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности—экклезіарховъ, дьяконовъ и проч., самъ царь принялъ на себя должность протодіакона (стр. 329). Императрица Елизавета представляется у автора жен-

щиною «съ поверхностнымъ образованіемъ, съ любовію къ удовольствіямъ, съ неумѣніемъ и непривычкою къ занятіямъ и неспособностію къ правленію» (стр. 407). Царствованіе императрицы Анны Іоанновны называется «нѣмецкимъ владычествомъ», а ея временщики — нѣмцы «смрадными совами, которыя возсѣли въ гнѣздѣ російскаго орла, златыми кумирами, которымъ не стыдились кланяться русскіе люди, дьявольскими эмиссарами, чадами геенны, министрами беззаконія» и т. п. именами. Въ разсказѣ о распространеніи христіанства въ царствованіе Елизаветы Петровны авторъ довольно рѣзко выставляетъ участіе свѣтскихъ властей въ миссіонерскихъ дѣлахъ по казанскому краю, а это участіе состояло въ крутыхъ мѣрахъ, насиліи и поборахъ съ инородцевъ. При такомъ содѣйствіи правительства, миссіонеры, разумѣется, крестили инородцевъ цѣлыми волостями. Но крутыя мѣры вызвали и крутыя дѣйствія со стороны инородцевъ, такъ что нашимъ миссіонерамъ неразъ приходилось спасаться отъ раздраженія дикарей, съ помощію военныхъ командъ. «Правительство,—замѣчаетъ авторъ,—нашло поэтому нужнымъ умѣрять свою ревность къ вѣрѣ». Тѣ же мѣры къ обращенію инородцевъ дѣйствовали, по замѣчанію автора, и въ Сибири, и тѣже были результаты этихъ мѣръ; «цѣлыми толпами крестились язычники и повсюду волновались татары». (стр. 412—417).

Иногда встрѣчаются у автора двусмысленныя фразы и выраженія, севозъ которыя проглядываетъ какъ будто иронія или чувство негодованія, вызванное странными понятіями и дѣйствіями человѣческими. О преподобномъ Варлаамѣ замѣчается, что онъ основалъ хутынской монастырь на пустынномъ мѣстѣ, гдѣ прежде жили «одни нечистые духи». (стр. 54). Иноки сѣверныхъ монастырей также селились въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ, гдѣ жили только звѣри и опять— «бѣсы» (стр. 97). О патріархѣ Іовѣ говорится, что онъ «скорбѣлъ, видя сѣмена лукавствія въ виноградѣ Христовомъ, къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую орошалъ слезами»,—а эти сѣмена лукавствія состояли только въ томъ, что въ высшихъ классахъ общества стали носить бороду, въ подражаніе иностранцамъ (стр. 195). «Вельми странно,—

замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—и сіе обрѣтается,— молитвы отсутствующимъ людямъ чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать» (стр. 374). Говоря о паденіи Новгорода и давнио политической враждѣ между Новгородомъ и Москвою, авторъ, согласно съ старыми преданіями, переноситъ эту вражду и на почившихъ владыкъ. «Усопшіе владыки—говоритъ онъ—являлись первому владыкѣ москвичу Сергію во снѣ и на яву, и съ гнѣвомъ укоряли его, зачѣмъ онъ возсѣлъ на ихъ каедрѣ. Году не выдержалъ Сергій своего положенія въ Новгородѣ и сошелъ съ ума. На его мѣсто былъ поставленъ чудовскій архимандритъ Геннадій, которому почившіе владыки уже не являлись» (стр. 141). Подсмѣиваясь надъ педагогическими вразумленіями — побоями, которымъ должна подвергаться жена, по наставленіямъ Домостроя, авторъ иронически замѣчаетъ: «руководствуясь христіанскою любовію къ женѣ, мужъ только не долженъ бить ее по уху или видѣнію, пингомъ, булакомъ подъ сердце, или чѣмъ нибудь желѣзнымъ и деревяннымъ, а долженъ, снявъ рубашку, плеткою вѣжливиенько побить, за руки держа» (стр. 196). Описывая строгія наказанія, которымъ подвергались главные противники исправленій Никона, авторъ двусмысленно замѣчаетъ объ этихъ людяхъ, что они «пользовались въ народѣ непоколебимой репутаціей святости: кто гласы отъ образовъ слышалъ, кто изцѣлялъ болѣзни, кто изгонялъ бѣсовъ» (стр. 300).

Всѣ эти недостатки въ изложеніи произошли отъ того, что авторъ, стараясь по возможности удержать характерность изображенія какаго-либо факта по первоначальнымъ документамъ, употребляетъ такія фразы и выраженія, которыя въ настоящее время утратили свой прежній смыслъ и представляются странными. Тѣмъ не менѣ подобный способъ изображенія историческихъ фактовъ и личностей, можетъ быть, умѣстный въ ученомъ сочиненіи; едва-ли удобенъ въ книгѣ, предназначаемой въ руководство учащемуся юношеству. То же причиною объясняется и то, что у автора попадаются по мѣстамъ слова, хотя и русскія, но вовсе вышедшія изъ употребленія и непонятныя для современнаго читателя; таковы напр. шпыни (стр. 252), повольники, (стр. 18), ямъ, жыть,

тамга, доводчики, нравотчики (стр. 97), страхованья, русалда, наузы, адово подписаніе, домбры, сурны, усень (стр. 289), нохимостиль (стр. 290), жальники, (стр. 167) арбуи и т. п.

Впрочемъ всѣ указанные недостатки въ книгѣ г. Знаменскаго выкупаются положительными достоинствами, которыя, дѣйствительно, таковы, что заслуживаютъ серьезнаго вниманія и искренней благодарности отъ всякаго, сколько нибудь интересующагося дѣломъ самостоятельной и непристрастной разработки исторіи отечественной Церкви. И если мы такъ долго останавливались надъ разборомъ разныхъ погрѣшностей, то единственно съ тою цѣлю, чтобы обратить на нихъ вниманіе самого автора и побудить его исправить ихъ при слѣдующемъ изданіи. Самый важный шагъ уже сдѣланъ авторомъ; первое и прочное начало къ составленію учебника уже имъ положено: но ему не мало еще предстоитъ труда надъ педагогическою разработкою историческихъ данныхъ. Желательно было бы также, чтобы онъ довелъ свой трудъ до новѣйшаго времени. Тогда книга его можетъ быть признана капитальнымъ учебнымъ руководствомъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ настоящемъ же, пока несправленномъ, видѣ, книга его можетъ быть рекомендована, какъ учебное пособіе для самихъ наставниковъ семинарій. Достоинство ея въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что она представляетъ въ себѣ сводъ всѣхъ научныхъ результатовъ по важнѣйшимъ вопросамъ, относящимся къ исторіи русской Церкви. Имѣя подъ рукой книгу г. Знаменскаго, наставникамъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не будетъ настоять надобности разсѣиваться вниманіемъ по разнымъ источникамъ и многотомнымъ сочиненіямъ. Жаль только, что сочинитель, при изложеніи фактовъ, не указываетъ источниковъ и лучшихъ специальныхъ изслѣдованій по важнѣйшимъ отдѣламъ русской церковной исторіи. Мы объясняемъ это тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду составленіе учебника, гдѣ такое требованіе не необходимо въ видахъ уже простаго сокращенія объема книги. Но для преподавателей это было бы весьма полезно.

Отъ автора «Исторіи церкви», священника Владиміра Гетте,
къ гг. подписчикамъ.

Затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находятся нынѣ торговля и промышленность во Франціи, заставляютъ меня обратиться къ гг. подписчикамъ о сочувствіи къ издаваемой мною «Исторіи церкви».

Второй томъ этой книги печатался еще во время осады Парижа и послѣ снятія осады печатаніе ея продолжается. Но работа эта была бы болѣе дѣятельна и второй томъ появился бы ранѣе, если бы я могъ дать содержанию типографіи нѣсколько денегъ; въ такомъ случаѣ онъ предоставитъ всѣ станки въ мое распоряженіе.

Я буду весьма обязанъ гг. подписчикамъ, если они благоволятъ выслать мнѣ деньги впередъ за второй томъ. Чтобы избѣжать издержекъ при пересылкѣ хотя для Россіи, деньги можно адресовать на имя Мельера, придворнаго книгопродавца, въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ.

Почтеннымъ же подписчикамъ внѣ Россіи я предоставляю избрать путь, который они сами признаютъ лучшимъ.

Многіе изъ гг. подписчиковъ не сообщили мнѣ еще свои фамиліи, по этому покорнѣйше прошу ихъ сдѣлать это поскорѣе, если они желаютъ быть помѣщенными въ числѣ подписчиковъ на листѣ, который будетъ напечатанъ въ концѣ 2-го тома.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Слово на праздникъ Преображенія Господня. — Бесѣды православнаго христіанина изъ евреевъ съ новообращенными изъ своихъ собратій объ истинахъ св. вѣры и заблужденіяхъ талмудическихъ.
- II. Всемилостивѣйшія награды. — О штатахъ епархіальнаго управленія туркестанскаго генералъ-губернаторства. — Циркулярное объявленіе указа Святѣйшаго Синода, о вѣнчаніи нижнихъ воинскихъ чиновъ, уволенныхъ во временный отпускъ съ желтыми билетами. — Сочиненія, удостоенныя преміи преосвященнаго Макарія. — Отъ правленій с.-петербургской, пензенской, казанской, пермской, литовской, саратовской, симбирской и воронежской духовныхъ семинарій. — Благословеніе Святѣйшаго Синода. — Вѣдомость о пособіи лицамъ духовнаго званія. — Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. — Отывъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ о «руководствѣ къ русской церковной исторіи», составленномъ профессоромъ казанской духовной академіи Петромъ Знаменскимъ. — Отъ автора «Исторіи церкви», священника Владиміра Гетте, къ гг. подписчикамъ.
-

Дозволено цензурою.

Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

7 АВГУСТА № 32. 1871 ГОДА.

РЪЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ЕПИСКОПОМЪ СОФОНІЕЮ, ВИКАРИЕМЪ ХЕРСОНСКОЙ
ЕПАРХІИ, 4 ІЮЛЯ 1871 ГОДА, ПО ОСВЯЩЕНІИ НОВАГО ЗДАНІЯ,
УСТРОЕННАГО ДЛЯ ЖЕНСКОЙ ХЕРСОНСКОЙ ГИМНАЗИИ.

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНІЕ!

Возведеніе въ нашемъ отечествѣ школъ и всякаго рода учебныхъ разсадниковъ всегда было для русскаго сердца явленіемъ знаменательнымъ и отраднымъ. Но въ настоящее время, всякій видъ благотворительности, всякое свободное споспѣшествованіе дѣлу народнаго образованія—еще отраднѣе, выше и знаменательнѣе. Славная историческая эпоха государственныхъ преобразованій въ Россіи у насъ еще предъ глазами. И такъ, въ настоящее время, всякое новое предпріятіе, имѣющее цѣлю поддержать и расширить поприще об-

разованія для среды русской, служить нагляднымъ доказательствомъ, что благія намѣренія Благочестивѣйшаго Монарха нашего привлекли на себя благословеніе Божіе.

Что имѣлъ въ виду Царь - Преобразователь, приступая къ коренному измѣненію всего строя народной русской жизни? Не то ли, чтобы, пробудивъ доброе и уже возмужалое чувство въ русскомъ человѣкѣ, вдохнуть въ него св. стремленіе къ разумно-нравственному совершенству, какъ въ началу жизни тихой, довольной и безмятежной? Смотрите же, какъ видимо осуществляются эти благія намѣренія Помазанника Божія, и какъ примѣтно совершается въ средѣ нашей преобразование, не внѣшнее только, но и внутреннее. Смотрите, какъ безостановочно идетъ впередъ громадное дѣло нравственнаго возрожденія Россіи, и какъ осязательно сглаживаются въ ней устарѣвшія формы общенароднаго быта, замѣняясь, какъ бы сами собой, новыми, современными.

Еще живо въ нашемъ сознаніи то недавнее время, когда и мужскія училища вводились у насъ не безъ напряженныхъ успій со стороны правительства и не безъ пререканій и задержекъ со стороны массъ народныхъ. Теперь же, благодареніе премпосердому Господу, не одни мужскія, но и женскія образовательныя заведенія, — заведенія разныхъ родовъ и названій, — заведенія и чисто-грамотныя и грамотно-руководѣльныя, возникаютъ однѣ за другими, почти всюду, и не только въ видѣ школъ элементарныхъ и прunedвическихъ, приготовительныхъ, но и въ видѣ гимназій и другихъ среднихъ и высшихъ училищъ, съ полными педагогическими курсами. Да, въ настоящую минуту, такъ и видишь, какъ русскій человѣкъ выступаетъ на жизненное поприще, не въ лицѣ лишь мужчины, но и женщины, — выступаетъ съ пробуждающимся сознаніемъ личныхъ правъ, свойственныхъ каждому разумно-свободному существу, независимо отъ различій возраста, пола, сословій и родовыхъ преимуществъ.

И вотъ гдѣ кроется основаніе того, слишкомъ еще новаго для многихъ изъ насъ, явленія, что современная русская женщина начинаетъ какъ бы отрѣшаться отъ стѣснявшихъ ее ограниченій и выходитъ изъ узкой колеи старинныхъ обычаевъ и преданій. Я не говорю, что у насъ также какъ и

у народовъ, жившихъ до рождества Христова, женщина не имѣла ни личной заслуги, ни самобытности; не говорю, что и наши предки смотрѣли на женщину, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, кои тогда только предоставляли своей женщинѣ и значеніе и полное право жизни, когда она представлялась ихъ возрѣнію въ неразрывной связи съ ея мужемъ; внѣ же супружества, еврейская женщина не только для другихъ, но и для себя самой казалась какимъ то жалкимъ существомъ, не имѣющимъ ни смысла, ни цѣли, ни значенія.

Но если у насъ православной русской женщинѣ и не было отказываемо ни въ правѣ жизни, ни въ значеніи, ни даже въ должномъ уваженіи; то все же она не свободна была отъ предзапятыхъ понятій, потому что едва ли сама она, по духу смиренія, не отказывала себѣ въ сознаниі своего достоинства, а особенно—въ правѣ на грамотность и научное образованіе, считая всякое книжное дѣло, мало-что не полезнымъ для себя, но и чуть ли не вреднымъ; по крайней мѣрѣ,—не святымъ, а потому и неподходящимъ къ кругу ея домашне-семейной дѣятельности. Какъ бы то нибыло, но то не сомнѣнно, что продолжавшійся доселѣ періодъ школьной апатіи у насъ оканчивается; и что съ наступленіемъ новой эры въ жизни русской женщины, русскій семейный бытъ не можетъ не возвыситься и не улучшиться, хотя внутренній, основной складъ его и остается неизмѣннымъ.

Да и что могло бы измѣнить основу быта семейнаго? Не то ли, что женскія личности, вступивъ на ученое поприще, на ряду съ будущими судіями и законовѣдами, устремятся къ службѣ государственной и перестанутъ быть матерями семействъ? Но будьте покойны. Богоправимая воля Русскаго Самодержца, соизволивъ на вступленіе женщины въ общественное служеніе, уже очертила тѣ неширокіе предѣлы, коими должна ограничиваться ея официальная дѣятельность. Кромѣ того, не опускайте изъ виду, что лучшая сфера для жизненной дѣятельности женщины есть сфера семейная. Служеніе въ нѣдрахъ родной семьи и подъ кровомъ домашнимъ неказисто и неблистательно; но оно по преимуществу принадлежитъ женщинѣ, и во всякомъ случаѣ высоко, бла-

готворно и вполне сообразно съ предвѣчными уставами Зиждителя вселенной.

Припомните, не самъ ли Творецъ мужа и жены разграничилъ между ними труды и занятія, указавъ одному на работы внѣ дома, а другой—въ самомъ домѣ? Да и физическія свойства обонхъ не говорятъ ли, что женѣ, какъ *сосуду немогучійшему* (1 Петр. 3, 7), естественнѣе оставаться подъ кровомъ домашнимъ и трудиться, имѣя въ виду не столько пріобрѣтеніе жизненныхъ средствъ, сколько завѣдываніе тѣмъ, что пріобрѣтается мужчиною, и благоразумное употребленіе всего, сообразно насущнымъ потребностямъ, какъ семейнымъ, такъ и вообще хозяйственнымъ и домашнимъ. А говорить ли о томъ, что еще есть миссія, возложенная на жену,—миссія гораздо высшая и благодѣтельнѣйшая? Творческая десница, вручая жену мужу, какъ помощницу, имѣла въ виду не одно то, чтобы эта помощница—этотъ вѣнецъ и завершеніе всего творенія, возспособляла и облегчала мужу однѣ лишь внѣшнія нужды жизни временной. Нѣтъ! Жена—эта *плоть отъ плоти и кость отъ костей* мужа,—является въ міръ, какъ живая, производительная сила, какъ одушевленное орудіе Творческихъ цѣлей и намѣреній, какъ жизнь и мать всѣхъ живущихъ,—является для того, чтобы ей не только участвовать съ мужемъ самымъ живымъ и сочувственнымъ образомъ въ рожденіи и воспитаніи чадъ, но и брать на себя всю тяжесть болѣзней перваго, и наибольшую долю скорбей и печалей послѣдняго. И вотъ настоящее назначеніе жены! Вотъ та ея прямая и существенная профессія въ родѣ человѣческомъ, выше и досточтимѣе коей ничего не можетъ быть, ни по простотѣ дѣйствованія на человѣчество, ни по силѣ вліанія на него.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте въ средѣ юнаго семейства мать, не только горячо любящую, но и свято вѣрующую, и не только вѣрующую, но и образованную наукою и возрожденную благодатію. Меня изумляетъ то громадное вліаніе, которое можетъ имѣть она на своихъ разумно-словесныхъ претендовъ, въ дѣлѣ ихъ воспитанія. Какихъ силъ душевныхъ не подмѣтитъ и не пробудитъ въ нихъ ея богопросвѣщенное чувство? Какихъ наклонностей къ добру не затронетъ и не

укоренить въ ихъ незлобивомъ сердцѣ ея благочестіе? Какихъ зачатковъ зла, присущаго человѣчеству, не потушитъ въ дѣвственной груди ихъ ея слезная о нихъ молитва къ Богу? Какими, наконецъ, изъ основныхъ истинъ св. вѣры не осѣменить, еще свободное отъ тлетворныхъ обаяній міра, все существо ихъ ея собственная вѣра? Такимъ образомъ, смотрите, не то же ли, что дѣлали нѣкогда Апостолы въ мірѣ, обходя веси и грады, и что проповѣдуютъ нынѣ церковные пастыри во храмахъ, — не то же ли самое сердобольная и просвѣщенная мать предначинаетъ въ тиши своего маленькаго міра семейнаго, созидавая и укореняя въ своихъ чадахъ и домочадцахъ, — въ этой небольшой домашней церкви, твердое основаніе вѣры во Христа и во все святое?

Евангеліе говоритъ намъ, что Христосъ Господь, по торжественномъ вѣздѣ въ Иерусалимъ, входилъ во храмъ, и что тамъ еврейскіе отроки, встрѣчая Его съ дѣтскою радостію, не смотря на негодованіе своихъ книжниковъ и старцевъ, неумолкаемо восклицали Ему: *осанна Сыну Давидову*. Позвольте приостановить ваше вниманіе и спросить: откуда и къѣмъ возбуждена была въ дѣтяхъ такая восторженная радость? Кто такъ сильно вдохнулъ въ нихъ вѣру, что Иисусъ, Пророкъ галилейскій, есть ожидаемый Мессія? Кто воспламенилъ въ сердцахъ ихъ любовь къ Нему? Можетъ быть, и отцы ихъ, но не вѣрише ли—матери, — не тѣ ли самыя матери, которыя когда-то ихъ же приводили къ Нему, *да руцѣ возложитъ на нихъ и помолится* (Матѣ. 19, 13—15)?

Таково не примѣчаемое дѣйствіе простой, неграмотной матери на семейную среду своихъ кровныхъ! Такъ не отразимо ея вліяніе на младенчаствующее человѣчество, какъ бы и гдѣ бы то ни было! Придайте же этому, столь вліятельному существу, называемому матеріею, научный смыслъ и просвѣщеніе, — и подумайте, какихъ тогда услугъ въ будущемъ не вправѣ было бы ожидать отъ нея человѣчество и особенно христіанское?

Но будущее въ десницѣ Вышняго. Между тѣмъ, мы не можемъ не благодарить благаго Промыслителя и за то, чѣмъ Онъ благословляетъ насъ въ настоящемъ. Мы стоимъ подъ кровомъ новаго зданія, воздвигнутаго разумнымъ усердіемъ

христіанской благотворительности (1). Молитвенно призвавъ щедроты и милость Божію на просвѣщенное благотвореніе, мы призвали, по мѣрѣ вѣры, и на самое мѣсто сіе благословеніе Божіе и благодать освященія. Остается уповать и съ крѣпкою вѣрою непреставать молиться ко Отцу щедротъ, да не оскудѣетъ во вѣки въ столпостѣнахъ дому сего всезидущая сила Его благословенія; тѣмъ паче, да знаменуется присно свѣтъ благодати Христовой не только на всѣхъ имѣющихъ обитать въ этомъ разумно-живомъ питомникѣ, но и на всѣхъ пекущихся о немъ и благотворящихъ ему, на всѣхъ начальствующихъ въ немъ, учащихъ и учащихся.

Симъ надлежало бы и закончить мнѣ свое слово; но я заключаю его обращеніемъ къ вамъ, юныя питомицы.

Если вы, вступая на поприще образованія, хотите не только удостоиться и благословенія Божія и благодати заслугъ Христовыхъ, но и удержать ихъ навсегда, то положите въ основу всѣхъ вашихъ научныхъ трудовъ и занятій, заботъ и попеченій, помысловъ и желаній, смиреніе и страхъ Божій. О, именемъ Христовымъ молю васъ, стяжите это сокровище, этотъ неоцѣненный даръ неба! Страхъ Божій, сопровождаемый смиреніемъ, есть такое благо, безъ коего немислимы ни миръ и радость на землѣ, ни полное блаженство въ небѣ. Страхъ Божій не только есть начало искомаго вами истиннаго просвѣщенія, но и живая охранительная сила, могущая соблюсти и укрѣпить въ васъ и вашу вѣру въ Спасителя, и св. любовь къ Нему, и преданность въ Его волю, и *чистоту сердца* вашего, и присную въ васъ *радость о Духъ Святъ*. Что же касается смиренія, то это благолѣпное украшеніе особенно дѣвъ мудрыхъ, служить возглавленіемъ всѣхъ нравственныхъ совершенствъ, не человѣческихъ только, но и ангельскихъ. Помните, что сказала о смиреніи одна Дѣва, — Дѣва Препоблагословенная и Пресвятая: «**Б о г ъ , С п а**

---

(1) Зданіе выстроено особымъ усердіемъ попечительницы гимназій, г-жи Карновичъ (супруги херсонскаго вице-губернатора) и большею частью на ея собственные средства. Затѣмъ, значительнѣйшее участіе принимали въ немъ: херсонскія градская дума и земская управа.

ситель мой, призрѣль на смиреніе рабъ своея» (Лук. 1, 47. 48). Къ этой-то Дѣвѣ. обращаясь, умоляю Ея милосердіе и благость, да пребудутъ надъ вами и надъ всѣмъ домою смѣ, и надъ всѣми живущими въ немъ, Ея державный покровъ и молитвы, отнынѣ и до вѣка. (1).
Аминь.

ОРУЖІЕ ХРИСТІАНИНА.

Въ древности, воинъ, выходя на сраженіе, опоясывался поясомъ, облачался въ броню, обувалъ ноги, на голову надѣвалъ шлемъ, потомъ въ одну руку бралъ щитъ для отраженія стрѣлъ врага, а въ другую мечъ для его пораженія. Точно также, только въ иномъ смыслѣ и для иной борьбы, заповѣдуетъ вооружаться святой Апостоль Павелъ каждому христіанину. *Станите, говоритъ онъ, препоясани чресла ваши истинною, и облекитесь въ броня правды, и обувите ноги во уготованіе благовѣствованія мира: надъ всѣми же воспріимите щитъ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити: и шлема спасенія воспріимите, и мечъ душоный, иже есть глаголю Божій* (Еф. 6, 14—18).

Кто тѣ враги, съ которыми каждый христіанинъ долженъ сражаться, по заповѣди апостольской? Враги эти тѣже, что были и во времена Апостоловъ,—тѣже, что и во всѣ времена ратовали и будутъ ратовать противъ вѣры и Церкви Божіей на землѣ,—это не простые воины, которыхъ можно видѣть и которыхъ можно поражать обыкновенными земными оружіями, а «начала, власти и міродержители тмы вѣка сего, духи злобы поднебесныя; яко плоть наша брань къ крови и плоти, но къ началамъ, и ко властямъ и ко міродержи-

---

(1) При сихъ словахъ преосвященный осѣнилъ воспитанницъ и всѣхъ предстоящихъ иконою Пресвятой Богоматери и вручилъ ее директрисѣ гимназій.

телами тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Еф. 6, 12).

Впрочемъ эти невидимые враги дѣйствуютъ противъ насъ и видимо, чрезъ такихъ же какъ мы людей, *чрезъ снмовѣ претисленія*. Такъ, въ первые вѣка христіанства дѣйствовали они чрезъ гонителей, которые около трехъ сотъ лѣтъ преслѣдовали христіанъ и какихъ только средствъ не придумывали, чтобъ стереть ихъ съ лица земли! Не успѣли они поколебать Церкви Христовой чрезъ гоненія, — воздвигли изъ нѣдръ ея еретиковъ, — аріанъ, несторіанъ и другихъ безчисленныхъ, которые извращали самыя основанія вѣры Христовой, и свѣтъ истины усиливались омрачить ложью, ими измышленною. Въ седьмомъ вѣкѣ явился Магометъ, въ девятомъ возникло пагубное раздѣленіе церквей: цѣлая половина христіанъ-западныхъ, движимая честолюбіемъ римскаго первосвященника, отдѣлилась отъ единенія съ православнымъ Востокомъ, и до сихъ поръ враждуетъ противъ него и не ищетъ соединенія. Что касается нашей отечественной Церкви; то въ прежнія времена духъ злобы ратовалъ противъ нея чрезъ остатки языческихъ суевѣрій, чрезъ татаръ, чрезъ невѣжество, — а теперь силится поколебать ее съ одной стороны тѣмъ же упорнымъ невѣжествомъ, какое выразилось и сохраняется въ расколѣ главнымъ образомъ, — съ другой вольномысліемъ. Первые, раскольники, — вѣнне вѣры и любви ставятъ преданія человѣческія; а вольнодумцы, подъ предлогомъ движенія впередъ, требуютъ, чтобы мы отказались отъ всего стараго, какъ негоднаго, въ томъ числѣ и отъ вѣковыхъ вѣрованій Церкви и даже отъ самой вѣры въ Христа — Бога и Спасителя нашего. Вотъ наши видимые враги, въ послѣднія времена выдвинутые противъ насъ невидимыми исконными врагами спасенія человѣческаго, — началами, и властями, и миродержателями тмы вѣка сего, духами злобы поднебесными. Сильны ли эти враги, спросить кто нибудь? Можетъ быть, и сильны, — только имъ не побѣдить насъ и не поколебать нашей вѣры, если мы, какъ заповѣдуетъ святой Апостолъ, станемъ противъ нихъ, опоясанные истиною и облеченные въ броню правды, т. е. если мы сами хорошо будемъ знать ученіе, которое содержимъ и за которое приходится намъ

воевать съ противниками,—и не только будемъ знать ученіе, но и соблюдать его на самомъ дѣлѣ,—если будемъ учить праведно, какъ заповѣдуетъ намъ св. Евангеліе; если притомъ обуюмъ ноги свои *въ уютованіе благовѣствованія мира*, т. е. не будемъ молчать о своемъ ученіи, а дерзновенно о немъ возвѣщать всегда и всѣмъ, съ кѣмъ бы намъ ни приходилось бесѣдовать; если наконецъ возьмемъ щитъ вѣры, шлемъ спасенія и духовный мечъ,—*глаголь Божій*, т. е. твердо будемъ вѣровать въ свое ученіе, неуклонно идти спасительнымъ путемъ къ небу и поражать враговъ своихъ не столько разумомъ и философіей вѣка, а болѣе духовнымъ мечемъ, *иже есть глаголь Божій*, т. е. словомъ Божиимъ.

Что, въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда произвело и до сихъ поръ поддерживаетъ расколъ, и откуда въ послѣднее время возникло вольномысліе? Странно сказать, а причины того и другаго явленія почти однѣ и тѣже и прежде всего—невѣжество и развращеніе. Когда, особенно въ тяжкія времена татарскаго ига, школь у насъ не было, когда рѣдкіе учились и то кой чему и кой какъ,—народъ, естественно, не многое понималъ въ вѣрѣ и мало по малу привыкъ всю вѣру и всю добродѣтель полагать въ одномъ строгомъ и точномъ соблюденіи церковныхъ обрядовъ. Между тѣмъ печатныхъ церковныхъ книгъ не было; а переписывали ихъ люди еле грамотные, причемъ, естественно, дѣлали въ нихъ много разныхъ ошибокъ. Когда при патріархахъ и царяхъ, при первыхъ лучахъ образованности, ошибки въ церковно-богослужебныхъ книгахъ были замѣчены и приступлено было къ ихъ исправленію, невѣжды приняли это исправленіе за измѣненіе самой вѣры и востали на исправителей съ проклятіями на всю Церковь, не только Русскую, но и Вселенскую. «Какъ! Вы развращаете вѣру, трегубите, аллилуйя, креститесь тремя перстами, употребляете четырехконечный крестъ вмѣсто осмиконечнаго: вы еретики, антихристы; ваша Церковь не Церковь, богослуженіе—идолопоклонство, Таинства—не таинства». И, Боже мой, чего только не говорили и не говорятъ они противъ святой Церкви! А изъ за чего же? Не только вѣры, даже обрядовъ богослуженія православная Церковь не измѣняла; а только исправила въ нихъ погрѣшности и отступленія, какія прежде

были внесены невѣждами переписчиками церковно-богослужебныхъ книгъ, исправля притомъ соборнѣ, въ согласіи съ Церковію греческою, по стариннымъ ея книгамъ и рукописямъ; а раскольники отдѣлились отъ нея и проклинають за это самое справедливое и вполне богоугодное дѣло. Скажите: есть-ли тутъ хоть капля здраваго человѣческаго смысла—возставать противъ св. Церкви за такое исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, согласно съ Церковію Вселенскою? Тѣмъ болѣе, можно ли ее проклинать, называть еретическою, отвергать священство и, страшно сказать, отвергать и уничижать самыя Таинства, безъ которыхъ ни для кого ни когда не возможно спасеніе? Да, наконецъ, развѣ въ четырехконечномъ крестѣ, въ сугубомъ аллилуія, въ двуперстномъ сложеніи, въ старой неисправной книгѣ, въ потемнѣвшей отъ древности иконѣ больше спасенія?—Но, съ другой стороны, какъ посмотрятъ раскольники, что православные живутъ не лучше ихъ, что внутренній свѣтъ ихъ вѣры не много извнѣ свѣтится, что освящающая ихъ благодатная сила св. Таинствъ не обнаруживается замѣтно въ ихъ дѣятельности, что обрядовъ своей родной Церкви иной православный христіанинъ не уважаетъ вовсе, что иной, на примѣръ, даже въ великій постъ рѣшительно безъ всякой нужды преспокойно себѣ—ѣсть говядину, въ храмъ ходить раза два въ годъ и то почти не для молитвы, а такъ—по обычаю,—вмѣсто крестнаго знаменія надменно и грубо выводить на груди какія то совершенно безмысленныя фигуры, а дома и взятки беретъ, и пьянствуетъ, и распутничаетъ; какъ видятъ все это раскольники въ православныхъ,—такъ по неволѣ задумываются и продолжаютъ, косясь въ своихъ заблужденіяхъ, злословить не пороки людскіе, а св. Церковь.

Тоже нужно сказать и о вольнодумцахъ. Образуются они, по большей части, весьма просто изъ того же невѣжества, изъ какого образовался и расколъ. Какъ родители, по модѣ, въ молодости ничего не скажутъ дѣтямъ своимъ о Богѣ, о вѣрѣ, о добродѣтели, какъ въ школѣ ихъ поучать чему нибудь и какъ нибудь и въ совершенствѣ преподадутъ только французскій языкъ и танцы и съ такими познаніями выпустить въ свѣтъ: понятно,—какой отъ нихъ можно ждать вѣ-

ры? Какой искренней христіанской добродѣтели? Попадется имъ въ руки самая пустая, заграничная вольнодумная книжонка, и—вотъ наши вольнодумцы увлечены ею и провозглашаютъ ее, какъ послѣднее слово науки, — тѣмъ болѣе, что отвергать всегда легче, чѣмъ строго вѣровать, и своевольничать пріятнѣе, чѣмъ поступать по закону и совѣсти. А какъ посмотрятъ они также на людей, называющихъ себя православными, что, говоря о вѣрѣ, они о вѣрѣ не думаютъ, ея внушеній не исполняютъ на самомъ дѣлѣ и живутъ иногда не лучше невѣрующихъ: такъ и подавно тѣмъ съ большею ревностію начинаютъ кричать противъ вѣры, вольнодумствовать. Ктожь, спрашивается, виноваты въ томъ, что у насъ есть раскольники и вольнодумцы? Виноваты, безъ сомнѣнія, и они сами, что не знаютъ истины и не хотятъ узнать ее, между тѣмъ противъ нея ратуютъ; но виноваты и православные тѣмъ, что сами мало и худо съ младенчества изучаютъ свое ученіе, — святую православную вѣру, — особенно виноваты тѣмъ, что вѣры своей не оправдываютъ отъ дѣла, — не облечены въ броню правды, что мы не живемъ такъ, чтобы свѣтъ нашъ извнѣ свѣтился и невольно бы заставлялъ враговъ нашихъ уважать насъ, а съ нами и Божественную вѣру нашу и, видя наши добрыя дѣла, прославлять Господа, по слову Его: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ чelовѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Матѣ. 5, 16).

И въ томъ много виноваты православные, что мало говорятъ о своей вѣрѣ съ невѣрующими и неправо-вѣрующими и неготовы всегда на благовѣствованіе. Иной, напримѣръ, цѣлый вѣкъ живетъ съ раскольникомъ, ведетъ съ нимъ общія дѣла, ѣсть за однимъ столомъ, дружится; а ни разу серьезно не поговорить съ нимъ о своей и его вѣрѣ. Скорѣе раскольникъ будетъ совращать его въ свой толкъ, чѣмъ нашъ православный христіанинъ позаботится о душѣ явно погибающаго своего собрата. Странно, а между тѣмъ это горькая истина! Или еще примѣръ: не мало есть православныхъ христіанъ, которые, входя въ домъ къ какому нибудь современному прогрессисту, стыдятся осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, которые съ удовольствіемъ будутъ говорить

христіанской благотворительности (1). Молитвенно призвавъ щедроты и милость Божию на просвѣщенное благотвореніе, мы призвали, по мѣрѣ вѣры, и на самое мѣсто сіе благословеніе Божіе и благодать освященія. Остается уповать и съ крѣпкою вѣрою непреставать молиться ко Отцу щедротъ, да не оскудѣетъ во вѣки въ столпостѣнахъ дому сего всеизидущая сила Его благословенія; тѣмъ паче, да знаменуется присно свѣтъ благодати Христовой не только на всѣхъ имѣющихъ обитать въ этомъ разумно-живомъ питомникѣ, но и на всѣхъ пекущихся о немъ и благотворящихъ ему, на всѣхъ начальствующихъ въ немъ, учащихъ и учащихся.

Симъ надлежало бы и закончить мнѣ свое слово; но я заключаю его обращеніемъ къ вамъ, юныя питомицы.

Если вы, вступая на поприще образованія, хотите не только удостоиться и благословенія Божія и благодати заслугъ Христовыхъ, но и удержать ихъ навсегда, то положите въ основу всѣхъ вашихъ научныхъ трудовъ и занятій, заботъ и попеченій, помысловъ и желаній, смиреніе и страхъ Божій. О, именемъ Христовымъ молю васъ, стяжите это сокровище, этотъ неоцѣненный даръ неба! Страхъ Божій, сопровождаемый смиреніемъ, есть такое благо, безъ коего не мыслимы ни миръ и радость на землѣ, ни полное блаженство въ небѣ. Страхъ Божій не только есть начало искомаго вами истиннаго просвѣщенія, но и живая охранительная сила, могущая соблюсти и укрѣпить въ васъ и вашу вѣру въ Спасителя, и св. любовь къ Нему, и преданность въ Его волю, и *чистоту сердца* вашего, и присною въ васъ *радость о Духъ Святъ*. Что же касается смиренія, то это благолѣпное украшеніе особенно дѣвъ мудрыхъ, служить возглавленіемъ всѣхъ нравственныхъ совершенствъ, не человѣческихъ только, но и ангельскихъ. Помните, что сказала о смиреніи одна Дѣва,—Дѣва Преблагословенная и Пресвятая: «**Б о г ѣ , С п а**

---

(1) Зданіе выстроено особымъ усердіемъ попечительницы гимназій, г-жи Карновичъ (супруги херсонскаго вице-губернатора) и большею частью на ея собственныя средства. Затѣмъ, значительнѣйшее участіе принимали въ немъ: херсонскія градская дума и земская управа.

ситель мой, призрѣль на смиреніе раби своея» (Лук. 1, 47. 48). Къ этой-то Дѣвѣ. обращаясь, умоляю Ея милосердіе и благодать, да пребудутъ надъ вами и надъ всѣмъ домою смѣ, и надъ всѣми живущими въ немъ, Ея державный покровъ и молитвы, отнынѣ и до вѣка. (1). Аминь.

ОРУЖІЕ ХРИСТІАНИНА.

Въ древности, воинъ, выходя на сраженіе, опоясывался поясомъ, облачался въ броню, обувалъ ноги, на голову надѣвалъ шлемъ, потомъ въ одну руку бралъ щитъ для отраженія стрѣлъ врага, а въ другую мечъ для его пораженія. Точно также, только въ иномъ смыслѣ и для иной борьбы, заповѣдуетъ вооружаться святой Апостоль Павелъ каждому христіанину. *Станите, говоритъ онъ, препоясани чресла ваша истинною, и облекитесь въ броня правды, и обувайте ноги во уготованіе благовѣствованія мира: надъ всѣми же воспримите щитъ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаво разжженныя уясити: и шлема спасенія воспримите, и мечъ духовный, иже есть глаголю Божій* (Еф. 6, 14—18).

Кто тѣ враги, съ которыми каждый христіанинъ долженъ сражаться, по заповѣди апостольской? Враги эти тѣже, что были и во времена Апостоловъ,—тѣже, что и во всѣ времена ратовали и будутъ ратовать противъ вѣры и Церкви Божіей на землѣ,—это не простые воины, которыхъ можно видѣть и которыхъ можно поражать обыкновенными земными оружіями, а «начала, власти и міродержители тмы вѣка сего, духи злобы поднебесныя; яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ и ко міродержи-

---

(1) При сихъ словахъ преосвященный осѣнилъ воспитаницъ и всѣхъ предстоящихъ иконою Пресвятой Богоматери и вручилъ ее директрисѣ гимназіи.

тележи тма вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ
(Еф. 6, 12).

Впрочемъ эти невидимые враги дѣйствуютъ противъ насъ и видимо, чрезъ такихъ же какъ мы людей, *чрезъ сыновъ протисленія*. Такъ, въ первые вѣка христіанства дѣйствовали они чрезъ гонителей, которые около трехъ сотъ лѣтъ преслѣдовали христіанъ и какихъ только средствъ не придумывали, чтобъ стереть ихъ съ лица земли! Не успѣли они поколебать Церкви Христовой чрезъ гоненія, — воздвигли изъ нѣдръ ея еретиковъ, — аrianъ, несторіанъ и другихъ безчисленныхъ, которые извращали самыя основанія вѣры Христовой, и свѣтъ истины усиливались омрачить ложью, ими измышленною. Въ седьмомъ вѣкѣ явился Магометъ, въ девятомъ возникло пагубное раздѣленіе церквей: цѣлая половина христіанъ-западныхъ, движима честолюбіемъ римскаго первосвященника, отдѣлилась отъ единенія съ православнымъ Востокомъ, и до сихъ поръ враждуетъ противъ него и не ищетъ соединенія. Что касается нашей отечественной Церкви; то въ прежнія времена духъ злобы ратовалъ противъ нея чрезъ остатки языческихъ суевѣрій, чрезъ татаръ, чрезъ невѣжество, — а теперь силится поколебать ее съ одной стороны тѣмъ же упорнымъ невѣжествомъ, какое выразилось и сохраняется въ расколѣ главнымъ образомъ, — съ другой вольномысліемъ. Первые, раскольники, — выше вѣры и любви ставятъ преданія человѣческія; а вольнодумцы, подъ предлогомъ движенія впередъ, требуютъ, чтобы мы отказались отъ всего стараго, какъ негоднаго, въ томъ числѣ и отъ вѣковыхъ вѣрованій Церкви и даже отъ самой вѣры въ Христа — Бога и Спасителя нашего. Вотъ наши видимые враги, въ послѣднія времена выдвинутые противъ насъ невидимыми и сконными врагами спасенія человѣческаго, — началами, и властями, и миродержителями тмъ вѣка сего, духами злобы поднебесными.

Сильны ли эти враги, спросить кто нибудь? Можетъ быть, и сильны, — только имъ не побѣдить насъ и не поколебать нашей вѣры, если мы, какъ заповѣдуетъ святой Апостолъ, станемъ противъ нихъ, опоясанные истиною и облеченные въ броню правды, т. е. если мы сами хорошо будемъ знать ученіе, которое содержимъ и за которое приходится намъ

воевать съ противниками,—и не только будемъ знать ученіе, но и соблюдать его на самомъ дѣлѣ, —если будемъ учить праведно, какъ заповѣдуетъ намъ св. Евангеліе; если притомъ обуемъ ноги свои *въ уютованіе благовѣствованія мира*, т. е. не будемъ молчать о своемъ ученіи, а дерзновенно о немъ возвѣщать всегда и всѣмъ, съ кѣмъ бы намъ ни приходилось бесѣдовать; если наконецъ возьмемъ щитъ вѣры, шлемъ спасенія и духовный мечъ, — *глаголь Божій*, т. е. твердо будемъ вѣровать въ свое ученіе, неуклонно идти спасительнымъ путемъ къ небу и поражать враговъ своихъ не столько разумомъ и философіей вѣка, а болѣе духовнымъ мечемъ, *уже есть глаголь Божій*, т. е. словомъ Божиимъ.

Что, въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда произвело и до сихъ поръ поддерживаетъ расколъ, и откуда въ послѣднее время возникло вольномысліе? Странно сказать, а причины того и другаго явленія почти однѣ и тѣже и прежде всего—невѣжество и развращеніе. Когда, особенно въ тяжкія времена татарскаго ига, шеоль у насъ не было, когда рѣдкіе учились и то кой чему и кой какъ,—народъ, естественно, не многое понималъ въ вѣрѣ и мало по малу привыкъ всю вѣру и всю добродѣтель полагать въ одномъ строгомъ и точномъ соблюденіи церковныхъ обрядовъ. Между тѣмъ печатныхъ церковныхъ книгъ не было; а переписывали ихъ люди еле грамотные, причемъ, естественно, дѣлали въ нихъ много разныхъ ошибокъ. Когда при патриархахъ и царяхъ, при первыхъ лучахъ образованности, ошибки въ церковно-богослужебныхъ книгахъ были замѣчены и приступлено было къ ихъ исправленію, невѣжды приняли это исправленіе за измѣненіе самой вѣры и встали на исправителей съ проклятіями на всю Церковь, не только Русскую, но и Вселенскую. «Какъ! Вы развращаете вѣру, трегубите аллилуйя, креститесь тремя перстами, употребляете четырехконечный крестъ вмѣсто осмиконечнаго: вы еретики, антихристы; ваша Церковь не Церковь, богослуженіе—идолопоклонство, Тайнства—не тайнства». И, Боже мой, чего только не говорили и не говорятъ они противъ святой Церкви! А изъ за чего же? Не только вѣры, даже обрядовъ богослуженія православная Церковь не измѣняла; а только исправила въ нихъ погрѣшности и отступленія, какія прежде

были внесены невѣждами переписчиками церковно-богослужебныхъ книгъ, исправила притомъ соборнѣ, въ согласіи съ Церковію греческою, по стариннымъ ея книгамъ и рукописямъ; а раскольники отдѣлились отъ нея и проклиняютъ за это самое справедливое и вполне богоугодное дѣло. Скажите: есть-ли тутъ хоть капля здраваго человѣческаго смысла—возставать противъ св. Церкви за такое исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, согласно съ Церковію Вселенскою? Тѣмъ болѣе, можно ли ее проклинать, называть еретическою, отвергать священство и, страшно сказать, отвергать и уничижать самыя Таинства, безъ которыхъ ни для кого ни когда не возможно спасеніе? Да, наконецъ, развѣ въ четырехконечномъ крестѣ, въ сугубомъ аллилуіа, въ двуперстномъ сложеніи, въ старой неисправной книгѣ, въ потемнѣвшей отъ древности иконѣ больше спасенія?—Но, съ другой стороны, какъ посмотрятъ раскольники, что православные живутъ не лучше ихъ, что внутренній свѣтъ ихъ вѣры не много извнѣ свѣтится, что освящающая ихъ благодатная сила св. Таинствъ не обнаруживается замѣтно въ ихъ дѣятельности, что обрядовъ своей родной Церкви иной православный христіанинъ не уважаетъ вовсе, что иной, напримѣръ, даже въ великій постъ рѣшительно безъ всякой нужды преспокойно себѣ—ѣсть говядину, въ храмъ ходитъ раза два въ годъ и то почти не для молитвы, а такъ—по обычаю,—вмѣсто крестнаго знаменія надменно и грубо выводитъ на груди какія то совершенно безсмысленныя фигуры, а дома и взятки беретъ, и пьянствуетъ, и распутничаетъ; какъ видятъ все это раскольники въ православныхъ,—такъ по неволѣ задумываются и продолжаютъ, коснѣя въ своихъ заблужденіяхъ, злословить не пороки людскіе, а св. Церковь.

Тоже нужно сказать и о вольнодумцахъ. Образуются они, по большей части, весьма просто изъ того же невѣжества, изъ какого образовался и расколъ. Какъ родители, по модѣ, въ молодости ничего не скажутъ дѣтямъ своимъ о Богѣ, о вѣрѣ, о добродѣтели, какъ въ школѣ ихъ поучать чему нибудь и какъ нибудь и въ совершенствѣ преподадутъ только французскій языкъ и танцы и съ такими познаніями выпустятъ въ свѣтъ: понятно,—какой отъ нихъ можно ждать вѣ-

ры? Какой искренней христіанской добродѣтели? Попадется имъ въ руки самая пустая, заграничная вольнодумная книжонка, и—вотъ наши вольнодумцы увлечены ею и провозглашаютъ ее, какъ послѣднее слово науки, — тѣмъ болѣе, что отвергать всегда легче, чѣмъ строго вѣровать, и своевольничать пріятнѣе, чѣмъ поступать по закону и совѣсти. А какъ посмотрятъ они также на людей, называющихъ себя православными, что, говоря о вѣрѣ, они о вѣрѣ не думаютъ, ея внушеній не исполняютъ на самомъ дѣлѣ и живутъ иногда не лучше невѣрующихъ: такъ и подавно тѣмъ съ большею ревностію начинаютъ кричать противъ вѣры, вольнодумствовать. Ктожъ, спрашивается, виноваты въ томъ, что у насъ есть раскольники и вольнодумцы? Виноваты, безъ сомнѣнія, и они сами, что не знаютъ истины и не хотятъ узнать ее, между тѣмъ противъ нея ратуютъ; но виноваты и православные тѣмъ, что сами мало и худо съ младенчества изучаютъ свое ученіе,—святую православную вѣру,—особенно виноваты тѣмъ, что вѣры своей не оправдываютъ отъ дѣла,—не облечены въ броню правды, что мы не живемъ такъ, чтобы свѣтъ нашъ извнѣ свѣтился и невольно бы заставлялъ враговъ нашихъ уважать насъ, а съ нами и Божественную вѣру нашу и, видя наши добрыя дѣла, прославлять Господа, по слову Его: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Матѣ. 5, 16).

И въ томъ много виноваты православные, что мало говорятъ о своей вѣрѣ съ невѣрующими и неправовѣрующими и неготовы всегда на благовѣствованіе. Иной, напримѣръ, цѣлый вѣкъ живетъ съ раскольниковомъ, ведетъ съ нимъ общія дѣла, ѣстъ за однимъ столомъ, дружится; а ни разу серьезно не поговорить съ нимъ о своей и его вѣрѣ. Скорѣе раскольникъ будетъ совращать его въ свой толеъ, чѣмъ нашъ православный христіанинъ позаботится о душѣ явно погибающаго своего собрата. Странно, а между тѣмъ это горькая истина! Или еще примѣръ: не мало есть православныхъ христіанъ, которые, входя въ домъ къ какому нибудь современному прогрессисту, стыдятся осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, которые съ удовольствіемъ будутъ говорить

ему, какъ были въ театрѣ или на гуляньѣ, и никакъ не скажутъ, что были въ храмѣ Божиѣмъ, хоть бы сейчасъ изъ него вышли, — которые, слыша, какъ иной богохульствуетъ, скорѣе поддакнуть ему, или по крайности промолчать, чѣмъ рѣшатся хоть сколько нибудь остановить и вразумить безумнаго. А отъ чего это происходитъ? Отъ того, что нѣтъ у насъ щита вѣры, что мы сами бываемъ холодны къ вѣрѣ, сами не о небѣ, а о землѣ больше думаемъ, что пустая мода, пустое приличіе для насъ нерѣдко важнѣе самой вѣры, самаго спасенія. Станетъ ли такъ двоедушничать человѣкъ, истинно и глубоко вѣрующій?

И защищаемъ мы иногда вѣру, да защищаемъ не духовнымъ мечемъ, не словомъ Божиимъ, а тою же недодуманною, недоученою мудростію, которая и воюетъ противу насъ, — пустыми софизмами, отъ чего только сами себя запутываемъ, и еще болѣе ободряемъ своихъ противниковъ. Нѣтъ. Попробуйте защищать вѣру изъ самой же вѣры, возьмите духовный мечъ, — глаголь Божій, святое Евангеліе, — и вы увидите, какъ скоро падутъ предъ вами всѣ стрѣлы лукаваго, какъ трудно будетъ побѣждать васъ въ святой истинѣ, — потому что сами отчаянные вольнодумцы невольно сознавали и сознаютъ, что не было и нѣтъ въ свѣтѣ книги выше и совершеннѣе, какъ св. Евангеліе.

Да. Вѣры и Церкви нашей не поколебать въ вѣкѣхъ и вратамъ адовымъ. Все, что до сихъ поръ ни придумывалось противнаго вѣрѣ, несогласнаго съ церковнымъ ученіемъ, — все то стрелосило и строится на пескѣ. Полетѣть дождь, потекутъ рѣки, подуютъ вѣтры, нападутъ на храмину жалкой безбожной мудрости человѣческой, — и она падетъ сама собою. И сколько до сихъ поръ рушилось такихъ храминъ въ разныхъ ересяхъ и заблужденіяхъ человѣческихъ! А Церковь между тѣмъ стоять незыблемо, непоколебимо; потому что вѣчный незыблемый камень лежитъ въ ея основаніи, — Самъ Богъ. Чего жъ намъ бояться въ борьбѣ съ врагами спасенія? Будемъ знать нашу вѣру и жить по ней, будемъ ее исповѣдывать дерзновенно и сами содержать твердо по слову Божию, — и намъ не опасны будутъ никакіе враги, какихъ бы ни воздвигали противъ насъ начала, власти и міродер-

жители тмы вѣка сего, духи злобы поднебесныя. Мы будемъ укрѣпляться Господомъ и могуществомъ Его силы (Еф. 6, 10),—и уразумѣютъ всѣ и увѣруютъ, что съ нами Господь, что наша вѣра свята и Божественна.

Станите убо препоясани чресла ваша истинною, и оболкшися въ броня правды, и обувиши нозь въ уготованіе благовѣствованія мира: надѣ всѣми же воспріимши щитъ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити: и шлемъ спасенія воспріимите, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій.

Священникъ М. Предтеченскій.

БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ НОВООБРАЩЕННЫМИ ИЗЪ СВОИХЪ СОБРАТІЙ ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

(Окончаніе).

Мы не обинуясь говоримъ, что хотя еврей и судяць строго пьющихъ христіанъ-простолудиновъ; но и сами, какъ говорится, не прольютъ капли. Еврей почти съ колыбели уже знакомъ съ водкой; ему мать зачастую мочить пряникъ въ винѣ и даетъ сосать, а какъ подростеть, то нерѣдко крошитъ хлѣбъ въ водеу и покормить этой тюрей; а о большихъ и говорить нечего; они непрочь также выпить во всякое время и даже отыскивають ежедневныя оказіи, гдѣ бы даромъ выпить водки. Родится ли у кого ктонибудь, сей часъ соберутся въ домъ новорожденнаго пить водку; такъ ужь одинъ другаго и зоветъ: «пойдемъ, братъ — о ф л е й к э хъ у н - б р у н ф и н ѣ, т. е. пить водеу и закусывать пряниками (пряникъ есть любимая еврейская закуска и составляетъ какъ бы принадлежность всякаго пиршества). Юр-

цайтъ ¹⁾ ли у кого, т. е. годовичное поминовение объ усопшемъ родителѣ,—тотъ-часъ послѣ богослуженія евреи требуютъ, чтобы сынъ умершаго послалъ за водкой, и тутъ же въ синагогѣ хасиды-ревнители жидовства съ жадностію распииваютъ этотъ одуряющій напитокъ. Кромѣ случайныхъ винныхъ порцій, выпадающихъ очень часто на долю еврея, онъ и свои прилагаетъ аккуратно и ежедневно, къ обѣду и къ ужину, и ужъ никакъ не менѣе двухъ рюмокъ.

Пусть бы потрудились сложить всё это вмѣстѣ іудей, обвиняющій и презирающій христіанина за пьянство, — и онъ увидѣлъ бы, что на долю мнимаго непьющаго его собрата выпадаетъ гораздо больше водки, чѣмъ на долю бѣднаго русскаго мужичка или мастераваго, которому удается пить лишь въ дни праздничные. Вся разница въ томъ, что еврей, имѣя всегда у себя водку, тянетъ ее по немногу, а простодушный мужичекъ, незнакомый съ правиломъ дѣленія, выпиваетъ иной разъ неосторожно, черезъ край, но въ сложности не болѣе, чѣмъ скаредный еврей. По нашему мнѣнію, еврею-то особенно не слѣдовало бы укорять крестьянина за питье водки. Не пей крестьянинъ водки, — еврею пришлось бы плохо. Вѣдь за водку крестьянинъ несетъ ему и муку, и овесъ, и яйца, даже рыбу и курицу на шабасъ и—что угодно. Разбирая дѣло строго, еврей и самъ-то пьетъ водку крестьянина. Можетъ быть, и вамъ приходилось, братія, видѣть въ домахъ отцевъ своихъ, какую мѣрою мѣрили они водку мужичкамъ; даже когда въ шинки роздана была казенная мѣра, и тогда ухитрялись продавцы-евреи обмѣривать крестьянъ; они налѣпляли смолы на донышко казенной мѣры и давай мѣрить; крестьянину, конечно, было не въдомекъ, а еврей оставался съ барышемъ; оставшіяся капли, послѣ многихъ рюмокъ, проданныхъ утромъ, составляли изрядную порцію къ обѣденному столу іудея. Чье же вино, спрашивается, пиваль, а можетъ быть, и теперь пьетъ, іудей, величающій себя честнымъ и праведнымъ? Очевидно, крестьянское. Если же крестьянинъ, точно, бываетъ виновенъ въ излишнемъ упо-

---

¹⁾ Т. е. Iahrzeit, годовщина. *Ред.*

требленіи водки, то не менѣе его, если не болѣе, виновны тѣ, которые вовлекають его въ пьянство; прямые же виновники этого, особенно въ западномъ краѣ, сами евреи. Вотъ какъ объ этомъ нѣкогда отзывался Державинъ въ докладной запискѣ, цѣликомъ внесенной въ положеніе о евреяхъ 9-го декабря 1804 г. «Вино, говоритъ онъ, у корчмарей для простаго народа, а деньги у кагалныхъ для другихъ суть такіе мечи, противъ которыхъ рѣдко кто устоитъ» (Архивъ г. Калачева, 1861 г. № 4). Евреи, дѣйствительно, болѣе всего содѣйствуютъ тому, что нѣкоторые изъ крестьянъ пьютъ горькую чашу.

ХІІІ. О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗБѢГАТЬ СООБЩЕСТВА И ДРУЖБЫ ЕВРЕЕВЪ.

По нашему мнѣнію, крещенный еврей, желающій себѣ добра, спокойствія душевнаго и тѣлеснаго, долженъ стараться избѣгать сообщества и дружбы евреевъ, особенно въ первое время, когда еще не успѣлъ утвердиться въ вѣрѣ Христовой. Напередъ знаю, что многимъ изъ васъ, братія мои, покажется страннымъ, что послѣ многихъ приведенныхъ мной мыслей о необходимости взаимной любви и добрыхъ отношеній между людьми, вдругъ я свернулъ на мысль, что вамъ необходимо избѣгать дружбы съ евреями. Другой, пожалуй, заподозритъ меня въ неблагонамѣренности и готовъ будетъ считать человѣкомъ сварливымъ, стремящимся поселить вражду между всѣми; но Богъ видитъ, что я далекъ отъ этого; а если и совѣтую это дѣлать, то собственно потому, что желаю вамъ добра; я убѣжденъ, если будете жить и особенно водить дружбу съ евреями, то не избѣгнете искушенія и соблазна въ дѣлѣ вѣры и въ дѣлахъ общественной жизни. Что людямъ благочестивымъ весьма полезно удаляться отъ сообщества съ нечестивыми, испорченными, это доказывается примѣромъ праотца Авраама. Извѣстно, что Господь, для сохраненія его отъ идолопоклонства, повелѣлъ ему оставить родъ и отечество и идти въ неизвѣстную страну, и Авраамъ безпрекословно исполнилъ волю Отца Небеснаго. Скажите, братія, что было бы съ Авраамомъ, если бы онъ не удалился изъ идолопоклоннической страны, а оставался бы въ кругу

родныхъ? Съ нимъ, конечно, было бы тоже, что происходило и происходить со всѣми незнающими и неисповѣдующими Бога; а если такъ, то не принесла ли ему величайшаго блага разлука съ родными? «Но іудей не идолопоклонникъ, скажетъ иной изъ васъ съ негодованіемъ, и жизнь въ общинахъ еврейскихъ, въ домахъ нашихъ родителей не можетъ быть столько же вредна въ дѣлѣ вѣры, сколько была вредна для праотца нашего Авраама жизнь въ домѣ отца своего—идолопоклонника». Да, не обинуясь говоримъ, что вреда отъ этого можетъ быть не мало. Правда, евреи не поклоняются идоламъ; но развѣ отступленіе израиля отъ вѣры отцовъ своихъ, имѣвшей главнымъ догматомъ ожиданіе обѣтованнаго Мессіи, развѣ самовольно измышленная раввинами новоіудейская религія, не есть своего рода богоотступничество? Вы, братія, теперь должны знать, что тотъ, кто не вѣруетъ въ Сына Божія, тотъ не вѣруетъ и въ Бога-Отца. Какой же толкъ въ невѣрующемъ іудеѣ и что пользы ему въ такой вѣрѣ, которая не въ состояніи спасти его? Не вѣрующій въ Сына Божія уже теперь осужденъ. Если же такъ, если вѣра іудеевъ пагубна для живущихъ по ней; то какое зло будетъ для васъ, если вы, оставивъ ее и потомъ жгя опять вмѣстѣ съ поклонниками ея, заразитесь снова жидовствомъ? Мы имѣемъ не мало примѣровъ, убѣждающихъ насъ и могущихъ убѣдить каждаго, что жить и особенно водить дружбу крещенному еврею съ некрещенными небезопасно въ религіозномъ отношеніи: *прикасайся смоль—очернится*, говоритъ премудрый.

Бывшій военный учитель,

Александръ Алексѣевъ.

---

14 АВГУСТА

№ 33.

1871 ГОДА.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ ОБНОВЛЕНІЯ ХРАМА ВЪ ПЕРВОЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМ-
НАЗИИ.

Какое прекрасное и боголюбозное зрѣлище представляется очамъ нашимъ, юноши! Благовѣрное и попечительное начальство, обновивъ домъ вашего воспитанія, обновило для васъ и домъ молитвенный. По вѣрѣ въ Бога и по благочестивой ревности о вашей душевной пользѣ, оно старалось доставить дому Божію такое благолѣпіе, какое только возможно было по его средствамъ. И вотъ святой домъ сей облекся въ такую лѣпоту, какой не имѣлъ прежде.

Какіе же благоговѣйные помыслы должны пробудиться въ нашихъ душахъ при взглядѣ на обновленное святилище? Не таковыя ли же, какіе наполняли сердце Соломона при вступленіи въ новоустроенный имъ храмъ Іерусалимскій, вмѣсто походной скинии?

Что почувствовать мудрейшій изъ царей израилевыхъ, когда въ первый разъ взошелъ въ великолѣпное святилище? Онъ преклонилъ колѣна, простеръ руки къ небу и, продрожавъ трогательную молитву къ Богу. «Господи Боже мой! да будутъ очи Твоя, отверсты на домъ сей, на который благоволишь Ты возложить имя Твое. Услыши моленія раба Твоего и народа Твоего—израиля, когда они будутъ молиться на мѣстѣ семъ. Когда кто согрѣшитъ противъ ближняго своего, и придуть судиться предъ жертвенникомъ Твоимъ—разсуди «рабовъ Твоихъ, воздай виновному, обративъ зло на главу «его, а праваго оправдай и воздай ему по правдѣ его. Если «народъ Твой будетъ пораженъ врагами, за то, что согрѣшилъ «предъ Тобою, но послѣ обратится и будетъ молиться въ домѣ «семъ, прости грѣхъ народа Твоего и возврати его въ землю, «которую Ты далъ ему. Когда заключится небо и не будетъ «дождя за грѣхи людей, но ежели они будутъ молиться на «мѣстѣ семъ и обратятся отъ грѣха своего, то Ты услыши «ихъ съ небесъ и ниспосли дождь на землю Твою. Если бу- «детъ на землѣ голодъ, засуха, какое либо бѣдствіе, или ка- «кая болѣзнь;—во всякой молитвѣ, какая будетъ отъ народа «Твоего, когда онъ простретъ руки свои къ дому сему, Ты «услыши его съ небесъ и помилуй. Даже если иноземецъ «придетъ изъ земли дальней и будетъ молиться предъ домомъ «симъ, услыши его и содѣлай то, о чемъ воззоветъ къ Тебѣ, «да познають всѣ народы земные имя Твое».

Вознесемъ и мы свой умъ и сердце къ Богу, да призрѣтъ милостивно на обновленный храмъ сей для прославленія святаго имени Его. Воззовемъ ли мы къ Нему о помощи и заступленіи, на мѣстѣ семъ,—да услышитъ насъ Онъ и помилуетъ. Притечемъ ли въ храмъ сей для исповѣданія грѣховъ своихъ,—да приметъ Господь наше кающееся сердце. Если кто оскорбитъ или обидитъ насъ, то не воздадимъ обидою за обиду и оскорбленіемъ за оскорбленіе, но придемъ и помолимся въ домѣ семъ,—да судитъ Господь обидящихъ насъ и защититъ обидимыхъ. Въ душевной скорби и печали воззовемъ ко Господу въ храмѣ семъ,—да отъиметъ отъ насъ духъ унынія, да дастъ намъ Утѣшителя Духа Святаго,—да пролетѣтъ радость и веселіе въ сердца наши. Въ болѣзняхъ и страда-

ніяхъ тѣлесныхъ припадемъ къ небесному Врачу,—да исцѣлитъ насъ Своею чудодѣйственною силою. При началѣ и концѣ дѣлъ нашихъ, повергнемся предъ сплѣтатымъ святымъ олтаремъ, призывая благословеніе Божіе на наши начинанія и благодаря Его за благодѣянія. Во время общественныхъ бѣдствій, бездождія, безведрія, голода, язвы, войны и нападенія отъ враговъ, возопіемъ ко Господу въ храмѣ семъ,—да отвратитъ отъ насъ тяготѣющую руку Свою, да послетъ дождь на землю, да дастъ благораствореніе воздуха, землѣ плодородіе, изобиліе плодовъ земныхъ, времена мирны и безматежны.

По христіанской любви, не заградимъ, братіе, входа въ святыи храмъ сей и неединомысленнымъ съ нами. Если какой иноплеменникъ съ вѣрою и благоговѣніемъ войдетъ въ храмъ сей и обратится съ молитвою къ Богу,—да услышитъ его Господь и воздастъ ему по прошенію его, да познають вси, что благодать Божія пребываетъ въ православной Церкви,—и ввидутъ съ нами въ соединеніе вѣры.

Господи Іисусе Христе, пребуди въ храмѣ семъ Твоею благодатию, просвѣщай насъ свѣтомъ Твоего животворнаго ученія, питай насъ нетлѣнною пищею Твоего пречистаго Тѣла и Крови, направляй и руководствуй насъ въ трудномъ шествіи по тернистому пути къ небу и управи насъ, сыновъ Церкви Твоей,—въ блаженному пристанищу. Аминь.

Протоіерей Александръ Орловъ.

О СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНИИ.

статья третья (1).

Историческія книги Ветхаго Заветъа.

Ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣлъ и не имѣетъ такой

---

(1) Первые двѣ статьи напечатаны въ 21 и 23 №№ Духовной Бесѣды за текущій годъ.

подробной, непрерывной и достовѣрной исторіи судьбы своей, какъ народъ еврейскій, — времяъ библейскихъ. Это потому, что исторіи этого народа есть вмѣстѣ древнѣйшая исторія Церкви Божіей на землѣ, исторія приготовленія міра къ пришествію обѣтованнаго Искупителя.

Послѣ кончины пророка Моисея, описавшаго исторію міра и своего народа отъ перваго дня творенія почти до послѣдняго дня своей жизни, цѣлый рядъ священныхъ писателей, почти непрерывно одинъ за другимъ, продолжали исторію народа Божія, частію какъ самовидцы событій, частію по запискамъ современниковъ, частію по живому народному преданію, — и всѣ вообще подъ руководствомъ Духа Святаго. Потому и писатели исторіи народа Божія причисляются къ пророкамъ, а ихъ писанія называются пророческими. *Подобаетъ скончатися всѣмъ написаннымъ въ законъ Моисеовъ и Пророцъхъ и Псалмьхъ о Милъ*, сказалъ Господь Апостоламъ по Своемъ воскресеніи (Лук. 24, 44). Здѣсь подъ именемъ пророковъ надобно разумѣть не только собственно писанія пророческія, но и священно-историческія, въ которыхъ также не мало свидѣтельствъ объ Иисусѣ Христѣ; равно какъ и подъ именемъ «Псалмовъ» слѣдуетъ разумѣть не только книгу Псалмовъ Давидовыхъ, но и прочія книги учительныя, писанныя на еврейскомъ языкѣ стихами. Такъ разумѣли эти названія и древніе еврейскіе ученые, раздѣлявшіе весь Ветхій Завѣтъ на три части, называемыя: законъ, пророки и псалмы (или агіографы).

Историческихъ книгъ, написанныхъ первоначально на еврейскомъ языкѣ, насчитывается двѣнадцать. Именно: 1) книга Иисуса Навина, 2) книга Судей, 3) Руѣ, 4—7) четыре книги Царствъ, 8 и 9) двѣ книги Паралипоменонъ, 10) книга Эздры, 11) книга Нееміи и 12) Эсѣиръ. Къ этимъ книгамъ въ нашей славянской Библии присоединены еще семь книгъ историческаго содержанія, написанныя на греческомъ языкѣ и неизвѣстныя на еврейскомъ. Это книги: 1) Юдиѣ, 2) Товитъ, 3 и 4) вторая и третья книга Эздры и 5—7) три книги Маккавейскія. Такимъ образомъ священно-историческія книги Ветхаго Завѣта заключаютъ въ себѣ описаніе событій, отъ кончины Моисея до возвращенія іудеевъ изъ плѣна вавилон-

скаго и возстановленія Иерусалима, или отъ 1605 до 447 г. (1) (смерти Эддры) предъ Рождествомъ Христовымъ. А если при-совокупить къ этому повѣствованія книгъ Маккавейскихъ, то ветхозавѣтная исторія доводится Библией до временъ перво-священника Іоанна Гиркана 1, или до 107 предъ Р. Х.

Книга Исуса Навина.

Книга Исуса Навина заключаетъ въ себѣ исторію народа Божія подъ управленіемъ Богоизбраннаго преемника Моусея, прообраза Христова, Исуса Навина. Она тѣснѣйшимъ обра-зомъ примыкаетъ къ Пятовнижю и составляетъ какъ бы про-долженіе книгъ Моусея, почему и начинается соединитель-нымъ союзомъ *и* (*и бысть*). Время, которое она описываетъ, начинается кончиною Моусея и оканчивается смертію Исуса Навина, отъ 1605 до 1580 предъ Р. Х., или всего около 25 лѣтъ (2). Во время сунайскаго законодательства, Исусъ Навинъ былъ еще молодымъ (45 л.) человекомъ (Исход. 33, 11), а скончался ста десяти лѣтъ (Ис. Нав. 24, 30).

Писатель книги есть самъ вождь народа израильскаго, имя котораго она на себѣ носить. Объ этомъ ясно сказано въ концѣ книги: *и вписа Исусъ словеса сія въ книгу Закама Божія* (гл. 24 ст. 25). Самое содержаніе книги показываетъ, что она писана не только очевидцемъ, но и главнымъ дѣяте-лемъ въ исторіи описываемыхъ событій. Разсказъ идетъ въ ней съ такою точностію, увѣренностію и полнотою, исчисленіе народа израильскаго по колѣнамъ и родамъ написано съ такою подробностію, указаніе предѣловъ владѣній для каждаго колѣна съ такою опредѣленностію, что все это доказываетъ въ писателѣ главнаго виновника событій и распоряженій; и все это было бы недоступно не только для позднѣйшаго пи-сателя, но и для современника, стоящаго вдали отъ централь-

(1) Мы держимся при этомъ хронологіи, указанной въ сочиненіи: *Art de vérifier les dates*. Боссюетъ относитъ кончину Моусея къ 1451 году до Р. Х.

(2) По численію той же книги: *Art de vérifier et cet.*

ной власти. И кому же было прилично описать продолжение исторіи завоеванія обѣтованной земли, начатаго и описаннаго св. Моусеемъ, какъ не преемнику Моисея, получившему, съ возложеніемъ рукъ его, *Духъ разума* (Второз. 34. 9)? Самая необходимость требовала отъ вождя израильскаго, чтобы онъ, завоевавъ Ханаанъ, самъ указалъ каждому колѣну мѣсто жительства и предѣлы владѣнія, во избѣжаніе будущихъ сматеній и споровъ о правахъ на землю, и своею рукою властно вписалъ эти права въ книгу, для руководства гражданскимъ поколѣніямъ. Возраженія противъ той мысли, что самъ Іисусъ Навинъ написалъ книгу, носящую его имя, легко разрѣшаются при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла (См. Deillier, *Histoire générale des auteurs sacrés*, T. I, pp. 61—74).

Цѣль книги заключается въ томъ, чтобы показать, какъ исполнились на самомъ дѣлѣ обѣтованія Божіи, данныя израилю относительно завоеванія Ханаана и истребленія ханаанцевъ. (Ср. 1, 5. 6).

Обозрѣніе содержанія книги.

Введеніе (1, 1—9) заключаетъ въ себѣ наставленіе, данное Богомъ Іисусу предъ вступленіемъ его въ общественную дѣятельность, съ цѣлю возбудить его мужество.

Первая часть (1, 10—12 гл.) заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о занятіи израилемъ Ханаана. Именно: приготовленіе ко вступленію въ землю Ханаанскую, (1, 10—5, 12), повелѣніе Божіе о приготовленіяхъ къ занятію земли обѣтованной (1, 10—18); посольство согладатяевъ въ Иерихонъ (гл. 2); гостепримство и прозорливость Раавы, чудесный переходъ чрезъ Іорданъ (гл. 3 и 4); дѣйствительное приготовленіе израильтянъ къ вступленію въ землю Ханаанскую, посредствомъ исполненія обрядовъ обрѣзанія и Пасхи (5, 1—12). Далѣе описывается завоеваніе земли обѣтованной (5, 13—гл. 12), чудесное паденіе стѣнъ Іерихона (5, 13—6, 27); завоеваніе Гая, корыстолюбіе и казнь Ахара (7, 1—8, 29); провозглашеніе закона на горахъ Гевалъ и Гаризинъ (8, 30—35), подчиненіе гаваонитянъ, хитростью сохранившихъ свою жизнь (гл. 9); двѣ великія побѣды израильскаго народа надъ соединенными силами ханаанскихъ

царей, на югѣ (гл. 10) и на сѣверѣ (гл. 11); перечень царей ханаанскихъ, побѣжденныхъ народомъ Божиимъ (гл. 12).

Вторая часть повѣствуетъ о раздѣленіи земли обѣтованной (гл. 13—22). Послѣ того, какъ 2½ колѣна получили свои удѣлы въ странѣ, лежащей къ востоку отъ Иордана, Исусъ Навинъ, по повелѣнію Божию, приступаетъ къ дѣленію страны, лежащей по сю сторону Иордана, между остальными 9½ колѣнами (гл. 13). Въ Галгалахъ получаютъ свой удѣлъ сначала Халевъ (гл. 14), потомъ, по жребію, Иуда (гл. 15) и потомство Иосифа (гл. 16 и 17). Въ Силомѣ, избранномъ для помѣщенія скинии, раздѣлъ земли закончивается. Здѣсь получаютъ свои части Веніаминъ (гл. 18), Симеонъ, Завулонъ, Иссахаръ, Ассиръ, Пефѣалимъ, Данъ и половина колѣна Манассина (гл. 19); назначаются города убѣжища для невольныхъ убійць (гл. 20), дается 48 городовъ для жительства левитовъ и одинъ городъ самому Исусу Навину (гл. 21). Послѣ сего заиорданскіе воины распускаются по домамъ (гл. 22).

Заключеніе книги (гл. 23 и 24). Подъ конецъ своей жизни, Исусъ Навинъ собираетъ старѣйшинъ народа, увѣщаетъ ихъ избѣгать общенія съ язычниками, и въ Сихемѣ возобновляетъ союзъ израиля съ Богомъ. Смертью Навина, записанною кѣмъ-либо изъ его преемниковъ, заключается повѣствованіе книги.

Книга Судей.

Названіе книги Судей, по еврейски шофетимъ, по гречески *κρίται*, взято изъ ея содержанія. Она заключаетъ въ себѣ исторію Богоправленія народомъ Божиимъ чрезъ посылаемыхъ отъ Бога судей.

Писателемъ книги считаются обыкновенно пророка Самуила. Написалъ онъ свою книгу уже въ періодъ царей (17, 6), но не позже 7 года царствованія Давида (17, 6. 1, 8).

Цѣль книги есть та, чтобы показать, что отпаденіе израильскаго народа отъ завѣта съ Богомъ всегда влекло за собою порабощеніе народа иноплемениками, но что, затѣмъ, покаянiе возвращало израилю милость Божию и доставляло

спасеніе отъ иноплеменниковъ при посредствѣ Богомъ избранныхъ судей. вмѣстѣ съ тѣмъ, книга Судей имѣетъ и другую, отдаленную, цѣль: изображая безпорядки политическаго состоянія израиля во времена судей, эта книга имѣетъ въ виду привести къ мысли о необходимости царскаго правленія (17, 6; 18, 1; 19, 1; 21, 25).

Обозрѣніе содержанія книги.

Во введеніи (гл. 1, 1—3, 6) заключается общая характеристика исторіи израильскаго народа отъ смерти Иисуса Навина до періода царей. Израильтjане не исполнили повелѣнія Божія относительно истребленія народовъ Ханаана, и это послужило для нихъ источникомъ многихъ бѣдствій. Живя въ сосѣдствѣ съ язычниками и находясь въ сношеніяхъ съ ними, израильтjане нерѣдко забывали свой завѣтъ съ истиннымъ Богомъ и воздавали честь богамъ языческимъ. Въ наказаніе за это, Господь подвергалъ ихъ поработенію отъ язычниковъ. Среди страданій подъ игомъ иноплеменниковъ, народъ вспоминалъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, обращался съ докayннмъ сердцемъ къ Богу,—и Богъ посылалъ ему избавителей, въ лицѣ судей.

Послѣ введенія, книга Судей повѣствуетъ о бѣдствіяхъ израильскаго народа и о дѣяніяхъ судей (3, 7—16, 31).

1. Сначала Господь предалъ израильтjанъ въ руки Хусарсаема, царя месопотамскаго, который угнеталъ ихъ 18 лѣтъ. Но когда израильтjане обратились къ Богу, Господь воздвигъ Гоеніла, который побѣдилъ Хусарсаема и доставилъ народу 40 лѣтъ спокойствія (3, 7—11).

2. Потомъ, въ теченіе 18 лѣтъ, израильтjане страдали подъ игомъ Еглона, царя моавитскаго, отъ котораго избавилъ израильтjанъ Аодъ (3, 12—20), собственною своею рукою поразившій Еглона и давшій израилю 80 лѣтъ благоденствія.

3. Послѣ Аода израильтjанъ избавилъ отъ филистимлянъ Самгаръ (3, 31).

4. Затѣмъ, израильтjане 20 лѣтъ страдали подъ игомъ Іавина, царя асорскаго, пока на спасеніе ихъ не выступилъ Варакъ, призванный пророчицею Деворрою. Послѣ побѣды надъ Іавиномъ, Деввора и Варакъ прославили Господа благодарственною пѣснію (гл. 4 и 5).

5. Новыя преступленія израиля повлекли новое порабощеніе отъ мадіанитянъ. Когда израильтяне покаались въ своихъ грѣхахъ, Господь призвалъ Гедеона (изъ колѣна манассина) избавить народъ свой отъ иноплеменниковъ. Явленіе Ангела Господня Гедеону, двукратное чудо съ руномъ (прообразъ Богоматери) и разореніе Гедеономъ жертвенника Ваалу въ домѣ отца своего служили какъ бы подготовленіемъ Гедеону къ его высокой дѣятельности. Съ 300 воиновъ, вооруженныхъ свѣтильниками, Гедеонъ, предваренный особеннымъ знаменіемъ, наноситъ полчищамъ мадіамскимъ совершенное поражение, ихъ же оружіемъ (прообразъ побѣды св. Апостоловъ надъ язычествомъ). Благодарный народъ изъявляетъ желаніе, чтобы Гедеонъ, прозванный Иеровааломъ, сдѣлался царемъ; но Гедеонъ уклоняется отъ царской чести, предоставляя царство единому Богу. По смерти Гедеона, Авимелехъ, сынъ его, убилъ 69 изъ 70 братьевъ своихъ (остался одинъ Иоаамъ), чтобы достигнуть царской власти, но и самъ погибъ отъ руки женщины (гл. 6, 1—9, 57).

6. Послѣ сего судьей израильтянъ былъ двадцать три года Оола, изъ колѣна Иссахарова, а потомъ, двадцать два года — Гаиръ изъ Галаада (гл. 10, 1—5).

7. Послѣ смерти Гедеона, израильтяне стали поклоняться идоламъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, и за это Господь предаль ихъ въ руки филистимлянъ и аммонитянъ. Отъ аммонитянъ спасъ израильтянъ Иефеай, изъ Галаада, претерпѣвшій въ юности много неприятностей отъ сродниковъ своихъ. Желая получить отъ Бога побѣду, Иефеай далъ обѣтъ принести въ жертву Богу то, что прежде всего выйдетъ ему на встрѣчу изъ его дома. Первая встрѣтила его единственная дочь его; но вѣрность обѣту была у Иефеая сильнѣе всѣхъ другихъ привязанностей, и онъ сдержалъ свой обѣтъ; дочь Иефеая осталась чистою дѣвою, не познавъ мужа (11, 39). Иефеай жестоко наказалъ ефремлянъ, хотѣвшихъ съечь домъ его за то, что не позвалъ ихъ на войну противъ аммонитянъ; ефремлянъ, хотѣвшихъ укрыться отъ наказанія, Иефеай узнавалъ по изношенію слова: *шибболетъ*. Послѣ Иефеая были судіями израиля Есевонъ, Елонъ и Авдонъ (гл. 12).

8. Отъ филистимлянъ избавилъ израильтянъ Сампсонъ.

Самсонъ, о рожденіи котораго предвозвѣщено было Ангеломъ, еще отъ чрева матери посвященъ былъ Богу, съ обѣтомъ «назоря». Возмужавъ, Самсонъ вступилъ въ бракъ съ филистимлянкою. Идя на бракъ, онъ растерзалъ льва. На праздникѣ, устроенномъ по случаю его брака, Самсонъ показалъ филистимлянамъ первые опыты своей необычайной физической силы. Потомъ, когда жена Самсона выдана была, въ его отсутствіе, за одного изъ филистимлянъ, Самсонъ отомстилъ за это истребленіемъ полей, виноградниковъ и садовъ филистимскихъ. Послѣ этого, Самсонъ, по просьбѣ своихъ единоплеменниковъ, самъ отдался въ руки филистимлянъ, но для того, чтобы еще поразительнѣе проявить свою силу: ослиною челюстію онъ убилъ 1000 филистимлянъ. Запертый врагами въ Газѣ, онъ вынесъ городскія ворота на гору. Впослѣдствіи однако Самсонъ употребилъ во зло дарованныя ему отъ Бога силы, предавшись чувственности, которая и привела его къ гибели; враги связали и ослѣпили его. Но предъ смертію, Самсонъ раскаялся и истребилъ враговъ отечества болѣе, чѣмъ во всю свою жизнь, разрушивъ ихъ огромное и великолѣпное капище (гл. 13—18).

Въ концѣ книги Судей описаны два отдѣльных событія изъ времени судей, служація какъ бы прибавленіемъ къ общей исторіи народа. Именно, здѣсь содержатся:

Повѣствованіе объ идолопоклонствѣ Ми-
х и. Миха, изъ колѣна Ефремова, поклонялся истинному Богу, но держалъ у себя въ домѣ идола. Этотъ идолъ похищенъ былъ у Ми-
х и жителями колѣна Данова, которые распространили поклоненіе ему въ завоеванномъ ими городѣ Лансѣ. Это повѣствованіе показываетъ, какъ наклонны были израильтяне къ язычеству и съ какими преступленіями связано было идолослуженіе, оказавшееся вскорѣ послѣ Иисуса Навина и долго державшееся на сѣверѣ Ханаана (гл. 17 и 18).

Повѣствованіе о томъ, какъ жители Гава-
она наругались надъ женою одного левита,
и какъ весь народъ отомстилъ за это преступленіе колѣну
Веніаминову, взявшему виновниковъ преступленія подъ свою
защиту. Изъ этаго повѣствованія видно, что развращеніе
правовъ пустило глубокіе корни между израильтянами, но что,

съ другой стороны, народъ вообще съ ревностью боролся противъ этого зла, въ силу призванія своего, какъ народа Божья. **Вмѣстѣ** съ тѣмъ, смягченіе казни веніамитянамъ служить доказательствомъ того, что между колѣнами израиля въ эту пору существовало сознаніе своего единства и продолжались братскія отношенія (гл. 19—21).

Книга Руѣ.

Книга Руѣ содержитъ въ себѣ исторію моавитянки Руѣ, праматери царя Давида, и написана, какъ думаютъ, для того, чтобы выяснитъ его генеалогію (4, 18—22). Отсюда ясно, что эта книга написана не прежде временъ Давида, когда онъ достигъ царской власти. Руѣ, моавитянка, приняла вѣру народа Божья и сдѣлалась супругою Вооза, изъ колѣна Иудина. Сынъ ея отъ Вооза былъ Овидъ; у Овида—сынъ Иессей, отецъ царя Давида. Руѣ, праматерь Давида, удостоилась еще высшей чести быть праматерію Иисуса Христа и такимъ образомъ, **вмѣстѣ** съ Тамарью и Раавою, вошла въ родословіе Господа, какъ предназначительница Церкви Божией изъ среды **азичниковъ**. Книга Руѣ служитъ дополненіемъ книги Судей; писателемъ ея называютъ Самуила, писателя книги Судей. **Содержаніе** книги слѣдующее: въ 1 главѣ рассказано, по какому случаю Руѣ, **вмѣстѣ** съ Ноеминью, отправилась въ Виледемъ; во 2 главѣ мы видимъ, какъ Руѣ награждена Богомъ за привязанность къ свекрови и вѣрность Богу. Изъ гл. 3 и 4 мы узнаемъ, что Руѣ, по совѣту Ноеминни, и по закону ужичества, вступила въ бракъ съ Воозомъ, и такимъ образомъ сдѣлалась праматерью Давида и самого Иисуса Христа.

Первая и вторая книги Царствъ.

Эти двѣ книги первоначально представляли одно цѣлое. Дѣленіе на двѣ явилось прежде всего у александрійскихъ переводчиковъ. Въ еврейскомъ кодексѣ до сихъ поръ эти книги представляютъ изъ себя одну книгу, подъ названіемъ «книги Самуила», Сеферъ Шемуэль. Какъ это названіе,

такъ и то, которое дано 70-ю толковниками, вполне прилично содержанию книги. Здѣсь содержится повѣствованіе о происхожденіи царскаго правленія въ Израилѣ и о царствованіяхъ Саула и Давида; но, съ другой стороны, средоточіемъ разсказа служить здѣсь св. пророкъ Самуиль, помазавшій на царство сначала Саула и потомъ Давида.

Писатель книгъ не называетъ себя, но по духу повѣствованія можно заключать, что онъ былъ пророкъ изъ царства Іудейскаго, вѣроятно,—Самуиль, а потомъ Наанъ (1 Пар. 29, 29).

Источниками повѣствованія служили Самуилу отчасти записки пророковъ (1). Буквально почти сходныя мѣста въ книгахъ Царствъ и въ книгахъ Паралипоменонъ (1 Цар. 8—24; 1 Пар. 11—21) доказываютъ, что писатель книги Паралипоменонъ пользовался книгами Царствъ. Записанные очевидцами событій, рассказы книги Царствъ отличаются живостью, наглядностію и точностію изображенія.

Содержаніе первой и второй книги Царствъ есть исторія народа Божія отъ послѣднихъ временъ періода судей до конца царствованія Давида. Повѣствователь съ особенною подробностію излагаетъ событія изъ жизни Самуила и Давида, очевидно, имѣя въ виду начертать возможно точный образъ іудейскаго пророка и іудейскаго царя.

---

(1) Въ книгѣ Іисуса Навина (гл. 10, ст. 13) и во второй книгѣ Царствъ (1, 18) упоминается о «книгахъ праведнаго». Что это такое? Намъ вполне достовѣрно кажется мысль ученыхъ, которые полагаютъ, что это былъ сборникъ священныхъ гимновъ, которые слагались и пѣлись евреями по поводу важнѣйшихъ событій въ ихъ жизни, каковы, напримѣръ, были: переходъ чрезъ Черное море, остановленіе солнца надъ Гаваономъ, плачевная кончина Саула и Ионаана. Гимны эти, изъ устъ народа, записывались въ книги людьми праведными; эти гимны или пѣсноученія имѣли особыя заглавія; такъ, напримѣръ, гимнъ, или элегія на смерть Саула имѣла названіе «лугъ», и этой-то пѣсни выучилъ Давидъ сыновъ іудинныхъ, а не «стрѣльницю», какъ переведено въ славянской Библии (2 Цар. 1, 18).

ПЕРВАЯ КНИГА ЦАРСТВЪ.

Она содержитъ въ себѣ повѣствованіе о дѣятельности Самуила, какъ пророка и судіи, и о царствованіи Саула. Книга представляетъ изъ себя три отдѣла.

Первый отдѣлъ—исторія Самуила (гл. 1—7).

Самуиль былъ сынъ Елкана и благочестивой Анны, которая въ пламенной молитвѣ просила Бога разрѣшить ея неплодіе. Молитва ея была услышана, и Анна посвятила первое свое дитя на служеніе Богу, при скинии Завѣта, въ Силомѣ. При этомъ она воспѣла пророческую благодарственную пѣснь Богу (1, 1—2, 10). Самуиль воспитывался при скинии, между нечестивыми сыновьями первосвященника Илія. Господь, въ ночномъ видѣніи, призвалъ Самуила къ пророческому служенію, и въ то же время предвозвѣстилъ ему погибель дома Илія (2, 11 гл. 3). Случилась за тѣмъ война съ филистимлянами, и судъ Божій совершился: Илій погибъ со всѣмъ своимъ домою, а израиль наказанъ плѣненіемъ кивота Завѣта (гл. 4). Но пораженные необыкновенными явленіями, которыми сопровождалось пребываніе кивота въ плѣну (гл. 5), филистимляне съ честью возвратили святыню народу израильскому (6, 1—18). Въ Виесамисѣ, гдѣ пребывалъ потомъ ковчегъ, чудесныя знаменія его божественной святости продолжались, и ковчегъ перенесенъ былъ въ Киріаѳтаримъ (6, 19—7, 1). Тогда израиль обратился къ Господу, и Господь далъ ему побѣду надъ филистимлянами (7, 2—14). Самуиль сдѣлался судіей израильскаго народа (7, 15—17).

Во второмъ отдѣлѣ описывается царствованіе Саула, отъ призванія его на царство до паденія (гл. 8—15).

Постоянныя бѣдствія, частыя перемѣны правителей и безначаліе, ознаменовавшія періодъ судей, возбудили между израильтянами потребность твердаго, наслѣдственнаго и единодержавнаго правительства, и они стали просить у Бога царя (гл. 8). Господь даровалъ имъ царя въ лицѣ Саула, котораго Самуиль и помазалъ на царство (9, 1—10, 6). Вслѣдъ за тѣмъ Саулъ, по жребію, получаетъ избраніе отъ самаго народа. Побѣда, одержанная Сауломъ надъ филистимлянами

при Галгалахъ, утверждаетъ его положеніе на престолѣ (10, 17—11, 15). Тогда Самуиль заканчиваетъ свою правительственную дѣятельность (гл. 12) и передаетъ бразды правленія въ руки Саула. Саулъ правилъ израилемъ благополучно и одержалъ многія побѣды надъ врагами израильскаго народа (13 и 14 гл.), пока не навлекъ на себя гнѣва Божія неповиновеніемъ слову Божію въ войнѣ съ амаликитянами (гл. 15).

Третій отдѣлъ изображаетъ паденіе Саула и избраніе Давида. (16—31 гл.).

Съ того времени, какъ Самуиль, по повелѣнію Божію, тайно совершилъ въ Виелеемѣ помазаніе Давида, младшаго пѣя сына Иессей, на царство (16, 1—3), Духъ Божій отступилъ отъ Саула и началъ мучить его духъ злой. Давидъ былъ призванъ ко двору, чтобы игрой на лирѣ разсѣивать мрачныя думы Саула (16, 4—23). Вскорѣ потомъ Давидъ приобрѣлъ необыкновенную славу въ народѣ побѣдою надъ Голиафомъ; Саулъ назначилъ Давида главнымъ начальникомъ военныхъ силъ, а сынъ Саула, Ионаѳанъ, избралъ Давида своимъ другомъ (17, 1—18, 5). Но слава Давида возбудила зависть Саула, и онъ началъ преслѣдовать Давида (18, 6—30). Даже домъ Самуила не представлялъ для Давида надежнаго убѣжища (гл. 19) и дружба Ионаѳана не оказала никакого вліянія на безопасность Давида отъ умысловъ Саула. Давидъ долженъ былъ спастись отъ Саула бѣгствомъ (гл. 20) сначала въ г. Номву, потомъ въ г. Геѣ, отсюда въ пещеру Одолламскую, за тѣмъ въ землю Моавитскую (гл. 21, 1—22, 5). Саулъ жесточайшимъ образомъ отомстилъ первосвященническому городу Номвѣ за помощь, оказанную Давиду (22, 6—23). Преслѣдованіе Давида продолжалось въ пустынѣ Зифъ и въ пустынѣ Енгадди, гдѣ Саулъ попалъ было въ руки Давида, но Давидъ не сдѣлалъ ему никакого зла (гл. 23 и 24). Давидъ находился въ величайшей крайности и долженъ былъ посредствомъ набѣговъ на сосѣдніе предѣлы добывать себѣ средства существованія (гл. 25). При всемъ томъ, онъ былъ такъ великодушенъ къ своему врагу, что вторично пощадилъ его жизнь (гл. 26). Наконецъ, Давидъ удалился въ землю филистимскую, получилъ тамъ во владѣніе городъ Циклагъ, и отсюда велъ войны противъ враговъ израиля (гл. 27). Когда

у Саула случилась новая война съ филистимлянами, то онъ обратился къ помощи Аендорской волшебницы, забывая Бога, избравшаго его на царство (гл. 28). Давидъ не могъ принять участія въ этой войнѣ; онъ въ эту пору велъ войну съ амаликитянами (29 и 30 гл.). Разбитый филистимлянами, Саулъ самъ лишилъ себя жизни (гл. 31); Ионафанъ былъ убитъ и оплаканъ Давидомъ въ трогательной пѣсни, которую можно назвать священной элегіей.

ВТОРАЯ КНИГА ЦАРСТВЪ.

Она содержитъ въ себѣ исторію царствованія Давида, именно:

1. Начало царствованія.

Оплакавши Саула и Ионафана, Давидъ явился въ колѣно Иудино, и въ Хевронѣ вновь принялъ помазаніе на царство отъ старѣйшинъ этого колѣна, между тѣмъ, какъ надъ стальными колѣнами воцарился Іев осей, сынъ Саула (2, 1—11). Произошла междоусобная война, въ которой погибъ и Іевосей и военачальникъ его Авениръ. Послѣдствіемъ этого было подчиненіе Давиду остальныхъ колѣнъ израиля (2, 12 гл. 4).

2. Цвѣтущее время царствованія Давида (5—9 гл.).

Давидъ еще разъ получилъ помазаніе на царство, уже надъ всѣмъ израилемъ (5, 1—5). Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть надъ израилемъ, Давидъ завоевалъ крѣпость Сіонъ и сдѣлалъ своей резиденціей Іерусалимъ (6—16); онъ навесъ потомъ филистимлянамъ двукратное поражение (17—25). Съ этихъ поръ центръ религіозной жизни израиля перенесенъ былъ въ Іерусалимъ: на горѣ Сіонской водружена была Моисеева скинія и здѣсь помѣщенъ ковчегъ завета, принесенный изъ Каріаѳіарима. Давидъ, въ восторгѣ радости, плясалъ предъ переносимымъ ковчегомъ. Давидъ ходилъ приступить къ сооруженію храма, но Богъ воспретилъ это ему,—за то, что Давидъ былъ мужъ крови; но ему было открыто, что царское достоинство не отнимется отъ дома его во вѣки (гл. 7). Побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ и устроивъ внутренній порядокъ, Давидъ сдѣлался могущественнѣйшимъ царемъ.

(гл. 8); но могущество и слава не ослѣпляли его, и онъ благодетворилъ враждовавшему съ нимъ потомству Саула (гл. 9).

3. Бѣдствія Давида.

Во время сиро-аммонитской войны (гл. 10), Давидъ, остававшійся въ Иерусалимѣ, совершилъ двойное преступленіе, овладѣвши Вирсавіею и погубивши ея мужа, Урію (гл. 11). Когда явился къ Давиду пророкъ Наваанъ съ словомъ обличенія, предложеннаго сначала въ притчѣ, Давидъ раскаялся; но Господь хотя и не отнялъ отъ него своей благодати и милости, однако далъ ему почувствовать гнѣвъ свой, пославъ на него разныя бѣдствія и огорченія. Дитя преступленія погибло (гл. 12). Сынъ Давида Амнонъ, смертельно оскорбившій сестру свою Тамаръ, былъ убитъ единоутробнымъ братомъ Тамари, Авессаломомъ (гл. 13). Авессаломъ бѣжалъ изъ отечества, но хитростію вымолилъ себѣ прощеніе у Давида (гл. 14). Возвратившись въ домъ родительскій, онъ поднялъ бунтъ противъ Давида, изгналъ его изъ Иерусалима и объявилъ себя царемъ. Но войско Авессалома было разбито, и самъ онъ погибъ (гл. 16, 17 и 18). Давидъ, горько оплакавъ преступнаго, но все еще любимаго сына, вновь воцарился надъ израильтянами (19, 2—40). Тогда произошелъ раздоръ между колѣномъ Иудинымъ и остальными колѣнами народа, которыя были недовольны иудинымъ колѣномъ за то, что оно будто бы присвоиваетъ себѣ царя (19, 41—44). Пользуясь этимъ раздоромъ, потомокъ Саула, Савей, произвелъ новое возмущеніе противъ Давида (20, 1—22); но Давидъ восторжествовалъ и на этотъ разъ (ст. 23).

4. Конецъ царствованія Давида (21—24 гл.).

Въ это время совершился судъ Божій надъ потомствомъ Саула, Семь послѣднихъ представителей рода его были погублены въ отмщеніе за зло, причиненное Сауломъ гаваонитянамъ (21, 1—14). Давидъ одержалъ новыя побѣды надъ филистимлянами, и прославилъ Бога благодарственною пѣснію (21, 15—гл. 22).

Послѣднія двѣ главы второй книги Царствъ составляютъ приложеніе къ исторіи царствованія Давида. Здѣсь содержатся: 1) послѣднія слова Давида и исчисленіе знаменитыхъ мужей его времени (23 гл.) и 2) повѣствованіе о моровой

двѣ, посвятившей царство Давида въ наказаніе за его тщеславіе (гл. 24).

Третья и четвертая книги Царствъ.

Въ еврейскомъ текстѣ обѣ книги представляютъ изъ себя одно цѣлое и называются «Мелажимъ, Цари»; раздѣленіе же на двѣ сдѣлано 70-ю толковниками. Содержаніе сихъ книгъ составляетъ исторія народа израильскаго подъ управленіемъ царей, начиная отъ вступленія на престолъ Соломона до паденія царства іудейскаго (1015—560 г. до Р. Х.), и вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія современныхъ пророковъ (Иліи; Елисея).

Такъ какъ въ третьей и четвертой книгахъ Царствъ отведено значительное мѣсто исторіи пророковъ, то должно полагать, что и самъ писатель сихъ книгъ принадлежалъ къ пророкамъ. Нѣкоторые, по сему основанію, приписываютъ составленіе третьей и четвертой книги Царствъ св. пророку Іереміи. Но этого предположенія нельзя принять, по двумъ причинамъ. Третья и четвертая книги Царствъ составлены во второй періодъ вавилонскаго плѣненія (4 Цар. 25, 27), и въ землѣ плѣненія. Оба эти обстоятельства опровергаютъ мнѣніе объ Іереміи, какъ писателѣ книгъ Царствъ, потому что Іеремія послѣдніе годы своей жизни провелъ не въ Вавилонѣ, а въ Египтѣ. Источниками третьей и четвертой книги Царствъ, которыя нѣрѣдко и цитируются писателемъ, послужили «лѣтописи пророковъ», въ свою очередь составленныя по древнѣйшимъ памятникамъ (2 Ц. 11, 41). Лѣтописей этихъ не надобно смѣшивать съ государственными актами и записками, которыя велись въ царствѣ іудейскомъ, но едва ли существовали въ царствѣ израильскомъ. Лѣтописи, послужившія основаніемъ 3 и 4 книгъ Царствъ, были частными записками пророковъ, и приведены въ одинъ составъ, вѣроятно, около времени разрушенія царства іудейскаго.

Цѣль писателя заключается въ томъ, чтобы представить картину постепеннаго упадка царствъ іудейскаго и израильскаго, въ связи съ причинами этого явленія, каковы были презрѣніе къ слову пророческому, въ особенности же идоло-

поклонство. Въ виду этой цѣли, 3 и 4 кн. Царствъ приобрѣтають характеръ поучительный, какъ и другія историко-профетическія книги Вѣтхаго Завета.

Обозрѣніе содержанія.

1. Исторія царствованія Соломона (1 Ц. 1—11). Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, Давидъ сдѣлался слабъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Адонія, чтобы захватить престолъ (1, 1—10). Тогда, по повелѣнію царя, помазанъ былъ на царство Соломонъ (11—40). Адонія искалъ убійства у алтара, и получилъ прощенье подъ условіемъ полного раскаянія (41—53). Послѣ смерти Давида (2, 1—11), Соломонъ началъ правленіе наказаніемъ бунтовщиковъ, т. е. Адонія и его приверженцевъ (23—35), и исполненіемъ завѣщанія Давида (36—46). Женившись на дочери Фараона, Соломонъ, во исполненіе пламенной молитвы своей, получилъ отъ Бога благословеніе на царство (гл. 3, 4—15). Господь оварилъ его особенною мудростію, памятниками которой остались его судъ и притчи (16—28). Доказательствомъ силы и славы царства израильскаго при Соломонѣ служили мудрость его сановниковъ и благосостояніе народа (4, 1—20), равно какъ пышность царскаго двора, и, главнымъ образомъ, всепроницающая прозорливость самого царя (5, 1—14). Наибольше славнымъ дѣяніемъ Соломона было сооруженіе храма Богу истинному. Священный повѣствователь съ большою подробностію описываетъ какъ подготовительныя дѣйствія къ устройству храма (15—32), такъ и самое сооруженіе храма и его внутреннюю отдѣлку (гл. 6). За сооруженіемъ храма слѣдовала постройка великолѣпнаго дворца (гл. 7). Освященіе храма совершилось перенесеніемъ въ храмъ кивота завета и явленіемъ въ храмъ славы Божіей, и сопровождалось обильнѣйшими жертвоприношеніями и великимъ ликовавіемъ народа (гл. 8). Въ послѣдовавшую за тѣмъ ночь, Господь, явившись Соломону, обѣщавъ утвердить его царство, если Соломонъ пребудетъ вѣренъ Ему (9, 1—9). Громадныя постройки Соломона были возможны, благодаря несмѣтному богатству, собранному Давидомъ, и живымъ сношеніямъ, которыя Соло-

можъ поддерживалъ съ сосѣдними образованными народами: египтянами, финиціанами и индійцами (10—28). Служеніи эти распространили славу Соломона въ отдаленныхъ земляхъ. Наслышанная о величїи Соломона, царица Савская (изъ Абиссинїи) нарочно предпринимала путешествіе въ Іудею, чтобы видѣть Соломона во всемъ его блескѣ (гл. 10, 1—29).

Въ старости, Соломонъ увлеченъ былъ своими женами язычницами въ идолопоклонству (гл. 11, 1—8). За это ему возвѣщено было, что царство его раздѣлится, и что ему предстоитъ вести борьбу со многими злоумышленниками (ст. 9—13). Эти злоумышленники явились въ лицѣ Адера (14—22), Разона (23—25) и наконецъ ефремлянина Іеровоамъ (26—40).

2. Исторія царствъ израильскаго и іудейскаго до паденія перваго изъ этихъ царствъ (3 Ц. 12 гл. до 4 Цар. гл. 17).

Десять колѣвъ, послѣ смерти Соломона, при сынѣ его Ровоамѣ, отдѣлились отъ дома Давида, и, подъ управленіемъ Іеровоама, образовали особое царство израильское, съ особымъ царскимъ домомъ, съ особою столицею, а потомъ и съ особымъ богослуженіемъ, — языческимъ (гл. 12). Господь, услыши пророка, обличилъ нечестіе израильскаго царя и возвѣстилъ скорую гибель его дома (13 гл.—14, 18). Въ царствѣ іудейскомъ Ровоамъ, сначала вѣрный Богу, впоследствии также уклонился къ язычеству, и за это преданъ былъ въ руки язычниковъ (14, 21—28). Авїа, его преемникъ, продолжалъ слѣдовать по пути нечестія и только ради Давида, праотца своего, былъ пощажанъ Богомъ (15, 1—8). Слѣдующій за тѣмъ царь Аса уничтожилъ въ своемъ царствѣ язычество, но въ войнѣ съ израильскимъ царемъ призвалъ на помощь сиріанъ (9—24). Между тѣмъ престолъ израильскаго царства не разъ обогрился кровію. Наватъ, сынъ Іеровоама, убитый Ваасою, изъ колѣна Иссахарова, закончилъ династію Іеровоама. Вааса кончилъ жизнь естественною смертію, но сынъ его Ила былъ убитъ Замвриемъ, который кончилъ жизнь самоубійствомъ. Тогда престолу овладѣлъ Амврій; онъ построилъ городъ Самарію и довелъ нечестіе до высшей степени (15, 25—16, 28).

Ахавъ, сынъ Амврія, ввелъ въ израильскомъ царствѣ поклоненіе сирійскому божеству Ваалу (26, 29—34). Въ это время возбужденъ былъ Богомъ къ дѣятельности св. пророкъ Илія. Устами Иліи возвѣщено было Ахаву наказаніе за его нечестіе,—трехлѣтній голодъ и засуха. Въ то же время народу даны были другія знаменія, въ доказательство того, что Илія есть посланникъ истиннаго Бога. Такъ, Илія пропиталъ семейство одной вдовицы малымъ количествомъ муки и масла въ теченіе трехъ лѣтъ и возвратилъ къ жизни сына этой вдовицы (гл. 17). На горѣ Кармилѣ Илія явилъ не менѣе сильное доказательство своего божественнаго посланничества, низведши огонь съ неба на жертву (гл. 18); но этого недостаточно было Ахаву и Іезавели. Они упорствовали въ нечестіи и воздвигли гоненіе на пророка. Илія удалился въ пустыню, и на горѣ Хоривѣ удостоенъ богоявленія (19). Въ подтвержденіе того, что Богъ не до конца оставилъ израиля, Илія предсказалъ Ахаву двойную побѣду надъ Венадомъ (гл. 20). Но Ахавъ былъ неисправимъ. Тогда Илія, по поводу безчестнаго поступка Ахава и Іезавели съ Новуеомъ, у котораго они отняли виноградникъ и самую жизнь, возвѣстилъ имъ судъ Божій, имѣвшій свершиться надъ ними и ихъ домомъ (гл. 21). Въ царствѣ іудейскомъ въ это время на престолѣ былъ благочестивый Іосафатъ. Правленіе его было счастливо, за исключеніемъ тѣхъ его предпріятіи, въ которыхъ онъ рассчитывалъ на содѣйствіе нечестиваго царя израильскаго (22, 1—40). По слѣдамъ Ахава шелъ преемникъ его Охозія (22, 52—54). При немъ Илія продолжалъ свою обличительную дѣятельность (4 Цар. гл. 1); наконецъ, великій пророкъ, второй Предтеча, былъ взятъ на небо, передавъ сугубый даръ пророчества ученику своему Елисею (гл. 2). Преемникъ Охозіи, Іорамъ пытался искоренить въ своемъ царствѣ служеніе Ваалу, но тщетно (гл. 3). Тогда Елисей совершилъ многія великія чудеса, чтобы возбудить въ ослѣпленномъ народѣ угасшее благочестіе (гл. 4—8, 6). По его слову, изъ одного небольшого сосуда наполнено было множество большихъ сосудовъ масломъ, которое было продано для уплаты долговъ одной бѣдной вдовы, и еще осталось на ея пропитаніе съ дѣтьми; по его молитвѣ, родился

у престарѣлыхъ родителей сынъ, котораго потомъ онъ же воскресилъ изъ мертвыхъ. Елисей исцѣлилъ отъ проказы сиріянина Неемана и поразилъ ею жорыстолюбиваго Гезія. Бросивъ кусокъ дерева въ воду, онъ заставилъ приподняться изъ нея желѣзный топоръ. Елисей поразилъ слѣпотою сиріянъ, которые хотѣли его схватить, предсказалъ Самарѣ, осажденной Венададомъ, освобожденіе и погибель враговъ; горькую воду одного потока превратилъ въ пріятную, наказавъ смертію дерзкихъ дѣтей, издѣвавшихся надъ пророкомъ. Но всего этого было недостаточно для вразумленія израиля, такъ что Елисей призываетъ на царство сирійское врага народа израильскаго Азаила, дабы онъ сдѣлался бичемъ израиля (8, 6—16). Между тѣмъ, сынъ Иосафата, Иорамъ, зять Ахава, ввелъ идолослуженіе Ваалу и въ царствѣ іудейскомъ и получилъ достойную мзду (8, 16—24). Преемникъ его Охозія продолжалъ нечестіе своего отца. За это онъ, вмѣстѣ съ Иорамомъ израильскимъ, былъ преданъ въ руки Азаила. Окончательно же свершился судъ Божій надъ поклонниками Ваала при посредствѣ Інуя, помазаннаго на царство израильское посланникомъ Елисея. Отъ руки Інуя погибли оба царя, іудейскій и израильскій; и все потомство нечестиваго Ахава было истреблено (8, 25—10, 27). Інуя уничтожилъ въ своемъ царствѣ поклоненіе Ваалу, но не отсталъ отъ поклоненія золотымъ тельцамъ Іеровоама. За это Господь не пустилъ сиріянамъ раззорять царство израильское (10, 28—36). Въ Іудеѣ захватила власть Гошолія и истребила почти весь домъ Давида; но Господь сохранилъ Іоаса, который и былъ возведенъ на престолъ первосвященникомъ Іоддеемъ (гл. 11). Покуда Іоддай оставался собѣтникомъ Іоаса, Іоаса царствовалъ благочестиво, но, послѣ смерти этого первосвященника, онъ измѣнилъ образъ мыслей, за что и потерпѣлъ наказаніе отъ Бога, чрезъ посредство Азаила. Іоаса былъ убитъ своими слугами (гл. 12). Въ израилѣ поклоненіе золотому тельцу продолжалось и при Іоахазѣ, сынѣ Інуя; но, при своемъ нечестіи, Іоахазъ почиталъ пророка Елисея, за что и была ему отъ умирающаго пророка обѣщана тройная побѣда надъ сиріянами. Въ правленіе Іоаса, сына Іоахазова, кончилъ свою жизнь св. пророкъ Елисей, и Господь просла-

вилъ самую смерть его чудесами (гл. 13). Въ Иудеѣ Іоасу наследовалъ Амасія, который сначала отличался благочестіемъ, но потомъ впалъ въ идолопоклонство. Амасія вызвалъ на борьбу израильскаго царя Іоаса, который и побѣдилъ его, взялъ въ плѣнъ и разрушилъ Іерусалимъ. Амасія былъ убитъ заговорщиками (гл. 14). Въ царствѣ израильскомъ за Іоасомъ слѣдовалъ Іеровоамъ II, который прославился своими завоеваніями (13, 4. 5). Преемникъ Амасіи, Озіа (Азарія) былъ благочестивый государь; но гордость вовлекла его въ грѣхъ, — и Озіа, за присвоеніе священнической власти, былъ пораженъ проказою (15, 1—7). Послѣ Іеровоама II въ царствѣ израильскомъ произошли великія бѣдствія. Захарія, послѣ шести мѣсяцевъ правленія, былъ убитъ Селлумомъ, а Селлумъ, чрезъ мѣсяць, убитъ Менаимомъ. Тогда ассирійскій царь Фуль вступилъ въ землю израильскую и взялъ съ нея дань. Сынъ и преемникъ Менаима Факіа былъ убитъ военачальникомъ Факсемъ, въ правленіе котораго израиль снова пострадалъ отъ ассиріянъ (15, 8—31). Въ Иудеѣ за благочестивымъ Іоавамомъ, сыномъ Озіи, (32—38) слѣдовалъ нечестивый Ахазъ, который приносилъ жертвы идоламъ на хоймахъ и подъ вѣтвистыми деревьями. Тогда Господь предалъ Іудею въ руки Факея израильскаго и Рецима сирійскаго, и нечестивый Ахазъ искалъ спасенія у царя ассирійскаго (гл. 16). Послѣднимъ царемъ израильскимъ былъ Осія. Будучи данникомъ ассирійскаго царя, онъ хотѣлъ отъ него отложиться, рассчитывая на помощь Египта. Тогда Салманассаръ, царь ассирійскій, положилъ конецъ существованію израильскаго царства. На мѣсто израильтянъ Салманассаръ поселилъ въ самарійскіе города жителей Месопотаміи и Сиріи. Поселенцы самарійскіе, вмѣстѣ съ своими богами, почитали и истиннаго Бога. Такимъ образомъ возникъ расколъ самарянскій (гл. 17).

8. Исторія царства іудейскаго, отъ паденія царства израильскаго до вавилонскаго плѣненія (18—25 гл.).

Езекіа, сынъ Ахаза, уничтожилъ идолопоклонство и возстановилъ служеніе истинному Богу. За это Господь спасъ его отъ руки Сеннахирима, царя ассирійскаго, который, съ

огромными полчищами подступилъ въ Иерусалиму. Ангель смерти истребилъ въ одну ночь 175,000 ассирянъ (18—19, 37). За свое благочестіе, Езекиа исцѣленъ былъ Богомъ отъ смертельной болѣзни, по слову пророка Исаи (20, 1—11). Но когда Меродахъ Валаданъ послалъ въ Езекиа послы съ поздравленіемъ по случаю исцѣленія отъ болѣзни, то Езекиа выказалъ тщеславіе своимъ богатствомъ, почему Господь и далъ ему откровеніе о грядущихъ бѣдствіяхъ его дома (гл. 20, ст. 12—21). Манассія, преемникъ Езекиа, возобновилъ идолопоклонство, осквернивши имъ даже преддверіе храма, за что и потерпѣлъ достойную кару, понавшившись въ плѣнъ къ ассиріянамъ. Находясь въ плѣну, Манассія покаядся, и Господь возвратилъ его на царство. Тогда Манассія сталъ преслѣдовать идолопоклонство (21, 1—18); но Аммонъ, сынъ его, снова возстановилъ поклоненіе идоламъ (19—26). Іосія, преемникъ Аммона, съ чрезвычайною ревностію заботился о водвореніи истиннаго богослуженія, и истребилъ идолопоклонство не только въ Иудеѣ и Иерусалимѣ, но также въ Венигѣ и въ городахъ Самаріи. Іосія возстановилъ праздникъ Пасхи въ древнемъ его великолѣпціи. Но благочестіе Іосіа лишь временно отклонило судъ Божій. Самъ Іосія былъ убитъ Фараономъ Нехао (22—23, 30). Іоахазъ, сынъ Іосіа, былъ низвергнутъ съ престола тѣмъ же Фараономъ Нехао (гл. 23, ст. 31—35) и замѣненъ Еліакимомъ, который долженъ былъ сдѣлаться данникомъ Фараона и перемѣнить самое имя свое—на Іоакима. Впослѣдствіи Навуходоносоръ, царь вавилонскій, сдѣлалъ нападеніе на Иерусалимъ, и заставилъ Іоакима платить дань себѣ. Іоакимъ пытался отложиться, но неудачно (гл. 23, 36 до гл. 24, 7). На мѣсто Іоакима воцарился Іехонія, но царствовалъ три мѣсяца. Навуходоносоръ взялъ его въ плѣнъ и увелъ въ Вавилонъ. Въ Иерусалимѣ воцаренъ былъ Седекія; но такъ какъ и онъ не былъ вѣренъ царю вавилонскому; то Навуходоносоръ прекратилъ наконецъ существованіе іудейскаго царства. Іудея была опустошена, Иерусалимъ разграбленъ и разрушенъ, Седекія и его сыновья погибли. Но и въ плѣну Господь не оставилъ домъ Давида. Такъ, Іехонія удостоенъ былъ отъ Евильтмеродаха царскихъ почестей (24, 17—25, 30).

Первая и вторая книги Паралипоменонъ.

Въ еврейскомъ текстѣ объ эти книги первоначально составляли одну, которая носила названіе: «дибре гаіо-мимъ, словеса дней», или лѣтописи. Въ латинской Библии она также называется «хроникомъ». Раздѣленіе ея на двѣ книги сдѣлано 70 толковниками. Они же дали ей и названіе «Паралипоменонъ», что значитъ книга объ «остальномъ», или «пропущенномъ» (т. е. въ другихъ книгахъ).

Обстоятельства происхожденія этой книги неизвѣстны въ точности. Талмудъ, равнины и христіанскіе ученые всегда приписывали составленіе этой книги ученому священнику Эздрѣ, писателю книги Эздры. Въ подтвержденіе этой мысли, указываютъ на то обстоятельство, что конецъ книги Паралипоменонъ и начало книги Эздры буквально сходны. Но изъ этого достоверно можно заключать лишь о томъ, что писатель книги Эздры имѣлъ въ виду книгу Паралипоменонъ и желалъ свою книгу сдѣлать продолженіемъ этой книги. Далѣе указываютъ на то, что книга Паралипоменонъ ованчивается слишкомъ отрывочно, и находятъ неестественнымъ, чтобъ такимъ образомъ могъ закончить писатель книги Паралипоменонъ, еслибъ онъ не имѣлъ въ виду продолжать ее. Но и это доказательство не имѣетъ качества безспорности. Такимъ образомъ, при всѣхъ стараніяхъ ученыхъ людей опредѣлить обстоятельство происхожденія книги Паралипоменонъ, попытка ихъ не повела далѣе предположенія, имѣющаго лишь нѣкоторую вѣроятность.

Писатель книгъ Паралипоменонъ имѣлъ цѣлю показать тѣсную связь политическаго быта израильскаго народа съ его религіей, чрезъ которую народъ израильскій достигалъ высшей степени благоденствія тогда, когда представители политическаго быта, цари, дѣйствовали въ полномъ согласіи съ представителями начала религіознаго, т. е. съ чиновниками церковнымъ. Поселяя это убѣжденіе въ читателя, писатель, очевидно, стремился возбудить въ современникахъ любовь къ священному чину и богоучрежденному богослужебному порядку. Эта цѣль писателя просвѣчиваетъ уже въ первыхъ строкахъ его писанія. Въ собранныхъ авторомъ ге-

неалогическихъ свѣдѣнiяхъ значительнѣйшее мѣсто отведено царскому роду Іуды и жрецескѣму — Левія. Давкъ, авторъ проходить молчанiемъ Саула и долге останавливается на исторiи Давида. Не касаясь царства израильскаго, онъ занимается лишь исторiей царства іудейскаго и съ особенною заботливостiю описываетъ тѣ отдѣлы исторiи, гдѣ царская власть, въ связи съ властiю церковною, является устремительною богослужебнаго порядка.

Обзорніе содержанiя книги Паралипоменъ.

1. Родословныя таблицы (1 Пар. 1—9 гл.). Въ этой части книги писатель представляетъ родословныя таблицы, отъ Адама до времени плѣна вавилонскаго, составленныя на основанiи св. книгъ и по запискамъ государственныхъ и частныхъ людей. Въ эпоху паденiя царствъ, когда началось разсѣянiе израиля, таблицы эти имѣли чрезвычайно важное значенiе. Впрочемъ, въ этихъ таблицахъ не заключаются генеалогiи всѣхъ родовъ; объ однихъ родахъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнiя весьма обстоятельныя, о другихъ не находимъ даже никакого упоминанiя. Наибольше подробны свѣдѣнiя о родахъ колѣна Іудина, Левина и Вениаминова. Это потому, что наибольшее число израильтянъ, возвратившихся изъ плѣна, принадлежали къ этимъ тремъ колѣнамъ. Изъ другихъ колѣнъ возвратились лишь немногiя семейства. Да при томъ, остальные колѣна были слишкомъ долгое время разобщены съ упомянутыми тремя колѣнами.

2. Исторiя царствованiя Давида (1 Пар. 10—29). Введенiемъ къ исторiи Давида служатъ повѣствованiе о печальномъ концѣ Саула (гл. 10), разсказанная совершенно согласно съ книгою Царствъ (1 Цар. 31). Но мрачный тонъ повѣствованiя тотчасъ же переходитъ въ свѣтлый и торжественный, какъ скоро писатель приступаетъ собственно къ исторiи Давида. Опуская печальную исторiю гоненiй, перенесенныхъ Давидомъ отъ Саула, писатель прямо начинаетъ радостнымъ событiемъ вступленiя Давида на престолъ. Разсказъ начинается съ помазанiя Давида на царство въ Хевронъ и утвержденiя его резиденциі въ Іевусѣ (11, 1—9).

Затѣмъ писатель исчисляетъ знаменитыхъ мужей Давида и ихъ славныя дѣянія (10—47) и восхваляетъ, какъ друзей Давида, тѣхъ людей, которые окружали его при вступленіи на престолъ (гл. 12. Ср. 1 Цар. 22, 1. 2; 2 Цар. 23, 8—39). Разсказъ повѣствователя о царствованіи Давида вполне соответствуетъ точкѣ зрѣнія писателя, какъ священника, преданнаго дѣлу вѣры и богослуженія. Первымъ дѣломъ Давида, по вступленіи на престолъ, было перенесеніе ковчега Заѣта изъ Каріае—іарима въ домъ Аведара (гл. 13; см. 2 Цар. 6, 1—11). Благочестивое правленіе Давида видимо привлекло къ нему благоволеніе Божіе. Домъ Давида сталъ пользоваться уваженіемъ сосѣднихъ народовъ (14, 1—7). Старинные враги израиля, филистимляне, были побѣждены (8—17). Между тѣмъ, Давидъ не переставалъ проявлять свое благочестіе. Для кивота Заѣта онъ устроилъ великолѣпную палатку, въ которую кивотъ и былъ торжественно перенесенъ левитами (15 гл.). Давидъ заботился и о томъ, чтобы богослуженіе ежедневно продолжалось въ Гаваонѣ, гдѣ была свинія и находился жертвенный алтарь (гл. 16). Давидъ намѣревался приступить и къ устройству храма, однако это было ему воспрещено Богомъ, но вмѣстѣ обѣщана вселдѣнная помощь Божія, пока онъ сохраняетъ свои благочестивыя чувства (гл. 17; 2 Цар. 7). Это обѣщаніе не замедлило исполниться. Давидъ одержалъ многія побѣды надъ своими врагами и приобрѣлъ богатую добычу, которую посвятилъ Господу. Не менѣе славно Давидъ управлялъ и внутренними дѣлами государства (гл. 18; 2 Ц. 8). Замѣчательнѣйшія побѣды одержаны были Давидомъ надъ аммонитянами и сиріянами (гл. 19; 2 Ц. 10), а также надъ филистимлянами (гл. 20, 1—8). Тщеславіе внушило Давиду мысль объ ичисленіи народа; но, скоро сознавъ грѣхъ, Давидъ принесъ искреннее раскаяніе и былъ милостиво наказанъ Богомъ. Казнь эта послужила поводомъ къ приобретенію мѣста для будущаго храма (гл. 21). Вообще, въ концѣ своей жизни, Давидъ сдѣлалъ большія приготовленія къ сооруженію храма; онъ собралъ необходимый матеріалъ, подрадилъ работниковъ (гл. 22). Давидъ опредѣлилъ обязанности левитовъ и священниковъ при богослуженіи (23 и 24 гл.), учре-

диль должности пѣвцовъ (гл. 25), придворниковъ, сокровищехранителей и судей (гл. 26). Подобно сему, Давидъ ввелъ порядокъ въ отправленіи военной службы (27, 1—15), назначилъ вождей каждому полку (16—24), устроилъ придворный штатъ и управление царскими имуществами (25 — 34). Царствованіе Давида заключилось торжественнымъ собраніемъ народа, на которомъ Давидъ представилъ народу своего сына, Соломона, какъ наследника престола и какъ будущаго строителя храма, преподалъ народу наставленіе о послушаніи Богу, а Соломону далъ нѣкоторыя указанія на счетъ устройства храма и богослуженія, полученныя отъ самого Бога (гл. 28). вмѣстѣ съ тѣмъ, царь пригласилъ народъ къ добровольнымъ приношеніямъ на пользу храма, и встрѣтилъ такое сочувствіе, что могъ благодарить Бога за добрыя чувства народа. Собраніе закончилось словословіемъ Бога и утвержденіемъ на царствѣ Соломона (гл. 29).

3. Исторія царствованія Соломона (2. Пар. 1—9). Соломонъ началъ свое царствованіе торжественными жертвоприношеніямъ въ Гаваонѣ, — мѣстѣ находенія скинии Моусевою (1, 1—6). Господь наградилъ за это Соломона особымъ откровеніемъ, въ которомъ обѣщалъ ему не только мудрость, которой онъ просилъ у Бога, но также славу и могущество (7—17). За тѣмъ Соломонъ приступилъ къ сооруженію храма. Онъ заключилъ съ царемъ тирскимъ Хирамомъ договоръ, въ силу котораго Хирамъ обязался доставить Соломону мастеровъ и древесный матеріалъ съ ливанскихъ горъ (гл. 2). Храмъ былъ сооруженъ по образу скинии Моусевою (гл. 3) и снабженъ утварью, приготовленною изъ благородныхъ металловъ (гл. 4). Когда строеніе храма было окончено, кивотъ Завета торжественно перенесенъ былъ изъ сюнскою палатки во святое святыхъ храма. Среди жертвъ и словословіи израиля, слава Божія осѣнила храмъ въ видѣ облака (гл. 5; см. Исх. 40, 34). Соломонъ разъяснилъ народу все величіе Божественной милости и пламенно молилъ Бога о постоянномъ и благодатномъ пребываніи въ новостроенномъ святилищѣ (гл. 6; сл. 3 Ц. 8, 12 и сл.). Въ отвѣтъ на эту молитву, ниспалъ небесный огонь и пожралъ приготовленныя жертвы. Народъ, въ благоговѣніи, молился Богу. Семь дней продол-

жались жертвоприношенія и пѣснопѣнія во славу Божию. По окончаніи торжества освященія храма, Господь подтвердилъ Соломону всѣ прежнія обѣтованія, но и угрожалъ своимъ судомъ въ случаѣ отпаденія Соломона (гл. 7; 3 Ц. 8, 54 и сл. 9, 1 и сл.). Соломонъ произвелъ и другія сооруженія для защиты государства и обезпеченія благосостоянія подданныхъ. Порядокъ, учрежденный Давидомъ въ отправленіи службъ священниками и левитами и принесеніи жертвъ, былъ удержанъ во всей точности. Наконецъ Соломонъ обратилъ вниманіе на чужія, даже отдаленныя, страны; отправленная имъ морская экспедиція на востокъ возвратилась съ великими богатствами (гл. 8). Всѣ изложенныя обстоятельства, въ особенности же мудрость Соломона, были причиною того, что онъ приобрѣлъ въ цѣломъ свѣтѣ величайшую знаменитость. Царица Савская изъ отдаленной страны предприняла путешествіе въ Іудею, чтобы видѣть Соломона во всей его славу. Видѣвъ съ тѣмъ, Соломонъ приобрѣлъ несмѣтныя богатства и обставилъ свой дворъ необыкновенною пышностію (гл. 9).

4. Исторія преемниковъ Соломона (2 Пар. 10—36 гл.). По смерти Соломона, десять сѣверныхъ колѣнъ израилевыхъ отдѣлились отъ дома Давидова и образовали особое царство (гл. 10). Царство Ровоама было менѣе царства десяти колѣнъ по своему пространству, но оно было крѣпче внутренними силами, потому что имѣло на своей сторонѣ всѣхъ благочестивыхъ людей даже и въ израильскомъ царствѣ; и Господь покровительствовалъ царству іудейскому, на престолѣ котораго сидѣли потомки Давида, — мужа по сердцу Божию (гл. 11). Когда Ровоамъ отпалъ отъ Бога, Господь послалъ на него египетскаго царя Сусакима; но Ровоамъ покаялся, и Господь не допустилъ его до гибели (12 гл.). Авія одержалъ важную побѣду надъ Іеровоамомъ, который считалъ іудеевъ своими врагами, по той причинѣ, что они сохранили служеніе истинному Богу (13 гл.). Аса очистилъ землю Іудину отъ идолопоклонства и даровалъ своему царству спокойныя времена. Онъ укрѣпилъ города Іудей и улучшилъ военное устройство. Когда на него сдѣлалъ нападеніе египетскій царь Зарай, Господь даровалъ ему славную побѣду и богатую добычу (гл. 14). По указанію пророка Азаріа, Аса ревностно

преслѣдоваль идолопоклонниковъ и водворяль благочестіе. Ревность его простиралась до такой степени, что онъ не пощадилъ и своей матери, которая служила идоламъ (гл. 15). Но впоследствии и самъ Аса впасть въ малодушіе: во время войны съ царемъ израильскимъ, онъ просить помощи не у Бога, а у царей сирійскихъ, и когда пророкъ Аванія облечилъ его въ томъ, то онъ заключилъ его въ темницу; за это Господь наказалъ Асу продолжительною болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ (гл. 16). Преемникъ его, Иосафатъ, былъ государь благочестивый. Уничтожая идолопоклонство, онъ заботился и о томъ, чтобы народъ наставляемый былъ въ вѣрѣ. Поэтому Господь даровалъ ему великую славу, силу и богатство (гл. 17). Когда Иосафатъ, въ союзѣ съ Иорамомъ израильскимъ, велъ войну съ сиріанами, несчастный Иорамъ погибъ, а Иосафатъ, возопившій къ Богу, былъ спасенъ (гл. 18). Пророкъ возвѣстилъ Иосафату гнѣвъ Божій за союзъ съ несчастнымъ царемъ, но ревность Иосафата по благочестію смягчила гнѣвъ Божій. Иосафатъ прославился и внутреннимъ устройствомъ царства: онъ учредилъ по городамъ Іудеи суды, а въ Іерусалимѣ верховный судъ (гл. 19). Въ войнѣ съ аммонитянами и моавитянами Господь даровалъ Иосафату побѣду безъ сраженія; но морская экспедиція, предпринятая имъ въ союзѣ съ Оховіей, царемъ израильскимъ, окончилась полною неудачею (гл. 20). Преемникъ Иосафата, Иорамъ, запятналъ себя братоубійствомъ и поклоненіемъ Ваалу, за что и былъ наказанъ отпаденіемъ подчиненныхъ народовъ. За совращеніе народа къ служенію Ваалу, Иорамъ, чрезъ посредство св. пророка Іліи, услышалъ страшный приговоръ гнѣва Божія, который долженъ былъ разразиться надъ нимъ и его семействомъ, — и действительно этотъ гнѣвъ скоро послѣдовалъ (гл. 21). Оховія, сынъ Иорама, связанный узами дружбы и родства съ домомъ Ахава, былъ убитъ, вмѣстѣ съ израильскимъ царемъ, военачальникомъ послѣдняго — Інуемъ (22, 1—9). Тогда Гоелія истребила почти весь домъ Давидовъ, но Господь чудеснымъ образомъ сохранилъ Іоаса, который и былъ возведенъ на престолъ, а Гоелія получила достойную казнь (22, 10—гл. 23). Іоасъ, руководимый первосвященникомъ Іоддаемъ, увеличилъ доходы храма и возстановилъ

пришедшее въ уадокъ святилище. Но по смерти Иудая, Иосъфъ вовлеченъ былъ старѣйшинами Иуды въ идолопоклонство. Захарія, сынъ Иудая, явился обличителемъ беззаконно потерпѣль мученическую смерть. Тогда предать Господь Иерусалимъ въ руки сиріянъ, а царя поразить болѣзнями. Иосъфъ былъ убитъ своими рабами (гл. 24). Амасія преслѣдовалъ идолопоклонство и хотя онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ нечестивымъ израильтемъ, но этотъ грѣхъ искупилъ тѣмъ, что даровалъ свободу слову пророческому. Но въслѣдствіи Амасія также ввелъ въ идолопоклонство и сталъ гнѣтъ пророковъ; наказаніе Божіе не замедлило открыться. Амасія былъ разбитъ израильскимъ царемъ, Иерусалимъ разоренъ. Наконецъ, собственные рабы убили Амасію (гл. 25). Озіа былъ благочестивъ и посему счастливъ какъ въ домашнихъ дѣлахъ, такъ и на полѣ брани; но за тщеславіе онъ былъ пораженъ проказою и отлученъ отъ храма и отъ трона (гл. 26). Иоасафъ былъ могущественъ и счастливъ, потому что почиталъ истиннаго Бога (гл. 27). Ахазъ ввелъ въ Иудею всякіе роды идолопоклонства, не исключая самыхъ варварскихъ, и за это потерпѣлъ цѣлый рядъ бѣдствій. Но Господь пощадилъ Ахаза, и замыслы враговъ—истребить весь домъ Давида—не осуществились. Не смотря на это, Ахазъ неаль спасенія не у истиннаго Бога, святилище котораго онъ заперъ, а у боговъ чуждыхъ (гл. 28). При Езекии, храмъ былъ очищенъ левитами, народъ покался въ грѣхахъ и принесъ жертвы мира (гл. 29). Езекиа повелѣлъ совершить праздникъ Пасхи и пригласилъ къ участию въ торжествѣ даже жителей израильскаго царства. Праздникъ былъ совершенъ съ всею радостію (гл. 30). Иудея была очищена отъ идолопоклонства. Священники и левиты ревностно проходили свою службу, побуждаемые къ тому царемъ. За эту ревность о благочестіи, Езекиа получилъ благословеніе Божіе (гл. 31). Господь чудесно спасъ его отъ Сеннахирима и отъ смертельной болѣзни. Но и Езекиа не былъ чуждъ слабости; впрочемъ имѣлъ верную кончину (гл. 32; сраз. 4 Ц. 18—20). Манассія возвратилъ торжество язычеству. Никогда идолопоклонство не было такъ развито въ Иудеѣ, какъ въ его время. Пророки, возстававшіе съ словомъ обличенія, были побиты. За эти без-

законія Господь навазвалъ Манассію ассирійскимъ плѣномъ; но, въ плѣну, Манассія покался, и, получивъ вновь престолъ, обратился на путь истины. Аммонъ продолжалъ нечестіе отца и былъ убитъ своими рабами (гл. 33). Иосія, напротивъ, отличался благочестіемъ. Онъ возобновилъ богослуженіе въ іерусалимскомъ храмѣ. При немъ найдены были св. книги Закона, и царь повелѣлъ читать ихъ предъ собраніемъ всего народа. Народъ слѣдовалъ закону Божию во все время царствованія Иосія (34 гл.). Пасха была торжественно празднована Иосіею вмѣстѣ съ народомъ. Но Иосія, вопреки волѣ Божіей, пошелъ войною противъ Нехао, царя египетскаго, и погибъ въ этой войнѣ (гл. 35). Послѣдніе цари Иудеи всѣ были нечестивы: Іоакимъ, послѣ 3 мѣсячнаго правленія, попался въ плѣнъ египетскому царю. Іоакимъ былъ отведенъ въ Вавилонъ. При Седоніи послѣдовало паденіе іудейскаго царства; Іерусалимъ и храмъ были разрушены, народъ отведенъ въ плѣнъ. Но запустѣніе святилища продолжалось лишь нѣкоторое время (около 70 лѣтъ). Киръ, персидскій царь, по внушенію свыше, далъ іудеямъ дозволеніе возвратиться въ отечество и возобновить храмъ (гл. 36).

Первая книга Эздры.

Эзра былъ священникъ, происходившій изъ знатнаго рода (Эздр. 7, 1—5; 1 Пар. 6, 3—15). Онъ былъ человекъ образованный и весьма начитанный въ законѣ Моусеевомъ (7, 6). Въ 458 году до Р. Х., послѣ пятимѣсячнаго путешествія, онъ, съ значительнымъ числомъ іудеевъ, оставшихся въ плѣну, возвратился изъ Вавилона въ Іерусалимъ. Цѣлю Эздры, въ этомъ предпріятіи, было то, чтобы возсоздать на развалинахъ іудейскаго царства общество, устроенное по началамъ еоократіи и закона Моусеева. Грамота царя Артаксеркса, данная Эздрѣ, обеспечивала ему, въ этомъ отношеніи, полное содѣйствіе свѣтской власти. (7, 27. 28) Эзра уполномоченъ былъ даже охранять іудейское общество посредствомъ уничтоженія смѣшанныхъ браковъ, т. е. браковъ іудеевъ съ язычниками. Впослѣдствіи Эзра раздѣлилъ дѣятельность свою съ доблестнымъ Нееміею.

Въ первой книгѣ Эздры заключается повѣствованіе самаго писателя о своей дѣятельности. Что книга написана самимъ Эздрой, это видно изъ гл. 7, ст. 27, гдѣ писатель представляетъ себя дѣйствующимъ лицомъ. Но Эдра не ограничился повѣствованіемъ о своей собственной дѣятельности, но этому повѣствованію предпослалъ краткое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ возникновенія новой еврейской общины, со времени разрушенія іудеямъ возвратиться въ отечество, даннаго Киромъ, до освященія храма.

Такъ какъ книга Эздры тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ ко второй книгѣ Паралипоменонъ, то отсюда ясно, что первою цѣлію писателя было продолжить исторію народа Божія до той эпохи, которой писатель былъ современникомъ. Книга Эздры написана въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и книга Паралипоменонъ. Главное вниманіе писателя обращено на богослуженіе и церковный чинъ вообще. Отсюда нельзя не усмотрѣть и дальнѣйшей цѣли писателя — дать народу такое чтеніе, которое бы возбуждало въ сердцахъ іудеевъ сочувствіе къ святынь израильской и ревность къ исполненію закона Божія.

(Продолженіе впереди).

21 АВГУСТА № 34. 1871 ГОДА.

ОБЯЗАННОСТЬ ХРИСТИАНЪ ПОСЪЩАТЬ ХРАМЪ БОЖІЙ.

Боже, Боже мой, къ Тебѣ утремлю:
возда Тебе, душа моя, коль множицею
Тебѣ плоть моя въ земли пустѣ и непроход-
нѣ и безводнѣ. Тако во святѣхъ явихся
Тебѣ, видѣти силу Твою и славу Твою.
Псал. 62, 2. 3.

Такъ боголюбивый царь израильскій Давидъ, среди царственныхъ трудовъ и земнаго величія, среди утомительныхъ заботъ и суеты сей жизни, взываетъ къ Богу, какъ единственному утѣшенію и крайнему предѣлу стремленій человѣческаго сердца! Это голось и вопль всякой благочестивой души, которая, среди ежедневныхъ житейскихъ заботъ и разочарованій, ищетъ удовлетворенія высшимъ своимъ потребностямъ, жаждетъ общенія съ Богомъ. Отъ чего въ насъ происходитъ

постоянное стремление къ смѣнѣ предметовъ, впечатлѣній, желаній и наслажденій? Что значить всегдашнее исканіе новаго и разнообразнаго? Отъ него недовольство собой, скука и пустота въ душѣ, ощущаемая послѣ длиннаго ряда удовольствій, нѣмкіе переживания? Не значить ли это, что всѣ блага міра сего не въ состояніи удовлетворить и насытить высокіхъ духовныхъ потребностей и стремленій души нашей? Да, мы часто сами не замѣчаемъ, какъ духъ нашъ въ своихъ безконечныхъ утомительныхъ и бесплодныхъ стремленіяхъ, ищетъ общенія съ Богомъ, источникомъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго. Между тѣмъ, какъ удобнѣе, простѣе и близокъ способъ нашего общенія съ Богомъ! Постоянная вѣрная руководительница нашей жизни, св. Церковь, всегда готова вводить, и вводитъ насъ въ молитвенное и таинственное общеніе съ Господомъ. Ежедневно, въ знакомыхъ всѣмъ звукахъ церковнаго колокола, мы слышимъ ея материнскій голосъ, призывающій къ приснотекущему Источнику воды живой всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ, истомленныхъ заботами, искушеніями и соблазнами. Правда, потребности и нужды твоей домашней жизни, или обязанности общественной службы, лишаютъ тебя возможности откликаться на ежедневный призывъ церкви. Но вотъ настаетъ воскресный или праздничный день: звукъ колокола призываетъ тебя въ храмъ, голосъ со-вѣсти зоветъ туда же. Спѣши, христіанинъ, свободное время праздничнаго дня посвятить на душеспасительное посѣщеніе церкви. Непремѣнная обязанность и священнѣйшій долгъ твой по крайней мѣрѣ въ праздничный день присутствовать въ храмѣ во время священнодѣйствія Литургіи. Вникни и размысли, что Божественная Литургія преимущественно предъ всѣми церковными службами служить къ освященію христіанина, къ таинственному и молитвенному общенію его съ Господомъ, и къ наставленію его въ вѣрѣ и жизни христіанской.

Съ тѣхъ поръ, какъ Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ пріискреннѣ пріобщился плоти и крови человѣческой, Онъ не только содѣлался искупительною и спасительною жертвою за родъ человѣческій, но и поставилъ Себя въ особенное тѣснѣйшее таинственное общеніе съ вѣрующими въ Него. Онъ

содѣлялся главою великаго таинственнаго тѣла Церкви, которую всѣ мы составляемъ, какъ члены Его, отъ плоти Его и отъ костей Его. Онъ Самъ благоволилъ назвать Себя лозою виноградною, а всѣхъ вѣрующихъ въ Него вѣтвями, растущими (Іоан. 15, 5.) на этой лозѣ. Будетъ ли жить и дѣйствовать какой-либо членъ нашего тѣла, если будетъ оторгнутъ отъ него? Конечно, нѣтъ. И вѣтвь древесная дотолѣ растеть, зеленѣеть, цвѣтеть и приносить плодъ, пока соединена съ своимъ деревомъ и питается его соками; оторвите ее отъ дерева,—и она вянетъ, сохнетъ, умираетъ. И въ насъ, членахъ спасительнаго тѣла Христова, дотолѣ только можетъ являться, расти и процвѣтать духовная нравственная жизнь, дотолѣ могутъ начинаться и зрѣть плоды добродѣтели, пока мы будемъ въ постоянной связи съ Божественною жизнью нашего Господа, пока будемъ питать и поддерживать жизнь нашу животворными и спасительными соками общей Лозы нашей, пока будемъ питаться Плотію и Кровію нашего Искупителя. Вотъ драгоценныя слова нашего Господа: *Будите во Мнѣ и Азъ во васъ. Якоже роза не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете... И аще будетъ во Мнѣ и Азъ во немъ, тогдѣ сотворитъ плодъ много: яко безъ Мене не можете творити ничего. Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ во немъ... Ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради* (Іоан. гл. 15). Когда же, гдѣ и какъ мы можемъ приобщаться этого прискотечущаго источника нашей жизни? Гдѣ мы, сухія и безплодныя вѣтви, можемъ прививаться къ нашей живой и плодотворной Лозѣ? Какъ мы можемъ принять то драгоценнѣйшее, общающееся намъ небесное брашно, которое поддерживаетъ и оживотворяетъ наши душевныя и телесныя силы и дѣлаетъ насъ причастниками жизни вѣчной? Самъ Спаситель, въ ту незабвенную, предсмертную вечерю, когда Его святѣйшая душа возлилась въ чудной бесѣдѣ въ ученикамъ Его,—Самъ Онъ оставилъ намъ завѣтъ любви и непрерывнаго общенія съ Нимъ и между собою—въ священнодѣйствіи Тѣла и Крови Его. На этой вечери Онъ, взявъ хлѣбъ и чашу съ виномъ, благословилъ и осыятилъ ихъ, и подавая ученикамъ, своимъ, сказалъ: *примите, ядите: оіе еомъ тѣло: Мое, и*

пійте отв нея вси: сія бо есть кровь Моя новаго заветѣ. (Матѣ. 26, 26. 27). Сказавъ эти слова, Онъ присоковупилъ: *сіе творите въ Моє воспоминаніе* (1 Кор. 15, 24). Вотъ, такъ сказать, первая Христіанская Литургія, которую совершилъ Самъ Великій Архіерей, Іисусъ Христосъ! Съ тѣхъ поръ Апостолы, ихъ преемники и пастыри Христова стада, всѣхъ мѣсть и всѣхъ времянь, совершали и совершаютъ Литургію, на которой священнодѣйствуется великое Таинство падъ видами хлѣба и вина. И всякій разъ, на литургіи, благословенные хлѣбъ и вино истинно и существенно пресуществляются въ тѣло и кровь Господа нашего, и остаются только *виды* хлѣба и вина. Правда, не всѣ христіане способны и готовы во время совершенія каждой Литургіи приобщаться тѣла и крови Спасителя нашего: къ этому обязаны одни священнодѣйствующие, которые приносятъ безкровную жертву отъ лица всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ. Тѣмъ не менѣе, частое присутствіе при священнодѣйствіи Литургіи освящаетъ христіанъ и поддерживаетъ въ нихъ союзъ съ Іисусомъ Христомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если безкровная новозавѣтная жертва хлѣба и вина есть не только воспоминаніе кровавой жертвы нашего Спасителя, но и постоянное ея продолженіе; то присутствовать при Литургіи значить присутствовать мысленно при крестѣ, окомъ вѣры созерцать страданія, язвы и смерть Искупителя, и сердцемъ болѣзновать о нихъ, участвовать въ нихъ и усвоить ихъ себѣ. Самая даже брѣнная плоть наша очищается и освящается, присутствуя въ томъ храмѣ, гдѣ источникъ нашей жизни и святости—Божественное Тѣло и Кровь нашего Искупителя—истинно и существенно *предлежатъ* намъ на священномъ престолѣ и разливаютъ вокругъ себя, во внутренности храма, освящающую благодать (1).

(1) «Всякій христіанинъ,—говоритъ одинъ святой мужъ,—долженъ приходить во св. Божію церковь и никогда не отлучаться отъ совершаема въ ней святыя литургіи, во время священнодѣйствія которой наипаче, особливимъ образомъ, присутствующая невидимо благодать Духа Святаго, всѣхъ обрѣтающихся (присутствующихъ въ храмѣ) претворяетъ и преобразуетъ, и истинно рещи, божественными содѣлываетъ, по мѣрѣ усердія и благоговѣйству каждаго умъ воспріяла, чрезъ совершаема дѣйствія

Вводя насъ въ таинственное общеніе съ Господомъ, Литургія потому самому служить удобнѣйшимъ временемъ и средствомъ входить въ молитвенное общеніе съ Нимъ, раскрывать предъ Нимъ наши сердечныя раны, изливать душевныя скорби и просить Его благодатной помощи нашимъ душевнымъ и тѣлеснымъ немощамъ и нуждамъ. Когда лучше и ближе молить Господа, какъ не во время священнодѣйствія Литургіи? *Аще пребудете во Мнѣ*, сказалъ Онъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ, *и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, еже аще хотите, просите, и будетъ вамъ* (Іоан. 15, 7). Когда легче и скорѣе можетъ быть принята и услышана Господомъ молитва наша, какъ не въ то время, когда Онъ, по безконечной любви къ намъ, Самъ приноситъ Себя въ жертву за спасеніе всего міра, за исцѣленіе всѣхъ язвъ и болѣзней нашихъ? Онъ принимаетъ каждый молитвенный вздохъ христіанской души, за которую Онъ пролилъ кровь Свою на крестѣ. Во время священнодѣйствія Литургіи Онъ не только ходатайствуетъ о насъ дражайшею цѣною Своей великой жертвы, однажды принесенной, но Самъ съ нами, среди насъ, въ главѣ насъ молящихся, стоитъ предъ Отцемъ Небеснымъ, и молить за тѣхъ, *изъ же Онъ далъ Ему* (Іоан. 17, 9). И мы, имѣя среди себя присущаго Господа нашего, просимъ Отца Небеснаго не только—во имя Его, но—вмѣстѣ съ Нимъ, отъ лица Его. И Отецъ Небесный, предавшій все во власть Сына, ради Его безконечной крестной заслуги, готовъ исполнить всѣ благопотребныя наши прошенія, высылаемыя къ Нему отъ лица Сына—нашего Спасителя и Ходатая. Богъ Отецъ, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *Сына своего не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ естъ Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Римл. 8, 32). Вся намъ дарствуетъ! Какъ велико дерзновеніе христіанина! Но это обширнѣйшее право христіанской молитвы возможно только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если молитвы наши благопотребны, а потому и благопріятны Богу. Но это едвали воз-

---

во означаемымъ таинствамъ». Святый Максимъ исповѣдъ въ церков. тайно водств. гл. 24.

можно для многихъ изъ насъ вѣтъ храма. Если бы мы возсылали къ Богу молитвенныя прошенія свои только подѣвліаніемъ нашихъ личныхъ ощущеній и по требованіямъ нашихъ желаній; то мы могли-бы получить отвѣтъ: *не вѣстѣа, чесо просита!* Да, часто мы сами не знаемъ, чего просимъ. Мы, какъ несмысленныя и доучливыя дѣти, взываемъ къ Отцу Небесному съ такими прошеніями, которыя или оскорбляютъ величіе и святость Божию, или обращаются во вредъ намъ самимъ и ближнимъ нашимъ, или, чаще всего, вытекаютъ изъ побужденій чувственной и самолюбивой природы нашей, касаются только выгодъ и удовольствій временной жизни. *Просите, говоритъ Апостоль, и не пріемлете, зане злы просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. 4, 3). И можетъ ли быть иначе? Можемъ ли мы молиться надлежащимъ образомъ, когда умъ нашъ помраченъ и мы осуетились въ помышленіяхъ своихъ, сердце наше за ражено самолюбіемъ и развращеніемъ, желанія наши устремлены къ суетному и чувственному? Мы, по сознанію Апостола, *о чесоѣ помолимся, якоже подобаетъ, не въмы* (Рим. 8, 26). Благодареніе, великое благодареніе Господу Богу, что *Самъ Духъ Святый ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаанными!* Подлинно, Св. Церковь, находясь подѣ постояннымъ руководствомъ Св. Духа, знаетъ, лучше насъ самихъ, истинныя потребности и нужды наши. Намъ остается только, съ покорностію предавши самихъ себя ея материнскому руководству, съ дѣтскою простотою, въ простотѣ и искренности сердца, повторять за нею тѣ моленія, которыя она возсылаетъ къ Отцу Небесному о нашихъ нуждахъ. Войдите только въ Храмъ Божій, прислушайтесь къ церковнымъ молитвамъ,—и въ возглашеніяхъ Церкви найдете всё, о чемъ слѣдуетъ вамъ молиться предѣ Господомъ Богомъ. Вы здѣсь услышите, какъ св. Церковь въ священныя пѣснопѣніяхъ своихъ возносится къ престолу величества Божія, въ хвалѣ и благодареніяхъ, за проявленіе безчисленныхъ благодѣяній, открытыхъ намъ въ твореніи міра, въ промышленіи о немъ, въ искупленіи и спасеніи грѣшнаго рода человѣческаго. Вы услышите молитвы и пѣснопѣнія, въ которыхъ узнаете болѣзненный вопль вашей собственной грѣшной и вающейся души. Услышите, какъ Церковь отъ лица насъ

просить всего добраго и полезнаго душамъ нашимъ, Ангела вѣрнаго, наставника и хранителя нашего, избавленія насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, прощенія и оставленія грѣховъ, заступленія и спасенія насъ благодатною помощію; она испрашиваетъ намъ мирной и не постыдной христіанской кончины и добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ. Церковь молить Господа Бога о здравіи и благоденствіи духовныхъ и мірскихъ властей, о благахъ временной и вѣчной нашей жизни, молить о благоденствіи, тишинѣ и мирѣ во всемъ мірѣ, во всякомъ градѣ и странѣ, о благостояніи Церкви и государства, о благораствореніи воздуха и о изобиліи плодовъ земныхъ. Попечительная Церковь проливаетъ теплыя молитвы о плавающихъ, путешествующихъ, о недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, о преждепочившихъ отцахъ и братіяхъ и повсюду православныхъ. И такъ въ храмѣ мы молимся устами Церкви, молимся переданными намъ изъ вѣка въ вѣкъ словами святыхъ и Богомудрыхъ отцевъ, умѣвшихъ возглашать только благопріятныя Богу моленія; молимся словами Самаго Господа, научившаго насъ молиться; молимся, наконецъ, вмѣстѣ съ Самимъ Господомъ, за насъ и вмѣстѣ съ нами молящимся въ Отцу Небесному. Остается только приложить наше собственное усердіе, чтобы довершить торжество молитвы; остается только раскрыть сердце, а Господь стоитъ уже при дверяхъ его и ожидаетъ, чтобы войти въ него Своею благодатію.

Св. Церковь, сверхъ того, служитъ прекраснымъ училищемъ мудрости. Конечно, Церковь не общаетъ и не старается дать намъ и нашимъ дѣтямъ ту блестящую образованность, какую даетъ свѣтская жизнь и свѣтское воспитаніе, и которая, обольщая молодыхъ и старыхъ христіанъ, чаще убиваетъ, чѣмъ оживляетъ, и выводитъ изъ своей школы воспитанниковъ часто блѣдныхъ, сухихъ и тощихъ по тѣлу, безхарактерныхъ, сухихъ и тощихъ добрыми мыслями и чувствами. Она не общаетъ моднаго просвѣщенія, которое, можетъ быть, и умно, но которое дѣтей добродушныхъ по природѣ часто превращаетъ въ людей искусственныхъ, въ людей съ ложными чувствами къ отцамъ и матерямъ, въ мудрователей съ неподобающимъ мудрованіемъ, съ гордыми

притязаніями на права и преимущества, которыхъ они не должны имѣть. Она не общаетъ научить пріобрѣтать громкую славу за умѣнье жить въ свѣтѣ, похвалы блестящаго общества за ловкость, приличіе и тонкость въ обращеніи. Нѣтъ, Церковь, благословляя то, что есть добраго въ свѣтскомъ воспитаніи, и стараясь придать ему высшее духовное значеніе, — преподаетъ намъ великую науку жизни для неба — науку, которая имѣетъ своимъ исходнымъ началомъ и концемъ слова нашего Спасителя: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единому истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ — Христа* (Іоан. 17, 3). На основаніи этого начала своей науки, Церковь старается сообщить и раскрыть намъ понятіе о высокомъ назначеніи нашей природы, какъ по сотворенію, такъ преимущественно по искупленію. Ея уроки о воспитаніи стремятся къ тому, чтобы намъ — ея дѣтямъ и воспитанникамъ — дать не временный, но постоянный, не искусственный, а истинный характеръ человѣка; чтобы умъ нашъ въ мысляхъ и познаніяхъ своихъ всегда шелъ по тому истинному пути, который далъ ему Творецъ нашей разумной природы, и который указалъ и освѣтилъ намъ Искупитель свѣтомъ Своего Евангелія; чтобы сердце наше способно было ощущать въ себѣ чистыя и святыя чувствованія любви ко всему истинному, доброму и прекрасному; чтобы воля наша въ своихъ многочисленныхъ стремленіяхъ и желаніяхъ находила удовольствіе съ покорностію слѣдовать заповѣдямъ Христовымъ. Такимъ образомъ Церковь воспитываетъ и руководитъ насъ къ тому, чтобы сдѣлать насъ добрыми и счастливыми здѣсь на землѣ — въ царствѣ природы и благодати, и приготовить насъ къ достойному наслѣдію въ блаженномъ царствѣ Божіемъ на небѣ. Такъ велико назначеніе и важно водительство Церкви!

Протоіерей **Алексѣй Лавровскій.**

РЪЧЬ

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СУНОДУ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕКТОРОМЪ ЯРОСЛАВСКОЙ СЕМИНАРИИ

АРХИМАНДРИТОМЪ ІУСТИНОМЪ,

ПРИ НАРЕЧЕНІИ ВО ЕПИСКОПА ОСТРОЖСКАГО,

ВИЕАРІЯ ВОЛЫНСКОЙ ЕПАРХІИ,

4 АВГУСТА 1871 ГОДА.

Ваше Святѣйшество!

Не безъ внутренняго трепета въ настоящемъ и не безъ боязни за будущее, хотя и съ твердымъ упованіемъ на Высшую помощь, я высказалъ предъ Вами, Милостивѣйшіе Архипастыри и Отцы, благодарную свою готовность принять предназначаемый мнѣ жребій епископскаго служенія.

Благодарю Господа Бога моего, милостиво призорающаго на меня днесь Своею благодатію: буди Имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка!

Благодарю Державнаго Помазанника Божія, десницею Котораго утверждено избраніе мое на высшую чреду служенія въ Церкви Божіей: да будетъ благословенно сердце Царево, въ немъже Господь возглаголалъ благая о рабѣ Своемъ!

Благодарю Святѣйшій Правительствующій Синодъ, благоволившій призвать меня изъ среды моихъ собратій въ полученію Вышнія Благодати Святаго Духа, поставляющаго пастырей Христова стада: да исполнятся уста и сердце мои хвалы и благодаренія Священному Собору святой Церкви Всероссійской!

Благодарю:—но что воздамъ Господеву моему, толико благодарящему мнѣ? Чѣмъ засвидѣтельствую признательную

вѣрность Благочестивѣйшему Монарху? Чѣмъ оправдаю Ваше избраніе, Богомудрые Архипастыри и Отцы?

Я твердо вѣрю въ святое слово всесильнаго Господа, всегда живое и дѣйственное: *довлеть ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Я твердо уповаю на милость Божію, которая всегда готова наставить, укрѣпить и заступитъ немощнаго. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ дѣлѣ созиданія Церкви Божіей каждому, право правящему слово истины, христіанскому пастырю всегда присуща вседѣтельная Божественная Благодать. И,—вооружившись сею вѣрою и упованіемъ,—я отъ всей души молю Всещедраго Раздавателя благодатныхъ дарованій, да просвѣтитъ Онъ меня Своимъ пренебеснымъ свѣтомъ, да наставитъ Онъ меня въ Евангельской истинѣ, въ любви и правдѣ, да вдохнетъ въ меня силу и крѣпость и самому утверждаться и другихъ утверждать въ Христовой вѣрѣ и христіанскомъ благочестіи.

Проникаясь живою надеждою на Того, Кто, по обѣтованію Своему, пребудетъ въ Церкви до скончанія вѣка, я со дерзновеніемъ и вмѣстѣ съ полнымъ сознаніемъ своихъ немощей приѣмлю и предлежащее мнѣ служеніе. Приѣмлю его, какъ совершеннѣйшій даръ Божій, свыше сходящій на меня отъ Отца свѣтовъ;—приѣмлю его, какъ святыню Господню, туне даруемую моему недостойнству. Приѣмлю его, какъ высокій подвигъ, обязующій меня полнымъ вниманіемъ къ самому себѣ и вручаемому мнѣ дѣлу. Приѣмлю его, взирая на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса, отъ Него же да удостоенъ буду и уготованнаго для всѣхъ, о имени Его трудящихся, вѣнца правды, въ день всеобщаго воздаянія.

Святѣйшіе Отцы! Въ мысляхъ и чувствахъ, высказанныхъ мною предъ Вами, благоволите усмотрѣть то внутреннее состояніе, въ которомъ находится душа моя въ настоящую торжественную въ моей жизни минуту. Съ благодарностію приѣмля санъ епископства, я ничтоже вопреки глаголю, всецѣло предавая себя благому о мнѣ изволенію Духа Божія, дѣйствующаго чрезъ Ваше Святѣйшество.

О СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНИИ.

(Продолженіе).

Содержаніе первой книги Эздры. Книга эта представляетъ изъ себя двѣ части. Въ первой содержится разсказъ о томъ, какъ персидскій царь Киръ, въ первый годъ своего правленія, далъ своимъ іудейскимъ подданнымъ разрѣшеніе возвратиться въ отечество, возстановитъ храмъ и возобновитъ богослуженіе (гл. 1). За тѣмъ слѣдуетъ перечень возвратившихся іудеевъ (гл. 2; ср. Неем. 7, 5 и сл.). Всѣхъ возвратившихся въ отечество подъ начальствомъ Зоровавеля,—князя изъ колѣна Іудина и дома Давидова, было 42,360 человекъ, кромѣ рабовъ, которыхъ было 7,337 душъ. Далѣе Эзра повѣствуетъ о закладкѣ іерусалимскаго храма (гл. 3), объ исходатайствованіи самарянами у Лжесмердиса эдикта, воспрещавшаго продолженіе постройки (гл. 4); о продолженіи строенія храма (не смотря на это запрещеніе), вслѣдствіе поощренія пророковъ Аггея и Захаріи (гл. 5); объ отмѣнѣ сего запрещенія Даріемъ Истаспомъ; объ окончаніи постройки храма; объ освященіи его и празднованіи Пасхи (гл. 6). Все это совершилось до прибытія Эдры въ Іерусалимъ. Вторая часть состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: сначала идетъ разсказъ объ отправленіи Эдры — потомка Ааронова, — въ Іудею и полученныхъ имъ полномочійхъ (гл. 7); за тѣмъ слѣдуетъ исчисленіе возвратившихся съ нимъ іудеевъ; далѣе — повѣствованіе о приготовленіи священниковъ и левитовъ къ пастырской дѣятельности и о благополучномъ прибытіи Эдры въ Іерусалимъ (гл. 8). Послѣ того изложена молитва Эдры къ Богу о помилованіи народа, согрѣшившаго особенно дружбою и брачными союзами съ народами языческими (гл. 9). Книга оканчивается повѣствованіемъ объ уничтоженіи смѣ-

шанныхъ браковъ (гл. 10). Къ числу заслугъ Эздры принадлежитъ еще то, что онъ собралъ и привелъ въ порядокъ священныя книги Ветхаго Завета.

Книга Нееміи.

Неемія, виночерпій персидскаго царя, возвратился въ Иерусалимъ чрезъ 13 лѣтъ послѣ Эздры, слѣдовательно—въ 20-й годъ царствованія Артарсеркса, или въ 445 г. до Р. Х. Онъ возвращался на родину въ качествѣ народо-правителя, и, подобно Эздрѣ, снабженъ былъ обширными полномочіями. Цѣлью его было содѣйствовать внутреннему и внѣшнему устройству іудейской общины, все еще находившейся въ состояніи безпорядка и уничтоженія. Неемія дѣятельно трудился надъ устройствомъ Иерусалима, особенно стѣнь его, не опасаясь угрозъ и коварныхъ происковъ со стороны враговъ іудейской общины. За тѣмъ, Неемія учредилъ общественное чтеніе Закона предъ всѣмъ народомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было торжественное, вполне согласное съ закономъ, отправленіе праздника Кущей. Въ 24 день того же мѣсяца, назначенный для покаянія, Законъ былъ вновь прочитанъ, и народъ, въ лицѣ князей, священниковъ и левитовъ, далъ письменное обязательство о точномъ соблюденіи закона. Послѣ двѣнадцатилѣтней дѣятельности въ Иудеѣ, Неемія въ 433 г. вновь явился ко двору Артарсеркса и приобрѣлъ себѣ еще большее уваженіе строгимъ соблюденіемъ закона.

Изложенныя обстоятельства составляютъ содержаніе книги Нееміи; писателемъ этой книги талмудъ и нѣкоторые изъ св. отцевъ считаютъ Эздру. Но что не Эзра, а самъ Неемія написалъ эту книгу, это уже ясно изъ того, что рѣчь ведется вездѣ отъ перваго лица тамъ, гдѣ дѣло касается самаго Нееміи. И такъ писателемъ книги Нееміи должно признать самаго Неемію, хотя нѣкоторыя части ея занесены писателемъ изъ постороннихъ источниковъ: такъ, 7, 73—10, 39 принадлежитъ перу Эздры; списки же, помѣщенные въ 7, 7—73 и въ 12, 1—26, заимствованы изъ семейныхъ архивовъ частныхъ лицъ.

Цѣлью писателя было прославить Бога, оказавшаго своему

народу великія благодѣянія, и чрезъ то поддержать въ народѣ ревность къ исполненію закона Божія.

Содержаніе книги. Однажды Неемія, служившій за столомъ Артаксеркса, имѣлъ очень печальный видъ. Царь обратилъ на это вниманіе и спросилъ Неемію о причинѣ его скорби. Узнавши же, что Неемія скорбитъ о бѣдствіяхъ своей родины (гл. 1), царь даетъ Нееміи разрѣшеніе отправиться въ Иерусалимъ для устройства дѣлъ еврейской общины. Снабженный обширными полномочіями, Неемія прибылъ въ Иерусалимъ и приступилъ къ постройкѣ городской стѣны. Сосѣди евреевъ смотрѣли съ завистью на возростающее ихъ могущество (гл. 2). Санаваллатъ и Товія рѣшились остановить постройку посредствомъ внезапнаго нападенія на Иерусалимъ; но Неемія принялъ всѣ мѣры къ встрѣчѣ враговъ (гл. 4). Чтобы облегчить положеніе народа, страдавшаго подъ бременемъ труда, Неемія воспретилъ лихву и собраніе оброка съ рабовъ, и самъ въ этомъ отношеніи подалъ примѣръ (гл. 5). Такимъ образомъ, не смотря на всѣ затрудненія, стѣны Иерусалима были окончены постройкой (гл. 6). Неемія издалъ потребныя постановленія относительно охраненія города, страдавшаго отъ малочисленности населенія (гл. 7, 1 — 6). Въ первый день седьмаго мѣсяца собрался народъ на одной изъ площадей Иерусалима. Принесена была книга Закона, и Эздра читалъ ее народу съ утра до полудня. При этомъ священники и левиты переводили на халдейскій языкъ то, что было непонятно для народа, отвыкшаго въ плѣну отъ чисто-вѣблейскаго языка. Народъ плакалъ отъ умиленія, къ сердечному утѣшенію Эздры и Нееміи. На другой день повторилось чтеніе закона, при чемъ прочтены были предписанія закона о праздникѣ купцевъ, совершаемомъ въ седьмой мѣсяцъ года. Рѣшено было, во исполненіе сихъ предписаній, совершить праздникъ, какъ подобало по закону. Со временей Иисуса Навина этотъ праздникъ не отправлялся съ такою торжественностію, какъ теперь. Ежедневно происходило чтеніе закона (гл. 8). Въ 24 день того же мѣсяца народъ принесъ покаяніе, и четвертая часть дня опять посвящена была чтенію Закона (гл. 9). Князья, священники и левиты дали письменное обязательство соблюдать законъ во всей точности (гл. 10).

Послѣ того, оконченныя постройкою стѣны Иерусалима были посвящены и при этомъ была учреждена касса для вознагражденія священниковъ и левитовъ за ихъ службу (12 гл. 27—47). Въ заключеніи книги содержится разсказъ о томъ, что сдѣлалъ Эадра для водворенія чистоты нравовъ въ еврейской общинѣ, во время вторичнаго пребыванія въ Иерусалимѣ (гл. 13).

Книга Эсѣирь.

Название свое эта книга получила отъ главнаго дѣйствующаго лица книги—Эсѣири.

Писателемъ книги равнины и христіанскіе ученые признають Мардохея; потому что изъ 9, 20 видно, что Мардохей написалъ исторію Эсѣири и сообщилъ свое сочиненіе іудеямъ, обитавшимъ въ персидскомъ царствѣ. Но нельзя утверждать съ точностію, что это сочиненіе Мардохея и настоящая книга есть одно и тоже. Но во всякомъ случаѣ, если книга Эсѣирь написана и не самимъ Мардохеемъ, то, несомнѣнно, составлена подъ его руководствомъ, и слѣдовательно заслуживаетъ полной достовѣрности.

Содержаніе книги составляетъ повѣствованіе о чудесномъ спасеніи іудеевъ, при посредствѣ Эсѣири и Мардохея, отъ всеобщаго избиенія. Насколько это событіе было важно, можно заключать изъ того, что Мардохей (изъ колѣна Веніамина), разсылая іудеямъ персидскаго царства составленную имъ записку по этому предмету, приглашалъ іудеевъ установить на вѣчныя времена празднѣвъ въ память избавленія іудеевъ отъ презлобы Амана. Цѣлію при написаніи книги Эсѣирь было то, чтобы увѣновѣчить память объ этомъ происшествіи и дать народу чтеніе сообразное, для имѣвшаго учредиться по сему случаю праздника.

Обозрѣніе содержанія. Персидскій царь Артаверксъ (Лонгиманъ—долгорукій) однажды устроилъ роскошный празднѣвъ для своихъ вельможъ и для жителей своего столичнаго города Сувъ. Во время празднѣва, царю пришла мысль показать гостямъ свою прекрасную жену Астинь. Астинь отвязалась исполнить желаніе царя и за это лишилась благоволенія его (гл. 1). Тогда царь повелѣлъ собрать въ Су-

захъ всѣхъ красивѣйшихъ дѣвицъ своего царства, чтобы вы-
брать изъ нихъ жену, вмѣсто Астини. Послѣ осмотра дѣвицъ,
царь избралъ въ жены Эсѣирь (дочь Аминадора), племян-
ницу, или пріемную дочь Мардохея (2, 1 — 20). Въ то же
время Мардохей оказалъ государственную заслугу, открывши
заговоръ на жизнь царя. О заслугѣ Мардохея записано было
въ царскія лѣтописи. (21—23). Между тѣмъ, при дворѣ Ксер-
кса, возвысился Аманъ. По повелѣнію царя, всѣ должны были
падать на колѣна, при встрѣчѣ съ Аманомъ, и кланяться
ему до земли. Мардохей не оказывалъ этой чести Аману.
Злобный Аманъ рѣшился отомстить за это невниманіе всему
еврейскому народу. Онъ исходатайствовалъ у царя эдиктъ,
въ силу котораго 13 числа мѣсяца адара всѣ іудеи, обита-
вшіе въ персидскомъ царствѣ, должны быть умерщвлены и
имѣніе ихъ разграблено (гл. 3). Мардохей одѣлся во вретиче,
посыпалъ голову пепломъ и явился къ Эсѣири, умоляя
ее употребить всѣ средства къ спасенію еврейскаго народа.
Для Эсѣири удовлетвореніе этой просьбы представляло вели-
чайшую опасность. Она уже 30 дней не приглашалась къ
царю, являться же къ царю безъ приглашенія было воспре-
щено подѣ страхомъ смертной казни. Но Эсѣирь рѣшилась
на все, и когда царь спросилъ ее, чего она проситъ, Эсѣирь
объявила, что она желаетъ, чтобы царь въ этотъ день ото-
бѣдалъ у нея вмѣстѣ съ Аманомъ. За обѣдомъ царь повто-
рилъ свой вопросъ, и Эсѣирь еще разъ просила царя посѣ-
тить ее, въ сопровожденіи Амана (4, 1—5, 8). Между тѣмъ,
Мардохей снова раздражилъ Амана непочтеніемъ, и Аманъ
уже устроилъ висѣлицу для Мардохея (5, 9 — 14). Въ это
время случилось, что царь не могъ заснуть ночью и велѣлъ
читать лѣтописи. Когда прочтено было, о Мардохеѣ, царь
вспомнилъ, что онъ еще не получилъ награды. Когда за тѣмъ
явился къ царю Аманъ, царь спросилъ его, чѣмъ бы можно
было отличить одного человѣка, которому царь желаетъ ока-
зать высокую честь. Аманъ, полагая, что рѣчь идетъ о немъ,
указалъ на самыя важнѣйшія и наиболѣе рѣдкія выраженія
отличія. Царь поступилъ согласно совѣту Амана и повелѣлъ
ему эти почести оказать Мардохею (гл. 6). Когда царь въ
другой разъ обѣдалъ у Эсѣири и спросилъ ее, чего она отъ

него просить, Эсфирь отвѣчала «пощадь еврейскому народу», и объяснила замысль Амана. Царь пришелъ въ великій гнѣвъ и повелѣлъ повѣсить Амана на той висѣлицѣ, которая была приготовлена имъ для Мардохея (гл. 7). Мардохей былъ постановленъ на мѣсто Амана и уполномоченъ—разослать, за царскою печатью, указъ объ отмѣнѣ прежде разосланнаго едикта объ избіеніи евреевъ. Мало того, іудеямъ предоставлялось право самимъ избить въ 13-й день адара всѣхъ враговъ своихъ (гл. 8); 13-го адара указъ этотъ былъ исполненъ, и царскіе чиновники не только не оказали іудеямъ никакого противодѣйствія, но—всякое пособіе. Въ однихъ Сузахъ было избито до 500 человѣкъ, въ томъ числѣ десять сыновей Амана. По ходатайству Эсфири, избіеніе враговъ еврейскаго народа было разрѣшено и на 14 адара (февраля), вслѣдствіе чего въ Сузахъ погибло еще 500 человѣкъ; во всѣхъ же провинціяхъ персидскаго царства было избито до 75.000 человѣкъ (9, 1—20). Мардохей изложилъ исторію всѣхъ этихъ обстоятельствъ и назначилъ 14 и 15 адара для празднованія іудеямъ на вѣчныя времена. Праздникъ былъ названъ *пуримъ*, или жребіи, такъ какъ въ эти дни Аманъ готовилъ печальный жребій іудеямъ, но этотъ жребій достался ему и язычникамъ; а евреямъ выпалъ жребій счастливый (9, 21—28). За тѣмъ разослано было по всѣмъ провинціямъ персидскаго царства посланіе,—общее отъ Мардохея и Эсфири,—о чудесномъ избавленіи евреевъ отъ избіенія и объ учрежденіи праздника «пуримъ» (9, 29—32) Книга Эсфирь заключается похвалою Мардохею, который употребилъ свое вліаніе при дворѣ во благо народа (гл. 10).

(Продолженіе впрѣдъ).

---

28 АВГУСТА № 35. 1871 ГОДА.

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Русская церковная проповѣдь XVIII вѣка составляетъ въ высшей степени характерное явленіе: она кievскаго происхожденія и у насъ въ Великороссіи появилась по волѣ свѣтской власти. Само общество предъ этимъ отвыкло слышать живую проповѣдь и смотрѣло на нее подозрительно; довольство его своею религіозностію было такъ велико, что только не многіе лучшіе люди сознавали дѣйствительное положеніе вещей въ сферѣ религіи и чувствовали нужду въ реформѣ. Для такихъ-то слушателей явилась, по призыву царя, проповѣдь съ церковной кафедры и она естественно показала имъ «неподобнымъ новшествомъ». Можно себѣ представить послѣ этого, — каково же было положеніе проповѣдниковъ среди такихъ обстоятельствъ? Что должны были чувствовать они? «Оле окаянному времени нашему, яко отнюдь пренебрежено сѣянiе слова Божiя... Святiи не сѣють; а земля не приѣмлетъ; iерей не учать; а люди невѣжествуютъ; iерей слова Божiя

не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ, ниже слушати хотѣть» (1), повторялъ много разъ каждый проповѣдникъ въ началѣ XVIII столѣтія, когда проповѣдь пускала самые первые ростки на новой почвѣ. Въ этомъ новомъ, непривычномъ положеніи, церковная проповѣдь не отличалась единствомъ въ направленіи и съ самаго начала обнаружила колебаніе между правительствомъ и обществомъ, въ различной мѣрѣ подчиняясь вліянію того и другаго. Воздѣйствіе на проповѣдь правительства проглядываетъ въ ней очень ясно и дало поводъ нѣкоторымъ изъ нашихъ историковъ съ желчью и презрѣніемъ отнестись къ проповѣди за всю первую половину XVIII столѣтія (2), порицая её за раболѣпство предъ властію. Вліяніе общества мало замѣтно въ частностяхъ, но несомнѣнно при соображеніи общаго развитія проповѣди XVIII вѣка. Подъ этими двумя условіями она прививалась къ сознанію русскаго общества въ теченіе почти цѣлаго столѣтія.

Петръ Великій ясно понималъ значеніе образованія и съ полной энергіей прививалъ его къ русскому обществу. Для свѣтскаго образованія Петръ призвалъ учителей иноземцевъ; но онъ не могъ этаго сдѣлать по отношенію къ духовнымъ наукамъ, зная глубокую вражду православныхъ къ иновѣрцамъ. Древнерусская образованность была, по преимуществу, нравственно-религіозная и какъ нельзя болѣе благопріятствовала успѣхамъ проповѣди церковной; она развилась широко и отвѣчала своимъ содержаніемъ на всѣ существенные вопросы времени. Имѣя предъ собою народъ, незнакомый съ христіанскимъ ученіемъ, она весьма часто предлагала своимъ слушателямъ догматическое ученіе Церкви и христіанскія заповѣди, съ указаніемъ относительно примѣненія ихъ къ жизни и выясняя ихъ нравственное значеніе. Въмѣстѣ съ этимъ она зорко слѣдила за органическимъ развитіемъ христіанскаго міросозерцанія, настойчиво старалась очистить его отъ прежнихъ, языческихъ понятій и неизмѣнно сохраняла за собою право строго и рѣшительно оцѣнивать нравственно-христіан-

(1) Сочин. св. Дмитр. Ростовскаго Т. 2 стр. 389—390.

(2) Наука и литература при Петрѣ, соч. Пекарскаго.

скій характеръ отношеній между отдѣльными лицами, княжествами и государствами. Нечего и говорить, что проповѣдь, какъ представительница Церкви—нравственно-живаго начала въ обществѣ, усвоила Церкви исключительно нравственное вліяніе, въ силу божественныхъ полномочій, рѣзко отчуждаясь отъ римскихъ притязаній и въ то же время дорожа свободою Церкви. Отчетливо сознавая права Церкви и государства, ихъ взаимныя обязанности, проповѣдь опредѣленно поставила вопросъ объ отношеніи Церкви и государства. Изъ этого можно видѣть, что проповѣдь удовлетворяла всѣмъ существеннымъ своимъ задачамъ, по отношенію къ тогдашнему обществу. Мы видимъ въ древнерусской письменности богатство притчей, символизма и образовъ, подъ которыми русскіе понимали различныя христіанскія истины. Этотъ приемъ олицетворенія отвлеченныхъ понятій былъ такъ распространенъ и до такой степени отвѣчалъ неразвитому складу мышленія русскаго народа, что имъ начала пользоваться сама христіанская проповѣдь, «чтобы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганьскую вѣру забывали». Такъ какъ путь, «ведущій къ добродѣтели, жестокъ и остръ, и паче иже николіе и еще отнюдь не приложишася къ Богу, но страстнымъ мучительствомъ еще боримы; сего ради и многихъ требуемъ, иже къ нему понужающихъ насъ: овѣхъ убо *притчами* и *образами*, овѣхъ же и житія списаніемъ, иже прежде сихъ шествовавшихъ, иже паче неболѣзненно привлечь къ нему и не отчаятися устроеть шествія прискорбнаго (1)». Мы понимаемъ истинно педагогическое значеніе этого приема русской проповѣди; но это свидѣтельство ея о себѣ самой показываетъ, какъ настроено было общество, куда направлялись его симпатіи.

Въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей, временъ Петра, живо было представленіе этой древней проповѣди, стоявшей на высотѣ популярнаго христіанскаго краснорѣчія; въ ней слышны были истинное воодушевленіе и глубокое уваженіе къ христіанской религіи и ея божественному полномочію на

---

(1) Житіе Іосафа царевича. Сборн. Соловец. Библ. № 210.

землѣ. Съ другой стороны, книжные люди Россіи хорошо знали о проповѣди послѣдующаго времени, какъ она, соотвѣтственно потребностямъ времени, развилась въ формѣ пастырскихъ посланій самой разнообразной формы, вложила свои наставленія въ житія святыхъ, испещряя разсказъ о подвигахъ святыхъ людей обличеніями современныхъ порядковъ жизни и скорбію о былыхъ, лучшихъ временахъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Публицистическій элементъ вообще и въ частности—обличеніе были значительно развиты въ русской проповѣди за все время ея существованія; современники Петра могли указать и дѣйствительно указывали на древнихъ пастырей, полагавшихъ жизнь свою за христіанскую истину. Когда свобода обличенія и представительства въ проповѣди были подавлены насиліемъ власти, въ ея официальномъ проявленіи, проповѣдь унесла эту свободу съ собою въ глубь монастырей и оттуда продолжала служить интересамъ Церкви и отечества. Право свободной критики всѣхъ общественныхъ явленій со стороны пастырей Церкви очень живо сознавали современники Петра Великаго и требовали отъ членовъ іерархіи пользованія этимъ правомъ. И вотъ, при встрѣчѣ съ новою проповѣдію, русскіе скоро увидѣли, что она не развиваетъ предъ своими слушателями живой религіозной мысли, или теплаго христіанскаго чувства, въ ней нѣтъ полного представленія высокаго образа христіанства со стороны его всемірно-историческаго значенія для всего человѣчества, или по крайней мѣрѣ въ приложеніи къ личному душевному настроенію (въ схоластической проповѣди кіевскихъ ученыхъ не было аскетическаго элемента, усвоеннаго нашей проповѣдію); но вмѣсто всего этого христіанство представлялось въ формѣ отдѣльныхъ, лишенныхъ связи, пунктовъ вѣры, которые выступали въ видѣ диспутацій, дилеммъ. Такое чисто разсудочное отношеніе къ вѣрѣ, діалектическая игра въ священныя понятія, не могла нравиться русскому человѣку, жившему, мыслившему образами религіи. Русскій человѣкъ понималъ духъ вѣры во внѣшнихъ формахъ религіи, которыя внѣтно говорили его чувству; а южно-русскіе проповѣдники небрежно, даже съ презрѣніемъ относились къ этой сторонѣ религіи. Наконецъ, западные проповѣдники сильно выдавались предъ

русскими рѣзкимъ раздвоеніемъ между убѣжденіемъ и жизнью, отсутствіемъ благоговѣйнаго уваженія къ истинамъ вѣры, странными сравненіями, смѣшными или саркастическими отзывами о лицахъ и многимъ другимъ, къ чему не привыкъ слухъ русскаго человѣка, чѣмъ оскорблялось его религіозное чувство. «Гдѣ вы, новіи мудрецы, взяли сей разумъ...., яко всѣхъ неукамъ и невѣждами нарицаете», обращался къ кіевлянамъ іеродіаконъ Дамаскинъ. «Мы хвалимъ свободныя науки, но чрезъ такового человѣка дѣйствуемья, иже самъ со страхомъ слушаетъ и дѣлаеть велѣнія божественная; а иже въ безстрашіи пребываетъ и сластѣхъ, такового нетолько не пользуются науки схоластическія, но и вреждаютъ весьма: таковой бо схоластикъ по преизлиху бываетъ пакостникъ церковный и ересеизобрѣтатель, нежели неученый».

Само собою понятно, что южно-русская проповѣдь не могла оставаться въ Россіи въ своемъ первоначальномъ видѣ, потому что она шла въ разрѣзъ съ понятіями русскихъ о проповѣди и ея задачахъ по отношенію къ обществу и государству. Съ этаго момента, который можно приурочить къ первому десятилѣтію XVIII вѣка проповѣдь сдѣлала значительный шагъ въ своемъ развитіи. До сихъ поръ мы указывали на фактъ зависимости проповѣди отъ общества, — опредѣлимъ теперь характеръ правительственнаго вліянія, которое нѣсколько опередило общественное мнѣніе.

Петръ Великій прежде всего былъ неравнодушенъ къ неограниченному самодержавію и заботливо уяснялъ предъ своими подданными, что онъ «монархъ самовластный, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣеть свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своему благомнѣнію и волѣ управлять». По отношенію собственно къ церковной сферѣ, Петра возмущала, по замѣчанію Регламента, «удивляющая народъ слава патріарха и епископовъ» — и онъ ровнялъ, унижалъ ее, насколько было возможно. Такими же односторонними взглядами онъ руководился и по отношенію къ проповѣди. Петръ былъ живо заинтересованъ въ осуществленіи своихъ реформъ и въ то же время встрѣчалъ несочувствіе общества, оппозицію во имя вѣры; онъ сознавалъ силу Церкви и рѣшился призвать

ее на служеніе своимъ интересамъ; проповѣдь здѣсь нужна была для оправданія дѣйствій царя съ церковной каеедры, для уясненія ихъ значенія отъ лица Церкви.

Такая двойственная задача церковной проповѣди всегда была затруднительна; примиреніе правительственныхъ и народныхъ интересовъ часто ограничивалось служеніемъ какой-либо одной сторонѣ. У насъ въ Россіи въ первое время проповѣдь должна была стать на сторону правительства, которое вызвало проповѣдниковъ изъ Кіева, дарило ихъ своими милостями и своими сюжетами для проповѣдей (1). Это было тѣмъ легче, что южно-русская проповѣдь XVIII вѣка въ первое время своего существованія на Руси не могла похвалиться знакомствомъ съ народными нуждами, а потому естественно говорила лишь о томъ, что въ данную минуту занимало умы высшихъ классовъ общества. Въ публицистическомъ отношеніи первыя проповѣди XVIII вѣка составляютъ подробный комментарий и вмѣстѣ панегирикъ политическимъ событіямъ своего времени, — и потому естественно «птенцы гнѣзда Петрова» живо сочувствовали всякому слову проповѣди въ пользу реформы; къ такимъ проповѣдникамъ прислушивались, подробно отмѣчали время ихъ сказыванія и доносили царю, въ случаѣ его отсутствія. По отношенію къ самымъ проповѣдникамъ одна проповѣдь въ духѣ реформы опредѣляла ихъ карьеру: такъ возвысились Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ и другіе. Остальное общество строже относилось къ реформѣ, и потому, видя всѣ слабыя стороны ея, сопоставляло современныя ему «казанья» съ идеаломъ древней проповѣди, живо предносившимся его сознанію, и ясно понимало односторонность въ современныхъ предивахъ. «Зачѣмъ ты опасаясь обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ? Св. патріархъ Іоакимъ съ великимъ тщаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь», писалъ патріархъ Досіеѣй къ Яворскому (2). Одни изъ проповѣдниковъ, обла-

---

(1) Петръ самъ поручалъ проповѣдникамъ говорить о своихъ дѣлахъ съ церковной каеедры и предлагалъ даже составить сборникъ проповѣдей, сказанныхъ по случаю его побѣд.

(2) Истор. Росс. Соловьева 15, — 125.

давшіе эластическою совѣстію, спокойно презирали мнѣніе о нихъ общества и еще менѣе думали о народныхъ интересахъ; проникнутые, можетъ быть, самымъ искреннимъ благоговѣніемъ къ новымъ порядкамъ, они заботились лишь о торжествѣ ихъ, забывая все самыя серьезныя требованія Церкви и народа. Другіе, какъ Стефанъ Яворскій, болѣе строгіе въ дѣлахъ совѣсти, обратили вниманіе на мнѣніе общества, обнаружили попытку практически рѣшить поставленный старою православною партіей вопросъ о самостоятельности проповѣди отъ правительственныхъ инсинуацій. Къ отвѣту на этотъ вопросъ Яворскаго призывали его долговременное служеніе въ Великороссіи, близкое знакомство съ современными событіями и ясное пониманіе ихъ дѣйствительнаго значенія. Напримѣръ, въ день тезоименитства царевича Алексія Стефанъ Яворскій говорилъ проповѣдь, и въ ней высказалъ свой взглядъ на нѣкоторыя событія своего времени. Имѣя въ виду различныя нестроенія въ семействѣ Государя и презрительное отношеніе—какъ самаго Петра, такъ особенно «птенцовъ его» къ уставамъ Церкви и даже христіанскимъ догматамъ, проповѣдникъ, въ слѣдъ за словами свящ. Писанія: *«аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, ниже снабдиши творити заповѣди Его, придутъ на тя вся клятвы и постигнутъ тя»* — прибавилъ отъ себя: се имате мзду, закона Божія разорители! Се слышите громы, заповѣдей Божіихъ преступницы. Того ради не удивляйтесь, что многоматежная Россія наша доселѣ въ *кровныхъ* буряхъ волнуется; не удивляйтесь, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное, но тѣи только симъ сокровищемъ богатятся, которые любятъ Господень законъ». Учрежденіе фискальства становилось особенно возмутительнымъ отъ примѣненія его къ дѣламъ Церкви, и потому проповѣдникъ говорилъ: «для чего нарицаеть псаломникъ слова Господня словеса чиста, законъ Господень непороченъ? Для того законъ Господень непороченъ, ибо путемъ непорочнымъ человекъ водить, всякой святости учить, Бога любить отъ всего сердца и ближняго своего яко себя повелѣваетъ, обиды творити ближнему запрещаетъ. Законы человѣческіе, о, коликое имуть разстояніе отъ закона Божія!

Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой законъ, на примѣръ: поставить надзиратели за судами и дать ему волю, кого хочетъ обличить, да обличить, кого хочетъ обезчестить, да обезчестить; поклѣпъ сложить на ближняго судію вольно то ему.... А какой же законъ пороченъ или непороченъ,—разсуждайте вы: я о законѣ Господни глаголю». Въ заключеніе, проповѣдникъ молился празднуемому святому, чтобы онъ сохранилъ своего соименника— «едину надежду» и возвратилъ его невредимымъ послѣ 3-хъ лѣтняго путешествія за границей. Эта проповѣдь надѣлала много шуму и неприятностей проповѣднику,—онъ долженъ былъ оправдываться предъ царемъ и эта проповѣдь была одной изъ причинъ послѣдующей нелюбви государя къ Яворскому. Деспотизмъ власти принудилъ проповѣдниковъ отказаться отъ принадлежащаго имъ права, и этимъ самымъ правительство показало, что оно вовсе не намѣрено давать мѣста критикѣ своихъ дѣйствій, оставлять свободное обсужденіе своихъ распоряженій...

Становясь на эту чисто историческую почву въ сужденіи о проповѣди XVIII вѣка, мы можемъ видѣть, насколько справедливы и основательны отзывы о ней нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, укорившихъ ее въ рабской зависимости отъ власти, въ ея льстивомъ характерѣ; всякому легко можно понять, что въ началѣ XVIII вѣка правительство позволяло говорить только въ интересахъ своихъ, часто одностороннихъ, воззрѣній. Любимою и обширною темою для проповѣдей былъ данъ вопросъ объ обрядовой сторонѣ религіи: о суевѣрномъ поклоненіи святымъ, почитаніи мощей, постахъ и поклонахъ; проповѣдники съ протестантскимъ отгѣнкомъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ особенно настойчиво, и даже словами Петровскихъ указовъ, громили суевѣріе и въ своихъ выходкахъ нерѣдко переходили за черту православнаго ученія объ этомъ предметѣ, высказывая чисто-протестантскія понятія. Правительство до той минуты держало себя въ сторонѣ отъ вмѣшательства въ религіозные вопросы, пока торжествовали любимые имъ принципы; но оно налагало свою могучую руку на всѣхъ, рѣшавшихся возражать противъ этихъ принциповъ. Стефанъ Яворскій вынужденъ былъ просить извиненія за свои

справедливые отзывы о Прокоповичѣ, Маркелль заплатился за свою критику проповѣдей Кохановскаго и Теофана.

Мы видѣли выше, какъ Стефанъ Яворскій старался привить къ схоластическимъ предикамъ одну изъ чертъ древнерусской проповѣди и тѣмъ ослабить справедливыя нареканія противъ нея русскаго общества. Эта попытка не удалась. Теофанъ Прокоповичъ взглянулъ на дѣло иначе: подчинивши проповѣдь интересамъ правительства, онъ постарался окончательно реформировать ее. Хорошо понимая свое недостаточное знакомство съ великорусскою жизнію, онъ не пытался строить своей гомилетической теоріи на живомъ соотношеніи съ началами древнерусской проповѣди. Точкой опоры для Теофана послужило современное ему религиозное и нравственное состояніе русскаго народа: здѣсь онъ подмѣтилъ весьма слабое и поверхностное знаніе основныхъ истинъ вѣры, ложное пониманіе обрядовой стороны ея, отсутствіе рациональности въ исполненіи нравственныхъ правилъ и обрядовыхъ постановленій Церкви. Взглядъ Теофана имѣетъ по преимуществу рациональный характеръ: «читалъ бы богословскій учитель священное Писаніе и учился бы познавать прямую истину его силу и толь, укрѣпляя всѣ христіанскіе догматы свидѣтельствами Писаній; а въ помощь того дѣла чель бы прилежно книги святыхъ отецъ, да таковыхъ отецъ, которые прилежно писали о догматѣхъ». Выходя изъ этого главнаго начала проповѣди, Теофанъ перечисляетъ предметы церковнаго учительства; программа эта имѣетъ видъ христіанскаго катихизиса. Для оцѣнки ея стоитъ отмѣтить особенности, которыя имѣютъ въ виду, съ одной стороны современныя черты русскаго быта, съ другой выражаютъ понятія самаго Теофана. Послѣ общаго ученія о Иисусѣ Христѣ, Прокоповичъ предлагаетъ говорить въ проповѣди: «какая намъ польза отъ послушанія, страданія, смерти Его? Что есть ветхій и что новій завѣтъ (не о книгахъ ветхаго и новаго завѣта дѣло здѣ, но о силѣ ветхаго цервѣе, а потомъ новаго завѣта, отъ Бога человеку даннаго къ спасенію его) и въ чемъ новій завѣтъ отъ стараго разнятся?» Къ грѣхамъ, противнымъ истинному Богопочтенію, онъ относитъ: «проvoжденіе праздниковъ въ пьянствѣ и прочихъ безчиніяхъ, присягу на ложь; или и на

прямое, да легкое и маловажное». Этот пункт получает особенный колоритъ при снесеніи его съ параграфомъ Регламента относительно этаго же предмета; онъ направляется противъ ужаснаго клятвопреступничества того времени. «Особенно противны Богу боготвореніе иконъ, святыхъ угодниковъ Божиихъ,—не только приправиваніе Богу, но и предпочтеніе ихъ, различеніе дней и другихъ временъ, призыванія бѣсовъ, бабы шептанія, разглашенія ложныхъ чудесъ, видѣній, явленій, вымышленныхъ сновъ. О постѣ—каковъ онъ подобаеъ быти и какаѣ отъ него польза? Такожъ и каковъ постъ неправильный есть и не полезный, но паче къ поруганію имени Божія творимый?» Къ особеннымъ частнымъ темамъ для проповѣдей Теофанъ относитъ между прочимъ: «притворную святыню (ханжество), клеветы и доносы, ненависть къ пноземцамъ, должности всякаго чина и званія, семейныя, гражданскія и военныя». Въ праздники господскіе совѣтуетъ онъ выяснять ихъ историческое происхожденіе и основанія въ нихъ для нашей благодарности къ Богу; въ дни святыхъ заимствовать изъ житія ихъ примѣры, которые могли бы служить къ назиданію слушателей въ вѣрѣ. Мы не можемъ съ рѣшительностію утверждать, что послѣдній пунктъ гомилетической программы заимствованъ изъ прежней русской проповѣди, но характеръ его въ высшей степени разнится отъ другихъ пунктовъ, имѣвшихъ своимъ источникомъ протестантскую проповѣдь.

Эта широкая и, надобно сказать,—весьма раціональная гомилетическая теорія Теофана Прокоповича, возбуждая сочувствіе къ себѣ, заставляетъ сожалѣть, что она только въ нѣкоторой степени осуществлена самимъ авторомъ ея. Если она развивалась изъ другихъ началъ, имѣла своимъ источникомъ другія преданія, сравнительно съ понятіями великоруссовъ, то во всякомъ случаѣ нельзя доказать ея строгаго противорѣчія съ ними. Проповѣдь, построенная по этой теоріи, была не особенно симпатична для русскаго человѣка, по своему строго логическому характеру; но за то она стояла на точкѣ прямого истолкованія священнаго Писанія, что имѣетъ большое вліяніе на возбужденіе мысли, развитіе ея самостоятельности. Запрещая въ Регламентѣ читать «казнодѣишковыхъ легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бывають», Тео-

фанъ возставалъ противъ характера и внѣшняго состава проповѣдей схоластическихъ; онъ порицалъ произвольное, натянутое развитіе тѣмы, отступленіе отъ прямого смысла текстовъ, страсть къ аллегоріямъ и символамъ, обстановку содержанія проповѣди побочными предметами. Замѣчательно, что самъ Теофанъ, не пользовавшійся Златоустомъ и совершенно чуждый его духу и манерѣ, предпочтительно предъ прочими рекомендуетъ проповѣдникамъ этаго святаго отца! Общая основа проповѣдей самого Теофана Прокоповича остается вѣрною преданіямъ схоластической проповѣди, но эта основа въ его проповѣдяхъ закрывается, ступшевывается за массой публицистическаго матеріала; рѣшительное исключеніе составляютъ его трактаты о христіанскихъ догматахъ съ сильнымъ полемическимъ оттѣнкомъ противъ папства,— только эти проповѣди представляютъ образчикъ прямого и точнаго истолкованія священнаго Писанія и слѣдовательно только эти проповѣди остаются вѣрными его теоріи.

Теофанъ хорошо понималъ, что успѣхъ его гомилетической теоріи непосредственно зависитъ отъ общаго состоянія духовнаго просвѣщенія, и потому онъ поставилъ проповѣдь въ связи съ училищными домами: вновь учрежденныя училища должны были обращать особенное вниманіе на развитіе проповѣдничества. Въ Регламентѣ мы встрѣчаемъ самыя подробныя узаконенія, имѣвшія въ виду развитіе образованія и проповѣди. При Петрѣ Великомъ умственное образованіе было поставлено на первомъ планѣ. Основательно или нѣтъ, но люди реформы все зло прежняго времени приписывали единственно невѣжеству. Относительно образованія духовенства постоянно выходили новыя указы; правительство употребляло всѣ мѣры, чтобы «во священство не поставлялись сельскіе невѣжды, иже нини ниже скоты пасти умѣютъ, колыми паче людей», всѣ распоряженія по этому предмету обнаруживаютъ нетерпѣливую поспѣшность и настойчивость. Правительство устами Теофана высказало рѣшительную заботливость имѣть пастырями образованныхъ ревнителей вѣры, чуждыхъ суевѣрія, и потому епископы должны были строго испытывать—«не ханжа ли ставленникъ и не притворяетъ ли смиренія; ибо отъ такихъ какого добра надѣяться, развѣ бабьихъ

басенъ и иныхъ вредныхъ въ народѣ плевелъ, вмѣсто здраваго ученія» (1). Для учившихся въ школахъ правительство отмѣнило обычай закрѣплять мѣста за сиротами (2); для нихъ было отмѣнено выборное начало священниковъ самими прихожанами (3), ими дорожили даже въ томъ случаѣ, если они слагали съ себя санъ (4), поручая имъ дѣло учительства въ школахъ и церквахъ. Мы уже говорили, какъ высоко Петръ цѣнилъ значеніе проповѣди; въ законодательствѣ это уважительное отношеніе выразилось требованіемъ, чтобы въ семинаріяхъ заведены были диспуты и риторскія экзерциціи, которыя признаны «зѣло полезными къ наставленію и резолюціи, сіе есть, — честной смѣлости, каковыя требуютъ проповѣдь слова Божія». Въ монастырскихъ школахъ, которыя тоже предполагалось устроить для образованія монаховъ, велѣно обращать вниманіе на упражненіе въ проповѣдничествѣ (5). Кандидаты на высшія духовныя должности, жившіе въ Невскомъ монастырѣ, непременно обязаны были говорить поученія сначала, для пробы, въ монастырской трапезѣ, потомъ, когда приучатся, въ монастырской или семинарской церкви, наконецъ уже — по приходскимъ церквамъ и соборамъ (6). Чтобы еще лучше уяснить себѣ взглядъ и теоретическую постановку дѣла вообще духовнаго просвѣщенія и въ частности ту почву, на которой должна была развиваться проповѣдь, мы считаемъ не лишнимъ припомнить программу тогдашняго образованія; сюда входили: грамматика, географія, математика, исторія, риторика съ пиитикою, философія съ ея частями — діалектикой, физикою, краткой метафизикою, политикою, языки: латинскій, греческій и еврейскій.

Но эта программа многосторонняго человѣческаго образованія, прекрасная сама по себѣ, была утопій для петровскихъ временъ; равнымъ образомъ и всѣ приведенныя законо-

(1) Регл. о пресвитер. п. 4, 6.

(2) П. С. З. № 3.932, 4.110.

(3) П. С. З. № 4.120.

(4) Ibid. № 4.199.

(5) Реглам. о монахахъ.

(6) П. С. З. т. VII № 4.450.

положенія относительно духовнаго образованія отличались теоретическимъ характеромъ, несоотвѣтствіемъ наличнымъ средствамъ и силамъ тогдашняго русскаго общества. Правительство само отказалось отъ своихъ широкихъ проэктовъ и не далѣе, какъ чрезъ годъ послѣ изданія Регламента, ограничило программу обученія славянскою грамматикой и букваремъ Теофана Прокоповича; школы были открыты въ очень немногихъ епархіяхъ, въ другихъ онѣ не открывались вовсе, или уже открытыя закрывались. Часто средства, собранныя на училища, получали другое назначеніе; напримѣръ, изъ ростовской епархіи «школьный коштъ» бранъ въ Москву на камеръ-контору и генералитетъ, отчего ученикамъ въ обученіи учинилась остановка; изъ рязанской епархіи весь остаточный хлѣбъ отбирался на синодальное правительство; вся тяжесть содержанія школъ въ такомъ случаѣ падала на архіерея. Нѣкоторые изъ нихъ честно служили этому дѣлу и мы не знаемъ, много ли было примѣровъ, чтобы «архіереи, вмѣняли себѣ въ добродѣтель—все прежде небывалое въ Россіи пстрелять безъ остатку» (1), сами распускали учениковъ, или чтобы дурное состояніе школъ и отсутствіе ихъ «только отъ оплошки архіерейскія чинилося» (2).

Въ царствованіе Анны Іоанновны въ отношеніяхъ правительства къ Церкви получили крайнее развитіе и примѣненіе тѣ протестантскіе принципы, которые во время Петра Великаго едва только пробивались наружу; но что прежде было только капризомъ исполнителей законовъ, теперь выступало какъ дѣйствующій законъ.

Царствованіе Анны Іоанновны служить лучшимъ доказательствомъ, насколько протестантизмъ въ дѣйствительности чуждъ духа прозелитизма и ненависти къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. У насъ стало общимъ мнѣніемъ, что протестантиство въ Россіи скромно довольствовалось тою участью, какая отводилась ему православными; несправедливость этого увѣренія мы, отчасти, видѣли, говоря о времени Петра. Теперь

---

(1) Русск. раск. Шапова, стр. 486—87.

(2) Сочин. Посожкова 8. П. О. 3. т. I № 7.749.

предстоит окончательно убѣдиться въ его весьма шаткой состоятельности.

Въ теченіе 11 лѣтъ въ Россіи господствовала партія нѣмцевъ; они были главными распорядителями во всей странѣ. Началось быстрое увольненіе русскихъ со всѣхъ правительственныхъ мѣстъ и замѣна ихъ нѣмцами. На прежнихъ мѣстахъ оставались только сторонники нѣмцевъ и они равнялись «нулямъ между незначущимися цифрами» (1).

Церковная администрація, духовное просвѣщеніе оставлены были Петромъ въ шаткомъ, еще неопредѣлившемся, состояніи и болѣе другихъ сторонъ преобразованнаго государственнаго быта нуждались въ поддержкѣ, заботливомъ охраненіи ихъ интереса. Страданія Церкви за это время не были плодомъ недоразумѣній. Подъ благовиднымъ предлогомъ, на примѣръ, безопасности престола нѣмецкіе выходцы въ теченіе 11 лѣтъ послѣдовательно уменьшали часть духовенства, оставляя храмы безъ причтовъ, православную паству безъ всякихъ средствъ къ религіозно-нравственному воспитанію и удовлетворенію своихъ духовныхъ нуждъ (2). Въ то самое время, когда они строили кирку за киркой, хлопотали изъ всѣхъ силъ о лучшей обстановкѣ ихъ, выписывали для нихъ ученыхъ заграничныхъ пасторовъ, заводили при нихъ школы для образованія (3) дѣтей, издавали и распространяли протестантскія сочиненія: православные храмы, за недостаткомъ священнослужителей, пустѣли и закрывались, русскія училища оставались безъ всякой поддержки и падали; составленные въ защиту православной Церкви, книги запрещались и отбирались (4). Сколько поборниковъ православія лишились въ это время своихъ мѣстъ и даже жизни! Теофилактъ Лопатинскій, лучший и просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, былъ лишенъ архіерейства и монашества, три раза поднятъ на виску, наказанъ батогами и надронецъ посаженъ въ крѣ-

---

(1) Отзывъ Миниха о русскихъ сенаторахъ (смот. очеркъ управ. въ Россіи отъ Петра I до учрежд. министерствъ. 1855 г.).

(2) П. С. З. т. X № 7,790.

(3) Прав. Обзор. 1862 г. № 9 и 12.

(4) Слов. истор. о писателяхъ духовнаго чина ч. 2, стр. 705—706.

пость, единственно за свою рѣшимость сказать слово въ защиту православія (1); епископъ воронежскій Левъ Юрловъ, нѣсколькими недѣлями опоздавшій принести присягу Аннѣ Иоанновнѣ, потому что не получалъ указа изъ Синода, былъ за это преданъ суду, лишень сана, наказанъ кнутомъ и окончилъ свою страдальческую жизнь на цѣпи въ подземельѣ корельскаго Крестнаго монастыря; за опущеніе одного царскаго молебна архіепископъ кievскій Варлаамъ Вонитовичъ, издавшій въ Кіевѣ въ интересахъ православія книгу «Камень вѣры», лишень сана и сосланъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь (2); архимандритъ Мельхиседекъ (Барщовъ) лишень священства и наказанъ кнутомъ за то, что одинъ разъ служилъ царскій молебенъ въ ризахъ втораго разряда (3).

(Продолженіе впрредь).

Сказаніе о мѣстѣ найожденія Нерукотвореннаго образа Спасителя, именуемаго «св. Убрусъ».

Нерукотворенный образъ Христа Спасителя, именуемый *св. Убрусъ*, былъ присланъ царю Едесскому Авгарю отъ самаго Спасителя. Объ чудесномъ написаніи его извѣстно слѣдующее: Господь, умывъ водою лице Свое, взялъ въ четверо сложенный платъ, отерся имъ,—и на этомъ платѣ, или убрусѣ отпечатлѣлся *Его образъ*, справедливо названный *Нерукотвореннымъ*. Этотъ образъ Господь вручилъ удивленному внезапнымъ чудомъ живописцу Ананіи, для доставленія въ Едессу, къ болящему царю, который тотчасъ и получилъ исцѣленіе. Въ 944 году императоръ греческій Романъ перенесъ св. Убрусъ въ Царьградъ, и въ память этого перенесенія установленъ праздникъ 16 августа. Съ тѣхъ поръ Нерукотворенный образъ пребывалъ въ придворной Фаросской церкви

(1) Слов. достоп. людей. Бант. Кам. изд. 1836 г. часть 5, стр. 339.

(2) Вмѣстѣ съ нимъ лишились мѣстѣ еще 8 лучшихъ людей епархіи, членовъ консисторіи. См. Кіевъ, 11—33—37.

(3) Ibid ч. 3, стр. 264.

до 1204 года. Въ этомъ году Царьградъ былъ взятъ латинянами-крестоносцами, которымъ и досталась эта святыня, и при раздѣлѣ добычи уступлена венеціанскому дожу Дондоло, который и отправилъ ее на корабль въ Венецію, но корабль погибъ въ Провонтидѣ (Мраморномъ морѣ), такъ что при этомъ кораблекрушеніи ничего съ корабля не спасено и все рѣшительно поглощено волнами. Греческіе матросы, по преданію, переходящему отъ дѣда къ внукамъ, отъ отца къ дѣтямъ, всё знаютъ мѣсто, гдѣ погибъ корабль, нагруженный священною добычею, и съ чувствомъ благоговѣнія и глубокаго горя, указываютъ пассажирамъ мѣсто крушенія корабля. Это подтвердилъ въ 1848 году вселенскій патриархъ въ письмѣ своемъ къ г. Горголи. «Полагаютъ», писалъ патриархъ Константиій, «что образъ Едесскій находится въ Римѣ, въ персяхъ св. Сильвестра; но латинское преданіе несправедливо, какъ въ отношеніи къ этому предмету, такъ и во многимъ другимъ. По взятіи Константинополя, Балдуинъ, овладѣвъ имперією, ничего изъ того, что хранилось въ придворной Фаросской церкви, не передалъ въ руки иностранцевъ, кромѣ чудеснаго образа Господа нашего, захваченнаго дожемъ Дондоло, и потонуваго въ морѣ».

Потерю подлиннаго Нерукотвореннаго Образа и до сихъ поръ горько оплакиваютъ православные христіане, въ особенности греки, въ рукахъ которыхъ столько вѣковъ сохранялся святой Убрусъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они питаютъ надежду, что придетъ время, когда Едесскій образъ снова будетъ находиться въ Царьградѣ. Между православными жителями востока сохранилось преданіе, по которому Нерукотворенный Образъ будетъ обрѣтенъ въ морѣ, по взятіи христіанами Царяграда.

Н. Д.

БЕСѢДЫ НА ИЗРЕЧЕНІЯ ГОСПОДНИ О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

1.

Узрѣвъ (Иисусъ) народы, възиде на гору, и сѣдшу Ему приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаще ихъ. Мат. 5, 12.

Въ землѣ іудейской, въ которой жилъ и училъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не далеко отъ озера Геннисаретскаго, между городами Капернаумомъ и Тиверіадою, находится значительное возвышеніе, которое въ видѣ четверугольнаго холма уединенно поднимается изъ прекрасной равнины. Сіе то возвышеніе, названное въ послѣдствіи христіанами «гору блаженствъ», сдѣлалось мѣстомъ одного изъ важнѣйшихъ евангельскихъ событій. Однажды, Господь Іисусъ Христосъ взошелъ на этотъ холмъ съ Своими учениками, сопро-

вождаемый безчисленнымъ множествомъ народа *отъ всея Іудеи и Іерусалима, и поморія Тирска и Сидонска, иже приидоша послушати Его* (Лук. 6, 17. 18). Сильно тронулось сердце Іисуса Христа при видѣ такого множества народа, жаждавшаго послушать Его; *зане блгу яко овцы не имущія пастыря* (Мар. 6, 34). Онъ сѣлъ, — и изъ пречистыхъ устъ Его обильнымъ потокомъ полилась рѣчь трогательная, высокая, усладительная, преисполненная любви Отца къ дѣтямъ, рѣчь о томъ, какъ достигнуть небснаго блаженства, какія добродѣтели требуются для этого отъ насъ. Дивная рѣчь сія составляетъ сущность и духъ Новаго Завета и ясно изображаетъ величіе духа Богочеловѣка и убѣдительно доказываетъ божественность христіанства. Ибо, точно, *николиже тако есть глаголахъ* (Іоан. 7, 46) и не могъ глаголатъ чловѣкъ; ни одинъ мудрецъ своимъ умомъ не могъ дойти до такой высоты ученія.

Хотя Іисусъ Христосъ говорилъ, обращаясь къ ученикамъ своимъ, *возведъ очи свои на ученики своя* (Лук. 6, 20), но Его слова относились и къ другимъ слушателямъ, а слѣдовательно прямо относятся и къ намъ съ тобою, возлюбленный слушатель!

Выслушаемъ же, братія, эту рѣчь Господа Іисуса Христа, какъ бы мы слушали Его Самого. Выслушаемъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, какого требуетъ говорящее Лице и заключенная въ словахъ Его божественная мудрость. И мудрость земная, чловѣческая, не дается людямъ не внимательнымъ: дается ли намъ, безъ всякаго со стороны нашей вниманія, мудрость небсная, божественная?

Вотъ что говорилъ Господь: *блажени нищїи духомъ, яко тѣхъ есть царствїе небсное. Блажени плачущїи, яко тїи утѣшатся. Блажени кроткїи, яко тїи наслѣдуютъ землю. Блажени алчущїи и жаждущїи правды, яко тїи насытятся. Блажени милостивїи, яко тїи помилованы будутъ. Блажени чистїи сердцемъ, яко тїи Бога узрятъ. Блажени миротворцы, яко тїи сынове Божїи нарекутся. Блажени изнаны правды ради, яко тѣхъ есть царство небсное. Блажени есте, егда поносятъ васъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ злое глаголахъ, на вы*

лжуща, Мене ради (Матѣ. 5, 3—11). Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ.

Чтобы вполне понять смысл и значеніе сихъ словъ Господа и приложить ихъ къ своей жизни,—необходимо остановиться отдѣльно на каждомъ выраженіи приведенной рѣчи Господа, и подробно рассмотреть ее со всѣхъ сторонъ. Это мы и сдѣлаемъ въ слѣдующихъ бесѣдахъ. Въ настоящей же бесѣдѣ замѣтимъ только, что ученіе Господа, изложенное Имъ въ изреченіяхъ *о блаженствахъ*, крайне для насъ важно и нужно. Кто пзъ насъ не желаетъ и не питаетъ надежды достигнуть небснаго царствія, блаженнаго состоянія на небѣ? Это желаніе и надежда составляютъ, такъ сказать, насущную потребность каждаго истиннаго христіанна. Но всѣ ли мы хорошо знаемъ и помнимъ,—какой путь ведетъ къ желанному блаженству,—то есть, какъ надобно расположить и вести жизнь, чтобы достойно носить великое имя христіанина здѣсь на землѣ, а тамъ, въ странѣ вѣчности, за гробомъ, на вѣки соединиться съ Господомъ? Къ сожалѣнію, не всѣ мы это знаемъ и не всѣ помнимъ. Кто же насъ наставитъ въ этомъ?—Кто лучше можетъ напомнить намъ это, какъ не Тотъ, Кто открылъ намъ дверь небснаго царствія, указалъ въ своемъ ученіи и примѣрѣ своей жизни путь къ небу и всѣхъ приглашаетъ въ небсныя обители,—кто, какъ не Совершитель нашего спасенія—Господь Иисусъ Христосъ?—Его наставленія, Его ученіе объ этомъ слышатся и теперь во всемъ святомъ Евангеліи; но съ особенною силою и краткостію это ученіе изложено въ приведенной нами бесѣдѣ о блаженствахъ. Напечатлѣемъ эти наставленія сначала хотя въ памяти, и за тѣмъ единими устами и единымъ сердцемъ помолимся Господу, да поможетъ—мнѣ перевести въ ваши умы и сердца всю животворную силу словъ Господа, чтобы воодушевить и укрѣпить васъ на подвиги добра и вооружить противъ зла,—а вамъ да подастъ силу и крѣпость къ принятію и совершенію божественнаго ученія. Аминь.

2.

*Блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе
небесное.*

Для блаженства человѣкъ сотворенъ; блаженство и было удѣломъ его въ первые дни его жизни, въ раю! Созданные по образу Божію, прародители наши находились сначала въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Богомъ, Творцемъ своимъ, источникомъ радости и блаженства; наслаждались Его лицезрѣніемъ, бесѣдовали съ Нимъ, какъ дѣти съ отцемъ своимъ, просвѣщаясь отъ Него небесною мудростію и ни въ чемъ не имѣли недостатка; жилище ихъ—рай—заключалъ въ себѣ все, что потребно для жизни, здравія и наслажденія; земля и всѣ твари земныя служили имъ и были въ полномъ ихъ распоряженіи; онѣ какъ послушные рабы повиновались своимъ владыкамъ; самыя тѣла первыхъ людей не были подвержены болѣзнямъ и смерти. Но недолго продолжалось это блаженное состояніе: завистниги всякаго добра, врагъ Бога и людей, діаволъ, лишилъ прародителей нашихъ первобытнаго блаженства, склонивъ ихъ нарушить данную имъ Богомъ заповѣдь.

Въ наказаніе за грѣхъ, правосудный Богъ изгналъ прародителей нашихъ изъ рая, осудилъ ихъ, а въ лицѣ ихъ и все ихъ потомство — весь родъ человѣческой на скорби, болѣзни, страданія и смерть — не только тѣлесную, но и духовную. Пять тысячъ пять сотъ восемь лѣтъ родъ человѣческой стоналъ и воздыхалъ о первобытномъ блаженствѣ. Возвратить человѣкамъ потерянное ими блаженство могъ одинъ Творецъ и Господь неба и земли. И вотъ Сынъ Божій, по волѣ Отца своего и своей собственной, отверзаетъ для насъ рай и указываетъ путь къ достиженію блаженства нескончаемаго. *Блажени*, говоритъ Онъ, *нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное.*

Кто это нищии духомъ? Въ чемъ состоитъ ихъ блаженство? Почему имъ первымъ обѣщается блаженство? Вотъ вопросы, которыми мы теперь займемся. Нищими обыкновенно называютъ людей, которые, не имѣя дневнаго пропитанія, просятъ милостыни. Но это нищіе — тѣломъ, а не духомъ. Нищета тѣлесная одна сама по себѣ не состав-

ляетъ еще добродѣтели и не даетъ права на блаженство; часто она бываетъ даже предосудительна; это въ томъ случаѣ, если она происходитъ отъ порочной жизни и поддерживается праздностію и лѣнностію. Посему Спаситель сказалъ не просто: блаженни нищїи; но нищїи — духомъ. Нищими духомъ Онъ называлъ смиренныхъ умомъ и сокрушенныхъ сердцемъ. Много есть смиренныхъ не по своему расположенію, а по необходимости обстоятельствъ; въ этомъ еще не велика слава. Блаженны, какъ бы такъ говорилъ Господь, тѣ, которые добровольно смираютъ себя и уничтожаютъ не только предъ Богомъ, Котораго величіе безпредѣльно, но и предъ людьми, считая себя первыми изъ грѣшниковъ; блаженны тѣ, которые, сознавая недостаточность собственныхъ силъ для духовной и святой жизни, прибѣгаютъ къ Богу, и у Него испрашиваютъ даровъ благодати, какъ нищїе — милостыни. Очевидно отсюда, что нищими духомъ могутъ быть и богатые, если они, помышляя, что видимое богатство тлѣнно и скоро-преходяще, что оно есть незаслуженный ими даръ Всеблагаго, Который нѣкогда потребуетъ отъ нихъ, какъ отъ Своихъ приставниковъ, отчета въ употребленіи богатства, не превозносятся, не расточаютъ богатства на роскошь и чувственныя удовольствія, а съ благоговѣйною осторожностію стараются употреблять оное, сообразно съ назначеніемъ, на собственныя необходимыя нужды и на нужды своихъ ближнихъ. Обѣщанное смиреннымъ блаженство начинается еще во время земной жизни. Но здѣсь оно скрывается еще внутри—во глубинѣ души смиренныхъ, проявляясь только для нихъ самихъ въ томъ глубокомъ внутреннемъ мирѣ души, который есть плодъ истинной живой вѣры въ Бога Отца и Сына и Святаго Духа. Полное и совершенное блаженство ожидаетъ смиренныхъ въ жизни будущей. Тамъ они получаютъ неизреченныя вѣчныя блага, которыхъ *око не видѣтъ, и ухо не слышитъ и которыя на сердце человеку невзвѣдома*. Если счастливъ сынъ, который, имѣя богатаго и славнаго отца, совершенно увѣренъ и обезпеченъ въ полученіи наслѣдства своего, хотя и не введенъ еще во владѣніе тлѣннымъ и скоро-преходящимъ имуществомъ, то во сколько счастливѣе сыны Отца небеснаго, коимъ обѣщано вѣчное царство, и сіе обѣ-

щаніе утверждено завѣтомъ крови Единороднаго Сына Божія и обрученіемъ Духа Святаго въ сердцахъ ихъ! Послѣ сего, что значать скорби и страданія ихъ въ нынѣшнемъ скоропреходящемъ вѣкѣ, въ сравненіи съ вѣчною славою, несомнѣнно имѣющею открыться въ нихъ? О, кто предвкусилъ невѣдомое сынамъ вѣка сего блаженство любви Божіей, тотъ не промѣняетъ своего счастья на всѣ царства міра!

Но почему Спаситель прежде всего ублажаетъ нищету духа, или смиреніе? На этотъ вопросъ прекрасно отвѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ. «Поелику, говоритъ онъ, величайшія бѣдствія, удручающія всю вселенную, произошли отъ гордости: такъ діаволь, не бывши прежде таковымъ, сдѣлался діаволомъ отъ гордости, такъ и первый человѣкъ, оболщенный отъ діавола, палъ и сдѣлался смертнымъ за гордость, и каждый послѣ Адама, мечтая о своемъ равенствѣ съ Богомъ, впадалъ въ нечестіе; поелику, говорю, эта гордость есть верхъ золь, корень и источникъ всякаго нечестія; то Спаситель и приготовляетъ врачество, соотвѣтствующее болѣзни, полагаетъ этотъ первый законъ (нищету духа), какъ крѣпкое и безопасное основаніе. Ибо на этомъ основаніи съ безопасностію можно созидать все прочее. Когда же не будетъ этаго основанія, то, хотя бы кто до небесъ возвышался жизнію, — все это легко разрушится. Какъ гордость есть начало всякаго нечестія, такъ смиреніе есть начало всякаго благочестія. Потому-то Христосъ и начинаетъ тѣмъ, что съ корнемъ исторгаетъ гордость изъ души слушателей» (1). Смиреніе такъ необходимо для вступленія въ царство Христово, что безъ него нельзя сдѣлать и одного шагу на пути ко спасенію. Одни только смиренные могутъ истинно вѣровать во Христа, ибо сознавая слабость ума человѣческаго и неспособность его къ пониманію тайнъ Божіихъ, они въ простотѣ сердца вѣрятъ слову Божію, — и Богъ, по вѣрѣ ихъ, открываетъ имъ тайны царствія Своего. Одни только смиренные способны къ принятію даровъ Духа Святаго; ибо, чувствуя бѣдность своего сердца, они искренно просятъ у Отца

(1) Бесѣд. на Ев. Мате. 15.

небеснаго даровъ благодати, — и Богъ подаютъ имъ по ихъ прошенію. Какъ струя водъ всегда минуеть горы и устремляется на мѣста низменныя, такъ и струя благодати Божіей, минуя людей гордыхъ и превозносящихся, изливается на смиренныхъ.

Видите, братія, какъ доступно всѣмъ намъ царствіе Божіе! Оно открыто всѣмъ, богатымъ и бѣднымъ, ученымъ и невѣждамъ, вельможамъ и простолюдинамъ, мужамъ и женамъ, юношамъ и старцамъ, ибо всѣ, безъ различія состояній, званій, возраста, пола, могутъ смирить себя въ духѣ, а слѣдовательно и получить царствіе, коего и да сподобимся: всѣ мы благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

3.

Блаженнѣ плачущіи, яко тѣи утѣшатся.

Начавши съ того, съ чего преимущественно и начать надлежало, т. е. съ заповѣди о смиреніи, Спаситель переходитъ къ другой заповѣди, которая, кажется, противорѣчитъ мнѣнію цѣлой вселенной. Ибо, тогда какъ всѣ почитаютъ радующихся блаженными, а плачущихъ несчастными, Онъ вмѣсто первыхъ называетъ блаженными послѣднихъ, говоря: *блаженнѣ плачущіи.*

Но какихъ плачущихъ Господь убажаетъ? и въ чемъ состоятъ ихъ утѣшеніе? Вотъ вопросы, которые представляются нашему вниманію при чтеніи сей заповѣди и которые мы должны рассмотреть въ настоящей бесѣдѣ нашей!

Плачь и сѣтованіе у людей происходятъ отъ различныхъ причинъ. Плачетъ богатый, когда лишается своихъ сокровищъ. Сѣтуетъ честолюбецъ, когда обходятъ его почестію. Сокрушается преданный удовольствіямъ и утѣхамъ міра, когда онѣ отнимаются у него. Сворбитъ завистливый, когда видитъ счастье ближняго своего. Воздыхаетъ злобный, когда не можетъ отмстить врагу своему. Но не таковыхъ плачущихъ убажаетъ Спаситель. Нѣтъ, плачущіе и воздыхающіе о предметахъ земныхъ не только не заслуживаютъ убаженія, но

щаніе утверждено завѣтомъ крови Единороднаго Сына Божія и обрученіемъ Духа Святаго въ сердцахъ ихъ! Послѣ сего, что значать скорби и страданія ихъ въ нынѣшнемъ скоро-преходящемъ вѣкѣ, въ сравненіи съ вѣчною славою, несомнѣнно имѣющею отъкрыться въ нихъ? О, кто предвкусилъ невѣдомое сынамъ вѣка сего блаженство любви Божіей, тотъ не промѣняетъ своего счастья на всѣ царства міра!

Но почему Спаситель прежде всего ублажаетъ нищету духа, или смиреніе? На этотъ вопросъ прекрасно отвѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ. «Поелику, говоритъ онъ, величайшія «бѣдствія, удручающія всю вселенную, произошли отъ гордости: такъ діаволь, не бывши прежде таковымъ, сдѣлался «діаволомъ отъ гордости, такъ и первый человѣкъ, обольщенный отъ діавола, палъ и сдѣлался смертнымъ за гордость, «и каждый послѣ Адама, мечтая о своемъ равенствѣ съ Богомъ, впадалъ въ нечестіе; поелику, говорю, эта гордость «есть верхъ золь, корень и источникъ всякаго нечестія; то «Спаситель и приготовляетъ врачество, соотвѣтствующее бо-«лѣзни, полагаетъ этотъ первый законъ (нищету духа), какъ «крѣпкое и безопасное основаніе. Ибо на этомъ основаніи съ «безопасностію можно созидать все прочее. Когда же не бу-«детъ этаго основанія, то, хотя бы кто до небесъ возвышался «жизнію, — все это легко разрушится. Какъ гордость есть «начало всякаго нечестія, такъ смиреніе есть начало всякаго «благочестія. Потому-то Христосъ и начинаетъ тѣмъ, что съ «корнемъ исторгаетъ гордость изъ души слушателей» (1). Смиреніе такъ необходимо для вступленія въ царство Христо-«во, что безъ него нельзя сдѣлать и одного шагу на пути ко спасенію. Одни только смиренные могутъ истинно вѣровать во Христа, ибо сознавая слабость ума человѣческаго и не-«способность его къ пониманію тайнъ Божіихъ, они въ про-«стотѣ сердца вѣрятъ слову Божію, — и Богъ, по вѣрѣ ихъ, открываетъ имъ тайны царствія Своего. Одни только смирен-«ные способны къ принятію даровъ Духа Святаго; ибо, чув-«ствуя бѣдность своего сердца, они искренно просятъ у Отца

(1) Бесѣд. на Ев. Матѣ. 15.

небеснаго даровъ благодати, — и Богъ подаютъ имъ по ихъ прошенію. Какъ струя водъ всегда минуетъ горы и устремляется на мѣста низменныя, такъ и струя благодати Божіей, минуя людей гордыхъ и превозносящихся, изливается на смиренныхъ.

Видите, братія, какъ доступно всѣмъ намъ царствіе Божіе! Оно открыто всѣмъ, богатымъ и бѣднымъ, ученымъ и невѣждамъ, вельможамъ и простолюдинамъ, мужамъ и женамъ, юношамъ и старцамъ, ибо всѣ, безъ различія состояній, званій, возраста, пола, могутъ смирить себя въ духѣ, а слѣдовательно и получить царствіе, коего и да сподобимся: всѣ мы благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

3.

Блаженни плачущіи, яко тѣи утѣшатся.

Начавши съ того, съ чего преимущественно и начать надлежало, т. е. съ заповѣди о смиреніи, Спаситель переходитъ къ другой заповѣди, которая, кажется, противорѣчитъ мнѣнію цѣлой вселенной. Ибо, тогда какъ всѣ почитаютъ радующихся блаженными, а плачущихъ несчастными, Онъ вмѣсто первыхъ называетъ блаженными послѣднихъ, говоря: *блаженни плачущіи*.

Но какихъ плачущихъ Господь убажаетъ? и въ чемъ состоятъ ихъ утѣшеніе? Вотъ вопросы, которые представляются нашему вниманію при чтеніи сей заповѣди и которые мы должны разсмотрѣть въ настоящей бесѣдѣ нашей!

Плачь и сѣтованіе у людей происходятъ отъ различныхъ причинъ. Плачетъ богатый, когда лишается своихъ сокровищъ. Сѣтуетъ честолюбецъ, когда обходятъ его почестію. Сокрушается преданный удовольствіямъ и утѣхамъ міра, когда онѣ отнимаются у него. Сворбитъ завистливый, когда видитъ счастье ближняго своего. Воздыхаетъ злобный, когда не можетъ отмстить врагу своему. Но не такихъ плачущихъ убажаетъ Спаситель. Нѣтъ, плачущіе и воздыхающіе о предметахъ земныхъ не только не заслуживаютъ убаженія, но

еще достойны осужденія. Ибо плачь людей о предметахъ земныхъ ясно показываетъ, что эти люди прикованы къ землѣ всѣмъ существомъ своимъ, не знаютъ иныхъ благъ, кромѣ благъ земныхъ, иныхъ нуждъ, кромѣ нуждъ плоти, — они далеки отъ жизни Божіей, отъ жизни святой, истинно-христіанской. Притомъ, плачущіе о предметахъ земныхъ, если не находятъ для себя утѣшенія, неизбѣжно предаются унынію, малодушію, даже отчаянію; а при такомъ состояніи духа люди неспособны бываютъ ни къ чему доброму и, доколѣ остаются въ этомъ состояніи, они какъ бы мертвы душою.

Братія возлюбленные! Не тѣло наше, сотворенное изъ земли и имѣющее возвратиться въ землю, а главнымъ образомъ душа безсмертная, созданная для вѣчнаго блаженства, должна быть предметомъ нашихъ заботъ, нашихъ попеченій. Прекрасна была душа человѣческая въ началѣ! Созданная по образу Божію, она носила въ себѣ отпечатокъ совершенствъ божескихъ. Правда, миръ и радость обитали въ ней. Но, увы! Грѣхъ исказилъ богоподобную душу нашу такъ, что едва сохранились въ ней нѣкоторыя только черты образа Божія; онъ лишилъ насъ благодатнаго общенія съ Богомъ. О сей-то потерѣ высокихъ совершенствъ души своей и блаженнаго единенія нашего съ Богомъ, — о грѣхахъ своихъ мы должны плакать день и ночь. Эти-то плачущіе и ублажаются Спасителемъ въ словахъ: *блаженн плачущи. Печаль по Бозь*, говоритъ св. Апостоль, *содѣлываетъ во насъ покаяніе во спасеніе* (2 Кор. 7, 10). Дѣйствительно, печаль о грѣхахъ весьма спасительна для насъ, ибо, происходя изъ сознанія нашей грѣховности предъ Богомъ, она располагаетъ насъ къ истинному покаянію; слезы умиленія омываютъ наше сердце отъ скверны грѣха; вопль сокрушеннаго сердца проникаетъ небеса и низводитъ на насъ благодать Духа Святаго, возвращающую душамъ нашимъ ту чистоту и невинность, съ которой мы вышли изъ купѣли крещенія, а съ возвращеніемъ невинности возвращается намъ и блаженство наше: *блаженн плачущи.*

По заповѣди Господа, мы должны любить ближнихъ, какъ самихъ себя. А кто истинно любитъ ближнихъ, тотъ, видя, какъ они, впадая въ грѣхи, омрачаютъ свою душу и явно устремляются къ вѣчной гибели, не можетъ не скорбѣть о

нихъ. Вотъ другой видъ плача, ублажаемаго Спасителемъ. Такъ скорбѣлъ Моусей, когда израильтяне въ пустыни отступили отъ Бога своего и поклонились золотому тельцу. *Молюся Ти, Господи, говорилъ онъ, согрѣшиха людіе сіи грѣхъ великъ; и сотвориша себѣ боги златы. И нынѣ, аще убо оставиши имъ грѣхъ казъ, остави; аще же нѣ, излади мя изъ книги Твоея, въ южє вписалъ еси* (Исх. 32, 31). Такъ плакалъ о нечестіи и плѣненіи Іерусалима пророкъ Іеремія: *плача плакася въ ноци, зане грѣхомъ согрѣши Іерусалимъ, того ради въ мятежъ бысть.* (Пл. 1, 28). Такъ скорбѣлъ о невѣрїи іудеевъ св. Апостоль Павелъ: *скорбѣ ми есть велія и не престающая бользнь сердцу моему; молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моеи, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 2, 3). Такъ плакалъ самъ Іисусъ Христосъ во время торжественнаго входа своего во Іерусалимъ, провидя разрушеніе сего беззаконнаго города: *яко приближися (Іисусъ), видѣвъ градъ, плакася о немъ* (Лук. 19, 41).

Но есть еще видъ святаго плача, свойственный людямъ пламенѣющимъ любовію къ Богу и отъ преизбытка ея желающимъ скорѣе соединиться съ Нимъ на вѣки. Эти люди сѣтуютъ о продолженіи странствованія своего на земли и воздыхаютъ о небесномъ своемъ отечествѣ. *Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, вопіеть къ Богу св. Давидъ, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже: возжада душа моя къ Богу крепкому, живому. Когда прииду и явлюся лицу Божію* (Пс. 41, 2, 3). *О семъ воздыхаемъ, говоритъ св. Апостоль Павелъ, въ жилище наше небесное облещися желающе, благоволимъ паче отыти отъ тѣла, и влѣти ко Господу* (2 Кор. 5, 28). И еще: *желаніе имамъ разрѣтитися отъ тѣла, и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23). Вотъ тѣ плачущіе, которыхъ Іисусъ Христосъ называетъ блаженными!

Какая же награда назначается плачущимъ? *Яко тѣи утѣшатся.* Гдѣ утѣшатся? И здѣсь—на землѣ, и тамъ—на небѣ. Омывая слезами грѣхи свои, они примираются и съ своею совѣстію и съ Богомъ: совѣсть перестаетъ упрекать ихъ и возмущать покой душевный; и Отецъ небесный утѣщаетъ чадъ своихъ, изливая въ сердца ихъ любовь свою Духомъ Святымъ (Рим. 5, 5) и даруя имъ несомнѣнную надежду на

вѣчную радость, когда Иисусъ Христосъ *отыметъ всяку слезу отъ очю ихъ* (Апок. 21, 4), когда отбѣжитъ отъ нихъ всякая печаль и воздыханіе, когда веселіе и радость вѣчная почіетъ надъ главою ихъ (Иса. 35, 10). Когда же утѣшаетъ людей самъ Богъ, тогда и тысячи скорбей не могутъ отнять у нихъ радости. Такая высокая награда обѣщана плачущимъ не потому, чтобы самый плачь заслуживалъ того, но по челоуѣколюбію Божію, т. е. награда обѣщана отъ Бога не по важности дѣйствія, но по любви Его къ людямъ. Ибо плачущіе оплакиваютъ грѣхи свои, а для такихъ людей довольно только получить прощеніе. Но такъ какъ Иисусъ Христосъ безмѣрно челоуѣколюбивъ, то Онъ и не ограничиваетъ награды отмѣненіемъ наказанія, но еще даетъ такимъ людямъ блаженство—великое утѣшеніе на земли и еще большее—на небѣ. Господи! даждь намъ слезы умиленія о грѣхахъ нашихъ, да сподобимся и мы блаженнаго утѣшенія и вѣчной радости, которыя Ты обѣщала плачущимъ. Аминь.

(Продолженіе впрѣдъ).

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

Само собою понятно, что въ это время не могла процвѣтать проповѣдь въ какомъ-нибудь живомъ сопрیکосновеніи съ обществомъ, она не могла слѣдить за интересами народа и на нихъ обращать вниманіе правительства. Изъ проповѣдниковъ-публицистовъ этого времени оставался одинъ Теофанъ Прокоповичъ. Онъ, какъ и прежде, хвалилъ правительство, усиливался вызвать въ убитомъ, угнетенномъ обществѣ сочувствіе къ нему.

Другіе проповѣдники, оставшіеся на своихъ кафедрахъ, молчали; по крайней мѣрѣ, русская библиографія успѣла открыть свѣдѣнія объ очень немногихъ проповѣдяхъ, которыя были сказаны за это время, но не сохранились до нашего времени. Въ эту эпоху тиранническаго владычества на Руси нѣмцевъ не было въ хорошемъ видѣ образованіе даже въ

кіевской и московской академіяхъ. Изъ Кіева все больше и больше бѣжали молодые люди въ заграничныя школы; еще чаще, не окончивая курса наукъ, обращались къ обыкновеннымъ занятіямъ общественной жизни. Проповѣдничество въ Кіевѣ за все это время проходило по правиламъ, составленнымъ Галатовскимъ, въ духѣ строгой схоластики. Въ московской академіи проповѣдничество, отрѣшившись нѣсколько отъ схоластической теоріи, только начинало унаенять для себя теорію Прокоповича, которая не была вполне раскрыта самимъ авторомъ, а потому оставляла очень много мѣста для личнаго участія проповѣдника въ конструціи проповѣди. Въ этой теоріи проповѣдникъ находилъ лишь темы для проповѣди. Выходя изъ наставленій Регламента о необходимости точнаго изъясненія священнаго Писанія, объясненія догматовъ вѣры, проповѣдь явилась въ академіи на самыхъ первыхъ порахъ въ формѣ катихизаторства ⁽¹⁾; но она еще не имѣла особой каеэдри и не обособилась, какъ извѣстный предметъ. Мы считаемъ излишнимъ упоминать о семинаріяхъ; въ очень не многихъ изъ нихъ, еще продолжавшихъ существовать при Аннѣ Иоанновнѣ, дѣло ограничивалось курсомъ увѣданныхъ училищъ; только со временъ Елизаветы и особенно Екатерины II-й начало организоваться обученіе въ духѣ Регламента.

Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣ смерти Теофана Прокоповича проповѣдь была въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она существовала въ началѣ XVIII столѣтія; въ общихъ чертахъ это была схоластическая проповѣдь, но она испытала съ того времени новыя вліянія, разширила свой кругозоръ, точнѣе опредѣливши свои задачи по отношенію къ обществу и отчасти государству, съ публицистической и нравственной стороны. Для развитія національнаго самосознанія во всѣхъ слояхъ общества царствованіе Анны Иоанновны имѣло чрезвычайно важное, хотя чисто отрицательное значеніе.

Нѣмецкая тираннія заставила русское общество обратитъ ся къ самосознанію и въ этомъ изученіи своихъ народныхъ

---

(1) Истор. м. академіи Смирнова. 1855 г., стр. 116.

силъ и желаній опредѣлить свои права на свободу отъ иноземнаго гнета. Прежнее общество временъ Петра Алексѣевича смущалось нововведеніями, не уяснивши еще ихъ внутренняго значенія, и протестовало во имя старины; теперь оно, углубившись само въ себя и спрятавшись отъ правительственныхъ преслѣдованій, рѣшало болѣе важный вопросъ—быть или не быть русской народности и ея основному жизненному началу—православію? Обѣ эти силы русскаго народа сомкнулись въ одно и сообща думали о борьбѣ съ иноземцами и иновѣрцами о своемъ освобожденіи отъ нихъ. Реформы Петра, направленные ко благу Россіи и ея возвеличенію и оправданныя исторіей въ своихъ непосредственныхъ послѣдствіяхъ, представились теперь русскому обществу въ самомъ свѣтломъ образѣ. Многихъ современниковъ реформы, живо чувствовавшихъ гнеть воли царя, теперь уже не стало; а слѣдующее поколѣніе смотрѣло главнымъ образомъ на послѣдствія. Личныя страданія новаго поколѣнія еще болѣе усиливали симпатіи его къ прошлому времени. Естественно, что, при такомъ взглядѣ, время Петра представлялось современникамъ Анны Іоанновны золотымъ временемъ для Россіи—возвращеніе петровскаго времени было любимой мечтой русскихъ людей. Православная основа русской жизни обнаружилась при этомъ со всей силой, какъ историческое начало ея; принципъ православія съ равною настойчивостію выставлялся духовными и свѣтскими людьми того времени. Последнее обстоятельство даетъ намъ возможность понять съ одной стороны жизненное значеніе православной вѣры для русскаго общества того времени, съ другой ту скрытую дѣятельность, которая велась цѣлое десятилѣтіе, группируясь около Елизаветы Петровны, имѣя своими сторонниками духовныхъ лицъ. Потому-то, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, духовенство, упорно молчавшее въ теченіе 11 лѣтъ, такъ смѣло и рѣшительно выступило на церковную кафедру съ своимъ словомъ; ему ненужно было готовиться къ этой торжественной роли—стоять во главѣ русскаго общества, говорить русское слово русскому народу предъ лицомъ русской государыни; оно давно было готово ко всему этому и блистательно исполнило свои обязанности предъ обществомъ. Понятно, что

въ самое первое время народнаго торжества, церковная проповѣдь была поглощена публицистической стороною; здѣсь она считала своею обязанностію выяснить предъ цѣлымъ народомъ высокій образъ отца отечества — Петра Великаго, значеніе его дѣятельности, направленной къ возвеличенію и славѣ русскаго народа, показать враговъ отечества и Церкви, въ лицѣ иноземныхъ временщиковъ, и провозгласить возвращеніе времени Петра вмѣстѣ съ воцареніемъ законной дочери и наслѣдницы его, Елизаветы Петровны. Въ самое первое время царствованія Елизаветы Петровны все вниманіе нашихъ проповѣдниковъ поглощено было выполненіемъ именно этой задачи. Когда же, по ихъ сознанію, фактъ былъ достаточно уясненъ, они обратились къ борьбѣ съ новыми понятіями и взглядами, которые распространялись въ русскомъ обществѣ въ теченіе долгаго времени на счетъ православныхъ возрѣній: эта послѣдняя задача нѣсколько двоилась, въ связи съ новыми направленіями, — собственно религіознымъ и философскимъ.

Проповѣдь этого времени не имѣла опредѣленной теоріи; ея расположеніе, ея характеръ въ весьма сильной степени зависѣли отъ личнаго взгляда на это дѣло проповѣдниковъ; у нихъ весьма замѣтно было желаніе отрѣшиться отъ схоластики, — къ этому стремятся и воспитанники кіевской академіи, нравственно подавленные невниманіемъ общества; но первый болѣе или менѣе удачный опытъ русской проповѣди представляютъ воспитанники русскихъ школъ, великоруссы по своему происхожденію, — Дмитрій Сѣченовъ, воспитанникъ московской академіи, и Гедeonъ Криновскій, ученикъ казанской семинаріи и проповѣдникъ при московской академіи. Эти два лица живо чувствовали недостатки прежней проповѣди и каждый изъ нихъ реформировалъ ее соотвѣтственно личнымъ своимъ взглядамъ на это дѣло. Для проповѣдниковъ того времени имѣлъ чрезвычайное значеніе вопросъ о «языкѣ»: Сѣченовъ усвоилъ себѣ церковно-славянскій, во всей его чистотѣ, и владѣлъ имъ въ совершенствѣ; Гедeonъ Криновскій твердо ступилъ на почву живой русской рѣчи и упорно шелъ въ этомъ направленіи. Со стороны содержанія, оба эти проповѣдника главнымъ образомъ преслѣдуютъ нравственно-христіанскій идеалъ церковной проповѣди; вслѣдствіе этого у нихъ

находится богатство матеріала для изученія религіознаго состоянія русскаго общества, предпочтительно предъ другими современными имъ проповѣдниками. Такая постановка проповѣди, очевидно, есть плодъ борьбы великоруссовъ съ кievскими учеными и встрѣтила себѣ сильное противодѣйствіе со стороны значительнаго большинства ученой партіи. Откровенный Гедеонъ Крпновскій публично выразилъ тѣ затрудненія, которыя ему приходилось испытывать при новой постановкѣ церковной проповѣди; многіе порицали его проповѣди за отсутствіе въ нихъ краснорѣчія, строгаго плана—въ схоластическомъ духѣ; но онъ предпочиталъ «славѣ оратора славу Церкви и пользу душевную своихъ слушателей». Девизомъ своей проповѣднической дѣятельности онъ взялъ слова Сенеки: «какъ тому, который говоритъ, такъ и слушающему нужно имѣть одно намѣреніе: чтобы той пользовалъ, а сей пользовался»; ни о чемъ больше не старался, только чтобы какъ можно внятнѣй представить народу, о чемъ когда намѣренъ былъ говорить къ нему». «Сожалѣю, писалъ онъ, что многіе молчатъ затѣмъ, что витіевато говорить не могутъ, и тѣмъ теряется та польза, которую могъ бы имѣть народъ, страдающій голодомъ слышанія слова Божія; другіе затѣмъ требуютъ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы приготовиться на одно слово». Указанная нами постановка проповѣди была первой попыткой въ этомъ дѣлѣ; она нуждалась въ теоретической основѣ, такъ какъ съ одной стороны риторика и гомилетическія теоріи прежнихъ лѣтъ шли въ разрѣзъ съ народной русскою проповѣдью и между ними еще не послѣдовало сближенія; а съ другой—сама эта проповѣдь только начинала организоваться. Современники сильно сомнѣвались въ успѣхѣ этой попытки; но православно-русскій принципъ ея съ большей или меньшей силой привлекалъ къ себѣ всѣхъ другихъ проповѣдниковъ: уваженіе къ обрядовой сторонѣ вѣры все больше и больше выступаетъ въ проповѣдяхъ кievскихъ ученыхъ. Эти попытки заслуживаютъ вниманія, какъ подготовительная работа для слѣдующей генерации проповѣдниковъ, къ которымъ принадлежатъ: митрополитъ Платонъ, святитель Тихонъ, Георгій Конисскій, различно отгнѣнившіе православно-русскій характеръ церковной проповѣди XVIII вѣка.

(Продолженіе впереди).

РѢЧЬ

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СѢНУДУ,

РЕКТОРА МОГЛЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМНАРИИ

АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДІЯ,

ПО НАРЕЧЕНІИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ВЫБОРГСКАГО,

ВІКАРІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВПАРХІИ,

20 АВГУСТА 1871 ГОДА.

ВАШЕ СВЯТѢЙШЕСТВО!

Опредѣленіе священной власти, утвержденное властію державною, о бытіи мнѣ епископомъ выборгскимъ я выслушалъ не безъ душевнаго смущенія; но вѣра въ Промыслъ Божій, несомнѣнно руководящій избраніемъ на служеніе св. Церкви и особенно на высшія служенія, дала мнѣ дерзновеніе отвѣтствовать на оное благодарнымъ согласіемъ и готовностію къ трудамъ святительскаго служенія.

Всевѣдущему вѣдомо, что жизнь моя была послушаніемъ Его святому Промыслу. Скорбями и тяжкимъ для меня лишеніемъ, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ моей жизни, Господь благоволилъ указать мнѣ особый, многотрудный путь жизни и служенія: и я безропотно взялъ крестъ и терпѣливо понесъ его, съ преданностію святой волѣ Божіей, съ вѣрою и надеждою на благодатную помощь Божию.

Потому, дерзну ли нынѣ пререкать вседержавной волѣ Твоей, Господи, являемой благимъ изволеніемъ о мнѣ сего священнаго собора? Нѣтъ, и нынѣ, въ знаменательный для меня день сей, я возглаголю то же, что многократно повторялъ во дни скорби и смущенія: *да будетъ воля Твоя, Господи!* «Я ничтоже вопреки глаголю; опредѣляемое приемлю съ благоговѣніемъ и благодареніемъ», какъ даръ милости Божіей, какъ знакъ благовниманія и попеченія о мнѣ Богоизбраннаго начальства.

Сознаю, что для опредѣляемаго мнѣ епископскаго служенія у меня мало силъ; глубоко чувствую мои немощи и мое недостойнство. Но вѣрую и исповѣдую, что сила Божія не

нуждается въ силѣ человѣческой, и вседержавный Дародатель не отвергаетъ и немощнымъ примателей, когда видитъ готовность ихъ послужить въ пользу св. Церкви Христовой. Вѣрую и уповаю, что Тотъ, Кто изрекъ немощнымъ рыбалямъ: *яко же посла Мя Отца, и Азъ посылаю вы, и сіе рекъ думу, и глагола имъ: примите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 21 и 22), присносущенъ есть и сиденъ даровать потребную благодатную силу и моей немощи, по молитвамъ и святительскому рукоположенію вашему, Богоизбранные Архипастыри.

Такъ вѣруя и уповая, отдаю всего себя Господу Богу и молю Его, да поможетъ мнѣ подлежащимъ служеніемъ и всею моею жизнію оправдать благопопечительное избраніе Вашего Святѣйшества и надежды благодѣющихъ мнѣ. И первѣе всего, да поможетъ мнѣ всемогущій и щедродательный Господь оправдать чаяніе твое, старѣйшій и первенствующій іерархъ сего святѣйшаго собора. Прости мнѣ, благостѣйшій архипастырь и отецъ мой, если я не скрою здѣсь, что твое избраніе меня въ сотрудника и помощника себѣ—сверхъ моего ожиданія и чаянія... Но, чѣмъ неожиданнѣе оно для меня, тѣмъ искреннѣе моя благодарность тебѣ за благоснисхождение къ моему недостоинству и тѣмъ живѣе моя готовность раздѣлять съ тобою бремя трудовъ, заботъ и скорбей, неизбѣжныхъ въ епископскомъ служеніи. Я радъ трудиться съ тобою, чтобы учиться у тебя тому, чему училъ св. Апостоль Павелъ мѣстоблюстителя, или, по нынѣшнему названію—викарія своего Тимодея, когда внушалъ и писалъ ему: *образа буди впрныма: словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. 4, 12). Я радъ учиться у тебя и съ сыновнею любовію готовъ принимать обличенія, вразумленія и наказанія, еже въ правдѣ (2 Тим. 3, 16), да явлюся *непостыдимымъ дѣлателемъ во св. Церкви Христовой, воззрѣвающимъ въ себѣ даръ Возгій, строго держащимъ образа здравыхъ словесъ и вѣрно соблюдающимъ добро заповѣданіе Духомъ Святымъ* (2 Тим. 1, 6, 13).

Къ сему нелѣнно буду стремиться и о семъ со смиреніемъ и благопокорностію прошу молитвеннаго содѣйствія Вашего Святѣйшества!

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНІЯ ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА.

Кресту Ггвоему покланяемся, Вла-
дыко.

Прошло триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Іисусъ Хри-
стосъ вошелъ въ славу Свою, а животворящій крестъ Его
находился въ уничтоженіи; Іисусъ Христосъ пребывалъ на
небѣ, а крестъ Его скрывался въ нѣдрахъ земли; славою
Распятаго на крестѣ огласились уже всѣ концы земли, а объ
орудіи спасенія не жаль никто изъ вѣрующихъ.

Послѣ погребенія Іисуса Христа, не извѣстно, куда со-
крытъ крестъ Его; Евангелисты объ этомъ не упоминаютъ.
Только по темнымъ преданіямъ слышно было, что онъ гдѣ-
то зарытъ въ Иудеи. Тамъ прошло около трехъ вѣковъ, пока

не вступилъ на престолъ римской имперіи Константинъ Великій. Идучи войскою на тиранна Максентія, угнетавшаго христіанъ, однажды, когда донь склонялся къ вечеру, оны и все его войско увидѣли лучезарный крестъ поверхъ солнца, составленный изъ звѣздъ, съ надписью на немъ: *симвъ побѣды*. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь Самъ Господь Іисусъ Христосъ въ человѣческомъ видѣ явился Константину во снѣ съ крестомъ въ рукахъ и, показывая на него, повелѣлъ сдѣлать такую же хоругвь для войска и украсить этимъ знаменіемъ щиты, щиты и оружіе воиновъ. Устроивъ вѣнкообразную хоругвь, и освѣнивъ ею свои легіоны, Константинъ смѣло вступилъ въ сраженіе и побѣдителемъ вошелъ въ Римъ. На триумфальныхъ вратахъ его оны водрузилъ крестъ съ надписью: *симвъ спасительнаго знамениа града сей освобожденъ отъ иа мучительскаго*. Приписывая эту и другія побѣды силѣ креста, Константинъ возымѣлъ твердое намѣреніе отыскать тотъ истинный крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра. Этотъ благочестивый трудъ приняла на себя осьмидесятилѣтняя мать его, императрица Елена, и благодать Божія помогала ей въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ.

Въ 326 г. она прибыла изъ Рима въ Палестину, съ тѣмъ, чтобы освятить себя поклоненіемъ мѣстамъ страданія и славы Христовой и употребить всѣ усилія къ отысканію честнаго креста Его. Но гдѣ и какъ открыть это сокровище? Послѣ долгихъ, бесполезныхъ поисковъ, ей указали на одного престарѣлаго еврея, по имени Іуду, который зналъ опредѣленно изъ письменныхъ сказаній и преданій своихъ предковъ, гдѣ сокрытъ крестъ Господень. Но и Іуда сначала отъзывался совершеннымъ невѣдніемъ, и долго оставался непреклоннымъ ни къ просьбамъ, ни къ увѣщаніямъ царицы; наконецъ, довели его до сознанія. Онъ привелъ царицу къ сѣверовосточной сторонѣ Голгофы, и указывая на капище Венеры, построенное здѣсь язычниками во время гоненій на христіанъ, съ злобою сказала: *„здесь, на этомъ мѣстѣ, вы найдете крестъ вашего Христа“*. Сломали капище, стали рыть землю, и послѣ долгихъ, усиленныхъ трудовъ, когда начали терять всякую надежду на успѣхъ, вдругъ открыли три креста. Но на которомъ изъ нихъ былъ распятъ І. Христосъ, остава-

лось неизвѣстнымъ; съ виду всѣ три креста были равны, совершенно одинаковы, а дощечка, которая прибита была къ кресту Спасителя съ надписью: «Исусъ Назарянинъ Царь Иудейскій», лежала отдѣльно. Самъ промыслъ Божій разрѣшилъ это недоумѣніе. Сперва испытали силу крестовъ надъ одною больною благочестивою женщиною, потомъ надъ мертвецомъ, котораго несли на погребеніе. На обоихъ возлагаемы были одинъ за другимъ всѣ три креста; первые два не помогли больной, не оказали помощи и умершему; третій—крестъ Источника жизни, Побѣдителя смерти, даровалъ болящей здравіе, умершему жизнь.

Можно себѣ представить, какою радостію исполнились христіане и какимъ ужасомъ поражены были невѣрующіе, видя эти великія чудеса креста Господня. Всѣ спѣшили повергнуться, облобызать его, приоснуться къ нему, или хотъ взглянуть на него; но какъ тѣснота отъ множества народа не позволяла удовлетворить желаніямъ каждаго, то патріархъ, ставъ на возвышенное мѣсто, *воздвигъ* т. е. поднялъ Честное-Древо, и показывая его стоявшимъ вдали, всѣхъ благословлялъ имъ; народъ же, осѣняя себя знаменіемъ креста, благоговѣнно восклицалъ: *Господи помилуй*. Это торжественное дѣйствіе и дало названіе празднику *Всемірнаго Воздвиженія Честнаго, Животворящаго Креста Господня*.

Вспоминая объ этихъ чудесныхъ событіяхъ, православная Церковь ежегодно воздвигаетъ въ нынѣшній день Животворящій Крестъ Господень для благоговѣннаго поклоненія и лобызанія вѣрующимъ.

Будемъ и мы, братія, имѣть всегда Крестъ Христовъ передъ глазами, будемъ какъ можно чаще поклоняться ему и лобызать его. Крестъ Христовъ, видѣнный на небѣ Константиномъ, даровалъ ему побѣду, а вырытый изъ земли исцѣлилъ больную и воскресилъ мертвеца. Станемъ и мы всматривать на него очами вѣры, — и мы побѣдимъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ; станемъ лобызать его сердцемъ и устами, — и мы исцѣлимся отъ болѣзней духовныхъ и тѣлесныхъ. Будемъ благоговѣнно ограждать себя знаменіемъ креста, «да изображаемъ его на челѣ и на всемъ, — на хлѣбѣ, который употребляемъ, на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ, да

«изображаемъ при входахъ и выходахъ, когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Онъ есть великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда. Это знаменіе для вѣрующихъ и страхъ для злыхъ духовъ». Аминь.

Протоіерей Александръ Орловъ.

БЕСѢДЫ НА ИЗЪЧЕНІЯ ГОСПОДНИ О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

4.

Блаженіи кротціи, яко тии наследятъ землю.

Послѣ сильной бури и проливнаго дождя, въ природѣ, обыкновенно, настаеъ тишина, и бываетъ какъ бы нѣкое обновленіе: растенія получаютъ новую силу, воздухъ дѣлается чище и благоараствореннѣе, солнце начинаетъ свѣтить ярче. Такъ и въ человѣкѣ, послѣ сердечныхъ воздыханій его объ утраченныхъ совершенствахъ и крайней нищетѣ души, послѣ горькихъ и обильныхъ слезъ о грѣхахъ, является особенное, тихое расположеніе духа, при которомъ человѣкъ ничѣмъ не раздражается, никого не раздражаетъ, не предается гнѣву, не превозносится, не ропщетъ не только на Бога, но и на людей, всѣхъ любитъ,—словомъ, человѣкъ дѣлается кроткимъ; а приобретаая кротость, онъ достигаетъ высокой степени блаженства, по обѣтованію Спасителя. *Блаженіи кротціи: яко тии наследятъ землю.*

Кротость человѣка, обыкновенно, выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ его, какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и въ отношеніи къ ближнимъ. Кротость въ отношеніи къ Богу состоитъ во всецѣлой и безусловной Ему преданности, по которой кроткія души безусловно вѣрятъ Его слову, съ покорностію повинуются Его волѣ, съ снѣновнимъ благоговѣніемъ исполняютъ Его заповѣди, и крайне остерегаются, чтобы не оскорбить Его безпредѣльную любовь и благодать; во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, даже при величайшихъ, по видимому, несчастіяхъ своихъ, не только не

роншуть на промыслъ Божій, но еще благословляютъ Бога и говорятъ съ Иовомъ: *яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (1, 21). И всеблагій Богъ, изливающій щедроты свои на всѣ твари въ [такой мѣрѣ, сколько принять могутъ отъ Него, не находя препятствій къ изліанію даровъ своихъ въ сердца вроткихъ и покорныхъ, исполняетъ оныя и преисполняетъ благъ духовныхъ, составляющихъ блаженство человѣка. Такъ почерпаютъ отъ Источника всѣхъ благъ свое блаженство св. Ангелы, посредствомъ свободнаго и безусловнаго повиновенія волѣ Божіей. Такъ почерпалъ блаженство свое и *уменьшій малымъ чина отъ Ангелъ*, — человѣкъ въ состояніи своей невинности. Ненарушимое блаженство его зависѣло отъ ненарушимой покорности волѣ Творца своего, въ кроткомъ послѣдованіи Его гласу. И если бы человѣкъ самъ не возложилъ, чрезъ сопротивленіе свое волѣ Божіей, преграды къ изліанію на него даровъ благодати Творца; то жизнь его и всѣхъ потомковъ его была бы непрерывнымъ восхожденіемъ отъ блаженства къ блаженству, *отъ славы въ славу*. Но счастье разумной и свободной твари исчезаетъ съ той самой минуты, какъ она начинаетъ нарушать повиновеніе Богу, Творцу своему. Такъ, возмущившійся противъ Бога, денница изрылъ себѣ и клевртамъ своимъ бездну погибели; съ неба, гдѣ вѣчно царствуетъ блаженство, низринулъ въ адъ, — мѣсто мученія. Такъ, привѣщій въ сердце свое тлѣтворное сѣмя непокорности, человѣкъ въ самомъ раю сладости уготовалъ себѣ и всему потомству своему горечь бѣдствій и смерти, лишилъ жизни блаженной! Человѣколюбивый Богъ, ради заслугъ Единороднаго Сына своего, даяи возвращаетъ намъ потерянное блаженство; но не иначе, какъ подъ условіемъ вѣры во Христа Спасителя и исполненія закона Его. А что такое вѣра съ нашей стороны, какъ не кроткая и безпрекословная покорность всего ума нашего слову Божію? Что такое исполненіе закона Христова, какъ не вроткое и постоянное подчиненіе воли нашей всевякой волѣ Господа? Видите, почему вротость необходима для достиженія блаженства и почему Счастливыи ублажаются вротыхъ, говоря: *благослави кротыхъ*.

Истинно вротій въ отношеніи къ Богу бываетъ вротовъ

и въ обращеніи съ ближними. Кротость его въ отношеніи къ ближнимъ состоитъ въ томъ, что онъ не превозносится предъ другими, не предается гнѣву, никого не раздражаетъ, никому не воздастъ зломъ за зло, памятуя слова Господа: *Милъ отпущеніе, Азъ воздамъ* (Рим. 12, 19), никого не обижаетъ ни словомъ, ни дѣломъ, и самъ ничѣмъ не обижается. Да и можно ли обидѣть того, кто ничѣмъ не обижается, ничѣмъ не раздражается, кто благословляетъ клянущихъ, благоговоритъ ненавидящимъ его, молится за гонителей своихъ? Какъ угліе огненное смягчаетъ и расплавляетъ даже твердые металлы, такъ кротость человѣка смягчаетъ и соврушаетъ самыя упорныя сердца враговъ. Къ тому же у кроткаго и не можетъ быть много враговъ; ибо онъ всемогущею силою любви Христовой, обитающей въ немъ, побѣждаетъ благимъ злое, такъ что самыя злыя враги его начинаютъ уважать его невольно, и нѣтъ враговъ дѣлаются друзьями. Скажите, не счастливо ли состояніе кроткихъ? Такъ, *благославы кроткіи*.

Но не думайте, что, по кротости своей, уступая все другимъ, мы наконецъ лишимся всего достойнаго своего. Нѣтъ, Іисусъ Христосъ обѣщаетъ противное, обѣщаетъ кроткимъ всю землю въ наслѣдіе, говоря: *благославы кроткіи, яко тѣмъ наследуютъ землю*. Слова сіи буквально исполнились надъ кроткими христіанами. Въ то время, когда Іисусъ Христосъ давалъ сію заповѣдь, вселенною владѣли невѣрные—язычники; все общество вѣрующихъ состояло изъ нѣсколькихъ послѣдователей Христовыхъ. Можно ли было подумать тогда, что малое общество самыхъ кроткихъ людей побѣдитъ милліоны свирѣпныхъ язычниковъ и отыиниеть у нихъ владѣніе землею? И однакожь это сбылось. Постоянно кроткіе христіане, не смотря на безчисленное множество и всю ярость язычниковъ, терпя, воздавая добромъ за зло, уступая, благоговая, молясь, восторжествовали надъ язычниками и мало по малу овладѣли вселенною. И такъ не опасайся потерять что-либо чрезъ кротость; смотри,—кроткимъ Самъ Богъ обѣщаетъ въ наслѣдіе землю. Развѣ онъ не въ силахъ исполнить свое обѣщаніе? Нѣтъ, *Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси осужденіи на ней* (Псал. 23, 1). А Господь осо-

бенно любить кроткихъ и ущедряетъ ихъ благами; *вся сія т. е. небо и землю, сотвори рука Моя, глаголетъ Господь, и сія суть вся Моя. И на кого воззрю? Только на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словеса Мои* (Иса. 66, 23). Такъ воззрѣлъ Господь на Моисея, и сдѣлалъ его вождемъ избраннаго народа Божія, озарилъ его такимъ свѣтомъ своей славы, что не возможно было взирать на лице его,—за что? За то, что Моисей былъ *котова зло*. Такъ воззрѣлъ Господь на кроткаго Давида и даровалъ ему царство, покорилъ ему множество народовъ, удостоилъ его чести нарицаться отцемъ воплотившагося отъ племени его Спасителя міра, Іисуса Христа. *Блаженни кроткіи, яко ти наследуютъ землю*.

Впрочемъ Господь Іисусъ въ сихъ словахъ не ограничиваетъ награды, обѣщанной кроткимъ, одною настоящею жизнью; но вмѣстѣ предлагаетъ и будущія—вѣчныя блага. Пророкъ Давидъ увѣряетъ, что *праведники наследуютъ землю и освятятся во елѣ елѣ на ней* (Пс. 36, 29). Какую землю? Не эту тлѣнную землю, на которой мы живемъ, и которая не пребудетъ въ вѣкъ вѣка; но ту землю живыхъ, о которой говорить тотъ же Пророкъ: *спрую свидѣти блаженъ Господня на землѣ живыхъ* (Пс. 26, 13), то есть, гдѣ живутъ и не умираютъ. Что это за земля? Это та земля, о которой пишетъ св. Апостолъ Петръ: *новое небо и новыя земли по обѣщанію Его* (2 Петр. 3, 11); это та земля, которую видѣлъ въ откровеніи возлюбленный ученикъ Іисуса Христа; Іоаннъ: *и свидѣхъ небо ново и землю нову, первое же небо и земля первая преидоста* (Апок. 21, 1). Это та земля, которая откроется на разрушеніи этого тлѣннаго міра, земля, на которой не только мы вбрующіе во Христа и ожидающіе своего избавленія; но и *всѣ твари освободятся отъ работы изыщальнаго* (Рим. 8, 24). На этой-то новой землѣ, на землѣ живыхъ, въ вѣчномъ царствіи Отца небснаго, находится истинное и никогда неостыжаемое наследіе, обѣтованное кроткимъ. Какъ отцы земные обыкновенно съ радостію вводятъ въ наследіе своего имѣнія дѣтей кроткихъ и покорныхъ; такъ Отецъ небесный, Богъ правды, уготовалъ въ наследіе вѣчное блаженство на землѣ живыхъ чадамъ своимъ—кроткимъ и послушнымъ Его велѣніямъ. И не удивительно. Крот-

кіе подражаютъ Единородному Сыну Божію, который на землѣ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ (Мат. 11, 29), и который послушливъ былъ волю Отца даже до смерти, смерти же крестныя.

Благодатію, щедротами и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа да сподобимся всѣ мы сего блаженнаго наслѣдія на землѣ живыхъ. Аминь.

Б.

Блаженн алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣи насытятся.

Законъ Божій въ основаніи своемъ одинъ и не раздѣляемъ; ибо онъ происходитъ отъ единаго нераздѣльнаго Бога и утверждается на единой любви къ Богу (любовь къ ближнимъ основывается на любви къ Богу). Заповѣди закона составляютъ, по слову Златоуста, одну златую цѣпь. Цѣпь разрывается, если отнято будетъ хоть одно звено изъ оной. Нарушается весь законъ нарушеніемъ одной заповѣди. *Иже вося закона соблюдеть, согрѣшитъ же во единомъ, бысть осямъ грѣшникомъ*, говоритъ св. Апостоль Іаковъ (2, 10). По такой тѣсной связи заповѣдей закона, бываетъ, на оборотъ, и то, что исполнившій въ точности одну заповѣдь, неизрѣнно располагаетъ къ исполненію всѣхъ прочихъ. Кто приобрѣлъ вѣротость и вкусилъ плоды ея, тотъ взыщетъ и возжаждетъ правды вообще. Посему Спаситель, преподавши заповѣдь объ одной частной добродѣтели, предлагаетъ обширнѣйшую заповѣдь о правдѣ, говоря: *блаженн алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣи насытятся.*

Въ душѣ человѣческой замѣчается какое то томительное чувство алчбы и жажды, которое не даетъ человѣку покоя во всю его жизнь. Томимые симъ чувствомъ, люди устремляются въ различныя стороны, вездѣ ищутъ и въ цѣлой вселенной не находятъ годной пищи для души своей. Душа наша не можетъ насытиться ничѣмъ земнымъ и тѣннымъ; всѣ успія человѣка насытить душу свою благами и удоволь-

ствіями міра, обыкновенно, кончаются тѣмъ, что не насыщенная душа повергается въ изнеможеніе и отчаяніе.

Явно, что не этихъ временныхъ, тлѣнныхъ, и скоропроходящихъ благъ и удовольствій ищетъ душа наша. Чего же она ищетъ? Чего алчетъ и жаждетъ? Чѣмъ можно насытить ее? Конечно, лучше всѣхъ знаетъ это Тотъ, Кто сотворилъ человѣка и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни. Онъ, Творецъ и Господь нашъ, Самъ и объясняетъ намъ, чего ищетъ и чѣмъ можетъ насытиться душа наша; Онъ говоритъ: *блаженны алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣмъ насытятся. Правды, братія, правды алчетъ и жаждетъ безсмертная душа наша. Чтожь это за правда, которая можетъ насытить и успокоить душу нашу? Это та правда, о которой свидѣтельствовали законъ и пророки, о которой воздыхали всѣ ветхозавѣтные праведники, — правда Божія, явленная върою Иисуса-Христовою во всѣхъ и на всѣхъ върующихъ* (Рим. 3, 22); иначе сказать, — это оправданіе человѣка, повиннаго предъ Богомъ.

Алчущіе и жаждущіе правды, безъ сомнѣнія, будутъ употреблять и средства къ приобрѣтенію сей правды, подобно тому, какъ голодные употребляютъ всѣ средства къ утоленію своего голода. Какими же средствами приобрѣтается правда? Она приобрѣтается вѣрою во Христа и исполненіемъ закона Его. Человѣкъ самъ собою не можетъ оправдаться предъ Богомъ: *не оправдится аска тварь предъ Нимъ* (Рим. 3, 20). Ибо для того, чтобы оправдаться предъ Богомъ, нужно исполнять весь законъ; а человѣкъ, оставленный своимъ силамъ, нискогда не можетъ исполнить всего закона. Кто же согрѣшитъ хотя во единомъ, бываетъ повиненъ во всемъ, дѣлается преступникомъ и идетъ подъ вѣлѣту и осужденіе: *писано бо есть: проклятъ аска, иже не пребудетъ во аскахъ писанныхъ азъ книзи законныи, яко творити я; нѣсть убо праведна никто же; весь міръ повиненъ Богови* (Втор. 26, 27; Іер. 11, 3; Гал. 3, 10). Гдѣ и чрезъ кого намъ оправданіе?

Оправданіе наше — во Христѣ Иисусѣ и чрезъ Христа. Онъ, Спаситель нашъ, принявши на себя человѣческое естество, исполнилъ за насъ весь законъ, приобрѣлъ у Бога правду; и Епо-то правда вмѣняется намъ въ праведность. *Яко*

же единаго (Адама) прегрѣшеніемъ во вся чловѣки вниде осужденіе: такожде и единаго (І. Христа) оправданіемъ во вся чловѣки вниде оправданіе (Рим. 8). Но чтобы это оправданіе, прибрѣтенное заслугами и смертію Іисуса Христа, сдѣлалось нашею собственностію, мы должны тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ Господомъ, или, по выраженію Апостола, *облечься во Христа (Гал. 3, 27).* Соединиться же со Христомъ мы можемъ не иначе, какъ вѣрою, которая привлекаетъ на насъ благодать Божію, въ таинствахъ возраждающую, очищающую и укрѣпляющую нашу душу. Благодать однако не должна оставаться въ насъ тѣла, то есть, по напрасну, безъ дѣйствія, но должна быть употреблена нами въ дѣло: на то, чтобы не уклонно шествовать за Нимъ, нашимъ Господомъ и Спасителемъ, *послѣдовать стопамъ Его; иначе мы не сохранимъ оправданія, удалимся отъ Христа, разорвемъ союзъ съ Нимъ.* Отсюда повятно, почему отъ христіанина требуется, кромѣ вѣры во Христа, и сообразная съ нею жизнь или добрыя дѣла. Вѣра безъ дѣлъ то же, что и тѣло безъ души; и тѣло безъ души мертво и не можетъ дѣйствовать; такъ и вѣра безъ добрыхъ дѣлъ не дѣйствительна, мертва, и не можетъ привести насъ къ спасенію. *Какъ польза, братіе моя, говорить св. Апостоль Іаковъ, аще вѣру славолетъ кто имѣти, дѣлъ же не имѣти; еда можетъ вѣра спасти Его? яко же бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. 2, 14. 26).* Посему алчущіе и жаждущіе правды должны стремиться къ исполненію закона Христова, къ христіанскимъ добродѣтелямъ такъ, какъ голодные стремятся къ пищѣ, жаждущіе къ питію. Приябрь этого стремленія поданъ намъ самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. *Мое брашно есть,* говорилъ Онъ ученикамъ своимъ, предлагавшимъ Ему пищу, въ то время, какъ Онъ готовился проповѣдывать жителямъ Сихара, *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дѣло Его (Іоан. 4, 34).* Спаситель ясно высказалъ симъ желаніе, чтобы и нашимъ брашномъ было исполненіе воли и ученія Его, чтобы мы всѣ желанія души своей соединили въ одно свѣтѣе желаніе, желаніе правды, прибрѣтаемой вѣрою во Христа и исполненіемъ Его закона. Возбудимъ, братіе, въ себѣ

сие святое желаніе; тогда міръ и его блага не будутъ прельщатьъ насъ своимъ ложнымъ блескомъ и развлекать нашу душу. Ибо какъ алчба и жажда тѣлесныя, если они сильны, подавляютъ на время въ человѣкѣ всякое другое чувство и желаніе; такъ и алчба и жажда духовныя,—алчба и жажда правды истребляютъ всякое незаконное пожеланіе и страсть,—пожеланіе суетныхъ благъ и удовольствій міра, которыя не насыщаютъ, а только пресмыщаютъ, разслабляютъ и умерщвляютъ, дѣлаютъ насъ неспособными къ жизни святой и нашу богоподобную душу лишаютъ блаженства небеснаго. *Блаженны убо алчущіи и жаждущіи правды.*

Симъ то алчущимъ и жаждущимъ Спасительъ обѣщаетъ насыщеніе, говоря: *блаженны алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣ насытятся.* Насыщеніе духовное подобно отчасти тѣлесному насыщенію. Голодный человѣкъ, до принятія пищи, обыкновенно, чувствуетъ въ себѣ какое-то болѣзненное томленіе, скуку, невниманіе, такъ что въ это время онъ не способенъ ни къ трудамъ, ни къ удовольствіямъ; но послѣ принятія здоровой пищи человѣкъ совсѣмъ измѣняется; болѣзненное чувство голода въ немъ тотчасъ прекращается; и онъ снова дѣлается доволенъ, веселъ, бодръ, силенъ и готовъ на труды. Подобно сему и душа наша, если она не получаетъ средней себѣ пищи, томится, въздыхаетъ, страдаетъ и въ этомъ состояніи совершенно не способна бываетъ ни къ подвигамъ духовнымъ, ни къ истинной радости. Но таже самая душа, вкусивъ средней съ своею природою пищи,—правды Божіей; или что то же, благодатнаго оправданія нашего во Христѣ Иисусѣ, дѣлается совершенно иновъ: оправдившись, успокоивается внутренне, и въ то же время она получаетъ отъ Иисуса Христа благодатныя силы, отъ чего дѣлается бодрою, легкою, готовою на всѣ подвиги,—возносится превыше земнаго, преодолеваетъ всѣ препятствія ко спасенію; начинаетъ любить законъ Божій, постепенно восходить отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству, приближается въ своему Первообразу-Богу, и почерпываетъ радость и блаженство изъ самаго Источника радости и блаженства;—и адсье то жажда ея утоляется. Впрочемъ совершенное насыщеніе души невозможно въ сей жизни, доколь душа сое-

динена узами съ бременю плотію; оно послѣдуетъ въ жизни будущей; *насыщуся*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *егда вкушима славь Твоя* (Пс. 16, 15).

Братіе! пойдемъ, наконецъ, голосъ души своей, врегда чего-то ищущей, чего-то алчущей и жаждущей, всегда недовольной; постараемся удовлетворить ее, — только не временными благами и земными удовольствіями, а упражненіемъ въ добродѣтели. Не такихъ благъ алчетъ бессмертная, богоподобная душа наша; ей нужна правда Божія; она ищетъ праведнаго Бога, Творца своего; по образу Его создана она и только въ соединеніи съ Нимъ находитъ успокоеніе, радость и блаженство. Аминь.

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

Возвратимся къ проповѣдникамъ-публицистамъ елизаветинскаго времени. Сознвая торжество русскихъ принциповъ жизни, проповѣдники ясно видѣли въ нихъ присутствіе православія, которое въ теченіе всей русской исторіи было душой народной жизни, руководило политикою, ставило Церковь въ главѣ государства, съ ея высокимъ святымъ идеаломъ жизни. Вслѣдствіе этого святая Русь является предъ взоромъ проповѣдниковъ разсматриваемаго времени, какъ «гора Сионъ», «прекрасный вертоградъ Христовъ», который, не смотря на временныя исцѣпанія, всегда находится въ милости Божіей; въ этомъ отношеніи она (Россія) какъ нельзя болѣе имѣетъ сходство со всѣми возлюбленными сынами Божіими древняго завета, — Авраамомъ, Иаковомъ и всѣми вообще израильтянами, и «якоже» съ прочими возлюбленными своими, тако и съ тобою, о Россіе, всегда Богъ дивно поступалъ, удивляя на тебѣ милость свою и благословеніе свое: Коль краты усумнился, усумнившись ужаснулася Россійская Имперія, человѣческо разсуждая,

аки бы отнял Богъ милость свою отъ іакова и благословеніе свое отъ израиля Россійскаго; аки бы угаснулъ свѣтильникъ и спаде вѣнецъ съ главы ея. Чудотворяй же Богъ, единое то показывалъ, яко Онъ всегда силенъ есть возвратити рогъ Давидови и уготовати свѣтильникъ помазанному своему; кую истину лучше познаемъ, аще хотя мало пропнемъ въ исторію Россійскія имперіи». Историческое оправданіе своихъ мыслей проповѣдники начинаютъ только съ царствованія дома Романовыхъ, такъ какъ все предшествующее время не возбуждало никакихъ сомнѣній относительно торжества православныхъ принциповъ въ жизни русскаго общества и государства; они ставили своей задачей—оправдать лишь это время и увѣзвать торжество православной вѣры и Церкви, управлявшихъ сознаніемъ русскаго народа и спасшихъ національную самостоятельность въ событіяхъ этого періода. «Коего было надѣяться благополучія въ столь трудныхъ обстоятельствахъ прежде воцаренія Михаила Ѳеодоровича? И се, не безъ удивленія видимъ и прославляемъ непостижимыя судьбы Божія: царь чудесно спасенъ Богомъ во Ипатской востромской обители и возведенъ на престолъ ко утвержденію и продолженію нашего благополучія. Возьмемъ, наковъ примѣръ Алексѣя Михайловича; не тогожде ли Божія особеннаго благословенія струямъ на блаженнаго монарха сего преизобильно излившимся, съ подобающимъ благоговѣніемъ удивимся?» (1) Другому проповѣднику Россія, до-петровской эпохи, какъ въ прежнее время; такъ и при самомъ Петрѣ, представлялась «прекраснымъ вертоградомъ, процвѣтавшимъ истинною вѣрою, твердымъ благочестіемъ, благими дѣлами, христіанскимъ житіемъ, побѣдами надъ враги, отъ Бога данными; Россія въ ту пору была всемірно счастливѣйшимъ удивленіе, а врагамъ страданіе и трепетъ; они слышали, что Богъ въ Россіи дѣлаетъ: въ утвержденіи благочестія чудесную силу иконамъ святымъ подаетъ, тѣлесно святыхъ иже живыи соблюдаетъ, русскіе предѣлы разширяетъ; многіе грады и страны Россіи покоряетъ, вѣрныхъ чадъ русскіихъ, умовавшихъ на Него, славомъ и вѣкторіями вездѣ.

---

(1) Синодъ епископъ псковскаго слово 21 августа 1745 г. стр. 74-8.

вѣнчаютъ. Въ Россіи церкви во славу Божию зиждутся, училища умножаются (?), милостыни неоскудно съ надеждою подаются; Церковь російская архіерейскимъ достоинствомъ, іерейскимъ служеніемъ, монашескими чинами паче восточныхъ Церквей прославлялася; братія нашей — православнымъ христіанамъ, подъ рукою агаранскою и еретическою сущимъ — гдѣ было прибѣжище? гдѣ подтвержденіе вѣры? гдѣ благочестія защищеніе? гдѣ отъ бѣды отрада?—Въ одной Россіи! Аще кто отъ враговъ православія поноситъ плѣннаго брата нашего: «оставилъ васъ Богъ; гдѣ ваша вѣра свободно славится, гдѣ царство ваше?—абіе аки нѣкимъ оружіемъ защищается: слыши, или не вѣси: въ Россіи православіе прославляется, въ Россіи царіе благочестивіи царствуютъ, и се не безъ удивленія. Господь по несказаннымъ судьбамъ своихъ расточенныхъ чадъ російскихъ подъ едину державу собравъ и единому обладателю вручи; того ради, да лучше во единомысліи благочестіе сохранится. И сія наипаче къ разширенію православія дѣйствительно и сильно Господь содѣла, яко царями православными скипетръ російскій утверди; тѣмъ, яко предводителями и главою, украсили благочестіемъ государство свое, расширили славу російскую» (1). Въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ, кромѣ точности въ опредѣленіи религіознаго состоянія Россіи и значенія Церкви для общей жизни страны, у проповѣдника ясно обнаруживается взглядъ на значеніе Россіи въ отношеніи къ нашимъ православнымъ братьямъ—славянамъ и грекамъ. Вѣра въ культурное значеніе православія въ Россіи была до такой степени сильна у русскихъ людей, что церковный ораторъ готовъ признать такое же значеніе его и для другихъ православныхъ народовъ. Такимъ образомъ, по сознанію русскихъ людей, въ Россіи царскаго періода были всѣ задатки къ улучшенію, реформамъ; эти условія поступательнаго движенія по пути цивилизаціи скрывались, по сознанію ихъ, въ православіи. Это начало жизни ввучено проповѣдниками въ его непосредственномъ прѣзвѣненіи, въ дѣйствительной жизни право-

---

(1) Свѣтлова. Слово въ день Благовѣщенія 1742 г. стр. 8.

славія, но не въ общихъ вѣроисповѣдныхъ формулахъ не безъ отношенія къ народной жизни.

Съ другой стороны проповѣдники времени Елизаветы, отдѣленные отъ петровской реформы временемъ гоненій на православіе и русскую народность, воспитанные подъ живыми впечатлѣніями иноземнаго и иновѣрнаго гнета, сами друзья реформы и науки, смотрѣли на время Петра другими глазами, чѣмъ ихъ предшественники. Стоя на русской народной почвѣ, они видѣли въ лицѣ Петра отца отечества, искренняго сына Церкви; нѣмецкая тираннія имѣла рѣшительное вліяніе на переѣмну взглядовъ относительно царствованія Петра; личности исчезли, предубѣжденія сгладились и — петровская реформа вошла въ сознаніе современниковъ Елизаветы, какъ лучшая пора жизни русскаго народа. Личность Петра Великаго оцѣнена нашими проповѣдниками вполне и всесторонне, — съ общей точки зрѣнія и съ національно-религіозной. Петръ Великій является предъ очами нашихъ проповѣдниковъ въ общей его дѣятельности, какъ продолжатель своихъ вѣнчанныхъ предковъ; они видятъ во времени Петра только новыя милости Божіи, новое торжество Церкви. Таковъ взглядъ на Петра впрочемъ не былъ присущъ всѣмъ проповѣдникамъ; нѣтъ понятія въ этомъ случаѣ видовымѣнялись соответственно ихъ личнымъ воззрѣніямъ на ходъ цивилизаціи въ Россіи; тогда какъ одни шли по указанному нами пути, другіе смотрѣли на Петра, какъ на новаго человѣка, порвавшаго связь со всѣмъ прошедшимъ русской исторіи.

Обратимся теперь къ самымъ проповѣдямъ. По отзывамъ проповѣдниковъ втораго рода, «Петръ обрѣтъ насъ, подобныя древу лѣсному, криву, суковиту, дебелу, ожестѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну» (1); «до Петра Россія была не крѣпкая, не мудрая, не стройная, у всѣхъ презрѣнная»; «общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое. Согласныя, хотя *издѣвочныя* у всѣхъ рѣчи, что мы прежде Петра ѣсть и пить, какъ надлежитъ, не умѣли» (2).

(1) Кирилла Флоринскаго. Слово на 18 декабря 1741 г. стр. 14.

(2) Стефана Лезницкаго слово 25 ноября 1743 г.

Но вотъ воцарился, по сознанию тѣхъ и другихъ, Петръ Великій, «первый Императоръ всей Россіи», «возлюбленный Богомъ», «возлюбленный и человекъ, на главу котораго снизошло особенное Божіе благословеніе, «яко роса ермонская на горы сіонскія», «всѣхъ прежде себе бывшихъ превзошелъ, всѣмъ же по себѣ слѣдующимъ ни единыя во всѣхъ монаршихъ добродѣтеляхъ безприкладный примѣръ оставилъ; (1) «сей отецъ отечества, великій монархъ выше кедровъ ливанскихъ Россію превознесъ; Петръ крѣпость наша, которымъ такъ отечество утверждено, яко гора Сіонъ, Петръ слава наша, которая отъ конецъ до конецъ во всѣхъ ушесѣхъ слышится. (2) Онъ «со слезами сѣялъ въ Россіи, не щадя, себя и свою по сѣялъ силу» (3); «за любовь къ благочестію, за любовь къ отечеству самого себя не жалѣлъ, здравія своего не щадилъ, претяжкіе походы понести не боялся, вездѣ въ приступахъ огненныхъ громовъ, острыхъ мечей и ядовитыхъ стрѣлъ не устращался, всегда самъ присутствовалъ, многія государства проходилъ, отъ всѣхъ, аки пчела съ разныхъ цвѣтовъ, къ колызѣ Россіи собиралъ (4).

«На что бо ни посмотримъ сущаго добра въ Россіи: Петровы насѣяли руки». (5) Есть ли на свѣтѣ уголокъ такой, есть ли народъ дикій и незнаемый, чтобы до него не дополь слухъ дѣлъ Петровыхъ и чтобы не зналъ онъ, кто и что былъ въ Россіи Петръ Великій, кто и что была Екатерина? Не умерли ихъ вѣчные труды, не могли никогда, придти въ забвеніе прибрѣтенные ими нажитыя ихъ, и по смерти своей намъ въ наслѣдіе вѣчно оставленные. Если кто хочетъ узнать Петра и Екатерину, посмотри только прилежно на Россію нашу; она тебѣ безсмертнымъ въ томъ будетъ свидѣтелемъ».

(Продолженіе впрелѣ).

(1) Симона псковскаго слово 21 августа 1745 г. стр. 8.

(2) Дмитрія Сѣченова слово (на) 25 марта 1742 г. стр. 9.

(3) Флоринскаго слово (на) 18 декабря 1741 г. стр. 16.

(4) Сѣченова—стр. 9.

(5) Флоринскаго слово на 18 декабря 1741 г. стр. 14.

18 СЕНТЯВРЯ

1871 ГОДА

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ НАГРАДА.

Генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ объявилъ слѣдующія Высочайшія повелѣнія: а) отъ $2/14$ минувшаго іюля о томъ, что Государь Императоръ вслѣдствіе ходатайства Ея Величества Королевы Виртембергской Ольги Николаевны Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать протоіерею придворной церкви Ея Величества въ Стутгартѣ, Іоанну Базарову орденъ св. Анны 1-й ст. и б) отъ $12/24$ того же мѣсяца, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить протоіерея православной церкви въ Парижѣ, Александра Прилежаева къ ордену св. Владимира 3 степени и діакона той же церкви Юрія Тесельскаго къ ордену св. Анны 3 степени.

—Государь Императоръ въ 25 день мая сего 1871 года Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать экстраординарнаго

профессора с.-петербургской духовной академіи, статскаго совѣтника, Даниіла Хвольсона, кавалеромъ ордена св. Анны 2 степени съ Императорскою короною.

—Государь Императоръ въ 24 день іюля 1871 года Всемилостивѣйше соизволилъ дозволить священнику лейбъ-гвардіи царскосельскаго стрѣлковаго баталіона, Андрею Пушнову, носить, по установленію, серебряный, вызолоченный крестъ на таковой же цѣпочкѣ, поднесенный ему въ даръ обществомъ офицеровъ 14 драгунскаго малороссійскаго принца Алберта прусскаго полка, въ память служенія въ семъ полку.

Двѣ стипендіи имени архієпископа Антонія.

Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ во 2 день минувшаго іюля опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ учрежденіи, на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ преосвященнымъ владимірскимъ въ костромскую духовную семинарію 2.000 руб. и въ макарьевское духовное училище 1.400 руб., двухъ стипендій имени преосвященнаго Антонія въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Распоряженіе по грузинскому экзархату.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ, на имя Святѣйшаго Синода, въ 16 день августа 1871 года, Государь Императоръ, Всемилостивѣйше увольняя протоіерея Іоанна Исинабзе, согласно просьбѣ его, по разстроенному здоровью, отъ должности члена грузино-имеретинской синодальной конторы, повелѣлъ быть вмѣсто него членомъ конторы настоятелю гаенатскаго монастыря архимандриту Виссаріону.

Награжденіе за подвиги челоуѣколюбія.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Святѣйшаго Синода и положенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше

соизволилъ, въ 26 день юня сего года, наградить серебряными медалями, установленными за подвиги человеколюбія, дьячковъ церквей: а) единовѣрческой Петропавловской въ новолодожскомъ с.-петербургской епархіи уѣздъ Василія Бузина и б) Преображенской въ г. Каневѣ кievской епархіи Александра Орловскаго.

Отъ правленія кievской духовной академіи.

Въ кievской духовной академіи состоитъ вакантною должность секретаря совѣта и правленія. По § 68 устава православныхъ духовныхъ академій на эту должность избираются лица съ академическимъ или университетскимъ образованіемъ. Жалованья секретарь (при казенной квартирѣ) получаетъ 1.000 р. въ годъ.

Лица, желающія занять эту должность, подаютъ прошенія на имя ректора академіи до 1 октября 1871 г. •

Отъ правленія воронежской духовной семинаріи.

За смертью преподавателя церковной исторіи съ соединенными предметами при воронежской семинаріи сдѣлалась вакантною кафедра по сему предмету. Правленіе семинаріи избраніе благонадежнаго кандидата предоставило совѣту кievской духовной академіи съ тѣмъ, чтобы пробное испытаніе рекомендуемаго было произведено по предметамъ: гомилетики, литургіи и практическаго руководства, которые онъ имѣеть преподавать по преобразованіи семинаріи.

Отъ правленія полтавской духовной семинаріи.

Учитель полтавской семинаріи Иванъ Борзакоскій, согласно его прошенію, Святѣйшимъ Синодомъ 14 минувшаго юля уволенъ изъ духовно-учебнаго вѣдомства.

На открывшуюся вакансію преподавателя священнаго Писанія, епархіальнымъ преосвященнымъ, по представленію педагогическаго правленія семинаріи, опредѣленъ 12 сего августа окончившій курсъ ученія въ кievской духовной академіи студентъ Василій Демидовскій, получившій отъ совѣта кievской академіи свидѣтельство объ удовлетворительной сдачѣ имъ трехъ пробныхъ уроковъ по священному Писанію.

Отъ правленія донской духовной семинаріи.

Въ донской семинаріи состоитъ вакантною кафедрю греческаго языка. Правленіе семинаріи для замѣщенія этой кафедры имѣетъ въ виду своего кандидата, священника донской епархіи Михаила Гастева.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

ОТЧЕТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О ВЪДНЫХЪ
ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ ЗА 1870 ГОДЪ.

Присутствіе с.-петербургскаго епархіальнаго попечительства въ 1870 году составляли члены попечительства: 1) Входеоіерусалимскій протоіерей А. А. Павловскій — за старшаго попечителя до 9-го декабря, а съ 20-го числа тогоже мѣсяца, резолюціею его высокопреосвященства, утвержденъ старшимъ членомъ попечительства настоятель Исаакіевскаго кафедральнаго собора, протоіерей П. А. Лебедевъ; 2) Волковско-кладбищенскій протоіерей В. Ѡ. Нивитинъ; 3) ключарь Исаакіевскаго кафедральнаго собора, протоіерей А. А. Благовѣщенскій (онъ же и казначей); 4) екатерингофскій протоіерей Н. Ив. Фасановъ (съ 23 февраля, на мѣсто протоіерея Листова); 5) Спасосѣнновскій протоіерей І. Я. Благовѣщенскій

и 6) Исаакіевскаго собора священникъ В. И. Серафимовъ (1), при секретарѣ, церкви Правительствующаго Сената священникъ, В. Ив. Тихомировъ.

Попечитель по Финляндіи, протоіерей выборгскаго собора В. П. Виноградовъ, за дальностію разстоянія, не участвовалъ въ собраніяхъ попечительства. Сверхъ того, членами-сотрудниками были: лугскаго собора протоіерей А. Ф. Ласкинъ, шлиссельбургскаго собора протоіерей І. С. Студійскій и Покровско-коломенской церкви священникъ П. П. Сланскій.

Дѣятельность с.-петербургскаго епархіальнаго попечительства въ 1870 г. состояла 1) въ назначеніи и выдачѣ, съ утвержденія его высокопреосвященства, денежныхъ пособій бѣднымъ духовнаго званія, постоянныхъ и единовременныхъ; 2) въ призрѣніи безпріютныхъ сиротъ въ кладбищенскихъ богадѣльняхъ столицы и 3) въ назначеніи и вѣдѣніи опеки надъ несовершеннолѣтними сиротами.

I.

Средства, которыя были въ вѣдѣніи и распоряженіи попечительства въ 1870 г.

Средства эти заключались: А) въ недвижимомъ имуществѣ и Б) въ денежныхъ капиталахъ.

А) недвижимое имущество:

1) Каменный, 3-хъ этажный домъ, занимающій 545 квадр. саж. въ 1 участкѣ Адмиралтейской части, на углу Большой Морской улицы и Кирпичнаго переулка, подъ № $\frac{4}{16}$ и $\frac{23}{3}$, съ 3-мя каменными 3-хъ этажными флигелями, купленъ съ Высочайшаго соизволенія, испрошеннаго Святѣйшимъ Синодомъ, въ 1835 году, за опѣочную въ то время сумму—250.000 р. ассигнаціями, у с.-петербургскаго купца И. И. Антонова. Домъ этотъ, застрахованный нынѣ въ 80.000 р. серебромъ, отданъ, съ утвержденія его высокопреосвященства,

---

(1) Умеръ 28 марта 1871 г., на мѣсто его опредѣленъ по докладу попечительства, утвержденному его высокопреосвященствомъ, священникъ Вознесенской церкви М. Я. Предтеченскій.

послѣ публичныхъ торговъ, по контракту, въ аренду с.-петербургскому купцу Н. И. Игумнову, съ отвѣтственностію его, Игумнова, за всѣ ремонтные, страховые, поземельные и другіе по дому расходы, въ теченіи 12 лѣтъ, со 2 октября 1868 г. по 2 октября 1880 г., и—съ ежегодною платою попечительству въ годъ по 14.500 рублей;

и 2) Каменный 4-хъ этажный домъ, занимающій 341¹/₂ кв. саж. въ 1 участкѣ Коломенской части, по Фонтанѣ, подъ № 147-мъ, купленъ съ Высочайшаго соизволенія, испрошеннаго чрезъ Святѣйшій Синодъ, въ 1860 году за 124.400 р. сер.; застрахованный въ 80.000 р., онъ, съ 1 марта 1869 г., отданъ съ утвержденія его высокопреосвященства, послѣ публичныхъ торговъ, по контракту, въ аренду на 10 лѣтъ по 1 марта 1879 г., с.-петербургскому купцу Т. Н. Крюкову, съ отвѣтственностію его, Крюкова, за всѣ ремонтные, страховые, поземельные и другіе расходы по дому и съ ежегодною платою попечительству по 6.905 руб. сер. въ годъ.

в) ДЕНЕЖНЫЕ КАПИТАЛЫ:

1) Всей суммы, находившейся въ вѣдѣніи и распоряженіи попечительства, *состояло къ 1 января 1870 года 77.061 р. 36¹/₄ к., а именно:*

а) въ непрерывно-доходныхъ 4 ⁰ / ₀ билетахъ	21.399 р. — к.
б) въ 5 ⁰ / ₀ банковыхъ билетахъ . .	2.300 » — »
в) въ билетахъ сохранный казны .	90 » — »
г) членскаго взноса (1) въ общество взаимнаго кредита, въ свидѣтельствѣ онаго	5.000 » — »
д) на текущемъ счету, по расчетной книжкѣ того же общества .	32.838 » 77 »
е) наличными	180 » 59 ¹ / ₄ »
и ж) въ долгу на причтѣ церкви Шуй-стомской	400 » — »
	62.208 р. 36 ¹ / ₄ к.

(1) Съ разрѣшенія его высокопреосвященства, попечительство состоитъ членомъ сего общества, получая, кромѣ дивиденда, выгоду для себя отъ того, что на суммы по текущему счету общество даетъ 5⁰/₀ тогда, какъ въ государственномъ банкѣ дается только 3⁰/₀.

Сверхъ того, отчисленныхъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, отъ Смоленско-владбищенской церкви въ вѣдѣніе и распоряженіе попечительства, согласно съ назначеніемъ . . .

14.853 » — »
 77.061 р. 36¹/₄ к.

2) Въ 1870 году *поступило на приходъ*:

а) арендныхъ съ 2-хъ вышеозначенныхъ домовъ отъ арендаторовъ Игумнова и Крюкова . .	21.405 » — »
б) процентовъ съ суммъ, обращающихся, въ теченіе года, въ кредитныхъ учрежденіяхъ	3.169 » 67 »
в) дивиденда на 5.000 р. членскаго взноса	1.550 » — »
г) собранныхъ въ кружки на бѣдныхъ духовнаго званія, находящихся въ церквахъ с.-петербургской епархіи	3.882 » 14 »
д) пожертвованныхъ изъ кошелековыхъ суммъ церковныхъ, лично отъ причтовъ и другихъ благотворителей	3.863 » 31 ¹ / ₄ »

Примѣчаніе. Въ 1869 г. кружечнаго сбора было: 3.820 р. 45¹/₂ к. и пожертвованій 4.091 р. 69 к., слѣдовательно, доходъ попечительства двумъ статьямъ меньше на 69¹/₄ к.

- в) взысканныхъ въ пользу духовнаго званія, по раію епархіальнаго нач съ одного лица, за упущенныя службы . . . . .
- ж) возвращенныхъ изъ разосланныхъ пособій, за смертію преемниковъ, за выходомъ въ отставку, поступленіемъ въ

заведенія и на должности и др. причинамъ	324 » 95 ¹ / ₄ »
з) пожертвованныхъ о. протоіеремъ А. А. Павловскимъ, (при оставленіи имъ ⁽¹⁾), согласно собственному желанію и прошенію, должности члена попечительства) въ 2-хъ 5 ⁰ / ₁₀₀ банковыхъ билетахъ по 150 р. каждый на вѣчное обращеніе изъ процентовъ	300 » — »
и) изъ отчисленнаго отъ Смоленско-владбищенской церкви капитала (14.853 р.) въ общій составъ суммъ попечительства поступили съ утвержденія его высокопреосвященства, деньги, завѣщанныя на приданое бѣднымъ дѣвицамъ духовнаго званія	1.781 » — »

Сумму эту составляли: непрерывно-доходный 4⁰/₁₀₀ билетъ государственной комиссіи погашенія долговъ въ 535 р. и срочное 4¹/₂⁰/₁₀₀ свидѣтельство государственнаго банка въ 1246 р.

По случаю вышедшаго срока на свидѣтельство это полученъ капиталъ, съ процентами на оный 56 руб. 7 коп. По распоряженію попечительства, на 1.302 р., приобрѣтено, по курсу, четыре 5⁰/₁₀₀ банковыхъ билета на сумму, по номинальной цѣнѣ, 1.400 р., почему отчисленный капиталъ увеличился на .

97 » 93 »

---

(1) Попечительство, во уваженіе къ отлично-полезной 25-лѣтней, без-
 — службѣ о. протоіерея А. А. Павловскаго и имѣя въ виду, что
 по дѣламъ попечительства можетъ быть весьма полезна
 — стало предъ его высокопреосвященствомъ объ оставленіи
 почетнымъ членомъ попечительства, съ правомъ уча-
 — вовать въ дѣлахъ особенной важности, — на что и получено
 — 20 декабря 1870 года.

- і) Кромѣ того наличными осталось, при покупке 5% банковыхъ билетовъ. . . . . 43 » 22 »
- и наконецъ к) билетъ сохранный казны въ 90 р. присланный изъ духовной консисторіи, за неявкою въ теченіи 10 лѣтъ, наследниковъ послѣ діавона Костылева, размѣнянъ и капиталъ этотъ, съ процентами на оный—21 р. 55 к. поступилъ въ общій составъ суммъ попечительства.

Такимъ образомъ всего на приходъ поступившихъ, въ 1870 году было . . . . . 36.420 » 22¹/₂ »

съ оставшимися же отъ прежнихъ лѣтъ, за исключеніемъ 1.781 р. такъ какъ эта сумма, значащаяся выше на приходѣ подъ буквою и, числилась и въ общемъ остаткѣ отъ прежнихъ лѣтъ,—состояло. . . . . 111.700 » 58³/₄ »

3) *Расходование суммъ попечительства:*

- 1) Выдано постоянныхъ пособій—
- а) въ 1-й половинѣ года, на 951 лицо обоего пола. . . . . 12.094 » — »
- б) во 2-половинѣ таковыхъ же пособій выдано на 974 лица обоего пола . . . . . 12.600 » 25 »
- 2) Единовременныхъ пособій, въ течение года, произведено —
- а) на бракосочетаніе, на погребеніе, на исправленіе ветхихъ домовъ сиротствующимъ, на одежду и обувь, 57 лицамъ. . . . . 1.661 » — »
- и б) по случаю трехъ пожаровъ . . . . . 290 » — »

Примѣчаніе. Въ 1869 году пособій постоянныхъ на 1.006 лицъ и еди-

новременныхъ на 57 лицъ было выдано 24.331 р. 50 к.;—въ 1870 г. больше на 1313 р. 75 к.	
3) На пересылку пособій уплачено въ въ почтовый доходъ	101 » 79 ¹ / ₄ »
4) Изъ возвращенныхъ пособій, остав- шихся невыданными за неяв- кою и другими причинами, вы- дано, по мнваніи сихъ при- чинъ	67 » 50 »
5) На канцелярскіе расходы, изъ 150 р., асигнованныхъ на сей предметъ, издержано	129 » 5 »
6) Служителю при попечительствѣ, ут- вержденнаго епархіальнымъ на- чальствомъ, жалованья выдано .	120 » — »
7) Уплачено за перевозку архива и кан- целярскихъ принадлежностей изъ прежняго наёмнаго помѣщенія частію въ домъ Исаакіевскаго собора, частію въ нижній этажъ сего собора	22 » 85 »
8) Выдано заимообразно, по резолюціи его высокопреосвященства, свя- щеннической вдовѣ Соколовой .	25 » — »
и 9) Изъ денегъ 14.853 р., отчислен- ныхъ въ вѣдѣніе попечительства отъ Смоленско - владбищенской церкви, перечислено 13.072 р., съ утвержденія его высокопре- освященства, въ составъ суммъ переходящихъ, съ тѣмъ чтобы проценты съ сего капитала были высылаемы мѣстному причту со старостою, согласно съ назначені- емъ,—на содержаніе богадѣльни.	13.072 » — »
Всего расхода за 1870 годъ произ- ведено, съ утвержденія епархіаль-	

наго начальства	27.111 » 44 ¹ / ₄ »
со включеніемъ же отчисленныхъ въ составъ суммъ переходя- щихъ 13.072 р.	40.183 » 44 ¹ / ₄ »
и 4) <i>Остатокъ суммъ попечитель- ства къ 1 января 1871 года.</i>	

Къ 1 января 1871 года состояло:

а) наличными деньгами	2.872 » 15 ¹ / ₂ »
б) 5 ⁰ / ₁₀₀ билетами государственнаго банка	4.000 » — »
в) 4 ⁰ / ₁₀₀ билетами государственной комиссіи погашенія долговъ .	21.934 » — »
г) по свидѣтельству общества вза- имнаго кредита	5.000 » — »
д) на текущемъ счету въ томъ же обществѣ	37.310 » 99 »
и е) въ долгу на причтъ Шуйстомской церкви	400 » — »

Всего . . . . . 71.517 р. 14¹/₂ к.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что пособій выдано больше противъ прошлаго года на 1.313 р. 75 к. и что пожертвованій поступило меньше, средства попечительства увеличились къ 1 января 1871 г., а именно: въ 1869 году чистаго остатка было 6.519 р. 65 к., а въ 1870 г. 9.308 р. 78¹/₄ коп. слѣдовательно больше на 2.789 руб. 13¹/₄ коп.

Кромѣ случайныхъ доходовъ (отъ поступленія суммы Смоленско-владбищенской 1781 руб. и пожертвованія отъ о. протоіерея А. А. Павловскаго 300 р.), увеличеніе это объясняется главнымъ образомъ большею цифрою дивиденда и процентовъ, безмезднымъ составомъ канцеляріи попечительства и таковымъ же помѣщеніемъ для онаго въ квартирѣ о. діакона Исаакіевскаго собора П. Ив. Казанскаго ⁽¹⁾, по вдовству и бездѣтности уступившаго это помѣщеніе.

---

(1) Въ строящемся нынѣ домѣ для соборянъ Исаакіевскихъ предположено помѣщеніе для попечительства, удобное какъ для присутствія, такъ и для занятія приходящихъ письмоводителей.

II.

Въ столицѣ три богадѣльни при кладбищахъ:

Смоленскомъ, Волковскомъ и Большеохтенскомъ.

Находившіяся прежде подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ мѣстныхъ причтовъ и духовной консисторіи, богадѣльни эти, по распоряженію епархіальнаго начальства, переданы въ вѣдѣніе попечительства, на обязанности котораго разсматривать прошенія о помѣщеніи въ оныя и, съ утвержденія его высокопреосвященства, опредѣлять просительницъ — вдовъ и сиротъ.

Имѣя списокъ кандидатовъ на помѣщенія кладбищныя, попечительство прежде всего, при разсмотрѣніи прошеній, обращало вниманіе на безпріютныхъ вдовъ съ малолѣтними дѣтьми, нерѣдко грудными, такъ что, въ виду совершенной безпріютности и крайней бѣдности притомъ, необходимо было отступать, при разсмотрѣніи прошеній, отъ очереди по списку.

Всѣхъ помѣщеній, неодинаковаго впрочемъ размѣра, въ Смоленско-кладбищенской богадѣльнѣ 13 №№, въ Волковско-кладбищенской 16 №№ и въ Большеохтенской кладбищенской 12.

Всѣхъ лицъ призрѣваемыхъ было въ 1-й 42, во 2-й 24 и въ 3-й 15.

При множествѣ просительницъ, не имѣя возможности дать помѣщеніе всѣмъ имъ, попечительство испросило архипастырское соизволеніе его высокопреосвященства на перемѣщеніе изъ богадѣленъ кладбищенскихъ 8 вдовъ и сиротъ, престарѣлыхъ и одинокихъ, въ Александро-невскій Домъ призрѣнія ⁽¹⁾, и пономарской вдовы Крестовоздвиженской Ямской церкви Соколовой въ домъ сей церкви, съ тѣмъ, чтобы помѣщенія ихъ богадѣленскія предоставлены были крайне-бѣднымъ, по большей части многолѣтнимъ и безпріютнымъ вдовамъ. Это распоряженіе приведено уже въ исполненіе.

---

(1) Денежныя пособія на сихъ вдовъ и сиротъ отъ попечительства препровождаются въ комитетъ по завѣдыванію домою.

III.

Опекунскія дѣла, по распоряженію епархіальнаго начальства, переданы въ вѣдѣніе и производство въ попечительство въ 1869 году.

На обязанности попечительства назначеніе, съ утвержденія его высокопреосвященства, опекуновъ и рассмотрѣніе счетовъ, имъ представленныхъ.

При передачѣ сихъ дѣлъ въ вѣдѣніе попечительства, изъ духовной консисторіи высланы и сиротскіе капиталы, которыхъ въ 1870 году было въ попечительствѣ 28.945 р. 75¹/₄ к. наличными и въ кредитныхъ бумагахъ.

Но находя неудобнымъ какъ для себя, такъ и для самихъ опекуновъ, требованіе отъ нихъ капиталовъ для храненія и обращенія изъ процентовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, попечительство, съ утвержденія его высокопреосвященства, нынѣ предоставляетъ это отвѣтственности самихъ опекуновъ, имѣя только наблюденіе, по отчетамъ и чрезъ отношенія съ благочинными, затѣмъ, чтобы капиталы сиротскіе не лежали безъ обращенія изъ процентовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ.

* * *

С.-петербургское епархіальное попечительство, озабочиваясь благоустроеніемъ дѣлъ своихъ, примѣнительно къ § 24 положенія о попечительствахъ, и съ утвержденія его высокопреосвященства, распредѣлило въ нынѣшнемъ году занятія между членами-попечителями такъ, чтобы каждый изъ нихъ, кромѣ общихъ разсужденій въ собраніи, вѣдалъ свой особый отдѣлъ, зналъ обстоятельно свою часть и своимъ частнымъ трудомъ способствовалъ скорѣйшему и успѣшнѣйшему теченію дѣлъ попечительства. Таковыхъ отдѣловъ, по числу членовъ, шесть, а именно:

Отдѣлъ первый, — для старшаго попечителя, — имѣетъ предметомъ — рассмотрѣніе и рѣшеніе, по настольному журналу, всѣхъ бумагъ, поступающихъ въ попечительство, назначеніе времени засѣданій, просмотръ, предварительно переписки, докладовъ, журналовъ и отношеній, хожденіе въ казначеилице, совмѣстно съ казначеемъ и секретаремъ, для внесе-

нія и вынутія суммъ и вообще наблюденіе за ходомъ и порядкомъ всѣхъ дѣлъ.

Отдѣлъ второй—наблюденіе за сборомъ кружечнымъ, пожертвованіями отъ церквей изъ кошелековыхъ доходовъ, отъ священно-церковно-служителей, церковныхъ старостъ и другихъ благотворителей, своевременнымъ доставленіемъ штрафныхъ денегъ и уплатою денегъ, данныхъ займообразно; при этомъ,—подробное разсмотрѣніе сборныхъ благотворительныхъ листовъ и книжекъ, выдаваемыхъ діакономъ, принятіе надлежащихъ мѣръ, въ случаѣ какихъ-нибудь опущеній, или неисправностей, и вообще попеченіе объ увеличеніи сборовъ.

Отдѣлъ третій—предварительное разсмотрѣніе прошеній о пособіяхъ бѣднымъ духовнаго званія, какъ постоянныхъ на содержаніе, такъ и единовременныхъ, по случаю выхода въ замужество, погребенія, пожаровъ и т. п., съ изложеніемъ своего мнѣнія, и наблюденіе за неопустительнымъ веденіемъ полного и обстоятельнаго списка всѣхъ лицъ, поступающихъ въ призрѣніе попечительства, равно какъ за временемъ вступленія въ призрѣніе и срокомъ прекращенія онаго.

Отдѣлъ четвертый—завѣдываніе дѣлами казначейскими; при этомъ своевременное веденіе прихода-расходныхъ книгъ по суммамъ, какъ постояннымъ, такъ и переходящимъ, принятіе всѣхъ суммъ, поступающихъ въ попечительство, хожденіе въ казначейство, почтамтъ, въ мѣста кредитныхъ учрежденій для взноса и принятія суммъ, наблюденіе за полученіемъ процентовъ съ кредитныхъ бумагъ и составленіе всѣхъ отчетовъ о суммахъ, вмѣстѣ съ секретаремъ.

Отдѣлъ пятый—завѣдываніе дѣлами по опекамъ надъ сиротами духовнаго званія; при этомъ,—веденіе списка всѣхъ сиротъ, находящихся подъ опекою, попеченіе о назначеніи опекуновъ надъ сиротами, достойныхъ и благонадежныхъ, разсмотрѣніе отчетности ихъ по опекамъ и наблюденіе за правильностію расходовъ до совершеннолѣтія сиротъ и за правильнымъ раздѣломъ капитала и имущества между сиротами, по достиженіи ими совершеннолѣтія и т. п.

Отдѣлъ шестій—завѣдываніе принадлежащими попечительству домами и подвѣдомственными ему кладбищенскими богадѣльнями; при этомъ,—наблюденіе за чистотою и поряд-

вомъ въ домахъ и точнымъ исполненіемъ контрактовъ со стороны арендаторовъ, а также наблюденіе за порядкомъ зачисленія и опредѣленія въ богадѣльни подлежащихъ лицъ, сообразно съ списками прибывающихъ и выбывающихъ. Первымъ отдѣломъ до назначенія старшаго попечителя завѣдывалъ протоіерей Павловскій (съ тѣмъ однако, что хожденіе въ казнохранилище для взноса и вынутія денегъ, вмѣстѣ съ казначеемъ и секретаремъ, лежало, до времени, на священникѣ Серафимовѣ), вторымъ—протоіерей Фасановъ, третьимъ—священникъ Серафимовъ, четвертымъ—казначей протоіерей А. Благовѣщенскій, пятымъ—протоіерей Никитинъ и шестымъ—протоіерей І. Благовѣщенскій.

Но распредѣливъ такимъ образомъ дѣла свои, съ цѣлю болѣе успѣшнаго веденія ихъ и болѣе равномѣрнаго труда между членами, попечительство при этомъ поставило въ обязанность каждому изъ членовъ вносить свое мнѣніе, по предоставленнымъ ему дѣламъ, на разсмотрѣніе въ общемъ собраніи, и тогда только мнѣнію его даетъ движеніе, когда будетъ принято всѣми единогласно или большинствомъ.

Въ виду сего распредѣленія занятій между членами и вообще для безостановочности въ письмоводствѣ, попечительство нашло полезнымъ, по преимуществу для дѣлъ опекунскихъ, принять, согласно заявленію, безмезднымъ письмоводителемъ псаломщика, нынѣ діакона, Владимірской церкви Л. А. Георгіевскаго, сверхъ состоявшихъ прежде также безмездно, 3-хъ письмоводителей: Ив. В. Красногорскаго, псаломщика, нынѣ діакона, Исаакіевскаго собора, П. Е. Верекундова, псаломщика Владимірской церкви. Докладъ по сему утвержденъ его высокопреосвященствомъ 1 ноября.

Въ заключеніе отчета своего за прошлый 1870-й,—47-й годъ своего существованія, епархіальное попечительство съ увѣренностію можетъ сказать, что оно всѣми зависящими отъ него средствами, при безмездномъ составѣ присутствія и канцеляріи, старалось выполнить свои обязанности—возможно-лучшее обезпеченіе бѣдныхъ духовнаго званія—и при семъ имѣло утѣшеніе видѣть всѣ свои предположенія и опредѣленія утвержденными его высокопреосвященствомъ;—что оста-

токъ суммъ образовался за прошлый годъ отъ причинъ случайныхъ, о которыхъ было сказано выше;— что заботливости попечительства обязаны сиротствующіе тѣмъ, что несмотря на меньшее количество пожертвованій со стороны духовенства, одни изъ нихъ,—сиротъ,—получили увеличеніе оладовъ содержанія, другіе получили пособія въ томъ размѣрѣ, въ которомъ пособія прежде не значились; причемъ принимаемы были въ соображеніе особыя обстоятельства бѣдности, многодѣтности и болѣзненности.

Личныхъ пожертвованій со стороны духовенства с.-петербургскаго, финляндскаго и заграничнаго получено 1.251 р. 94 к., а всѣхъ пособій роздано 26.645 р. 25 к. въ годъ.

Въ виду сего, нельзя не сказать, что пособій ежегодно выдается на сиротствующія семейства по 40, 60, 100, 150 и болѣе рублей, тогда какъ большая часть отцовъ семействъ вносятъ въ общій составъ попечительскихъ суммъ только десятками копѣекъ.

Въ надеждѣ, что духовенство отнесется къ дѣйствіямъ попечительства съ братскимъ довѣріемъ, а къ бѣднымъ своего званія съ болѣею любовью, оно и въ нынѣшнемъ году продолжаетъ свое дѣло съ тою же заботливостію и съ тѣми же чувствами безпристрастія и справедливости и желаніемъ лучшаго и равномѣрнаго, по возможности, обезпеченія бѣдныхъ какъ денежнымъ пособіемъ, такъ и квартирнымъ помѣщеніемъ. А при взаимномъ только довѣрїи и достижимо это, для всего духовенства близкое и потому, безъ сомнѣнія, желательное дѣло служенія сиротствующимъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. Бесѣды на нареченія Господни о блаженствахъ. — Рѣчь ректора казанской духовной академіи архимандрита Ниванора, по нареченіи его во епископа. — Русское церковное проповѣдничество въ XVIII вѣкѣ.
- II. Всемиловитѣйшія награды. — Двѣ стипендіи архіепископа Антонія. — Распоряженіе по грузинскому экзархату. — Награжденіе за подвиги человеколюбія. — Отъ правленій кievской академіи; воронежской, полтавской, и донской духовныхъ семинарій. — Отчетъ с.-петербургскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія за 1870 г.

Дозволено цензурою.

ТИПОГРАФИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

25 СЕНТЯБРЯ № 39. 1871 ГОДА.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЯЧЕСЛАВА, МУЧЕНИКА И КНЯЗЯ
ЧЕШСКАГО. (1)

Кая польза человѣку, аще приоб-
рящетъ мѣръ весь и отщепитъ душу
свою? Марк. 8, 36.

Коротка жизнь смертнаго на землѣ и быстро проходятъ дни, назначенные ему Промысломъ, отъ колыбели до гроба. А когда приходитъ къ человѣку незванная и непрощенная гостья—смерть и указываетъ ему врата вѣчности: тогда от-

---

(1) Память св. Вячеслава такъ же священна для чеховъ, какъ для русскихъ память св. Владиміра Равноапостольнаго, или св. Александра Невскаго. Русская Церковь такъ же причисляетъ св. Вячеслава къ лику святыхъ—своихъ, потому что онъ жилъ до отпаденія Рима отъ право-

крываются очи его и опять начипаает видѣть все совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Тогда-то вполне убѣждается онъ, какъ обманчивъ былъ міръ, съ его богатствами, почестями и наслажденіями; потому что на смертномъ одрѣ все это уже не нужно ему. Тогда-то онъ ясно видитъ, какое высокое, истинное и неизмѣнное достоинство имѣетъ душа, — именно душа чистая, неоскверненная какимъ-либо тяжкимъ грѣхомъ. Тогда-то живо чувствуетъ онъ, какъ истинны слова нашего Божественнаго Спасителя, сказанныя въ вышешнемъ Евангеліи: *кая польза человеку, аще приобрящетъ міръ весь и отщипитъ душу свою*, т. е. повредитъ душѣ своей? Тогда изъ глубины его сердца изходитъ на блѣднѣющія уста его умпленное слово: *аще беззаконіа назириши, Господи, кто постоитъ?* Если будешь требовать отъ меня отчета, что скажу я Тебѣ и какой выкупъ дамъ за душу свою?

Весь міръ, съ его богатствами и сокровищами, не можетъ представить такого выкупа. И потому чрезвычайно важно для насъ заблаговременно позаботиться о томъ, что для каждаго изъ насъ всего необходимѣе. Что же это такое? Я думаю, и вы согласитесь со мною, — что это именно — благоугожденіе Богу. Какъ же мы можемъ благоугождать Богу? Припомните, что дѣлаете вы, когда желаете спсискать расположеніе какого-нибудь важнаго и могущественнаго лица. Не правда ли, что вы стараетесь чаще быть у него на глазахъ, тщательно избѣгаете всего, что можетъ оскорбить его, не жалѣете для него ни времени, ни трудовъ, ни словъ, ни слезъ; часто готовы отказаться отъ самой любимой и дорогой для васъ вещи, чтобы сдѣлать ему пріятный подарокъ, чтобы принести ему угодную жертву? О, еслибы мы такъ же старались объ угожденіи нашему милосердому Богу, то, подлинно,

---

славія. Въ Духовной Бесѣдѣ (1862 г. № 34) помѣщено было жизнеописаніе св. Вячеслава. Предлагаемое теперь поученіе написано первоначально на чешскомъ языкѣ, а потомъ переведено на нѣмецкій и напечатано въ сентябрьской книжкѣ журнала *Prediger und Katechet*, откуда мы его заимствовали и предлагаемъ читателямъ Д. Б. почти въ буквальный переводъ. Подобная проповѣдь напечатана была въ Духовной Бесѣдѣ за 1862 г. (№ 38).

Ред.

приобрѣли бы Его отеческое благоволеніе и безъ страха могли бы смотрѣть на приближеніе смерти. Но, увы, мы слишкомъ вялы и лѣнны на служеніе Богу; и когда потребуется отъ насъ какая-нибудь жертва для Него, то бываемъ перѣшпелыми и выше всякой мѣры неподвижны и медлительны.

Не таковъ, о, совершенно не таковъ былъ нашъ соотечественникъ, блаженный князь-мученикъ, св. Вячеславъ. Первѣйшею заботою его всегда было то, чтобъ спасти свою душу отъ вѣчной погибели. Вся его жизнь была посвящена служенію Богу. Никогда не задумывался онъ принести Богу жертву, если зналъ, что она угодна Ему.

Послѣдуемъ же по стопамъ нашего единоплеменника. Будемъ и мы со всею вѣрностію служить нашему небесному Отцу; хотя Онъ и не нуждается въ нашихъ услугахъ, однако съ любовію взираетъ на вѣрныхъ рабовъ своихъ и щедро награждаетъ ихъ по окончаніи рабочаго дня—земной жизни. Но не забудемъ, что мы должны приносить Богу только такія жертвы, которыя были бы благоугодны Ему, какъ высочайшему, всесовершенному и всемогущему Владыкѣ нашему, и которыя выражали бы наше благоговѣніе, любовь и благодарность къ Нему. Остержемся, чтобы и къ намъ не было обращено Божественное слово: «жертвъ вашихъ не хочу и въ всеожжеціямъ вашимъ не благоволю». А для этого, относительно жертвенныхъ даровъ Богу, будемъ, по примѣру св. Вячеслава, избирать себѣ въ образцы такихъ людей, о которыхъ само священное Писаніе говоритъ, что жертвы ихъ были приняты Богомъ съ благоволеніемъ. Таковы были въ особенности:

- 1) праведный слуга Божій Авель,
- 2) великій праотецъ Авраамъ и
- 3) царственный первосвященникъ Мелхиседекъ.

Прошу вашего вниманія, когда я, съ помощію Божіею, начну объяснять вамъ смыслъ и значеніе этой тройкой жертвы.

1. Первые люди, Адамъ и Ева, имѣли двухъ сыновей, Каина и Авеля. Авель пасъ стада своего отца, а Каинъ обрабатывалъ его поля. Случилось, что Каинъ принесъ Господу жертву отъ плодовъ земли, и Авель сдѣлалъ то же,—принесъ перво-

родныхъ изъ своего стада. И Господь Богъ милостиво призрѣлъ на жертву Авеля. Почему же такъ благоугодна была Всевышнему жертва Авеля? Безъ сомнѣнія, потому, что онъ принесъ Богу лучшее изъ первородныхъ своего стада, и потому съ чистымъ и благоговѣйнымъ сердцемъ, чтобы выразить свою благодарность Подателю всѣхъ даровъ.

И намъ Господь посылалъ и посылаетъ до настоящаго часа Свои безчисленныя благодѣянія. Отъ Него, Отца свѣтовъ, изходитъ всякое благое даяніе и всякій даръ совершенный, — и хлѣбъ, которымъ насыщаемся, и имущество, которымъ пользуемся, и всякій успѣхъ, который получаемъ мы въ хозяйствѣ, въ ремеслахъ и торговлѣ. Все это дары Его непостижимой силы и благодати. Что же мы должны дѣлать, чтобы выразить Ему нашу признательность? Мы должны хвалить и прославлять Его, — Его, Который всегда отверзаетъ намъ щедрую руку Свою, хотя мы и не стоимъ этого. Да, такъ ли мы поступаемъ, чтобы Господь не имѣлъ причины жаловаться на насъ, предъ небомъ и землею, какъ нѣкогда жаловался Онъ на неблагодарный народъ израильскій: «знаетъ воля хозяина своего и оселъ ясли господина своего, а израиль не позналъ Меня»? И такъ, не уедемъ подражать примѣру Авеля и отъ чистаго сердца принесемъ Господу жертву отъ имѣній своихъ. Возвратимъ ему часть того, чѣмъ Онъ такъ богато наградилъ васъ, — и Онъ милостиво призреть на дары наши.

Но для жертвы требуется жертвенникъ. Гдѣ же мы найдемъ жертвенникъ, на которомъ мы могли бы положить наши дары Господу? Если въ насъ еще горитъ хоть искра любви къ ближнему, то мы не будемъ имѣть нужды долго задумываться насчетъ такого жертвенника. Мы имѣемъ храмы Божіи, въ которыхъ приносятся въ жертву Тѣло и Кровь Сына Божія, подъ видомъ хлѣба и вина. Но припомните, что во многихъ мѣстахъ нашего отечества эти храмы бѣднѣе, чѣмъ порядочная хижина небогатаго поселанина. Смотри: развѣ это не жертвенникъ, на который ты можешь возложить свои жертвенные дары Богу, чтобы храмъ Его былъ чистъ и благоуукрашенъ, чтобы святая служба совершалась въ немъ съ должнымъ благолѣпіемъ и торжественностію?

Много есть ревнителей вѣры, которые изъ любви къ Богу и ближнему покинули отечество, родныхъ и друзей, чтобы среди невыразимыхъ трудовъ проповѣдывать Христа язычникамъ. И эти-то люди часто должны бывають терпѣть, при своемъ богоугодномъ дѣланіи, нужду и бѣдность, не говоря уже объ опасностяхъ, которымъ они непрерывно подвергаются. Вотъ тебѣ еще жертвенникъ, на которомъ ты можешь возложить богоугодные дары свои. Дѣлай это добровольно и охотно, чтобы царство Божіе распространялось на землѣ, чтобы слава Всевышняго умножалась и спасеніе невѣдущихъ и заблуждающихся совершалось болѣе и болѣе.— Со всѣхъ сторонъ, вдали и вблизи, слышимъ мы вздохи бѣдныхъ, требующихъ помощи. Имъ Господь далъ менѣе, чѣмъ тебѣ. Они голодны и не имѣють пищи, чтобы утолить свой голодъ; они наги и не имѣють одежды для прикрытія себя; они больны и не имѣють лекарства и даже надежнаго крова, гдѣ бы успокоиться. Ихъ плачевные вопли достигаютъ до ушей твоихъ. Смотри: развѣ это не живые храмы, не настоящіе жертвенники, на которыхъ ты можешь приносить Господу Богу твоему въ жертву избытки имѣнія твоего? Да, милостыня бѣднымъ есть жертва Самому всещедрому Богу. И ты, жертвуя бѣднымъ, конечно, не будешь скупъ и печаленъ, если размыслишь, какъ велика заслуга и награда милосердія, когда вспомнишь, что, кто помогаетъ бѣдному, тотъ даетъ въ займы Богу, Который воздастъ за это сторицею;—когда къ сердцу примешь изреченіе, что «милостыня покрываетъ множество грѣховъ»; когда ты постараться ясно понять, какъ велико блаженство въ той мысли, что ты былъ, подобно Іову, «окомъ слѣпыхъ, ногою хромымъ, отцемъ бѣдныхъ».

Итакъ мы, надѣясь, достаточно узнали свойство той жертвы, которую принесъ Богу Авель, а равно и видъ и способъ, какъ мы и сами можемъ приносить Богу такую же богоугодную жертву. Теперь посмотримъ на другую, не менѣе угодную Богу, жертву,—жертву Авраама.

2. Праотцу Аврааму Богъ даровалъ сына отъ Сарры, котораго онъ назвалъ Исаакомъ. Исаакъ былъ единственною радостію и надеждою для своихъ родителей. И вотъ Богъ, желая испытать Авраама, говоритъ ему: «Авраамъ! возьми

сына твоего, единственнаго твоего, котораго ты любилъ,— Исаака, и поди съ нимъ на гору Морію и тамъ принеси его во всесоженіе». Авраамъ всталъ ночью, осѣдлалъ осла, накололъ дровъ, которыя послѣ возложилъ на Исаака, и пошелъ съ нимъ на показанную Богомъ гору. На третій день они пришли сюда; Авраамъ устроилъ жертвенникъ, положилъ на него дрова, связалъ Исаака, возложилъ его на жертвенникъ и взялъ ножъ, чтобы принести сына своего въ жертву. Тогда Ангелъ Господень воззвалъ Аврааму: «не поднимай руки твоей на отрока и не дѣлай ему ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога, и не пожалѣлъ единственнаго сына твоего для Меня. Мною клянусь, что такъ какъ ты сдѣлалъ се дѣло; то Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ на берегу моря. И благословятся въ Сѣмени твоёмъ всѣ народы земли». Вотъ какое великое обѣтованіе далъ Господь Аврааму! Изъ этого по справедливости можно заключать, что жертва Авраама имѣла высокое значеніе и была угодна Богу.

Такую-то жертву должны приносить и мы, если желаемъ приобрести благоволеніе Божіе! Но какъ должно понимать эту жертву? Неужели родители должны приносить въ жертву своихъ дѣтей, которыми Господь благословилъ ихъ? Сохрани Богъ! Онъ не хочетъ этого. Онъ и Авраама не допустилъ заколотъ сына своего Исаака,—на самомъ дѣлѣ. По изволенію Божію, родители должны тщательно оберегать ихъ и воспитывать въ благочестіи. И горе тому отцу, горе той матери, у которыхъ дѣтя ихъ, по ихъ же безпечности, потерпѣтъ какой-нибудь вредъ тѣлесный, или духовный.

Каждый изъ насъ имѣетъ сердце,—и это сердце падлоно къ злу; въ немъ отъ времени до времени возникаютъ порочныя желанія. Эти-то желанія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, суть дѣти нашего сердца. Если мы, изъ любви къ Богу, умерщвляемъ эти желанія, то приносимъ, подобно Аврааму, богоугодную жертву. Къ такому-то добровольному жертвоприношенію побуждаетъ насъ св. Павелъ, когда въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ: *духомъ ходите и похоти плотскія не свершайте. Плоть бо похотслюветъ на духа,*

духъ же на плоть... А иже Христовы суть, плоть расплывъ со страсти и похотми (гл. 5, ст. 16. 17. 24).

Итакъ возьмемъ мечъ слова Божія и умертвимъ перворожденное чадо нашего сердца, то есть,—наклонность его къ тому грѣху, который всего намъ дороже и который всего чаще и сильнѣе влечетъ насъ къ себѣ.—Вотъ въ твоемъ сердцѣ раждается и растетъ гордость; она заставляетъ тебя слишкомъ высоко думать о себѣ самомъ, презирать другихъ, прославлять себя самого, быть жаднымъ къ похвалѣ и почестямъ, не терпѣть противорѣчій, забывать о Боѣ, боготворить самаго себя. Эта гордость—вотъ неблагоправное дитя твоего сердца! Возми мечъ въ руки—и умертви его! Такъ хочетъ Богъ, который говоритъ: «что гордиши земля и пепель? Что есть у тебя, чего бы ты не получилъ? Поди и научись, что значитъ быть смиреннымъ и миролюбивымъ».—Тебя оскорбилъ? Твое сердце бьется и трепещетъ отъ гнѣва и мстительности; ты желалъ бы, если можно, отмстить вдвое за причиненную тебѣ несправедливость и даже совѣмъ сокрушить врага своего? Возми мечъ въ руку—и отсѣки голову этому неблаговоспитанному дѣтнцу твоего сердца; ибо—«Мнѣ отмщеніе», говоритъ Господь, и Онъ же присовокупляетъ: *всякъ имъвалъся на брата своего всус, позименъ есть суду* (Мат. 5, 22).—Ты чувствуешь страстную склонность къ тому или другому лицу другаго пола? Само по себѣ, въ предѣлахъ закона, это не есть еще зло. Но эта склонность возрастаетъ съ каждымъ днемъ и грозитъ переступить границы приличія и возжечь нечистое пламя. Скорѣ берн мечъ въ руки, умертви эту нечистую страсть и берегнись имѣть съ этимъ лицомъ пенужное обращеніе, излишнее сближеніе. Такъ хочетъ и повелѣваетъ Богъ, который говоритъ: *необольщайтесь: блудники не наследуютъ царствія небеснаго; вы не принадлежите себѣ самимъ, потому что куплены дорогою цѣною; и такъ прославляйте Бога душою и тѣломъ вашимъ*.—Богъ далъ тебѣ добрыхъ и послушныхъ дѣтей, которые тебѣ дороже всего на свѣтѣ. Ты желалъ дать имъ приличное воспитаніе и обезпечить ихъ будущность? Это по-

хвально. Но съ этимъ желаніемъ представляй себѣ и искушеніе: какъ бы не родилась у тебя мысль увеличить свое имущество посредствомъ роста, обмана и всякихъ другихъ несправедливостей. Бери тотчасъ мечъ въ руки—и уничтожь это презрѣнное желаніе; потому что такъ повелѣваетъ Богъ, Который говоритъ: «кто любитъ сына или дочь болѣе, чѣмъ Меня, тотъ недостоинъ Меня».

Объ этой второй жертвѣ я могъ бы, какъ и сами вы легко догадаетесь, еще кое-что сказать для вашей пользы и душевнаго спасенія. Но я не могу дольше останавливать ваше вниманіе на этомъ предметѣ, потому что спѣшу перейти къ жертвѣ третьяго рода,—жертвѣ Мелхиседека.

3. Во времена Авраама, въ Палестинѣ или святой Землѣ, было много мелкихъ царей и князей, которые часто вели войну другъ противъ друга. Въ одной изъ битвъ царь содомскій былъ пораженъ, Лоть, племянникъ Авраама, уведенъ въ плѣнъ, всѣ жители этой мѣстности потеряли свои стада и прочее имущество. Авраамъ, узнавъ объ этомъ, вооружилъ триста осмнадцать рабовъ своихъ, погнался въ слѣдъ за побѣдителями, разбилъ ихъ на голову, отнялъ у нихъ всю добычу и освободилъ Лота вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Когда Авраамъ побѣдителемъ возвращался въ свою страну, то вышелъ на встрѣчу ему Мелхиседекъ, царь салимскій, и принесъ, какъ жертвенный даръ, хлѣбъ и вино,—потому что онъ былъ священникъ Бога всевышняго,—благословилъ Авраама, а Авраамъ предложилъ ему десятину, или десятую часть добычи. И такъ Мелхиседекъ былъ царь и первосвященникъ; онъ принесъ Богу жертву, для чего употребилъ хлѣбъ и вино. А что жертва его была угодна Богу, объ этомъ свидѣтельствуетъ св. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Онъ говоритъ: «видите, какъ великъ былъ тотъ, которому и Авраамъ патриархъ далъ десятину отъ лучшихъ добычъ своихъ, и который благословилъ Авраама, имѣвшаго обѣтованія. Безъ всякаго же прекословія, меньшее благословляется отъ большаго» (Евр. 7, 4—6). Да, Богъ Самъ засвидѣтельствовалъ, какъ благоугодна была Ему жертва Мелхиседека; ибо Онъ Сына Своего поставилъ священникомъ по чину Мелхиседекову, какъ объ

этомъ написано въ псалмѣ Давида: *клятсѣ Господь и не рас-
кается: Ты еси священникъ во вѣкъ, по чину Мелхиседекову*
(Псал. 109, 4).

Если и мы желаемъ угодить Богу, то должны приносить Ему въ жертву такіе же дары, какіе принесъ Мелхиседекъ, — хлѣбъ и вино. Это мы должны дѣлать тѣмъ охотнѣе, когда знаемъ, что хлѣбъ и вино, приносимые въ нашихъ храмахъ священниками Новаго Завѣта, претворяются, по обѣтованію Господа, въ пречистое тѣло и кровь Его; и эти дары безконечно драгоценнѣе, чѣмъ тѣ, которые принесъ Мелхиседекъ. Къ этой-то великой и святой жертвѣ, которая приносится Богу на Литургіи во всемъ мірѣ, отъ востока солнца до запада, цѣну и достоинство которой никакой чело-вѣческой языкъ не можетъ достаточно выразить, — къ этой-то жертвѣ всякій день можешь свободно приступать ты, христіанинъ! Особенно же въ воскресные и праздничные дни отрадный звукъ церковныхъ колоколовъ, какъ голосъ съ неба на землю, зоветъ тебя въ храмъ и какъ будто говорить тебѣ: «встань, спѣвши въ церковь Божию, повергнись тамъ въ прахъ предъ Господомъ и соедини свою молитву съ молитвою священника у престола Божія». Еслибы ты, какъ должно, внималъ этому голосу, то не былъ бы такъ лѣнивъ къ посѣщенію дома Божія, для тебя не было бы все равно: къ началу, или концу литургіи придти въ церковь; ты не сталъ бы дремать, когда пужно молиться Богу съ особеннымъ усердіемъ; ты не сталъ бы говорить о пустякахъ, когда церковь призываетъ къ тихой молитвѣ; ты не сталъ бы заниматься житейскими дѣлами, когда предъ твоими глазами совершаются небесныя тайны. О, какъ стыдитъ нашу лѣность усердіе первыхъ христіанъ! Они ночью, въ подземныхъ пещерахъ, на гробахъ мучениковъ, часто съ опасностію жизни, собирались для того, чтобы принести Господу Богу безкровную жертву Новаго Завѣта. Какъ счастливыми они считали бы себя, если бы имъ дозволено было въ такихъ же церквахъ и съ такимъ же удобствомъ, какъ въ наше время, исполнять свои священныя обязанности! И такъ перестань, христіанинъ, оскорблять Бога постыдною неблагодарностію, — Бога, говорю, Который такъ часто даетъ тебѣ возможность безъ опасенія удовлетворять

потребность благочестиваго чувства. По крайней мѣрѣ, въ воскресные и праздничные дни не опускай случая присутствовать при Божественной литургіи съ вниманіемъ, страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ. Если такъ будешь поступать, то, повѣрь мнѣ, приносимая на Литургіи безкровная жертва будетъ для тебя источникомъ изобильныхъ благословеній Свыше.

И такъ, съ Божіею помощію, мы узнали наконецъ, что такое троякая жертва, которою можемъ благоугождать Богу. Но этого мало, чтобы только знать хорошее; надобно узнатьое и исполнить. Не въ познаніи, а въ исполненіи закона заключается наше спасеніе. *Блаженн слышащии слово Божіе и хранящии ѓ* (Лук. 11, 28). Слѣдуйте же тому, о чемъ мы сегодня говорили, приносите Богу троякую жертву, и именно такъ, какъ дѣлалъ это св. Вячеславъ, память котораго мы нынѣ празднуемъ.

Онъ приносилъ жертву, какъ Авель, потому что часть своего имущества съ благодарнымъ сердцемъ посвящалъ Богу, который даровалъ его. Или: развѣ не есть это жертва, подобная жертвѣ Авеля, когда св. Вячеславъ, на свой счетъ, строилъ христіанскія церкви, приглашалъ въ Богемію христіанскихъ священниковъ, содержалъ ихъ и подкрѣплялъ своимъ могуществомъ; когда выкупалъ дѣтей язычниковъ и заботился о ихъ воспитаніи, щедрою рукою раздавалъ милостыню бѣднымъ, посѣщалъ ихъ въ ихъ убогихъ хижилахъ, особенно при наступленіи ночи, и часто на своихъ плечахъ приносилъ имъ дрова и пищу? Св. Вячеславъ приносилъ Богу жертву, какъ Авраамъ, потому что, по повелѣнію Господа, упражнялся въ самоотверженіи, укрощалъ свои худыя жслапія и страсти, и такимъ образомъ умерщвлялъ этихъ опасныхъ дѣтей нашего сердца. Развѣ это не было жертвой, подобною жертвѣ Авраама, когда, облеченный въ княжескую мапію, св. Вячеславъ низлагалъ въ себѣ гордость и воспитывалъ смиреніе; когда имѣя несмѣтное богатство и всѣ возможные способы къ наслажденію, онъ проводилъ жизнь не въ пршественныхъ залахъ, не на ложѣ праздности, но въ строгомъ воздержаніи и чистой невинности; когда онъ, ненавидимый матерью и братомъ, раненый на смерть, не воспылалъ

на нихъ гнѣвомъ и мщениемъ, но прощаль имъ, дѣлалъ добро, за нихъ молился? Наконецъ, св. Вячеславъ приносилъ Богу жертву, какъ Мелхиседекъ. Развѣ это не была жертва, подобная жертвѣ Мелхиседека, даже несравненно высшая жертва, когда св. Вячеславъ изо дня въ день съ сердечнымъ благоговѣніемъ приходилъ къ Божественной Литургіи, собственною особою прислуживалъ въ алтарѣ священнику и своими руками приносилъ въ церковь литургійный хлѣбъ и вино?

О, еслибы всѣ мы, имѣющіе честь быть единоплеменниками св. Вячеслава, всегда имѣли предъ собою свѣтлый примѣръ его! Миѣ кажется, какъ будто я слышу въ эту минуту его голосъ съ неба, говорящій намъ: «я оставилъ вамъ образецъ, чтобы вы поступали также, какъ я поступалъ».

Такъ, святой Вячеславе, такъ хотимъ и мы поступать, какъ ты поступалъ, Мы желаемъ приносить, какъ и ты, богоугодныя жертвы. Мы общаемся предъ тобою прославлять Бога нашимъ добромъ и имѣніемъ, охотно сѣмша на помощь бѣднымъ. Даемъ тебѣ обѣтъ отвергнуться самихъ себя и пстрелять неблаговоспитанныхъ дѣтей нашего сердца—наши злыя страсти и наклонности,—не быть рабами ихъ, а повелителями. Клянемся тебѣ, что съ этихъ поръ съ радостію будемъ посѣщать въ церковь и съ всевозможнымъ благоговѣніемъ и сосредоточенностію присутствовать при Божественной литургіи.

Но такъ какъ мы слабы и немощны и живо чувствуемъ, что безъ Божіей помощи не можемъ ничего совершить добраго, то молимся тебѣ: твоимъ сильнымъ ходатайствомъ проси намъ, чтобы эти наши добрыя намѣренія укрѣпились въ насъ Тотъ, сила Котораго въ помощи совершается, и Который дѣйствуетъ въ насъ—и еже хотѣт и еже дѣят. Аминь.

Протоіерей **Іоаннъ Яхонтовъ.**

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

Проповѣдники наши были пронизаны самымъ искреннимъ негодованіемъ, что гонители Церкви не оцѣнили всей важности для спасенія душъ человѣческихъ священнаго чина, не припомнили историческихъ заслугъ монашества для Церкви, — монашества, изъ котораго вышли всѣ лучшіе борцы за православіе. Эта сторона развита у проповѣдниковъ весьма подробно. Они, конечно, понимали, что ихъ слова нужны не для самихъ нѣмцевъ, но главнымъ образомъ для православныхъ, которые слышали отъ нѣмцевъ всѣ возраженія противъ нѣкоторыхъ особенностей православія. Отсюда справедливо сдѣлать заключеніе къ распространенности протестантскихъ мнѣній въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Эту увѣренность усиливаетъ еще больше Дмитрій Сѣченовъ въ своемъ замѣчательномъ по силѣ воодушевленія словѣ на день Благовѣщенія. Говоря о гоненіи нѣмцевъ на православную вѣру и распространеніи рационалистическихъ возрѣній, въ связи съ непосредственными слѣдствіями въ обществѣ отъ этихъ вліяній, онъ замѣчаетъ: «враги наши по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разслали, вездѣ плевельная ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи, а паче, которые возлюбиша тьму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божию, ищущіи въ нихъ (врагахъ) милости. *Отъ насъ сіи изыдоша, но не быша отъ насъ*, чада на мать свою возстали (перечисленіе тѣхъ же самыхъ отступленій отъ православія, которыя мы видѣли у Амвросія), знаменіемъ креста гнушались, добрая дѣла отменяли, въ посты святые мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, поминовенію усопшихъ смѣялися, гееннѣ быти не вѣрили. И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и

въ епикурская мнѣнія впадали: яждь, пій, веселися, по смерти де никакого утѣшенія нѣсть; таковыя-то у враговъ нашихъ и въ милости были и въ чины производилися... Архіереевъ же, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ, монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскія гѣрода, въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ отвозятъ, и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самыя пастыри, самыя проповѣдницы слова Божія молчали, а устъ не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна; не всякому то благодать мученичества посылается» (1). Очень можетъ быть, что, говоря послѣднія слова, проповѣдникъ отвѣчалъ на укору, обращаемые къ нему и другимъ духовнымъ лицамъ, обвинявшіе ихъ въ трусости, молчаніи предъ гонителями Церкви Божіей. Мы полагаемъ достаточно этихъ выдержекъ, чтобы представить себѣ съ болѣею или меньшею отчетливостію состояніе Церкви во время нѣмецкой тиранніи. Эта сторона естественно раскрыта болѣе другихъ, частію потому, что она ближе другихъ касалась самихъ проповѣдниковъ, ихъ личности и святыхъ убѣжденій, частію же по той причинѣ, что нѣмецко-протестантскій гнетъ направлялся преимущественно въ самую основу русской народности.— Фраза: «умыслили враги: искоренимъ де сначала вѣру ихъ, а потомъ де и сами перейдутъ на нашу сторону», такъ часто варьруемая проповѣдниками, очевидно, есть выраженіе стремленія нѣмцевъ восторжествовать надъ русской національнію чрезъ униженіе православія. Но взглядъ нашихъ церковныхъ ораторовъ не ограничивается одною церковною сферою,—они въ своихъ проповѣдяхъ стараются прослѣдить выраженіе тиранніи во всѣхъ ея подробностяхъ, въ приложеніи къ различнымъ состояніямъ общественнаго строя. «Разговору больше у нихъ не было, какъ только о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива Россія въ томъ, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завести не можетъ! Не знающій человекъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви

---

(1) Слово 25 марта 1742 г. стр.

и ревности къ Россіи, а они для того парочно, чтобы; гдѣ съискавъ чловѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ пскусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитекторъ, или солдатъ старый, и напаче, если онъ былъ ученикъ Петра Великаго,—тутъ они тысячу способовъ придумали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому привязать, подъ интересъ подвести и такимъ образомъ голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно и самому умереть отъ голода, за то одно, что онъ архитекторъ, что онъ инженеръ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто хранения чести, здравія и интереса государева, о, коль безчисленная множества людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную канцелярію похищали, въ смрадныхъ узникахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали». Слѣдствіемъ такихъ страданій русскихъ патриотовъ было, что враги приводили Россію въ беспліе, нищету и крайнее разореніе (1).

Но вотъ совершился давно ожидаемый русской партией ноябрьскій (25 ч.) переворотъ. Событіе это до такой степени оживило, ободрило русскихъ людей, что ихъ рѣчи дышатъ истиннымъ воодушевленіемъ, отъ начала до конца, пропитаны самымъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Обращаясь къ героинѣ всѣхъ этихъ событій, они величаютъ её самыми лестными именами: «чудная отрасль благочестиваго корене» «славное сѣмя Петрово» «прекрасный цвѣтъ виноградный» «второй Моисей» «Юдифъ», «Пульхерія» «в стокъ выше» «дщерь восточныя Церкви», видятъ въ ней соединеніе всѣхъ добродѣтелей и нѣкоторыя изъ нихъ выставляютъ какъ особенныя—смирненіе и терпѣніе, при посредствѣ которыхъ она выжидала удобнаго случая, чтобы, по своей приязанности къ вѣрѣ православной, по своему благоговѣнію къ Церкви Христовой и искреннему благочестію, освободить Церковь отъ гоненія, утвердить счастье своихъ подданныхъ. Они вообще чрезвычайно много говорятъ о ея религіозности и точномъ соблюденіи всѣхъ

---

(1) Амвросія Юшкевича слово 18 декабря 1741 г. стр. 13, 14 и 15

церковныхъ обрядовъ и установленій. Все это открываетъ намъ тѣсную связь духовенства и Елизаветы еще до вступленія ея на престоль. Обращаясь къ Елизаветѣ, послѣ ея возшествія на престоль, въ день Благовѣщенія одинъ проповѣдникъ говоритъ: «Буди наша Августа, предначинательница намъ въ благодареніи и прославленіи Бога и Матере Его». Ты глава наша, ты одушевленный образъ власти Божія, тебѣ единой начати торжество прилично есть, ибо по многихъ нашихъ бѣдствіяхъ и огорченіяхъ довольную радость даровала еси; по многихъ нашей вѣры ущербахъ благочестіе возставила еси. Прослави Бога, наслѣдный твой престоль тебѣ даровавшаго, прослави Матерь Божию, защити честь Ея, устраши всѣхъ враговъ, непочитающихъ Ю, начини намъ торжество, да и мы не боящися отверземъ уста наша и явимся свѣтло торжествующе и воспоймъ радующеся Ея славу, а нашу радость. Было не благополучное время, въ немъ же только чуждін возсташа на насъ, крѣпцыи взыскаша душу нашу, яко уже за страхъ и честь Божія Матери и мнози отъ насъ защищати боялися... Но благословенъ Богъ! сѣтъ сокрушися, и мы избавлени быхомъ; прошла тая нечестія лютая зима, возсіяло вѣдро благочестія. Благовѣствуй, Россіе, радость велию! О, пзмѣна десницы Вышняго! Кто постави бурю въ тишину, кто сотре оружія и мечь враговъ нашихъ? Кто сокруши главы змievъ? Вечеръ водворися плачь и зутра радость, наказа насъ Господь, да и помплова. Таковое неслыханное смотрѣніе Божіе, таковую неслыханную радостную вѣсть какъ слышали сынове россійстѣи, колѣно возрадовался и теплыя Богу возсылали молитвы: посѣтилъ ны востокъ свыше, видѣ Господь озлобленіе наше и въздыханіе, отре слезы наша, теперъ благополучно въ покои поживемъ, теперъ благочестіе исправится, вѣра Христова утвердится, теперъ враги Церкви нашей аки змiи отъ зимы въ норы хоронятся... Духъ Петровъ оживе, обновится яко орля юность и слава россійская, да уже и обновляется въ краткомъ времени благополучнаго твоего царствованія; крѣкое основаніе

---

(1) Сѣченова слово 1742 г. 7. 25 марта.

положи, промышленіе о людѣхъ возымѣвъ, Церковь Христову отъ внутреннихъ враговъ защиты, руганія и соблазны на православныхъ истреби. Прежде на столахъ и компаніяхъ то и разговоры были: православные догматы ругать, во отчаяніе и слабость малодушныхъ вводить ⁽¹⁾. Во всемъ народѣ неслезанная радость, которою внутрь возбуждаясь, всѣ вообще малые и великіе веселятся, духовные и мірскіе торжествуютъ, воины и граждане руками плещутъ и гласы веселые къ Богу возносятъ: слава Богу всемогущему за Его неизглаголаннныя щедроты; услышалъ милосердый Богъ молитву нашу, не презрѣлъ слезъ и воздыханій нашихъ; еще Россію помиловалъ, еще не вовсе оставилъ насъ» ⁽²⁾.

Вотъ общій взглядъ тогдашнихъ проповѣдниковъ на всѣ событія, связанныя съ ноябрьскимъ переворотомъ. «Вѣруемъ вси несумнѣнно, что для сей только причины (понеже вѣра Христова, вѣра православная, вѣра истинная, каѳолическая ненарушимо въ нашемъ государствѣ пребываетъ) Богъ милосердый сіе государство хранить и отъ всѣхъ непріятельскихъ умысловъ и злыхъ навѣтовъ обороняетъ, дабы въ немъ подъ защищеніемъ и обороною православныхъ монарховъ слава Божія и вѣра благочестивая цвѣла и расширялась непрестанно. Тако твердо вѣровать намъ подобаетъ, что и впредь оное Той же Богъ милосердый и для таковыхъ резону отъ всѣхъ зломыслящихъ враговъ и супостатовъ, неправедно на насъ отвсюду возстающихъ и брани хотящихъ, оборонить, защитить, побѣдами прославить и всякими благословить счастливыми сукцессами» ⁽³⁾. Этотъ взглядъ проникаетъ собою всѣ сужденія нашихъ проповѣдниковъ о времени Елизаветы и въ немъ мы должны искать оправданія этихъ сужденій.

(Окончаніе впереди).

---

(1) Сѣченова 1742 г. л. 10. Флоринскаго слово 15 іюля 1742.

(2) Амвросія слово 1741 г. 18 декабря ст. 6.

(3) Амвросія Юшкевича слово 26 апрѣля 1743 л. 2 наоб. и 3.

РѢЧЬ

ВЪ ДЕНЬ ПОМИНОВЕНІЯ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ЗАКОНУЧИТЕЛЯ ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ПРОТОІЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВИЧА ОРЛОВА, 8 СЕНТЯВРЯ 1871 ГОДА.

Воздадите убо всѣмъ должная: ему же убо урокъ, - урокъ..... и ему же честь, - честь. Рим. 13, 7.

Входить въ долги — для каждаго изъ насъ есть неотразимая потребность, хотябъ и не хотѣлось входить. Платить долги — для каждаго изъ насъ есть настоятельнѣйшая обязанность, хотябъ и не желалось платить.

Впрочемъ, не денежные долги я разумѣю, хотя и безъ этихъ долговъ рѣдко кому придѣтся вѣсѣ прожить. Наши житейскіе долги столько же разнообразны, сколько разнообразны и наши взаимныя другъ къ другу отношенія. Ока-

заль ли кто намъ какое нибудь добро въ жизни? Всякій нашъ благодѣтель есть нашъ болѣе или менѣе значительный вѣритель. Мы ли кому оказали какое-либо благодѣяніе? Каждый облагодѣтельствованный нами есть нашъ болѣе или менѣе обязанный намъ должникъ. И чѣмъ важнѣе, чѣмъ значительнѣе одолженіе со стороны благодѣтелей: тѣмъ обязательнѣе должно быть и воздаяніе со стороны тѣхъ, коимъ сдѣлано такое одолженіе. *Воздадите убо всѣмъ должная.*

Обязательная сила сей апостольской заповѣди видимо присуща сознанию предстоящаго здѣсь собранія и въ этомъ сознаниіи пребываетъ жива и дѣйственна; такъ какъ цѣль настоящаго собранія состоитъ не въ томъ только, чтобы почтить нынѣшній великій праздникъ церковный, но вмѣстѣ и въ томъ, чтобы воздать должное воздаяніе въ Божѣ почившему о. цу протоіерею и законоучителю сего заведенія, Александру Θεодоровичу Орлову, — воздать воздаяніе, сообразуясь съ словами Апостола: *ему же урока, урока..... и ему же честь, честь.*

Не одинъ урокъ былъ выслушанъ здѣсь изъ устъ покойнаго отца протоіерея. Не день, не годъ, не десять даже лѣтъ, а болѣе четверти столѣтій покойный Александръ Θεодоровичъ преподавалъ законъ Божій въ этомъ заведеніи, проповѣдывалъ слово Божіе въ этомъ храмѣ.

Въ столь значительный періодъ учительской и проповѣднической дѣятельности покойнаго, сколько людей воспользовались его назидательнымъ ученіемъ, его поучительною проповѣдію! Смѣю думать, что и изъ числа предстоящихъ здѣсь не мало найдется такихъ, которые или учились у него закону Божію, или слушали его проповѣди.

Ученики и слушатели покойнаго! Вамъ, конечно, не невѣдомъ смыслъ апостольскихъ словъ: «ему же урокъ, — урокъ». Въ настоящемъ случаѣ эти слова означаютъ, что сердца ваши въ отношеніи къ доброму сѣмени преподаннаго вамъ вашимъ законоучителемъ ученія, въ силу извѣстной евангельской притчи, не должны быть битою дорогою, или каменистою почвою, или поросшимъ сорною травою пустыремъ, но должны быть хорошо удобренною землею, которая, принявши въ свои нѣдра добрыя сѣмена, могла бы въ свое время дать

плодь, если не сто, то шестьдесятъ, если не шестьдесятъ, то хоть тридцать. Эти слова означаютъ, что преподанное вамъ покойнымъ законоучителемъ ученіе, въ отношеніи къ вамъ, не должно быть мертвымъ, зарытымъ въ землю, талантомъ,— но должно быть живымъ, производительнымъ капиталомъ.

Если вы хотите воздать должное воздаяніе въ Бозѣ почившему законоучителю вашему за всѣ его полезные уроки: то знайте, что вы тогда только воздадите ему по достоинству, когда вездѣ и всегда пребудете вѣрны до смерти тѣмъ божественнымъ догматамъ и заповѣдямъ, которымъ онъ училъ въ классѣ, и которые проповѣдывалъ въ храмѣ. Если вы не хотите оставаться въ долгу у вашего законоучителя: то живите и дѣйствуйте такъ, чтобы печать всѣхъ преподанныхъ вамъ отъ него религіозно-нравственныхъ принциповъ и рѣзко и ясно отображалась во всякомъ актѣ вашей нравственной дѣятельности,—и въ мысли, и въ чувствѣ, и въ словѣ, и въ дѣйствіи; живите и дѣйствуйте такъ, чтобы изъ всѣхъ вашихъ дѣлъ во всѣ стороны, и въ ширь и въ даль, распространялся свѣтъ, въ славу Божию, и въ назиданіе ближнимъ. *Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видѣтъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ.*

За полезные уроки покойнаго законоучителя вашего воздавая тщательнымъ усвоеніемъ его уроковъ и приложеніемъ ихъ къ жизни, не премините воздать ему и принадлежащую ему по праву честь, какъ законоучителю и проповѣднику. Но вопросъ: какую честь оказать умершему?

Поставить на его могилѣ дорогой памятникъ? По моему мнѣнію,—безполезно. Не знаю какъ кому, а мнѣ, когда случается бывать на столичныхъ кладбищахъ и видѣть множество драгоценныхъ памятниковъ, почти всегда приходитъ въ голову мысль: стоило ли тратить такія громадныя суммы на эти дорогіе камни, для того только, чтобы начертать на нихъ имена лежащихъ подъ ними покойниковъ, съ обозначеніемъ лѣтъ ихъ жизни и дней и часовъ ихъ смерти? И на долголи эти камни сохранять ввѣренныя имъ имена? Кому не вѣдомо, какъ быстро иногда всеокрушающее время стираетъ подобныя надписи, какъ скоро сокрушаетъ самые памятники?

заль ли кто намъ какое нибудь добро въ жизни? Всякій нашъ благодѣтель есть нашъ болѣе или менѣе значительный вѣритель. Мы ли кому оказали какое-либо благодѣяніе? Каждый облагодѣтельствованный нами есть нашъ болѣе или менѣе обязанный намъ должникъ. И чѣмъ важнѣе, чѣмъ значительнѣе одолженіе со стороны благодѣтелей: тѣмъ обязательнѣе должно быть и воздаяніе со стороны тѣхъ, коимъ сдѣлано такое одолженіе. *Воздадите убо всѣмъ должная.*

Обязательная сила сей апостольской заповѣди видимо присуща сознанию предстоящаго здѣсь собранія и въ этомъ сознаниіи пребываетъ жива и дѣйственна; такъ какъ цѣль настоящаго собранія состоитъ не въ томъ только, чтобы почтить нынѣшній великій праздникъ церковный, но вмѣстѣ и въ томъ, чтобы воздать должное воздаяніе въ Бозѣ почившему оцу протоіерею и закопочителю сего заведенія, Александру Θεодоровичу Орлову,—воздать воздаяніе, сообразуясь съ словами Апостола: *ему же урокъ, урокъ.... и ему же честь, честь.*

Не одинъ урокъ былъ выслушанъ здѣсь изъ устъ покойнаго отца протоіерея. Не день, не годъ, не десять даже лѣтъ, а болѣе четверти столѣтія покойный Александръ Θεодоровичъ преподавалъ законъ Божій въ этомъ заведеніи, проповѣдывалъ слово Божіе въ этомъ храмѣ.

Въ столь значительный періодъ учительской и проповѣднической дѣятельности покойнаго, сколько людей воспользовались его назидательнымъ ученіемъ, его поучительною проповѣдію! Смѣю думать, что и изъ числа предстоящихъ здѣсь не мало найдется такихъ, которые или учились у него закону Божію, или слушали его проповѣди.

Ученики и слушатели покойнаго! Вамъ, конечно, не невѣдомъ смыслъ апостольскихъ словъ: «ему же урокъ,—урокъ». Въ настоящемъ случаѣ эти слова означаютъ, что сердца ваши въ отношеніи къ доброму сѣмени преподаннаго вамъ вашимъ законоучителемъ ученія, въ силу извѣстной евангельской притчи, не должны быть битою дорогою, или каменистою почвою, или поросшимъ сорною травою пустыремъ, но должны быть хорошо удобренною землею, которая, принявши въ свои нѣдра добрыя сѣмена, могла бы въ свое время дать

плодъ, если не сто, то шестьдесятъ, если не шестьдесятъ, то хоть тридцать. Эти слова означаютъ, что преподанное вамъ покойнымъ законоучителемъ ученіе, въ отношеніи къ вамъ, не должно быть мертвымъ, зарытымъ въ землю, талантомъ,— но должно быть живымъ, производительнымъ капиталомъ.

Если вы хотите воздать должное воздаяніе въ Бозѣ почившему законоучителю вашему за всѣ его полезные уроки: то знайте, что вы тогда только воздадите ему по достоинству, когда вездѣ и всегда пребудете вѣрны до смерти тѣмъ божественнымъ догматамъ и заповѣдямъ, которымъ онъ училъ въ классѣ, и которые проповѣдывалъ въ храмѣ. Если вы не хотите оставаться въ долгу у вашего законоучителя: то живите и дѣйствуйте такъ, чтобы печать всѣхъ преподанныхъ вамъ отъ него религіозно-нравственныхъ принциповъ и рѣзко и ясно отображалась во всякомъ актѣ вашей нравственной дѣятельности,—и въ мысли, и въ чувствѣ, и въ словѣ, и въ дѣйствіи; живите и дѣйствуйте такъ, чтобы изъ всѣхъ вашихъ дѣлъ во всѣ стороны, и въ ширь и въ даль, распространялся свѣтъ, въ славу Божию, и въ назиданіе ближнимъ. *Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видѣтъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ.*

За полезные уроки покойнаго законоучителя вашего воздавая тщательнымъ усвоеніемъ его уроковъ и приложеніемъ ихъ къ жизни, не премините воздать ему и принадлежащую ему по праву честь, какъ законоучителю и проповѣднику. Но вопросъ: какую честь оказать умершему?

Поставить на его могилѣ дорогой памятникъ? По моему мнѣнію,—безполезно. Не знаю какъ кому, а мнѣ, когда случается бывать на столичныхъ кладбищахъ и видѣть множество драгоценныхъ памятниковъ, почти всегда приходитъ въ голову мысль: стоило ли тратить такія громадныя суммы на эти дорогіе камни, для того только, чтобы начертать на нихъ имена лежащихъ подъ ними покойниковъ, съ обозначеніемъ лѣтъ ихъ жизни и дней и часовъ ихъ смерти? И на долголи эти камни сохранять ввѣренныя имъ имена? Кому не вѣдомо, какъ быстро иногда всесокрушающее время стираетъ подобныя надписи, какъ скоро сокрушаетъ самыя памятники?

Кому не извѣстно, что и самая память объ умершихъ часто псезаетъ быстрѣе даже тѣхъ камней, на коихъ начертаны ихъ пмена? Къ чему жъ, скажите мнѣ, всѣ эти пышныя мавзолеи?...

То ли было бы дѣло, если бы суммы, потраченныя на эти драгоценныя памятники, были употреблены на дѣла христіанскаго милосердія? Сколько бы онѣ принесли пользы и для живыхъ и для умершихъ!

Оказывается, что мое мнѣніе вполне совпадаетъ съ мнѣніемъ весьма многихъ изъ почитателей покойнаго отца протоіерея. Искренніе и усердные почитатели сего достойнѣйшаго пастыря, вмѣсто сооруженія слишкомъ обыкновеннаго памятника, за лучшее признали собрать капиталъ, изъ годовыхъ процентовъ котораго можно было бы образовать, въ честь и память почившаго, стипендію для воспитанія въ гимназій одного изъ числа бѣднѣйшихъ дѣтей.

Нужно ли доказывать превосходство таковаго памятника? Тутъ дѣло само за себя говорить. Учреждаемая стипендія лучше всякаго мавзолея увековѣчитъ память о покойномъ законоучителѣ и навсегда пребудетъ дѣломъ душеполезнымъ для почившаго, благотворнымъ для цѣлаго ряда его будущихъ стипендіатовъ, поощрительнымъ для наставниковъ и воспитателей, и поучительнымъ для воспитанниковъ. Да будетъ же благословенъ отъ Бога тотъ, кто первый возымѣлъ благую мысль учредить стипендію въ честь и память почившаго въ Бозѣ о. протоіерея Александра Θεодоровича Орлова. Да будутъ благословенны отъ Господа и всѣ тѣ, которые поддержали эту мысль и помогли ее осуществить своими добротными жертвами!

Пріятно слышать, что въ учрежденіи этой стипендіи принимали живое участіе и его сослуживцы по гимназій. Въ такомъ добромъ отношеніи свѣтскихъ учителей къ законоучителю видится фактъ многознаменательный. Изъ этого отношенія нельзя не прійти къ заключенію, что наука и вѣра, разумъ и откровеніе, въ лицѣ своихъ представителей, находятся въ этомъ заведеніи въ вожделѣнномъ союзѣ. А сей союзъ служитъ въ свою очередь ручательствомъ того, что юныя лѣторасли сего учебно-воспитательнаго вертограда,

каждая въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, принесутъ обильные и добрые плоды, во благо Церкви и государства. Благословеніе Божіе да почиетъ на вертоградъ семъ!

Призри съ небеси, Боже, и вѣждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя.

Въ заключеніе всего, помолимся о упокоеніи души усопшаго раба Божіи протоіерея Александра и возгласимъ ему вѣчную память.

Тихонъ, Епископъ Ладожскій.

Сентября 8 дня 1871 г.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ПРАЗДНИКЪ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Святое Евангеліе повѣствуетъ намъ, что однажды пѣвая неизвѣстная жена, слушая божественное ученіе небеснаго Учителя, Господа нашего Іисуса Христа, въ священномъ восторгѣ воскликнула, ублажая родившую Его пренепорочную Матерь: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссала* (Лук. 11, 27)!—Это была первая хвалебная пѣснь, воспѣтая людьми въ честь и прославленіе Богоматери,—первое величаніе, сказанное Ей еще въ то время, когда Она скрывалась подъ покровомъ неизвѣстности. Но когда, по отшествіи Ея на небеса, въ царство славы, добродѣтели и совершенства, украшавшія Ея богоносную душу, сдѣлались извѣстными всему міру, когда слава Ея благодѣяній роду христіанскому возсіяла въ мірѣ *богоподобными чудесами*, съ тѣхъ поръ не одна какая-либо вѣрующая душа, но всѣ вѣрные, всѣ христіане, во всѣ времена и во всѣхъ концахъ вселенной, не переставали восхвалять и ублажать Благословенную въ женахъ.

Хвалимъ и ублажаемъ нынѣ и мы, братія, Пресвятую Дѣву Богородицу, свѣтло праздную знаменіе всемогущаго Ея

покрова, нѣкогда торжественно явленнаго роду христіанскому. Кто не знаетъ этого дивнаго событія? Кому неизвѣстно, какъ нѣкогда Царица небесная, съ ликами Апостоловъ и Святыхъ, во время всенощнаго бдѣнія, посѣтила во Влахернской церкви молящійся народъ, притекшій къ Ней за помощію, и осѣнила его своимъ пречистымъ омофоромъ? О, великое заступленіе печальнымъ еси, Богородице чистая, скорая помощница, спасеніе міра и утвержденіе (Стихар. Покр. Богород.)! «Приди нынѣ во славу въ Твою, Владычице, церковь, съ соборы всѣхъ святыхъ, якоже иногда Ты святой Андрей видѣ на воздухѣ свѣтлѣ, за христіаны молящуюся», и покрый насъ честнымъ Твоимъ омофоромъ (Кан. Покров. Богор.).

Но сколь ни велика слава чудесь, явленныхъ Богородицею во всемъ мірѣ, слава эта не превосходитъ Ея добродѣтелей и совершенствъ. Изъ всѣхъ людей Господь избралъ Ее себѣ въ мать, конечно, потому, что Она превосходила всѣхъ чистотою и святостію.

Дѣйствительно, какъ при взглядѣ на садъ, усѣянный благоуханными разнообразными цвѣтами, взоръ нашъ невольно разсѣивается, плѣняемый то тѣмъ, то другимъ прекраснѣйшимъ цвѣткомъ, и не знаетъ на которомъ остановиться: такъ при созерцаніи душевной красоты и совершенствъ Божіей Матери, мысль наша теряется и недоумѣваетъ, на которой изъ прекраснѣйшихъ добродѣтелей Ея сосредоточить вниманіе, какое качество преимущественно прославить или какое совершенство Ея избрать для нашего назиданія.

Удивительна въ ней и достойна прославленія Ея твердая, непоколебимая вѣра въ Бога. Свидѣтельствомъ сего служить уже одно то, что Она силою вѣры своей возмогла принять и вмѣстить въ сердцѣ своемъ тайну благовѣщенія о зачатіи въ Ней Сына Божія,—тайну невмѣстимую и для умовъ ангельскихъ. Праведный Захарія усумнился, когда возвѣщено было ему о естественномъ рожденіи отъ него сына, и потребовалъ знаменія отъ Ангела, а Препоблагословенная Дѣва Марія не усумнилась съ вѣрою принять благовѣстіе о необыкновенномъ, сверхъестественномъ рожденіи отъ Ней не человека, а Бога. Именно только вѣрною, безпредѣльною

вѣрою, какою не имѣли высшіе праведники Божіи,—тою вѣрою, которой, по слову Божію, *вся возможна*,—сердце Ея отверзлось къ принятію силы Вышняго. Вѣрою привлекла къ Себѣ таинственное наитіе Святаго Духа. Вѣрою зачала и родила намъ Христа Бога. Вѣрою, такимъ образомъ, совершила начало нашего спасенія. О, *блаженная Ты, вѣровавшая, яко было совершеніе глаголаннаго Тебѣ отъ Господа.*

Преславна и досточтима также Ея чистая, святая любовь къ Богу. Пламенѣя сею любовію, она съ раннихъ лѣтъ отказалась отъ міра и всего что въ мірѣ, удалилась подѣ кровѣ храма Господня и навсегда посвятила себя служенію Богу. Обычнымъ ея занятіемъ здѣсь, отрадою и утѣшеніемъ было—возносить въ молитвѣ душу свою къ Богу, или бесѣдовать съ Нимъ чрезъ чтеніе священныхъ книгъ. За сію-то святую любовь и Господь возлюбилъ Ее, Самъ съ небесъ явился къ Ней и обитель своего вочеловѣченія сотворилъ въ Ней. Ахъ, хотя бы единая искра сей божественной любви возсіяла и въ нашемъ сердцѣ, да сотворитъ и насъ живоносными, одушевленными обителями Христовыми, по реченному отъ Него: *аще кто любитъ Мя... и Отца Мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 24).

Поучительно для насъ изъ добродѣтелей Божіей Матери и ея необыкновенное терпѣніе, соединенное съ глубокою преданностію и послушаніемъ воли Божіей. Терпѣніе испытывается и познается въ страданіяхъ. Божія Матерь не знала страданій собственно тѣлесныхъ; но Она испытала мученичество другаго рода,—высшее и совершеннѣйшее—мученичество душевное. *И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе* (Лук. 2, 35), сказано было Ей праведнымъ Симеономъ. Этими оружіемъ, пронзившимъ душу Ея, были страданія возлюбленнаго Ея Сына, ибо они поражали любящее материнское сердце Ея съ такою силою, какъ бы Она сама испытывала ихъ. А потому можно сказать, что Она въ жизни своей приобщилась изъ чаши страданій Христовыхъ, крестилась Его огненнымъ крещеніемъ, сраспиналась съ Нимъ и умирали, т. е., испытала душою муки крестной смерти Его. Но какъ ни были велики Ея страданія, они не повергали Ея въ уныніе или отчаяніе, какъ это нерѣдко бываетъ съ дру-

гми людьми, въ малыхъ даже скорбяхъ. Въ эту мучительнѣйшую минуту, когда Она стояла у креста возлюбленнаго распятаго Сына Своего, не слышно было отъ Нея ни воплей, ни жалобъ, ни стenanій; Она оставалась покорною и преданною судьбамъ промысла Божія. Страданія душевныя бывають тяжелѣе телесныхъ, и для перенесенія ихъ часто нужно болѣе силы и мужества.

Что сказать о другихъ добродѣтеляхъ Препоблагословенной? О Ея чпстѣйшей дѣвственности, о любви къ труду, безмолвію и молитвѣ, о Ея нестяжательности и челоуѣколюбіи? Всѣ эти добродѣтели Ея досточтимы и достойны нашего подражанія. Но особенно возвысило Ее, прославило и приблизило къ Богу глубочайшее Ея смиреніе, которымъ запечатлѣна была вся Ея земная жизнь, отъ начала до конца. Не смотря на небесное достоинство Матери Божіей, Она постоянно оставалась въ безвѣстности и всенародно являлась близъ своего Божественнаго Сына не тогда, когда Онъ прославлялся, какъ напр. на Фаворѣ, или во время торжественнаго Его входа во Іерусалимъ, а тогда, когда уничтоженіе Его должно было, повидимому, падать и на главу Его Матеря, какъ напр. на Голгоетѣ, при крестѣ. Даже по воскресеніи и прославленіи Христовомъ, Она по прежнему оставалась въ скромной безвѣстности для міра. По истинѣ вся слава Ея была, по слову Пророка, *внутрь Ея* (Пс. 44, 14), т. е. заключалась въ Ея совершенствахъ и добродѣтеляхъ, облеченныхъ покровомъ смиренія.

За сіи-то боголюбныя качества, превѣчный Царь возлюбилъ Ее, приблизилъ къ Себѣ и возвысилъ превыше всякаго созданія на землѣ и на небѣ; ибо возвелъ Ее на такую высочайшую степень свѣта и блаженства, какой не имѣють приближеннѣйшіе къ Нему безплотные небожители. Мы, согласно съ св. Церковію, исповѣдуемъ Ее *честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ*, и недоумѣваемъ благохвалить Ее по достоянію.

«Что Ты наречеть, о, Благодатная? Небо? яко возсіяла еси Солнце правды! Рай? яко прозябла еси цвѣтъ нетлѣннѣйшій! Дѣву? яко пребыла еси нетлѣнна! Чистую Матерь? яко

имѣла еси на святыхъ Твоихъ объятіяхъ Сына Твоего всѣхъ Бога».

Но не за тѣмъ, братія, приикли мы въ душевный рай Ея и увидѣли нѣкоторые цвѣты Ея добродѣтелей, чтобы только праздно наслаждаться ими, но чтобы получить отсюда существенную для себя пользу,—расположить себя къ подражанію Ея добродѣтелямъ.

Жизнь и судьба Божіей Матери, конечно, необыкновенны и каждый изъ насъ, по благодати Божіей, можетъ и долженъ слѣдовать за Ней не на ту, конечно, высоту славы, на которой находится Она, но хотя на низшую степень блаженства, ибо *въ дому Отца небеснаго обители многи суть*. А путь для сего одинъ для всѣхъ—это путь вѣры, любви, терпѣнія, кротости, душевной чистоты и смиренія,—путь, которому въ жизни своей слѣдовала Дѣва Марія. Матерь Божія, достигши вѣчнаго блаженнаго пристанища, желаетъ, чтобы и мы всѣ слѣдовали за ней въ царство славы, и какъ Царица неба и Мать всѣхъ вѣрующихъ, Она простираетъ намъ съ высоты славы своя рука помощи, милостивно призираетъ на наши молитвы къ Ней, сорадуется всякому доброму дѣлу нашему, подтверждаетъ насъ въ благихъ начатіяхъ и трудахъ, защищаетъ отъ враговъ, утѣшаетъ въ несчастьяхъ, и во всякое время покрываетъ своею любовью и милосердіемъ всѣхъ притекающихъ къ ней съ вѣрою и любовію. Аминь.

Священникъ П. Слан/чій.

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Окончаніе).

Мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ сказать, придворный характеръ обращенія къ самой Елизаветѣ, напыщенные отзывы объ императрицѣ,—все это имѣетъ самое ничтожное значеніе: время, кругъ общества имѣютъ свой лексиконъ учтивостей; насъ интересуетъ въ этомъ дѣлѣ фактическая сторона. Воцаренію Елизаветы Петровны радовался русскій

народъ и въ самомъ непродолжительномъ времени «всему крестьянству, всему посадничеству и прочимъ людямъ многихъ подушныхъ денегъ не малое число уступить повелѣла» (1), скоро была закрыта «доимочная коммисія» временъ Бирона. Радовалось всё русское общество, — съ духовенствомъ въ главѣ. Прежде всего была окончена гибельная шведская война. Въмѣсто ежегодныхъ рекрутскихъ наборовъ по всей Россіи, при Елизаветѣ Петровнѣ страна была раздѣлена на 5 частей; наборъ производился въ каждой изъ нихъ только чрезъ 5 лѣтъ. Нѣсколько благотворныхъ постановленій было сдѣлано для развитія русской торговли. На долю духовенства выпало 44 указа, направленныхъ къ устройству его образованія, его неподсудности свѣтской власти, къ матеріальному обезпеченію; кромѣ того вышло нѣсколько распоряженій относительно устройства Богослуженія. Эти постановленія имѣютъ весьма важное значеніе и составляютъ шагъ впередъ сравнительно съ законодательствомъ Петра I. Сама государыня, по своему личному влеченію къ духовенству и религіозному настроенію, приказала (дек. 15, 1741 г.) иновѣрцевъ, сдѣлавшихъ важное преступленіе и только изъ боязни казни обратившихся къ православію, казнить смертію, армянскіе церкви закрыть (января 16 1742 г.) и впредь не позволять строить (января 22), церковнослужителямъ, посланнымъ въ Камчатку, для распространенія христіанства, увеличить содержаніе (марта 30); вдовымъ священнослужителямъ, принятымъ въ монастыри, до постриженія ихъ въ монахи, дозволить священнодѣйствовать, полковымъ священникамъ (апрѣля 6) предоставить всё средства обращать въ православіе калмыковъ, татаръ, черемисъ, мордву, чувашъ и другихъ иновѣрцевъ, находящихся на службѣ. Всѣхъ священниковъ освободить отъ обязанности присылать въ Синодъ (мая 17) исповѣдныя росписи. Въ пользу церквей и церковныхъ служителей императрица приказала взимать (мая 31, іюля 15) штрафъ съ человѣка по рублю за несоблюденіе тишины, за разговоры о свѣтскихъ дѣлахъ, за неблагочинное стояніе, за громкое лоб-

---

(1) Маркелла Радшевскаго слово 1742 г. марта 28 л. 11 набор.

заніе иконъ во время пѣнія. Престарѣлыхъ, умоповрежденныхъ колодниковъ препровождать изъ тайной канцеляріи для исправленія въ монастыри (іюля 23), судебнымъ свѣтскимъ мѣстамъ запретить безъ архіерейскаго разрѣшенія задерживать духовныхъ лицъ, за исключеніемъ тяжкихъ государственныхъ преступленій (іюля 7); для утвержденія православія, въ казанской губерніи зявесты школы для иновѣрческихъ дѣтей. Духовныхъ, сказавшихъ «слово и дѣло», отсылать не въ свѣтскіе суды, а въ Синодъ. Помѣщиковъ, имѣющихъ у себя церкви, обязывать снабжать служащихъ въ тѣхъ церквахъ всѣмъ необходимымъ... землю, покосами и т. п.

Выполнивши свою задачу съ публицистической стороны, проповѣдники обратились къ другимъ, не менѣе существеннымъ вопросамъ христіанской проповѣди. Здѣсь имъ представилось поле борьбы съ иноземными и иновѣрными идеями, проникавшими въ русское общество.

Во всю первую половину XVIII вѣка въ Россіи свободно распространялись протестантскія и раціоналистическія воззрѣнія. Первоначальная реакція со стороны православнаго общества выразилась въ борьбѣ и преслѣдованіи московскихъ еретиковъ и въ «Камнѣ вѣры»; но не милость правительства (при Петрѣ) къ борцамъ съ протестантизмомъ и жестокое преслѣдованіе ихъ при Аннѣ Іоанновнѣ заставили ихъ смолкнуть и ожидать лучшаго времени. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны настала благоприятная пора для такой дѣятельности въ защиту православныхъ воззрѣній и—мы встрѣчаемъ обширную и энергическую полемику противъ протестантизма и только частію папства. Причина перемѣны въ отношеніяхъ къ католикамъ и протестантамъ скрывается въ условіяхъ времени, частію уже намѣченныхъ нами; значительную долю имѣлъ при этомъ характеръ воззрѣній нѣкоторыхъ нашихъ духовныхъ ораторовъ. Тезисами полемики противъ лютеранъ были: 1) о недостаточности одной вѣры для спасенія и необходимости добрыхъ дѣлъ; 2) о необходимости таинствъ для спасенія; 3) о почитаніи и призываніи святыхъ; 4) о необходимости и значеніи постовъ; 5) о молитвѣ за умершихъ и значеніи поминовенія ихъ. Возраженія противъ еретиковъ имѣютъ особенность, условленную временемъ; пропо-

вѣдники не только опровергаютъ доказательствами изъ св. Писанія и св. отцевъ, но обращаются къ сознанію самихъ слушателей, къ ихъ православнымъ традиціямъ, и въ нихъ, главнымъ образомъ, ищутъ опоры для всѣхъ возраженій, оцѣнки для всѣхъ «еретическихъ нелѣпостей».

Еще при Петрѣ начались переводы научныхъ сочиненій, относящихся къ разнымъ отраслямъ знаній, общая основа которыхъ была не православная. Въ послѣдующее время эти переводы увеличились, увеличилась масса оригиналовъ, находившихся въ обращеніи въ рукахъ ученыхъ людей тогдашней Россіи; большее количество русскихъ людей стали посѣщать заграничныя свѣтскія школы. Все это имѣло вліяніе на распространеніе философскихъ и историческихъ взглядовъ на разные вопросы вѣры, какъ тѣсно стоящіе въ соприкосновеніи съ религиозными воззрѣніями. Деистическое ученіе о Промыслѣ, всѣцѣло расходившееся съ ученіемъ Церкви и распространенное по всей Европѣ, проникло и въ Россію, — и здѣсь, при сужденіи о различныхъ фактахъ жизни и исторіи, стали приписывать ихъ простой случайности, не допуская здѣсь никакого Божественнаго участія, отрицая нравственное значеніе событій.

Далѣе, вопросъ о счастіи, въ связи съ общимъ характеромъ нравственности — спокойной, гуманической, вызываетъ проповѣдниковъ на выясненіе недостаточности ея. Они указывали на необходимость христіанскаго элемента во всей духовной жизни человѣка, чтобы все въ нашей жизни происходило съ самоотверженіемъ, во имя Божіе. Выше мы указывали на «эпикурейскія мнѣнія», которыя распространались въ нашемъ обществѣ только какъ плодъ иностранныхъ вліяній и о которыхъ проповѣдники говорили, замѣчая: «хотя многіе изъ нашихъ и не учились у сихъ философовъ, но житіе по ихъ ученію проводятъ и не вѣрують быти ни душѣ, ни мукамъ, ни блаженству».

Отрицая стороннія вліянія на русское самосознаніе, проповѣдь стремилась къ удовлетворенію самыхъ насущныхъ вопросовъ своего времени. Проповѣдники придворные и вообще говорившіе предъ образованнымъ тогдашнимъ обществомъ, настойчиво проводятъ въ его сознаніе идеалъ христіанской нрав-

ственности. Такъ, Гедeonъ Криновскій говоритъ противъ низкопоклонничества въ обществѣ (т. I, стр. 191), противъ проповѣдниковъ, которые боятся обличать сильныхъ міра и указываетъ имъ на примѣръ древнихъ учителей Церкви (т. I, стр. 192 — 194; т. II, стр. 116), противъ осужденія ближнихъ (т. I, стр. 243 — 253), противъ честолюбцевъ (т. II, стр. 36—50); онъ учитъ богатыхъ, какъ имъ распредѣлять свои сокровища, между прочимъ указываетъ на нужды училищъ (т. II, стр. 64—74) или караетъ щеголей (стр. 165—175, 274), говоритъ о любви къ Богу и ближнимъ (т. II, стр. 86 — 106), о слушаніи слова Божія и пользѣ онаго, равно и противъ нелюбящихъ проповѣдей (т. II, стр. 119 — 134), характеризуетъ стремленія различныхъ классовъ общества (стр. 10, 135 и далѣе), кто будетъ осужденъ (т. II, стр. 176—190), кто удостоится славы въ царствѣ небесномъ и—кто нѣтъ? (т. II, стр. 258—261); о достоинствѣ всякаго званія и необходимости ихъ для блага государства (т. II, стр. 303 — 315); такимъ же характеромъ отличаются и послѣдующія проповѣди, вошедшія въ III и IV томы. По этому пути уясненія нравственнаго идеала человѣка христіанина шли въ различной степени и другіе проповѣдники: Кирилль Флоринскій, Савицкій, Юшкевичъ, особенно Сѣченовъ, слова котораго (Публичн. Библ. отд. Погодина № 1781 на 25 листахъ и 1782 на 17) представляютъ полную картину современной жизни со всѣми ея недостатками и отступленіями отъ православнаго нравственно-христіанскаго идеала. Другіе проповѣдники, говорившіе къ низшимъ слоямъ общества, или даже къ простому народу, преслѣдовали другую цѣль: они въ силу настоятельной потребности учили народъ истинамъ христіанской вѣры. У нѣкоторыхъ изъ проповѣдниковъ—католицизмъ составляетъ самую существенную задачу, которую они выполняютъ по мѣрѣ своихъ силъ. Къ числу католицистовъ мы по преимуществу должны отнести Арсенія Мацѣвича. Большая часть изъ просмотрѣнныхъ нами 12 томовъ его проповѣдей, сказанныхъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ (1743 — 1756), посвящена уясненію католическихъ вопросовъ. На этой почвѣ проповѣдники очень часто встрѣчались съ раскольническими понятіями и выясняли ихъ несостоя-

тельность. Съ этимъ послѣднимъ характеромъ мы нашли до 35 проповѣдей. Въ полемикѣ съ расколомъ проповѣдники измѣнили точку зрѣнія сравнительно съ предшествующимъ временемъ, — они далеки отъ признанія догматическаго значенія обрядовъ, какъ это было прежде, но показываютъ ихъ второстепенное значеніе сравнительно съ догматами вѣры.

М. Соколовъ.

(*Будетъ продолженіе*).

БЕСѢДЫ НА ИЗРЕЧЕНІЯ ГОСПОДНИ О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

7.

Блаженни милостивіи: яко тѣи помиловани будутъ.

Въ чемъ состоитъ милосердіе и какъ намъ стяжать эту великую добродѣтель, мы видѣли это въ предыдущей бесѣдѣ. Въ настоящей побесѣдуемъ о томъ, какія награды общаются милостивымъ? *Блаженни милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ*, говоритъ Господь. Вотъ награда милостивымъ! Имъ общается помилованіе, какъ бы въ соотвѣтствіе оказанныхъ ими милостей ближнему. Отъ кого милостивые получаютъ эту награду? Эту награду милостивые получаютъ отчасти отъ людей, а главнымъ образомъ отъ Бога. Богъ, по премудрымъ намѣреніямъ Своимъ, раздѣляетъ между людьми дары Своей благодати, такъ что хотя никого не лишилъ даровъ Своихъ, но и никому не далъ всѣхъ. Иной богатъ, но неумѣнъ, другой и умѣнъ, но немощенъ; иной крѣпокъ тѣломъ, но не имѣетъ значенія въ обществѣ; другой славенъ, но бѣденъ. Словомъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы имѣлъ все и не нуждался въ помощи другихъ. Единъ Богъ вседозволенъ, *ни отъ рукъ человѣческихъ уюжденія пріемлетъ, требуя что, Самъ даѣ всьмъ животъ, и дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25). А всякій человѣкъ требуетъ помощи собратій своихъ ближнихъ. Но кто болѣе пользуется помощію ближнихъ, какъ не тотъ, кто самъ помогаетъ ближнимъ? Кому съ большею охотою мы, обыкновенно, оказываемъ милость, какъ не тому, кто самъ милостивъ къ другимъ? Всегда ождай отъ другихъ того, что самъ дѣлаешь другимъ. *Въ юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ* (Лук. 6, 38), сказалъ Господь. Правда, не

рѣдко бываетъ, что люди, разумѣется, не всѣ, а только нѣкоторые, по своему недоброжелательству, не хотятъ, или по безсилію своему даже не могутъ—оказати помощи милостивому; отчаяваться ли ему въ такомъ случаѣ? Конечно, нѣтъ. Милостивый имѣетъ постоянно и неизмѣнно вѣрнаго помощника и защитника въ томъ, Кто сказалъ: *блаженъ милостивый: яко ти помилуванъ будешь*. Самъ Господь защититъ и помилуетъ милостиваго во время бѣдствій, неразлучныхъ съ настоящею жизнію; Онъ самъ восполнитъ его скудость отъ сокровищницы даровъ Своихъ. *Блаженъ разумвая на нища и убога*, говоритъ св. пророкъ Давидъ, *въ день люта избавитъ его Господь и живитъ его и да ублажитъ его на земли и да не предастъ его въ руки враговъ его. Господь да поможетъ ему на одръ болѣзни его* (Пс. 40, 2. 3. 4). Такъ, милуетъ Господь милостивыхъ еще въ сей жизни; полная же награда милостивыхъ ожидается въ будущей жизни. Въ день страшнаго всемірнаго суда, Царь и Судія скажетъ имъ: *приидите благословеннїи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ селенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоите Мя, страненъ бѣхъ, и введосте Мене; наиз и одѣясте Мя; боленъ и поспѣисте Мене; въ темницѣ бѣхъ, и приидосте ко Мнѣ... И идутъ сіи въ животъ вѣчный* (Мат. 25, 34. 35. 36).

Видите, сколь щедръ и милостивъ Господь! Онъ милостивымъ не только прощаетъ грѣхи; но еще даруетъ и блаженное царство.

Но *судъ безъ милости не сотворимъ милости* (Іак. 2, 13). Имъ скажетъ праведный Судія на послѣднемъ судѣ: *идите отъ Мене проклятїи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти; возжадахся и не напоите Мене, страненъ бѣхъ и не введосте Мене, наиз и не одѣясте Мене, боленъ и въ темницѣ и не поспѣисте Мене... И идутъ сіи въ муку вѣчную* (Мат. 25, 41. 42. 43. 46).

Ужасный приговоръ! онъ ужасенъ тѣмъ болѣе, что уже никогда не будетъ отмѣненъ или смягченъ ни для кого; онъ навсегда останется такимъ; онъ вѣченъ! Праведный Судія объявилъ намъ этотъ ужасный приговоръ заранѣе, чтобы мы не считали заповѣди о милосердіи маловажною и не оболь-

щали себя пустою надеждою, что безъ дѣлъ милосердія мы войдемъ въ царство небесное. Посему будемъ, братія, чаще напоминать себѣ этотъ страшный приговоръ праведнаго Судии немилосердымъ, и тѣмъ хотя нѣсколько возбуждать себя къ милосердію и сострадательности. Будемъ вмѣстѣ съ сямъ представлять и высокую награду, уготованную милостивымъ. Но при этомъ не забудемъ, что эта награда обѣщана и будетъ дарована только истинно милостивымъ, то есть, такимъ, которые творятъ дѣла милости по любви и состраданію, по милосердію къ бѣдствующимъ, а не по самолюбію и тщеславію. Чтобы ты въ этомъ не сомнѣвался,—послушай, вотъ, что говорить объ этомъ самъ Спаситель: *Внемлите, говоритъ Онъ, милостыни вашае не творите предъ челоуьки, да видими будете ими: аще ли же ти, мзды не имате отъ Отца вашего, иже естъ на небесѣхъ. Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою: да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ, — и Отецъ твой воздастъ тебѣ явл* (Мат. 6, 1. 2. 4). Не выставляй, какъ бы такъ говорить Господь, своихъ дѣлъ милосердія на показъ людямъ и не ищи похвалы и славы людской, иначе ты потеряешь награду отъ Бога. Тотъ, кто творитъ дѣла милосердія на показъ, да прославится отъ челоуькъ,—тотъ уже получилъ за это награду здѣсь — на землѣ: такому челоуьку нечего ожидать на небѣ отъ Отца небеснаго, который цѣнитъ наши дѣла и воздастъ награды по намѣреніямъ и побужденіямъ нашимъ.

И такъ будемъ внимательны, чтобы не потерять награду за дѣла благотворительности, и вмѣстѣ съ сямъ воспользуемся столь удобнымъ, дарованнымъ намъ отъ Спасителя нашего, средствомъ ко спасенію. Это средство для насъ доступнѣе и удобоисполнимѣе всѣхъ другихъ средствъ; каждый изъ насъ во всякомъ состояніи, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни и непрестанно можетъ оказывать милости и благодѣпія своимъ ближнимъ; а посему каждый изъ насъ можетъ получить помилованіе отъ Бога, а съ помилованіемъ и блаженное, обѣщанное всѣмъ милостивымъ, царствіе небесное, котораго да сподобимся всѣ мы, благодатію, щедротами и челоуьколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

(Продолженіе впереди).

9 ОКТЯБРЯ

№ 41. 1871 ГОДА.

БЕСЕДЫ НА ИЗРЕЧЕНИЯ ГОСПОДНИ О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

8.

Блаженни чистиі сердцама: яко тиі Бога узрятъ.

Послѣ легкой заповѣди о милосердіи, Спаситель предлагаетъ довольно трудную заповѣдь о чистотѣ сердца, обѣщая за исполненіе ея высокую награду,—лицезрѣніе Бога. *Блаженни чистиі сердцама*, говоритъ Онъ, *яко тиі Бога узрятъ*. Что заповѣдь эта трудна, въ этомъ удостовѣряетъ насъ не только опытъ, но и слово Божіе: *Кто чистъ будетъ отъ скверны*, спрашиваетъ праведный Іовъ, и отвѣчаетъ: *никтоже, аще и единая день житіе его на земли* (Іов. 14, 14). *Нечисты вси мы* (Исаіи 64, 6), говоритъ св. пророкъ Исаія. Чистѣйшее око всесвятаго Бога усматриваетъ нѣчто стропотно (Іов. 4, 18) даже въ чистыхъ и святыхъ Ангелахъ. Что сказать послѣ этого о насъ, которые *питаемъ неправды, якоже питіе* (Іов. 15, 16)? Гдѣ мы возьмемъ чистоту сердца? Какъ

приобрѣтемъ ее на землѣ, когда Ангелы не вполне имѣютъ ее на небесахъ? Но да не усумнимся, братія, въ словахъ Господа: не можетъ быть, чтобы Онъ требовалъ отъ насъ невозможнаго. Если Онъ требуетъ отъ насъ чистоты сердца,—значить, она возможна для насъ.

Какимъ же образомъ можно приобрести намъ чистоту сердца? Чисто и непорочно было сердце перваго человѣка, созданнаго по образу Божию, доколѣ онъ вѣрнымъ соблюденіемъ заповѣди Господа сохранялъ чистымъ и неповрежденнымъ драгоценный залогъ образа Божія. Но какъ скоро онъ дозволилъ себѣ уклониться отъ воли Творца своего къ пагубнымъ внушеніямъ обольстителя, онъ потерялъ эту чистоту и затмилъ въ себѣ свѣтлый дотошъ образъ Божій. Съ сего времени въ сердцѣ падшаго человѣка и его потомковъ, вмѣсто свѣтлаго образа истины, чистоты и святости, напечатлѣлся темный образъ лжи, беззаконія и нечистоты. Къ большому несчастію своему, падшій человѣкъ увидѣлъ и испыталъ на дѣлѣ невозможность своими силами возвратить потерянную чистоту сердца. Оставалась надежда на одного только Бога, которому нѣтъ ничего невозможнаго. И дѣйствительно, Онъ, премилосердый и всеблагій, обрѣлъ и даровалъ намъ средство къ возвращенію первобытной чистоты и непорочности сердца. Какое это средство! Это средство есть искупленіе насъ кровію Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа. Въ силу искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, вѣрующему въ Него отпускаются всѣ грѣхи, и хотя непостижимо для ума человѣческаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно возвращается ему чистота и непорочность сердца, каковую имѣлъ первый человѣкъ, созданный по образу Божию, до своего паденія. Чдѣ и когда возвращается человеку эта чистота и непорочность? Прежде всего возвращается въ таинствѣ свѣщенія, въ которомъ душа наша омывается отъ всякой нечистоты, или порока (Еф. 5, 26. 27) и облекается въ одежду совершенной чистоты и непорочности. Для сохраненія этой Божественной одежды чистоты и непорочности и для руководства ею въ подвигахъ добродѣтели, любовь Божія даровала законъ духа жизни о Христѣ Иисусѣ и вся божественныя силы въ его исполненію. Кто пользуется

этими Богодарованными силами и исполняет сей законъ, тотъ постепенно восходитъ отъ силы въ силу, отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ совершенства къ совершенству и приближается къ своему первообразу—Богу, Который есть высочайшее совершенство, чистота и святость.

Но жизнь наша посреди обольстительнаго міра подобна морю, волнующемуся бурей; то собственные наши страсти, то духъ злобы, какъ разъяренныя морскія волны, воздымаются на насъ, всячески стараются поглотить нашу душу, или крайней мѣрѣ лишить насъ драгоценнаго сокровища невинности и чистоты,—этого залога вѣчнаго блаженства. И какъ рѣдки тѣ, кои не потерпѣли кораблекрушенія въ семъ мірѣ и не погубили своего сокровища! Но никогда неизсякаемая любовь Отца небеснаго, ради заслугъ Испытателя нашего, и къ погубившимъ приобрѣтенную въ крещеніи чистоту сердца, грѣшникамъ простираетъ руку помощи, даруетъ имъ покаяніе, которое для насъ, согрѣшившихъ послѣ крещенія, есть какъ бы второе крещеніе; ибо подѣ условіемъ вѣры и сердечнаго сокрушенія во грѣхахъ оно очищаетъ насъ, по подобію крещенія, отъ всякаго грѣха. Очищенныхъ и обновленныхъ въ таинствѣ покаянія, Господь, таинственнымъ образомъ соединяетъ насъ съ собою—источникомъ жизни и святости въ другомъ величайшемъ таинствѣ—таинствѣ св. Причащенія, въ которомъ Онъ питаетъ насъ животворящею своею Плотію и Кровію и чрезъ сіе дѣлаетъ насъ причастниками Божественнаго естества и Его совершенствъ. Вотъ сколько даровано намъ средствъ къ тому, чтобы быть намъ чистыми и непорочными предъ Богомъ. Будемъ же, братія, съ благодареніемъ пользоваться сими средствами къ очищенію нашего сердца, и приобрѣтенную чрезъ нихъ чистоту сердца будемъ хранить и беречь какъ зѣнцу ока. Последнее особенно важно; ибо приобрѣсти чистоту сердца—гораздо легче, чѣмъ сохранить ея. Первое—есть дѣло Божіе и отъ насъ требуетъ очень немногаго, а второе, т. е. сохраненіе чистоты, есть главнымъ образомъ наше собственное дѣло, — здѣсь Богъ является только нашимъ споспѣшникомъ и помощникомъ. Собственный трудъ нашъ въ этомъ дѣлѣ,—трудъ нелегкій, состоитъ въ томъ, чтобы постоянно, такъ сказать, въ каждую

минуту бодрствовать надъ своимъ сердцемъ, строго наблюдая, чтобы ничто нечистое, противное совѣсти и закону христіанскому, не приразилось къ нему; и при первой малѣйшей опасности, отъ чего или отъ кого бы то нибыло, для нашей нравственной чистоты,—заключать накрѣпко всѣ двери, ведущія къ нашему сердцу, иначе сказать,—всѣ чувства, и прерывать всякое общеніе съ соблазнителемъ и предметомъ соблазна. Кто когда-нибудь бралъ на себя этотъ трудъ, тотъ знаетъ по опыту, что онъ не легокъ.

Но чѣмъ труднѣе доброе дѣло, тѣмъ выше награда. Такая высокая награда и обѣщана чистымъ сердцемъ. Но объ ней мы побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ. Настоящую же бесѣду заключимъ благодареніемъ Богу Спасителю нашему, дивному Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, Который преподалъ намъ столько вѣрныхъ и сильныхъ средствъ къ очищенію нашей души и тѣла отъ грѣховной заразы и къ сохраненію приобрѣтенной чрезъ нихъ чистоты и непорочности сердца. Аминь.

9.

Блаженіи чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ.

Чѣмъ труднѣе добродѣтель, тѣмъ выше за нее награда. Трудна добродѣтель очищенія сердца; но зато какая высокая за нее награда! Спаситель говоритъ, что они увидятъ Бога, будутъ наслаждаться Его лицезрѣніемъ: *тѣи Бога узрятъ.*

Когда и какимъ образомъ они узрятъ Бога? Они узрятъ Бога еще въ сей жизни. Богъ недалеко отъ единого когосюждо насъ (Дѣян. 17, 27). *Где мы живемъ, движемся и есмь,* говоритъ Апостоль. Его тѣлесными очами нельзя, ибо Онъ—духъ чистѣйшій и совершеннѣйшій; духовными же очами, то есть, умомъ, просвѣщеннымъ вѣрою, можно созерцать Бога еще въ сей жизни, хотя и несовершенно; чистое сердце способно еще здѣсь на землѣ ощущать невидимое присутствіе Божества. А если Богу угодно бываетъ открыть свою Божественную славу и присутствіе въ какихъ либо видимыхъ знаменіяхъ, то достойные видятъ въ этихъ знаменіяхъ и обра-

захъ Бога, даже тѣлесными очами. Такъ, мы знаемъ, что отецъ вѣрующихъ, патриархъ Авраамъ, принялъ Бога въ образѣ трехъ странниковъ, Моисей видѣлъ на горѣ сѣверной слѣды и отблескъ славы Божіей, Илія на горѣ Хоривѣ видѣлъ Бога въ гласѣ хлада тонка, — въ тихомъ вѣяніи вѣтерка, и бесѣдовалъ съ Богомъ. Пророки: Исаія и Іеремія видѣли славу Бога; Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, во время преображенія Господня, видѣли Божественную славу Господа. Но всѣ эти явленія представляютъ намъ только величіе Божіе, славу Его, а не существо Его, которое неприступно и непостижимо. По сему, несмотря на всѣ эти особенныя, чудесныя и чрезвычайныя явленія Божества, о видѣніи Бога въ настоящей жизни мы должны повторить слова Апостола: *мыль же видимъ Его (Бога), яко зеркаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 12, 19). Когда же мы увидимъ Его лицомъ къ лицу, то познаемъ Его такъ, какъ мы знаемъ самихъ себя. Это величайшее счастье, по увѣренію Апостола, ожидаетъ насъ въ будущей жизни. Если объ этомъ, предстоящемъ въ будущей жизни всѣмъ вѣрующимъ и въ особенности чистымъ сердцемъ, — лицезрѣніи мы будемъ судить по тѣмъ слабымъ опытамъ лицезрѣнія, какого удостоивались въ сей жизни нѣкоторые св. Божіи чловѣки, то и тогда оно представляется исполненнымъ величайшей славы и блаженства. Послушайте, вотъ что пишется о Боговидцѣ Моисей, послѣ того, какъ Богъ явилъ ему только часть Своей славы: *и прославися зракъ плоти лица Моисея такъ, что сыны израилевы убояшася приступити къ нему, и онъ возлагаше покровъ на лице свое, егда глаголаше къ сынамъ израильтымъ* (Исх. 34, 29, 35). Послушайте, вотъ что говорить о себѣ другой Боговидецъ. Пророкъ Исаія, послѣ того какъ онъ видѣлъ Бога на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ: *о, окаянный азъ! ибо умалихся, яко Царя Господа Саваова видѣхъ очима моима* (Исаія 6, 5). Наконецъ, вотъ что говорить одинъ изъ очевидцевъ преображенія Господня Апостоль Петръ: *Господи, добро естъ намъ здѣ быти* (Мат. 17, 4. 6). Всѣ сіи выраженія Боговидцевъ даютъ намъ нѣкоторое понятіе о величіи блаженства, проистекающаго отъ созерцанія Бога; но только — нѣкоторое. Полное и совершенное понятіе объ этомъ мы въ сей жизни не можемъ составить, а

самаго блаженства даже вообразить не можемъ. Возлюбленніи, говоритъ св. Апостоль Іоаннъ, *не у явися что будема: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будема, ибо узримъ Его якоже есть* (1 Іоан. 3, 2). Блаженство лицезрѣнія Бога столь велико, что чистѣйшіе и святѣйшіе ангельскіе чины и величайшіе праведники ничего болѣе не желали и не желаютъ, какъ только постоянно созерцать Бога и быть въ единеніи съ Нимъ; *когда прииду и явлюся лицу Божию, поетъ пророкъ Давидъ; желаю разрѣшитися и со Христомъ быти*, пишетъ св. Апостоль. И это-то высокое блаженство Спаситель общаетъ намъ за чистоту сердца. *Блаженн чистии сердцама: яко тиі Бога узрятъ.*

Имуще такую надежду, братія, будемъ очищать себя отъ всякаго грѣха и привлежно молиться съ св. царемъ Давидомъ: сердце чисто созиди въ насъ, Боже, и духъ правъ obnovи во утробѣ нашей; не отвержи насъ отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ насъ (Псал. 50). Аминь.

10.

Блаженн миротворцы: яко тиі сынове Божіи нарекутся.

Вражда между людьми бываетъ причиною безчисленныхъ золъ и бѣдствій, удручающихъ родъ человѣческой. Вотъ почему Іисусъ Христосъ, пришедшій на землю, дабы спасти родъ человѣческой отъ золъ и бѣдствій, учитъ насъ всеусильно стараться истреблять плевелы вражды и насаждать благія сѣмена мира, общая за такой высокой подвигъ высокое и многозначительное наименованіе сыновъ Божіихъ. *Блаженн миротворцы: яко тиі сынове Божіи нарекутся.*

И міръ имѣетъ своихъ миротворцевъ, которые возникающія или между цѣлыми государствами брани, или между частными людьми ссоры и неудовольствія, оканчиваютъ иногда взаимнымъ примиреніемъ. Конечно, и эти миротворцы оказываютъ человѣчеству важныя услуги. Но всякій миръ земной, если онъ не проистекаетъ отъ Бога мира и любви, а

основывается на земныхъ видахъ, непрочень; онъ столь же часто и удобно разрушается, сколько легко возникаютъ несогласія въ сердцахъ людей, у которыхъ еще не умерщвлены страсти,—эти всегдашніе источники браней и раздоровъ. Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, готовясь принести себя въ умиротворительную жертву, показалъ различіе между миромъ земнымъ и миромъ, который Онъ принесъ съ неба и преподавалъ вѣрующимъ. *Миръ оставляю*, говоритъ Онъ ученикамъ своимъ, *миръ Мой даю вамъ: не якоже миръ даю, Азъ даю вамъ* (Іоан. 14, 27).

Что жъ это за миръ, который принесъ, оставилъ и преподавалъ Спаситель вѣрующимъ, и который мы должны пріять, сохранять и распространять, дабы содѣлаться истинными миротворцами и приобрести право чады Божіихъ?

Истинный миръ, принесенный съ неба на землю (Спасителемъ, убившимъ вражду плотию своею, состоитъ въ святомъ и блаженномъ примиреніи человѣка съ Богомъ, отъ Котораго истекаетъ постоянный миръ человѣка въ чистой совѣсти и ненарушимый миръ его съ ближними. Раскроемъ полнѣе это понятіе о мирѣ.

Миръ человѣковъ съ Богомъ, разрушенный грѣхами ихъ, паки возвращенъ для всѣхъ крестною смертію Единороднаго Сына Божія. *Той бо есть миръ нашъ*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *средостыніе ограда разорившій, примиривъ насъ Богови крестомъ, вражду убивъ на немъ: зане Богъ бже во Христѣ миръ примиряя себѣ, не вменяя имъ согрѣшенія ихъ* (Еф. 2, 14), и *положивъ въ насъ*, т. е. поручилъ намъ, *слово примиренія* (2 Кор. 5, 19). И всякій вѣрующій во Христа, ради Божественной крови Его и заслугъ, пріемлется въ завѣтъ мира съ Богомъ.

Чтобы постоянно сохранять и укрѣплять завѣтъ мира съ Богомъ, мы должны свято сохранять заповѣди Евангельскія, *сія творите и Богъ мира будетъ съ вами* (Филип. 4, 9). Богъ вѣренъ въ своихъ обѣтованіяхъ; только бы намъ сохранить вѣрность къ Нему, соблюденіемъ заповѣдей Его. И блаженны тѣ миротворцы, кои, соблюдая вѣрность завѣта съ Богомъ и ходя во свѣтъ заповѣдей Его, болѣе и болѣе укрѣпляютъ миръ свой съ Богомъ! Отецъ небесный изливаетъ на тако-

ныхъ духовные дары своей благодати, подаютъ имъ *вся Божественная сила, даже къ животу и благодатию*, и даруетъ имъ *честная и великая обитованія, да сие ради будутъ Божественнаго причастники естества* (2 Пет. 1, 3. 4), т. е. дѣлаетъ ихъ сынами Божиими.

Но мы обольщаемъ себя, если присвоимъ себѣ право сыновъ Божіихъ, нарушаемъ условія благодатнаго завѣта съ Богомъ, и работаемъ грѣху. Грѣховная жизнь разрушаетъ завѣтъ мира нашего съ Богомъ, и изъ сыновъ любви Его паки дѣлаетъ насъ сынами Его гнѣва, сынами погибели. Посему намъ должно какъ можно чаще и внимательнѣе испытывать себя, пребываемъ ли мы вѣрны сему завѣту мира? Не нарушаемъ ли онаго преступленіемъ какой-либо заповѣди? Не прогнѣваемъ ли Отца небеснаго грѣхами своими! Находя же себя грѣшниками, мы должны немедленно заглаживать свои проступки истиннымъ покаяніемъ и испрашивать у Бога помощи и силъ къ соблюденію Его заповѣдей. Такимъ постояннымъ и неослабнымъ бдѣніемъ надъ собою, при посредствѣ покаянія, мы можемъ всегда сохранять блаженный миръ съ Богомъ и удерживать за собою наименование и право сыновъ Божіихъ.

Вступивши въ завѣтъ мира съ Богомъ, и вѣрно соблюдая условія сего завѣта,—заповѣди, т. е. весь свой умъ, всѣ свои склонности и желанія и всѣ свои дѣйствія подчиняя волѣ Божіей, человекъ приобретаетъ глубокой миръ съ самимъ собою въ чистой совѣсти своей. Ибо тогда въ душѣ его начинается царствовать Иисусъ Христосъ со Отцемъ и Духомъ Святымъ. Когда же воцарится въ душѣ человека Христосъ, тогда царство грѣха *въ мертвеннѣмъ его тѣлѣ, воеже послушати его въ похотехъ его*, переходитъ (Рим. 6, 12. 13). Тогда страсти—эти всегдашніе нарушители мира—побѣждаются въ человекѣ силою и дѣйствіемъ благодати, дарованной намъ Иисусомъ Христомъ; *имже бо Христови сумъ*, говорить св. Апостоль Павелъ, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Тогда постоянная борьба, по которой *плоть похотствуетъ на душа, духъ же на плоть* (ст. 17), ослабѣваетъ и прекращается; ибо духъ человека, руководимый и укрѣпляемый Духомъ Божиимъ, приобретаетъ побѣду

надъ плотию, подчиняя ее законной власти своей. Тогда все въ человѣкѣ приходитъ въ порядокъ и стройность: плоть, какъ орудіе, вѣрно служитъ духу, законному господину своему; а духъ человѣка, покоряясь Духу Божію, укрѣпляется, возвышается и приближается къ Богу. И блаженны эти миротворцы, кои восторжествовали надъ грѣхомъ и страстями и, водворивши въ сердцахъ своихъ мира Божій, превосходятъ всякъ умъ (Фил. 4, 7), предалися водительство Духа Божія! Они-то суть сынове Божіи, какъ говоритъ св. Апостолъ: *елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть чада Божія* (Рим. 8, 14).

Имѣя въ себѣ небесное сокровище мира, сыны Божіи съ какою-то особенною, имъ однимъ свойственною, мудростию, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, умѣютъ сохранять миръ среди людей даже немирныхъ. Вражда и ссоры между людьми обыкновенно происходятъ отъ недостатка искренней любви. Но сыны Божіи, подобно Отцу своему небесному, любятъ всѣхъ, не только благихъ, но и злыхъ; они ненавидятъ грѣхъ, но любятъ грѣшниковъ, при всемъ ихъ недостойствѣ. А посему сердце сыновъ Божіихъ, исполненное святою и искреннею любовію ко всѣмъ, недоступно ни для какой вражды и злобы. Поводомъ ко враждѣ и ссорамъ между людьми наибольшую частію бываютъ земныя блага, которыхъ они домогаются всѣми силами и средствами. Но сыны Божіи, всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею, устремляясь къ небесному Отцу своему, дорожатъ только и стараются обогащаться небесными сокровищами—добродѣтелями, приближающими человѣка къ Богу; на все земное они смотрятъ, какъ на скоропреходящее и тлѣнное. Стоитъ ли же въ очахъ ихъ брѣніе того, чтобы для стяжанія его нарушать миръ съ ближними и подвергаться опасности потерять небесныя, неоцѣненныя блага, погубить свою душу?

Сохраняя миръ съ ближними и отелоняя всѣ поводы и причины къ несогласію и враждѣ, истинные миротворцы примѣромъ и словомъ своимъ распространяютъ миръ Божій между людьми, стараются, сколько возможно, примирять враждующихъ, а когда не могутъ примирять сами, молятъ Бога о ихъ примиреніи. И за сей то-подвигъ, коимъ они подражаютъ Единородному Сыну Божію, пришедшему на землю

примирить согрѣшившаго человѣка съ правосудіемъ Божиимъ, имъ общается высокое наименованіе сыновъ Божіихъ. Какъ велико это имя, св. Апостоль Павелъ показываетъ въ слѣдующихъ словахъ: *еще чада и наследники, — наследники убо Богу, сонаследники же Христу* (Рим. 8, 17). Ничего болѣе невозможно дать человѣку; ничего выше этого не можетъ желать и человѣкъ! Человѣкъ дѣлается наследникомъ и участникомъ во всѣхъ благахъ, коими наслаждается самъ Богъ. *Видите, какову любовь далъ есть Отецъ нашъ, да чада Божія и наследники наречемъ и будемъ* (1 Іоан. 3, 1).

Братія возлюбленная! Всѣ мы призваны въ наследіе сего великаго и драгоценнаго обѣтованія Божія, всѣ мы и наречены чадами Божіими еще при крещеніи своемъ; постараемся соблюсти, или, если потеряли, приобрѣсти духъ сыноположенія постояннымъ храненіемъ мира съ Богомъ, своей совѣстію и со всѣми ближними, да сподобимся всѣ мы блаженнаго наследія въ царствіи небесномъ, по обѣтованію, благодати и человѣколюбію Господа нашего Ісуса Христа. Аминь.

(Окончаніе впродъ).

МЫСЛИ О НЕОБХОДИМОСТИ СОГЛАСОВАТЬ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАУКИ СЪ ИСТИНАМИ ВѢРЫ (1).

Христіанскій наставникъ, въ смиренномъ упованіи на Того, Кто пришелъ въ міръ спасти погибшее и исцѣлить недужное человѣчество, основываетъ все зданіе воспитанія общественнаго и частнаго на двухъ краеугольныхъ камняхъ. Раздѣливъ воспитаніе на физическое, умственное и духовное, онъ изъ опытовъ скоро познаетъ, что физическая педагогика

---

(1) Заимствуемъ эти мысли изъ сочиненія А. Стурдэнъ: «Вѣра и вѣдѣніе», мало кому извѣстнаго. Мы намѣрены скоро напечатать біографію этого мудраго и полезнаго писателя. Ред.

есть не что иное, какъ союзница, какъ главное вспомо-
 гательное средство образованія духовнаго, приготовляющее тѣло
 здоровое для здоровой души. Что же касается до педагогики
 духовной и умственной, христіанскій наставникъ распола-
 гаетъ систему той и другой по двумъ кореннымъ правиламъ,
 совершенно противоположнымъ. Въ отношеніи къ вѣрѣ и
 правамъ, коренный законъ воспитанія: *«кратко, но постоянно
 и неустанно противоудѣствовать врожденнымъ (худымъ) наклон-
 ностямъ дѣтей»*. Въ отношеніи къ уму правило противное:
*«внимательно наблюдать за ходомъ способностей умственныхъ,
 слѣдовать имъ направленію и насильственно не устремлять
 оныя къ несроднымъ предметамъ ученія»*. Отъ вѣрнаго соблю-
 денія сихъ двухъ, по видимому, несомнѣстимыхъ, правилъ,
 пристекаетъ согласіе общей системы воспитанія юношества.
 Причина сего разнообразія, ведущаго къ тождеству цѣли,
 очевидна. Ибо сынъ вельможи и сынъ поденщика равно
 приходятъ въ горнило дольнаго міра съ преемственною на-
 клонностію къ злу, и равно предопредѣлены ко внутреннему
 возрожденію и блаженству, а потому постепенное совлеченіе
 ветхаго человѣка есть задача духовнаго воспитанія того и
 другаго. Напротивъ, способности умственныя, и въ степеняхъ
 и въ направленіяхъ своихъ, до безконечности различны, и,
 кромѣ сего, разнородность званій и занятій въ быту госу-
 дарственномъ,—все сіе заставляетъ слѣдовать влеченію умовъ
 и не упорствовать въ суетномъ намѣреніи сдѣлать изъ рож-
 деннаго механикомъ—богослова, или поэта и художника по
 природѣ—насильственно претворить въ профессора прикладной
 математики, или ремесленной химіи. И такъ въ области
 духовнаго воспитанія да царствуетъ единство, устремленное
 къ покоренію селонностей воли, а въ сферѣ ума да водво-
 рится благоразумная свобода, не стѣсняющая врожденныхъ
 дарованій въ обучающихся питомцахъ!

На сей-то основѣ, по нашему мнѣнію, зиждется благосо-
 стояніе царствъ земныхъ, и училища содѣлываются истин-
 ными, благословенными разсадниками царства Христова.

Почему въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ мало замѣтно
 успѣховъ въ насажденіи истиннаго, живаго благочестія, какъ
 источника добрыхъ нравовъ и дѣлъ?—Потому, что препода-

ченіе христіанскаго ученія и преподаваніе науць еще до-
днѣ не приводили въ должное согласіе. Мы не говоримъ о
тѣхъ странахъ Европы, въ которыкъ злоторная брамола,
давно уже сбросивъ личину благоговѣнія къ святынь, явно
старается изгнать изъ училищъ преподаваніе закона Божія.
Мы рассмотримъ предложенный вопросъ въ отношеніи къ
успѣхамъ воспитанія въ нашемъ отечествѣ.

Подъ скипетромъ Монарха Боголюбиваго и твердаго, всѣ
россійскія училища освящены лунезарною печатію искренняго
благочестія. Благолюбивые храмы въ оныхъ оглашаются сла-
вословіемъ нашему Искупителю; въ классахъ преподается Его
животворное слово; и просвѣщенное начальство неуцѣпно пе-
чется объ устраниеніи ложныхъ ученій, явно противорѣчащихъ
святой Вѣрѣ. Но мы, необинуясь, скажемъ: этого еще не
довольно. Не понося религіи и не отвергая Божественныхъ ея
наставленій, можно, и безъ умысла, подрывать священное зда-
ніе ея; можно, и не хотя и не подозрѣвая того, вселять тусклый
хаосъ въ умахъ недозрѣвшихъ. Тогда духовный саванъ, Цер-
ковію истканый для погребенія ветхаго человѣка, ежедневно
расторгается рукою суетнаго мудрованія; тогда высокіе дог-
маты и святая заповѣди христіанства нечувствительно изго-
няются изъ разсудка и сердца учащихся, и обращаются въ
свѣтлую, окаменѣлую наружность, покрывающую одинъ тобою
поваленный гробъ внутренняго нашего бытія.

Станемъ разсматривать главнѣйшіе предметы ученія, — и
даже тѣ, кои, при первомъ взглядѣ, кажутся совершенно
чуждыми святой Вѣрѣ. Существуетъ тайная гармонія ученія
о Богѣ съ прочими познаніями человѣческими, — гармонія
святая, безъ коей воспитаніе ненадежно и просвѣщеніе не
можетъ быть благотворно.

Начинаемъ съ исторіи всемірной. Она, по нашему
мнѣнію, раздѣляется: 1) на Священную, представляющую
намъ гордіевъ узелъ судебъ человѣчества, сплетенный перво-
роднымъ грѣхомъ и разсѣченный крестообразнымъ мечемъ
Спасителя; 2) героическую, или баснословную исторію наро-
довъ Азіи; 3) классическую, повѣствующую намъ о дѣлахъ
Греціи и Рима; 4) героическую христіанскую среднихъ вѣ-
ковъ, и наконецъ 5) современную, новѣйшую, отъ возрожде-

ніа словесности въ Италіи, въ 15-мъ столѣтіи, до нашихъ временъ. Если исторія священная и церковная, начинающаяся истиннымъ, величественнымъ сказаніемъ Боговидца о сотвореніи міра, въ основахъ своихъ будетъ подрываема нелѣпыми разсказами китайцевъ и индійцевъ, пышнымъ бредомъ Зендъ-Авесты, причудами древнихъ египтянъ и догадками эллинскихъ софистовъ; то чему должны будутъ вѣрить юные питомцы наукъ, увлеченные въ бездоннукъ пучину сбивчивыхъ преданій?.. Однако, Гроцій, Ньютонъ, Лейбницъ, Іоаннъ Миллеръ, Гердеръ, Геренъ, Канне, Кювье, Вилліамъ Джонсъ, и весь блестящій сонмъ испытателей прошедшаго, — всѣ, говоря, рано или поздно, обратились въ священную книгу Бытія, въ ея хронологіи и космогоніи, какъ единственному достовѣрному сокровищу чистыхъ историческихъ свѣдѣній. Простирая далѣе наблюденія наши вдоль бурнаго потока временъ, мы усмотримъ, что лѣтописи Греціи и Рима не имѣютъ значенія, если не сближать и не соглашать ихъ съ дивнымъ водительство́мъ Провидѣнія надъ іудейскимъ народомъ. Храмъ, въ которомъ Соломонъ молился о услышаніи гласа всѣхъ племенъ земныхъ, — храмъ, воссозданный Киромъ, посѣщенный Александромъ Великимъ и Помпеемъ, разрушенный Титомъ, храмъ, который тщетно воздвигаемъ былъ Іуліаномъ отступникомъ, этотъ храмъ всегда пребудетъ средоточіемъ всецѣлаго зданія древней исторіи, по суду историковъ, достойныхъ сего имени. Слѣдовательно классическая исторія должна быть преподаваема въ совершенномъ согласіи съ симъ образомъ возрѣнія на прошедшее. Теперь бросимъ бѣглый взоръ на картину христіанства, возникающаго изъ сей самой отверженной Іудеи, побѣждающаго царства, низлагающаго всякую гордыню человѣческую и наконецъ исторгающаго весь древній міръ изъ рукъ варваровъ, призванныхъ на разрушеніе римскаго колосса и въ то же время обезоруженныхъ приосѣненіемъ креста, по виѣшности — безсильнаго. Такъ ли изображаютъ намъ это событіе современные историки?.. Не трудно ли изъ враждебныхъ хартій извлекать истину, искажаемую толками безбожія и поверхностнаго вольнодумства?... Исторія среднихъ вѣковъ и въ особенности сказанія о появленіи и завоеваніяхъ мусульманства, если возможно, еще болѣе омра-

чены ложными сужденіями злонамѣренныхъ писателей. — Вездѣ встрѣчаются нелѣпныя клеветы, притворное негодованіе на христіанъ, разрушавшихъ изваянія многобожія, и вмѣстѣ умышленное снисхожденіе къ арабамъ, сожегшимъ Александрійскую бібліотеку. Вездѣ тщательная, выпуклая отдѣлка ересей и соблазновъ и утаеніе всего похвальнаго и великаго. Вездѣ, по примѣру Гиббона, наглое отрицаніе самыхъ несомнѣнныхъ подвиговъ мученичества и христіанскаго геройства; и наконецъ, на изнанку картина рыцарскихъ временъ, изуродованныхъ кистію вѣроломною. О, сколько претензовъ для преподавателя исторіи; сколько опасностей для юныхъ умовъ, по неволѣ колеблющихся между истиною и заблужденіемъ! Мы не станемъ здѣсь разбирать изгибовъ новѣйшей исторіи. Пусть благосклонные читатели сами восполняютъ сей недостатокъ собственными размышленіями. Исторія есть постоянное мыслящаго существа; завѣтъ предковъ, въ коемъ заключенъ и завѣтъ Божій ко всему человѣчеству. Отъ вѣрнаго и правильнаго познанія духа и единства исторіи зависитъ приверженность наша къ тайнамъ вѣры, раскрывающимся во времени еще яснѣе, нежели въ пространствѣ видимаго міра.

Надобно ли будетъ указать на неразрывную связь религіи съ словесностію? Непосредственный, ближайшій отголосокъ души, безъ сомнѣнія, повѣдаетъ намъ о внутреннемъ ея состояніи. Псалтирь и кнѣара Царя-Пророка, видѣнія Іезекіиля, Даниила и Исаи, краснорѣчіе Павла, Златоуста, Августина возводятъ умъ и сердце въ области высренняго созерцанія и практической мудрости. Омиръ, Виргилій, Софокль, Горацій очаровываютъ воображеніе вымыслами, въ коихъ нерѣдко за-включаются гораздо болѣе своего рода истины, нежели въ пышныхъ разсказахъ многихъ, мнимо безпристрастныхъ историковъ. Но отъ Расина, Клопштока и Шиллера до Гёте и Байрона—ужасное разстояніе, бездонная нравственная пучина! Любовь къ спасительной истинѣ, питаемая здоровымъ преподаваніемъ религіи и исторіи, очищаетъ въ юныхъ питомцахъ вкусъ, пріучаетъ ихъ искать сочетанія пріятнаго съ полезнымъ; и они, бывъ просвѣщены симъ чувствомъ, не прельстятся звукомъ словъ и мельканіемъ призраковъ безъ связи

и цѣли, воими современная школа поэзіи прилежно растравляетъ всѣ раны сердца человѣческаго. Выборъ пріятнаго чтенія весьма важенъ; молодое, пылкое воображеніе алчетъ пищи и занятія. Если въ училищахъ все ограничено урочными часами преподаванія и повторенія, то нѣтъ сомнѣнія, что въ таковыя училища тихомолкомъ вкрадется вредное чтеніе, или водворится въ нихъ механическое невѣжество... Взглянемъ теперь на философію, математическія, естественныя и политическія науки, чтобы сими предметами довершить сравнительное обозрѣніе всѣхъ отраслей ученія, по очереди подводимыхъ къ свѣтлomu зеркалу спасительнаго христіанства.

Дрожащею стопою воснулись мы преддверія волшебнаго замка, гдѣ, судя по надписи надъ главнымъ притворомъ, все дышетъ, или по крайней мѣрѣ должно дышать, чистою любовью къ мудрости. Но, увы, въ семь зданій, по истинѣ волшебномъ, исключительно господствуетъ обаяніе самодовольства и гордости. Не даромъ современные намъ народы невольнымъ измѣненіемъ (въ произношеніи) одной буквы съ словъ *φιλοσοφία* (σ на ζ) исказили значеніе онаго; ибо *φιλοσοφία* значитъ любовь не къ мудрости, а къ мраку. И подлинно, у многихъ нынѣшнихъ философовъ зрѣніе совиное, отвращающееся отъ вѣчнаго свѣта Трисолнечнаго Божества! Въ древности Аристотель и Платонъ основали двѣ философскія секты, кои, подобно двумъ, отъ одного угла врознь проведеннымъ чертамъ, чѣмъ далѣе простираются, тѣмъ болѣе одна отъ другой удаляются въ безконечность. Не отнимая заслугъ у Аристотеля, создавшаго и довершившаго логику, или ученіе о формахъ мышленія, основавшаго пѣтику и риторику и столь вѣрно прозрѣвшаго въ тайны политики и законодательства, мы однакожь позволимъ себѣ сказать, что чувственная его философія ложна и ведетъ къ сугубому заблужденію. Покрытый пылью схоластики, Аристотель давно уже пересталъ господствовать на кафедрахъ; но свойственный ему образъ воззрѣнія на метафизику и психологію еще живъ, облеченный въ одежду 13-го столѣтія. Изъ обломковъ сооруженнаго имъ зданія возникла чувственная философія Локка и Кондильяка, которые называли Платона мечтателемъ, а врожденныя идеи — нелѣпостію.

Они потщались объяснить всё явленія души впечатлѣніями чувственности; кой-какъ одушевили изобрѣтенную ими статую; и вмѣстѣ умертвили вѣру въ бытіе духовныхъ, невещественныхъ силъ. Франція и Англія до нынѣ стонають подъ игомъ пагубныхъ послѣдствій, порожденныхъ сею ложною теоріею ничтожества (нигилизма). Въ слѣдъ за оною, въ ученой Германіи явилась критическая философія Канта, въ коей много отрицательно-полезнаго, и воскресъ пантеизмъ древняго Востока, пантеизмъ Спинозы, въ роскошной обновѣ Шеллингова краснорѣчія. Чувственность Аристотеля, идеальность Платона, критика Канта и пантеизмъ Спинозы и Шеллинга—вотъ главныя отрасли утлаго древа философіи, доселѣ не доставившаго земнымъ странникамъ ни сочныхъ плодовъ, ни прохладной тѣни. Какъ тяжка участь совѣстнаго законоучителя въ такомъ заведеніи, гдѣ, умащенные благовоніемъ безсмертія, наставленія его смѣняются уроками изъ Локка, Кондильяка, Шеллинга, Гегеля и ихъ послѣдователей! Онъ созидаетъ, а подлѣ него разрушаютъ; онъ свѣтъ доброе смѣя, а философія исторгаетъ оное, или доказываетъ, что это плевелы. Онъ громко проповѣдуетъ, что Богъ есть существо святѣйшее, непричастное злу и тьмѣ, обитающее въ свѣтѣ неприступномъ и доступное для человѣка падшаго лишь чрезъ любовь и крестную смерть Единороднаго Сына Его Иисуса Христа; а наставникъ философіи, ссылаясь на Канта, увѣряетъ питомцевъ, что бытіе Божіе не можетъ быть доказано; или, приводя во свидѣтели Спинозу и Шеллинга, вперяетъ въ нихъ, «что символы христіанскіе разоблачаются въ пантеизмъ, и что душа вселенной, облеченная въ одежду видимыхъ тварей, соединяетъ въ себѣ всё ихъ свойства добрыя и порочныя, и по времена мѣ является міру въ различныхъ видахъ (нелѣпаго) воплощенія». Служитель Слова поучаетъ юношей смиренію, самоотверженію, подвигу спасенія чрезъ вѣру и любовь, а многорѣчивый сотрудникъ, или соперникъ его смѣло превозноситъ строптивую самонадѣянность ума и воли, и называетъ человѣка развивающимся Богомъ: *der Werdende Gott!* Послѣ сего надобно ли удивляться слабому преслѣванію христіанства въ высшихъ училищахъ нашего злосчастнаго вѣка?..

(Окончаніе впредь).

5. Братство озабочивается сборомъ пожертвованій для умноженія своихъ средствъ въ предѣлахъ могилевской и другихъ губерній.

6. Братство имѣетъ свою печать.

7. Братство состоитъ подѣ непосредственнымъ покровительствомъ епархіальнаго архипастыря и господина начальника губерніи.

8. Всѣ дѣйствія братства и частныя его распоряженія опредѣляются совѣтомъ братства, имѣющаго свои засѣданія въ Пустынскомъ монастырѣ.

9. Совѣтъ братства состоитъ изъ двѣнадцати членовъ, въ числѣ которыхъ непременно долженъ быть и настоятель монастыря. Первый членъ называется предсѣдателемъ, два другіе, по большинству голосовъ, — его товарищами, далѣе — казначей и дѣлопроизводитель, а всѣ прочіе называются просто членами.

Примѣчаніе. Предсѣдатель, его товарищи, казначей и дѣлопроизводитель совѣта несутъ свои обязанности безмездно; для облегченія дѣлопроизводителю, ему для писмоводства дается изъ монастыря способный послушникъ, или монахъ.

10. Члены совѣта назначаются ежегодно, по выбору всѣхъ братчиковъ, имѣющихъ право совѣщательнаго голоса, и служатъ безмездно. Въ случаѣ выбытія кого-либо изъ членовъ, число пополняется немедленно выборомъ новаго лица. По истеченіи годоваго срока, дѣлаются новые выборы членовъ братства.

11. Учредители братства остаются членами совѣта до тѣхъ поръ, пока сами не откажутся.

12. Лица, избранныя въ члены братства на одинъ годъ, могутъ быть избираемы на другой, третій и т. д.

13. Каждое изъ избирательныхъ лицъ можетъ отказаться отъ своего званія во всякое время, но обязано заявить о томъ предварительно запискою совѣту братства. На мѣсто вышедшаго предсѣдателя поступаетъ одинъ изъ его товарищей, получившій при избраніи большее число голосовъ.

14. Предсѣдателемъ можетъ быть избранъ каждый членъ братства, имѣющій право голоса на совѣщаніяхъ; предварительно избранія членовъ долженъ быть избранъ предсѣдатель,

а потомъ уже товарищи его, казначей, дѣлопроизводитель и прочіе члены.

15. Совѣтъ имѣеть постоянныя засѣданія однажды въ мѣсяцъ и экстренныя по случаю какой-нибудь особенной надобности, назначаемаыя предсѣдателемъ, или однимъ изъ его товарищей, также въ храмовые праздники Пустынскаго монастыря.

16. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются, послѣ словеснаго обсужденія, большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

17. Всѣ обращенія къ братству, всѣ заявленія лицъ, имѣющихъ въ немъ нужду, должны поступать въ совѣтъ братства.

Обязанности предсѣдателя, казначая и дѣлопроизводителя.

18. Предсѣдатель совѣта созываетъ обыкновенныя и экстренныя собранія, какъ членовъ совѣта, такъ, по возможности, и всѣхъ братьевъ, имѣющихъ право голоса, останавливаетъ совѣщанія, не относящіяся къ дѣлу, и горячіе споры членовъ совѣта, скрѣпляетъ приходо-расходныя книги, почтовые объявленія и исходящія бумаги совѣта.

19. Казначей ведетъ приходо-расходныя книги, составляетъ годовые отчеты, принимаетъ съ почты и отправляетъ денежные пакеты, ведетъ расходы по дѣламъ, касающимся нужды братства и его совѣта, изыскиваетъ способы къ умноженію матеріальныхъ средствъ братства и къ устраненію бесполезныхъ расходовъ, и вообще завѣдываетъ хозяйственною частію братства.

20. Дѣлопроизводитель ведетъ всѣ канцелярскія дѣла, какъ-то: получаетъ съ почты на имя братства пакеты, ведетъ журналы бумагъ входящихъ и исходящихъ, докладываетъ совѣту содержаніе первыхъ и, согласно рѣшенію совѣта, составляетъ отвѣтныя бумаги, ведетъ протоколъ засѣданій совѣта и скрѣпляетъ всѣ документы братства и бумаги, исходящія изъ совѣта.

Хозяйственная часть братства.

21. Братскія суммы составляются изъ добровольныхъ пожертвованій членовъ братства и другихъ лицъ.

22. Всѣмъ суммамъ братства ведутся приходо-расходныя книги, прошнурованныя и скрѣпленныя по листамъ дѣлопроизводителемъ, а въ концѣ книги предсѣдателемъ совѣта, съ приложеніемъ печати братства.

23. Статьи прихода и расхода вносятся въ приходо-расходныя книги своевременно и скрѣпляются подписью двухъ членовъ совѣта, кромѣ казначея и дѣлопроизводителя.

24. При значительномъ накопленіи капиталовъ братства, они вносятся въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами, а билеты хранятся вмѣстѣ съ прочими капиталами въ безопасномъ, по постановленію братства, мѣстѣ, въ запечатанномъ печатями братства и предсѣдателя сундуѣ, inclusi отъ котораго будутъ находиться: одинъ у казначея, другой у предсѣдателя.

25. Въ совѣтѣ братства также долженъ находиться сундукъ, въ которомъ будутъ храниться деньги, необходимыя на текущіе расходы. Сундукъ долженъ быть опечатанъ печатью братства, а ключи должны быть у казначея.

26. Вновь избранные члены совѣта, по истеченіи каждаго года, назначаютъ 3-хъ членовъ братства для ревизіи денежныхъ отчетовъ за истекшій годъ, также и цѣлости братскаго имущества, по особой описи, подписанной предсѣдателемъ и скрѣпленной шнуромъ и братскою печатью. Аetz ревизіи отчетовъ и имущества представляется на усмотрѣніе совѣта, при послѣдующихъ засѣданіяхъ.

27. Братство снабжаетъ прошнурованными и скрѣпленными по листамъ, за печатью предсѣдателя, книгами почетныхъ членовъ и иногородныхъ своихъ повѣренныхъ для сбора пожертвованій въ пользу братства,

28. Не допускается никакихъ отступленій отъ утвержденныхъ для братчиковъ правилъ. Если бы оказалось нужнымъ что-либо измѣнить или дополнить въ утвержденномъ уставѣ, то на измѣненіе и дополненіе испрашивается разрѣшеніе его высокопреосвященства.

Подлинный уставъ подписали:

Протоіерей Петръ Ганкевичъ.

Протоіерей Патаній Твердый.

Протоіерей Іоаннъ Ліоренцевичъ.

Священникъ Григорій Голынецъ.

Скрѣпилъ: Секретарь Лорченковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь И. Лорченковъ.

Свѣрлялъ: Столоначальникъ Д. Ольшевскій.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ 3-МУ И 4-МУ ПУНКТАМЪ УСТАВА ПУСТЫНСКАГО
УСПЕНСКАГО БРАТСТВА.

Настоятель Пустынскаго Успенскаго монастыря, архимандритъ Анатолій, на основаніи постановленія совѣта братства 16 февраля 1869 года состоявшагося, рапортомъ отъ 19 февраля того же года за № 111, ходатайствовалъ предъ высокопреосвященнѣйшимъ Евсеіемъ, архіепископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ, о разрѣшеніи: членовъ Пустынскаго Успенскаго братства раздѣлить на членовъ-покровителей и членовъ-ревнителей, дополнивъ 3-й и 4-й пункты устава такимъ образомъ: «члены-покровители, по своему высокому положенію въ Церкви, или государствѣ, оказываютъ дѣятельности братства законную защиту и нравственную поддержку своимъ высокимъ значеніемъ и вліяніемъ въ обществѣ; а члены-ревнители жертвуютъ ежегодно, по мѣрѣ своихъ средствъ, деньгами въ кассу братства, или же книгами, разными вещами и собственными сочиненіями, могущими служить цѣлямъ братства, или же несутъ другіе какіе-либо труды на пользу его; право же голоса въ братскихъ собраніяхъ имѣютъ только тѣ изъ братьевъ-ревнителей, которые жертвуютъ въ братское общество не менѣе 5 руб. въ годъ, или единовременно 100 руб. Указомъ могилевской духовной консисторіи, отъ 14 іюля 1869 г. за № 6301, даю звать архимандриту Анатолію, что, согласно настоящему ходатайству его, разрѣшено дополнить 1-й и 4-й пункты устава Пустынскаго братства раздѣленіемъ членовъ братства: на членовъ-покровителей и членовъ-ревнителей.

ИЗЪ ІЕРУСАЛИМА.

(Окончаніе. Начало въ 37 №).

Въ 5-е воскресенье Великаго поста православный міръ здѣшній былъ свидѣтелемъ особеннаго торжества—освященія и открытія патриаршей больницы іерусалимской. Зданіе, со-

ставляющее обширный четырехугольникъ комнатъ съ галлереєю, открытою на внутренній, тоже четырехугольный, дворъ, заложено было давно,—еще въ благополучное время, до знаменитаго *coup de main* нехвалимой здѣсь памяти князя Кузъ, но за неимѣніемъ средствъ оставалось много дѣлъ на $2/3$ высоты своей неоконченнымъ. Одна благочестивая госпожа русская, пожертвовавшая на богоугодное дѣло это, какъ говорятъ, 20 или 40 тысячъ рублей, ускорила желанный исходъ его. Все братство свято-гробское приглашено было патриархомъ къ щедрому пожертвованію. И дѣйствительно, сборной суммой оказалось болѣе 500,000 піастровъ, на которую и окончено было пока въ одинъ этажъ зданіе, не мамо украсившее собою христіанскій кварталъ св. града. Въ день открытія больницы (14 марта) было патриаршее служеніе въ храмѣ Воскресенія. Предполагалось послѣ обѣдни всему освященному клиру идти процессионально въ облаченіяхъ изъ храма въ больницу. Но дождливая погода уменьшила нѣсколько блескъ торжества. Шло за патриархомъ все православное духовенство города, хотя съ обычнымъ церемоніаломъ, но безъ характера священнодѣйственнаго. Прибывъ въ освящаемое зданіе, служили молебень съ водосвятиемъ, и патриархъ окропилъ св. водою все зданіе извнутри и совнѣ. Возвратившись къ мѣсту собранія народа, онъ сказалъ не большое привѣтствіе святогробскому братству, поздравляя его (и себя) съ благополучнымъ окончаніемъ труднаго, но славнаго и полезнаго дѣла. Затѣмъ ученый профессоръ эллинской словесности въ Крестной семинаріи прочелъ съ кафедръ патриаршій *Симиліонъ* относительно открываемой больницы патриаршаго престола іерусалимскаго, — весьма обширный и цвѣтисто написанный документъ. Потомъ имъ же читано было *изложеніе* всего хода больничнаго дѣла съ подробнымъ перечнемъ именъ жертвователей, въ ряду коихъ изрѣдка слышались и русскія фамиліи. По окончаніи чтенія, пропѣтъ былъ патриаршій гимнь, и публика пошла осматривать зданіе, дѣйствительно, достойное приданнаго при его освященіи торжества. Черезъ 4 дня послѣ сего, въ день памяти св. Кирилла іерусалимскаго, происходило и освященіе больничной церкви во имя сего святителя. Она занимаетъ

отдѣльный флигель при больницѣ. Странный былъ поводъ къ выбору для нея сего святаго патрона. Одинъ изъ нашихъ боголюбцевъ, крестьянинъ приуральской губерніи, прислалъ черезъ нашу миссію въ Іерусалимъ «на икону св. Кирилла іерусалимскаго» 1 руб. сер. Рубль этотъ переданъ былъ патриарху именно тогда, когда онъ въ первые возымѣлъ мысль устроить при больницѣ церковь. «Да возрадуется же душа усерднаго дателя», сказалъ онъ. «Вмѣсто иконы, въ Іерусалимѣ будетъ храмъ св. Кирилла. Кстати, такого до сихъ поръ не было». Освященіе новаго храма совершалъ самъ патриархъ. Послѣ службы, въ приемной залѣ больницы, ректоромъ Крестной школы архидіакономъ Фотіемъ прочитана была, ученымъ образомъ составленная, *жизнь св. Кирилла*, критическимъ изданіемъ извѣстныхъ сочиненій котораго много лѣтъ уже занимается ученый мужъ. Въ томъ и другомъ торжествѣ самое живое участіе принимала, разумѣется, и наша русь іерусалимская, хотя огромное большинство ея было въ это время въ отсутствіи, отправившись въ Галилею на поклоненіе тамошнимъ св. мѣстамъ.

Въ субботу Лазареву, по обыкновенію, торжественная служба была на горѣ Элеонской. Большинство служившихъ божественную литургію составляли наши русскіе поклонники духовные, да и вообще большинство молившихся были мы. Послѣ обѣдни, любопытные ходили смотрѣть русское мѣсто на Элеонѣ, приобрѣтенное въ минувшемъ году нашею миссіею. Оно занимаетъ самую высшую точку священной горы, занято теперь смоковничнымъ садомъ, а когда-то было усѣяно зданіями, принадлежавшими, вѣроятно, какому-нибудь монастырю, и — можетъ быть — еще не одному. Намъ обязательно показали открытый въ одномъ мѣстѣ на незначительной глубинѣ въ землѣ остатокъ великолѣпнаго мозаическаго пола съ изображеніемъ птицъ, рыбъ и пр., весьма похожій на сохранившійся въ церкви Крестнаго монастыря, и составляющій одну изъ рѣдкостей Палестины. Должно сознаться, что мы, хотя (сравнительно) и поздно являемся собственниками въ св. землѣ, но приобрѣтаемъ все хорошія вещи. Недавно наши ходили въ *Горнюю*, и къ величайшему утѣшенію своему пришли и тамъ русскую собственность въ такихъ размѣрахъ,

въ такомъ видѣ и въ такомъ мѣстоположеніи, что просто не нарадуешься, говорить.

Не берусь описывать торжества послѣдней недѣли Великаго поста. Пасха нынѣ сошлась у насъ вмѣстѣ съ римско-католическою. Торжественный шумъ и блескъ церковныхъ службъ при гробѣ Господнемъ оттого удвоился. До Великаго Четвертка мы всѣ молились у себя на постройкахъ. Кромѣ своего архимандрита, часто видѣли въ служеніи и—другаго изъ поклонниковъ. Да кромѣ того, были два игумена, изъ коихъ одинъ есть всероссійская знаменитость,—старецъ *Парвеній*, странствователь и писатель и ревностный ратоборецъ противъ раскола. Обрядъ «умовенія ногъ» совершенъ былъ, по обычаю, самимъ патриархомъ посреди площади передъ Воскресенскимъ храмомъ. Въ числѣ образныхъ апостоловъ трое были рускіе. Они носили имена *Петра*, *Матвея* и *Филиппа*. Въ Великій Пятокъ вся ночь прошла въ непередаемой агитаціи духа и тѣла. Процессіи коптская, сиріанская, латинская и греческая чередовались одна за другою въ храмъ Воскресенія, при несмѣтной и непроходимой толпѣ народа. При латинской процессіи были произнесены 5 проповѣдей: греческая, нѣмецкая, французская, арабская и итальянская. При православной—три: русская, турецкая и греческая. Довольно сказать, что мы возвратились изъ храма домой уже въ 4-мъ часу ночи. Великосубботнее раздаяніе св. огня, своимъ совершенно своеобразнымъ характеромъ, тысячу разъ описаннымъ и все еще недостаточно переданнымъ, заставило насъ позабыть все, что впечатлѣла въ сердцѣ минувшая ночь. За нимъ, какъ за бурю тихая и ясная погода, наступила несравненная пасхальная ночь. Напрасно искать словъ для выраженія того состоянія, въ которомъ находились мы, когда трикратно обтекали есеслыми ногами залитый свѣтомъ, «яко рай краснѣйшій», Гробъ Христовъ, Пасху хваляще вѣчную. Дождавшись радостной пѣсни Воскресенія, мы, рускіе, поспѣшили къ себѣ на постройки, и въ половинѣ 1-го часа начали свою пасхальную службу, по своему уставу и обычаю. Хотя и въ слабомъ отраженіи, но все же сіяла и наша свѣтоносная утренняя своимъ сильнымъ торжествомъ. Служащихъ и у насъ было 10 священ-

никовъ и 4 іеродіакона, стекшихся у престола Божія съ разныхъ концовъ неисходимой земли русской.

Быстро опустѣла іерусалимская «Московія» по минованіи Свѣтлага праздника. Прекратились и у Гроба Господня торжественныя богослуженія. Іерусалимъ какъ бы притихъ или задремалъ. Великій праздникъ мѣстный, день св. великомученика Георгія, на сей годъ однакоже имѣлъ торжественность необычную. Патріархъ ѣздилъ служить на этотъ день въ *Лидду*, гдѣ стоитъ гробъ славнаго мученика, обнесенный жалкой развалиной великолѣпнаго нѣкогда храма. Развалина эта, послѣ долгой и трудной процедуры судебной, признана наконецъ собственностію православной патріархіи іерусалимской, въ посрамленіе латинскихъ притязаній на нее. Блаженнѣйшій Кириллъ служеніемъ своимъ *въ своей* церкви хотѣлъ, такъ сказать, освятить рѣшеніе мѣстнаго правительства. Съ нимъ ѣздили на праздникъ нашъ консулъ и начальникъ миссіи. Послѣдній и служилъ вмѣстѣ съ нимъ на гробѣ мученика.

Въ праздникъ Вознесенія была вторичная служба на Элеонѣ. У насъ на постройкахъ вовсе не служили, потому что народъ весь ушелъ на святую гору. Опять насъ завлекло любопытство на свой «русскій» Элеонъ. Онъ уже весь обнесенъ стѣною. Недавно случайно попали на цѣлую кучу золотой мозаики и множество кусковъ бѣлаго мрамора. Несомнѣнно тутъ была церковь. Да будетъ она и опять нѣкогда, по благословенію Воздвигшаго тутъ рудѣ Свои и благословившаго всякое доброе начинаніе!

Все ждали, что къ празднику Троицы послѣдуетъ освященіе іерусалимскаго Троицкаго собора русскаго. Но надежды не сбылись. А многіе изъ оставшихся поклонниковъ для этого именно и остались здѣсь. Въ утѣшеніе ихъ, въ новой церкви отправлено было всенощное бдѣніе подѣ праздникъ Пятидесятницы. Опасеніе за глухозвучное пѣніе подѣ столькими высокими сводами и прямо подѣ однимъ изъ куполовъ не оправдалось. Въ этомъ отношеніи церковь будетъ хороша. На первый разъ довольно и сего. Въ праздникъ Троицы, по принятому обычаю, совершена была патріархомъ повторительная вечерня на Сіонѣ, на предполагаемомъ мѣстѣ

Сочествія Св. Духа на Апостоловъ. Разумѣется, русь наша не преминула утѣшить себя и этимъ глубоко умирительнымъ служеніемъ. Средняя изъ трехъ молитвъ читана была по-славянски.

Заключу свой отчетъ поклоннической пріятной вѣстію, что и при ветхомъ *Дубъ Мамврійскома* была уже совершена божественная литургія. Въ минувшій понедѣльникъ въ вечеру отправился туда съ построекъ цѣлый караванъ пѣшихъ и конныхъ богомольцевъ. Избрали для пути нарочно вечернее и ночное время, чтобъ избыть знойную духоту дня. Прибыли подъ священное древо ровно въ полночь. И здѣсь все намъ говорило во имя свойства и близости. Родоначальникъ всѣхъ нашихъ «тронцкихъ березокъ» и всякаго «кльченья», завѣтный Дубъ, истинно говоря, завѣщанъ былъ Россіи, а потому и достался ей. На восходѣ солнца во вторникъ мы увидѣли импровизованный алтарь, устроенный въ самомъ трехчастномъ развѣтвленіи ствола дерева. Тамъ, подъ открытомъ небомъ, при тихомъ шелестѣ вѣчно зелѣнящихся вѣтвей, въ прохладѣ и благоуханіи весны, поклонились мы Трѣлостасному Божеству, моля Его изъ глубины души не переставать посѣщать міръ, какъ прежде, такъ и днесъ и во вѣки вѣковъ.

Поклонникъ.

Иерусалимъ, 22-го мая 1871 года.

(Херсон. Епарх. Вѣд.).

УСПѢХИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ ВЪ ПРИАМУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Преемникъ «отца русскихъ миссіонеровъ» высокопреосвященнаго Иннокентія, преосвященный Веніаминъ, епископъ камчатскій, напечаталъ недавно (*Православ. Обзор. № 7*) отчетъ о дѣйствіяхъ амурской духовной миссіи въ 1870 году. Нашимъ читателямъ извѣстно перо преосвященнаго Веніамина, по нѣсколькимъ статьямъ его о «забайкальской миссіи», напечатаннымъ въ Духовной Бесѣдѣ. Названная выше статья

его отличается тѣми же достоинствами. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи заимствовать изъ нея одинъ отрывокъ, изъ котораго читатели наши увидятъ, что благодать Божія и нынѣ дѣйствуетъ живительно и чудотворно, какъ въ первые вѣка христіанства, на сердца простыхъ, дѣтски-вѣрующія слову истины.

Амурская миссія состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, или становъ: 1) верхнеамурскаго, или манчжурскаго; 2) среднеамурскаго, или гольдскаго; 3) нижнеамурскаго, или гиляцкаго и 4) южноусурійскаго, или корейскаго. Вотъ что говоритъ преосвященный о гольдахъ, принадлежащихъ къ второму отдѣлу русской духовной миссіи.

«Миссіонерскій станъ для дѣйствія на гольдовъ открытъ въ началѣ 1866 года на озерѣ Болани, при истокѣ его въ Амуръ, потому что около этого озера и впадающихъ въ него рѣкъ особенно много находится гольдовъ, поселенныхъ довольно большими селеніями. Церковь при станѣ тогда же начата постройкою, а въ 1867 году и освящена; но домъ для миссіонера доселѣ остается все вполнѣ отдѣланнымъ. Отъ того вблизи церкви живетъ только исправляющій должность псаломщика, а миссіонеръ доселѣ бывалъ въ станѣ только наѣздами, живетъ же въ русскомъ селеніи, въ десяти верстахъ отъ стана.

Миссіонерскія дѣйствія между гольдами имѣли успѣхъ съ самаго начала водворенія между ними миссіи. Зависѣло это прежде всего отъ того, что внутреннія отношенія ихъ къ своей вѣрѣ такія же, какъ у манчжуровъ и вообще у всѣхъ послѣдователей шаманскаго суевѣрія: они не знаютъ Бога-любви и своихъ боговъ не любятъ, а боятся, какъ немилостивыхъ и сердитыхъ; отъ того всегда рады избавиться отъ нихъ, лишь бы только нашелся такой Богъ, который бы защитилъ ихъ отъ ихъ народныхъ боговъ. По словамъ миссіонера Протодьяконова, между гольдами, даже некрещенными, теперь есть уже убѣжденіе,—общее всѣмъ шаманствующимъ въ остальной Сибири, гдѣ давно извѣстно христіанство,—что крещеніе освобождаетъ отъ вліянія злыхъ духовъ или боговъ, какъ въ этой жизни, такъ и по смерти. Къ шаманству прибѣгаютъ они въ крайности, въ случаѣ какихъ-либо

бѣдствій, особенно болѣзни, для умилоствленія своихъ злыхъ боговъ, причиняющихъ всѣ бѣдствія человѣку. Но не мало первому успѣху проповѣди содѣйствовало и то, что священникъ Протодьяконовъ, еще до вступленія въ должность миссіонера, зналъ гольдскій языкъ и имѣлъ нѣкоторые свѣдѣнія въ народной медицинѣ. Отъ того онъ скоро познакомился съ гольдами и приобрѣлъ ихъ расположеніе. Несмотря на то, что онъ въ то же время и приходскій священникъ у русскихъ крестьянъ, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ миссіонерскаго служенія, съ 1866 по 1869 г., онъ успѣлъ обратить болѣе двухъ сотъ душъ гольдовъ обоего пола. А что гольды не только воспримчивы для вѣры, какъ и манчжуры, дауры и манегри, но и не затрудняются скоро запечатлѣвать свою вѣру св. крещеніемъ, причиною тому отдаленность ихъ жительства отъ китайской границы и всегдашняя возможность получить отъ русской администраціи защиту отъ притязаній китайскихъ чиновниковъ, приѣзжающихъ къ нимъ для сбора податей. Особенно успѣшны были дѣйствія миссіонера въ 1870 году. Этому, повидимому, помогла, между прочимъ, повальная болѣзнь, отъ которой довольно гольдовъ умерло въ началѣ этого года. Съ тѣхъ поръ какъ гольды стали креститься, они, по внушенію миссіонера, въ случаѣ болѣзни стали прибѣгать съ молитвою къ Богу. Для этого обыкновенно они просятъ миссіонера отслужить имъ молебенъ съ водосвященіемъ, пьютъ св. воду,—и Господь по вѣрѣ ихъ помогаетъ имъ въ болѣзняхъ. Когда въ апрѣлѣ 1870 г. миссіонеръ, находившійся дотолѣ въ отсутствіи, приѣхалъ къ нимъ, то услышалъ общія жалобы на повальную болѣзнь; гольды просили его лѣчить ихъ или пригласить доктора; но гдѣ найти доктора въ такой мѣстности?.. На другой день является къ нему крещенный гольдъ Ермолай Каговъ съ другимъ гольдомъ Косьюмою и съ умиленіемъ рассказываетъ, какъ Самъ Богъ помогъ ему съ сыномъ избавиться отъ болѣзни. Св. воды у него не было. Онъ снялъ съ себя крестъ, погрузилъ его въ чистую воду, зажегъ свѣчи предъ иконами, помолился Господу Богу, чтобы Самъ исцѣлилъ его, выпилъ воду, въ которую погружалъ крестъ, потомъ легъ, заснулъ и на другой день всталъ здоровъ. Сынъ его былъ

некрещеный, потому, когда сдѣлался болѣнь, по обыкновенію позвали шамана; но шаманъ нѣсколько дней шаманилъ надъ больнымъ безъ всякой пользы. Тогда Ермолай взялъ икону, погрузилъ ее въ воду, зажегъ свѣчи предъ св. иконами, самъ сталъ на молитву и поставилъ съ собой молиться и своего некрещенаго сына. Послѣ довольно продолжительной молитвы онъ далъ сыну воды, освященной погруженіемъ св. иконы, тотъ выпилъ и тотчасъ почувствовалъ облегченіе, а вскорѣ и совсѣмъ поправился. Миссіонеръ велѣлъ всѣмъ гольдамъ приготовиться къ общему молебну и, когда будетъ все готово и всѣ соберутся, прислать за нимъ. Черезъ день явились посланные отъ гольдовъ съ Болани съ приглашеніемъ отъ общества на молебенъ. «Когда мы приплыли къ гольдамъ на лодкѣ, пишетъ священникъ Протодьяконовъ въ своемъ журналѣ, они всѣ ждали насъ на берегу озера, съ радостію приняли насъ и тотчасъ, выбравши приличное мѣсто, приступили къ молитвѣ. Сначала отправленъ былъ молебенъ о недужныхъ, а потомъ совершенно освященіе воды. Послѣ погруженія св. креста въ водѣ съ пѣніемъ: *Спаси Господи люди Твоя*, пошли по всѣмъ юртамъ боланской деревни. Ермолай шелъ впереди съ иконою Спасителя, за нимъ гольдъ Косьма съ иконою Божіей Матери. Я шелъ со св. крестомъ и окроплялъ св. водою юрты, всю домашнюю утварь, рыболовныя снасти, невода и сѣти; больнымъ по окропленію давалъ пить св. воду. Изъ боланской деревни, въ сопровожденіи всего народа, пошли въ деревню Нергуль, отстоящую отъ первой на двѣ версты, и тамъ также ходили по всѣмъ юртамъ, я все окроплялъ св. водою, а больнымъ давалъ пить св. воду и по нѣсколько оставлялъ для употребленія впередъ, давая при этомъ каждому назидательныя наставленія». Черезъ два дня, въ воскресенье, миссіонеръ служилъ въ церкви при станѣ литургію. Гольдовъ собралось много; всѣ молились съ усердіемъ; младенцы до семилѣтнаго возраста всѣ приобщены Св. Таинъ. При концѣ литургіи миссіонеръ говоритъ гольдамъ наставленіе о необходимости всѣмъ причаститься Св. Таинъ. Когда же кончилась литургія, то собравшіеся гольды объявили ему, что всѣ больные начинаютъ поправляться и даже безна-

дежно больной Спиридонъ Дувовъ, послѣ того какъ выпилъ св. воды, сталъ поправляться и теперь уже ходить. Таку простосердечная вѣра новопросвѣщенныхъ привлекла на нихъ благодать Божию, которая и совершила надъ ними дивныя дѣла Божіи. Эта же вѣра въ силу христіанской молитвы и благословенія, все болѣе и болѣе распространяющаяся между самими язычниками-гольдами, заставляеть и крещенныхъ и некрещенныхъ предъ отправленіемъ на рыбную ловлю, или звѣриный промыселъ, просить священника отслужить имъ молебенъ, или хотъ благословить ихъ, и они сами увѣряють, что послѣ этого всегда удачнѣе бываетъ ихъ промыселъ.

При такихъ обстоятельствахъ отрадно и миссіонеру проходить свое служеніе. Здѣсь излишне совершенно *препретельное человеческія премудрости слово*. Людямъ съ такою младенческою вѣрою нужно только показать любовь Божию, явившуюся въ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ, которой они не видять въ своей религіи. Священникъ Протодіаконовъ воспользовался вышеозначенными обстоятельствами съ полнымъ усердіемъ. Въ теченіе лѣта онъ совершилъ пять поѣздокъ по гольдскимъ деревнямъ и въ каждую изъ нихъ крестилъ по нѣскольку десятковъ язычниковъ. Въ журналѣ своемъ миссіонеръ не показываетъ, какъ и чѣмъ тѣ или другіе располагались къ принятію св. вѣры: причины, безъ сомнѣнія, были общія у всѣхъ, а стремленіе однихъ всегда возбуждаетъ и поддерживаетъ подражаніе въ другихъ. Въ то же время и у сосѣднаго приходскаго священника крестилось ихъ безъ всякаго приглашенія восемь душъ обоого пола. Всего же гольдовъ въ 1870 году просвѣщено св. крещеніемъ 142 души обоого пола, изъ коихъ 134 крещены священникомъ Протодіаконовымъ. Нѣкоторые изъ новопросвѣщенныхъ супруговъ просили утвердить и бракъ ихъ христіанскимъ вѣнчаніемъ: ибо хотя, по ученію Апостола (1 Кор. 7, 12—17), и естественный бракъ ихъ самъ по себѣ имѣеть законную силу, но многіе изъ новопросвѣщенныхъ желаютъ сверхъ того освятить его таинствомъ, чтобы придать ему большую силу предъ гражданскимъ русскимъ закономъ. Желаніе ихъ, какъ непротивное вѣрѣ, всегда исполнялось.

По словамъ миссіонера, новокрещенные гольды знаютъ на-

шлустъ переведенныя имъ молитвы. Въ церковь, когда служба совершалась въ станѣ, гольды всегда ходятъ и молятся усердно. Въ обществѣ отличаются кротостію и тихостію. Во время двукратной своей поѣздки къ гольдамъ также могъ замѣтить, что по крайней мѣрѣ въ внѣшнихъ обрядахъ христіанства,—что прежде всего замѣчается,—они внимательны, св. иконы содержатъ въ должномъ порядкѣ и чистотѣ и относятся къ нимъ съ благоговѣніемъ; языческаго въ углу, занимаемомъ крещеными, ничего не видно (гольды живутъ по нѣскольку семей въ одной большой юртѣ, въ родѣ сарая съ окнами, гдѣ каждая семья занимаетъ свой уголь). Хотя костюмъ гольдовъ состоитъ изъ рыбной шкуры, а женщины имѣютъ еще привычку носить серьги въ ноздрахъ, что для непривычнаго глаза очень странно, однако вообще они держатъ себя и свои юрты гораздо чище, чѣмъ забайкальскіе буряты; находясь много лѣтъ въ подданствѣ у китайцевъ и заимствуясь доселѣ всѣмъ почти необходимымъ отъ нихъ, они и жилища и одежду строятъ по китайскому образцу и въ отношеніяхъ къ другимъ соблюдаютъ всѣ приличія китайской вѣжливости. Отъ меня они не иначе хотѣли принимать благословеніе, какъ сдѣлавши два земныхъ поклона предъ принятіемъ благословенія и третій послѣ. Одно ставитъ ихъ ниже другихъ образованныхъ народовъ, что они ихтиофаги (рыбоѣды), рыбою питаются сами, рыбою питаютъ своихъ выѣздныхъ собакъ, въ рыблю шкуру и одѣваются; впрочемъ, по чистотѣ выдѣлки, эта шкура походитъ на лучшую бѣлую замшу. Миссіонеръ старался ввести между ними огородничество, но пока безъ всякаго успѣха.

УСПѢХИ ХРИСТІАНСТВА МЕЖДУ РУССКИМИ КИТАЙЦАМИ.

Не менѣе отрадныя извѣстія приходятъ изъ другой далекой области нашего неизмѣрнаго отечества. Во время бывшихъ недавно волненій въ западномъ Китаѣ, многіе изъ китайцевъ переселились въ Семирѣченскую область, приняли русское подданство, а нѣкоторые — и русскую православную

вѣру. Вотъ что пишутъ теперь въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ 1868 году китайскіе эмигранты основали «Сарканскій выселокъ». Съ той поры прошло три года, и въ эти три года правительствомъ, Семирѣченскимъ церковнымъ братствомъ, и наконецъ, — частными лицами такъ много сдѣлано для эмигрантовъ, что въ настоящее время выселка Сарканскаго нельзя узнать; не узнать и самихъ эмигрантовъ. На площади стоитъ небольшая, но очень приличная временная церковь. Зданіе это, построенное изъ теса, обнесено деревянной оградой, обсажено кругомъ разросшимся за два года топодемъ и оживлено достаточнымъ на первое время звономъ трехъ колоколовъ. Церковь снабжена, дѣйствительно, великолѣпною утварью. Рядомъ съ этою временною церковью строится каменная. Напротивъ церковной площади отстроена, состоящая изъ шести комнатъ, весьма удобная и помѣстительная школа. Неподалеку отъ этого зданія, на одной линіи, предположена членомъ братства, В. П. Кузнецовымъ, постройка другаго зданія — для женской школы (планъ, смѣта и деньги на заготовленіе матеріаловъ уже присланы). Эмигранты получили денежныя займообразныя пособія, и съ начала настоящаго лѣта окончательно переселились со стени въ самый выселокъ, такъ что выселокъ Сарканскій въ одно лѣто, при дружной застройкѣ эмигрантовъ, увеличился слишкомъ на сто домовъ. Дома эмигрантовъ разбиты кварталами; каждый домъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна у каждаго хозяина отдѣлана по русски; есть нѣсколько домовъ, построенныхъ изъ сырцоваго кирпича; впрочемъ и остальные, по большей части землебитные, дома эмигрантовъ, оштукатуренные ими снаружи и изнутри глиною, нисколько не уступаютъ, по своей отдѣлкѣ и прочности казачьимъ деревяннымъ постройкамъ. Въ теченіе минувшихъ трехъ лѣтъ, миссіонерская дѣятельность сосредоточена была пока на перевоспитаніи молодаго эмигрантскаго поколѣнія. Въ настоящее время, многіе изъ учениковъ школы выучились уже говорить по-русски, читать, писать и познакомились съ ариметикою. Всѣ воспитанники изъ эмигрантовъ прилежно посѣщаютъ школу, сознательно полюбили церковь, любятъ пѣть на клиросѣ, прислуживать въ алтарѣ во время бого-

служенія, и многіе изъ нихъ выучились пѣть обѣдню. Всѣхъ обучающихся въ школъ эмигрантовъ состоитъ до 50 человекъ отъ 10 до 20-лѣтняго возраста; между учениками послѣдняго возраста есть много женатыхъ. Въ началѣ текущаго года, въ поощреніе обучающихся эмигрантовъ, двое изъ старшихъ и лучшихъ воспитанниковъ школы утверждены военнымъ губернаторомъ въ должностяхъ: одинъ помощникомъ преподавателя по школъ, а другой, съ ношеніемъ форменнаго кафтана, церковнымъ старостою. Въ женской школъ, открытой въ началѣ нынѣшняго года членомъ братства В. П. Кузнецовымъ, обучается 17 дѣвочекъ; эмигрантскихъ между ними пока три дѣвочки. Недавно всѣмъ ученицамъ выслано ситцу и коленкору на однообразныя платья. Кромѣ этихъ двухъ школъ, есть еще въ Сарканѣ третья—ремесленная школа, гдѣ эмигранты, уже устарѣвшіе для грамоты, обучаются сапожному и столярному мастерствамъ. Прошедшей зимой въ этой школъ обучалось до 20 эмигрантовъ. Она содержится на счетъ Семирѣченскаго церковнаго братства. Молодое поколѣніе чрезвычайно утѣшаетъ своими успѣхами и своимъ поведеніемъ. Впрочемъ, подъ влияніемъ молодаго поколѣнія, уже сознательно полюбившаго церковь и школу, начинается, также по немногу, поступаться и старое эмигрантское населеніе своими прежними языческими обычаями и вѣрою. Въ настоящее время всѣхъ эмигрантовъ, уже водворившихся въ Сарканскомъ выселкѣ, 620 человекъ обоюго пола. Одна половина изъ этого числа—калмыки, а другая—даурь-солоны и сибо. Нынѣшнимъ лѣтомъ, всѣмъ имъ, какъ зачисленнымъ въ казачье сословіе, производится наръзка земли.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. Бесѣды на изреченія Господни о блаженствахъ. — Мысли о необходимости согласовать изслѣдованія науки съ истинами вѣры.
- II. Награжденіе протоіерея М. Вирослевскаго Отъ правленій смоленской и могилевской духовной семинарій и бугурусланскаго училища. — Объяснительная записка къ смѣтѣ доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ вѣдомства Святѣйшаго Синода на 1871 г — Православное церковное братство при Пустынскомъ Успенскомъ монастырѣ могилевской епархїи. — Изъ Іерусалима. — Успѣхи христіанской проповѣди въ примурьской области. — Успѣхи христіанства между русскими китайцами.

Дозволено цензурою.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

16 ОКТЯБРЯ

№ 42. 1871 ГОДА.

ИСТИННОЕ ДОСТОИНСТВО.

По учению слова Божия, христианинъ тѣмъ болѣе приобретае силы и могущества, тѣмъ менѣе долженъ угождать себѣ и тѣмъ съ большею ревностію и съ большимъ самоотверженіемъ служить благу общественному и помогать меньшимъ во Христѣ братіямъ своимъ, въ ихъ лишеніяхъ и нуждахъ,—такъ что въ этомъ самоотверженномъ служеніи благу ближнихъ, благу общественному, и должно состоять истинное его достоинство и преимущество предъ другими. *Мы сильные, говоритъ св. Апостоль Павелъ, должны сносить немощи безъ ныязъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ дать ближнему во благо, къ назиданію. Ибо и Христъ Себѣ угождалъ* (Рим. 15; 1. 2. 3). *Князи народовъ господуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но междѣ небудетъ такъ, сказалъ Господь своими послѣдова* *А кто хочетъ между вами быть большимъ, да будѣ*

слуюю. И кто хочет между вами быть первым, да будет вамъ рабомъ: такъ какъ Сынъ человѣческой не для того пришелъ, чтобъ Ему служили, но чтобъ послужить, и отдать душу Свою для искупленія многихъ (Матѣ. 20, 25—29). Не тоже ли, впрочемъ, внушаетъ намъ и разумъ? Не того ли требуетъ отъ насъ и наше собственное—общественное и частное каждаго благосостояніе?

Прежде всего снисходительность сильнаго къ немощнымъ и его заботливость о благосостояніи ближнихъ должны служить выраженіемъ его благодарныхъ чувствъ къ Богу, Который превознесъ его надъ другими и даровалъ ему блага, каковыхъ самъ по себѣ онъ не могъ бы достигнуть безъ воли и помощи Божіей. Скажетъ ли кто нибудь, что всѣ блага, какими онъ наслаждается, достигнуты имъ самимъ, что онъ пользуется ими вполнѣ по заслугамъ, и что, слѣдовательно, ему нѣ кого и нѣ за что благодарить въ своемъ счастьи? Но развѣ изъ среды немощныхъ братій, его окружающихъ, нѣтъ людей вполнѣ достойныхъ наслаждаться тѣми или даже еще большими благами? Развѣ онѣ не могли достаться другимъ по тому же праву, по какому и мы владѣемъ ими? Ты силенъ потому, что произошелъ отъ благородныхъ родителей и чрезъ самое рожденіе получилъ большія права и преимущества. Что жъ? Твои ли собственныя заслуги доставили тебѣ настоящее твое благосостояніе, и не Божія ли то милость, что ты произошелъ отъ тѣхъ, а не другихъ родителей,—принадлежишь къ тому, а не другому званію общественному? Ты силенъ потому, что съ дѣтства получилъ прекрасное образованіе, которое открыло тебѣ путь къ почестямъ и возвело на ту степень величія и славы, на которой теперь находишься. Но, ахъ, сколько, можетъ быть, несравнено лучшихъ природныхъ дарованій гибнетъ отъ того только, что большинство насъ не имѣетъ средствъ къ образованію, что его некому учить, некому, какъ слѣдуетъ, руководить въ жизни и въ общественомъ! Возблагодари же Господа, Который члѣдъ тебя и даровалъ тебѣ силы и средства къ приобрѣтенію знаній, какія составляютъ теперь твое могущество. Ты завываешь богатство,—твое вещественное благосостояніе—вспомни, какъ ты приобрѣталъ его, и сколько могло

быть и было случаевъ, когда ты могъ лишиться его и лишился бы безъ помощи Божіей! Наши сокровища и моль и ржа истребляютъ, и воры подкопываютъ и крадутъ (Матѣ. 6, 19). Какъ же намъ не благодарить Господа, если Онъ надѣляетъ насъ сокровищами и сохраняетъ ихъ въ нашемъ владѣніи?—Но чѣмъ и какъ христіанинъ можетъ достойно благодарить Его за блага, какія Онъ ему даруетъ? Отвѣтъ въ словахъ Апостола: *мы, сильные, должны сносить немощи бессильныхъ и не себя угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію.* Господь вседоволенъ и всеблаженъ. Онъ «не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ-либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все» (Дѣян. 17, 25). Единственное средство достойно благодарить Его за блага, какія Онъ намъ ниспосылаетъ, состоитъ въ ревностномъ служеніи меньшимъ братіямъ нашимъ,—ближнимъ, которыхъ Онъ любитъ, какъ дѣтей Своихъ, за которыхъ, также какъ и за насъ, пролилъ драгоценную кровь Свою на крестѣ, но которымъ, по прещудрому Своему усмотрѣнію, не даровалъ тѣхъ внѣшнихъ благъ житейскихъ, какими съ избыткомъ надѣлилъ насъ,—для того, между прочимъ, чтобъ въ самоотверженномъ служеніи ихъ благу дать намъ случай и возможность благодарить Его за блага, какими мы наслаждаемся по Его милости. *Послику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ,* говоритъ Онъ (Матѣ. 25, 40).

Съ другой стороны, служеніе сильнаго благу немощныхъ есть справедливая дань благодарности къ обществу, въ которому онъ принадлежитъ и среди котораго наслаждается своимъ благосостояніемъ. Правда, въ обществѣ благоустроенномъ нерѣдко возвышаютъ челоуѣка его личныя достоинства и заслуги; но что въ нашихъ достоинствахъ, если отъ нихъ никому нѣтъ пользы,—и въ чемъ будутъ состоять наши заслуги, если мы только угождаемъ себѣ, а не помогаемъ немощнымъ, не угождаемъ ближнему во благо къ назиданію? Если мы рабодѣствуемъ предъ высшими себя и издѣваемся надъ нисшими, если мы напрягаемъ всѣ усилія къ тому, чтобъ получать отличія или умножать богатства, не стараясь въ то же время о пользахъ общественныхъ, о благѣ мень-

нихъ братій нашихъ: то мы не только не достойны, — мы вредные, ничтожные люди. Не въ томъ достоинство, чтобъ занимать болѣе или менѣе видное положеніе въ обществѣ, имѣть высокообразованный умъ, владѣть большими сокровищами. Такія достоинства сами по себѣ, — безъ надлежащаго приложенія къ благу общественному, безъ употребленія на пользу ближнихъ, — подобны стоячей водѣ, которая гложетъ безъ движенія и, не принося никому пользы, только заражаетъ воздухъ. Нѣтъ, истинное достоинство и надлежащая заслуга христіанина состоятъ именно въ пользѣ, каковую онъ приноситъ другимъ людямъ, — обществу. Истинное достоинство, подобно солнцу, должно согрѣвать и оживотворять собою всё, — и великое и малое, и всюду, куда бы ни проникалъ кругъ его дѣйствія; и тогда только оно можетъ быть названо достоинствомъ человѣка. Такимъ образомъ съ самымъ понятіемъ о силѣ и могуществѣ человѣка тѣсно соединено понятіе объ его ревностномъ служеніи обществу, объ его самоотверженныхъ заботахъ о благѣ ближняго.

Иной скажетъ: стоятъ ли эти жалкіе и ничтожные люди того, чтобъ объ нихъ заботиться, — имъ помогать? Что они для насъ дѣлаютъ, за что мы будемъ служить имъ? Стоятъ ли они снисхожденія и помощи? Но чего всё мы достойны предъ Господомъ? Однакожь Онъ, не смотря на Свое неприступное величіе, равно и съ безконечною любовію заботится о всѣхъ насъ, — *повелеваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ* (Матѳ. 5, 45)? Какъ же можетъ сказать человѣкъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, что ему стыдно или смѣшно служить подобнымъ себѣ, хотя бы то было и слабымъ, немощнымъ людямъ! И будто эти меньшіе, немощные люди не стоятъ нашихъ заботъ, не заслуживаютъ отъ насъ помощи? Но развѣ, при множествѣ недостатковъ, они не имѣютъ и своихъ прекрасныхъ качествъ, достойныхъ уваженія? Развѣ они не служатъ намъ взаимно и своими трудами не помогаютъ нашему благосостоянію? Ахъ! Еслибы мы могли глубже проникать во внутреннюю жизнь людей и видѣть тѣ сокровенныя нити, какими соединены всё мы въ одно цѣлое, — тѣло общественное, мы опытно убѣдились бы тогда, какъ

часто самый, по видимому, ничтожный человек на самом деле достоин полного уважения, — как часто человек, по видимому, совершенно для нас посторонний и бесполезный, — на самом деле весьма полезен и своими трудами оказывает намъ огромныя благодѣянія, исполнѣ заслуживающія самой искренней благодарности съ нашей стороны. Вообще, не трудно сознаться, что самый, по видимому, могущественный человекъ, если его предоставить самому себѣ, слабъ и немощенъ, — что всѣ блага, какими наслаждается, — онъ получаетъ и сохраняетъ при помощи другихъ людей, — что наконецъ всѣ внѣшнія блага приобретаются и сохраняются только въ обществѣ благоустроенномъ, такъ что съ нарушеніемъ благосостоянія общественнаго ни для кого не доступно благосостояніе частное, между тѣмъ какъ общество тогда только можетъ быть исполнѣ благоустроеннымъ, когда члены его ставятъ благо общественное выше своихъ частныхъ выгодъ, и когда сильные въ немъ не только не гнушаются помогать, напротивъ, съ радостію помогаютъ немощнымъ своимъ собратамъ, — когда, по словамъ Апостола, сильные немощи безсильныхъ сносятъ и не себѣ угождаютъ, а каждый ближнему угождаетъ во благо къ назиданію; когда они не во внѣшнихъ отличіяхъ и преимуществахъ, а въ самоотверженномъ служеніи благу другихъ полагаютъ истинное свое достоинство, всю свою славу. И такъ, угождая исключительно себѣ и своимъ пристрастіямъ, не имѣя заботъ о благосостояніи общественномъ, не содѣйствуя благу ближнихъ, мы не только выказываемъ крайнюю неблагодарность къ обществу, среди котораго и при помощи котораго благоденствуемъ, — мы подкапываемся подъ собственное благосостояніе, потому что незаметно подрываемъ корень, на которомъ оно утверждается, т. е. — благо общественное.

И то нужно наконецъ всегда помнить, что въ мірѣ нѣтъ сокровища неисчерпаемаго, — нѣтъ и величія, которое бы можно было назвать навсегда постояннымъ. Я нынѣ силенъ; кто знаетъ, буду ли я такимъ на слѣдующій годъ? Я нынѣ обладаю богатствомъ; почему знать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ я не буду жалкимъ бѣднякомъ, подобнымъ тѣмъ, на какихъ теперь смотрю съ пренебреженіемъ? Почему знать,

что не мы, такъ дѣти и внуки наши не будутъ нуждаться въ самомъ необходимомъ и просить чужой помощи? Да и о себѣ кто можетъ сказать съ убѣжденіемъ, что онъ имѣетъ всѣ достоинства, надѣленъ всеми благами, что въ немъ нѣтъ никакихъ недостатковъ и слабостей, которыя осуждаютъ и надъ которыми смѣется въ другихъ, что его не тяготятъ по временамъ свои нужды, удовлетворяемыя только при любвеобильномъ содѣйствіи ближнихъ?

Да. И сильные изъ насъ—не безъ слабостей, и богатые—не безъ нужды, и счастливые—не безъ скорбей житейскихъ. Значить, сама справедливость требуетъ, чтобъ никто изъ насъ не пренебрегалъ немощнымъ собратомъ и не отказывалъ ему въ помощи, когда она необходима. Пусть Богъ и добрые люди судятъ о нашихъ достоинствахъ, а сами мы не должны стыдиться никакого служенія, лишь бы оно помогало благу общественному, благосостоянію ближнихъ. Не во внѣшнихъ отличіяхъ и преимуществахъ, а въ трудахъ и пользѣ, какую чрезъ нихъ мы приносимъ обществу, наша честь, наше истинное, негнѣнное, неувадаемое достоинство.

Священникъ **М. Предтеченскій**.

МЫСЛИ О НЕОБХОДИМОСТИ СОГЛАСОВАТЬ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАУКИ СЪ ИСТИНАМИ ВѢРЫ.

(Окончаніе).

Источники философіи столь мутны, что добросовѣстному преподавателю сей науки остается читать исторію философіи, и въ сужденіи о системахъ придерживаться преимущественно мнѣній Платона и Лейбница. И конечно, при окончаніи сего, впрочемъ, не бесполезнаго курса, вырвется изъ устъ его чисто-сердечное признаніе Цицерона: *Nihil est tam absurdum, quod*

non fuerit dictum ab aliquo philosophorum!...⁽¹⁾ Математика измѣряетъ время, пространство и грубое вещество. Хотя въ основахъ сей науки положительной и ясной, т. е. въ теоріи чисель и фигуръ, заключено много таинственнаго; но въ изложеніи истинъ чистой математики едва ли могутъ встрѣчаться преткновенія и несообразности съ святымъ ученіемъ о Богѣ. Напротивъ, точка, какъ символъ возможнаго, или идеальнаго въ пространствѣ, и нуль—не реальный, но возводящій всѣ числа до безконечной величины, сближаютъ математическія познанія съ высшими духовными. Прикладная математика, въ главныххъ отрасляхъ астрономіи, механики и физики, требуетъ внимательнаго наблюденія за ходомъ ученія, дабы оно, возводя учащихъ по лѣстницѣ вещественныхъ тварей къ самому Творцу вселенной, не вдавалось въ суетныя мечтанія, умаляющія достоинство человѣка приманкою ложнаго смиренія, или сбивчивой аналогіи. Конечно, въ сравненіи съ несмѣтными системами мірозданія, человѣкъ менѣе пылинки, менѣе капли въ океанѣ; однако эта капля, по вдохновенному выраженію Державина, изображаетъ въ себѣ духовное Солнце:

Ничто! но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Себя во мнѣ изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ вошь!

Sapienti sat! По закону сродства и послѣдовательности, мы перейдемъ теперь къ наукамъ, имѣющимъ предметомъ испытаніе и описаніе органической и неорганической природы. Въ ней все являетъ присутствіе Вездѣсущаго; все, немотствуя, повторяетъ глаголы высшаго откровенія; все въ явленіяхъ гармоническихъ и безконечно разнообразныхъ показываетъ намъ жизнь, неподлежащую разложенію и непрестанно текущую отъ подножія небснаго Престола. Изъ сихъ наукъ геологія, фізіологія и сравнительная анатомія преимущественно влекутъ къ себѣ бдительное вниманіе совѣстнаго наставника. Ибо близорукой геологъ, не понимая различія между исторією веще-

---

⁽¹⁾ Нѣтъ ничего столь недѣльнаго, что не было бы сказано кѣмъ-либо изъ философовъ.

ства и исторію человѣчества, дерзко противорѣчить священнымъ преданіямъ; читаетъ собственныя свои гипотезы, будто бы начертанныя перстомъ природы на скалахъ и утесахъ, въ слояхъ и пропасти земли, и наконецъ выдаетъ свои догадки за неоспоримыя истины. Мы, не отрицая глубокой учености геологовъ, позволимъ себѣ однакожъ напомнить имъ, что предшественники ихъ долго и упорно отвергали всемірный потопъ, и наконецъ,—наводнили ученый свѣтъ разсказами о потопѣ. Давно ли еще пресловутый дендерскій зодіакъ грозилъ разрушеніемъ мусеевой хронологіи? Но вдругъ страшилище превратилось въ обыкновенный талисманъ, лишенный всякаго историческаго достоинства. Пусть испытатели естества гоняются за догадками, болѣе или менѣе правдоподобными; но да не дерзаютъ они на каедрѣ предлагать ихъ во вреду обучающагося юношества. Мы еще колеблемся обличать здѣсь ненадежныя мнѣнія физиологовъ и анатомовъ о происхожденіи и тѣлесномъ составѣ человѣка. Но благо воспитанія сего требуетъ.

Долго путешественники, въ разговорѣ съ суемудрыми врагами христіанства, тѣшили легковѣрныхъ разсказами объ орангъ-утангахъ, и въ сихъ диковинныхъ животныхъ видѣли вѣрный слѣпокъ, или лучше сказать, прототипъ человѣчества. Прилежное изслѣдованіе опровергло ихъ толки; не стало побочныхъ изчадій слѣпаго рока; но зло сдѣлано; и сколько юныхъ умовъ заразилось грубымъ и самоубійственнымъ предубѣжденіемъ! Учители сравнительной анатоміи равномѣрно силиятся доказать, что люди не произошли отъ одного корня. Породы кавказская, монгольская, африканская и прочія, разсматриваемыя сквозь очки анатоміи, столько между собою различны, что высокопарные умствователи никакъ не соглашаются признать ихъ отраслями первосозданной четы. Вольно имъ сомнѣваться; но не должно вперять догадки въ молодыя головы нездорѣвшія. Ньютонъ сказалъ, что «Богъ въ при-родѣ, для достиженія цѣли, избираетъ изъ всѣхъ средствъ «не многосложное, но всегда простѣйшее». Мнѣніе Ньютона имѣетъ болѣшій вѣсъ; и для насъ оно важнѣе всѣхъ гипотезъ, несовмѣстныхъ съ Откровеніемъ и сверхъ того основанныхъ

на одномъ ощущеніи ланитной кости, на измѣреніи чеда и ноздрей и тому подобныхъ соображеніяхъ.

Обнаруживъ такимъ образомъ главныя точки соприкасанія и оттолкновенія между ученіемъ о Богѣ и наукою природы, обозримъ политическія науки, — политико-юридическія, и политико-экономическія.

Въ отношеніи къ первымъ, объемлющимъ право естественное, гражданское, уголовное, народное и нѣкоторыя ихъ отрасли, читатели да благоволятъ вникнуть въ слѣдующія краткія примѣчанія:

Право естественное ближе было бы отнести къ метафизикѣ и психологіи, нежели къ юриспруденціи. Наука о естественномъ правѣ, созидаемая на отвлеченныхъ, гадательныхъ началахъ, служитъ единственно къ изощренію умовъ; но она оканчивается переходомъ первобытнаго человѣчества изъ мнимо-естественнаго состоянія въ общежительное и гражданское. Шагнувъ далѣе, она неизбѣжно тернется въ ложныхъ вымыслахъ и явныхъ противорѣчіяхъ. Благомыслящій учитель естественнаго права, логически изложивъ слушателю своимъ личныя и семейственныя права и обязанности человѣка, созерцаемаго въ особенности, доказавъ увѣренность въ бытіи высшаго, неписаннаго, естественнаго закона, когда приступить къ обзорѣннѣ святой колыбели общежитія, разительно представить имъ нелѣпость ипотезы о *произвольномъ общественномъ договорѣ* (Contrat social), будто бы заключенномъ между первобытными людьми. Онъ призоветъ къ себѣ на помощь здравую логику, исторію древности и книгу Откровенія, и симъ трюичнымъ свидѣтельствомъ вынудить у слушателей своихъ признаніе въ томъ, что въ быту семействъ, подъ сѣнью долгодѣтія старцевъ и простоты нравовъ, искони завязался зародышъ быта государственнаго, взлелѣяннаго вѣковыми преданіями и кроткою патріархальною властію. Онъ докажетъ, что мнимый переходъ отъ естественнаго состоянія въ гражданское неминуемо разрушилъ бы младенческія общества; что состояніе, природное для животныхъ, совершенно противоположно для человѣка; однимъ словомъ, онъ низведетъ ученіе *status naturalis* на степень простой ипотезы, облегчающей ходъ науки, какъ *vacuum* въ астрономіи, или,

сферическія черты въ географіи служатъ костылями ограниченнаго разума. Бесѣдуя о супружествѣ, наставникъ не омутистъ безъ вниманія вопроса о многоженствѣ; и доказавъ, что всякое право ограничено условіемъ возможности, онъ изъ статистики и политической экономіи почерпнетъ рѣшительные доводы въ пользу христіанской нравственности. Долго поверхностные остроумцы твердили намъ, что единоженство есть предрасудокъ. Тщетно политическая экономія представляла несбыточность многоженства въ обширномъ кругу общаго продовольствія. Софисты, не заботясь о пропитаніи дѣтей, ссылались на обычаи Востока и безъ всякой повѣрки утверждали, что въ жаркихъ климатахъ гораздо болѣе рождается дѣтей женсваго пола. Ο'Διδασκαλος ἔφα, magister dixit—и толпа преклоняла головы, обреченныя вѣчному заблужденію. Наконецъ, явились Сюсьмильхъ, Гуфеландъ и другіе совѣстные испытатели природы. Послѣ долголѣтнихъ наблюденій въ странахъ различныхъ открылось, что чѣмъ обширнѣе пространство, надъ коимъ производится сравнительная повѣрка, тѣмъ постояннѣе оказывается, что число младенцевъ мужскаго пола относится къ числу дѣтей женсваго, какъ 26 къ 25. Гдѣ тутъ мѣсто для всеобщаго многоженства?... Такимъ точно образомъ, ранѣе или позже, бывають посрамляемы всѣ софизмы противъ ученія христіанскаго!... Проходя съ любознательными юношами курсъ народнаго, гражданскаго и уголовнаго права, наставникъ ученый и благочестивый заставитъ ихъ постоянно замѣчать,—какое благодѣтельное вліяніе имѣла христіанская вѣра на постепенное улучшеніе разнороднаго законодательства. Любезнѣйшій и добрѣйшій ученикъ Сократа, Ксенофонтъ въ трехъ строкахъ описаль намъ жестокое народное право древнихъ. Онъ говоритъ,—не оуждая, «у всѣхъ народовъ существуетъ вѣчный законъ, (*νόμος αἰδῖος ἔστι*), по коему, при «взятіи города, тѣла и пожитки гражданъ принадлежать побѣдителямъ». Однако греки и римляне были просвѣщены, образованы до утонченности и нѣги; а въ наше время, по точной мѣрѣ оскуднѣнія христіанскихъ правилъ и чувствования, военное право свирѣпѣетъ и превращается въ необузданное своеволие. Нашествіе просвѣщенныхъ варваровъ

на Россію въ 1812 году яро выказало сію грозную истину (1). Изясняя главы римскаго кодекса *de paterna potestate, de jure in liberos, de mancipiis*, и безчисленные остатки правовѣдѣнія древнихъ, легко будетъ наставнику извлечь изъ оныхъ поучительныя сравненія съ законами и понятіями, распространенными св. Евангеліемъ.

Плата должную дань удивленія и похвалы исполинскимъ трудамъ юрисконсультовъ древнихъ и новѣйшихъ, показывая, до какой степени вникали они во всѣ изгибы человѣческихъ потребностей, умысловъ и преступленій, профессоръ вмѣстѣ обязанъ обличать безсиліе ихъ усилій. И подлинно, безъ живаго содѣйствія страха Божія, страхъ законовъ человѣческихъ недостаточенъ и слабъ къ сохраненію благоустройства. Законы общественные суть только мертвыя, безжизненныя письмена, доколѣ не оживотворятся закономъ Божественнымъ. Мудрый Сократъ, вопрошая учениковъ своихъ о различіи между Божественными и человѣческими законами, говоритъ: «уставы гражданскіе ищутъ посторонней силы для наказанія нарушителей; напротивъ, Божественный законъ «въ себѣ заключаетъ наказаніе преступника». Философъ присовокупляетъ къ сему: сіе различіе указываетъ на лучшаго Законодателя, нежели каковы люди; *Κρείττονος ἢ κατ' ἀνθρώπων νόμου* *ἔτερον δοκεῖ μοι εἶναι.* (Memorabil. Xenophontis Lib).

Еще нѣсколько словъ о преподаваніи наукъ политико-экономическихъ. Статистика есть не что иное, какъ отрывокъ изъ политической географіи. Она возникла и отдѣлилась отъ своего корня, по общему въ наше время стремленію умовъ, — раздроблять занятія, въ надеждѣ на большее совершенство. Стремленіе впрочемъ это не всегда успѣшно, когда оно въ область умственную переноситъ правило, заимствованное отъ ремесленнаго и фабричнаго дѣла. Чтожъ касается до политической экономіи, теоріи казеннаго управленія и торговли, профессоръ

---

(1) Почти то же самое доказало и недавнее нашествіе германцевъ на Францію. *Ред.*

можетъ все на опытѣ дознанное и исторически поясненное съ пользою извлечь изъ твореній Адама Смита, Мальтуса, Сея, Ривардо, Шторха и прочихъ розыскателей. Но вмѣстѣ надлежало бы дополнять ихъ уроки частымъ воззрѣнiемъ на умственные и духовныя стихiи государствъ, безъ коихъ многосложный механизмъ общежитiя нерѣдко приходитъ въ разстройство; а опытные мудрецы недоумѣваютъ, чему приписать сiе непостижимое страданiе. По ихъ понятiямъ, исключительно вещественнымъ, доходы возрастаютъ; кредитъ цвѣтетъ; торговля быстро движется; миллионы людей день и ночь производятъ полезное, и миллионы жадно потребляютъ производимое; подлѣ каждой церкви и школы гордо возвышаются фабричныя, рабочiя и тюремныя зданiя; чего тутъ не достаетъ? По видимому, —ничего. Но экономистъ и технологъ да благоволятъ замѣтить, что тѣло общества, при всѣхъ признакахъ здравiя и полнокровiя, можетъ быть недужнымъ отъ влiянiя духа на тѣло. Смотрѣть на установленный Богомъ порядокъ общественный, какъ на организмъ бездушный, значить отступать отъ ученiя и духа вѣры христіанской.

Мы старались доказать ту важную истину, что нѣтъ науки, входящей въ составъ общественнаго образованiя, которая не имѣла бы отношенiя къ ученiю о Богѣ и закону Его, т. е. къ религиі. Отъ гармоническаго преподаванiя всѣхъ отраслей познанiй, въ единичной связи съ откровенною истиною, зависитъ успѣхъ воспитанiя смѣняющихся насъ поколѣній. Чѣмъ глубже безпристрастные изслѣдователи будутъ проникать въ сущность наукъ отвлеченныхъ, прагматическихъ и естественныхъ; тѣмъ яснѣе раскроютъ они дивную, совершенную гармонию книги природы съ тайнствами и заповѣдями христіанства; сомнѣнiя исчезнутъ; загадки разоблачатся, и въ безпредѣльной области разумнiя возсіяетъ для здраваго ока единое, духовное Солнце. Мы говоримъ: *для здраваго ока*; ибо въ низшей сферѣ земнаго бытiя созерцанiе не можетъ обойтись безъ руководства вѣры; и человекъ, существо падшее и возрождаемое Богомъ, дѣлаетъ успѣхи въ познанiи истины по точной мѣрѣ его успѣховъ на поприщѣ нравды. Гиганты умственные приступомъ не возьмутъ Неба. И благо

намъ! Злое сердце, рано или поздно, омрачить и умы отъ странъ высреннихъ низведетъ во прахъ самый свѣтлый геній!

Воспитаніе заключаетъ въ себѣ залогъ нравственнаго обновленія обветшалыхъ обществъ. Оно, подобно роковой урнѣ Пандоры, содержитъ въ себѣ участь народовъ и всего человѣчества. Не забудемъ, что колыбель младенца Моисея, древле носимая на водахъ Нила, вмѣщала судьбу израиль-тянъ. Отдадимъ также полную и справедливую честь глубоко-мыслию древнихъ эллиновъ. Не озаренные свѣтомъ Евангелія, они, однакожь, лучше насъ, хотя односторонне, постигали всю важность воспитанія. У нихъ педагогика была душою законодательства и общежитія. Въ нашъ вѣкъ болѣе, нежели когда-нибудь, власти, Богомъ установленныя, должны въ благочестивомъ воспитаніи искать оплота противъ безбожія и безначалія, угрожающихъ дворцу, престолу и хижинѣ. Законы вредные, несоотвѣтственные цѣли своей, могутъ быть исправляемы по указаніямъ опыта; но человѣкъ, однажды испорченный воспитаніемъ поверхностнымъ, или превратнымъ, какъ ядовитое растеніе, заражаетъ все вокругъ себя, и вопреки лучшимъ законамъ, съѣтъ зло на землѣ, доколѣ не сниметъ его серпъ жатвы всемірной...

БЕСѢДЫ НА ИЗРЕЧЕНІЯ ГОСПОДНИ О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

(Окончаніе).

11.

Блажени изнани правды ради: яко тѣхъ есть царство небесное.

Нерѣдко въ жизни мы видимъ примѣры того, съ какимъ усиліемъ и ревностію нѣкоторые изъ людей берегутъ свои земныя сокровища. Приобрѣтенное богатство они хранятъ въ

сокровенныхъ мѣстахъ, запирають крѣпкими замками и въ случаѣ, если какой злодѣй попытается на похищеніе, они отстаиваютъ свою собственность всѣми силами, до послѣдней крайности, терпя брань, побои, раны, и т. п. Если такъ сыны вѣка берегутъ земное богатство, которое рано или поздно, но непременно придется оставить на землѣ, и которое не составляетъ истиннаго счастья нашего даже и на землѣ: то не гораздо ли болѣе мы должны заботиться о сохраненіи небснаго сокровища — добродѣтелей, которыя пойдутъ съ нами въ вѣчность и доставятъ намъ нескончаемое и неизреченное блаженство? По сему-то Спаситель, послѣ седми заповѣдей о различныхъ добродѣтеляхъ, предлагаетъ еще такую, которую требуется отъ насъ постоянно и твердость въ добродѣтели, какимъ бы опасностямъ, гоненіямъ и бѣдствіямъ ни подвергались мы. *Блаженн*, говоритъ Онъ, *изгнани правды ради: яко тѣлѣ есть царствіе небесное.*

Подъ именемъ изгнанія здѣсь можно разумѣть всѣ скорби и бѣдствія, постигающія насъ на пути къ вѣчному блаженству, а подъ словомъ *правды*, по изясненію св. Златоуста, разумѣется полное благочестіе души, или добродѣтель (Бес. 13 на Мат.). За сію-то добродѣтель намъ и должно стоять до крове. Почему же для полученія блаженства требуется постоянно и твердость въ добродѣтели, простирающіяся до готовности терпѣть всякія скорби и напасти? Постоянство и твердость въ добродѣтели намъ необходимы прежде всего потому, что постоянно и сильно возстаютъ противъ нашей добродѣтели враги нашего спасенія, такъ что въ продолженіе всей жизни нашей на землѣ нѣтъ ни одной минуты, въ которую бы мы не подвергались опасности потерять свою добродѣтель. Перваго сильнаго и непримиримаго врага, возстающаго противъ нашей добродѣтели и увлекающаго насъ къ пороку, мы встрѣчаемъ въ себѣ самихъ—въ собственной нашей плоти. Плоть, которая по самой природѣ и назначенію своему должна бы подчиняться духу, какъ раба господину своему, плоть сія въ падшемъ чловѣкѣ возстала противъ своего законнаго владыки, вмѣсто должнаго повиновенія оказываетъ сильное сопротивленіе духу, стараясь подчинить его своей власти, такъ что духъ нашъ непрестанно

долженъ бороться съ плотію. Св. Апостолъ Павелъ описываетъ сію борьбу такъ: *плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хочете, сія творите* (Гал. 5, 17). И сія борьба въ человѣкѣ не кончается, пока духъ его соединенъ съ брэнною плотію. Великіе подвижники, посвятившіе всю жизнь свою на умерщвление грѣховной плоти, и тѣ никогда не считали себя безопасными отъ ея нападеній. Всѣ мы чувствуемъ сію борьбу въ насъ духа съ плотію. Часто въ умѣ нашемъ рождаются добрыя мысли; иногда, кажется, отъ всего сердца желаешь дѣлать добро: но плоть противъ воли нашей влечетъ насъ къ злу, такъ что добра, котораго хотимъ мы, не дѣлаемъ, а дѣлаемъ зло, котораго не хотимъ. *Соуслаждаемъ закону Божію и добродѣтели по внутреннему чловѣку: видимъ же инъ законъ во удыхъ нашихъ, противвоющъ закону ума нашего, и плтъняющъ насъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удыхъ нашихъ*. И о семъ-то размышляя, св. Апостолъ Павелъ невольно и болѣзненно воскликнулъ: *окаянемъ азъ чловѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. 7, 24)?

Между тѣмъ, какъ мы до самаго гроба своего должны бороться съ собственною плотію, противъ насъ непрестанно воюетъ другой врагъ нашего спасенія. Это міръ съ своими соблазнами и гоненіями. *Міръ сей*, по выраженію св. Апостола, *весь во зло лежитъ* (Іоан. 5, 19), и своими злыми примѣрами сильно увлекаетъ насъ къ злу. Онъ непрестанно бросаетъ въ насъ разжженные стрѣлы соблазновъ, такъ что нужно закрывать глаза, затыкать уши, чтобы не увлекаться злыми примѣрами и соблазнами міра. Если же мы не увлекаемся злыми примѣрами и соблазнами міра, то міръ принимаетъ противъ насъ другое оружіе, — ненависть и гоненіе. Безобразный лицемъ не любитъ смотрѣться въ зеркало и не терпитъ при себѣ людей красивыхъ. Не любятъ, не терпятъ, гонятъ и преслѣдуютъ нечестивые добродѣтельнаго, потому что въ жизни его, какъ въ чистомъ зеркалѣ, они невольно усматриваютъ все безобразіе своей души и всю нечистоту жизни своей. Сколько нужно осторожности, вниманія, благоразумія, твердости и терпѣнія, чтобы, при всѣхъ окружающихъ насъ соблазнахъ и воздвигаемыхъ противъ насъ гоненіяхъ, соблю-

можетъ все на опытѣ дознанное и исторически поясненное съ пользою извлечь изъ твореній Адама Смита, Мальтуса, Сед, Рикардо, Питорха и прочихъ розыскателей. Но вмѣстѣ надлежало бы дополнять ихъ уроки частымъ возрѣніемъ на умственные и духовныя стихіи государствъ, безъ коихъ многосложный механизмъ общежитія нерѣдко приходитъ въ разстройство; а опытные мудрецы недоумѣваютъ, чему приписать сіе непостижимое страданіе. По ихъ понятіямъ, исключительно вещественнымъ, доходы возрастаютъ; кредитъ цвѣтетъ; торговля быстро движется; милліоны людей день и ночь производятъ полезное, и милліоны жадно потребляютъ производимое; подлѣ каждой церкви и школы гордо возвышаются фабричныя, рабочія и тюремныя зданія; чего тутъ не достаетъ? По видимому, — ничего. Но экономистъ и технологъ да благоволятъ замѣтить, что тѣло общества, при всѣхъ признакахъ здравія и полнокровія, можетъ быть недужнымъ отъ вліянія духа на тѣло. Смотрѣть на установленный Богомъ порядокъ общественный, какъ на организмъ бездушный, значить отступать отъ ученія и духа вѣры христіанской.

Мы старались доказать ту важную истину, что нѣтъ науки, входящей въ составъ общественнаго образованія, которая не имѣла бы отношенія къ ученію о Богѣ и закону Его, т. е. къ религіи. Отъ гармоническаго преподаванія всѣхъ отраслей познаній, въ единичной связи съ откровенною истиною, зависитъ успѣхъ воспитанія смѣняющихся насъ поколѣній. Чѣмъ глубже безпристрастные изслѣдователи будутъ проникать въ сущность наукъ отвлеченныхъ, прагматическихъ и естественныхъ; тѣмъ яснѣе раскроютъ они дивную, совершенную гармонію книги природы съ таинствами и заповѣдами христіанства; сомнѣнія исчезнутъ; загадки разоблачатся, и въ безпредѣльной области разумнія возсіяетъ для здраваго ока единое, духовное Солнце. Мы говоримъ: *для здраваго ока*: ибо въ низшей сферѣ земнаго бытія созерцаніе не можетъ обойтись безъ руководства вѣры; и человекъ, существо падшее и возрождаемое Богомъ, дѣлаетъ успѣхи въ познаніи истины по точной мѣрѣ его успѣховъ на поприщѣ нравды. Гиганты умственные приступомъ не возьмутъ Неба. И благо

намъ! Злое сердце, рано или поздно, омрачить и умы отъ странъ высиренныхъ низведеть во прахъ самый свѣтлый геній!

Воспитаніе заключаетъ въ себѣ залогъ нравственнаго обновленія обветшалыхъ обществъ. Оно, подобно роковой урнѣ Пандоры, содержитъ въ себѣ участь народовъ и всего человѣчества. Не забудемъ, что колыбель младенца Моисея, древле носимая на водахъ Нила, вмѣщала судьбу израильтянъ. Отдадимъ также полную и справедливую честь глубокомыслию древнихъ эллиновъ. Не озаренные свѣтомъ Евангелія, они, однакожь, лучше насъ, хотя односторонне, постигали всю важность воспитанія. У нихъ педагогика была душою законодательства и общежитія. Въ нашъ вѣкъ болѣе, нежели когда-нибудь, власти, Богомъ установленныя, должны въ благочестивомъ воспитаніи искать оплота противъ безбожія и безначалія, угрожающихъ дворцу, престолу и хижинѣ. Законы вредные, несоотвѣтственные цѣли своей, могутъ быть исправляемы по указаніямъ опыта; но человѣкъ, однажды испорченный воспитаніемъ поверхностнымъ, или превратнымъ, какъ ядовитое растеніе, заражаетъ все вокругъ себя, и вопреки лучшимъ законамъ, сѣетъ зло на землѣ, доколѣ не сниметь его серпъ жатвы всемірной...

БЕСѢДЫ НА ИЗРЕЧЕНІЯ ГОСПОДНИ О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

(Окончаніе).

11.

Блаженіи изнани правды ради: яко тѣхъ есть царство небесное.

Нерѣдко въ жизни мы видимъ примѣры того, съ какимъ усиліемъ и ревностію нѣкоторые изъ людей берегутъ свои земныя сокровища. Приобрѣтенное богатство они хранятъ въ

сокровенныхъ мѣстахъ, запирають крѣпкими замками и въ случаѣ, если какой злодѣй покусится на похищеніе, они отстаиваютъ свою собственность всѣми силами, до послѣдней крайности, терпя брань, побои, раны, и т. п. Если такъ сыны вѣка берегутъ земное богатство, которое рано или поздно, но непременно придется оставить на землѣ, и которое не составляетъ истиннаго счастья нашего даже и на землѣ: то не гораздо ли болѣе мы должны заботиться о сохраненіи небеснаго сокровища — добродѣтелей, которыя пойдутъ съ нами въ вѣчность и доставятъ намъ нескончаемое и неизреченное блаженство? По сему-то Спаситель, послѣ седми заповѣдей о различныхъ добродѣтеляхъ, предлагаетъ еще такую, которою требуется отъ насъ постоянство и твердость въ добродѣтели, какимъ бы опасностямъ, гоненіямъ и бѣдствіямъ ни подвергались мы. *Блаженны, говоритъ Онъ, изгнанны правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное.*

Подъ именемъ изгнанія здѣсь можно разумѣть всѣ скорби и бѣдствія, постигающія насъ на пути къ вѣчному блаженству, а подъ словомъ *правды*, по изъясненію св. Златоуста, разумѣется полное благочестіе души, или добродѣтель (Бес. 13 на Мат.). За сію-то добродѣтель намъ и должно стоять до крове. Почему же для полученія блаженства требуется постоянство и твердость въ добродѣтели, простирающіяся до готовности терпѣть всякія скорби и напасти? Постоянство и твердость въ добродѣтели намъ необходимы прежде всего потому, что постоянно и сильно возстаютъ противъ нашей добродѣтели враги нашего спасенія, такъ что въ продолженіе всей жизни нашей на землѣ нѣтъ ни одной минуты, въ которую бы мы не подвергались опасности потерять свою добродѣтель. Перваго сильнаго и непримиримаго врага, возстающаго противъ нашей добродѣтели и увлекающаго насъ къ пороку, мы встрѣчаемъ въ себѣ самихъ—въ собственной нашей плоти. Плоть, которая по самой природѣ и назначенію своему должна бы подчиняться духу, какъ раба господину своему, плоть сія въ падшемъ чловѣкѣ возстала противъ своего законнаго владыки, вмѣсто должнаго повиновенія оказываетъ сильное сопротивленіе духу, стараясь подчинить его своей власти, такъ что духъ нашъ непрестанно

долженъ бороться съ плотію. Св. Апостоль Павелъ описываетъ сію борьбу такъ: *плоть бо похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже похотите, сія творите* (Гал. 5, 17). И сія борьба въ человѣкѣ не кончается, пока духъ его соединенъ съ брэнною плотію. Великіе подвижники, посвятившіе всю жизнь свою на умерщвление грѣховной плоти, и тѣ никогда не считали себя безопасными отъ ея нападеній. Всѣ мы чувствуемъ сію борьбу въ насъ духа съ плотію. Часто въ умѣ нашемъ раждаются добрыя мысли; иногда, кажется, отъ всего сердца желаешь дѣлать добро: но плоть противъ воли нашей влечетъ насъ къ злу, такъ что добра, котораго хотимъ мы, не дѣлаемъ, а дѣлаемъ зло, котораго не хотимъ. *Соуслаждаемъ закону Божию и добродѣтели по внутреннему чловѣку: видимъ же инъ законъ во удѣлахъ нашихъ, противовоющъ закону ума нашего, и пленяющъ насъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣлахъ нашихъ*. И о семъ-то размышляя, св. Апостоль Павелъ невольно и болѣзненно воскликнулъ: *окаянемъ азъ чловѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сая* (Рим. 7, 24)?

Между тѣмъ, какъ мы до самаго гроба своего должны бороться съ собственною плотію, противъ насъ непрестанно воюетъ другой врагъ нашего спасенія. Это міръ съ своими соблазнами и гоненіями. *Мірв сей*, по выраженію св. Апостола, *весь во злѣ лежитъ* (Іоан. 5, 19), и своими злыми примѣрами сильно увлекаетъ насъ къ злу. Онъ непрестанно бросаетъ въ насъ разжнныя стрѣлы соблазновъ, такъ что нужно закрывать глаза, затыкать уши, чтобы не увлекаться злыми примѣрами и соблазнами міра. Если же мы не увлекаемся злыми примѣрами и соблазнами міра, то міръ принимаетъ противъ насъ другое оружіе, — ненависть и гоненіе. Безобразный лицемъ не любитъ смотрѣться въ зеркало и не терпитъ при себѣ людей красивыхъ. Не любятъ, не терпятъ, гонять и преслѣдуютъ нечестивые добродѣтельнаго, потому что въ жизни его, какъ въ чистомъ зеркалѣ, они невольно усматриваютъ все безобразіе своей души и всю нечистоту жизни своей. Сколько нужно осторожности, вниманія, благоразумія, твердости и терпѣнія, чтобы, при всѣхъ окружающихъ насъ соблазнахъ и воздвигаемыхъ противъ насъ гоненіяхъ, соблю-

сти сокровище добродѣтели! *Будите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 15. 16). *Будите мудри, яко змія, и цѣли* (незловиви) *яко голубіе* (Мат 10, 16).

Но что еще сказать о томъ страшномъ супостатѣ нашемъ, который, по замѣчанію св. Апостола, *яко левъ рыкал ходити искій кого поглотити* (1 Пет. 5. 8)? Возмущается духъ при одной мысли о силѣ и злобѣ сего врага нашего; подъ ударами этого супостата падали иногда великіе подвижники добродѣтели; противъ него не устоялъ и первозданный, совершеннѣйшій человекъ. И сей-то страшный врагъ непрестанно ополчается противъ насъ всѣми силами ада, стараясь лишить насъ добродѣтели, какъ залога вѣчнаго блаженства нашего.

Имѣя столькихъ и столь сильныхъ враговъ, непрестанно злоумышляющихъ противъ насъ, можемъ ли мы когда-либо предаваться безпечности? Дремлетъ ли воинъ, когда предъ нимъ стоятъ непріатели съ обнаженными мечами? И мы, какъ воины Христовы, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, должны неусыпно и твердо стоять на стражѣ своего спасенія, наблюдая за всѣми движеніями враговъ своихъ и отражая всѣ удары и стрѣлы ихъ *во всякомъ терпѣніи и всякою молитвою и моленіемъ, молящися на всяко время духожю* (Ефес. 6, 18) Господу о укрѣпленіи силъ нашихъ.

Богъ всякія благодати, призавый насъ въ вѣчную Свою славу о Христвъ Іисусъ, мало пострадавшія, Той да совершитъ васъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да оскуетъ. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ (Пет. 5, 10. 11). Аминь.

Протоіерей В. Нестаріевскій.

6 НОЯБРЯ № 45. 1871 ГОДА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЧЕХІИ ДО КОНЦА X ВѢКА.

Цвѣтъ и запахъ жидкости, которую наполните новый мѣхъ, или новый деревянный сосудъ, сохраняются въ немъ долго, долго, почти навсегда. Правила воспитанія, сообщенныя человѣку въ молодости, остаются въ немъ на всю жизнь. Старая, извѣстная истина! Что же? Это все-таки не мѣшаетъ ей быть истиной. Но замѣчательно, что таже истина проявляется и въ судьбѣхъ цѣлыхъ народовъ. Новые, едва вышедшіе изъ состоянія дикости, языческіе народы, принявши христіанскую вѣру, были для нея тѣми новыми мѣхами, въ которыхъ всего лучше могло сохраниться это новое вино, — Божественное ученіе, принесенное Спасителемъ съ неба на землю (Матѣ. 9, 17). Но и вино бываетъ болѣе или менѣе чисто, чуждо примѣсей, имѣеть свой, тотъ или другой, отличительный запахъ. И вотъ юные языческіе народы, при-

навши даръ святой вѣры изъ рукъ болѣе или менѣе чистыхъ, сохраняютъ на цѣлые вѣка характеръ первыхъ своихъ просвѣтителей, такъ сказать, специальный запахъ перваго, вли- таго въ нихъ, духовнаго вина. Напрасно вливаютъ въ нихъ иное вино и напрасно стараются всеми мѣрами заглушить, истребить запахъ перваго вина,—онъ все держится и—нѣтъ- нѣтъ,—а все по временамъ даетъ знать о себѣ, болѣе или менѣе примѣтно разливается въ воздухѣ.

Съ изумленіемъ видитъ европейскій міръ, что нѣкоторые образованные народы, давно, давно уже принявшіе или римско- католичество, или реформатство, не смотря на справедли- вую гордость своимъ просвѣщеніемъ, съ покорностію и лж- бовію обращаются къ смиреннымъ представителямъ Церкви Восточной, ища единенія съ нею. Читатели, конечно, дога- дались уже, что мы говоримъ объ англичанахъ, особенно членахъ высокс-церковной партіи, и о чехахъ. Что влечетъ къ намъ нашихъ западныхъ братьевъ, такъ давно разлучив- шихся съ нами, такъ отлично отъ насъ развившихся ум- ственно и нравственно, такъ недружелюбно настроенныхъ къ Востоку, и въ религиозномъ и въ политическомъ отношеніи? Ко- нечно, одною изъ первыхъ, если не первою и главною, причиною мы согласны допустить безпристрастное отношеніе къ дѣлу, строгое изслѣдованіе исторіи и памятниковъ вѣры. Однако все это не можетъ вполне объяснить указаннаго нами явленія. Въ дѣлахъ вѣры участвуетъ не только умъ, но и сердце,— и послѣднее едва ли не болѣе, чѣмъ первый. Итакъ не вле- четъ ли къ намъ нашихъ братьевъ какая нибудь не созна- ваемая струна, скрытая въ тайникахъ человѣческаго сердца? Покрайней мѣрѣ то несомнѣнно, что въ обѣихъ названныхъ странахъ между первыми проповѣдниками и знаменитѣйшими іерархами были христіане Восточной Церкви. Что касается Англии, то теперь мы пока не имѣемъ времени и намѣренія говорить о ней. Мы хотимъ теперь побесѣдовать съ читате- лями о единоплеменной намъ Чехіи, или Богеміи, о которой у насъ, десять-двадцать лѣтъ назадъ, были самыя смутныя и самыя скудныя понятія.

Первыя сѣмена христіанской вѣры посеяны въ народѣ чешскомъ трудами славянскихъ апостоловъ,—св. Кирилла и

Мессодія, присланныхъ изъ Константинополя по волѣ императора Михаила III и великаго святителя, патріарха Фотія. Равноапостольные братья насадили здѣсь чистое, восточное Православіе, крестили князей и народъ и ввели Богослуженіе Восточной Церкви на языкѣ славянскомъ. Болѣе полсто-лѣтія православная вѣра была господствующею въ Чехіи и Моравіи, потомъ, болѣе столѣтія вела оживленную борьбу съ латинствомъ, наконецъ была побѣждена, какъ бы поглощена романо-нѣмецкою стихіею. Но какъ огонь подъ пепломъ, какъ сладкое воспоминаніе о свѣтлыхъ временахъ невиннаго дѣтства, идея православія хранились въ сердцахъ чешскаго народа, она давала ему жизнь и силу въ борьбѣ съ врагами его народности, она сказалась въ исторіи Гуса и Иеронима; она выступаетъ, наконецъ, предъ всемірныя очи и въ современныхъ намъ движеніяхъ въ Чехіи...

До этнографической выставки мы мало знали чеховъ и они насъ мало знали. Но съ этого времени начались многочисленныя переселенія чеховъ въ предѣлы Россіи, принатіе нѣкоторыми изъ нихъ православія и проявленіе взаимныхъ симпатій. Въ свою очередь, и русская наука обратила особенное вниманіе на славянскія племена и нарѣчія, начала изучать ихъ современный бытъ и исторію. Недавно въ Вечер. газетѣ было сообщено извѣстіе, что на актѣ въ кievской духовной академіи читано было сочиненіе профессора Воронова, въ которомъ онъ, описавъ состояніе Чехіи въ XI и XII вѣкахъ, перешелъ къ очертанію современнаго состоянія дѣль въ Чехіи и выразилъ мысль, что «нѣкогда оторванные отъ православія, чехи въ настоящее время готовы, повидимому, снова присоединиться къ нему». Такое сочиненіе, конечно, какъ нельзя болѣе современно и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія его въ печати. Но надѣмся, что не будетъ излишнимъ и наше изслѣдованіе о судьбѣ Православія въ Чехіи, отъ его появленія здѣсь до конца X вѣка.

Славянскія юго-западные государства, и въ частности Чехія, издревле находились въ сосѣдствѣ съ Германіей, политической задачей которой было подчинить своей власти славянъ,— волею или неволею, чтобы тѣмъ избавиться отъ своихъ враговъ и не дать возможности образоваться силъ-

ному самостоятельному государству, съ которымъ пришлось бы рано или поздно войти въ столкновение. Естественно было заботиться о подчиненіи этого врага, о порабощеніи его, вмѣсто того, чтобъ имѣть въ немъ подлѣ себя могущественнаго и опаснаго сосѣда; естественно было Германіи употреблять всѣ силы на то, чтобы слить славянскую народность съ своею, поглотить ее, уничтожить, особенно въ то время, когда существовали только мелкія славянскія государства, не объединившіяся подъ одною верховною властью. Но для того, чтобы покорить, нужна была сила, а славяне сами были народъ сильный,—оружіемъ съ нимъ ничего не могли сдѣлать нѣмцы. Вся первоначальная исторія славянъ чешскихъ наполнена борьбою, какую вели они съ германцами. Тяжелое матеріальное давленіе иноземной стихіи ощущалось народомъ чешскимъ ежечасно въ продолженіе всего историческаго его развитія и поселило въ немъ ту чуткость къ опасности отъ враждебныхъ славянству началъ, какая высказалась уже на порогѣ исторіи чешской, въ словахъ, которыя народная пѣснь вложила въ уста вѣщей Любуши:

«Нехвально намъ въ нѣмцахъ искать правду,
 «У насъ правда по закону святу,
 «Юже принесеху (принесоша?) отцы наши
 «Въ се-же жирне власти (¹) чрезъ три рѣки (²).

Не пали славяне въ той борьбѣ, какую они вели съ нѣмцами, отстаивая свою независимость и народность; время отъ времени имъ удавалось ставить своихъ могучихъ сосѣдей въ такое положеніе, что тѣ со стыдомъ должны были заключать унижительныя условія и отражать врага въ собствѣнныхъ своихъ предѣлахъ. Еще въ 805 и въ 806 годахъ, по иностраннымъ лѣтописцамъ, франкское войско, ворвавшееся въ Чехію тремя большими полчищами, воротилось откуда пришло, не достигши никакой побѣды. Нѣмецкіе лѣтописцы, съ такимъ хвастовствомъ превозносящіе подвиги Карла I, въ этотъ разъ

(¹) Т. е. въ эти плодородныя области.

(²) Гяльфердингъ, т. I стр. 351.

рассказываютъ только, что онъ возвратился домой безъ большаго вреда, изъ чего можно заключать, каково былъ успѣхъ его въ Чехіи (1). Въ 807 г. Карлъ считъ необходимымъ дать своей державѣ особеннаго рода установленія и средства противъ вторженій чеховъ и сѣрбовъ (2). И вотъ въ помощь матеріальной силѣ нѣмцевъ является другая сила нематеріальная—сила духовнаго образованія,—является христіанство, какъ орудіе распространенія нѣмецкой власти и вліянія на славянъ. Первый изъ государей, обратившихъ вниманіе на эту силу, былъ Карлъ Великій. Именно, въ видахъ покоренія своей власти славянъ, какъ возстановитель верховной власти древнихъ императоровъ римскихъ и защитникъ Западной Церкви, онъ присвоивалъ себѣ право заботиться о христіанскомъ просвѣщеніи народовъ Запада. Для этого онъ приказываетъ зальцбургскому архіепископу Арнону отправиться въ земли славянъ, развѣдать желанія того народа и проповѣдать тамъ слово Божіе (3). О стремленіяхъ Карла распространить христіанство, а вмѣстѣ съ нимъ и свою власть въ Чехіи, даетъ темный намекъ древняя языческая пѣснь Краледворской рукописи, въ которой пѣвецъ говоритъ, что «насъ заставляютъ поклоняться чужимъ богамъ и имѣть только одну жену» (4). У чеховъ вырублены были тогда священные лѣса, низвергнуты идолы и запрещено приносить имъ жертвы. Та же самая надежда открыть себѣ путь къ владычеству надъ Чехіей, при помощи христіанства, руководила и Людовикомъ, преемникомъ Карла. Думая распространить свою власть надъ народами славянскими, онъ прежде всего позаботился сдружиться съ безпокойными воеводами и другими партіями въ славянскихъ земляхъ. Въ 844 г., на сеймѣ въ Рѣзнѣ онъ обѣщаетъ 14 вельможамъ, или лехамъ, чешскимъ помочь въ раздорахъ ихъ и усобицахъ съ ихъ княземъ, подъ условіемъ принятія ими христіанства. Убѣдивши этихъ леховъ принять

---

(1) См. Шафарика, славянскія древности т. II кн. 2 стр. 239.

(2) Тамъ же.

(3) Вильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій стр. 11.

(4) Томка. Исторія чешскаго королевства, стр. 28.

христіанство, онъ посылаетъ съ ними нѣмецкихъ священниковъ для миссіонерской проповѣди среди чеховъ, а въ слѣдующемъ году совершаетъ и самъ походъ въ Чехію. Послѣдующіе за ними императоры всѣ держались одного средне вѣковаго нѣмецкаго принципа—неразлучно соединять завоеванія церковныя съ завоеваніями государственными; и потому, въ видахъ подчиненія своей власти, они заботились о распространеніи и утвержденіи христіанства въ Чехіи. Принятіе 14 лехами въ Рѣзніѣ крещенія дало поводъ считать Чехію принадлежащею и подлежащею вѣдѣнію регенбургскихъ архіепископовъ. Такимъ образомъ западное христіанство являлось силою, съ которою нужно было бороться, — и тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе, чѣмъ сильнѣе были притязанія нѣмцевъ на Чехію. А притязанія эти были такого рода, что вызывали борьбу не на животъ, а на смерть. «Хотятъ ли славяне, или не хотятъ, — писали нѣмецкіе церковные князья о моравянахъ, — но будутъ покорны нашему владычеству». Нѣмцы, говоритъ Палацкій, распространяя христіанство, гораздо больше заботились о распространеніи собственной власти надъ славянами; они хотѣли обратить небесную благодать въ орудіе своего корыстолюбія; апостольское дѣло должно было доставить имъ дани и служебную покорность славянскихъ племенъ (1). Знакомство чеховъ съ христіанствомъ, проникшимъ изъ Германіи, такимъ образомъ, было таково, что не позволяло имъ уразумѣть благодѣтельную силу его. Началось оно во время покоренія Чехіи вторгнувшимися въ нее чужеземнымъ войскомъ и подъ покровительствомъ этого войска, и шло наперекоръ народнымъ стремленіямъ. Не диво, если чехи противились нѣмецкимъ проповѣдникамъ, если защищались противъ насильственнаго благодѣянія, если вели непрерывную борьбу, въ теченіе столѣтій, съ латино-нѣмецкой стихіей, являвшейся къ нимъ подъ прикрытіемъ евангельскаго слова, небесной благодати.

Не въ такомъ видѣ предстало славянамъ христіанство,

---

(1) Чт. Общ. Ист. и пр. 1848 г., стр. 39 въ статьѣ объ исторіи Чехіи Палацкаго.

проникшее въ Чехію изъ Моравіи; оно явилось силою духовною, говорящею сердцу, покровительствующею народности, противодѣйствующею притязаніямъ нѣмцевъ на Чехію. Въ сказаніи относительно крещенія Боривоя Меѳодіемъ повѣствуется, что Боривой принялъ христіанство, внявъ единственно медоточивымъ увѣщаніямъ св. Меѳодія. Какія же это медоточивыя увѣщанія? «Если ты обратишься къ христіанству, говорилъ св. Меѳодій Боривою, то потомство твое будетъ обильно, какъ рѣка великая, въ которую впадаютъ вѣтви различныхъ потоковъ; ты сдѣлаешься верховнымъ княземъ и всѣ враги твои будутъ покорны твоему владычеству». Здѣсь видѣнъ прямой намекъ на политическую независимость и господство Моравіи въ средѣ славянъ; смыслъ этихъ словъ остается глубоко знаменательнымъ и до настоящаго времени. Православіе — источникъ и корень самостоятельности и силы для славянскихъ народовъ; съ потерей его — все потеряно. Это понимали нѣмцы и чувствовали древніе чехи.

Крещеніе Боривоя св. Меѳодіемъ совершено около 874 года. Къ этому именно времени относится и славная побѣда Святополка, моравскаго князя, надъ Людовикомъ нѣмецкимъ и славный миръ въ Форхсгеймѣ въ 874 г. Отправляясь ко двору Святополка, съ которымъ былъ въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ, Боривой князь чешскій увидѣлъ тамъ новую могучую силу для сохраненія самостоятельности славянскихъ государствъ, — это христіанство, принесенное изъ Греціи св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, сплотившее народъ въ одно цѣлое и давшее случай еще Ростиславу ослабить вліяніе нѣмцевъ, которые были многочисленны при дворѣ его. Такъ какъ скоро Меѳодій сдѣлался архіепископомъ мораво-паннонскимъ, то весь тамошній народъ славянскій устремился въ тѣ церкви, въ которыхъ сталъ раздаваться благозвучный языкъ славянскій, а архипресвитеръ Рихвальдъ со всѣмъ нѣмецкимъ духовенствомъ, не имѣя силы противодѣйствовать этому стремленію, не замедлилъ тотчасъ же обратиться въ свой Зальцбургъ ⁽¹⁾. Вліяніе нѣмцевъ не могло быть сильно въ Богеміи,

(1) У Лавровскаго, Кирилъ и Меѳодій, стр. 341.

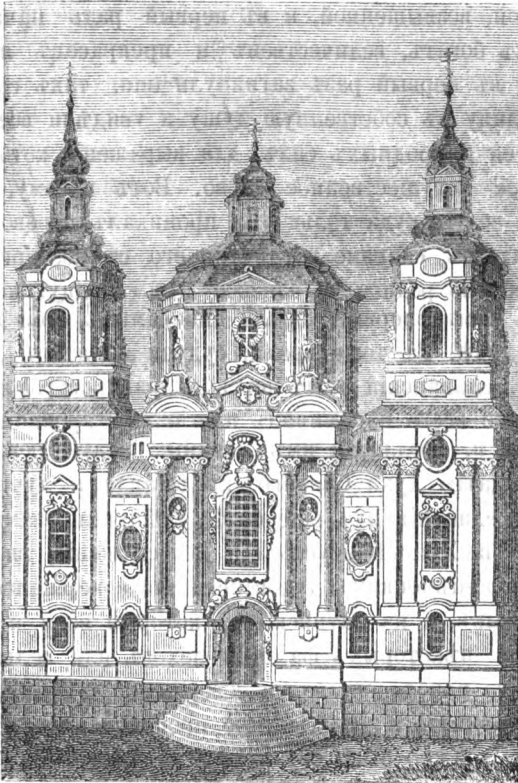
и священники нѣмецкіе, пришедшіе съ 14 лехами въ Богемію, «по неприязненнымъ отношеніямъ вельможъ къ велеградскому или пражскому великому князю, не имѣли возможности надѣяться на обращеніе чешскаго народа» (1). Напротивъ, христіанство, проповѣданное на народномъ языкѣ, могло стать знаменемъ, вокругъ котораго можно было собрать весь народъ и противодѣйствовать напору нѣмецкой національности. Таково было убѣжденіе при дворѣ Ростислава и Святополка. Съ того времени, какъ св. Меѳодій принялъ былъ, въ качествѣ архіепископа, Святополкомъ, съ тѣхъ поръ особенно, какъ говоритъ жизнеописатель св. Меѳодія, «моравска область пространити (ся) начать во вся стороны и враги своя побѣждати, и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдаютъ присно». Прося у греческаго императора «учителя—и таковаго, иже бы ны въ свой языкъ истую вѣру христіанскую сказаль», Ростиславъ прибавляетъ: «да быша и ны страны, того зряще, подобили ся намъ». Значить, еще Ростиславъ былъ увѣренъ въ успѣхахъ среди славянъ проповѣди, предлагаемой на народномъ языкѣ,—проповѣди изъ той страны, откуда «на вся страны добрый законъ находитъ». Христіанство, принятое Богеміей изъ Моравіи, тѣсно было соединено съ самостоятельностью народной жизни. Оно ставило и князей и народъ чешскій въ независимость отъ посягательствъ нѣмцевъ на поглощеніе и порабощеніе славянства. «Утвержденное Меѳодіемъ просвѣщеніе, говоритъ Палацкій, было христіанское и вмѣстѣ свое народное, не подрывающее самобытность славянскихъ народовъ, но благословившее и укрѣпившее ихъ развитіе» (2). Естественно, что оно нашло доступъ къ сердцамъ чеховъ и само въ себѣ заключало ручательство за дальнѣйшіе успѣхи свои среди чеховъ и вмѣстѣ противодѣйствіе нѣмецкой проповѣди: противодѣйствіе это вытекаетъ, какъ

---

(1) Православіе у чеховъ, Новикова. Въ Чт. общ. ист. и др. 1846 г. л. 2 стр. 12.

(2) Елагинъ объ исторіи Чехіи Палацкаго въ Чт. общ. ист. и др. 1848 г. № 7, стр. 37.

слѣдствіе, изъ присутствія въ проповѣди учителей славянскихъ началъ охранительныхъ, допускающихъ свободу къ развитію независимости и самобытности національной и политической, вопреки проповѣди нѣмецкой, искавшей неразлучнаго соединенія завоеваній церковныхъ съ завоеваніями государственными.

Церковь св. Николая въ Прагѣ.

Кромѣ политики, другою причиною, условливавшею не успѣхъ проповѣди нѣмецкой и успѣхъ учителей славянскихъ, — успѣхъ Православія, проникшаго въ Чехію изъ Моравіи, было то, что христіанская проповѣдь изъ устъ св. Кирилла и Меодія исходила въ звукахъ славянскаго слова, казалась всѣмъ чѣмъ-то своимъ, а не чуждымъ, не пришлымъ, и та-

кимъ образомъ скоро дѣлалась необходимою стихією народной жизни. «Переводъ Библіи и церковныхъ книгъ на славянскій языкъ, говоритъ преосв. Макарій, имѣлъ самое сильное вліяніе на пробужденіе духа народнаго въ славянахъ и уясненіе ихъ народнаго самосознанія. Здѣсь въ первый разъ услышали они звуки роднаго слова въ рѣчи стройной, облагороженной, возвышенной, и въ первый разъ начали понимать, какъ богатъ, величественъ и прекрасенъ языкъ ихъ предковъ; въ первый разъ заглянули они, такъ сказать, лицомъ къ лицу въ собственную душу и увидѣли все величіе и крѣпость ея природныхъ силъ, для выраженія которыхъ служить такое могущественное слово. Вотъ почему, главнымъ образомъ, вездѣ, куда только ни проникалъ переводъ солунскихъ братьевъ, славяне встрѣчали его съ восторгомъ, какъ что-то особенно родное и близкое ихъ сердцу, какъ что-то такое, въ чемъ впервые узрѣли они самихъ себя въ самомъ лучшемъ видѣ. Въ то же время, будучи понятенъ для всѣхъ поколѣній, славянскій этотъ переводъ, распространяясь между ними, живѣе всего напоминалъ имъ о ихъ кровномъ родствѣ и братствѣ и, предлагая имъ истины новаго рожденія отъ Бога благодатію Духа Святаго, представлялъ лучшее средство для соединенія ихъ еще болѣе крѣпкими узами родства духовнаго— во Христѣ Иисусѣ» (1). Богослуженіе, вводимое въ Чехію латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, совершалось не на родномъ языкѣ, а на латинскомъ, который если и былъ понятенъ для нѣкоторыхъ фамилій леховъ или вельможъ, но для простаго народа оставался совершенно чуждымъ и непонятнымъ; значить, и христіанство, проповѣданное нѣмецкими духовными, должно было оставаться непонятнымъ, а потому оно не могло быть для него благодѣтельнымъ.

Итакъ нѣмецкій романизмъ не только не сближалъ славянъ съ христіанствомъ, а напротивъ производилъ въ нихъ сильную вражду противъ него. «Славяне, говоритъ Маціевскій о полабскихъ славянахъ, вооружались противъ христіанъ, по причинѣ претерпѣваемыхъ ими отъ германцевъ наси-

---

(1) Исторія христіанства до Владиміра, 201—204 стр.

лій, и старались всѣми средствами освободиться отъ той вѣры, проповѣдники которой болѣе заботились о собственныхъ выгодахъ, нежели о благѣ Церкви» (1). Латинскій языкъ при богослуженіи, особенно рядомъ съ славянскимъ богослуженіемъ, долженъ былъ казаться и казался посягательствомъ на народное самосознаніе, — и народъ отвернулся отъ него, чтобы внимать богослуженію, учрежденному святыми солунскими братьями. Объ этомъ свидѣлствуетъ печаль регенсбургскихъ и зальцбургскихъ епископовъ при вѣсти о просвѣщеніи славянъ проповѣдниками изъ Греціи и о введеніи славянской литургіи (2). Нѣмецкимъ священникамъ не могла понравиться славянская грамотность уже потому одному, что ихъ приходскія церкви опустѣли и весь народъ обратился къ братьямъ — апостоламъ; приверженность народа къ ученію св. Кирилла и Меодія нѣмцы стали объяснять діавольскою ненавистью къ христіанству.

И такъ, два начала, грекославянское и римско-нѣмецкое, скоро должны были стать во враждебныя отношенія между собою; съ первой встрѣчи ихъ и столкновенія между собою, началась та борьба, какая происходила въ народѣ чешскомъ въ продолженіе столѣтій между симпатіями къ Православію, пронишедшему изъ Моравіи, съ одной стороны, и между политическими насиліями нѣмецкихъ государей, думавшихъ положить себѣ дорогу къ обладанію надъ Чехіей посредствомъ латинской вѣры.

Принятіе четырнадцатью лехами христіанства, какъ сказано выше, дало поводъ нѣмецкимъ церковнымъ и свѣтскимъ князьямъ поставить Чехію въ зависимость отъ епископа регенсбургскаго. (3) Но это нѣмецкое епископство въ славянскихъ земляхъ существовало только на бумагѣ и въ головахъ нѣмцевъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ иное, какъ показываютъ намъ примѣры въ

---

(1) Маціевскій. Исторія первобытной хр. цер. у славянъ, стр. 125.

(2) Елагинъ. Объ исторіи Чехіи Палацкаго, стр. 38.

(3) Славянскія древности. Шафарика, т. II кн. II, ст. 253.

Панноніи, Моравіи, Польшѣ, и другихъ странахъ. О богемцахъ, которые причислялись къ регенсбургскому епископству, даже сами германцы, современные той эпохѣ, говорили, что они не имѣютъ католическаго пастыря (1). Новопросвѣщенная Мееодіемъ Богемія должна была войти въ составъ Мееодіева архіепископства. «Неизвѣстно, говоритъ Шафарикъ, составляла ли Чехія во время Мееодія часть моравскаго епископства». Намъ кажется, что вопросъ о зависимости чешской церкви отъ моравскаго епископства можно рѣшить съ большою вѣроятностію въ смыслѣ положительномъ. По окончаніи войны съ нѣмцами (874 г.), Моравія, подъ властью могущественнаго князя Святополка, сдѣлалась главою славянскаго государства. Можетъ быть, даже самъ князь чешскій Боривой долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ подчиниться Святополку (2). По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ австрійскую войну, въ которую вмѣшался и Святополкъ (883 г.), полки чешскіе сражались наряду съ моравскими, по волѣ и приказанію князя моравскаго. Значить, Богемія была въ тѣсной связи съ Моравіей. Въ Моравіи же, послѣ блистательнаго форхгеймскаго мира, самъ Святополкъ просилъ къ себѣ св. Мееодія и, по прибытіи его къ нему изъ области коцеловой, Святополкъ «поручилъ ему всѣ церкви и стрѣпншии (священниковъ?) во всѣхъ градѣхъ» (3). Такимъ образомъ, если въ Моравіи Мееодій былъ уже самостоятельнымъ епископомъ, а Чехія въ политическомъ отношеніи признавала свою зависимость отъ Моравіи, то, какъ принявшая оттуда христіанство и получившая отъ нея священниковъ, она должна была и въ церковномъ отношеніи находиться въ зависимости отъ моравскаго епископа. Притомъ, нѣтъ никакихъ извѣстій о присылкѣ въ Чехію и о посвященіи на священническія мѣста лицъ духовныхъ изъ Регенсбурга, между тѣмъ имѣемъ несомнѣнныя извѣстія, что Мееодій для просвѣщенія Чехіи послалъ туда вмѣстѣ съ Боривоемъ священниковъ, между которыми

(1) Маціевскій. Исторія первобытной церкви у славянъ, 81 стр.

(2) Томка. Исторія чешскаго королевства, ст. 41.

(3) О св. Кирьялѣ и Мееодіи, 430 стр. Москв^н т. 1843 г. кн. 6.

былъ Кайхъ, мужъ извѣстный своимъ благочестіемъ, крестившій жену Боривоя Людмилу, вмѣстѣ съ ея семействомъ, и бывшій настоятелемъ церкви, которую соорудилъ Боривой. По свидѣтельству Странскаго, писателя 16 уже вѣка, въ Чехіи св. братьями установлено было даже какое-то соборное учрежденіе и управленіе. «Отъ св. Кирилла до Дитмара, говорить онъ, церковная власть въ Чехіи находилась въ рукахъ евангельскихъ, т. е. православныхъ. Кириллъ поставилъ по всему государству учителей вѣры, а надъ ними совѣтъ пресвитеровъ, и по обряду греческому установилъ литургію и всѣ церковныя службы. Первымъ въ этомъ совѣтѣ, не по сану, а по порядку чина началія, былъ Кайхъ, мужъ любимый за свое благочестіе Боривоемъ и Людмиллой, долго правившій чешскою церковію. По мѣрѣ того, какъ члены совѣта сходили съ поприща жизни, праздно мѣсто, по общему согласію, занималось кѣмъ-нибудь изъ служителей или нисшихъ священниковъ. Такое правленіе церкви продолжалось при Боривоевѣ, Спитигнѣвѣ, Вратиславѣ, Вячеславѣ, Болеславѣ I и Болеславѣ II, цѣлыхъ 70 лѣтъ, пока Дитмаръ не былъ поставленъ епископомъ надъ всѣмъ государствомъ» (1). Странскій основывалъ это извѣстіе, вѣроятно, не на однихъ древнѣйшихъ преданіяхъ, а и на недодешедшихъ до насъ письменныхъ документахъ; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что при жизни св. Меодія Чехія получила отъ него священниковъ, а не отъ регенбургскаго или другихъ какихъ-либо епископовъ. Въ противоположность номинальной церковной зависимости отъ регенбургскихъ епископовъ, она дѣйствительно самымъ дѣломъ признавала свою зависимость отъ моравскаго епископа, тяготѣла къ нему и имѣла тѣсное общеніе съ нимъ. Подъ руководствомъ Меодія утвердилось въ ней славянское богослуженіе и славянская литургія и положены были начатки дальнѣйшихъ успѣховъ Православія.

Но прежде чѣмъ обратимся къ успѣхамъ Православія въ Чехіи, скажемъ кратко о значеніи для Чехіи вообще Моравіи

---

(1) Елагинъ. Православіе у чеховъ, стр. 41, въ Чт. общ. ист. и древ. 1846 г. т. 2.

Панноніи, Моравіи, Польшѣ, и другихъ странахъ. О богемцахъ, которые причислялись къ регенбургскому епископству, даже сами германцы, современные той эпохѣ, говорили, что они не имѣютъ католическаго пастыря (1). Новопросвѣщенная Мееодіемъ Богемія должна была войти въ составъ Мееодіева архіепископства. «Неизвѣстно, говоритъ Шафарикъ, составляла ли Чехія во время Мееодія часть моравскаго епископства». Намъ кажется, что вопросъ о зависимости чешской церкви отъ моравскаго епископства можно рѣшить съ большою вѣроятностію въ смыслѣ положительномъ. По окончаніи войны съ нѣмцами (874 г.), Моравія, подъ властью могущественнаго князя Святополка, сдѣлалась главою славянскаго государства. Можетъ быть, даже самъ князь чешскій Боривой долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ подчиниться Святополку (2). По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ австрійскую войну, въ которую вмѣшался и Святополкъ (883 г.), полки чешскіе сражались наряду съ моравскими, по волѣ и приказанію князя моравскаго. Значитъ, Богемія была въ тѣсной связи съ Моравіей. Въ Моравіи же, послѣ блистательнаго форхгеймскаго мира, самъ Святополкъ просилъ къ себѣ св. Мееодія и, по прибытіи его къ нему изъ области коцеловой, Святополкъ «поручилъ ему всѣ церкви и стрижнпци (священниковъ?) во всѣхъ градѣхъ» (3). Такимъ образомъ, если въ Моравіи Мееодій былъ уже самостоятельнымъ епископомъ, а Чехія въ политическомъ отношеніи признавала свою зависимость отъ Моравіи, то, какъ принявшая отсюда христіанство и получившая отъ нея священниковъ, она должна была и въ церковномъ отношеніи находиться въ зависимости отъ моравскаго епископа. Притомъ, нѣтъ никакихъ извѣстій о присылкѣ въ Чехію и о посвященіи на священническія мѣста лицъ духовныхъ изъ Регенбурга, между тѣмъ имѣемъ несомнѣнныя извѣстія, что Мееодій для просвѣщенія Чехіи послалъ туда вмѣстѣ съ Боривоемъ священниковъ, между которыми

(1) Маціевскій. Исторія первобытной церкви у славянъ, 81 стр.

(2) Томка. Исторія чешскаго королевства, ст. 41.

(3) О св. Кириллѣ и Мееодіи, 430 стр. Москвѣ т. 1843 г. кн. 6.

былъ Кайхъ, мужъ извѣстный своимъ благочестіемъ, крестившій жену Боривоя Людмилу, вмѣстѣ съ ея семействомъ, и бывшій настоятелемъ церкви, которую соорудилъ Боривой. По свидѣтельству Странскаго, писателя 16 уже вѣка, въ Чехіи св. братьями установлено было даже какое-то соборное учрежденіе и управленіе. «Отъ св. Кирилла до Дитмара, говоритъ онъ, церковная власть въ Чехіи находилась въ рукахъ евангельскихъ, т. е. православныхъ. Кириллъ поставилъ по всему государству учителей вѣры, а надъ ними совѣтъ пресвитеровъ, и по обряду греческому установилъ литургію и всѣ церковныя службы. Первымъ въ этомъ совѣтѣ, не по сану, а по порядку чиноначалія, былъ Кайхъ, мужъ любимый за свое благочестіе Боривоемъ и Людмиллой, долго правившій чешскою церковію. По мѣрѣ того, какъ члены совѣта сходили съ попрѣща жизни, праздно мѣсто, по общему согласію, занималось кѣмъ-нибудь изъ служителей или нисшихъ священниковъ. Такое правленіе церкви продолжалось при Боривоеѣ, Спитигнѣвѣ, Вратиславѣ, Вячеславѣ, Болеславѣ I и Болеславѣ II, цѣлыхъ 70 лѣтъ, пока Дитмаръ не былъ поставленъ епископомъ надъ всѣмъ государствомъ» (1). Странскій основывалъ это извѣстіе, вѣроятно, не на однихъ древнѣйшихъ преданіяхъ, а и на недошедшихъ до насъ письменныхъ документахъ; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что при жизни св. Меодія Чехія получила отъ него священниковъ, а не отъ регенбургскаго или другихъ какихъ-либо епископовъ. Въ противоположность номинальной церковной зависимости отъ регенбургскихъ епископовъ, она дѣйствительно самымъ дѣломъ признавала свою зависимость отъ моравскаго епископа, тяготѣла къ нему и имѣла тѣсное общеніе съ нимъ. Подъ руководствомъ Меодія утвердилось въ ней славянское богослуженіе и славянская литургія и положены были начатки дальнѣйшихъ успѣховъ Православія.

Но прежде чѣмъ обратимся къ успѣхамъ Православія въ Чехіи, скажемъ кратко о значеніи для Чехіи вообще Моравіи

---

(1) Елагинъ. Православіе у чеховъ, стр. 41, въ Чт. общ. ист. и древ. 1846 г. л. 2.

и о вліяніи ея на Чехію. Вмѣстѣ съ церковною зависимою, Чехія признала свою зависимость отъ Моравіи и въ политическомъ отношеніи. Такъ, стремясь къ сохраненію политической самобытности и независимости отъ нѣмцевъ, она естественно прежде всего должна была признать свою зависимость отъ единоплеменнаго государства моравскаго, потому что зависимость эта, какъ государственная, такъ и церковная, тѣсно соединена была съ благосостояніемъ самаго чешскаго королевства. Въ союзѣ только съ Моравіей, которая сдѣлалась центромъ для всѣхъ единоплеменныхъ славянскихъ государствъ, Чехія могла сдѣлаться силой, съ которой нѣмцы не могли успѣшно бороться, и даже боялись ея. Подъ покровительствомъ Моравіи, христіанская вѣра, насажденная св. Кирилломъ по обряду не римскому, а грековосточному, съ каждымъ днемъ возрастала и производила благотворное вліяніе на убѣжденія и нравы народа. Первое время распространенія ея въ Чехіи есть и самая цвѣтущая пора успѣховъ православія и просвѣщенія, принесенныхъ на Западъ изъ Греціи и проникшихъ въ Чехію изъ Моравіи. На это указываютъ слѣд. обстоятельства:

1. Училища. Трудями славянскихъ первоучителей въ новопросвѣщенныхъ ими странахъ всюду заводимы были училища. Такъ было въ Моравіи и Панноніи. «Дошедъшю же Константину Моравы, съ великою честью пріять и Ростиславъ, и, собравъ ученики, вдасть я учити... И отверзошася, по пророческому словеси, уши глухихъ услышати книжная словеса, и языкъ ясенъ бысть гугнивымъ» (1). Послѣ перваго возвращенія своего изъ Рима въ Паннонію, св. Меѳодій тамъ также заводитъ школы. Объ этомъ свидѣлствуютъ «двадцать мужъ честныя чади», которыхъ Коцель, князь Паннонскій, послалъ въ Римъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, прося возвести учителя словенскаго на престолъ Апостола Андроника (2). Очевидно, изъ этихъ 20 мужъ честныя чади по крайней мѣрѣ большая часть состояла изъ учениковъ

---

(1) «О св. Кириллѣ и Меѳодіи» Москвит. 1843 г. кн. 6.

(2) Тамъ же стр. 427.

св. Меѳодія, уже научившихся «утреніи и годинамъ обѣдней и вечерней, и повечерницѣ и тайной службѣ» (1). О школахъ, заведенныхъ Меѳодіемъ въ Панноніи, ясно говоритъ и самъ жизнеописатель Меѳодія, происходившій изъ Панноніи (2) и вездѣ называющій Меѳодія своимъ учителемъ. Въ Болгаріи также заведены были славянскими учителями училища, и эти училища, вскорѣ послѣ нихъ, разцвѣли полнымъ цвѣтомъ. Въ продолженіе X вѣка переведены тамъ на славянской языкъ многія писанія древнихъ учителей Церкви, явились многія оригинальныя благочестивыя сочиненія, приготовлены нѣкоторыя руководства для училищъ въ переводѣ съ греческаго, каковы: грамматика, философія и богословіе св. Іоанпа Дамаскина, церковно-гражданская исторія (3). То же было и въ Чехіи. Вячеславъ, внукъ Боривоя, отданный на воспитаніе Людмилѣ, своей бабкѣ, знакомится прежде всего съ письменами славянскими. *И вѣда ѿ баба своя Людмила научити книгамъ Словенскимъ по слѣду попову: и навѣче разума добръ* (4). Школы эти, вѣроятно, заводимы были при церквахъ и учителями въ нихъ были духовныя лица, знакомившія своихъ соотчичей съ роднымъ языкомъ въ его литературной обработкѣ, т. е., какъ онъ извѣстенъ былъ въ переведенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ книгахъ. Странскій, на основаніи Гайка, приписываетъ дѣло школьнаго преподаванія св. Кириллу, который во храмѣ Пресвятой Богородицы просвѣщаль чешскихъ язычниковъ и устраивалъ училища, имѣющія неограниченное вліяніе на умы народа (5). Во все время архіепископства Меѳодія, или лучше во все время царствованія Боривоя, училища эти могли приготовить много людей, трудящихся въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія христіанскою вѣрою всего чешскаго народа. Они вводили въ умы и сердца и въ самую жизнь чеховъ истины вѣры, принятой сначала безъ про-

---

(1) Стр. 419.

(2) Стр. 407.

(3) Макарій, Исторія христіанства до равноапостол. кн. Владимира, стр. 319.

(4) Убіеніе Вячеслава кн. чешскаго стр. 86. Москва.

(5) Елагинъ, Православіе у чеховъ, стр. 13.

никовенія живыми и возвышенными ея началами. Въ славянскихъ училищахъ, въ преподаваніи на родномъ языкѣ, нужно искать причины той сильной привязанности къ восточному православію среди народа, которая характеризуетъ исторію чешскую до самаго Гуса, придаетъ ей высокій интересъ и трагическую извѣстность. Только эти училища могли приготовить споспѣшниковъ дѣла славянскихъ первоучителей; только людямъ, прошедшимъ славянскую школу, могли откликнуться славяне и открыть свое сердце для принятія благодати крещенія и просвѣщенія христіанскою вѣрою.

2. Письменность. Вмѣстѣ съ училищами явилась въ Чехіи письменность, при пособіи которой свѣтъ вѣры Христовой все болѣе и болѣе распространялся среди чешскаго народа. Памятниками церковно-славянской письменности служатъ рукописное житіе св. Меѳодія, писанное въ верхней Моравіи, такъ же «сказаніе объ убіеніи Вячеслава, князя чешска», и отрывокъ изъ хронографа; всѣ эти произведенія, по всѣмъ признакамъ, писаны въ Чехіи и Моравіи; кириллица, или азбука св. Кирилла перешла, въ нѣкоторыхъ буквахъ, въ древнѣйшіе памятники чешской письменности; остатокъ славянскаго богослуженія въ Чехіи представляетъ церковно-народная пѣнь: *Господине помилуй*, т. е. Господи помилуй. Памятники эти, дошедшіе къ намъ изъ глубокой древности, указываютъ собою на существованіе другихъ произведеній славянской письменности, которыя питали умъ и особенно сердце ново-обращеннаго народа чешскаго. По аналогіи съ письменностью болгарскою и нашею древне-русскою, можемъ предполагать, что въ Чехіи существовало нѣсколько переводовъ твореній греческихъ Отцевъ,—особенно назидательнаго характера, каковы житія святыхъ, благочестивыя и нравственныя размышленія. Можетъ быть даже, самыя житія св. Меѳодія, писанныя въ Моравіи, и св. Вячеслава—въ Чехіи вызваны были не простымъ желаніемъ современника оставить потомству память о знаменитыхъ и благочестивыхъ мужахъ, а обусловливались существованіемъ въ Моравіи и Чехіи подобныхъ жизнеописаній, переведенныхъ съ греческаго языка. На развитіе у чеховъ и вообще у древнихъ славянъ своей письменности, питающей умъ и сердце народа, указываетъ и по

стоянная проповѣдь духовныхъ пастырей, являющаяся въ видѣ поученій или бесѣдъ. Такія поученія или бесѣды получили особенное развитіе и значеніе въ Чехіи, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія Чехіи,—именно Чехія XII, XIII и XIV вѣковъ, когда вдохновенное слово проповѣдника, представителя мысли народной, завѣщанной древнею жизнію, оживляло уснувшія воспоминанія въ сердцахъ воспримчивыхъ слушателей, будило въ нихъ вѣще звуки давно уже умолкнувшаго, но все еще знакомаго голоса, которымъ нѣкогда православная вѣра смягчала умы и нравы чеховъ. Можно даже думать, что въ училищахъ, заведенныхъ славянскими Апостолами, изучалась не одна грамота славянская и не только утреня и година обѣдня и вечерняя, повечерница и тайная служба, но были и руководства грамматики, философіи и богословія, какъ это видимъ въ Болгаріи. Польскій историкъ Стредовскій передаетъ одно древнее сказаніе, совершенно правдоподобное и подтверждаемое нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями: что св. Кирилль и Меѳодій, занимаясь сами обращеніемъ болгаръ и моравовъ, посылали отъ себя къ другимъ окрестнымъ славянамъ миссіонеровъ (1). Для этихъ миссіонеровъ, очевидно, требовалось нѣчто большее, чѣмъ простое знаніе службъ церковныхъ, нужна была порядочная начитанность и образованность, которую они могли получать отъ тѣхъ же славянскихъ учителей и передавать ее новообращеннымъ славянскимъ народамъ. Въ Чехіи, которая была, такъ сказать, подъ рукою у св. Меѳодія, могло образоваться нѣсколько такихъ лицъ, увеличившихъ славянскую письменность и способствовавшихъ усиленію преподаванія въ чешскихъ училищахъ.

(Продолженіе впереди).

---

(1) М а ц і е в с к і й, исторія первобытной церкви у славянъ, 110 стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РАЗВИТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ (¹).

(Продолженіе).

НАУКА У ФРАНКОВЪ.

Императоръ Карлъ, истинно великій человекъ во многихъ отношеніяхъ, всѣми зависѣвшими отъ него средствами содѣйствовалъ возрожденію науки. Почести, которыми Карлъ окружалъ ученыхъ людей, хорошее вознагражденіе, какое онъ давалъ за ученые труды, привлекли ко двору его очень многихъ ученѣйшихъ людей. Но онъ и самъ занимался наукой. Онъ основалъ школы въ главныхъ городахъ своей имперіи и даже въ своемъ дворцѣ, который былъ какъ бы походнымъ городомъ. Образованіе юношества, по мнѣнію Карла, было обязанностію священнаго званія, и потому онъ возложилъ на епископовъ наблюденіе за обученіемъ дѣтей грамматикѣ, пѣнію и счету или ариметикѣ. Изъ твореній Беды, который жилъ лѣтъ за шестьдесятъ ранѣе, видно, въ чемъ состояли тогда научныя занятія и всѣ свободныя искусства.

Грамматика была тогда необходима, — потому что латинскій языкъ былъ уже испорченъ, а романскій — еще грубъ. Вульгарнымъ языкомъ былъ тогда тотъ, изъ котораго потомъ выработанъ языкъ французскій; но этотъ языкъ былъ въ ту пору грубымъ и неразвитымъ нарѣчіемъ, которое стыдились употреблять въ серьезныхъ дѣлахъ. Языкъ нѣмецкій, — языкъ Карла только что начиналъ разрабатываться: на немъ существовали

нѣсколько переводовъ св. Писанія; Карлъ Великій написалъ грамматику этого языка. Пѣніе, преподававшееся тогда, было церковное, только что реформированное на римскій манеръ; существовали и нѣкоторыя правила музыки. Счисленіе служило для точнаго опредѣленія праздника Пасхи и другихъ временъ года, и обнимало также элементарныя правила ариѳметики. Все это показываетъ, что наука существовала тогда только для пользы духовенства. Да и могло ли быть иначе, когда свѣтское общество состояло съ одной стороны изъ аристократіи, не знавшей другаго занятія, кромѣ войны, а съ другой—изъ рабовъ,—земледѣльцевъ и ремесленниковъ? Карлъ Великій съ заботливостію распространялъ въ своемъ государствѣ кодексъ каноническихъ постановленій, который онъ получилъ отъ папы Адріана, также кодексъ римскихъ законовъ; наконецъ онъ сдѣлалъ новыя изданія другихъ кодексовъ, принадлежавшихъ подчиненнымъ ему народамъ. Далѣе, много въ это время существовало древнихъ исторій; Карлъ съ любовію писалъ и собиралъ стихи, которые прославляли прекрасныя поступки древнихъ германцевъ. Если ко всему этому прибавить еще св. Писаніе и писанія св. отцевъ церкви, которыя въ то время были уже извѣстны, то очевидно, что Карла ничто не могло останавливать въ дѣлѣ просвѣщенія своихъ подданныхъ. И еслибъ научныя занятія шли показаннымъ порядкомъ, и еслибъ въ нихъ поболѣе принимали участія міряне, то франки легко могли бы приобрѣсти и развитіе познанія, самыя полезныя для религіи, для политики и для жизни частной,—легко могли бы достигнуть той цѣли, которую должны были имѣть эти занятія.

Къ сожалѣнію, все испортила жадность новизны. Очень многіе занимались астрологіей, и вѣрили предсказаніямъ астрологовъ. Другіе, опять, чтобы научиться хорошо писать по-латински, привязывались къ однимъ словамъ и фразамъ древнихъ авторовъ. Хуже всего было то, что сами монахи занялись подобными мелочами, и стали хвалиться своей ученостію, оставивши спасительное молчаличество и труды рукъ. Дворъ Людовика благочестиваго полонъ былъ подобнаго рода людьми; ни одного важнаго дѣла не обходилось безъ ихъ участія. Когда потомъ, съ паденіемъ каролинговъ,

послѣдоваль политическій кризисъ, наука испытала новый ударъ. Документы, дошедшіе отъ времени Карла Лысаго, не исключая и церковныхъ актовъ, написаны варварскою латинью, съ самыми грубыми ошибками противъ формъ и духа языка. Что же касается до книгъ, то онѣ были такъ рѣдки, что Луппъ, аббатъ феррьерскій, за спискомъ сочиненій Цицерона долженъ былъ обратиться въ Римъ къ папѣ. А когда междоусобныя войны и разбои норманновъ затруднили путешествія и разстроили торговлю, то научныя занятія сдѣлались въ высшей степени трудными и неудобными; я говорю здѣсь о монахахъ и клирикахъ, потому что кромѣ ихъ въ это время никто и не помышлялъ о наукѣ. Но и самое духовенство не могло употреблять на науку всего времени, потому что у него были дѣла другого рода, не терпѣвшія отлагательства. Въ то время часты были государственные перевороты и смятенія; духовенство должно было, оставляя дома и церкви, спасать отъ неистовства варваровъ святыню. Иногда сами монахи и клирики вынуждаемы были браться за оружіе, чтобы защитить собственную жизнь и отвратить поруганіе святыни. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ не мудрено было затерять книги; тѣмъ болѣе неудобно было изучать ихъ, или дѣлать новые списки! При всемъ томъ книги сохранились, и всегда были епископы и монахи, отличавшіеся ученостію. Но такъ какъ мало было книгъ и учителей, то любознательные люди выбирали себѣ между многими предметами знанія нѣкоторые, болѣе достойныя, по ихъ мнѣнію, изученія; при этомъ они не имѣли другого руководства, кромѣ примѣра своихъ предшественниковъ. Тогда занимались только для того, чтобы удовлетворить естественной любознательности и поддержать свое положеніе. Такъ, Аббанъ, аббатъ бенедиктинскаго монастыря, что на Дуарѣ, во времена Гуго Капета, занимался діалектикой, ариеметикой и астрономіей, изучалъ также впоследствии св. Писаніе, каноническое право, собиралъ творенія св. отцевъ, съ тою цѣлію, чтобы найти защиту противъ нападокъ епископа орлеанскаго.

Съ этого времени, по мѣрѣ того, какъ возвышалась королевская власть и ослабѣвали внѣшнія опасности, наука такъ

же воскресала: въ правленіе Филиппа I, около 1060 года, во Франціи были люди, пользовавшіеся ученою славою въ своей мѣстной церкви. Заводились также школы при кафедральныхъ соборахъ и при монастыряхъ, гдѣ онѣ были двоякаго рода—внутреннія для образованія монаховъ, и внѣшнія для мірянъ. Здѣсь изучали, какъ и прежде, богословіе у отцевъ Церкви, церковное право, діалектику и математику. Эти занятія продолжались и въ слѣдующемъ столѣтіи, постоянно развиваясь и усовершаясь, какъ это видно изъ сочиненій Ивы Шартрскаго, Граціана, Петра Ломбардскаго, Бернарда и другихъ авторовъ, которыхъ стиль и методъ такъ отличны отъ позднѣйшихъ схоластиковъ.

Первые схоластики съ точностію слѣдовали названному авторамъ, и направленіе литературы измѣняется лишь въ концѣ двѣнадцатаго вѣка. Я не нахожу этому другой причины, кромѣ знакомства съ арабами и подражанія арабскимъ авторамъ. Инициатива дѣла выходила въ этомъ случаѣ отъ евреевъ. Они первые стали переводить арабскія книги на еврейскій языкъ; и такъ какъ евреи разсѣяны были тогда во Франціи и всему христіанскому Западу, то скоро стали появляться латинскіе переводы еврейскихъ переводовъ съ арабскаго. Впрочемъ, была возможность получать произведенія арабской литературы и непосредственно: во-первыхъ—изъ Испаніи, которая на половину была во власти мавровъ, т. е. африканскихъ арабовъ, и во-вторыхъ—изъ Палестины, куда постоянно стремились христіанскіе войны и богомольцы.

ВЛИЯНІЕ АРАБСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ НА ПРОСВѢЩЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Общее мнѣніе, проповѣдующее, что всѣ магометане вообще всегда были гонителями науки, не имѣетъ никакого достаточнаго основанія. Напротивъ, магометане, особенно же арабы и персы, имѣли невѣроятное число ученыхъ, пользовавшихся обширною извѣстностію. Громадныя бібліотеки магометанскія всѣмъ также извѣстны. Въ XII вѣкѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, исполнилось уже четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ арабы начали научныя занятія; и ни-

когда у нихъ наука не была, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ то время, когда въ Европѣ она находилась въ самомъ плачевномъ положеніи, т. е. въ X и XI вѣкѣ. Арабы—я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣхъ, которые называли себя мусульманами, какой бы націи или страны они ни были,—имѣли двоякаго рода научныя занятія: одни у нихъ были собственнаго происхожденія, а другія заимствованы ими отъ грековъ византійской имперіи.

Къ занятіямъ перваго рода принадлежала прежде всего религія арабовъ, т. е. Алкоранъ: преданія, приписываемыя Магомету и первымъ его ученикамъ; жизнеописанія мнимыхъ святыхъ магометанъ; басни, которыя про нихъ разсказываются; религіозная практика, какъ-то: молитвы, очищенія, посты, странничество, магометанское схоластическое богословіе, которое рѣшаетъ многіе важныя вопросы, напримѣръ, о свойствахъ Божества, о предопредѣленіи, о судѣ, о наслѣдіи пророка; разногласіе магометанъ въ этихъ пунктахъ ученія произвело между ними многія секты, взаимно величающія другъ друга еретическими. Другіе же изучали коранъ и его комментарии болѣе у юрисконсультовъ, нежели у богослововъ, чтобы найти въ немъ правила для внѣшней дѣятельности и рѣшеніе разныхъ недоумѣній, потому что эта книга была единственнымъ закономъ даже для свѣтской власти. Нѣкоторые прилежно занимались исторіей, которая заботливо велась у арабовъ со времени основанія ихъ религіи и имперіи. За то арабы были совершенными невѣждами въ области древней исторіи: они презирали всѣхъ, жившихъ прежде Магомета, называли это время періодомъ невѣжества, такъ какъ оно не имѣло понятія объ ихъ религіи. Свѣдѣнія, которыя можно было находить касательно исторіи этого періода у древнихъ арабскихъ поэтовъ, совершенно удовлетворяли мусульманъ. Поэтому нельзя не сознаться, что въ разработкѣ своихъ преданій они слѣдовали тому же принципу, какъ нѣкогда аѳинскіе греки. Нужно также сознаться, что арабская поэзія имѣла лишь поверхностныя достоинства, какъ напримѣръ, яркость слога и смѣлость образовъ. Арабы не имѣли поэзіи подражательной, которая всего болѣе изощряетъ вкусъ; это обстоятельство, конечно, находится въ связи съ

тѣмъ презрѣнїемъ, какое арабы питали къ пластическимъ искусствамъ (кромя архитектуры), къ живописи и скульптурѣ, потому что эти искусства напоминали имъ идолопоклонство. Арабскіе поэты принесли пользу и арабскому языку; языкъ поэтовъ былъ языкомъ большинства народовъ мусульманскаго міра, да и нынѣ онъ остается языкомъ большей части магометанъ, особенно же—языкомъ религіи. Арабы изучали этотъ языкъ главнымъ образомъ въ коранѣ, а чтобы узнать его въ живой рѣчи, любознательные со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ провинцію Иранъ, и особенно въ городъ Бассору, который для арабовъ былъ тѣмъ же, чѣмъ для грековъ были Аѣнны. Могущественные персидскіе государи писали потомъ на этомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ много былъ разрабатываемъ. Около 820 года калифъ Аль-Мамунъ просилъ у императора константинопольскаго лучшихъ греческихъ книгъ, и, получивши ихъ, велѣлъ перевести ихъ на арабскій языкъ. Впрочемъ не видно, чтобы арабы съ особенною любовью занимались греческимъ языкомъ. Это былъ языкъ враговъ ихъ—обстоятельство, достаточное для того, чтобы возбудить ненависть арабовъ къ этому языку. При всемъ томъ, въ переводчиквахъ не могло быть недостатка; потому что въ Сиріи и Египтѣ много было христіанъ, знавшихъ и по арабски и по гречески. Эти-то христіане, большею частію изъ несторіанской секты, и дѣлали переводы греческихъ книгъ на сирскій и на арабскій языки, для себя и для аравитянъ. Впрочемъ многія изъ греческихъ книгъ не были въ употребленіи у мусульманъ. Они не могли понимать красоту греческой поэзіи, потому что эллинская муза была совсѣмъ иныхъ свойствъ, нежели арабская; при томъ же поэтическія произведенія много теряютъ въ переводѣ на чужой языкъ. Кроме того, религіозный фанатизмъ мусульманъ не позволялъ имъ чтенія языческихъ поэтовъ, ненависть ихъ къ идолопоклонству была такъ велика, что они считали грѣхомъ произносить даже имена ложныхъ боговъ. Между множествомъ томовъ, написанныхъ арабами, едва ли найдется хоть одинъ, въ которомъ можно прочесть имена классическихъ божествъ. Арабы презирали эллинскую мифологію, которая недавно была въ величайшей модѣ у нашихъ христіанскихъ поэтовъ. Отвращеніе

отъ всего, что существовало до Магомета, не позволяло мусульманамъ чтенія древнихъ историковъ. Что же касается ораторства и политики, то эти свободлюбивыя занятія не могли находить для себя простора въ деспотическихъ государствахъ Авіи, гдѣ ротъ открывается только для лести государю, для прославленія всѣхъ его дѣяній, гдѣ гражданская жизнь выражается только въ формѣ безусловнаго повиновенія власти.

Итакъ между разнообразными произведеніями греческой литературы на долю мусульманъ оставались: математика, медицина и философія. Но поелику они не любили ни ораторства, ни политики, то Платонъ не могъ придтись имъ по вкусу; тѣмъ болѣе, что пониманіе его обуславливается знаніемъ поэзіи, религіи и исторіи грековъ. Аристотель съ своей діалектикой и метафизикой болѣе былъ подъ руку мусульманамъ; и они принялись за изученіе его съ жаромъ и невѣроятнымъ стараніемъ. Вниманіе арабовъ заняла также Аристотелева физика, особенно же тѣ восемь книгъ ея, гдѣ содержатся общія разсужденія; физика частная, которая требуетъ опыта и наблюденій, не такъ была удобна для арабовъ. Въ основаніе арабской медицины положено было ученіе о четырехъ характерахъ и четырехъ темпераментахъ, равно какъ ходячая народная медицина, которая лечила средствами неизвѣданными, и сопровождала леченіе безконечнымъ числомъ суевѣрныхъ дѣйствій. Анатомія, которую арабы получили отъ грековъ весьма несовершенною, не подвинулась впередъ въ арабскихъ школахъ. За то, химія многимъ обязана мусульманамъ, едва ли даже и не происхожденіемъ. Къ сожалѣнію, арабскіе ученые сообщили ей множество недостатковъ; это пустота задачъ, безалаберность разсужденія, суевѣрность опытовъ и все то, что производитъ шарлатановъ и обманщиковъ. Отсюда мусульмане очень удобно перешли къ магіи и разнообразнымъ видамъ волшебства, которому люди охотно отдаются, не зная физики, исторіи и истинной религіи, какъ это видно и на примѣрѣ древнихъ грековъ. Не малую помощь въ этомъ случаѣ оказала астрологія, служившая у арабовъ по слѣдней цѣли математическихъ знаній. Въ самомъ дѣлѣ эта мнимая наука достигла въ мусульманскихъ государствахъ

такого развитія, что приобрѣла особенное значеніе для государствъ, которые, по ея указаніямъ, затѣвали свои громадныя предпріятія. Калифъ Аль-Мамунъ составилъ самыя знаменитыя астрономическія таблицы, которыя впрочемъ—нужно отдать имъ честь—служили болѣе астрономіи и другимъ полезнымъ наукамъ, какъ напр. геометріи и ариметикѣ, нежели суевѣрной астрологіи. У арабовъ получила начало алгебра; а ариметика, съ изобрѣтеніемъ нуля, сдѣлалась значительно легче въ своихъ вычисленіяхъ. Для занятій астрономическихъ аравитяне имѣли тѣже побужденія, какъ и древніе восточные народы, территорію которыхъ они теперь занимали, и которыхъ наблюденіями они воспользовались, присовокупивши сюда еще результаты астрономическихъ занятій грековъ.

Таковы были у мусульманъ предметы занятій. Что же касается до побужденій къ научнымъ трудамъ, то это было—желаніе счастья, извѣстности, а не простая любознательность или ожиданіе практически-полезныхъ результатовъ развитія наукъ. Большинство видѣло въ наукѣ средство выдвинуться впередъ, стать въ ближайшія отношенія къ государю, добиться пенсіи или награды. Одни достигали этой цѣли стихотворными произведеніями, исполненными лести, соблазнительныхъ картинъ, правоучительныхъ сентенцій или героическихъ разсказовъ; другіе—занятіями астрологическими, химическими и т. п., иные—медицинской практикой; и нѣкоторые наконецъ—знаніемъ писмоводства. Эти послѣдніе занимались въ диванахъ изготовленіемъ писемъ и государственныхъ актовъ, дѣлались судьями, секретарями, а иногда достигали и высшихъ степеней.

Арабы, занимавшіеся изученіемъ религіи съ цѣлю—принять потомъ духовный санъ и получать доходы, равно какъ грамматикъ и поэты, не только не были философами, но были открытыми врагами философіи и обличали ее въ нечестіи. Въ самомъ дѣлѣ, было не трудно для всякаго малоразумнаго человѣка подорвать основанія мусульманства,—этой религіи, которая не была основана ни на здоровомъ разумѣ, ни запечатлѣна печатію Божественнаго Откровенія. Арабскіе философы, по самому занятію своему, устраненные отъ духовныхъ должностей и другихъ доходныхъ мѣстъ, искали одной

извѣстности; а извѣстность можно было приобрести, воспитавшись подъ руководствомъ какого-нибудь знаменитаго учителя, или же совершивши большія путешествія; даже всякая оригинальность, или странность въ образѣ мыслей доставляла ученую славу. Ученый, прославившійся въ Испаніи, еще болѣе былъ славенъ въ Персіи и Хорасанѣ, и возбуждалъ жаркое международное соревнованіе; каждый изъ философовъ старался отличиться особенною тонкостію своей логики, или метафизики. Эта тенденція весьма замѣтна на всѣхъ мусульманскихъ философскихъ произведеніяхъ; арабскіе философы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на всемъ чудесномъ, рѣдкомъ и особенно трудномъ; вслѣдствіе чего они много теряютъ въ пріятности, общедоступности и самой полезности.

Французы и другіе романскіе христіане заимствовали у арабовъ только то, что эти сами заняли у грековъ, а именно—философію Аристотеля, медицину и математику; что же касается языка аравитянъ, ихъ поэзіи, исторіи и религіи, то христіане презирали все это не менѣе, чѣмъ аравитяне—языкъ, исторію, поэзію и религію древнихъ грековъ. Но что всего удивительнѣе,—даже европейскіе ученые съ мусульманскимъ презрѣніемъ относились къ языку греческому, столь полезному для изученія религіи, и не прежде, какъ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія пришли къ убѣжденію, что въ языкознаніи заключается могущественное средство дѣйствования противъ невѣрныхъ и еретиковъ. Посему-то Вѣнскій соборъ 1315 года распорядился, чтобы въ школахъ читались греческій, арабскій и еврейскій языки; но это распоряженіе приведено было въ исполненіе уже гораздо позднѣе. Греческимъ языкомъ стали заниматься съ конца XV вѣка, еврейскимъ—съ начала XVI, арабскимъ—въ XVIII-мъ.

СХОЛАСТИЧЕСКАЯ НАУКА.

Возвратимся къ XII вѣку. Ученые этого столѣтія не питали интереса къ изученію иностранныхъ языковъ; они мало даже занимались и латинскимъ, который былъ необходимымъ для научныхъ занятій и во всѣхъ особенно важныхъ дѣлахъ. Я не хочу въ этомъ винить никого, кромѣ бѣдственныхъ

обстоятельство тогдашняго времени; набѣги норманновъ и междоусобныя войны сдѣлали книги слишкомъ рѣдкими, а научныя занятія—слишкомъ затруднительными. Книгопечатанія не существовало еще, и приготовленіемъ книгъ занимались въ монастыряхъ. Монахи переписывали Библию, Псалтирь и т. п. книги, необходимыя при Богослуженіи. Списывали также, при случаѣ, и творенія отеческія; собирали церковныя правила, формы дѣловыхъ бумагъ, наиболѣе употребительныхъ. Въ монастыри обыкновенно обращалось правительство за составленіемъ государственныхъ актовъ; отсюда и изъ бѣлаго клира государи обыкновенно брали своихъ нотариусовъ и секретарей. Итакъ мы видимъ, что монахамъ недоставало времени для того, чтобы заниматься перепискою свѣтскихъ историковъ и поэтовъ; къ тому же презрѣніе древнихъ христіанъ и особенно древнихъ монаховъ ко всѣмъ произведеніямъ языческой литературы не чуждо было и монаховъ XII вѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, знаніе языковъ и исторіи необходимо для яснаго пониманія отцевъ Церкви и даже св. Писанія; но въ XII вѣкѣ этого не сознавали еще; при томъ же чрезвычайная трудность изученія языковъ, при недостаткѣ лексиконовъ, глоссаріевъ, комментаріевъ и рѣдкости самого текста, отнимала у ученыхъ XII вѣка всякую надежду на успѣшность подобнаго труда.

Посему-то люди, желавшіе какъ нибудь облегчить пониманіе священнаго и святоотеческаго текстовъ, обыкновенно вдавались въ резонерство и діалектику. Таковъ былъ, напр. Іоаннъ Софистъ, жившій при Генрихѣ 1, королѣ французскомъ; таковы же были его послѣдователи Арнольдъ Лаонскій и Росцеллинъ Компъенскій, учитель Абелияра. Недостаточное знакомство съ историческими фактами, которое приобрѣтается не иначе, какъ чрезъ чтеніе, много поддерживало эту схоластическую методу объясненія св. авторовъ—пустое резонерство надъ словами и мыслями, при совершенномъ пренебреженіи сущностію дѣла. Вычурныя фразы и утонченнѣйшія комбинаціи понятій были очень удобнымъ средствомъ для того, чтобы отуманить невѣжественныхъ мірянъ. Но въ то же время эти утонченности были опасны, какъ показали заолужденія Беренгара, Абелияра и Гильберта Пуаре. Вотъ

почему самые умные изъ схоластиковъ, какъ Ансельмъ, Петръ Блуа и Бернардъ, строго слѣдовали святоотеческому примѣру въ своихъ религіозныхъ занятіяхъ, отрицая всякія нововведенія; Петръ Ломбардскій, давшій себѣ болѣе свободы, не избѣжалъ нѣкоторыхъ уклоненій отъ истины.

Между тѣмъ, знакомство съ Аристотелемъ распространилось, у западныхъ теологовъ образовалось убѣжденіе, что они нуждаются въ помощи стагирскаго мыслителя,—и они стали объяснять догматы и нравоученіе христіанства изъ началъ перипатетической философіи. Можетъ быть, это обстоятельство было естественнымъ слѣдствіемъ постоянной полемики христіанскихъ писателей съ іудеями и мусульманами. Какъ бы то ни было, Альбертъ Великій, Александръ Алесскій, и Тома Аквинатъ и многочисленные послѣдователи ихъ старались мирить христіанство съ философій Аристотеля. Должно замѣтить, что авторитетъ древности пользовался тогда великимъ уваженіемъ; въ то время ясно сознавали собственное невѣжество, и имѣли слишкомъ высокое, хотя и не совсѣмъ ясное, понятіе о вѣкахъ прошедшихъ. Всякое мнѣніе древняго автора принималось на вѣру и не критиковалось, а только изъяснялось. Извѣстно, на примѣръ, что Петръ Ломбардскій и Граціанъ, каждый съ своею цѣлю, занимались соглашеніемъ противорѣчащихъ, повидимому, святоотеческихъ мнѣній; но этого имъ показалось мало, и они принялись еще за римское право, чтобы согласить самыя противоположныя кодексы нравственныхъ предписаній. Тома Аквинатъ соглашалъ св. Писаніе и ученія отеческія не только между собою, но и съ Аристотелемъ, Цицерономъ, Сенекою и всѣми древними, какихъ онъ только читалъ. Тогда-то собственно укоренился тотъ методъ богословской науки, который извѣстенъ подъ названіемъ схоластическаго; это третій періодъ въ исторіи богословія. Первый періодъ составляетъ богословіе св. Отцовъ, которые тщательно изучали св. Писаніе, и здѣсь главнымъ образомъ почерпали познанія, необходимыя для назиданія вѣрныхъ и для опроверженія еретиковъ; этотъ періодъ богословія продолжался до конца VIII вѣка. Второй періодъ богословія можно назвать **п о д р а ж а т е л ь н ы м ь**: сюда относятся произведенія Беды, Рабана Мавра и други хъ

современныхъ имъ писателей, которые, не въ состояніи будучи, прибавить что-либо къ блестящимъ страницамъ святоотеческихъ сочиненій, довольствовались тѣмъ, что копировали ихъ, дѣлали изъ нихъ извлеченія и сборники, составляли изъ нихъ глоссы и комментаріи на св. Писаніе; этотъ періодъ богословія продолжался до XII вѣка; сюда же относится и богословіе Петра Ломбардскаго; греки остановились на этого рода богословіи и не испытали своихъ силъ въ западной схоластикѣ. Третій періодъ богословской науки обнимаетъ собою схоластику. Схоластическіе богословы, излагая ученіе св. Писанія и отцовъ Церкви, прибѣгали къ формамъ и орудіямъ аристотелевой діалектики и метафизики, но не для опроверженія философіи, какъ дѣлали древніе отцы, но для пріобрѣтенія новыхъ доказательствъ; они удивлялись Аристотелю и давали его сочиненіямъ мѣсто прямо послѣ св. Писанія. Этотъ періодъ закончилъ кардиналъ Дю-Перронъ.

Въ то же время возобновились юридическія и медицинскія занятія. Впрочемъ юриспруденцію нельзя было тогда изучить надлежащимъ образомъ, за отсутствіемъ положительныхъ законовъ. Законы римскіе и варварскіе потеряли свою силу, частію потому, что были вытѣснены противоположными имъ юридическими обычаями, частію просто отъ того, что были забыты. Стройное законодательство было невозможно, потому что самыя основанія гражданскаго общества были шатки; дороги были не свободны отъ разбойниковъ, коммерческій и промышленный труды ничѣмъ не гарантировались; граждане не составляли еще единого цѣлаго. Простолюдины были или рабы, или смѣшаны съ рабами. Дворянство жило въ разсыпную по своимъ замкамъ и не выпускало изъ рукъ оружія. Во Франціи не знали тогда другаго права, кромѣ установившагося обычая; но эти обычаи не были записаны, отличались неопредѣленностію и чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Правда, въ Италіи извѣстенъ былъ кодексъ Іустиніановъ, равно и въ Монпелье и Тулузѣ публично занимались его изученіемъ; но Іустиніановъ кодексъ не имѣлъ никакой силы среди необразованныхъ франковъ; галлы освободились отъ римскаго вліянія раньше появленія на свѣтъ Іустиніана. При томъ же извѣстное невѣжество въ языкознаніи и исторіи

отнимало возможность правильного пониманія римскихъ законовъ.

Церковное право находилось въ лучшемъ состояніи. Церковныя правила соблюдались на практикѣ, хотя дисциплина и ослабѣла. Существовало очень много кодексовъ древне-церковнаго права. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ кодексъ Граціана, который жилъ въ половинѣ XII вѣка. Впрочемъ, эти кодексы не отличались исправностію: церковныя правила перемѣшаны здѣсь были съ наставленіями изъ св. отцовъ, которыя, очевидно, не имѣли силы закона, и съ подложными декреталями первыхъ римскихъ папъ, которыя въ то время признавались еще подлинными, хотя прошло уже около трехсотъ лѣтъ послѣ ихъ фабрикаціи. Это заблужденіе, сохранявшееся до нашего времени, показываетъ, какъ полезны для сохраненія св. преданія, во всей его чистотѣ, люди, свѣдущіе въ языкахъ и исторіи, и опытные въ исторической критикѣ. Благодаря этого рода ученымъ, св. преданіе непрестанно сохраняется въ Церкви и церковныя правила исполняются въ религіозной практикѣ. Съ XII вѣка на Западѣ не знали другаго источника и другаго кодекса церковнаго права, кромѣ сборника Граціана.

Медицина была еще въ худшемъ состояніи, нежели юриспруденція. До сихъ поръ она была въ рукахъ евреевъ; и только нѣкоторые секреты врачебной науки были извѣстны старымъ женщинамъ, да еще кой-какія правила медицины, по преданію, сохранялись въ семействахъ. Первые медицинскія книги, за которыя принялись европейскіе медики, были произведенія Месюэ, Авиценны и другихъ арабскихъ лекарей; европейская врачебная наука въ началѣ заимствовала отъ нихъ всю ихъ галиматью и суевѣрія. Анатомія была въ то время въ такомъ же пренебреженіи у европейцевъ, какъ и у арабовъ. Къ арабамъ обращались больше для того, чтобы узнать врачебныя растенія. И поелику естествознаніемъ, какъ и другими науками, занимались только монахи и духовные, то изъ среды ихъ и выходили знатоки физики и лекаря. Фульбертъ, епископъ шартрскій, и Петръ ломбардскій, епископъ Париза, были медиками; Обизонъ, монахъ аббатства св. Виктора, былъ медикомъ Людовика Толстаго; медикомъ

былъ также и Ричардъ, монахъ аббатства Сентъ-Дени, опи- савшій жизнь Филиппа Августа. Соборъ латранскій, бывшій 1139 года при Иннокентіѣ II, называетъ застарѣлымъ грѣ- хомъ монаховъ и канониковъ обычай—брать на себя обя- занности адвоката или медика, для приобрѣтенія денегъ. Не смотря на это, медицина еще въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ была въ рукахъ духовенства, такъ что люди, связанные узами брака, почти не имѣли и права заниматься медицинской практикой. Не раньше, какъ въ 1452 году, университетъ парижскій, въ лицѣ кардинала Эстутвилля, разрѣшилъ же- натымъ людямъ занятія медициною. Поелику же духовнымъ всегда запрещено было проливаніе крови и поелику они не имѣли права держать торговыя лавки, то отсюда, можетъ быть, выродилось разграниченіе между медициною, хирургією и аптекарствомъ. Это разграниченіе долго поддерживало не- вѣжество медиковъ, потому что оно отнимало у нихъ сред- ства для производства опытовъ и оставляло имъ, въ пособіе и руководство, одно чтеніе и размышленіе.

УНИВЕРСИТЕТЫ И ЧЕТЫРЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ФАКУЛЬТЕТА.

Мы видѣли, что всѣ средневѣковыя научныя занятія сво- дились къ четыремъ категоріямъ или факультетамъ. Впрочемъ, собственно говоря, этихъ факультетовъ было три: *богословіе*, *право* и *медицина*; но первый заключалъ въ себѣ всѣ пред- уготовительныя знанія, необходимыя для пониманія трехъ высшихъ наукъ, и извѣстныя подъ общимъ именемъ *искуства*. По требованію здраваго смысла, тогда занимались однимъ полезнымъ,—полезнымъ во первыхъ для души, во вторыхъ— для тѣла, и въ третьихъ—для жизни практической. По этому то плану образовались университеты, и прежде всего—парижскій, который учрежденъ нивакъ не позже 1200 года. Съ давнихъ поръ при епископахъ существовали двоякаго рода школы. Однѣ предназначались для образованія юныхъ клириковъ; здѣсь учи- ли грамматику, пѣнію и ариметику; наставникомъ здѣсь былъ обыкновенно или пѣвчій или эколатьръ т. е. деканъ кафедраль- наго собора. Другія школы существовали для священниковъ и высшихъ членовъ клира; здѣсь самъ епископъ, или кто-ни-

будь изъ священниковъ, по его порученію, изъяснялъ св. Писаніе и церковныя правила. Впослѣдствіи здѣсь возникла особенная должность учителя богословія. Петръ Ломбардъ, епископъ города Парижа, извѣстный болѣе подъ именемъ *маистра сентенцій*, возвелъ свое богословское училище на высшую степень процвѣтанія; затѣмъ, въ аббатствѣ Сентъ-викторовскомъ монахи славидись своими познаніями по части всѣхъ такъ-называемыхъ свободныхъ искусствъ. Такимъ образомъ въ Парижѣ наука находилась, сравнительно, въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣсь изучали также кодексъ Граціана, который почитали тогда на Западѣ полнымъ сводомъ церковнаго права. Занятія медицинскія шли своимъ чередомъ. Тогда всѣ четыре факультета наукъ соединили вмѣстѣ и совокупность ихъ называли «университетомъ—наукъ», а потомъ—просто университетомъ; названіе имѣло цѣлю показать, что въ одномъ городѣ учили всякимъ полезнымъ знаніямъ. Новое ученое учрежденіе такъ правилось всѣмъ, что папы и короли надавали ему множество привилегій. Въ Парижъ приходили учиться изъ всей Франціи, Италиі, Германіи и Англии, словомъ—изъ всѣхъ странъ романской Европы. Школы при соборахъ и въ монастыряхъ стали гораздо менѣе посѣщаться. Университеты сдѣлались разсадниками просвѣщенія.

(Продолженіе впереди).

---

13 НОЯБРЯ № 46. 1871 ГОДА.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМЪ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Ангели, вхожденіе Пречистыя зряще,
удившася, како Дѣва вниде во святая
святыхъ.

И въ этомъ великолѣпномъ храмѣ (1), какъ и въ убогой сельской церкви, — во всѣхъ городахъ и весяхъ православной Россіи, какъ и во всей православной Церкви, празднуется нынѣ великій праздникъ; вездѣ поются хвалебныя пѣсни въ честь введенія въ храмъ Божіей Матери. Мало того: самое небо принимаетъ участіе въ радости земнородныхъ; святые Ангелы, вмѣстѣ съ св. Церковію, воспѣвають нынѣ дивное событіе изъ земной жизни Приснодѣвы. *Ангели, вхожденіе*

(1) Сказано въ кафедральномъ Исаакіевскомъ соборѣ.

Пречистая зряще, удивилася, како Дѣва смиде во Святѣхъ святыхъ.

Какое же именно событіе такъ торжественно воспоминается въ настоящій день? Въ какой это храмъ вошла, или введена родителями Матеръ Божія? Что такое святая святыхъ? Почему такъ важно это событіе — введеніе во храмъ Божіей Матери и чему оно насъ научаетъ? Вотъ вопросы, рѣшеніемъ которыхъ будетъ прилично заняться въ нынѣшній день, въ этомъ храмѣ, съ этого священнаго мѣста!

Многимъ изъ васъ, братія, конечно, еще съ дѣтства извѣстно, что Богоизбранная Дщерь праведныхъ Іоакима и Анны, трехъ лѣтъ отъ рожденія, была приведена ими въ храмъ іерусалимскій, по обѣту, который дали они, долго бывши бездѣтными, — обѣту — посвятить Богу дѣтя, которое Онъ дастъ имъ. Первосвященникъ, принявъ отъ Іоакима и Анны Богодарованную Дщерь ихъ, по вдохновенію свыше, ввелъ Ее не только въ святой храмъ, но и въ свята святыхъ. Здѣсь, при храмѣ, и оставалась Пречпстая Дѣва до четырнадцатилѣтнаго Своего возраста.

Храмъ іерусалимскій былъ одинъ во всей землѣ обѣтованной; онъ былъ тогда единственнымъ и въ цѣломъ мірѣ храмомъ истиннаго Бога. Онъ былъ построенъ сыномъ св. Царя Давида, Соломономъ, на высотѣ горы Морин, гдѣ нѣкогда праотець Авраамъ готовился принести въ жертву сына своего Исаака. Опустошенный вавилонянами, онъ былъ восстановленъ по возвращеніи евреевъ изъ плѣна и богато украшенъ Иродомъ. Не высокъ и не обширенъ былъ столичный храмъ іерусалимскій, сравнительно съ нашимъ храмомъ, но въ этомъ и не было нужды, потому что въ немъ не совершалось общественныхъ молитвъ, какъ у насъ; народъ не имѣлъ права входить въ него. Народъ собирался, для молитвъ, слушанія слова Божія и назидательныхъ бесѣдъ, въ обширныхъ притворахъ или крытыхъ галереяхъ, окружавшихъ дворъ храма со всѣхъ сторонъ. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, устроенъ былъ жертвенникъ, или алтарь, на которомъ приносились были священниками въ жертву, то есть закалались и сжигались дозволенные закономъ животныя. Къ западу отъ жертвенника возвышался самый храмъ; но въ него

входили только священники, для сожиганія еміама на алтарѣ кадилномъ, возжиганія свѣтильниковъ на седмиствѣнникѣхъ и принесенія хлѣбовъ предложенія. Но и священники входили только въ первую, ближайшую ко входу, часть храма; отъ этой части богатою завѣсою отдѣлялась вторая, самая важная, самая священная часть храма, называемая святая святыхъ, т. е. святѣйшее мѣсто: сюда входилъ одинъ первосвященникъ и только одинъ разъ въ годъ съ кровію жертвеннаго агнца, которою онъ кропилъ стѣны святилища. Вокругъ всего храма пристроены были два ряда келлій, одинъ надъ другимъ. Здѣсь были помѣщенія для престарѣлыхъ вдовъ и юныхъ отроковъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу постомъ, молитвою и благочестивыми трудами. Здѣсь, конечно, было и жилище Богоизбранной Отроковицы; но часто, какъ говоритъ преданіе, удалялась Она внутрь храма, въ святая святыхъ, гдѣ изливала Она душу свою предъ Богомъ въ пламенной молитвѣ и куда Ангелъ приносилъ Ей пищу.

Присутствіе Пречистой Дѣвы въ самой священной, самой таинственной и недоступной части храма было, конечно, явленіемъ необычайнымъ, единственнымъ и изумительнымъ. Но оно оказывается какъ бы естественнымъ и даже необходимымъ, если представимъ себѣ высокое достоинство и назначеніе Богоотроковицы. Все, что было въ храмѣ самаго святаго, служило только тѣнію и прообразомъ Ея; а Сама Она приготовлялась быть храмомъ Божиимъ, — живымъ и одушевленнымъ, — несравненно священнѣйшимъ, чѣмъ весь храмъ Соломона. Храмъ іерусалимскій былъ самымъ священнымъ, самымъ дорогимъ для евреевъ мѣстомъ не столько по своему богатству и великолѣпію, сколько по своему внутреннему, таинственному, прообразовательному значенію. Онъ былъ построенъ по образцу Моисеевой скинии, а скинія устроена Моисеемъ *по образу, показанному Богомъ на горѣ Синайской*, — по образу небесному. Что же было священнаго въ этой скинии, а потомъ и въ храмѣ Соломоновомъ? На это даетъ подробный отвѣтъ св. Апостолъ Павелъ въ томъ отдѣленіи своего посланія къ евреямъ, которое вы слышали сегодня, и которое почти всегда читается на литургіи въ нѣкоторые праздники Богородичные (гл. 9, ст. 1—7). *Скинія, го-*

ворить онъ, сооружена бысть первая, въ ней же свѣтильники и трапеза и предложеніе хлѣбовъ, яже глаголется святая. По второй же звать скинїя, глаголемая святая святыхъ, злату и муцу кадильницу и ковчегъ завѣта, окованъ всюду златомъ, въ немъ же естѣя злата, и муца манну и жезлъ Ааронова прозябшій и скрижали завѣта. Не даромъ, братїя, православная Церковь заповѣдала читать это описаніе скинїи въ праздники Богородичные. Въ ветхозавѣтной скинїи и священннхъ предметахъ ея она указываетъ намъ прообразы Божїей Матери. Въ скинїи Богъ являлъ людямъ Свое присутствїе; а въ Дѣвѣ Марїи истинно обиталъ и воплотился Сынъ Божїй. Она была свѣтильникомъ, носительницею Свѣта отъ Свѣта, трапезою для Хлѣба жизни, который питаетъ и освящаетъ вѣрующїхъ,—кадильницею для Божественнаго Огня, просвѣщающаго насъ,—ковчегомъ, вмѣстившимъ не писанное, но Живое Упостасное Слово,—стамною, живымъ сосудомъ, прїявшимъ въ Себя манну—Хлѣбъ, *иже съедый съ небесе*; Она—жезлъ отъ уничиженнаго корня Аарона и Иессея, произрастившій намъ цвѣтъ—Христа. Она святѣе святаго святыхъ, потому что чрезъ Нее пришелъ въ мїръ Самъ Небесный Первосвященникъ, совершившій освященіе наше Своею пречистою Кровїю.

Теперь, братїя, легко намъ уразумѣть и то, почему наша святая Церковь такъ торжественно празднуетъ введеніе во храмъ Божїей Матери. Событіе это ясно показало чрезмѣрно высокое достоинство и назначеніе Богоотроковицы; оно показало, что Она—именно Та, *Слѣмя* Которой *сотрепъ главу змія*, что Она храмъ Божества, одушевленный Кивотъ Божїй, жилище Царя славы. Событіе это благодѣтельно для всего мїра. Пречистая Отроковица введена въ храмъ для того, чтобы воспитатися предъ Господемъ, чтобы уготоваться въ достойное жилище Богу—Слову, чтобы неопально принять въ Себя Огнь Божества, удостоиться быть Матерію—Сына Божїя, Спасителя мїра. Пять съ половиною тысячъ лѣтъ по паденїи человѣка и изгнанїи его изъ рая, не приходилъ на землю обѣтованный Избавитель,—почему? Потому, между прочимъ, какъ учатъ св. Отцы, что не было дѣвы достойной быть матерію Сына Божїя. А если бы Спа-

ситель не пришелъ, то мы и теперь были бы подъ клятвою, мы и теперь не имѣли бы надежды спасенія. Со дня введенія во храмъ Богородицы и Ея вшествія во святая святыхъ начинается воздвигаться людямъ близкое пришествіе на землю Спасителя міра. И первосвященникъ, допустившій Ее въ святилище, и священники, видѣвшіе Ея вшествіе, и народъ, знавшій о немъ, могли теперь проразумѣвать, что готовится что-то необычайное, что скоро явится Спаситель и Слава Израиля, Чаяніе народовъ. Вотъ почему и св. Церковь воспѣваетъ нынѣ: «Днесъ благоволенія Божія предображеніе и челоуѣкомъ спасенія проповѣданіе; въ храмъ Дѣва ясно является и Христа всѣмъ предвозвѣщаетъ». Вотъ почему съ нынѣшняго же праздника Церковь начинаетъ возвѣщать намъ о наступленіи величайшаго праздника Рождества Христова и мы слышимъ радостно-торжественный призывъ ея: «Христосъ раждается,—славите! Христосъ съ небесъ—срящите! Христосъ на земли—возносите!»

Остается теперь намъ, братія, рѣшить послѣдній изъ вопросовъ, предложенныхъ въ началѣ нашей бесѣды: чему научаетъ насъ Церковь нынѣшнимъ праздникомъ? Зная, какой чести и славы удостоилась Матерь Божія, еще въ отрочествѣ, будемъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ прославлять Ее и сердцемъ и устами; будемъ прибѣгать къ Ней съ молитвою о помощи; особенно же постараемся подражать Ея высокимъ добродѣтелямъ: благочестію, кротости, чистотѣ души и тѣла, трудолюбію, покорности волѣ Божіей, приверженности къ храму Божію. Если для Пречистой Дѣвы нужно было воспитаніе при храмѣ, чтобы приготовиться къ Ея высокому назначенію, то тѣмъ болѣе для насъ грѣшныхъ необходимо *приматися въ дому Бога нашего*, усердно посѣщать святой храмъ и чаще приводить сюда дѣтей нашихъ. Помните, что и намъ предназначено войти въ Святая святыхъ, подобно Дѣвѣ Маріи, но уже не въ земное святилище, а небесное, не временное, а вѣчное.

Благословенная Богородице! Отверзи намъ двери милосердія Божія и введи насъ въ блаженныя обители Сына Твоего и Бога нашего. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЧЕХІИ ДО КОНЦА X ВѢКА.

(Продолженіе).

3. Храмы. О развитіи въ Чехіи православныхъ началъ говорятъ и храмы, посвященные св. Клименту. Такъ, первая церковь въ Богеміи, построенная Боривоемъ въ княжескомъ замкѣ на Лѣвемъ Градцѣ, была церковь во имя св. Климента, мощи котораго св. Кириллъ привезъ изъ Херсониса, а потомъ положилъ въ Римѣ; вторая церковь, построенная имъ же въ Велеградѣ, была также во имя св. Климента. Это посвященіе первыхъ церквей имени св. Климента, особенно чтимаго первоучителями славянскими, указываетъ, какъ сильно было вліяніе св. Кирилла и Меѳодіа и ихъ учениковъ на распространеніе и утвержденіе христіанской православной вѣры въ Богеміи. Эти двѣ церкви, посвященные имени Климента, и часовня въ г. Лютомышлѣ, на границахъ Моравіи, служили живымъ памятникомъ проповѣди славянскихъ первоучителей и вели мысль чеховъ къ тому времени, когда они въ первый разъ услышали свой языкъ въ церкви и чрезъ него почувствовали себя въ кровномъ родствѣ съ своими братьями славянами.

Говоря о памятникахъ успѣховъ православія и просвѣщенія, принесенныхъ изъ Греціи, мы не касались вопроса объ іерархіи чешской церкви. Это потому, что признавъ церковь чешскую подлежащею вѣдѣнію архіепископа моравскаго, тѣмъ самымъ мы признали и существованіе славянской іерархіи въ Чехіи при Меѳодіѣ. Дальнѣйшее существованіе ея также не будетъ входить въ наше изслѣдованіе, такъ какъ излагая исторію православія въ Чехіи, мы считаемъ іерархію греческой Церкви одною изъ главныхъ силъ, вліявшихъ на сохраненіе въ народѣ чешскомъ сердечной симпатіи къ православному Востоку, — къ христіанству, принесенному св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Къ памятникамъ такой симпатіи мы

причисляемъ и нѣкоторыя установленія Восточной Церкви, которыя долго сохранялись между чехами; таковы: причащеніе мірянъ подѣ обоими видами, ненаблюденіе поста въ субботу и брачная жизнь священниковъ; все это было чуждо Западной Церкви, поглотившей чеховъ, противъ ихъ воли.

Къ концу царствованія Боривоя православная вѣра уже находилась на высокой степени процвѣтанія; 24 года правленія его утвердили надолго православіе въ качествѣ господствующей вѣры. При существованіи моравскаго царства, какъ главы западныхъ славянскихъ государствъ, восточное православіе въ Чехіи могло успѣшно развиваться и прививаться болѣе и болѣе къ чешскому народу, не встрѣчая противодѣйствія со стороны нѣмцевъ; такъ какъ папы изъ своихъ личныхъ видовъ считали сначала нужнымъ покровительствовать дѣлу славянскихъ первоучителей. Миссіонерская проповѣдь нѣмцевъ, возвѣщаемая на латинскомъ языкѣ, не могла соперничать въ Чехіи съ проповѣдью на языкѣ славянскомъ. Но съ паденіемъ Моравіи, вслѣдствіе раздѣленія ея, восточное православіе должно было выдерживать свирѣпый натискъ латино-нѣмецкой стихіи и чрезъ 100 лѣтъ борьбы становится мало замѣтнымъ. Очевидно, открытая борьба съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ дѣлается для западныхъ славянъ невозможною: остается глухая, затаенная борьба и противодѣйствіе нѣмецкой стихіи. Нѣмцы дѣйствовали и коварствомъ и открытою силою. Они съ ужасомъ увидѣли на своихъ восточныхъ границахъ сильную славянскую державу, способную собрать подѣ одно, — уже христіанское, знамя всѣхъ разрозненныхъ племенъ многочисленнаго, бодрого и даровитаго славянскаго народа: не безъ ужаса увидѣли они и силу расадника христіанскаго просвѣщенія, насажденнаго славянскими апостолами. Вопреки нѣмецкимъ королямъ и епископамъ, въ древней Панноніи, въ великой Моравіи и Чехіи укрѣдилось богослуженіе, понятное народу, и христіанское просвѣщеніе (1). Географическое положеніе Чехіи, отдѣляя ее отъ Востока и затрудняя сообщеніе съ православными церквами, ставило ее

---

(1) Обѣ исторіи Чехіи Палацкаго. Елагина ст. 40.

почти въ необходимость признатьъ надъ собою власть западнаго патріарха. Но признаніе этой власти было тѣмъ легче, что для чеховъ оно освящено было примѣромъ св. Кирилла и Меѳодія, изъ которыхъ первый сложилъ свои останки въ Римѣ, а второй принялъ архіепископскій санъ изъ рукъ папы, тогда еще не отдѣлившася вполне отъ своихъ собратій, — восточныхъ патріарховъ. Повинуясь папѣ, чехи тѣмъ самымъ давали орудіе западному христіанству противъ православія, незамѣтно вливали тайную отраву въ свои убѣжденія, заглушали въ себѣ симпатію къ восточному православію, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что привычка обращаться въ церковныхъ дѣлахъ къ Риму и къ западнымъ епископамъ могла повести къ смѣшенію началъ православія и папизма, хотя и не искоренить ихъ. Защищаясь противъ насильственнаго благодѣянія, предлагаемаго нѣмцами, чехи видѣли нужду и необходимость борьбы съ ними, тогда какъ въ признаніи надъ собою власти западнаго патріарха они не видѣли и не предполагали никакой бѣды. Такъ, въ Моравіи мы видимъ, что еще при жизни св. Меѳодія тамъ было терпимо употребленіе латинскаго языка въ богослуженіи при дворѣ самаго князя, на ряду съ славянскимъ (1). Въ Богеміи также могли быть люди, не дѣлавшіе различія между восточнымъ и западнымъ исповѣданіями. У всѣхъ славянъ православіе сдѣлалось собственно достояніемъ народныхъ массъ; простой народъ съ радостью открывалъ сердце къ принятію благодати христіанства, предлагаемаго славянскими проповѣдниками. Высшія аристократическія фамиліи, дехи, не имѣли столь сильныхъ побужденій къ сохраненію восточныхъ началъ, какъ простой народъ. Для нихъ и латинскій языкъ, а также и литургія были понятны. «Я увѣренъ, пишетъ Шафарикъ, что знаніе обоихъ письменъ и языковъ, — славянскаго и латинскаго, одинаково распространялось въ Чехіи, потому что оба они равно нужны были народу и его повелителямъ, первый для богослуженія и домашняго ученія, а послѣдній для сношенія съ чужими дворами, особенно папой и нѣмецкимъ

---

(1) Вильбасовъ. Кирилль и Меѳодій ст. 7.

императоромъ». (1) Поэтому они не могли много дорожить своимъ народнымъ языкомъ, который притомъ могъ казаться для нихъ варварскимъ, какъ языкъ не имѣющій еще литературы и письменности, кромѣ церковной. Неудивительно поэтому, если и въ Богеміи, какъ въ Моравіи, изъ высшихъ сословій были люди, не находившіе разности между Церковію Восточною и Западною, за исключеніемъ различія въ языкѣ и богослуженіи. Въ 862 г. папы еще ни разу не опирались на ложныя декретапіи, а епископы ссылались еще на древнія соборныя правила. Николай I, въ ущербъ нѣмецкимъ епископамъ, желалъ возобновленія древнихъ правъ римскаго патріархата на Паннонскую церковь (2). Въ свою очередь, и чехи питали надежду найти въ римскомъ первосвященникѣ хранителя православнаго символа Вѣры, защитника просвѣщенія отъ варварскихъ нападений. При такихъ возрѣніяхъ на папу, естественно было чехамъ съ полнымъ довѣріемъ обращать къ нему взоры и сердца, съ полною искренностію признавать и принимать его распоряженія и повелѣнія, — въ то время, когда онъ осыятилъ своею патріаршею властію употребленіе славянскаго языка въ Богослуженіи. Политикъ папской эта довѣрчивость только и была нужна. По кончинѣ св. Меодія, папы дѣлають уже попытки къ смѣшенію и догматовъ и обрядовъ Восточныхъ съ Западными. Стефанъ VI въ 890 г. пишетъ длинное посланіе къ Святополку, князю моравскому, съ особенною тщательностію останавливается на вопросѣ объ исхожденіи Святаго Духа, старается заглушить православное ученіе, посягнутое св. Меодіемъ, и безусловно запрещаетъ употреблять славянскій языкъ при богослуженіи (3). А нѣмецкіе епископы, по смерти Меодія, съ такою наглостію выступили противъ славянской литургіи и началъ, принятыхъ отъ святыхъ просвѣтителей, что открыто говорили: «хотятъ ли славяне, или не хотятъ, — но будутъ покорны нашему владычеству». И вотъ начинается, какъ видимъ изъ

(1) Славянскія древности Ш а ф а р и к а т. II кн. II стр. 252.

(2) Елагинъ, объ исторіи Чехіи Палацаго, стр. 33.

(3) Вильбасовъ. Кирилль и Меодій, 99 стр.

письма Стефана VI, разрушеніе и уничтоженіе всего, что создалъ св. Меодій. Православію такимъ образомъ предстояла борьба самая ожесточенная съ латинствомъ. «Во времена моравскаго епископа Меодія свѣтъ евангельскій впервые просвѣтилъ чеховъ, говоритъ писатель исторіи о *тяжкихъ страданіяхъ церкви чешской*, но не безъ креста посылаетъ его распятый Христосъ, собственною кровію основавшей Церковь. Освободившись отъ суевѣрій языческихъ, начинаетъ чешская земля воевать съ римскими. Римскій епископъ принуждалъ чеховъ къ такимъ вещамъ, какими не мало была смущена благочестивая мысль многихъ мужей, особливо же къ употребленію латинскаго языка въ богослуженіи, къ безбрачію священниковъ, а вскорѣ потомъ и къ принятію Вечери Господней подъ однимъ видомъ. Мы повѣдаемъ извѣстія, которыя находимъ объ этомъ въ исторіяхъ» (1).

Уже при сыновьяхъ Боривоа на долю православія въ Чехіи выпадаетъ печальная зависимость отъ епископовъ регенбургскихъ. При Вячеславѣ, «какъ пчелы въ ульи, сошлись священники и служители Божіи къ христіолюбивому князю изъ Баваріи, Швабіи и другихъ областей, принося съ собою множество мощей святыхъ, съ обширными книгохранилищами, и получали благосклонный пріемъ, были осыпаны благодѣяніями»; а при Болеславѣ II поставленъ римско-католическій епископъ въ Чехіи, запрещено славянское богослуженіе, а православные священники изгнаны.

Фактъ добровольнаго отдравленія на сеймъ въ Рѣзно Спитигнѣва и Вратислава и подчиненіе церкви чешской вѣдѣнію епископовъ зальцбургскихъ находится, повидимому, въ противорѣчій съ тѣмъ, что мы сказали объ успѣхахъ въ Чехіи началъ православныхъ и о значеніи этихъ началъ для самобытности славянскихъ государствъ. Является предположеніе: уже не измѣнили ли сыновья Боривоа православію и тѣмъ воззрѣніямъ, какихъ держались Ростиславъ, Святополкъ и Боривой, отецъ ихъ? Въ такомъ именномъ видѣ дѣло представляется у Шафарика. «Спитигнѣвъ и Вратиславъ, говорятъ

---

(1) Елагинъ. Объ исторіи Чехіи Палацаго, стр. 26.

онъ, безпрестанно прельщаемые и соблазняемые нѣмцами, отправились съ вельможами своими въ Рѣзно на сеймъ и добровольно въ 895 отдались подъ защиту нѣмецкаго царства. Рожовое свойство славянскаго характера—стремленіе къ обособленію, раздѣленію, а отсюда отсутствіе политической цѣлостности народныхъ группъ, открывая мѣсто ловкой политикѣ сосѣдей—нѣмцевъ, дѣйствительно, даетъ поводъ думать, что сыновья Святополка и Боривоя забыли политическую мудрость и осторожность въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ, какая одна могла способствовать ихъ политической самобытности и независимости». То правда, что сыновья обоихъ государей не могли равняться своимъ отцамъ въ мудрости, силѣ, счастьи; но если обратить вниманіе на обстоятельства, въ какія была поставлена Чехія послѣ смерти обоихъ славянскихъ государей, Святополка и Боривоя, почти одновременно сошедшихъ съ земнаго поприща, то найдемъ и объясненіе и оправданіе добровольной подчиненности сыновей ихъ нѣмцамъ. Мы не имѣемъ никакой причины считать Спитигнѣва и Вратислава измѣнниками своей народности, или православію. Мы сказали, что духъ истинной христіанской вѣры внушили богемцамъ святые Кириллъ и Меѳодій и что подъ ихъ кровомъ православіе въ Чехіи процвѣтало. Но уже въ 885 г. умираетъ оберегатель единства славянскаго—архіепископъ мораво-паннонскій Меѳодій, избравъ себѣ преемникомъ славянина Горазда; въ 885 же году Святополкъ моравскій мирится съ Арнульфомъ, королемъ Баваріи. Послѣдствіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ было въ слѣдующемъ же году (886) изгнаніе изъ Моравіи Горазда вмѣстѣ съ 200 священниками—учениками Меѳодія, а архіепископомъ моравскимъ дѣлается врагъ славянскаго начала, врагъ св. Меѳодія и врагъ всякой совѣстливости—епископъ Нитры, — Вихингъ. Вмѣстѣ съ поставленіемъ его на епископство моравское изгоняется изъ Моравіи и славянское богослуженіе. «Мы много удивились, пишетъ папа Стефанъ VI къ Святополку, слыша, что Меѳодій стремился къ лжеученію, не къ назиданію, ко враждѣ, не къ миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то мы осуждаемъ его заблужденія (?). Властію Бога и нашею апостольскою властію мы запрещаемъ славянское богослуженіе подъ стра-

хомъ узъ проклітія» (1). Что оставалось дѣлать Чехіи, которая, не имѣя особаго епископа, прежде обращалась въ церковныхъ дѣлахъ къ Моравіи? Продолжать признавать зависимость отъ Моравіи? Но тамъ уже водворяется латинство, и славянское богослуженіе изгоняется. Хлопотать объ учрежденіи въ Чехіи особаго архіепископства? Но съ какой надеждой и при какихъ средствахъ!? Чехія была сильна въ союзѣ съ Моравіей и другими славянскими племенами; но въ 892 г. Моравія борется съ двумя врагами—германцами и венграми, и едва выдерживаетъ ихъ натискъ. Въ 893 г. повторяется вновь нападеніе на моравію со стороны германцевъ, а Вихингъ, епископъ моравскій, встрѣчается уже какъ канцлеръ короля Арвульфа; въ слѣдующемъ году умираетъ и Святополкъ, а сыновья его заводятъ усобицы о самодержавіи. Чехамъ остается одно средство къ сохраненію богослуженія на славянскомъ языкѣ, именно—добровольно отправиться къ нѣмцамъ и признать отъ нихъ церковную зависимость, получить оттуда священниковъ съ обязанностію отправлять богослуженіе на народномъ языкѣ. Вотъ причина, какъ намъ кажется, загадочнаго явленія, — добровольнаго подчиненія нѣмцамъ, признанія отъ нихъ зависимости въ церковномъ отношеніи. На папу, такъ категорически заявившаго свое несочувствіе славянскому богослуженію и запретившему употребленіе его въ Моравіи, чехи не могли возлагать никакой надежды, тогда какъ съ нѣмцами они могли еще вести переговоры и дѣлать условія. Состоя къ нѣмецкимъ императорамъ въ отношеніи не данниковъ, а только военныхъ союзниковъ, они тѣмъ болѣе свободны были отъ гнета со стороны нѣмцевъ, что эти послѣдніе должны были дорожить ихъ союзомъ въ виду опасности, грозившей имъ со стороны дикихъ угровъ, или венгровъ. Такимъ образомъ, какъ Чехія нуждалась въ духовной поддержкѣ Германіи, такъ и Германія нуждалась въ поддержкѣ Чехіи. Венгры и для самой Чехіи были бы опасны, еслибъ она осталась одна; и потому, въ виду общей опасности, и чехи и германцы должны были

---

(1) Вильбасовъ. Кирилль и Мессодій, стр. 99.

соединиться на какихъ либо условіяхъ. Итакъ, главная причина добровольнаго подчиненія чешской церкви вѣдвнѣю зальцбургскихъ архіепископовъ была та, чтобы пріобрѣсти себѣ право отправлять богослуженіе на народномъ языкѣ, замѣстить празднаыя священническія мѣста славянскими священниками, хотя, по всей вѣроятности, въ числѣ условій, заключенныхъ между нѣмцами и Спитигнѣвомъ, было также и условіе принятія въ Чехію латино-нѣмецкихъ священниковъ. Это довольно ясно даетъ понимать латинскій жизнеописатель Людмиллы, вмѣняя въ похвалу Спитигнѣву то, что онъ собиралъ священниковъ и клириковъ. Новѣйшій историкъ чешскаго королевства утверждаетъ даже положительно, что, вслѣдствіе присоединенія Чехіи къ діоцезу епископа рѣзненскаго, «латинская литургія стала распространяться въ ней наравнѣ съ славянскою». Однимъ изъ главныхъ центровъ латинства былъ, кажется, храмъ святаго Петра въ Будцѣ, построенный Спитигнѣвомъ (1). Въ началѣ царствованія Вратислава домъ Карла Великаго въ Германіи прекратился, и чрезъ это событіе прекращалась и политическая зависимость чешской земли отъ нѣмецкаго государства, въ которую поставилъ ее Спитигнѣвъ. Какъ князь, пріобрѣвшій великую славу, какъ политикъ, онъ могъ желать уничтоженія зависимости отъ нѣмцевъ и, въ церковномъ отношеніи, могъ хлопотать о возстановленіи Меодіева архіепископства съ резиденціей въ Чехіи. Получивши самъ воспитаніе православное подъ руководствомъ своей матери Людмиллы, онъ ея же попеченію ввѣрилъ и воспитаніе своего сына Вячеслава. Изъ уваженія къ матери своей онъ строитъ, по ея повелѣнію, храмъ великомученика Георгія, — святаго по преимуществу Церкви Восточной, чтимаго всѣми славянами. Подчиняясь власти Генриха (Птицелова), приведшаго въ Богемію всѣ свои силы и сдѣлавшаго нападеніе на Прагу, Вячеславъ, сынъ и преемникъ Вратислава, даетъ обязательство германскому императору подчинить церковь чешскую вѣдвнѣю зальцбургскихъ архіепископовъ. Все это наводитъ на мысль, что Вратиславъ не только под-

---

(1) Тома. Исторія чешскаго королевства, стр. 45.

держивалъ начала восточнаго православія, но и ратовалъ за нихъ, встрѣчая при этомъ препятствія со стороны Арнульфа баварскаго и отъ своихъ бояръ и князей, связанныхъ близкимъ родствомъ съ младшею вѣтвью королей нѣмецкихъ саксонскаго дома.

Со времени вступленія на престолъ Вячеслава, получившаго высшее образование въ нѣмецкой школѣ, замѣчаемъ въ Чехіи успленіе латинства. Подъ вліяніемъ двухъ разнородныхъ элементовъ, внесенныхъ въ его воспитаніе, онъ сначала колебался въ своихъ симпатіяхъ. «И взложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя, и нача же умѣти книги латинскія, якоже добрый епископъ пли попъ, да аще взяше греческія книги или словенскія, прочиташе я безъ блазна (1). Еще не достигши зрѣлаго возраста, лишился онъ бабки своей Людмиллы, а скоро по вступленіи въ самостоятельное управленіе Чехіею политическія обстоятельства совершенно подчинили его нѣмцамъ. Въ 928 г. нѣмецкій императоръ Генрихъ неожиданно вторгся въ Чехію, осадилъ Прагу, принудилъ Вячеслава къ миру и ежегодной дани въ 500 гривенъ (фунтовъ серебра) и 120 воловъ и къ признанію зависимости отъ регенбургскаго епископа. Управляя, по словамъ Томки, страню въ мудрости и справедливомъ спокойствіи, онъ особенно заботился о распространеніи христіанскаго образованія въ своемъ народѣ. Когда же сношенія съ христіанскими болгарамъ и грекамъ на югѣ были прерваны поселеніемъ между ними жестокихъ мадьяръ, Вячеславу негдѣ было искать другихъ учителей, какъ у нѣмцевъ, и изъ за этого началась довольно тѣсная дружба между нимъ и епископомъ регенбургскимъ. Всецѣло преданный дѣламъ благочестія, онъ призывалъ къ себѣ всѣхъ лицъ духовныхъ, откуда бы они ни были и къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежали. Изъ Швабіи, Баваріи и другихъ областей приносятъ къ нему, какъ выше сказано, множество мощей

---

(1) Убіеніе Вячеслава кн. чешска, стр. 86—87. Мос. Вѣстн. 1825 г. XIV—XVIII.

святыхъ и получаютъ благосклонный пріемъ, всё осыпаются благодѣяніями. Его высокія нравственныя качества, строго-христіанская жизнь, заботливость о просвѣщеніи окружили память его ореоломъ святости, и почитаніе его проходитъ чрезъ всю исторію Чехіи; множество храмовъ воздвигнуто было во имя его; чешскіе короли чеканили изображеніе его на монетахъ, украшали имъ воинскія знамена. Такъ народъ, прославляя нравственныя достоинства св. Вячеслава, почиталъ въ немъ особенно внука и питомца св. Людмиллы. Питая искреннее уваженіе къ религіи и Божіимъ рабамъ, Вячеславъ дозволилъ безпрепятственно отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ, мы не замѣчаемъ никакихъ формальныхъ запрещеній, ни со стороны Вячеслава, ни со стороны зальцбургскихъ епископовъ, къ прекращенію богослуженія на народномъ языкѣ Чехіи.

Однакожъ, чешскій народъ неравнодушно относился къ введенію въ Чехію латинно-нѣмецкихъ священниковъ. Переводы священныхъ книгъ на славянскій языкъ и славянское богослуженіе пришлось особенно по душѣ простому народу, незнакому съ латинскимъ языкомъ. Онъ ухватился за этотъ переводъ съ стремительностію молодаго сердца, съ порывомъ чувства, характеризующимъ юный народъ, когда онъ непосредственнымъ чутьемъ понимаетъ въ языкѣ своемъ свою силу, свое значеніе, свою національность и независимость. Онъ бережетъ свой языкъ какъ святыню, защищаетъ его и хранитъ какъ самое дорогое достояніе, и разстается съ нимъ не ранѣе, какъ со смертію. Припавши христіанство на своемъ родномъ, понятномъ языкѣ, славяне не могли оставить его добровольно; славянское богослуженіе должно было сдѣлаться для нихъ неразлучнымъ, неотдѣлимымъ отъ христіанства, которое для нихъ и мыслимо было только какъ христіанство съ славянскимъ богослуженіемъ. Только славянское богослуженіе и славянская Библия могли возводить чеховъ къ пониманію христіанства. На этомъ основаніи можемъ думать, что онъ не раздѣлялъ возрѣній на латинство своихъ представителей—князей и пановъ. Въстѣ съ ненавистью къ нѣмцамъ, онъ питалъ тайную непріязнь къ латинскому богослуженію. Царство, дозволпивш употребленіе славянскаго

языка въ богослуженіи, привязало къ себѣ сердца народа, его симпатіи и тяготѣніе; но это тяготѣніе и эта симпатія могли сразу же прерваться, какъ скоро стали бы оскорблять народъ въ его привязанности къ народному языку. Такимъ образомъ, если князья понимали только законность и необходимость борьбы съ нѣмецкою стихіею и тяготѣли своими симпатіями къ власти западнаго патріарха, то народъ, раздѣляя политическія тенденціи и возрѣнія князей относительно Германіи, непосредственнымъ чувствомъ, угадывалъ въ этомъ западномъ патріархѣ врага славянскому богослуженію и обрядамъ, принесеннымъ вмѣстѣ съ славянскою проповѣдію. Вступленіе *грубой чаді* нѣмецкихъ священниковъ въ Чехію, дозволенное при Спитигнѣвѣ, могло быть встрѣчено не иначе, какъ съ непріязненнымъ чувствомъ. Выразительницею этого чувства недоброжелательности къ нѣмецкимъ миссіонерамъ является супруга Вратислава, Драгомира, правившая княжествомъ въ малолѣтствѣ сына своего Вячеслава. Она хотѣла продолжать дѣло, задуманное ея мужемъ, именно—дѣло прерванія церковной зависимости Чехіи отъ епископовъ регенбургскихъ. Взятая изъ земли Лютичей,—народа, оказавшагося особенно свирѣпымъ по отношенію къ нѣмцамъ, она вывезла оттуда и ненависть свою къ латино-нѣмецкой пропагандѣ. Многіе изслѣдователи исторіи Чехіи стождествляютъ съ возстаніемъ ея противъ нѣмецкихъ пропагандистовъ возстаніе и борьбу ея съ христіанствомъ въ пользу азычества. Но это едва ли справедливо. Быть не могло, чтобъ въ такомъ глубоко-христіанскомъ семействѣ, каково было семейство князя Боривоя, жена княжескаго сына, православнаго христіанина, была азычницею, не крещенною. Можетъ быть, впрочемъ, что она, точно, не была усердною христіанкою и что ненависть къ христіанству, воспитанная въ полабскихъ славянахъ жестокостями нѣмецкихъ миссіонеровъ и властителей, отразилась въ ней въ видѣ нѣкотораго недовѣрія къ христіанству.

(Окончаніе *впередь*).

**КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О ЖИТИИ СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА,
ПЕРВАГО ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО (1).**

Св. Митрофанъ, первый святитель воронежскій, родился 1623 года въ 6 день ноября и названъ былъ Михайломъ. Неизвѣстно однако ни мѣсто рожденія его, ни званіе, изъ коего онъ происходилъ. Въ завѣтѣ или духовномъ завѣщаніи своемъ онъ говоритъ о себѣ только слѣдующее: «родительми благочестивыми родихся въ міръ сей, и во благочестіи непорочномъ Восточныя Церкви, въ православной вѣрѣ воспитанъ». Есть свидѣтельства, что въ молодыхъ лѣтахъ Митрофанъ былъ семьяниномъ и имѣлъ сына.

Въ 1663 году, имѣя уже около сорока лѣтъ отъ рожденія, Митрофанъ, посѣтивъ многія обители, пришелъ наконецъ въ

---

(1) Болѣе подробное жизнеописаніе святителя находится въ извѣстныхъ сочиненіяхъ А. Н. Муравьева и архіеп. черн. Филарета. *Ред.*

уединенную Золотниковскую пустынь, находящуюся недалеко от града Суздаля, восхотѣлъ тутъ остаться и постригся въ монашество, искусивъ себя прежде во всѣхъ трудахъ и лишенияхъ подвижнической жизни.

Вѣсть о добродѣтельномъ житіи его со дня на день распространялась между окрестными обителями. Спустя три года, иноки Яхромскаго Козмина монастыря (въ 40 верстахъ отъ града Владиміра), не имѣя у себя тогда настоятеля, избрали Митрофана главою своего братства, и по единогласному прошенію ихъ, онъ посвященъ въ санъ игумена. Сею обителию онъ управлялъ почти десять лѣтъ. Послѣ того, по волѣ и благословію святѣйшаго патріарха Іоакима, въ 1676 или слѣдующемъ году Митрофанъ переведенъ игуменомъ въ монастырь преподобнаго Макарія, что на рѣкѣ Унжѣ, и здѣсь, имѣя въ душѣ образъ святаго житія сего угодника, а предъ очами святыя останки его, свыше прославленныя нетлѣніемъ, подвизался пять съ половиною лѣтъ въ постоянныхъ трудахъ управления и служенія, богомыслія и постничества.

Благочестивый царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, съ самаго вступленія своего на престолъ, съ соболѣзнованіемъ видѣлъ, что російская православная Церковь непрестанно возмущаема была то явными, то тайными раскольниками. Заботясь о благѣ и тишинѣ ея, по совѣту святѣйшаго патріарха, указалъ онъ въ 1682 году умножить число епархій. Въ числѣ ихъ открыта тогда и воронежская святительская каеэдра, на которую патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ былъ избранъ благословленъ и посвященъ благоговѣйный игуменъ Митрофанъ,

Послѣ посвященія своего, епископъ Митрофанъ нѣсколько времени оставался въ Москвѣ. Онъ присутствовалъ при вѣнчаніи на царство Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, совершившемся въ 1682 г. іюня 25, и при семъ торжествѣ поднесъ патріарху на золотомъ блюдѣ вѣнецъ Царя Петра. Пресвященный Митрофанъ находился также и на соборѣ, бывшемъ того же года въ 5 день іюля, въ грановитой палатѣ, для обличенія и вразумленія раскольниковъ, въ присутствіи обоихъ Царей и царицы Наталіи Кирилловны съ царевнами, патріарха Іоакима со многими архіереями, и всего царскаго синклита.

По прибытіи въ паству свою, преосвященный Митрофанъ обратилъ вниманіе на устроеніе храмовъ Божіихъ. Въ Воронежѣ существовалъ Благовѣщенскій соборъ, старинный, деревянный, который построенъ былъ еще въ началѣ того столѣтія (около 1620 года). Святитель предпринялъ соорудить новую каменную церковь, на что и прислана ему отъ патріарха Іоакима благословенная грамота, написанная 1684 г. 19 апрѣля. Новый соборъ заложенъ, и строеніе онаго продолжалось до 1699 года, въ которомъ наняты уже были художники сдѣлать рѣзный съ позолотою иконостасъ; но скоро открылось, что зданіе непрочно, и во многихъ мѣстахъ его обозначились трещины, по чему вся работа и остановлена.

Благочестивый Государь Петръ I, посѣщая часто Воронежъ (въ коемъ онъ еще съ 1694 г. началъ сооружать корабли, для завоеванія у турокъ крѣпости Азова), весьма близко могъ знать состояніе и нужды тамошней епископіи. Посему онъ благоволилъ умножать болѣе и болѣе угоды сей новоучрежденной каедры и жаловать ихъ епископу Митрофану.

Но и святитель умѣлъ быть признательнымъ за царскія милости. Когда Государь сооружилъ въ Воронежѣ свой флотъ, для пораженія турокъ, то сей архипастырь, движимый усердіемъ къ Монарху и отечеству, въ простыхъ, но трогательныхъ поученіяхъ восхваляя благотворныя его намѣренія и призывая на оныя благословеніе Божіе, увѣщевалъ, поддѣрпывалъ, успокоивалъ трудящихся въ работахъ и всю паству свою побуждалъ ревностно содѣйствовать отеческимъ попеченіямъ Государя. Когда оказался недостатокъ въ казнѣ денегъ, потребныхъ для построенія судовъ, Митрофанъ, узнавъ о томъ, собралъ всю наличную свою сумму, принесъ къ Государю и, вручая, сказалъ: «всякій сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ на нужды государственныя. Прими же, Государь, и отъ монахъ издержекъ оставшіяся сіи деньги, и употреби ихъ противъ невѣрныхъ». При семъ случаѣ онъ поднесъ шесть тысячъ рублей серебряными копѣйками. Съ благодарностію принялъ Монархъ это свидѣтельство любви къ отечеству и безкорыстія добродѣтельнаго мужа и уважаемаго архипастыря.

Преосвященный Митрофанъ и впоследствии времени про-

должалъ оказывать усердіе къ нуждамъ государства благо-временными своими пожертвованіями. Въ 1700 году онъ внесъ въ казначейство воронежскаго адмиралтейства, на жалованье ратнымъ людямъ, четыре тысячи рублей, и въ слѣдующемъ 1701 году еще три тысячи рублей, на строеніе кораблей; и за сіи приношенія Государь пожаловалъ ему двѣ похвальныя грамоты.

Такія пожертвованія добродѣтельный архипастырь не однократно дѣлалъ и послѣ того, отсылая накопившіяся у него отъ издержекъ деньги къ Государю, или, во время отсутствія его, въ адмиралтейское казначейство, при запискахъ своихъ: «на ратныхъ». Монархъ столько уважалъ пастырскія достоинства Митрофана и его любовь къ отечеству, что, въ каждый разъ пріѣзда своего въ Воронежъ, прежде всего заходилъ къ преосвященному воронежскому (1).

Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ извѣстій объ управленіи паствою, о добродѣтельной и поучительной жизни святителя Митрофана исторія не сохранила. Св. Митрофанъ управлялъ епархіею двадцать слишкомъ лѣтъ и, любя благолѣпіе храмовъ Божіихъ, украсилъ соборную церковь многими драгоценными утварями, въ числѣ коихъ и теперь привлекають вниманіе большое Евангеліе, Плащаница и другія вещи.

Будучи всегда готовымъ къ смерти, св. Митрофанъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ упомянувъ кратко о рожденіи своемъ, постриженіи и первоначальномъ служеніи на пользу Церкви, далѣе говорить: «понеже ради дальняго отъ обѣщанія (т. е. отъ мѣста постриженія) моего, отъ обители Пресвятыя Богородицы Золотниковскія пустыни, разстоянія и великаго неудобства, невозможно тѣлу моему грѣшному тамо въ монастырѣ, по обѣщанію моему, погребену быти, сего ради молю и прошу у отцевъ своихъ и архипастырей,

---

(1) Только однажды царь сильно прогнѣвался на святителя. Приглашенный къ царю, св. Митрофанъ не хотѣлъ войти въ его жилище, потому что у входа въ него увидѣлъ изображенія языческихъ идоловъ, и готовъ былъ скорѣе претерпѣть смерть, чѣмъ поступить противъ совѣсти. Великій царь смягчился и велѣлъ убрать соблазнительныя изображенія.

святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ православныхъ, и кто по моему исходу на престолѣ въ дому Пресвятыя Богородицы братъ мой архіерей будетъ, и прочихъ священнослужителей, да предастся тѣло мое сродной землѣ, и погребутъ оное въ придѣлѣ соборныя церкви Архангела, подѣ церковію, въ исподней палатѣ, а не въ великой соборной церкви; и прошеніе мое во всемъ исполните, а не презрите, и души моею грѣшной тѣмъ не оскорбите. Еще молю и прошу великимъ прошеніемъ, и не презрите моего прошенія, сподобите мя святому великому и ангельскому образу схимонашескому и, постригше во образъ той, и положите во одѣяніи томъ, по чину схимонаховъ». Въ остальной части завѣщанія даетъ онъ пастырскія увѣщанія духовенству жить благочинно и свято; испрашиваетъ прошенія у всѣхъ, кого обидѣлъ или оскорбилъ; совѣтуетъ осторожно обращаться съ иновѣрцами, умоляетъ поминать его и молиться о немъ; не взыскивать съ служившихъ при немъ келейныхъ его денегъ, конхъ онъ не оставилъ и проч.

Послѣдняя воля преосвященнаго исполнена въ точности: предъ кончиною постриженъ онъ въ схиму, нареченъ Мава-ріемъ; и тѣло его, по завѣщанію, положено во гробъ въ схимническомъ одѣяніи. Преосвященный Митрофанъ скончался 1703 г. Ноября въ 23 день, въ глубокой старости, имѣвъ отъ рожденія восемьдесятъ лѣтъ съ полумѣсяцемъ.

Въ то время Государя Петра не было въ Воронежѣ. Но узнавъ, что добродѣтельнаго Митрофана уже не стало, онъ тронуть былъ до слезъ симъ печальнымъ извѣстіемъ, и поспѣшилъ туда, чтобы отдать усопшему послѣдній долгъ уваженія и признательности (1). Здѣсь-то показалъ онъ рѣдкій примѣръ своего благорасположенія къ доброму архипастырю,— примѣръ, воспоминаніе о которомъ и нынѣ приводитъ въ умиленіе сердца русскихъ, чтущихъ славную память великаго Монарха. Когда окончилось погребальное пѣніе и духовенство приблизилось ко гробу, чтобы поднять и нести его,

---

(1) Въ сочиненіи А. Н. Муравьева сказано, что Петръ I засталъ свѣтителя еще живымъ, но уже умирающимъ.

Государь, обратясь къ окружающимъ его чинамъ, сказалъ: «стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности благодѣтельному сему пастырю, отдаи́емъ ему послѣдней чести; и такъ вынесемъ тѣло его сами!» Съ симъ словомъ Монархъ самъ взялся царскими своими руками за гробъ и вмѣстѣ съ вельможами понесъ его изъ собора въ придѣлъ Архангела Михаила, гдѣ приготовлена была могила. А когда погребеніе кончилось, благочестивый Монархъ произнесъ предъ всѣми въ слухъ: «Не осталось у меня такого святаго старца. Буди ему вѣчная память!»

Тѣло пресвященнаго Митрофана почивало сперва въ старомъ Благовѣщенскомъ соборѣ въ придѣльномъ храмѣ Архангела Михаила, въ устроенномъ подъ церковью склепѣ. Но, когда въ 1718 г. началось строеніе новаго собора, гробъ святителя поставленъ былъ подъ соборною колокольнею; а по совершенномъ окончаніи новаго зданія въ 1735 г., перенесенъ уже въ кафедральную церковь и поставленъ у южной стѣны. Во время перенесенія гроба, какъ въ первый разъ, такъ и во второй, тѣло святителя сего обрѣтено нетлѣннымъ и невредимымъ, не смотря на влажность мѣста, гдѣ оно было погребено.

Наконецъ, Промыслу угодно было прославить святителя Митрофана открытiемъ его св. мощей. Въ 1832 г. апрѣля 18 и 19, при архіепископѣ Антоніѣ, нетлѣнныя мощи освидѣтельствованы членомъ Святѣйшаго Синода, августа 7 торжественно открыты, и Церковь причла новоявленнаго угодника къ лику святыхъ и положила праздновать ему ежегодно 23 ноярба и 7 августа. Безчисленныя чудеса, совершившіяся до открытiя, во время открытiя и по открытiи сихъ св. мощей, были живымъ свидѣтельствомъ самаго Господа о святости новаго чудотворца.

Въ духовномъ завѣщаніи своемъ святитель даетъ всякому христіанину, между прочимъ, слѣдующій совѣтъ: «употреби трудъ, храни мѣрность,—богаты будеши; воздержно пей, мало яждь,—здравъ будеши; твори благо, бѣгай злаго,—спасенъ будеши».

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЧЕХІИ ДО КОНЦА X ВѢКА.

(Продолженіе).

По любви ко всему славянскому, Драгомира соединилась съ ревнителями славянской народности, т. е. съ православными священниками, чтобы противодѣйствовать сближенію Вячеслава съ нѣмецкимъ императоромъ и его романтизмомъ. «Она не была, говоритъ Бодянский, защитницей язычества, какъ язычества, но защищала исповѣдывавшихъ славянское богослуженіе, которое такъ пришлось было по сердцу всѣмъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ ея, въ высокой степени благопріятствовало самостоятельному развитію ихъ, охраняло и совершенствовало народность каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вообще» (1). Будучи *богобоязненною женою* (2), какъ полабка, она не терпѣла римскаго обряда уже потому, что онъ былъ обрядомъ утѣснителей ея прежней и новой родины, но покровительствовала обряду славянскому, какъ вызывавшему и воспитывавшему народную самостоятельность державшихся этого обряда. Другимъ ревнителемъ славянской народности, стремившимся очистить Чехію отъ вліянія иноземной стихіи, былъ свирѣпый сынъ Драгомиры, убійца Вячеслава, Болеславъ I. Возстаніе Болеслава противъ брата своего и убійство Вячеслава, совершенное имъ самимъ, одни объясняютъ народнымъ нерасположеніемъ къ слабому и ничѣмъ незнаменитому царствованію Вячеслава, другіе—вліяніемъ на Болеслава его матери. Первые считаютъ Вячеслава совершенно преданнымъ латино-нѣмецкой стихіи. Этого нельзя сказать о Болеславѣ. Вотъ какую характеристику даетъ ему пражскій историкъ (папистъ) Косьма: тотъ вождь, если нужно называть

(1) О времени происхожденія сл. письменъ, стр. 78—79.

(2) М а ц і е в с к і й. Исторія первобытной церкви у сл., стр. 86.

его такъ, былъ нечестивъ и тиранъ безжалостнѣ Ирода, жестокосерднѣ Нерона, превосходящій изувѣрствомъ злодѣйскаго Деція, жестокостію Діоклитіана, отчего получилъ и имя жестокаго, гордаго, поелику не выслушивалъ ничего совѣта, а дѣлалъ все по своей волѣ» (1). По войнамъ, веденымъ имъ съ нѣмецкимъ императоромъ въ продолженіе 13 лѣтъ, скорѣе всего можно считать Болеслава I противникомъ латинства, --человѣкомъ, ратующимъ за народную самобытность и самостоятельность. Борьбу свою съ нѣмцами однакоже онъ, наконецъ, долженъ былъ приостановить, и уступить силѣ и политикѣ нѣмецкой. Въ 950 г. онъ заключилъ съ Оттономъ миръ, по которому согласился платить ему прежнюю дань. Съ тѣхъ поръ онъ старался приобрести дружбу нѣмецкаго цезаря, силы котораго чехи не могли преодолѣть, и началъ заботиться о просвѣщеніи и благоденствіи своего народа. Въ послѣдствіи, раздвинувъ предѣлы своего государства до Кракова, онъ вошелъ въ дружескія сношенія съ польскимъ королемъ Мечиславомъ, потому что для обонхъ государей германское государство было опаснымъ соперникомъ. Дружба эта запечатлѣна была бракомъ Мечислава съ дочерью Болеслава Дубровкою (въ 965 г.) и принятіемъ восточнаго, православнаго христіанства вмѣстѣ съ польскимъ народомъ (въ 966 г.). Не смотря на то, притязанія нѣмцевъ не ослабѣвали, иго ихъ дѣлалось болѣе и болѣе чувствительнымъ для Чехіи. Со второй половины X вѣка начинается особенно сильная пропаганда латинской партіи въ Чехіи. Полное торжество ея совершилось при Болеславѣ II, которому латинствующіе писатели расточаютъ всевозможныя похвалы.

Приведши славянскихъ князей къ сознанію безсилія предъ натискомъ нѣмцевъ и проложивши широкую дорогу папству въ Чехіи, германскіе императоры еще ревностнѣе стали заботиться объ утверженіи своей власти надъ славянами при помощи римскаго-католичества. Въ сосѣдствѣ съ Чехіей находилась Польша, а за Польшею—Русь. На эти то страны и устремилось віяніе династіи Оттоновъ, сюда то они простерли

---

(1) Chron. lib. 1, 85.

свои виды. Чехія, увеличенная присоединеніемъ къ ней Моравіи, должна была служить посредницею въ порабоженіи Польши и Россіи подъ иго римско-католической вѣры. Но прежде всего нужно было окатоличить вполнѣ самую Чехію, которая, не смотря на сильный приливъ нѣмецкихъ священниковъ, крѣпко держалась преданій, принесенныхъ изъ Моравіи, и обрядовъ — изъ Греціи. По примѣру св. Меѳодія, несчитавшаго нужнымъ исполнять папскія запрещенія служить славянскую литургію, разъ получивши дозволеніе ввести славянское богослуженіе, чехи не думали слушать и исполнять запрещенія регенбургскихъ епископовъ, нетерпѣвшихъ славянскаго языка. И потому папистамъ нужно было въ самой Чехіи поставить лице, которое бы наблюдало за исполненіемъ ихъ приказаній и которое своимъ авторитетомъ давало бы силу и значеніе латинской вѣрѣ и богослуженію. Рѣшено было дать Чехіи особаго епископа, для большаго торжества латинства надъ православіемъ. Такимъ образомъ, учреждая въ Чехіи епископство, нѣмецкіе императоры имѣли въ виду тѣснѣе связать ее съ латинскою Германією и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать дальнѣйшему распространенію своей власти за предѣлами Чехіи. Князья чешскіе также имѣли причины желать особаго епископа для Чехіи. Они, при переходѣ своемъ въ римско-католическую вѣру, получали отъ нѣмецкихъ императоровъ право устройства у себя іерархическаго порядка, по своей волѣ, а въ этомъ князья имѣли свои выгоды. Такимъ именно княземъ въ Чехіи является сынъ Болеслава I Болеславъ II. «О, дивное милосердіе Божіе, восхваливаетъ Косма, о сколь непостижимы судьбы Его! отъ братоубійцы рождается христоробецъ, отъ волка агнецъ, отъ тирана — кроткій, отъ терновника — виноградъ, отъ непотребнаго Болеслава I — благочестивый Болеславъ II, мужъ христіанолубивый, вѣроу католикъ, отецъ сиротамъ, защитникъ вдовъ, собиратель клириковъ и монаховъ» (1). Получивши воспитаніе совершенно латинское, Болеславъ II уже въ слѣдующемъ же году, по вступленіи на княжескій столъ, учреждаетъ самостоятельную епископію въ Че-

---

(1) Chren lib. 1, 88.

хив. Сестра его, Млада, является посредницею въ его переговорахъ съ папою по этому дѣлу. Снабжая ее инструкціей, Іоаннъ XIII разрѣшаетъ учредить въ Чехіи особое епископство съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что «богослуженіе должно быть совершаемо не по обряду, или с е к т ѣ народовъ болгарскаго или русскаго и не на славянскомъ языкѣ, но учреждаемое епископство должно во всемъ слѣдовать учрежденіямъ и постановленіямъ апостольскаго престола, и ради удовольствія всей римской церкви, избирать духовныхъ лицъ изъ особенно свѣдущихъ въ латинскомъ языкѣ». Замѣчательно при этомъ, что нѣмецкіе епископы не изъясляютъ сильныхъ сопротивленій или даже усилій препятствовать учрежденію въ Чехіи особаго епископства, хотя оно и нарушало ихъ существенные, матеріальные интересы. Намъ кажется, что со времени вступленія на престолъ династіи Оттоновъ, политика германскихъ императоровъ, по отношенію къ Чехіи, получила нѣкоторую особенность, нѣкоторый оттѣнокъ, отличающій ее отъ политики Карла Великаго и его преемниковъ. Цѣлю Карла было распространять германское вліяніе на славянскіе народы и тѣмъ привести ихъ въ состояніе подданства, покорности. У Оттоновъ политика эта не могла имѣть мѣста относительно Чехіи, которая, хотя признала свою вассальную зависимость отъ Германіи, однакожь показала такъ много величія и силы духа народнаго, что не могла стоять къ германскимъ императорамъ въ отношеніяхъ полного подчиненія. Она признавала императора своимъ сюзереномъ, могла служить ему оружіемъ и достояніемъ, но имѣла право сохранять свои собственные національные законы; германскіе императоры во время Оттоновъ желали имѣть Чехію посредницею въ дѣлѣ распространенія католичества у другихъ славянскихъ народовъ. Она должна была облегчать миссіонерскую дѣятельность латинскаго духовенства и среди варваровъ-угровъ. Чехіи такимъ образомъ уже нужно было дать нѣкоторую льготу отъ излишняго давленія нѣмцевъ, расширивъ границы ея владѣній, освободивъ отъ зависимости регенбургскихъ епископовъ, учредивъ самостоятельную епархію. Учрежденіе этого епископства могло совершиться тѣмъ легче, что оно условливалось выборомъ непремѣнно римскаго папы.

притомъ подчиненнаго всетаки вліянію другаго германскаго архіепископа (майнцаго). Такимъ образомъ, по добровольному соглашенію императора германскаго и князя чешскаго, какъ представителя своего народа, учреждена была (въ 973 г.) самостоятельная епархія въ Чехіи. Первымъ ея епископомъ, по выбору Болеслава II, назначенъ Дитмаръ. Народъ чешскій однакожь не остался равнодушнымъ къ этому выбору. Учрежденіе епископіи, по видимому, онъ принялъ безъ противо-дѣйствія; но на выборъ Дитмара заявилъ свое несогласіе. Только послѣ увѣщаній и убѣжденій со стороны князя, и то вслѣдствіе совершеннаго знанія Дитмаромъ славянскаго языка, народъ согласился принять его епископомъ. Вновь избранный епископъ посылается къ императору для того, чтобы онъ подтвердилъ народное избраніе. Такимъ образомъ, императоръ, и при учрежденіи епископіи въ Чехіи, является центромъ, около котораго или отъ котораго Чехія ждетъ послѣдняго слова.

Теперь дѣло окатоличенія Чехіи, по учрежденіи въ самой Прагѣ епископа—паписта, могло идти впередъ и совершаться быстрыми шагами. На самомъ дѣлѣ, однакожь, при всей сбивчивости и запутанности происшедшей въ умахъ чеховъ отъ смѣшенія православнаго ученія съ католическимъ, мы долго замѣчаемъ въ большинствѣ чешскаго народа желаніе, можетъ быть даже инстинктивное, стремленіе отстоять начала, посвященные св. Меѳодіемъ. При посвященіи въ епископскій санъ Дитмара народная масса, которую Косма называетъ толпой идіотовъ, невѣждами, поетъ *Господи помилуй, мы* по славянски. Очевидно, народъ шелъ противъ папскаго приказанія, запрещавшаго употребленіе народнаго языка при богослуженіи. Дальше, чехи держатся и другихъ обрядовъ и обычаевъ Церкви Восточной. Девять лѣтъ правилъ Дитмаръ чешскою церковью, настроилъ множество церквей, но подъ конецъ утомился борьбою «съ с т р о п т и в ы м ъ н а р о д о м ъ», какъ говорилъ онъ самъ на смертномъ одрѣ преемнику своему Войтѣху. Высказанное въ предсмертной бесѣдѣ сознаніе въ томъ, что онъ мало добра сдѣлалъ для своей паствы, служить свидѣтельствомъ, что онъ встрѣтилъ въ народѣ достаточно сильное противо-дѣйствіе своимъ латинскимъ тен-

денціямъ. Императоры германскіе, замысламъ которыхъ не соответствовало это народное стремленіе къ сохраненію славянскаго языка въ церкви, старались подѣйствовать на массы чрезъ пламенныхъ миссіонеровъ, которыхъ предварительно заставляли выучиваться славянскому языку. И вотъ второй пражскій епископъ Войтѣхъ или Адалбертъ, въ планахъ политики Оттона II, является однимъ изъ подобныхъ орудій къ изгнанію изъ Чехіи православной литургіи и православныхъ священниковъ. При избраніи его также обнаружилось противодѣйствіе со стороны народа, который угадывалъ въ немъ ревностнаго латинизатора и уступилъ требованію князя только по вниманію къ его славянскому происхожденію, которое въ глазахъ народа давало нѣкоторое право на епископство. Воспитанный въ Магдебургѣ, въ школѣ, гдѣ не позволялось говорить ни одного слова на *варварскомъ* языкѣ славянскомъ, и подъ руководствомъ строгихъ папистовъ, Войтѣхъ привезъ съ собою въ Чехію латинскія книги и основалъ первый мужской Брвененскій монастырь—разсадникъ римскаго католицизма. Истинная исторія жизни и дѣятельности этаго знаменитаго латинизатора славянъ утрачена для потомства. У самихъ чеховъ не осталось никакого литературнаго памятника о жизни и дѣятельности его, кромѣ отрывочныхъ преданій, записанныхъ позднѣе. Жизнеописаніе его, помѣщенное въ «Acta sanctorum», изданныхъ болландистами, не можетъ внушать довѣрія къ себѣ, какъ латинское произведеніе позднѣйшаго времени. Главнымъ подвигомъ Войтѣха выставляется здѣсь борьба его съ остатками язычества въ Чехіи. Но въ ненависти, съ какою отзываются католическіе біографы Войтѣха объ этихъ остаткахъ язычества, скрывается нѣчто другое, кромѣ омерзенія къ идоламъ. Такъ, на ряду съ осуждаемыми языческими обычаями, въ жизнеописаніи его встрѣчается и брань христіанскаго духовенства. Не смотря на то, что Войтѣхъ былъ природный чехъ, мы видимъ его безпрестанно предметомъ гоненія со стороны поселянъ. Получивши инвеституру на епископство пражское въ г. Веронѣ отъ императора Оттона II, онъ прежде всего посѣтилъ Болеслава, — мѣсто убіенія св. Вячеслава; потомъ отправился къ своей матери, въ Любечи, но на возвратномъ пути былъ схваченъ

язычниками и приведенъ къ начальнику одного селенія, который отпустилъ его, наказавъ въ порядкомъ. Можно догадываться, что Войтѣхъ своими связями съ Римомъ и нѣмцами до того вооружилъ противъ себя сельское народонаселеніе, что не могъ показаться за стѣнами Праги. Черезъ шесть лѣтъ послѣ упомянутаго происшествія совершилось другое, подобное ему: недалеко отъ Праги рыбаки, будто бы язычники, обошлись съ нимъ очень грубо за то, что онъ не имѣлъ при себѣ денегъ, чтобы заплатить за перевозъ. Это показываетъ, до какой степени дошло ожесточеніе между поселянами противъ латинскаго духовенства, которое считало себя вправѣ требовать безвозмездно всѣхъ возможныхъ услугъ отъ народа. Принужденный бѣжать въ Римъ, Войтѣхъ оправдывался предъ папою въ томъ, что самовольно оставилъ свою паству, и для этого взвелъ слѣдующія обвиненія на чешскій народъ: первое, что христіане не соблюдаютъ праздничныхъ дней; второе, что браки совершаются по языческому обычаю безъ благословенія священника; третье, что мертвыхъ хоронятъ не въ храмахъ, но по холмамъ, лѣсамъ и другимъ мѣстамъ, и что надъ ними зажигаютъ огни въ честь адскихъ боговъ; четвертое, что священники живутъ съ женами и упорно противятся повелѣніямъ папы и его, епископа Войтѣха (1). Послѣ четырехъ-лѣтней отлучки, по настоятельному требованію архіепископа майнцкаго и Болеслава II, онъ возвратился въ Прагу въ сопровожденіи легата папскаго, но пробылъ здѣсь недолго, потому что народъ не хотѣлъ принять его и заставилъ вновь удалиться въ Римъ. Архіепископъ майнцкій принесъ на него жалобу папѣ Григорію V, и когда тотъ, по требованію императора Оттона II, повелѣлъ Войтѣху вновь отправиться въ Чехію, то Болеславъ II не захотѣлъ принять его, а народъ не только отвергъ его въ третій разъ, но, въ ярости своей, рѣшился даже на убійство (въ 995 году); четыре брата Вой-

---

(1) Vita S. Adalberti. cap. X.

тѣхъ были умерщвлены за то, что совершали латинское богослуженіе (1). Чѣмъ объяснить этотъ рядъ неудачъ Войтѣхъ, эту народную антипатію къ нему, если не тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ въ духѣ враждебномъ народу? Между тѣмъ несомнѣнно, что если язычество и существовало еще между чехами, то партія языческая не могла быть преобладающею; не одно поколѣніе смѣнилось уже съ тѣхъ поръ, какъ пришло въ Чехію христіанство и князья чешскіе сдѣлались христіанами. Остается объяснить это явленіе тѣмъ, что Войтѣхъ былъ врагомъ православія, гонителемъ греко-восточныхъ началъ, еще жившихъ въ Чехіи, и что именно антиправославный образъ дѣйствій этаго епископа возбуждалъ народную антипатію. И дѣйствительно, народная память въ одномъ изъ преданій заклемила Войтѣхъ именемъ врага православія. Въ древнемъ прибавленіи къ житію святаго Кирилла читаемъ: «многимъ лѣтомъ минувшимъ пришедъ Войтѣхъ у Мораву, и въ чехи, и ляжи, науку русскую и писмо отаерже, латынскую же впру устави и грамоту, а православныя епископы и попы изслече, а имязъ разогна, и иде въ Прусскую землю, хотя и тѣхъ у свою впру привести, и тамо убиенъ бысть Войтѣхъ, бискупъ латынскій (2).

Не смотря однакожь на симпатіи народа чешскаго къ православію, съ начала XI вѣка въ Чехіи славянское богослуженіе начало мало по малу терять точку опоры и не въ состояніи было противиться вездѣ торжествовавшему латинству. Послѣднимъ убѣжищемъ его является монастырь С а-

---

(1) Изъ Чехіи Адалбертъ—Войтѣхъ удалился въ Польшу, гдѣ съ чрезвычайною ревностію и большимъ успѣхомъ обращалъ польскихъ язычниковъ въ христіанство, а оттуда, направившись въ предѣлы Пруссіи, попался въ руки разбойниковъ и былъ убитъ въ 997 году. Это различіе приѣма, оказаннаго Войтѣху въ Польшѣ, съ приѣмомъ въ Чехіи, имѣетъ глубокой смыслъ. Поляки, менѣе прочихъ славянскихъ народовъ участвовашіе въ благодати крещенія и евангельской проповѣди славянскихъ апостоловъ, приняли Войтѣхъ съ распростертыми объятіями; чехи возненавидѣли его до того, что рѣшительно отказались принять его въ третій разъ и убили его братьевъ, совершившихъ латинское богослуженіе.

(2) См. въ ст. Новикова Православіе у чеховъ стр. 22.

завскій, въ стѣнахъ котораго славянское богослуженіе жило около 70 лѣтъ. Построеніе Сазавскаго монастыря, цѣлью котораго было сохранить славянское богослуженіе, вызвано потребностію простаго народа чешскаго, который, не зная ни латинскаго ни нѣмецкаго языка, былъ лишенъ возможности слышать славянское, понятное ему, богослуженіе и проповѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ церкви попали во власть латино-нѣмецкаго духовенства.

Основателемъ Сазавскаго монастыря былъ преподобный Прокопій. Онъ жилъ въ дни чешскаго князя Ольдриха, былъ родомъ чехъ, изъ мѣстечка Хотуна, между Чешскимъ Бродомъ и Куржимомъ, и воспитанъ въ преданіяхъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія. Сынъ знатныхъ родителей, Прокопій былъ одаренъ блестящими способностями, почему и посланъ былъ для занятія науками въ вышеградскую школу, въ которой въ то время процвѣтали науки, преподаваемыя на отечественномъ славянскомъ языкѣ, и въ которой онъ проводилъ жизнь согласную съ закономъ Божиимъ. Окончивъ ученіе, онъ принялъ на себя санъ священника и служилъ Богу, свято исполняя обязанности и религіозныя и семейныя. Но скоро почувствовалъ Прокопій суету міра и, побуждаемый высшимъ призваніемъ къ уединенной жизни, оставилъ жену и поселился вдали отъ общества человѣческаго, въ пустынной пещерѣ, гдѣ проводилъ жизнь по примѣру восточныхъ подвижниковъ, неутомимо борясь, молитвою, постомъ и бдѣніемъ, съ злыми духами и собственными помыслами. Долго служилъ онъ Богу въ своей пустынѣ, укрываясь отъ бурь житейскихъ. *Но не можетъ укрыться градъ, верху горы стоишь, и не поставляютъ свѣтильника подъ студомъ.* Однажды князь Ольдрихъ, увлеченный охотою, случайно и безъ провожатыхъ, заѣхалъ въ чащу дремучаго бора и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Прокопіемъ. Утоливъ свою жажду изъ его источника, вода котораго чудесно претворилась въ вино, князь почувствовалъ уваженіе къ святому мужу и спросилъ его о причинѣ, побудившей его удалиться въ пустыню. Прокопій смиренно отвѣчалъ на это, что отрекся отъ міра изъ любви къ Богу и въ надеждѣ на вѣчную жизнь, и что желаетъ окончить свои дни, если Господу будетъ угодно, въ этой самой пустынѣ.—

Тронутый до слезъ, князь простираетъ руки къ небу и воздаетъ благодареніе Богу, потомъ просить у старца молитвъ и согласія быть его духовникомъ. Слава Прокопія стала распространяться; окрестные жители приходили наслаждаться его духовною бесѣдою, которая орошала сердца слушателей, какъ дождь жаждущія нивы. Получая богатыя приношенія отъ князя и всѣхъ приходившихъ, онъ подавалъ милостыню бѣднымъ, насыщая ихъ пищею и тѣлесною и духовною. Всѣ утѣшенныя прибѣгали къ нему, какъ птенцы подѣ крылья матери. Около него собралось нѣсколько учениковъ, и Прокопій, съ помощію князя, построилъ церковь во имя Пресвятой Богородицы и святаго Іоанна Крестителя. Такъ основалась на рѣкѣ Сазавѣ пустынная обитель въ 1032 году. Въ ней совершалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ и исповѣдывалась вѣра въ томъ видѣ, въ какомъ предлагали ее славянскіе просвѣтителі. Князь Ольдрихъ однакожъ не могъ уговорить преподобнаго Прокопія принять на себя санъ игумена,— смиренный старецъ страшился высокаго званія и отвѣтственности, сопряженной съ должностію начальника. Послѣ кончины Ольдриха, преемникъ его Вячиславъ, рѣшившись довершить дѣло, начатое отцемъ, убѣдилъ Прокопія принять санъ игумена, затѣмъ надѣлилъ монастырь имѣніями и оградилъ его отъ всѣхъ притязаній мѣстныхъ владѣльцевъ. Въ новомъ санѣ Прокопій не возгордился, но обрекъ себя на жизнь еще болѣе суровую. Въ самые счастливые дни своего монастыря, когда обитель ни въ чемъ не нуждалась, онъ жилъ отъ своего руководѣля, подражая подвигу древнихъ пустынниковъ. Множество чудесъ прославило святаго мужа, къ утѣшенію страждущихъ.

(Окончаніе на слѣд. №).

---

27 НОЯБРЯ № 48. 1871 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РАЗВИТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

(Продолженіе).

БОГОСЛОВСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Изъ всѣхъ наукъ, которыя читались въ средневѣковыхъ университетахъ, богословіе пострадало, по видимому, всего меньше отъ схоластическаго педантизма. Первые схоластики, чтобы о нихъ ни говорили, были ученые люди, а нѣкоторые изъ нихъ отличались и чистотою жизни. Они вѣрно сохраняли св. преданіе, тщательно изучали св. Писаніе и слѣдовали, по мѣрѣ возможности, толкованію св. Отцевъ. Правда, они знали Отцевъ и священныхъ писателей лишь по известному

комментарію, составленному въ IX вѣкѣ, да изъ Граціанова кодекса. Въ то время трудно было имѣть полные экземпляры святоотческихъ твореній, а еще труднѣе—опредѣлить, какія сочиненія принадлежать извѣстному отцу, какія—другому, наконецъ—какія рѣшительно подложны. Не менѣе трудно было и пониманіе этихъ твореній, за недостаткомъ основательнаго знанія латини и церковной исторіи. Находя у св. Отцевъ таинственное толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія, схоластики, по примѣру ихъ, и сами старались отыскивать таинственное значеніе священнаго текста, и находили его, разумѣется, благодаря тонкости своего ума и теплотѣ вѣрующаго сердца; не имѣя фактическихъ познаній, они вдавались въ резонерство, которое, вдобавокъ, еще отягощено было дребеденью аристотелевой метафизики, прославленной арабами.

Схоластики XIV и XV вѣковъ продолжали идти ложнымъ путемъ своихъ предшественниковъ. Разногласіе въ рѣшеніи вопросовъ о предметахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ религіи, производило партіи, или секты между схоластическими богословами; и, благодаря даровитости и соревнованію ученыхъ, стоявшихъ во главѣ борющихся сторонъ, схоластическіе диспуты дошли до невѣроятной утонченности. Самыми популярными авторами были Оккамъ, Скоттъ, Дурандъ, Поркіанъ. Образовалось убѣжденіе, что первые схоластики въ своихъ сокращеніяхъ, катенахъ и «компендіумахъ» собрали все, что есть полезнаго у св. Отцевъ. На этихъ «компендіумахъ» успокоивались схоластики и воображали, что негдѣ искать богословія, кромѣ Θомы Аввината и Бонавентуры. Отцы Церкви были оставлены. Ихъ языкъ слишкомъ отличенъ былъ отъ варварской латини схоластицизма. Ихъ разсужденія казались слишкомъ мало философскими для высокоумныхъ докторовъ, которые ничего не читали, кромѣ Аристотеля, не знали другаго метода наставленія, кромѣ діалектическаго, другихъ способовъ убѣжденія, кромѣ аргументовъ, возраженій, заключеній и т. п. Они такъ свыклись съ аристотелевой діалектикой, что кромѣ ея ничего не могли ни любить, ни понимать. Они забывали строгій, но справедливый приговоръ, произнесенный св. Григоріемъ Нисскимъ

надъ философію Аристотеля: «разсужденія Аристотеля, говоритъ знаменитый отецъ Церкви, не достойны ни Божественнаго Провидѣнія, ни души человѣческой (От. 33). И хотя Платонъ имѣеть также свои недостатки, однако Отцы предпочитали его, находя у него болѣе проблесковъ христіанской истины, болѣе средствъ для убѣжденія въ ней. Впрочемъ, очевидно, что отцы первыхъ трехъ или четырехъ столѣтій, въ особенности—греческіе, могли лучше понимать Аристотеля, потому что ученіе его сохранялось еще въ Аѳинахъ и Александріи до V вѣка; между тѣмъ какъ арабы стали заниматься перипатетической философіей уже съ того времени, когда ее забыли въ Греціи; а убогіе схоластики получили понятіе о ней отъ арабовъ. Простой и выразительно-образный языкъ св. Отцевъ казался схоластикамъ слишкомъ вульгарнымъ; послѣдовательныя и связныя разсужденія древнихъ учителей представлялись имъ риторическими упражненіями; никакого ученаго трактата они не могли вообразить безъ схоластическаго дробленія матеріи. Языкъ Апостоловъ и Пророковъ,—простой и величавый, смущалъ ихъ еще болѣе, чѣмъ языкъ классиковъ и св. Отцевъ. Не въ состояніи будучи услѣдить въ книгахъ св. Писанія послѣдовательность мыслей и опредѣлить цѣль каждой книги, схоластики изучали Писаніе буквально, по страницамъ, и если ссылались на авторитетъ его, то это дѣлалось безъ сердечнаго убѣжденія въ его истинѣ. Главное занятіе ихъ состояло въ томъ, чтобы изучать и копировать своихъ предшественниковъ—по схоластикѣ. Отсюда-то произошла вся эта громадная схоластическая литература. Но при всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ,—тамъ, гдѣ не было прямаго вліянія папы и римской куріи, ученіе вѣры сохранялось довольно твердо и неповрежденно. Не есть ли это явный знакъ Божественнаго покровительства св. истинѣ?

Впрочемъ, хотя ученіе вѣры оставалось тоже, однако не тотъ уже былъ методъ ученія. Отцы Церкви, стоявшіе болшею частію во главѣ церковнаго управленія и обремененные разнообразными обязанностями, писали только по необходимости, чтобы защитить вѣру отъ дѣйствительныхъ нападеній со стороны еретиковъ и язычниковъ; они рѣшали только та-

кіе вопросы, которые дѣйствительно выдвинуты были обстоятельствами времени. Большую часть святоотеческихъ творений составляютъ проповѣди, которыя говорены были народу, для объясненія св. Писанія. Средневѣковые доктора, имѣвшіе только двѣ цѣли въ жизни—учиться и учить, разграничили предметы даже въ области богословской науки. Одни занимались только изъясненіемъ св. Писанія, и это занятіе получило названіе *богословія положительнаго*. Другіе—имѣли дѣло съ таинственными и созерцательными истинами; это была схоластика въ строгомъ смыслѣ слова. Иные исключительно трудились надъ христіанскимъ правоученіемъ. Поставивши своею задачею—учить, схоластики старались объять, или задѣть сколь возможно болѣе вопросовъ, и изложить содержаніе своихъ изслѣдованій строго-систематически.

Для практическаго образованія своихъ учениковъ и для приготовленія ихъ къ дѣйствительнымъ диспутамъ со врагами вѣры, эти «доктора мнѣній» почитали необходимымъ—пустить въ ходъ всѣ тонкости, какими можетъ снабдить діалектика, чтобы предупредить всѣ возраженія любопытныхъ и беспокойныхъ умовъ. Въ свободномъ времени для подобныхъ занятій не было недостатка. Тоже должно сказать и о средствахъ къ «убіенію времени»: діалектика и метафизика Аристотеля, съ арабскими комментаріями, у каждого были подъ руками. Такимъ образомъ на богословскихъ факультетахъ происходило нѣчто подобное тому, что бываетъ въ фехтовальныхъ и гимнастическихъ «залахъ», гдѣ для развитія силъ и ловкости учатъ такимъ приемамъ, которые совершенно невозможны ни въ какомъ дѣйствительномъ бою. Изъясняя «магистра сентенцій», знаменитое произведеніе котораго схоластики считали систематическимъ курсомъ богословія, средневѣковые доктора дробили и разлагали на части его тезисы, такъ что богословская система съ каждымъ днемъ становилась запутаннѣе и сложнѣе. Тоже дѣлали и съ книгами Фомы Аквината. Но нужно замѣтить, что эта склонность къ разложенію и раздробленію понятій, или вообще—къ отвлеченному мышленію, служила, въ то же время, въ ущербъ положительному знанію вѣры, которое пріобрѣтается путемъ чтенія и размышленія;

неудержимые въ полетахъ отвлеченнаго мышленія, — схоластики видѣли однако камень преткненія въ самыхъ простыхъ, положительныхъ истинахъ богословской науки, каковы: прямой, буквальный смыслъ св. Писанія, доводы св. отцевъ, факты церковной исторіи. Только въ большихъ бібліотекахъ можно было найти полную Библию съ обыкновенными примѣчаніями. Рѣдкій изъ частныхъ людей былъ таеъ счастливъ, что имѣлъ у себя сборникъ Граціана; и большинство ученыхъ знало св. Отцевъ только изъ этого сборника.

ПРАВЫ УЧЕНИКОВЪ.

Первыя школы возникли при соборныхъ церквахъ и монастыряхъ, для образованія клириковъ. Понятно, что эти школы имѣли устройство, сообразное съ назначеніемъ воспитанниковъ. Расписаніе учебныхъ часовъ и вся школьная жизнь воспитанниковъ были устроены въ нихъ таеъ, какъ это прилично было общинѣ монаховъ, или клириковъ. Этимъ-то и объясняется извѣстный законъ, запрещавшій женатымъ людямъ занятіе медициною. Этимъ-то порядкамъ обязано своимъ происхожденіемъ извѣстное форменное платье, употреблявшееся членами всѣхъ факультетовъ, — беретъ (колпагъ) и мантія, которыя до сихъ поръ употребляются въ Англіи. Отсюда объясняется также названіе клерковъ (клириковъ), принадлежавшее юристамъ, трудившимся у прокуроровъ и нотаріусовъ: всѣ чиновники выходили изъ юридическаго факультета и сохраняли свои права, принадлежавшія имъ по мѣсту воспитанія. Громадныя привиллегіи, которыми пользовались клирики — юристы и богословы, заставляли ихъ заботиться и о внѣшнемъ своемъ отличеніи; привиллегіи же эти состояли въ безопасности отъ нападений со стороны грубой черни, въ независимости отъ свѣтскаго суда и свободѣ отъ всякаго рода налоговъ. Къ этимъ общимъ привиллегіямъ присоединялись еще привиллегіи частныя, принадлежавшія извѣстнымъ университетамъ. Уваженіе, которымъ пользовались члены университета, дѣлало ихъ кандидатами на епископскія и прочія церковныя и свѣтскія должности. Преподаватели получали богатое вознагражденіе и пользовались всеобщимъ

почетомъ. Такія преимущества ученаго сословія привлекали вполсѣдствіи въ университеты большое число простолюдиновъ. Наконецъ, во всѣхъ славныхъ университетахъ, въ особенности же парижскомъ, находилось большое число иностранцевъ, которые собирались сюда изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Всѣ эти студенты составляли изъ себя корпорацію, которая имѣла свое жилище, свой языкъ, свои обычаи.

Обращаемся теперь къ научнымъ занятіямъ мірянъ. Дворяне, происходившіе большею частію отъ франковъ и другихъ завоевателей, соблюдали обычаи древнихъ галловъ и германцевъ. Они не занимались ничѣмъ, кромѣ войны и охоты. Землѣдѣліе, торговлю и промышленность они представляли своимъ рабамъ, т. е. крестьянамъ, обитавшимъ вблизи ихъ городовъ и замковъ; а науку и литературу—духовенству. Большая часть дворянъ не умѣла даже читать, какъ свидѣтельствуемъ извѣстный Бертранъ-дю-Гескленъ. Что всего удивительнѣе, французскіе и нѣмецкіе бароны тогдашняго времени, по обычаю всѣхъ воинственныхъ народовъ, представили доказательства великой храбрости и ловкости, не смотря на то, что гимнастическимъ упражненіямъ вовсе не учились; никакихъ учрежденій для развитія тѣлесной силы и ловкости, подобныхъ тѣмъ, какія были у грековъ и римлянъ, на западѣ Европы тогда не существовало; и только къ концу царствованія Людовика Великаго, появляются во Франціи гимнастическія и фехтовальныя училища, устроенныя по итальянскимъ образцамъ въ этомъ родѣ. Если какіе-нибудь дворяне занимались науками, а нѣкоторые, безъ сомнѣнія, занимались, то между ними первое мѣсто принадлежитъ королямъ французскимъ Роберту и Людовику святому. Они занимались также усердно, какъ клирики, и вмѣстѣ съ клириками. Робертъ учился въ реймской школѣ у монаха Герберта, который вполсѣдствіи и носилъ папскую тиару подъ именемъ Сильвестра II. Людовикъ Толстый воспитывался въ аббатствѣ Сень-Дени. Въ университетахъ постоянно воспитывалось по нѣскольку дворянъ, которые потомъ занимали высокіе посты, какъ это показываютъ привилегіи, данныя имъ прагматическою санкціею; но число дворянъ было ничтожно въ сравненіи со множествомъ простолюдиновъ, на-

полнявшихъ университетскія аудиторіи. Эта разобщенность между дворянами и учеными людьми, и это презрѣніе, какое дворяне питали къ наукѣ, есть главная причина упадка дворянскаго сословія: извѣстно, что нравы двора и дворянства на западѣ всегда почти были болѣе испорчены, чѣмъ нравы простаго класса.

Развитію наукъ и искусствъ въ Греціи всего болѣе способствовало сочувствіе этому дѣлу со стороны самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ людей. Науки и искусства носили здѣсь названіе свободныхъ; потому что почитались достойными только благородныхъ, свободныхъ людей, и отличались отъ низкихъ и рабскихъ ремеслъ. Живописцамъ, архитекторамъ, музыкантамъ и поэтамъ давали лучшія общественныя должности, предпочтительно предъ другими гражданами. Ораторы чѣмъ краснорѣчивѣе, тѣмъ могущественнѣе были въ государствѣ.

Римляне хотя и презирали титулъ ученаго, но высоко цѣнили науку. Наукой занимались у нихъ очень многіе. А когда римляне вошли во вкусъ науки; то обыкновенно люди, стоявшіе во главѣ государства, стояли и во главѣ ученыхъ. Таковы были: Сципіонъ, Лелій, Цицеронъ, Цезарь, Маркъ Аврелій и многіе другіе, менѣе просвѣщенные, но тѣмъ не менѣе уважаемые за свою ученость.

Что касается научныхъ занятій въ средневѣковой Европѣ; то схоластическая сухость ихъ отгалкивала отъ университетовъ всякаго благороднаго человѣка. Такъ-называемые порядочные люди любятъ изящность и удовольствія; а изъ средневѣковыхъ школъ изгнана была всякая деликатность обращенія, всякая поэзія, все человѣческое. Научныя занятія сдѣлались; тяжкимъ трудомъ, который едва былъ по силамъ для людей съ твердымъ характеромъ, или лучше для самыхъ расчетливыхъ и честолюбивыхъ. Но едва ли для какогонибудь молодого дворянина могло быть чтонибудь привлекательное въ званіи магистра или въ профессорствѣ. Между тѣмъ, нельзя же было не учиться чему-нибудь, нельзя же было оставить ума безъ всякихъ упражненій. И вотъ студентовъ стали учить обращенію съ дамами, сочиненію любовныхъ стихотвореній. Впослѣдствіи изъ этого рода занятій

выработалось то, что у нас носить названіе салонности, свѣтскости, и что такъ рѣзко противорѣчитъ монастырскому характеру средневѣковыхъ училищъ. Впрочемъ самая скука швольной жизни была одной изъ причинъ упадка нравовъ, которые портились, не смотря на всѣ предупредительныя мѣры начальства.

(Продолженіе вѣрствъ).

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЧЕХІИ ДО КОНЦА X ВѢКА.

(Окончаніе).

Къ концу своей жизни св. Проконій удостоился дара пророчества. За два дня до смерти, призвавъ къ себѣ любимыхъ своихъ учениковъ Вита и Емерама, онъ сказалъ имъ: «возлюбленные чада! Насталъ день моего разрѣшенія отъ тѣла. Черезъ три дня, по волѣ Божіей, я совлеку съ себя одежду плоти. Поручаю васъ Богу; но знайте, что по смерти моей вы сдѣлаетесь предметомъ ужасной ненависти и гоненія; шесть лѣтъ будете скитаться по чужой землѣ и обитель ваша предана будетъ въ руки иноплеменниковъ. Вы же не оскудѣвайте въ вѣрѣ, утвердите и братьевъ своихъ, несомнѣнно уповая на Бога. По прошествіи шести лѣтъ, Онъ снова приведетъ васъ къ пристанищу утѣшенія и посрамитъ гонителей вашихъ. По смерти благочестиваго Брячислава, преемникъ его Спитигнѣвъ будетъ преслѣдовать васъ; но богобоязненный Вратиславъ снова возвратитъ васъ въ обитель, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ дастъ вамъ миръ и спокойствіе на этомъ мѣстѣ во всѣ дни жизни вашей». На третій день, согласно съ предсказаніемъ, Проконій, пораженный внезапною болѣзнію, скончался съ молитвою на устахъ въ 1053 году. Въ управленіи монастыремъ ему наслѣдовалъ племянникъ его Витъ. Но не долго обитель Сазавская наслаждалась спокойствіемъ. Въ

1055 году умирает князь Брячиславъ и оставляетъ престолъ своему сыну Спитигиѣву, которому злые люди стали наговаривать на игумена Сазавскаго монастыря съ братією, увѣряя его, что славянское богослуженіе есть еретическое. «Князь, говорили они, здѣсь есть какіе-то славяне; они имѣютъ какую-то грамоту, отличную отъ нашей, славятся предсказаніями. Не допускай имъ служить *славянскими глаголомъ*, стои предъ престоломъ Божиимъ; вѣдь это ересь — *надобно* такую службу» (1). Спитигиѣвъ дѣйствительно изгоняетъ славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря, и въ 1057 году управленіе этимъ монастыремъ ввѣряетъ аббату латинскому. Изгнанный Витъ съ братією удалился въ предѣлы угорскіе, въ страну, гдѣ еще живо хранились двухъ-согласнѣя преданія святаго Кирилла, и пробылъ тамъ у единовѣрныхъ братьевъ шесть лѣтъ. Мѣсто славянъ «*daschu jiným nemšom, ... ti nemci latinici bechu*». Но едва только нѣмецъ аббать вступилъ во владѣніе чужою, похищенною имъ, собственностію, какъ при входѣ во храмъ внезапно явился ему святой Прокопій и грозно требовалъ отвѣта: по какому праву аббать пришелъ въ здѣшнюю обитель? Нѣмецкій игумень сослался на повелѣніе князя, отдавашаго ему монастырь въ пожизненное владѣніе; но Прокопій сказалъ ему на это: «если князь далъ тебѣ право поселиться здѣсь, то я отнимаю у тебя это право». Однако аббать счелъ это за наважденіе дьявольское и оставилъ слова Прокопія безъ вниманія. Но то же явленіе повторилось до трехъ разъ, и все безъ успѣха; наконецъ, — четвертое *грозное* явленіе Прокопія заставило нѣмца бѣжать изъ монастыря. Послѣ смерти Спитигиѣва исполнилась и послѣдняя половина пророчества Прокопіева; Вратиславъ дѣйствительно вызвалъ изгнанныхъ славянскихъ монаховъ и возвратилъ имъ въ 1063 году права надъ Сазавскимъ монастыремъ. При Вратиславѣ II, который, по выраженію сазавскаго лѣтописца, возлюбилъ Сазавскую обитель *всѣмъ сердцемъ (toto cordis affectu Sazavam dilexit)*, православное начало достигло высшей степени развитія. Чтобы обезпечить для чеховъ пользование славян-

(1) Procop. въ Starob. Sklad. 1, 45.

выработалось то, что у насъ носить названіе салонности, свѣтскости, и что такъ рѣзко противорѣчить монастырскому характеру средневѣковыхъ училищъ. Впрочемъ самая скука швольной жизни была одной изъ причинъ упадка нравовъ, которые портились, не смотря на всѣ предупредительныя мѣры начальства.

(Продолженіе вѣрствъ).

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЧЕХІИ ДО КОНЦА X ВѢКА.

(Окончаніе).

Къ концу своей жизни св. Проконій удостоился дара пророчества. За два дня до смерти, призвавъ къ себѣ любимыхъ своихъ учениковъ Вита и Емерама, онъ сказалъ имъ: «возлюбленныя чада! Насталъ день моего разрѣшенія отъ тѣла. Черезъ три дня, по волѣ Божіей, я совлеку съ себя одежду плоти. Поручаю васъ Богу; но знайте, что по смерти моей вы сдѣлаетесь предметомъ ужасной ненависти и гоненія; шесть лѣтъ будете скитаться по чужой землѣ и обитель ваша предана будетъ въ руки иноплемениковъ. Вы же не оскудѣвайте въ вѣрѣ, утвердите и братьевъ своихъ, несомнѣнно уповая на Бога. По прошествіи шести лѣтъ, Онъ снова приведетъ васъ къ пристанищу утѣшенія и посрамитъ гонителей вашихъ. По смерти благочестиваго Брячислава, преемникъ его Спитигнѣвъ будетъ преслѣдовать васъ; но богобоязненный Вратиславъ снова возвратитъ васъ въ обитель, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ дастъ вамъ миръ и спокойствіе на этомъ мѣстѣ во всѣ дни жизни вашей». На третій день, согласно съ предсказаніемъ, Проконій, пораженный внезапною болѣзнію, скончался съ молитвою на устахъ въ 1053 году. Въ управленіи монастыремъ ему наслѣдовалъ племянникъ его Вить. Но не долго обитель Сазавская наслаждалась спокойствіемъ. Въ

1055 году умираетъ князь Брячиславъ и оставляетъ престолъ своему сыну Спитигнѣву, которому злые люди стали наговаривать на игумена Сазавскаго монастыря съ братією, увѣряя его, что славянское богослуженіе есть еретическое. «Князь, говорили они, здѣсь есть какіе-то славяне; они имѣютъ какую-то грамоту, отличную отъ нашей, славятся предсказаніями. Не допускай имъ служить *славянскимъ плагодомъ*, стоя предъ престоломъ Божиимъ; вѣдь это ересь — *плодитъ* такую службу» (1). Спитигнѣвъ дѣйствительно изгоняетъ славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря, и въ 1057 году управленіе этимъ монастыремъ ввѣряетъ аббату латинскому. Изгнанный Вить съ братією удалился въ предѣлы угорскіе, въ страну, гдѣ еще живо хранились двухъ-сотлѣтнія вѣданія святаго Кирилла, и пробылъ тамъ у единовѣрныхъ братьевъ шесть лѣтъ. Мѣсто славянъ «*dachu jiným neměm, . . . ti nemci latinici bechu*». Но едва только нѣмецъ аббать вступилъ во владѣніе чужою, похищенною имъ, собственностію, какъ при входѣ во храмъ внезапно явился ему святой Прокопій и грозно требовалъ отвѣта: по какому праву аббать пришелъ въ здѣшнюю обитель? Нѣмецкій игумень сослался на повелѣніе князя, отдавашаго ему монастырь въ пожизненное владѣніе; но Прокопій сказалъ ему на это: «если князь далъ тебѣ право поселиться здѣсь, то я отнимаю у тебя это право». Однако аббать счелъ это за наважденіе дьявольское и оставилъ слова Прокопія безъ вниманія. Но то же явленіе повторилось до трехъ разъ, и все безъ успѣха; наконецъ, — четвертое *грозное* явленіе Прокопія заставило нѣмца бѣжать изъ монастыря. Послѣ смерти Спитигнѣва исполнилась и послѣдняя половина пророчества Прокопіева; Вратиславъ дѣйствительно вызвалъ изгнанныхъ славянскихъ монаховъ и возвратилъ имъ въ 1063 году права надъ Сазавскимъ монастыремъ. При Вратиславѣ II, который, по выраженію сазавскаго лѣтописца, возлюбилъ Сазавскую обитель *всѣмъ сердцемъ (toto cordis affectu Sazavam dilexit)*, православное начало достигаетъ высшей степени развитія. Чтобы обезпечить для чеховъ пользованіе славян-

(1) Прокоп. въ Starob. Sklad. 1, 45.

скимъ богослуженіемъ, Вратиславъ обратился къ папѣ Григорію VII съ просьбою утвердить въ Сазавской обители славянское богослуженіе. Но Григорій VII въ 1080 году отвѣчалъ: «что касается твоей просьбы о томъ, чтобы мы позволили отправлять у васъ богослуженіе въ томъ видѣ, какъ оно теперь отправляется,—на языкѣ славянскомъ (*officium secundum Slavonicam*), то да будетъ тебѣ извѣстно, что мы никакъ не можемъ исполнить твоего желанія и властью святаго Петра повелѣваемъ, чтобы не было того, чего твой народъ *неразумно* требуетъ, а тебя просимъ всѣми силами противиться этому т п е с л а в н о м у (!) народному побужденію». Слова папскаго отвѣта: «*ne id fiat, quod a vestris imprudenter exposcitur*» и «*quod simpliciter populus quaerit*», показываютъ, что Вратиславъ въ попыткахъ своихъ предъ римскимъ дворомъ былъ только истолкователемъ воли народной и представилъ папѣ просьбу если не всего чешскаго народа, то по крайней мѣрѣ значительной части его. Это явленіе находилось, конечно, въ связи съ великимъ нравственнымъ вліяніемъ Сазавскаго монастыря, который при третьемъ игуменѣ Емерманѣ отличался совершенною нестяжательностію. При Божетѣхѣ онъ оставляетъ далеко позади себя всѣ прочіе монастыри; дѣлается однимъ изъ богатѣйшихъ въ Чехіи, а игуменъ его получилъ права почти епископскія; онъ вмѣсто владыки Козьмы возлагаетъ корону на короля чешскаго. Но сильное вмѣшательство Григорія VII въ церковныя дѣла Чехіи и убійственное для чешской народности княженіе Брячислава II (1082—1100 г.) останавливаетъ блестящее его развитіе. Въ 1096 г. славянскіе монахи изгоняются, и, повидимому,—навсегда, изъ наслѣдственныхъ стѣнъ Сазавской обители. На мѣсто изгнаннаго игумена *Божетълава* Брячиславъ поставилъ, съ согласія «*cunctorum primatum terrae*» (всѣхъ вельможъ страны) и епископа Козьмы, Дитриха Бревненскаго, который обязанъ былъ этимъ особенно тому обстоятельству, что зналъ хорошо по латини (*latinis litteris sufficienter imbutus erat*). Съ этихъ поръ славянское богослуженіе перестало существовать въ Чехіи и никогда уже болѣе не отправлялось въ такомъ видѣ, въ какомъ было прежде. «Тогда, такъ заканчиваетъ безъимянный лѣтописецъ исторію славянской половины Сазавскаго монастыря, исполни-

лось слово евангельское: *поражу пастыря и развидутся овцы стада*. Et libri linguae eorum deleti omnino et disperditi nequaquam ulterius in eodem loco recitabantur (1), т. е. книги ихъ языка истреблены и развѣяны и никогда болѣе не будутъ возглашаться на этомъ мѣстѣ». Истребленіе книгъ славянскихъ въ Сазавскомъ монастырѣ было очень вредно и для развитія чешскаго народа. Но языкъ св. Кирилла и Меѳодія и славянское богослуженіе слишкомъ были живучи, чтобы прекратиться совершенно; потому и послѣ 1096 года тамъ и сямъ видимъ употребленіе славянской азбуки, которая встрѣчается въ памятникахъ XI столѣтія.

Къ числу знаменитѣйшихъ памятниковъ славянской письменности этого времени принадлежитъ, такъ называемое, Сазаво-эммауское Евангеліе. Судьба его чрезвычайно-замѣчательна. Первая половина его писана кириллицей и приписывается св. Прокопію. Во второй половинѣ буквы латинскія, а языкъ славянской. Богато-украшенное на счетъ короля чешскаго Карла IV, оно вывезено изъ Сазавскаго монастыря и очутилось въ Константинополь, откуда привезено на Тридентинскій соборъ и здѣсь досталось епископу реймскому. Сдѣлавшись достояніемъ реймскаго собора, славянское Евангеліе вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось предметомъ благоговѣнія для цѣлой Франціи; въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на немъ присягали французскіе короли, во время своего коронаванія, хотя никто не умѣлъ прочитатъ въ немъ ни одного слова. Первый изъ русскихъ увидѣлъ это Евангеліе въ 1717 году; это былъ Петръ I. Утраченное во время революціи, оно въ нынѣшнемъ столѣтіи вновь открыто однимъ изъ нашихъ ученыхъ, который растолковалъ французамъ, что эта священная книга есть славянское Евангеліе.

Впрочемъ мы зашли дальше предположенныхъ нами предѣловъ времени. И потому здѣсь и оканчиваемъ нашъ очеркъ исторіи православія въ Чехіи. **М.**

---

(1) Script. rer. bohém. 1, p. 112.

О ВАЖНОСТИ ХРИСТИАНСКАГО ВОСПИТАНІЯ (1).

Великъ Богъ нашъ во гнѣвѣ, великъ и въ милости своей. Строго наказаль Онъ прародителей нашихъ за преступленіе Божественной своей заповѣди, осудивъ ихъ и съ ними весь родъ человѣческій на вѣчную смерть, но въ тоже время превратилъ гнѣвъ Свой на великую милость, давъ обѣтованіе, что отъ сѣмени жены родится Спаситель міра, рожденный прежде вѣкъ отъ Бога Отца, Единородный Сынъ Божій. Но вотъ проходятъ годы, вѣка, тысячелѣтія, а обѣтованный Посланикъ Божій не является. Отъ чего такъ долго? Это можно объяснить примѣромъ изъ общественной нашей жизни: когда гдѣ-либо ожидаютъ посѣщенія царя земнаго, то стараются приготовить для него домъ чистый, украшенный, достойный принять высокаго посѣтителя; тѣмъ болѣе нуженъ былъ достойный чертогъ, чтобы вмѣстить невмѣстимаго Бога. Но въ теченіе столь долгаго времени приготовленъ онъ не былъ; т. е. не было достойной дѣвы, которая приняла бы Бога-Слово и сообщила Ему плоть человѣческую. Таковъ чертогъ для Царя Небеснаго приготовили праведные Іоакимъ и Анна посредствомъ священнаго воспитанія единственной дщери своей пренепорочной Приснодѣвы Маріи. Преблагословенная Марія была даръ Божій, плодъ горячихъ и усердныхъ молитвъ безчадныхъ Іоакима и Анны и, по данному ими обѣту, посвящена на служеніе Богу; поэтому съ радостію ввели они трехлѣтнюю дщерь свою во святыи храмъ — священновоспитатися; тамъ, подъ руководствомъ святаго и праведнаго первосвященника Захаріи, украсилась Она высокими добродѣтелями, цѣломудріемъ, смиренномудріемъ и совершенною преданностію Богу. Отъ того удостоилась Она быть Владыки всѣхъ престоломъ, налатою, одромъ и свѣтозарнымъ обиталищемъ. Торжественное празднованіе Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы должно служить урокомъ и побужденіемъ для

---

(1) Изъ слова, сказаннаго въ праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери.

христіанскихъ родителей воспитывать чадъ своихъ въ страхѣ Божіемъ, вѣрѣ и благочестіи.

Когда рождается человѣкъ въ міръ сей, удивительно— какъ слабъ онъ, какъ безсиленъ! А между тѣмъ онъ есть предметъ особеннаго попеченія промысла Божія, онъ предназначенъ для великихъ цѣлей; въ немъ, какъ солнце въ каплѣ воды, должны отражаться великія совершенства Божіи; онъ поставленъ быть членомъ великой гражданской семьи на землѣ, для него уготовано гражданство небесное заслугами Спасителя Христа Бога нашего. Но достигнуть этихъ цѣлей самъ по себѣ онъ не можетъ; въ немъ есть способность къ добру, какъ огонь въ камнѣ, какъ въ зернѣ растительность; но нужна посторонняя сила и помощь, чтобы развить эту способность и дать ей хорошее направленіе, нужно выработать изъ дитяти полезнаго гражданина и добраго христіанина; совершить это есть долгъ воспитателей. Но какъ человѣку дано двѣ жизни,—временная и вѣчная, то и воспитаніе должно имѣть двѣ цѣли,—благосостояніе временное и блаженство вѣчное. Не нужно говорить, что болѣе намъ на потребу; ясно, что вѣчное болѣе временнаго; поэтому при воспитаніи нужно имѣть въ виду главную цѣль. Приготовьте дитя для неба,—и вы приготовите для него вмѣстѣ съ тѣмъ и счастье земное, *Ищите прежде царствія Божія*, сказалъ Христосъ Спаситель, *и сія вся* т. е. блага земныя, *приложатся вамъ* (Мат. 6, 33). Удобрите прежде всего ниву нѣжнаго сердца юноши ученіемъ закона Божія, правилами вѣры и благочестія,—и тогда сѣйте на ней какія угодно полезныя познанія; они вѣрно принесутъ вождедѣнный плодъ.

Такъ, воспитанникъ училища Христова можетъ проходить съ успѣхомъ самыя высочія науки и проливать свѣтъ просвѣщенія на массы народа; видимый міръ служить для него зеркаломъ, въ которомъ отражается высшій міръ духовный; онъ слышитъ Божественный гласъ въ стройной и непрерывной гармоніи кругообращенія небесныхъ планетъ; для него *небеса повѣдаютъ славу Божію*; углубляясь въ тайны природы, онъ видитъ въ нихъ только присносущную силу Божію; для него, какъ говоритъ Апостоль Павелъ, *невидимая Божія творежи помышляема видима суть* (Рим. 1, 20); всякое

новое открытіе въ области науки представляетъ для него новое доказательство премудрости и всемогущества Божія. Христіанинъ не можетъ быть безбожникомъ. А если слышите иногда мнимаго мудреца, проповѣдующаго безбожіе, приписывающаго все, такъ удивительно, такъ премудро устроенное, слѣпому случаю и дѣйствию грубой, бездушнѣйшей матеріи, это значитъ, что къ этой дикой лозѣ не привилось спасительное ученіе Христово, что онъ не христіанинъ, хотя носить на себѣ имя христіанина.

Христіанское воспитаніе, просвѣщая умъ, облагороживаетъ сердце, искореняя въ немъ зародыши пороковъ и насаждая сѣмена добродѣтелей. Оно, такъ бы сказать, возвращаетъ человѣку потерянный образъ Божій, по которому онъ созданъ былъ, и дѣлаетъ его ангелоподобнымъ. Оно уничтожаетъ величайшее безобразіе человѣка, корень грѣха — гордость и кротостію и смиреніемъ украшаетъ нищету и придаетъ большій блескъ величію и славѣ. Отъ того благовоспитанный христіанинъ бываетъ почитателенъ къ старшимъ и высшимъ себя, любезенъ въ обращеніи съ равными, ласковъ съ низшими, всѣхъ онъ любитъ, всѣмъ доброжелательствуетъ и тѣмъ всѣхъ привлекаетъ къ себѣ сердца и имя его произносятъ съ похвалою. Если же видите въ комъ гордость, надменность, презрѣніе къ меньшей во Христѣ братіи, это значитъ, что христіанское воспитаніе не проникло въ глубину его сердца, что слово Божіе пало на каменистую почву, что въ немъ отзывается варварство и дикость; за то имя его пронесутъ яко зло, — только не Христа ради, а ради строптиваго и дерзкаго характера, — и не ждате ему блаженства ни отъ Бога, ни отъ людей. Могутъ воздавать ему наружную честь по чину, званію, богатству, но любить и душевно уважать — никогда!

Христіанское воспитаніе дѣлаетъ человѣка истиннымъ христіаниномъ, благочестивымъ, православнымъ, оно преподаетъ правила вѣры, основанныя на твердомъ камнѣ ученія апостольскаго, очищенные отъ утонченныхъ и богопротивныхъ умствованій лжеучителей и ересеначальниковъ, вселенскими соборами и писаніями святыхъ Отець. Если же встрѣчаете и между такъ-называемыми православными заблужде-

нія, суевѣрія, предрасудки. лицемѣріе, то это означаетъ небрежность объ основательномъ воспитаніи, это плодъ легкомыслія и невѣжества.

Христіанское воспитаніе не унижаетъ, а дѣлаетъ почтеннымъ всякое званіе, въ какое кто призванъ, возводя человѣка на высшую степень нравственнаго совершенства. Оно внушаетъ земледѣльцу, ремесленнику, художнику трудолюбіе и прилежаніе; купцу честность и добросовѣстность, судѣ правосудіе, воину храбрость для защиты вѣры и отечества, подчиненнымъ повиновеніе, начальникамъ благоразуміе и снисходительность, подданнымъ вѣрность, царямъ попечительность о царствѣ. Вотъ краткое изложеніе благихъ послѣдствій христіанскаго воспитанія!

Родители! вы дали чадамъ вашимъ жизнь, вы должны дать имъ и средства къ жизни, на васъ лежитъ обязанность сдѣлать ихъ хорошими гражданами, безъ чего они счастливыми быть не могутъ; а этого достигнуть можете только посредствомъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Умъ дѣтяти воспріимчивъ, сердце мягко какъ воскъ; на немъ можно оттиснуть какую угодно форму; не теряйте же времени, старайтесь напечатлѣть на немъ правила ученія Христова, правила вѣры и благочестія. Вы не въ состояніи дать дѣтямъ вашимъ высшее, блестящее образованіе, но вы можете и должны научить ихъ любить Бога паче всего и ближняго своего, яко самого себе, а безъ этой краткой, но самой важной науки, хотя бы человѣкъ прошелъ всѣ курсы наукъ, хотя бы изучилъ всѣ древніе и новѣйшіе языки.— все это не принесетъ ему никакой существенной пользы. *Аще*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *языки чловѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ звѣчящій* (1 Кор. 13, 1). Вы желали бы доставить чадамъ вашимъ средство достигать высокихъ почестей и громкой славы; но это не всякому дается, да и жалѣть не о чемъ. *Всяка слава чловѣча*, говоритъ Пророкъ, *яко цвѣтъ травный; иже трава и цвѣтъ отпаде* (Исх. 40, 7). Но вы можете доставить имъ славу прочную и неувадаемые вѣнцы; старайтесь только сдѣлать ихъ добрыми и праведными; а *въ память вѣчную*, воспѣваетъ св. Церковь, *будетъ праведникъ*, слава его не умираетъ; онъ переходитъ только изъ славы въ славу, отъ земли на небо. Вы не можете оставить богатаго наслѣдства, но можете и должны оставить въ наслѣдство примѣръ честнаго труда и святости жизни, это наслѣдство дороже всякаго богатства и должно переходить изъ рода въ родъ къ позднему потомству. Поэтому, уча словомъ, нужно учить и дѣломъ; примѣры сильнѣе дѣйствуютъ всякихъ словъ;

дети безсознательно слѣдуетъ тому, что видить, охотно подражаетъ отцу и матери, которыхъ должно любить и уважать: *не можете Сына творити о себѣ ниче соже, аще не еже видити Отца творяща* (Іоан. 5, 19). Благо убо родителямъ, когда дѣти ихъ добры, непорочны, благовоспитанны! Но горе, сказалъ Христосъ Спаситель, *человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ. Уне (лучше) есть ему, да обѣсится жерновъ осельный на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мат. 18, 6). Часто бываетъ, что и получившіе первоначально хорошее воспитаніе попадаютъ на путь ложный, уклоняются отъ истины и добра; часто худыя сообщества портятъ и самыя лучшія нравы; часто неопытные юноши увлекаются въ бѣздну погибели льстивыми совѣтами ложныхъ друзей; часто, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *тлѣтъ обычаи блии бесѣды злы* (1 Кор. 15, 38). Горе соблазняющимъ и развращающимъ невинныхъ сердца! Но несравненно должно быть большее горе, когда соблазнъ приходитъ отъ тѣхъ, которые должны подавать собою добрый примѣръ чистой нравственности; когда родители недобропорядочною жизнію и соблазнительными рѣчами подаютъ дѣтямъ поводъ къ распутству; когда безразсудною любовію и потворствомъ, разслабляя ихъ силы тѣлесныя и душевныя, готовятъ гнилыхъ и вредныхъ членовъ обществу; когда дѣти въ послѣдствіи терпятъ наказанія и страдаютъ въ заточеніяхъ за то, что съ малыхъ лѣтъ не научены повиноваться и свято чтить верховную, Богомъ поставленную, власть. Горе такимъ родителямъ! не избѣгутъ они праведнаго гнѣва Божія и потонутъ въ пучинѣ огненной. Тоже должно сказать и о тѣхъ, коимъ, вмѣсто родителей, вѣрдается воспитаніе юношества.

Выше мы сказали, что воспитаніе должно быть двойное, — для настоящей и будущей жизни; первое ограничивается извѣстнымъ періодомъ времени, второе — должно продолжаться всю жизнь. Окончивъ воспитаніе дѣтей, если кого Богъ благословитъ ими, мы должны продолжать свое собственное для вѣчности. Для этого нужно посѣщать какъ можно чаще храмъ Господень; благоговѣнно слушать святое Богослуженіе, поучаться чтеніемъ и пѣніемъ духовнымъ; назидаться словомъ благовѣстія Христова; очищать и питать душу святыми таинствами и такимъ образомъ созидаться въ храмъ Божій, въ жилище Духа Святаго.

Протоіерей Павелъ Вѣлецкій.

4 ДЕКАВРЯ № 49. 1871 ГОДА.

О СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНІИ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Учительныя книги Ветхаго Заѣта.

Все священное Писаніе направлено къ ученію, къ назиданію и *показанію еже во правдѣ*. Но въ иныхъ священныхъ книгахъ ученіе преподается въ видѣ историческихъ событій, назиданіе и вѣроученіе вытекаютъ изъ описанія великихъ дѣлъ Божіихъ; въ другихъ сообщается откровеніе людямъ отъ лица Самого Бога, устами Богодуховенныхъ пророковъ. Но есть книги, въ которыхъ ученіе вѣры и дѣятельности преподается съ большею полнотою, въ видѣ непрерывныхъ

уроковъ, прямо и нарочито ⁽¹⁾. Последняго рода книги называются собственно *учительными*. Таковы книги: *Иова*, *Псалтирь*, *Притчи*, *Экклезиастъ*, *Пѣснь Пѣсней*. Къ этимъ каноническимъ учительнымъ книгамъ присоединяются еще книги неканоническія, какъ-то: *книга Премудрости Соломоновой*, *книга Премудрости Иисуса сына Сирахова*.

1. Къ особенностямъ каноническихъ учительныхъ книгъ Ветхаго Завета принадлежить еще и то, что онѣ въ подлинникѣ написаны стихотворнымъ размѣромъ, почему нѣкоторые ученые называютъ весь этотъ отдѣлъ учительныхъ книгъ отдѣломъ поэтическимъ, или стихотворнымъ. Были даже попытки найти въ Библии всѣ роды классической поэзіи: *эпическій* (въ книгѣ Иова), *лирическій* (въ Псалмахъ), *драматическій* (въ книгѣ Пѣснь Пѣсней) и *дидактическій* (въ Притчахъ и Экклезиастѣ). Но подобныя попытки неосновательны и ни къ чему не ведутъ. Священные книги не имѣютъ цѣлю воспѣвать людей—героевъ, выразить личныя человѣческія чувства, или изображать борьбу человѣка съ рокомъ. Онѣ написаны по внушенію Духа Божія и имѣютъ единственную цѣлю прославленіе Господа и спасеніе человѣка.

Стихотворная рѣчь у евреевъ имѣетъ два вида: *пѣснь*, или гимнъ (ширь), какъ напримѣръ, въ Псалмахъ и Пѣсни Пѣсней, и *притча* (машаль), но не въ смыслѣ иносказанія, какъ въ Новомъ Заветѣ, а въ смыслѣ отдѣльнаго изрѣченія, или мысли, выраженной стихомъ, какъ напримѣръ, въ Притчахъ и Экклезиастѣ. Книга Иова представляетъ собою блистательное соединеніе обоихъ этихъ видовъ.

2. Форма еврейской священной поэзіи совершенно отличается отъ поэзіи народовъ классическихъ и европейскихкихъ; въ ней нѣтъ ни рѣзмы, ни размѣреннаго числа долгихъ и ко-

---

(1) Впрочемъ строгаго раздѣленія по предметамъ и содержанію между книгами св. Писанія нѣтъ. Какъ въ историческихъ книгахъ есть мѣста—прямо учительныя и пророческія, такъ и въ учительныхъ писаніяхъ иногда содержится исторія (напр. о Іовѣ) и пророчества (напр. въ Притчахъ и Пѣсни Пѣсней).

ротѣхъ слоговъ; но есть такъ называемый параллелизмъ. Онъ состоитъ изъ большаго или меньшаго количества частей, или членовъ, состоящихъ между собою въ одномъ извѣстномъ отношеніи, такъ что въ одномъ членѣ рѣчь возвышается, а въ другомъ опускается. Параллельные члены стиха относятся между собою такимъ образомъ, что одинъ членъ составляетъ подобіе, или противоположность, или же развитіе другаго члена (синонимическій, антитетическій и синтетическій параллелизмъ).

Впрочемъ, нужно замѣтить, что дѣленіе стиха на члены иногда имѣетъ не логическое, а тоническое основаніе, т. е. стихъ получаетъ извѣстное дѣленіе не потому, чтобы того требовало логическое развитіе мысли, но развитіе самой мысли подчиняется требованію музыкальности стиха.—Примѣры: синонимическаго параллелизма Пс. 8, 5; антитетическаго—Пс. 19, 8; синтетическаго—Пс. 20, 9.

Стихъ, очевидно, требуетъ по крайней мѣрѣ двухъ членовъ, для того, чтобы явилась возможность параллелизма. Посему двухчленность есть основная форма еврейскаго стиха (см., напримѣръ, Пс. 119). Притча же почти не допускаетъ другой формы.

Примѣчаніе. Кромѣ двухчленныхъ, встрѣчаются стихи:

1) *трехчленные*: а) съ 3 синонимическими (Пс. 7, 6), или съ 3 синтетическими членами (Пс. 31, 19); б) съ 2 синонимическими или антитетическими членами, которые противоплагаются третьему (Пс. 2, 2; 44, 5); 2) *четыречленные*: а) съ 4 синонимическими или синтетическими членами (Пс. 5, 10; 17, 9; 32, 6) б) съ 2 двухчленными, которые находятся между собою въ отношеніяхъ синонимическомъ, антитетическомъ или синтетическомъ (Пс. 44, 3; 31, 23; 18, 17) в) съ трехчленнымъ и одночленнымъ (Пс. 5, 11) или же съ двухчленнымъ и двумя одночленами (Пс. 31, 20); 3) *пятичленные*, состоящіе большею частію изъ 2 двухчленныхъ и 1 одночлена (Пс. 11, 4); 4) *шестичленные*, состоящіе изъ 3 двухчленныхъ, очень рѣдко встрѣчающіеся (Пѣснь пѣсн. 4, 8). Въ стихѣ четырехчленномъ обыкновенно первый членъ соотвѣтствуетъ третьему, второй—четвертому, или—первый соотвѣтствуетъ четвертому, и второй—третьему.

Цѣлое стихотвореніе, также какъ и каждый отдѣльный стихъ, въ свою очередь, опять представляетъ рядъ членовъ, находящихся между собою въ отношеніяхъ противоположности, подобія или синтеза. На этомъ свойствѣ стихотвореній основывается дѣленіе ихъ на строфы. Строфы еврейскаго стихотворенія могутъ быть узнаваемы или по закончивающимъ ихъ припѣвамъ, или даже просто—по ходу мыслей. Онѣ состоятъ иногда изъ равнаго, но иногда изъ различнаго количества стиховъ и членовъ.

3. Историческая судьба еврейской поэзіи представляетъ три періода:

1. *Вѣкъ Моисея.* Пѣснь, воспѣтая по переходѣ израильтянъ чрезъ Черное море (Исх. 15), псаломъ Моисея (Пс. 89) и послѣдняя пѣснь Моисея (Второз. 32, 33) суть первые памятники еврейской поэзіи (1). Такимъ образомъ, вѣкъ Моисея на столько же замѣчательнъ въ исторіи еврейской поэзіи, какъ и во всякихъ другихъ отношеніяхъ. Если совокупность сторонъ нравственно-религіозной жизни евреевъ представить подъ видомъ зданія, то вѣкъ Моисея былъ тѣмъ временемъ, когда положены были краеугольные камни этого зданія.

2. *Вѣкъ Давида и Соломона* былъ періодомъ процвѣтанія еврейской поэзіи. Переходомъ отъ поэзіи временъ Моисея къ поэзіи цвѣтущаго періода служитъ пѣснь Девворы (Суд. 5) и пѣснь Анны (2 Цар. 1). Въ этихъ пѣсняхъ мы уже находимъ дѣленіе на строфы. Но до высочайшей степени совершенства достигаетъ еврейская пѣснь въ Псалмахъ св. Давида. Писанія Соломона представляютъ высочайшій образецъ красоты въ другой отрасли еврейской поэзіи, - въ притчѣ. Содержаніе притчей составляетъ мудрость, раждающаяся въ человѣкѣ вслѣдствіе созерцанія природы и жизни, при озареніи Божественной мудрости. Соломонъ также многообъемлющъ въ своихъ урокахъ мудрости, какъ широки были его политическіе планы (3 Цар. 5, 4—14).

3. *Вѣкъ вавилонскаго плѣна.* Послѣ раздѣленія царствъ

---

(1) Сюда можно отнести предсмертную рѣчь Іакова своимъ дѣтямъ (Быт. гл. 49).

религіозная жизнь еврейскаго народа пришла въ упадокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ упала и поэзія, почерпавшая свои силы изъ этой жизни. Нѣкоторое оживленіе поэтическаго духа мы замѣчаемъ лишь при Иосафатѣ (2 Пар. 2) и Езекии (4 Пар. 29, 25 и слѣд.), Но когда Израиль, очищенный бѣдствіями, вновь воспылалъ огнемъ вѣры и надежды, тогда пробудилась и поэтическая пѣснь въ боговдохновенныхъ устахъ пророка (1).

Книга Іова.

1. *Названіе* свое эта книга получила отъ имени Іова, потому что страданія Іова, съ обстоятельствами предшествовавшими имъ и послѣдовавшими составляютъ предметъ настоящей книги.

2. *Цель* книги есть разрѣшеніе вопроса о томъ, какое значеніе имѣютъ бѣдствія и страданія людей благочестивыхъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ исторія Іова. Лицо Іова не есть вымышленное, но дѣйствительно историческое (Езек. 14, 14; Іак. 5, 11). Постановленія апостольскія по праву ставятъ Іова на ряду съ патриархами и Мелхиседекомъ, какъ жившими до закона Моисеева. Исторія Іова, благочестиваго человѣка, съ высоты счастья ниспавшаго въ возможную глубину человѣческихъ бѣдствій и за тѣмъ вновь возвращеннаго на прежнюю степень благоденствія, была извѣстна на всемъ Востокѣ. Въ библейской книгѣ страданія Іова составляютъ, такъ сказать, прологъ къ возвышенной дидактической поэмѣ, которая, въ формѣ драмы, или діалога, развиваетъ мысль, что страданія иногда ниспосылаются Богомъ на благочестивыхъ людей не для наказанія ихъ, но для испытанія и *даются дѣла Божіи*. Іовъ опровергаетъ мнѣніе своихъ друзей,

---

(1) По порядку программы, намъ слѣдовало бы говорить о неканоническихъ книгахъ историческаго отдѣла Библии, но объ этихъ книгахъ почти ничего не сказано у Вебера, которыми мы главнымъ образомъ пользуемся, и поэтому объ нихъ составляется редакторомъ Д. В. особая статья, которая и будетъ напечатана по ея окончаніи. Переводъ же руководства Вебера конченъ весь и находится въ редакціи. *Ред.*

которые считали несчастія, постигшія Іова, наказаніемъ за его грѣхи. Споръ этотъ разрѣшенъ былъ самимъ Богомъ, Который оправдалъ Іова, но только предъ его друзьями. Такимъ образомъ историческое вступленіе и историческое заключеніе книги составляютъ части, необходимыя для пониманія общей мысли ея.

3. Писатель книги Іова съ точностію неизвѣстенъ. О времени же происхожденія книги существуютъ два мнѣнія. Древнее преданіе Церкви, слѣды котораго мы находимъ у многихъ св. Отцевъ, приписываетъ ее Моусею и признаетъ ее древнѣе Пятикнижія. Мнѣніе это основывается на томъ, что въ книгѣ Іова не упоминается о писаномъ законѣ Божіемъ, не употребляется имени «леговъ», и что книга Іова допускаетъ только древнѣйшій видъ божественнаго откровенія—непосредственное явленіе Бога. Другое мнѣніе, явившееся позднѣе, относитъ книгу Іова къ вѣку Соломона. Раздѣляющіе это мнѣніе ученые, въ подтвержденіе его, указываютъ, во первыхъ, на художественно-обработанную форму книги, составляющую характеристическую особенность эпохи Соломона; во вторыхъ, на характеръ идеи книги Іова: изысканіе причины вещей составляетъ свойство произведеній вѣка Соломона; наконецъ, на обширность свѣдѣній писателя книги Іова; богатство этихъ свѣдѣній встрѣчается всего чаще у писателей золотого вѣка еврейской письменности, вѣка Соломона. Но всѣ эти доводы въ пользу послѣдняго мнѣнія неубѣдительны и болѣе вѣроятнымъ остается первое мнѣніе.

4. Планъ и раздѣленіе книги Іова. Книга Іова отличается художественною стройностію плана, и представляетъ слѣдующія части.

І. Историческое вступленіе (гл. 1—3).

Благочестивый житель страны Авсидитійской (Уцъ), Іовъ одаренъ былъ всѣми земными благами, богатствомъ, славою, семействомъ. Діаволь клеветалъ, что Іовъ служить Богу за эти именно блага. И вотъ, по допущенію Божію, онъ внезапно лишился всего имуществва, потерялъ своихъ дѣтей, наконецъ подвергся страшной, неизлечимой болѣзни,—проказѣ и лежалъ на гноищѣ (кучѣ навоза), въ жилища, оставленный всѣми

ближними. Твердый въ вѣрѣ, Іовъ долго безропотно переносилъ свои страданія. «Якоже Господеви изволися, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно во вѣки», говорилъ онъ. Но неразумныя рѣчи жены и друзей исторгли наконецъ у него малодушное слово, — онъ проклиналъ день своего рожденія. Послѣ семи дней молчанія, отъ чрезмѣрной горести и смущенія, друзья Іова начинаютъ съ нимъ продолжительную и одушевленную бесѣду.

III. Бесѣда Іова съ своими друзьями о причинѣ его бѣдствій (гл. 4—31).

1. *Первый разговоръ* (4—14 гл.).

Главную мысль друзей Іова въ этомъ разговорѣ было то, что Богъ, какъ Существо Всесовершенное, не могъ ниспослать на Іова постигшія его бѣдствія безъ достаточнаго основанія; Іовъ же, съ своей стороны, утверждалъ, что бѣдствія эти не ниспосланы, но лишь поупущены Богомъ.

а) Елифазъ порицалъ самообольщеніе Іова, которое препятствовало ему уразумѣть причину постигшихъ его несчастій. «Всѣ люди грѣшны, говорилъ Елифазъ, слѣдовательно и Іовъ есть грѣшникъ, и въ его грѣхахъ—причина его бѣдствій. Елифазъ совѣтовалъ Іову чистосердечно покаяться (гл. 4 и 5).

Въ отвѣтъ на это, Іовъ указывалъ на чрезмѣрность своихъ страданій, жаловался на друзей, которые, вмѣсто утѣшенія, огорчали его незаслуженными упреками и обличеніями. «Я чувствую, говорилъ Іовъ, гнѣвъ Божій, но за чѣмъ этотъ гнѣвъ обрушился на человѣкъ, не содѣлавшемъ ничего особенно худаго, и зачѣмъ этотъ гнѣвъ такъ безощаденъ?» (6 и 7 гл.).

б) Валдадъ продолжалъ развивать тему Елифаза. «Богъ не можетъ быть несправедливъ; Онъ посѣщаетъ гнѣвомъ Своимъ лишь нечестиваго. Слѣдовательно Іову оставалось бы принести покаяніе и подчиниться суду Божію (гл. 8).

Іовъ возражалъ, что онъ хорошо понимаетъ высочайшую правду Божію, но что изъ понятія о безконечномъ правосудіи Божіемъ вовсе не истекаетъ того заключенія, что несчастія Онъ можетъ ниспосылать только на людей нечестивыхъ (гл. 9). «Но, спрашиваетъ Іовъ, за чѣмъ Богъ создалъ меня? Неужели только для страданія и гибели?» (гл. 10).

в) Софаръ обратилъ вниманіе собесѣдниковъ на всевѣдніе Божіе. «Онъ знаетъ больше, чѣмъ мы, даже о насъ самихъ. Итакъ не лучше ли Іову признать карающую Десницу Божію и принести покаяніе, нежели состязаться съ Богомъ въ знаніи своей души?» (гл. 11).

Іовъ, въ отвѣтъ на рѣчь Софара, прославилъ премудрость Божію (гл. 12); но не хотѣлъ признать, чтобъ онъ заслужилъ свои страданія (гл. 13); наконецъ обратился къ Богу и молилъ Его, чтобы сжалился надъ нимъ ради краткости и безвозвратности человѣческой жизни (гл. 14).

2. Второй разговоръ (гл. 15—21).

Такъ какъ Богъ правосуденъ, то Іовъ могъ страдать по заслугамъ; а такъ какъ онъ страдалъ, то слѣдуетъ, что онъ нечестивый человѣкъ. Такова главная мысль втораго разговора со стороны друзей Іова. Іовъ призываетъ Бога во свидѣтельство своей невинности, и, въ опроверженіе доводовъ представленныхъ друзьями, указываетъ на примѣры счастья, какое достается иногда людямъ нечестивымъ.

а) Елифазъ въ несчастной судьбѣ Іова находилъ очевидное доказательство его нечестія (гл. 15). Глубоко возмущенный незаслуженными укоризнами, Іовъ призвалъ Бога въ свидѣтели своей невинности и просилъ отмстить друзьямъ за поруганіе его чести (гл. 16 и 17).

б) Валдадъ утверждалъ, что нечестивые всегда имѣютъ ужасный конецъ, дѣлая такимъ образомъ совершенно прозрачный намекъ на нечестіе Іова (гл. 18). Іовъ могъ лишь отъ глубины души стенать о всей тяжести своихъ бѣдствій, которыя, въ виду укоризнъ отъ друзей, становились еще лютеѣ, клясться въ своей невинности и просить Бога о наказаніи жестокосердыхъ друзей (гл. 19).

в) Софаръ представлялъ, какъ выводъ изъ опыта, что грѣшника всегда постигаетъ наказаніе (гл. 20). Въ опроверженіе Софара, Іовъ снова указываетъ на примѣры грѣшниковъ, нелишенныхъ счастья (гл. 21).

3. Третій разговоръ.

Отъ общихъ обвиненій, друзья Іова переходятъ къ частному исчисленію грѣховъ Іова, но скоро находятъ вынужденными замолчать, не находя этихъ грѣховъ.

а) Елифазъ началъ исчислять грѣхи, которые, по его убѣжденію, необходимо долженъ былъ допустить Іовъ, и снова убѣждалъ его покаяться (гл. 22). Іовъ уже не отвѣчалъ Елифазу, но молился, чтобъ Богъ не допустилъ умереть его не оправданнымъ (гл. 23); потомъ снова доказывалъ, какъ ошибочна мысль, будто всякое несчастье есть наказаніе за грѣхи, представляя примѣры счастливыхъ грѣшниковъ (гл. 24).

б) Валдадъ, будучи не въ силахъ оспорить Іова, повторилъ мысль, уже высказанную въ предъидущемъ разговорѣ, что Богъ знаетъ о людяхъ больше, чѣмъ они сами знаютъ о себѣ (гл. 25). Мудрость друзей Іова уже истощилась. Софаръ отказывается продолжать состязаніе. Іовъ снова прославилъ Всесовершеннаго Бога (гл. 26). Защищая свою невиновность, онъ присовокупилъ, что гнѣвъ Божій разразится на его несправедливыхъ друзей (гл. 27). «Судьбы Божіи неисповѣдимы (гл. 28). Благословенный Богомъ, почитаемый людьми, покровитель всѣхъ страждущихъ и врагъ всякаго зла (гл. 29), думалъ ли онъ, что сдѣлается посмѣшищемъ для своихъ ближайшихъ людей (гл. 30)? Свято соблюдая правила благочестія, онъ остается въ увѣренности, что Господь услышитъ скорбь сердца» его (гл. 31).

в) Когда соперники Іова умолкли, является новый, до сихъ поръ неизвѣстный, соперникъ ему,—это Эліусъ, или Элигу. Онъ, увидѣвъ, что доводы Элифаза, Волдада и Софара истощились, представилъ свое мнѣніе по предмету пренія (32 гл.). Осуждая высокоуміе Іова, Элигу высказалъ, что страданія ниспосылаются любвеобильнымъ Богомъ для очищенія людей (33 гл.). Богъ исполненъ любви къ своей твари; это видно изъ явленій природы и изъ опытовъ человѣческой жизни (34 гл.). Богъ не обязанъ награждать благочестіе; благочестивый человѣкъ носитъ свою награду въ собственномъ сознаніи; поэтому Іовъ неправъ, ожидая за благочестіе особенныхъ знаковъ благоволенія Божія (гл. 35). Богъ помогаетъ праведнику, казнить грѣшника, одинъ ожесточенный въ грѣхахъ человѣкъ остается внѣ вліянія благодѣяній Божіихъ (гл. 36). Все,—и въ природѣ, и въ жизни человѣческой,—совершается съ непостижимою мудростію (гл. 37).

III. Явленіе самаго Бога и полное разрѣшеніе спорнаго вопроса между Іовомъ и его друзьями. (38—41 гл.).

Когда человѣческая мудрость истощилась, на помощь ей явилась мудрость Божественная. Въ бурѣ, среди громовъ и молній явился предъ бесѣдующими мудрецами самъ Богъ. Указывая на Свое могущество и чудныя дѣйствія въ природѣ, Господь постыдилъ пытливость Іова, желавшаго проникнуть пути Божіи въ судьбахъ человѣка (38 и 39). Возможно ли для человѣка ясное пониманіе божественнаго міроуправленія, когда въ окружающихъ его явленіяхъ природы онъ встрѣчаетъ такъ много необъяснимыхъ тайнъ (гл. 40, 41)?

5. Историческое заключеніе книги (гл. 42). Іовъ принесть покаяніе въ суемудріи. Друзья его были пощажены только по ходатайству Іова. Іовъ вновь былъ одаренъ всѣми благами земли и получилъ сугубое благословеніе отъ Господа, имѣлъ семь сыновей и трехъ дочерей, видѣлъ потомство свое до четвертаго рода и скончался чрезъ 170 лѣтъ послѣ претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, проживъ всего 248 лѣтъ.

6. Іовъ, человѣкъ праведный и благочестивый, съ высоты величія низшедшій по волѣ Божіей въ бездну униженія и страданій и вновь возвеличенный, прообразовалъ собою Іисуса Христа, единаго безгрѣшнаго, спедшаго съ небесъ и страдавшаго за насъ, по волѣ Бога Отца, но воскресшаго и возшедшаго на небеса. Вотъ почему книгу Іова заповѣдано Церковію читать на Страстной недѣлѣ, на вечернихъ пареміяхъ. Въ книгѣ Іова есть и прямое указаніе на будущаго Искупителя и воскресеніе мертвыхъ. «*Вѣмъ, говоритъ праведный страдалецъ, яко присносущенъ есть, Иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою, терпящую сія; отъ Господа бо ми сія совершися* (гл. 19, ст. 25 и 26). Къ Іову можно справедливо отнести слова Спасителя, сказанныя о слѣпорожденномъ: *мы сей согрѣши, мы родителя его; но да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. 9, 3).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РАЗВИТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

(Продолженіе).

Въ университетахъ всегда было больше молодежи, нежели взрослыхъ и пожилыхъ людей; но молодежь не можетъ жить безъ удовольствій. И хотя студенты именовались клириками, но далеко не всѣ приготовлялись къ духовному званію; да ихъ и не спрашивали, желаютъ ли они служить Церкви; поэтому ихъ нельзя было вполнѣ подчинить строгой монастырской дисциплинѣ. Не находя ничего пріятнаго въ своихъ занятіяхъ, студенты искали удовольствій внѣ школы.

Воспоминанія о прежнихъ студентскихъ попойкахъ и дебоширствахъ не утратились и до сихъ поръ. Исторія приводитъ очень много доказательствъ грубости и буйства средневѣковыхъ студентовъ: не рѣдко студенты бродили ночью по улицамъ съ оружіемъ въ рукахъ и оскорбляли мирныхъ гражданъ. Всего хуже было то, что сами наставники вмѣшивались въ студенческіе беспорядки; ректоры свозъ пальцы смотрѣли на ихъ шалости, чтобы поддержать свое значеніе; нерѣдко студенческія преступленія оставались ненаказанными, подъ предлогомъ охраненія привилегій университета. Съ конца XIV до половины XV вѣка университеты пользовались особеннымъ почетомъ: французскіе короли не смѣли предпринять ничего важнаго безъ совѣщанія съ парижскимъ университетомъ; и Карлъ Мудрый возложилъ званіе конетабля на Бертрона дю-Геслена, не прежде, какъ посовѣтовавшись съ ректоромъ университета.

Извѣстно, какими милостями высканы были университеты отъ государей во время междоусобныхъ войнъ орлеанской и бургондской фамилій; извѣстно, какъ боялись университетовъ папы во время такъ называемаго «вавилонскаго» (т. е. авинь-

онскаго) плѣненія», какимъ авторитетомъ пользовались университеты на соборахъ Констанскомъ и Базельскомъ. По видимому, великія дѣла, въ которыхъ стали принимать участіе ученые доктора, должны были сдѣлать ихъ краснорѣчивыми. Между тѣмъ, мы видимъ совершенно противное. Они ни какъ не хотѣли отрѣшиться отъ своей любимой методы. Ихъ разсужденія изобиловали дѣленіями и подраздѣленіями, мнѣніями, взятыми на вѣру отъ авторитета, доказательствами, мало идущими къ дѣлу, пустымъ резонерствомъ. Люди, не получившіе школьнаго образованія, писали и говорили тогда гораздо лучше, нежели просвѣщенные доктора.

Лучшія литературныя произведенія тогдашняго времени принадлежать вовсе не университетскимъ докторамъ. Филиппъ Коень, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ—лучшаго литературнаго произведенія того времени, не имѣлъ ученаго титула.

Мнѣ кажется, что именно въ то время, когда ученость всего менѣе стоила уваженія, тогда-то ученые и пользовались самымъ большимъ почетомъ. Общественныя и частныя дѣла, въ которыхъ принимали участіе средневѣковые доктора, кажется, служили для нихъ только развлеченіемъ. Они являлись при дворахъ, вмѣшивались въ государственныя дѣла, возбуждали и успокаивали народъ; но прежде всего они старались держать въ рукахъ у себя студентовъ, чтобы воспользоваться ими для какого-нибудь энергическаго дѣйствія. Такимъ образомъ, ученость служила только средствомъ для того, чтобы пользоваться значеніемъ въ государствѣ. Но такъ какъ государи и народъ были слишкомъ невѣжественны и легковѣрны и потому не могли критически относиться къ ученымъ; то и не было необходимости быть дѣйствительно просвѣщеннымъ человекомъ для того, чтобы имѣть вліяніе на вельможъ и на народъ; достаточно было имѣть ученый дипломъ и титулъ; и очень многіе удовлетворялись формальною стороною дѣла: учиться-то они, пожалуй, и не старались,—были бы только свидѣтельства объ ихъ занятіяхъ на степень доктора или магистра. Отъ правилъ, которыя благоразумно установлены были для того, чтобы отличить людей учившихся наукамъ и способныхъ преподавать, умѣли ловко увертываться; ва-то со всею заботливостію поддерживали торжественность

публичныхъ актовъ и все то, что могло броситься народу въ глаза, какъ напримѣръ, пергамены, печати, сутаны, шапки и мантии. Не менѣе заботливо охраняли они свои права, съ которыми сопряжены были нѣкоторыя матеріальныя выгоды, чествовали праздники и соблюдали школьныя обычаи. Большая часть докторовъ и студентовъ были бѣдны и происходили изъ нисшаго состоянія. Они употребляли вмѣсто фамиліи названіе тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, откуда были родомъ. Не имѣя мужества возвыситься надъ мелочными интересами, они искали средствъ существованія и даже обогащенія въ пенсіяхъ отъ большихъ господъ, адвокатствѣ и бенефиціяхъ. Они не стыдились всѣми средствами добиваться этаго и не совѣстились получать доходы, не исправляя обязанностей, за одинъ лишь титулъ, и такимъ образомъ пользовались доходами съ нѣсколькихъ приходовъ или епархій, — это и называлось бенефиціей. Съ учрежденіемъ университетовъ получила начало извѣстная система раздачи бенефицій, столь противная духу древней Церкви (1). Нужно признаться также, къ стыду латинскаго духовенства, что судопроизводство перешло въ это время изъ вѣдомства консисторій въ руки свѣтскихъ судей, и что причиною этого переворота была жадность клириковъ, т. е. ученыхъ правовѣдовъ-докторовъ. Низость происхожденія и неблаговоспитанность студентовъ были причиною, что большая часть изъ нихъ отличались грубостію и невѣжествомъ, и что вообще правила хорошаго тона съ большимъ трудомъ прививались къ школьникамъ. Ненадобно думать, чтобы эти недостатки имѣли слишкомъ ничтожное значеніе въ отношеніи къ нравственности. Недостаточно одного только исполненія существенныхъ обязанностей службы, нужно также исполнять обязанности и въ отношеніи къ обществу, и выполненіе этого рода обязанностей составляетъ долгъ честнаго человѣка. Скажемъ болѣе: грубость и невѣжливость невозможны въ истинно-добродѣтельномъ человѣкѣ; потому что эти качества происходятъ или отъ гордости, или отъ презрѣнія къ другимъ,

---

(1) Знаменитый Боссюэтъ имѣлъ множество такихъ бенефицій, но благородной Флери не привялъ ихъ. Ред.

или отъ лѣни и небрежности, или наконецъ отъ дикой раздражительности; невозможно, чтобы человекъ не былъ обходительнымъ и вѣжливымъ, если онъ невысокомѣренъ, терпѣливъ, добръ, скромень и предупредителень. Но чтобы внѣшняя обходительность имѣла чисто-нравственное основаніе, нужно имѣть развитый умъ и нѣжное сердце, какое имѣли, на примѣръ, древніе инокіи Востока, сохранявшіе тихость нрава въ самомъ суровомъ уединеніи, снисходительность къ другимъ, при строгости къ самимъ себѣ. Неудивительно, что средневѣковые ученые были грубы; потому что онѣ чуждались хорошаго общества и не отличались истинною развитостію нравственного характера. Отсюда же происходили ихъ натянутыя, то дикія, то подобострастные манеры, и эта притворная вѣжливость, состоящая изъ нелѣпыхъ комплиментовъ сильнымъ міра сего и недовкихъ подслуживаній, оскорбляющихъ благородное сердце болѣе всякой простодушной невѣжливости.

ВОЗРОЖДЕНІЕ НАУКЪ.

Въ XV вѣкѣ въ Европѣ пробудилась любовь къ такъ называемымъ гуманическимъ наукамъ, т. е. въ особенности къ древнимъ языкамъ и исторіи. Начало этого научнаго движенія можно относить къ 1453 году, когда турки овладѣли Константинополемъ, и множество ученыхъ грековъ явилось въ Италіи съ своими книгами. И хотя Петрарка и Боккаціо возстановили изученіе классической древности, но это дѣло лишь только начато ими. У грековъ бывшей Византійской имперіи хорошо сохранились памятники классическаго образованія. Одинъ комментарий Евстаѳіа на Гомера показываетъ, что у грековъ въ XV вѣкѣ были и классическія книги, и люди высокаго образованія. Такимъ образомъ, съ половины XV вѣка вдругъ является цѣлая фаланга ученыхъ, сначала въ Италіи, потомъ во Франціи, а наконецъ и въ другихъ странахъ Европы,—ученыхъ, которые съ невѣроятнымъ рвеніемъ стали читать всѣ древнія книги, какія только можно было найти, учиться возможно-правильному употребленію латинскаго языка и переводить греческихъ авторовъ. Искусство книгопечатанія, изобрѣтенное въ то же время, весьма значительно облегчило

возможность имѣть книги, и притомъ—правильно изданныя книги. Такимъ образомъ появились прекрасныя изданія всѣхъ важнѣйшихъ авторовъ по лучшимъ манускриптамъ и при пособіи исторической критики. Другіе составляли лексиконы и грамматики, иные писали комментаріи на трудныхъ авторовъ; нѣкоторые же сочиняли трактаты о разныхъ предметахъ, которые могли способствовать лучшему пониманію авторовъ; толковали о миѳологіи древнихъ, объ ихъ религіи, о государственномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ; далѣе, съ полною подробностію описывали ихъ нравы и образъ жизни,—ихъ одежды, ихъ столъ, ихъ развлечения. Словомъ сказать, предприняты были всѣ необходимыя труды для объясненія всѣхъ сохранившихся авторовъ классическаго міра, насколько, конечно, это объясненіе возможно было послѣ такого промежутка времени, какой раздѣляетъ въ этомъ случаѣ объясняемыхъ и объясняющихъ.

Но нѣкоторые изъ ученыхъ слишкомъ увлеклись этими занятіями, которыя служатъ только средствомъ для изученія другихъ, болѣе серьезныхъ предметовъ. Нѣкоторые всю жизнь свою занимались изученіемъ классическихъ языковъ, читали авторовъ только для языка, или даже для пониманія и объясненія трудныхъ страницъ, но не восходили далѣе, и не дѣлали практическаго приложенія изъ своихъ знаній. Иные останавливались на миѳологіи или другихъ сторонахъ классической жизни, изслѣдовали надписи, медали, и все то, что служило къ объясненію авторовъ; но не выходили изъ этого тѣснаго круга своей спеціальности. Далѣе, нѣкоторые изучили по образцамъ древнихъ авторовъ теорію изящныхъ искусствъ, какъ, на примѣръ, правила краснорѣчія и піитики, часто не имѣя возможности прилагать эти правила къ дѣлу. Отсюда-то и происходитъ то, что мы имѣемъ такъ много теорій поэзіи и риторики и такъ мало истинныхъ поэтовъ и ораторовъ,—такъ много трактатовъ политическаго содержанія, написанныхъ людьми, непринимавшими никогда участія въ политическихъ дѣлахъ. Наконецъ, усердное занятіе авторами производило въ нѣкоторыхъ ученыхъ уваженіе къ древнимъ до того слѣпое, что они охотно повторяли ихъ заблужденія и не дерзали отнестись къ нимъ критически. Такимъ образомъ,

вѣрили, что произведенія природы были именно вездѣ таковы, какъ описалъ ихъ Плиній, и что она не иначе можетъ дѣйствовать, какъ по теоріи Аристотеля. Еще хуже было то, что очень многіе удивлялись даже нравоученію древнихъ, не замѣчая, на сколько оно ниже нравоученія той религіи, которой они обучены еще въ дѣтствѣ. Другіе, но такихъ впрочемъ было не много,—впадали въ противоположную крайность, во всемъ противорѣчили древнимъ, и не хотѣли съ ними имѣть ничего общаго. Но у поклонниковъ древности самый распространенный недостатокъ состоялъ въ дурномъ подражателствѣ. Думали, на примѣръ, что писать такъ хорошо, какъ писали древніе, можно только на ихъ языкѣ, не соображая того, что римляне писали по-латыни, а не по-гречески, а греки—по-гречески, а не по-египетски или сирийски. Гордились тѣмъ, что могли писать стихи по-латыни и даже по-гречески. Но и тѣ, которые начали писать по-французски, какъ Ронсаръ и его послѣдователи, наполняли свои стихотворенія латинскими словами, цѣлыми фразами даже, сценами изъ языческой мифологіи и ни мало не задумывались надъ тѣмъ—могутъ ли подобныя сочиненія нравиться большинству людей, не получившихъ спеціальнаго классическаго образованія; они старались только о томъ, чтобы возбудить удивленіе къ своей глубокой учености. Подражали также и классическимъ ораторамъ; рѣчи говорились или вовсе по латыни, или по крайней мѣрѣ испещрялись латинскими фразами. Однимъ словомъ,—думали, что не иначе можно пользоваться древними, какъ вполнѣ подражая имъ во всемъ, разсуждая о тѣхъ предметахъ, о которыхъ они писали, и постоянно цитую мѣста изъ ихъ сочиненій. Но вмѣсто того, чтобы такъ рабски подражать древнимъ въ поэзіи, философіи, исторіи и разныхъ научныхъ трактатахъ, гораздо полезнѣе было бы избрать такіе предметы занятія, которые были приличны при тогдашнихъ обстоятельствахъ времени, какъ и древніе занимались тѣми предметами, какіе нужно имъ было знать, затѣмъ излагать эти предметы серьезно, но вмѣстѣ и общедоступно, и наконецъ—объяснять ихъ на родномъ языкѣ такъ же хорошо, какъ древніе объяснялись на древнихъ языкахъ.

Новое научное движеніе возбудило между учеными жаркіе споры. Гуманисты, плѣненные красотой древнихъ авторовъ и гордые новыми открытіями, презирали университетскихъ докторовъ, которые говорили в а р в а р с к и м ъ, т. е. народнымъ, языкомъ, слѣдовали школьному преданію, не заботились о стилѣ и предпочитали полезное пріятному. Доктора съ своей стороны,—я разумѣю богослововъ и юристовъ,—смотрѣли на новыхъ ученыхъ, какъ на грамматиковъ и поэтовъ, забавлявшихся дѣтскими игрушками и пустыми курьозами, и воображали, что только они одни владѣютъ серьезнымъ знаніемъ. Но гуманисты производили болѣе сильное впечатлѣніе на публику, потому что писали изящно и научились у древнихъ веселому остроумію. Такъ, Эразмъ осмѣивалъ докторовъ, въ вымышленныхъ имъ письмахъ разныхъ ученыхъ. Эти ученые доктора претендовали на то, что имъ не оказывали надлежащаго уваженія и что міряне и невѣжды будто бы принялись за латинь и за преподаваніе науки. Реформація Лютера, вскорѣ потомъ явившаяся, ожесточила споры гуманистовъ со схоластиками и сдѣлала ихъ болѣе серьезными. Лютеръ хотѣлъ реформировать и науку, какъ религію. Онъ не жаловалъ ни философіи, ни другихъ свѣтскихъ наукъ, и желалъ бы сечь Платона, Аристотеля, Цицерона и всѣхъ древнихъ, чтобы не занимались ничѣмъ, кромѣ св. Писанія, а остальное время употребляли на труды рукъ. Вдавшись въ такую крайность, онъ сдѣлался ненавистникомъ и врагомъ всей классической литературы. Оппозиція, которую Лютеръ встрѣтилъ со стороны докторовъ богословія, строгое осужденіе, которое произнесено было надъ его сочиненіями парижскимъ и другими богословскими факультетами, произвели въ сердцѣ нѣмецкаго реформатора непримиримую вражду ко всему схоластицизму. Лютеръ глубоко презиралъ схоластическихъ ученыхъ; и Меланхтонъ, его вѣрный ученикъ, напрягалъ всѣ силы своего ума, призывалъ въ помощь все свое краснорѣчіе, чтобы осмѣять университетскихъ докторовъ. Но непродолжительна была суровость реформаторовъ въ отношеніи къ свѣтскимъ наукамъ. Скоро они сами съ жаромъ принялись за гуманическія науки, узнавши, что краснорѣчіе и эрудиція имѣютъ громадную привлекающую силу. На науку они стали смотрѣть, какъ на

необходимое средство для реформирования Церкви, а в возрождении наук видѣли почти божественное откровение. Реформаторамъ казалось, что изучение языковъ и исторіи, полное знаніе этихъ предметовъ, приобретенное долгимъ и усидчивымъ трудомъ, составляетъ ихъ призваніе, ихъ божественное посольство. Возбуждая справедливое удивленіе въ невѣждахъ, они легко убѣждали ихъ, что католическіе доктора также мало знаютъ религію, какъ и литературу. Но непродолжительно было это преимущество реформаторовъ. Католики сами скоро взяли за оружіе протестантовъ и съ большею ревностію стали употреблять противъ нихъ знаніе оригинальныхъ текстовъ и древнихъ авторовъ, которыхъ они изучали по изданіямъ самихъ своихъ противниковъ. Тогда-то опять принялись за изученіе латинскихъ и греческихъ отцовъ Церкви, которые такъ мало были извѣстны на Западѣ въ предшествовавшіе вѣка; стали изучать церковную исторію, дѣянія соборовъ, древнія правила Церкви; восходили къ самому началу преданія и почерпали ученіе Церкви въ самомъ первоисточникѣ его. Буквальный смыслъ св. Писанія былъ опредѣленъ, при пособіи филологин и исторической критики. Нельзя впрочемъ здѣсь не прибавить, что очень многіе изъ протестантовъ и католиковъ сообщали этимъ изысканіямъ скрупулезный характеръ, и очень многіе также не хотѣли измѣнить нѣкоторымъ преданіямъ школы: такъ трудно для людей держаться золотой средины!

Языкъ схоластической философіи, перешедшій къ намъ отъ арабовъ, самъ по себѣ не стоить никакого вниманія. Это тоже, что средневѣковая архитектура. Эта архитектура, называемая обыкновенно готическою, въ сущности—тоже арабскаго, или мавританскаго происхожденія. Конечно, она нисколько не выплываетъ ни въ святости, ни въ досточтимости, если она была обыкновенною архитектурою нашихъ храмовъ въ ту пору, когда не было лучшаго архитектурнаго стіля. Но было бы смѣшною деликатностію съ нашей стороны, еслибъ мы сами стали не иначе строить свои храмы, какъ въ готическомъ вкусѣ; это нежеланіе лучшаго стіля архитектуры было бы совершенно странно и нелѣпо. Но еще хуже было бы вѣрить, что содержаніе богословія находится въ ка-

кой-то тѣснѣйшей зависимости отъ схоластическаго стила, какъ будто бы отъ измѣненія въ стилѣ могла пострадать сущность богословской науки. Нужно умѣть находить различіе между вещью самой въ себѣ и вещью въ той обстановкѣ, какую создаютъ для нея различныя человѣческія измышленія.

Если возстановленіе гуманитарскихъ наукъ съ одной стороны сдѣлало науку болѣе солидною и пріятною, нежели прежде; то съ другой, — оно сдѣлало ее гораздо болѣе трудною, потому что число предметовъ изучаемыхъ значительно увеличилось. Такимъ образомъ, мало по малу, выработывался тотъ курсъ наукъ, какой существуетъ въ нашихъ общественныхъ школахъ. Сюда относятся: во первыхъ, грамматика, поэзія, риторика, исторія и географія; затѣмъ философія, и наконецъ — богословіе, правовѣдѣніе и медицина.

состояніе школьной учености въ XVII вѣкѣ.

Какъ бы то ни было, а со времени возстановленія гуманитарскихъ наукъ, схоластическое богословіе и Аристотелева философія потеряли почти всякій кредитъ. Самыя занятія наукой требовали величайшихъ успій, по чрезвычайному множеству тѣхъ предметовъ, которыхъ она касается. Возможно ли, чтобъ ученикъ, который 16—17-ти лѣтъ окончиваетъ свои научныя занятія, изучилъ грамматику и узналъ латинскій языкъ настолько, чтобъ понимать латинскую рѣчь и писать не только правильно и безъ погрѣшностей, но и изящно? Между тѣмъ, родному языку учать мало, предполагая, что ученикъ долженъ знать его изъ употребленія, и что онъ сумѣетъ сдѣлать надлежащее приложеніе къ родному языку изъ правилъ латинской грамматики. Затѣмъ, большое вниманіе обращается на занятіе греческимъ языкомъ. Но что же остается въ головѣ ученика изъ этихъ занятій, по выходѣ изъ школы? Правда, нѣкоторые продолжаютъ заниматься и приобрѣтаютъ науками наклонность къ подобнаго рода занятіямъ; зато большинство бросаютъ ихъ при первой возможности и учатся какъ будто для того, чтобы потомъ имѣть право сказать, что греческій языкъ очень легко за бывается. Тоже нужно сказать о латинской версификаціи:

не многіе освобождаются отъ этой работы; большая часть цѣшетъ—худо ли, хорошо ли—латинскія вирши, и немногіе достигаютъ извѣстной степени искусства. Эти послѣдніе узнаютъ строеположеніе и конструкцію латинскихъ стиховъ и приобрѣтаютъ навыкъ составлять ихъ; но какихъ трудовъ стоитъ это искусство! Затѣмъ, воспитанника готовятъ къ риторикѣ хрїями и тому подобными упражненіями, но непременно на латинскомъ языкѣ ⁽¹⁾. Для изученія всей риторики, начиная отъ составленія періодовъ до композиціи цѣлыхъ трактатовъ, назначается годъ, или по большей части два года. И между тѣмъ какъ нужда въ знаніи роднаго языка дѣлается все настоятельнѣе, воспитанниковъ все-таки заставляютъ писать по-латини. Въ то же время продолжаютъ упражненія въ латинскомъ стихосложеніи и практическія занятія греческимъ языкомъ; ученики приучаются къ декламации, изучаютъ исторію, хронологію, географію, древности и пр. Подобная сложность учебныхъ занятій поселяетъ въ воспитанникахъ, небогатыхъ способностями, отвращеніе къ наукѣ и служитъ причиною того, что они не учатся ничему, и выходятъ изъ заведенія, потративши восемь или девять лѣтъ въ безплодной дѣятельности, между тѣмъ какъ это время могло быть съ пользою употреблено на изученіе одной или двухъ наукъ изъ обширной программы гимназическаго курса. Другіе воспитанники между многими предметами занятій избираютъ нѣкоторые по своему внутреннему расположенію. Лучшіе изъ учениковъ сознаютъ бесплодность своихъ занятій, или чувствуютъ неутолимую любознательность. Между тѣмъ занятіе роднымъ языкомъ и національной литературой по-прежнему оставляется въ сторонѣ. Далѣе слѣдуетъ философія, которую изучаютъ воспитанники въ продолженіе двухъ лѣтъ. Здѣсь процвѣтаетъ схоластическая метода. И если съ одной стороны прокинуты бесполезные вопросы о всеобщихъ понятіяхъ и категорияхъ, то взамѣнъ того съ каждымъ днемъ увеличивается сумма другихъ не менѣе бесполезныхъ вопросовъ, по поводу новыхъ открытій физики, мнѣній Декарта и другихъ филосо-

---

(1) Просимъ читателя помнить, что это писано въ XVII вѣкѣ. Ред.

форъ, не слѣдовавшихъ по избитой дорогѣ. Думаютъ, что въ два года философскаго курса молодой человѣкъ въ состояніи узнать логику и метафизику; припомнимъ, что въ этому же курсу относятся иногда математическія науки, а кромѣ того продолжается чтеніе гуманитарныхъ наукъ, для поддержанія въ воспитанникахъ тѣхъ познаній, какія приобрѣтены прежде. Вотъ изъ чего слагается обыкновенная программа французскихъ учебныхъ заведеній, имѣющая одинаковое значеніе для всѣхъ воспитанниковъ и считаемая совершенно достаточною для приобрѣтенія ученаго титула! Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно этой программы, прежде нежели перейдемъ къ четыремъ высшимъ специальнымъ факультетамъ наукъ. Всѣ тѣ, которые были въ школахъ, знаютъ, что я ничего не прибавляю, и всякій здравомыслящій человѣкъ, ученый и неученый, можетъ разсудить, возможно ли, чтобы въ 8—10 лѣтъ учебнаго курса молодой человѣкъ, обыкновенно рѣзвый и разсѣянный, какими бы талантами и какою бы любознательностію онъ ни обладалъ, былъ въ состояніи изучить всѣ предметы, какіе преподаются въ школахъ? Но пусть это возможно. Спрашиваемъ: достаточны ли приобрѣтаемыя въ школахъ познанія, чтобы развить его умъ и характеръ, и дать ему правила, которыя были бы для него путеводною нитью въ продолженіе всей его жизни, которыя обусловливали бы достойный и честный образъ его поведенія? Не нужно угадывать, — опытъ у каждаго предъ глазами.

Спросимъ, положи руку на сердце: что остается у молодого человѣка, вышедшаго изъ школы? что есть въ немъ такого, что отличало бы его отъ неучившихся въ школахъ? Онъ понимаетъ посредственно латинскій языкъ; у него остались въ памяти нѣкоторыя основанія грамматики, вслѣдствіе чего онъ, разумѣется, можетъ писать правильнѣе лавочника. Есть также у него кое-какія свѣдѣнія по части миеологии, греческой и римской исторіи. Изъ курса философскаго у него остаются смутныя понятія о матеріи и формѣ, страстяхъ, инстинктахъ, чувственномъ воспріятіи и т. п. Онъ дочитываетъ непреложными аксіомами, что природа не терпитъ пустоты и что каждая вещь тяготеетъ къ своему центру. Далѣе, онъ убѣжденъ, что учиться больше нечему, потому что онъ до-

вершилъ свое образованіе. Время, которое онъ потратилъ, трудъ, которымъ сопровождалось его обученіе, тетрадки, которыя у него остались, даютъ ему право, какъ ему кажется, на ученый титулъ. Если жъ онъ и понимаетъ, что узналъ не Богъ знаетъ что, то боится взяться опять за старыя книги. Я говорю о большинствѣ воспитанниковъ; лучшіе между ними, которые достигаютъ вѣнковъ и призовъ, обязаны этимъ своей громадной памяти, которую они заботливо развивали, и которая иногда дѣйствительно возбуждаетъ удивленіе. Но эта способность у нихъ развита на счетъ разсудка. Они прочтутъ наизусть множество отрывковъ, которые въ тоже время не вполнѣ для нихъ понятны. Они сами составляютъ вирши точно также, какъ и амплификаціи въ прозѣ. Они ищутъ только блестящихъ, остроумныхъ мыслей, вообще того, что можетъ рекомендовать ихъ высокоуміе. Они знаютъ немного мѣалогію, генеалогію боговъ и героевъ, жизнь Милліада, Эпаменонда, нѣкоторыя любопытныя черты изъ римской жизни. Философія дала имъ громадный запасъ того или другаго свойства формальныхъ сужденій о разнообразнѣйшихъ предметахъ. Они горячо спорятъ изъ-за пустяковъ и упорны за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній, изъ ложнаго стыда, и искусственно развитой гордости своимъ умомъ. Вотъ печальныя послѣдствія такъ называемаго многознанія, которымъ отягощаютъ юные умы! Наиболѣе разсудительные и дѣятельные люди обыкновенно сосредоточиваютъ свое вниманіе только на нѣкоторой части обширнаго учебнаго курса, именно той, которая болѣе приходится имъ по вкусу въ ихъ возрастѣ, когда разсудокъ не достигъ еще надлежащей зрѣлости. Другіе же воспитанники повергаются въ отчаяніе предъ этою громадою научнаго матеріала, теряютъ всякій интересъ къ наукѣ, и отдаются лѣности и праздности, которая такъ свойственна юному возрасту. Они обыкновенно стараются только о внѣшней исправности, чтобы не оскорбить своихъ родителей и воспитателей.

Мнѣ кажется, гораздо полезнѣе было бы менѣе общать школьникамъ и ограничить ихъ занятія изученіемъ того, что безусловно необходимо, и что вполнѣ возможно усвоить въ продолженіе того времени, какое назначено для учебныхъ

занятій. Къ чему, напримѣръ, мучить неразвитыхъ людей тонкостями схоластической философіи?

Извѣстно, что греческіе отцы обыкновенно называли строго-христіанскую, особенно иноческую жизнь философіею; потому что христіанская жизнь есть осуществленіе истинной мудрости,—и отцы хотѣли своихъ истинныхъ философовъ, каковы были напримѣръ монахи, противопоставить обманщикамъ, которые выдавали за философію ложь и хитросплетенія. Далѣе, извѣстно еще, что тѣже св. Отцы весьма хорошо пользовались сочиненіями Платона и другихъ древнихъ авторовъ въ полемикѣ противъ язычниковъ и еретиковъ, но при всемъ томъ большая часть епископовъ и священниковъ не уважали вышшаго, мірскаго образованія.

Въ замѣнъ того, духовенство отличалось добродѣтельною жизнью, которая, по ученію св. Отцевъ, составляетъ истинную мудрость. Вообще, въ пастырѣ Церкви прежде всего желателенъ истинный богословъ, а потомъ уже философъ. И если какая нибудь философія необходима для христіанскаго образованія, то, конечно, философія св. Отцевъ Церкви, въ особенности же бл. Августина, который такъ хорошо объяснялъ первыя начала человѣческихъ познаній и указалъ приложение ихъ къ истинной религіи. Но едвали въ какомъ нибудь отношеніи полезна для духовнаго образованія философія Аристотеля и другихъ грековъ, его комментаторовъ, или же философія арабовъ.

Между тѣмъ, неоспоримо, что арабская философія сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для нашего богословія, потому что богословіе заимствовало у нея свой языкъ и, такъ сказать, заключило себя въ кругъ этой терминологіи. Намъ возразятъ: «наша философія не получила такого развитія, какъ древняя; зачѣмъ же тратить на нее много времени? Положимъ, что въ философскихъ классахъ мы занимаемся нефилософскими предметами; вѣрно то, что мы здѣсь начинаемъ развивать умы воспитанниковъ; невелика важность въ томъ, что мы называемъ эти занятія такъ, а не иначе?» По нашему мнѣнію, названіе здѣсь имѣетъ большую важность по двумъ причинамъ. Во первыхъ, громкое названіе вводитъ въ заблужденіе воспитанниковъ, вселяетъ въ нихъ ложную увѣренность, что въ

два года они приобрѣли совершенное «знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ»; ибо хотя древняя философія и не сохранилась у насъ, зато сохранилось ея опредѣленіе, которое нужно было будто бы удержатъ и запомнить. Но узнавши, что подъ громкимъ названіемъ философіи выдаются отвлеченныя разсужденія, совершенно не приложимыя къ жизни и вовсе не привлекательныя, воспитанники теряютъ вкусъ къ знаніямъ вообще. Самые скромные изъ нихъ начинаютъ думать, что они не имѣютъ способности къ ученію, потому что не видятъ ничего путнаго въ тѣхъ трактатахъ, которые предлагаетъ наставникъ и къ которымъ такъ внимательны ихъ товарищи. Болѣе смѣлые начинаютъ проклинать науку и приобретаютъ убѣжденіе, что она ничего въ себѣ не содержитъ и ни къ чему не ведетъ. Напротивъ того, самыя грубыя и неразвитыя натуры увлекаются схоластической дребеденью; и если, по окончаніи философскаго курса, они сохранили свои тетради, въ особенности если вполнѣ усвоили философскіе тезисы, то считаютъ себя чуть-чуть не учениками Платона и Аристотеля, и во всякомъ случаѣ достойными тѣхъ людей, которые украшаются именемъ философовъ.

Другое обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, не дозволяетъ величать схоластическія измышленія именемъ философіи, состоитъ въ томъ, что неумѣстное употребленіе этого почтеннаго имени дѣлаетъ философію презрѣнною въ глазахъ людей неученыхъ, но благочестивыхъ и здравомыслящихъ, которые судятъ о всѣхъ древнихъ и новыхъ философахъ по нашимъ школьнымъ философамъ и всѣхъ равно презираютъ. Откуда-то происходитъ то, что Платонъ, блистательнѣйшій изъ свѣтскихъ авторовъ и одинъ изъ самыхъ пріятныхъ для чтенія, читается очень мало—даже учеными; что многіе, прочитавши переводы изъ Ксенофонта, Сенеки, Епиктета и другихъ, удивляются, встрѣчая въ этихъ философахъ весьма разсудительныхъ людей.

(Продолженіе впродъ).

11 ДЕКАБРЯ № 50. 1871 ГОДА.

ИГУМЕНІЯ ТЕОФАНІЯ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (1).

Приближающийся день 16-го декабря, — день памяти св. нарицы Теофаніи, бывший нѣкогда днемъ ангела первой игуменіи возобновленнаго Воскресенскаго монастыря въ С.-Петербургѣ, напомнилъ намъ, что мы еще въ долгу предъ читателями. Въ прошломъ году, около этого самого времени, мы начали писать очеркъ жизни игуменіи Теофаніи, на основаніи изданной монографіи ея. Если бы мы захотѣли выписывать все замѣчательное въ этой книгѣ, то пришлось бы перепечатать почти всю книгу; вся она написана съ необыкновенною живостію и теплотою, вся проникнута любовію

---

(1) Первая статья напечатана въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1870 годъ, №№ 50 и 51.

въ почившей труженицѣ. Мы хотѣли бы только представить читателямъ тѣ мѣста, которыя наводятъ на важныя размысленія. Да, въ этой книгѣ не мало такихъ мѣстъ. Мы видимъ здѣсь, въ примѣрахъ, торжество духа надъ плотію, высоту и благотворность христіанской вѣры, дающей такую силу и утѣшеніе душѣ сокрушенной и сердцу, вусувившему отраву мірскихъ удовольствій. Мы убѣждаемся, что суровыя правила монашеской жизни, составленныя въ первые вѣка христіанства, подъ знойнымъ небомъ Египта и Палестины, примѣнны и неубійственны и на холодномъ сѣверѣ, въ наше время. Слабая, изнѣженная женщина подвергаетъ себя добровольно всѣмъ трудамъ и лишениямъ монастырской жизни, живетъ до 80 лѣтъ и до послѣднихъ минутъ жизни сохраняетъ свѣтлый, привѣтливый взглядъ на міръ Божій и челоувѣчество. Много толкуютъ свѣтскіе люди о спокойствіи и удобствахъ монастырской жизни, о праздности и бесполезности сословія иноковъ и инокинь. Но вотъ, читая біографію игуменіи Теофаніи, рѣшительно изумляешься, какъ достало силъ и терпѣнія перенести всѣ эти труды и лишенія, какіе она перенесла; какъ хватило времени, чтобы исполнять все, что она исполняла, совершить столько дѣлъ, сколько она совершила! Не менѣе изумительна эта несокрушимая сила воли въ слабой женщинѣ, могущая пристыдить самого твердаго мужчину. Рѣшиться промѣнять привольную жизнь богатой помѣщицы - генеральши, съ блистательной обстановкой, на тяжкую жизнь послушницы, съ нищенской обстановкой, и сдѣлать это не въ порывѣ минутнаго увлеченія, но послѣ многихъ лѣтъ размысленія и долговременнаго искуса, — какъ угодно, это въ высшей степени изумительно, если нельзя сказать, — чудесно!

Въ настоящей статьѣ мы изложимъ кратко жизнь Теофаніи въ Горицкомъ монастырѣ, до переселенія ея въ С.-Петербургъ; мы будемъ пользоваться выраженіями неизвѣстнаго автора біографіи, заимствуя изъ нея нѣкоторыя мѣста.

Въ день рожденія своего покойнаго отца, 16 сентября 1818 года, Александра Сергѣевна пострижена въ рясофоръ съ наименованіемъ Теофаніи. Постригаль ея великій старецъ

Феофанъ, подъ руководствомъ котораго она совершенствовалась на пути спасенія.

Мать Феофанія вступила въ монастырь съ твердымъ намѣреніемъ *сжитися въ монастырь*, то есть, все терпѣть на одномъ мѣстѣ, куда призвана Богомъ, проходить послушаніе съ усердіемъ и смиреніемъ, любить нищету и безкорыстіе, какъ одно изъ главныхъ условій монашеской жизни. Безпрекословно послушная, она не имѣла въ началѣ особеннаго послушанія, но исполняла разныя порученія игуменіи, помогая ей какъ во внѣшнихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ, и была постоянно на посылкахъ по общимъ нуждамъ, какъ говорятъ ея сподвижницы: «матушку Феофанію искушали аки золото въ горнилѣ».

Предлагаемъ краткую выписку изъ лѣтописи Горицкаго монастыря:

«Въ Горицкомъ монастырѣ подвиги матери Феофаніи были примѣромъ всѣмъ сестрамъ. Она не пропускала ни одного церковнаго служенія, какъ-то: утрени, обѣдни и вечерни. На правилѣ читала всегда со слезами; даже просила клиросныхъ, чтобы уступали ей свою чреду. Чтеніе заупокойной псалтири любила отправлять ночью, а потому мѣнялась съ другими чредою. На трапезу ходила и часто читала во время обѣда. Не упускала своей чреды при замѣсѣ хлѣбовъ въ пекарнѣ, при воздѣлываніи огородовъ, при выкапываніи картофеля и при ношеніи нѣсколькихъ ушатовъ воды изъ рѣки въ трапезу. Наставляла своихъ келейныхъ со слезами; когда всѣ сидѣли за руководѣлемъ, а она сама писала образа, тогда заставляла одну изъ сестеръ вслухъ, неспѣшно, произносить Иисусову молитву, или читать житія св. Отцевъ. Ея усердіемъ сооруженъ храмъ во имя Всѣхъ Святыхъ. Она любила всѣхъ, была милостива ко всѣмъ, помогала нуждающимся словомъ и дѣломъ».

Мать Феофанія, въ первое время своего поступленія въ св. обитель, имѣла послушаніе отъ игуменіи: учиться читать по церковному, для чего должна была ходить къ одной монахинѣ изъ простыхъ, довольно грубаго обращенія, но преуспѣвшей въ монашескихъ правилахъ и опытной въ знаніи церковнаго устава. Иногда случалось, что мать Феофанія, по

свѣтской привычкѣ, скажетъ не такъ, какъ слѣдуетъ по церковному славянскому языку; на примѣръ, Багародица, а не Богородице. Старица сейчасъ выговорить: «что это у васъ за образованіе такое странное? куда оно годно? Посмотри-ка глазами пошире, такъ увидишь о, а не а. Пришла въ монастырь, такъ и должна прилагать стараніе, чтобы совершенствоваться». Мать Теофанія поклонится въ ноги своей учительницѣ и скажетъ: «не оставьте меня, матушка, научите; а я за ваши святыя молитвы постараюсь придти въ совершенство». И воистину! такъ скоро усовершенствовалась, что всѣмъ слушающимъ была пріятна и полезна, всѣ радостно бѣжали ее слушать и многіе говорили: «какъ хорошо читаетъ наша Теофаньюшка: словно каждому слова раздастъ. Слава Богу! даровалъ ей Господь слово премудрое».

Вскорѣ послѣ этого, матери Теофаніи дано было послушаніе наблюдать о чинномъ и не спѣшномъ чтеніи и пѣніи, и имѣть присмотръ надъ клиросными. Мать Теофанія строго требовала, чтобы онѣ приходили къ началу службы и стояли бы въ храмѣ предъ Богомъ со страхомъ, а если замѣтитъ, что смѣялись или разговаривали, то призывала къ себѣ и въ такое сознаніе приводила, что онѣ, бывало, давали себѣ обѣщаніе никогда не согрѣшать. Ея слова укрѣпляли немощныхъ, какъ зданіе крѣпкое, и всѣ готовы были на всякія скорби съ терпѣніемъ. Если же кто оставался несознательною, тогда мать Теофанія налагала въ наказаніе нѣсколько поклоновъ. Но послѣ наказанія, чрезъ нѣкоторое время, всегда утѣшала и ласкала, какъ мать родная. «Побранить ли—бывало, говорили монахини,—или приласкаетъ—въ душѣ станетъ тепло, легко и весело; сердцемъ взыграешься и полетишь, какъ на крылышкахъ. Ужъ это былъ у нея особенный даръ управлять клиросами! Особенно на церковной службѣ она у насъ была, какъ живое правило и уставъ». Даже миряне поощряли другъ друга въ церковь ходить, говоря: «сегодня Готовцева будетъ поученіе читать, пойдемъ въ церковь послушать ея сладкаго чтенія». А выходя изъ церкви, благодарятъ Господа: «слава Тебѣ, Господи, что привелъ насъ послушать премудрое чтеніе, что каждому глупому и невѣждѣ посѣетъ доброе сѣмя въ душу!»

Мать Теофанія имѣла чреду церковнаго служенія и чтенія два дня въ недѣлю: вторникъ и четвергъ; часто читала шестопсалміе, каѳизмы; между каѳизмами толкованіе на Евангеліе, каноны, прологъ, часы, апостоль, поученія во время обѣдни; и въ прочіе дни читала акаѳисты и стихиры сказывала. Во все свободное время отъ монастырскихъ послушаній, занятій и молитвеннаго правила, мать Теофанія проводила уединенно въ чтеніи священнаго Писанія и отеческихъ книгъ.

Съ перваго года своего вступленія, мать Теофанія до поту лица трудилась, старалась подражать жизни строгихъ отшельницъ. Она ходила на общую трапезу. По обычаю пустынной обители, всегда подавалась одна чашка на четырехъ монахинь. Мать Теофанія въ трапезной садилась рядомъ съ своими келейными и вкушала изъ одной деревянной чашки деревянными ложками грубые сѣрой капусты щи съ кашею, или горохъ,—это постоянная пища горлицкихъ отшельницъ, въ пустынномъ, неизмѣющемъ большихъ средствъ, монастырѣ, гдѣ всегда старались, отреченіемъ отъ всякихъ излишествъ, охранять строгое монашеское жительство. Хлѣбъ къ чаю приготовлялся изъ муки третьяго сорта. Первое время мать Теофанія изнемогала отъ непривычной пищи, а все старалась подражать установленному правилу воздержанія. Но однажды ей сильно понездоровилось и она, придя отъ ранней обѣдни къ себѣ въ келію, попросила чаю. Вдругъ вошла игуменія и сдѣлала выговоръ: «мать Теофанія, вы еще не такъ слабы силами и не такъ стары, чтобы давать себѣ такое послабленіе».

Мать Теофанія никогда не оправдывалась, но просила прощенія, и до послѣднихъ дней жизни своей, неослабно исполняла послушаніе, положенное игуменію Маврикію.

Очень трудно было ей привыкать къ сѣрому хлѣбу и сѣрымъ щамъ съ зеленымъ постнымъ масломъ. Изнемогая отъ непривычной пищи, она попросила позволенія испечь для себя хлѣбъ изъ купленной ею бѣлой муки. Но получивъ строгій выговоръ, кланялась въ ноги игуменіи и просила прощенія за свою немощь. Игуменія сказала о томъ архимандриту Теофану, духовному старцу и наставнику обители.

Какъ великій подвижникъ, отецъ Теофанъ былъ строгъ къ себѣ и разумно снисходителенъ къ немощамъ ближняго. Онъ просилъ игуменію позволить матери Теофаніи имѣть бѣлый хлѣбъ для поддержанія силъ, полезныхъ для обители. «Брашно не поставитъ насъ предъ Богомъ, говорилъ мудрый подвижникъ. — Одинаково нельзя всѣхъ вести: одна пришла отъ бѣдности, отъ трудовъ въ покой; другая отъ богатства, отъ нѣжнаго воспитанія; для такихъ и то въ великое поставится, что онѣ оставили. Не было бы злобы, гордости и тщеславія».

По благословенію игуменіи, мать Теофанія завела на свои средства и своимъ личнымъ трудомъ поддерживала разныхъ руководѣль: тканье ковровъ, вышиванье золотомъ и шкелу живописи.

Игуменія Маврикія, по фамиліи Ходнева, не любила подобныхъ занятій, требовавшихъ *бл. лоручекъ*, и хотя дала благословеніе матери Теофаніи завести эти руководѣля, приносившія большую пользу обители, но не дѣлала никакого поощренія тѣмъ, кто занимался ими. Она любила полевья, *черныя* работы, въ которыхъ и сама участвовала, даже будучи игуменіей. Она проходила высокую иноческую жизнь и хотя была едва грамотная и съ трудомъ могла подписать свое имя, однако подвигами своей добродѣтельной жизни заслуживала общее уваженіе. Она получила особенный отъ Бога даръ управлять монастыремъ и слава о ея подвижнической жизни привлекала къ ней ищущихъ спасенія отъ соблазна и суеты въ уединеніи и молитвѣ. Съ двадцатилѣтняго возраста вступила она въ монастырь, — въ эту, по истинѣ, шкелу благочестія, гдѣ научаютъ терпѣнію, любви къ ближнимъ, строгости къ себѣ и безусловному послушанію. Когда она поставлена была игуменією, въ 1810 году, въ Горлицкомъ монастырѣ находилось не болѣе шестидесяти монашествующихъ; но въ продолженіе ея сорокалѣтняго управленія и по установленіи ею общежитія, число сестеръ постепенно увеличивалось и дошло наконецъ до шестисотъ, что должно приписать превосходно устроенному общежитію, о поддержаніи котораго заботилась игуменія Маврикія. Всею душею привязавшись къ своей настоятельницѣ, мать Теофанія рѣ-

шилась до смерти пребывать въ послушаніи у нея, не щадя трудовъ, чтобъ жить по ея наставленіямъ и, какъ малое дитя, торопилась исполнять ея приказанія. Когда мать игуменія приказывала ей ѣхать съ собою для посѣщенія знакомыхъ или по какимъ дѣламъ, то, подѣхавъ къ дому, мать Теофанія сперва выходила изъ экипажа и освѣдомлялась, принимаютъ ли хозяева; потомъ опять спускалась съ лѣстницы, помогала игуменіи выдти изъ экипажа и взойдти на лѣстницу. И—какъ страдало ея сердце, когда случалось встрѣчаться съ прежними знакомыми знатнаго круга, которые, ничего не понимая въ монашеской жизни, обращались съ знаками особеннаго уваженія къ послушницѣ Теофаніи, а не къ ея возлюбленной игуменіи!

На первомъ шагу, въ монастырской жизни, мать Теофанія показывала совершенную преданность волѣ настоятельницы и полное отверженіе отъ воли собственной, твердо держась монашескаго правила, что «своя воля есть мѣдная доска между Богомъ и человѣкомъ». Такое смиреніе и самоотверженіе знатной и всѣми почитаемой генеральши Готовцовой удивляло игуменію и внушало желаніе довести ее до совершенства подвижнической жизни. Не довѣря такой внезапной перемѣнѣ изъ знатной барыни въ простую чернорабочую послушницу, она долго и тяжело испытывала ее. Съ радостнымъ чувствомъ признательности, а иногда съ горькими слезами сокрушенія, мать Теофанія принимала всѣ испытанія и назиданія отъ своей возлюбленной игуменіи и пребывала у нея въ безропотномъ послушаніи

Однажды къ воротамъ монастыря подѣхала карета; изъ кареты вышла сестра Теофаніи, Анна Сергѣевна, и обратилась къ привратницѣ съ словами: «я желаю видѣть Александру Сергѣевну Готовцову; гдѣ можно ее найти?»

Въ то самое время мать Теофанія поднималась съ рѣки и несла ушатъ воды съ другою послушницею. Увидавъ ее съ ушатомъ, взошедшею уже на гору, какъ разъ противъ церкви, привратница, молча, указала на нее пріѣзжей дамѣ; но та, не узнавъ своей сестры и думая, что у этой работницы надо спросить, гдѣ Александра Сергѣевна, стала къ ней подходить...

Мать Теофанія въ эту минуту подняла глаза и, увидавъ сестру, бросила ушатъ и кинулась къ ней на шею. Долго стояли онѣ обнявшись и отъ слезъ не могли слова проговорить. Это свиданіе было такъ неожиданно и умирительно, что никто не могъ смотрѣть на нихъ равнодушно.

Велика была радость для матери Теофаніи, когда ея любимая сестра сказала, что она затѣмъ пріѣхала, чтобы не разлучаться уже съ нею, что этотъ годъ она провела въ испытаніи себя и чувствуетъ, что безъ сестры міръ для нея чужой, и что сестра избрала благую часть. И такъ, чрезъ годъ, Анна Сергѣевна опять помѣстилась въ одномъ домѣ съ сестрою, надѣла одинаковое съ нею платье и снова стала жить ея жизнью. Она скончалась на молитвѣ, 83 лѣтъ отъ роду, въ 1855 году, 1 декабря. Труженическая жизнь матери Теофаніи и общая къ ней любовь увлекали многихъ желаніемъ послѣдовать ея примѣру, чтобы опять сблизиться съ нею въ духовной жизни.

Продолжая свои послушанія и замѣчая ошибки въ порученныхъ ей сестрахъ, мать Теофанія умоляла ихъ не дѣлать неполезнаго. Если замѣтитъ юныхъ послушницъ, что много говорятъ и смѣются, тогда призываетъ ихъ къ себѣ и даетъ наставленія. Первый ея вопросъ бывалъ: «для чего ты, миленькая, въ монастырь пришла?»—Для спасенія души, матушка. «А развѣ такъ спасаются: смѣются, да разговариваютъ? особенно въ храмѣ Божіемъ? Спасаются такъ: плачутъ и молятся». И тогда польются изъ ея устъ рѣки живаго слова до тѣхъ поръ, пока не посѣется доброе сѣмя въ сердцѣ и не прольются слезы и не будутъ прощенія просить отъ чистаго сердца. Тогда она проститъ и приласкаетъ, какъ родная мать. А у самой Божьей старицы какія рѣки слезныя льются! Она не оставляла безъ замѣчанія о вредѣ пристрастной дружбы между сестрами и просила именовъ Божіимъ, чтобы оставлять все неполезное для души и не оскорблять Бога и матушки игуменіи. «Если вы имѣете какіе недостатки вещественные, приходите ко мнѣ: я во всемъ вамъ помогу; только поживите хорошенько».

Въ такихъ подвигахъ терпѣнія, смиренія, въ такихъ непрерывныхъ трудахъ и безропотномъ послушаніи проводила

жизнь свою монахиня Теофанія. Гуль мірской суеты только издали доходилъ до нея: ея глубокое вниманіе, ея главная забота состояла въ томъ, чтобы терпѣніемъ и самоотверженнымъ трудомъ стяжать себѣ вѣчное блаженство. Уединяясь умомъ и сердцемъ отъ мимолетныхъ благъ міра, она вела тихую однообразную жизнь.

Вполнѣ оцѣняя достоинства своей послушницы монахини Теофаніи и по привычкѣ пользоваться ея услугами во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, игуменія Маврикія всегда назначала ей послушаніе сопутствовать ей во всѣхъ поѣздкахъ въ столицу. Въ 1823 году онѣ прибыли въ Петербургъ и явились къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Серафиму, который принялъ ихъ очень милостиво, долго бесѣдовалъ съ обѣими, и остался доволенъ ихъ духовнымъ настроеніемъ. Мнѣніе о нихъ онъ высказалъ въ собственноручномъ письмѣ къ настоятелю Кирилло-Новозерскаго монастыря, архимандриту Теофану въ слѣдующихъ словахъ: «Госпожа горійскія игуменья и мать Теофанія суть истинныя дщери ваши, коихъ вы породили духомъ Господу. Глубокое смиреніе ихъ, кротость и благонравіе тронули меня до глубины сердца; и я благодарю Господа Бога, что онъ даровалъ имъ васъ въ наставники, вѣруя, что онѣ и сами сдѣлаются наставницами сестеръ своихъ, примѣрами благочестивыя жизни. Да возрадуется душа твоя, старче Божій, когда ты узришь исчадія твоя, носяція вѣтвь благодѣланія!» Отецъ Теофанъ, не долго до своей кончины, прислалъ письмо это матери Теофаніи.

Въ этотъ же пріѣздъ мать Теофанія имѣла счастье представляться Императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, которая, принявъ ее съ обычною благосклонностію, сказала: «не для того я васъ готовила, чтобы вамъ заключиться въ монастырскихъ стѣнахъ; я надѣялась, что вы будете приносить большую пользу для всей Россіи, сдѣлавшись Моею помощницею, по воспитанію будущихъ женъ и матерей, на пользу отечества».

Государыня Императрица очень желала, чтобы мать Теофанія, по смерти А. И. Брейткопфъ, заняла ея мѣсто начальницы Евлатерининскаго института. Это желаніе было такъ сильно, что Императрица и въ это уже время предлагала

матери Теофаніи принять на себя эту обязанность, — не складая съ себя монашескаго сана.

Съ искренними слезами любви и благоговѣнія, благодарила мать Теофанія свою Августѣйшую Повровительницу и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляла оставить ее въ св. обители, гдѣ она нашла утѣшеніе скорбей и надежду на свѣтлую будущность съ друзьями, умершими и живущими.

Растроганная Императрица, уступая сердечнымъ моленіямъ своей воспитанницы, не настаивала, но просила не забывать въ уединенныхъ молитвахъ къ Отцу всего человѣчества имя Маріи и Ея семейства. Это были послѣднія слова милости и любви, которыя мать Теофанія слышала изъ устъ своей Августѣйшей Благодѣтельницы, — и глубоко запечатлѣлась эта просьба въ душѣ благодарной молитвенницы, до послѣдняго вздоха помнившей ее.

Только послѣ двадцати-двухъ лѣтъ подвижнической жизни въ монастырѣ, мать Теофанія опредѣлена была на послушаніе ризничей, въ 1832 году. Она ничего не жалѣла чтобы по мѣрѣ силъ и умѣнья исполнить свое послушаніе Ризница, подѣ ея художественнымъ присмотромъ, процвѣла и обогатилась многими замѣчательными работами; руководѣнья совершенствовались такъ, что стали ткать не только ковры, но ризы и воздухи.

Мать Теофанія всегда любила живопись; въ институтѣ была она изъ первыхъ ученицъ въ классѣ рисованія и хорошо рисовала карандашомъ, тушью и пастелью; но о живописи маслянными красками она не имѣла понятія. Когда же въ Горицкомъ монастырѣ, для отдѣлки новаго собора, во имя Живоначальной Троицы, былъ приглашенъ иконописецъ, — правда, не совсѣмъ искусный въ своемъ дѣлѣ, — однако мать Теофанія воспользовалась этимъ случаемъ принести хотя малую пользу обители своими трудами, и испросивъ на то благословеніе у своего старца, стала брать уроки живописи. Но вскорѣ простодушный учитель съ благодарностью сознался, что, руководствуясь ея мудрыми совѣтами, и самъ сталъ лучше понимать свое дѣло. Мать Теофанія, выучившись писать образа, стала учить живописи своихъ молодыхъ келейницъ, чѣмъ приносила посильную помощь обители. Первою ея

работою были образа и иконостасъ, написанные въ 1828 году для церкви св. Алексѣя Божія чловѣка. Когда открылись мощи святителя Митрофана, въ 1832 году, она сама не имѣла уже времени писать образа, потому что была назначена ризничею, что, при другихъ ея послушаніяхъ, требовало много трудовъ и времени; но подъ ея руководствомъ ея ученицы писали много копій съ прекраснаго образа, полученнаго ею въ благословеніе отъ архипастыря воронежскаго. Написанные образа она посылала въ Петербургъ, а на вырученныя деньги украшала монастырскую ризницу.

Много лѣтъ прожила мать Теофанія расофорною послушницею; покинувъ міръ, она покинула и все свое состояніе; но желала сохранить пенсію, назначенную ей за заслуги ея мужа предъ царемъ и отечествомъ, потому что считала это правомъ, заслуженнымъ его кровью, которое она желала употребить на пользу обители и на милостыню въ память покойнаго мужа.

Государь Николай Павловичъ всемилостивѣйше благоволилъ предоставить ей право, не смотря на принятіе ею монашескаго сана, на пенсію, назначенную ей въ Бозѣ почившимъ Государемъ Александромъ Павловичемъ за службу ея мужа.

Вскорѣ послѣ этого, мать Теофанія была пострижена въ мантію, въ 1837 году, 8 ноября, — день рожденія покойной ея дочери Анны.

(Продолженіе впереди).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РАЗВИТІЯ ХРИСТИАНСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

(Продолженіе).

Точно тоже мы должны повторить и относительно злоупотребленія, которое дѣлають наши школы изъ риторики, поэзіи и большей части изящныхъ искусствъ. Это злоупотребленіе ведетъ къ фальшивымъ представленіямъ о тѣхъ предметахъ, которымъ по праву принадлежать эти названія: всякій въ правѣ думать, что названіе всегда соотвѣтствуетъ сущности вещи.

Что касается краснорѣчія, то оно предполагаетъ разсудокъ, уже достаточно развитый; оно даетъ только силу и выразительность сужденіямъ разума. Краснорѣчіе состоитъ не въ блистательномъ пустословіи, какъ думаютъ иные, но въ убѣдительности слова. И такъ въ риторическомъ классѣ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на грамматику роднаго языка, съ цѣлю—приучить воспитанниковъ правильно писать и говорить; къ этому можно присовокупить занятія латинскимъ языкомъ и греческимъ для тѣхъ, которые готовятся въ высшія учебныя заведенія.

Перейдемъ теперь къ богословскому факультету и посмотримъ, больше ли здѣсь бережется время? На изученіе богословія полагается три года; по прошествіи этого курса, воспитанникъ получаетъ право на ученую богословскую степень. И такъ три года почитаются срокомъ, достаточнымъ для полученія богословской учености. Между тѣмъ, мелочность и соревнованіе профессоровъ бывають причиною того, что воспитанникъ изучаетъ въ это время только нѣсколько частныхъ трактатовъ, а не весь курсъ богословія. Напримѣръ, профессоръ богословія во Франціи, согласно программѣ и старому обычаю французскихъ школъ, долженъ бы прочитать

всю систему *Θομης Αββινάτα* и объяснить при этомъ трудныя мѣста. Изъ предисловія къ сочиненію *Θομης* видно, что авторъ думалъ изложить здѣсь всю сущность, все необходимое изъ богословской науки, что свое сочиненіе предназначилъ онъ для руководства начинающихъ. Между тѣмъ, съ давнихъ поръ, профессора не проходятъ всей этой книги, но довольствуются объясненіемъ тѣхъ же трактатовъ, на которые существуетъ много комментаріевъ. Такимъ образомъ воспитанникъ въ три года узнаетъ два или три трактата, напримѣръ: о свойствахъ Божіихъ, о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи и т. п. Онъ узнаетъ все, что можно сказать интереснаго относительно этихъ пунктовъ ученія; рѣшить всѣ вопросы, сюда относящіяся, даже самые пустые; узнаетъ исторію этихъ догматовъ въ древнее и новое время; между тѣмъ онъ будетъ положительнымъ невѣждой въ христіанской нравственности, въ ученіи о таинствахъ; или, если будетъ знать эти послѣднія, то долженъ отказаться отъ знанія другихъ. Еще хуже представляется дѣло науки, если обратимся къ основному богословію: здѣсь въ продолженіе долгаго времени объясняютъ какую-нибудь одну книгу св. Писанія, не касаясь другихъ, которыхъ воспитанники, можетъ быть, никогда и не прочтутъ.

Я знаю, откуда ведетъ начало этотъ обычай: профессоръ всю жизнь свою занимается схоластическимъ богословіемъ и такъ забываетъ свою голову, что ни во что ставитъ всякія другія науки, и даже—такія, которыя тоже имѣютъ своимъ предметомъ религію. Кругъ теологіи имѣетъ свои границы; здѣсь теологъ мало цѣнитъ первыя и элементарныя познанія; онъ уважаетъ одно то, что кажется ему рѣдкимъ и любопытнымъ, т. е., послѣднія тонкости и новыя открытія; каждый старается чѣмъ нибудь отличить себя. Но должно сознаться, что подобный способъ преподаванія наименѣе полезенъ для воспитанниковъ. Представьте молодого человѣка посредственныхъ способностей (такихъ воспитанниковъ—большинство), не обладающаго ни сильною памятью, ни особенною любознательностію, который можетъ посвятить богословскимъ занятіямъ два - три года, чтобъ потомъ трудиться въ какомъ-нибудь приходѣ. Очевидно, что тѣ трактаты, которые

онъ слушаетъ на богословскомъ факультетѣ, ему вовсе негодятся. Не гораздо ли полезнѣе было бы воспользоваться краткимъ временемъ богословскаго курса для того, чтобы сообщить воспитаннику начала теоретическаго и практическаго богословія, дать ему средства для чтенія и пониманія св. Писанія, церковныхъ правилъ и св. отцевъ, наконецъ—образовать его такъ, чтобы онъ былъ въ состояніи говорить назидательныя проповѣди и катихизическія поученія и совершать достойно св. таинства? Пусть между тѣмъ нѣкоторые доктора богословія всю жизнь занимаютъ основательнымъ изученіемъ своей науки, чтобы опровергать еретиковъ и давать спасительныя совѣты по разнымъ вопросамъ вѣры и нравственности; но для этого достаточно небольшое число ученыхъ, и это не должно быть общею цѣлю всѣхъ учащихся.

Мы познакомились съ системою образованія, принятою въ нашихъ школахъ. Можно ли назвать ее удовлетворительною? Въ самомъ дѣлѣ, неужели для молодаго человѣка нѣтъ ничего полезнѣе латинскаго языка и латинской грамматики? Неужели, въ его положеніи, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ говорить по-латини и писать латинскіе стихи, знать римскую исторію, римскіе нравы, римское военное дѣло и римскую юриспруденцію? Я не спорю: и эти познанія полезны; но есть еще болѣе полезныя знанія. Такъ, намъ совершенно необходимо умѣть хорошо говорить и писать на родномъ языкѣ и жить сообразно съ христіанскою вѣрою и отечественными обычаями. Равнымъ образомъ для насъ болѣе необходимо умѣние здраво разсуждать объ обыкновенныхъ предметахъ жизни, нежели о метафизическихъ вопросахъ,—о причинахъ и дѣйствіяхъ, или о природѣ безконечнаго. Мнѣ кажется, нужно сообразовать учебныя занятія съ настоящими потребностями народа и изучать вещи, наиболѣе необходимыя въ жизни, потому что намъ не передѣлать жизни по своему вкусу.

Но скажутъ, можетъ быть: наши школьныя занятія хороши, по крайней мѣрѣ, для школы. Странно! Развѣ школа существуетъ для себя, а не служить средствомъ для приобрѣтенія познаній, необходимыхъ въ жизни? Въ путешествіи,

всякій грузъ, который та къ или иначе не содѣйствуетъ удобству или скорости путешествія, есть бесполезная тяжесть; потому что ѣздить не для того, чтобы ѣздить, а чтобы пріѣхать куда надобно. Точно также все то бесполезно изъ школьныхъ занятій, что не ведетъ къ цѣли школы, т. е. къ знаніямъ, потребнымъ въ жизни. Было бы совершеннымъ заблужденіемъ думать, что воспитанниковъ можно занимать бесполезными вещами, когда они неспособны къ воспріятію серьезныхъ идей; если же хотятъ дѣтямъ дать нѣчто, сообразное съ ихъ возрастомъ, то пусть лучше дозволяютъ имъ играть и рѣзвиться, а не мучить ихъ надъ бесполезными и неприятными занятіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ забавами дѣтей, кромѣ бесполезности, и походятъ на серьезные занятія только тѣмъ, что также требуютъ труда. Я желалъ бы, чтобъ дѣтей занимали чѣмъ нибудь дѣльнымъ, также требующимъ труда, чтобы пріучить ихъ къ прилежанію; но неужели нѣтъ ничего, болѣе полезнаго въ этомъ отношеніи, чѣмъ схоластическіе диспуты метафизическаго свойства? Мнѣ кажется, геометрія была бы здѣсь умѣстнѣе, также — юриспруденція, еслибъ ее преподавать другимъ методомъ. Разсудительные люди понимаютъ все это, безъ всякаго сомнѣнія; но что же? Одинъ желаетъ, чтобы сынъ его поступилъ въ службу гражданскую, другой — чтобы онъ получилъ приходъ; но для достиженія этихъ цѣлей нужны формальные аттестаты отъ учебныхъ заведеній; иной боится общественнаго мнѣнія и отдаетъ сына въ школу только для того, чтобы быть свободнымъ отъ упрека въ небреженіи о воспитаніи дѣтей. Такимъ образомъ, многіе видятъ въ школьныхъ занятіяхъ не столько средство нравственнаго образованія, сколько формальность, необходимую для достиженія извѣстныхъ житейскихъ цѣлей, чего-то въ родѣ вывѣски. Многіе также смотрятъ на науку, какъ на средство къ существованію; они совершенно основательно поступаютъ, занимаясь тѣмъ только, что читается въ школахъ, какъ бы оно ни было бесполезно; потому что они сами готовятся въ школьные учителя; а учителя не могутъ пренебрегать самыми пустыми вопросами схоластики, потому что эти-то вопросы и привлекаютъ школьниковъ. Нужно признаться, что есть еще большее число та-

кихъ людей, которые не знаютъ ни того, что должно бы преподаваться въ школахъ, ни того, что преподается тамъ; но тѣмъ не менѣе отдають своихъ дѣтей въ школы, ни мало не сомнѣваясь, что здѣсь дѣти ихъ получаютъ истинное образованіе. Впрочемъ эти люди всего болѣе заслуживаютъ извиненія; ибо, вообще говоря, ихъ намѣренія—очень честны. Они искренно желаютъ добра своимъ дѣтямъ; по собственному опыту они знаютъ вредъ невѣжества и дурнаго воспитанія, и вѣрятъ, что лучшее средство для пріобрѣтенія образованія заключается въ обыкновенныхъ школьныхъ занятіяхъ. Какъ ни кажется имъ бесполезнымъ то, чѣмъ занимаются ихъ дѣти, но они винять въ этомъ только свое собственное непониманіе.

Горицкій монастырь въ 1847 году.

Вотъ что писалъ о немъ покойный профессоръ С. Шевыревъ: «Четыреста инокинь живетъ теперь въ обители. Игуменія Маврикія, не смотря на свои 70 лѣтъ, дѣятельно и благоразумно править обителью, окруженная любовью и уваженіемъ всѣхъ, отъ нея зависящихъ. Памятно мнѣ ея простодушное смиреніе и ея доброе привѣтствіе. Она происходитъ изъ дворянъ здѣшняго края и владѣла въ окрестности небольшимъ помѣстьемъ. Среди инокинь, нашедшихъ здѣсь убожище отъ міра, встрѣчаются имена многихъ знатныхъ семействъ. Въ разговорѣ и пріемахъ слышенъ нерѣдко отзывъ блестящаго свѣтскаго воспитанія. Отсюда вышла игуменія Ѳеопанія Готовцова, правящая дѣвичьей обителью на берегахъ Невы. Монастырь устроенъ на правилахъ общины, подобно Алексѣевскому дѣвичьему въ Арзамасѣ. Нельзя довольно налюбоваться на чистоту трапезы, въ которой храмъ посвященъ св. Кириллу новозерскому, на благоустройство хлѣбни и поварни. Вездѣ виднѣнъ строгій и дѣятельный надзоръ хозяйки обители. Здѣсь опрятности и порядку могло бы поучиться всякое общественное заведеніе.

Разныя женскія рукодѣлія процвѣтають въ монастырѣ, и во всѣхъ замѣтенъ вкусъ. Всѣ ризы и воздухи и пелены—труды обители, и все это совершенно подъ надзоромъ игуменіи Маврикіи, которая 40 лѣтъ править ею.

---

18 ДЕКАБРЯ

№ 51.

1871 ГОДА.

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ

О УБИЕНИИ СВЯТАГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕШСКАГО.

Изъ напечатаннаго недавно въ «Духовной Бесѣдѣ» (№№ 45—48) «Очерка исторіи православія въ Чехіи» читатели уже знаютъ, что къ числу памятниковъ древней богемской, или чешской письменности относится и «сказаніе объ убіеніи святаго Вячеслава, князя чесьска» (№ 45, стр. 320). Сказаніе это найдено А. Востоквымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Румянцевскаго музея и напечатано имъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1827 годъ (№ 17). Знаменитый славянистъ, по нѣкоторымъ признакамъ, находитъ, что эта статья сборника XV вѣка есть копія съ древняго списка, переведеннаго съ богемскаго подлинника, написаннаго, вѣроятно, современникомъ св. Вячеслава, вскорѣ по кончинѣ этого мученика. Сказаніе это встрѣчается также, но сокращенно, въ русскихъ прологахъ XV вѣка. Мы рѣшились сообщить читателямъ нашимъ это сказаніе вполнѣ, какъ дополненіе къ

«Очерку» и какъ замѣчательное произведеніе благочестивой славянской древности. Ученый нашъ археологъ, А. Востоковъ замѣчаетъ въ концѣ изданной имъ рукописи, что она «искажена многими ошибками и пропусками, затемняющими смыслъ, и что при этомъ издатель позволилъ себѣ только исправить ошибки правописанія и замѣнить старинныя сокращенія и титлы полнымъ прописаніемъ словъ». Мы печатаемъ нашъ журналъ не для специалистовъ—археологовъ, а для благочестивыхъ и любознательныхъ читателей; мы менѣе связаны передачею мелочныхъ отгѣнковъ рукописи. И потому пропуски ея мы постарались дополнить, неясныя мѣста сдѣлать ясными, не измѣняя впрочемъ стариннаго языка и тона.

«Се нынѣ сбылся пророческое слово, еже глаголаше Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Будеть бо, рече, въ послѣдняя дни, возстанетъ братъ на брата своего и сынъ на отца своего,* и врази домашніи человекъци, ибо не милосердни будутъ; да воздасть имъ Богъ по дѣломъ ихъ!

Бѣ князь великъ славою, въ чesѣхъ живый, именемъ Воротиславъ, и жена его Дорогомиръ. Родиста же сына первенца, и яко крестиста его, нарекоша имя ему Вячеславъ. И возросте отрокъ, егда подобаше у яти (отрѣзать) ему волосъ; и призва Воротиславъ князь епископа нѣкоего съ всѣмъ клиросомъ, и пѣша литургію въ церкви Пресвятыя Маріи, и вземъ отрока, постави его епископъ на ступени, предъ алтаремъ, и благослови его, сіе рекъ: «Господи Іисусе Христе! благослови отрока се благословеніемъ, имже благословилъ еси вся праведники Твоя». И постригоша князи ины (1). Тѣмже мнимъ, яко убо благословеніемъ епископа того и молитвами благовѣрными нача отрокъ расти, благодатію Божіею хранимъ. И въда его отецъ бабѣ (бабушкѣ) своей Людмилѣ научити книгамъ словенскимъ, по слѣду попову; и навиче разумъ добръ. Отосла же его Воротиславъ въ Будучь (2), и нача отрокъ учитися книгамъ латынскимъ, и научися добръ.

(1) Изъ сего видно, что и у чеховъ водились княжескія постриги. В.

(2) Вратиславъ, по сказанію Христина, отправилъ сына своего Вя-

Въ тоже время умре Воротиславъ князь, и поставиша князя Вячеслава на столѣ (престолѣ) дѣднѣ; и оттолѣ Болеславъ нача подѣ нимъ ходити (быть въ подчиненіи). Башета оба мала (1); мати же ея Дорогомиръ утверди землю, люди свои устрои и воспита сыны своя, дондеже нача Вячеславъ строити люди своя. Имѣше же Вячеславъ четыре сестры и власта я въ разныя княженья (за мужь), и устроиша я (2). И вложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя, и начеже умѣти книги латыньскія, якоже добрый епископъ или попъ; да аще взиماشе и греческія книги или словенскія, прочитае я безъ бл а з н а (безъ ошибки). Не токмо же книги умѣаше, но и вѣру свершаше (доказывалъ дѣлами), всѣмъ убогимъ добро творяше, бѣдныя напиташе и одѣваше по евангельскому ученію; больныя рабы питаше, вдовицъ не дадаше обидѣти, люди вся убогія и богатя миловаше, церкви вси златомъ украси. Вѣроваше въ Бога всѣмъ сердцемъ, все благое творяше въ животѣ своемъ.

Разгордѣвшися же мужи чешскіи, возсташа; юнъ бо имъ бѣше князь; лѣтъ бо ему бѣше 18, егда умре отецъ его. Да егда възрасте и смысла добы братъ его (Болеславъ); тогда дьяволъ вниде въ сердце злыхъ совѣтниковъ его, яко же иногда въ Іуду предателя. Писано бо естъ: «всякъ возстаѣи на государя своего, Іудѣ подобенъ естъ». Тѣже намолвиша Вячеславу, рекше: «хочетъ тя Болеславъ убити, съ матерью совѣщаѣи и съ мужи своими». Пси зліи, иже бѣша Вячеслава научили выдати матеръ свою безъ вины (3). Вячеславъ же разу-

---

чеслава учиться латинской грамотѣ въ городѣ *Будечъ*: *filium suum... Venceslaum... in lege divina literis imbuendum tradiderat in civitatem quae Budecz vocabatur. Vita S. Ludmillae. Balbini Epitome rer Bohem. lib. 1. cap. X.*

(1) Въ Прологѣ сказано, что Вячеславъ имѣлъ двухъ младшихъ братьевъ: Испытигнѣва и Болеслава; но здѣсь, согласно съ исторіею, говорится только о Болеславѣ. Испытигнѣвъ (по чешски: *Sputihnev*) былъ дядя Вячеславу, старшій братъ отца его Вратислава. В.

(2) О сестрахъ Вячеславовыхъ умалчиваютъ исторіи.

(3) Сочинитель сказанія, вопреки Христину и прочимъ писателямъ, отзывается о княгинѣ Драгомирѣ съ похвалою; между тѣмъ какъ прочіе

мѣвъ страхъ Божій, помяну слово Писанія, глаголющее: *чти отца и мать свою, и возлюбиши ближняго своего яко и самъ ся*. Хотяи исполнити всю правду Божію, приведе паки мать свою, вельма плакашеса, и каешеса, глаголя: «Господи Боже! не постави ми грѣха сего». Помяну же слово пророка Давида: *грѣхъ юности моя и невѣдѣнія моего не помяни, Господи!* Тѣмже чтыше мать свою; она же радовашеса вѣрѣ сына своего и благодати, юже творяше убогимъ: аще видяше мало-мощна, питаше; аще ли сироту гдѣ, то обидѣти не дадѣше его; аще ли странныхъ, то добро творяше, яко же речено есть: страненъ бѣхъ и введосте Мене; аще Божія рабы (1) и домашняя, и аще странники вся, и аще гдѣ ино зимой страждуть, то вся одѣваше и кормяше. Аще ли же который попинъ проданъ (?) прииде къ нему, онъ искупаше всѣхъ. Церкви же бѣ устроилъ по всѣмъ градомъ добрѣ вельми, Божія рабы собравъ ото всѣхъ языкъ; для воиновъ служба идѣше по вся дни Богу, яко и въ велицѣхъ языкѣхъ, устроениемъ добраго и праведнаго владыки Вячеслава. И вложи Богъ въ сердце ему создати храмъ святаго Вита. И всѣя Болеславу дьяволъ въ сердце, да наusti его на брата своего, да не бы спасена душа его была въ вѣки.

Прииде же день святаго Емерама (2), къ немуже *имаше*

описываютъ ее злою идолопоклонницею, разрушавшею церкви христіанскія, и даже соумышленицею Болеславу въ убіеніи св. Вячеслава. Кому вѣрить? Но непріязненное къ ней расположеніе римско-католическаго духовенства не отъ того ли, полно, происходило, что она покровительствовала священниковъ грековосточной Церкви? В.

(1) «*Божія рабы*». Нѣсколько разъ въ сей статьѣ употребленное выраженіе встрѣчается и въ Фрейзингенской рукописи. Вѣроятно, и здѣсь, какъ тамъ, названіе сіе присвоено духовенству: можетъ быть, такъ называемы были у западныхъ славянъ вѣроисповѣдники латинскіе? Въ Христиновой легендѣ также сказано, что къ Вячеславу: «*plurimique famuli Dei confluent*». Valbin. pag. 55. В.

(2) *Эмерама*, римско-католическій святой, былъ епископомъ во Франціи, потомъ миссіонеромъ въ Регенсбургъ, гдѣ пріялъ вѣнецъ мученія 22 сентября 652 года (Art De verisier les dates. Paris 1818. 4. p. 199). Сей святой особенно чтимъ былъ въ регенсбургской епархіи, къ которой тогда принадлежала Богемія. Въ Регенсбургъ былъ монастырь св.

обѣщаніе святой Вячеславъ, веселяся о Божѣ. Они, иже тогда зли дьяволи, возваша Болеслава, совѣтъ творяще непріязненъ о Вячеславѣ, якоже жидове о Христѣ. Баху же священія церквамъ въ всѣхъ градѣхъ. Вячеславъ же ѣздяще по градомъ, ѣха и ко Болеславу граду. Въ недѣлю же (въ воскресеньѣ) бѣ служба Козмы и Даміана, и слушавъ литургію, Вячеславъ хотѣ ѣхати домовъ (домой) къ Празѣ. Болеславъ не да ему (не пустилъ его). Моляше его плачевнымъ смысломъ и глагола: «како хочещи отѣхати; пиво цѣло имѣю. Онъ же не отречеса брату,—не ѣха домовъ. И всѣдъ на конь, нача играти и веселитися съ други своими на дворѣ Болеславлѣ. Тѣмже мнимъ, яко повѣдаша ему на дворѣ и рекоша: хочеть ты убити Болеславъ; и не я вѣры тому, на Бога надежду возложивъ. Въ ту же ночь свидошася ратници въ Гнѣвysinъ дворъ, и возваша къ себѣ Болеслава, и сотвориша злый той совѣтъ непріязненъ; яко же къ Пилату жидове собрашася на Христа мысляще; тако же и они зли пси, тѣмъ ся подобаще, совѣщаша: како быша убили господина своего. Рѣша же: «пойдетъ на заутреню, тогда половимъ его. Утру же бывшу, зазвонитъ заутреню. Вячеславъ же, услышавъ звонъ, рече: слава Тебѣ, Господи, яко далъ еси мнѣ добыти утра сего! И вставъ поиде на заутреню. Настигъ же его Болеславъ въ воротѣхъ. Вячеславъ же озрѣвся и рече: «добръ бѣ намъ, господине, вечеръ». Къ Болеславу же приниче дьяволь ко уху, и разврати сердце его, да извлекъ мечъ, отвѣща: «сей день да будетъ тебѣ еще лучше»,—и удари его мечемъ по главѣ! Вячеславъ же, обратився, рече: «что еси умыслилъ? И охавивъ его (Болеслава) поверже, и паде надъ нимъ, и рече: гдѣ ти Богъ, брате? Тира же притекъ удари въ руку (Вячеслава). Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побѣже. Дьяволи же два: Честъ и Тира убиста его въ церковныхъ вратѣхъ. Гнѣвса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ и испусти духъ свой глаголя: «въ рущѣ Твои, Господи,

---

Эмерама, куда Болеславъ (братоубійца), спусти три года по убіеніи Вячеслава, отправилъ малолѣтняго сына своего *Стражикаса* на воспитаніе.

предаю духъ мой». Убиша же въ томъ градѣ съ нимъ Мьстину единого; а инья мужи идоша въ борзѣ (убѣжали скоро). Овыхъ же избяша, а друзи разбѣгошася по землямъ, а отроковъ его убиша, Божія же рабы разграбиша и изгнаша я изъ града. А жены ихъ ⁽¹⁾ за инья мужи вдаша. И всю свою непріязненную сотвориша похоть—убиша князя своего. Тира же рече: «идемъ на госпожу; да одинова (заодно) одолѣши и брата своего и матеръ свою». Болеславъ же рече: «никамо же ся дѣнеть, да инѣхъ доспѣемъ». Вячеслава же разсѣкше, отыдоша и не схорониша его. Крастей же—попъ, вземъ его предъ церковью, положи и покры тонкою плащаницею. Услышавши же мати (Драгомира) убіеніе сына своего и притекши, искаше его; узрѣвши же, припаде къ сердцу его; и плачущися собираше уды тѣлесе сына своего. Собравши же, не смѣяше нести его въ домъ свой, но въ поповѣ избѣ омывше и оболеше его, положиша посреди церкви. Убоявшись же мати его смерти, бѣжа въ Хорваты. Пославъ же, не застиже ея Болеславъ. Призва же попа Паула ⁽²⁾, да молитву сотворитъ надъ нимъ, и погребоша честное его тѣло,—Вячеслава добраго и праведнаго владыку,—богочтеца и христоролюбца; служи бо Ему съ благоговѣніемъ и страхомъ. Кровь же его не хотяше по три дни въ землю ити; въ третій же вечеръ, всѣмъ видящимъ въ церкви, взыде надъ нимъ. И дивяшася ту вси; и еще надѣмся о Бозѣ, яко молитвами и благоговѣріемъ добраго Вячеслава, и большія чудеса явятся ⁽³⁾.

---

(1) Если *Божія рабы* означаютъ духовныхъ лицъ, то слова: *жены ихъ* не могутъ относиться къ Божиимъ рабамъ, потому что тогда уже существовало въ римской церкви безбрачіе духовенства. Надобно думать, что здѣсь говорится о женахъ тѣхъ мужей, побитыхъ и разбѣжавшихся, о коихъ упоминаемо было выше. Впрочемъ, встрѣчается одно мѣсто у Христана (Balbin. p. 64, 65), гдѣ говорится о *силь пресвитера* Стефана; слѣдовательно священники были и женаты! В.

(2) Въ Христиновой легендѣ о св. Людмиллѣ упоминается пресвитеръ Павель, бывший наставникомъ юнаго Вячеслава.

(3) По симъ словамъ заключить можно о древности повѣствованія. Повѣствователь рассказываетъ одно только сіе чудо, вскорѣ по убіеніи случившееся, изъявляя надежду, что будутъ еще большія чудеса. Онъ

Во истину бо Христовой мучѣ (мученію) и святыхъ мученигъ уподобися мѣа его; совѣтъ бо сотвориша о немъ, яко же іудеи о Христѣ. Разсѣкоша же его, и отроки его избиха. Во истину весь народъ человѣческъ вельми каѣшеса и плакаше о немъ!

Убиенъ же бысть Вячеславъ князь въ лѣто 6437 (929 по Р. Х.) индикта 2, кругъ 3, въ 29-й день мѣсяца сентября. Господи! упокой его душу въ вѣчнѣмъ покоищи, со всѣми избіенными его ради безъ вины, идѣже вси праведніи почиваютъ во свѣтѣ животнѣмъ Твоемъ.

Не остави же Богъ избранныхъ Своихъ въ поруганіе невѣрнымъ, но посѣти милостью Своею, и преложи окаменѣніе сердца (Болеслава) на покаяніе и разумѣніе грѣховъ своихъ. Болеславъ бо, помянувъ, колико грѣха сѣтвори, помолися къ Богу и всѣмъ святымъ и, пославъ слуги, принесе тѣло брата своего Вячеслава изъ Болеславля града къ славному граду Празѣ, глаголя: «азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мой и беззаконія моя азъ вѣмъ». И положиша его въ церкви святаго Вита одесную страну алтаря дванадесяти Апостоловъ, идѣ же бѣ самъ рекъ: сотворю церковь ту. Пренесенъ же бысть Вячеславъ князь мѣсяца марта въ 3-й день. Боже! покой его душу на лонѣ Авраама, Исаака и Іакова, идѣ же вси праведніи почиваютъ, чающе воскресенія своего и пришествія Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки».

ЗАВИСТЬ (²).

Послѣднею, или десятою заповѣдію Господь запрещаетъ желать чего бы то ни было, что есть у ближняго, или иначе — завидовать ближнему, запрещаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое

не умолчалъ бы о другихъ чудесахъ, о коихъ рассказываетъ Христинъ, ежели бы они уже случились. В.

(2) Изъ бесѣды на 10-ю заповѣдь, произнесенной въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ.

нечистое пожеланіе и всякую законопреступную мысль, повелѣвая, такимъ образомъ, каждому хранить сердечную чистоту и довольствоваться своимъ состояніемъ.

Почему Господь запретилъ зависть? Потому, что она какъ нельзя болѣе противна любви къ ближнему. Не правда ли? Вѣдь кого искренно любятъ,—тому не завидуютъ? Завидуетъ ли, напримѣръ, мать счастью дѣтей своихъ? Напротивъ, она скорбитъ объ ихъ горестяхъ и радуется отъ души всякому счастью, какое бы ни даровалъ имъ Господь милосердый. Значить, любить ли ближняго своего тотъ, кто ему завидуетъ? Спросите человѣка завидливаго: чему онъ и почему завидуетъ? Онъ завидуетъ не тому только, что видитъ у ближняго и чего не имѣетъ самъ, но и тому, что у него есть наравнѣ съ ближнимъ,—завидуетъ не только случайному его благосостоянію, но и такому, которое досталось послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ трудовъ,—завидуетъ потому, что считаетъ ближняго недостойнымъ тѣхъ благъ, какими онъ пользуется,—потому, что для него непріятно видѣть кого-нибудь счастливымъ,—что онъ желалъ бы одинъ завладѣть всѣмъ, хоть и въ такомъ случаѣ нашелъ бы еще, чему у другихъ позавидовать. Гдѣ жъ тутъ любовь къ ближнему? Правда, завистливый человѣкъ не всегда открыто вредитъ тѣмъ, кому завидуетъ; но почему? потому ли, что не желаетъ вредить? Нѣтъ, онъ съ радостію готовъ отнимать у другихъ предметы своей зависти, и если не отнимаетъ, то потому, что или боится, или не находитъ удобнаго случая. За то сколько зла завистливый человѣкъ дѣлаетъ тайно, когда зложелательствуетъ ближнимъ своимъ, клеветаетъ на нихъ предъ другими, распускаетъ объ нихъ худую молву, ссоритъ съ людьми полезными, вообще лишаетъ ихъ душевнаго мира и счастья?

И къ чему завидовать? Если ближній—добрый человѣкъ и честнымъ трудомъ достигъ своего благосостоянія; то онъ, значить, достойно имъ пользуется. Желаемъ мы съ нимъ сравниться,—будемъ ему подражать,—и мы будемъ счастливы. Иной скажетъ: «ближній недостойнъ своего счастья, я «его лучше и больше тружусь,—а далеко не имѣю тѣхъ «благъ, какими онъ наслаждается». Правда ли? А можетъ

быть, ты замѣчаешь только его недостатки и не видишь совершенствъ, а въ себѣ смотришь на одни достоинства, не обращая вниманія на слабости и грѣхи? А если счастливецъ ближній дѣйствительно нехорошъ и счастье, пріобрѣтенное имъ незаконно, такъ тѣмъ болѣе ему не стоитъ завидовать, — потому что какая польза въ счастиіи незаслуженномъ и неправедномъ? *Гладокъ, пріятель иногда бываетъ путь зръшника, а напоследокъ его ровъ адовъ* (Сир. 21, 12). Что жъ ему завидовать?

И развѣ, наконецъ, пріятно завидовать? Развѣ легче намъ отъ того, что при видѣ чужаго благосостоянія мы поропщемъ на судьбу свою? Зависть сама себя наказываетъ. Посмотрите на человѣка завистливаго, — бываетъ ли онъ спокоенъ и счастливъ когда нибудь? Онъ постоянно тревожится. Дайте ему сегодня то, чему онъ вчера завидовалъ у собрата, — онъ немного порадуется, потому что у него уже есть другой предметъ для зависти. Дайте ему все, чего онъ желалъ когда нибудь, онъ еще найдетъ, чему такъ же будетъ завидовать въ чужихъ рукахъ. Въ немъ, какъ въ больномъ горячкою жажда, — жажда нестерпимая, никогда и ничѣмъ ненасытимая, такъ что для него почти все равно: многимъ или немногимъ онъ несчастнѣе кого-либо. Пусть онъ будетъ счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, — и тогда онъ будетъ мучиться и желать, что у другихъ увидить. Вотъ почему говорить премудрый, что какъ *мужу скупому нельзя есть богатство, такъ и человѣку завидливу на что имѣніе? Завидящую себя самому нѣсть зльиша, и сіе воздаяніе зльмъ его. Лукавъ есть завидляй окомъ, отвращаяй лице и презираяй души. Око лукаво завидливо и о хльбѣ, и на трапезъ своей скудно*, т. е. завидливый человекъ, недоволенъ и роскошнымъ столомъ, если видитъ у ближняго своего кусокъ хлѣба (Сир. 14, 6—10).

«Это крайность», скажетъ кто нибудь» Крайность?! Да развѣ мы свободны отъ крайностей, когда позволяемъ въ себѣ неудержимо укореняться и развиваться злу? Вѣдь и самый ужасный злодѣй не вдругъ такимъ дѣлается, а мало по малу, постепенно, можетъ быть, и незамѣтно для самого себя. Вотъ почему Господь запрещаетъ намъ десятою заповѣдію не только зависть, и не только вообще худыя дѣла и слова,

или преступленія явныя, но и всѣ худыя мысли и нечистыя пожеланія. Не думайте, что это излишняя строгость. Далекое не излишняя!

У кого въ душѣ есть нечистыя мысли,—тотъ уже нечистъ предъ Богомъ и недостойнъ Его, потому что *мерзокъ Господеви помыслъ неправедный* (Притч. 25, 26). Пусть таковой человѣкъ видимо и не дѣлаетъ зла,—напротивъ, старается казаться добродѣтельнымъ; но если у него въ душѣ—зло, если онъ думаетъ о злѣ, желаетъ зла,—значить, внутренне къ нему расположенъ и въ душѣ—человѣкъ злой. Люди не видятъ его души и вправѣ его считать человѣкомъ вполне добродѣтельнымъ; но утаится ли онъ предъ Тѣмъ, Кто *открываетъ глубокая и сокровенная, свѣдый сущая во тмѣ* (Дан. 2, 22), предъ Кѣмъ *наизъ адъ и нпсть покрывала пагубь* (Иов. 26, 6), Кто знаетъ и то, чего мы еще не сдѣлали и только когда нибудь намѣрены сдѣлать (Пс. 138, 15. 16)?

Съ другой стороны, если извѣстный человѣкъ нерѣдко думаетъ о злѣ и желаетъ зла, то можно ли за него поручиться, чтобъ онъ и не сдѣлалъ когда нибудь того, о чемъ думаетъ и чего желаетъ? Придетъ искушеніе, выпадетъ таковой случай, и—онъ тайную мысль свою осуществить на самомъ дѣлѣ, и ничто не въ состояніи будетъ удержать его отъ грѣха и не подерѣпитъ въ немъ благой рѣшимости. Мысль подобна сѣмени. Долго иногда сѣмя лежитъ въ сухой землѣ безъ прозябенія; но вотъ пошелъ дождь, земля отсырѣла, и—сѣмя пускаетъ ростокъ, и растетъ, и приноситъ наконецъ свой плодъ. Тоже бываетъ и съ худыми мыслями, съ нечистыми пожеланіями. Если человѣкъ не старается искоренить ихъ изъ своего сердца, то какъ скоро выпадетъ случай,—онъ приведетъ ихъ въ исполненіе, онъ грѣшитъ, и чѣмъ дальше грѣшитъ, тѣмъ больше ожесточается, и дѣлается наконецъ великимъ грѣшникомъ. Такъ, *каждо искушается отъ своей похоти влекомъ и прельщаемъ: таже похоть зачехши рождаеть грѣхъ: грѣхъ же содѣланъ рождаеть смерть* (Іак. 1, 14. 15).

Итакъ, чтожь нужно для человѣка, чтобъ не завидовать ближнему? Нужно довольствоваться тѣмъ состояніемъ, какое каждому опредѣлилъ Господь въ награду за труды его. Что

вообще нужно, чтобъ не дѣлать зла и жить праведно? Нужно избѣгать худыхъ мыслей, худыхъ пожеланій,—нужно *всякими храниеніемъ блюсти* свое сердце отъ грѣховныхъ сквернъ,—потому что *отъ сердца исходятъ помысленія злая, убійства, прелюбодѣлія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы*,—исходить всё злое (Матѣ. 15, 14).

Иной скажетъ: «хорошо довольствоваться своимъ состояніемъ человѣку богатому,—а мнѣ-то какъ съ моей бѣдностью?» Бѣдностью? Но припомни, гдѣ родился нашъ Спасъ и Избавитель? Въ большомъ городѣ? отъ богатыхъ родителей? среди шума и роскоши, въ великолѣпномъ дворцѣ? Нѣтъ. Родился Онъ въ Вифлеемѣ, небольшемъ городѣ земли іудейской, и даже не въ самомъ городѣ;—пречистая Матерь не могла найти въ немъ и убогаго угла для пріюта, и принуждена была идти за городъ и пріютиться въ пещерѣ, куда вифлеемскіе пастухи загоняли отъ непогоды стада свои. Здѣсь родила Она Сына своего Первенца, и повида Его, и положила Его въ ясляхъ, потому что не нашлось имъ мѣста въ обители (Лук. 2, 7). И кто первый узналъ о рождествѣ Его? Не богатые, не славные міра; одни бѣдные пастухи услышали ангельское благовѣстіе и во тмѣ ночной пришли поклониться Рождшемуся,—да восточные мудрецы изъ далекихъ странъ, подъ руководствомъ чудной звѣзды, принесли Ему дары: золото, ливанъ, смирну. Чтожъ ты, братъ, завидуешь людямъ богатымъ и скучаешь о бѣдности, когда Самъ Богъ не только не возгнушался ею, а освятилъ ее Своимъ снисхожденіемъ?

Трудно предохранить сердце отъ зависти,—трудно соблюдать сердечную чистоту; за то велико и блаженство, ожидающее чистыхъ сердцемъ. Отдадимъ же Господу наши сердца чистыя, сокрушенныя и смиренныя, и—Онъ не уничтожитъ насъ (Пс. 50, 19), и—мы узримъ Его не въ ясляхъ вифлеемскихъ, не въ нищетѣ и униженіи,—узримъ Его на престолѣ славы въ сонмѣ Ангельскомъ, узримъ лицомъ къ лицу и вѣчно будемъ зрѣть Его въ небесныхъ обителяхъ, потому что такое вѣчно блаженное лицезрѣніе общалъ Онъ Самъ чистымъ сердцемъ: *блаженни чистии сердцемъ: яко тии Богъ узрятъ* (Матѣ. 5, 8).

Священникъ **М. Предтеченскій.**

РЪЧЬ,

СКАЗАННАЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ВЛАДИМИРОМЪ, АРХИВНИКОМЪ
КАЗАНСКИМЪ И СВЯЖСКИМЪ, 1848 Г. АПРѢЛЯ 4 ДНЯ, ПРИ
ПРОЩАНІИ СЪ ПАСТВОЮ, ПО СЛУЧАЮ ОТВѢТІЯ НА ПОКОЙ.

Всѣмъ время, и время всякой
вещи подъ небесемъ. Время раждати
и время умирати. Еккл. 3, 1.

Подлинно, братія, весьма справедливо мудрый Соломонъ сказалъ, что въ семь мірѣ видимомъ всему свое время, все имѣеть свой востокъ и западъ, все раждается, растетъ и ветшаетъ. По сему-то закону всеобщей постепенности и измѣненія, вотъ, наконецъ, и до меня дошла очередь упасть въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ до невозможности долѣе нести бремя общественнаго служенія, которое промысломъ Божиимъ суждено мнѣ было проходить въ разныхъ мѣстахъ около 50 лѣтъ.

Приобывши и у васъ около 12 лѣтъ раздѣлять съ паствою, хотя скудное, но праведное, имѣніе души своей, въ сіи минуты моей разлуки съ вами, могу ли я сокрыть отъ васъ тѣ чувствованія, которыя волнуютъ и раздражаютъ мое сердце? Когда представляю себѣ всю цѣну Высокомонаршаго благоволенія къ моему недостоинству и всю отеческую заботливость Святѣйшаго Правительствующаго Синода объ успокоеніи моей старости, то духъ мой расширяется какою-то сладостною радостію, которая даетъ мнѣ въ нихъ чувствовать и лестную награду за посильные труды мои, въ устроеніи между вами царствія Божія,—и новыя силы къ продолженію моего старческаго существованія. Съ другой стороны, когда я воображаю, что настоящее богослужебное общеніе мое съ вами есть общеніе, можетъ быть, уже послѣднее, то ощущаю въ себѣ такую скорбь и тѣсноту, которой объяснить я теперь не въ силахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ семъ же святилицѣ вашихъ молитвъ я имѣлъ честь вступить въ управленіе здѣшней паствою и въ ней васъ первыхъ обლობзаль святымъ лобзаніемъ любви, я никогда не видалъ въ ней ни одного сословія, которое бы не оказывало мнѣ самихъ ошутительнѣйшихъ опытовъ любви, самаго дружескаго усердія. Когда случалось мнѣ посѣщать здѣсь ваши города и веси, для утвержденія въ вѣрѣ, то граждане срѣтали и провождали меня, какъ отца, съ чувствами сыновой преданности, а народъ и даже дѣти уподоблялись тѣмъ галатійскимъ жителямъ, которые, отъ избытка признательности къ Апостолу Павлу, принимали его какъ Ангела Божія, и готовы были, еслибъ то было возможно, *даже очеса свои извертъвши, отдать ему* (Гал. 4, 15).) Когда я имѣлъ какое-либо соприкосновеніе къ здѣшнему почтеннѣйшему купечеству и мѣщанству, то и въ нихъ всегда видѣлъ такихъ друзей, а въ украшеніи храмовъ и такихъ сотрудниковъ, которые во все время моего здѣсь пребыванія, какъ бы наперерывъ, старались всячески выказывать и полную довѣренность свою ко мнѣ и милостивое снисхожденіе къ моимъ немощамъ и благодушную примѣнительность къ образу моего правленія. Если я имѣлъ какія-либо отношенія къ благородному здѣшнему дворянству, — то оно оказывало мнѣ въ нихъ самое лестное уваженіе и своимъ искреннимъ радушіемъ даже предупреждало мои желанія. Что же при семъ еще сказать мнѣ и о здѣшнемъ духовенствѣ? О, сколько разъ и какъ крѣпко привязывало оно меня къ себѣ своимъ послушаніемъ и братскою готовностію отвѣтствовать моимъ намѣреніямъ касательно св. Церкви! Я живо помню множество такихъ случаевъ, въ которыхъ не я для него, какъ бы слѣдовало, но оно для меня было маякомъ, указующимъ путь къ моимъ цѣлямъ и пристани. Кратко сказать: вы всѣ, и ближніе и дальніе, всегда были мнѣ точно тоже, какъ нѣкогда добрые солуняне Апостолу Павлу, т. е. упованіе, и слава, и радость, и вѣнецъ моего похваленія предъ Богомъ, и предъ Всемплостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ. Сіи-то ваши христіанскія расположенія ко мнѣ сдѣлали то, что и я, по мѣрѣ скудныхъ моихъ силъ, хотя нѣсколько оправдалъ себя въ сдѣланной мнѣ, касательно васъ,

отъ начальства довѣренности, и равно и вы поставили себя въ полномъ правѣ похвалиться исполненіемъ воли пославшихъ меня къ вамъ на паству.

Если же и среди васъ были люди, которые по какимъ-либо видамъ рѣшались чернить, или своими подозрѣніями марать мои поступки, то я и на нихъ не только не имѣю ни малѣйшаго неудовольстія, но и прощаю тѣмъ доброхотнѣе, что, можетъ быть, они подмѣчали мои слабости только для пріобрѣтенія себѣ права на свои слабости, а, можетъ быть, и я самъ, не умѣя быть для всѣхъ камнемъ вѣры, не умѣлъ примѣняться къ ихъ свойствамъ и соразмѣряться съ мѣрою ихъ способностей; ибо и мнѣ, при всей высотности моего сана, Господь Богъ не судилъ быть ни Илією Ѳесвитяниномъ, ни преемникомъ его Елисеемъ, которые по данной имъ благодати, для возбужденія въ дѣтахъ дыханія жизни, умѣли умаляться въ ихъ мѣру.

Вотъ, любезные о Христѣ братія и сестры, какія чувствованія, при сей разлукѣ моей съ вами, раздираютъ мою душу! Въ сихъ-то чувствованіяхъ моей искренней къ вамъ благодарности, я умоляю и по гробъ не престану умолять благость Божію, да по богатству славы Своея, воздастъ она всѣмъ вамъ за всѣ сіи опыты вашей ко мнѣ дружбы, въ мѣру полную, и потрясну и преливающуюся, тѣмъ сладчайшимъ миромъ, въ которомъ заключаются всѣ душевныя и тѣлесныя блага (1).

В И Ѳ Л Е Е М Ѣ .

Готовися, Виелееме; Ефраѳо, благоукрасися.

Хевронъ, Виелеемъ, Іерусалимъ: вотъ три священнѣйшіе города въ землѣ вообще—святой, или обѣтованной. Вотъ три точки, около которыхъ группируется почти вся священная исторія,—это какъ бы три звѣзды, ярко сіяющія на небосклонѣ древняго міра,—три стадіи, озна-

---

(1) Прислано изъ Казани.

чающія шествіе Бога Израилева! Близъ Хеврона, подъ дубомъ Мамврійскимъ, тайнообразно явлено Аврааму величайшее таинство Пресвятыя Троицы; близъ Хеврона, въ пещерѣ сугубой, хранятся останки великихъ патріарховъ: Авраама, Исаака и Иакова, до всеобщаго воскресенія. Къ сѣверу отъ Хеврона находится не менѣ славное мѣсто Виелеемъ,— мѣсто рожденія величайшаго изъ царей израильскихъ—св. Давида, праотца, пророка и прообраза Христова. Здѣсь же, по предназначенію Верховнаго Міроправителя и Царя царей, родился Сынъ Божій, Искупитель міра. Еще далѣе на сѣверъ отъ Виелеема лежитъ Іерусалимъ—градъ Царя великаго, столица Давида, мѣсто страданій, смерти, погребенія и славнаго воскресенія Господа Іисуса Христа... Какія имена! Какія воспоминанія!

Праздникъ, совершаемый нынѣ Церковію,—праздникъ Рождества Христова—даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ рожденія Господа—градѣ Давидовомъ—Виелеемѣ.

Виелеемъ въ древнѣйшія времена назывался Ефраою, домоу Ефраоимомъ. То и другое названіе выражаютъ одну и ту же мысль: плодородіе, изобиліе хлѣба (¹). Но еще болѣе, чѣмъ хлѣбомъ, богатъ и славенъ Виелеемъ именами людей, обитавшихъ въ немъ. Елемилехъ, Ноеминь, Руевъ, Воозъ, Овидъ, Іессей, Давидъ—все это граждане Виелеема. Здѣсь, на злчныхъ поляхъ виелеемскихъ, пасъ стада свои юный избранникъ Божій и воспѣвалъ въ псалмахъ и на гуслихъ славу Создателя міровъ; сюда же приходилъ старецъ-пророкъ Самуилъ, чтобы помазать юношу-пѣвца и будущаго пророка—въ царя надъ Израилемъ. «И подводилъ Іессей къ Самуилу семь сыновъ своихъ; но Самуилъ сказалъ Іессею: «изъ нихъ никого не избралъ Господь... Всѣ ли дѣти твои здѣсь?» И отвѣчалъ Іессей: есть еще меньшій; онъ пасетъ овецъ. И сказалъ Самуилъ Іессею: «пошли и возьми его». И привели его. Онъ былъ бѣлокуръ, съ красивыми

(¹) Beth—lechem—домъ хлѣба; Ephrata—отъ phara—плодородіе.

глазами и приятнымъ лицомъ. И сказалъ Господь: встань, помажь его; ибо это онъ... И почивалъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ (1 Цар. 16, 10—13). По смерти Давида и Соломона Виелеемъ остался вѣренъ наслѣднику ихъ Ровоаму, который укрѣпилъ его и обнесъ стѣною (2 Цар. 11, 6).

Но величайшую славу Виелеема составляетъ то, что въ немъ предназначено было родиться доброму и единому Пастырю, Который упасетъ люди Своя до вѣка. Еще за нѣсколько вѣковъ до самаго событія Боговдохновенный пророкъ предвозвѣстилъ отъ лица Божія: «И ты, Виелеемъ-Ефраѳа, хотя малъ въ тысячахъ (селеніяхъ) іудиныхъ, но изъ тебя произойдетъ Тотъ, Который долженъ быть Владыкою во Израилѣ и происхождение Котораго изъ начала, отъ дней вѣчныхъ... И встанетъ Онъ и будетъ пасти въ силѣ Господней, въ величїи имени Господа Бога и возвеличится до концевъ земли (Мих. 5, 1—3). И вотъ, когда пришло время исполниться этому пророческому слову, ночью, въ долину близъ Виелеема, «были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень, и слава Господня осіяла ихъ, и убоялись страхомъ великимъ. И сказалъ имъ Ангелъ: «не бойтесь; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ. Ибо нынѣ родился въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ (Мессія) Господь» (Лук. 2, 8—10). Благочестивая Елена построила въ Виелеемѣ на мѣстѣ рожденія Господа великолѣпную перковь; близъ нея вскорѣ устроился монастырь, въ которомъ спасался знаменитый Іеронимъ, уроженецъ славянской Далмаціи, трогательно описавшій красоту и радости виелеемской жизни.

Прошли вѣка, бури временъ и народовъ пронесли надъ Виелеемомъ. Но и до нашихъ дней сплнзгать сюда изъ всѣхъ странъ и земель безчисленные труженики-богомольцы, чтобы поклониться мѣсту, гдѣ, какъ гласитъ латинская надпись, *de Virgine Maria Iesus Christus natus est*. Въ долину пастырей, надъ которою нѣкогда раздавались звуки небесной пѣсни на языкѣ Ангельскомъ, эта самая пѣснь звучитъ теперь (въ небольшой русской церкви) на языкѣ славянскомъ: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, во чловѣцѣхъ благоволеніе*.

Протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ.

ПОУЧЕНІЕ

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ВОСПИТАННИЦЫ ИНСТИТУТА.

Смотри на этотъ гробъ, заключившій въ себѣ юную, только было начинавшую развиваться и совершенствоваться, жизнь, какъ не помыслить, что еще не время бы отроковницѣ сей, на зарѣ жизни, общавшей свѣтлый день благъ и радостей на землѣ, переходить въ жизнь вѣчную! Какъ не подумать, что еще рано бы душѣ ея воспарять къ Отцу духовъ, когда и земная жизнь представляла для нея широкое поприще къ развитію и усовершенствованію!

Того ли надѣялась, того ли ожидала любовь родныхъ, когда открывала для нея путь къ образованію? Того ли ожидали мы, когда заботливо предназначали—было руководить ее и направлять первые шаги ея на пути ученія и воспитанія? Ахъ, всѣ мы думали, что устроаемъ счастье сего дитяти, что вотъ увидимъ, какъ она будетъ приходить отъ силы въ силу

и отъ совершенства въ совершенству, что хотя и несуро, но, съ окончаніемъ своего воспитанія и образованія, она принесетъ радость и утѣшеніе въ семью свою, и тѣмъ обрадуетъ любовь родныхъ и нѣжныя заботы и попеченія... Но вотъ смерть однимъ неожиданнымъ ударомъ разрушила надежды наши. Какъ же послѣ сего не бивать, что еще рано бы думать отрокѣвца обитателя земную жизнь, столь много ей и намъ обещавшую?

Но что я говорю—рано! Развѣ это дѣло случая? Развѣ это совершилось безъ воли и опредѣленія Господня? Въ мірѣ Божіемъ нѣтъ случаевъ, а все управляется мудрою и благою волею Господа. И жизнь, и смерть, и здравіе и болѣзнь, и счастье и несчастіе, и возвышеніе и паденіе, и богатство и убожество,—всѣ до самаго мѣлчайшаго событія въ жизни нашей зависятъ отъ Бога: *Господь живитъ и мертвитъ, низводитъ во адъ, и возводитъ: Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и возвыситъ* (1 Цар. 2, 7). Если, по увѣренію слова Божія, не остаются безъ промысла Божія и самыя низшія творенія въ ряду существъ созданныхъ—птицы небесныя (Матѣ. 6, 26), если и цвѣтокъ полевой, нынѣ цвѣтущій, а *утръ въ пещь смѣтася*, не лишень Божія попеченія (Матѣ. 6, 30): то ужели украшенные образомъ Божіимъ творенія,—существа малымъ чѣмъ низшія Ангеловъ (Пс. 8, 6), существа, за коихъ Самъ Сынъ Божій пролилъ драгоцѣнную кровь Свою, умираютъ по дѣйствию слѣпаго случая, безъ воли Господней? Нѣтъ, не только мы, но и одинъ волосъ съ головы нашей не гибнетъ безъ воли Отца небеснаго (Лук. 21, 18).

И такъ, ранняя кончина сестры и сверстницы вашей есть дѣло Божіе. Такъ угодно было благой и совершенной волѣ Божіей, чтобы отроквица, въ самыя цвѣтущія лѣта жизни своей, перешла въ обители вѣчныя. Мы не знаемъ, почему ей въ эту именно пору лучше было отойти изъ жизни временной въ жизнь вѣчную, ибо кругъ нашего разумѣнія весьма ограниченъ, въ слѣдствіе чего.—*и яже на земли едва разумяемъ, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ, а яже на небесахъ, кто изслѣдитъ? Волю же Господню кто позна?* (Прем. 9, 16. 17). Но то несомнѣнно, что настоящее время для перехода ея въ жизнь вѣчную должно быть самое лучшее; иначе ангель

смерти не восхитилъ бы ее въ столь юномъ возрастѣ. А по-
сему да не смущается сердце ваше тою мыслию, что на земнѣ
жизни, во время цвѣтущей юности, душа ея оставила землю.
Можно ли сказать, что рано умираетъ тотъ, кто умираетъ въ
юныя лѣта? Ахъ, объ очень многихъ, умирающихъ и въ
преклонной старости, должно сказать, что они умерли рано,
если принять во вниманіе цѣль жизни, которой они, не смотря
на долготу лѣтъ своихъ, не достигли; и напротивъ, о многихъ
умершихъ во дни юности самая справедливость требуетъ ска-
зать, что они не рано умерли, если цѣль, для которой они
получили жизнь, ими достигнута, и если путемъ этой времен-
ной жизни они вошли въ блаженство вѣчное. Вотъ, что го-
воритъ премудрый о праведникѣ, рано умирающемъ: *осудите
праведникъ умирающаго жемчужныя несчастія, и юность сконча-
вшаяся скоро долготынную старость неправеднаго* (Прем. 4, 16).
Да не смущаетъ насъ при семъ и та мысль, что, умерши въ
раннюю пору своей жизни, усопшая не насладила здѣсь
благами и радостями. Стоитъ ли настоящая жизнь, чтобы
много жалѣть о ней? Вѣдь мы не въ мѣстѣ блаженства рай-
скаго, гдѣ нѣбогда прародители наши наслаждались чистыми,
безпрерывными и ничѣмъ не возмущаемыми радостями, а на
землѣ изгнанія, въ юдоли странствованія (Быт. 3, 23. 24;
Евр. 13, 14),—гдѣ радость и горе не только попеременно вол-
нуютъ наше сердце, но и совмѣстно ощущаются нами,—гдѣ
рѣдкая радость не таитъ въ себѣ жала скорби, и гдѣ едва ли
не каждому изъ насъ выпадаетъ на долю испытать, во время
земной жизни, болѣе трудовъ, заботъ, скорбей и несчастій,
чѣмъ радостей, утѣшеній и счастія. Впрочемъ, тѣ радости,
кои, подлинно, для человѣка,—этого труженника жизни, этого
странника земли, составляютъ истинную отраду, каковы: по-
знаніе Бога и увѣренность, что мы служимъ Ему духомъ и
истиною, любовь родственная, спокойствіе совѣсти, когда
исполняемъ долгъ свой,—всѣ эти и подобныя имъ чистыя
радости, коими дѣйствительно—красится жизнь наша, и деи
напоминаютъ намъ радости блаженства райскаго, не оставивъ
неиспытанными умершею. Печалиться ли о томъ, что наша
усопшая, по причинѣ краткой своей жизни, не успѣла развить
и усовершенствовать данныхъ ей Богомъ духовныхъ силъ

и способностей и осуществить чистыхъ стремленій своихъ въ доброй дѣятельности? Да, усовершеніе духовныхъ силъ и способностей есть долгъ сколько высокій, столько же и обязательный для всѣхъ насъ,—это главная задача всей нашей жизни на землѣ. Но уже самая краткость жизни разрѣшаетъ обязательную силу сего долга для тѣхъ, кои умираютъ въ раннемъ возрастѣ своей жизни, и мы можемъ иптать утѣшительную надежду, что начатки чистыхъ расположеній и стремлений души, хотя не вполне еще отрѣшившейся отъ немощей дѣтства, за то сохранившей въ себѣ всѣ его прекрасныя свойства,—что сии начатки, послужившіе здѣсь основаніемъ для сильной доброй дѣятельности, перенесены въ жизнь вѣчную, *идже присыщаетъ свѣтъ лица Божія, и гдѣ одинъ день, яко тысяща лѣтъ* (2 Петр. 3, 8). Жалѣютъ ли о молодомъ растеніи, пересаженномъ опытною рукою вертоградаря изъ тѣснаго разсадника въ пространный садъ и здѣсь разрастающемся въ роскошное, цвѣтущее и плодоносное дерево?

Оставьте дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко Мнѣ: таковыя бо есть царствіе небесное (Матѣ. 19, 14), сказалъ Господь Іисусъ Христосъ Апостоламъ, когда они не допускали дѣтей приближаться къ Нему. Не препятствуйте и вы, неумѣренною печалію и неумѣстнымъ роптаніемъ, отроковницѣ сей идти на гласъ Отца небеснаго, призвавшій ее къ Себѣ, въ жизнь вѣчную! Если Самъ Господь взялъ еѣ отъ васъ, то и вы, съ своей стороны, отдайте съ покорностію то, что Онъ благоволилъ взять, и не возмущайте, безутѣшною скорбію и малодушнымъ ропотомъ, покоя почившей, но паче споспѣшествуйте миру души ея молитвою. Мы не говоримъ: «не плачьте о ней», ибо это было бы выше силъ. Самъ Господь Іисусъ Христосъ проливалъ слезы на гробъ Лазаря и плакалъ о погнбающемъ народѣ іудейскомъ (Іоан. 11, 35; Лук. 19, 41). Но не предавайтесь скорби безутѣшной и смотрите на вашу потерю, какъ на дѣло любви и премудрости Божіей; съ должнымъ вниманіемъ выслушайте наставленіе и примите внушеніе, которое не словомъ, но самымъ совершившимся событіемъ Господь пзрекаетъ вамъ: *Бдите, яко неспите дне, ни часа, азъ отже Сынъ человѣческой придетъ* (Матѣ. 25, 13). Аминь.

Протоіерей **Ираклій Лепоринскій.**

Казань.

ЦЕРКОВНО-ПРИДВОРНЫЯ ЦЕРЕМОНИИ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ, СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ПОДОБНЫМИ ЖЕ ЦЕРЕМОНИАМИ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ.

Важное значеніе, какое имѣеть для историка греческой Церкви изученіе церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ, указываетъ издатель сочиненія Константина Порфиророднаго *De ceremoniis aulae bizantinae*. «Интересующійся обрядами церковными, говоритъ онъ, узнаетъ отсюда, въ какомъ видѣ была греческая Церковь въ десятомъ вѣкѣ, каково было положеніе патриарховъ и ихъ обращеніе съ (*consuetudo*) императорами, видъ и устройство греческихъ церквей, богослужебныя учрежденія (*instituta celebrandi divini cultus*),—узнаетъ, какіе были чины служителей Церкви, каковъ порядокъ праздничныхъ дней, какія священныя процессіи, въ какіе дни и къ какимъ храмамъ или славнѣйшимъ монастырямъ совершался онѣ» (1). Но кромѣ этихъ свѣдѣній, которыя, безъ сомнѣнія, имѣютъ не малую цѣнность для характеристики греческой Церкви, для насъ имѣетъ еще большій и существенный интересъ сравненіе церемоній двора византійскаго съ церемоніями древнихъ русскихъ царей. «Думаю, говоритъ Константинъ Багрянородный, — высказывая цѣль своего сочиненія о церемоніяхъ, — что недостойно и неприлично будетъ для моего сана попустить, чтобы прекрасный, цѣлостный чинъ субординаціи и политическихъ учрежденій оставался на будущее время безъ употребленія (*inordinatus*), и чтобы отличія, или главныя украшенія императорскаго сана, мало по малу забываясь, наконецъ, одно послѣ другаго, совершенно уничтожилсь. Ибо, какъ не заботящійся объ уврачеваніи больной головы, подвергаетъ все тѣло опасности заболѣванія, такъ точно и всякій, кто не заботится объ уврачеваніи чина (*corpus*) всей гражданской администраціи, по моему мнѣнію, готовитъ погибель и уничтоженіе государству» (2). Этотъ взглядъ на императора, какъ на главу

(1) Praefacio Joan. Jac. Reiskii ad tom. prim. «de ceremoniis aulae bizantinae. vid. Curs. complet. Patrol. Graecae t. CXII, p. 36.

(2) Proemium Const. Porphirogen. ad libr. secund. Jbid. p. 974—975.

цѣлаго состава (корпуса) чиновъ государственныхъ, постав-
 леннаго къ ней въ естественныя зависимости и подчиненности,
 и съ надлежною почтой и сама она рудитимъ, — какъ въ восточ-
 ный пунктъ, отъ котораго исходятъ и въ которомъ, какъ въ
 центру, стремятся всѣ пути власти гражданской, перешелъ
 изъ Греціи и въ Россію. Поэтому разсмотрѣніе церемоній
 двора византійскаго, въ которыхъ такое положеніе импера-
 тора рисуется яркими чертами, имѣетъ особенный смыслъ и
 особую цѣнность для изученія русской жизни. А церемоніи
 двора византійскаго въ праздники *церковные* даютъ намъ воз-
 можность объяснить то глубокое чувство полной преданности
 царю народа русскаго, какая замѣчается въ продолженіе
 всей его исторической жизни и которая въ особенности цѣн-
 на была въ тѣ минуты, когда царь (какъ напр. Іоаннъ IV)
 являлся не столько отцемъ своего народа, сколько грознымъ
 судіею, каравшимъ виновныхъ, а можетъ быть, и невинов-
 ныхъ. При описаніи церемоній двора византійскаго въ цер-
 ковные праздники мы увидимъ, что основную, существенную
 мысль всѣхъ церковно-придворныхъ церемоній составляетъ
 мысль о священномъ значеніи царской власти и ея божес-
 твенномъ происхожденіи. Всѣ онѣ были бы невозможны и не
 имѣли смысла безъ представленія идеи о царѣ православномъ,
 боговѣнчанномъ и самодержавномъ. Эта идея о лицѣ само-
 державнаго монарха составляетъ наслѣдіе Россіи, полученное
 ею изъ Греціи, сплотившее ее въ одно цѣлое и давшее ей
 мировоззрѣнію тотъ особенный характеръ, каковой выдѣляетъ
 исторію ея изъ исторіи другихъ европейскихъ народовъ. На
 русскаго человѣка, вообще сильно расположеннаго къ цер-
 ковной обрядности, обаятельно подѣйствовала та плѣнитель-
 ная обстановка, въ какую поставленъ былъ русскій царь
 церковно-гражданскими церемоніями двора византійскаго. И
 вотъ, въ связи съ ученіемъ Церкви о царѣ, какъ помазан-
 никъ Божию, на котораго *Вышній, владѣющій царствомъ*
человѣческимъ, возложилъ *вѣнецъ отъ камене честна*, и *сердце*
котораго въ руцѣ Божіей, — это плѣнительное обаяніе церков-
 но-придворной обрядности, произвело въ русскихъ ту *послуш-*
ную воспримчивость къ полновластію правительства, которая
 внушила имъ считать своего царя представителемъ Божествен-

ной власти, отъ котораго ничего, кромѣ добраго и полезнаго, не можетъ исходить. «Въ томъ, какъ тебя, государь, Богъ вразумитъ и твоя государева мысль и воля,—то наши рѣчи»: вотъ обыкновенная формула, которую земскіе люди всегда высказывали, когда бывали созываемы на соборъ, или на земскую думу. Кромѣ этого воспитательнаго значенія церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ, изученіе ихъ и сравненіе съ подобными же церемоніями древне-русскихъ царей имѣетъ для насъ существенный интересъ въ томъ отношеніи, что онѣ уясняютъ отношеніе бывшихъ греческихъ императоровъ къ Церкви и ея предстоятелямъ. При разсмотрѣніи церковно-придворныхъ церемоній древнихъ русскихъ царей, мы увидимъ, что тѣ примѣры *благотвѣрія, любознѣнія и добродѣтели*, которые византійская педагогія поставила за основное начало всякаго воспитанія, дали народу русскому нравственное настроеніе и направленіе, усвоившее ему названіе святой Руси,—народа благочестиваго, воспитала и русскихъ царей по преимуществу царями благочестивыми и глубоко уважающими постановленія церковныя и власть духовную. Тогда какъ въ церковно-придворныхъ церемоніяхъ византійскихъ императоровъ мы встрѣчаемъ по большей части второстепенное значеніе предстоятелей Церкви, въ церковно-придворныхъ обрядахъ древне-русскихъ царей мы встрѣчаемъ архипастырей на первомъ планѣ. Первожденные сыны Церкви, не смотря на высоту своего званія, ограничивались участіемъ въ церковныхъ церемоніяхъ въ качествѣ почетныхъ зрителей только, а никакъ не главныхъ лицъ и распорядителей процессіи. Такимъ образомъ въ принятомъ нами изслѣдованіи указываются двѣ стороны, которыя должны мы разсмотрѣть и опредѣлить при сравненіи церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ и русскихъ, именно—намъ нужно указать на то, что цѣликомъ перешло въ нашу Русь изъ Греціи, и что видоизмѣнилось подъ условіями нашей жизни и нашего умственнаго и нравственнаго настроенія. Для подтвержденія нашей общей мысли о взаимномъ соотношеніи и сродствѣ церемоній византійскихъ съ русскими мы избираемъ церковно-придворныя церемоніи въ недѣлю Вайи и

Свѣтлое Христово Воскресеніе; праздниѣ Ваій (пальмѣ) имѣеть больше гражданское, а праздниѣ Пасхи больше духовное значеніе и характеръ. Замѣтимъ впрочемъ, что такое различіе названныхъ церемоній имѣеть приложеніе только къ греческой церковной жизни. Особыя условія и особое нравственное направленіе и настроеніе русскаго народа не позволило благочестивымъ царямъ нашимъ измѣнить духовный характеръ церковныхъ торжествъ въ гражданскій, свѣтскій, — мірской.

I.

Праздникъ Вербнаго воскресенья, или недѣля Ваій (Пальмѣ).

Праздникъ Входа Господня въ Иерусалимъ въ греческой Церкви принадлежалъ къ числу самыхъ торжественныхъ праздниковъ церковныхъ. Подобно великимъ праздникамъ Рождества Христова, Богоявленія, Воздвиженія креста и другимъ, онъ предваряется предпразднествомъ, или кануномъ, называемымъ у латинянъ вигиліями. Въ этомъ предпразднествѣ на канунѣ Вербнаго Воскресенья принималъ участіе самъ императоръ съ своими придворными чинами, совершая священную процессію съ пальмовыми вѣтвями изъ храма святаго Димитрія (1) въ храмъ Пресвятой Богородицы, называемый Phagi (2), гдѣ слушалъ вечерню. Весь сенатъ,

---

(1) Святый Димитрій у грековъ былъ въ большомъ уваженіи;—онъ считался покровителемъ воиновъ и помощникомъ въ сраженіяхъ. Vid. comentar. Reiskii Curs. Compl. t. CXII, p. 351. Храмъ святаго Димитрія, по свидѣтельству Кантакузена, находился во дворцѣ, vid. Const. Christ. Du Sange lib. IV, p. 84; но вѣроятнѣе, что онъ находился въ той сторонѣ, гдѣ былъ Акрополисъ (кремль, крѣпость), отчего и самая мѣстность получила названіе святаго Димитрія. Этотъ храмъ построенъ былъ цезаремъ Вардою.

(2) Храмъ Богородицы Phagi находился въ великомъ дворцѣ Констанطينовскомъ, въ той части, которая отъ этого храма получила названіе соларія Phagi, или триклинія. Предъ всеми другими храмами

магистры ⁽¹⁾, проконсулы ⁽²⁾, патриции ⁽³⁾ и кубикулярии ⁽⁴⁾,

или модельными, которыхъ было много во дворцѣ, онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и болѣе другихъ былъ украшенъ. Въ немъ поставленъ былъ императоромъ Романомъ Лакапеномъ нерукотворенный Едесскій образъ Спасителя въ 997 году. *Const. Christ. lib. IV, p. 64—65.*

(1) Магистромъ вообще назывался главный или высшій начальникъ какого-нибудь рода занятій — *ἐξάρχος τινος πράματος*, или какой-нибудь придворной должности — *primus cujus ordinis*. Отсюда магистръ корабля, магистръ педагоговъ, магистръ хора, магистръ церемоній, пира, всадниковъ или дворянства, войска—тоже что начальникъ штаба, магистръ нравовъ, или цензоръ, магистръ народа или диктаторъ и пр. *Gloss. Dn Cange t. II, p. 342—346. Hoffm Lexic univ.* Самая обширная власть въ такомъ значеніи была соединена съ званіемъ магистра офенціевъ, который совмѣщалъ въ себѣ нынѣшнія должности министра внутреннихъ дѣлъ, гофмаршала, церемоніймейстера, главноуправляющаго почтою и проч. *De Magistratibus Ioan. Lud. 11, 25—26.* Но въ настоящемъ мѣстѣ подъ именемъ магистровъ разумѣются лица, занимающія почетныя и высокія должности, къ которымъ только присоединялся титулъ магистра, такъ какъ при византійскомъ дворѣ всякая знатная должность придворная и военная носила соединенный титулъ магистра, напр. магистръ и доместикъ школь, магистръ и друнгарій стражи, магистръ и стратегъ Арменіи, магистръ и преемствъ экскубиторовъ. *Curs Compl. t. CXII, p. 126, not. 75.* Подобныхъ магистровъ при описаніи своего посольства въ Византію Люйтирандъ насчитываетъ до 24 человекъ. *Ibid. t. CLVII. p. 347.*

(2) Проконсулами въ древнее время были лица, носившія титулъ *illustris*, который присвоивался только самымъ высшимъ должностнымъ лицамъ. *Curs. Compl. t. CXII, p. 127, p. 76;* въ позднѣйшее же время они были не болѣе, какъ помощники или викарии консуловъ, исправлявшіе должность гражданскихъ судей. *Gloss. Dn Cange. t. II, p. 433.* Въ Германіи въ настоящее время должность проконсула равняется должности штатгалтера или наместника бургомистра (*Hoffm. Lexic.*); а у насъ соответствуетъ должности гражданского губернатора при военномъ генералъ-губернаторѣ.

(3) Патрицій было имя чести и достоинства, но не соединялось ни съ какою должностію. По свидѣтельству Зосимы (*lib. II*), титулъ этотъ былъ учрежденъ Константіномъ Великимъ и присвоивался только лицамъ знатнаго происхожденія. Въ послѣдствіи онъ присвоивался, кажется, наместникамъ императора въ восточныхъ провинціяхъ и едва ли не былъ соединенъ съ судейскою властію (*Glossar. Du Cange t. III, p. 146*). По крайней мѣрѣ, при возведеніи въ этотъ санъ императоръ говорилъ новоизбранному: «поелику мнѣ очень затруднительно управлять вѣрными мнѣ отъ Бога служеніемъ, то я выбираю тебя своимъ

облеченные въ скараманги (1), въ субботу Лазареву, вечеромъ, входятъ во дворець (2) и оттуда направляются въ храмъ святаго Димитрія, гдѣ предъ большимъ образомъ Богоматери, около двери, ведущей въ соляріумъ (3), стоитъ императоръ. Вошедши сюда чрезъ восточную серебряную дверь, они повергаются предъ императоромъ на землю и получаютъ изъ его рукъ серебряные кресты и пальмовыя вѣтви, украшенныя благовонными цвѣтами, какіе въ то время распустятся. Магистры, препозиты (4), проконсулы и патрици

помощникомъ и уступаю тебѣ честь и право суда надъ церковію (?) и бѣдными, а за тѣмъ и другими высшими судейскими занятіями (Ibid). Кромѣ этихъ патриціевъ, носившихъ титулъ *illustris*, были еще патрициі-синклитики (*Syneletici*),—тоже, что въ Англии члены Королевскаго Совѣта. Они были ближайшими совѣтниками императора и ведутъ свое начало изъ древности, когда патрициі городовъ, областей, царей были тоже, что ихъ отцы (*patres*), заботившіеся объ нихъ, какъ о дѣтяхъ и всячески содѣйствовавшіе благосостоянію ихъ. (*Cur. Compl. t. CXII, p. 127—130, п. 77*). Званіе патриція присоединялось къ той должности, какую лицо занимало прежде. Траянъ, одинъ изъ патриціевъ, занималъ должность *квестора*.

(1) Кубикулярій просто значить постельничій. Кубикуляріи причислялись къ гарнизону или стражѣ императора, дѣлившейся на отряды: схолярровъ, протекторовъ, кандидатовъ, domesticiковъ, экскубиторовъ, кубикуляріевъ и силенціаріевъ, и составляя такимъ образомъ цѣлый отрядъ стражи, возлежали предъ дверьми императора. (*Vid notae Gretzeri et Goari in libr. de officiis spolit. C. Compl. Patr. t. CLVII, p. 203—204*).

(2) Скарамангою называлась одежда, которую военные люди носили поверхъ нижняго платья; она служила для предохраненія отъ дождя, снѣга, града и всякой непогоды, и была въ родѣ плаща (*pallium*), закрывавшаго все тѣло (*Glossar. Du Cange t. II, p. 727; Cur. Compl. t. CLVII, p. 347*).

(3) Разумѣется дворець (*palatium*) Константина, построенный на берегу Золотаго Рога недалеко отъ Акрополя и Софійскаго храма; по огромности своей, онъ получилъ названіе большихъ палатъ, или великаго палація. *Const. Christ. t. II, p. 91*.

(4) Соляріумомъ называлась терраса на плоской крышѣ строенія, служившая мѣстомъ для прогулокъ.

(4) Препозитами вообще назывались начальники или преемники, поставленные для надзора надъ различнаго рода государственными мѣстами, вещами или землями. Препозиты, о которыхъ говорится въ

получают по большому серебряному, официалы (1) и другие по малому серебряному кресту, каковые раздавались иногда и протоспатаріямъ (2) и внухамъ (3). При началѣ церковнаго звона (4) они желаютъ императору счастья, который, въ сопровожденіи ихъ, чрезъ другую дверь храма святаго Димитрія входитъ въ храмъ Пресвятой Богородицы Phagi; тамъ онъ слушаетъ вечерню, по окончаніи которой кубикуляріями и клириками его поется гимнъ *σπταφευτες σοι* (спогребшеса Тебѣ), притомъ такъ, что первую половину гимна поютъ кубикуляріи, другую клирики (5). Препозиты въ это время берутъ большія паль-

---

тежеть—препозиты святой постели—постельничіе,—бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и препозитами дворца; они были ближайшими тѣлохранителями императора и императрицы. Препозитъ непосредственно говорилъ съ нимъ, доносилъ ему о происшествіяхъ (*de rebus occurrentibus*), получалъ отъ него приказанія, которыя передавалъ другимъ придворнымъ, соотвѣтственно должности каждаго. При богомольныхъ выходахъ императора онъ сопутствуетъ ему въ церкви до самаго алтаря, подноситъ ему свѣчи, гдѣ нужно, и получаетъ ихъ отъ него обратно.

(1) Официалами назывались придворные императора; быть официаломъ значило тоже, что у насъ принадлежать къ свѣтѣ императора. Въ числу ихъ принадлежали лица втораго класса: доместикъ школъ, доместикъ ескубиторовъ, друнгарій числъ, и проч.

(2) Протоспатарій—третья и высшая степень въ чинѣ спатаріевъ; первый чинъ составляли просто спатаріи, второй—спатарокандидаты, и третій—протоспатаріи. *Surg. Compt. t. CXII, p. 187, p. 4.* Спатаріями же назывались стражи императора благороднаго рода, носившіе предъ императоромъ оружіе его, и получили свое названіе отъ слова *σπαθην*, означавшаго обоюду острый мечъ значительной длины, который носили при лѣвомъ бедрѣ на желзной или мѣдной цѣпочкѣ. Отъ слова *σπαθην*, по всей вѣроятности, произошло названіе шпаги.

(3) Большая часть внуховъ причислялась къ кубикуляріямъ, но были внухи и изъ другихъ чиновъ или придворныхъ.

(4) Въ текстѣ стоитъ *σπριμινει η̄ εκκλησια*—церковь даетъ знакъ. Но какимъ образомъ? Можетъ быть, это были колокола, а вѣрнѣе доски, называемыя *σπριμιντρα*, которыя въ настоящее время употребляются въ греческой церкви и стучомъ въ которыя вѣрные призываются въ церковь.

(5) Собственно клирики составляли церковную должность; но и при дворѣ императорскомъ ее несли нотаріи, а послѣ секретари. *Glov. t. I, p. 1020—1021.* Впрочемъ вѣроятнѣе всего въ настоящемъ случаѣ подъ именемъ клириковъ императора нужно разумѣть хоръ его пѣвчихъ.

мовыя вѣтви и раздають ихъ кубуляріямъ, а также и всѣмъ присутствующимъ; по окончаніи же гимна, всѣ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ выходятъ изъ храма Пресвятой Богородицы чрезъ слоновыя двери.

Изъ этого краткаго описанія церемоніала наканунѣ праздника Вай видимъ, что подобный же обрядъ совершается и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напримѣръ, въ Кіевѣ, Херсонѣ, гдѣ предъ вечернею въ торжественной процессіи совершается перенесеніе вербы изъ одной перкви въ другую, устраивается торжественная процессія съ крестнымъ ходомъ и вербой. Но онъ, разумѣется, не имѣетъ у насъ того же самаго значенія и блеска, какъ церковно-придворная церемонія въ Византіи. Важно тамъ было то, что процессію совершалъ императоръ, а не патріархъ; императоръ также вмѣстѣ съ пальмами раздавалъ своимъ придворнымъ кресты, а не патріархъ, тогда какъ въ Россіи, напротивъ, и то и другое принадлежитъ Церкви и церковной власти. Нося всегда въ процессіи крестъ въ правой рукѣ, императоръ являлъ свою вѣру во Іисуса Христа; но раздавая кресты, онъ этимъ самымъ показывалъ себя не только исповѣдникомъ вѣры Христовой, но и обязывалъ къ подобному же исповѣданію и высшихъ своихъ придворныхъ чиновниковъ. Подобное положеніе императора, какъ хранителя и ревнителя Христовой вѣры, давало ему особое значеніе въ его отношеніяхъ къ Церкви и ея предстоятелямъ. Понятно, что коль скоро нравственная и религіозная обязанность внѣшняго содѣйствія и покровительства Церкви нашла такое выраженіе, форму или образъ, въ которомъ высказывается уже нѣкоторымъ образомъ священное право царя на охраненіе вѣры, то значеніе предстоятелей Церкви,—именно какъ хранителей вѣры, въ глазахъ народа умалялось. За Церковію оставалось только право раздаянія таинъ Божіихъ; разсматривая церковно-придворныя церемоніи византійскихъ императоровъ, видимъ, что участіе въ нихъ Церкви именно только этимъ раздаяніемъ таинъ Божіихъ и ограничивалось: Власть церковная является въ нихъ только какъ второстепенная, а никакъ не главная, распорядительная сила. Съ своими службами и таинствами она является здѣсь только для приданія государственной—

гражданской церемоніи нѣсколько церковнаго характера, и чтобы выказать чрезвычайное значеніе императора, какъ главы не только строя (*corpus*) государственнаго, но нѣкоторымъ образомъ и духовнаго чина.

Въ самый день, въ праздникъ Вай, такое значеніе императора выказывалось съ особенною сплюю и очевидностію. Здѣсь императоръ уже не только раздаетъ кресты высшимъ сановникамъ государственнымъ, но и принимаетъ отъ лицъ церковныхъ символы (4) и кресты, въ чемъ, конечно, высказывается еще яснѣе значеніе его, какъ хранителя вѣры. — Вся церемонія этого дня состоитъ изъ трехъ частей: въ первой части — подготовительной — императоръ получаетъ отъ церковныхъ лицъ символы вѣры и кресты, и за тѣмъ раздаетъ кресты своимъ высшимъ придворнымъ чиновникамъ. Во второй части онъ въ разныхъ мѣстахъ совершаетъ поклоненіе предъ иконами и во всякомъ новомъ мѣстѣ бываетъ встрѣчаемъ различными чиновниками и димами (*θημοι*) Венеты и Празны, вмѣстѣ съ ихъ демархами, или демократами (2). Въ продолженіе этого пути онъ проходитъ, направляясь изъ хри-

---

(4) Подъ именемъ «символовъ» здѣсь разумѣются тѣ символы, которые даваемы были просвѣщеннымъ святымъ крещеніемъ для того, чтобы они выучили символъ и потомъ возвратили епископу или пресвитеру въ великую пятницу, въ субботу пасхальную или въ Пятдесятницу. Vid. Glossar. Du Cange t. II, p. 1036. Съ уничтоженіемъ обычая просвѣщать оглашенныхъ святымъ крещеніемъ предъ святою Пасхою, не уничтожилась, нужно полагать, сразу обычай раздавать символы и вновь получать ихъ въ определенное время, и очень можетъ быть, что эти символы впоследствии стали подносить императору, какъ свидѣтельство твердаго храненія вѣры во Иисуса Христа, подаваемое охранителю вѣры.

(2) Димами (*θημοι*) назывались нерегулярныя когорты, составлявшія нѣчто среднее между воинскимъ и городскимъ населеніемъ; онѣ были подобны тому роду милиціи, который изъ городскихъ и крестьянскихъ юношей готовится на случай скорѣйшаго пополненія дѣйствительной (числящейся на службѣ) милиціи, и употребляется въ военныхъ занятіяхъ (*in armis*), не принимая однакожъ ни военной одежды, ни жалованья, ни военныхъ начальниковъ и не оставляя ни своего дома, ни своихъ занятій, такъ какъ каждый изъ нихъ вызывается для военныхъ занятій только въ определенные времена.

сотриклинія (1), Лавсіякъ (Λαυσιακον) (2), храмъ Пресвятой Богородицы Ρηαγί, храмъ святаго первоученика Стефана (3), отсюда возвращается въ хрисотриклиній. Заключительная часть церемоніи или богомольнаго выхода состоитъ въ слушаніи литургіи въ храмѣ Пресвятой Богородицы, куда онъ вновь выходитъ изъ хрисотриклинія. Такимъ образомъ вся церемонія или богомольный выходъ царскій состоитъ въ поклоненіи предъ иконами въ различныхъ мѣстахъ дворца, на подобіе того, какъ высшіе іерархи Церкви при входѣ въ нее совершаютъ поклоненіе предъ мѣстными иконами и другими священными предметами, съ тѣмъ различіемъ, что императоры на пути своемъ были встрѣчаемы различными привѣтствіями и благожеланіями, а высшіе іерархи Церкви во время своего шествія сопровождаютъ пѣніемъ церковныхъ гимновъ.

(Продолженіе *впередъ*).

---

(1) Тронной залы.

(2) Дворецъ, или триклиній Лавса, или Лавсіана. Дворецъ этотъ получалъ названіе отъ своего основателя, патриція и постельничаго Лавса, достигшаго при императорѣ Аркадіѣ большихъ почестей и высшихъ должностей; онъ украшенъ былъ статуями и отѣланъ мраморомъ; находился не далеко отъ площади Константиновской. Const. Christ. Du Sange. lib. II, p. 105.

(3) Было два храма въ большомъ дворцѣ во имя святаго первоученика. Въ одномъ, по свидѣтельству Лютпранда, совершалось иногда коронованіе императора, другой находился подлѣ портика Сигмы и построенъ былъ Константиномъ Великимъ. Const. Christ. Du Sange. lib. IV, p. 94, 96. Въ настоящемъ мѣстѣ разумѣется послѣдній.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА „ДУХОВНОЙ БЕСѢДЫ“.

ЗА 1871 ГОДЪ. •

	<i>Стр.</i>
Изъ воспоминаній палестинскаго поклонника. <i>Лавра св. Саввы освященнаго</i>	3, 36
Бесѣды православнаго христіанина изъ евреевъ съ новообращенными изъ своихъ собратій объ истинахъ св. вѣры и заблужденіяхъ талмудическихъ . 9, 29, 58, 73,	93
Духовно-воспитательное значеніе Церевы	17
Рѣчь, произнесенная предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю выпуска воспитанницъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій, 2 іюня 1871 г.	23
Пересуды	33
Долгъ каждаго заботиться о благѣ общемъ	42
Совѣты молодому священнику. Теченіе смертности въ двадцатилѣтній періодъ	49
Слово на праздникъ Преображенія Господня	65
Рѣчь, произнесенная епископомъ Софоніемъ, викаріемъ херсонской епархіи 4 іюля 1871 г., по освященіи новаго зданія, устроеннаго для женской херсонской гимназій	81
Оружіе христіанина	87
Поученіе въ день обновленія храма въ первой с.-петербургской гимназій	97
О священномъ Писаніи. Историческія книги Ветхаго Завѣта	99, 139
Обязанность христіанъ посѣщать храмъ Божій	129
Рѣчь Святѣйшему Правительствующему Синоду, произнесенная ректоромъ ярославской духовной семинаріи архимандритомъ Іустининомъ при нареченіи во епископа острожскаго, викарія волынской епархіи	137
Русское церковное проповѣдничество въ XVIII вѣкѣ 145, 170, 188, 200, 220,	233
Сказаніе о мѣстѣ находенія Нерукотвореннаго Образа Спасителя, именуемаго «св. Убрусъ»	159

	Стр.
Бесѣды на изрѣченія Господни о блаженствахъ 161, 180, 193, 238, 241,	269
Рѣчь Святѣйшему Правительствующему Синоду рек- тора могилевской духовной семинаріи архимандрита Палладія по нареченіи его во епископа Выборгскаго .	175
Поученіе въ день Воздвиженія животворящаго креста Господня	177
Рѣчь ректора казанской духовной семинаріи архи- мандрита Никанора, по нареченіи его во епископа .	196
Поученіе въ день памяти св. Вячеслава, мученика и князя чешскаго	209
Рѣчь въ день поминовенія въ Бозѣ почившаго за- коноучителя первой гражданской гимназіи протоіерея Александра Теодоровича Орлова, 8 сентября 1871 года.	225
Поученіе въ праздникъ Покрова Пресвятыя Бого- родицы	229
Мысли о необходимости согласовать изслѣдованія науки съ истинами вѣры 250,	262
Истинное достоинство	257
Слово въ день празднованія чудотворному образу Матери Божіей, — всѣхъ скорбящихъ Радости	273
Доказательства премудрости и благодати Создателя міра, открываемыя геологіей 280,	294
Историческій обзоръ развитія христіанской образо- ванности въ западной Европѣ . . 289, 322, 369, 395,	420
Очеркъ исторіи православія въ Чехіи до конца X вѣка 305, 342, 359,	376
Слово въ день Введенія во храмъ Божіей Матери .	337
Краткое сказаніе о житіи Святителя Митрофана, перваго епископа воронежскаго	353
О важности христіанскаго воспитанія	380
О священномъ Писаніи. Учительныя книги Ветхаго Завѣта	385
Игуменія Ософанія	409
Горницкій монастырь	424
Древнее сказаніе о убіеніи св. Вячеслава, князя чешскаго	425
Зависть	431
Рѣчь архіепископа Владиміра	436
Вполемъ	439
Поученіе при погребеніи воспитанницы института .	441
Церковно-придворныя церемоніи византійскихъ им- ператоръ, сравнительно съ подобными же церемоніями древнихъ русскихъ царей	445

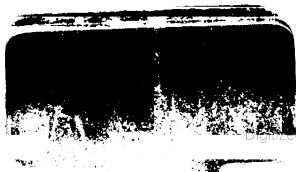
161.
241. 266
PER-
DELTA
17
17
PER-
a . 19
200
22
22
22
262
257
273
294
420
376
33
353
380
385
409
424
425
431
436
439
441

445

Buchbinderei
E. Oberzetter
Marktplatz 29
8011 Innsbruck

Buchbinderei
E. Wenzel
Marktplatz 23
86111 Kirchseeon

